

Система социологии

УДК 316.3 ББК60.5 С65

Серия «СОЦИАЛЬНАЯ МЫСЛЬ РОССИИ» издается по решению Ученого Совета социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Редакционный совет:

В.И. Добренков (председатель),

Г.В. Осипов (зам. председателя), В.В. Сапов (зам. председателя),

Ю.Н. Давыдов!, А.И. Кравченко, К.А. Радовицкий

Отв. секретарь серии — Б.Л. Рубанов

Издана при финансовой поддержке Федерального агентства

по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»

Сорокин П.А. Система социологии Питирим Александрович Сорокин; вступ. статья, сост. и комментарии В.В. Сапова. — М.: Астрель, 2008. — 1008 с.

ISBN 978-5-271-14766-1 (Социальная мысль России) ISBN 978-5-271-14765-4

«Система социологии» — главный труд выдающегося русско-американского социолога Питирима Александровича Сорокина (1889-1968), написанный им в российский период его научного творчества. Многие идеи, впервые сформулированные в «Системе социологии», будут использованы автором в его трудах, написанных уже в США, и тем самым окажут косвенное влияние на мировую социологическую мысль. Книга до сих пор не утратила своего научного значения и может быть использована как учебное пособие.

В приложениях печатаются все выявленные на сегодня критические отзывы на первое издание книги. Настоящее издание снабжено комментариями и аннотированным указателем имен и цитируемой литературы.

Для студентов и аспирантов социологических и философских факультетов, для всех, кто интересуется социологией и научным творчеством П.А. Сорокина.

УДК 316.3 ББК60.5

© В.В. Сапов, вступительная статья, составление, комментарии, 2008

© ООО «Издательство Астрель», 2008

© МГУ им. М.В. Ломоносова, социологический факультет, 2008

«Система социологии» Питирима Сорокина, или Формула человеческого поведения

Муравей знает формулу своего муравейника, пчела тоже своего улья,., но человек не знает своей формулы.

Ф.М. Достоевский

В 1963 г. в Дареме (штат Сев. Каролина) вышла книга «Pitirim A. Sorokin in Review»¹. Несмотря на то, что этот 500-страничный том, в написании которого приняло участие полтора десятка крупных ученых из разных стран, издан почти полвека назад, он по сей день остается незаменимым пособием для любого исследователя, изучающего научное наследие П.А. Сорокина. Но в данном случае он интересен для нас в другом отношении. В конце тома имеется список публикаций Питирима Сорокина, составленный им самими и насчитывающий 35 книг и 90 статей². В числе книг указаны десять, написанные на русском языке. Девять из них хорошо известны и поиски их в любой крупной библиотеке не составят ни малейшего труда. Но есть среди них одна, над загадкой которой тщетно билось, наверное, не одно поколение исследователей. Вот ее название: Pracheshnaia Tchelovecheskikh dush (Laundry of Human Souls, science fiction). St. Petersburg: Ejemesiachnyi Journal, 1917. Но напрасно любопытствующий читатель стал бы листать «Ежемесячный журнал» за 1917 год: он нашел бы в нем три статьи и одну

рецензию Питирима Сорокина, но никакой «Праческой³ человеческих душ» нет в нем и в помине. Быть может, автора подвела память? Ведь с 1917 г. прошло уже сорок

¹ На русский язык это название можно перевести как «Пересматривая (или перечитывая) Питирима Сорокина».

² Полной библиографии сочинений П.А. Сорокина пока еще нет, но можно смело утверждать, что она будет включать в себя, по крайней мере, в пять раз больше наименований, причем без учета переизданий.

³ П.А. Сорокин писал: «прачешная» (то же и в английской транслитерации: pracheshnaia).

4

В.В. Сапог

с лишним лет. Указал не тот год, не тот журнал? Пишущий эти строки в свое время немало потратил времени и усилий, сплошь просматривая все журналы, в которых П.А. Сорокин печатался, начиная с 1913-1914 гг. Нигде и ничего: никакой «Праческой».

Тайна была раскрыта усилиями архангельского исследователя Ю.В. Дойкова, много лет работающего над составлением научной биографии П.А. Сорокина. В начале 90-х гг., работая в Рукописном отделе Пушкинского дома, он обнаружил в фонде Питирима Сорокина рукопись научно-фантастического романа «Предтеча», под которым стояла подпись «Н. Чаадаев». Тем самым тайна была раскрыта⁴. Особо следует подчеркнуть то обстоятельство, что тайну этого сорокинского псевдонима не удалось раскрыть даже вездесущей ЧК. В «Списке антисоветской интеллигенции г. Петрограда», составленного в июле 1922 г. с целью предстоящего ареста и последующей высылки за границу, под № 1 фигурирует Питирим Александрович Сорокин (далее указано: «арестован, высылается»), а под № 14 — Чаадаев (указано: «не разыскан»)⁵.

Почему Питирим Сорокин так тщательно оберегал тайну именно этого своего псевдонима — не совсем понятно. Во всяком случае, не из конспиративных соображений. Никакой политической крамолы в «Предтече» нет. Но есть крамола высшего, если так можно выразиться, порядка — научная. Главный герой романа, в котором совершенно отчетливо просматриваются черты самого автора, вместе со своим другом совершил открытие, которое, если его удастся реализовать на практике, в буквальном смысле слова перевернет весь мир. Изменится жизнь всего человечества. Если в настоящее время люди живут в условиях, напоминающих скорее ад, то изобретение двух молодых ученых обещает вернуть им в скором времени потерянный рай. Поскольку это изобретение имеет непосредственное отношение к «Системе социологии», позволю себе в самом кратком и схематическом виде пересказать содержание «Предтечи».

Роман начинается с того, что в кабинет банкира-миллионера Сергея Николаевича Шахматова приходят с визитом два академика: Михаил Михайлович Каракозов и Иван Павлович Пастухов. По мере дальнейшего чтения становится очевидным, что прототипом первого из них послужил М.М. Ковалевский, а второго — И.П. Павлов. Цель их визита — принять экзамен у сына банкиры Боре и его приятеля Вити. Боре от роду десять лет, а Вите и того меньше — всего шесть. Год тому назад банкир заключил с двумя молодыми учеными — Никуличевым (он же Питирим Сорокин) и Колыбиным (биологом — в остальном факты его биографии совпадают с биографией Н.Д. Кондратьева) — неформальный договор: в течение года они обязуются перевоспитать избало-

⁴ См.: Дойков Ю.В. Материалы Питирима Сорокина в Пушкинском Доме // Отечественные архивы. 1995, № 6, с. 60-68

⁵ История России. 1917-1940. Хрестоматия. Екатеринбург, 1993.

«Система социологии», или *Формула человеческого поведения*

5

ванного банкирского сына и сообщить ему знания в объеме университетского курса. В случае успеха С.Н. Шахматов обязался выплатить им два миллиона рублей для постройки особой лаборатории.

Начинается экзамен. Борю, поскольку он специалист по общественным наукам, экзаменует Каракозов, а биолога Витю — академик Пастухов. Каракозов задает Боре

такой вопрос: «Ну-те-ка, молодой коллега, что вы знаете по истории монархии?...» Десятилетний «коллега» поначалу, естественно, волнуется. «Но мало-помалу волнение прошло... Голос окреп и зазвучал чисто, отчетливо... Мальчик овладел темой и спокойно описывал быт и право восточных деспотий... В его речи начали мелькать цитаты из египетских папирусов, ассиро-вавилонских памятников и индусских сводов. Фразы методически спаивались друг с другом, сплетались в гирлянды и застывали в форме связной, продуманной цепи суждений...». Потрясенный академик, вскакивая с места, обращается к «репетиторам» со словами: «Знаете что! Вы либо дурачите нас, либо... либо похитили новую тайну с высот Олимпа...» Не меньше потрясен и отец экзаменуемого. «Боря! — говорит он ему, — да ты ли это?! Не подменили ли тебя?», и — Никуличеву: «Дмитрий Николаевич! Вы либо колдун, либо, действительно, новый Прометей...»

Затем наступает очередь Вити. «Вопрос за вопросом ставил ученый. Только два раза шестилетний мальчик не ответил». «Позволь, милый мальчик, расцеловать тебя, — сказал, наконец, экзаменатор. — А вас, господа, поздравить от души: я не знаю, какие новые законы открыли вы, но я знаю, что вы открыли что-то великое...»⁶

Сущность открытия, сделанного Никуличевым и Колыбиным раскрывается в романе не сразу. Но уже в первой главе совершенно отчетливо устами главного героя формулируется его социальный смысл. Вот что говорит Никуличев в разговоре с Иваном Павловичем Пастуховым:

«Не вам напоминать, что в каждом атоме заключена бесконечная энергия. В молекуле же человеческого мозга этой энергии достаточно, чтобы расколоть пополам земной шар. Нужно только уметь ею пользоваться. Нам удалось раскрыть здесь кой-какие секреты. И вот теперь в нашем распоряжении кнут, которым мы можем подгонять стихийную жизнь. Вы сами отлично знаете, что машина социальной жизни работает скверно. Жертв слишком много. Пора ввести силы жизни в определенное русло и направить их к одной цели. Человек, покоривший неорганические силы природы, должен управлять и самим собой... Был здесь и другой мотив... Неравенство должно и может быть заменено равенством. Если все люди будут обладать одинаковым уровнем знания и будут держаться одних принципов поведения, будет равенство. Если этого не будет, — пусть разделят социалисты сегодня все богатства или пусть сделают их общественной собственностью, завтра же снова будут бед-

⁶ Ежемесячный журнал. 1917, № 2-3, с. 70-72.

6

В.В. Сано

ные и богатые, угнетаемые и угнетатели. Переменятся только названия. Вместо банкира появится "общественный директор", такой же толстый и жирный, но более хитрый. Тюрьмы переименуют в "дома правосудия", но от этого не будет легче тем, кто в них будет обитать. Вот добавочный мотив. Наши работы, надеюсь, кое-что дадут и в этом направлении. Забегая вперед, скажу: в недалеком будущем должны исчезнуть современные школы. Исчезнут тюрьмы и преступники. Исчезнет суд в современной форме. Они будут лишними. Уменьшена будет и та пропасть, которая отделяет теперь один класс от другого. Таковы ближайшие результаты нашей работы. Что же касается ее существа, то пока она не закончена, она должна быть тайной».

Такой же тайной остается и изобретение особых пилюль — «уморо-да», — сделанное Колыбиным. Без этих пилюль (воспитанники принимают их каждые четыре часа) педагогическая система Никуличева, требовавшая чрезвычайного нервного напряжения, привела бы к переутомлению мозга и «краху организма». Впрочем, «умород» требует доработки и усовершенствования, поскольку у Вити появились признаки малокровия и переутомления. Перед гениальным биологом встает новая задача — создать «сверхумород». Для этого нужна специальная лаборатория. Но теперь эта проблема решается просто: у молодых изобретателей в наличии не «воображаемые талеры», а реальные два миллиона...

Заглянем в эту лабораторию и попытаемся понять, хотя бы в общих чертах, в чем

суть, в чем «тайна» педагогической системы, разработанной Никуличевым.

«Центр лаборатории составляли две залы. Одна из них носила название "интеллектуализирующей", другая — "морализирующей". Каждая зала имела стены, абсолютно не пропускавшие шума. Всякий вошедший в нее, попадал в царство молчания. По стенам, по потолку, и в середине первой залы тянулись какие-то странные машины... приборы для производства различных шумов и ударов — трубы, шедшая неведомо куда, электрические провода, проведенные к креслам, громадное полотно и кинематограф. В центре залы, на возвышении, стояла "логическая машина", сконструированная по плану самого Никуличева... Ее характерной чертой было то, что она механически позволяла проверить правильность любого суждения, сразу переводила его в письменную форму и эту письменную форму отображала на громадном полотне.

Задача этой комнаты, заключалась в развитии быстрого и в то же время прочного усвоения сообщаемого — с одной стороны, с другой — в развитии логической способности мышления.

Вторая основная зала была "залой морализирования" или, как шутя называл ее Колыбин, "чистилищем и прачешной человеческих душ". Главную ее особенность составлял своеобразный, какой-то усыпляющий по-

⁷ Там же, с. 73-75.

«Система социологии», или Формула человеческого поведения

7

лусумрак, скорее даже сумрак, наступавший одновременно с монотонно-ритмичным шумом, похожим на удары дождя об крышу. В сумраке таяли все предметы, выделялась только светящаяся зеленовато-желтая точка, таинственно, наподобие светляка, мерцавшая где-то в углу, и невольно приковывавшая к себе внимание. Временами, во время сеансов, распространялось здесь какое-то благовоние, от которого хотелось дремать, терялась воля, усыплялось сознание и человек становился безвольным, мягким, как воск, из которого можно лепить, что угодно. Множество странных приборов и сложных механизмов бросалось в глаза и в этой зале. Целая система кнопок цветными точками пестрела на стене. Стоило случайно нажать одну из них, и на эстраде залы появлялись люди, изображавшие сцены убийства, насилия, краж и целый ряд преступлений и ряд бескорыстнейших подвигов. Стоило нажать другую — из зале воцарился хаос: пол и стены начинали колебаться, раздавался оглушительный шум, ослепительный свет начинал чередоваться с абсолютной темнотой...

Нажимали третью — и пациент видел перед собой основные моменты своей жизни, видел себя самого таким, каким он был в действительности и, рядом с этим, таким, каким должен был быть.

Ряд приспособлений лаборатории предназначен был для того, чтобы вытравить из исправляемого ненужные инстинкты, другой ряд — для того, чтобы внедрить в него желательные привычки...»⁸

В журнальном варианте роман заканчивается описанием объединенного заседания социально-философского и медицинского отделов Академии наук, на котором Никуличев делает доклад о своем изобретении. Присутствуют академики и все специалисты по данному вопросу. Обращаясь к ним, Никуличев говорит следующее:

«Милостивые государыни и милостивые государи! Человеческий ум со времени своего появления направил свое внимание на познание закономерностей окружающих его явлений... Медленно, с ошибками и заблуждениями, но эта задача постепенно выполнялась им. Мир из нестройного и непонятного хаоса событий превращался мало-помалу в один связный и стройный механизм, подчиненный великому Року. Весь умственный прогресс с этой точки зрения есть постепенная замена случая и чуда — необходимостью и механизмом. К нашему времени расшифрована механика физических и химических событий, проведены ясные линии в сложном узоре явлений жизни. Остался лишь один человек. Несмотря на ряд попыток, до сих пор не удавалось разложить его поведение на составные части и дать формулу, определяющую его механизм... Нужно

фактическое разложение человеческого механизма на части, изучение сил, толкающих его на те или иные поступки, словом, нужно неоспоримое и несомненное доказательство, что человек та же машина. И вот я утверждаю:

Там же, № 7-9, с. 78-79.

8

В.В. Сапов

Человек — машина, но машина снабженная несколько отличным двигателем, чем вещи неорганического и вещи биологического мира. Этот двигатель — мотор психический. Понять человека — значит изучить закономерность самой психики и ее форм. ...Нашими исследованиями установлено, что человеческое поведение подчиняется следующей формуле. Тут Никуличев медленно вывел на доске сложнейшую формулу и принялся за ее объяснение... Раскрывая свою формулу, он писал ряд новых и, когда кончил изложение сил и факторов, управляющих поведением человека, он продолжил: "Теперь соедините все эти частные формулы в одну и вы получите указанную формулу всего человека, определяющую весь механизм его поведения. Поставьте теперь на место каждого значка — то, что он выражает, и вы поймете всю сложную машину, называемую человеком, весь механизм общественной жизни, и всю историю. Нет в ней ни тайн, ни чудес, ни случайности, ни провидения, — а царит одна великая необходимость, властная и всесильная"»⁹.

В качестве итогов своей многолетней работы Никуличев снова представляет своих старых учеников: 13-летнего Борю, 9-летнего Витю, но теперь их знания оцениваются не на уровне выпускников университета, а на уровне молодых доцентов (что они с блеском и подтверждают). К ним присоединяется еще и 11-летний Коля, мальчик, из неблагополучной семьи, к тому же отягощенный дурной наследственностью: отец у него алкоголик, а мать проститутка. Все они с блеском выдерживают и этот экзамен. Кроме того, сообщается о группе закоренелых преступников, «переделанных» в лаборатории Никуличева.

8 конце своего блистательного выступления, создатель «прачечной человеческих душ» говорит: «Свой доклад я позволю закончить пожеланием: для блага человека, народа, и человечества, государство должно уничтожить школы и ввести новые, устроенные по нашей системе, обучение в них должно быть бесплатным и доступным для всех; тюрьмы должны быть уничтожены, уголовные законы сожжены и заменены новыми, преступники выпущены на свободу. Отныне не должно быть наказаний. Должен быть выработан список запрещенных деяний и их совершители должны вместо наказаний отсылаться в лаборатории для исправления. Человеческий ум разрешил свою последнюю задачу и отныне человек-машина владеет мировой машиной и самим собой»¹⁰.

Таково содержание этого необычного произведения молодого Пи-тирима Сорокина. Конечно, его можно отнести к жанру science fiction. Однако есть основания предполагать, что сам автор в период написания и опубликования своего произведения расценивал его несколько иначе. В 1915-1916 гг. П.А. Сорокин обнародовал, по крайней мере, три статьи на тему социальной педагогики. Первая из них появилась в самом нача-

⁹ Там же, № 11-12, с. 12-14.

¹⁰ Там же, с. 19.

«Система социологии», или Формула человеческого поведения

9

ле 1915 г., подписана одним из его псевдонимов и называется «Проблема новой социальной педагогики (Нечто утопическое, но могущее быть реальным, может быть, бесполезное, но наводящее на размышление)»¹¹. Содержание статьи почти полностью, иногда дословно, совпадает с речами главного героя «Предтечи». Нельзя ли, задается вопросом «Римус», упростить современную систему образования и обучения и сделать так, «чтобы то, что знает теперь человек после 20-летней выучки, знал мальчик 10-12 лет?» То, что это в принципе возможно, не вызывает у него никаких сомнений, равно как и то, что «более или менее равномерное распределение знания и образования во всех слоях общества есть условие, без которого невозможна эгалитарная [...] система

общества»¹². Правда автор откровенно признается, что он не знает, в чем конкретно заключается или должна заключаться эта «быстродействующая педагогика», но настаивает на том, что «социологи и психологи должны изобрести "психический насос", который бы в сотни раз скорее и сильнее ин-теллектуализировал мозг и "вкачивал" в него психическую атмосферу. Именно в изобретении такого "насоса", и заключается первая и очевидная задача тех, кто будет трудиться на этом поприще создания новой науки обучения народных масс»¹³.

Ровно через год П.А. Сорокин опубликовал еще две статьи на волнующую его тему: «Социальная необходимость новой педагогики» и «Возможна ли более интенсивная педагогика?»¹⁴. Обе статьи приурочены «к 3-му всероссийскому съезду экспериментальной педагогики», который происходил 2-3 января 1916 г., т. е. к моменту их публикации уже закончил свою работу. Съезд принял резолюцию из семи пунктов, которые с точки зрения дерзновенных мечтаний молодого Сорокина, затрагивали лишь частные аспекты проблемы, но не решали ее радикально, в духе «предтечи». Правда, и сам Сорокин в своих статьях, опубликованных в респектабельной буржуазной газете, постарался упрятать концы своей социально-педагогической утопии так глубоко, что только тот читатель мог бы узнать в них Римуса и Н. Чаадаева, которому заранее были бы известны умонастроения начинающего социолога. В них тоже выражается уверенность в том, что «15-16-летний период обучения для получения знаний кончающего студента можно было бы сократить до 8-10 лет», а перед наукой и педагогикой ставится задача довести интенсификацию умственного развития «"до предельного давления", утроить, удесятерить ее; как физики сумели доводить давление одной атмосферы до несколь-

¹¹ Северный гусяр. Пг., 1915, № 1, 15 января, с. 17-26; № 2, 28 января, с. 9-16 (подписана: «Римус»). См. также: Сорокин П. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М., 1994, с.248-255.

¹² Сорокин П. Общедоступный учебник социологии, с. 249. Отточиями в квадратных скобках обозначена цензурская правка.

¹³ Там же, с. 253.

¹⁴ Биржевые ведомости. 1916, 5 января, с. 2; 6 января, с. 3.

1 О

В.В. Сапов

ких сот атмосфер, так же и педагоги должны изобрести пути, чтобы давление одной интеллектуальной атмосферы довести до давления нескольких атмосфер»¹⁵. Для доказательства возможности такого «утроения» и «удесятерения» Сорокин ссылается на исторический опыт человечества. В частности, он отмечает: «То, что знает теперь 10-летний мальчик, 3-4 поколения тому назад было почти недоступно взрослому человеку. Таблица умножения, легко усваиваемая теперь 7-8-летним ребенком, была недоступна древнему человеку.. .»¹⁶. Далее идут ссылки на этнографические исследования Леви-Брюля и Ковалевского, приводятся примеры «вундеркиндов», вроде «Дж. Ст. Милля, в 4 года писавшего стихи на латинском и греческом языках, а в 10-12 лет знавшего больше рядового студента». «Немало подтверждений той же возможности интенсификации обучения, — пишет он далее, — дают и самоучки из "низов"... Литературным типом их может служить Мартин Идеи Дж. Лондона. Таких Иденов немало даже и в нашей рабочей среде». Наконец, следует отсылка «к одной очень серьезной работе румынского социолога Драгическо (Du role de l'individu dans le determinisme sociale¹⁷), где не без основания доказывается возможность методического и научного создания гения».

Ссылка на Драгическо очень характерна для П.А. Сорокина. В России этого румынского социолога, кажется, никто никогда и не знал — кроме Сорокина, который довольно часто ссылается на его работы. Не Драгическо ли и заразил своего молодого русского коллегу идеей «возможности методического и научного создания гения»? Дело в том, что указанную работу Драгическо Сорокин частично перевел на русский язык и издал еще в 1913 г.¹⁸ Видимо, в этом году и зародилась в сознании Сорокина идея его «социально-педагогической утопии».

В первоначальном своем варианте эта идея приняла вид утопии «политико-правовой». Напомним, что первая книга, опубликованная П.А. Сорокиным, заканчивается выражением уверенности автора в том, что «пределом», к которому ведут установленные им тенденции, «будет полное уничтожение кар и наград»¹⁹. А это значит, сказал бы наш друг Никули-чев, «тюрьмы должны быть уничтожены, уголовные законы сожжены и заменены новыми, преступники выпущены на свободу. Отныне не должно быть наказаний». Да и кого наказывать? За что? «Сверхчеловек, стоящий выше современного добра и зла, права и нравственности, не знающий извне навязываемого "долга" и полный действенной любви к соче-ловекам, — вот предел, к которому ведет история человечества»²⁰.

¹⁵ Биржевые ведомости. 1916, № 15308, 6 января, с. 3.

¹⁶ Там же.

¹⁷ В газете досадная опечатка: вместо *Du role* — *Parole*, что обесмысливает название этой «очень серьезной работы».

¹⁸ См.: Новые идеи в социологии. СПб., 1913, № 2.

¹⁹ Сорокин П.А. Преступление и кара, подвиг и награда. М., 2006, с. 490.

²⁰ Там же, с. 493.

«Система социологии», или Формула человеческого поведения

1 1

Ждать, когда этот человек появится сам собой, очень долго: нельзя ли предпринять какие-то меры по его ускоренному «выведению»? Мы уже знаем ответ Сорокина: разумеется, можно. И даже должно. И поможет в этом метод ускоренного воспитания и образования, разработанный Никуличевым, «умород», созданный Колыбиным, и совместно построенная ими лаборатория («прачечная человеческих душ»). Но прежде чем все это начнет работать и приносить пользу, необходимо сделать еще одно чрезвычайно важное открытие — на сей раз в области социологии — и совершить его предстоит уже не Никуличеву, а его живому прототипу — самому Питириму Сорокину. *Предстоит открыть, точнее говоря, вывести «формулу человеческого поведения».*

Ведь «социология, — по словам Сорокина, — и ставит своей главной и конечной целью объяснить жизнь, поведение и судьбу отдельных людей и целых народов»²¹. Но и этого мало. Указанная «конечная цель» является таковой лишь для теоретической социологии. А есть еще социология практическая, она же социальная политика, она же «социология как искусство», которая «должна быть осуществлением афоризма О. Конта "*Savoir pour prévoir, prévoir — pour pouvoir*" (Знать — чтобы предвидеть, предвидеть, чтобы мочь)». Эта «ветвь» социологии должна быть прикладной дисциплиной, которая, «опираясь на законы, сформулированные социологией теоретической, давала бы человечеству возможность управлять социальными силами, утилизировать их сообразно поставленным целям»²². Составной частью социальной политики, как раз и является социальная педагогика. Впрочем, если исходить из понимания этой последней в духе Никуличева, то можно сказать, что социальная педагогика поглощает социальную политику или что социальная политика сводится к педагогике.

В том же 1913 г. П.А. Сорокин начинает публиковать статьи, которые впоследствии войдут в состав первых двух томов «Системы социологии». Таких статей немного, но они все-таки есть²³, и это дает нам основания утверждать, что сразу же или вскоре после выхода в свет «Преступления и кары» он приступает к реализации обоих своих замыслов, т. е. к работе и над «Социальной педагогикой» и «Системой социологии». Рискну высказать предположение, что первоначально это был единый замысел или, точнее, говоря, единый научный проект: многотомная «Система социологии», увенчать которую предстояло «Социальной политикой». Правда, «Система социологии» написана в этом отношении столь искусно, что ни в каком утопизме автора заподозрить нельзя и уж тем более невозможно

²¹ Там же, с. 8.

²² Наст, издание, с. 61.

²³ К числу этих статей можно отнести следующие: Границы и предмет социологии // Новые идеи в социологии. СПб., 1913; Символы в общественной жизни. Рига, 1913; Знание как фактор поведения // Ежемесячный журнал. 1916, № 7-8, № 9-Ю.

12

В.В. Сороков

найти никаких генетических связей между идеями, развиваемыми в этом исследовании, и идеями, высказанными в «Предтече» и социально-педагогических статьях. Лишь после знакомства с этими произведениями их родство с «Системой социологии» становится очевидным.

Кроме того, к концу 1918, и уж тем более к 1920 г., когда вышли два тома «Системы социологии», Сорокин был уже не тем, что в 1913-1914 гг. Впоследствии в своей автобиографии, рассказывая о своем мировоззрении в 1914 г., он напишет следующее: «В целом это было оптимистическое мировоззрение, весьма схожее со взглядами большинства русских и западных мыслителей предреволюционного времени. Я и не предполагал, что мое "научное, позитивистское и прогрессивно оптимистическое" мировоззрение вскоре подвергнется жестокому испытанию историческими событиями, и, претерпев второй кризис, будет во второй раз пересмотрено и заново интегрировано. Этот второй кризис еще скрыт в потемках будущего»²⁴.

Пережив это «жестокое испытание», Сорокин вынужден был отказаться от большинства утопических идей, высказанных им в «Предтече».

Во-первых, он понял, что всеобщее равенство, к которому он так стремился в молодости, не просто утопия, а утопия чрезвычайно вредная и опасная. Полное равенство возможно лишь среди рабов. Они действительно обладают равными правами, поскольку не обладают никакими. Хотите сделать всех людей равными — превратите их в рабов.

Во-вторых, «формула человеческого поведения», которую якобы открыл Никуличев, невозможна, хотя бы уже потому, что человек — не машина (даже с той оговоркой, что это машина, снабженная «психическим мотором»).

В-третьих, в конце концов, Сорокину пришлось отказаться и от бихевиоризма (в русском варианте — от рефлексологии), как основного методологического принципа. В самом упрощенном варианте бихевиоризм все поведение животных и людей сводит к однозначной и жесткой схеме «стимул — реакция». Руководствуясь этой схемой, можно дрессировать животных, можно дрессировать и людей, но именно дрессировать, а не воспитывать. Чем собственно говоря, и занялось большевистское правительство по окончании гражданской войны. И каких успехов оно добилось в рекордно короткие сроки — об этом можно было бы написать целый трактат²⁵. Другое дело, что вместо «гармонично развитой личности» получил-

²⁴ Сорокин П.А. Дальняя дорога. Автобиография. М., 1992, с. 57.

²⁵ Поэтому ограничусь одним, но, по-моему, очень характерным, может быть, самым характерным примером. Главный теоретик социальной дрессуры, академик И.П. Павлов, оставаясь в СССР, очень долгое время был яростным противником нового режима и почти не скрывал своего отвращения к советскому строю и его вождям. Но в конце концов, большевики выдрессировали и самого дрессировщика: незадолго до смерти Павлов все-таки «рвавнул» «осанну» советской власти за ее отношение к науке и ученым.

«Система социологии», или Формула человеческого поведения

13

ся homo soveticus, но для того чтобы скрыть этот печальный факт, существует искусство социальной мимики и социального иллюзионизма, прекрасно описанное самим Питиримом Сорокиным.

В Америке, куда Сорокин перебрался из Европы в 1923 г. «классический бихевиоризм» себя к тому времени практически уже исчерпал, но вскоре появится необихевиоризм и расцветет таким пышным цветом, что это приведет в США к тому, что социальные и психологические науки будут переименованы в науки «поведенческие». Так что если бы Сорокин перевел на английский уже написанные им три тома «Системы

социологии» и дописал остальные пять томов (что при его колоссальной работоспособности он вполне мог сделать к 1930 г.), он вполне вписался бы в главное направление американской социологии того времени, а может быть, и возглавил его. Но Сорокин к тому времени от бихевиоризма и рефлексологии уже отказался и «с конца 30-х годов, вплоть до последних дней... многие высказывания современных бихевиористов и неопозитивистов, близкие по духу его ранним утверждениям, высмеивал и подвергал резкой критике с позиций "понимающей" социологии». Более того, «буквально по всем основным теоретическим и методологическим принципам старой бихевиористской конструкции Сорокин производит ревизию и смену установок на прямо противоположные»²⁶.

В этом, на мой взгляд, и заключается основная причина, в силу которой «Система социологии» осталась незаконченной. Это не значит, конечно, что «Систему социологии» следует отнести к разряду «отреченных книг». Сам Сорокин в своей автобиографии пишет по этому поводу следующее: «С момента опубликования "Системы социологии" прошло почти 44 года. Я редко без настоятельной необходимости перечитываю свои книги после того, как они изданы. За эти 44 года такая необходимость возникала несколько раз во время работы над "Социальной и культурной динамикой" (1937-1941), "Социальной мобильностью" (1927), "Современными социологическими теориями" (1928) и "Обществом, культурой и личностью" (1947). В результате я обнаружил, что, несмотря на отдельные недостатки, "Система социологии" дает, как мне кажется, первую логически систематизированную и эмпирически детализированную теорию социальных структур... Если в этих более поздних работах я и повторял в краткой форме теоретические положения, разработанные в "Системе социологии", то только по той причине, что в мировой литературе по социологии и социальным наукам не находил другую теорию, которая была бы более научна, логически последовательна и лучше объясняла эмпирические данные, чем моя собственная теория»²⁷.

²⁶ *Голосенко И.А.* Социология Питирима Сорокина (русский период деятельности). Самара, 1992, с. 95, 96.

²⁷ *Сорокин П.А.* Дальняя дорога, с. 71.

14

B.B. Canoe

Не попадает в разряд «отреченных книг» и «Предтеча». Иначе зачем этот свой роман, пусть и под другим названием, Сорокин включил бы в свою библиографию? Кто и когда узнал бы, что этот под псевдонимом опубликованный роман написан именно Сорокиным? О том, что на родине хранятся его архивы, и что когда-нибудь они станут доступны исследователям, он, конечно, знать не мог. Поэтому он и сделал эту «подсказку» «будущему биографу», ясно давая понять, что и на склоне лет не отрекается от своего юношеского утопического проекта, почему и вносит его в список своих основных сочинений наряду с сугубо научными работами. Ведь в конечном итоге вся научная деятельность Сорокина увенчалась системой «социальной педагогики», хотя и не в том утопическом варианте, какой грезился Никуличеву. Как известно, в поздний период своей жизни и деятельности Сорокин посвятил себя работе в созданном им Гарвардском центре по изучению творческого альтруизма. Наконец-то он нашел тот, если можно так выразиться, «рычаг», с помощью которого можно осуществить предсказанный им «интегральный строй», и рычаг этот — любовь. К тому времени многие американские коллеги Сорокина считали, что его творчество давным-давно уже носит характер «ненаучный». На самом деле, как убедительно показал Л. Николе, проанализировавший «ненаучные» публицистические статьи Сорокина, публиковавшиеся в 1917 г. в газете «Воля народа» («Предтеча», разумеется, остался за пределами его анализа), Сорокин всю жизнь «стремился согласовать решение» научных и ненаучных проблем, так что самая ранняя стадия его деятельности — «скорее прообраз, а не диаметрально противоположность зрелой стадии»²⁸. Роман «Предтеча» — еще одно доказательство этой истины. Несмотря на то, что взгляды и научные интересы П.А. Сорокина на протяжении

его долгой жизни менялись, он, в сущности, всю свою жизнь посвятил созданию «Системы социологии», которую увенчала бы «Социальная педагогика». И в основе всего его творчества лежит «нечто утопическое, но могущее быть реальным», — мечта открыть «формулу человеческого поведения» и на ее основе изменить людей и жизнь к лучшему. Из этой мечты родилась и «Система социологии», и «Социальная мобильность»... впрочем, не стоит перечислять всю библиографию Сорокина. Способы ее реализации менялись, но сама она оставалась неизменной. И разве иной должна быть самая высокая Мечта ученого-социолога?

В.В. Сапов

²⁸ *НиколеЛ.Т.* Наука, политика и моральный активизм: новый подход к интегрализму П.А. Сорокина // Возвращение Питирима Сорокина. М., 2000, с. 203.

ПИТИРИМ СОРОКИН.

СИСТЕМА СОЦИОЛОГИИ.

Том I. СОЦИАЛЬНАЯ АНАЛИТИКА.

ЧАСТЬ I.

Учение о строении простейшего (родового) социального явления.

ПЕТРОГРАД.

Издательское УМВО „КОЛОС.

1920.

The System of Sociology

BY

PITIRIM SOROKIN.

Professor of Sociology in the University of Petrograd.

Vol. I.

SOCIAL ANALITICS.

PART I.

The structure of the elementary social phenomenon.

PETROGRAD.

1920.

Памяти

Максима Ковалевского, Евгения Де-Роберти и Петра Зепалова

Предисловие

Современная социология вышла из той стадии, когда ей нужно было доказывать свое право на существование. Нравится это или не нравится, но факт таков, что

социология оказала и оказывает сильнейшее влияние на все общественные и гуманитарные дисциплины, она заняла свое место в ряду других наук и заняла настолько прочно, что будущее ее не зависит ни от капризов власти, ни от предрассудков тех или иных ученых. Констатируем этот факт.

Рядом с ним констатируем и другой. Несмотря на быстрое развитие социологии за последние десятилетия — она продолжает быть в состоянии «становления». В силу целого ряда причин она не успела еще застыть в определенные, шаблонные формы; разно понимаются ее предмет и задачи, разно очерчиваются и контуры всего социологического здания. В этом отношении социология делит участь всех социальных, обобщающих дисциплин: подобно тому, как правоведы до сих пор ищут определения права, как политико-экономы продолжают искать определения экономики и хозяйства, психологи — понятия психики и сознания, так и социологи не вполне еще столковались относительно предмета социологии и основных проблем ее изучения. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить ряд курсов и руководств по общей социологии; дальнейшим подтверждением сказанному служит недавний анкетный материал, собранный и разработанный Американским Социологическим Обществом в лице «комитета десяти» наиболее видных американских социологов. Этот материал показывает, что даже в Америке, где кафедра социологии была открыта ранее, чем в других странах, где социология преподается не только в высших, но и в средних школах, где еще в 1915 г. она праздновала свой пятидесятилетний юбилей¹, — и там до сих

¹ См. Юбил[ейный] выпуск: The American] journ[al] of sociology. May 1916: ст[атья] *Small'a* Fifty years of sociology in the United States (1865-1915).

18

Система социологии. Том I

пор не установились общепринятые шаблоны построения и изложения социологического материала².

Такие условия имеют своим следствием два основных результата: они способствуют, с одной стороны, росту индивидуального творчества, с другой — благоприятствуют процветанию своеобразного социологического авантюризма. Социологическая мысль, не стесненная установившимися шаблонами, не имея на себе груза общепринятых традиций, не имея проторенных путей, принуждена самостоятельно, на свой страх и риск строить здание социологической дисциплины. В ряде случаев такая свобода дает положительные результаты. Но рядом с ними чаще наблюдается другое явление, правильно отмеченное Зиммелем. — Так как социология является сравнительно «новой наукой, то к ней устремились всевозможные нигде не находящие себе должного помещения проблемы, — вновь открытая страна всегда Эльдorado для бездомных и беспочвенных элементов: неизбежная на первых порах неопределенность и незащищенность границ дает каждому право искать там убежища»³. Этот факт мы можем наблюдать на каждом шагу. Что только не называется теперь социологией! Самые нелепые конструкции, самые незрелые теории, все недодуманное, все недоношенное сплошь и рядом выпускается на духовный рынок под этикеткой социологии. Нужно ли говорить, что такая спекуляция социологией компрометирует последнюю! Нужно ли настаивать, что достоинство последней требует борьбы против такого злоупотребления!

Указывая на эти печальные факты, автор данной книги ничуть не хочет сказать тем, что его собственная работа гарантирована от этой печальной участи. Напротив, сказанным он желает предупредить читателя, чтобы он, приступая к чтению данной книги, имел в виду эту опасность. В науке, и пожалуй только в ней, нет патентов и гарантий. Свобода критики и свобода мысли — первое и основное условие возможности науки. Единственный судья здесь — опыт и наблюдение. Если предлагаемые вниманию читателя страницы противоречат последним, они заслуженно разделят печальную участь ошибочных теорий. Если же отдельные положения выдержат нелицеприятный и беспристрастный экзамен этих судей, — они получают право на общественное внимание.

Предлагаемая книга, по собственной оценке автора, несвободна от многих

недостатков. Эти недостатки усугублены несколько преждевременным ее появлением и общими условиями момента. Работая последние годы над «Системой социологии», автор намеревался опубликовать

² См.: The American] journ[al] of sociology. May 1911: ст[атья] Report on questionnaire of the committee of teaching; [Ibid.] March, 1912: ст[атья] Report of the committee of teaching. Часть этого материала опубликована Социологическим] институтом в брош[юре] «Программы по социологии». Петроград, 1919.

³ Simmel G. Soziologie. 1908, S. 2.

Предисловие

19

ее позже. Он рассчитывал на поездку за границу, на работу в богатых книгохранилищах Запада, на непосредственное ознакомление с положением и преподаванием социологии на Западе и в Америке, на личное изучение общественной жизни передовых стран. Война помешала и продолжает мешать исполнению этого намерения. Далее, в связи с общими условиями нашей родины и в силу личных тяжелых обстоятельств черновые заметки, выписки и вообще материал для «Системы», собиравшийся автором в течение ряда лет, частью погиб, частью оказался вне Петрограда и не мог быть использованным.

Мало благоприятными для работы были и общие условия жизни в Петрограде за 1919 г., в течение которого писалась «по памяти» эта книга^{1*}.

Все это не могло не повлиять на научное совершенство книги, не могло не увеличить ее недостатков.

Если, тем не менее, автор все же решился выпустить ее теперь, то потому, что в современных условиях трудно мечтать о совершенной отделке своей работы. В обществе, где жизнь каждого из нас может оборваться в любую минуту — от голода, от тифа, от произвола, — в таком обществе не приходится строить научных планов, рассчитанных на годы; в таком обществе тщательная отделка работы становится неосуществимой роскошью, желание дать хорошо обработанный труд заменяется здесь желанием дать приличный черновик этого труда.

Таким черновиком и является издаваемая автором «Система социологии».

При всех ее недостатках она все же настолько отделана, что, по убеждению автора, будет бесполезной в нашей чрезвычайно бедной социологической литературе.

Руководящие принципы, положенные в основу «Системы социологии», таковы. Во-первых, социология как наука может и должна строиться по типу естественных наук. Различны объекты изучения тех и других дисциплин, но методы изучения этих объектов одни и те же. Ни о каком противополжении «наук о природе» и «наук о культуре», по мнению автора, не может быть и речи^{2*}.

Во-вторых, социология может и должна быть наукой теоретической, изучающей мир людей таким, каков он есть. Всякий нормативизм из социологии как науки должен быть изгнан.

Истина должна быть разъединена от Добра, Справедливости и т. п. принципов. Они несоизмеримы и гетерогенны^{3*}. Конечно, «лестно самолюбию раздавать монтеновские премии и читать выговоры, принимая мерилom самого себя, но бесполезно»⁴. Внесение нормативизма в область науки до сих пор загрязняло ее и не давало никаких положитель-

⁴ Герцен А.И. С того берега (Собр[ание] соч[инений] под ред. Лемке, т. V, 455)^{4*}.

20

Система социологии. Том I

ных результатов. Больше того, все нормативные положения и оценки, как пытался доказать это автор, по своей логической природе не могут быть научными суждениями⁵. Другое дело — социология прикладная, социология как искусство. Здесь нормативизм уместен. Он составляет сущность прикладного социологического искусства. Зато такая дисциплина не составляет науки, ее основная посылка, а тем самым и все ее выводы — не обязательны.

В-третьих, социология должна быть объективной дисциплиной — объективной не только в смысле отсутствия оценочных норм и в смысле методов изучения явлений, но и в более специальном значении этого термина.

Социология до сих пор была наукой, в значительной мере изучающей «психические реальности». Последние непосредственно не даны наблюдению, они не имеют предметного характера. Их нельзя «ощупать, взвесить и измерить». Все это вело и ведет к субъективизму в социологии, к условности и неопределенности ее положений. Задача времени — освободиться от этого психологического субъективизма. Подобно тому как изучение самих психических процессов за последнее время объективируется, подобно тому как сама психология из науки о неуловимых «состояниях сознания» превращается в объективную науку о поведении человека, или в рефлексологию, или в физиологию нервной системы^{6*}, так и социология должна постепенно превратиться из науки о «психических реальностях» в объективную дисциплину, изучающую явления «предметного» характера, доступные наблюдению, имеющие определенное внешнее бытие, допускающие «ощупывание» и «измерение». Такими явлениями мы считаем акты, внешние двигательные реакции индивида, живущего в среде себе подобных, короче — явления взаимодействия людей. Освобождение от субъективного психологизма — очередная задача социологии. Как видно будет из текста — эта задача сейчас не вполне осуществима. Но посылное стремление к ее достижению необходимо⁶.

В-четвертых, поскольку социология хочет быть опытной и точной наукой, она должна прекратить «философствование». Значительная часть

⁵ См.: *Сорокин П.А.* Преступление и кара. СПб., 1914 (Введение: нормативная ли наука этика); *Его же.* Категория «должного» и ее применимость к изучению общественных явлений // Юрид[ический] Вестник. 1917, январь; *Его же.* Структура современной догматики уголовного права // Вестник психологии, кри-мин[альной] антропологии и педологии. 1917, вып. 1-2 и 3-5. Беспощадная критика явных и тайных нормативно-оценочных элементов в социальных науках и теориях дана в капитальной работе *V. Pareto* «Trattato di sociologia generale» (1916, т. I, II).

См. также: *Пуанкаре А.* Наука и нравственность // Вопр[осы] теории и психологии творчества, т. VII^{5*}.

⁶ См: *Bentley A.* The Process of Government (1908), где дана дельная критика психологической социологии.

Предисловие

2 1

социологических курсов представляла и представляет скорее философски-умозрительные трактаты — специальные главы натурфилософии или «социальной философии», чем изложение данных опыта и наблюдения. Примерами подобных трактатов может служить даже такая работа, как «Чистая социология» Уорда. Многие видят в таком философствовании особую ценность и достоинство. Автор убежден в противоположном. Если социология хочет быть точной наукой, она должна исходить из фактов, идти к фактам и давать обобщения, основанные на тщательном анализе фактов. С этой точки зрения в социологии не место философствованию в смысле умозрения. Поменьше философствования и побольше наблюдения и тщательного анализа фактов — таков очередной лозунг социологии. Хорошо проверенная статистическая диаграмма стоит любого «социально-философского» трактата^{7*}.

В-пятых, разрыв с философствованием означает и разрыв с несчастной идеей «монизма» — незаконным детищем незаконного брака социологии с философией. Не так давно еще, особенно в русской публицистике, считалась особенно почетной кличка «монист». И обратно, название «плюралист» означало нечто ругательное и научно низкопробное. (См., напр[имер], «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» Г.В. Плеханова.) Автор с большой охотой уступает «монизм» всем, кому не лень наклеить на себя эту этикетку. Он твердо убежден в том, что «монизм» — результат догматического философствования, а не вывод опыта и наблюдения. Монизм в

социологии, как правильно характеризовал его покойный М.М. Ковалевский, — это попытка решить бесконечно сложную задачу общественных явлений по методу уравнивания с одним неизвестным⁷. Автор убежден, что такая попытка — покушение с абсолютно негодными средствами. Последовательный социологический плюрализм — такова его позиция. Она систематически проведена в ряде глав данного и следующего тома и будет развернута во всю ширину в «Социальной механике»^{8*}.

Таковы основные руководящие принципы, легшие в основу всей «Системы социологии». *Последняя, по заданию автора, должна дать цельное и возможно законченное представление о социологии как науке. Она должна показать, что социология не есть складочный подвал, куда сваливаются самые разнородные проблемы, «за ненадобностью» не нашедшие себе места в других дисциплинах, а наука цельная, законченная, имеющая вполне определенные очертания и вполне определенное строение, обусловливаемое ее природой.*

Вся «Система социологии» представляет обширную работу, состоящую, по меньшей мере, из восьми томов. Данный и печатающийся вто-

⁷ Подробнее об этом см.: Сорокин П.А. Теория факторов М.М. Ковалевского // Сборник памяти М.М. Ковалевского.

2 2

Система социологии. Том I

рой том охватывают только первую часть социологии — «Социальную аналитику», изучающую строение социальных групп и народонаселения⁸.

Со времен О. Конта социологи привыкли делить социологию на социальную статику и динамику^{9*}. Но большинство из них, начиная с самого Конта, работало почти исключительно в сфере социальной динамики. Чуть [ли] не вся социология ушла в область изучения эволюции общества и открытия «эволюционных законов». Социальная статика числилась в качестве отдела социологии, но, за редкими исключениями, не наполнялась никаким систематическим содержанием. На ее месте оставалось «пустое место» или, в лучшем случае, в этот отдел второпях включали два-три вопроса и... тем довольствовались.

Выпускаемые сейчас два тома «Аналитики» представляют попытку заполнить этот пробел.

Данный том посвящен аналитике простейшего социального явления, печатающийся второй том — аналитике сложного социального агрегата, каковым является население как всего земного шара, так и отдельной его части. Первый том — подготовка ко второму, оба вместе являются прелюдией к следующему — главному отделу социологии — к «Социальной механике». Этим заданием объясняется содержание первого тома: в нем речь идет только о том, что относится к аналитике строения простейшей модели социального явления. Все другие вопросы намеренно исключены из его содержания.

Во «Введении» автор дает общее понятие о социологии и ее отделах. В третьей главе он определяет центральное понятие взаимодействия и касается некоторых вопросов, связанных с методами его изучения.

Четвертая глава посвящена анализу элементов взаимодействия.

Пятая — классификации форм взаимодействия.

В шестой главе «замыкается» разорванный круг явления взаимодействия и дается понятие последнего как коллективного единства.

В седьмой изучаются те «скрепы», которые «пригвозждают» людей друг к другу, делают из них коллективное целое, с одной стороны, а с другой — те условия, которые разрывают эту цельность и разрушают реальные совокупности.

Начав свой анализ с элементов взаимодействия, с *межиндивидуальных* отношений, автор, идя от простого к сложному, логически приходит к понятию социальной группы и к *межгрупповым* отношениям. Избранная им дорога сама собой приводит его «ко второму этажу» аналитики — к исследованию межгрупповых

взаимодействий, являющихся предметом изучения второго тома «Аналитики». Таким образом, вто-

⁸ Упрощенное и сокращенное изложение всей «Аналитики» и 1-й части «Социальной механики» дается мной в печатающемся «Общедоступном учебнике социологии» (издательство] Ярославского] [Сельскохозяйственного и] Кредитного] Союза кооператоров).

Предисловие

23

рой том логически связывается с первым и служит его продолжением. Если с первого взгляда покажется странным, почему автор берет центральным пунктом исследования явления взаимодействия и почему он так долго останавливается на его изучении, почему он не определяет социологию как науку об обществе, то по прочтении обоих томов эта странность должна рассеяться.

Книга посвящается памяти *М.М. Ковалевского и Е.В. Де-Роберти*. Посвящение — слабый знак признательности автора своим незабвенным учителям. К этим именам я присоединяю имя своего дорогого друга *П.Н. Зепалова*¹⁰. Молодой ученый, человек кристальной чистоты души, социалист по убеждениям, идеалист по натуре, бескорыстный альтруист по поведению, П.Н. Зепалов пал жертвой гражданской войны 1918 г. Трагедия человечества продолжается: лучшие сыны земли продолжают распинаться во славу обоготворенных идолов и подмалеванных фетишей. Но... не будем говорить об этом. Не сказано ли: «не плакать, не смеяться, а понимать»?^{11*} Последуем удобному рецепту Спинозы и забудем о «горестных заметах сердца»^{12*}. Если плакать нельзя, а смеяться невозможно, то постараемся хоть понимать.

В заключение приношу глубокую благодарность моей жене, Е.П. Баратынской, брату и ряду друзей, бескорыстно помогавших мне в безмерно тяжелые для меня месяцы 1918 г. Их помощь позволила мне приступить к опубликованию «Системы социологии». Выражаю свою признательность книгоиздательству «Колос», давшему возможность напечатать эту книгу в тяжелые годы переживаемого времени^{13*}.

Автор

Петроград, февраль 1919 г., январь 1920 г.

ВВЕДЕНИЕ

Глава первая

ПРЕДМЕТ СОЦИОЛОГИИ И ЕЕ ОТНОШЕНИЕ К ДРУГИМ НАУКАМ

§ 1. Предмет социологии

Основные понятия социологии, ее строение и характер до сих пор понимаются различно социологами и «публикой»¹. В силу этого первой задачей всякого теоретика социологии является задача определения предмета и границ этой дисциплины. Без решения ее теоретик социологии рискует заблудиться в сложном мире общественных явлений и вполне заслуженно получит упрек в неясности и неопределенности своего построения.

С решения этой задачи я и начну изложение своего социологического курса.

Положение социологии как самостоятельной дисциплины будет очерчено, если, во-первых, будет выделена область явлений, изучаемых ею; во-вторых, если будет показано, что эта область достаточно важна для изуче-

¹ До чего разнообразно понимаются «обычным мнением» такие термины, как «общество», «общественный», «социальный», «социологический» и т. п., каждый может убедиться, читая газеты, слушая речи политиков, изучая партийные программы и т. д. и т. д. Здесь что ни автор — то свое понимание этих слов, а чаще всего — отсутствие всякого понимания. Обычным явлением здесь служит (в особенности в политических программах партий и в речах наших партийных политиков) противопоставление «социального» «политическому» (например], «социальную революцию» противопоставляют «политической», социальные реформы — политическим), в программах партий встречаются те же противопоставления (напр[имер], аграрная и рабочая реформы

называются почему-то «социальными реформами», а реформа государственного строя почему-то не удостоивается этого названия), часто «социальное» отождествляется с «экономическим» (почему и говорят постоянно «социально-экономическая программа», реформа и т. д.), нередко термин «социальный» различается от термина «общественный» и т. д. и т. д. Короче говоря, в орудовании этими и подобными терминами царит полный произвол и хаос... См. ряд других иллюстраций этого рода у *Waxweiler'a*: *Esquisse d'une sociologie*, 1906, p. 67-72.

Глава I. Задачи социологии

25

ния и никакой другой наукой не изучается, и, в-третьих, если будет определено отношение социологии к другим наукам, и в частности к так называемым социальным дисциплинам.

Следовательно, задача характеристики социологии сводится к трем вопросам: 1) *какие явления социология изучает*, 2) *почему эти явления для своего исследования требуют создания специальной дисциплины*, 3) *каково взаимоотношение социологии с другими существующими научными дисциплинами, в частности с науками социальными*.

Постараемся кратко решить эти вопросы.

Определить объект социологии, как и любой науки, это значит выделить тот разряд фактов, который является предметом ее изучения, или, иными словами, установить особую точку зрения на изучаемый ряд явлений, отличную от точки зрения других наук².

Предварительный и краткий ответ на вопрос об объекте социологии будет таков: *социология изучает явления взаимодействия людей друг с другом, с одной стороны, и явления, возникающие из этого процесса взаимодействия, с другой*.

Этим определением очерчивается разряд явлений, изучаемых социологией. Из него следует, что все остальные формы и виды взаимодействия исключаются из сферы социологического изучения. Ни факты взаимодействия неорганических тел и их элементов, ни факты взаимодействия животных и растительных организмов в область социологии не входят¹*. Наша социология есть *hoto-социология*. Она трактует только о человеческих взаимоотношениях.

Поскольку одного указания на явления взаимодействия было бы недостаточно для того, чтобы определить мир, изучаемый социологией, постольку добавочный признак, что это взаимодействие должно быть *межчеловеческим взаимодействием*, эту неопределенность устраняет. Из бесконечного числа явлений, таким образом, выделяется определенный класс, или разряд, имеющий вполне ясные и точные внешние границы.

§ 2. Основания для существования социологии как автономной дисциплины

Не касаясь пока ряда добавочных условий, необходимых для того, чтобы приведенное определение объекта социологии приобрело полную

² В данном пункте нельзя не присоединиться к Е.В. Де-Роберти, Ваксвейлеру, Зиммелю, Гумпловичу, Франку и др., совершенно правильно указывающим на равнозначность «выделения объекта» и «установления особой точки зрения». «Точка зрения — это все», — подчеркивает Ваксвейлер. См.: *De Roberty E. Sociologie et psychologie // Annales de l'Inst[itut] intern[at]ional de sociologie*, t. X, p. 108; *Waxweiler E. Esquisse d'une sociologie*, p. 39; *Simmel G. Soziologie*, 1908, гл. I; *Франк С.Я. Философия и жизнь*, с. 284-285; *Гумплович Л. Programme de sociologie // Annales [de l'Institut international de sociologie]*, 1.1, p. 104.

26

Система социологии. Том I

точность, спросим себя теперь: *имеется ли основание выделять явления межчеловеческого взаимодействия в особый класс и создавать для их изучения не только особую теорию, но и самостоятельную научную дисциплину?* Не впадаем ли мы в этом случае в ту ошибку, в которую впал бы тот, кто, по выражению Л.И. Петражицкого, стал бы создавать особую науку «о сигарах в десять лотов весом»³. Не будем ли мы здесь грешить против принципа адекватности теории и против принципа наименьшей траты

умственных сил? Ведь выделению особых классов нет логического предела: один может выделять класс «сигар в 10 лотов весом», другой — «деревья в 5 вершков толщины», третий — «людей, бреющих усы и бороду», четвертый — «женщин, носящих корсеты» и т. д. Что было бы, если бы для каждого из подобных разрядов явлений стали бы создавать особую дисциплину! «Так как разнообразию комбинаций предела нет, силы же памяти ограничены, то в конце концов избыток (таких) знаний (и добавим: таких "наук") оказался бы для нас тяжелее, нежели их недостаток; перед необозримостью накапливающихся сведений опустили бы руки», — справедливо отмечает А.А. Чупров⁴.

³ «Далеко не все безукоризненные с общелогической точки зрения классовые понятия и классы могут иметь значение и ценность в науке как таковой, — пишет Л.И. Петражицкий. — Напр[имер], относительно классов "сигары в десять лотов весом", "собаки с длинным хвостом и короткой шеей" и т. п. можно было бы высказать столь большие массы "истин", что их изложение заполнило бы многие толстые тома. Относительно сигар, весящих 10 лотов, можно, например], утверждать, что они подвержены земному притяжению, падают по таким-то законам, что они подвержены расширению и проч. (ср. содержание механики и физики вообще); далее можно высказать множество истинных положений относительно их химического состава... Следующие тома нашей воображаемой "науки о сигарах весом в 10 лотов" можно было бы заполнить истинами биологического характера, затем истинами специально ботанического характера и т. д. Такого же рода обширные "науки" могли бы быть образованы относительно "собак с длинным хвостом и короткой шеей", относительно "оловянных солдатиков" и т. п.»

Но такие «науки, — правильно заключает Петражицкий, — были бы пародией науки и наглядным образцом того, как не следует образовывать теории... Ненаучность подобных теорий состояла бы в неадекватности их, а именно в том, что высказываемое в них (логические сказуемые) было бы отнесено к неподходящим, слишком узко очерченным классам, между тем как оно правильно и должно было бы быть отнесено к более обширным классам; напр[имер], положения об инерции, о притяжении к земле и т. д. высказаны только относительно сигар, да еще почему-то относительно "сигар весом в 10 лотов", между тем как дело идет о том, что в действительности относится ко всем физическим телам, т. е. к гораздо более обширному классу предметов... Такие теории затемняют существо дела и способны вводить в заблуждение, создавая ошибочные предположения, будто то свойство, которое приписано объектам данного класса, представляет особенность этих предметов, нечто им специально принадлежащее». См.: Петражицкий Л.И. Введение в изучение права и нравственности. СПб., 1907, с. 72 и 75-77.

⁴ Чупров А.А. Очерки по теории статистики. СПб., 1909^{2*}. О значении принципа наименьшей траты сил см. у него же, с. 1-20; Мах Э. Познание и заблужде-

Глава I. Задачи социологии

27

В силу сказанного и встает вопрос: *имеются ли достаточные основания для создания особой науки — социологии, ставящей своей задачей изучение явлений взаимодействия между людьми?*

Ответ на этот вопрос зависит от решения трех предварительных вопросов: 1) достаточно ли важен сам класс явлений, которые социология изучает; 2) представляет ли он явление *sui generis*^{3*}, свойства которого не имеются в других классах явлений; 3) не изучается ли он другими науками, появившимися раньше социологии и потому делающими последнюю, как самостоятельную науку, излишней?

Практическая и теоретическая важность социологии

Едва ли нужно доказывать положительное решение первого из поставленных вопросов. Важность явлений человеческого взаимодействия следует хотя бы из того, что мы в изучении их кровно и эгоистически заинтересованы. Знание этих явлений нам нужно прежде всего с точки зрения практической. Поскольку наука была и остается одним из орудий в борьбе за существование, постольку это значение она сохраняет и в области

изучения человеческих взаимоотношений. Короче — *практическая важность* изучения явлений человеческого взаимодействия несомненна.

Что же касается *теоретической* важности и ценности специального изучения явлений данного разряда, то этот вопрос решается в зависимости от решения остальных двух, указанных выше вопросов: если явления человеческого взаимодействия суть явления *sui generis*, обладающие свойствами, не имеющимися во всех остальных видах взаимодействия, то этот факт является достаточным основанием для выделения их в особый класс и для построения специальной научной теории относительно этого класса. В этом случае правильно построенная теория будет адекватной и не будет противоречить принципу экономии сил. Если при этом окажется, что этот класс явлений не изучается никакой другой наукой, то это условие будет достаточным логическим «оправданием» существования особой науки, посвященной его изучению.

Социология и физико-химические науки

Можем ли мы сказать, что явления человеческого взаимодействия представляют явления *sui generis*, отличные от всех других видов взаимодействия — неорганического и органического? Очень может быть, и это весьма вероятно, что в их основе лежат процессы физико-химические и

ние. Изд. Скимунта, с. 459 и ел.; Риккерт Г. Границы естественно-научного образования понятий, перев[од] Водэна, *passim*.

28

Систему социологии. Том I

органические. Весьма возможно также, что в далеком будущем наука сведет их к последним и объяснит весь сложный мир межчеловеческих явлений законами физики и химии. Во всяком случае к этому нужно стремиться и сейчас. Но значит ли это, что в данный момент любой добросовестный исследователь может объяснить мир человеческого взаимодействия теоремами физико-химических и биологических наук?

Будем искренни и правдивы: такая претензия была бы мало обоснованной и тенденциозной хлестаковщиной. Пока, увы, такая попытка никому не удавалась и вряд ли скоро удастся. Правда, такие попытки были и они продолжают появляться, но печальный исход их служит лишним аргументом в пользу того, что *пока* класс явлений взаимодействия между людьми несводим к простым физико-химическим и биологическим процессам.

В качестве примера таких попыток в наше время укажу на попытки В. Оствальда, Solvay'a, Воронова, Наш и Ant. Portuendo y Barcelo. В. Оствальд, Solvay и Воронов попытались выразить социальные явления в терминах энергетики и рассматривать их как явления физико-химические. Что же из этого получилось? Мы получили ряд формул вроде того, что «сознание есть течение нервно-энергетического процесса», что «война, преступление и наказание» суть явления «утечки энергии», что «продажа-покупка — это реакция обмена» (Оствальд⁵), что «сотрудничество есть сложение сил», «социальная борьба — вычитание сил», «социальная организация — равновесие сил», «вырождение — распадение сил», «пра-восоотношение сил» и т. д. и т. д.⁶ Все это, пожалуй, и верно.

Но, спрашивается, много ли мы приобретаем от таких аналогий в деле познания социальных явлений или явлений межчеловеческого взаимодействия? Во всяком случае не больше, чем от аналогий печальной памяти «органической школы» в социологии^{4*}. Все эти формулы и аналогии представляют в лучшем случае трюизмы, в худшем — неточные сравнения.

Тот же вывод придется сделать и по адресу попыток создания «социальной механики», пытающейся все поведение людей и взаимоотношения между ними подвести под законы обычной механики физических явлений. В качестве примеров таких попыток могут служить попытки Haret и Antonio Portuendo y Barcelo. Тот и другой пытаются приложить законы механики к социальным явлениям. Тот и другой исходят из положения: «если принципы и законы механики приложимы ко всем

⁵ См.: Оствальд В. Философия природы. СПб., 1903; *Ego же*. Die energetischen

Grundlagen der Kulturwissenschaften. Leipzig, 1909; Solvay E. Note sur les formules d'introduction à l'énergie physique et psycho-sociologique. Изд. Института Solvay, 1906.

⁶ См.: Воронов Н.Г. Основания социологии.

Глава I. Задачи социологии

29

видам силы, то, очевидно, они должны быть приложимы и к силам психическим, называемым социальными силами»⁷.

Вслед за этим они приступают к транспортировке понятий механики в область человеческих взаимоотношений. Индивид превращается в «материальную точку», окружающая его среда — сочеловеки — в «поле сил» (*champ de force*) и т. д. Вслед за этой установкой понятий идут теоремы вроде следующих: «Увеличение кинетической энергии индивида равно уменьшению энергии потенциальной» (*L'énergie total de l'individu dans son champ se conserve constante à travers toutes ses modifications*)^{5*})⁸ «совокупная энергия социальной группы в отношении ее работы (*quant à une action*) в некоторый момент t_i равна совокупной энергии, которую она имела в первоначальный момент t_0 , увеличенной совокупностью работы, которую в этот промежуток времени (f , - t) произвели все посторонние группы силы, действовавшие на индивидов или элементы этой группы»⁹ и т. п.

Все это верно; но, спрашивается, что приобретаем мы нового от таких «законов социальной механики»? В лучшем случае трюизмы, в худшем случае теории и теоремы, похожие на «науки» «о сигарах весом в 10 лотов». Несомненно, глубокая правда звучит в словах А. Портундо у Барсело, что «тело индивида со всеми его органами и материальными элементами составляет систему, подчиненную законам физической механики», что «при всем желании нельзя себя вырвать (*se soustraire*) из-под действия закона тяготения, как и всякого другого закона физической механики». Но из этого-то именно и следует, что нецелесообразно и научно бесполезно строить особую дисциплину для приложения законов физической механики к людям, рассматриваемым в качестве простых комплексов материи. Как таковые они стоят наравне со всеми физическими телами и, несомненно, подчиняются законам физики. Но отсюда же следует, что в этом случае они перестают существовать как люди, отличные от неодушевленных предметов, и становятся простой материальной массой. Все специфически человеческое, все то, что мешает поставить знак равенства между человеком и неорганическим предметом, — в этом случае исчезает. Короче, такое познание ровно ничего не дает нам для познания социальных явлений как явлений *sui generis*. «Если право есть "соотношение сил", то чем же оно отличается от соотношения сил

⁷ *Portuendo y Barcelo A. Mécanique sociale // Revue internationale de sociologie, 1915, p. 492. См.: Haref. Mécanique sociale (1910), предисловие и passim. Несколько в ином положении находится R. de la Grasserie, пытавшийся создать «космосоциологию», частной ветвью которой, по его мнению, является homo-социология, изучающая мир человеческих взаимоотношений. См. его De la cosmopsychologie. Изд. Интернациональной библиотеки социологии.*

⁸ *Portuendo y Barcelo A. Op. cit, p. 567.*

⁹ *Ibid., p. 576.*

30

Система социологии. Том I

между грузом Л и грузом В, находящимися на концах рычага? Ведь и тут тоже соотношение сил; но следует ли из этого, что соотношение грузов или сил Λ и β есть правовое отношение? И рассеяние теплоты благодаря лучеиспусканию, и преступление, говорят нам энергетисты, есть «утечка энергии». Но значит ли, что всякое рассеяние энергии есть в то же время и преступление?».

«Подобное изучение социальных явлений не есть изучение социального общения людей, а изучение людей как обычных физических тел»¹⁰. Но люди — не только физические тела, а еще и живые существа; и не только живые существа, но еще существа, обладающие тем, что носит название мысли, психики, сознания. Если живой организм отличается от неорганической материи, если процессы жизни до сих пор не удалось

свести к физико-химическим процессам, что и дает основание для существования биологии, то тем паче отличны от неорганических тел организмы, наделенные высшими формами психики, каковыми являются люди; тем труднее свести явления взаимодействия таких организмов к процессам взаимодействия мертвой материи; следовательно, тем больше оснований для существования особой науки, изучающей людей и их взаимодействие как *человеческое взаимодействие со всем своеобразным богатством его содержания*, а не как простое взаимодействие материальных масс. Попытка же рассмотрения их только как физических тел — вполне законная с точки зрения физика — ведет не к познанию явлений человеческого взаимодействия, а просто к *исключению* их из поля зрения и изучения. Для физика нет людей, а есть только «материальные массы». Для него не существует ни актов подвига, ни преступления, ни добра, ни зла, ни любви, ни ненависти, ни слов проклятия, ни слов молитвы, для него даны только «массы» и «движение». Как бы ни были прекрасны его микроскопы, телескопы и спектроскопы — он не найдет в актах людей и в них самих ни «истины», ни «добра», ни «красоты», ни «убийства», ни «спасения».

Поскольку же мы хотим познать все бесконечное разнообразие этих явлений, постольку категория межчеловеческих отношений уходит из поля зрения физико-химических наук и дает почву для существования особой науки, изучающей все эти явления во всем их своеобразии¹¹.

¹⁰ *Сорокин П.А.* Преступление и кара, подвиг и награда. СПб., 1914, с. 43-44. Там же подробнее об этом вопросе см. с. 42-45.

¹¹ Для иллюстрации возьмем поведение людей и спросим себя: объяснимо ли поведение индивидов А, В, С, D... законами механики? Сводятся ли бесчисленные акты, которые каждый из них совершает, к принципу инерции и закону тяготения? Можно ли посредством их плюс законы рычага, плюс учение о равномерном и неравномерном движении, плюс остальные принципы механики — можно ли этими принципами объяснить «движения» А, вступающего в брак, В, идущего в суд, С, умирающего на баррикаде, и т. д.? Способны ли эти принципы пролить свет на явления религиозные, политические, экономичес-

Глава I. Задачи социологии

31

Больше того. Если бы даже явления человеческого взаимодействия удалось свести к физико-химическим процессам, то и тогда мир человеческого взаимодействия продолжал бы оставаться явлением *sui generis*, отличным от обычных процессов неорганического взаимодействия. Здесь, *mutatis mutandis*^{6*}, мы можем повторить слова *Отто Глезера*, высказанные им по поводу автономности биологии. «Не следует предполагать, — пишет он, — что доказательство чисто физико-химической природы жизненных процессов покажет, будто бы живые существа в каком бы то ни было отношении отличаются от того, что они в действительности представляют собой. Вопрос о том, может ли анализ отнять у предметов некоторые их свойства, является, конечно, вопросом праздным; и однако, нам постоянно заявляют, что сведение жизненных явлений к физико-химической основе докажет, что живые существа в конце концов не живы! Анатомическое и гистологическое исследование лошади не может показать, что животное это есть корова. Если бы мы свели его ткани к их составным химическим элементам и, не довольствуясь этим, продолжали наш анализ до тех пор, пока не показали бы, что лошадь всецело состоит из электронов, то как могло бы это показать, что лошадь не есть лошадь? Если поэтому разложение ничего не может отнять у анализируемых предметов, то ясно, что раз последние в каком бы то ни было отношении единичны и своеобразны, столь же единичными они будут и по окончании процесса разложения, как и до него. Единственный вопрос в итоге состоит в том, единичны, особенны ли живые существа или нет. На этот вопрос возможен лишь утвердительный ответ»¹².

кие, эстетические и т. д.? Стоит поставить такие вопросы, как сразу же станет понятным, что, увы, наука еще бесконечно далека от возможности сведения указанных явлений к простым физико-механическим процессам.

Не только общественное поведение людей, но самые элементарные поступки индивида пока что не объяснимы законами физической механики. Вот почему приходится быть в этом отношении скромным и не предъявлять смелых, но утопических претензий. Такая смелость вместо уважения делает их авторов смешными. И, думаю, заслуженно.

¹² Глезер О. Размышления об автономности биологической науки // Новые идеи в биологии. СПб., 1913, сб. № 1, с. 79-80. «Ничто не могло бы быть более физическим и химическим, чем разложение вселенной на системы электронов, — продолжает тот же автор. — Когда подобное разложение было бы окончено, то органический (соответственно — социальный. — П.С.) мир и все, что его характеризует, могло бы быть выражено в терминах электронов, если бы такой способ выражения показался удобным... Неужели, однако, не осталось бы совершенно справедливым, что водород есть водород, а кислород — кислород? Если бы даже было доказано, что эти газы представляют собой существенно сходные конфигурации электронов, они тем не менее остались бы индивидуально различными, так что желающие могли бы основать две отдельные науки — о водороде и кислороде, причем науки эти были бы автономны... Разложение отнюдь не уничтожает единичности, особенности там, где она существует; и заявить, что это справедливо по отношению к организму, значит сказать плоскость» (Ibid., с. 84-85).

3 2

Система социологии. Том I

ПЕРЕФРАЗИРУЯ слова Глезера, мы можем сказать: *«Если бы нам показали, что люди и их взаимоотношения всецело состоят из электронов и их деятельности, то как могло бы это показать, что люди не есть люди... Единственный вопрос в итоге состоит в том, единичны ли, особенны ли, отличны ли от неорганических тел люди или нет. На этот вопрос возможен лишь утвердительный ответ».*

Все сказанное об отличии людей от неорганических тел с соответствующими изменениями применимо и к отличию их от остальных организмов — животных и растений. Конечно, представители homo sapiens — организмы, и к ним как к организмам применимы законы биологии. Но люди — не только организмы; они сверх того еще существа, одаренные психикой, сознанием, разумом, т. е. *рядом свойств, которых у остальных организмов нет*. В этом смысле они особенны и единичны¹³. В силу этого и явления их взаимодействия отличны от явлений взаимодействия остальных организмов. Первые до сих пор не удалось свести к последним. Но если бы даже социально-психологическое общение людей и было сведено целиком к процессам биологическим, то «анатомический и гистологический анализ людей и их общения не может показать, что люди суть амебы; он не может привести к выводу, что люди не есть люди». «Единственный вопрос состоит в том, единичны ли, особенны ли, отличны ли люди или нет. А на этот вопрос возможен лишь утвердительный ответ».

ПЕРЕФРАЗИРУЯ слова того же О. Глезера, мы можем сказать: «Удивительные процессы социально-психического взаимодействия и явлений сознания резко отделяют людей от мира явлений, изучаемых биологией, и образуют специфическую основу для автономности нашей науки. Автономность эта отнюдь не метафизическая или абсолютная, но чисто практическая, подобно автономности физики, химии, астрономии, геологии и биологии»¹⁴.

Социология и биология, в частности экология

Этого положения отнюдь не колеблют выросшие за последние годы отрасли биологических наук — зоологии и ботаники, изучающие явления взаимодействия между животными и растениями и носящие название *экологии или зоо- и дбитосоциологии*^{7*}. Не колеблют, во-первых, потому, что они и не претендуют на сведение явлений человеческого взаимодействия к чисто биологическому взаимодействию растительных и животных организмов; во-вторых, потому, что процессы взаимодействия, с одной стороны, между животными организмами, с другой — между растениями, оказываются столь различными, что заставляют стро-

¹³ См. об этом ниже.

ить отдельные дисциплины зоосоциологии и фитосоциологии. Тем больше оснований для самостоятельного существования homo-социологии; в-третьих, потому, что попытки «биологической школы» в социологии свести социальные явления к биологическим оказались безуспешными; в-четвертых, потому, что сами авторы, пытающиеся рассматривать homo-социологию как часть биологии, например Ваксвейлер, принуждены выделять явления человеческого взаимодействия в самостоятельный класс, отличный от других видов взаимодействия организмов, и создавать для его изучения особую науку — социологию¹⁵. Это только и важно. А там отнесут ли социологию к комиссариату биологии, как это делает Ваксвейлер, или будут называть ее автономным ведомством, — для сути дела безразлично... Вот почему зоо- и фитосоциологи, с одной стороны, и homo-социолог — с другой, могут прекрасно кооперировать, не вступая в «ведомственные пререкания» и не соперничая из-за вопросов компетенции и правомочий¹⁶.

Сказанного, полагаю, достаточно, чтобы признать, что явления взаимодействия людей суть явления *sui generis*, отличные от других видов взаимодействия.

Если люди и их взаимоотношения, рассматриваемые с точки зрения физика как простые «центры сил» или «комплексы материи», подлежат изучению физико-химических наук, если они же, рассматриваемые как организмы, подлежат ведению биолога, то человеческие взаимоотношения как явления *sui generis*, несводимые пока к физико-химическим и биологическим взаимоотношениям и отличные от первых, дают основание для существования особой научной дисциплины, называемой нами социологией или homo-социологией.

Если теперь мы покажем, что этот своеобразный мир человеческих взаимоотношений не изучается никакой другой наукой, то этим самым существование социологии будет оправдано. Оставим пока в стороне так называемые социальные науки.

¹⁵ См.: Waxweiler E. Esquisse d'une sociologie, p. 1-87.

¹⁶ О фито- и зоосоциологии см.: Сукачев В.Н. Введение в изучение растительных сообществ. СПб., 1915; Henslow. L'ecologie au point de vue de revolution des vegetaux // Scientia, т. XIII. Приложение, с. 87-107; Морозов Г.Ф. Лес как растительное сообщество. СПб., 1913; Его же. Биология наших лесных пород; Вагнер В.А. Социология в ботанике // Природа, 1912, сентябрь. Я очень просил бы читателя не понимать мою критику скороспелых попыток уравнивания социальных явлений с физико-химическими за критику механически точных методов изучения явлений, свойственных «точным наукам». Как видно будет из нижеследующего, в отличие от гг. «нормативистов», неудачливо пытающихся изобрести для социологии и социальных наук какие-то особые методы, отличные от методов точных «наук о природе», я категорически признаю, что методы естественных и социальных наук — едины, что только идя путями естественных наук социология может научно прогрессировать. Различны не методы изучения, а объекты тех и других дисциплин.

2 Система социологии

34

Система социологии. Том I

После сказанного выше едва ли нужно подробно доказывать, что явления человеческого взаимодействия — поскольку они резко отличны от процессов взаимодействия неорганических тел — не изучаются физико-химическими науками, в частности физической механикой.

Сложнее стоит вопрос в отношении биологии. Если само по себе очевидно, что мир человеческого взаимодействия не изучается такими биологическими дисциплинами, как морфология, анатомия и физиология, имеющими дело не с межчеловеческими процессами, а с явлениями, данными в пределах (или внутри) человеческого организма, то иначе обстоит дело с экологией как ветвью биологии. «Под экологией, — по определению

Геккеля, — разумеется наука, изучающая *отношения организма к окружающей его внешней среде* в смысле совокупности условий существования. Эти условия, частью органические, частью неорганические». Сообразно с этим экология изучает: 1) *отношения организма к среде космической (неорганической)*, 2) *отношения первого к среде органической, т. е. явления взаимодействия между организмами*". В настоящее время, как выше было указано, часть экологии, изучающая взаимоотношения организмов друг к другу, распалась на две ветви: на *зоосоциологию*, имеющую своим предметом взаимоотношения животных друг к другу (животные сообщества), и на *фитосоциологию*, исследующую взаимоотношения растений друг к другу (растительные сообщества)¹⁸.

Как видим, экология имеет объектом изучения класс явлений, аналогичный тому, какой является предметом социологии. И тут, и там изучаются факты взаимодействия; И тут, и там подвергаются исследованию процессы взаимодействия организмов (ибо и *homo sapiens* есть также организм).

Спрашивается поэтому, *не поглощается ли социология экологией? Не претендует ли социология на место, раньше занятое последней?* Короче, не изучаются ли явления человеческого взаимодействия, помимо социологии, экологией?

Ответ на эти вопросы должен быть таков. *Если люди ничем не отличаются от амёб и других организмов*, если они не обладают специфическими свойствами, главным образом, в виде ряда психических свойств, если поведение и психика их может быть сведена к тропизмам и таксисам^{8*}, к простой раздражимости протоплазмы и к рефлексам, если мир человеческого взаимодействия тождествен с миром взаимоотношений остальных организмов, короче — *если можно поставить знак равенства*

¹⁷ *Haeckel E. Generale Morphologie der Organismen. Berlin, 1866, Bd. I, S. 286.*

¹⁸ «По аналогии с социологией, задачей которой является изучение взаимодействий между членами общества... нашу отрасль знания, изучающую также внутренние взаимодействия в растительных сообществах, их виды, формы и их генезис, можно назвать фитосоциологией». *Сукачев В.Н. Введение в учение о растительных сообществах. СПб., 1915, с. 119-120.*

Глава I. Задачи социологии

35

между человеком и амёбой или другим организмом, между человеком и растением, — тогда да, тогда никакой особой homo-социологии не нужно, тогда учение о взаимодействии людей целиком войдет в зоо- и фито-социологию...

Если же дело обстоит иначе, *если нельзя поставить знак равенства между человеком, с одной стороны, парameцией⁹, муравьем, рыбой и orangутангом — с другой*, если нельзя отождествить *homo sapiens* с растением, если соответственно с этим нельзя сказать, что колония полипов, муравьиная куча, рой пчел или лес по существу тождественны с человеческим «обществом», *тогда ответ будет иным*, тогда мир человеческих взаимоотношений придется выделить в особый класс, тогда рядом с зоо-и фитосоциологией придется создать homo-социологию. Тогда существование homo-социологии наряду с фито-и зоо-социологией будет необходимо.

Дилемма ясна и в выборе едва ли можно колебаться. Сами биологи, вплоть до Леба и других крайних механистов, уподобляющих человека машине, признают, что это машина *sui generis*; а отсюда следует, что явления человеческого взаимодействия образуют специальный разряд явлений, требующий для своего изучения особой дисциплины. Ваксвейлер, конструирующий социологию как часть биологии, целиком исходящий из принципов Леба и других крайних механистов в биологии, принужден выделить явления человеческого взаимодействия из других экологических явлений, конструировать их в особый класс (явления *de Fafrlnite social* как вид явлений *de l'affinite specifique*^{10*}) и сообразно с этим строить социологию как особую ветвь экологии¹⁹.

¹⁹ См.: *Esquisse d'une sociologie*, p. 51-87. «В мире взаимодействия растений, — говорит он, — нет ни малейшего следа *affinite social* (p. 72). *Sociabilite*^{11*}, — далее пишет Ваксвейлер, — свойственна только человеку. В силу этого «сравнительная социология

людей и животных не может осветить (éclairer) человеческую социологию как таковую». «Социальные отношения в виде sociabilite не существуют у животных; вот почему сравнительное изучение социальных отношений животных и людей неизбежно бесплодно». «Il suit encore de la, — продолжает он, — que si Гоп adopte en sociologie la methode logique qui consiste a aller du simple au compose, les faits sociaux primaires ne seront pas, dans l'ensemble, fournis par la sociologie comparee anthropozoologique, mais plutot par la sociologie comparee purement humaine; un sentiment social aussi complexe que "la confiance", n'aura pas son homologue simple chez des animaux mais chez des hommes a sociabilite peu developpee: une combinaison sociale aussi puissante qu'un trust, sera comparable a une autre forme d'association humaine, поп pas a une fourmiere. Si Гоп veut chercher dans la sociologie animale le phenomene correspondant a une cooperative de consommation et que Гоп apporte un cas de symbiose, on tombe dons dans l'analogie methaphorique, pour ne pas dire dans le ridicule» (p. 82-84)^{12\}

Такие решительные утверждения, по существу вполне правильные, в устах сторонника Леба и др. механистов лучшее доказательство того, что мир человеческих взаимоотношений пока что несводим к другим экологическим явлениям.

3 6

Система социологии. Том I

Для сути дела безразлично, назовут ли социологию особой ветвью экологии или признают ее самостоятельным министерством; важно то, что явления, изучаемые ею, суть особые явления, не похожие на другие экологические процессы. А этот факт, как видим, в весьма определенной форме признают и те, кто социологию рассматривает как ветвь экологии.

Если различие явлений взаимодействия в мире растений и в мире животных заставило размежеваться зоосоциологию от фитосоциологии, то тем больше оснований для выделения homo-социологии, изучающей факты, несравненно резче отличающиеся от зоологических и ботанических форм взаимодействия.

Вот почему и с точки зрения механистов, и с точки зрения виталистов с спокойной совестью можно сказать: *зоо- и фитосоциология не только не делают излишней homo-социологию, но, напротив, они требуют ее существования.*

Этого же требуют и методологические соображения: для науки важно не только сходство явлений, но и их различие. При наличии последнего — а оно здесь налицо — было бы нецелесообразно классы явлений, отличные друг от друга, объединять в одну группу²⁰.

Что касается, наконец, *общей части биологии*, то и она не является той дисциплиной, которая изучает явления человеческого общения и делает существование социологии излишним. Это имело бы место лишь в том случае, если бы оказалось верным положение «органической школы» в социологии, что «общество есть организм» и потому процессы человеческого общения тождественны с процессами организма. Но, как известно, «органическая школа» безвозвратно погибла: окончательным ее поражением был тот провал, который постиг ее на третьем международном конгрессе социологии в 1897 г. Здесь выступали в ее защиту все крупные представители этой школы. И однако, защита оказалась безуспешной: конгресс вынес абсолютно обвинительный приговор «органической школе» и всяким попыткам отождествления явлений человеческого общения с организмом и его процессами. «Пусть нам процитируют хоть один пример прогресса социальной науки, обязанный своим бытием аналогиям органической школы! Социология совершенствовалась и совершенствуется благодаря сравнениям различных человеческих обществ, а не благодаря бесплодному сравнению обществ вообще с живы-

²⁰ Не останавливаясь здесь подробнее на вопросе, чем отличаются факты межчеловеческого взаимодействия от аналогичных явлений, данных в мире животных и растений, — ибо с этим вопросом не раз придется иметь дело в дальнейшем — сказанного, надеюсь, достаточно, чтобы признать это различие налицо. Тех же, кто в этом различии сомневается, прошу поверить мне в этом пункте «в кредит»; достаточные

доказательства будут приведены ниже.

ми организмами», — говорил здесь Тард, подводя итоги критике «органической школы»²¹.

Итог всего сказанного тот, что: 1) явления человеческого взаимодействия пока что несводимы к чисто биологическим процессам, 2) если даже они будут сведены, то от этого анализа они не перестанут быть процессами *sui generis*, ибо никакой анализ не может показать, что люди не есть люди и что человек есть амеба, 3) в силу этого изучение этих явлений требует особой дисциплины, 4) биология искомой дисциплиной не является, 5) таковой должна быть социология или *hoto-социология*.

Социолог может и должен строить свою дисциплину на данных биологии, он обязан считаться с ними; больше того, там, где это возможно, он должен сводить изучаемые им процессы к их биологическим основам, но было бы ошибкой думать, что это сведение без остатка может быть выполнено теперь и что оно позволит поставить знак равенства между *hoto-социальными* явлениями, с одной стороны, фито- и зоо-социальными процессами — с другой.

Социология и индивидуальная психология

Теперь обратимся к социальным наукам и к наукам о духе и спросим себя: *не изучают ли они* процессы человеческого взаимодействия. Здесь в первую очередь встает вопрос об отношении социологии к психологии — индивидуальной и коллективной.

Исходя из того факта, что взаимодействие людей по своей природе есть прежде всего взаимодействие психическое обмен чувствами, идеями, волевыми импульсами, многие социологи, принадлежащие к так называемой «психологической школе»^{13*}, делали два основных вывода: 1) социология должна опираться на психологию, 2) социология есть не что иное, как коллективная психология.

Верны ли эти положения? Обратимся сначала к индивидуальной психологии. Спросим себя: изучает ли она явления человеческого взаимодействия? Ответ придется дать отрицательный. *Объекты социологии и индивидуальной психологии различны*. Последняя не изучает явления «интерментальные», «межчеловеческие», а представляет дисциплину, исследующую состав, строение и процессы индивидуальной психики или сознания. Я довольно точно выражу свою мысль, если скажу, что между

²¹ См.: *Tarde G. La theorie organique des societes // Annales de l'Institut international de sociologie*, t. IV, p. 237-238. К данному же тому «Анналов» я отсылаю всех, желающих познакомиться с «органической школой» и критикой ее положений. Он подводит итоги, с одной стороны, всем результатам, достигнутым органицистами в области социологии (доклады Лилиенфельда, Новикова, Вормса), с другой — весьма четко указывает всю бесплодность метода и направления органицистов (доклады Тарда, Л. Штейна и др. критиков этой школы).

психологией и социологией дано то же отношение, какое существует в биологии между анатомией, морфологией и физиологией организмов — с одной стороны, и экологией (фито- и зоосоциологией) — с другой. Как первые дисциплины изучают явления, данные в границах организма, а не межорганизмические отношения, так и психология имеет своим предметом явления, заключенные в пределах индивидуальной психики, а не межпсихические или интерментальные процессы. Подобно анатомии, психология «анатомирует» индивидуальную психику, разлагая ее на элементы — волю, интеллект, чувства-эмоции, подобно физиологии, она изучает процессы, данные в пределах индивидуальной души, наконец, подобно морфологии и систематике, она дает классификацию «психологических типов» (типы характеров, типы психологических темпераментов и т. д.), но ее компетенция не выходит за пределы индивидуальной души или сознания. «Межпсихические» процессы общения, взаимные акции и реакции людей ее не интересуют. Они стоят вне ее царства, как вне царства анатомии, физиологии,

морфологии и систематики стоят экологические явления, изучаемые фито- и зоосоциологией.

Конкретный пример уяснит указанное различие. «Социальный факт, — говорит Dupreel, — нельзя свести к чисто психическому и нельзя объяснить его одной психологией. Покажем это на примерах: сумасшествие (*la folie*) есть факт психологический и биологический; он интересует также и социальную жизнь. Психолог изучает состояние сознания сумасшедшего, он сравнивает его с состояниями сознания более нормальными. Он занимается также действиями сумасшедшего, но он интересуется ими лишь постольку, поскольку эти действия суть показатели психического состояния. Биолог также изучает состояние органов и интересуется актами сумасшедшего, но лишь постольку, поскольку они являются симптоматическими показателями.

Все меняется, как только сумасшествие начинает изучаться с точки зрения социологической. Что именно происходит в душе и в теле сумасшедшего, для социолога не важно: не в этом для него главный вопрос. То, что для него важно, это — с одной стороны, *природа симптомов*, согласно которым общество признает данного человека сумасшедшим; с другой — *это следствия сумасшествия*. Если сумасшедший в буйном помешательстве ломает мебель, психиатру не важны ни величина убытка, причиненного этими актами, ни чувства и действия, которые этот факт вызовет у собственника разбитой мебели. И обратно, умственное состояние сумасшедшего важно для общества, а следовательно, и для социолога лишь по причине следствий, которые с ним связаны. Сумасшествие с точки зрения социологической представляется определенным видом умственных состояний, неизбежно или потенциально связанных

Глава I. Задачи социологии

39

с определенными актами, чаще всего убыточными для общества или лиц, близких к сумасшедшему»²².

Таково основное различие между точками зрения или объектами психологии и социологии.

Это различие не могут не признать и виднейшие представители «психологической школы» в социологии. «Охотно соглашаюсь, — говорит Тард, — что обычная психология не способна распутать клубок социальных фактов»²³.

Отсюда его стремление создать «интерментальную» или взаимную психологию, которая, по его мысли, и должна явиться основной частью социологии. «Я разумею, — говорит он, — не "обычную психологию", к которой можно относиться с заслуженным ею пренебрежением, но то, что я позволю себе назвать в дальнейшем изложении "взаимной психологией" (*interpsychologie*)... Междупсихология или междулогика являются в сущности элементарной социологией, которая одна только и может объяснить социологию сложную или социологию в тесном смысле слова»²⁴. Под объектами последней — социологии в тесном смысле слова — он разумеет определенный вид межпсихических отношений. «Не все междупсихические отношения суть общественные явления, — говорит он. — Для того чтобы быть общественными явлениями, эти отношения должны заключаться в воздействии одного я на другое или на другие или предполагать такое воздействие»²⁵.

Как видно отсюда, интерпсихология, или социология, Тарда — наука совершенно отличная от «обычной» или индивидуальной психологии. Объекты, задания, содержание и характер их совершенно различны»²⁶.

²² Dupreel E. Sociologie et psychologie // L'Institut Solvay. Bulletin mensuel. Январь 1911, р. 180-186. См. также: Зиммель Г. Проблема социологии // Новые идеи в социологии. Сб. № 1, с. 136-141.

²³ Тард Г. Психология и социология // Новые идеи в социологии. СПб., 1914, сб. № 2, с. 70.

²⁴ Там же, с. 69-78.

²⁵ Тард Г. Теория психических воздействий // Русская высшая школа обще-

ственных] наук в Париже. СПб., 1905, с. 5.

²⁶ Тард правильно понял и аналогию социологии или интерпсихологии с зоо-и фитосоциологией. «Чтобы яснее выразить мою мысль, — говорит он, — нелишне будет сопоставить науку, о которой я говорю, с той, которую можно было бы создать под названием *интерфизиологии* или интербиологии и которая симметрически соответствовала бы ей. Можно сказать, впрочем, что эта отрасль биологии уже существует... Происхождение видов, рассматриваемое согласно дарвиновским принципам борьбы и естественного подбора, есть не что иное, как обширный и непрерывный «интерфизиологический процесс (а не *интра*-физиологический, как воображают иные глубокомысленные естествоиспытатели). Изучение микробов в их взаимных отношениях к крупным организмам есть также обширная и имеющая богатую будущность отрасль интерфизиологии» (Теория психических воздействий, с. 10).

40

Система социологии. Том I

Сказанного достаточно, чтобы признать, что *области явлений, изучаемых психологией и социологией* (или интерпсихологией Тарда) совершенно различны и не дают ни малейшего основания для их смешения или отождествления. «При наложении друг на друга» они не совпадают и не покрываются взаимно²⁷.

Социология и коллективная психология

Что касается отношения социологии к *коллективной или социальной психологии*, или, как ее иначе называют, к «психологии народов» (*Volkerpsychologie*), то для решения вопроса надо условиться, что под ней понимается. Изучая то, что фактически дано под этими именами, мы должны сказать, что объекты их если не вполне, то частично совпадают. Так, с точки зрения Сигеле, коллективная психология изучает такие явления человеческого взаимодействия, единицами которого являются индивиды «неоднородные» и «имеющие слабую органическую связь» (толпа, театральная публика, съезды, случайные собрания и т. п.). В таких группах взаимодействие принимает иные формы, чем в агрегатах «однородных и органически соединенных». Это обстоятельство, по мнению Сигеле, служит «основой для образования коллективной психологии, отличной от социологии, которая, по Сигеле, якобы изучает только взаимодействие «однородных» и «органически связанных» между собой единиц²⁸.

Такова же точка зрения и Де-ля-Грассери, по мнению которого объектом коллективной психологии служат агрегаты случайные, неорганизо-

²⁷ В связи с борьбой «социологической» и «психологической» школ вопрос о взаимных отношениях социологии и психологии, как это часто бывает при спорах, совершенно неосновательно был осложнен. В споре были затронуты многие проблемы, прямого отношения к делу не имеющие и носящие преимущественно методологический характер, напр[имер], о месте психологии и социологии в классификации наук Конта^{14*}, о том, следует ли объяснять социальные процессы исходя из свойств индивидуальной психики или, наоборот — последнюю следует объяснять как функцию социальных процессов, индивид или общество являются реальностью и т. д.

Эти споры, основанные гл[авным] образом на недоразумении и прямого отношения к данному вопросу не имеющие, будут затронуты ниже в различных отделах «социологии». Здесь же достаточно указанного различия между социологией и психологией.

См. об этих спорах: *Сорокин П.* Границы и предмет социологии // Новые идеи в социологии. Сб. № 1, с. 102-108; Новые идеи в социологии. Сб. №2: Социология и психология (сборник, специально посвященный этому вопросу: ст [а-ты] *Де-Роберти*, *Дюркгейма*, *Тарда*, *Колле*, *Драгическо*, *Паланша*). См. также: *Baldwin J.* Psychologie et sociologie (l'individu et la societe). Изд[ание] Международной] социол [огической] библиотеки. Соответственные места в работах Уорда, Дюркгейма, Коста, Леви-Брюля, Бугле и др.

²⁸ *Сигеле С.* Преступная толпа. СПб., 1896, с. 3-17.

ванные, не обнаруживающие ни дифференциации, ни координации, ни постоянства отношений. Агрегаты организованные — объект социальной психологии²⁹.

По мнению Г. Лебона, коллективная психология есть наука, изучающая «души рас»³⁰. Большинство итальянцев, помимо коллективной психологии и социологии, различают еще социальную психологию. Так, по Росси, коллективная психология изучает взаимодействие, данное в случайных агрегатах (в «толпе»), возникающее на почве синестезии^{15*} (*sinestesia collettiva*); социальная психология изучает «душу народа или расы», т. е. душу устойчивых агрегатов; социология же является венцом той и другой науки, имея своим объектом «социальное взаимодействие (*in concorso sociale mutuamente consentito*), сначала бессознательно-автоматическое, а потом все более и более сознательное»³¹. Близко смотрят на дело Ф. Сквиллаче, Кольмо, Гроппали и др. Тард, как мы видели, вместо коллективной психологии строит психологию интерментальную, отождествляя ее с социологией³².

Из этого краткого обзора понятий коллективной или социальной психологии следует: 1) если она ставит своей задачей изучение всех основных форм взаимодействия между людьми и явлений, возникающих в процессе этого взаимодействия, т. е. то же, что, согласно данному выше определению, изучает и социология, то, очевидно, она сольется с последней, и одно из этих двух названий будет излишним. Которое? — совершенно безразлично, ибо суть дела не в названии, а в самом характере науки. В этом случае я предпочитаю название социологии; 2) если под коллективной или социальной психологией понимают то, что понимают под этими терминами Сигеле, Грассери, Тард, Росси, Сквиллаче и др., то, очевидно, она будет просто-напросто главой социологии как науки, изучающей все основные формы взаимодействия между людьми.

²⁹ Де-ля-Грассери Р. *De la psychosociologie* // *Revue de sociologie*. 1912, № 3, p. 163 и ел.

³⁰ Лебон Г. Психологические законы эволюции народов. СПб., 1906 («Душа рас»).

³¹ Rossi P. *Psicologia collettiva*. Milano, 1900, p. 213; *Sociologia e psicologia collettiva*. 2 изд., p. 99-112, 145-149.

³² Тард Г. Теория психич[еских] воздействий, с. 3-5: «Термин "социальная или коллективная психология" кажется мне неудовлетворительным. Он может повести к недоразумениям, потому что мистические умы стремятся прикрыть этим ярлыком понятие об обществе как о каком-то гигантском мозге, составленном из наших маленьких мозгов и обладающем особым социальным "Я", отличным от наших индивидуальных сознаний. Кроме того, этот термин остается темным и неясным и относится только к одной из разновидностей обширного класса и т. д. Вот почему я нахожу, что нужно говорить не об изучении коллективной или социальной психологии, а об изучении другой науки, более общей и более точной, которую я называю интерпсихологией (*interpsychologie*)».

4 2

Система социологии. Том I

Так разрешается вопрос о взаимоотношении социологии и коллективной, социальной или интерментальной психологии.

Социология и специальные дисциплины, изучающие взаимоотношения людей

Теперь остается рассмотреть взаимоотношение социологии и отдельных социальных наук, изучающих тот же разряд явлений, который изучается и социологией.

Возьмем ли мы политическую экономию, или науку права, или науку о религии, или дисциплину, изучающую искусство, — все они, как и другие «социальные» науки, изучают явления человеческого взаимодействия. Duprdel вполне правильно указывает на то, что «основные понятия права сводятся к понятию социального отношения» (или взаимодействия). Отношение вверителя к должнику, господина к рабу, супруга к супруге — все это частные виды межчеловеческих взаимоотношений или взаимодействий. «Явление собственности представляет не простое отношение хозяина к вещи, но отношение между собственником и другими членами общества». То же приложимо и к

явлениям, изучаемым административным, государственным, уголовным правом и т. д. Короче говоря, «всякое правовое отношение — это вид социального взаимоотношения, рассматриваемый со специальной точки зрения»³³. Л.И. Пет-ражицкий прекрасно показал, что сами объекты права суть человеческие акты (действия, неделания и терпения), взаимные акции и реакции людей между собою³⁴. Короче говоря, наука права изучает специальный вид явлений человеческого взаимодействия.

То же может быть сказано и о политической экономии. Объект последней — совместная хозяйственная деятельность людей³⁵, т. е. определенный вид взаимодействия людей в сфере производства, обмена, распределения и потребления материальных благ. Такие явления, как взаимоотношения спроса и предложения, как отношения, возникающие на почве ценности, как само явление ценности и т. д., по справедливому указанию Дюпрееля, суть частные виды социальных отношений или взаимодействия людей³⁶.

То же может быть сказано и о других социальных науках: о науке нравов, морали или этике, науке о религии, об искусстве и т. д. Наука нравов изучает коллективные способы мышления и действия людей.

³³ См.: Dupreel E. Le rapport social (Essai sur l'objet et la methode de la sociologie). Paris, 1912, гл. IV, p. 48-113.

³⁴ См.: Петражицкий Л.И. Теория права, т. I и II, passim.

³⁵ См. курсы политической экономии Туган-Барановского, Чупрова, Желез-нова, Мануйлова, Каблукова и др. См. в особенности: Орженицкий Р.М. Учение об экономическом явлении. 1903.

³⁶ См. подробнее: Dupreel E. Le rapport social, p. 56-70.

Глава I. Задачи социологии

43

Мораль — определенный вид человеческого поведения и дает рецептуру должного взаимоповедения; эстетика изучает явления взаимодействия, складывающиеся на почве обмена эстетическими акциями и реакциями (между беллетристом и читателем, актерами и зрителями, художником и толпой, пианистом и слушателями и т. д.). Наука о религиозных явлениях имеет своим объектом процессы взаимодействия верующих, объединенных общностью верований, идей и чувств, превращающей верующих в коллективное целое, называемое церковью, и т. п.³⁷

Короче говоря, так называемые «социальные науки» изучают тот или иной вид взаимодействия людей.

Раз дело обстоит так, раз объекты социологии и социальных наук если не вполне, то частично между собой тождественны, спрашивается: в каком же отношении стоит к ним социология? Является ли она *простым ярлыком*, обозначающим совокупность всех социальных дисциплин, или же она имеет *самостоятельное существование как независимая*, не сливающаяся ни с одной из социальных наук отрасль знания?

Что касается основных взглядов, данных в социологической литературе по этому вопросу, то их можно разделить на две-три главные группы: 1) взгляд, считающий социологию лишь *corpus'oM всех социальных наук* (социология представляет простой термин, обозначающий совокупность всех отдельных наук, изучающих мир социальных явлений), 2) взгляд, отводящий социологии в качестве ее объекта определенный вид социального бытия, *не изучаемый другими науками*, и 3) взгляд, признающий социологию самостоятельной наукой, которая изучает *наиболее общие родовые свойства* явлений человеческого взаимодействия.

Рассмотрим каждый из этих взглядов. Примером первой точки зрения могут служить первоначальные мнения Дюркгейма и его сотрудника Фоконне. «Социология, — говорят они, — есть и может быть лишь системой, *corpus'oM социальных наук*»³⁸.

Примерами второй точки зрения могут служить мнения Зиммеля, Бугле, Гумпловича и др.

³⁷ Подробнее об этом см.: Ibid., p. 70-113.

³⁸ См.: *Durkheim E. Sociologie et sciences sociales // Revue philosoph[ique]. 1903, p. 465 и ел. Я пишу: «первоначальные мнения Дюркгейма» потому, что позднее он, по-видимому, изменил свои взгляды по этому вопросу. В другой статье под тем же названием, напечатанной в сборы[ике] «Метод в науках», он уже допускает существование «"общей социологии", изучающей то, что составляет единство этого (социального) рода, что характеризует социальный факт in abstracto» (Метод в науках. Изд. «Образование», с. 233). Позднее он еще более категорически высказывается на этот счет и обвиняет Ришара в искажении его взглядов. Дюркгейм пишет: «Утверждение Ришара о том, что, по Дюркгейму, общая социология невозможна — радикально ошибочно». «Возможность общей социологии я не отрицал и не отрицаю». См.: *L'annee sociologique. 1913, vol. XII, p. 1.**

4 4

Система социологии. Том I

Третья точка зрения, разделяемая едва ли не большинством социологов, представлена М.М. Ковалевским, Де-Роберти, Де-Греефом, Уор-дом, Морселли, Эллуудом, Кареевым, Дюркгеймом (в позднейшую стадию), Вормсом и др.

Остановимся на этих взглядах. Мотивы первого мнения таковы. «Социальный мир, — пишут Дюркгейм и Фоконне, — есть мир бесконечный, о котором нельзя составить ясного, не искаженного представления, пытаясь охватить его разом и во всей полноте, ибо в таком случае надо заранее согласиться на ознакомление с ним лишь в главных, общих очертаниях, надо удовольствоваться самым смутным познанием его. А потому необходимо, чтобы каждая часть его изучалась отдельно; каждая из них достаточно обширна для того, чтобы быть предметом целой науки»³⁹.

Эти мотивы правильны. Разделение труда между науками в целях более детального изучения явления — вещь необходимая и неизбежная. Но отсюда вовсе не следует то заключение, которое делают авторы цитаты. Специализация и дифференциация наук, как увидим ниже, не только не исключают, а напротив, требуют синтетическую науку, обобщающую основные результаты анализа; во-вторых, если бы социология была *только* простым согрш'ом социальных наук, то она превратилась бы в *пустое слово*, в *этикетку*, напрасно вводящую в заблуждение наивных людей. В качестве такой этикетки, лишенной своего собственного содержания, она была бы совершенно излишней. «В результате явилось бы только новое имя, между тем как все, обозначаемое им, уже установлено по своему содержанию и своим отношениям или же вырабатывается в границах старых областей исследования»⁴⁰.

Как видим, первый взгляд приходится отвергнуть.

Обратимся ко второму. Этот взгляд сходен с третьим в том, что оба они признают социологию как самостоятельную дисциплину, не сливающуюся с другими специальными науками о социальных явлениях. Различие их между собою состоит в том, что второе из указанных выше решений обосновывает эту самостоятельность социологии на своеобразии ее объекта; этим объектом должны быть явления, не изучаемые другими социальными науками. Социология должна иметь «свой угол» для исследования. Это своеобразие объекта социологии дает ей автономность и превращает ее в специальную же дисциплину, отличную от всех остальных социальных наук. Третий взгляд, в отличие от второго, обосновывает самостоятельность социологии не на том, что она должна обрабатывать «свой клочок», не вспахиваемый и не разрабатываемый другими дисциплинами. Но на том, что существование специальных наук,

³⁹ Дюркгейм и Фоконне. *Revue philos[ophique]*, p. 474.

⁴⁰ Зиммель Г. Проблема социологии // Новые идеи в социологии. Сб. № 1, с. 111.

изучающих отдельные стороны мира человеческого взаимодействия, делает необходимой науку, которая изучала бы родовые свойства, общие всем явлениям или сторонам человеческого взаимодействия.

Ее объектом являются те же явления, части которых изучаются специальными

науками, но под иной точкой зрения: социология берет их во всей их целокупности, глобально, и фиксирует свое внимание лишь на том, что между ними есть общего, свойственного всем видам социальных явлений. Воспользуемся аналогией. На фабрике каждый рабочий имеет свое дело и выполняет ту или иную специальную функцию. Однако это разделение труда не только не делает ненужной работу директора или правления, которое ведает всем предприятием, устанавливает общий план работ и сметы, наблюдает и координирует работы всех специалистов и рабочих, короче, ведает фабрикой как целым единством, но, напротив, требует такой систематизирующей и синтезирующей деятельности. Без нее все дело пойдет вкривь и вкось и фабрика развалится. То же применимо и к области взаимоотношения социологии к частным социальным наукам. Роль специалистов здесь играют последние, роль правления или директора — социология. Таково обоснование автономности социологии согласно третьему из указанных взглядов.

Рассмотрим каждый из них. В качестве наиболее типичного примера второго решения возьмем теорию *Зиммеля*. По его мнению, объектом социологии являются *формы* общения. Вся «материя» социальных явлений, говорит он, уже захвачена и изучается другими социальными науками. Здесь социологии нечего делать. Если, однако, она хочет жить самостоятельно, она должна иметь свой «клочок» для разработки. Единственным подобным «клочком», не разрабатываемым другими дисциплинами, являются сами «*формы общения*», которые до известной степени независимы от «материи» или «содержания» явлений взаимодействия. Подобно тому как одни и те же геометрические формы, например шар, могут быть наполнены разным содержанием, и обратно — одно и то же содержание (материя) может заключаться в различных геометрически пространственных формах, — так одни и те же формы общения или взаимодействия людей могут в одном случае выступать с одним содержанием, в других — с другим, и обратно. «В общественных группах, самых несходных по целям и по всему их значению, мы находим все же одинаковые формы отношения личностей друг к другу. Главенство и подчинение, конкуренция, подражание, разделение труда, образование партии, представительство, одновременное развитие сомкнутости внутри и замкнутости вовне и бесчисленное множество других явлений встречаются в государственном общежитии и в религиозной общине, в шайке заговорщиков и в экономическом товариществе, в художественной школе и в семье. *Как бы ни были многообразны интересы, которые вообще приводят к этим обобществлениям, — формы, в которых они совершаются,*

46

Система социологии. Том I

могут быть одинаковы. И с другой стороны: *одинаковый по содержанию интерес может представиться в весьма разнообразно оформленных обобществлениях*, например, экономический интерес реализуется путем конкуренции и путем планомерной организации производителей; тождественные религиозные жизненные содержания требуют где свободной, где централистской формы общежития; интересы, заложенные в основе отношений полов, находят удовлетворение в необозримом многообразии семейных форм» и т. д.⁴¹

«Социология, — продолжает Зиммель, — как учение об общественном бытии человечества, которое и в бесконечно многих других отношениях может быть объектом науки, относится таким же образом к остальным специальным наукам, как к физико-химическим наукам о материи относится геометрия»⁴².

Такова сущность точки зрения Зиммеля. Сходна с ней позиция и Бугле®.

Другие социологи, в принципе стоя на той же позиции, в качестве особого объекта социологии выдвигают другие признаки. Так, Гумплович видит такой объект социологии «в движениях человеческих групп и взаимном влиянии их друг на друга»⁴⁴.

Приемлемо ли, спрашивается, такое решение вопроса о взаимоотношении социологии к остальным социальным наукам?

И да, и нет. Поскольку явления, называемые Зиммелем «формой общения», охватывают совокупность свойств, принадлежащих всем различным «по содержанию»

явлениям человеческого общения, постольку его позиция приемлема; но она в этом случае сводится к третьей точке зрения. Поскольку же под формами общения разумеется класс явлений *sui generis*, не изучаемый другими науками и делающий социологию *специальной* наукой, подобной другим социальным наукам, поскольку социология в этом случае является не наукой «генерализирующей» (по выражению Риккерта) или наукой «номотетической» (по терминологии Виндельбанда)^{16*}, а дисциплиной частной, обрабатывающей «частичный уголок» явлений взаимодействия людей, постольку точку зрения Зиммеля придется отвергнуть. Допустим, что Зиммель прав, что «формы общения» действительно даны как нечто отличное от материи или содержания явлений общения. Допустим далее, что для изучения первых будет создана особая наука. Что из этого следует? Только то, что к числу существовавших специальных наук прибавится еще одна специальная. Но отсюда вовсе не следует, что не нужно «генерализирующей» науки об общих свойствах социальных явлений; не следует и то, что эта добавоч-

⁴¹ *Simmel G. Soziologie. 1908, S. 8-9.*

⁴² *Ibid., S. 12.*

⁴³ *Bougie C Les sciences sociales en Allemagne. Paris: Alcan, p. 160.*

⁴⁴ *Гумплович Л. Un programme de sociologie // Annales, 1.1, p. 76, 104; Социология и политика. 1895, с. 50 и ел.; Основы социологии. СПб., 1899, с. 112 и ел.*

ная специальная дисциплина может выполнять функции «генерализирующей» науки или встать на ее место. Появление такой добавочной ветви знания соответствовало бы увеличению рабочих специалистов фабрики добавочным рабочим специалистом, но оно отнюдь не покрывало бы собой потребности предприятия в директоре или в правлении. Без последних, выполняющих направляющие, «генерализирующие» функции, предприятие не может обойтись. Подобно этому (как сейчас я покажу) без «генерализирующей» дисциплины не может обойтись и совокупность частных наук о явлениях человеческого взаимодействия. Поэтому «социология» Зиммеля, поскольку она была бы специальной дисциплиной, не устраняла и не устраняет необходимость «генерализирующей» науки о родовых свойствах явлений человеческого общения.

Своей попыткой Зиммель в лучшем случае создал бы добавочную частную науку, названную им социологией, и только.

Но и этого фактически нельзя сказать о конструкции германского социолога. Мнимая убедительность зиммелевского построения всецело покоится на метафорических оборотах его терминологии, в частности, на излюбленном немцами противопоставлении «формы» и «материи». Эти термины уместны в области художественных явлений, а не в области понятий, имеющих дело с явлениями общения. Стоит проанализировать эти «воззрительные» выражения, и вместо «подкрашенных незнакомок» под ними окажутся чрезвычайно старые знакомые вещи; «форма» превратится в более широкое, обуславливающее понятие (родовое), «материя» — в обусловленное первым видовое понятие. Так, понятие «человек» является формой для понятия «мужчина», а мужчина — материей по отношению к первому понятию. Отсюда вывод: едва ли правильно противопоставление «формы» и «материи» как чего-то совершенно разнородного. Штаммлер, весьма охотно кокетничающий с этими терминами, при попытке отдать себе отчет в них принужден прийти к этому же выводу и таким образом лишит свои построения прелести «новизны»⁴⁵.

⁴⁵ «Чтобы иметь отчетливое представление о высших понятиях, — пишет Штаммлер, — необходимо критически выяснить следующие вопросы: какие составные части можно мысленно отбросить, сохраняя в то же время самое понятие, под которое подводится рассматриваемое представление, и при устранении каких элементов, наоборот, исчезает совершенно и данное понятие? Эти последние элементы дают *форму* понятия, первые же относятся к его *материи*». Иными словами, «элементы первого порядка суть элементы *обуславливающие*, вторые же суть элементы *подлежащие*

определению». Общее понятие права будет формой для различных частных правовых постановлений; эти последние будут материей по отношению к первому. Штаммлер Р. Хозяйство и право. СПб., 1907, т. I, с. 122. Еще яснее та же мысль, что форма суть родовое, обуславливающее понятие, а «содержание», или «материя», видовое или частное, выражена им в его «Theorie der Rechtswissenschaft» (Halle, 1911, S. 7 и ел.).

48

Система социологии. Том I

То же приходится сказать и о зиммелевском противопоставлении материи и формы. Его построения в этом смысле или принципиально негодны, или же сведутся к тому, что «формы» Зиммеля представляют обуславливающие понятия, «материя» — обусловленные. Принципиально негодны они в силу необоснованности аналогии с геометрическими формами. Геометрия может и должна говорить о формах, ибо она имеет дело с пространством. Ее объект по существу «воззрительный». В явлениях же общения людей положение вещей совершенно иное. Разве власть или подчинение, разделение труда или конкуренция имеют какую-нибудь воззрительно-пространственную форму? Треугольны они или круглы? Широки или узки? Плоски или выпуклы? Эти категории совершенно неприменимы к этим понятиям, как неприменимы они и к дифференциации, к солидарности и т. д. А ведь, раз проводится аналогия, должна же она иметь какое-либо сходство! Здесь его нет, поэтому все аналогии с шаром и т. д. приходится признать простыми метафорами, лишь затемняющими, а не уясняющими суть дела.

Совершенно ошибочным, далее, является положение, будто бы могут быть одни и те же формы общения с совершенно различным содержанием, и обратно — одно и то же содержание общения в различных формах. Прекрасное подтверждение этой ошибочности дает не кто иной, как сам Зиммель на протяжении всего курса своей «Soziologie».

Перед нами «форма общения» в виде явлений властвования и подчинения. Спрашивается, тождественна ли она в деспотии и в современной республике при властвовании одного, неограниченного монарха над группой и при властвовании двоих или народных представителей над гражданами? История нам ясно отвечает на этот вопрос, и отвечает отрицательно. Так же отвечает и сам Зиммель. Властвование одного над группой имеет совершенно иную «форму», чем властвование двоих, взаимоотношение властителя к подчиненным, его природа, его функция — совершенно различны во всех этих случаях⁴⁶.

От мнимой тождественности «форм общения» при различных содержаниях ничего не остается, кроме слова «властвование», да общих, родовых признаков взаимоотношения власти к подвластным.

То же можно видеть и на анализе других «форм общения», исследуемых Зиммелем⁴⁷.

Вот почему его тезис: одна и та же форма общения может наполняться различным содержанием, и обратно — либо абсолютно ложен, либо в лучшем случае этот тезис должен быть понимаем так: родовое явление (напр[имер] властвование) может распадаться на виды. Родовое явление (или соответственное родовое понятие) условно называется формой, видовое — материей. При таком понимании понятие социоло-

⁴⁶ См.: *Simmel G. Soziologie*, гл. 3: *Über- und Unterordnung*, S. 141.

⁴⁷ См., напр[имер], гл. «Die quantitative Bestimmtheit der Gruppe».

Глава I. Задачи социологии

49

гии Зиммеля, как выше было указано, сводится к третьему из указанных взглядов: социология как наука о формах общения, под которыми разумеется совокупность отношений наиболее общих и родовых, свойственных каждому явлению взаимодействия людей, есть наука, изучающая эти родовые свойства процессов общения.

Так фактически дело и обстоит. Зиммель глубоко ошибается, когда думает, что «формы общения», изучаемые его социологией, не изучаются другими социальными науками и не являются «материей» последних. Разве то же явление властвования и подчинения не составляет предмет изучения науки государственного права? «Власть и

государство», понятия «власти», «межвластных отношений», «форм и видов властвования» и т. п. — разве все это не главы этой науки, которые можно встретить в любом курсе государственного права?⁴⁸

«Формы общения», называемые им *Die Treue* и *Dankbarkeit*^{17*}, точно так же изучаются в качестве «материи» в ряде социальных наук (например], явления обмена, спроса и предложения изучаются политической экономией); солидарность и разделение труда одинаково изучаются и этикой, и наукой о государстве, и политической экономией; влияние числа на организацию группы составляет предмет демографии и т. д.⁴⁹ Короче говоря, социология Зиммеля имеет своим объектом явления, изучаемые рядом частных социальных наук; поэтому его положение, что социология должна обрабатывать «свое поле», не обрабатываемое другими отраслями знания, им не доказано. Отсюда вывод: поскольку он обосновывал автономность социологии на только что указанной предпосылке, ему этой автономности доказать не удалось.

Вывод из всего сказанного о конструкции Зиммеля таков: 1) Если бы ему удалось выделить для социологии вид взаимодействия, не изучаемый другими дисциплинами, то это означало бы лишь создание добавочной специальной отрасли знания, несколько не делающей ненужной «генерализирующую» науку в смысле третьего, указанного выше взгляда. 2) Собственная концепция Зиммеля, построенная на противопоставлении «формы» и «материи», ошибочна: неверно его утверждение, что одна форма общения может иметь различное социальное содержание; неверно, что одна и та же «социальная материя» может проявляться в различных формах общения; неверно его положение, что явления, называемые им «формами общения», не изучаются другими социальными

⁴⁸ См., напр[имер]: Дюги Л. Конституционное право. 1908, с. 24 и ел.; Котляревский С. Власть и право. 1915; Палиенко Н. Суверенитет. 1903; Покровский П. О государственной] власти // Юрид[ические] Зап[иски]. 1914, вып. XXI-XXII; Кистяковский Б. Сущность государственной] власти // Юрид[ические] Зап[иски]. 1913, вып. III; Курсы Коркунова, Петражицкого, Тарановского по общей теории права, курсы Эсмана, Н.И. Лазаревского и др. по государственному] праву.

⁴⁹ *Simmel G. Soziologie*, S. 581-598, 403-453, 47-133 и др.

50

Система социологии. Том I

науками; наконец, лишена всякой основы аналогия «форм общения» с геометрически пространственными формами. 3) Какой-нибудь смысл и содержание операции Зиммеля с «формой и материей» могут иметь только в том случае, если эти термины понимать в смысле явлений и понятий обуславливающих, родовых (форма), и обуславливаемых, видовых (материя). А в этом случае концепция Зиммеля сводится к третьей из указанных выше точек зрения относительно взаимоотношения социологии и частных социальных наук.

Все сказанное о Зиммеле с соответствующими изменениями применимо и к другим авторам, примыкающим ко второму из указанных выше взглядов.

Обратимся к рассмотрению третьего решения. Оно гласит: *социология есть наука, изучающая наиболее общие свойства явлений взаимодействия людей, отдельные виды или стороны которых изучаются специальными, так называемыми социальными науками.*

Такой ответ сразу же вызывает ряд вопросов: нужна ли такая наука? Не будет ли она простым ярлыком для всего *corpus'a* социальных наук? Не обречена ли она по сути дела на дилетантство и поверхностность? Такие и подобные возражения раздавались и раздаются. Остановимся на них.

Я не раз выше указывал, что дифференциация наук не только не исключает, но, напротив, требует существования «генерализирующей» науки.

1) Это положение основывается прежде всего на том, что там, где дан ряд явлений, распадающихся на несколько видов, там должна быть дана и наука, изучающая общеродовые свойства данного разряда явлений. Здесь вполне применима теорема Л. Петражицкого, гласящая: «Если есть η видов сродных предметов, то теоретических наук,

вообще теорий должно быть $\eta + 1$; напр [имер], при наличности 2-х видов требуется $2 + 1 = 3$ науки; при наличности 3-х видов — 4 науки и т. д.»⁵⁰ Такое требование вытекает из принципа адекватности теории. Растения и

⁵⁰ *Петражицкий Л.И.* Введение в изучение права, с. 80. «В самом деле, — продолжает проф. Петражицкий, — если класс *a* (напр [имер], правовые явления) и класс *b* (напр[имер], нравственные явления) — действительно классы сродных явлений, т. е. наряду со своими специальными особенностями имеют и общие черты и свойства, относятся к тому же высшему роду, то для надлежащего познания объектов того и другого класса необходимо как знание родовых, общих, так и специфических свойств; но при наличности только двух дисциплин, теории *a* (напр[имер], права) и теории *b* (напр[имер], нравственности), такое знание невозможно в виде вполне правильных теорий, а неизбежно или полное отсутствие знания родовых свойств, или же наличность в обоих дисциплинах хромых теорий; для избежания того или другого необходима наряду с двумя видовыми дисциплинами, изучающими специфические особенности класса *a* и класса *b*, еще одна высшая, родовая дисциплина *c*, изучающая и излагающая свойственное общему роду» (Там же, с. 80-81).

Глава I. Задачи социологии

51

животные — это два вида, принадлежащие к общему роду организмов; наряду с их специфическими свойствами они имеют и общие свойства. Поэтому наряду с ботаникой и зоологией дана третья наука — общая биология, имеющая своей задачей исследование этих общих, родовых свойств явлений жизни.

То же применимо и к социологии. В целях лучшего и детального изучения явлений социальной жизни здесь необходима специализация наук; каждая из специальных дисциплин будет изучать и изучает частный вид явлений человеческого взаимодействия (см. выше). Но все эти виды как частные случаи родового факта — человеческого взаимодействия — должны иметь и ряд общих свойств.

Изучение их требует «генерализирующей» науки об этих родовых свойствах; такой дисциплиной является социология. К числу η частных социальных наук, изучающих η видов социального явления, должна присоединиться $\pi + 1$ -ая наука — социология.

2) Бытия такой «генерализирующей» науки требует и *принцип экономии сил*¹⁸. Вместо того чтобы каждая частная наука говорила о законах и отношениях, имеющих место не только в пределах изучаемых ею явлений, но и в ряде других видов данного рода, научно экономнее и правильнее будет, если такие законы и отношения будут сразу сформулированы в применении ко всем видам явлений, где они имеют место. Ценность положения «сигары в 10 лотов весом притягиваются прямо пропорционально массе и обратно пропорционально квадрату расстояния» равна нулю, хотя это положение и правильно. Иначе совсем обстоит дело с положением «все тела притягиваются прямо пропорционально массе», и т. д. Это положение Ньютона поистине было великим открытием и прежде всего *с точки зрения экономии сил*⁵¹.

Множество частных случаев оно свело к общему явлению; частное проявление отношений тяготения, замечавшееся в отдельных случаях,

⁵¹ «Открытие этого закона, — правильно говорит Чуиров, — обозначает собою переворот в теории тяготения. Почему? И до Ньютона допускали, что солнце как целое притягивает планеты; приходила также в голову мысль о законе обратной пропорциональности квадрату расстояния. Ньютон совершил лишь переход от рассмотрения сил, действующих между телами конечных размеров, к изучению сил, с которыми притягиваются бесконечно малые частицы. Но этот переход сопряжен с такой экономией умственной энергии, что по праву занимает отводимое ему место в истории вопроса: Если бы память должна была удерживать в отдельности каждый установленный в этой области единичный факт (напр[имер], что сигары в 10 лотов весом, что медный куб и шар, что два камня и т. д. притягиваются согласно формуле тяготения. — П.С.), то с ростом знаний сложность проблемы вышла бы за пределы ограниченных способностей

человеческого разума». Благодаря открытию Ньютона, «мы сразу выходим из затруднения: пестрая масса отдельных фактов становится тотчас легко обозримой. Весь богатый запас наблюдений резюмируется в краткой формуле» (*Чупров А.А. Очерки по теории статистики. 1909, с. 9-11*).

оно сделало родовым свойством материи вообще. И в этом его громадное значение. С точки зрения экономии сил, всякое превращение частного случая в общий факт, видового явления или свойства в родовое — раз такое превращение соответствует действительности — будет научным выигрышем. В силу этого принципа не только возможна, но и методологически необходима социология, ставящая своей целью изучение родовых свойств явлений взаимодействия. Учение о таких свойствах было бы большим приобретением с точки зрения экономии сил.

3) Существования социологии в этом смысле требуют и сами интересы специальных наук. Нет сомнения, что социология как наука индуктивная неразрывна от частных наук, анализирующих мельчайшие факты социального взаимодействия, и только от них и через них она получает данные для формулировки своих обобщений. В этом смысле частные дисциплины могут быть названы видами специальной социологии. Поэтому ее прогресс зависит от прогресса первых.

Но если верно это, столь же верно и обратное положение, что прогресс специальных наук зависит от прогресса социологии. *Duprat* прав, говоря, что «социология столь же необходима для прогресса специальных наук, как эти последние для прогресса самой социологии»⁵². Различные разряды явлений взаимодействия, изучаемые отдельными науками, например явления экономические, религиозные, правовые, эстетические и т. д., в действительной жизни не отделены друг от друга, а неразрывно связаны и влияют одни на другие. «Заработная плата рабочих, например, зависит не только от отношений между спросом и предложением, но и от известных моральных идей. Она падает и подымается в зависимости от наших представлений о минимуме благополучия, которое может требовать для себя человеческое существо, т. е. в конце концов от наших представлений о человеческой личности». (Связь идей и экономических фактов.) Формы политического устройства связаны и зависят от числа и плотности населения⁵³. Разделение труда определенным образом связано с явлениями солидарности⁵⁴. Экономическая организация общества зависит часто от форм религиозных верований⁵⁵. Географические условия определенным образом влияют и на организацию производства, и на строй семьи, и на обычаи народа⁵⁶, и т. д. Короче, в подлинной действительности все явления взаимодействия людей одни с другими связаны.

⁵² *Duprat G. Science sociale et democratie. Paris, 1900, p. 71.*

⁵³ См. для примера: *Costs A. Les principes d'une sociologie objective. 1899; Его же. L'expdrience des peoples. 1900; Simmel G. Soziologie, гл. 2.*

⁵⁴ См.: *Дюркгейм Э. Разделение обществ [енного] труда. 1900; Bougie C. Revue gdnerale des theorie sur la division du travail // L'annee sociologique, vol. 6, p. 73-122.*

⁵⁵ См.: *Bougie C Le regime des castes. 1908.*

⁵⁶ См. напр[имер]: *Demolins E. Comment la route cree le type social. Librairie de Paris, vol. I—II.*

Глава I. Задачи социологии

Поэтому если экономист ограничился бы только экономическими явлениями, игнорируя и не учитывая явления не экономические и влияние последних, то вместо законов, формулирующих действительные отношения экономических явлений, он дал бы лишь воображаемые законы, не способные совершенно объяснить подлинные экономические процессы. А раз это так, то ему волей-неволей приходится быть уже не только специалистом-экономистом, но и социологом, координирующим отношения основных форм социальной жизни. То же *mutatis mutandis* применимо и ко всякой специальности. Так или иначе координирования и установления взаимоотношений между

различными классами социальных явлений не избежать любому специалисту. Волей-неволей он здесь вынужден выступать как социолог и как не «специалист». Мало того, уже само выделение определенной стороны социального бытия, например религиозной, в качестве особого объекта из общего комплекса социальных явлений предполагает наличность общего понятия социальных явлений, их основную классификацию, черты сходства и различия членов этой классификации с выделяемым членом и т. д. и т. д. Без этих предпосылок и без правильного разрешения этих задач немисливо ни правильное определение изучаемого вида социальных явлений (напр[имер], права, религии, хозяйства и т. д.), ни верное определение взаимоотношений между ним и другими видами явлений общения, ни правильная формулировка основных закономерностей, данных в правовой, экономической, религиозной и других областях исследования. Значит, каждый специалист есть всегда и социолог, и не может не быть им. И если социологии бросают упрек в дилетантизм ввиду того, что невозможно-де охватить все стороны общественной жизни, то тот же упрек и с тем же правом можно бросить любому специалисту, ибо и специалист явно или тайно неизбежно должен быть социологом. Различие здесь будет лишь в том, что «специалисту» приходится разрешать все эти общие вопросы «по случаю»; *ad hoc*^{19*}, «с кондачка»; социология же как наука, специально занимающаяся этими проблемами, будет разрешать и разрешает их планомерно, систематически. В первом случае при поспешном разрешении больше шансов впасть в ошибки, во втором — меньше.

Не этим ли объясняются «неудачи» специальных дисциплин, большинство которых до сих пор еще ищет определения своего объекта? Конечно, социолог не будет решать указанные вопросы одним приемом, независимо от данных специальных наук. Но если успех его работы обусловлен прогрессом последних, то, с другой стороны, как видно из сказанного, и прогресс последних зависит от совершенства социологии. В этом убеждает нас и история социологии, и история специальных наук. Совершенствование последних влекло за собой улучшение социологии, и обратно, сам факт обоснования и развития последней вызвал в итоге почти во всех частных науках настоящую революцию. Неоспоримым

5 4

Система социологии. Том I

фактом развития их за последние десятилетия является тенденция «социологизирования» последних. И наука о праве, и наука о хозяйстве, и дисциплины, изучающие явления религиозные, эстетические, психологические, язык, нравы, обычаи, движение народонаселения и т. д., — все они за эти десятилетия в большей или меньшей мере «социологизировались», прониклись общесоциологическими принципами и понятиями, соответственным образом перекрасились, короче говоря — не избегли влияния этой дисциплины. «Социологизм» специальных наук — знамение времени. Этот факт достаточно убедительно говорит о неразрывной связи между первыми и последней, о взаимной обусловленности их совершенствования и взаимной заинтересованности в существовании и развитии каждой.

Вот почему вполне правильно утверждение, что сами интересы специальных наук требуют существования генерализирующей науки в форме социологии. Вот почему Orgaz вполне прав, говоря, что если в наше время в самой социологии под влиянием школы Дюркгейма наблюдается тенденция разработки «специальных» социологии, то эта тенденция не только не исключает, а, напротив, требует развития генерализирующей или общей социологии, унифицирующей явления «философски» (Вормс), «методологически» (школа Дюркгейма), «субстанциально» (органико-реалистическая школа)⁵⁷.

Вот почему прав и Maupas, настаивающий на методологической ценности социологии. «Исключая специфические области социальной реальности, социология может иметь лишь генеральный характер. Отныне она имеет своим объектом проблемы методологические, общие всем социальным наукам; ее миссия — систематизировать результаты, добытые последними. Позже она может ставить и новые проблемы, которые, выходя из пределов специальных наук, позволили бы ей, как физике, дать обобщения,

дающие знания о субстанциальной реальности основного социального факта»⁵⁸.

4) Вообще говоря, положение социологии по отношению к частным дисциплинам *то же самое*, что и положение общей биологии по отношению к анатомии, физиологии, морфологии, систематике и к другим специальным биологическим отраслям знания⁵⁹; положение общей части физики — к акустике, электрологии, учению о свете и т. д.; положение химии — по отношению к химии органической, неорганической и т. п. Поэтому тот, кто вздумал бы говорить, что социологии как еди-

⁵⁷ См.: *Orgaz R. Sociologie generale et sociologie speciale // Revue intern[ationale] de social[ogie]. 1914, № 3.*

⁵⁸ *Maupas. Caracteres et critique de la sociologie, p. 209.*

⁵⁹ «Общая биология исследует законы, приложимые ко всем живым существам всех групп», — правильно говорит Ле-Дантек. См.: *Le Dantec F.A. Il y a une biologie generate // Revue philos[ophique]. 1912, июнь, p. 561-562.*

Глава I. Задачи социологии

55

ной науки нет и не может быть, а есть только специальные науки, — тот должен был бы доказать, что нет физики как общей и единой науки, нет общей биологии, общей химии и т. д.⁶⁰

Впрочем, такие голоса сейчас перестали звучать: социология уже вышла из того состояния, когда можно было оспаривать ее право на существование. Теперь это существование факт, и право на него у социологии несомненно.

Таково решение вопроса об отношении социологии к частным социальным наукам. Как я уже сказал, на этой позиции в данном вопросе стоит большинство социологов»⁶¹.

На этом мы можем окончить предварительную характеристику социологии. Ранее я кратко ответил на три основных вопроса: 1) какие явления социология изучает, 2) почему эти явления для своего изучения требуют создания Специальной дисциплины, 3) каково взаимоотношение социологии и других научных дисциплин как социальных, так и физико-химических, биологических и психологических?

Более детально и более определенно физиономия социологии выяснится в последующих главах данной работы.

⁶⁰ См. об этом: *Де-Роберти Е.В.* Новая постановка основн[овных] вопросов социологии, с. 262; *Ковалевский М.М.* Социология. 1910, т. 1, гл. I-V. Здесь же читатель найдет и подробную трактовку вопроса об отличии социологии от философии, истории, этики, психологии, зоопсихологии, статистики, истории учреждений, права, этнографии и политической экономии.

⁶¹ См., кроме цитированных авторов: *Де-Грееф Г.* *Precis de sociologie*, p. 8; *Морселли.* *Sociologie generale.* 1898, p. 33; *Уорд Л.* *Очерки социологии.* 1901, с. 113; *Гиддингс Ф.* *Основы социологии.* 1898, гл. II; *КостА.* *Les principes d'une sociologie objective*, p. 33 и ел.; *Duprat G.L.* *Science sociale et democratie*, p. 31-77; *Small A.* Ст[атья] в *The amer[ican] journ[al] of sociology.* 1912, сентябрь; *Ellwood Ch.* *Sociology in its psychological aspects.* 1912, p. 15 и ел.; *Richard G.* *La sociologie generale et les lois sociologiques.* Paris, 1912; *Ваксвейлер Э.* *Esquisse*; *Dupreel E.* *Le rapport social*; *Pareto V.* *Trattato di sociologia generale.* Firenze, 1916, т. I, гл. I; *Па-лант Ж.* *Очерк социологии.* 1910, гл. II; *Cornejo.* *Sociologie generale*, 1911, т. I, гл. I; *Кареев Н.И.* *Введение в изучение социологии.* 1907, с 1-3; *Хвостов В.М.* *Социология*, 1917, с. 1-3^{20*}; *Squillace F.* *I problemi costituzionali della sociologia*, 1907, гл. rV-VI.

Глава вторая

АРХИТЕКТНИКА СОЦИОЛОГИИ И ЕЕ ОСНОВНЫЕ ОТДЕЛЫ

§ 1. Теоретическая и практическая социология

В предыдущей главе я кратко наметил границы и предмет социологии. Теперь очертим ее архитектуру.

Вопросы архитектуры любой дисциплины — вопросы не принципиальные, а скорее вопросы научного удобства и практической продуктивности. Научный материал

каждой науки можно распределить различно. Важно лишь одно: чтобы это распределение было научно продуктивно, помогало бы разработке проблем данной науки и облегчало бы усвоение самого материала.

Если в других, более развитых науках — я разумею дисциплины физико-химические и биологические — успели уже установиться на этот счет определенные шаблоны и определенное разделение науки на основные отделы, — то в социологии таких шаблонов пока что нет. Здесь, что ни автор — то своя система, что ни курс — то свой порядок¹. Не только нет сходства в распределении материала в пределах каждого крупного отдела социологии, но не установлено шаблона и в самом делении последней на эти основные отделы. Правда, со времени О. Конта, разде-

¹ Помимо социологических курсов для подтверждения сказанного мне достаточно сослаться на анкетный материал «комитета 10-ти социологов», опубликованный в *The american journal of sociology*. В Америке комитетом 10 социологов, в состав которого вошли все более видные социологи заокеанских республик, была произведена анкета с целью выяснения вопросов: в каких учебных заведениях преподается социология, что под этим названием преподается фактически, каковы система, подразделение, план и материал социологических курсов, наконец, каковы те научные и педагогические принципы, которые положены в основу преподавания социологии. Материал, полученный таким путем, как и следовало ожидать, рисует весьма пеструю картину. См.: *The amer[ican] journ[al] of sociology*, vol. 16, № 6; vol. 17, № 5.

Глава II. Архитектоника социологии и ее основные отделы

57

лившего социологию на два основных отдела: социальную статику и социальную динамику, — это деление в той или иной форме можно встретить почти у всех социологов. Но это сходство самое общее и скорее внешнее, чем внутреннее: само понятие социальной статики и динамики трактуется социологами далеко не одинаково.

Вот почему каждому социологу приходится идти своим путем и руководствоваться своим научным тактом.

С точки зрения автора данной работы, наиболее целесообразным будет такое деление социологии:

I. *Теоретическая социология*, изучающая явления человеческого взаимодействия с точки зрения *сущего*. II. *Практическая социология*, исследующая их с точки зрения *должного*. Это деление в общем и целом соответствует принятому теперь в Америке делению социологии на *pure sociology* и *applied sociology*². Оно диктуется необходимостью различения чисто теоретических дисциплин, научных в узком смысле этого слова, от дисциплин практических, представляющих скорее искусство, а не науку. Строение тех и других с точки зрения логической совершенно различно³.

Теоретическая социология и ее отделы

I. *Теоретическая социология* в дальнейшем распадается на три основных отдела: 1) *социальную аналитику*, 2) *социальную механику* и 3) *социальную генетику*.

Объясним кратко основания и характер этого деления.

1. Предметом *социальной аналитики* является изучение строения (структуры) *социального явления и его основных форм*. Этот отдел распадается на два основных подотдела: 1) на социальную аналитику, изучающую строение *простейшего социального явления*: а) определение такого явления, б) разложение его на элементы, в) систематика основных его

² «Чистая наука, — пишет Уорд, — есть наука теоретическая; прикладная — практическая. Первая ищет и устанавливает принципы науки, вторая указывает действительное или возможное применение этих принципов». См.: *Ward L.F. Reine Soziologie*. Innsbruck, 1907, Bd. 1, S. 2-5. Сходны определения *Païma, Small'a* и др. «Общая социология, — пишет последний, — есть наука об условиях (физических и психических), элементах, формах, силах, процессах, результатах и усложнениях человеческого общества. Специальная социология (прикладная социология, социальная технология или

социальная политика), опираясь на данные общей социологии, ставит своей задачей выработку мер, способных обеспечить прогресс и достижение поставленных целей». Ст[атья] *Small'a* в *The american journal of sociology*, сентябрь, 1912.

³ См. об этом: *Сорокин П.* Преступление и кара, подвиг и награда. 1914 (Введение: Нормативная ли наука этика и может ли она ею быть); *Его же.* Категория «должного» и ее применимость к изучению обществ[енных] явлений // *Юридический Вестник*. 1917, № 1.

5 8

Система социологии. Том I

форм); 2) на социальную аналитику, изучающую строение *сложных социальных единств*, образованных путем той или иной комбинации простейших социальных явлений: а) определение таких единств, б) разложение их на простейшие социальные явления, в) классификация основных видов таких сложных социальных соединений.

Как анатомия растений или животных открывается анатомией клетки в качестве простейшего организма и потом уже переходит к анатомии тканей, органов и многоклеточных организмов, так же и социальная аналитика изучение социальных явлений должна начинать с изучения простейших форм последнего и потом уже переходить к анализу более сложных социальных образований.

Таким образом, социальная аналитика есть учение о социальных явлениях, рассматриваемых, во-первых, статически, взятых в пространстве, а не во времени, во-вторых, изучаемых не с точки зрения функциональной, а с точки зрения их строения.

2. *Социальная механика* (или социальная физиология) имеет своим предметом изучение не строения, а *процессов взаимодействия людей*, иными словами — *поведения людей и тех сил, которыми оно вызывается и определяется*.

Задачи социальной механики или социальной физиологии по отношению к социальным явлениям те же, что и биологической физиологии по отношению к организму. Отношение ее к социальной аналитике то же, что и отношение физиологии к статическим биологическим дисциплинам: к анатомии (гистологии), морфологии и систематике. Подобно тому как в биологии «основной задачей физиологов является установление ряда жизненных превращений и сведение их, по возможности, к точной физико-химической причинности», так и здесь основной задачей социальной механики является изучение ряда процессов социального взаимодействия или изучение поведения людей, живущих в среде себе подобных, исследование факторов, обуславливающих это поведение, и формулировка причинных связей, существующих между этими факторами и актами человека. Подобно тому как в физиологии процессы «изученные и постигнутые, каждый в отдельности, должны быть затем, как звенья громадной жизненной цепи, сочетаны вместе, чтобы можно было прийти к познанию жизни как целого»⁴, так и здесь *социальные процессы*, изученные в отдельности, должны быть «сочетаны вместе, чтобы можно было прийти к познанию общественных явлений как целого»⁵.

⁴ *Пост.* Физиология растений. СПб., 1914, с. 1.

⁵ Довольно удачно под именем социальной механики характеризует эту часть социологии Уорд. «Предмет социологии, — пишет он, — есть человеческое творчество, творческая деятельность (*Ergungenschaft*). Дело идет не о том, что такое люди, а о том, что они делают; не о структуре, а о функции. Социоло-

Глава II. Архитектоника социологии и ее основные отделы

5 9

Пользуясь данными социальной аналитики, социальная механика занимается изучением социальных функций или эффектов, которые вызываются факторами человеческого поведения. Первая ее задача — дать классификацию «раздражителей» поведения людей. Вторая задача — изучение влияния каждого раздражителя («фактора») на поведение людей и через последнее — на общественные явления. Свойства и функции каждого «раздражителя» сначала должны изучаться *отдельно* (подобно химии, изучающей каждый элемент отдельно — кислород, водород и т. д.), затем необходимо изучить функции и свойства этого раздражителя в *соединении с другим* «раздражителем» (*по два*) (подобно химии, изучающей, напр[имер], соединение кислорода с водородом:

H₂O). В этом случае изучение даст возможность установить социальные эффекты такого совместного действия двух «раздражителей», их взаимоотношение и т. д. (иными словами, функции раздражителя *A* должны изучаться в соединении с *AL*, *AL*, *AA*, *AA* и т. д.). Следующий этап заключается в изучении социальных функций «раздражителей» по *три* (*AA₁A₂*, *AA₁A₂B*, *AA₁A₂C* и т. д.) (подобно, напр[имер], H₂SO₄); далее — по *четыре* и т. д.

Если бы социальной механике удалось сколько-нибудь удачно справиться с задачей разложения и классификации сил, определяющих поведение людей, а через поведение — и ход социальных событий, такое изучение их функций дало бы возможность хоть сколько-нибудь понять бесконечно сложный узор общественных явлений, уловить их закономерность, короче — хоть немного отдернуть то таинственное покрывало Изида, которое до сих пор скрывает от нас тайны социальных процессов, делает народы и человечество не повелителями своих судеб, а жалкими игрушками не понятных и не известных нам социальных стихий.

Вне такого изучения эта задача неразрешима. Вне ее социология по-прежнему будет бессильно топтаться среди необозримого океана социальных явлений; вне ее мы будем бессильно барахтаться в волнах со-

ги до сих пор работали, гл[авным] образом, в области социальной анатомии, теперь их внимание должно быть направлено в область социальной физиологии». Объяснением этого факта игнорирования социальной физиологии, по его мнению, служит ошибочная мысль, что физиология динамична и связана с социальным прогрессом. «Но физиология — это чистая функция. Она спрашивает и отвечает на вопрос: что делают структуры и органы. Последние для нее лишь чистое средство, функция же — цель... Анатомия нужна, но она только преддверие... Поскольку социология имеет дело с социальной деятельностью людей, постольку она является изучением поступков (*Handlungen*)... и процессов, благодаря которым различные социальные продукты рождаются в жизнь... Оформившись, они становятся перманентными. Человеческий полип постоянно строит коралловый риф, на высшей поверхности которого живет и действует последнее поколение». *Ward L.F. Reine Soziologie*, S. 18-19.

60

Система социологии. Том I

циального моря, неспособные ни понять их, ни управлять ими, ни даже уяснить себе нашу прошлую историю, осознать наше настоящее и тем более — предвидеть будущее. Здесь перед социологией дилемма: или она такую аналитику и механику создаст — тогда она действительно будет наукой, или она их не создаст — тогда по-прежнему слова «социология и социальные науки» будут обозначать по преимуществу поток слов, а не научных формул, море фраз, а не научных теорем, раскрывающих нам функционально-причинные зависимости социальных событий.

Нет надобности говорить, что эта задача бесконечно трудна, и если она вообще разрешима, то это разрешение потребует работы ряда поколений. Но иного выхода нет, и потому социологии волей-неволей придется идти по этой дорожке.

3. Что касается *социальной генетики* или *генетической социологии*^{1*}, то она, соответствуя в основных чертах социальной динамике О. Конта (в биологии — учению о происхождении и эволюции видов), основной своей задачей ставит формулировку *исторических тенденций или линий развития*, обнаруживающихся в не повторяющемся во времени развитии как всей социальной жизни, так и отдельных ее сторон или институтов. Наряду с этой задачей она же должна дать объяснение *различных отклонений и отступлений от этих тенденций*, поскольку такие отступления даны в ту или иную эпоху, в той или иной сфере общественного взаимодействия.

Иными словами, социальная генетика изучает основные постоянные линии развития социальной жизни, данные во времени, а не в пространстве.

Следуя довольно распространенной терминологии, ее иначе можно назвать теорией социальной эволюции (в отличие от оценочной теории прогресса)⁶.

Как видно из сказанного, генетическая социология не является историей: она не

описывает подробно ни историю общественной жизни, ни историю любого института. Это — задача истории и специальных исторических дисциплин. Социология и здесь формулирует лишь наиболее общие, родовые тенденции развития, данные во времени. Описательная же история — дело специальных дисциплин⁷.

⁶ О различии понятий эволюции и прогресса см.: *Сорокин П.* Основные проблемы прогресса // Новые идеи в социологии. Сб. № 3.

⁷ В силу «случайных» конкретных обстоятельств, в частности того факта, что до недавнего времени историки мало занимались первобытным обществом и исходными моментами в развитии отдельных социальных институтов (семьи, собственности, государства, хозяйства, религии, права и т. д.), социологам пришлось взять на себя почин изучения в этой области; поэтому многие стали называть генетической социологией изучение первобытного общества и исходных моментов в развитии обществ, жизни. См., напр[имер]: *Ковалевский М.М.* Социология, т. II: Генетическая социология. Думается, такое приурочивание тер-

Глава II. Архитектоника социологии и ее основные отделы

6 1

Преследуя указанные задачи, генетическая социология вместе с тем может быть пробным камнем правильности теории социальной механики: если теоремы последней правильны, то комбинация раздражителей, соответствующих условиям определенного общества в определенную эпоху, на основании теорем механики, должна дать именно ту конкретную картину и те события, которые действительно произошли в данное время, в данном общении людей. Если аналитические теоремы механики истинны, то вычисленные на их основании эффекты должны совпасть с действительно происшедшими историческими событиями. Если этого совпадения нет — значит теоремы механики не точны или неверны.

Таковы три основных отдела теоретической социологии.

Практическая социология

II. Задачи *практической социологии или социальной политики* ясны из самого ее названия. Она должна быть осуществлением афоризма О. Конта «Savoir pour prévoir, prévoir — pour pouvoir» (Знать — чтобы предвидеть, предвидеть, чтобы мочь). Эта дисциплина должна быть прикладной дисциплиной, которая, опираясь на законы, сформулированные теоретической социологией, давала бы человечеству возможность управлять социальными силами, утилизировать их сообразно поставленным целям, подобно тому как прикладная химия, технология, агрономия, медицина, санитария, опирающиеся на соответствующие теоретические науки — физику, химию, биологию и т. п., — отдали на служение человечеству силы пара, электричества, воды, ветра, теплоты, короче, силы неорганического и, в меньшей мере, силы органического мира.

Благодаря слабому развитию социальных наук человечество до сих пор бессильно в борьбе с социальными бедствиями и не умеет утилизировать социально-психическую энергию, высшую из всех видов энергий. Мы не способны глупого делать умным, преступника — честным, безвольного — волевым существом. Часто не знаем, где «добро», где «зло», а если и знаем, то сплошь и рядом не способны бороться с «искушениями». Если биологическая медицина еще далека от совершенства, то «социально-психической» медицины нет почти

мина «Генетическая социология» к истории первобытного общения людей лишено логических оснований. Историческое описание любой эпохи — дело истории, а не социологии; это относится и к первобытной эпохе. Генетическая социология занимается лишь формулировкой исторических законов, а не историческим описанием первобытной общественной жизни. Взаимоотношение генетической социологии и истории правильно сформулировано *Н.И. Карее-вым*. См. его: Историко-филос[офские] и социолог[ические] этюды. СПб., 1899, с. 135-139: ст[атья] Задачи социологии и теории истории.

6 2

Система социологии. Том I

и в зародыше. Мудрено ли поэтому, что наша борьба с социальными бедствиями

дает наглядную иллюстрацию истории человеческой глупости. Преступников мы лечим эшафотом и тюрьмами, душевнобольных — домами сумасшествия, способными здорового делать идиотом, но не наоборот; общественные волнения мы исцеляем пулеметами и осадными положениями, невежество — рядом многолетнего глупения в классной комнате, нужду голодного — смертью, разврат — домами терпимости.

Более ярких доказательств нашего невежества нельзя и придумать. Положение дел может измениться лишь тогда, когда мы лучше будем знать закономерности и причинные отношения явлений взаимодействия. Тогда дана будет почва и для появления рациональной социальной политики. В отличие от бессодержательных, хотя и напыщенных «систем морали», большею частью представляющих набор елейных фраз, неспособных что-либо изменить и что-либо излечить, социальная политика, подобно прикладной медицине, должна быть системой рецептуры, указывающей точные средства для борьбы с социально-психическими болезнями, для рациональных реформ во всех областях общественной жизни (в экономической, политической, правовой, религиозной, научной, педагогической и т. д.), для наилучшего использования социально-психической энергии. Короче говоря, она должна быть опытной системой индивидуальной и общественной этики как теории должного поведения.

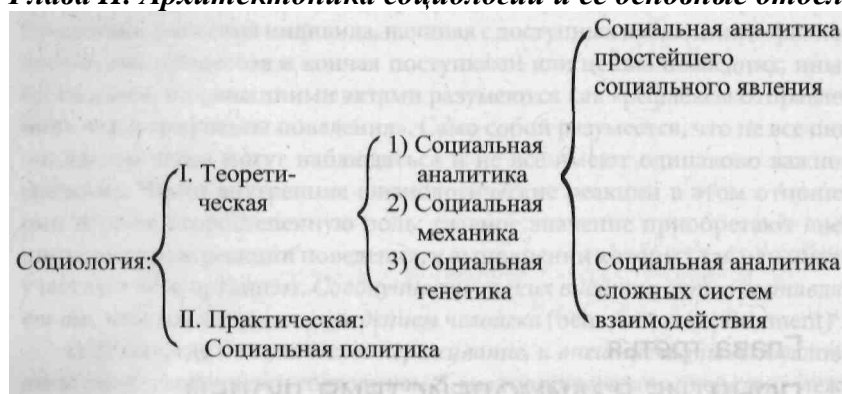
Таковы в основных чертах главные отделы социологии и основные задачи каждого из них. Нужно ли говорить, что эти задачи необъятны и трудности, встающие на пути их достижения, бесконечны. Вместо неопределенной науки «общих фраз» перед нами вырисовывается грандиозная дисциплина. Вместо дилетантского «социологизирования» и обычая открывать все тайны общественной жизни волшебным ключом какого-либо одного «фактора»², приправленного неизменными: «Сезам, откройся», перед нами рисуется тернистая дорога кропотливого исследования, требующая гениальных способностей, бесконечных сил, терпения и воли для того, чтобы успешно продвигаться по ней.

Но иного пути нет. «Легкие» пути не дадут ничего, кроме новых словесных груд. Решение всех этих задач — дело ряда поколений, дело сотен и тысяч работников, которые кирпич за кирпичом будут вносить в общую сокровищницу науки. Хотя рисующиеся задачи бесконечно велики, но для коллективной мысли человечества нет границ и непреодолимых препятствий. По крайней мере существование таких границ не доказано.

Будем верить, что будущее возведет великое здание социологической науки, смутный абрис которой я набросал в этой главе.

Глава II. Архитектоника социологии и ее основные отделы

63

Глава третья

ПОНЯТИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЛЮДЕЙ И МЕТОДЫ ЕГО ИЗУЧЕНИЯ

§ 1. Понятие взаимодействия и поведения людей. Социология как наука о поведении взаимодействующих людей и его результатах

До сих пор я не раз пользовался термином «взаимодействие», но точного определения этого термина не давал. Теперь восполним этот недостаток. Определение взаимодействия людей таково. *Явление взаимодействия людей дано тогда, когда а)*

психические переживания или *Б*) внешние акты, *с*) либо то и другое одного (одних) из людей представляют функцию существования и состояния (психического и физического) другого или других индивидов. Иными словами, когда изменение психических переживаний или внешних актов одного индивида вызывается переживаниями и внешними актами другого (других), когда между теми и другими существует функциональная связь, тогда мы говорим, что эти индивиды взаимодействуют.

Этим определением явление взаимодействия людей, изучаемое социологией, очерчивается точно и ясно:

я) Всякий раз, когда мы можем констатировать, что *психические переживания А* (ощущения, представления, идеи, чувства, эмоции, воле-ния) зависят от существования и состояния *В*, обуславливаются последним, изменяются под его влиянием, иначе, где *В* служит «раздражителем» психических состояний и поведения *А*, мы говорим: *А* и *В* взаимодействуют.

Б) Всякий раз, когда *внешние акты А* являются функцией существования и состояния *В* (вызываются, изменяются, задерживаются под влиянием переживаний, поступков и существования *В*), мы говорим: взаимодействие между *А* и *В* существует.

Глава III. Понятие взаимодействия людей и методы его изучения 65

Здесь под *внешними актами* разумеются все внешние, доступные наблюдению, движения индивида, начиная с доступных наблюдению физиологических процессов и кончая поступками или цепью последних; иными словами, под внешними актами разумеются как «рефлексы отправления», так и «рефлексы поведения». Само собой разумеется, что не все они одинаково легко могут наблюдаться и не все имеют одинаково важное значение. Чисто внутренние физиологические реакции в этом отношении играют второстепенную роль; главное значение приобретают внешние, видимые реакции поведения, в выполнении которых так или иначе участвует весь организм. *Совокупность таких внешних актов составляет то, что мы называем поведением человека* (behavior, comportedment)¹.

с) Всюду, где и *психическое переживание*, и *внешние акты А* обусловлены существованием и состоянием *В*, мы говорим: взаимодействие между *А* и *В* дано.

Примеры: Благодаря появлению в данной комнате *В* радостное настроение *А* сменилось «грустью». Угрозы *В* вызвали переживания страха в *А*. Налицо взаимодействие между *А* и *В* (тип «а»). Телеграмма, полученная *А* от *В* из Америки, заставила *А* идти на почту и дать ответ. Появление ребенка *В* «вызвало» на устах его матери *А* «улыбку». Слово *В* побудило *А* ответить на «оскорбление» «пощечиной». Грязная одежда *В* заставила *А*, сидевшего с ним рядом в трамвае, *пересест* на противоположную скамью. Налицо взаимодействие (тип «Б»).

Медленность движения трамвая, управляемого вагоновожатым *В*, вызывает *раздражение и злость в настроении* торопящегося *А* и заставляет его взять *извозчика*.

Игра артиста *В* доводит «до неистовства» г-жу *А* и заставляет ее «бешено *аплодировать*». Декрет комиссара *В*, призывающий *А* на военную службу, «*повергает его в уныние*» и заставляет *идти* в комиссариат.

¹ Поведение и внешние акты в нашем смысле совпадают с тем значением, которое придает этим терминам ряд американских исследователей поведения животных и человека. «Под поведением я разумею, — пишет *Дженнингс*, — общие телесные движения организма. Они не вполне резко отличимы от внутренних физиологических процессов. Термин "поведение" (behavior) представляет коллективное имя для наиболее резких и очевидных форм деятельности, выполняемых организмом». *Jennings G.S. Behavior of the lower organisms. New York, 1906, p. V.*

Сходно определяет эти термины и *Пармели*. Под поведением (behavior, а не conduct) он разумеет «внешние видимые движения животного организма, составляющие (constitute) внешний физиологический процесс». *Parmelee M. The science of human behavior. New York, 1913, p. 1.*

Уже, чем наше, то понимание, которое дает этим терминам *М[ак]-Даугал*. Он под поведением разумеет лишь акты, в выполнении которых участвует весь организм, и вдобавок акты конативно-целевые. См.: *М[ак]-Даугал У.* Основн[ов-ные] проблемы социальной психологии. М., 1916, с. 259-260; *Его же.* Psychology, the study of behavior. 1912.

3 Система социологии

6 6

Система социологии. Том I

Налицо взаимодействия между *А* и *В* (тип «с»).

Из этих примеров, иллюстрирующих основное положение, становится совершенно ясным понятие взаимодействия людей. В интересах большей ясности я подразделил его на три основных типа, чтобы оттенить, что взаимодействие дано всюду, где внутренние переживания или внешние акты, или, наконец, то и другое одного или одних индивидов являются функцией данности (существования и поведения) других или другого индивида².

² Но здесь встает вопрос: раз отношение взаимодействия между *А* и *В* или большим числом индивидов дано тогда, когда переживания и поступки (либо то и другое) одного (одних) из них зависят от существования и состояния другого или других индивидов, то не ведет ли это к тому, что в каждый данный момент мы должны признать *взаимодействующими всех людей земного шара*⁷. Разве, в конечном счете, можно отрицать, что состояние и поведение каждого из нас обусловлены состоянием и поведением всех людей? Как бы ни было незначительно влияние поведения какого-либо китайского сановника или австралийского фермера, но, в конечном счете, и оно является одним из условий, определяющим собою судьбу Ивана, Петра, Павла, находящихся далеко от них и даже не ведающих об их существовании?

На эти вопросы я отвечаю отрицательно и в силу тех же оснований, в силу которых всякая номографическая наука не считается с возражением, что «все в этом мире связано» и что поэтому причину того или иного явления нельзя искать в той или иной конкретной причине, а надо такой причиной считать все состояние мироздания в предшествующий момент. Социология, как и всякая «генерализирующая наука», в своем причинном анализе опирается на общие постулаты индукции, в частности, на постулат «*наличности в мироздании параллельно развивающихся и независимых друг от друга рядов причинно обусловленных явлений*», полагаемых Курно в основу теории науки. *Tout se lie, tout s'enchaîne dans ce monde*^{1*} — допущение подобной всеобщей взаимной обусловленности явлений, если не сводить его бессознательно на нет, делает номографическую работу невозможной, как правильно говорит А.А. Чупров, следуя Cournot. Если каждое единичное явление представляется следствием всего состояния мироздания в предшествующий момент времени, то никакой анализ, никакие индуктивные или иные методы не в состоянии подвинуть нас ни на шаг на пути номографического изучения вселенной. Но такое допущение противоречит «здравому смыслу» (*Чупров А.А.* Очерки по теории статистики, с. 99-100). «Никто не будет всерьез принимать, — цитирует он блестящие строки Курно, — что, топая ногою, может повлиять на движение корабля, плывущего по водам противоположного полушария, или сотрясти систему спутников Юпитера; влияние, во всяком случае, было бы столь ничтожно, что не обнаружилось бы ни в каком уловимом для нас действии, и мы совершенно вправе с ним не считаться. Не представляется невозможным, чтобы событие, происходящее в Китае или Японии, отразилось на том, что имеет произойти в Париже или Лондоне, но вообще, несомненно, способ, каким располагает свой день парижский обыватель, ни в коей мере не зависит от того, что происходит в каком-либо китайском городе, куда европейцы никогда не проникали. Это как бы два небольших мира, в каждом из которых наблюдается своя цепь причин и их действий, и цепи эти развиваются одновременно, не переплетаясь и не оказывая друг на друга сколько-нибудь заметного влияния».

Глава III. Понятие взаимодействия людей и методы его изучения

6 7

Очерченное понятие взаимодействия по своему логическому характеру достаточно

точно и определенно. Но можем ли мы на основании этого определения, в каждом данном случае сосуществования людей сказать: «вот здесь взаимодействие между ними существует, а здесь его нет?» Иными словами, нет ли в данном определении взаимодействия таких признаков, которые нелегко доступны констатированию, которые не представляют внешних явлений и потому легко могут остаться незамеченными? Если такие признаки есть, то не делают ли они бесполезной всю логическую точность определения и неработоспособными все понятия и критерии взаимодействия?

В предыдущем определении я указал, что взаимодействие людей потенциально дано не только тогда, когда одни внешние акты или внешние акты и психическое состояние одного индивида являются функцией существования и состояния другого или других индивидов, но оно дано и тогда, когда *одно психическое состояние индивида* зависит и изменяется в силу существования и состояния другого человека.

Вот этот-то случай взаимодействия и заставляет остановить на нем наше внимание и удалить все вытекающие из него неясности.

Здесь встают два вопроса: 1) Бывают ли в действительности случаи, когда изменение психического состояния индивида не влечет за собою или не сопровождается теми или иными изменениями его поведения? 2) Если такие случаи бывают, то как мы можем изучать их? На основании каких признаков мы можем сказать, что психические переживания *A* претерпели какое-то изменение, что индивид *A* находится во взаимодействии с *B*?

Что касается первого вопроса, то, насколько можно судить по современным данным, на него приходится ответить отрицательно. Согласно результатам, добытым современной психологией и физиологией, *представляется невероятным изменение психического состояния без тех или иных внешних или внутренних физиологических процессов*. Всякое психическое переживание обычно сопровождается теми или иными изме-

К понятию взаимодействия вполне применимы и дальнейшие слова Курно: «От следствия (в данном случае состояние *A*, зависящее от *B*. — *П.С.*) мы восходим к его *непосредственной* причине (акт *B*. — *П.С.*); эта причина, в свою очередь, представляется следствием и т. д. ...Эта неопределенно длинная цепь причин и действий, следующих друг за другом, — цепь, в которой наблюдаемое ныне явление представляет лишь одно звено, представляет по существу своему линейный ряд. Бесконечно большое число подобных рядов может существовать одновременно: эти ряды могут скрещиваться, так что одно и то же явление, если в возникновении его участвовало несколько различных явлений, входит следствием в несколько разных рядов причин или порождает, в свою очередь, несколько рядов следствий, которые, начиная с этого исходного момента, им всем общего, будут в дальнейшем оставаться различными и совершенно друг от друга оторванными» (*Cournot A. Essai sur le fondements de nos connaissances. Paris, 1851, p. 49-52; Чурнов А.А. Цит. соч., с. 104-105*).

нениями в поведении человека: переживания любви, ненависти, чувство боли или удовольствия, осознание идеи, волевое решение, короче, все психические акты влекут за собой то или иное изменение поведения в виде «ласкового взгляда», «угрожающего жеста», «grimасы боли», «улыбки», тех или иных слов, того или иного движения рукой, дрожания мускулов, прилива или отлива крови к различным органам, изменения походки и т. д. и т. д. Эти внешние проявления внутренних, субъективных переживаний могут быть весьма резкими и крупными (напр[имер], то или иное волевое решение часто «объективируется» в длинном и сложном ряде актов, совершаемых в течение недель и месяцев, на протяжении которых индивид стремится достигнуть намеченной цели), иногда же эти внешние показатели могут быть весьма незначительными, замечаемыми лишь с великим трудом и то путем тщательного изучения и анализа. Несмотря на такие случаи, допуская даже такие факты, где современными методами исследования, быть

может, и нельзя будет открыть никаких внешних проявлений изменения психического состояния, все же мы должны думать, что «психический процесс и мозговой процесс неотделимы друг от друга», что, «по современным воззрениям, нет ни одного душевного, resp.^{2*} сознательного или субъективного явления, которое не сопровождалось бы движением нервного тока, пробегающего по клеткам и волокнам мозговой ткани»³. Это положение следует также из того, что сама психическая жизнь в ее высших проявлениях возможна лишь там, где есть развитой мозг, и в частности серое корковое вещество мозга⁴. Раз так, то минимальный физиологический «ко-реллят» субъективного переживания всегда будет дан в форме хотя бы нервно-мозгового процесса и ряда реакций, совершающихся в нервной системе. Та же объективная психология и физиология показывают нам, что и любое из психических переживаний, начиная с простейших актов ощущения и восприятия и кончая сложнейшими субъективными переживаниями, так или иначе проявляется в тех или иных внешних явлениях, в тех или иных рефлексах⁵.

Вывод из-сказанного тот, что на основании современных научных данных представляется невероятным, чтобы какой-либо психический процесс происходил без тех или иных внешних, физиологических процессов, чтобы изменение психических переживаний так или иначе не отражалось на внешнем поведении человека или его внутренних физиологических процессах. Случаи, где такого «внешнего» выражения нет, следует понимать в том смысле, что пока мы не имеем достаточно тонких инструментов

³ Бехтерев В.М. Общие основания рефлексологии. Петроград, 1918, с. 3, 16.

⁴ См. об этом: Вагнер В.А. Биологические основания сравнительной психологии. Изд. Вольфа, т. II, с. 272-285; т. I, passim.

⁵ См. об этом: Бехтерев В.М. Цит. соч., гл. I и II, XIX, XXXIII, XXXIV-XXXVII и passim.

Глава III. Понятие взаимодействия людей и методы его изучения 69

для наблюдения и констатирования этих незначительных внешних изменений поведения.

Таков вкратце ответ, который приходится дать на первый из поставленных вопросов.

Теперь перейдем ко второму. Допустим на минуту, что возможны чисто психические переживания, не сопровождающиеся никакими внешними процессами. Вообразим, например, что слова *В* сильнейшим образом подействовали на *А*, вызвали в его «душе» «настоящую бурю», перевернули в ней все вверх дном, но что *А* абсолютно ничем не обнаружил, не проявил вовне эту душевную революцию. Выражение его лица, тон его голоса, ритм его слов, характер его движений, ход и характер его физиологических процессов, короче говоря — все его поведение, включая сюда и все доступные наблюдению внутренние физиологические процессы *А*, ни на йоту не изменились. Спрашивается, доступны ли будут нашему наблюдению такие явления? Можем ли мы что-либо сказать о них? Можем ли даже узнать о них? В состоянии ли мы улавливать такие формы взаимодействия? Ответ ясен сам собой. Такие душевные революции, не сопровождаемые никакими внешними проявлениями, если они даже и возможны (что невероятно), недоступны наблюдению, мы их не можем замечать, мы даже не можем догадаться об их существовании. Для нас они равны несуществующим.

Вот почему факты взаимодействия, где только одно психическое состояние *А* изменяется и зависит от существования *В*, без изменения поведения *А*, такие факты недоступны наблюдению, мы не можем знать даже об их существовании; следовательно, они равны несуществующим, если бы далее и были возможны.

Таким образом, на практике явления взаимодействия людей сводятся ко второму и третьему из указанных выше случаев (типы «*В*» и «*с*»), т. е. к функциональной зависимости либо внешнего поведения *А*, либо и внешнего поведения и внутренних переживаний от существования и поведения *В*.

Если дело обстоит так, то тем самым отпадают и те неясности в понятии

взаимодействия, вопрос о которых был только что поставлен.

Так как фактически невероятно, чтобы возможно было изменение психических переживаний без соответствующего изменения поведения, так как такое изменение одной психики, если его даже допустить, все равно недоступно наблюдению, то взаимодействие всегда (и в случае «Б» и «О») проявляется во внешних актах людей, т. е. во внешних явлениях, доступных наблюдению и констатированию.

Отсюда следует модификация определения взаимодействия:

Взаимодействие людей дано там, где поведение одного индивида, в одних случаях сопровождаемое сознанием, в других — нет, является функцией поведения другого или других людей.

70

Система социологии. Том I

Подставляя это значение взаимодействия в данное выше определение социологии, мы получаем следствие: *социология изучает: 1) такие виды поведения людей, где поведение одних является функцией поведения и существования других; 2) явления, возникающие в результате такого поведения.* Иными словами, *социология есть наука о поведении людей, находящихся в процессе взаимодействия, и о результатах такого поведения.*

§ 2. Субъективный и объективный методы изучения психических явлений. Спор «субъективистов» и «объективистов» в психологии и социологии. Решение спора

Проблема

Сказанное, однако, ничуть не предпрещает вопроса о способах изучения явлений взаимодействия. Если из области изучения социологии выпадают случаи чисто психических переживаний, не объективируемых вовне никакими внешними признаками, — так как такие явления не существуют, а если существуют, то недоступны изучению, — то этим не предпрещается вопрос: *изучать ли в остальных явлениях взаимодействия только внешние акты или вместе с ними и те психические переживания, которыми они в ряде случаев сопровождаются*⁷. Иными словами, следует ли изучать явления взаимодействия только с внешней, объективной стороны, совершенно не касаясь внутренних, психических переживаний взаимодействующих индивидов? Или следует изучать их и со стороны субъективных переживаний? Если остановиться на последнем решении, то как и каким образом возможно изучение субъективных состояний взаимодействующих индивидов?

Вопросы эти, как известно, уже давно волнуют психологов и физиологов: спор между сторонниками субъективной психологии, признающими возможным и необходимым изучение психических состояний как таковых, и сторонниками объективной психологии, отрицающими возможность и продуктивность изучения психики и заменяющими изучение последней изучением внешних актов и физиологических процессов, явление не сегодняшнего дня.

Раз социологу приходится иметь дело с психическими явлениями, он не может избежать этих вопросов. Куда, по которой из этих двух дорог он должен пойти? Многим, быть может, покажется странной сама постановка такого вопроса. «Ясно, — скажут они, — что надо изучать и психические переживания. Не психическими ли по своей природе являются социальные факты? Как же обойтись без изучения психики?»

Глава III. Понятие взаимодействия людей и методы его изучения **71**

Но дело обстоит не так просто, если мы поглубже вникнем в суть дела. Положительному решению вопроса, следует ли в явлениях взаимодействия изучать не только внешнюю сторону, данную в актах, но и соответственные психические переживания, мешают два главных препятствия: 1) *неопределенность самого понятия «психического» и его синонимов* (сознание, душевное явление и т. п.) и 2) *недоступность психики прямому наблюдению.*

Любой исследователь, стремящийся к точности своих положений, избегающий

оперирования с неопределенными терминами и субъективизма в своих изысканиях, не может не считаться с такими фактами: вводя психические термины в свои построения, оперируя с субъективными, недоступными прямому наблюдению, психическими процессами, он рискует загрязнить субъективизмом и неопределенностью все свои построения. Вот почему, как увидим сейчас, многие исследователи предпочли путь игнорирования психики и стали на путь изучения одних внешних актов и физиологических процессов (человека и животных).

Из двух зол: пожертвовать ли изучением психических переживаний в пользу точности и объективности своих положений или, напротив, изучать и исследовать их, рискуя загрязнить объективность и определенность своих построений, «объективисты» избрали первый путь, сторонники «субъективной психологии» — второй.

Так как та же дилемма стоит и перед социологом, то волей-неволей приходится подробнее остановиться на этом споре, и прежде всего на вопросах: 1) действительно ли неопределенны и неясны не только второстепенные понятия психологии, но и само понятие «психического», 2) действительно ли психические переживания недоступны прямому наблюдению и объективному изучению⁷.

Неопределенность понятия «психики». «Субъективная» и «объективная» психологии

На примере самих психологов нетрудно показать неясность и неопределенность понятий «психики» и «сознания». Эти термины постоянно употребляются, есть целая наука «психология», но — увы! — основные понятия «психика» и «сознание» до сих пор остаются неопределенными. Этим фактом объясняются те зловключения, которые связаны с употреблением этих терминов. Я уже не говорю о гносеологических разномыслиях относительно понятия психического⁶. Для моей аргументации достаточно указания на сумбур мнений в этом пункте у представителей так называемых точных наук — психологов, биопсихологов и биологов. Приведем факты.

⁶ См., напр[имер], 4-й сб[орник] «Новых идей в философии». Изд. «Образование».

7 2

Система социологии. Том I

Обычное определение психологии как науки «о состоянии сознания, — говорит Вундт, — делает круг, ибо если спросить вслед за тем, что же такое сознание, состояния которого должна изучать психология, то ответ будет гласить: сознание представляет сумму сознаваемых нами состояний»⁷. «Описание или определение их (сознания и его элементов), — говорит Гефдинг, — невозможно»⁸. Логический круг при попытке определить сознание находим мы и у других авторов. Так, термин «сознание» (consciousness) в «Словаре психологии и философии» Болдуина определяется как «the distinctive character of whatever may be called mental life»^{3*}, а слово «Mind» определяется как «the individual's conscious process, together with the dispositions and predispositions which condition it»^{9,4*}. Иными словами, сознание определяется через термин «психический, духовный» (mental), а духовный определяется через термин «сознательный» (conscious). «Определение психического наталкивается, как известно, на большие трудности», — говорит Риккерт¹⁰.

При желании таких примеров можно было бы подобрать немало. Читая курсы психологии, мы сплошь и рядом встречаем, как «психическое» отождествляется сначала с «сознанием», а затем, через несколько страниц, тот же автор, не стесняясь, говорит о «бессознательных» психических процессах. Это шатание мысли станет еще рельефнее, если мы попытались бы узнать у психологов, что следует понимать под «умом», «разумом», «мыслью», «познанием» и т. д. Как и в приведенных примерах, в понимании этих терминов царит полная разногласица. Ввиду такого положения дел немудрено, что полный разброд мнений обнаруживается и в вопросе: в каких явлениях дано психическое и где его нет. Одни, как, например Геккель¹¹, *Ле-Дантек*¹², Перти и др., находят сознание и психическое у всякой клетки («клеточное сознание», «атомная душа»). Мало того, тот же Геккель, а недавно Де-ля-Грассери, находят возможным говорить даже о психике

молекул, атомов и «психологии минералов». Выходит — весь мир обладает психикой и сознанием, начиная от камня и кончая человеком. Другие более умеренны в этом отношении: они признают *психическое* данным лишь у организмов, начиная с низших и кончая высшими.

Представителем этого течения может служить крупный исследователь поведения низших организмов — Джённингс. Ввиду того, что непрерыв-

⁷ Вундт В. Введение в психологию. М., 1912, с. 9.

⁸ Гефдинг Х. Очерки психологии. СПб., 1908, с. 49: «Сознание необъяснимо и почти что не поддается описанию». Natorp P. Einleitung in die Psychologie. 1888, S. 12-14.

⁹ Baldwin J.M. Dictionary of philosophy and psychology. New York, 1901.

¹⁰ Риккерт Г. Психофизическая] причинность и психофизический] параллелизм // Новые идеи в философии. Сб. № 8, с. 3.

¹¹ См. его «Мировые загадки» и «Perigenesis der Plastidule».

¹² См. его «Познание и сознание» — элемент ф. Изд. Карбасникова.

Глава III. Понятие взаимодействия людей и методы его изучения 73

ность эволюции поведения от простейших до человека не дает возможности указать, где и на какой стадии появляется сознание, с одной стороны, и ввиду того что между поведением человека и других животных обнаруживается сходство — с другой, Джённингс и подобные ему авторы заключают, что сознание (психика) является свойством организмов вообще¹³. К этой же категории приходится причислить и таких авторов, как Вундт, Романее, Летурно, Эпинас и др., которые с большим увлечением толкуют о «патриотизме», «любви», «сознании долга», «эстетике», «чувстве собственности» и т. п. среди муравьев, пчел, пауков, червей и т. д.

Эти течения, утверждающие данность психики или состояний сознания даже в мире неорганических явлений (первое течение) или только в мире органических фактов (второе), в виде реакций вызвали третье течение, которое склонно изгнать психику не только из мира неодушевленных предметов и организмов, но и из мира людей: оно пытается свести все «психические явления» к простым физико-химическим реакциям в форме тропизмов, таксисов или чисто физиологических рефлексов. «Сознание — это только метафизический термин для явлений, которые определяются ассоциативной памятью», — говорит Леб¹⁴. Аналогичную позицию занимает и Herrick¹⁵. Близки к этому взгляду и воззрения Bohn'a, Bel'pa и др.

Мудрено ли, наконец, что такая безнадежная разноголосица и путаница в значении и смысле основных понятий психологии, вместе с самим понятием психического, привела многих исследователей к крайнему выводу: *выбросить из научной терминологии как само понятие «психического», так и другие основные понятия психологии, заменить субъективную психологию объективной рефлексологией или физиологией, или наукой о поведении*. «Горизонт строго объективного исследования высшей нервной деятельности, — пишет проф. И.П. Павлов, — успешно и постоянно ширится. Зачем же физиологии проникать в предположительный фантастический внутренний мир животного? В течение 13-ти лет я ни разу полезно для успеха дела не воспользовался при своих исследованиях психологическими соображениями. Физиология мозга животных не должна ни на момент сходиться с истинной почвой естествознания...

¹³ См.: Jennings G.S. Behavior of the lower organisms. New York, 1906, p. 336.

¹⁴ См.: Loeb J. Comparative physiology of the brain and compare[ative] psychology. New York, 1909.

¹⁵ «Consciousness is a functional phase of the more complex mechanism of those higher non stereotyped action for which the reflex machinery is inadequate, in much the same way that the tropisms of Paramecium and the sucking reflex of an infant are functional phases of the simple inborn neuromuscular mechanisms of these organisms»^{5*} (Herrick D.S. The evolution of intelligence // Science, vol. XXXI, № 784). См. изложение и критику всех этих «монизмов» и этой разноголосицы в кн.: Вагнер В. Биопсихология, т. I, изд. Вольфа и в кн.: Parmelee

М. The science of human behavior. New York, 1913, гл. XIV-XVI.

74

Система социологии. Том I

Я вижу и преклоняюсь перед усилиями мысли в работе старых и новейших психологов, но мне вместе с тем представляется, и едва ли это можно оспаривать, что работа эта совершается страшно неэкономично»¹⁶.

Сообразно с этой бесплодностью психологических понятий и методов в лаборатории Павлова определен был даже штраф за всякое употребление психологического термина. При таком изучении так называемых психических реакций «психическая сторона не отрицается, а только исключается». «Биологи, изучая так называемые психологические реакции животных, самым ходом исследования все более и более отстраняются от психологического их истолкования и ограничиваются выяснением законосообразной связи между внешними раздражениями, с одной стороны, и ответной внешней реакцией животного и физиологическими процессами в нервной системе — с другой. Таким образом психика животных остается вне исследования. Физиология не делает никакой принципиальной разницы между организмом человека и животных, и объективный метод, ею применяемый при изучении животных, применим eo ipso^{6*} и к человеку»¹⁷.

К таким же выводам пришел В.М. Бехтерев и его школа. В последней своей работе «Рефлексология» он выбрасывает за борт все психологические термины и понятия начиная с термина «психический». Употреблявшееся им раньше название «объективная психология» заменяется «рефлексологией», «термин соотносительный», пишет В.М. Бехтерев, устанавливается вместо психической или нервно-психической деятельности; «психические процессы» мы будем называть «соотносительными процессами». Изучение соотносительной (читай: психической. — П.С.) деятельности, доказывает он далее, не только возможно без обращения к субъективной психике, но дает гораздо лучшие результаты, чем субъективная психология¹⁸.

Подобно им и Мак-Даугал приходит (хотя половинчато) к аналогичным выводам. В своей книге «Psychology, the study of behavior», как видно уже из названия, он пишет: «мы можем определить психологию как положительную науку о поведении (behavior) животных существ (living things). Такое определение, — доказывает он дальше, — во всех отношениях лучше и предпочтительнее обычного определения ее как науки о духе (mind)»¹⁹.

Из сказанного видно, насколько спорными и разнородно понимаемыми являются как само понятие психического, так и основные понятия психологии. Теперь понятным будет, почему точные исследователи, боясь

¹⁶ Павлов И.П. «Настоящая физиология» головного мозга // Природа. 1917, январь, с. 38.

¹⁷ Зеленый И. Современная биология и психология // Новые идеи в философии. Сб. № 9, с. 65.

¹⁸ См.: Бехтерев В.М.. Общие основания рефлексологии. 1918, с. 15-16.

¹⁹ Let us now compare our conception of psychology as the science of behavior with the more usual definition of it as the science of mind^{7*}. Понятие «mind», доказывает

Глава III. Понятие взаимодействия людей и методы его изучения 75

загрязнить свои построения субъективизмом и неопределенностью, предпочитают игнорировать психику и изучать одни внешние акты.

Что же из всего этого следует? Следует ли, во-первых, что человек не обладает психикой, что она отрицается начисто сторонниками объективизма?

Нет, не следует. Не следует, во-первых, потому, что наличность в каждом из нас психики — идей, чувств, эмоций, волевых устремлений — факт, данный непосредственно каждому из нас. Это факт неоспоримый. Отрицать его нельзя, ибо отрицание его повело бы за собой отрицание «я», отрицание нашего собственного существования. Не следует этот вывод и потому, что сами наиболее крайние

«объективисты» не отрицают наличности у человека «психики», но только исключают недоступные для наблюдения и опыта чисто субъективные психические состояния... Что это так, это следует из того, что в той или иной форме им приходится иметь дело с психикой. Так, Бехтерев рассматривает психику как вид «молекулярной энергии низших животных, характеризующейся сократимостью протоплазмы». Производной этой энергии — жизненной по существу — и является психическая деятельность в виде наших переживаний²⁰. Таким образом, под словом «энергия, или нервный ток» — предполагается при этом, что эта энергия, называемая им нервно-психической энергией, отлична от других видов энергии, — психическое нисколько не отрицается, а признается данным у человека. Так же поступают и другие авторы. Причем некоторые из них, например Lasswitz²¹, Грот, Краинский, прямо признают существование особой психической энергии. Не иначе поступает и школа Павлова, заменяя психическое явление терминами «нервный ток», «нервное раздражение», «нервный процесс» и т. п. Леб и другие принуж-

он далее, совершенно неопределенно. «Никто не может указать, что он понимает под mind. Если же предпочитают слову "mind"⁸ слово "co3HaHHe"(Consciousness), мы попадаем в еще более плохие условия. Ибо для каждого из нас сознание другого есть предположение, а не непосредственно данный факт. Если поэтому мы не можем определять психику (mind) через сознание, то остается определить ее через термины поведения (behavior). Понятие поведения, с другой стороны, может быть определено без всякого привнесения спекулятивных предпосылок или гипотез путем указания фактов, открытых прямому наблюдению всех людей, путем указания: вот то, что я разумею под поведением» (McDougall W. Psychology, the study of behavior. London, 1912, p. 31-32).

Сходны взгляды и аргументация *Parmelee*: The science of human behavior.

Довершением этого похода против субъективной психологии является попытка *Джемса* уничтожить и гносеологическое понятие «"сознания — вообще" как сущности или субстанции». См.: *Джемс У.* Существует ли сознание // Новые идеи в философии. Сб. № 4, с. 102-127.

²⁰ *Бехтерев В.М.* Общие основания рефлексологии, с. 20-22. «Психические или субъективные процессы являются результатом напряжения энергии или нервного тока» (с. 142).

²¹ *Lasswitz.* Die moderne Energetik in ihrer Bedeutung fur die Erkenntniskritik // Philosoph[ische] Monatshefte, Bd. XXIX.

76

Система социологии. Том I

дены говорить о таких явлениях, как «ассоциативная память», устанавливать особые виды рефлексов (напр[имер], рефлекс цели Павлова²²), отображением коих служат внутренние психические переживания и т. д. и т. д. Мало того, каждому из них приходится то и дело употреблять термины «мысль», «высшая умственная деятельность», «болевое раздражение», «рефлекс сосредоточения и внимания» и т. д. Короче, никто из них не отрицает данности у человека совокупности внутренних переживаний, называемых обычно психическими²³.

Речь идет не об отрицании их, а исключительно о том, как наиболее целесообразно изучать их: изучать ли их «субъективно», путем метода самонаблюдения, путем аналогии и т. д., или изучать их объективно, путем наблюдения внешних проявлений внутренних психических процессов, объективирующихся в форме тех или иных движений — рефлексов, и в форме объективных физиологических процессов.

Из сказанного мы видим, что *понятия психического и психических переживаний действительно неопределенны. Их точное содержание и объем не установлены. Они понимаются разн.*

Но вместе с тем мы видим, что *наличность таких психических переживаний не отрицается даже крайними «объективистами».*

Констатируем пока этот результат и спросим себя: *как возможно познание этих*

субъективных переживаний и возможно ли оно вообще?

Методы познания психических переживаний

В общем и целом и субъективисты (за немногими исключениями) и объективисты признают, что *чужая психика и чужие душевные переживания непосредственно нам недоступны*. Каждому из нас доступны только наши собственные переживания, только сознание нашего собственного «я».

В дальнейшем пути субъективистов и объективистов расходятся. Первые утверждают, что если не прямо, то косвенно мы можем изучать и чужие душевные переживания. Путь для этого — *метод самонаблюдения*. Наблюдая наши переживания и связанные с ними внешние движения, мы по аналогии можем заключать и о душевных переживаниях другого, когда наблюдаем такие же действия других лиц. Из сходства или тождества поступков мы заключаем и о сходстве душевных переживаний. Таков путь для познания психики чужого «я», путь, называемый методом аналогии. Другие этот путь аналогии несколько варьируют.

²² См.: Павлов И.П. Рефлекс цели // Вестн[ик] Европы. 1916, апрель.

²³ См.: Бехтерев В.М. Цит. соч., с. 128. «Уже с самого начала при обосновании рефлексологии мы не противопоставляли ее субъективной психологии и ничуть не исключали последнюю, а, наоборот, вполне определенно отмежевали последней область исследований, производимых на себе самом с помощью метода самонаблюдения».

Глава III. Понятие взаимодействия людей и методы его изучения 77

Одни, как, например, Петражицкий²⁴, утверждают, что более правильные результаты дает не метод аналогии, а соединенный метод внутреннего и внешнего наблюдения. Он состоит в том, что сначала устанавливается функциональная связь между определенными психическими переживаниями и их внешними проявлениями у людей известного класса или людей вообще. «Добыв такого рода общие сведения, мы имеем посылки для дедуктивных умозаключений в конкретных случаях, т. е. умозаключений не по аналогии наших индивидуальных и чужих индивидуальных движений, а путем подведения конкретных чужих движений под соответственные общие положения»²⁵. Другие — как, например, Липпс, Scheler, Лосский — предлагают свои поправки к методу самонаблюдения. Допуская, что метод аналогии не всегда может дать верные результаты, они дают свои теории для познания «чужой души». Липпс вместо метода аналогии выдвигает теорию «вчувствования», согласно которой познание чужого «я» возможно в силу того, что при наблюдении чужих действий мы бессознательно подражаем действиям другого и потому «сопереживаем» с ним его психические процессы. При виде зевка другого мы чувствуем потребность зевать, при виде гнева — мы сопереживаем его и чувствуем стремление к таким же действиям, как и подлинно гневающийся. Отсюда возможно познание чужой психики²⁶. Шелер, Элвуд, а в особенности Н.О. Лосский идут в этом направлении еще дальше и допускают непосредственное познание чужой психики путем интуиции²⁷. В той или иной форме, но все сторонники субъективной психологии признают возможность познания чужой душевной жизни. Сообраз-

²⁴ Петражицкий Л.И. Введение, с. 30-37.

²⁵ Там же, с. 35.

²⁶ «Мы знаем о чужой жизни сознания только путем вчувствования» (Ein-fuhlung). J. Lunn T. Пути психологии // Новые идеи в философии. Сб. № 4, с. 148. См. также: Lipps Th. Psychol [ogische] Untersuchungen. Bd. I, Lief. 4: «Das Wissen des fremden Ich».

²⁷ Ellwood Ch. Objectivism in sociology // The amer[ican] journ[al] of sociology, t. XXII, p. 303: «We are conscious of the conscious states of others, and that not by a process of logical inference, as some psychologists have implied, but intuitively, directly as we know many of the qualities of physical objects»^{9*}. См.: Scheler M. Ueber den Grund zur Annahme der Existenz der fremden Ich; Лосский Н.О. Восприятие чужой душевной жизни // Логос. 1914, т. I, вып. 2.

Эта интуитивная теория познания чужой душевной жизни по своей сущности выдвинута была еще Дарвином. «Имеем ли мы инстинктивную способность распознавать

выразительные движения? — спрашивает он. — Так как выразительные движения в большинстве случаев должны быть приобретены постепенно и впоследствии сделаться инстинктивными, то уже а priori до некоторой степени вероятно, что и способность узнавать их стала инстинктивной» (*Дарвин Ч. О выражении ощущений у человека и животных. СПб., 1899, с. 179-180*).

Близка к этой позиции и позиция *Петражицкого*, мимоходом брошенная в примечании. «Если бы обычное учение (метод аналогии и умозаключений) было правильно, — пишет он, — то наша ориентировка относительно чужих психических переживаний была бы психологически очень сложным и медленным про-

7 8

Система социологии. Том I

но с этим они признают и психологию как науку о состояниях сознания или душевных процессах.

Иначе смотрят на дело «объективисты». Исходя из положения, что чужая психика недоступна непосредственному наблюдению, они утверждают, что познание чужих психических переживаний вообще недоступно, что все методы, связанные с самонаблюдением, — метод аналогии, соединенного внешнего и внутреннего наблюдения, метод вчувствования, метод интуитивизма — все они не дают и не могут дать сколько-нибудь серьезных, точных и надежных результатов, что при всех этих методах человек познает и переживает не психику другого, а свои собственные переживания, что поэтому самым целесообразным выходом из такого положения является отказ от изучения чужих субъективных переживаний (чужой психики); вместо нее следует изучать доступные наблюдению внешние и внутренние физиологические процессы: нервные токи, движения, рефлексы, короче — внешнее поведение индивида²⁸. «Чтобы иметь достаточно полное знание той или иной человеческой личности, ничуть нельзя довольствоваться расспросами о ее субъективных переживаниях, а нужно знать личность человека прежде всего по ее действиям, поступкам, по содержанию ее речи, мимике, жестам и вообще по отношениям ее к внешнему миру». Такое объективное изучение личности, без обращения к внутренней стороне, говорят объективисты, дает и более полную картину, и более точные и верные результаты²⁹.

цессом и часто наступала бы с практической точки зрения слишком поздно; если фактически эта ориентировка, напр[имер], в области разговоров, столкновения врагов и т. д., происходит моментально, с величайшей быстротой (что иногда важно для сохранения жизни), то это объясняется существованием более простых, не требующих переживания не только нескольких, но даже и одного суждения, способов познания, в частности слуховых и зрительно-психологических восприятий, мгновенных сочетаний элементов зрительных и т. п. ощущений и элементов психологических представлений» (*Петражицкий Л.И. Введение, с. 143*).

²⁸ «Ни теория аналогии, ни теория вчувствования, ни теория интуитивизма не дают нам возможности познавать чужое "Я"», — говорит Бехтерев (Цит. соч., с. 7).

²⁹ *Бехтерев В.М.* Цит. соч., с. 14. См. гл. I—IV. То же говорят и другие объективисты... «В течение 13 лет... я постоянно получал впечатление, что психологические понятия и систематизация психологами субъективных явлений, — пишет *И.П. Павлов*, — должны глубоко разниться от физиологических представлений и физиологической классификации высшей нервной деятельности, что воспроизведение нервных процессов в субъективном мире является очень своеобразным, многократно преломленным, так что в целом психологическое понимание нервной действительности в высшей степени условно и приблизительно...

8 течение 13 лет я ни разу полезно для успеха дела не воспользовался при своих исследованиях психологическими соображениями» (*Павлов И.П. «Настоящая физиология» головного мозга // Природа. 1917, январь, с. 36-38*). То же говорит и *McDougall*, определяя психологию как науку о поведении. См. его: *Psychology, the study of behavior. London, 1912*. См. изложение истории вопроса об объективной школе: *Зеленый*

«Субъективная» и «объективная» социологии

Такова сущность спора субъективной психологии и объективной рефлексологии или физиологии нервно-мозговых процессов.

Я остановился на его изложении потому, что он ближайшим образом касается и социологии. Поскольку последняя имеет дело с деятельностью людей, перед ней встают те же самые вопросы, что и перед психологией, и столь же повелительно требуют того или иного ответа. Поэтому изложим сначала этот спор в области социологии, а потом уже заодно дадим свои заключения по поводу вопросов, затронутых в этом споре.

Как и следовало ожидать, изложенная борьба мнений из области психологии перекинулась в социологию. И здесь появились сторонники «субъективно-психологической социологии» и ревнители «социологии объективной», подобно объективным психологам отказывающиеся иметь дело с психикой, изучать субъективно-психические переживания и пользоваться психологическими терминами^{10*}.

Вначале в социологии всецело царил субъективизм. Психологическая школа в социологии сделала его чуть ли не господствующим методом. Но мало-помалу возникла реакция против субъективизма и субъективного психологизма и в этой дисциплине. Первым крупным проявлением этой реакции было положение Дюркгейма, гласившее: «первое и основное правило (для наблюдения социальных фактов) состоит в том, что социальные факты следует рассматривать как вещи» (*des choses*)³⁰. Вслед за ним Кост, выпустивший *Les principes d'une sociologie objective*, в предисловии откровенно заявил, что цель его книги — «реакция против мутного потока психологии, грозящего завладеть социологией и смешать ее с науками моральными и политическими»³¹.

философии. Сб. № 9; *Его же*: Психич[еские] реакции животных как объект естествознания // Природа. 1913, октябрь; *Вагнер В.* Био-психология, т. I, с. 157-249; *Его же*. Физиология и биология в решении психологических проблем // Новые идеи в биологии. Сб. № 6.; *Его же*. Зоо-психология перед судом физиолога И.П. Павлова // Вестн[ик] психологии, т. XIII, вып. 3-5; *Лев Ж.* Значение тропизмов для психологии // Новые идеи в философии. Сб. № 8.

Аналогична же точка зрения и американских исследователей поведения животных и человека. «Истина, к которой пришли исследователи поведения животных, заключается в том, что психические явления могут быть изучаемы только на основе изучения объективных фактов поведения. Мы не можем претендовать на сколько-нибудь достоверное знание психических свойств животного вида или человеческого рода без хорошего знакомства с формами деятельности и поведения последних», — так резюмирует Пармели точку зрения упомянутых исследователей. *Parmelee M.* The science of human behavior, p. 78, а также гл. XI-XVI.

³⁰ Дюркгейм Э. Метод социологии. Изд. Иогансона, с. 20.

³¹ Coste A. Les principes d'une sociologie objective. Paris, 1899, ch. I. «База социологии, — добавляет он, — должна быть не психологической и субъективной, но объективной и экспериментальной».

Но и Дюркгейм, и Кост, а после них и Ваксвейлер³², остановились на полдороге. Они продолжали орудовать и психологическими терминами, и психологическими понятиями, и иметь дело с психическими явлениями. Такие термины, как «социальное сознание», «коллективное представление», «традиция», «мысль», «чувство» и т. п., обычны в работах Дюркгейма и Коста.

Однако реакция против субъективизма на этом не остановилась. Появились работы «объективистов», поставившие все точки над «i» и категорически объявившие все психологические методы изучения социальных явлений ненаучными. Примером таких работ могут служить работа Bentley³³ и статья доктора Зеленого³⁴ — ученика школы И.П.

Павлова. Первый в своей работе подверг резкой критике обычные в социальных науках и в социологии психологические термины и понятия, вроде «чувств», «идей» и т. д. Второй прямо высказался за то, что научным изучением социальных явлений будет объективное изучение их физиологической стороны, а не психологической. Психика сама по себе не дана; она недоступна наблюдению; она не допускает точных методов; поэтому все психическое должно быть исключено из области изучения социолога. Вместо психики последний, как и объективный физиолог, должен изучать лишь внешние выражения деятельности человека: движения, акты, физиологические процессы и т. д. Вместо недоступного наблюдению психического общения он должен изучать общение людей путем писем, телеграмм, знаков и т. д. Вместо неуволнимых психических акций и реакций социолог, подобно физику, изучающему звук путем изучения колебаний воздушных волн, должен изучать только объективно данные корреляты психики: рефлексy, их связь, сцепление, взаимозависимость, например, связь звука тарелок и шествия человека в столовую, звонка и шествия учеников в класс (условные рефлексy) и т. д. Таковы задания объективной социологии в беглых штрихах, набросанные Зеленым.

Атака объективизма, как и следовало ожидать, должна была встретить отпор со стороны психологистов-социологов. Этот отпор действительно был дан. Говоря это, я разумею статью крупного американского социолога Эллвуда, который подверг резкой критике статью Зеленого³⁵. Этот спор, раз начавшись, конечно не погаснет.

Ближайшее будущее, вероятно, сделает его наиострейшим вопросом в социологии и поставит проблему во всю ширину. Вот почему приходится этот вопрос так или иначе решить и здесь³⁶.

³² «Единственные формы деятельности (activites) человека, которые интересуют социолога, — это деятельности внешние» (Waxweiler E. Esquisse, p. 169).

³³ См.: Bentley A. Process of Government. 1908.

³⁴ См.: Seliony J. Ueber die zukunfftige Soziophysiology // Archiv fur Rassen- u[nd] Gesellschafts-Biology. 1912, Bd. IX, S. 405-430.

³⁵ См.: Ellwood Ch. Objectivisme in Sociology // The amer[ican] journ[al] of sociology, vol. XXII, p. 289-305.

³⁶ Как видно из изложенного, современная постановка вопроса о психологическом и социологическом субъективизме и объективизме совершенно от-

Глава III. Понятие взаимодействия людей и методы его изучения 81

Из предыдущего становится ясным, какие научные минусы, по мнению «объективистов», связаны с изучением субъективной стороны явлений взаимодействия, понимая под ней психические переживания. Эти минусы сводятся: 1) к неопределенности понятий психического и его синонимов; 2) эта неопределенность влечет за собой загрязнение неопределенностью социологических понятий, раз в последние вводятся в качестве элемента или признака психические переживания; 3) помимо этой неопределенности новые неясности вытекают из того факта, что психические переживания, по-видимому, прямо недоступны наблюдению и в силу этого делают весьма вероятным субъективизм при их изучении и толковании.

Решение спора

Спрашивается, на чью сторону в этом споре должны мы стать? К какому из двух течений должны мы примкнуть?

Для меня нет сомнения в том, что научные минусы, указываемые объективистами, в значительной мере правильны. Но вместе с тем я не могу согласиться на то, чтобы исключить начисто психические переживания из области изучения. Для этого время еще не пришло. Быть может, в будущем с развитием точных, объективных дисциплин это и удастся. По крайней мере лично я этого хотел бы, и есть основания думать, что прогресс науки ведет в этом направлении. Но пока слишком еще несовершенны и незначительны данные, добытые «объективизмом», чтобы можно было социологу совершенно игнорировать субъективно-психическую сторону человеческой деятельности. Остается

поэтому один путь: свести до минимума пользование психологическими терминами, только в исключительных случаях обращаться к анализу субъективно-психических переживаний для объяснения того или иного явления и ввести возможную точность в сферу изучения подобных явлений.

Понятие психических актов и переживаний

Первая задача, вытекающая из таких заданий, состоит в том, чтобы условиться, что мы будем понимать под термином «психический». Смысл, который будет придаваться этому термину в данной работе, тождествен смыслу термина «сознание». «Психическое» и «сознательное» переживания

лична от старых споров в нашей литературе о субъективном и объективном методе. В последнем случае она носила скорее метафизико-гносеологический характер, в данном случае этот спор — чисто эмпирико-методологического порядка. Там шла речь главным образом об объективности или субъективности нормативных элементов науки, этических оценок, здесь дело идет не о нормативных элементах, а о том, доступны ли определенные явления объективному наблюдению, возможно ли функциональное изучение психических явлений, насколько точными могут быть данные о чужих переживаниях и т. д.

82

Система социологии. Том I

для нас тождественны. Акт, сопровождаемый психическими переживаниями, и акт, сопровождаемый сознанием-, для нас будут означать одно и то же.

Какие же переживания и акты являются актами сознательными (resp. психическими)?

Вместо определения я сошлюсь прежде всего на личный опыт каждого. Этот личный опыт показывает, что одни из наших поступков сопровождаются тем, что я называю «сознанием», другие — нет. Ряд актов, например чихание, отдергивание руки при уколе булавкой, движение ног при ходьбе, механическое пожатие руки при встрече со знакомым, совершается «механически», «бессознательно». Другие акты, например акт чтения книги, намеренное протягивание руки при встрече со знакомым, обдуманное и целевое совершение чего-либо, совершаются сознательно, при свете «внимания»; в них часто дана «цель», они реализуют волевые решения.

Этого намека достаточно, чтобы читатель понял, что разумеется мной под термином «сознательные» переживания и акты.

Частым и основным видом их являются акты целеполагательные, акты волевые и акты, совершаемые под влиянием идей³⁷.

³⁷ Подходя с несколько иной точки зрения, мы можем ту же проблему очертить следующим образом. Обычно различаются три основных разряда «психических» явлений: рефлексы, инстинкты и собственно разум. Многие авторы все эти разряды считают входящими в область «психического». Однако в последнее время рефлексы, как чисто физиологические акты, вполне правильно исключаются из сферы «психики». Остаются, следовательно, инстинкты и собственно разум как основные категории психического. На этой именно точке зрения и стоит проф. В.А. Вагнер. Им же доказана «бессознательность» инстинктов и их полная автоматичность. Инстинктивные действия наследственны, представляют результат филогенетического развития, индивидуально не изменяемы, не есть результат индивидуального опыта, не имеют никакого целеустановления, шаблонны и бессознательны. — Таковы их свойства, глубоко отделяющие их от разума-сознания. (См. превосходную работу Вагнера «Био-психология». СПб., 1913, т. II, с. 198-200.) Принимая вполне эти определения признаков инстинкта, мы должны ответить — входят ли инстинкты в область «психики», с нашей точки зрения? И на этот вопрос мы отвечаем отрицательно, подчеркивая, что мы термином «психический» обозначаем только «сознательные» переживания, т. е. то, что Вагнер обозначает термином «разум». Именно тот класс актов и отношений, которые он называет «разумными», «сознательными», мы называем психическими. Вполне соглашаясь с положениями компетентного биопсихолога, мы указали бы лишь на то, что в целях методологических было бы лучше

исключить инстинкты, как и рефлексы, из сферы «психического», так как в противном случае получается то неудобство, что одним термином «психического» покрываются совершенно разнородные явления, «сознательные» и «бессознательные». Это тем более следовало бы сделать, что сам В.А. Вагнер исключил из области психики рефлексы. А между тем, стоя на его же точке зрения, трудно провести различие между рефлексом и инстинктом. Как провести точную грань между «реакциями поведения» и «реакциями отправления»? Почему не может быть названо «реакцией поведения» движение обожженной руки,

Глава III. Понятие взаимодействия людей и методы его изучения

83

Таков смысл, который я придаю этим терминам.

Теперь, устранив до известной степени неопределенность термина «психический» и «сознательный», спросим себя: *доступны ли психические переживания других лиц непосредственному наблюдению?*

указываемое уважаемым автором как пример рефлекса, а такой реакцией будет тот же акт «при приближении опасности?» Я не вижу здесь ничего такого, что позволяло бы провести это различие. Равным образом и другие вспомогательные признаки не более надежны. (См. с. 9-13.)

Ввиду этого, выделив «сознательные акты» — как акты психические, под биологическим взаимодействием мы понимаем именно рефлекторно-инстинктивное взаимодействие (в смысле проф. Вагнера).

К этому признаку присоединяется ряд других объективных признаков «сознательно психического» акта, определяющих его объем и природу и делающих невозможным бесконечное расширение «психического», в котором повинны многие лица.

Психическое взаимодействие (сознательное) может быть дано во взаимодействии лишь таких организмов, которые удовлетворяют следующим условиям:

1) С точки зрения *анатомо-физиологической*, в их мозгу должны быть налицо и ассоциационные сферы (кора головного мозга) как сферы, стоящие в неразрывной связи с разумной деятельностью, отсутствие которых свидетельствует и об отсутствии последней. Такие сферы даны лишь человеку и высшим животным; отсюда вывод — так как у растений и беспозвоночных этого анато-мо-физиологического признака нет, то *eo ipso* взаимодействие их не носит психического характера.

2) С точки зрения *онтогении*, поведение искомым центров, сопровождаемое сознанием, должно обнаруживать способность к эволюции, к непрерывному развитию. Этот признак важен потому, что бессознательное (инстинктивно-рефлекторное) поведение не эволюционирует, а здесь одни инстинкты моментально сменяются другими, как декорации театральной сцены. Ребенок, напр., учится жить, мыслить, понимать язык, окружающее, должен учиться, как вести себя и т. д., тогда как птенец понимает язык матери, еще не вылупившись из скорлупы. Все его поведение уже предопределено заранее, он «не учившись учен». Возьмем ли мы шмеля, или пчелу, или ласточку — их поведение будет совершенно одинаковым и в том случае, когда, со времени своего появления <они> будут совершенно изолированы, так что ни о каком обучении не может быть и речи, и в том случае, когда они будут жить в обществе себе подобных (см. факты в работах проф. Вагнера).

3) С точки зрения *биопсихологии*, поведение искомым центровне может быть совершенно *безличным и шаблонным*, точной копией родового инстинкта, а должно обнаруживать известную индивидуальность.

4) Эти «центры» должны обнаруживать *способность к научению*, к пользованию результатами *индивидуального опыта*, так как отсутствие этого признака говорит и об отсутствии «разума», т. е. говорит лишь об инстинктивно-рефлекторной деятельности, а тем самым не о сознательном, а бессознательном взаимодействии. Значит, ни рефлексы, ни инстинкты, ни так называемые вторично-автоматические акты не являются для нас «сознательно психическими актами». См.: *Вагнер В.А.* Цит. соч., т. II, с. 270-285; *Морган*

К.Л. Привычка и инстинкт. СПб., 1899, с. 115 и passim; *Parmelee* M. The science of human behavior, p. 319, 256-280.

Но вместе с тем было бы ошибкой, если бы сознательно психические акты отождествили с целевыми. Последние составляют вид сознательных актов. Поэтому ошибочной приходится признать теорию *Мак-Дугала*, считающего вся-

84

Система социологии. Том I

На этот вопрос приходится ответить отрицательно. «За отсутствием у нас способности видеть, вообще наблюдать то, что происходит в чужой душе (в сознании других), для нашего наблюдения абсолютно недоступны, совсем закрыты все сферы бытия психических феноменов,

кий вообще акт поведения и целевым, и сознательным. Незаконное расширение понятия психического до «психики амебы» — таков вывод из его теории действия и такова его основная ошибка. *Мак-Дугал* У. Основные понятия социальной психологии, с. 258 и ел.

Не могу я согласиться и с В.А. Вагнером, совершенно правильно ограничивающим объем понятия «разумного» (сознательного в нашем смысле), но ошибочно отождествляющего разум, сознание с целеполагательностью. В ответ на мое замечание по поводу его 11-го тома «Био-психологии», что нельзя отождествлять разум (сознание) с целеполагательностью, многоуважаемый ученый в своей статье «Биологи и юристы в вопросах сравнительной психологии» пишет: «Я вовсе не утверждаю, будто бы таких случаев, когда разумные действия (или слова) у человека могут быть лишены цели, — не бывает. Такие случаи возможны... но такие случаи ничего не изменяют в справедливости сделанного мной утверждения, на котором я настаиваю, а именно, что разумные акты, в отличие от актов неразумных (инстинктивных), являются целеполагательными. Случаи, когда цель действия не представляется ясной для производящего это действие человека или вовсе исчезает у него из вида... могут быть либо онтогенетического происхождения, когда слова или действия вследствие повторности обращаются сначала в привычку, а затем во вторично-автоматический акт, либо могут быть филогенетического происхождения, когда действия или слова удерживаются целым рядом поколений в качестве пережитков прошлого, уцелевших от времени, когда слова эти или действия имели ясно выраженную определенную цель. Традиции передаются в качестве социального наследства так же, как передаются инстинкты, хотя и другими путями и на основании других законов». (См. мою рецензию на вышеупомянутую книгу — *Вестн[ик]* психологии. 1913, вып. II; ответ В.А. Вагнера — *Вестн[ик]* психологии. 1913, вып. III. Аналогичную же аргументацию см. у *Иеринга*. Цель в праве, с. 14, 15).

Если бы даже все дело и обстояло так, как пишет проф. Вагнер, то и тогда нет основания отождествлять разум (т. е. психику, сознание в нашем смысле) с целеполагательностью, ибо самим же проф. Вагнером констатируется, что могут быть акты разумные, но не целеполагательные. Как они произошли — это уже вопрос другой. А важно то, что феноменология психических процессов нам дает акты разумные, но не целевые. В каждый данный момент имеются у нас, след[овательно], поступки разумные, но разнородные: одни сопровождаются целевыми представлениями, другие — нет, а потому игнорировать эту разнородность и называть оба класса явлений одним и тем же термином «целепонима-тельных или целеполагательных» — непозволительно с логической точки зрения... Это одно. Во-вторых, нам думается, что нельзя смешивать акты хотя и разумные, но не целевые с автоматически-привычными актами, как это делает наш выдающийся биопсихолог. Категория автоматически-привычных актов сплошь и рядом не сопровождается никаким сознанием, т. е. разумом, она сплошь и рядом стоит вне психики, или сознания. Это следует, во-первых, из того, что не всякий нервный процесс сопровождается сознанием (см.: *Гейфдинг* X. Очерки психологии, с. 71). Во-вторых, из того, что ряд привычных актов, напр[имер], акты, состоящие в управлении велосипедом, лодкой, акты «хороших манер», разговора (самого подбора слов), раз они стали

автоматическими, то они совершаются бессознательно». Я могу править велосипедом, думая совершенно о дру-

Глава III. Понятие взаимодействия людей и методы его изучения 85

кроме одной, кроме нашей же собственной психики, кроме сознания нашего "я"»³⁸.

Психический мир другого для нас непосредственно недоступен. *Нам даны не прямо психические переживания других, а те или иные внешние проявления последних.* С этим соглашаются все психологи. Этого не отрицают даже те, кто признает, что познание психических переживаний другого возможно не только путем аналогии, но и путем «вчувство-вания», «интуиции», «инстинкта» и т. д. (Липпс, Дарвин, Шелер, Лос-ский, Эллвуд и др.; см. выше). И они не отрицают, что «вчувствование», «интуиция» etc. дают нам познание чужих психических переживаний не как таковых, а на основе тех или иных внешних проявлений психики. Для того чтобы возможно было восприятие «сладостной» активности чужого зевка или моторной активности чужого гнева, должен быть дан чужой зевок и ряд внешних проявлений гнева. Если бы не было никаких внешних проявлений психических переживаний, мы абсолютно не могли бы знать, что делается в душе другого, радуется он или грустит, проклинает или благословляет, думает о чем или ни о чем не думает. Можно отрицать и отрицать с основанием, что чужие психические переживания мы познаем только по аналогии. Можно полагать, что чужие переживания по их внешним проявлениям мы познаем инстинктивно, как полагал Дарвин, интуитивно, как полагают другие. Но это не значит, что мы познаем прямо психику другого в чистом виде, а означает, что мы моментально, без цепи умозаключений, по аналогии познаем чужие психические процессы на основе внешних проявлений последних³⁹.

гом, могу иметь «хорошие манеры», будучи занятым совершенно иными делами и мыслями и т. д. В силу этого аргумент, что все разумные, но не целевые акты есть акты автоматически-привычные, — переваливает через край. Такие акты — совсем бессознательны и потому в счет идти не могут. В-третьих, в силу второго положения весьма спорным становится и происхождение разумно (со-знательно)-нецелевых актов, спорным становится утверждение, что разумно-нецелевые акты суть многократно повторявшиеся целепонимательные акты. Во всяком случае, наблюдения над своими и чужими поступками говорят, что для происхождения таких актов вовсе не обязательно многократное повторение.

Дети, напр[имер], сплошь и рядом после слов «папа», что «мучить кошку — не хорошо и гадко», что «лгать — нельзя» и т. д., — при виде подобных актов реагируют на это словами: «мучить кошку — гадко», «лгать — нельзя» и т. п., не имея ни многократного повторения, ни какой-нибудь цели, но сопровождая свой акт сознанием и исходя из положения «не для того, чтобы», а «потому, что так сказал папа». Подобных фактов можно привести *ad libitum*^{11*}.

³⁸ *Петражицкий Л.И.* Введение, с. 30. То же утверждает *Бехтерев* (Цит. соч., с. 7-14) и др.

³⁹ Не представляет отсюда исключения и теория д-ра *Котика*. Если бы его тезисы «о непосредственной передаче мыслей» и подтвердились, то это означало бы, как признает и сам *Котик*, что переходит непосредственно не сама мысль, а особого рода «психическая энергия», пробуждающая в мозгу перцепиента соответствующие мысли и представления. См.: *Д-р Котик*. Непосредственная передача мысли. М., 1912.

86

Система социологии. Том I

Но если чужие психические переживания прямо нам недоступны, то *следует ли отсюда, что они вообще не могут познаваться, что всякая попытка их познания по их внешним проявлениям (слова, движения, мимика, жесты и т. д.) неизбежно ведет к ошибкам, что поэтому лучше совсем их игнорировать?*

Ничуть не следует. Несомненно, в особенности в случаях сознательного притворства, симуляции и т. д. здесь возможны ошибки. Но сказать, что они всегда неизбежны⁴⁰, — это значит сказать слишком много. Если бы дело обстояло так, то

«психическое общение» людей было бы невозможно: мы решительно не могли бы знать, что делается в душе другого; люди не могли бы совершенно понимать друг друга. Между тем мы на каждом шагу ставим диагнозы, вроде таких: «Хне в духе»; «Учто-то загрустил», «L гневается», «Л в восторге», «β обдумывает проблему сознания», «Схочет сладкого», «D замышляет подлость» и т. д. И наши диагнозы оправдываются. На каждом шагу мы говорим с людьми о своих переживаниях и в большинстве случаев понимаем друг друга. Больше того, весьма часто мы знаем, когда человек симулирует, когда нет, когда его слова лгут, когда нет. Все эти ежедневные, самые обычные факты говорят за то, что мы можем познавать чужие психические переживания на основе их внешних проявлений и чаще всего познаем правильно. Вот почему не следует преувеличивать ошибки, связанные с познанием чужой душевной жизни; тем более нельзя говорить, что попытки такого познания всегда будут ошибочными. Мы хотя и не прямо, но можем познавать и чаще всего правильно чужую душевную жизнь. Вот почему изучение психических переживаний другого не влечет неизбежно «загрязнения» научных теорий; вот почему возможно пользование методами субъективной психологии (методы самонаблюдения, плюс методы аналогии, соединенного внешнего и внутреннего наблюдения, методы «вчувствования», «интуиции», «инстинктивного понимания выразительных движений» и т. д.) в качестве методов дополняющих и вспомогательных методам объективного изучения внешних актов.

Сказанное позволяет сделать нижеследующие выводы относительно рассматриваемых социологических методов изучения явлений взаимодействия.

Методы изучения явлений взаимодействия

1) При изучении явлений взаимодействия следует пользоваться совокупностью всех методов, пригодных для этого изучения и способных дать тот или иной научный плюс для понимания данного явления.

2) Отсюда следует, что *объективный метод имеет все законные права на применение его в области исследования явлений взаимодействия. Он*

См., напр[имер]: Бехтерев В.М. Цит. соч., с. 1-17.

Глава III. Понятие взаимодействия людей и методы его изучения 87

составляет основу, исходный пункт и главное рабочее орудие для познания причинных взаимоотношений в данной области явлений. В самом деле, выше я показал, что психические явления, ничем не проявляющиеся вовне, не имеющие внешних знаков в какой бы то ни было форме, такие явления нам недоступны, мы не можем даже догадаться об их существовании, поэтому они на деле равны несуществующим. Появление *A*, быть может, перевернуло вверх дном психическое состояние *B*: радость заменило ненавистью и страхом, короче говоря — вызвало душевную революцию. Но если *B* ничем не проявил вовне этой революции, если ни одно внешнее движение его не изменилось, то мы не можем даже догадаться о самом факте душевной революции; не можем, следовательно, и сказать, что между *Л* и *B*, согласно определению, существует взаимодействие. Отсюда ясно, почему при изучении взаимодействия мы можем отправляться только от *внешних доступных наблюдению фактов*, а не от внутренних состояний; понятно, почему при взаимодействии мы вынуждены устанавливать связи прежде всего между внешними актами и изменениями поведения взаимодействующих индивидов. Там, где такую взаимозависимость внешнего поведения двух или большего числа индивидов мы можем констатировать, там имеем основание полагать, что взаимодействие между ними дано. Там же, где между поведением их как внешним фактом такой взаимозависимости нет, где действия их не кажутся функционально связанными, там мы не можем даже догадаться о данности взаимодействия, хотя бы «души» их находились в самом живом процессе взаимодействия.

Значит, права объективного метода в изучении явлений взаимодействия вне сомнений. Он — исходный пункт, он — главное орудие, он же и самое надежное средство для отыскания и формулирования причинных отношений. Он автономен и независим от

субъективной психологии и ее интерпретирования. Он исходит из «внешне» и объективно данного факта—явлений движения, поступков, физиологических, доступных наблюдению процессов, идет к таким же внешним фактам и устанавливает связи только между внешними же фактами. Весь субъективный мир человека остается в стороне и не влияет на правильность теорем объективного метода. Проиллюстрируем это положение. Перед нами два лица: профессор *А* и его секретарь *В*. Профессор «диктует» последнему свою статью (т. е. совершает ряд движений в виде произнесения определенных звуков и т. д.). Секретарь пишет, т. е. проделывает опять-таки ряд внешних движений в виде процесса письма. Наблюдение далее показывает, что характер значков, выводимых последним на бумаге, а следовательно, и движений его руки, а через это — и всего его поведения зависит от характера слов (звуков), произносимых *А*. То же наблюдение показывает, что когда *А* перестает «говорить», перестает писать и *В*; когда *А* произносит одинаковые слова (звуки), например слово «революция», одинаковые в общем значки выписывает и секретарь. Когда слова

88

Система социологии. Том I

разные — разными являются и значки секретаря. Совокупность всех этих и многих других фактов делает для нас несомненным, что между *А* и *В* дано явление взаимодействия, что движения, поведение *В* обусловлено поведением *А*, что эта зависимость носит такой-то характер, и т. д. и т. д. Короче, здесь мы исходили только от внешних фактов, шли также к внешним фактам и установили связь также между внешними фактами. Весь субъективный мир *А* и *В* остался в стороне. Наличие связи между движениями *А* и *В* мы установили без обращения к их психике, и какова бы последняя ни была, она не может поколебать полученного положения, что поведение *В* в данном случае есть функция поведения *А*.

Отсюда видна независимость объективного метода от субъективных переживаний и его «самодостаточность». Для своих целей он не нуждается в психологии и в изучении субъективных переживаний.

Из сказанного же видно, что он является исходным моментом в изучении явлений взаимодействия.

Таким образом я отдал ему должное и глубоко убежден в том, что главные завоевания социология может достигнуть именно на этом пути изучения социальных явлений как внешних фактов и определения причинных отношений между внешними же фактами явлений человеческого взаимодействия.

Но, спрашивается, достаточен ли этот метод? Все ли он может дать?

Можем ли мы сказать, что изучение психических переживаний ровно ничего не может прибавить к пониманию и уяснению явлений человеческого общения? Иными словами, следует ли отказаться от методов субъективной психологии и признать совершенно бесплодным всякое привлечение субъективных психических переживаний к делу уяснения и понимания социальных фактов?

Думается, что положительный ответ на эти вопросы был бы ошибкой. Конкретный пример покажет в чем дело.

Почтальон приносит индивиду *А* две телеграммы. *А* раскрывает первую и читает: «Выезжаю сегодня. Встречай. 5.» *А* улыбается, вскакивает, зовет прислугу и приказывает к 5 часам приготовить экипаж. Затем раскрывает вторую и читает: «Ваша жена попала под поезд. Приезжайте. Начальник станции *Х*». *А* умирает от «разрыва сердца».

Здесь перед нами два примера взаимодействия. Сходные раздражители (телеграммы). Один и тот же воздействуемый индивид *А*. И совершенно различные эффекты: в первом случае оживленная реакция на раздражение, во втором — смерть... Спрашивается, могут ли быть вполне понятными для нас эти два явления, если мы будем стоять на строго объективной точке зрения? Достаточно ли ясными и объясненными будут эти факты, если мы заранее исключим из нашего поля зрения всякое привлечение субъективных переживаний, вроде «любви, привязанности, ужаса и тяжести потери,

тяжелого горя, чувства одиночества» и т. д.? Ответ, думается, ясен сам собой. Стоя на строго объективной точке зре-

Глава III. Понятие взаимодействия людей и методы его изучения 89

ния, мы могли бы сказать, что в первом случае раздражитель в виде телеграммы с определенными словами вызвал «улыбку» и такие-то акты, во втором — телеграмма с несколько иными значками вызвала смерть. И только... Но этого слишком мало для понимания факта, почему эффекты телеграмм в том и ином случае были так различны? Правда, во втором случае значки телеграммы были несколько иные, но едва ли правильный вывод мы сделали, если бы различие эффектов в том и другом случае приписали неодинаковости значков телеграмм. Факт в этом случае был бы совершенно непонятным. Сколько-нибудь ясным он становится лишь тогда, когда мы на место телеграфных значков подставим реальное их содержание, когда мы примем во внимание такие психические явления, как любовь, привязанность, тяжелое и неожиданное горе, ужас потери и т. д. и т. д. Мы можем *expressis verbis*^{12*} об этих состояниях не говорить, мы можем лишь подразумевать их, но они должны быть учтены в той или иной форме: человек, не знакомый по личному опыту с такими переживаниями, весьма мало поймет в таких явлениях.

Из этого примера видно, что *обращение к субъективным переживаниям людей если не всегда, то в ряде случаев кое-что дает для понимания явлений человеческого поведения*. Стоя на чисто объективной точке зрения и исключая начисто психические переживания из области исследования, мы в ряде случаев рискуем не понять весьма многое; явления подвига и энтузиазма, явления жертвенности и религиозного экстаза, акты обожания и преклонения, акты ненависти и любви, и т. д. и т. д. во многих случаях с чисто объективной точки зрения будут похожи на каббалистические знаки, ключ к чтению которых потерян. Мы можем всеми способами исследовать эти знаки, изучать их с помощью лупы и микроскопа, измерять их вдоль и поперек, но если у нас нет ключа к их пониманию, — смысл знаков останется для нас непонятным. Чтобы их понять, чтобы их перевести, этот ключ должен быть налицо. Таким же «ключом» во многих случаях являются для нас психические переживания актеров человеческой драмы или комедии. Только подставляя их под соответственные внешние акты, мы делаем последние вполне понятными и для себя, и для других. Один и тот же акт поднятия руки с протянутым указательным пальцем может означать и указание дороги, и приказ «идти туда» и повелительное «выйди вон»; чтобы понять, какое значение он имеет, волей-неволей приходится учитывать психическое состояние указующего. Одни и те же слова — «ну и свинья же ты» — часто имеют значение акта ругательного, а часто и ненормальную форму ласкового обращения, т. е. представляют совершенно разнородные явления по своей психической природе и по тем внешним актам, которые вытекают из первого и второго случая. В интересах самого объективного изучения учет этих разнородных смыслов тождественной фразы необходим и неизбежен. Без такого учета, опирающегося на метод личного восприятия и интроспекции¹³ с вспомогательными приемами

90

Система социологии. Том I

субъективной психологии, объективный исследователь рискует наделать ряд ошибок.

Конечно, как я уже сказал, различные психические состояния могут быть учитываемы нами лишь при условии их внешних проявлений в той или иной форме; ласку или ругань обозначает обращение «свинья», досаду, злость или восторг выражает восклицание «черт подери», мы можем определить не иначе, как учтя все внешние движения, связанные с этими словами (тон, манеру, восклицание, жесты, мимику, характер взаимоотношений между лицами и т. д.); стало быть, и здесь мы стоим на почве объективизма. Но последовательные объективисты хотят совершенно игнорировать субъективную сторону явлений, я же настаиваю на том, что для уяснения и большей точности обращение к этой стороне в ряде случаев необходимо.

Правда, данные, полученные путем метода самонаблюдения (простого и экспериментального), всегда гипотетичны, нередко ошибочны и спорны, особенно в случаях намеренного притворства и т. д.⁴¹

Но из того, что нередко люди попадают под поезд, не следует, что поезда вообще вредны и что нужно исключить и уничтожить их. Из того, что выводы субъективной психологии нередко бывают ошибочными, не следует, что они всегда бывают такими и что метод самонаблюдения совершенно бесполезен.

Это в конце концов принуждены признать и сами объективисты. «Уже с самого начала при обосновании рефлексологии мы не противопоставляли ее субъективной психологии и ничуть не исключали последнюю, а, наоборот, вполне определенно отмежевывали последней область исследований, производимых на себе самом с помощью метода самонаблюдения... Между данными той и другой научной дисциплины должно быть известное вполне определенное взаимоотношение. В этом направлении можно идти дальше и говорить о возможном сближении в будущем обеих научных дисциплин»⁴². То же говорит и другой объективист, Костылев. «Экспериментальная психология будущего не будет исключительно объективной, как этого, по-видимому, желает Бехтерев. Я не вижу основания держаться объективного изучения функционирования рефлексов. Я считаю чрезвычайно важным изучение наряду с этим при помощи интроспекции процесса их группирования, который приведет нас от зачаточной умственной деятельности ребенка к бесконечно сложному сознанию взрослого»⁴³.

⁴¹ См. об этом: *Петражицкий Л.И.* Введение, с. 28 и ел.; *Радлов Э.Л.* Самонаблюдение в психологии; *Челпанов Г.И.* Об экспериментальном методе в психологии; *Кони А.Ф.* Психология и свидетельские показания // Новые идеи в философии. Сб. № 8; *Бехтерев В.М.* Цит. соч., гл. I—IV; курсы уголовного судопроизводства *Розина, Фойницкого* и др.

⁴² *Бехтерев В.М.* Рефлексология, с. 128.

⁴³ *Костылев.* La crise de la psychologie experimentale. 1911, p. 153.

Глава III. Понятие взаимодействия людей и методы его изучения 91

Вот почему нельзя не признать справедливыми нижеследующие слова В.А. Вагнера, направленные против крайностей объективизма физиологов. Чисто физиологический метод недостаточен, говорит он, во-первых, потому, что «реакции нервной системы, при полном сходстве ее морфологического строения, могут быть совершенно различными; они могут быть различными у одного и того же организма в зависимости от целого ряда внешних и внутренних причин, из чего следует, что, изучая механизмы реакции нервной системы данного организма, мы не узнаем того, что нужно для определения и выяснения его психологии. Это — во-первых; во-вторых, мы знаем, что нервная система представляет такой механизм, при посредстве которого может производиться работа самого разного содержания. Как ткацкий станок, приводимый в движение определенным механизмом и получающий для обработки один и тот же материал, может изготовлять разнородную ткань в зависимости от того, в чьих руках он находится, так и механизм нервной системы, устроенный у данных организмов по одному образцу и получая однородное раздражение, может вырабатывать реакции не одного характера и значения»⁴⁴.

Вот почему, наконец, в области социологии я должен признать если не вполне, то в значительной степени правильной критику, которой подверг Эллвуд физиологическую социологию Зеленого. Эллвуд допускает известную ценность и полезность физиологической социологии. «Но когда объективисты объявляют, что только их точка зрения научна, когда они порицают как ненаучную всякую попытку использовать психические элементы для объяснения социальной жизни, — дело принимает другой оборот. В этом случае их метод превращается в догматизм, который может быть оправдан лишь при допущении, что такие метафизические мировоззрения, как мировоззрение механистическое или психофизический параллелизм^{14*}, доказаны наукой». Но они

считаться доказанными не могут⁴⁵. Поэтому объективисты, опирающиеся на это мировоззрение, сами впадают в метафизику. Далее, их метод, «быть может, хорош для изучения поведения крысы или общества крыс, или, в лучшем случае, — поведения человеческой группы, жившей полмиллиона лет тому назад, жившей в чувственно-материальном (perceptual) мире. Цивилизованный же человек живет в мире идей (ideational). Для него мир реальных объектов в значительной степени заменен миром идей, символов (Standarts), ценностей. Эти идеи, символы, ценности постепенно развивались и накапливались в течение всей человеческой истории.

⁴⁴ См.: Вагнер В. Физиология и биология в решении психол. проблем. Новые идеи в биологии. Сб. № 6, с. 6; *Его же*. Био-психология, т. I и Зоо-психология перед судом физиолога // Вест[ник] психологии, т. XIII, вып. 3-5.

⁴⁵ Ellwood Ch. Objectivism in Sociology// The amer[ican] journ[al] of sociology, vol. XXII, p. 301.

9 2

Система социологии. Том I

Сама история человечества, таким образом, представляется как бы развивающейся традицией или "социальным духом" (Social mind), который не может быть понят вне его содержания. Человеческая культура сама по существу имеет психический характер, и эта культура создала человеческие общества, которые мы знаем».

Недостаточен этот метод и потому, что нет строгого соответствия между психикой и ее внешним проявлением. «Благодаря организующей активности духа воспринятые идеи, верования, символы могут быть целиком видоизменены и в итоге могут выразиться в совершенно иных формах поведения, чем формы обычные... Этим не отрицается возможность чисто физиологического изучения человеческого поведения. Но заменять в наших описаниях социальные процессы гипотетической деятельностью клеток центральной нервной системы, о которых мы ничего не знаем, хорошо известные нам способы мышления и чувствования, которые при этом гипотетически предполагаются коррелятивными этим физиологическим процессам, — это самый настоящий педантизм».

Наконец, неверно, что психическое явление нам не дано и не может быть объективно наблюдаемо. «Мы знаем верования и мнения других столь же ясно и точно, как и многие физические явления». Больше того: «Экономическую ценность, приписываемую человеком алмазу, мы знаем лучше, чем физическую сторону оценочного процесса. Многие идеи древних римлян, греков, евреев мы знаем, вероятно, лучше, чем физические условия их существования. В социальных науках, по меньшей мере, многие психические явления надолго еще останутся более понятными, чем соответствующие им бесконечно сложные физические явления»⁴⁶.

Такова сущность возражений Эллвуда против претензий объективистов.

Как я уже сказал, если не вполне, то частично они обоснованы. Вывод из всего сказанного об объективизме и субъективизме в социологии будет таков: 1) *исходным и основным методом изучения явлений взаимодействия людей может и должен быть метод объективный, изучающий внешне данные факты функциональной зависимости поведения одних людей от существования и поведения других*. Социолог здесь прямо принужден исходить из внешних актов (поведения), идти от них к другим внешним же актам и кончать внешними же актами, устанавливая связи между ними. В этом смысле всякая научная социология может и должна быть объективной социологией.

3. В целях большей полноты анализа изучаемых явлений наряду с объективным методом, имеющим дело лишь с внешними, доступными наблюдению фактами (поведением людей), в качестве вспомогательного метода может быть допущен и метод интроспекции, обращающийся

Ellwood Ch. Op. cit., p. 303-304.

Глава III. Понятие взаимодействия людей и методы его изучения

9 3

к анализу психических переживаний людей. Привлечение последних к истолкованию ряда явлений может облегчить и уяснить понимание многих явлений,

несколько не колебля данных объективного наблюдения. Психологическая интерпретация явлений взаимодействия и пользование психологическими терминами диктуются тем, что 1) психические переживания даны человеку, 2) что в силу этого они весьма часто (при так называемых сознательных актах) являются посредствующим звеном между двумя внешними актами, 3) что содержание и смысл многих актов дается характером этих психических переживаний, 4) что сознательно или ненамеренно психологическое наведение всегда является предпосылкой всякого истолкования явлений общественного поведения.

Я кратко выражу свою мысль, если скажу: *социология может и должна быть объективной социологией — социологией внешних, доступных наблюдению фактов и процессов*, но для полноты и точности результатов, добываемых объективными методами, ей приходится иметь дело с психическими явлениями, и потому целесообразно дополнять эти результаты данными, добываемыми путем методов субъективной психологии.

Таково единственно правильное для нашего времени решение спора «объективистов» и «субъективистов» в психологии и социологии. В нижеследующем автор систематически будет проводить только что очерченную точку зрения относительно методов изучения явлений взаимодействия.

СОЦИАЛЬНАЯ АНАЛИТИКА

Глава четвертая

АНАЛИЗ ЭЛЕМЕНТОВ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В главе «Архитектоника социологии» было указано, что первой частью теоретической социологии является социальная аналитика. Она изучает строение, или состав, социального явления и его основные формы.

Было указано также, что она делится: а) на социальную аналитику *простейшего* социального явления и б) социальную аналитику *сложных* социальных явлений. Свой анализ строения социальных явлений начнем с изучения структуры простейшего социального явления. Только изучив последнее, мы можем перейти к изучению строения сложных социальных явлений и процессов. Вся нижеследующая часть будет посвящена изучению строения простейших социальных фактов.

§ 1. Взаимодействие как простейшее социальное явление

То, что обычно называется общественной жизнью или общественными явлениями, представляет собой комплекс фактов и процессов настолько сложный, что изучить его, не разложив на составные части, совершенно невозможно.

Как подойти к этой бесконечно пестрой и сложнейшей картине? Как ее описать? С какой точки зрения анализировать?

Если бы любой исследователь попытался охватить эту бесконечно разнообразную массу событий, поступков, фактов, явлений и отношений в ее целом, он обречен был бы на полную неудачу. Такая задача без предварительного расчленения и упрощения условий изучения неразрешима.

Вот почему и по существу, и по методологическим требованиям¹ всякий исследователь того, что называют «явлениями общественной жизни», должен взять эти явления в их простейшем виде. Он должен найти

¹ См. на этот счет: *Риккерт Г.* Границы естественно-научного образования понятий, *passim*.

Глава IV. Анализ элементов взаимодействия

95

простейший случай их проявления, упрощенную и маленькую модель их, изучая которую он получил бы возможность смотреть на все более сложные факты как на комбинацию этих простейших случаев или как на усложненный до бесконечности образец этой модели. Социолог в этом случае должен воспользоваться опытом других наук: химии и биологии. Подобно химику, разложившему весь пестрый мир неорганической природы на атомы, подобно биологу, изучающему явления жизни на клетке, социолог должен

найти своего рода «социальную клетку», исследуя которую он тем самым получил бы знание основных свойств общественных явлений; мало того, — подобно химику, объясняющему все сложные предметы и явления неорганического мира комбинацией атомов и их соединений — молекул, подобно биологу, сумевшему разложить все организмы на их составные части — клетки и рассматривающему первые как комбинацию вторых, подобно им простейшее явление, выделяемое социологом, должно быть таково, чтобы оно давало возможность смотреть на все так называемые общественные явления как на ту или иную комбинацию этих простейших явлений.

Спрашивается, *какое же явление в мире человеческих отношений может быть таким простейшим фактом, какое явление может служить упрощенной и маленькой моделью громадного и сложного механизма общественных явлений?*

Сторонники органической школы¹* когда-то считали «социальной клеткой» или простейшим социальным явлением *человеческий индивид*. Теперь едва ли есть надобность подробно критиковать их. Они слишком увлеклись аналогиями и не заметили, что индивид как индивид — никоим образом не может считаться микрокосмом социального макрокосма. Не может потому, что *из индивида можно получить только индивида* и нельзя получить ни того, что называется «обществом», ни того, что носит название «общественных явлений». Робинзон, живущий на уединенном острове, ни сам по себе, ни своими действиями не составит ни того, ни другого. Далее — *индивид как индивид не дает никакого основания для существования особой науки — социологии*. Как физическая масса он изучается физико-химическими науками, как организм — биологией, как обладающее сознанием или психикой существо — психологией. Социологии с индивидом делать нечего, и потому она была бы излишней. Индивид не может быть искомой моделью того, что носит название общественных явлений².

Для последних требуется *не один, а много индивидов, по меньшей мере, два*. Если один Робинзон не может составить «общества», то Робинзон с

² Сказанное относится и к ряду других социологов, которые, как Гиддингс, «социальной клеткой», «социальной единицей» считают индивида, socius'a. «The unit of investigation, then, in sociology is the socius that is to say the individual who is not only an animal and a conscious mind, but also a companion, a learner, a teacher, and co-worker»²* (Giddings F.H. Inductive Sociology, p. 10). Как правильно замечает

96

Система социологии. Том I

Пятницей — такое «общество» составить могут. По крайней мере, соединение двух лиц в обиходе часто называется «обществом». Их взаимоотношения могут составить «общественные отношения», их акции и реакции — «общественные процессы».

Но понятие двух или множества индивидов еще недостаточно для того, чтобы быть «моделью» общественных явлений. Мы можем иметь множество индивидов, но если эти индивиды будут изолированы друг от друга, подобно сардинам, закупоренным в разные коробки, то этот случай сведется к первому: мы будем иметь ряд изолированных индивидов, т. е. в каждом данном случае опять-таки одного индивида.

Чтобы два или большее число индивидов могли составить «общество», могли дать «общественные явления», для этого необходимо, чтобы они *взаимодействовали друг с другом, обменивались взаимно акциями и реакциями*. Только в этом случае они составят общественное явление; только в этом случае их взаимоотношения дадут общественные процессы, только в этом случае они создадут почву для существования особой науки, изучающей явления их взаимодействия, те изучаемые другими дисциплинами. «Social are all phenomena which we cannot explain without bringing in the action of one human being on another»³*, — правильно говорит Росс³.

Следовательно, *моделью социальной группы может быть только два или больше число индивидов, находящихся между собой во взаимодействии. Моделью социальных процессов могут быть только процессы взаимодействия между индивидами; моделью общественных явлений могут быть только явления взаимодействия людей**.

Hayes, «конечный элемент, на который научное исследование разлагает социальную реальность, для своего открытия требует гораздо более сложного анализа, чем простое отделение индивида от толпы. Поведение индивида представляет сложное и многообразное сочетание; каждая деятельность, в которой он участвует, является отдельным объектом исследования. Сказать, что Socius есть конечный и неразложимый элемент исследования, это равносильно тому, если бы ботаник принял букет цветов в качестве неразложимой единицы ботанического анализа. Как каждый цветок в букете служит представителем ботанической разновидности, так каждое верование или практика, которую Socius разделяет вместе с другими индивидами, представляет вид социологического разнообразия. Каждая такая разновидность социальной деятельности — объект исследования, и каждое участие индивида в такой деятельности — простейший элемент изучения. Но Socius не только слишком сложное явление, он, кроме того, слишком индивидуален, единичен (unique), чтобы мог быть таким конечным элементом. Socius в развитом обществе может быть столь же единичным, как историческое событие, и может дать материал скорее для биографии, чем для социологии (как науки о законах и основных тенденциях)» (Hayes E.C. Classification of social phenomena // The american journal of sociology, vol. XVII, p. 109-110).

³ Ross E. Foundations of Sociology. 1905, p. 197.

⁴ Из сказанного следует и ошибочность тех социологических теорий, которые готовы социальное явление свести к одним взаимоотношениям и исклю-

Глава IV. Анализ элементов взаимодействия

97

Вот почему более правильно, по сравнению с органицистами, поступает школа Ле-Пле, признающая такой моделью семью, а не индивида. «Семья, — говорит крупнейший представитель этой школы Демолен, — представляет наиболее простую, наиболее элементарную социальную группу, ниже которой социальная жизнь не существует, не может быть продолжаема и передаваема»⁵.

В семье, как в модели социальной группы, дано два или большее число индивидов и взаимодействие между ними. В этом смысле она удовлетворяет выставленным требованиям.

Такой подход к изучению социальных явлений, ценный во многих отношениях, не может быть, однако, принят целиком. Семья может служить моделью ряда социальных отношений, но не всех: мы знаем, что ряд социальных групп, даже большинство последних, образуется не на семейных началах и к семье никакого отношения не имеет. Собрание друзей, собрание верующих, политическая партия, члены научного общества и множество других ассоциаций являются ассоциациями внесемейными.

Поэтому нельзя семью брать в качестве образца всех социальных групп, взаимодействие между членами семьи — в качестве модели всякого общественного взаимодействия. Семья представляет лишь частный вид родового явления — группы взаимодействующих индивидов.

Вся общественная жизнь и все социальные процессы могут быть разложены на явления и процессы взаимодействия двух или большего числа индивидов, и обратно, комбинируя различные процессы взаимодействия, мы можем получить любой, самый сложный из самых сложных общественных процессов, любое социальное событие, начиная от увлечения танго и футуризмом и кончая мировой войной и революциями. К чему, как не к явлениям взаимодействия в конечном счете сводится вся общественная жизнь? Процессы взаимодействия — индивидуальные и массовые, дли-

чить из них индивидов. В этом повинны многие сторонники социального реализма, в том числе и цитированный выше Hayes. См.: Hayes E.C. Op. cit., p. 111-113. Одни отношения (взаимодействие) не могут быть ни простейшим социальным явлением, ни просто социальным явлением потому, что без индивидов не могут существовать отношения между ними. Будет некому взаимодействовать и не на ком изучать взаимодействие. Вот почему «модель» социального явления должна содержать и

индивидов, и взаимодействие между ними. Свойства индивидов и свойства взаимодействия функционально связаны: нельзя одно отрывать от другого.

⁵ Demolins E. Comment on analyse et comment on classe les types sociaux // La science sociale 19 annee, 1-er Fasc, p. 75. То же говорит и R. Pino — второй представитель этой интересной и ценной школы. «Человеческие общества организуются и организуют распорядок их частной и публичной жизни согласно специальным способам, которыми семейный организм получает средства существования» (Pino R. La classification des especes de la famille etablie par Le Play est-elle exacte // La Science sociale, тот же выпуск, p. 44).

4 Система социологии

9 8

Система социологии. Том I

тельные и мгновенные, односторонние и двусторонние, солидарные и антагонистические и т. д. — являются теми нитями, из совокупности которых создается ткань человеческой истории. Из совокупности взаимодействующих индивидов можно составить любую социальную группу, любое «общество», начиная с трамвайной публики и кончая такими коллективами, как государство, «Интернационал», католическая церковь и «Лига народов»^{4*}. Из комбинации процессов взаимодействия можно соткать любое общественное явление, начиная с галдежа толпы, собранной на улице скандалом, и кончая систематической планомерной борьбой мирового пролетариата с мировым «капиталом». На отношения взаимодействия распадаются все социальные отношения, начиная с отношений производственных и экономических и кончая отношениями эстетическими, религиозными, правовыми и научными.

Короче говоря — *взаимодействие двух или большего числа индивидов есть родовое понятие социальных явлений.., оно может служить моделью последних. Изучая строение этой модели, мы можем познать и строение всех общественных явлений. Разложив взаимодействие на составные части, мы разложим тем самым на части самые сложные социальные явления.*

Ограничимся этими замечаниями и перейдем к анализу явлений взаимодействия. Изучив эту «модель» социальных явлений, мы получим достаточный материал для подтверждения высказанных положений.

§ 2. Элементы явления взаимодействия

Для того чтобы явление взаимодействия людей в указанном выше значении было возможно, для этого необходимо, чтобы даны были три основных условия: 1) *наличие двух или большего числа индивидов, обуславливающих переживания и поведение друг друга;* 2) *наличие актов, посредством которых они обуславливают взаимные переживания и поступки;* 3) *наличие проводников, передающих действие или раздражение актов от одного индивида к другому.*

Вне этих условий явление взаимодействия не может существовать: 1) без индивидов некому взаимодействовать; 2) если бы эти индивиды не совершали актов, то непонятно было бы, как и чем они могут «раздражать», обуславливать поведение и переживания других лиц; не было бы раздражителей; 3) если бы не было проводников, то, как увидим ниже, акты-раздражители одного индивида не могли бы передаваться и раздражать других индивидов.

Эти необходимые условия или составные части явления взаимодействия назовем его элементами.

Глава IV. Анализ элементов взаимодействия

9 9

Соединение их, составляющее явление взаимодействия, образует в своей совокупности своеобразное единство, или особую систему (см. ниже) как реальность *sui generis*^{5*}.

Остановимся на каждом из этих элементов.

§ 3. Индивиды как элемент явлений взаимодействия

I. Основные биологические и психические свойства индивидов

Что касается *индивидов*, то их анатомическое строение и физиологические свойства дают нам анатомия и физиология. Их психическую жизнь пытается раскрыть нам психология. Повторять здесь данные этих наук нет надобности.

Для нас здесь важно отметить лишь следующие свойства: *а)* как всякое живое существо человек обладает способностью реагировать на раздражения, испытываемые его организмом; *б)* как высший организм он владеет совершеннейшей нервной системой.

Элементарные функции этой системы состоят: 1) в восприятии раздражений, идущих извне (соответствующие органы нервной системы называются *рецепторами или воспринимателями*); 2) в проведении их до центрального нервного органа (соответствующие части нервной системы называются *проводниками или кондукторами*); 3) в выполнении эффекта — двигательной реакции, вызываемой раздражением, идущим от центрального органа к рабочим органам (соответствующие части нервной системы называются *эффекторами*).

Что касается функций высшей нервной системы, то эти функции состоят в *анализаторской* деятельности — в анализе и разложении раздражений, воздействующих на организм, и в *замыкательной* (в контакт-торской) деятельности, устанавливающей связь организма с разложенными *или проанализированными раздражителями внешнего мира*⁶.

Обладание таким чудесным рецептивно-кондукторски-эффективным аппаратом дает возможность человеку весьма совершенным образом приспособляться к среде. Рецептивные и анализаторские органы нервной системы служат идеальнейшими органами для того чтобы, 1) отмечать всякое раздражение, действующее на организм; 2) разлагать комплексы раздражений на элементы и устанавливать различия после-

⁶ См.: Павлов И.П. «Настоящая физиология» головного мозга // Природа. 1917, январь, с. 29-31; Parker. The origin of the Nervous System and its Appropriation of Effectors // Popular Science monthly. 1909, vol. LXXV, p. 56-57; Parmelee M. The science of human behavior. 1913, p. 140-145.

100

Система социологии. Том I

дних, иначе говоря — точно познавать, какие раздражители действуют на нас. Эффекторы и замыкательные органы, получив проанализированное раздражение через кондукторские органы, дают возможность организму определенным образом реагировать на эти раздражения и в той или иной форме устанавливать связь между ними и организмом. То удаляя весь организм от вредных раздражителей, то приближая его к полезным, то вызывая ряд движений отдельных частей организма, они позволяют последнему сохранять необходимое для жизни равновесие и «непрерывно поддерживать приспособление внутренних отношений к внешним», в чем, по мнению Спенсера, и состоит сущность жизни⁷.

В этом отношении нервная система является прекрасным аппаратом для приспособления организма к среде.

Эта роль нервной системы станет еще более ясной, если принять во внимание наличность в ней особых органов для восприятия раздражений на расстоянии, так называемых Distance-receptors, реагирующих на раздражение объектов, находящихся на расстоянии.

К числу таких Distance-Receptors принадлежат органы *зрения, слуха и обоняния*. Они являются органами для восприятия раздражений от объектов отдаленных, входящих в соприкосновение с рецепторами не непосредственно, а лишь путем эманации особых сил (колебания эфира, действующие на зрительные органы, колебания воздушных волн, влияющие на органы слуха, и т. д.). Distance-receptors дают таким образом возможность организму приспособляться путем надлежащих реакций к объектам отдаленным⁸.

Из других свойств нервной системы отметим следующие: 1) случаи, «где раздражение, действуя на нервную систему *извне*, дает непосредственно за этим сознательное ощущение и уже затем ведет окончательно к какому-либо движению»; 2) зависимость ощущений от природы раздражителей. В одних случаях одни «ощущения не

зависят от природы производящего их раздражителя, а другие происходят, наоборот, только при известной форме раздражения». Например, выведение мочи и кала можно вызвать любым раздражителем: электричеством, механическим насилием и т. д.; напротив, сладострастные ощущения вызываются только легким механическим раздражением половых органов. К последнему типу близка *деятельность органов чувств* — зрительного, осязательного, вкусового, слухового и обонятельного аппаратов.

В этих случаях раздражители действуют на определенные места чувствующих поверхностей тела. «Органы чувств возбуждаются нормально не теми деятелями, которые носят название общих нервных раздражителей, а совершенно особыми влияниями, вовсе не способными воз-

⁷ См.: Спенсер Г. Основания биологии, т. I, § 1 и ел., § 30.

⁸ См. о роли Distance-receptors: Parmelee M. The science, p. 164-166; Sherrington Ch. The Integrative Action of the Nervous System. New York, 1906, p. 324.

Глава IV. Анализ элементов взаимодействия

101

буждать общие нервные стволы; зрительный аппарат возбуждается светом, слуховой — звуком, осязательный — легким механическим потрясением»⁹.

Весь организм человека, каждый кусочек его кожи благодаря нервной системе представляет, таким образом, чувствительный аппарат, бесконечно более чувствительный, чем любая фотографическая пластинка.

Организм отмечает всякое мельчайшее раздражение, идущее от окружающей его среды, и обладает способностью путем надлежащих реакций и движений отвечать на эти раздражения, приспособлять себя к этой среде согласно требованиям сохранения жизни.

Как вполне правильно отмечает акад. И.П. Павлов, «деятельности (высших отделов центральной нервной системы) устанавливают более подробные и более утонченные соотношения животного организма с окружающим миром, иначе говоря, более совершенное уравнивание системы веществ и сил, составляющих животный организм, с веществом и силами окружающей природы»¹⁰.

Из сказанного следует, что человек обладает прекраснейшими аппаратами для восприятия раздражений, для их анализа и для реагирования на них в форме тех или иных движений (рефлексов безусловных и условных, инстинктивных действий, «разумных или сознательных» актов и т. д.) как отдельных органов, так и всего организма. В последнем случае организм человека может быть сравнен с машиной, которая в себе носит прекрасный двигательный аппарат; с этой точки зрения организм человека может быть назван *автомотором* (самодвигателем).

Таковы те характерные физиологические свойства человека, которые важно было напомнить читателю.

Что касается его *психических СВОЙСТВ*, то здесь ограничимся напоминанием о самых общих чертах человеческой психики: 1) о наличии у человека психических переживаний; 2) об их подразделении современной психологией на три основные элемента: а) *познавательные элементы*: ощущения, восприятия, представления и понятия; б) *чувственно-эмоциональные элементы*, данные в переживаниях боли и удовольствия; в) *волевые элементы*. Ряд психологов отступает от этого тройного деления и дает иную классификацию, но для нас в конце концов этот вопрос не имеет большого значения. Точно так же в данном случае неважными для нас являются споры о том, какой из этих элементов имеет первенствующее или главное значение: идеи ли, чувства ли или волевые элементы; 3) заслуживает упоминания тот факт, что ряд раздражений, воспринимаемых рецептивными органами нервной системы, сопровожда-

⁹ Сеченов И. Физиология органов чувств. 1867, с. 5-7.

¹⁰ Павлов И.П. Цит. соч., с. 29. См. общую характеристику анатомических и физиологических свойств человека, имеющих важное значение в изучении его поведения у Parmelee (The science of human behavior, passim, особенно главы V-X).

ется психическими переживаниями, входит в «поле сознания» и влечет за собой «сознательную реакцию»¹¹.

II. Полиморфизм индивидов

Человеческие индивиды, обладая рядом общих свойств, в то же время не тождественны друг с другом по видовым качествам. Они различаются один от другого *и физически, и психически, и социально*.

Таковыми различиями являются рост, цвет кожи и волос, внешний вид индивида, походка, мимика и т. д. Дальнейшие различия их обусловлены делением индивидов по полу, по возрасту, по ряду других биологических свойств. Отличаются индивиды друг от друга и по психическим свойствам — по манере чувствовать, мыслить, верить — и по характеру верований, знаний, вкусов, симпатий, т. е. по совокупности признаков, обозначаемых словами «характер», «темперамент», «психический уклад» и т. д.

Не сходны они и по социальному положению, например по принадлежности к той или иной группе, к касте, сословию, государству и т. д. Такие различия относительны.

В одних случаях ряд индивидов отличается друг от друга в меньшей степени, в других — в большей. Причем, отличаясь друг от друга физически (напр[имер] по росту или полу), они могут быть сходными по социально-психическому багажу: по манере мыслить, чувствовать, по социальному положению, по мировоззрению и т. д. В других случаях может быть наоборот. Отличаясь «по психическому укладу» (напр[имер] холерик и флегматик), они могут быть сходными по вкусам, верованиям, убеждению и т. д. И наоборот.

В третьих случаях — различие может быть более полное (напр[имер] готтентот и европейская культурная дама).

Отсюда следует, что по степени сходства и по характеру этого сходства можно соединять индивиды в различные группы: однородные и разнородные; однородные, например, по полу, возрасту, по религии, по языку, по одежде, по социальному положению и т. д., или разнородные — по целому ряду признаков физических, психических и социальных.

Самые разнородные индивиды могут быть сходными в том или ином отношении: «Индивиды, принадлежащие к низшим классам юга Италии, могут быть сходными с неграми и краснокожими в отношении предрассудков, морального поведения» и т. д.¹² И обратно, самые сходные индивиды могут различаться по ряду признаков. Отсюда легко видеть

¹¹ Для ознакомления с психологией человека см. курсы психологии *Гегфдин-га, Цигена, Вундта, Джемса* и др.

¹² *Waxweiler E. Esquisse*, p. 157.

Глава IV. Анализ элементов взаимодействия

103

всю сложность возможной группировки индивидов: она не покрывается ни политической, ни географической, ни классовой группировкой. Она бесконечно сложнее.

Этот полиморфизм, или физическое, психическое и социальное несходство индивидов, важно отметить: он обуславливает собою ряд свойств взаимодействия и играет громадную роль в явлениях социальной группировки.

III. Потребности человека

Из других свойств индивидов отметим наличие *потребностей*, данных вместе с организмом. Эти потребности неодинаковы у отдельных лиц и исторически изменчивы, но вместе с тем есть ряд потребностей, которые в той или иной мере присущи всем человеческим индивидам.

Классификацией человеческих потребностей занимались многие социологи и представители отдельных социальных наук. Мы не будем здесь приводить историю этого вопроса. Ограничимся двумя-тремя примерами. Так, проф. Fairbanks делит все потребности человека на 7 основных классов, дающих основание для семи главных видов социальной деятельности. Таковы: 1) потребность в пище и в защите против холода и

воды, дающая основание для экономической деятельности; 2) потребности, вызываемые удовлетворением ряда эмоций — эгоистических и альтруистических (зависть, ревность, соперничество, симпатии и т. д.), дающие основание для социальной деятельности; 3) потребность в защите себя от сотоварищей-людей, дающая основание для политической деятельности; таковы основные виды потребностей. Далее идут «производные желания»: 4) эстетическая потребность; 5) интеллектуальная;

6) моральная; 7) религиозная¹³.

Близкую классификацию потребностей дает Де-Грееф, делящий потребности, а соответственно, и социальные явления, на семь основных видов; на потребности: 1) экономические, 2) воспроизводительно-семейные, 3) артистические, 4) религиозные, 5) моральные, 6) юридические,

7) политические¹⁴.

Л. Уорд, признавая потребности и желания социальными силами, главными из потребностей считает голод и любовь¹⁵. В другом месте он дает несколько иную классификацию социальных сил, основанных на потребностях. Главными «потребностями-силами» он считает: 1) стремление к удовольствию, 2) избегание страдания, 3) половые и любовные

¹³ Fairbanks A. Introduction to sociology, 3-е изд., p. 108-141.

¹⁴ См.: De Greef G. Introduction a la sociologie. 1896, vol. I, p. 214 и passim.

¹⁵ Ward L. Reine Soziologie. Bd. I, S. 136: Sie (Hunger und Liebe) sind Hauptquellen aller Handlungen und man kann beinahe sagen, dass alle andern Begierden im direkter oder indirekter Linie von ihnen abgeleitet sind^{16*}.

104

Система социологии. Том I

желания, 4) родительские и родственные привязанности. Далее идут «не-существенные» «силы-потребности»: 5) эстетическая, 6) эмоционально-моральная и 7) интеллектуальная¹⁶. П.Л. Лавров различает потребности питания, полового совокупления, ухода за детьми, безопасности, потребность общения и наслаждения возбуждением нервов¹⁷.

Немало потребностями в форме инстинктов занимались психологи и биологи.

Одни из них, следуя Дарвину, признают у человека небольшое число инстинктов, а сообразно с этим и небольшое число основных биологических потребностей, к которым присоединяются потребности социально-психического порядка. Так, В. Вагнер все основные инстинкты (а следовательно, и биологические потребности человека) сводит к трем главным инстинктам; к инстинктам: 1) питания, 2) размножения, 3) самосохранения¹⁸.

Другие, подобно Джемсу, дают чрезвычайно подробную характеристику инстинктов, а сообразно с этим и основных биологических потребностей. К этому же направлению принадлежат и такие социологи, как Эллвуд и М[ак-]Даугал. Первый различает следующие инстинкты (и потребности): питания, воспроизведения, самозащиты, стадности или со-циабельности, подражания, приобретения, господства и подчинения, строительства (жилищ) и игры (эстетика)¹⁹. До известной степени сходную (но более подробную) классификацию инстинктов и соответствующих потребностей дает М[ак-]Даугал. Он выделяет инстинкты (и потребности) бегства, отталкивания, любопытства, драчливости, покорности и самовыставления, родительский, размножения, стадный, приобретения, строительства; плюс врожденные склонности: симпатия, внушение и подражание, потребность игры и соревнования; на этой почве, по его мнению, развиваются потребности высшего порядка (эстетические, нравственные, религиозные и интеллектуальные)²⁰.

Отметим далее ряд социологов, из которых одни дают чрезвычайно краткую и простую классификацию потребностей, другие — весьма слож-

¹⁶ Ward L. Op. cit, S. 326. Уорд Л. Психич[еские] факт[оры] цивилизации. М., 1897, с. 134. Другие авторы, подобно Делевскому и ряду моралистов, делят потребности на

эгоистические, симпатические и смешанные. См.: *Делевский Ю.* Социальные антагонизмы, с. 19 и ел.

¹⁷ *Лаверов П.Л.* Опыт истории мысли. Загран[ичное] изд., т. I, с. 581 и ел.

¹⁸ См.: *Вагнер В.* Биологические основания сравнительной психологии, т. II, с. 204 и ел. Близкую классификацию их дает *Marshall* в своем труде «Instinct and Reason» (1898).

¹⁹ *Ellwood Ch.* Role de l'instinct dans la vie sociale // *Revue internationale de sociologie*. 1914, p. 313-343.

²⁰ *М[ак-]Даугал У.* Основные проблемы сравнительной психологии, гл. III и passim. Среднюю позицию между классификацией Вагнера и последних лиц занимают такие авторы, как *Parmelee*. См. его: *The science of human behavior*, гл. XIII.

Глава IV. Анализ элементов взаимодействия

10 5

ную. В русской социологической литературе примером первой может служить классификация К.М. Тахтарева. Человеческие потребности, говорит он, «могут быть легко сгруппированы в несколько основных видов потребностей: экономических, брачных и психических (нравственных, умственных и эстетических)»²¹.

Примером весьма сложной классификации потребностей (и то **не** всех), данных под техническим именем *residui* (часто заменяемым терминами *sentimenti* — чувства, *bisogno* — потребность, иногда термином *istinti*), может служить классификация Pareto.

Разделяя *residui* на 6 основных классов, на: 1) инстинкт или потребность комбинации (*Istinto delle combinazioni*), 2) потребность сохранения скомбинированных агрегатов (*Persistenza degli aggregati*), 3) потребность проявления внешними актами чувств (*Bisogno di manifestare con atti esterni i sentimenti*), 4) потребности, связанные с жизнью в обществе (*Residui in relazione colla socialita*), 5) потребность сохранения целостности индивида и его взаимоотношений (*Integrita dell' individuo e delle sue dipendenze*), 6) половая потребность (*Residue sessuale*). Парето каждый класс делит на ряд подразделений, дающих в итоге 52 группы, распадающиеся, в свою очередь, на ряд подгрупп²². Среднюю позицию между ними занимают Штукенберг и Росс. Росс различает желания: 1) голода и жажды, 2) удовольствия, 3) эгоистические (требования «я»), 4) эффективные (любовь, симпатия etc.), 5) воспроизводительные, 6) религиозные, 7) этические, 8) эстетические, 9) интеллектуальные²³.

Не приводя других примеров из этого беглого обзора, видно, какая разногласия царит в вопросах классификации человеческих потребностей. Но из него же видно и другое: разноречия касаются не столько самого существа дела (почти все в конце концов то более, то менее подробно дают под разными именами одни и те же потребности), сколько способа классификации и внешнего расположения основных потребностей.

Не вдаваясь в критику изложенных классификаций, не претендуя на исключительность своей классификации, равным образом не ставя сейчас задачей детальный анализ природы каждой из потребностей, я позволю себе дать нижеследующий список основных потребностей человека. Всякое существо, следовательно и человек, пока оно живет и пока живет его род, должно удовлетворять потребности, необходимые для продолжения жизни. Отсюда вывод: человеку как организму прежде всего свойственны все основные биологические потребности, без удовлетво-

²¹ *Тахтарев К.М.* Социология. Пг., 1918, с. 25-26, 47-48.

²² См.: *Pareto V.* Trattato, vol. I, p. 446-449 и ел. Подобную же характеристику дает и *Hayes*; см. его Classification) of soc[ial] phenom[ens], p. 394-399.

²³ *Ross E.A.* Foundations, V, p. 69. См. также: *Small A.* The amer[ican] journ[al] of sociologie, vol. VI, p. 177-199; *Ratzenhofer G.* Sociol[ogische] Erkenntniss. 1898, S. 54-66; *Stuckenbergh J.H.W.* Sociology. 1903, Bd. I, S. 207.

106

ч

Система социологии. Том I

рения коих организм жить не может. К таковым относятся: 1) *потребность удовлетворения голода и жажды*; 2) *потребность половая* (размножения), необходимая для сохранения рода; 3) *потребность самозащиты от сил и влияний, угрожающих*

жизни, — каковы бы последние ни были (самозащита от космических влияний — температуры, смертельного воздуха, ветра, дождя, испарений, механических опасностей, напр [имер], падения в пропасть, утопления, ожога и т. д.; самозащита от биологических опасностей — нападения зверей, болезней, гнилой пищи и т. д.; самозащита от социальных опасностей — от сочеловеков, от вредных для жизни и здоровья социальных условий); 4) *потребность групповой самозащиты* (защита и покровительство «своих», «близких» — членов семьи, детей, друзей, членов племени, рода, тотема и т. д.; объем и характер этих «близких» колеблется и изменчив у различных индивидов); 5) *потребность движения*. Едва ли есть надобность доказывать свойственность этой потребности человеку. Она в виде «способности реагировать на раздражения составляет основное свойство всякой живой протоплазмы»²⁴. Движение — характерная черта животных организмов. Тем более важной и существенной является эта потребность у человека²⁵. Не встречая обычно препятствий к ее удовлетворению, мы не замечаем ее важности. Между тем хотя бы кратковременное неудовлетворение этой потребности влечет за собой ряд мучительнейших состояний и действует на организм вредно, почти убийственно. Состояние человека, связанного по рукам и ногам, было одним из приемов пытки и такое название заслуживает по справедливости. Мы чувствительны не только к лишению нас способности движений, но к малейшему ограничению свободы передвижения; мучительность заключения человека в камеру тюрьмы с ограниченным пространством, протесты и борьба против застав, шлагбаумов, против запретов въезда и выезда, паспортной системы и т. п. как нельзя лучше доказывают правильность сказанного. 6) *Остальные физиологические потребности*: дыхания, обмена веществ, сна, отдыха, разряжения избыточной энергии (игра) и т. д.²⁶

Человек, однако, не только организм, но еще организм, обладающий сознанием, психикой. Мало того, он — существо, живущее в среде подобных себе существ. Эти обстоятельства на почве основных биологи-

²⁴ Шимкевич В.М. Биологич[еские] основы зоологии. 1901, с. 49.

²⁵ Парето прав, говоря, что у человека, как и у животных, есть потребность действовать, делать что-либо (*bisogno di operare, fare qualche cosa*). Op. cit, vol. I, p. 556 и ел.

²⁶ Я не вношу в качестве особой потребности стремление к удовольствию и избегание страдания, как это делают многие, в том числе Паттэн и Уорд; эти потребности проявляются во всех указанных потребностях: удовлетворение их в общем и целом сопровождается положительным чувственным тоном, неудовлетворение — отрицательным. Вводить их рядом с указанными потребностями равносильно было бы их дублированию.

Глава IV. Анализ элементов взаимодействия

10 7

ческих потребностей породили ряд добавочных потребностей социально-психического порядка. В конкретной форме последние бесчисленны.

Основными из них мы можем считать следующие.

7) *Потребность общения с себе подобными*. В той или иной форме эта потребность дана у всех людей. Правда, она не одинакова у различных индивидов.

Одних мы называем «медведями-нелюдимами», другие прямо говорят: «одиночество для меня невыносимо». Есть и такие, которые утверждают, что «люди им надоели». Однако можно смело говорить, что за исключением, может быть, чрезвычайно редких единиц (да и то вопрос — существуют ли они), потребность общения с другими людьми или прямо, или косвенно (путем писем, чтения книг, газет и т. д.) присуща всем людям. Одни одинаково общительны и болтливы со всеми, другие — ведут светскую жизнь, третьи — ограничиваются обществом избранных друзей и семьи, четвертые — обществом любимых авторов — живых и мертвых, с которыми они общаются путем книг, пятые — обществом собутыльников и т. д.; одних она гонит на улицу, в кабачок, других — в театр, в кино, третьих — на лекцию, четвертых — «побеседовать с друзьями», пятых

— в толпу, шестых — на бал, седьмых — в церковь; короче — формы удовлетворения ее могут быть различными, но в том или ином виде она присуща всем людям.

Что это так, доказывается множеством фактов. Во-первых, тем, что люди жили и живут в обществе себе подобных и что изолированный человек не самодостаточен, почему без общения с другими существовать не может. Людей, живущих изолированно от себе подобных, мы, за весьма редкими исключениями, не знаем²⁷. Если эти редкие исключения и есть, то изолированность здесь была не добровольная, а принудительная.

Во-вторых, тем, что на самых первичных ступенях жизни человечества люди, помимо обычного общества, периодически собираются в более обширные соединения и устраивают празднества («короборри» австралийцев)²⁸.

В-третьих, тем, что изоляция (даже относительная) мучительна и губительно действует на человека. Доказательством этому служит общепризнанная мучительность одиночного заключения. Хотя здесь изоляция относительна (ибо обычно человек путем свиданий, путем писем, прогулок, перестукиваний, чтения книг и т. д. общается с другими), но,

²⁷ Под этими исключениями я разумею случай, происшедший во Франции в конце XVIII в., когда нашли в лесу дикого мальчика 12 лет, выросшего без общения с другими людьми. См. об этом: *Waxweiler E. Esquisse*, p. 78; *Погодин А.Л. Язык как творчество // Вопр[осы] теории и психол[огии] творчества*, т. IV, с. 178-179.

²⁸ См.: *Spenser B. and Gillen. The Northern tribes of Centr[al] Australia*. London, 1904 (главы, посвященные церемониям).

108

Система социологии. Том I

несмотря на это, одиночное заключение является одним из самых тяжелых наказаний, вызывает застой и деградацию психической жизни, подтачивает здоровье, ведет к преждевременной старости и смерти²⁹.

В-четвертых, потребность общения подтверждается и исследованием причин самоубийства. Дюркгейм показал, что основной причиной самоубийств является ослабление социальной связи, т. е. рост одиночества и изолированности человека от сочеловеков³⁰.

Помимо этих фактов данность этой потребности свидетельствуется известной всем по опыту «тягой к людям», желанием поделиться своими переживаниями с другими и т. д.³¹

Сказанного достаточно, чтобы признать наличность данной потребности. Она столь же реальна, как и все перечисленные. Под общей формой потребности общения с сочеловеками может быть чрезвычайно пестрое конкретное содержание: и обмен идеями, и чувствами-эмоциями, и волнениями всякого рода, как сходными, так и несходными, как благожелательными, так и враждебными.

Рядом с этой потребностью следует отметить другие потребности *социально-психического порядка*, вытекающие из наличности высокоразвитого сознания у человека. Если остановиться на обычном делении элементов психики на: 1) познавательные, 2) чувственно-эмоциональные, 3) волевые, то социально-психические потребности можно свести: 1) к *потребностям интеллектуальным*, 2) *чувственно-эмоциональным* и 3) *волевым*.

8) *Потребности интеллектуальной деятельности*. Нет ни одного человека, которому эта потребность не была бы свойственна в той или иной форме. Вместе с организмом человека даны ощущения, восприятия, представления и их комбинации, т. е. различные формы интеллектуальной деятельности. Эти явления имманентно присущи человеку. Как человек, пока живет, не может не есть, не пить, не двигаться, так он не может не ощущать, не воспринимать, не иметь представлений. Познавательная деятельность в простейших формах — *различения и элементарного синтеза* — появляется уже в мире животных. Тем более она присуща человеку. Она от него неотъемлема. Конечно, степень и формы интеллектуальных потребностей различны у различных

индивидов. Но в той или иной форме они имманентно присущи всем представителям homo sapiens. Раз у него имеется развитая нервная система — тем самым

²⁹ См. об этом книгу: Современная] тюрьма и ее влияние. СПб., 1913 (перевод под ред. П.И. Люблинского). Поучительные цифры дает Познышев в «Тюремномведении». Психология такого узника хорошо изображена Байроном в «Ши-льонском узнике».

³⁰ См.: Дюркгейм Э. Самоубийство. Изд. Карбасникова. 1912, passim.

³¹ Недаром же множество исследователей (Джемс, Эллвуд, М[ак-]Даугал и др.) возвели ее в степень прирожденного стадного, гregarного инстинкта. В свое время я укажу, почему стадность нельзя считать инстинктом.

С

Глава IV. Анализ элементов взаимодействия

109

дана и интеллектуально-познавательная деятельность; ибо мы видели, что основной функцией нервной системы является анализаторская функция, т. е. различение и дифференциация раздражений среды. А психология указывает, что различение (discernement) представляет простейшую форму познавательной деятельности. Точно так же вместе с развитой нервной системой дана и синтетическая или комбинирующая деятельность. «Ученый в своей лаборатории синтезирует и комбинирует воспринимаемые явления согласно определенным нормам, правилам, гипотезам. Невежда также синтезирует и комбинирует, хотя бы и фантастическим, детским, абсурдным образом... Имеется инстинкт (неточное выражение. — П.С.), который толкает людей к такой комбинационно-синтетической деятельности, — правильно утверждает Парето. — Часто соединяют (и устанавливают связи, хотя бы и фантастические. — П.С.) вещи сходные, иногда противоположные, временами комбинируют исключительные явления с редкими вещами» и т. д.³²

«Люди имеют определенной склонности давать логическое обоснование их актам... У них имеется синтетическая тенденция, незаменимая для практических потребностей. Прежде всего люди хотят мыслить, а плохо или хорошо они мыслят, это уже другой вопрос», — не менее справедливо говорит тот же автор³³. На почве удовлетворения этой потребности выросла не только наука, но и все абсурдные обобщения, абстракции, олицетворения, персонификации и понятия вроде добра, справедливости, солидарности и т. д. «Такие или сходные комплексы, родившиеся из потребности мыслить и комбинировать, потом могут приобрести независимое существование и в известных случаях быть персонифицированными»³⁴. Не только факт существования науки, но еще в большей степени факт существования ошибочных абсурдных теорий, представлений, понятий, суеверных и наивных объяснений, нелепых умственных комбинаций, фантастических интеллектуальных образований, короче — все те анимистические, фетишистские, тотемические и нелепейшие теории, которые создавало и создает человечество, начиная с самых первобытных людей и кончая «дикарями современной культуры», теории, которыми люди объясняли и объясняют окружающие их явления, все эти «суеверные обломки старых истин», которыми полна история человечества и которые мы находим всюду, где находим человека, все это служит непререкаемым и красноречивейшим доказательством наличности у человека интеллектуальной потребности. Если бы ее не было, то не могли бы возникнуть и эти уродливые детища мысли. Иными словами, человеку свойствен в такой же степени интеллектуальный голод, в какой ему присущ голод физиологический. Один удов-

³² Pareto V. Op. cit., vol. I, p. 449.

³³ Ibid., p. 66, 505-507.

³⁴ Ibid., p. 507.

110

Система социологии. Том I

летворяет его фантастическими теориями анимизма, другой — теорией Ньютона и Дарвина, один для его удовлетворения создает теорию «семи дней творения», другой — теорию, подобную канто-лапласовской теории или доктрине «Основных начал» Спенсера.

Еще бесспорнее станет эта потребность, если мы учтем роль знания как лучшего орудия в борьбе за существование. Уоллес и Бергсон правы, говоря, что в силу этой потребности для человека стала излишней необходимость изменения тела для приспособления к среде: его место заняли изменения мозга и тех орудий и инструментов, которые созданы человеческим знанием³⁵.

Этой потребностью вызвано к жизни бесчисленное множество представлений и теорий, истинных и ложных, — относящихся к явлениям и неорганического, и органического, и социально-психического мира. И научные дисциплины, и религиозные представления и концепции, и теории о душе, о праве, о справедливости, жизни и смерти, красоте и добре, короче, все суждения «А есть B» и «А не есть B», из комплекса которых составляются системы, мировоззрения, дисциплины; суждения, начиная с «паук имеет четыре ноги» или «дьявол покупает человеческую душу» и кончая комплексом их, составляющим науки физику, химию, биологию, психологию, социологию, гносеологию и т. д., или таким сочетанием их, как мировоззрение Вед, буддизма, анимизма и т. д., — все это плоды, родившиеся на почве удовлетворения данной потребности, все это детища последней...

Короче, потребность интеллектуальной или умственной деятельности столь же реальна, как и потребность питания. Другое дело, столь ли важна она, как последняя. Но этим вопросом мы сейчас не занимаемся.

9) *Потребность чувственно-эмоциональных переживаний.* Под ней я понимаю потребность человека, опять-таки имманентно присущую его организму, данную вместе с последним, переживать ряд чисто аффективных состояний — чувств, эмоций, носящих название радости, страха, горя, нежности, любви, симпатии, обожания, отвращения, удивления и т. д., сопровождающихся или удовольствием или страданием (положительные и отрицательные чувственные тоны), потребность, отличную от интеллектуальной и не совпадающую с последней³⁶.

³⁵ Бергсон А. Творч[еская] эволюция. СПб., Изд. Семенова, с. 121 и ел. «Отличительной чертой сознания является его способность изготавливать искусственные предметы, в частности, орудия для приготовления других орудий, и бесконечно варьировать производство... Мы должны были бы говорить не Homo Sapiens, а Homo Faber...»^{7*}

³⁶ Это отличие указанной потребности от интеллектуальной не противоречит и теории «интеллектуалистов», ибо и последние не отрицают своеобразие чувственно-эмоциональных переживаний от познавательно-интеллектуальных, но настаивают только на связи и обусловленности первых вторыми. Однако лично я склонен идти дальше и думать, подобно Рибо и Ланге, что «существует

Глава IV. Анализ элементов взаимодействия

111

Так же, как человек не может не мыслить, так же он не может не чувствовать. Больше того, человек хочет мыслить и хочет чувствовать, часто он ищет чувственных переживаний... Реальна ли эта потребность? Вместо ответа процитирую Ланге: «Эмоции, — говорит он, — не только играют роль важнейших факторов в жизни отдельной личности, но они вообще самые могущественные из известных нам прирожденных сил. Каждая страница в истории — как целых народов, так и отдельных лиц — доказывает их непреодолимую власть. Бури страстей погубили больше человеческих жизней, опустошили больше стран, чем ураганы, их поток разрушил больше городов, чем наводнения»³⁷. В той или иной форме эта потребность есть у всех людей. Не идеи, не голод и не остальные перечисленные потребности влекли и влекут людей на зрелища: первобыт-

чисто аффективная жизнь, самостоятельная и независимая от жизни интеллектуальной; причина ее лежит ниже, в изменениях синестезии, которая, в свою очередь, есть результат сочетания жизненных процессов. Роль внешних ощущений очень ничтожна в психологии чувствований сравнительно с ролью внутренних ощущений, и, только не

заглядывая дальше первых, можно возводить в правило, что «нет эмоциональных состояний, не связанных с состояниями интеллектуальными» {Рибо ТА. Психология чувств. СПб, 1898, с. 15).

³⁷ Ланге К.Г. Душевн[ые] движения. 1896, с. 14. Не менее правильно говорит на ту же тему и Рибо: «Слепая вера в "силу идей" представляет на практике неистощимый источник иллюзий и заблуждений. Идея, если она не более как идея, бессильна: она действует только тогда, когда она прочувствована, когда сопровождается известным аффективным состоянием... Можно основательно и глубоко изучить "Практический Разум" Канта, испещрить его блистательными заметками и комментариями, не прибавив ровно ничего к своей практической нравственности, имеющей совершенно другое происхождение. Непонимание этой очевидной истины — один из наиболее досадных результатов влияния интеллектуалистов на психологию чувствований»... (Рибо ТА. Op. cit, с. 25).

То же говорит и *Rareto*: I ragionamenti per agire sugli uomini, hanno bisogno di trasformarsi in sentimenti^{8*} (Pareto V. Op. cit., vol. I, p. 78). Вся социология Паре-то есть сплошное доказательство этого положения. Идеи для него — только рефлекс, тень или отражение sentimenti. «Одно и то же чувство, которое толкает людей воздержаться от какого-либо поступка, оно же толкает их создавать соответственную теорию (для оправдания этого воздержания). Так, ужас перед убийством заставляет с отвращением отказываться от него. Он же в виде рефлекса ведет к созданию теорий: «убийство неумолимо богу, боги наказывают убийц», «убийство противоречит нравственности, прогрессу, социализму» и т. д. (Ibid., p. 74-75; см. passim и главы, посвященные residui и derivazione^{9*}).

Хотя этими авторами, как увидим в «Социальной механике», роль интеллекта и знания недооценена, однако они правы, настаивая на важности эмоций-чувств в поведении людей и в истории человечества. Чувственно-эмоциональными являются и теории Уорда, Паттена и др., признающие динамическим фактором социальных явлений чувства удовольствия и страдания. См.: Reine Soziologie; Психич[еские] факторы цивилизации и Dynamic sociology Уорда, а также The theory of social forces Паттена, напечатанную в Supplement to the Annals of the Americ[an] Acad[emia] of Polit[ical] and Soc[ial] Science, за январь 1896 г.

112

Система социологии. Том I

ные пляски, игрища («короборри»), в цирк гладиаторов, на мистерию, на бой быков, в современный цирк, в театр, в оперу, на концерт, в кинематограф, на поэзо-вечера, на скандал, к месту казни и т. д. Что как не потребность «в сильных ощущениях» (неточное выражение) заставляла и заставляет людей плясать (танцы, балет, игрища, религиозные пляски, балы и т. д.), возбуждать себя употреблением гашиша, опиума, вина, водки, табака и других опьяняющих и одуряющих веществ³⁸, столь же древних, как и само человечество?

«Хлеба и зрелищ» — таков вечный красноречивый свидетель данности этой потребности у человека. Если лозунг «хлеба» относится к биологической потребности питания, то лозунг «зрелищ» говорит о потребности в аффективных переживаниях³⁹. Отнимите эту потребность у человека, и вы сделаете непонятным существование множества явлений, начиная с игры и кончая всем искусством: поэзией, живописью, музыкой, балетом и т. д. «Дориан Грей» Уайльда — только сконцентрированный художественный образ человека, сделавшего «целью жизни» служение и удовлетворение потребности в чувственно-эмоциональных переживаниях. Все люди в большей или меньшей степени Дорианы, различны только формы и степени «прожигания жизни». Эта потребность дает себя знать всюду: обычай употребления музыки при парадах, при наступлении, при похоронах и свадьбах, такие явления, как сервировка стола (цветы, художественность сервировки), явления комфорта, роскоши («пышные» платья, «красивая обстановка» комнаты, все, «что ласкает взор», и т. д.), — все это вызвано и появилось на

почве удовлетворения этой потребности. Она, как воздух, всюду проявляет себя, но как воздух, мы ее не замечаем... Если бы ее не было, то насколько упростилась бы наша жизнь. Удовлетворение одного голода не требует ни цветов, ни белоснежных салфеток, ни красиво убранного стола; все эти «аксессуары» вызваны к жизни «эстетикой», т. е. чувственно-эмоциональными потребностями. Ими же вызваны к жизни и почти все явления искусства, начиная с примитивных рисунков, фантастических сказок и первобытной песни и кончая Шекспиром, Диккенсом, Бетховеном и Рембрандтом. Она гонит одних в кабак, других — на митинг, третьих — на бал,

³⁸ Рибо цитирует Моро де-Тур, говорящего, что после употребления гашиша «человек испытывает "чувство счастья". Я разумею, — говорит он, — состояние, не имеющее ничего общего с чисто чувств [енным] удовольствием. Это не есть удовольствие обжоры; его скорее можно сравнить с удовлетворением скупого или с радостью, которую нам доставляет приятное известие» (Op. cit., с. 13).

³⁹ И сейчас мы видим, что голод не депрессировал лозунг: *circenses!*^{10*}. Театры, кинемо и пр. — полны. Заборы заполнены афишами о зрелищах. Снова и снова повторяется «вечная история». Так было в первобытное время, так было в Древнем Риме, так обстоит и в «коммунистическом» государстве». Не уменьшилась и потребность в опьянении: люди, не имеющие хлеба для питания, тратят его на «ханжу», «самокур» и т. д.

Глава IV. Анализ элементов взаимодействия

113

четвертых — в цирк, пятых — в театр, шестых — в толпу, седьмых — в церковь, восьмых заставляет подзадоривать людей подраться, девярых — к опасным приключениям, десятых — на выставку и т. д. Всюду, где люди «любуются» чем-нибудь, всюду, где они говорят «о красивых переживаниях», всюду, где действуют «страсти и аффекты», там вы найдете эту потребность. Она неизбежна для человека и соприсуща его природе. Борьба «за жизненные блага» в значительной степени является борьбой за возможность чувственно-эмоциональных переживаний, за возможность их удовлетворения.

Такова беглая характеристика этой потребности.

10) *Потребность волевой деятельности.* Наряду с указанными потребностями человека имеется потребность волевой деятельности; она состоит в постановке и в достижении осознанной, намеренно поставленной цели⁴⁰.

Ставить цели, ближайшим образом связанные с нашим «я», и стремиться к их осуществлению — свойство, имманентно присущее челове-

⁴⁰ Я здесь не хочу пускаться в анализ психологической природы воли. Под ней я понимаю совокупность специфических переживаний, «имеющих характер "активности" в смысле особого качества самого переживания решимости (что-нибудь сделать или воздержаться от чего-либо)... Некоторые переживания, напр[имер], ощущение тепла, холода, зубной боли, восприятие выстрела, кажутся нашему самонаблюдению чисто пассивным переживанием чего-то наличного; другие переживания представляются нам как активные стремления нашего "я", направленные на вызов, создание чего-либо в ближайшем или в дальнейшем будущем. Только эти (последние) своеобразные (могущие быть познанными и отчетливо различаемыми лишь путем внимательного самонаблюдения и внутреннего сравнения) переживания с чисто активным характером и следует относить к классу «воли», исключая все прочее из этого класса» (рефлексы, инстинкты, чувственно-эмоциональные состояния и познават. элементы) {Петражицкий Л.И. Введение, с. 169}.

Теперь спрашивается, каковы же черты волевого акта, отличающие его от других стремлений? На этот счет, как известно, существует ряд теорий. Правильным мне представляется такой ответ. Волевой акт отличается от других стремлений тем, что: 1) он сопровождается представлением определенной, сознательной цели (в силу этого все бессознательные импульсы и влечения не относятся к волею); 2) он представляется ближайшим образом связанным с идеей нашего «я», с интимнейшими и ценнейшими

свойствами этого «я», воспринимаемыми как его сущность, как его ядро (в силу этого отпадают от во-ления все стремления, где этой теснейшей связи нет, где она не переживается нами).

Эти две основных черты, плюс своеобразное переживание активности, усилия, отличают воление от других стремлений и влечений, осложненной комбинацией коих оно является. Акты, сопровождающиеся таким переживанием во-ления, я называю волевыми актами.

См. близкую к очерченной теорию: *M[ак-]Дугал У.* Основы[ые] проблемы социальной психологии, гл. IX; *Hobhouse L.* Mind in Evolution. London, 1901, p. 313; *Parmelee M.* Op. cit., p. 311-312. Само собой разумеется, что воление, как и всякое воление, детерминировано.

114

Система социологии. Том I

ку. Если прав был Декарт, говоря «*cogito, ergo sum*» (я мыслю, следовательно, существую), то не менее правильным будет сказать «*volvo, ergo sum*» (хочу, следовательно, существую). Сознательное «хочу» дано вместе с человеком и от него неотъемлемо! Опять-таки характер целей и волевых стремлений различен у различных людей. Но в той или иной форме они присущи всякому человеку (кроме разве идиотов и психически дефективных людей). Если история человечества есть в значительной степени результат эмоций и чувств, то известная доля исторических событий может и должна быть объясняема как результат воления и волевых действий. Если в прошлом роль последних была сравнительно незначительна, то по мере поступательного хода истории значение и роль волевой деятельности растут. Спрашивается, что же служит доказательством наличности такой потребности у человека? Ответ гласит: постановка людьми осознанных целей, воспринимаемых ими в качестве целей, тесно связанных с интимнейшими сторонами их «я» и потому важных и ценных для того, кто их ставит, с одной стороны. С другой — борьба людей с теми, кто препятствует достижению таких целей, или, когда они достигнуты, борьба с теми, кто мешает их дальнейшему выполнению, кто угрожает или препятствует осуществлению соответствующих волевых актов.

В той или иной форме такие осознанные воления, несводимые к желаниям, вызываемым другими потребностями, были и остаются свойственными человеку. Таково воление, связанное с целью поддержания достоинства собственного «я», «чести», «доброго имени»⁴¹, таково воление «власти» над другими, воление «славы», воление «превращения над другими», «популярности, авторитета», «одобрения, уважения»; к этой же категории фактов относятся далее воление «справедливости», «добра», «нравственности», «подвига», «жертвы», «долга» и т. д. Все эти воления отличны прежде всего от стремлений, вызываемых чисто биологическими потребностями: воление «славы» или «поддержания доброго имени» не есть ни потребность удовлетворения голода, ни инстинкта размножения, ни самозащиты (в биологическом смысле), ни движения, ни других биологических импульсов. Отличается оно и от потребности удовлетворения интеллектуальных запросов и чувственно-эмоциональных (пассивных) переживаний... Возникнув на почве биологических потребностей, эти воления выросли в своеобразный вид потребностей, отличающихся от всех их. Поэтому приходится их выделять в самостоятельную группу⁴².

⁴¹ См. анализ понятия Чести у *Н.Н. Розина*: Оскорбление чести. 1910, с. 1 III 28 и passim.

⁴² *Ross* и *Stuckenberg* выделяют «эготическое» желание, близкое к этой потребности. «Эти желания (egotic desires), — пишет *Ross*, — суть требования "я" (self), а не требования организма. Они заключают стыд, тщеславие, гордость, зависть, любовь к свободе, к власти, к славе. Типом желаний этого рода является честолюбие» (*Ross E.A.* Foundations of Sociology. 1905, p. 169).

Глава IV. Анализ элементов взаимодействия

115

В той или иной форме эти потребности свойственны большинству людей...

Например защита «честь», «доброго имени» или волевая потребность «одобрения» другими проявляется в течение всей истории... Месть за оскорбление чести в первобытных группах, поединки и турниры рыцарей средневековья, борьба из-за «местничества» в нашей истории, современные дуэли и суды чести — все это ряд фактов, вызванных к жизни этой потребностью... Желание побороть в схватке противника, победить в турнире соперника, «прославить свое имя» физической силой, ловкостью, хитростью, художественным даром, научным трактатом, артистической игрой, красотой движений или лица, пышным костюмом, выделиться перед другими своей роскошной обстановкой, чистокровными лошадьми, какой-либо эксцентричностью (Герострат, из-за увековечения имени сжигающий храм) и т. д. и т. д. — все это разные виды деятельности, вызванной на почве воления «славы»⁴³.

Защита «святая святых» своей души в виде норм нравственности и права; жертвование собой во имя исполнения долга, борьба с теми, кто нарушает правовые и нравственные заветы (преследования и наказание преступников), — опять-таки категория фактов, подпадающих под факты, вызванные этой потребностью. Почти все акты, связанные с «долгом» и «моральным долженствованием», целиком вызваны ею же. Борьба за власть, за утверждение своего «я», принимавшая и принимающая на протяжении истории самые различные формы, начиная от примитивного «моему ндраву не препятствуй», от элементарных «не смей мне перечить», «не возражать» и кончая борьбой за политическую и духовную власть, за гегемонию «я» над сотнями тысяч людей, — опять-таки явления, выросшие на почве удовлетворения этой потребности⁴⁴.

К этому же разряду фактов относится большинство случаев, где один человек обращается к другому с категорическими, ультимативными приказами и запретами... «Приказываю делать то-то», «Запрещаю поступать так-то» — эти факты, в тысяче форм встречаемые на каждом шагу, весьма часто представляют акты, вызванные потребностью волевой деятельности...

Ограничиваясь данным сжатым наброском основных потребностей человека. Различаясь по содержанию в каждом данном случае, все де-

⁴³ Более слабой формой этого воления служит желание «одобрения» другими и «известности». *Il bisogno che l'individuo prova di essere ben accolto alia collettività, di conseguire l'approvazione, il sentimento (неточное выражение. — П.С.) potentissimo*^{11*}, — правильно говорит *Pareto* (Op. cit., vol. I, p. 594).

⁴⁴ С этой точки зрения прав *Н.К. Михайловский*, подчеркнувший важность «борьбы за индивидуальность», как прав и *Ницше*, указавший на волю к власти как волю, отличную от приспособления. См.: *Михайловский Н.К.* Борьба за индивидуальность; Патологическая магия; *Ницше Ф.* По ту сторону добра и зла, № 252 и Генеалогия морали, § 12.

сять классов перечисленных потребностей в той или иной форме свойственны большинству людей.

Резюмирую.

Потребности человека: 1) удовлетворения голода и жажды, 2) половая (размножения), 3) индивидуальной самозащиты, 4) групповой самозащиты, 5) движения, 6) дыхания, обмена веществ, сна, разрядки избыточной энергии (игры) и другие физиологические потребности; 7) потребность общения с себе подобными, 8) интеллектуальной деятельности, 9) чувственно-эмоциональных переживаний и 10) волевой деятельности.

Напоминанием этих общих свойств и ограничимся в характеристике индивида как элемента системы взаимодействия.

§ 4. Акты (действия) как элемент явлений взаимодействия

I. Акты людей как раздражители

Обратимся ко второму элементу системы взаимодействия — к актам или

движениям взаимодействующих индивидов. Как не раз уже было отмечено, взаимодействие людей характеризуется тем, что здесь переживания и поведение одних людей обуславливается существованием и поведением других. Иными словами, *в явлениях взаимодействия раздражителями для участвующих в нем индивидов являются другие индивиды.* Человеческий организм непрерывно получает множество раздражений от окружающей его среды — раздражений, заставляющих его непрерывно реагировать на них теми или иными движениями, сознательно или бессознательно направленными на установление равновесия между организмом и средой. Это равновесие требуется интересами сохранения жизни. Всякий организм в течение своего существования представляет из себя подвижное равновесие. Раздражители среды чрезвычайно разнообразны. Они относятся и к неорганическому миру, и к миру органическому. Внешние, неорганические раздражители, по классификации Да-венпорта, распадаются на такие: «1) химические раздражители, 2) вода, 3) (density of medium) плотность среды, 4) молярные агенты, 5) тяжесть, 6) электричество, 7) свет, 8) теплота». Ферворн делит их на 5 основных групп: 1) механические, 2) химические, 3) тепловые, 4) световые, 5) электрические⁴⁵.

Непосредственное изучение таких раздражителей и вызываемых ими реакций в область социологии не входит. Точно так же не входит в эту область и изучение раздражений и реакций, вызываемых биологически-

См.: Verworn M. General Physiology. London, 1899, p. 348-349.

Глава IV. Анализ элементов взаимодействия

117

ми раздражителями, т. е. другими организмами. Паразиты, живущие на теле человека — комары, мошки, мухи, собаки, дикие звери, короче, множество организмов, с которыми так или иначе приходится соприкасаться человеку, несомненно являются для него раздражителями. Но изучение их, как и вызываемых ими реакций, не составляет непосредственную задачу социологии. Последняя изучает только явления человеческого взаимодействия, т. е. такие отношения, где «раздражителями» людей выступают люди же, где изменение переживаний и действий одного индивида вызываются прямо или косвенно другим или другими индивидами.

Человек как живое существо непрерывно действует, постоянно совершает те или иные поступки, движения, акты... Эти движения и акты доходят до другого человека в качестве раздражителей и заставляют его в той или иной форме реагировать на них.

Вся жизнь людей представляет почти сплошной поток таких акций и реакций. Каждый из нас в течение каждого дня встречается с множеством людей, получает раздражение от множества действий других индивидов и принужден ежеминутно в той или иной форме реагировать на них. Каждый из нас, иными словами, погружен в человеческое море; волны этого моря непрерывно ударяют о наш организм в виде слов, прикосновений, движений, ударов, поступков, воспринимаемых органами зрения, слуха, обоняния, осязания и всем телом, и заставляют нас, в свою очередь, непрерывно реагировать на них словами, движениями рук, ног, всего тела, рядом усилий, поступков, короче — множеством актов простых и сложных, тяжелых и легких, мучительных и приятных и т. д. и т. д.

Таким образом, *ближайшими средствами раздражения, исходящими от человека к человеку, являются поступки или акты поведения людей.* В этом смысле они могут быть названы элементами системы взаимодействия.

Такое выделение их в качестве элементов рекомендуется еще и по следующим соображениям. Громадная роль, которую играет человек в качестве раздражителя, обуславливающего переживание и поведение других людей, была бы значительно меньшей, если бы мы мысленно представили себе человека подобием мраморной статуи, неспособной на движения и поступки. В этом случае он, как раздражитель, играл бы роль не большую, чем те памятники в городах, мимо которых мы проходим каждый день. Они возбуждают наше любопытство в первый раз, быть может, заставляют один-два раза остановиться около них, осмотреть и «полюбоваться» ими и... только... Потом, ставши

привычными, они перестают быть раздражителями. Совсем иначе обстоит дело, когда перед нами живая статуя, человек или множество людей, вечно что-то делающих и своими действиями «раздражающих» наши органы зрения,

118

Система социологии. Том I

слуха, обоняния, осязания, вкуса, всю нашу рецептивную систему в виде внешней поверхности нашего организма. В этом случае мир людей представляет *perpetuum mobile*^{12*}, непрерывно испускающий волны раздражителей и непрерывно заставляющий нас реагировать на эти раздражения. Акты или поступки людей, играющие роль непосредственных раздражителей, по своему конкретному виду бесчисленны и недоступны хотя бы приблизительному описанию и характеристике. Однако эта конкретная разнородность не мешает подвести их под немногие общие рубрики. Эти рубрики могут быть различными в зависимости от того, какой принцип мы кладем в основу классификации поступков. В нижеследующем я дам несколько подразделений актов, которые нужны будут для дальнейшего.

II. Акты делания и неделания

Человек может раздражать других людей: 1) или тем, что он совершает ряд движений, *делает что-либо* (в узком смысле), 2) или тем, что он не совершает ряда движений, *не делает что-либо*, воздерживается от движений.

Так, один человек может «оскорбить» другого и вызвать у последнего ряд поступков либо тем, что он говорит оскорбительные слова (делание), либо иногда тем, что он «презрительно молчит» (внешне остается пассивным, неделание). Поведение *X-a* может привести его к тюрьме (т. е. обусловить вмешательство полиции и судей) либо за делание чего-либо, например за убийство, либо за неделание чего-либо, например, за «бездействие власти» или за неисполнение тех поступков, которые он должен был выполнить.

С этой точки зрения, следовательно, все поступки человека можно разделить: 1) на акты делания, 2) на акты неделания.

Под первую категорию подпадут все двигательные действия человека, начиная с движений отдельных органов (дрожание или иннервация мускулов, поворот глаз, те или иные мимические движения, движения головы, рук, ног, отдельных групп мускулов и т. д.) и кончая комплексом движений всего организма или целой цепью поступков: передвижения всего организма, ходьба, бег, акты чтения, письма, переноса грузов, сложнейшие движения, составляющие ту или иную работу, иногда продолжающиеся в течение дней и недель с теми или иными перерывами.

Под вторую категорию подпадут так называемые акты *воздержания* и *терпения*, внешне лишенные двигательного характера или дающие двигательные эффекты в самом минимальном и малозаметном размере. Таковы акты терпеливого перенесения ударов, акты воздержания от активного отпора, от словесного реагирования на брань, от утилизации

Глава IV. Анализ элементов взаимодействия

119

того или иного соблазнительного предмета, например, аппетитной пищи, и т. д.

Конечно, это деление условно и относительно. Акты воздержания и терпения представляют также делание в широком смысле. Но некоторое значение оно имеет с точки зрения раздражительных эффектов. Человек для человека является раздражителем не только тогда, когда он что-либо делает, но и тогда, когда он выполняет акты воздержания и терпения. Нередко молчание одного человека влияет на другого бесконечно сильнее, чем делание чего-либо, например словесное реагирование. Часто акты терпения являются более действительными раздражителями поведения и переживаний других людей, чем акты делания в узком смысле. Эту эффективность актов терпения прозорливо усмотрел Достоевский. «Пред иною мыслью станешь в недоумении, — говорит у него старец Зосима, — особенно видя грех людей, и спросишь себя: взять ли силой али смиренною любовью. Всегда решай: "возьму смиренною любовью". Решишься так раз навсегда и весь

мир покорить можешь. Смирение любовное — страшная сила, из всех сильнейшая, подобной которой и нет ничего»⁴⁶. Здесь под «смиренною любовью» разумеются именно акты терпения⁴⁷.

Следовательно, первая группировка актов человека будет такова:

/акты делания I. Поведение: акты I как раздражители | акты неделания, (акты терпения ^распадающиеся на <

I акты воздержания

III. Акты, продолжительно влияющие и имеющие мгновенное влияние. Акты, интенсивно влияющие и имеющие слабое влияние

Рядом с этой группировкой целесообразно указать и на другую, на группировку актов с точки зрения *интенсивности и продолжительности влияния их на поведение других людей*. Из обыденной жизни мы знаем, что не все наши акты одинаково сильно действуют на других людей, и обратно, не все акты других людей одинаково интенсивно и продолжительно влияют на нас. Одни акты почти не оказывают никакого влияния, другие действуют чрезвычайно сильно; эффект одних поступков

⁴⁶ Братья Карамазовы. СПб., 1895, т. I, с. 379-380.

⁴⁷ Подробнее о делении актов на эти группы см.: *Петражицкий Л.И.* Теория права, т. I, с. 71 и ел.; т. II, с. 431 и ел.

120

Система социологии. Том I

испаряется мгновенно или быстро после их совершения, эффект других дает себя знать (действует) иногда в течение всей жизни, хотя сами акты перестали совершаться уже давно. От того, что мой собеседник провел рукой по своей бороде, мое поведение мало изменится. Иначе будет обстоять дело, если он бросится на меня с ножом или предложит мне, скажем, миллион рублей. Первый акт его может пройти мимо меня, вторые могут заставить меня реагировать чрезвычайно сильно; они решающим образом могут повлиять на мое поведение и с точки зрения интенсивности раздражения, вызванного ими, и с точки зрения его продолжительности. Удар ножом, продолжающийся минуту, может сделать меня калекой на всю жизнь (напр[имер] слепым), миллион рублей может перевернуть весь уклад моей жизни; результаты влияния таких актов могут быть весьма продолжительными, иногда — пожизненными и даже — выходящими за пределы жизни. Еще яснее это различие обуславливающего влияния актов, с точки зрения их интенсивности и продолжительности, проявляется в таких актах, как половое сокоупление или ряд поступков, в своей сокоупности составляющих заключение брачного договора.

И первый, и второй комплекс поступков принадлежит нормально тем, кто чрезвычайно интенсивно и весьма продолжительное время влияет на поведение одной или обеих сторон. Особенного внимания заслуживает здесь продолжительность влияния. Акты сокоупления для женщины нормально влекут за собой зарождение, роды и появление нового существа, т. е. целый комплекс следствий, развивающихся в течение месяцев и годов, часто решительно изменяющих всю жизнь женщины; иными словами, они оказывают влияние на поведение индивида долгое время после совершения самого акта.

Акты брачного договора сохраняют обычно пожизненное влияние: индивиды, их совершающие, благодаря этим актам обуславливают переживания и поступки друг друга весьма продолжительное время. Сами акты, вызвавшие это влияние, уже давно умерли, супруги могут жить в различных государствах, однако, акты эти продолжают сохранять свое обуславливающее действие.

К этой же категории принадлежит и множество других действий, например акты приобретения права собственности, обряды крещения, вступления в партию, продажи себя в рабство, объявления себя вассалом какого-либо феодала, акты принятия наследства, совершения преступления и т. д.

Короче говоря, ряд самых разнообразных поступков, начиная с таких, как ранение или изувечение другого человека, и кончая такими с виду казалось бы незначительными

актами, как тот или иной взгляд, жест, слово и т. д. (вспомним историю Данте и Беатриче)^{13*}, могут оказывать на других свое обуславливающее влияние долгое время после того, как эти акты совершились.

Глава IV. Анализ элементов взаимодействия

121

Какие именно акты и когда являются такими — это зависит от множества условий: времени, места, индивидов, значения актов и т. д.⁴⁸

В противоположность таким актам другие поступки имеют только мгновенное влияние: по совершении акта их влияние быстро испаряется. Они перестают действовать. Таковы, например, акты торговца, продавшего мне пачку папирос: заплатив деньги, я взял папиросы и ушел, забывши и о торговце, и о его актах. Таково множество актов-раздражителей, которые ежедневно влияют на нас, но влияют мгновенно: в течение дня мы воспринимаем множество раздражений в виде актов пожимания нашей руки, приветствия, взглядов, слов, фраз, прикосновений, движений и т. д. Но большинство их очень быстро теряет свое влияние: пожав руку, обменявшись обыденными фразами, схватив чужой взгляд, отстранив или отстранившись от прикасающегося к нам индивида, мы через минуту забываем об этих раздражениях, перестаем с ними считаться; и объективно они перестают на нас действовать. Поистине было бы ужасом, если бы каждый акт-раздражитель сохранял свое раздражающее влияние длительное время: такой пытки не могла бы выдержать никакая нервная система.

Какие акты и для кого являются такими — это опять-таки зависит от множества условий, о которых говорить здесь не будем.

Важно отметить лишь самое деление. Оно, как увидим ниже, имеет громадное значение в общественной жизни и способно объяснить многие загадки, которые без этого обстоятельства были бы малопонятными.

Резюмирую:

⁴⁸ Все существующие на этот счет теории моралистов (напр[имер], Бентам и утилитаристы)^{14*}, экономистов, психологов и социологов неверны. Они скорее дают принципы должного, а не теорию сущего.

II. Поведение: акты как раздражители распадаются на акты	{	a) оказывающие <i>интенсивное</i> обуславливающее влияние на переживания и поведение других;b) оказывающие <i>незначительное и ничтожное</i> влияние на переживания и поведение других
III. Поведение: акты как раздражители распадаются на акты	{	a) продолжающие оказывать обуславливающее влияние на поведение и переживания других <i>долгое время после их совершения (иногда действующие пожизненно)</i>;b) теряющие свое влияние <i>очень быстро после их совершения (иногда мгновенно)</i>

12 2

, Система социологии. Том I

Чаще всего (но не всегда) актами, действующими долгое время после их совершения, являются акты интенсивно влияющие, и наоборот: акты, оказывающие незначительно интенсивное влияние, редко бывают поступками, длительно определяющими поведение и переживания другого человека.

IV. Акты, сопровождаемые сознанием и бессознательные

Коснемся кратко⁴⁹ поступков человека и с третьей точки зрения — с точки зрения сложности того нервного механизма, который функционирует при их выполнении, с одной стороны, и с точки зрения сопутствования этих актов психическими (сознательными) переживаниями — с другой.

С этой точки зрения все акты человека могут быть разделены на две основные группы: 1) на акты, сопровождаемые сознанием, 2) на акты бессознательные. Ко второй

группе отойдут все те поступки и реакции, которые носят название рефлексов, инстинктов и вторично автоматических актов или, по терминологии других физиологов, рефлексов безусловных и условных⁵⁰.

Под рефлексами в обычном смысле слова разумеются явления стереотипного, получаемого по наследству реагирования на внешний раздражитель (напр[имер], чихание, отдергивание руки при уколе).

Под инстинктами разумеются также шаблонные, наследственные и бессознательные акты поведения, отличающиеся рядом исследователей от рефлексов либо в силу большей их сложности, либо в силу того, что нервный механизм при их совершении иной, либо в силу того, что рефлекс — реакция отправления органов, а инстинкты — реакции поведения всего организма. Другие исследователи принципиально не отличают их от рефлексов, называя те и другие безусловными рефлексами (напр[имер] школа Павлова)⁵¹.

Под вторично-автоматическими актами разумеются акты, бывшие некогда, при начале их возникновения, *сознательными*, но затем в силу многочисленного повторения сделавшиеся привычными, автоматическими, бессознательными⁵².

⁴⁹ Подробно речь об этом пойдет в последующих отделах данной работы.

⁵⁰ См. выше, с. 82 и ел.

⁵¹ См. подробно о рефлексах и инстинктах: *Вагнер В.* Биологические] основы сравнительной] психологии, т. II, с. 3 и ел.; *Parmelee M.* Op. cit, гл. VIII, XI и др.; *Морган К.Л.* Привычка и инстинкт. СПб., 1899, с. 1-26; цитированные] статьи и работы *Павлова*, *Зеленого*, *Бехтерева*; *Болдуин Дж.* Духовное развитие детского] индивидуума и чело[веческого] рода, т. I и II, *passim*.

⁵² См. о них: *Морган К.Л.* Привычка и инстинкт, *passim*; *Вагнер В.* Цит. соч., т. II, гл. VI. Подробно с рефлексами, инстинктами и сознательными актами мы будем иметь дело в «Социальной механике».

Глава IV. Анализ элементов взаимодействия

123

Таковы основные группы актов, не сопровождаемых сознанием, или актов бессознательных.

Противоположностью им служат акты, сопровождаемые сознанием. Они не наследственны, не шаблонны, изменчивы и индивидуальны. Главную группу их составляют акты *целевые* или *целеполагательные*, имеющие так называемую целевую мотивацию.

Нет сомнения в том, что у человека даны акты обеих категорий.

Множество постоянно выполняемых нами актов совершается бессознательно. При ожоге руки мы моментально отдергиваем руку, при неожиданном появлении автомобиля — отскакиваем, при приближении руки другого к глазу — жмурим глаза, «при падении на кровать машинально протягиваем руки»⁵³ и т. д.

Сплошь и рядом целый ряд сложных движений производится нами «машинально», бессознательно; таковы акты письма для человека, привыкшего писать, акты разговора — самого подбора слов; некогда каждая буква требовала полного внимания при ее начертании; при обучении иностранному языку вначале каждое слово при разговоре требует сознания, мы с большим усилием их подбираем; после достаточного числа повторений и опытов рука «сама выводит буквы», слова сами идут на язык. Таковы, далее, акты управления велосипедом (у опытного велосипедиста), передвижения ног при ходьбе, бессознательного надевания перчаток при выходе из дома⁵⁴, бессознательного протягивания руки при встрече с знакомыми, бессознательного почесывания зудящего места и т. д.

Короче, каждый из нас в течение дня совершает множество действий, не сопровождаемых сознанием, начиная от простых рефлексов (чихание, дыхание, мигание, кашель, рвота, издавание звуков и т. п.) и кончая сложным комплексом актов (напр[имер], машинальное шествие по улицам, машинальное раздевание и одевание, машинальное управление лодкой, машинальный разговор с кем-либо, когда «мысли заняты другим

предметом», и т. д.).

Наряду с такими бессознательными актами каждый из нас совершает множество действий, *сопровождаемых сознанием*, и в частности действий *целевых*.

Таковы акты *бесцельного*, но сопровождаемого сознанием бранного ответа на брань другого (ответная брань вызывается не мотивом «для того чтобы», а мотивом «потому что»); бесцельного, но сознательного хлопания в ладоши после прекрасно спетой арии, сознательного осе-нения себя крестным знаменем или произнесения фраз «нельзя делать того-то» или «следует делать то-то», часто не зная цели: почему

⁵¹ Дарвин Ч. О выражении ощущений у человека и животных. СПб., 1899, с. 23.

⁵⁴ Там же, с. 21-26.

124

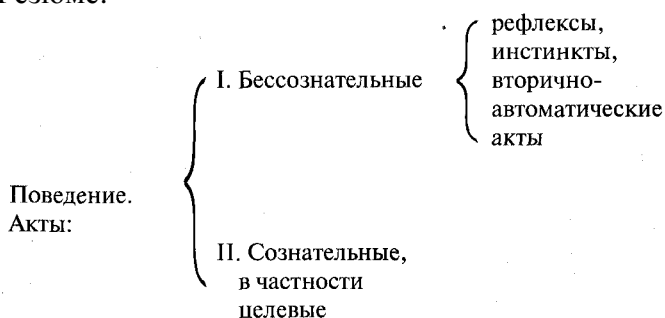
Система социологии. Том I

нельзя и почему следует это делать. Такие акты сознательны, но бесцельны.

Что касается целевых актов — то их множество, начиная с простого акта целевого вдевания нитки в иголку и кончая такой сложной цепью целевых поступков, как действия кого-либо (рабочего, изобретателя, ученого и т. д.), временами в течение годов работающего над осуществлением той или иной цели (напр[имер], над изобретением, созданием научного труда, окончанием университета, получением диплома и т. д.).

Как увидим, это подразделение актов имеет важное значение для понимания явлений взаимодействия. Люди обуславливают поведение и переживания других не только сознательными, но и бессознательными актами.

Резюме:

Ограничимся этими подразделениями актов⁵⁵.

§ 5. Проводники как элемент явлений взаимодействия

I. Понятие проводников взаимодействия и их роль

Третьим основным элементом явлений взаимодействия мы признали *проводники раздражений, по которым взаимные акции и реакции вза-*

⁵⁵ Данное подразделение актов на бессознательные и сознательные частью отличается от классификации актов *Парето*, данной в его капитальном труде: *Trattato di sociologia generate*, 1916.

Его классификация для нас пригодится в «Социальной механике». Поэтому воспроизведем ее здесь и дадим необходимые пояснения.

Парето различает: 1) действия логические (*azioni logiche*) и 2) действия нелогические (*azioni non logiche*).

Под первыми он понимает «действия, которые логически соединяют акт с целью (которые имеют целевой характер) не только с точки зрения субъекта, выполняющего акт, но и с точки зрения тех, которые имеют познание более широкое, т. е. акты, где субъективная цель совпадает с объективным результатом акта».

Глава IV. Анализ элементов взаимодействия

125

имодествующих индивидов передаются друг другу, или, выражаясь языком энергетики, по которым энергия, в частности психическая энергия, передается от одного индивида к другому.

Под вторыми, нелогическими действиями, он разумеет все остальные акты человека, не входящие в первую группу. Нелогические акты делятся на различные виды.

Схема Имеет ли акт логическую цель?

Роды и виды	Объективно	Субъективно
-------------	------------	-------------

1-й класс. Действия логические

Объективная цель тождественна цели субъективной

Да	Да	Напр[имер], действия ученых
----	----	-----------------------------

2-й класс. Действия нелогические

Объективная цель отличается от субъективной

1 ° род	Нет	Нет	Акты вежливости. Приказ Гесиода: не мочиться в устье реки, впадающей в море
---------	-----	-----	---

2° —	Нет	Да	Магические акты и акты религиозного обряда
------	-----	----	--

3° —	Да	Нет	Инстинктивные действия животных и человека
------	----	-----	--

4° —	Да	Да	Акты частного предпринимателя в капиталистическом обществе, где его субъективные цели не совпадают с объективным результатом
------	----	----	--

См.: Pareto V. Trattato, vol. I, p. 65 и ел.

Легко видеть, что эта классификация, имея ряд плюсов, имеет и минусы. Во-первых, говорить об объективной цели по меньшей мере неточно. Можно говорить об объективном результате акта и о несовпадении субъективной цели акта с его объективным результатом, но нельзя говорить об объективной цели. Такой нет, ибо никто эту цель не ставит. Поэтому под логическими актами следовало бы разумеать акты, где субъективная цель акта и его объективный эффект совпадают.

Так как, далее, нет акта, который не имел бы какого-либо объективного эффекта, то 1° род 2-го класса актов не существует. Он ошибочно введен.

Пример, указываемый Pareto (приказ Гесиода), имеет цель (именно не мочиться в устье реки), хотя и не указывает мотивов этого акта. Поэтому он отходит ко 2° роду 2-го класса. Частью сюда же, частью в 3° и 4° роды войдут акты, совершаемые под давлением обычая, правил вежливости и т. д.

С этими поправками классификация Парето приемлема, и в свое время как ее, так и выводы, делаемые из нее итальянским социологом, мы используем.

Схема Имеет ли акт логическую цель?

Оды	виды	Объективно	Субъективно
-----	------	------------	-------------

1-й класс. Действия логические

Объективная цель тождественна цели субъективной

а	Да	Напр[имер], действия ученых
---	----	-----------------------------

2-й класс. Действия нелогические

Объективная цель отличается от субъективной

род	ет	Нет	Акты вежливости. Приказ Гесиода: не мочиться в устье реки, впадающей в море
-----	----	-----	---

°-	ет	Да	Магические акты и акты религиозного обряда
----	----	----	--

°-	а	Нет	Инстинктивные действия животных и человека
----	---	-----	--

°-	а	Да	Акты частного предпринимателя в капиталистическом обществе, где его субъективные цели не совпадают с объективным результатом
----	---	----	--

Эта проблема требует весьма тщательного и детального изучения. Она имеет, как я постараюсь показать, громадное значение для понимания явлений социальной жизни. Это тщательное изучение требуется еще и потому, что социологи почти совершенно не затрагивали этого вопроса.

Чтобы взаимодействие между индивидами было возможно, для этого требуется, помимо наличности индивидов и их способности реагировать на раздражения, наличие: 1) *особых аппаратов* у членов взаимодействия, позволяющих им *воспринимать* идущие от других раздражения, иначе говоря — *аппаратов-восприемников*; 2) *способность или возможность индивидов посылать в той или иной форме раздражения или стимулы*, иначе говоря — возможность быть источником раздражений и наличие *аппаратов-раздражителей*, 3) наличие *аппаратов реакции*, позволяющих им «отвечать» на эти раздражения.

В предыдущем мы видели, что такие аппараты имеются у человека. Прекраснейшим *аппаратом-восприемником* служит *нервная система* человека, ее рецепторные, воспринимающие органы. Мы видели, что они идеально чувствительны ко всяким раздражениям и, кроме того, являются идеальными анализаторами, разлагающими комплексы раздражений на их элементы.

Мы видели также, что человек обладает и *аппаратами-раздражителями*. Таким аппаратом является весь организм человека, представляющий своеобразный автомат, и ряд его органов, позволяющих ему двигаться, совершать акты делания и неделания...

Тот же организм и его органы являются и *аппаратами реакции на раздражения*. Благодаря этим аппаратам человек обладает способностью совершать *акты, движения, поступки*, которые и служат конкретными орудиями раздражения и реакций.

В силу наличия центральной нервной системы, главную функцию которой справедливо видят в ее интегрирующей роли⁵⁶, весь организм человека представляет координированный сложный механизм, облада-

⁵⁶ Согласно *Sherrington's*, существуют различные формы интегрирования животного организма. Таково *механическое* соединение клеток тела в единую массу посредством мускулов, соединительной ткани и т. д. (механическая интеграция). Такова, далее, интеграция, осуществляемая *химическими* агентами, устанавливающими связь между различными частями организма (напр[имер] циркуляция крови). Но самым важным интегрирующим агентом является нервная система, прямо обуславливающая поведение организма и связывающая его в единое целое. В своей интегрирующей роли нервная система «действует через живые ряды неподвижных клеток, вдоль которых она чрезвычайно быстро посылает волны физико-химических возмущений (*disturbance*), и они действуют как определенные силы на те отдаленные органы, о которые в конечном счете эти волны ударяются» (*impinge*). См.: *Sherrington Ch. The integrative action of the nervous system*. New York, 1906, p. 3-4.

Глава IV. Анализ элементов взаимодействия

127

ющий прекрасными аппаратами-восприемниками, аппаратами-раздражителями и аппаратами реагирования⁵⁷.

Однако наличия этих аппаратов недостаточно, чтобы обеспечить взаимодействие между индивидами. Не говоря уже о психическом взаимодействии (о котором речь пойдет ниже), чисто *физическое* взаимодействие людей имело бы весьма ограниченный, случайный и незначительный характер, если бы не было *проводников* взаимодействия. Без проводников оно возможно лишь тогда, когда организмы, в данном случае люди, *непосредственно соприкасаются друг с другом, когда они простран-*

⁵⁷ *Jennings* прекрасно отметил зависимость богатства и разнообразия движений организма, его *action system*^{15*}, от структуры организма. Эта последняя обуславливает число и формы действия, которые данный организм может выполнить, т. е.

предопределяет его формы поведения. Так, action system парамеции чрезвычайно примитивна; вся она сводится к спиральным движениям, состоящим из трех элементов: движения вперед, поднятия вверх по продольной оси тела и наклона вниз. При такой структуре естественно и action system примитивна, поэтому чрезвычайно беден данный организм и аппаратами раздражения, восприятия и реакции. См.: *Jennings G.S. Behavior of the lower organisms*. New York, 1906, p. 107 и ел.

Исходя из этой мысли, *Parmelee* правильно отмечает превосходство строения позвоночных, и в частности строения человека в этом отношении. «Структура, а тем самым и формы поведения — action system — позвоночных таковы, что делают возможными в чрезвычайной степени индивидуальные модификации поведения. Скелет или костная система, дающая устойчивость (rigidity) организму, у позвоночных находится внутри, а не снаружи, как у беспозвоночных; это дает большую свободу движений позвоночным, которые более легко могут сгибаться, перемещать себя и принимать более разнообразные положения, чем беспозвоночные. Далее, почти вся внешняя поверхность организма позвоночных покрыта чувствительной тканью (нервная система), которая позволяет им получать больше раздражений, чем беспозвоночным, покрытым снаружи твердой, нечувствительной материей. Позвоночные имеют структуру, характеризующуюся двусторонней симметрией. В подобном организме передние сегменты, которые обычно идут первыми, когда животное двигается, получают больше впечатлений, чем остальные сегменты. Голова и мозг их, таким образом, приобретают громадные размеры, которые характеризуют позвоночных и дают им власть в управлении поведением». Прибавьте к этому сосредоточение моторных центров, управляющих движениями рук, ног; рефлексов, связанных с носом, губами, глоткой и т. д. в головном мозгу, и само строение этих органов, позволяющих позвоночному, в особенности человеку, производить тончайшие и искуснейшие движения, напр[имер] движения при письме. Если учесть все эти структурные условия и зависящие от них формы поведения, то станет вполне понятным указанное в тексте совершенство человеческого механизма и его органов: аппаратов восприятия; раздражения и реагирования. См.: *Parmelee M. Op. cit.*, p. 126-128, 269-273.

См. о том же: *Лавров П.Л. [А. Доленги] Важнейшие моменты в истории мысли* (М., 1903), где этот крупнейший русский социолог внимательно и с редким, проникновением оценил и определил все эти условия (с. 1-147). Тому же вопросу посвящен почти весь 1-й том его «Опыта истории мысли» (Заграничное] издание).

128

Система социологии. Том I

ственно близки и смежны. В этом случае оно возможно: человек может ударить другого и переменить таким образом его положение; ударом или иным прикосновением он может вызвать ряд реактивных движений со стороны другого человека. Если даже учесть наличность у человека так называемых distance-receptors, органов восприятия раздражений, идущих издали (органы зрения, слуха, обоняния), — то и при этом условии взаимодействие носило бы весьма ограниченный характер и исчерпывалось бы если не непосредственной, то весьма незначительной пространственной близостью. При этих условиях человек может быть раздражителем другого *лишь на том расстоянии, на каком его видит этот другой или на каком он слышит его голос.* И только... Конкретно это значило бы следующее: пространство в одну версту или немногим более было бы границей возможности взаимодействия; за пределами такого пространства люди не могли бы влиять друг на друга, ибо прямое прикосновение было бы невозможно, глаз за пределами его не может видеть другого индивида и разбирать его движений, слух лишен возможности схватывать голос сочеловека, отделенного таким расстоянием, обоняние на этом пространстве бессильно улавливать запахи, издаваемые последним. Короче говоря, люди были бы совершенно разобщены друг с другом и не имели бы никакой возможности влиять друг на друга.

Таким образом, *без проводников самое незначительное пространство ставило бы*

непреодолимые препятствия для возможности взаимодействия.

То же следует сказать и о времени. Без проводников абсолютно невозможным было бы взаимодействие между двумя или большим числом лиц, не находящимися в данный момент в непосредственной пространственной близости. Чтобы они могли влиять друг на друга, они оба должны быть в данном месте, в одно и то же время. Если *A* пришел бы туда пять-десять минут спустя после ухода *B*, взаимодействие не могло бы иметь места. *B* там уже не было бы, а раз его нет и проводников нет, то *eo ipso* о взаимодействии речи быть не может. Само собой разумеется, в этом случае немыслимым и абсолютно невозможным было бы взаимодействие между живыми и умершими, между прошлыми, настоящими и будущими поколениями...

После этих замечаний легко понять, каким мизерным, слабым, случайным, кратковременным и ничтожным было бы даже чисто физическое взаимодействие между людьми при отсутствии проводников.

О психическом взаимодействии при этом условии трудно даже мыслить. Трудно мыслить потому, что психические переживания без проводников вообще не могут передаваться. «Душа» человека есть замкнутая монада. Любая мысль, любое психическое переживание заключены в «душе» переживающего. В чистом своем виде они не могут ни выразиться вовне, ни объективироваться, ни передаться другому, ни восприниматься последним.

Глава IV. Анализ элементов взаимодействия

129

Выше мы видели, что психику другого в чистом виде мы не можем ни воспринять, ни выявить, а воспринимаем уже нечто не психическое — ее материализованные проявления, ее символы, внешние акты. Это значит, что без проводников психика абсолютно не передаваема. Даже прямые физические прикосновения, посредством которых другому «передают» те или иные психические переживания (напр[имер], жесты ласки, движения угрозы, «приветливая улыбка», «поцелуй любви» и т. д.), даже они являются не прямой передачей психики, а передачей опосредованной, передачей через проводники, каковыми в данном случае являются тела соприкасающихся людей и движения их органов. Здесь передача опосредована потому, что жесты поглаживания или движение мускулов лица, составляющее улыбку, или определенные внешние движения, называемые поцелуем, сами по себе, очевидно, не являются психическими переживаниями, а представляют чисто физические явления, воспринимаемые органами чувств⁵⁸.

См. автобиографию Е. Кей и записки ее воспитательницы, а также статью Рагозиной о ней в приложениях к «Ниве» за 1904 г.

Каждое психическое переживание, прежде чем передаться другому, должно пройти через три стадии: а) сначала дано психическое переживание в субъекте, б) затем оно «превращается» в непсихическую форму, в то или иное внешнее явление, в раздражитель (мимика, движения, слова, жесты, знаки и т. д.), в) этот раздражитель, действуя на другой субъект, вызывает в нем ряд психических переживаний, т. е. приобретает снова психическую природу. Без среднего члена психическое общение между *A* и *B* невозможно. Примеры: *N.N.* сейчас мыслит, что «*S* углов треугольника равна $2d$ »; пока он ничем «не выразил» свою мысль, мы не знаем, о чем он думает. *N.N.* говорит ряд звуков: «*S* углов треугольника равна $2d$ ». Мысль «превратилась» в звук — в колебание воздушных волн, т. е. в чисто физическое явление. Мы воспринимаем этот ряд звуковых раздражителей-проводников, и они возбуждают в нашем сознании суждение о сумме углов треугольника. Мне сейчас грустно. Пока я молчу, пока у меня нет «грустного вида», «печального взгляда», вздохов и т. д., пока нет внешних проявлений грусти, мое душевное состояние не известно никому. Чтобы другие могли его узнать, оно должно так или иначе выразиться вовне; должны быть проводники. Без них оно не познаваемо другими и не передаваемо им⁵⁹.

⁵⁸ Прекрасным подтверждением сказанного могут служить автобиографии

глухослепонемых, в частности Е. Кей^{16*}. Она получила возможность сколько-нибудь сложного психического общения лишь после того, как найдены были пути и средства для единообразного истолкования внешних актов, ею получаемых от других, в частности от воспитательницы, и актов, от нее исходящих.

⁵⁹ Выражения «передача» психических переживаний, конечно, образные выражения; точнее, они означают возбуждение в других субъектах путем внешних раздражителей тех или иных психических переживаний; в данном случае — познавательных переживаний, касающихся психики других людей.

5 Система социологии

130

Система социологии. Том I

Вывод из всего сказанного тот, что *один индивид не может ни воспринимать прямо психику другого, ни познавать ее непосредственно, ни возбуждать в другом те или иные психические переживания без посредства тех или иных внешних, непсихических феноменов. «Общение души» всегда совершается через посредство непсихических агентов или проводников. Без последних психическое взаимодействие абсолютно немыслимо**⁰.

Итак, *при отсутствии проводников* невозможным становится ни сколько-нибудь длительное, интенсивное и значительное *физическое* взаимодействие, невозможным делается и *психическое* взаимодействие. Незначительное пространство и время кладут предел первому, «самозамкнутость души» делает невозможным второе.

Между тем из фактов обыденной жизни мы знаем, что *люди взаимодействуют друг с другом и физически, и психически, несмотря на громадные расстояния, отделяющие их друг от друга, и несмотря на громадное время, лежащее между ними. Я взаимодействую с моим другом, живущим в Америке. Сегодня я получил от него письмо; этот «раздражитель» заставил меня выполнить ряд актов: написать ответ, сходить в магазин и купить для него нужную книгу, идти на почту. Письмо его, кроме того, меня «страшно обрадовало». Короче, мой друг, живущий в Америке, определенным образом обусловил мои переживания и поступки. Такой факт, согласно определению, составляет явление взаимодействия.*

Таких фактов, как известно, ежечасно совершается бесконечное множество. Ученые, журналисты, газетчики, промышленники, правители и т. д., сплошь и рядом разделенные громадным пространством, обращаются и взаимодействуют друг с другом.

Из тех же фактов обыденной жизни известно, что *люди могут находиться в процессе взаимодействия, несмотря на время, лежащее между ними. Вчера ко мне заходил дворник и, не застав меня дома, передал прислуге, чтобы я представил карточку о явке на учет. Сегодня мне пришлось почти целый день провести в хлопотах по этому делу. Это значит, дворник обусловил мое поведение и переживания, несмотря на то, что я его не видел и пришел к себе несколько часов спустя после его посещения.*

Больше того, *может быть взаимодействие между живыми и мертвыми. Спенсера и Маркса уже нет в живых. Между тем они продолжают влиять на множество людей нашего времени, и влияние их едва ли скоро прекратится и в дальнейшем. Своими работами, дошедшими до нас в виде книг, они вызывают ряд переживаний и действий у многих лиц. Умерший г. Х своим завещанием обуславливает ряд переживаний и действий у многих индивидов: наследников, душеприказчиков, нотариусов, судей, членов университета, которому он завещал свою библиотеку, чле-*

⁶⁰ См. подробнее об этом: *Сорокин П.А. Символы в общественной] жизни. Изд. «Наука и жизнь», с. 6-13; Преступление и кара, подвиг и награда, с. 25-40. См. выше, с. 98 и ел.*

Глава IV. Анализ элементов взаимодействия

131

нов приюта, в пользу которого он сделал отказ, и т. д. Из этих фактов ясно, что *фактически ни пространство, ни время не являются препятствием для взаимодействия людей.*

Сказанное вызывает вопрос: *как такие факты возможны? Благодаря каким*

условиям люди могут взаимодействовать и через пространство, и через время?

Ответ дан уже выше: таким условием является наличие проводников взаимодействия, проводников, передающих членам системы взаимодействия их взаимные акции и реакции.

Спрашивается, что следует разуметь под ними и каковы их основные виды?

Под проводниками взаимодействия я разумею все те средства, благодаря которым раздражение, исходящее от одних индивидов, передается и доходит до других.

Так, в указанных примерах такими проводниками являются: письмо, т. е. клочок бумаги с определенными значками, написанными рукой моего друга; книга, фиксирующая мысли Спенсера и Маркса; завещание, написанное или продиктованное умершим, — слова, т. е. комплекс звуков, переданные дворником прислуге и через ее посредство опять-таки звуковым способом дошедшие до меня.

Из сказанного легко понять, что в своем конкретном виде проводники чрезвычайно многочисленны и разнородны.

Прежде чем классифицировать их, остановимся предварительно на одном-двух вопросах, связанных с функцией проводников.

Конкретно механизм взаимодействия рисуется таким образом.

1) Индивиды совершают те или иные акты.

2) Эти акты вызывают те или иные изменения во внешнем мире: изменяют состояние материальных предметов (напр[имер], оставляют следы на земле) или приводят в движение эти последние или различные виды энергии.

3) Материальные предметы и виды энергии, двигаясь или будучи передвинуты, входят в соприкосновение с организмом других людей. Тот же итог получается, когда другие люди сами подходят к неподвижным материальным предметам, измененным действиями (работой) первых индивидов (напр[имер], соприкосновение людей с неподвижным столбом с надписью «Здесь езда воспрещена» при приближении их самих к последнему; соприкосновение Робинзона со следами дикарей, оставленными на песке).

4) Соприкасаясь, эти проводники раздражают восприимательные органы (рецепторы) других людей, воспринимаются ими, через проводниковые части нервной системы передаются в центр последней (здесь при сознательных переживаниях разлагаются).

132

5) В итоге благодаря эффекторам вызывают различные реактивные акты.

Краткая схема всего процесса взаимодействия, следовательно, будет такой:

$$\text{Индивид A} \left\{ \begin{array}{l} \text{Акт-раздражитель A; — —> про-} \\ \text{водник; — —> акт восприятия и} \\ \text{реакция B} \end{array} \right\} \text{Индивид B}$$

В тех случаях, когда процесс взаимодействия двусторонний (не только A влияет на B , но и B влияет на A), та же схема примет такой вид:

$$\text{Индивид A} \left\{ \begin{array}{l} \text{Акт-раздражитель A — —> про-} \\ \text{водник; — —> акт восприятия и} \\ \text{реакция B, являющаяся для A} \\ \text{акт <— — проводник <— — ак-} \\ \text{том-раздражителем восприятия} \\ \text{и реакция A} \end{array} \right\} \text{Индивид B}$$

В том и другом случае промежуточным этапом процесса взаимодействия явится проводник, передающий раздражение, исходящее от индивида к другому. Это раздражение он передает благодаря тому, что входит в соприкосновение с аппаратами-восприимчиками других людей. Это соприкосновение, в свою очередь, достигается либо тем, что $a)$ проводник-, приведенный в движение актом-раздражителем-, двигается сам (напр[имер], воздушные волны, приведенные в движение голосом A , двигаясь, ударяют в орган слуха B ; камень, брошенный A , двигаясь, ударяет в B , либо тем, что $b)$ проводник

передвигается другими (напр[имер], *A* передал письмо почтальону *C*, *C* передал его *D*, *D* передал Би *E*, наконец, передал письмо адресату *B*, либо, наконец, тем, что с) *другие люди, двигаясь сами, соприкасаются с неподвижным проводником*, видом материального предмета, на котором отразились акты и действия людей (например] , туристы и посетители музеев, двигаясь сами, входят в соприкосновение с неподвижными египетскими пирамидами, созданными трудом древних египтян, с рядом картин, неподвижно висящих в музее, — результатом работы — цепи действий — художников, и т. п.).

Из сказанного уясняется тот способ, каким проводники передают акты одних людей другим.

Второй вопрос, которого необходимо теперь же коснуться, — это двойная роль проводников. Она находится в связи с тем, что взаимодействие людей носит не только физический, но и психический харак-

Глава IV. Анализ элементов взаимодействия

133

тер. Этот факт вызывает собой следующие двойные функции проводников: будучи по своей природе всегда физическими явлениями, в одних случаях они влияют как чисто физические реагенты; действие их на людей ограничивается исключительно их физическими эффектами; никакого другого значения и смысла они не передают и не вызывают.

В других случаях их роль не ограничивается чисто физическим раздражением, вызываемым их физическими свойствами. Помимо физических эффектов в этих случаях они вызывают еще ряд определенных психических переживаний. Их главный эффект в этом случае состоит не в физических воздействиях, оказываемых ими на людей, а в тех психических пертурбациях, которые они вызывают в сознании последних. Говоря коротко, в одних случаях *проводники* являются чисто физическими раздражителями. В других — не только физическими, но и *психическими*. В первых случаях они — проводники физического (бессознательного) общения людей; в других — проводники психических (сознательных) переживаний. Конкретные примеры уясняют, в чем здесь дело.

Легкий удар палкой или мечом способен вызвать раздражение и ту или иную реакцию в силу своих чисто физических свойств: прикасаясь к телу *A*, эти проводники (палка и меч) раздражают рецепторы и вызывают тот или иной ответный акт. Взаимодействие в этом случае носит чисто физический характер. Проводники выступают в роли чисто физических раздражителей.

Этот же факт — движение удара при тех же проводниках (мече и палке) — может иметь совершенно иное значение. Из истории нам известно, что в средние века при посвящении человека в рыцари его легонько ударяли мечом; в древней Индии при посвящении раджи жрецы ударяли его уже в другой роли: *в роли передатчиков психических переживаний* — идей, чувств, эмоций и волений; их физические эффекты в этих условиях отходят на второй план; на первом месте стоят передаваемые проводниками психические эффекты: удар мечом посвящаемого рыцаря символизировал собой возведение его в высокое звание рыцаря и признание за ним высоких качеств, связанных с этим званием; нечто подобное знаменовал собой и обычай удара раджи при его «восшествии на престол».

Второй пример. Лоскут красной материи, вывешенный кем-либо на улице, способен сам по себе быть раздражителем — в нереволюционное время, в нереволюционной стране он способен сам по себе привлечь внимание проходящих людей как явление необычное, остановить их, вызвать вопросы: что это значит? зачем вывешено? и т. д. В этом случае он действует как чисто физический раздражитель подобно тому, как красный цвет раздражает быка при «бое быков»...

Иными словами, *индивид, вывесивший его, может обусловить поведение других людей чисто физическими* свойояволшданного проводника.

Тот же лоскут красной материи может в качестве проводника играть совершенно иную роль: быть проводником или символом революционных идей, мыслей, настроений и решений, эмблемой и сигналом восстания, символом разрушения данного строя, короче говоря — символическим проводником определенных психических переживаний.

В этом случае *индивид, выкинувший красный флаг, обуславливает и влияет на поведение других не столько физическими свойствами проводника, сколько тем символическим значением, которое проводник должен передать, «сигнализировать» другим людям.*

Еще пример. Предположим, что двое русских солдат, военнопленных, бегут из Германии и останавливаются для передышки в лесу. Находясь там, они слышат голоса людей. (Это значит, что разговор других людей приводит в колебание воздушные волны, последние двигаются и ударяют в органы слуха и воспринимаются в виде звуков обоими беглецами.) Раздражение, переданное звуковым проводником, само по себе, как *физический реагент*, способно повлиять на поведение солдат: возбудить тревогу, беспокойство, заставить их не двигаться и т. д. Но помимо этой чисто физической роли звук может повлиять на поведение их более решительно, если они *понимают немецкий язык*, в этом случае они могут понять, что и о чем говорят эти люди, издающие комплекс звуков; что знаменуют собой их слова. В этих условиях звук передает психические переживания, намерения, мысли и хотения говорящих; он выступает опять в роли символов или сигналов душевных переживаний. Он обуславливает поведение солдат не столько в качестве физического реагента, сколько в качестве символа психических переживаний; и нужно ли говорить, что в этой последней роли его влияние будет более решительным.

Приведенные примеры достаточно отчетливо уясняют двойную роль, играемую актами людей и проводниками: в *одних случаях они выступают в чисто физической роли* — влияние и обуславливание поведения людей в этих условиях покоится на чисто физических свойствах и физических эффектах, производимых проводниками; в других случаях те и другие выступают в роли передатчиков психических переживаний; здесь они служат символами или сигналами последних; их влияние на поведение людей в этом случае объясняется не столько их физическими свойствами, сколько тем психическим значением, которое они «символизируют», «сигнализируют», передают, «выражают».

Будем называть проводники первого рода простыми *«физическими проводниками»*, проводники второго рода — *«проводниками-символами, проводниками-сигналами»*, выражающими то или иное *психическое состояние*.

В процессе человеческого взаимодействия большинство проводников являются проводниками-сигналами. В чисто физической роли они выступают гораздо реже.

Глава IV. Анализ элементов взаимодействия

13 5

В связи с проводниками-символами необходимо коснуться одного дополнительного условия, требующегося для того, чтобы символическое взаимодействие между индивидами было возможно. Проводники физические раздражают индивидов своими прямыми физическими свойствами. Для восприятия их не требуется никакого толкования, никакой психической однообразности. Камень, брошенный *A* и ударяющий *D* своим механическим действием (удар, боль — ранение, перелом кости и т. д.) заставляет *B* так или иначе реагировать на раздражение. Прикосновение льдом само по себе, как физический раздражитель, действует на индивида и вызывает ту или иную реакцию.

Иначе обстоит дело с проводниками-сигналами. Для того чтобы те или иные проводники могли функционировать как проводники-сигналы, помимо других условий — восприятия их рецепторами, наличия сознания у индивидов и т.п. — необходимо еще одно дополнительное условие, наличие более или менее однообразного проявления (символизования) одних и тех же переживаний взаимодействующими индивидами, что в свою очередь дает возможность правильного, однообразного толкования этих

символических раздражений каждому из них.

Если этого условия нет то функционирование тех или иных проводников в качестве проводников символических становится почти невозможным.

Остановимся подробнее на сказанном.

Почему необходимо, чтобы взаимодействующие субъекты одинаковым образом выражали одни и те же психические переживания? Потому что психика прежде чем перейти к другому, как было показано выше, «овеществляется», символизируется и только в виде внешнего раздражителя дана другим членам общения. Если же этот символ-раздражитель у одного означает одно переживание (напр[имер], звуковой проводник-символ «тополь» означает у одного вид дерева), а у другого звук «тополь» означает уже не дерево, а, например, кошку (вид животного), и так же обстоит дело и с другими звуками-проводниками, то, очевидно, наши собеседники никогда не «поймут» друг друга и взаимодействие между ними, по крайней мере путем речи — не будет возможно. Простейшими примерами такой невозможности служат факты, когда два иностранца, например русский и англичанин, «разговаривают» между собой, не зная языка своего собеседника. Каждому известно, что из этого разговора ничего не получается: один говорит «про попадью, а другой про попа». Спрашивается, почему же они «не понимают» друг друга? Ответ ясен — потому что звуки-символы того и другого не тождественны. Оба собеседника могут быть знаменитыми учеными, могут иметь прекрасный слух, прекрасное зрение и т. д., но тем не менее ни тот, ни другой не поймут друг друга. Если они кое-что и поймут, то скорее из движений, из мимики, из характера воскли-

13 6

Система социологии. Том I

паний, а не из слов. Стоит, однако, только допустить, что и другие проводники-символы неодинаково толкуются ими, и мы принуждены будем думать, что психическое взаимодействие между нашими собеседниками будет невозможным. Прекрасный художественный образец такого непонимания, вызванного на почве неодинаковой мимической символизации во взаимодействующих субъектах, дан Гюго в его романе «Человек, который смеется»^{17*}.

Вероятно, все помнят знаменитую сцену из этого романа, в которой «вечно смеющийся» человек сыплет громы и проклятия, преисполнен глубокого негодования, — а остальные не только не думают, что он и в самом деле негодует, но, напротив — думают, что он смеется и говорит все эти бичующие слова лишь «шутки ради». Недоразумение это, как известно, вызвано было исключительно тем, что у человека во время его речи было «смеющееся» лицо⁶¹...

То же самое может быть сказано и о любом виде проводников-символов. Если бы кто-нибудь «беззаботно смеялся» и «весело улыбался» тогда, когда ему тоскливо и грустно, плакал бы тогда, когда ему весело, плясал бы тогда, когда он в отчаянии, со сжатыми кулаками, со стиснутыми зубами бил бы кого-нибудь в знак того, что он его любит и ласкает, — то, очевидно, его психика была бы для нас *terra incognita*^{18*} и мы никогда не могли бы правильно понять его. Благодаря сказанному понятно, что «чужая душа — потемки» и что разгадать подлинные ее переживания не так легко, а внешние символы всегда можно толковать различно, что мы и видим, например, в судебных прениях сторон. Здесь сплошь и рядом защитник и обвинитель, исходя из одних и тех же символов (поступков обвиняемого), рисуют совершенно противоположные картины психических переживаний подсудимого. Прекрасный пример сказанному дают «Братья Карамазовы» в той главе, где одни и те же поступки Мити Карамазова совершенно различно истолковываются прокурором и защитником^{19*}.

После сказанного нетрудно согласиться с тем, что если бы у индивидов, постоянно соприкасающихся друг с другом и обладающих даже высокой психической жизнью, формы ее символизации и объективации были совершенно различны, то правильного психического общения, надлежащего функционирования проводников-символов между ними быть *de facto* не могло бы. Каждый из них был бы для других каким-то живым

непонятным существом, двигающимся, действующим, шумящим, но... и только... Таким образом, одним из необходимых условий для возможности функционирования проводников-сигналов является наличие одинакового проявления одинаковых психических переживаний различными людьми; где этой тождественности нет, хотя бы

⁶¹ Вторым примером может служить сцена «Смейся, паяц» из оперы «Паяцы».

Глава IV. Анализ элементов взаимодействия

13 7

и была налицо высокая психика и «воспринимающие аппараты», невозможно и функционирование проводников-сигналов.

Теперь перейдем к классификации проводников взаимодействия.

II. Классификация проводников взаимодействия

По физической природе проводников, с одной стороны, и по характеру рецептивных органов, воспринимающих их, — с другой, обе категории проводников распадаются на:

1) проводники *звуковые*, представляющие колебания воздушных волн, воспринимаемые нашими органами слуха. Таковы речь, восклицание, пение, музыка, шорох и другие комплексы звуков;

2) *световые*, частным случаем которых являются проводники *цветовые*, представляющие колебание эфирных волн, воспринимаемых нашими органами зрения. Таковы железнодорожные сигналы (цветные, светящиеся огни фонарей), трамвайные огни, буквы, надписи, рисунки, значки и т. п.;

3) *механические* проводники, своим прикосновением к нашему телу и к покрывающим его разветвлениям нервной системы, передающие нам ряд раздражений, идущих от других людей. Важнейшим органом восприятия их являются органы осязания. Таковы прикосновение палкой, удар, производимый брошенным камнем, поглаживание, щекотание, укол и т. д.;

4) *тепловые* проводники, представляющие колебание эфирных волн и действующие на всю чувствительную поверхность тела (ожог, ошпаривание, прикосновение льдом, холодным предметом и т. д.);

5) проводники *двигательные* по своей природе, представляющие вид физической энергии, энергию работы, воспринимаемые частью всем организмом, а главным образом органами зрения (жесты, движения, мимика, передвижения автомоторов и т. д.);

6) проводники *химические*, главными видами которых является ряд химических реагентов, действующих на физиологическое состояние организма и на органы *вкуса* и *обоняния*. Таковы вкусовые вещества, вещества душистые, лекарства, яды и т. п.;

7) проводники *электрические*,

8) проводники *вещественно-предметные*, представляющие комплекс физико-химических свойств (материя, цвет, форма и т. д.), в своей совокупности составляющие тот или иной «предмет» и воспринимаемые рядом органов чувств. Таковы, например, кресты, гербы, знамена, одежда и т. д.

Легко видеть, что эта классификация проводников логически очень груба. Она исходит не из одного, а из многих классификационных критериев. Но я здесь не преследую цели логических упражнений по части со-

13 8

Система социологии. Том I

здания формально безукоризненных классификаций. Моя цель иная — указать наиболее важные виды проводников взаимных акций и реакций людей, играющих значительную роль в процессе человеческого общения. Этой цели указанный перечень в значительной степени удовлетворяет⁶².

Примером такой узкой и неверной теории может служить книга *Маевского* «La theorie de l'homme et de la civilization». Для него цивилизация, или «realite D», представляет совокупность индивидов, связанных между собою языком; этим путем передаются восприятия, мысли, чувства и воления не только живущих поколений, но и исчезнувших; таким образом, говорит автор, создается между людьми психическое единство,

отличающее человека от животных. «Язык образует сущность и материю цивилизации ("roalite D"); la mort des langues est la mort des nations»^{20*}. (См.: *Majewski. La theorie de l'homme*. Paris, 1911, passim).

Нетрудно видеть, что автор дает узкую и в этом смысле ошибочную теорию. Во-первых, помимо языка или звукового проводника процесс общения людей осуществляется рядом других средств-проводников: световых, двигательных, механических, предметных и т. д.; во-вторых, сводить всю цивилизацию к языку дело весьма трудное и неосуществимое: фабрики, машины, музеи, храмы, школы и другие предметы материальной культуры нельзя называть языком. Между тем едва ли их можно выбросить из той сферы явлений, которая называется цивилизацией; в-третьих, не исчерпываются явлениями языка и сами процессы общения или взаимодействия: если социология хочет объяснить общественное поведение людей, то она должна учитывать все виды взаимных раздражителей, которыми люди обуславливают взаимное поведение и благодаря которым их группа образует коллективное единство. См. подробнее об этом ниже, в главе, посвященной разбору других социологических теорий, и в главе о социальной группировке.

Очертим теперь подробнее каждый из этих видов.

А) *Звуковые проводники* являются одними из самых важных по своей роли в явлениях человеческого взаимодействия. Они выступают и как чисто физические проводники, и как проводники-сигналы. В качестве первых они фигурируют как шумы, шорохи, звуки ударов и т. д., поскольку последние не являются проводниками-символами. Так, когда мы неожиданно слышим шум или шорох, мы настораживаемся, прислушиваемся, короче говоря — совершаем те или иные акты-реакции. В качестве яркого примера раздражения и влияния звуковых проводников в их чисто физической роли приведу такой факт. Мари Жаель изучала энергетическое влияние звуков независимо от их ассоциативной роли

⁶² Из этого простого перечня уже видно, что чрезвычайно узко смотрят на явления общения людей те, кто единственным средством общения их считает язык.

Глава IV. Анализ элементов взаимодействия

139

(т. е. символического значения). «Ш. Фере, субъект, музыкально-глухой, должен был поднимать средним пальцем правой руки гирю в 3 кило, проделывая это определенное число раз подряд, до полного изнеможения. Под влиянием определенных звуковых возбуждений гиря казалась ему легкой и он мог поднимать ее большое число раз подряд; под влиянием квинты (la-mi) Фере мог произвести (в 16 опытах) 850 поднятий; под влиянием же уменьшенной квинты он не мог произвести более 50 поднятий. Разница на полтона превращает сильного человека в слабого»⁶³. Здесь звук явился проводником взаимодействия между Мари Жа-ель и г. Фере. Он действовал только как физический реагент. Итогом его действия явились реакции Фере в виде поднятия гири и различное число этих поднятий в зависимости от различных звуков.

Как и большинство других проводников, звуковые проводники нормально выступают в качестве проводников сигнальных, выражающих и воспринимаемых в качестве символов психических переживаний. Главнейшими видами звуковых проводников-сигналов являются речь, музыка и другие выразительные звуки.

Звуковые символические проводники в виде языка, речи являются важнейшим и основным способом передачи раздражений и психических переживаний от индивида к индивиду. Без них психическое общение людей было бы чрезвычайно затруднено. Они дают возможность передавать другим сложнейшие и тончайшие душевные движения. Общественная жизнь людей, взятая в целом, похожа на громадный и непрерывно циркулирующий поток слов и их сочетаний, идущих от человека к человеку, от одних к другим. Звуки-символы в виде слов непрерывно соединяют людей между собой, передают раздражения, вызывают эффекты. Любая фраза, любое слово похоже на электрический ток, возникающий между людьми, дающий им возможность влиять друг на друга и

обуславливать взаимное поведение. Их эффекты бывают временами поразительны. «Слово может убить человека». Недаром в ряде религий, как, например, в брахманизме, слово превратилось в магическую силу, управляющую миром и даже волей богов^{21*}. Недаром и в Евангелии апостол говорит: «В начале было слово и слово было к богу и бог был словом»^{22*}. Когда мы слышим ряд звуков-символов: «Мне грустно», «Я ненавижу Х-а», «Спенсер был великим мыслителем», «К оружию, пролетарий!», «Долой», «Да здравствует» — «Вперед», «Пли» и т. д., мы тем самым воспринимаем ряд раздражений, доходящих до нас в виде звука и передающих нам идеи, настроения и воления других лиц. Посредством звуковых проводников люди регулируют свое взаимное поведение. Когда мы хотим вызвать у других те или иные поступки или удержать их от совершения каких-либо актов, мы пользуемся почти всегда звуковыми символическими провод-

Bohn G. La nouvelle psychologie animale. Paris, 1911, p.166-168.

140

Система социологии. Том I

никами: «Сделай то-то», «Не смей делать того-то», «Ни с места!», «Руки вверх», «Пли» и т. д. — таковы наши обычные способы передачи волевых решений. Звуковыми же символическими проводниками чаще всего пользуемся мы для передачи наших настроений, чувств и эмоций. Пример: «И скучно, и грустно, и некому руку подать». «Безумных лет угасшее веселье мне тяжело, как смутное похмелье». «Здравствуй племя, младое, незнакомое»^{23*}. Эти слова — проводники известных настроений, передающие психику их говорящего и влияющие на психику людей, их воспринимающих.

Нечего и говорить, что слова же чаще всего употребляются и для передачи идей.

Любая встреча людей, всякий разговор между ними, любое собрание: научная лекция, политический митинг, парламентские, судебные и всякие иные заседания, религиозная проповедь, взаимодействие учителя с учениками, разговоры в семье, на рынке и т. д., — все это иллюстрации функционирования звуковых проводников и их социальной роли.

Благодаря гибкости, легкости, передаваемости этих проводников-символов они стали наиважнейшим способом общения людей друг с другом. Их гибкость проявляется не только в том, что существует множество слов, т. е. комбинаций звуков, для передачи самых различных переживаний и явлений. Но эта гибкость выражается еще и в ряде сопутствующих явлений: Дарвин вполне правильно замечает, что голос действует, помимо содержания слова, еще своей силой, высотой и тембром⁶⁴.

Таков первый и главный вид звуковых сигнальных проводников.

Вторым важным видом их является музыка, т. е. опять-таки определенное сочетание звуков — аккордов, производимых одними людьми, «перелетающих» к другим и возбуждающих в последних ряд переживаний и настроений. Когда кому-либо грустно, он может передать свое настроение «песней без слов», может, например, подойти к роялю и играть «Осеннюю песню» Чайковского или «Лунную сонату» Бетховена. Его акты состоят в определенных ударах по клавишам рояля, удары приводят в определенное колебание воздушные волны, последние ударяют в наши органы слуха, воспринимаются нами и в итоге передают нам или возбуждают в нас определенные комплексы душевных переживаний.

Таким образом, благодаря звуковым проводникам одни люди взаимодействуют с другими.

По своей природе звуковые символические проводники в виде музыки больше приспособлены и пригодны для передачи чувств, эмоций и настроений, чем для передачи идей или волевых решений. Вот почему они чаще всего употребляются для эмоционально-чувственного общения, чем для общения волевого или идейного. Всякий концерт, всякий сеанс музыки с этой точки зрения представляет картину людей, объеди-

⁶⁴ См.: *Дарвин Ч. О выражении ощущений. 1899, с. 41-57.*

Глава IV. Анализ элементов взаимодействия

141

няющихся в одно эмоциональное целое посредством музыкально-звуковых

проводников. Эти проводники переносят или передают настроения от одной «души» к другой, связывают их взаимными нитями и в итоге определенным образом дают возможность влиять и на психику, и на поведение присутствующих. Хороший пианист или музыкант в этом случае представляет собой магического монтера, который, сидя за роялем, мгновенно связывает себя звуковыми проводниками со всеми слушателями и, играя на клавишах инструмента, по существу играет на человеческих душах: его душевные движения передаются движениями пальцев по клавишам, удары рожают звуковые волны, последние вызывают волны психических переживаний...

Одни из этих волн вызывают подавленное состояние — грусть, горе, отчаяние (напр[имер] похоронные марши) и соответствующие движения, другие — радость, веселье, безоблачность, легкость и надлежащие внешние акты. Возбуждающее или угнетающее влияние музыки, говорит Ж. Бон, известно с давних пор. «Помимо похоронных маршей, которые сопровождаются подавленным состоянием, горестными переживаниями и медленной походкой, имеется и музыка возбуждающая, заставляющая оживленно двигать ногами в танцах, которые иначе как под музыку и представить себе нельзя»⁶⁵.

Таков второй вид звуковых проводников.

Помимо речи и музыки, звуковые проводники функционируют в бесконечном множестве других форм. Удар пушки в Петрограде означает, что сейчас 12 часов, свисток паровоза сигнализирует, что он отправляется, гудок фабрики выражает начало или конец смены, рожок автомобиля или звонок трамвая «предупреждает» об опасности, удары колокола «объявляют» о начале обедни или утрени, звон тарелок свидетельствует о близком обеде, телефонный звонок дает нам знать, что кто-то хочет говорить с нами, дверной звонок сигнализирует, что кто-то идет, и т. д. и т. д.⁶⁶

Таковы основные виды звуковых проводников, передающих раздражения одних другим, связывающих взаимодействующих людей в коллективное единство, являющихся непрерывно возникающими и вновь обрывающимися связями или «соединительными проводами» системы взаимодействия...

В) Перейдем теперь к беглой характеристике *световых и цветовых проводников*. Они, подобно звуковым, выступают в роли и чисто физи-

⁶⁵ Bohn G. Op. cit., p. 166-168.

⁶⁶ Отсюда легко понять значение языка для объединения индивидов в одну группу. Люди, говорящие на одном языке, имеют в своем распоряжении прекрасный проводник, посредством которого они легко могут «соединяться», общаться и понимать друг друга. Люди разноязычные такого проводника не имеют, поэтому они лишены одной из наиболее важных социальных нитей, связывающих их в одно целое.

142

Система социологии. Том I

ческих проводников, и в роли проводников-сигналов, передающих душевные движения. Свет как чисто физическое явление может быть раздражителем и может влиять на поведение. Индивид А, зажегший в темноте спичку, одним физическим действием света может влиять на поведение другого: привлечь его внимание, дать ему возможность ориентироваться в окружающей обстановке, короче говоря — определенным образом обусловить поведение. В этом примере свет является физическим проводником раздражения, исходящего от А и передаваемого В. То же можно сказать и о цвете⁶⁷.

Как выше было указано, цвет и свет функционируют в социальной жизни главным образом как проводники-сигналы. В этой роли они наряду с звуковыми сигнальными проводниками являются наиважнейшим и чаще всего практикуемым способом передачи раздражений и психических переживаний от одних людей к другим... Наряду со звуками люди для своего общения чаще всего пользуются этими проводниками.

Первым и самым важным видом светоцветовых проводников является письменность. Под ней в широком смысле слова следует понимать все значки, фигуры и буквы, начерчиваемые людьми в целях передачи другим тех или иных переживаний.

Письменностью будут и буквы, написанные черным по белому, и иероглифы, и клинообразные значки древних ассирийцев, и символические, примитивные знаки первобытных людей, и условные знаки вроде Δ, D, O, употребляемые в геометрии, короче, все то, что фиксируется человеком на тех или иных предметах (стена, бумага, свое тело и т. д.) с помощью светоцветовых знаков в целях выражения различных душевных переживаний — идей, представлений, чувств, явлений и т. д.⁶⁸

В этом смысле письменностью будут и татуировка своего тела, употребляемая «дикарями» для выражения того, что он принадлежит к такой-то группе, и знаки, делаемые, например, айно^{25*} на своих стрелах для

⁶⁷ Надлежащий материал читатель может найти в книгах: *Giard A. Facteurs primaires de revolution; Loisel C.* гл. I, р. 1-27; в работах по терапии — см., например]: *Мезерницкий. Физиотерапия.* СПб., 1916; статьи Палладина, Мезер-ницкого, Шенка, Бехтерева; в работах Леба о тропизмах и таксисах и т. д.

Подробное изучение социальной роли и соответствующих социальных эффектов звука, света, теплоты, электричества и др. космических факторов в данную часть работы не входит. Оно будет предметом «Социальной механики». Здесь же автор касается их только как проводников взаимодействия, представляющих составную часть последнего.

⁶⁸ Письменность в нашем смысле сходна с понятием «Bildende Kunst», даваемым Verworn'ом: «Die "bildende Kunst" in engeren Sinne dagegen ist die Fähigkeit, Bewusstseinsvorgänge durch bleibende Mittel optisch wahrnehmbar zu machen. Die bildende Kunst umfasst daher die Zeichenkunst, die Malerei, und die Schreibkunst»^{24*}. Выпадают только пластика и барельефная орнаментика, относящиеся к предметным проводникам, но входящие в понятие «bild[ende] Kunst». См.: *Verworn M. Die Anfänge d. Kunst.* 1909, S. 4-5.

Глава IV. Анализ элементов взаимодействия

143

того, чтобы дать знать другим, что животное, в котором найдена стрела с определенным знаком, было ранено владельцем этой стрелы, а потому последний имеет право на часть добычи⁶⁹, и примитивные рисунки, делаемые примитивными людьми на своем оружииTM, и насечки, делаемые современными народами на пограничных деревьях или в лесу, и доска с нарисованной на ней указующей рукой, и т. д. и т. д.

В культурном мире самым распространенным видом свето-цвето-вых проводников являются книги, пергаменты и рукописи. Каждая книга представляет собой не что иное, как конденсированный комплекс свето-цветовых проводников. Она проводит мысли и настроения их автора к читателю. Первый фиксировал их рядом движений в форме значков на бумаге. Эти значки, приходя в соприкосновение с читателем, передают ему переживания и мысли автора книги и в итоге в той или иной форме обуславливают переживания и поведение читателя. Всякая библиотека с этой точки зрения может рассматриваться как огромнейшая, сложнейшая телефонная станция, в которой посредством книг ежедневно сотни людей «соединяются» с множеством авторов, живых и мертвых, и неслышно ведут между собою беседу.

Легко понять поэтому ту громадную роль, которую играют свето-цветовые проводники в явлениях человеческого общения. Без преувеличения можно сказать, что человек, впервые напавший на мысль использовать их для общения с другими, был величайшим изобретателем и революционером. Само собой понятным становится и то громадное значение, которое сыграло открытие книгопечатания и всякий технический прогресс в этой области для судеб человеческой культуры.

«Чем выше поднимается человеческая культура, тем более зависимой становится она от результатов работы предыдущих поколений, тем сильнее нуждается она в средстве, которое сохраняло бы опыт предыдущих поколений и делало бы возможным его использование; таким средством является письменность (die Schrift), — справедливо говорит Дан-цель. — Ее применение покоится на способности человека употреблять вместо предметов их знаки. Уже в тоне и в жестах, в языке и в мимических движениях человек использовал применение символов. Но влияние

⁶⁹ См., напр [имер]: *Pilsudski. Les signes de propriete des Aino // Revue d'ethnografie et de sociologie. 1912, март-апрель. «Pendant les chasses oil plusieurs personnes tiraient sur un ours, les signes sur les fleches pouvaient servir a decouvrir qui avail tire le premier, qui avail vise le plus juste et a qui, par consequent, devait revenir les meilleures parties de la bete comme le coeur, la poitrine, le foie ets.»*^{26*} Далее Пилсуд-ский весьма рельефно показывает, что «знак собственника стрелы играет огромную роль и всегда принимается во внимание».

⁷⁰ См. материал и знаки в кн.: *Verworn M. Die Anfange der Kunst. Iena, 1909.* См. великолепные рисунки в кн.: *Spencer B. and Gillen. The northern tribes of central Australia. London, 1904; Обермайер X. Доисторический человек. Изд. Брокгауза-Ефрона.*

144

Система социологии. Том I

их становится несравненно более значительным в письменности в силу того, что здесь и мышление прикрепляется к постоянно пребывающим символам, освобождающим мысль от ее мгновенного чувственного бытия... Социальная роль письменности как средства для сохранения духовного богатства (*geistiger Inhalte*) становится особенно важной в силу того, что она представляет прекрасный орган, который гарантирует продолжение общественной жизни, выходящей за пределы жизни индивидуальной. Она является посредником общения между пространственно разделенными, она является связью между давно исчезнувшими, современными и будущими поколениями». Чрезвычайно отчетливо эту функцию письменности характеризует F. Mauthner, говоря: «Представим себе на минуту, что во всех культурных странах вдруг все письменные знаки, их употребление и книги навсегда уничтожены, но устная речь осталась; это было бы похоже на сохранение одного зубчатого колеса в часовом механизме нашей культуры; гибель письменности в конце концов превратила бы нашу цивилизацию в руину, похожую на те искусственные часы на старых соборах, которые никто не может завести, ибо заводной ключ их потерян»⁷¹.

Каждый значок, каждая буква (напр[имер] значок «а» для звука «а»), как и их комплексы, соединяемые в слова (напр[имер] «социология») и в целые фразы, являются, таким образом, видами цветоцветовых депеш или проводников, передающих раздражения от одних индивидов к другим.

Помимо письменности в узком смысле, этот вид проводников функционирует в тысяче форм. Таковы значки, употребляемые в геометрии: Δ, D, O и т. д. Такова фигура круга O, изображающая солнце. Кривая линия передает представления грациозности и гармоничности, ломаная — неуравновешенности, резкости, грубости и т. д. и т. д.

Вторым *основным видом цветоцветовых проводников взаимодействия является живопись*; она существует в виде картин и рисунков. Эти последние представляют не что иное, как виды цветоцветовых проводников. Возьмем для примера левитановскую картину «Над вечным покоем». Ее автора уже нет в живых. Но благодаря этой картине, физически представляющей комплекс цветных пятен, расположенных в определенном порядке и имеющих определенную форму, автор продолжает взаимодействовать с нами, передавать и возбуждать в нас определенные переживания и акты. Картина соединяет нас с ним, как соединяет многих из нас друг с другом в общности настроения и переживаний. Она опять похожа на соединительную телефонную станцию, от которой идут цветоцветовые проводники к человеческим «душам». То же представляет собою и всякая картина, всякий рисунок, начиная от наивных мараний

См.: *Danzel J.W. Die Anfange der Schrift. Leipzig, 1912, S. 1-2.*

Глава IV. Анализ элементов взаимодействия

14 5

ребенка и первобытного человека и кончая гениальными творениями великих мастеров.

Цветоцветовые проводники выступают в обыкновенной жизни и в тысяче других форм: в виде светящихся фонарей на мачтах пароходов, путем которых одни люди дают знать другим о том, что плывет пароход; в виде «световых эффектов» в пьесе, предназначенной для вызова «светлого настроения». Свет играет громадную

символически-передаточную роль в религиозном культе (свечи, паникадила, благословение светящимися дикириями и трикириями, предшествование свечи выходу жрецов, священников и «религиозных реликвий») и в повседневной жизни людей. На каждом шагу встречаемся мы с этими проводниками, начиная с открыток, носящих название «язык цветов», употребляемых влюбленными «барышнями и молодыми людьми» для объяснений («роза означает пылкую любовь», «лилия — чистоту и невинность» и т. д.); те же проводники выступают в виде красных знамен, выражающих революционные идеи и стремления, в виде государственных флагов, в виде цветных огней трамвая и железнодорожной сигнализации, в виде определенных цветных галунов, указывающих соответствующие ведомства, в виде чернил, красок и карандашей, которыми мы делаем знаки, в форме цветов различных тканей, обычно символизирующих то или иное переживание (напр[имер], подвенечное платье белое — знак чистоты невесты, одежда монаха черная — знак его отречения от мира), и т. д. и т. д.

Будет вполне правильным, если я скажу, что каждый человек со времени своего появления оказывается окруженным звуковыми и цветоцветовыми проводниками, непрерывно передающими ему тысячи волн, идущих от других людей, влияющих на него и вызывающих у него реакции.

С) Третьим *основным видом проводников являются проводники двигательные*. Они могут быть чисто физическими, своим физическим эффектом возбуждающими других людей, и проводниками символическими, влияющими на людей тем, что выражают то или иное психическое переживание. Движения человека, воспринимаемые органами зрения, сами по себе достаточны, чтобы быть раздражителем других людей. Если же за этими движениями кроется то или иное значение, они становятся раздражителями весьма действенными. В нашей жизни мы постоянно пользуемся этими проводниками-раздражителями. Вместо слов «убирайтесь вон!» люди часто ограничиваются жестом, состоящим в поднятии руки с указательным пальцем, направленным на дверь; вместо «да» мы часто ограничиваемся легким движением головы вперед, вместо «нет» — покачиванием головы слева направо и обратно; свое бессилие мы выражаем пожиманием плечами, свою привязанность и любовь — объятиями и поцелуями, свой гнев — сжатием кулаков и жестами угрозы; довольство и радость выражаются движениями улыбки и прыганием, горе — соответствующей позой и медленными движениями.

146

Система социологии. Том I

ми, приветствие — снятием шапки, словом — ряд сложных переживаний выражается соответствующими мимическими движениями.

Как эти, так и более сложные движения являются символическими проводниками, нитями, связующими психику одних с психикой других. С физической стороны эта связь состоит в том, что определенные переживания сопровождаются или объективируются определенными выразительными актами; эти последние раздражают органы зрения и в итоге вызывают в сознании перципиента^{27*} надлежащие душевные переживания и вместе с ними надлежащие эффекты в поведении. Весьма часто эти двигательные проводники сплетаются в целую систему и передают довольно сложные события и явления. Образцом их могут служить известные всем пантомимы, даваемые в цирках, пантомимы-обряды первобытных людей (напр[имер], «медвежьи драмы» остяков, изображение кенгуру австралийскими негритосами и т. п.). В наше время видом двигательных проводников могут служить кинематографические сеансы. Здесь на полотне двигательные проводники вместе с цветовыми передают нам ряд сложнейших событий: драм, комедий, трагедий и т. д. По своему существу картины, развертывающиеся на полотне, с их движущимися фигурами, жестикулирующими, убивающими, спасающими, целующими друг друга, представляют довольно яркий пример двигательных проводников. Взрывы смеха, те или иные возгласы возмущения, которые нередко раздаются в зрительном зале, наконец, сам факт посещения кинематографов публикой достаточно определенно говорят, что цветодвигательные проводники являются довольно пригодным средством для взаимных

общений людей.

Дальнейшим ярким примером этих проводников может служить язык жестов, употребляемый детьми, глухонемыми и чрезвычайно развитый в примитивных обществах⁷². Здесь движения пальцев и лица служат главным средством взаимодействия⁷³.

Хотя двигательные проводники в силу ряда условий не играют столь важную роль, как проводники звуковые и цветосветовые, однако и они достаточно распространены во всех сферах человеческой жизни. Ряд двигательных символических проводников в виде обрядов мы встречаем и в религиозной жизни⁷⁴, и в правовой⁷⁵, и в военной⁷⁶, и в публич-

⁷² См. об этом: *Levy-Bruhl L. Les fonctions mentales dans les sociétés inférieures*. Paris, 1912, p. 175 и ел.

⁷³ Употребление выразительных движений известно и в мире животных. См.: *Дарвин Ч. О выражении ощущений*, гл. IV-V.

⁷⁴ См. учебники богослужения и богословия, объясняющие смысл религиозных обрядов и культа.

⁷⁵ См.: *Chassan, Essai sur la symbolique du droit*. Paris, 1847, passim и p. 54-56, 123-125 и др. Шассан удачно показывает переполненность права, в особенности древнего, самыми различными символами, т. е. проводниками правового общения. «Чтобы быть понятым и соблюдаемым грубым сознанием примитив-

Глава IV. Анализ элементов взаимодействия

147

ной, и в частной жизни. Все почти обряды, церемонии, публичные парады, смотры,двигающиеся процессии, демонстрации — политические, религиозные, военные, частные, свадебные, похоронные, карнавальные, святочные и т. д., — все они представляют в том или ином виде функционирование двигательных проводников.

К этому же типу должны быть отнесены и такие явления, как молчаливая игра детей в лошадки, в солдатики и т. д.

После сказанного читатель сам подберет сколько угодно примеров двигательных проводников.

Д) Коснемся кратко *проводников механических, тепловых, химических и электрических*. Их социальная роль не столь важна, как предыдущих проводников. Это объясняется отчасти тем, что они чаще всего функционируют в роли чисто *физических, а не сигнальных проводников*. Передавая раздражение, исходящее от одних лиц другим, они влияют на поведение других не столько тем, что сигнализируют переживания других людей, сколько своим чисто физическим эффектом.

Примером *механических проводников* могут служить явления удара камнем, брошенным одним индивидом в другого, удара пулей, выпущенной из ружья одного в другого, удара палкой, прикосновения колющим или иным предметом, щипки, явления хирургических операций⁷⁷, [выры]вание волос, нанесение ран, различные способы телесного повреждения и т. д.; наряду с этими одиозными механическими проводниками сюда же отходят ласковое поглаживание любимого человека, прикосновение к нему рукой или каким-либо предметом и целый ряд посредственных и непосредственных механических раздражений одних людей другими, раздражений, передаваемых обычно посредством тех или иных материальных проводников. «Поцелуи, пожимание руки и т. д. суть пережитки первобытных средств, путем которых индивиды познают друг друга (Гиддингс)»⁷⁸. Нормально, кроме таких механических проводни-

ных людей, право нуждалось в чувственных образах, в живых, двигательных представлениях, и в физических знаках, которые кидались бы в глаза и действовали на воображение. Эти реальные или фиктивные знаки получили имя символов» (p. 1). Об употреблении двигательных символов в праве см. также: *Пет-ражицкий Л.И. Теория права*, т. 1, с. 54-57.

⁷⁶ См.: *Lieutenant Jaray. Du formalisme au «Debrouillez-Vous»*. Paris: Chapelot, 1910. Здесь автор ярко характеризует символически-проводниковую роль таких обрядов, как корректное ношение формы и охрана чести мундира, как *le pas cadence dans certaines*

circonstances, как salut au drapeau, prestation de serment des officiers, reconnaissance des grades devant le front de la troupe, remise des decorations nationales, revues et defiles^{28*} и т. д.

⁷⁷ «Все болезни, которые излечиваются при применении механических приемов, называют хирургическими». См.: *Tillmanns H.* Руководство общей хирургии. М., 1910, р. 1.

⁷⁸ «Начиная со второго месяца, — говорит Болдуин, — ребенок узнает в темноте прикосновение матери или кормилицы. Он различает способы держа-

148

Система социологии. Том I

ков, как пули, снаряды, бомбы, или таких проводников, как вода, наводняющая местность из-за разрушения плотины, механические проводники передают раздражения в сравнительно ограниченных пространственных пределах, т. е. индивид может механически раздражать другого на сравнительно небольшом пространстве. При более значительной пространственной разделенности обычно функционируют другие, более пригодные и действенные проводники.

Е) Сказанное о механических проводниках применимо и к *проводникам тепловым*. И последние функционируют преимущественно как проводники чисто физические.

В роли проводников-сигналов они функционируют реже. Примерами тепловых проводников могут служить явления поджога, когда индивид, чаще всего с злостными намерениями, поджигает дом, здание или лес и через посредство этой стихии обуславливает поведение других людей. И обуславливает временами весьма решительно: богатые становятся бедными, счастливые несчастными, здоровые больными, живые мертвыми. Дальнейшим примером их могут служить явления центрального отопления; при такой системе отопления квартир одни люди, если не прямо, то косвенно, могут весьма значительно влиять на поведение других (напр[имер], хозяин дома или кочегар на жильцов дома); тепло и здесь служит проводником раздражений, идущих от одних к другим; теплота же может служить проводником влияния одних людей на других в таких явлениях, как движение паровозов и пароходов, где машинист и кочегар могут весьма определенно влиять на состояние и судьбы пассажиров. К этой же группе проводников относится обуславливание переживаний и поступков одних лиц другими посредством ошпаривания кипятком или прикладывания льда (больным), посредством помещения людей в среду со слишком холодной или жаркой температурой и т. д.

Ф) Следующим видом проводников взаимодействия являются *проводники химические*, опять-таки обычно выступающие в роли чисто физических проводников, а не проводников-символов. Их роль в передаче раздражений, исходящих от одних и влияющих на других людей, покоится на их химических свойствах. Люди, желая определенным образом повлиять на поведение или состояние другого (напр[имер], желая вылечить больного, сделать приятное другу или неприятное врагу и т. д.), обращаются к этим химическим реагентам и, утилизируя их в качестве посредников, тем самым влияют на других. Следовательно, эти химические реагенты, придя в соприкосновение с другими, проводят, передают им раздражения, идущие от первых. Так, доктор, прибегая к лечению его, качания, которые характеризуют различных лиц» (*Baldwin J. Social and ethical interpretations.* 1897, р. 7).

Глава IV. Анализ элементов взаимодействия

149

ству, влияет на поведение и состояние больного⁷⁹; X, поднося коробку конфет Y, влияет на переживания последнего; преступник, подсыпая яд в пищу своего врага, часто вызывает его смерть; повар, заменяя здоровые продукты вредными, обуславливает поведение и здоровье своих клиентов; купец, продавая прогнившие консервы, способствует эпидемиям; негр, распространяя специфический запах, заставляет отстраняться от него слишком щепетильных людей; тот же эффект вызывает человек, от которого в силу болезни или его социальной невоспитанности исходит дурной запах⁸⁰, и т. п. Во всех этих случаях, как и в сотне других, ряд химических реагентов является проводниками, передающими акции одних другим и вызывающими реакции последних...

Г) В роли чисто физических же проводников обычно выступают и *проводники электрические*. Опосредованно, как мы знаем, электричество играет колоссальную роль в процессе современного общения людей: оно двигает громадный механизм фабричных машин, передвигает поезда, трамваи, передает депеши и т. д. Короче, его роль в этом отношении огромна. Но как проводник в более узком смысле слова, здесь употребляемом, оно находит ограниченное применение; примерами его могут служить явления электролечения, раздражения путем прикосновения тока, нагревания посредством электрических подушек и т. д....

Н) Что касается, наконец, *предметных проводников*, то таковые выступают и в чисто физической, и в символической роли. Строго говоря, большинство указанных выше проводников были предметными проводниками, ибо и световые, и звуковые, и химические проводники обычно даны в виде тех или иных предметов. Если они были выделены отдельно, то для того, чтобы подчеркнуть ту сторону предмета, которая служит передатчиком раздражения. Электрическая лампочка, помещенная на вершине мачты, является проводником в системе взаимодействия не потому, что она лампочка, а потому, что она светит.

В отличие от предыдущих проводников, *предметные проводники функционируют именно как предметы. В них важно не то или иное от-*

⁷⁹ «Действие лекарств, т. е. совокупность порождаемых ими в организме явлений, почти всегда коренится в *химическом* воздействии (данного вещества) на внутренний состав тканевых элементов... Вызываемые лекарствами физиологические явления — функция сил лекарства и сил животной клетки». См.: *Д-р Шапиро Б.* Фармакология. Харьков, 1912, с. 5, 9.

⁸⁰ «Я был сотни раз свидетелем, — говорит Houzeau, — как индейцы и негры Америки по запаху узнавали друг друга в темноте» (*Houzeau. Etudes sur les facultes mentales des animaux.* 1872, vol. II, p. 91-92).

«И ощутил Исаак запах одежды Иакова (в которую оделся Исав) и благословил его», — говорится в Библии (Бытие, XXVII, 27).

«У жителей Филипп[инских] островов чувство обоняния развито в такой степени, что они могут только по запаху носов, платка узнать, кому он принадлежит. Ряд племен (Читтагонга и др.) вместо "поцелуй меня", говорят "понюхай меня"». См. множество др. фактов у *Г. Спенсера* в «Основаниях социологии» (СПб., 1898, т. II, с. 118-119).

150

Система социологии. Том I

дельное свойство (свет, звук, теплота, форма и т. д.) > *а совокупность всех свойств.*

Наибольшее значение они имеют в качестве проводников-сигналов. Примерами таких проводников могут служить государственные гербы, скипетр, держава, зеркало; религиозные реликвии — крест, потир, сосуд, дарохранильница; военные реликвии — знамя, мундир, шпага; семейные реликвии — фамильное кольцо, фамильный сервиз, фамильные бриллианты; к этой же категории принадлежат музейно-исторические предметы — древняя утварь, одежда, кубки, украшения и т. д. Наконец, к *предметным же проводникам* нужно отнести и всю почти «материальную культуру», все предметы-, созданные или преобразованные деятельностью людей, — дома, храмы, дворцы, памятники, средства передвижения, предметы домашней обстановки и т. д.

Проводниковая роль их состоит в том, что одни люди, воздействуя на мир материальных предметов, оставляют на нем следы своей деятельности. Другие люди, входя в соприкосновение с этими предметами, воспринимают их в качестве раздражителей и в итоге такого раздражения так или иначе реагируют на них. Следовательно, во всех подобных случаях предметные проводники являются настоящими посредниками между людьми: одним они дают возможность запечатлеть, закрепить результаты своей работы, своих актов; другим, для которых они являются раздражителями, воспринять эти результаты и реагировать на них. С этой точки зрения к предметным проводникам могут быть причислены и люди-посредники, передающие

раздражение одних людей другим. Отличие их от других предметов то, что они являются самодвижущимися предметами. Поэтому их можно называть двигательно-предметными проводниками. Примером других предметных раздражителей может служить материальная обстановка города — дома, улицы, развалины, мостовые, церкви, музеи и т. д. Сколько людей, попадая с простора широких полей в каменные колодцы, ступая на землю города, скованную камнем и железом, из храбрых становились боязливymi, из сильных слабыми, терялись и внутренне съеживались! Как много существует людей, душа которых стонет под тяжестью этого железобетонного колосса, высоких небоскребов и кирпичных стен! Немало людей, у которых материальный мир города вызывает проклятия и чувство гнева⁸¹, словом — способность города, как предмета, возбуждать раздражение в людях несомненна. Сказанное выше уясняет, почему город в этом случае может и должен считаться предметным раздражителем.

Когда мы входим под своды старой башни, или в старый храм, или видим развалины старого замка, — они возбуждают в нас ряд переживаний: представления и настроения широким потоком наполняют нашу душу, вызывают образы старого, воскрешают лица, когда-то тут жив-

⁸¹ См. психологию таких людей в «Проклятии зверя» Л.Н. Андреева.

Глава IV. Анализ элементов взаимодействия

151

шие и действовавшие, короче — определенно влияют на наши переживания и поступки. «Там, где люди молчат, говорят камни». Это влияние обусловливается тем, что они являются застывшими памятниками поведения, работы и жизни других людей. Это значит, что они играют роль проводников между нами и последними.

Наиболее типичным движимым предметным проводником являются *деньги*. Эти предметы в виде звонкой ли монеты, или кредитных знаков, или чеков непрерывно обращаются в мире людей, непрерывно функционируют в качестве предметных проводников. Индивид, пересылая другому деньги, воздействует на последнего весьма решительным образом. Они функционируют обычно в качестве проводника-символа, но в силу их «пустоты», в силу того, что они являются мерой всех вещей, они могут выражать собой самые разнородные вещи, могут побуждать к самым различным поступкам, оставаясь тождественными самим себе и не теряя своей проводниковой роли. Они передают и благодарность убийцы своему помощнику за содействие, и благодарность спасенного рисковавшему собой спасителю; они побуждают и на акты героизма, и на акты преступления; владеющий ими может использовать их как проводники лучших и высочайших переживаний и как проводники отвратительных и самых низких намерений.

Словом — деньги, в силу особой их природы, являются предметным проводником-бланкетом, годным для передачи весьма многочисленных психических переживаний⁸².

Еще рельефнее эта проводниковая роль предметов выступает в случае семейных, религиозных и государственных реликвий: семейная реликвия, например локон матери, это священный предмет; передавая его из поколения в поколение, тем самым передают раздражитель, который будет говорить и о славе семьи, и о ее чести, будет вызывать упреки в душе недостойного потомка, гордость в душе достойного; короче говоря — этот локон является подлинным проводником, соединяющим прошлое с настоящим, настоящее с будущим. То же, *mutatis mutandis*, можно применить и ко всем остальным предметным проводникам. Собственник в древности, передавая другому человеку кусок или горсть земли, передачей этого предмета знаменовал передачу права собственности. Кольца, которыми обмениваются жених и невеста, передают мысль, что они скрепляют себя навеки. Влюбленный, отсылая любимой букет цветов, передает посредством их свои переживания — любовь, обожание, преклонение и т. д. Командир полка, присылая опозорившему мундир полка офицеру револьвер, посредством его передает ему приказ застрелиться. Ключи от города, передаваемые победителю побежденными, знаменуют собой передачу города во власть первого. Знамя полка, за-

⁸² См. подробнее: *Зиммель Г. Philosophie des Geldes. Leipzig, 1900. Особенно т. I, passim. См. также: Рыкачев А.М. Власть денег.*

152

Система социологии. Том I

хваченное неприятелем, символизирует гибель и конец соответствующей воинской части.

«Домик Петра Великого» является предметным проводником, соединяющим многих посетителей с прошлым и друг с другом.

Кремль и Иван Великий играют роль проводников весьма многих и сложных переживаний, идей, чувств, эмоций, волений и т. д. То же можно сказать об «Иверской Богоматери», мощах святых, Василии Блаженном, памятниках и других предметных проводниках.

Ограничиваюсь набросанными штрихами в характеристике основных форм проводников взаимодействия. Каждый из них редко выступает в чистом виде: так или иначе они смешиваются друг с другом; часто один и тот же проводник может быть рассматриваем, с одной стороны, как звуковой, с другой — как предметный (напр[имер] граммофон). Но это слияние для нас здесь не важно; важно было дать понятие о проводниках и их роли. А эта цель предыдущими строками, надеюсь, достигнута. Из этой характеристики следует, во-первых, что *проводники взаимодействия действительно составляют элемент системы взаимодействия*, во-вторых, что *они действительно существуют как физические реальности*, в-третьих, *становится ясным тот механизм, посредством которого одни индивиды, разделенные от других пространством и временем, могут взаимодействовать друг с другом, т. е. быть функционально связанными в своих переживаниях и поступках*; наконец, в-четвертых, *сказанное раскрывает структуру системы взаимодействия как коллективного единства, структуру не в переносном, символическом смысле, а в самом реальном значении этого слова*. Индивиды, их акты и проводники, как будет указано ниже, в своей совокупности образуют действительный механизм, имеющий весьма сложное строение.

III. Цепь проводников. Люди как контактные звенья цепи проводников

Для более детального понимания способов общения между индивидами необходимо дополнить сказанное о проводниках нижеследующими соображениями. В предыдущем я очертил лишь *простые проводники*. В своем анализе я исходил из молчаливой предпосылки, что один индивид передает другому раздражение посредством одного проводника — светового, звукового, механического, предметного и т. д.

Между тем вполне мыслимо (в фактической действительности весьма часто так и бывает), что раздражение одного индивида передается другому не с помощью одного проводника, а посредством *комбинации их, посредством целой цепи проводников*. Первый случай можно сравнить с простым воротом или колесом, второй — с целой системой зубчатых колес, где движение или поворот одного колеса задевает и приводит в

Глава IV. Анализ элементов взаимодействия

153

движение второе колесо, это — третье и т. д., пока движение не дойдет до конечного пункта и не выразится, например, в передвижении часовой стрелки. Подобное весьма часто происходит и в явлениях взаимодействия людей. Раздражение, исходящее от одного индивида, сначала передает один проводник, в дальнейшем это раздражение переходит к другому проводнику, от этого — к третьему и т. д., пока, наконец, не дойдет до человека-адресата. Простейший пример такой цепи проводников представляет следующий факт. X, отделенный большим пространством от У, хочет сообщить последнему о смерти их друга. Пользуясь тем, что в место, где живет У, отправляется М, он просит его по прибытии в место жительства У передать ему эту весть. М прибывает туда и пишет письмо У, в котором сообщает о смерти его друга. Письмо доходит до последнего и передает ему ту весть, которую хотел сообщить X. В этом примере мы имеем следующие стадии: 1-я — раздражение или акты X передаются сначала *звуковым*

проводником г-ну М; 2-я — М передвигается в качестве самодвижущегося *предметного проводника* с одного места на другое; 3-я — фиксирование известия на письме означает замену предметного проводника *светоцветовым*, который и передает в конце концов известие адресату У.

Схема: $\left\{ \begin{array}{l} 1) \text{ звуковой проводник} \longrightarrow 2) \text{ пред-} \\ \text{Индивид X} \quad \text{метный} \longrightarrow 3) \text{ светоцветовой} \longrightarrow \end{array} \right\} \text{ Индивид Y}$

Второй пример: А диктует телеграмму (звуковой проводник). Секретарь ее записывает (светоцветовой) и уносит на почту (двигательно-предметный). Телеграфист ее телеграфирует (электродвигательный). На станции получения телеграмма фиксируется в виде знаков на бумаге (светоцветовой) и в итоге в виде свето-цветового проводника доходит до адресата В.

Схема: А $\left\{ \begin{array}{l} 1) \text{ звуковой} \longrightarrow 2) \text{ светоцветовой} \longrightarrow \\ 3) \text{ двигательно-предметный} \longrightarrow 4) \text{ электро-} \\ \text{двигательный} \longrightarrow 5) \text{ светоцветовой} \longrightarrow \end{array} \right\} \text{ В}$

Из этих примеров становится ясным, что разумеется под цепью проводников или их комбинацией. Из обыденного опыта каждый знает, что процесс взаимодействия весьма часто осуществляется именно с помощью такой цепи проводников. В этой цепи сплошь и рядом в качестве промежуточных звеньев ее выступают люди (секретарь, телеграфист, почтальон, г. М. и т. д.), которые, являясь сами проводниками, в то же время осуществляют *контакт* между двумя различными проводниками (напр[имер], посредником-проводником между звуковым и светоцветовым проводником в предыдущем примере является секретарь, в

154

Система социологии. Том I

первом примере — г. М.), которые без «контактной» роли этих людей часто не в состоянии передать один другому раздражение, — не в состоянии соединиться друг с другом. (Напр[имер], без секретаря звуковой проводник не мог бы трансформироваться в светоцветовой, слова — в значки, буквы телеграммы.)

Благодаря этой контактной роли людей-проводников одни проводники могут соединиться или трансформироваться в другие. В итоге вся цепь их представляется в виде отдельных звеньев, где между двумя звеньями-проводниками вкраплены в виде проводников и контакторов люди, роль которых в этом случае тождественна роли телефонистки, соединяющей двух абонентов, желающих переговорить друг с другом. Контактная роль людей-проводников выступает особенно резко в явлениях взаимодействия между людьми, разделенными пространством и временем. Раздражение, передаваемое из Америки в Европу, часто должно пробежать длинную цепь проводников с целым рядом людей-контакторов. Раздражение, идущее от давно умершего человека, например Дарвина, точно так же доходит до нас посредством целой цепи проводников со множеством людей — контактных звеньев этой цепи. В итоге сказанного понятным становится, как совершается взаимодействие между людьми и почему оно возможно в случаях пространственной и временной разделенности индивидов.

Гг. органицисты искали в свое время соединительную ткань общества^{29*}. Если бы был какой-нибудь прок от таких аналогий, такую ткань было бы нетрудно указать — она дана в виде совокупности проводников и совокупности проводниковых цепей, только что очерченных. Но во избежание недоразумений будем избегать таких, к тому же не очень удачных сравнений. Никакой соединительной ткани в явлениях взаимодействия нет. А есть в них вполне реальный элемент в виде проводников взаимодействия, очерченных выше. Они, если угодно, в этой системе играют роль и соединительной ткани, и нервной системы, но беда в том, что эта ткань и система составлены не из клеток, а из физико-химических явлений. (Кроме людей-проводников контакторов.) Поэтому подобные аналогии теряют всякую почву⁸³.

⁸³ Для целей социальной механики небесполезно будет заметить здесь, насколько

процесс взаимодействия и его характер зависят от проводников и их цепи. Раздражение, идущее от индивида, как видим, весьма часто принуждено пробегать целый ряд проводниковых звеньев с вкрапленными между ними людьми-контакторами. В этом пути оно стоит в полной зависимости от характера и свойств проводников. Последние «случайно», особенно при контактных звеньях, могут изменить природу и характер раздражения. То же изменение раздражения происходит и в силу полиморфизма индивидов: каждый человек воспринимает раздражение по-своему и передает его по-своему. В результате этого раздражение может дойти до адресата совсем не в том виде, в каком оно должно было бы дойти. Отсюда — явления «недоразумений» между людьми,

Глава IV. Анализ элементов взаимодействия

15 5

IV. Проводники взаимодействия и так называемая «материальная культура»

Предыдущий анализ явлений взаимодействия дал такие результаты — во всяком явлении взаимодействия неизбежно даны три основных элемента: 1) индивиды, по меньшей мере два; 2) их акты как раздражители и как реакции на эти раздражения; 3) проводники как средства передачи раздражений от одних индивидов к другим. Следовательно, те же элементы должны быть даны и во всяком социальном явлении.

Приглядываясь к фактам сосуществования людей, мы видим, что всюду эти элементы налицо. Причем *то, что часто называют «материальной культурой»*, как следует из сказанного, *представляет не что иное, как совокупность физических и символических проводников взаимодействия.*

Все то, что разумеется обычно под этим именем, сводится фактически к тому или иному виду очерченных проводников. Дома, музеи, храмы, здания университетов и школ, картины, книги, рукописи, утварь, железные дороги, телеграф, телефон, средства производства, орудия, оружие и сами действия людей и т. д. и т. д., короче, все, к чему прикоснулась рука человека, все, на чем запечатлены результаты деятельности, труда, работы людей, — все это служит и может служить проводниками взаимодействия, все это входит в одну из тех групп проводников, которые очерчены выше. *Проводники (соответственно материальные элементы) являются элементом взаимодействия (социальные явления), имманентно ему присущим, от него неотрывным.* Вот почему взаимодействие людей неразрывно связано с этими материальными элементами; вот почему последние неизбежно участвуют в явлении взаимодействия и неизбежно возникают из него. В этом отношении действительно можно сравнить людей с полипами: как жизнь последних неизбежно влечет за собой выделение и образование коралловых рифов⁸⁴, так и всякое взаимодействие людей включает в себя материальные элементы в виде про-

подчас имеющие роковой характер для них. Отсюда — явление гетерогении целей, отмеченное Вундтом; отсюда «социология слухов» и т. п. Это явление объясняет эволюцию и формацию догм, легенд, учений и т. д., сопровождаемых любопытной социальной рефракцией. Об опытах, поставленных автором в этой области, и подробности проблемы будут изложены в «Социальной механике».

⁸⁴ В этом смысле правильно сравнение *Уорда*: «Der menschlichen Polyp ist beständig dabei, ein Korallenriff zu bauen, auf dessen obersterne Fläche die letzte Generation leat und baut. Die Generationen leben und sterben, aber sie lassen das Resultat alles dessen, was sie während ihrer Lebenszeit vollbracht haben, zuriick. Dieses Resultat ist ein dauernder Teil des grossen Meeresgrundes der menschlichen Errungenschaft. Mit der Zeit bilden diese aufeinander folgenden Schichten, eine auf die andere gebaut, den Grundfelsen der Zivilisation»^{30*} (*Ward L. Reine Sociologie. Innsbruck, 1907, S. 19-20*).

15 6

Система социологии. Том I

водников и неизбежно порождает в своем процессе возникновение все новых и новых слоев «материальной культуры», новых и новых проводников. Слой за слоем при продолжении взаимодействия оседают они, накапливаются и в итоге создали и создают вокруг взаимодействующих людей новую среду, — отличную от космической, среду

социально-техническую, среду «материальной культуры» как застывший результат взаимодействия человеческих полипов. Мы все живем в такой среде. Она окружает нас на каждом шагу. Каждую минуту она передает нам раздражения, исходившие от когда-то живших поколений, и весьма определенным образом обуславливает наши переживания и поступки.

Поскольку этот факт хочет подчеркнуть Дюркгейм, он прав, говоря: «Общество (читай: социальное явление. — П.С.) состоит не только из индивидов; в него входят также и материальные элементы, играющие существенную роль в общественной жизни. Часто социальный факт материализуется до такой степени, что становится элементом внешнего мира. Например, определенный архитектурный тип (предметный проводник, с нашей точки зрения. — П.С.) будет явлением социальным, он частью воплощается в домах, в различных зданиях, которые, раз уже они выстроены, становятся самостоятельными реальностями, независимыми от индивидов. То же самое относится к путям сообщения и транспорта, к инструментам и машинам, к письменности и т. д. Социальная жизнь, которая, таким образом, как бы кристаллизуется и отвердевает на материальных подпорах, тем самым внедряется в мир окружающих нас вещей и начинает воздействовать на нас извне»⁸⁵.

Вот почему нельзя социальное явление — факты взаимодействия — мыслить состоящим только из индивидов или из одной психики, или как исключительно материальные предметы. Взаимодействие без людей и их актов немислимо; но оно невозможно и без проводников, т. е. материальных элементов. Все три указанные выше элемента — люди, их акты и проводники (материальные явления и предметы: свет, звук, электричество, теплота, химические реагенты, предметы) — все они явля-

⁸⁵ Дюркгейм Э. Самоубийство. СПб., 1912, с. 426.

Ту же мысль — о присутствии материальных элементов-проводников в социальных явлениях и об имманентном возникновении их из процесса взаимодействия людей — подчеркивает и Зиммель. «Культура возникает — это решающий момент для ее понимания — при слиянии двух элементов, из которых ни один не имеет на нее больше права, чем другой: субъективной души и объективного продукта духа (более точно будет сказать: деятельности взаимодействующих людей и объективных продуктов — проводников, участвующих во взаимодействии и имманентно возникающих из него. — П.С.); объекты эти сами — дух (деятельность, психическая деятельность, в частности. — П.С.), ставший в этических, интеллектуальных, социальных и эстетических, религиозных и технических формах предметом» (Зиммель Г. Понятие и трагедия культуры // Логос. 1911-1912, с. 4-5 и passim).

Глава IV. Анализ элементов взаимодействия

157

ются необходимыми составными частями явлений взаимодействия. Отсюда же следует, что нельзя людей отделять от их актов, те и другие — от проводников и ограничивать понятие ли общества, или социального явления, или культуры одним из этих элементов. Все они одинаково необходимы для явления взаимодействия и только в своей совокупности образуют его⁸⁶.

Весьма важно усвоить себе эту неразрывность трех элементов взаимодействия. В ряде вопросов, в частности в вопросе о реальности или номинальности общества, только при сознании необходимости всех этих элементов для бытия социального явления возможно правильное решение ряда проблем. Иначе мы впадем в те же ошибки, в которые впадали весьма многие социологи.

Таковы в основных чертах понятие, строение и основные виды проводников как элемента системы взаимодействия.

Резюмирую:

- 1) Под проводниками взаимодействия разумеются все те средства, благодаря которым раздражение, исходящее от одних индивидов, передается и доходит до других.
- 2) По характеру эффектов, вызываемых проводниками, с одной стороны, и по

характеру передаваемых ими раздражений.— с другой, они делятся на: 1) чисто физические проводники и 2) проводники-символы или проводники-сигналы.

3) Для функционирования проводников в качестве сигнальных или символических передатчиков раздражения необходимо дополнительное условие— однообразное выражение психических переживаний и однообразное толкование их взаимодействующими индивидами.

4) По своей физической природе и в зависимости от органов восприятия, на которые они действуют, можно различать проводники звуковые, цветоцветовые, двигательно-мимические, механические, тепловые, химические, электрические и предметные.

⁸⁰ Отсюда следует, что нельзя вполне обособлять изучение «материальной культуры» (совокупности проводников) от деятельности людей, создавших ее в процессе взаимодействия и могущих взаимодействовать только благодаря материальным проводникам; тем более нельзя делать то и другое предметом изучения особых наук, напр[имер], первую — предметом «истории культуры или цивилизации», а вторую — предметом «исторической социологии», как предлагает, в частности, В.О. Ключевский. См.: Ключевский В.О. Курс русской истории. М, 1908, с. 4-6.

Такой разрыв неразрывных элементов одного явления делает невозможным правильное познание социального явления, как невозможно правильное познание любой машины, изолированной на ее части. Ни материальную культуру (проводники), ни деятельность людей при таком разрыве мы не можем правильно понять, изучить, а тем более изучить закономерности социального явления.

158

Система социологии. Том I

5) Если раздражение от одного индивида к другому передается с помощью одного проводника— мы имеем простой проводник. Если с помощью многих— мы имеем цепь проводников.

6) В цепь проводников в качестве звеньев-контакторов часто входят люди. Иногда их контактная функция бывает необходима для того, чтобы раздражение могло передаться от одного звена проводниковой цепи другому.

7) Проводники, составляя необходимый элемент явления взаимодействия и имманентно возникая в его процессе, образуют в своей совокупности то, что носит название «материальной культуры».

V. Взаимоотношение переживаний и проводников

1. Проблемы

Для правильного понимания ряда вопросов, с которыми придется иметь дело дальше, и для познания явлений общественной жизни теперь же целесообразно хотя бы кратко остановиться на ряде проблем, связанных с проводниками.

Эти проблемы таковы: 1) какова та общая почва, которая делает проводники необходимым элементом явлений взаимодействия; 2) как возникают проводники; 3) почему для выражения того или иного психического переживания употребляется такой, а не иной символический проводник; 4) могут ли проводники сами по себе обуславливать поведение и переживания людей и если да, то как и почему это возможно?

2. Причины появления проводников

Попытаемся кратко ответить на эти вопросы.

Что касается первого из них, то решение его дано было выше. Мы видели, что без проводников чисто физическое взаимодействие людей обречено было бы на ничтожные качественные и количественные размеры, психическое же общение их было бы абсолютно невозможным. Поскольку ряд условий поставил и ставит человека в необходимость жить в среде подобных ему существ (каковы эти условия, см. ниже, в главе «Как образуются коллективные единства»; подробно о причинах зарождения первичного общения людей будет говориться в социальной генетике), постольку он должен был взаимодействовать с сочеловеками; а раз взаимодействие было неизбежностью (и не только физическое, но и

психическое), то неизбежным было и появление проводников: без них, как я старался показать, никакое психическое и сколько-нибудь значительное физическое взаимодействие были и остаются невозможными.

В этом общая почва и причина появления проводников и, в частности, символических проводников.

Глава IV. Анализ элементов взаимодействия

159

3. Как возникают проводники. Бессознательное и сознательное их возникновение

Перейдем теперь ко второму вопросу. Имеются ли какие-либо различия в происхождении проводников? Такие различия несомненны. По способу их возникновения все проводники взаимодействия можно разделить на две группы: 1) *бессознательно установленные* и 2) *появившиеся сознательно*. В первом случае разумеются те проводники, которые возникли бессознательно (инстинктивно, рефлекторно) и стали проводниками помимо воли и желания людей. Ко вторым — те, которые созданы человеком сознательно, намеренно, целеполагательно. Возьмем для примера звуко-двигательные проводники. Если кто-нибудь возьмет лягушку и положит ее, скажем, за рубашку молодой девушки, то такой «опыт» вызовет с ее стороны вполне определенную реакцию: девушка будет кричать («ай», «ах», и другие «крики ужаса»), будет махать руками и делать ряд движений, выражающих тот же «ужас». Мы имеем налицо ряд двигательных-звуковых проводников, передающих нам душевное состояние девушки помимо ее воли и сознания. Ряд этих движений, криков и восклицаний «ужаса» ею производится бессознательно, инстинктивно. Здесь она не выбирает звуки и движения. Они совершаются ею импульсивно, без всякого контроля сознания. Проводники (звуки и движения) здесь возникают спонтанно, рефлекторно.

Совершенно иной будет картина, если мы возьмем, например, актера, стремящегося изобразить ужас. Его движения, мимика, слова, интонация, стремящиеся вызвать эффект ужаса, «заучены», сознательно установлены, преднамеренно обдуманы. Очень часто они бывают плодом долгой и тщательно продуманной тренировки. В первом случае проводники возникли бессознательно, во втором — сознательно.

Возьмем второй пример, более крупный. Сравним, например, возникновение таких «естественных языков», как русский, французский, английский, и возникновение такого «искусственного» языка, как эсперанто. Первая группа языков (звуковых проводников), как доказывает языкознание, возникла самопроизвольно и бессознательно: нельзя здесь говорить о том или ином лице как о творце языка; нельзя говорить и о том, что он возник путем намеренного, сознательно-целеполагательно-го творчества: никто заранее не выдумывал все слова, никто не изобретал нарочно грамматику языка; последний возникал медленно, из бессознательных восклицаний, междометий и криков, постепенно усложняясь и изменяясь в течение ряда веков. Почему, например, мысль «солнце» выражается в русском языке звуками «с + о + л + н + ц + е», во французском — звуками «l e s + o + l + e + i + l» и т. д., мы не знаем и не можем говорить, что кто-то сознательно установил такую связь между переживанием представления «солнце» и соответствующими звуками.

160

Система социологии. Том I

Позже, конечно, язык обогатился рядом слов, выражений и терминов, установленных сознательно, путем усилий и целевых изобретений отдельных лиц⁸⁷ (напр[имер] специальная научная терминология).

Но общий строй языка и огромное большинство его слов не представляют результата сознательно умышленного творчества.

Иное по своему происхождению представляет такой комплекс звуковых символических проводников, как «искусственный» язык эсперанто. Творцами его являются отдельные лица. Слова, грамматика, строй эсперанто созданы умышленно, установлены сознательно в целях изобретения наипростейшего общечеловеческого звукового проводника.

Третий пример. Человек, идущий по песку, например преступник, очень часто,

вопреки своему желанию, оставляет отпечатки своих ног. Эти отпечатки являются комбинацией предметных и цветоцветовых проводников, возникших без его воли, а часто и помимо нее. Оставленные им следы могут дать другому человеку основание думать, что по песку проходил человек (вспомним Робинзона, увидевшего на песке следы дикарей и по этим следам заключившего об их появлении на острове), агенту полиции они будут путеводной нитью для отыскания преступника и т. д. Рядом с таким случаем может быть и иной: человек для тех или иных целей может сознательно «запечатлеть» свои следы на песке. В первом случае мы имеем бессознательно возникшие проводники (следы), способные передать другому ряд тех или иных действий, во втором — сознательно возникшие, намеренно и обдуманно созданные человеком.

Из этих примеров ясным становится двойное возникновение проводников, и в особенности проводников символических.

При этом следует различать первоначальное возникновение проводников и дальнейшее применение их. Может быть так, что тот или иной проводник первоначально возник бессознательно, но в дальнейшем люди могут сознательно применять его для передачи переживаний. Например, язык, как было указано выше, возник и сложился бессознательно. Но в последующем его утилизация (напр[имер] иностранцами) может быть вполне сознательная. Кто-либо в порыве ярости может бессознательно схватить первый попавшийся под руку предмет, например камень, и запустить им в раздражающего его индивида. После, наученный опытом, он может прибегать к этому механическому проводнику раз-

⁸⁷ Хотя и здесь индивид, творчество слов далеко не всегда бывает сознательным. *Smith* говорит, что индивидуальное изобретение новых слов часто бывает «в разговоре, когда говорящий, вероятно, даже сам не сознает, что он создал новое слово; но воображение слушателя поражено, и последний повторяет новое выражение до тех пор, пока оно не станет шаблонным; и если новое слово соответствует реальной нужде и дает имя безымянной идее или предмету, — оно имеет шанс на жизнь. Таково чаще всего возникновение новых слов в арго и др. народных наречиях» (*Smith. The english language. London: Williams and Norgate, p. 109-110*).

Глава IV. Анализ элементов взаимодействия

161

дражения уже сознательно, с определенной целью. Издавание стога при боли — проводник, возникший бессознательно. На этой основе ряд лиц, желая симулировать боль, могут сознательно издавать стоны. Бессознательно возник и ряд мимических движений, например улыбка. В повседневной жизни мы часто встречаемся с фактами, где люди намеренно улыбаются, «строят обворожительные улыбки».

Может быть и обратное — проводники, созданные намеренно, в дальнейшем могут утилизироваться людьми бессознательно. Актер или лектор могут сознательно создать ряд звуковых и мимически-двигательных проводников (слова, фразы, тон, манера держаться, характер жестов etc.) для наилучшей передачи своих мыслей и переживаний, для получения максимального эффекта. Если такие «заученные» шаблоны игры и чтения лекции будут часто повторяться, то в конце концов они станут бессознательно привычными. И актер, и лектор будут пользоваться такими, когда-то созданными сознательно проводниками, механически, по привычке. Последние станут второй их натурой⁸⁸. Целый ряд жестов, выражающих те или иные переживания, сначала бывают преднамеренным актом: жесты молитвы (складывание рук и поднятие глаз вверх), жесты приветствия (снятие шапки, пожатие руки, реверанс), хо-

⁸⁸ Согласно Дарвину, способы выражения ощущений (способы пользования проводниками) возникли также по одному из указанных способов. Выразительные движения, издавание звуков и т. д., по Дарвину, возникли либо в силу его 3-го начала, либо целеполагательно. 3-е начало гласит так: «Известные движения, которые мы признаем за выражение известных душевных настроений, составляют непосредственный

результат строения нашей нервной системы и с самого начала были всегда независимы от воли и в значительной степени независимы от привычки. Они являются прямым эффектом развиваемой в избытке нервной силы». Таково, напр [имер], происхождение издавания звуков. При болевых, радостных, яростных возбуждениях нервной системы «возбужденные, т. е. произвольные и бесполезные, сокращения мышц груди и глотки могли впервые повести к издаванию звуков». А потом уже, в силу привычки, «голос стал употребляться обыкновенно, как только те же ощущения или чувствования появлялись вновь, при совершенно различных условиях или в слабейшей степени».

Здесь мы имеем такую схему возникновения издавания звуков: 1) возбуждение нервной системы и звуковой рефлекс; 2) повторение и привычка; 3) сознательная утилизация этого проводника. Другие выразительные движения возникли иначе: «Ряд выразительных движений» совершался сначала произвольно, для определенной цели, чтобы избежать опасности, освободиться от чего-либо неприятного или удовлетворить какому-либо желанию». Потом уже, в силу привычки, они могли сделаться рефлекторными, бессознательными. *Схема*: 1) сознательное возникновение; 2) повторение; 3) бессознательный шаблон, рефлекс. См.: *Дарвин Ч. О выражении ощущений у человека и животных*. СПб., 1899, с. 32, 42, 176-178.

Однако Дарвин, как, впрочем, и сам он сознается (см. с. 149), пользуется здесь множеством терминов, совершенно неопределенных. Поэтому весьма трудно точно уяснить его взгляды и удалить ряд противоречий из его положений.

6 Система социологии

162

Система социологии. Том I

рошие манеры и т. д. Этим жестам обучают, для своего выполнения в первый раз они требуют внимания и сознания; позже, после ряда повторений, такие жесты (двигательно-мимические проводники) становятся привычными и совершаются бессознательно, машинально⁸⁹.

Сказанное уясняет, что по способу возникновения и физические, и символические проводники делятся: 1) *на возникшие и возникающие сознательно*, 2) *на возникшие и возникающие бессознательно*. Каждый из проводников, возникших одним из указанных способов, в дальнейшем может рядом лиц применяться сознательно, другими — бессознательно; в одних случаях человек будет пользоваться ими целеполагательно, в других — помимо воли и даже вопреки ей.

Таково вкратце решение второго из поставленных вопросов.

4. *В силу каких условий определенные переживания выражаются определенными проводниками*

Теперь спросим себя: *почему то или иное психическое переживание выражается посредством такого, а не иного символического проводника? Почему та или иная мысль передается таким, а не иным способом? Чем обуславливается связь между характером психических переживаний и характером символических проводников, объективирующих первые вовне или передающих эти переживания другим индивидам?*

Исчерпывающе ответить на эти вопросы едва ли мы можем. Относительно ряда символических проводников, возникших бессознательно, затеряны вехи, указывающие на их происхождение. Но все же мы

⁸⁹ Теория о двояком — сознательном и бессознательном — возникновении символических проводников разделяется Г. Спенсером. «Обыкновенно предполагают, — пишет этот великий мыслитель, — что обряды (т. е. различные символические проводники) устанавливаются сознательно как символы почтения или уважения. Но мнение, будто первобытные люди обдуманно заключали общественные договоры, имеет так же мало основания, как и то, будто первобытный человек обдуманно создавал и усваивал символы». Далее Спенсер иллюстрирует свою мысль на примере возникновения языка и письменности. «Слова составлялись невзначай, случайно либо путем звукоподражания, либо с помощью звукового воспроизведения качеств предмета.

Первобытный египтянин никогда не задумывался над отысканием знака (светоцветового проводника. — П.С.) для изображения звука; его летописи возникли подобно тому, как возникают теперь летописи североамериканских] индейцев — путем изображения в грубом виде тех событий, память о которых он желал сохранить». Потом уже отсюда возникла письменность. Заключение: «самопроизвольно выражающиеся эмоции порождают формальные обряды». Рядом с этим Спенсер не отрицает и случаи сознательного установления обрядов (ряда символических проводников). См.: *Спенсер Г. Основания социологии*, т. II, с. 117-118. См. всю блестящую главу об «Обрядовых учреждениях». Здесь дано множество фактического материала, подтверждающего выставленные положения.

Глава IV. Анализ элементов взаимодействия

163

можем формулировать ряд общих положений, до известной степени объясняющих нам природу связи между определенными психическими переживаниями и внешними символами-проводниками, объективирующими эти переживания.

Три основных правила, частично относящихся к этому вопросу, были даны Ч. Дарвином. Я не буду приводить их, в том или ином виде они войдут в формулируемые ниже принципы⁹⁰.

В качестве общих принципов, объясняющих нам связь между определенными психическими переживаниями и символическими проводниками, объективирующими последние, можно указать пять классов условий, а именно: 1) *целое, намеренное изобретение ряда символических проводников, диктуемое различными осознанными и обдуманнми мотивами*; 2) *условия, вытекающие из анатомо-физиологической структуры человеческого организма, в частности, рефлекторные и инстинктивные акты и выразительные звуковые и двигательные проводники, вызываемые прямым действием возбужденной нервной системы*; 3) *условие сходства*; 4) *условие временной или пространственной смежности*; 5) *условия возникновения условного рефлекса, в частности, одновременность восприятия двух или большего числа раздражений*.

Большинство из этих условий могло бы быть сведено к последнему условию, которое до известной степени поглощает их, но в интересах ясности я кратко рассмотрю каждое из них отдельно.

А. Целевое изобретение символических проводников. В ряде случаев, особенно в области науки, мы видим определенное, целевое творчество сигнальных проводников, диктуемое ясно осознанными, обдуманнми соображениями. Так, в математике мы имеем ряд знаков и выражений вроде знаков дифференциала или интеграла, треугольника, синуса, косинуса, тангенса, знаков минуса, плюса, равенства, неравенства и т. д. Аналогичное видим и в других науках, например, «явление М», «факт С», специальные термины для выражения тех или иных понятий, например, изобретение Контом слова «социология», Сент-Илером — «экология», термина «капитал» в политической экономии, определенную латинскую номенклатуру в систематике животных и растений и т. д. Здесь всюду новые, условные термины изобретаются нарочито, чтобы обозначить новое явление, отделить его от смешения с другими, и т. п.

Такие умышленно создаваемые символические проводники имеются и в других областях человеческой деятельности. Здесь в каждом данном случае объяснение характера проводников приходится искать в осознанных мотивах, диктующих выбор и изобретение таких, а не иных символов-проводников для сигнализации тех или иных психических переживаний.

⁹⁰ См.: *Дарвин Ч. О выражении ощущений*, с. 14-41.

В. Символические проводники, обуславливаемые анатомо-физиологической структурой организма, в частности инстинктивные и рефлекторные акты. Выше я указал, что характер и богатство актов, в том числе и выразительных движений, зависит от Action-Systeme данного организма, который, в свою очередь, обусловлен характером

анатомио-физиологического строения и свойств организма.

Ряд внешних актов, сигнализирующих те или иные импульсы, предопределен строением организма и наследственно полученными вместе с последним рефлексивно-инстинктивными актами.

Не будь у человека столь удачной и совершенной организации, — многие из его актов не могли бы иметь места. Мы видели выше, что анатомио-физиологическое строение парамедии предопределяет бедность ее движений: вперед, вверх и вниз — вот и все комбинации действий, которые она в состоянии выполнять. Иное мы видим у человека. Одно обладание конечностями, не говоря уже о других свойствах организма, в частности, обладание таким тонким орудием, как руки, дает потенциально человеку богатые возможности для использования их в целях сигнализации своих переживаний. И действительно, не говоря уже о глухонемых, у первобытных народов мы видим широкую утилизацию рук для языка жестов. «В примитивных обществах действительно язык жестов (*le langage par gestes, sign-language*) является обычным языком», — говорит Леви-Брюль, резюмируя данные Рота, Спенсера и Гиллена, Gason'a, Hagen'a, Fischer'a, Dobrizhoffer'a и других этнографов и этнологов⁹¹.

«Большинство низших обществ имеет два языка, язык слов (*orale*) и язык жестов». Чтобы понять психику (*mentalite*) первобытных людей, нужно расшифровать движения их рук, — движения, где язык и их мысли неотделимы друг от друга. Отсюда смелое выражение, но выражение весьма знаменательное, о «ручных понятиях» («*concepts manuels*»). Прогресс цивилизации есть продукт взаимного влияния руки на интеллект и интеллекта на руку». Ручные жесты кладут ясный отпечаток на всю психику первобытных людей⁹².

Не будь соответствующей анатомио-физиологической конструкции организма, не было бы рук, а при их отсутствии не могло бы быть и языка жестов. То же применимо и к речи. Не будь такого устройства гортани и соответствующих частей организма, которые дают человеку возможность издавать звуки и разнообразить до бесконечности их характер, не могли бы возникнуть и звуковые проводники. То же применимо и к другим проводникам. Но анатомио-физиологическое строение организма обуславливает характер проводников, в особенности звукодвигательных, и в более узком смысле. Как известно, пчелы, муравьи, шмели,

⁹¹ *Levy-Bruhl L. Les fonctions mentales dans les societes inferieures. Paris, 1912, p. 175* и ел.

⁹² *Ibid, p. 149.*

Глава IV. Анализ элементов взаимодействия

165

ласточки, бобры и другие животные совершают ряд весьма сложных движений в виде постройки сот, муравейника, гнезда, плотин и т. д. Временами эти акты виртуозно тонки и сложны. Когда-то думали, что такие акты совершаются ими сознательно. Теперь не думают так: современная биопсихология выяснила, что все эти акты совершаются ими рефлексивно-инстинктивно, без всякого участия сознания или разума; они наследственно передаются вместе с организмом и представляют одно из свойств анатомио-физиологической структуры последнего⁹³.

Хотя у человека с ростом умственных или разумных способностей инстинкты постепенно разрушаются, однако наличность наследственно полученных рефлексов и инстинктов (напр[имер], полового, голода, самозащиты) несомненна. В силу этого ряд движений, в том числе и выразительных актов, частью прямо, частью косвенно предопределен наследственно полученными рефлексами и инстинктами.

Ряд мимически-двигательных проводников, сигнализирующих переживания отвращения (жесты отталкивания и надлежащие выражения лица), гнева, страдания и боли, ужаса, ярости, страха, удивления, любопытства, презрения и т. д., предопределен наследственно полученными рефлексами и инстинктами⁹⁴.

Это значит, что ряд перечисленных переживаний сигнализируется такими, а не

иными звуковыми и двигательно-мимическими проводниками (напр[имер], боль — стонами, криками, корчами и «страдательным выражением лица», страх — дрожью мускулов и побледнением, радость — смехом и улыбкой и т. д.) в силу того, что такова наследственно полученная, обуславливаемая строением организма связь между этими переживаниями и сопровождающими их «внешними выражениями». Будь строение и расположение, например, мускулов лица иное, будь анатомическое строение человеческого организма и его физиологические процессы иными, иными были бы и эти выразительные жесты, движения и звуки. Значит, во всех подобных случаях характер выразительных движений и актов обусловлен прямой биологической конструкцией организма.

Частным случаем этого общего условия является сформулированный Дарвином и Г. Спенсером «*принцип прямого действия возбужден-*

⁹³ Подробнее см.: ВдгнерБ.Биологич[еские] основания сравнит[ельной] психологии, т. I и II, а также: Новые идеи в биологии. Сб. № 6: Био-психология.

⁹⁴ См. подробное описание «внешних выражений» этих и ряда других переживаний и соответствующие фотографии у Дарвина (О выражении ощущений у человека и животных. М., изд. Лепковского). Приводимые им фотографии лиц, выражающих эти переживания, весьма эффектны и красноречивы. См. также: Бехтерев В.М. Мимика и ее биологическое значение // Веста [ик] Знания, 1910. О роли рефлексов и инстинктов в этом отношении см.: McDougall. Основные пробл[емы] социальной психологии, гл. II—V, а также: Ellwood Ch. Role de l'instinct dans la vie sociale // Revue intern [ationale] de sociologie. 1914, p. 313-343.

166

Система социологии. Том I

ной нервной системы на тело независимо от привычки». «Когда чувствующие центры сильно возбуждены, нервная сила развивается в избытке и передается в определенных направлениях, зависящих от взаимной связи нервных клеток; в отношении мышечной системы направление зависит от движений, которые обыкновенно выполнялись»⁹⁵. Примером такого прямого влияния нервной системы на тело и на «выразительные движения» может служить быстрое поседение человека при сильном нервном потрясении, сопровождаемом переживаниями страха или горя. Другим примером может быть дрожание мышц при сильном возбуждении нервной системы, сопровождаемом переживаниями горя, страха, радости, озноба, лихорадки и т. д.[%]

Дальнейшими примерами служат корчи человека, стоны, крики и зубовой скрежет при сильной боли; обильное выделение пота в тех же случаях, покраснение лица, расширение ноздрей и усиленное, судорожное дыхание при переживании ярости и т. д.⁹⁷

Здесь мы видим ряд внешних актов человека (мимика, движения, звуки), передающих нам ряд психических переживаний.

Связь между последними и внешними актами-проводниками объясняется прямым влиянием возбужденной нервной системы на тело, влиянием, импульсивно, самопроизвольно вызывающим эти внешние выражения внутренних состояний... В данном случае функциональная связь между известными внутренними переживаниями и объективирующими их вовне «выразительными актами» (проводниками) покоится на прямом влиянии возбужденной нервной системы на тело, влиянии, обуславливаемом биологической организацией нервной системы и тела. Иными словами, здесь связь покоится на чисто биологических свойствах человеческого организма.

Шекспир (цитируемый Дарвином) весьма тонко изобразил эту имманентную связь сильных переживаний при возбужденной нервной системе и сопровождающих первые внешних актов. Норфолк, в «Генрихе VIII» (акт III, сц[ена] 2), говорит о кардинале:

Всплыванием каким-то странным мозгом
Его объят. То он кусает губы,
То вздрогнет вдруг, то станет неподвижно
И устремит глаза к земле; потом

Вдруг проведет по, голове рукою,

⁹⁵ Дарвин Ч. О выражении ощущений, с. 38.

⁹⁶ Я здесь имею в виду только связь внешних символических актов с теми или иными психическими переживаниями. Сказанное поэтому не следует толковать в том смысле, что я, в противоположность теории Джемса-Ланге^{31*}, эмоцию и психические переживания считаю за причину, а физиологические процессы — за следствие. Это совсем другой вопрос; его нам придется подробно рассмотреть в другом месте.

⁹⁷ См. факты у Дарвина (Цит. соч., с. 38 и ел.).

Глава IV. Анализ элементов взаимодействия

167

Начнет ходить поспешно или вновь Останется недвижим; после сильно Бьет в грудь себя иль возведет глаза На небеса. Да, странных положений Не мало он при нас переменял.

Таков первый принцип связи ряда внешних символических актов и выражаемых ими переживаний⁹⁸. Конечно, «любопытствующие» могут идти дальше и спрашивать: а почему возбужденная нервная система вызывает именно такие, а не иные выразительные движения? На это ответим: *ignoramus*^{32*}. Для нас достаточно, что такая связь есть; за остальным «любопытствующих» отсылаем к метафизике.

Открытие этой связи между внешними выразительными актами и внутренними переживаниями, в свою очередь, породило и порождает сознательное использование этой связи для целевой установки символических проводников. Желая символизировать боль, актеры на сцене и актеры в жизни намеренно скрежещут зубами, намеренно стонут, кричат, корчатся. Желая выказать ужас — взъерошивают «волосы дыбом», вздрагивают, желая выказать страх — дрожат, и т. д.

Короче говоря, *естественная самопроизвольная связь сильных переживаний и сопутствующих им внешних актов служит основанием для искусственного, намеренного «символизирования» действительно или мнимо переживаемых состояний путем тех же внешних актов.*

С. Условие сходства. Следующим принципом, отвечающим на вопрос, почему те или иные переживания «выражаются» путем таких, а не

⁹⁸ Г. Спенсер в цитированной уже главе об «обрядовых учреждениях» дает множество доказательств непроизвольного возникновения многих обрядов под влиянием ряда сильных эмоций или возбужденного состояния нервной системы. Так, обычай обнюхивания как выражение взаимного уважения возник, по его мнению, из таких явлений, как инстинктивное обнюхивание овцой ягнят в поисках своего ягненка. В силу частого повторения он у ряда первобытных народов стал способом распознавания индивидов, далее — символическим жестом привязанности, в конце концов — жестом приветствия и уважения.

Также самопроизвольно зародились и жесты поцелуя и объятий. Их биологические корни даны в таких явлениях, как «поцелуй» голубей, лизание коровой теленка, лизание рук собакой и т. д.

В итоге «из поцелуя, как естественного знака привязанности, развивается и тот поцелуй, который, как способ выражения привязанности, доставляет удовольствие тому, кого целуют, и тем склоняет его в пользу целующего. Из этого, очевидно, возникают как части церемониала целования ног, рук, одежды. Также самопроизвольно возник обряд объятий. В силу строения человека при ряде возбуждений нервной системы, сопровождаемых переживаниями любви и привязанности, непроизвольными являются движения объятия, напр[имер], обнимание матерью своего ребенка. И чем сильнее чувство — тем обычно сильнее объятие. Отсюда возникли символические] двигательные проводники ряда переживаний: объятие как выражение дружбы, любви, знак покорности и т. д. См.: Спенсер Г. Основания социологии, с. 118-120 и ел.

иных символов-проводников, служит *психологический принцип ассоциации по сходству*. Сущность его состоит в том, что образ или представление какого-либо предмета спонтанно вызывает представление, сходное с ним целиком или сходное частично.

Портрет человека вызывает представление о самом человеке; увидев индивида, похожего на Сократа, мы вспоминаем и о самом Сократе. Представление о спиральной линии вызывает представление о штопоре. Слово «коса», в смысле волос, благодаря звуковому сходству вызывает представление «косы» как сельскохозяйственного инструмента и «косы» как части берега, вдающейся в реку.

Природа многих символических проводников, передающих определенные переживания — представления, чувства, воления, обусловлена именно этим принципом ассоциации по сходству, ряд предметов «передается» символическими проводниками, сходными в том или ином отношении с этими предметами или их свойствами.

Следующие примеры разъяснят, в чем здесь дело. Мысль «осел» выражается египтянами словом «ео». Разве это слово не подражание реву осла? Звуковой символический проводник «ео», сходный с ревом осла (ассоциация по сходству), сигнализирует мысль или представление об осле. Приведем ряд других примеров: кошка (по-китайски) «мау», соловей (по-персидски) «буль-буль», муха (по-австралийски) «бумбероо», барабан (по-санскритски) «дунду», флейта (по-гречески) «улюле», колокольчик (по-якасаки) «ква-ля-ква-ляль» и т. д.¹⁹ Аналогичные факты можно наблюдать и среди детского мира. Дети весьма часто «называют» вещи, бессознательно следуя тому же принципу сходства. Петух «символизируется» ими звуками «кукарекку», кошка — «мяу, мяу», колокол — звуками «бом-бом» и т. д.

У кароадов Бразилии, как и у ряда других первобытных народов, «основное свойство предметов часто выражается звукоподражательными словами», — говорит Powers. (См. материал у *Леви-Брюля*. *Les fonctions mentales*, p. 192.)

Во всех этих примерах представления о ряде предметов выражены путем звуковых проводников, сходных со звуками, которые издают эти предметы.

«Минорная музыка» состоит из аккордов, похожих на стоны, нытье, плач, рыдание и т. д. «Мажорные» аккорды похожи на звуки, издаваемые при веселых переживаниях. Нетрудно далее показать, что и художественные метафоры часто строятся на том же принципе сходства. «И чудится, будто весь он из стекла». Вода блестит, «как полоса дамасской стали» (из «Днепра» Гоголя)^{33*}. «Горькая судьбина», «ясное солнышко» (обращение к человеку), «золотой мой» и т. д. Повсюду здесь играет роль принцип сходства.

¹⁹ Беру примеры из «Антропологии» *Тейлора*.

Г

(

Глава IV. Анализ элементов взаимодействия

169

Аналогичное можно наблюдать и в области цветоцветовых проводников. Здесь ряд предметов изображается путем знаков, сходных в том или ином отношении с этими предметами. Так, солнце изображается знаком О, треугольник — знаком Δ, квадрат — D; иероглифическая письменность особенно много дает таких знаков, сходных по форме с символизируемыми путем их предметами. Явления, связанные с кровью (революция, палач и т. д.), сигнализируются красным цветом. На этом же принципе сходства покоится и ряд картин. Художник, желая передать те или иные переживания путем цветоцветовых символических проводников, не может игнорировать принцип сходства: образы, им рисуемые, должны быть сходными в том или ином отношении с тем, что он хочет сигнализировать. Иначе его картина останется непонятой.

Сама *письменность* как цветоцветовой проводник зародилась, собственно говоря, из знаков, сходных с обозначаемыми ими предметами. Первобытная письменность — это ряд картин, изображающих то или иное животное, ту или иную сцену. Письменность возникла по типу летописей североамериканских индейцев — «из изображений картин в

грубом виде тех событий, память о которых они желают сохранить», — правильно говорит Спенсер; «по мере расширения процесса записывания событий, рисунки, сокращенные и обобщенные, все более и более утрачивали сходство с предметами и действиями, пока, наконец, под влиянием потребности выразить собственные имена некоторые из этих последних стали изображать фонетически и создали таким образом знаки звуков.

В наше время мы достигли той ступени развития, когда, как доказывает это стенография, специальные знаки сознательно избираются как символы специальных звуков»¹⁰⁰. Таким образом, сама письменность возникла на почве ассоциации сходства: первоначально письменные знаки были рисунками, сходными с изображаемыми ими предметами и событиями¹⁰¹.

То же можно сказать и о мимически-двигательных символах-проводниках. Ряд символических жестов, выражающих переживания, продиктован тем же принципом сходства надлежащих переживаний и их внешней объективации. Отвращение к чему-либо сигнализируется жестом отталкивания — руки с обращенными наружу ладонями протягиваются вперед, вся фигура человека изображает желание отстраниться от

¹⁰⁰ Спенсер Г. Основания социологии, т. II, с. 118. См. также: *Danzel. Die Anfänge der Schrift*. 1912, S. 1-9.

¹⁰¹ См. первобыт[ные] рисунки — они же и первичные письмен[ные] знаки у *Verworn'a* (*Die Anfänge der Kunst*. 1909, S. 5. «Письменность развилась из фигуральных знаков, из пиктографических изображений».

170

Система социологии. Том I

отвратительного объекта¹⁰². Противоположны жесты подзывания к себе кого-либо. Они состоят в движении руки к себе с обращенными к себе ладонями рук. Поза и жесты как бы притягивают, подзывают, приближают к человеку нужное ему лицо или предмет.

Принцип сходства обнаруживается и в ряде других более сложных символических жестов. Приведем ряд примеров. В деспотиях, как известно, простые смертные подходят к своим королям не просто, а часто ползут на животе, подражая движениям собаки. «В Тонга-Табу туземцы оказывают своему верховному вождю самое высокое уважение: они падают ниц перед ним и кладут его ногу на свои шеи»¹⁰³. Здесь рабская покорность выражается путем собачьих движений или путем ряда символических актов, прямо и непосредственно выражающих подчиненность: «вам незачем покорять меня — я уже покорен, всецело нахожусь в вашей власти и кладу ваши ноги на шею» — вот что говорят эти двига-тельно-мимические проводники. Та же рабская покорность «сигнализируется» далее актами, прямо сходными с тем, что бывает при подлинном рабстве. В Библии читаем: «И опоясали слуги Венадада чресла свои и возложили веревки на головы свои и пришли к царю Израильскому»¹⁰⁴ — так сигнализировалась покорность. «Перуанцы для выражения своего смирения связывали себе руки и обматывали вокруг шеи веревку. Здесь добровольно налагались те узы, которые в древние времена носили пленные, приведенные с поля битвы»¹⁰⁵. Здесь принцип сходства ясен. Не менее ясен он и в ряде религиозных и простых пантомим. «Медвежьи драмы», разыгрываемые, например, остяками, или «мистерии» в честь кенгуру или другого тотемического животного, разыгрываемые австралийскими негритосами, представляют ряд подражаний движениям медведя и кенгуру, изображаемых людьми¹⁰⁶. Смирение выражается поклоном, падением ниц¹⁰⁷, покорность — коленопреклонением или падением ниц, ограждение себя силою креста — крестным знамением, фиксирующим крест на теле человека, и т. д. Переживание, что человек вбирает

¹⁰² Дарвин Ч. О выражении ощущений, с. 19: «Я заметил, что люди, описывая ужасное зрелище, часто на мгновение зажмуриваются или трясут головою как бы для того, чтобы не видеть или отогнать прочь нечто неприятное». См. там же другие факты.

¹⁰³ Спенсер Г. Основания социологии, II, с. 144. «В Дагомее лица, приближающиеся к королю, либо ползут, как змеи, либо тащатся на коленях» (Там же, с. 176).

¹⁰⁴ 3-я Кн. Царств, XX, 32. Клиффорд в «Генрихе VI» Шекспира говорит про сдавшуюся толпу мятежников: «Войска сдались с петлей на шее, ждут они смиренно от вас решения жизни или смерти» (ч. II, д. IV, сц. IX).

¹⁰⁵ Спенсер Г. Цит. соч., с. 174. Те же двигательные символы покорности постоянно упоминаются Цезарем: *sub jugum missum* [пропускать под ярмом].

¹⁰⁶ См.: *Levy-Bruhl L. Les fonctions mentales dans les sociétés inférieures*. Paris, 1912, p. 262 и ел.

¹⁰⁷ «И поклонился Иаков до земли семь раз, подходя к брату своему» (Бытие, XXXIII, 3).

Глава IV. Анализ элементов взаимодействия

171

в себя свойства и качества другого человека, «сигнализируется» рядом дикарей обрядом буквального пожирания такого человека¹⁰⁸; мысль, что данный человек победил врага, сигнализируется показыванием его скальпа; власть, желая сигнализировать смертную казнь над кем-либо, которого фактически нельзя повесить или сжечь, часто вешает и сжигает вместо человека его образ или изображение¹⁰⁹. Можно указать и более сложные «обряды», основанные на том же принципе сходства сигнализирующих жестов с теми событиями, которые сигнализируются. Так, у ряда первобытных народов, например у ведда Цейлона, у меланезийцев и других, право пользования определенной территорией передается другому путем буквальной передачи первым второму какого-либо материального предмета — камня, горсти земли, зуба и т. д.¹¹⁰

«Старинная церемония ввода во владение леном производилась в Шотландии следующим образом: поверенный сюзерена наклонялся и, взявши в руку камень и пригоршню земли, вручал их поверенному нового вассала, передавая этим лен в его действительное, полное и вещественное владение». Афиняне символизировали подчинение персам посылкою в Персию воды и земли. Желая сигнализировать полную отдачу себя в распоряжение другого человека, люди отдают вместо целого часть тела, например локон волос. Так поступают данники по отношению к владыке на острове Фиджи. Так же поступают и люди, любящие друг друга¹¹¹.

Нетрудно показать роль принципа сходства и в области предметных символических проводников. Возьмем для примера скипетр и державу как предметные символы, изображающие власть императора. Мысль о том, что царь держит в своих руках все царство и Землю, здесь сигнализируется шаром, сходным с Землей. Обратите, далее, внимание хотя бы на кокарды и значки ведомств и учебных заведений. Кокарда инженера и технолога изображает молот и топор, психоневролога — чашу со змеями мудрости; в кокарде моряка присутствует якорь, сельскохозяйственника — серп и коса, артиллериста — пушки, лесника — ветки деревьев, в советской кокарде России фигурируют серп и молот, и т. д. Без комментариев роль принципа сходства здесь ясна. Пойдем дальше и возьмем уже не кокарды, а другие ведомственные предметные символы, хотя бы одежду. Неизбежным атрибутом военной формы является оружие (шашка, шпага, револьвер, раньше — латы, шлем, кольчуги, палаш etc.), одеж-

¹⁰⁸ См.: Спенсер Г. Цит. соч., с. 135.

¹⁰⁹ То же мы наблюдали и теперь. Во время годовщины революции на площади сжигались изображения буржуазии, попов, царей и т. д. Как видим, в сигнализации переживаний мы ушли очень недалеко от средневековых инквизиторов, за неимением еретика, сжигавших его изображение.

¹¹⁰ См.: *Ivanitzki N. Sur un mode primitif d'attestation de la personnalité collective* // Archives Sociologiques (Ваксвейлера). Bulletin № 22, p. 348.

¹¹¹ Спенсер Г. Цит. соч., с. 138-139 и ел.

172

Система социологии. Том I

ды духовного лица христианской религии — крест, дворянина (служилое военное сословие) — шпага, каторжника — «бубновый туз» и т. д. В тысяче других форм то же можно наблюдать всюду. «Убивший медведя (у шошонов) получает звание воина, и

только тот, кто совершит этот акт, имеет право носить высшие знаки отличия, ноги и когти своей жертвы». Сходны с этими атрибутами и другие атрибуты — скальпы, зубы, голова, челюсти и другие части тела убитых врагов, носимые рядом диких народов¹¹².

Не буду приводить других примеров. Сказанное показывает, что связь между рядом двигательного-мимического символов и передаваемыми ими событиями покоится на принципе сходства¹¹³.

Тот же принцип сходства играет роль и в более крупных предметных символах. Возьмем для примера здание храма. Загляните в учебники богослужения и там вы найдете полное разъяснение вопросов, почему архитектура храма такова, а не иная. Крестообразное очертание фундамента храма означает крест, обращение алтаря на восток — символ того, что с «востока нам свет возсиял», купол храма означает небесный купол, звезды на нем — небесные звезды, одна глава церкви символизирует Христа, пять глав — Христа и 4-х евангелистов и т. д.

Всюду здесь мы видим связь по сходству между символом-проводником и «сигнализируемыми» им событиями или переживаниями.

То же, хотя и не в столь резкой форме, можно подметить и в других зданиях как предметных проводниках¹¹⁴.

Не останавливаясь подробнее на дальнейшем подтверждении означенной роли принципа сходства, сказанного достаточно, чтобы признать, что *связь между определенными проводниками-символами и сигнализируемыми ими событиями, предметами и переживаниями в ряде случаев действительно вызвана и обусловлена фактом сходства тех и других.*

Д) Условия временной и пространственной смежности. Дальнейшим принципом, объясняющим, почему ряд переживаний — представлений предметов, событий, тех или иных чувств, волеий и т. д. — сигнализируется теми, а не иными символическими проводниками, служит принцип пространственной смежности. Д/Я изображения многих событий, предметов и явлений, переживаемых человеком, утилизируются часто такие слова, жесты, предметы и другие проводники, которые по времени или

¹¹² См.: Спенсер Г. Цит. соч., с. 130-132 и др.

¹¹³ См. множество фактов символических обрядов в области права, покоящихся на том же принципе сходства, у Chassan: Essai sur la symbolique du droit. 1847, passim; Петражицкий Л.И. Теория права, т. I, с. 54-57. В области военных обрядов у faray: Du formalisme au «Debrouillez-Vous». Paris, 1910; в области религиозных и др. явлений у ScWesinger'a: Geschichte des Symbols. Berlin, 1912, passim и особенно III часть.

¹¹⁴ См. материал у Schlesinger'a: Geschichte des Symbols, 1912, ч. III, гл. Symbolik in der Baukunst.

Глава IV. Анализ элементов взаимодействия

173

пространству смежны с изображаемыми ими явлениями. Иными словами, именно пространственная или временная смежность символа-проводника с изображаемым им явлением служит обстоятельством, обуславливающим его применение для выражения соответствующих переживаний.

Примеры разъясняют изложенное положение. Знак креста или крест в христианской религии является проводником, «сигнализирующим» и сущность христианства, и принадлежность к этому вероисповеданию, и страдание.

Если спросить себя, почему крест (в виде ли знака или предмета, или крестного знамения, или слова «к + р + е + с + т») сделался в христианстве символом таких явлений, то ответ будет гласить: крест пространственно был смежен с телом распятого Христа. Образ последнего механически вызывает представление креста; святость первого в силу пространственного соприкосновения представляется сообщившейся второму.

Крест произвольно ассоциируется с Христом, произвольно «замещает» христианство, произвольно (в силу той же пространственной близости) становится

«сигналом», конкретным знаком страдания Христа, а позже и страдания вообще. Отсюда — появление креста как символа всех этих явлений. «Он несет свой крест с терпением», «на его долю выпал тяжелый крест», — часто слышим мы в жизни (звуковой проводник). Крест в виде знака христианской религии фигурирует в книгах, на иконах, на одежде. Крест в виде предмета (деревянный, золотой, железный) выступает и на крышах церквей, и на могилах, и на домах, и на теле человека (шейные кресты) и т. д.

Этот пример показывает, как обстоятельство *пространственной смежности* может обусловить появление того или иного символического проводника для сигнализации или выражения тех или иных переживаний.

Это значение пространственной смежности особенно резко выступает в мире первобытных людей. Согласимся ли мы с Леви-Брюлем в том, что мышление первобытного человека не похоже на наше и управляется законом «соучастия» (*loi de participation*^{34*}), или не согласимся, но наблюдения над первобытными народами показывают, что пространственная или временная смежность играет большую роль среди них в этом отношении. Так, ряд наблюдателей рассказывают нам, как в Новой Гвинее портрет королевы Виктории, занесенный туда Эдельфельтом в момент, когда там разразилась эпидемия плеврита, стал для туземцев одновременно и причиной и символом плеврита. Этим объясняется, почему они потребовали уничтожения этого портрета¹¹⁵.

Близкий к этому факт рассказывает и Pechuel-Loesche¹¹⁶.

¹¹⁵ См.: *Levy-Bruhl L. Les fonctions mentales dans les societes inferieures*. Paris, 1912, p. 71-72.

¹¹⁶ См.: *Ibid.*, p. 70-71. Там же см. др[угие] факты.

174

Система социологии. Том I

Аналогичное мы наблюдаем и в наши дни. В силу смежности двух предметов мы часто замещаем название одного другим: название содержимого — именем или признаком содержащего, или обратно; вместо «коньяк» часто говорят «три звездочки», «ласточка», вместо «шампанское» — «редерер», вместо «сочинения Спенсера» говорят просто «Спенсер», вместо «шоколад» — «Гала-Петер», вместо «я еду в театр» — «я еду в оперу», вместо «Совет депутатов» — «Смольный», вместо «Украина — Скоропадия», вместо «Россия — Совдепия»; такие словесные замещения предметов их частью (всегда смежной с ними) или одного предмета другим, временно или пространственно смежными с первым — постоянны в нашей речи и объясняются именно этой смежностью.

Не буду останавливаться подробнее на дальнейшей иллюстрации положения смежности. Приведенные примеры достаточно точно разъясняют выставленное положение, а затем, как сейчас мы увидим, *принцип смежности, как в значительной мере и другие три начала, поглощаются более общим законом — законом образования условных рефлексов*. Поэтому нет необходимости подробнее трактовать о роли смежности в интересующей нас сейчас проблеме: связи между определенными переживаниями и определенными символическими проводниками, объективирующими эти переживания. Все, что будет сказано о законе образования условных рефлексов, все это будет применимо и к принципу смежности.

Е) Условия возникновения условного рефлекса, в частности, одновременность восприятия двух или большего числа раздражений. Под *условным рефлексом* разумеется не наследственная, а приобретенная при известных условиях реакция организма на определенный раздражитель. Он отличается от *безусловного рефлекса*; под последним разумеют наследственно установленные, постоянные реакции организма на то или иное раздражение среды.

Так, при раздражении пищей полости рта собаки секреторные органы последней всегда реагируют на это раздражение определенно, в форме отделения слюны. Такая реакция собаки на действие пищевого раздражителя врожденна, безусловна, она наступает всегда, как только дан этот пищевой раздражитель. Связь между раздражителем в виде пищи и рефлексом слюноотделения безусловна. Поэтому и рефлекс школой Павлова

назван безусловным. Иное представляет, например, раздражение звуком или светом. Эти раздражители не вызывают слюноотделения. Следовательно, связь между ними и рефлексом слюноотделения не врожденна, не наследственна. Нормально такие раздражители являются для реакции слюноотделения раздражителями индифферентными, не вызывающими, в отличие от пищевого раздражителя, выделения слюны. Однако при известных условиях и эти индифферентные раздражители могут вызвать реакцию слюноотделения, иными словами, может установиться условная, временная связь между данными раздражителя-

Глава IV. Анализ элементов взаимодействия

175

ми и организмом, который на действие первых будет реагировать условным рефлексом слюноотделения¹¹⁷.

Спрашивается, при каких же условиях организм собаки начинает реагировать слюноотделением на такие, например, индифферентные раздражители, как звук или свет? Иначе, как устанавливается условный рефлекс? Опыты Павлова, Бехтерева, их учеников, как и ряда американских биопсихологов, выяснили этот вопрос весьма точно.

*«Всякий раз, как какой-нибудь индифферентный раздражитель (в данном случае звук или свет. — П.С.) совпадает во времени с действием раздражителя (в данном примере пищевого. — П.С.), вызывающего определенный (безусловный) рефлекс (в данном случае реакцию слюноотделения. — П.С.), то после одного или нескольких таких совпадений он сам— этот индифферентный раздражитель— вызывает тот же рефлексорный эффект»¹¹⁸**.

Таков закон образования условных рефлексов. Так, если одновременно с кормлением собаки мы будем зажигать электрическую лампочку, следовательно, одновременно будут действовать пищевой (безусловный) и световой (индифферентный) раздражители, то после нескольких повторений достаточно будет зажигать одну электрическую лампочку, чтобы вызвать у собаки рефлекс слюноотделения. В силу одновременного действия индифферентного с неиндифферентным раздражителем, первый становится «условным» раздражителем и начинает вызывать тот же рефлекс, что и безусловный раздражитель. Свет связывается с последним и теряет свой характер индифферентности. Вместо света можно таким раздражителем сделать и звук. Если одновременно с поступлением пищи производить последний (например, звонить в колокольчик), то после ряда повторений один звук будет вызывать у собаки ту же реакцию слюноотделения. Вместо света и звука можно брать и любой индифферентный раздражитель. Итог получится тот же самый. Далее, можно комбинировать сами эти условные раздражители. Когда, например, «воспитан» условный рефлекс слюноотделения на свет, то, звоня в колоколь-

¹¹⁷ См. об условных и безусловных рефlekсах (терминология школы Павлова): Павлов И.П. «Настоящая физиология» головного мозга; Зеленый И. Психические реакции животных как объект естествознания // Природа, 1913, октябрь; Его же. Современная биология и психология // Новые идеи в философии. Сб. № 9; Бехтерев В.М. Общие основы рефлексологии.

¹¹⁸ Павлов И.П. «Настоящая физиология» головного мозга, с. 1. Бехтерев и его школа условные рефlekсы называют сочетательными. «Сущность образования сочетательных рефlekсов заключается в том, что, если с основным раздражением, вызывающим обыкновенный (т. е. безусловный, по терминологии Павлова. — П.С.) рефлекс, совпадает или ему несколько предшествует другое раздражение, неспособное вызывать рефlekса, то после нескольких повторений вышеуказанный рефлекс вызывается не только обычным для него раздражителем, но и сочетаемым с ним первоначально индифферентным для него внешним раздражением» (Бехтерев В.М. Общие основы рефлексологии, с. 86).

старого условного же рефлекса. «Одновременное действие на животное двух раздражителей ведет к одновременному возбуждению нервов — зрительного (при зажигании лампочки) и слюноотделительного, что, в свою очередь, ведет к образованию между ними связи. Связь эта такого рода, что в дальнейшем возбуждение (определенного характера) одного только зрительного нерва ведет также к возбуждению слюнного центра, а это последнее, передаваясь в слюнную железу, вызывает слюноотделение»¹¹⁹. Таков механизм условных (ассоциативных) рефлексов. Множество опытов было произведено рядом исследователей и над другими животными, и всюду этот механизм образования условных рефлексов находил подтверждение.

Отметим далее факт «угасания» условного рефлекса, отличающий его от безусловного. *«Главное свойство условного рефлекса — способность исчезать в том случае, если мы будем повторно его вызывать, не сопровождая тем безусловным рефлексом, на почве которого он возник»*. Предположим, например, что мы сделали определенный звук возбудителем слюнного условного рефлекса, раздражая им собаку одновременно с вливанием ей в пасть соляной кислоты (безусловный раздражитель). Будем теперь многократно повторять этот звук, но при этом не вливать кислоты. При первом испытании звук вызовет сравнительно значительное слюноотделение, при втором — меньшее, при третьем — еще меньшее и т. д. до полного исчезновения рефлекса. Употребляя принятый в лаборатории Павлова термин, условный рефлекс «угасает»¹²⁰.

То же самое применимо и к человеку. Зеленый отчасти прав, говоря: «Не есть ли вся жизнь человека появление и угасание ряда рефлексов, вызываемых множеством космических, биологических и социальных раздражителей? Педагоги, обучая детей, с физиологической точки зрения, занимаются не чем иным, как образованием у них ассоциативных реакций»¹²¹.

«Как известно, дитя успокаивается, как только губы его коснутся груди матери и оно начинает сосать (безусловный рефлекс); впоследствии же его успокаивает уже одно приближение к нему матери»¹²². Таков простой пример образования условного (сочетательного, по терминологии Бехтерева) рефлекса в мире людей: одновременное действие раздражителя в виде груди матери, прикасающейся к губам ребенка, и образа матери сочетаются, и в итоге — одного появления и приближения матери достаточно для успокоения ребенка.

¹¹⁹ Зеленый И. Психич[еские] реакции животных // Природа.* 1913, октябрь.

¹²⁰ Зеленый И. Современная биология и психология // Новые идеи в философии. Сб. № 9, с. 61-62.

¹²¹ Зеленый И. Психич[еские] реакции животных.

¹²² Бехтерев В.М. Цит. соч., с. 86.

Глава IV. Анализ элементов взаимодействия

177

Примеров таких условных рефлексов в поведении человека можно привести сколько угодно. «Допустим, что человек однажды был испуган накинувшейся на него собакой. Он испытал при этом эмоциональную реакцию, сопровождающуюся сильным сердцебиением, и этого достаточно, чтобы вслед за тем один лай собаки (т. е. раздражение, одновременно действовавшее с нападением и видом собаки. — П.С.) вызывал у него приступы сердцебиения. В другом случае человек испытал тошноту, взяв в рот испорченное мясо, издававшее зловонный запах. (Здесь дано одновременное действие безусловного раздражителя в виде испорченного зловонного мяса, вызывающего рефлекс тошноты, с раздражителем условным в виде зрительного восприятия мяса. — П.С.) Потом уже одного вида мяса достаточно, чтобы вызвать явления тошноты»¹²³.

После сказанного легко понять, что наше поведение полно условными рефлексами. Обильное выделение слюны и сосание под ложечкой при звуке тарелок в столовой, бег детей в класс при звуке звонка, открывание двери или подход к телефонному аппарату при том же звуковом раздражителе, совершение крестного знамения верующими при ударе церковного колокола, вытягивание солдата во фронт при встрече с генералом,

отдание военными чести при встрече друг с другом, пожимание руки при встрече со знакомыми, коленопреклонение публики в церкви при выходе даров, вставание публики в суде при словах судебного пристава «Суд идет» и т. д., короче — множество наших актов представляет не что иное, как ряд условных рефлексов, образовавшихся тем же путем, как и описанные выше условные рефлексы.

Таково их понятие и механизм образования.

Я позволил себе сравнительно подробно остановиться на них потому, что в интересующей нас сейчас проблеме закон их образования имеет громадное значение. К нему, до известной степени, сводятся все три сформулированные выше положения.

Этим я хочу сказать, что *связь между рядом переживаний и объективирующих их ввне символических проводников во множестве случаев объясняется теми же обстоятельствами, которые обуславливают собой возникновение условных рефлексов.*

Как видно из предыдущего, при образовании условных рефлексов имеет значение следующее обстоятельство: *одновременное действие двух или большего числа раздражителей*, из которых *один* должен быть *безусловным раздражителем*, т. е. должен вызывать определенный рефлекс (напр[имер], пищевой раздражитель и рефлекс слюноотделения), обуславливаемый всем анатомио-физиологическим строением организма. На его место может заступить и готовый уже условный рефлекс, ибо новый условный рефлекс может быть воспитан на старом условном рефлексе

Бехтерев В.М. Цит. соч., с. 87.

178

Система социологии. Том I

(напр[имер], звуковой на световом, тоже условном). Вот это-то условие и объясняет нам, почему во множестве случаев ряд переживаний сигнализируется такими, а не иными проводниками (словами, жестами, рисунками и т. д.). Это условие является общим случаем, частичными видами которого являются и условие сходства, и условие смежности, рассмотренные выше.

Мы видели, например, что ряд названий осла, флейты, соловья и т. д. представляет подражание тем звукам, которые данными предметами издаются. После сказанного будет понятно, почему такие звукоподражательные названия появились: зрительный образ осла, соловья и других предметов воспринимался *одновременно* со слуховым раздражением, исходящим от данных предметов. Эти звуки сочетались с надлежащим зрительным образом. Каждый раз, когда нужно было обозначить эти предметы, звуковые сигналы, похожие на звуки, издаваемые этими предметами, и служили простейшим средством для этого.

Не требует больших комментариев и подведение связи по смежности под закон образования условных рефлексов. То, что смежно, обычно воспринимается одновременно (крест и распятый Христос). При таком одновременном восприятии смежных предметов в ряде случаев символ одного предмета может служить заместителем другого.

Приведем несколько фактов, указывающих на роль, которую играют условия образования временных рефлексов в возникновении символических проводников, передающих психические переживания тех или иных событий, процессов, предметов etc.

Ряд звуковых символов-проводников возник именно так, как возникают условные рефлексы. «Никто не сомневается, что речь возникает из примитивных звуков, называемых междометиями, как «ох, ах, ух, ой, ай, гм, нну, увы» и прочее, — говорит Бехтерев, — но эти звуки первично представляют собою обыкновенные звуковые рефлексы, происходящие при определенных нормальных и болезненных состояниях и состояниях большой усталости. Воспроизведение этих-то рефлексов при известных условиях и образует примитивную символическую речь, состоящую из сочетательных звуковых рефлексов в виде междометий, из которых затем развивается членораздельная человеческая речь»¹²⁴.

Возьмем в качестве других примеров такие слова, как «жук, жужжать, камыш, шелест, гром, звон, аукать» и т. д. Все эти символические звуковые проводники опять-

таким образом выражают такие явления, составной частью которых служат звуки, воспринимавшиеся одновременно с этими явлениями, звуки, воспроизводимые этими словами.

Обратимся к мимическим проводникам. И здесь для объективирования ряда переживаний служат такие мимические движения, которые

¹²⁴ Бехтерев В.М. Цит. соч., с. 86-87.

Глава IV. Анализ элементов взаимодействия

179

воспроизводят движения, переживавшиеся и воспринимавшиеся при известных душевных состояниях.

Когда нам весело, мы смеемся и улыбаемся, когда печальны — плачем (слезы); эта одновременность известных переживаний и их внешних проявлений в итоге обусловила выражение радости «беззаботным смехом», горя — «слезами» и т. д.

Чтобы не уйти далеко в сторону, я ограничусь более подробным рассмотрением образования слов (звуковых символов) и жестов там, где условия наиболее ясны и просты, а именно среди примитивных народов. Все сказанное об этих символических проводниках с соответствующими изменениями будет применимо и к другим проводникам.

Все исследователи языка первобытных народов в один голос утверждают: 1) что «языки низших обществ всегда выражают их идеи объектов и действий так, как эти предметы и события воспринимаются глазами и органами слуха»; 2) что в силу этого здесь нет слов и жестов для выражения идей и переживаний абстрактных, а есть слова и жесты только для передачи абсолютно конкретных единичных вещей и событий; отсюда — богатство первобытного языка существительными, предлогами и глаголами; 3) что здесь весь язык представляет картинное воспроизведение, как бы рисунок предмета или события. Поэтому в большом употреблении и хорошо развит язык жестов¹²⁵.

Эти положения для нас важны. Они, как сейчас увидим, служат доказательством того, что двигательные знаки и слова возникли именно согласно закону образования условных рефлексов.

Начнем анализ с такого факта. Parkinson сообщает, что у туземцев архипелага Бисмарка нет слов для родовых явлений; например, нет слов для выражения того или иного цвета — черного, белого и т. д. «Цвет всегда указывается следующим образом: сравнивают предмет с другим, цвет которого вообще принимается за тип. Говорят, например, это вида или цвета ворона. Одного термина для обозначения черного цвета вообще нет. А есть ряд терминов для обозначения этого цвета. Так, слово kotkot (ворон) служит для обозначения "черный". Все то, что черно, в частности блестяще-черно, называется этим словом kotkot (ворон); в других случаях употребляется для обозначения "черный" термин toworo, обозначающий обугленные орехи алеритов; далее термин luluba, что значит черная грязь в болотах, der — обозначающий черную обгорелую смолу дерева канари (l'arbre canari). Все эти слова служат для обозначения черного цвета; так же обстоит дело и для всех других цветов: белого, зеленого, красного, голубого и т. д.»¹²⁶

¹²⁵ См.: Levy-Bruhl L. Les fonctions mentales, p. 175 и ел. Здесь недурно обоснованы эти положения и приведено много фактического, хорошо проанализированного материала.

¹²⁶ Parkinson. Dreissig Jahre in der Siidsee, S. 143-145. Цитирую по указ. книге Леви-Брюля, с. 191.

180

Система социологии. Том I

Вдумаемся немного в этот факт. Что значит, что «черное» выражается словом «ворон» или словом «обугленный орех»? Почему именно эти, а не иные слова употребляются для выражения понятия «черноты»? Это значит, что признак черноты воспринимался одновременно с восприятием «ворона» или «черного обугленного ореха». Иными словами «ворон» и «чернота» воспринимались одновременно. Отсюда вывод: для обозначения черноты стал употребляться термин «ворон» или термин «черная грязь»

болот» именно потому, что чернота воспринималась вместе с вороном и черной грязью. Как видим, данный факт прямо подтверждает роль и значение одновременного действия раздражителей, на почве которого возникают условные рефлексy. Он говорит о том, что мало развитая психика имеет склонность выражать переживания того или иного явления-, свойства или предмета посредством терминов, которые обозначают предмет, явление или свойство, воспринимавшееся одновременно с данным свойством или явлением. Черное воспринималось вместе с вороном, болотной грязью; отсюда термины «ворон», «болотная грязь» для обозначения черноты.

Из этого примера видна вся важность этого условия — *одновременности* восприятия нескольких явлений, предметов или свойств.

Весь язык первобытных людей, еще не способных абстрагировать, переполнен такими фактами. Они говорят нам, как и почему в ряде случаев определенные переживания (представления предметов, явлений, действий и т. д.) символизируются такими, а не иными словами. В языках примитивных людей еще ясно сохранилась роль, которую играет одновременное восприятие двух или большего числа раздражений в деле сигнализации душевных переживаний.

Возьмем другой пример. Как я уже сказал, у примитивных групп наряду с речью весьма сильно развит и постоянно практикуется «язык знаков», язык двигательно-мимических проводников, подобный языку глухонемых. «Если речь их описывает и рисует в самых мельчайших деталях положения, движения, расстояния, формы и контуры, то язык жестов целиком состоит из таких средств выражения», — говорит Леви-Брюль¹²⁷.

«Этот язык жестов, — описывает Рот, — представляет реальное и живое единство; не отдельный изолированный жест, а сложный более или менее длинный комплекс жестов, нераздельно взятых, выражает полный смысл двигательной фразы. Вне этого комплекса отдельный жест непонятен. Так, жест "бумеранг" может выражать не только идею самого предмета, но в то же время, смотря по "контексту", идею убить кого-либо им, или его сделать, или его украсть и т. д.»¹²⁸

«С другой стороны, "идеогаммы", служащие для обозначения существ, объектов, актов, представляют почти всегда исключительно мо-

Levy-Bruhl L. Op. cit, p. 180.

Roth P.R. Ethnological Studies; цитирую по Леви-Брюлю, p. 180.

Глава IV. Анализ элементов взаимодействия

181

торно-двигательные описания (*descriptions motrices*). Они воспроизводят или положения, или знакомые движения существ (четвероногих, птиц, рыб etc.), или движения, употребляемые для того, чтобы овладеть ими, использовать предмет, сфабриковать его... Например, для обозначения *дикобраза* жесты руки описывают с точностью его любопытную манеру раскапывать землю и отбрасывать ее в сторону, его иглы, его манеру выпрямлять и подымать свои уши. Чтобы обозначить *воду*-, "идеогамма" жестов показывает, как ее пьют туземцы, как они зачерпывают ее в руку. Для выражения *"ошейник"* обе руки охватывают шею, подобно ошейнику; этот жест сопровождается жестом завязывания ошейника сзади, и т. д.»¹²⁹

Из этих фактов видно, как вначале символизировались те или иные переживания. Они ясно говорят, что *представления ряда предметов* (дикобраза, воды, ошейника) *сигнализируются жестами, подражающими тем движениям и свойствам этих предметов, которые были восприняты одновременно с восприятием этих предметов.* Образ дикобраза был воспринят одновременно с его ощетиниванием или раскапыванием последним земли, восприятие воды сопровождалось одновременно с ее зачерпыванием рукой и т. д., поэтому понятие дикобраза сигнализируется жестами, изображающими ощетинивание, вода сигнализируется жестом ее зачерпывания и питья, ошейник — жестом сжимания руками шеи и т. д.

Этим же принципом объясняется и та черта первобытных языков, что здесь есть термины только для конкретных, единичных предметов или действий и нет терминов

общих. Дикарь не говорит «черное», не говорит «сосна — вообще» или «походка — вообще», а черное он изображает терминами «ворон», «грязь»; место «сосны — вообще» занимают термины «та сосна», «такая-то сосна»; вместо «походки — вообще» он говорит: «походка маленького человека, члены которого двигаются быстро во время ходьбы», «походка с шатанием и колебанием, как у слабого человека», «походка человека с длинными ногами, который забрасывает их вперед» и т. д. до тридцати трех и больше наречий для «изображения» одного термина «походки»¹³⁰.

Chamberlain приводит итоги прямого наблюдения у народа kitonaga, живущего в Британской Колумбии, итоги чрезвычайно показательные в этом отношении. *Вишня прерий* называется у них agketlmak. Тем же именем они окрестили ряд плодов, введенных европейцами, например сливу, персики и др., в силу того, что все они характеризуются наличием косточек внутри фрукта (par rapport au noyau, qui caracterise tous ces fruits). Плоды розового куста прерий (*Rosa pisocarpa*) у них называется goltwa. «То же имя они дали яблоку, персику, сливе, груше, томату в силу красноватой округлости (rotondite rougeatre) всех этих фруктов. Апельсин

¹²⁹ Levy-Bruhl L. Op. cit., p. 180-181.

¹³⁰ См.: Westermann. Grammatik der Ewesprache, цит. Леви-Брюлем, p. 184-185.

18 2

Система социологии. Том I

они называли gowitlka goltwa, т. е. большой "плод розового дерева". Муку они называли kammugtlu amak, т. е. "белый ил" ("белая земля"), ассоциировав субстанцию муки с белым илом берегов, озер и рек. Точно так же термином "солнце" они называли "часы" (сходство часового лица с обычным изображением солнца, тот и другой измерители времени). Именем колыбели (berceau) они называли и cloture (ограда, забор), и entrave (пути, повязки, пеленки)»¹³¹.

Эти факты не требуют комментариев, — настолько ясна здесь роль исследуемого нами условия.

Во всех этих примерах, взятых из языка звуков и жестов первобытных людей, как и в сотне других тождественных фактов¹³², чрезвычайно ясно выступает исследуемая нами роль одновременности восприятия двух раздражений в определении характера сигналов, для сигнализации тех или иных переживаний.

В языке более развитых народов роль этого условия не так заметна. Здесь уже появились абстракции, наслоения и т. д. Однако и здесь в метафорах и поэтических образах влияние условия одновременности двух или большего числа раздражений на характер сигнальных проводников ясна. Возьмите для примера такие выражения, как «полынь» для обозначения горя, «туча черная» для обозначения тоски, «зорюшка ясная» для сигнализации ясного, светлого настроения, «безоблачно и светло было на душе», «то-то режет мне слух», «от того-то коробит меня» и т. д. В происхождении всех этих примеров, как и в сотне других, нетрудно констатировать влияние очерчиваемого условия одновременности восприятия нескольких раздражений. В силу того, что горечь воспринималась одновременно с полынью, полынь стала сигнальным проводником горечи, а потом и горя, и т. д.

Аналогичные факты мы наблюдаем на наших глазах. Так как значения существ, объектов, актов представляют почти всегда с изображаемыми им [Горьким] героями «дна», последних стали называть «героями Горького»; в силу того что последние ездят больше на товарно-пассажирских поездах, эти поезда получили прозвище «Максим Горький». Так как многие из новоиспеченных комиссаров пьянствовали (одновременное восприятие пьяного человека и комиссара), то появился термин «на-комиссариться», т. е. быть пьяным. В силу тех же условий возник термин «викжелать»^{35*} и т. д.

Все сказанное о звуковых и двигательно-мимических проводниках применимо и к другим видам проводников. Ограничиваюсь приведенными фактами. Они достаточно четко поясняют и подкрепляют выставленные положения. Кто хочет большего материала, тот, учитывая сказанное, найдет его в изобилии в цитированных работах.

¹³¹ См.: *Chamberlain. L'association des idees chez un peuple primitive // Bulletin] et Mem[oires] de la Societe d'antrop[ologie] de Paris. 1909, № 2, p. 132-134.*

¹³² См. факты у *Леви-Брюля* (гл. IV, p. 151-203).

Глава IV. Анализ элементов взаимодействия

18 3

Резюмирую. Мы поставили вопрос, почему, в силу каких условий такие-то переживания сигнализируются посредством таких, а не иных проводников, и ответили на этот вопрос так: 1) ряд связей между многими переживаниями и символическими проводниками пока нам не известен, не расшифрован; 2) ряд символов-проводников создан целеполагательно, с определенными нарочитыми целями; 3) ряд переживаний выражается путем тех, а не иных проводников в силу того, что такая сигнализация наследственна, рефлекторна, инстинктивна; 4) частным случаем этого факта является условие прямого влияния нервной системы на «выразительные движения»; 5) дальнейшими важными условиями в этом отношении являются: а) условие сходства переживаемого явления или предмета и сигнализирующего его символического проводника, б) условие пространственной или временной смежности, с) обстоятельства образования условных рефлексов, в частности, одновременное восприятие двух или большего числа раздражений, — условия, до известной степени абсорбирующие и условие сходства, и условие смежности. Таков краткий ответ на поставленный вопрос.

5. Рикошетное влияние проводников на поведение и психические переживания

Теперь спросим себя, влияют ли проводники сами по себе на поведение человека? Раз появившись, оказывают ли они, так сказать, в силу собственных свойств то или иное влияние на поведение и особенно на психические переживания людей?

Этот вопрос приходится ставить и решать, потому что, как увидим сейчас, не коснувшись его, мы рискуем многое не понять ни в поведении людей, ни в явлениях взаимодействия, ни в так называемых социальных фактах и процессах.

Ответ на этот вопрос будет положительный. Он гласит: проводники, в особенности символические проводники, не только сами зависят от поведения и психических переживаний людей, но раз возникнув, оказывают громадное рикошетное влияние и на психику индивидов, участвующих во взаимодействии.

Постараюсь кратко доказать и разъяснить этот тезис, причем более подробно остановлюсь на рикошетном влиянии проводников на психические переживания людей.

А) *Общее рикошетное влияние.* Прежде всего проводники обуславливают поведение и психику людей, так сказать, механически. Это в особенности имеет значение в применении к предметным проводникам. Мы видели выше, как в процессе взаимодействия ряд переживаний человека и его акты (работа, действие, труд) частью механически, частью сознательно приводят к возникновению множества предметных проводников. Эти предметные проводники, накапливаясь из года в год, из поко-

18 4

Система социологии. Том I

ления в поколение, образуют собою то, что называется «материальной культурой» (см. выше). Вот эта-то материальная культура, представляющая совокупность проводников, механически, просто в силу своего существования, обуславливает собой поведение и переживания людей. Факты.

«Социальная жизнь (читай: явления взаимодействия. — П.С.), которая таким образом как бы кристаллизуется и отвердевает на материальных подпорах (читай: в проводниках. — 77. С), тем самым внедряет нас в мир окружающих нас вещей и начинает воздействовать на нас извне, — говорит Дюркгейм. — Пути сообщения, которые построены были раньше нас, придают ходу наших дел определенное направление, позволяя нам сообщаться с той или иной страной. Вкус ребенка формируется, приходит в соприкосновение с памятниками национального вкуса, заветами предыдущих поколений. Иногда даже мы видим, что такие памятники (проводники. — П.С.) в течение долгих веков предаются забвению. Затем, в то время, когда воздвигшие их нации уже давно погасли, они снова показываются на свет Божий и снова начинают свое существование в

среде нового общества. Это и является характерной чертой того очень редкого явления, которое носит название «возрождение». Возрождение означает, что социальная жизнь после того, как она долгое время была как бы упакована и пребывала в скрытом состоянии, вдруг пробуждается, меняет интеллектуальные и моральные точки зрения народов, которые сами не содействовали ее выработке. *Сознания этих народов чувствовали бы и думали совсем иначе, если бы это воздействие не совершилось.* То же самое может быть применено и к тем определенным формулам, в которых заключаются догматы веры или положения права, *когда они фиксируются вовне, в какой-нибудь священной форме {в форме каких-нибудь проводников. — П.С.}*

Юридические отношения совсем не одинаковы в тех случаях, когда имеется *писаное право*, и в тех случаях, когда его нет. Там, где существует выработанный кодекс, юриспруденция более урегулирована, но менее гибка, законодательство более стройно, но и более неподвижно. Материальные формы, в которые оно облекается, нельзя поэтому считать чисто словесными сочетаниями, не имеющими никакого значения, это — действующие реальности, что доказывается теми результатами, которые бы отсутствовали, если бы этих реальностей (проводников. — П.С.) не существовало»¹³³.

В этой цитате из Дюркгейма в общих чертах достаточно рельефно выделено рикошетное влияние проводников на поведение и психические переживания людей. Проводники, созданные в процессе взаимодействия, раз возникнув, начинают жить самостоятельной жизнью, приобретают свой темп и ритм жизни и оказывают на нас влияние. Выражаясь туманным языком Зиммеля, можно сказать: «вещи (созданные чело-¹³³ Дюркгейм Э. Самоубийство. Изд. Карбасникова, 1912, с. 426-427.

Глава IV. Анализ элементов взаимодействия

185

веком. — П.С.) не абсолютно покорны нашим целям. Каждый объективный дух (читай: проводник. — П.С.) обладает своей логикой. С той минуты, как исключительно силой нашей внутренней самочинности уже созданы первые начала права, искусства и нравов, мы уже выпускаем из рук всю дальнейшую нить их развития в отдельные объективные образования. Так, техника, послушная своей логике, развивает утонченность за утонченностью. Вся чрезмерность специализации, столь тягостная теперь во всех отраслях труда и все растущая под демоническим гнетом собственной закономерности труда, представляет собой опять-таки частный случай всеобщего рока элементов культуры: объекты (проводники. — П.С.) имеют свою логику развития, уклоняющую их от совпадения с личным развитием человеческой души»¹³⁴.

Совокупность проводников, в силу их существования, механически обуславливает наше поведение и переживания: мы вынуждены двигаться по тем путям сообщения, которые создались без нас, жить среди зданий города или деревни, выделенных в виде коралловых рифов предыдущими поколениями человеческих полипов, воспринимать те знаки, картины, звуки и т. д., в которых застыли переживания других людей, молиться в зданиях, созданных до нас и без нас, и т. д. Окруженные со всех сторон бесконечным множеством проводников, мы, подобно губке, вбираем, впитываем в себя, часто помимо нашей воли и вопреки ей, те раздражения, которые испускают из себя эти застывшие проводники. Временами, как в путях сообщения, они диктуют нам линию нашей дороги, иногда, как в жилищах, они предопределяют характер того ящика, в котором нам суждено жить, часто, сами по себе, одним своим видом (напр[имер], старая башня, Миланский собор, Исаакий и т. д.) они уже действуют на нас, вызывают одни переживания, гасят другие и т. д.

Подойдем к этому вопросу ближе.

Возьмем для начала анализа мимически-двигательные проводники в виде жестов. Если в ряде случаев психические переживания привели к созданию тех или иных жестов, сигнализирующих их вовне, то спрашивается, *как влияет хотя бы механическое совершение жестов на психику человека и влияет ли оно вообще?*

В настоящее время не может быть двух ответов на этот вопрос. Если теория

Джемса-Ланге относительно взаимоотношения эмоций и физи-

¹³⁴ Зиммель Г. Понятие и трагедия культуры // Логос. 1911-1912, с. 15-21. Этот факт констатирован и субъективным опытом великих людей. «Когда из общего правильного принципа выводешь следствия, — писал Гельмгольц, — то постоянно наталкиваешься на поразительные результаты, которых ты не предполагал. И так как следствия развиваются не по произволу автора, а по своему собственному закону, то часто я находился под таким впечатлением, как будто переписываю не свою, а чужую работу». «После подобных замечания о собственной жизни математических] формул сделал великий Г. Герц» (*Оствальд В.* Великие люди. СПб., 1910, с. 271).

18 6

Система социологии. Том I

ологических процессов в ряде пунктов ошибочна, то в одном отношении она несомненна; а именно в признании влияния физиологических процессов на душевные переживания. Ланге прав, говоря, что психический «страх» не объясняет, отчего люди бледнеют, дрожат и т. д. Между тем «уничтожьте у испуганного человека все физические симптомы страха, заставьте его пульс биться покойно, верните ему твердый взгляд, здоровый цвет лица и т. д.; что тогда останется от страха». То же применимо и к другим эмоциям¹³⁵. Чисто физические причины могут вызвать, изменить и угасить эмоции: вино вызывает веселье, гашиш — необузданность, мухоморы — ярость, рвотный камень — угнетение, те же эффекты могут иметь болезни вазомоторной системы и т. д. Отсюда определение эмоций как более или менее неясного сознания (спутника) о вазомоторных явлениях, происходящих в организме; и определение Джемса, гласящее: «Телесные изменения непосредственно следуют за восприятием возбуждающего факта, и наше чувство тех же самых изменений в то время, как они происходят, есть эмоции»¹³⁶. Отсюда их выводы: человек смеется не потому, что ему весело, а потому ему весело, что он смеется; человек плачет не потому, что ему грустно, а ему грустно потому, что он плачет, и т. д.

Если не всегда¹³⁷, то в ряде случаев такие, казалось бы, парадоксальные положения правильны. В применении к нашему вопросу они гласят: *механическое воспроизведение двигательно-мимических (жестов) и звуковых проводников (звуков), сигнализирующих определенные переживания, часто имеет рикошетное влияние на психику, вызывая, укрепляя и угашая соответствующие переживания*. Часто достаточно рассмеяться, чтобы вызвать «веселое» настроение; достаточно принять грустную позу, чтобы создать «грустное» настроение; достаточно воспроизвести акты и мимику гнева, чтобы прийти в ярость. В ряде случаев теория Джемса— Ланге действительно правильна. Как говорит Fastrez, «положение, слова, акты имеют не прямое, но реальное и глубокое влияние на нашу манеру

¹³⁵ См.: Ланге Н.Н. Душевные движения. 1896. Изд. Павленкова, с. 57 и ел. Предшественником Джемса-Ланге был Де-Ламетри, чрезвычайно резко подчеркивавший зависимость душевных явлений от физиологических процессов. См. его «Человек-машина». СПб., 1911, с. 62 и ел.

¹³⁶ Ланге Н.Н. Цит. соч., с. 20 и ел.; Джемс У. Статья в Mind'e за 1884 г.

¹³⁷ Морган, конечно, прав, указывая на то, что в такой абсолютной форме эта теория неприемлема. Ряд животных при чувствовании одной и той же эмоции, напр[имер] страха, проделывают самые разнообразные движения: бегут, летят, притворяются мертвыми и т. д., что не могло бы быть, если бы эмоции были только отраженной тенью телесных процессов. И обратно, одно и то же «выражение» эмоции (один и тот же акт) может соединяться с различными эмоциональными состояниями. Олень опускает рога и в состоянии полового возбуждения, и в «отчаянии», при преследовании собак и т. д. (Морган К.Л. Привычка и инстинкт, с. 187-193 и ел.). Но отсюда не следует, что данные положе-

Глава IV. Анализ элементов взаимодействия

18 7

мыслить, чувствовать, хотеть»¹³⁸. Это положение признано множеством авторов:

«Акты, которыми объективируются известные чувства (*senti-menti*), укрепляют их и могут вызвать последние, когда они отсутствуют, — говорит Парето. — Общеизвестен психологический факт, что если определенная эмоция обнаруживается путем определенного физического состояния, то может случиться, что лицо, ставящее себя в эти физические условия, тем самым вызовет в себе соответствующие эмоции»¹³⁹. Payot в своей книге «*Education de la volonte*» пишет: «Наиболее глубокие психологи-практики, занимавшиеся воспитанием чувств, как Игнатий Лойола и Паскаль, рекомендуют внешние акты веры как лучшие средства для поставления души в соответствующее религиозно-аффективное состояние. Известно, что в состоянии гипнотического сна принятие пациентом соответствующей позы является всемогущим средством для вызова в нем соответствующей эмоции. Какова бы ни была эмоция (*passion*), которую хотят внушить пациенту, когда мускулы, необходимые для этой эмоции, приведены в действие (*sont mis en jeu*), эмоция сама собой появляется. Dugald Steward рассказывает, как Burke уверял, что часто гнев зажигался в нем по мере того, как он воспроизводил внешние знаки этого аффекта. Разве собаки, не только молодые, но и старые, играя, борющиеся друг с другом, не начинают в конце концов сердиться не на шутку? Разве смех и слезы не заразительны? Китайский церемониал, предназначенный для того, чтобы укрепить идею авторитета, разве не был сознательно изобретен Конфуцием, который, как и Лойола, был убежден, что жесты укрепляют и усиливают соответствующие чувства? Разве католическая торжественность с ее церемониалом, основанным на глубоком знании психологии, не пригодна для того, чтобы производить сильнейшее впечатление на души, даже мало верующие?»¹⁴⁰

Точно так же *Waynbaum* доказывает, что механический акт смеха увеличивает нашу субъективную веселость. «Если думают о чем-либо веселом и если не хотят дать свободу веселому настроению, то обычно воздерживаются от смеха, чтобы не усилить свое веселое настроение. Можно иметь идею радости, не желая ее развивать или выражать. В таких случаях, чтобы ее атрофировать, делают отчаянные усилия, чтобы не рассмеяться. Это отлично доказывает, что механический или физический акт смеха, когда радостная эмоция уже существует, увеличивает

ния теории Джемса-Ланге совершенно ошибочны или сколько-нибудь похожи на те пародии, которые создали критики этой теории, пародии вроде: мы не потому покупаем зонтик, что боимся промокнуть, а мы боимся промокнуть потому, что покупаем зонтик! Для таких пародий теория не дает ни малейших оснований.

¹³⁸ См.: *Fastrez*. Les rites militaires // Bulletin mensuel Ваксвейлера. 1911, № 11, p. 167.

¹³⁹ *Pareto V.* Trattato di sociologia generale. 1916, vol. I, p. 556.

¹⁴⁰ См.: *Payot*. Education de la volonte. Paris, 1907, p. 61-62 и всю III гл.

18 8 Система социологии. Том I

и питает радость»¹⁴¹. То же говорит и *Paul Levy* в своей книге «*L'education de la volonte*» (p. 95-96):

«Мы печальны? Песенка, которую мы сначала будем напевать против сердца, незаметным образом возбудит в нас переживание радости. Очень часто наиболее действенное, что мы можем сделать, чтобы трансформировать себя, это поставить себя в условия, которые нас принуждали бы приобрести известные привычки. Важно только начать, остальное само приложится. Неважно, любим ли мы то, что делаем. Важно делать, а кончим мы тем, что полюбим дело». «Между идеей и ее физическим выражением существует постоянная и столь интимная связь, что нельзя влиять на одно из них, не влияя на другое. Выполняемый акт рикошетом укрепляет производшую его идею. Пусть симулируют внешний перевод идеи, и идея, как бы слаба она ни была до того момента, проснется, укрепит и примет определенные очертания»¹⁴².

Таких фактов можно привести множество. В частности, многие из актеров, механически повторяя символические жесты героев (например] короля Лира), кончают

тем, что и в самом деле начинают испытывать соответствующие переживания .

Из этих фактов следует, что *Двигательно-мимические проводники (жесты) оказывают в ряде случаев сильнейшее рикошетное влияние на психику: повторяя механически эти жесты или принимая механически соответствующую позу, мы можем вызвать и укрепить соответствующие им переживания. Принимая противоположную позу или выполняя противоположные определенным переживаниям жесты, мы можем атрофировать, «загасить», «подавить» эти последние.*

Таков вывод в применении к двигательнo-мимическим проводникам. То же применимо и к другим проводникам — звуковым, предмет-

¹⁴¹ Waynbawn. La Phisionomie humaine, p. 62.

¹⁴² Levy P. L'education de la volonte, p. 95-96, 87.

¹⁴³ К тому же разряду фактов принадлежит психологическая деформация, связанная с выполнением определенной профессии (т. е. совершением определенных актов). «Продолжительное выполнение известной профессии, — говорит Langerock, — создает в индивиде деформацию его психики, в частности деформацию в здоровой оценке значения его деятельности в социальном труде группы, к которой он принадлежит». Она создает вид профессиональной идиосинкразии, появляющейся помимо сознания. В итоге ее создаются профессиональные психологические типы солдата, матроса, монаха, преступника, судьи и вырабатывается Fesprit de corps. См.: Langerock. Professionalism: a study in professional deformation // The American] journ[al] of sociology, vol. XXI, p. 30-44.

У Д. Лондона есть характерный рассказ на эту тему. Молодой буржуазный социолог систематически перевоплощается в зависимости от того, когда и где он находится. Когда он живет в «обществе», он мыслит буржуазно, отрицает социализм и защищает интересы капитала. Когда делается рабочим, в целях лучшего изучения вопросов труда он помимо своей воли становится социалистом и защитником интересов труда. Рассказ был напечатан в «Летописи», если не ошибаюсь, за 1916 г.

)

Глава IV. Анализ элементов взаимодействия

189

ным и т. д. Человек, выступающий в определенной общественной роли, например в роли жреца, вождя, судьи, облачаясь в свою символическую одежду, надевая на себя соответствующие атрибуты (напр[имер], судейскую цепь, священное облачение, парадный мундир и т. д.), окруженный предметными проводниками (обстановка храма, судебного зала, парламента и т. д.)> часто совершенно трансформируется и перестает походить на самого себя, каким он бывает в частной жизни вне этих атрибутов.

Губернатор, король, жрец, комиссар имеют одно «я» в частной жизни и трансформируются в совершенно нового человека — и по манерам, и жестам, и голосу, и переживаниям, отличного от первого «я», — когда они находятся «при исполнении своих служебных обязанностей». В первом случае они бывают просты, вежливы, искренни, сердечны, во втором — появляется важное лицо, властные движения, чопорность, напыщенность; сентиментализм и мягкость заменяются формализмом, сухостью и порой бессердечной жестокостью. В летописи судов известны случаи, где человек, безжалостно выносящий самые суровые приговоры, беспощадно обрекавший свои жертвы на смерть, на пытки, придя домой, избавившись от влияния символических проводников, снявши знаки судейского достоинства, часто плакал горячими слезами над бессердечностью судей; рвал на себе волосы и кончал с собой¹⁴⁴. Как простой смертный он был милосерден, но как только надевал свои «символы» — он, помимо своей воли, в силу магического влияния символических проводников, изменялся. «Fiat justitia et pereat mundus»^{36*} — такой становилась его психология в последнем случае.

Из истории мы знаем ряд подобных фактов. Робеспьер, как известно, был главным вдохновителем террора. При исполнении своих официальных обязанностей он был беспощаден. В частной жизни он был сентиментальнейшим и чувствительнейшим человеком, плакавшим над романами Бернардена де Сен-Пьера.

С этой точки зрения не случайным является факт установления культа, обрядов, слов, форм одежды и т. д., фигурирующих во всех сферах общественной жизни, — в области религии, права, военной, педагогической, политической и т. д.

Возьмем для примера предметный символ — проводник — в виде мундира. Гюйо прав, говоря: «Не только профессия, но и сам мундир имеет важное гипнотическое могущество, и не без основания законодатели всегда придавали громадное значение мундиру и форменной одежде. Не простое ребячество побудило их установить форму. Одежда, прав-

¹⁴⁴ См. психологию таких судей в «Пятой язве» Ремизова. «Судья перестает быть человеком, пока он сидит на судейском стуле». «Он — непогрешающий орган законодательства, он — язык, но не он разум, не он воля, разум — закон» (Герцен А.И. Собрание сочинений. Ред. Лемке, т. V, с. 21).

190

Система социологии. Том I

да, не делает монаха, но уважение к монашеской одежде много значит в поведении монаха»¹⁴⁵.

«Лицо, одетое в форму, замечается; оно принимает, так сказать, манеры, соответствующие его форме», — справедливо говорит Fastrez. «Идея уважения, — говорит он же, — которое в военной сфере должно оказываться по адресу высшего начальника, породила акты уважения: приветствие, отдавание чести. В силу обратного действия акты уважения укрепляют идею уважения. Мы все знаем, что если лицо высшего ранга требует, чтобы мы держались на почтительном расстоянии, и если мы приближаемся к нему с соблюдением определенного церемониала, то мы бессознательно начинаем уважать его. Обратный эффект вызывает акт, выполняемый небрежно. Отдавание чести, совершаемое небрежно, почет, оказываемый без усердия, ослабляет и саму идею почета и уважения. Как говорит П. Симон: "Внешние знаки уважения и почета являются несомненно могущественными средствами внушения, которые запечатлевают уважение в организме. Начальники всех степеней не имеют лучшего средства укрепить свой авторитет, как требовать, чтобы им оказывали все знаки почета, присвоенные им по закону. Отказываясь от них, они рискуют породить фамильярность и мало-помалу подорвать уважение, почет и подчинение со стороны подчиненных"»¹⁴⁶.

После сказанного не будет парадоксом положение: перемените у ряда индивидов форму, лишите их внешних символических знаков — погон, мундира, шпаги, креста, медалей и т. д., — и вы перемените их психику. Сколько лиц — политических заключенных — чувствовали эту перемену переживаний, когда на них надевали арестантский бушлат. Сколько военных генералов, офицеров «мгновенно перерождались», когда с них срывали погоны и одевали их в штатскую одежду. Оголите деспота — и вы сделаете его жалким и простым смертным. Окружите, оденьте простого смертного пышными знаками достоинства — и перед вами родится властный, самоуверенный, гордый самодур или властелин.

То же применимо и к звуковым символам. Возьмите для примера титулы «Ваше сиятельство», «Ваше превосходительство» и т. д.¹⁴⁷

Сколько людей «перерождалось духовно», получив титул «Его превосходительства», «графа» или «князя». Как много простых смертных начинали себя чувствовать иначе после того, как они становились «гофмейстерами» или «губернаторами». Как приятно ласкал слух многих чиновников титул «Ваше превосходительство», почтительно произносимый швейцаром-психологом.

Не буду приводить других фактов.

¹⁴⁵ Гюйо Ж.М. Education et herodite, p. 28.

¹⁴⁶ Fastrez. Op. cit, p. 167.

¹⁴⁷ См. материал у Спенсера (Основания социологии, т. II, гл. VIII: Титулы).

Глава IV. Анализ элементов взаимодействия

191

На основании сказанного мы можем спокойно ответить на поставленный вопрос:

да, символические проводники оказывают рикошетное влияние на психические переживания.

Но сказанным это влияние не исчерпывается. Оно более значительно, чем кажется с первого взгляда. Постараюсь кратко показать, в чем здесь дело.

В) *Фетишизация проводников и рикошетное влияние проводников-фетишей.* Говоря это, я разумею явления *фетишизации символических проводников*. Возьмем для примера стяг полка или красный флаг. Это по своей природе простой предметно-цветовой проводник: кусок материи, прикрепленный к палке. Но, фигурируя долго в качестве эмблемы полка, его чести и достоинства, или в качестве эмблемы революции — ее ценности, святости и т. д., — он непроизвольно начинает казаться чем-то самоценным, святым и самодовлеющим. Вначале флаг сам по себе бесценен. Но, часто выступая в роли символа, он как бы «впитывает», «вбирает в себя», ценность тех переживаний, символическим проводником коих он является; он становится самоценностью, самодостаточным фетишем. В нем перестают видеть просто тряпку, а начинают приписывать ему как таковому особую ценность. Это подтверждается тем, что люди умирают за флаг — на поле сражения, на баррикаде, умирают, чтобы не отдать его врагу¹⁴⁸. В психике людей исчезает мысль, что флаг сам по себе — ничто, что его ценность — производная ценность. Эта мысль невольно замещается другой, состоящей в приписывании флагу самоценности. Короче говоря, *флаг, как и всякий символический проводник, при частом фигурировании в роли эмблемы становится самодостаточным и самодовольным фетишем*. В такой роли он гипнотизирует людей, решительным образом деформирует их психику. Люди готовы и умирать, и убивать за флаг¹⁴⁹. И это наблюдается не только среди диких народов, но и среди современных. Пойдите для опыта в заседание Петроградского Совета депутатов и попробуйте, ничего не говоря, сорвать флаг и начать его разрывать, и вы убедитесь в правильности сказанного: если вас самих не разорвут, то можно ручаться, что вы попадете в руки «чрезвычайки» и не скоро из этих рук выйдете (а может быть, и совсем не выйдете). *Этот процесс фетишизации символических проводников наблюдается во всех сферах общественной жизни и на всех ее ступенях, меняются только объекты — фетиши*. Один фетишизирует портрет царя, другой — портрет Ленина, австралиец — кусок дерева, социал-демократ — портрет Маркса; верующий — имя святого, революционер — имя «интернационала». *Suum cuique*^{37*}.

¹⁴⁸ «На вопрос "Что такое знамя?" — французский солдат отвечает: "Знамя — это то, за что разбивают головы"» (*Fastrez. Les rites militaires*, p. 167-168).

¹⁴⁹ Вспомним проблему офицерских погон нашего времени. Фетишизация погон заставляла одних убивать, других — умирать за погоны.

192

Система социологии. Том I

Фетишизировались и фетишизируются и предметные, и двигательно-мимические, и звуковые, и цветоцветовые и другие символические проводники.

Примером фетишизации «предметных проводников» могут служить обоготворение в религии кусков дерева (австралийские чуринги), камней, скал, растений, животных (тотемические животные, почитание быков, крокодилов, ибисов в Египте и т. д.), предметов вроде флага, знамени, гербов, «судебных зеркал», орденов, амулетов, мундиров («честь мундира»), икон, крестов, статуи Мадонны, папской туфли, мощей и бесчисленного множества всяких «реликвий» во всех областях жизни.

Фетишизм товара и денег, указанных Марксом³⁸, есть только частный случай общего закона фетишизации всех проводников¹⁵⁰.

Примером фетишизированных *мимически-двигательных* проводников могут служить жесты и акты крестного знамения, коленопреклонения, отдания чести, салютования знамени¹⁵¹, парадов, принятия позы «во фронт», присяги, клятвы, обряды посвящения (в рыцари, в духовный сан и т. д.), «таинства» брака (венчания), миропомазания, причащения и т. д.

Если бы эти и сотни подобных двигательно-мимических обрядов не

фетишизировались, им не приписывалась бы магическая сила (напр [имер], жесту крестного знамения, присяге и т. д.), за неисполнение их не карали бы, не посылали бы на смерть или в тюрьму, не приписывали бы определенным обрядам способность передавать особую благодать или вызывать гром, дождь, засухи и т. д. (обряды посвящения, существующие во всех группах, начиная с первобытных и кончая современными) и т. д. На каждом шагу и теперь мы можем наблюдать,

¹⁵⁰ *Зиммель Г.* Понятие и трагедия культуры, с. 20. «Фетишизм товара, которым Маркс характеризует хозяйственные объекты в эпоху товарного производства, есть лишь частный модифицированный случай общей судьбы нашей культуры».

¹⁵¹ *Fastrez.* Op. cit., 167. Salut au drapeau a la plus grande puissance de suggestion. Le drapeau, qu'une compagnie d'escorte, avec la musique, est allee prendre chez le chef de corps, est presente au regiment rassemble. Les clairons sonnent: Au drapeau. La musique joue Fair national... C'est un rite expressif, qui fait vibrer le sentiment patriotique, et exalte l'esprit de corps... Puis, quand la sonnerie vibrante retentira, chacun, fremissant d'emotion, cherchera la vision de soie glorieuse et le Drapeau, symbole desormais compris de tous, accomplira ce prodige que lui seul est capable de realiser: deux mille hommes, au meme instant, ayant la meme pensee, et ce meme serment montant de tous les coeurs sur toutes les levres: Nous jurons de ne jamais t'abandonner, de te suivre partout, et de donner, s'il le faut, notre vie pour toi^{39*}.

Не менее верно Fastrez описывает фетишистскую психологию других военных двигательнo-мимических проводников или обрядов, напр [имер] «вставание во фронт». «Это обряд повиновения, уважения. Унтер-офицер это чувствует: недовольный позой подчиненного и с целью аргументирования, он в конце концов напоминает свой авторитет словами: "Во фронт, солдат!" Такая сцена обычна. Вставание "во фронт" ("смирно") становится символом, материальным выражением дисциплины» (Ibid., p. 167-168).

Глава IV. Анализ элементов взаимодействия

19 3

как верующий, осеняя себя крестным знамением, искренно убежден, что этим актом он ограждает себя от всех нечистых сил. В катехизисе читаем, что обрядами посвящения посвящаемому в священники передается власть и право «вязать и отпускать грехи». История уголовного права полна примерами, где лиц, нарушивших присягу, отправляли на тот свет и т. д.

Еще резче и яснее выступает это фетишизирование жестов и актов обряда в глубокой древности. Здесь «церемониал» гораздо более развит и более формален. В средние века «на отказ исполнить требуемые обрядности смотрели, как на мятеж. О тайтянах мы читаем, что почти каждый шаг их в жизни связан с обрядами... До какой степени в уме жителей Сандвичевых островов идеи о проступке ассоциируются с понятием о нарушении правил церемониала, доказывается следующим постановлением: "Кто произведет шум в день табу, тот да будет предан смерти"... Правила св. Колумбана гласили: "Кто не произнесет amen или benedicite, кто станет разговаривать во время еды, кто забудет перекрестить ложку или фонарь, когда его зажигает младший брат, тот да будет подвергнут шести или двенадцати ударам плети"»¹⁵².

А вот еще более красноречивые факты. В Уганде сановник, не отдавший поклона или «выставивший на один дюйм свою голую ногу в то время, когда должно сидеть скорчившись, или завязавший свое твиди противно правилам, наказуется смертной казнью». У китайцев, сиамцев, японцев и множества других народов мы встречаем ту же фетишизацию обрядов¹⁵³.

То же явление фетишизации на каждом шагу можно встретить и в применении к *звуковым проводникам*— словам и их комплексу. Определенные слова, фигурируя часто в роли символического проводника, неразрывно связываются с сигнализируемыми ими переживаниями, как бы впитывают в себя свойства последних и в итоге становятся всемогущими и самоценными фетишами. Им начинают приписывать магическую силу, временами столь значительную, что в ряде религий, например в ведийской (брахман), в Авесте и почти во всех исторических религиях, слову (брахман) приписывают силу,

управляющую не только явлениями природы, но и волею богов.

¹⁵² Спенсер Г. Основания] соц[иологии], т. II, с. 113-115.

¹⁵³ См.: Спенсер Г. Там же., с. 229. У него же множество аналогии, фактов (см. с. 111-234). Много материала дает также Pareto. Имеется, говорит он, склонность у человека, «в силу которой определенные предметы и акты облачаются таинственным могуществом, часто неопределённым и плохо представляемым. Проявлением его служат магические операции, вера в амулеты, клятва, ордалии» и т. д. Амулеты употребляются и для вызова страсти, и для лечения болезней, и для охранения себя от опасности. Платку, одежде или мощам святого приписывается чудодейственная сила. См. у него же др. факты (Pareto V. Trattato di sociologia generate, vol. I, 487 и ел.).

7 Система социологии

С

194

Система социологии. Том I

Чем иным, как не фетишизированными звуками, являются магические *формулы заклинания, заговоры и молитвы?*

Им приписывается самодостаточная магическая сила. Верили и верят, что достаточно произнести определенные слова, чтобы вызвать желаемый эффект. Слово, как слово, начинает почитаться и уважаться.

Это явление общее в первобытных группах. Здесь «*всякому словесному выражению приписывается мистическая сила*». «Отсюда следует, что факт произнесения слова не может быть явлением безразличным: одного факта произнесения слова достаточно, чтобы вызвать или уничтожить грандиозные и важные явления»¹⁵⁴. Отсюда — запрет произносить определенные слова женщинам и детям; отсюда существование «секретного языка» в первобытных группах, открываемого лишь посвященным, и множество других правил, касающихся употребления слов.

«На охоте нужно остерегаться произносить имя животных; на рыбной ловле — имя рыб»... «У жителей Малайских островов большое количество слов подлежит запрету в применении к королю: нельзя о нем говорить, что он ест, спит, сидит, существует... Когда король умер — нельзя произносить его имени» и т. д.

«То, что доказывает ценность и мистическое могущество слов, как слов, это чрезвычайно распространенный обычай употребления при религиозных и магических церемониях песен и формул, смысл которых потерян и непонятен как слушателям, так и» тем, кто их произносит»¹⁵⁵. Такие магические формулы обычны среди первобытных групп.

Отсюда станет понятным, почему произнесение слова или имени начинает, казаться тождественным с вызовом того явления или существа, имя которого произносится, почему, например, определенным числам приписывается ряд свойств (счастливые и несчастные дни)¹⁵⁶, почему из-за имени могут быть споры, вырастающие в большие общественные события. Вспомним хотя бы историю возникновения раскола и роль, которую сыграло здесь имя Христа («Иисус» и «Исус»), вспомним совсем недавний спор на Афоне, перешедший в войну «монахов-имяслав-цев» с «монахами-христославцами».

¹⁵⁴ Levy-Bruhl L. Op. cit., p. 199 и ел.

¹⁵⁵ Levy-Bruhl L. Op. cit., p. 202-204; Spenser B. and Gillen. The northern tribes of central Australia. London, 1904, p. 286, 462, 460, 606 и др.

¹⁵⁶ См. множество любопытных фактов относительно магического влияния чисел у Pareto. Op. cit., 504 и ел. «И nome puo essere vincolato alle cosi senza motivo sperimentale, misteriosamente»^{40*}. Примером того может служить мистическое соединение определенных явлений с определенными числами. Такими фактами служат мистическая теория чисел пифагорейцев, роль числа 3 в религиозных догматах (триединство бога и т. д.). См. также: Levy-Bruhl L. Op. cit., p. 235-257: Puissance mistique des nombres [Мистическое могущество чисел].

Разве возможны были бы акты добровольной готовности умереть за имя «Исус», с одной стороны, и отправить других людей на костер за то же имя — с другой (сожжение и самосожжение раскольников), если бы имя не превращалось в фетиш? Разве возможно было бы появление и существование «заклинаний», «заговоров», «молитв», если бы не было того же фетишизирования звуков? Разве и теперь на каждом шагу мы не наблюдаем ту же фетишизацию слов в разной степени? Издевательство над чьим-нибудь именем воспринимается нами как издевательство над самим предметом, обозначаемым им. Произнесение ряда звуков, называемых «неприличными» (напр[имер], матерщина, непристойные песни и т. д.), карается уголовным законом и вызывает общественную реакцию... Произнесение звуков «долой царя!» — в прошлом, а теперь «долой советскую власть!» — навлекло и навлекает весьма тяжкие кары, вплоть до расстрела¹⁵⁷.

Больше того, фетишизация слова сказывается и в том, что часто бывает достаточно разным явлениям дать одно имя, чтобы эти явления стали рассматриваться как что-то единое. Достаточно какой-либо абстракции дать имя, чтобы она стала объективной реальностью для многих. Парето прав, говоря: «Высшая степень персонификации существует там, где дается имя абстракции, однообразию, чувству, и таким образом последние трансформируются в объективных индивидов. Затем персонификация прогрессирует, превращается в антропоморфизм. Присоединяя к таким персонификациям признаки пола, ее делают еще более конкретной. Такие персонификации рождаются в сознании сами собой, помимо участия сознания». «Язык есть лучшее средство для подобных персонификаций, и часто достаточно дать имя агрегату абстракций, чтобы трансформировать его в объективную реальность»¹⁵⁸. На этой почве возник антропоморфизм. Фетишизированием же слов объясняется появление и существование таких божеств, например в Риме, как боги и богини Fortuna, Victoria, Aequitas, Bonus Eventus, Concordia, Copia, Disciplina, Fama, Felicitas, Fides publica, Gloria, Honos, Juventus, Libertas, Mens, Pax, Fietas, Prosperitas, Providentia, Salus Generis, Humani, Sanctitas, Virtus»^{159,41*}. Парето прав, когда говорит, что подобная фетишизация персонифицированных словом абстракций продолжается и поныне. Как римляне персонифицировали путем имени ряд абстракций, так же персо-

¹⁵⁷ См. ряд процессов, оканчивавшихся смертной казнью за произнесение аналогичных фраз, во время французской революции 1789 г. («Револуц[ионный] трибунал». Изд. Былое, с. 122 и сл.).

¹⁵⁸ Pareto V. Op. cit., vol. I, p. 545-546.

¹⁵⁹ См.: Toutain. Les cultes pai'nes dans l'emp[ire] rom[ain], vol. I, p. 415-416. «Если мы исключим двух богинь — Fortuna и Victoria, — остальные абстрактные божества, имена которых мы открыли в документах эпиграфических, суть следующие», и далее Toutain перечисляет приведенные в тексте имена.

19 6

Система социологии. Том I

инфицируются теперь новые божества Progresso, Democrazia, Pacifismo, Patriotismo, Socialismo, Интернационал и т. п. множество других «сущностей»¹⁶⁰.

Не буду приводить других примеров фетишизации звуковых проводников.

Все сказанное о предыдущих проводниках применимо и ко всем остальным (светоцветовым и т. д.) символическим проводникам, вплоть до фетишизации людей. Надругательство над изображением святого верующим воспринимается как кощунство; оно вело и ведет, как известно, к актам геройства, самопожертвования, вплоть до готовности умереть за это изображение.

Светоцветовой проводник стал фетишем. Такое же фетишизирование светоцветовых проводников можно встретить и среди атеистов-социалистов. Разорвать портрет Маркса перед глазами социал-демократа, портрет Ленина — в собрании коммунистов — значит совершить кощунство с их точки зрения. Факт фетишизации проводников однороден в том и другом случае; различны только формы¹⁶¹.

Все сказанное применимо и к людям — символическим проводникам. Фетишизация их — факт общеизвестный, существующий с первых времен жизни человечества до наших дней. Выступая часто в роли символа-проводника определенных переживаний, человек становится фетишем, живым божеством, всемогущим властелином. В нем как бы теряется все обычно человеческое; в глазах людей он становится богом,

Такое фетишизирование людей обычно в древних обществах. Вот его образчик. Зулусы обращаются к королю с гимном «О, Pedsuln! царь царей, царь небес. Что сильные земли в присутствии нашего великого царя! Что становится с силой лесов перед великим Словом! Своим хоботом он отсекает ветви деревьев. Его дыхание на лице врагов, как огонь, падающий на высохшую землю. Враги пожираются огнем пред лицом царя царей. Будучи сам отцом огня, он подымается в небесную лазурь;

¹⁶⁰ См.: *Pareto V. Op. cit.*, p. 546 и сл. См. у него же другие тождеств [енные] факты (vol. I, *passim*).

¹⁶¹ В этом отношении прав *Парето*, говоря, что сущность явления как в этих, так и в других подобных случаях тождественна. «Культ христианской религии теперь пал, но зато возрос культ святых социалистов, святых гуманитаристов, и особенно культ бога-государства и бога-народа. Нет разницы по существу между праздником в честь католического святого и праздником в честь Руссо, устроенным французами, на который Франция ассигновала 30000 лир. Конечно, для гуманитариста католический святой — мошенник (*birba*), а Руссо — исключительный человек; для католика же наоборот. Но эта-то противоположность оценок и доказывает тождество психологии и чувств обоих. Церковные процессии пали, но зато возросли corteji, манифестации, демонстрации. Энтузиазм христианской религии заменился энтузиазмом «социализма», «гуманитаризма», «патриотизма», «национализма», религией Dio-Popolo^{42*}, и т. д. (*Pareto V. Trattato di sociologia generate*, vol. II, p. 247).

Глава IV. Анализ элементов взаимодействия

197

он посылает свои молнии в облака и принуждает дождь спуститься с них. Горы, леса и вы, зеленеющие поля! Услышите голос сына Маггобана, царя неба!»¹⁶². Новозеландские туземцы обращаются к своему вождю со словами «приди к нам, бог!».

Такие явления в древности обычны. Они не исчезли и позже; изменились только формы. Культ римских императоров, культ «непогрешимого папы» (даже такого, как Борджиа), культ королей, «не могущих желать вреда народу», культ императоров «благочестивейших, самодержавнейших, великих, христианских, христолубивейших» и т. д. — все это явления однородные, явления фетишизации людей. Существуют они под иной формой и в наше время, и не только среди реакционеров, но и среди революционеров и социалистов¹⁶³.

Все вышесказанное делает несомненным факт фетишизации символических проводников.

Теперь легко понять огромное рикошетное влияние их на психику и поведение человека. Одного факта фетишизации их достаточно было бы для утвердительного ответа на поставленный нами вопрос. Мудрено ли поэтому, что символические проводники могут праведника сделать злодеем, верующего — неверующим, «Ивана Ивановича, который и мухи не обидит», — беспощадным инквизитором, сентиментального Робес-

¹⁶² *Ковалевский ММ.* Социология, т. II, с. 194-195. См. там же другие аналог, факты.

¹⁶³ Беру в качестве примера передовую статью «Красной газеты», 1919, № 57. Вот что мы там читаем по поводу приезда Ленина в Петроград: «Вождь вождей, духовный отец и действительный основатель Третьего Интернационала — среди нас... Товарищ Ленин! Кто может спокойно произнести это имя? Одни дрожат в бессильной злобе и ненависти. Другие в безграничной любви и преданности» и т. д.

Стоит прочесть множество коммунистических приветствий вождям — Ленину, Троцкому, Зиновьеву, — чтобы воочию видеть, как совершается на наших глазах фетишизация людей самыми крайними социалистами.

Наши коммунисты в этом отношении не представляют исключения. Вот что пишет *R. Michels* в своей известной работе о политических партиях: «В 1864 г. жители рейнской области встречали Лассалья, как бога. Когда *Fasci*, эти первые организации сельских рабочих, образовались в Италии, мужчины и женщины имели почти сверхъестественную веру в вождей движения. Смешивая по своей наивности социальный вопрос с религиозными обрядами, они в их манифестациях часто несли крест рядом с красным знаменем и с флагами, на которых были написаны изречения Маркса. В Голландии уважаемый *Domela Nieuwenhuis*, выйдя из тюрьмы, получил почести, которых никогда не удостоивался суверен. Предметом идололатрии служил на севере Франции марксистский пророк Жюль Гед. То же наблюдается и в Англии. Обожание вождей сохраняется и после их смерти. Наиболее великие из них канонизируются (*sanctifies*). Даже К. Маркс не избег этой участи социалистического канонизирования, и фанатическое рвение, с которым некоторые марксисты защищают его в наше время, чрезвычайно близко к идолопоклонству» (*Michels R. Les partis politiques. Paris, p. 43-46*).

198

Система социологии. Том I

пьера — безудержным террористом, слабого и ничтожного человечка — властным, неограниченным деспотом, слабого — сильным, кроткого — необузданным и т. д. и т. д.

Таков вкратце ответ на поставленный выше вопрос.

Явление взаимодействия состоит из трех элементов: индивидов, их актов и проводников.

Из всего сказанного о последних вытекает их важность, их значение и их роль в явлениях взаимодействия. Тезис, утверждавший важность проводников, выставленный в начале их анализа, едва ли может подлежать сомнению.

На этом мы и закончим сравнительно беглый анализ элементов взаимодействия.

Из всего сказанного следует: *раз явление взаимодействия состоит из этих трех элементов, то всякое общественное явление, представляющее комплекс явлений взаимодействия, тем самым должно содержать все указанные элементы.*

Глава пятая

КЛАССИФИКАЦИЯ ФОРМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В предыдущем мы в основных чертах охарактеризовали основные элементы системы взаимодействия: 1) индивиды, 2) их акты, 3) проводники взаимодействия. Теперь мы можем перейти к изучению основных видов и форм последнего.

Подобно тому, как анатом или гистолог, дав анатомию клетки, переходит к описанию видов и форм клеток, так и мы теперь можем спросить себя: каковы основные виды взаимодействия?

Конкретных форм взаимодействия весьма много: взаимодействие взрослого и ребенка, жертвы и преступника, начальника и подчиненного, мужа и жены, предпринимателя и рабочего, и т. д. — все это различные виды взаимодействия. В социальной действительности таких различных форм — бесчисленное множество. Описывать их всех нет никакой возможности. Отсюда естественным является вопрос: нельзя ли это конкретное безграничное многообразие подвести под ряд немногочисленных, доступных обозрению категорий? Нельзя ли выделить если не все, то хотя бы основные виды взаимодействия?

Желание это законно. Больше того, оно в той или иной степени должно быть удовлетворено.

Как и всякое явление, факты взаимодействия можно классифицировать разное, в зависимости от критерия классификации. В нижеследующем, в целях разностороннего освещения явления, я попытаюсь дать различные классификации взаимодействия.

Согласно с элементами взаимодействия можно классифицировать виды взаимодействия в зависимости: 1) от количества и качества взаимодействующих индивидов, 2) в зависимости от характера актов и 3) в зависимости от характера проводников.

§ 1. Виды взаимодействия в зависимости от индивидов

I. В зависимости от количества индивидов

В зависимости от количества индивидов можно различать случаи взаимодействия:

1) между двумя индивидами, 2) одним и многими (лектор и аудитория, актер и зрители, вождь и солдаты etc.), 3) между многими индивидами с той и другой стороны или между двумя группами индивидов (схватка полка с полком, взаимодействие профессиональных групп, государств, наций и т. д.).

С количественной стороны все процессы взаимодействия входят в одну из этих групп.

Легко видеть, что типы взаимодействия второй и третий могут быть разложены на ряд взаимодействий первого типа, т. е. на множество взаимодействий одного с одним. Комбинируя и слагая каждую пару таких взаимодействий со всеми их свойствами, мы можем получить любую форму взаимодействия второго и третьего типа.

Это деление имеет не только формальное значение. Количество взаимодействующих индивидов, независимо от их качества, само является весьма важным условием, придающим ряд свойств процессу взаимодействия и играющим, как увидим в свое время¹, колоссальную роль в явлениях общественной жизни и поведения людей². Взаимодействие двух резко отличается от взаимодействия трех, от общения одного и многих и одной группы с другой группой. Каждый из этих процессов, даже при предпосылке качественной однородности индивидов, будет иметь свои специфические черты, не имеющиеся в других процессах взаимодействия.

II. В зависимости от качества индивидов

В зависимости от качества индивидов процессы взаимодействия распадаются на самые различные виды.

Качество их имеет громадное значение для характера и свойств взаимодействия. Ross правильно отмечает тот факт, что новейшая социология, в отличие от старой, начинает «объяснять определенные социальные группировки, оппозиции и социальные взаимоотношения прирожденными различиями индивидов». «Первые социологи, — говорит

¹ Влияние количества индивидов в связи с плотностью и густотой населения на социальную жизнь и поведение людей будет трактоваться в «Социальной механике».

² См. для примера далеко не исчерпывающие суть дела работы: *Simmel G. Soziologie*, S. 47-133, *Coste A. Les principes d'une sociologie objective* и *Ego же. L'experience des peuples* и др.

)

Глава V. Классификация форм взаимодействия

201

он, — совершенно игнорировали качественные различия народонаселения. Конт не учитывал их совершенно. Теперь социолог, пытающийся объяснить социальные явления, поражается разнообразием реакций, несходных ответов на сходные стимулы, данные в группе. Здесь существуют контрасты набожного с ненабожным, смотрящего назад (традиционалиста) со смотрящим вперед, любителя риска с человеком, боящимся риска, и т. д. Народонаселение может казаться серым лишь издали; вблизи же оно оказывается многоцветным; группируя сходных со сходными, мы получаем самые различные виды контрастов и эффектов³.

В настоящее время мы имеем ряд теорий, учитывающих качественное различие индивидов и пытающихся тем или иным различием их объяснить ряд социальных явлений. Так, проф. Thomas различием пола объясняет многие свойства мужчин и женщин, а соответственно — и многие социальные явления. Аммон, Лапуж, Closson и Ripley ряд свойств взаимодействия и социальных процессов выводят из различия рас. Brooks Adams, Patten, Giddings, Ratzenhofer и другие дают нам теории психологических типов, историю социальной борьбы последних и общественные явления, обусловленные

преобладанием того или иного типа в истории Англии, Америки и других стран⁴.

Не входя по существу в рассмотрение этих теорий (они составят предмет «Социальной механики»), отметим только, что важнейшее значение имеют здесь формы взаимодействия между лицами, принадлежащими к:

- a) одной семье
- b) одному государству
- c) одной расе
- d) одной языковой группе
- e) одному полу
- f) одному возрасту

m) [группам], сходным по профессии, степени богатства, религии, объему прав и обязанностей, по политической партии, по научным, художественным, литературным вкусам и т. д. к: a) разным семьям b') разным государствам c') разным расам d') разным языковым группам e') разным полам f) разным возрастам

m') [группам], различным по профессии, по имущественному положению, религии, объему прав, по партии и т. д.

³ Ross E.A. Foundations of sociology, p. 293.

⁴ Изложение вопроса см.: Ross E.A. Op. cit, p. 290 и ел.

2 02

Система социологии. Том I

Сходство или различие взаимодействующих индивидов в одном из этих отношений имеет громадное значение для характера взаимодействия⁵.

Взаимодействие между однородными единицами и по своим свойствам, и по результатам будет носить совершенно иной характер, чем между единицами разнородными⁶.

Степень однородности и разнородности, конечно, вещь относительная. Она может быть большей и меньшей. Она может быть обусловлена физическими и биологическими условиями (рост, цвет кожи, пол, возраст, степень здоровья и т. д.), может состоять и в психосоциальных различиях (культурный и первобытно-неразвитый человек, люди высшей и низшей касты, сословия и класса, люди, говорящие на одном языке и на разных, люди одной и различных социальных групп, люди одних убеждений: религиозных, политических, научных, правовых, эстетических и т. п. и различных убеждений, словом — люди социально сходные в большей или меньшей степени и социально несходные.

Все эти сходства и различия чрезвычайно сильно влияют на взаимоотношения индивидов, на процесс взаимодействия и на характер групп, образуемых индивидами.

Степень различия иногда, казалось бы, самая незначительная, является непреодолимым препятствием для установления социально солидарного единства. Так, например, различие по кровному происхождению, языку и религии, как мы знаем, часто в истории, особенно на ее первичных ступенях, было одной из важных причин, вызывавших смертельную борьбу между различными индивидами.

Ряд различий часто ведет к тому, что несходных индивидов люди перестают считать подобными себе существами, поэтому и поведение их по адресу таких «чужаков» принимает совершенно иной характер, чем по адресу «своих», признаваемых подобными себе. Этот факт послужил поводом к тому, что ряд социологов стал считать социальным явлением только взаимоотношения сходных между собой индивидов: единиц, обладающих «сознанием рода» (Гиддингс), людей, активизирующих друг с другом (Болдуин, Звоницкая)⁷, и т. п. Ниже я покажу, что в таком понимании социального явления кроется узость, что Гиддингс переоценивает роль сходства (like-mindedness), что оно не может быть принято, но

⁵ См. об этом т. II данной «Системы социологии».

⁶ Giddings правильно говорит: «Индивиды радуются своему сходству. Белый радуется белым и часто испытывает неприятные чувства к черным, с которыми приходится ему вступать в контакт. Сходство в верованиях и убеждениях вызывает симпатию, несогласие и несходство — ссору» и т. д. См.: Giddings F. Elements of

Sociology. 1912, p. 4.

⁷ См.: Giddings F. Elements of sociology. 1912, гл. I; Болдуин Дж. Духовное развитие и Interpretations; Звоницкая А. Социальная связь. Опыт теоретической социологии. Киев, 1914.

Глава V. Классификация форм взаимодействия

2 0 3

вместе с тем роль сходства и несходства индивидов такие теории подчеркивают достаточно ясно⁸.

Далее степень сходства и различия дает себя знать и в вопросах социальной солидарности, и социальной дифференциации, и в формах властвования и эксплуатации одними других, и во множестве других социальных явлений. Сложный социальный агрегат, составленный, например, из лиц разных рас, при прочих равных условиях будет резко отличаться от агрегата, составленного из индивидов одной расы. Социальная группа, состоящая из лиц одного пола (мужские и женские монастыри, Запорожская сечь и т. д.), при прочих равных условиях даст ряд явлений, которых не имеет группа, состоящая из представителей разных полов, и обратно — лишена будет ряда свойств, имеющихся у второй.

Исследование любой социальной группы требует прежде всего познания количества и качеств индивидов, ее составляющих. Вне этого нельзя понять ни истории, ни судеб данной группы. Нельзя понять потому, что *характер и свойства взаимодействия функционально связаны с характером и свойствами взаимодействующих центров*.

Это положение близко к аксиоме: оно представляет почти очевидную истину. В самом деле, свойства и характер взаимодействия между камнями будут совершенно отличаться от свойств и характера взаимодействия между организмами, например между птицами или двумя позвоночными. Если в первом случае почти все взаимодействие ограничивается отношениями тяготения, то во втором — налицо ряд движений, совершающихся не в силу только принципов инерции и тяготения, но в силу целого ряда других условий; явления взаимных акций и реакций в виде, например, борьбы, или полового спаривания, или кормления детеныша и т. д. и т. д. Истинность этой теоремы сохраняет свое значение и в более частных случаях: взаимодействие двух мужчин неизбежно будет носить во многих отношениях иной характер, чем взаимодействие мужчины и женщины, общество детей (как система взаимодействия) будет резко отличаться от

⁸ Возьмем для примера такое различие, как цвет кожи. Известно, что в Америке он является причиной «проклятого» расового вопроса. Несмотря на все теории гуманизма, равенства и т. д., между белыми и черными в Америке и Африке, в силу различия цвета кожи, продолжает царить полная отчужденность и скрытый антагонизм. Соглашаясь с Стотег'ом и другими исследователями этого вопроса, Callaway пишет: «Белые христиане категорически отказываются общаться и дружить с черными христианами. Чем это объяснить? Чем вызвано такое различие? Это не отчужденность чистого и грязного человека, культурного и варвара; нет, основанием такого явления служит инстинктивный цветной предрассудок: (an instinctive colour prejudice). Это та инстинктивная антипатия, которая объясняет, почему простой англичанин не сядет за один стол с чистым и прекрасно одетым черным человеком» (негром). См.: Callaway. Colour antipathies // The East and the West. 1910, № I. Эта цитата отлично уясняет, какое громадное значение для социальных явлений имеют сходства и различия взаимодействующих индивидов.

2 0 4

Система социологии. Том I

общества взрослых, взаимодействие «барчука» и оборвыша даст иную картину, чем взаимоотношения двух «барчуков», отношения двух европейцев будут иными, чем отношения европейца и готтентота и т. д. *Эту теорему мы находим у Спенсера в виде положения «характер агрегата зависит от характера единиц, его составляющих»**.

Из этой общей теоремы в качестве частного случая вытекает положение: *характер и свойства взаимодействия людей друг с другом функционально связаны с характером и*

свойствами взаимодействующих людей.

§ 2. Виды взаимодействия в зависимости от характера актов

8 зависимости от характера актов, которыми взаимодействующие индивиды раздражают друг друга и реагируют на эти раздражения, процессы взаимодействия могут быть группируемы на сотни и тысячи способов. В нижеследующем я бегло остановлюсь лишь на нескольких подразделениях, диктуемых задачами дальнейшего анализа.

I. Типы взаимодействий в зависимости от актов делания и неделания

При анализе актов было указано их разделение на акты *делания* и *неделания* (воздержания и терпения).

С этой точки зрения взаимодействие между двумя сторонами может дать такие формы:

1) *А* может что-либо делать. *В* может отвечать на это также актами делания. *А* ударяет *В*. *В* отвечает ударом, бранью, бегством и другими актами делания на действия *А*. *Взаимодействие принимает форму обмена актами делания с той и другой стороны*. Акт-раздражитель и акт-реакция представляют акты делания.

⁹ См.: Спенсер Г. Введение в изучение социологии, гл. III. Критика, которой подвергают это положение Сигеле, Де-Грееф, Тард, Гумплович и Росс, не затрагивает его существа, а касается лишь неправильных выводов из него, гласящих: 1) что *свойства* общества представляют простую сумму свойств составляющих его индивидов; 2) что общество поэтому может быть рассматриваемо как увеличенная *копия* индивида.

Для всякого вдумчивого читателя совершенно ясно, что эти положения совершенно отличны от нашей теоремы и из нее не вытекают. Если уровень ртутного столбика в термометре мы назовем функцией давления атмосферы, то из этого вовсе не следует, что ртутный столбик есть копия давления атмосферы или представляет сумму свойств последней. К сожалению Г. Спенсер сам отчасти виновен в том, что дает основание для такого истолкования указанной в тексте его теоремы. См.: Сигеле С. Преступная толпа. СПб., 1896, с. 1-17; Ross E.A Foundations of sociology. 1905, p. 116-148.

Глава V. Классификация форм взаимодействия

2 05

2) *А* может что-либо делать. *В* может реагировать на это активным терпением и перенесением действий *А* или воздержанием от отпора актам последнего. *А* бьет *В*, *В* терпеливо переносит удары *А* (напр[имер], рабовладелец и раб). *Взаимодействие принимает характер обмена актами делания, с одной стороны, и актами терпения или воздержания — с другой*. «Акт-раздражитель» — делание, «акт-реакция» — неделание.

3) *А* может воздерживаться от чего-либо, например от посягательств на жизнь *В* или от доставления последнему определенной вещи (денег и др. предметов). *В* на это реагирует актами делания (напр[имер], благодарит *А* за то, что он пощадил его жизнь или принуждает *А* отдать ему деньги). *Взаимодействие принимает характер обмена актами неделания (воздержания, терпения), с первой стороны, и актами делания — с другой*. «Акт-раздражитель» — неделание, «акт-реакция» — делание.

4) *А* может воздерживаться от делания чего-либо. *В* может реагировать на это актами воздержания или терпения со своей стороны. Так, *А* может молчать. На его молчание *В* реагирует также молчанием. *А* воздерживается от битья *В*. *В* воздерживается от битья *А*.

Взаимодействие принимает характер обмена актами неделания с обеих сторон. «Акт-раздражения» и «акт-реакции» представляют акты неделания. Таковы основные типы взаимодействия в зависимости от характера актов делания и неделания, которыми обмениваются взаимодействующие индивиды. Под эти случаи можно подвести все формы взаимодействия людей, рассматриваемые с точки зрения актов делания и неделания¹⁰.

II. Взаимодействие одностороннее и двустороннее

Односторонним я называю такое взаимодействие, где переживания и поведение одной стороны зависят и обуславливаются другой стороной, но переживания и поведение последней не зависят от первой.

Схема одностороннего взаимодействия: «*A является раздражителем для B; B не является им для A*».

Иллюстрация. X влюблен в г-жу Y, не ведающую о существовании X-а. X узнает, что Y сегодня едет в театр. Желая видеть ее, X едет туда же. Акт г-жи Y — отправление в театр — совершается независимо от влияния и поведения X-а, акты же последнего обусловлены поведением Y: она едет, и X едет; если бы она не поехала — и X не поехал бы.

Второй пример. Взаимоотношения арестованного «контрреволюционера» и членов всевластной Чрезвычайной комиссии. В этих взаимо-

¹⁰ Легко увидеть, что данное деление представляет измененное деление актов и взаимоотношений, данное Л. Петражицким (*facere* — *accipere*, *non facere* — *pop pari*, *facere* — *pari*)^{1*}. Изменения вызваны тем, что здесь акты рассматриваются не с правовой точки зрения, и задания иные, чем те, которые имелись у Л.И. Петражицкого. См.: *Петражицкий Л.И. Теория права*, т. I, с. 71 и сл.; т. II, § 32.

206

Система социологии. Том I

отношениях, как показывают недавние факты, судьба первого всецело зависела от последних; они могли его освободить, держать в тюрьме и расстрелять; судьба же самих членов комиссии в ряде случаев совершенно не зависела от поведения и желаний их жертвы. Третий: взаимодействие X-а, копирующего, подражающего манерам Y-а, при отсутствии обратного влияния X-а на Y-а. В общественных взаимоотношениях людей дано немало таких форм одностороннего взаимодействия. Если не в абсолютном, то в относительном смысле они весьма часто выступают в явлениях подражания и властвования; в отношениях господина к рабу, власть имеющего к подчиненному, сильного к слабому, победителя к побежденному, человека, от которого зависит удовлетворение просьбы, к просителю, деспота к подчиненным, высшей касты к низшей, часто в отношениях учителя к ученику, воспитателя к воспитаннику, покровителя к клиенту, сеньора к вассалу — короче говоря, *всюду, где есть состояние односторонней зависимости, где дано неравенство сил или прав, где судьба и жизнь одних поставлена в одностороннюю зависимость от воли или каприза других*".

Внешними признаками таких односторонних процессов взаимодействия служит часто тот признак, что одна сторона «просит», «умоляет», «смирненно бьет челом», «позволяет себе всенижайше и почтительнейше ходатайствовать» и т. п., а другая «соизволяет», «делает милость», «приказывает», «повелевает», «решает», «постановляет» и т. п. Такие явления мы встречаем в так называемых властных отношениях. «Власть есть возможность не только самому действовать, но и определять чужие действия, определять чужое поведение»¹². Это определение власти вполне совпадало бы с понятием одностороннего взаимодействия, если бы к нему было добавлено указание на независимость поведения властвующей стороны от подвластной. Мы могли бы поэтому пользоваться термином «властных отношений», но так как термин власти избит и понимается в разных смыслах и так как им обычно обнимается не весь класс соответствующих явлений, то предпочтительнее этим термином не пользоваться.

Рядом с односторонним взаимодействием дано взаимодействие *двустороннее*, где переживания и поступки индивидов взаимно обусловлены. Их схема такова: «*A раздражитель для B; B раздражитель для A*».

Примеры: X соглашается доставить Y-ку пуд муки, если Y доставит X-у 10 фунтов сахара. Продавец отпускает товар, покупатель платит деньги. Здесь совершение или несвершение акта одной стороной обусловлено действиями другой стороны и обратно. Явления свободного договора, купли-продажи, акты, изучаемые обязательственным правом, явления товарищества, взаимопомощи — словом, все взаимоотношения

¹¹ К этому типу взаимодействия относятся те формы общения, которые *Зиммель* называет отношениями *Ober- und Unterordnung*^{2*}. См.: *Soziologie*, гл. 3.

¹² *Магазинер Я.М. Лекции по государству [енному! праву. 1919, с. 18.*

людей, где они выступают свободными и равноправными субъектами, дают множество взаимоотношений, принадлежащих к категории двусторонних взаимодействий. Между этими типами распределяются все виды взаимодействия.

III. Взаимодействие длительное и временное

Далее можно различать взаимодействие временное, которое возникает и быстро исчезает, и взаимодействие длительное, где индивид в течение продолжительного времени обуславливает переживания и поведение другой стороны или они обуславливают себя взаимно.

Это длительное взаимодействие временами тянется в продолжение всей жизни взаимодействующих индивидов. Примером первого типа может служить взаимодействие между покупателем и продавцом. Совершив акты купли-продажи, тот и другой перестают взаимодействовать. Связь на несколько минут вспыхнула и угасла. К этому же типу взаимодействий относится множество обыденных взаимоотношений: кратковременная встреча незнакомых лиц в дороге, в трамвае, в театре и т. д., встреча, не оставляющая никаких следов, где, разойдясь, забывают о новых знакомых.

Ко второму типу относятся: взаимоотношения супругов, отношение раба и господина, взаимоотношения родителей и детей, короче говоря — все взаимные акции и реакции двух или большего числа индивидов, где одна или обе стороны в течение продолжительного времени *непрерывно* обуславливаются в своих переживаниях и поведении другой стороной.

В тех случаях, где индивиды живут вместе, такое длительное взаимодействие понятно. Таков, например, случай, когда два индивида живут совместно бок о бок и находятся в процессе постоянного обмена своими акциями и реакциями. Понятно оно даже и тогда, когда два индивида живут хотя и в раздельности, но благодаря проводникам продолжают обмениваться акциями и реакциями (писька, телеграммы, посылки и т. д.):

Теперь спрашивается, возможно ли такое длительное взаимодействие в том случае, когда, например, один индивид живет в Австралии, а другой в Европе, и когда между ними нет никаких внешних признаков взаимодействия: ни прямо, ни путем проводников они не передают раздражений друг другу?

Как бы с первого взгляда ни казалось странным, однако на этот вопрос следует ответить положительно. Муж годы может жить в Австралии, а жена — в Европе, целые годы они могут не давать друг другу никаких вестей и, однако, могут взаимодействовать друг с другом, т. е. обуславливать взаимное поведение: например удерживать от актов нарушения супружеской верности, от флирта, от женитьбы или выхода замуж, короче говоря — от целого комплекса поступков, которые в противном

2 08

Система социологии. Том 1

случае были бы совершены. Такие случаи поэтически изображены Коль-риджем в его «Кристабель»:

Друг с другом розно, а тоскою
Сердечны язвы все хранят:
Так два расторгнутых грозою
Утеса мрачные стоят. —
Их бездна с ревом разлучает
И гром разит и потрясает —
Но в них ни гром, ни вихрь, ни град,
Ни летний зной, ни зимний хлад
*Следов того не истребили,
Чем некогда друг другу были.*

Эмигрант может быть на целые годы заброшен в чужую страну и оторван от своей родины, от партии, от близких друзей и знакомых. И, однако, сознание своей принадлежности к определенной партии, к определенной группе, может тем или иным

образом влиять на его поведение: вызывать одни поступки, удерживать от других, обуславливать ряд переживаний и т. д.

Спрашивается, как и чем объяснить такие факты? Как возможно такое взаимодействие, где нет, казалось бы, никаких проводников взаимных акций и реакций?

Не являются ли они каким-то странным и непонятным исключением? Вопрос этот имеет тем большее значение, что он применим не только к явлениям сейчас указанным, но и *ко всякому длительному взаимодействию*, даже к такому, где взаимодействующие индивиды живут бок о бок: ведь и последние, живя вместе, не непрерывно соприкасаются друг с другом; каждый день в известные часы они расходятся, обмен актами на эти часы прекращается, ни прямо, ни через проводники они в эти часы не действуют друг на друга. Между тем раз мы говорим о длительном взаимодействии, то разумеем, что оно *непрерывно* в продолжение своего существования, что оно если не кинетически, то потенциально существует каждую минуту и влияет при надлежащих случаях на поведение сторон или стороны. Если бы оно было прерывным, мы не имели бы длительного взаимодействия — оно распадалось бы на множество кратковременных процессов последнего; таким образом, само различие кратковременного и длительного взаимодействия теряло бы всякую почву.

Под длительным взаимодействием разумеется взаимодействие непрерывное, где одна или обе стороны в течение продолжительного времени или пожизненно влияют друг на друга. Стало быть, вышепоставленный вопрос — как возможно длительное взаимодействие при раздельности и изолированности индивидов — имеет значение и для всех длительных процессов взаимодействия.

Глава V. Классификация форм взаимодействия

2 09

Ответ на эти вопросы дан выше. Супруги, из которых один живет в Австралии, а другой в Европе, в течение ряда лет не обменявшиеся никакими вестями, могут, тем не менее, быть в состоянии длительного взаимодействия, т. е. в течение ряда лет обуславливать взаимное поведение в силу того, что, как показано было выше, среди актов поведения людей есть акты, *способные влиять длительное время после их совершения*.

Всякое длительное взаимодействие обычно и состоит из одного или ряда таких актов, имеющих продолжительный эффект. Сам акт, породивший это длительное влияние, давно уже исчез, он мог быть минутным, но его результаты могут быть длительными и пожизненными. Акты заключения брака нормально принадлежат к числу таких поступков¹³.

Раз совершенные, они продолжают жить и влиять на поведение человека, как влияет раз полученная чахотка, как влияют наследственно полученные склонности, как влияют на женщину акты совокупления. Подобно тому, как удар ножом может оставить пожизненные следы в виде, например, лишения зрения или повреждения мыслительных способностей, которые могут обуславливать собой поведение индивида в течение его жизни, так же и ряд раздражений может оставить физио-психические следы (в виде переживаний долга, обязанности, права, правомочия и т. д.), которые изгладить бессильны «и гром, и вихрь, и град, и летний зной, и зимний хлад». Они определенным образом будут влиять долгие годы или всю жизнь, например: удерживать от нарушений супружеской верности, вызывать переживания любви к возлюбленной, любви к своим товарищам по партии, чувство горечи при унижении родины и т. д.

Следовательно, ответ на вопрос — как возможно длительное взаимодействие, когда между взаимодействующими индивидами долгое время нет обмена акциями и реакциями, — гласит: оно возможно в силу того, что некогда одна или обе стороны совершили ряд актов, которые принадлежат к числу раздражителей, обладающих способностью влиять на поведение другого долгое время после совершения самих актов и вызванных ими реакций. Сказанное дает ответ и на второй вопрос: длительное непрерывное взаимодействие между двумя индивидами, живущими совместно, но не непрерывно обменивающимися взаимными акциями и реакциями (отъезд одного на несколько дней, разлучение их по тем

или иным поводам, вообще все те промежутки времени, когда по разным причинам они оказываются изолированными), возможно в силу того, что акты-раздражители не теряют своего влияния мгновенно, а продолжают действовать длительно и после своего окончания; продолжение влияния таких актов заполняет промежутки времени от одного акта-раздражителя до другого и делает таким образом возможной непрерывность взаимодействия.

¹³ О делении актов см. выше, с. 116 и ел.

210

Система социологии. Том I

Вот почему поведение раба обусловлено поведением господина и тогда, когда раб не видит и не воспринимает непосредственно и через проводников актов-раздражителей, исходящих от первого. Вот почему поведение и переживания детей или супругов обуславливаются родителями или супругом и тогда, когда их нет налицо, когда они в отлучке, в отъезде и т. д. Ряд «следов», оставленных их действиями в «душе» или в нервной системе первых, продолжает влиять на поведение и переживания детей и супругов: удерживать от одних поступков, побуждать к другим, давать импульсы к третьим и т. д.

Если бы этих «следов» или последствий акта раздражителя не было, не могло бы быть длительного взаимодействия, особенно при продолжительной пространственной разделенности взаимодействующих лиц. Раз их поведение не обуславливается другой стороной, то нет и взаимодействия. Раз супруг, живущий годы вдали от супруга, нарушает супружескую верность, нисколько не считается в своем поведении с волей другого и притом изолирован и не сносится с последним, то в таких случаях нет взаимодействия: супруги друг для друга как бы не существуют или существуют так же, как существуют сотни Иванов и Петров, которые нас не знают, которых мы не знаем и с которыми у нас нет связи.

Таково основное условие, делающее возможным непрерывное длительное взаимодействие.

Эта длительность и непрерывность поддерживается рядом других условий, но о них речь пойдет ниже¹⁴.

IV. Взаимодействие антагонистическое и солидаристическое

По направлению и взаимоотношению актов взаимодействующих лиц можно различать взаимодействие: 1) антагонистическое и 2) солидаристическое.

¹⁴ Dupreel выдвигает иную теорию для объяснения длительных взаимодействий. Он объясняет их тем, что длительные взаимодействия сохраняются и существуют в силу того, что они влекут взаимозависимости не только между взаимодействующими, но и между ними и другими лицами. Tels rapports sociaux en entraînent d'autres, entre ceux qu'ils unissent et les autres membres de la Société où ils vivent^{3*}. Напр[имер], брак вызывает социальные отношения не только между вступающими, но и между другими лицами — их соплеменниками. Такие отношения, говорит он, можно назвать дополнительными (complementaires). См.: Dupreel E. Le rapport social, p. 33.

Условие, указываемое Дюпрелем, является важным благоприятствующим длительности взаимодействия условием, но оно не в состоянии объяснить его. Мы можем представить обоих супругов живущими в обществе людей, которым не известны их status familiae^{4*}, и однако взаимодействующими. И обратно, если бы не было актов с длительными последствиями, никакие комплементарные отношения не в состоянии были бы сделать длительное взаимодействие непрерывным.

Глава V. Классификация форм взаимодействия

211

Но что нужно понимать под каждым из них? Эти термины весьма часто употребляются, но редко в них отдают отчет. Частое употребление превратило их в неопределенные кляксы, понимаемые в самом разном смысле¹⁵.

Условимся поэтому, в каком смысле будут употребляться эти термины здесь.

А) Под антагонистическим взаимодействием я разумею такое взаимодействие, где

один или оба индивида стремятся произвести действие в некотором отношении противоположное тому, которое стремится произвести другая сторона¹⁶. Говоря иначе, антагонизм взаимодействия дан тогда, когда одна сторона стремится побудить другую сторону на такие акты, которые другая сторона совершить не хочет или совершенно которых она противится.

¹⁵ Вполне основательны замечания *Парето* по этому поводу. «Термины, — говорит он, — благодаря способу их употребления, теряют в конце концов всякое значение. Таков, напр[имер], модный в настоящее время термин "солидарность". Этим термином так злоупотребляют, что его начинают применять ко всему. Протекционисты, напр[имер], вызывают к солидарности. Они утверждают, что протекционные права создают солидарность между хозяином и рабочим. Бедные невинные души! Лишь любовь к солидарности заставляет их требовать, чтобы их сограждане платили им дань! Мне пришлось слышать, как очень образованный человек утверждал в публичной речи, что "наука не заслуживает своего имени, если она не развивает чувств солидарности". В таком случае геометрия не наука, ибо трудно приписать ей хотя бы малейшее влияние на "солидарность". В какой публичной речи, начиная с тоста и кончая речью министра, не встретится слово "солидарность"? Люди, которые его употребляют, по-видимому, потеряли всякое чувство смешного. Надо переделать Тартюфа. Будьте уверены, что в наше время Тартюф стремился бы соблазнить Эльмиру и грабить простака Оргона во имя солидарности» (*Pareto V. Le peril socialiste. 1900, p. 26*). См. также: *Pareto V. Trattato di sociologia generale. 1916, vol. I, p. 197-330* и *passim*, где автор беспощадно критикует и осмеивает ряд моднейших понятий, вроде «солидарности», «госпожи природы», «прогресса», «демократии» и т. д., показывая неточность, разнородность и бессодержательность подобных терминов, потерявших всякое точное значение от их постоянного употребления. Не менее правильны замечания *Giard'a* по поводу противоположного термина — антагонизма и «борьбы за существование». «В настоящее время, — говорит он, — приписывают словам "жизненная конкуренция", "естественный отбор" и т. п. какую-то магическую добродетель. Светские люди, в особенности литераторы, которые, за редкими исключениями, говорят обо всем этом без предварительного изучения и не понимая истинного смысла явлений, философы и метафизики и даже ученые считают объясненным явление, раз указано на атавизм или борьбу за существование, в особенности когда указано по-английски: *Struggle for life*^{5*}. Ничто не сопротивляется этому "Сезам, откройся!", который должен открыть нам все тайны биологии и социологии» (*GiardA. Facteurs primaires de revolution // Librairie Croville-Morant, XII*).

¹⁶ Ср.: *Делевский Ю.* Социальные антагонизмы и классовая борьба в истории. СПб., 1910, с. 1.

212

Система социологии. Том I

Примеры: *A* хочет съесть хлеб; *B* противится этому и препятствует *A* выполнить его желание.

A движется в одном направлении; *B* движется в противоположном. Сталкиваясь, они препятствуют двигаться друг другу.

Общая схема: *A*, стремясь совершить акт *X*, находит препятствие со стороны *B*, стремящегося совершить акт поп-*X*

В обыденных сношениях людей дано множество антагонистических взаимодействий. Конкретные формы их бесчисленны. Начиная от смертельной схватки двух лиц, борьбы не на жизнь, а на смерть целых групп, проходя через явления конкуренции, гнета, порабощения, эксплуатации и кончая такими явлениями, как спор (религиозный, политический, судебный, научный и т. д.), антагонистические взаимодействия принимают самые разнообразные виды.

В социологической литературе мы имеем ряд попыток дать классификацию антагонизмов или конфликтов. Так, Тард делит все конфликты на конфликты *ряда* (напр

[имер] эволюция и контрэволюция), конфликты *степени* (увеличения и уменьшения роста, повышение и понижение какого-либо явления, напр [имер] преступности, браков, рождений и т. д.), конфликты *смысла* (конфликт стремлений двух сил, борющихся за власть, жизнь и влияние). Конкретными формами конфликтов смысла являются борьба, конкуренция и спор¹⁷. Для наших целей эта классификация мало пригодна. Конфликты ряда и степени, собственно говоря, трудно отнести к явлениям антагонистического взаимодействия людей. Они имеют в виду скорее противоположение мировых явлений вообще, а не человеческих акций и реакций.

Более пригодна и отвечает сути дела классификация Ю. Делевского. Он различает антагонизмы: 1) *односторонние* и *двусторонние*. Односторонними являются те, где только одна сторона грозит интересам другой стороны (напр[имер], волки интересам овец); двусторонними — те, где обе стороны грозят интересам друг друга (напр[имер], антагонизм двух хищников); 2) *безусловные*¹⁸, *условные*. Первые даны там, где одна сторона стремится физически уничтожить другую, вторые — там, где интерес одной стороны не требует уничтожения другой. Таковы явления гнета, порабощения, эксплуатации или судебной тяжбы. Если обе стороны требуют уничтожения другой, такой антагонизм будет *абсолютным*; 3) *по характеру антагонизирующих* групп можно различать антагонизмы племенные, национальные, расовые, государственные, династические, классовые, сословные, религиозные и т. д.; 4) *по интересам* антагонизмы распадаются на экономические, политические, идеологические и т. д.¹⁸

¹⁷ Тард Г. Социальные законы. СПб., 1906, с. 45-83.

¹⁸ См.: Делевский Ю. Социальные антагонизмы, с. 14-10, 53-54. См. также перечень антагонизмов в статье: Savorgnan F. Les antagonismes sociaux // Scienza. 1914, I-VII, p. 138-146.

Глава V. Классификация форм взаимодействия

213

Рядом с этими формами антагонизма важно выделить ряд других форм, исходящих из других принципов классификации.

Прежде всего можно различать антагонизмы *сознательные* и *бессознательные*. Первые даны тогда, когда сами взаимодействующие индивиды сознают, что их стремления противоположны. Примерами этого типа могут служить взаимодействие преступника, желающего убежать, и надзирателя, стремящегося не допустить бегства; взаимодействие насильника и жертвы, когда стремления того и другого осознаны; взаимодействие двух врагов, борющихся за жизнь, двух соперников, осознавших противоположность своих целей, желаний, стремлений и интересов.

Под бессознательными антагонизмами следует разумеать те конфликты стремлений, которые объективно даны, но субъективно антагонистами не осознаны. К этому именно типу принадлежит большинство антагонистических взаимоотношений животного мира. Там осознания интересов, целей, стремлений нет. Однако антагонизмы поведений и актов (рефлективных и инстинктивных) даны. Таковы взаимоотношения кошки и мыши, волка и овец, двух хищников, борющихся из-за добычи, короче говоря — множество явлений, объединяемых термином «борьба за существование» (борьба двух организмов за питание, за воздух, поедание друг друга, паразитизм и т. д.).

Такие бессознательные антагонизмы имеются и во взаимоотношениях людей. Не каждый антагонизм ими осознан. Часто интересы и стремления людей объективно противоположны, но эта противоположность не сознается. Таковы, например, интересы предпринимателя и рабочего, брамина и шудры, раба и господина, двух конкурентов и т. д. Каждый из них весьма часто стремится к таким результатам, достижению которых препятствует другой или осуществление коих другой аннулирует своими действиями. Мешает и аннулирует при отсутствии сознания о противоположности стремлений.

Далее, можно и должно различать антагонизм: 1) *вытекающий из сходства индивидов* в том или ином отношении (напр[имер], конкуренция двух лиц одной профессии, претендующих занять одно и то же вакантное место; конкуренция двух

мужчин из-за одной женщины)¹⁹; 2) антагонизм, вытекающий из различия взаимодействующих индивидов в том или ином отношении (напр[имер], расовые антагонизмы, антагонизм двух политических противников — реакционера и революционера, антагонизм пролетария и капиталиста и т. д.).

По количеству взаимодействующих лиц может быть антагонистическое взаимодействие: а) между двумя лицами (судебный поединок, смертельная схватка, спор, конкуренция двух лиц), б) между одним и многими

¹⁹ Отсюда ясна ошибка Гиддингса, считающего, что сходство индивидов всегда влечет их солидарность, а несходство — их антагонизм. См.: Giddings F. The elements of sociology]. 1912, p. 53 и ел.

214

Система социологии. Том I

(деспот и подчиненные, стремящиеся свергнуть его; политический оратор и собрание, враждебно настроенное к нему; предприниматель, стремящийся понизить плату, и рабочие, стремящиеся повысить ее, и т. д.), с) между группами взаимодействующих индивидов (антагонизмы двух племен, родов, государств, классов, церквей, литературных, художественных групп, акционерных компаний и т. д.).

Конкретными формами (диагностическими симптомами) антагонистического взаимодействия являются факты смертельной схватки (войны), борьбы, противоположности движений, конкуренции, спора (судебного, религиозного, политического, научного и т. д.), вражды, насилия, принуждения и т. д. Всюду, где даны подобные явления между взаимодействующими индивидами, тем самым дано антагонистическое взаимодействие²⁰.

По потребностям, вызывающим антагонистическое взаимодействие (двух, одного и многих, многих с многими), можно различать антагонистическое взаимодействие, возникшее на почве удовлетворения потребности голода, размножения, самозащиты, общения, идейных запросов, чувственных переживаний, волевых потребностей.

В) Противоположностью антагонистическому взаимодействию является взаимодействие солидаристическое. Под ним разумеется такое взаимодействие, где одна сторона стремится побудить другую на такие акты, которые стремится совершить и другая сторона.

Пример: А хочет есть; В предлагает ему свой хлеб. А хочет двигаться по направлению тп; В предлагает подвезти А.

Общая схема: А, стремясь совершить акт Х, находит поддержку, содействие со стороны В.

Как и в случае антагонистического взаимодействия, здесь можно различать солидаристическое взаимодействие одностороннее и двустороннее, безусловное, когда все стремления А к В совпадают, и условное, когда совпадение стремлений частично; по характеру солидаризирующихся групп можно различать солидарность семейную, племенную, сословную, классовую, государственную и т. д. Далее, как и в антагонизмах, можно различать солидарность сознательную и бессознательную²¹, солидарность двух, одного и многих, многих и многих.

Рядом с этими формами солидарности следует отметить: 1) солидарность, вытекающую из сходства взаимодействующих индивидов («механическая солидарность», по терминологии Дюркгейма); 2) солидарность, вытекающую из различия индивидов, в частности из несходства их обще-

²⁰ О социальной роли антагонизмов и борьбы см.: Annales de l'Institut international] de sociologie, vol. XI, посвященный этой проблеме.

²¹ О последней см.: Кропоткин П.А. Взаимная помощь как фактор эволюции. М., 1918.

Глава V. Классификация форм взаимодействия

215

ственно-технических функций (солидарность «органическая», по Дюрк-гейму, основанная на разделении общественного труда)²².

Обе формы были отмечены еще Аристотелем. «Дружба, — говорит он, — дает место многим рассуждениям. Согласно мнению одних, она состоит в некотором сходстве: те, кто сходны, любят друг друга; отсюда пословица: подобный сходится с подобным, и ворона ищет ворону. По мнению других, наоборот, все те, которые похожи меж собой, не любят друг друга. Есть другие объяснения, которые ищут выше и берут из рассмотрения природы. Так, Еврипид говорит, что высохшая земля влюблена в дождь и что мрачное, отягощенное дождем небо с любовным бешенством кидается на землю. Гераклит утверждает, что соглашают только противоположное, что гармония рождается из различий, что разногласие — закон всякого становления»²³.

Развивая эти положения, Дюркгейм показал, что есть два вида солидарности: одна, основанная на сходстве индивидов («мы любим того, кто похож на нас, кто мыслит и чувствует, как мы»). Другая, основанная на различии индивидов, вытекающем из разделения труда: различие и несамодостаточность индивидов влекут за собой потребность в других, взаимозависимость от них. Эта взаимозависимость связывает индивидов друг с другом и в итоге — вызывает уважение к непохожим на нас индивидам. Первая солидарность, по Дюркгейму, была развита в первобытных обществах, вторая — в современных, основанных на разделении общественного труда.

Это значит, что с ходом истории «механическая» солидарность постепенно замещается органической. Так ли обстоит дело — не будем решать здесь. Не будем решать здесь и того, какое из сходств — сходство ли по биологической конституции, или по крови, или по мировоззрению и взглядам имеет наибольшее значение, или значение каждого из этих сходств различно в различные эпохи. Все это сложные вопросы, которые будут решаться в следующих частях социологии. Здесь, в пределах аналитики, достаточно констатировать эти формы²⁴.

По потребностям, вызывающим солидаристическое взаимодействие, можно различать солидарные взаимоотношения, возникшие на почве удовлетворения голода, половой потребности, потребности самозащиты, движения, отдыха, общения, идейных запросов, чувственно-эмоциональных переживаний и волевой деятельности.

Внешними проявлениями солидарных взаимодействий служат факты взаимопомощи, кооперации, подражания, общества и индивиды,

²² Вопреки Giddings'у, таковая имеется.

²³ Этика Никомаха, VIII, 1,1155a32, Цитирую за неимением под руками Аристотеля по Дюркгейму (Разделение] общественного] труда, с. 42).

²⁴ Подробно о них см.: Дюркгейм Э. Разделение общественного] труда, *passim*; Bougie C. *Revue general des theorie recentes sur la division du travail // L'annee social[ogique]*, t. 6, p. 73—122.

) 216

Система социологии. Том I

преследующие одну цель, согласно желающие, согласно мыслящие и согласно действующие, отсутствие насилия, принуждения и карательных мер во взаимоотношениях людей друг с другом.

Спрашивается, не нужно ли рядом с антагонистическим и солидаристическим взаимодействием выделить само собой напрашивающееся взаимодействие нейтральное? Можно было бы его определить как взаимодействие, где одна сторона и не содействует, и не препятствует актам и стремлениям другой стороны. Однако достаточно небольшого размышления, чтобы прийти к выводу, что такого нейтрального взаимодействия нет. Возьмем пример, согласный с этим определением нейтрального взаимодействия. *А* хочет есть; *В* не препятствует и не содействует стремлению *А*. Он предоставляет совершение акта силам и усмотрению *А*.

Что значит этот факт? Он означает не нейтральное взаимодействие, а отсутствие взаимодействия. Ни поведение *А*, ни поведение *В* в данном случае не обусловлены существованием и поведением другой стороны; они не оказывают друг на друга никакого

влияния. Если же оказывают, например *A* умоляет *B* помочь ему, а *B* остается нейтральным, то в конечном счете взаимодействие становится либо антагонистическим (напр[имер], *A* негодует на *B* за его «бесчувственность», *B* негодует на *A* за его «назойливые приставания»), либо солидаристическим (напр[имер], *A* благодарит *B* за его невмешательство, *B* признателен *A* за то, что тот обошелся без его помощи, оставил его в покое и т. д.).

Тот же вывод мы получим и во всех подобных случаях.

Из сказанного легко понять, что в группах взаимодействующих индивидов всегда существовали и существуют взаимодействия того и другого типа. Неправы те, кто в явлениях человеческой истории видит только борьбу и антагонизмы, кто основным фактором эволюции считал и считает борьбу за существование. Но неправы и те, кто держался и держится противоположной точки зрения. Антагонизм и солидарность — явления коррелятивные и относительные. Одни и те же индивиды в одном отношении могут быть антагонистами (напр[имер] по религиозным убеждениям), в другом — солидаристами (напр [имер] в деле преследования общего врага, добывания хлеба и т. д.). В борьбе одной группы с другой индивиды различных групп находятся в антагонистическом взаимодействии друг с другом, но в силу этого взаимоотношения индивидов в пределах каждой группы дают взаимодействие солидарное: борьба нескольких лиц против общего врага есть взаимная помощь этих лиц друг другу²⁵.

И в прошлом, и теперь не было и нет ни одной социальной группы (семьи, рода, племени, государства, класса и т. д.), где не было бы тех и других взаимодействий. Есть группы, где преобладают антагонизмы, есть группы, где преобладают солидарные отношения, но рядом с ними все-

²⁵ См. об этом: *Лавров П.Л.* Государственный элемент в будущем обществе. Лондон, 1876, с. 17 и ел.

Глава V. Классификация форм взаимодействия

2 17

гда существовали и существуют в первом случае солидарные отношения, во втором — антагонистические.

Существует ли историческая тенденция роста одного и падения другого?

На этот счет, как известно, в социологии существует два течения. Одни, например Тард и Спенсер, думают, что человеческий мир стремится к равновесию, к постепенному установлению царства солидарности. Другие, например Ratzenhofe и Гумплович, считают явления антагонизма неизбежными для человечества. Не будем здесь разбирать, которое из этих течений правильно (это составит тему «Генетической социологии»). Заметим только, что ответ, данный на эти вопросы Россом, представляется мне правильным. Он гласит: «люди не перестанут бороться до тех пор, пока они будут считать себя более близкими или имеющими большее единство интересов с некоторыми из их сограждан, чем со всеми остальными»²⁶.

V. Взаимодействие шаблонное и нешаблонное

Присматриваясь к взаимоотношениям людей, мы видим, что в одних случаях эти взаимоотношения носят шаблонный характер, в других — это свойство отсутствует. В первых случаях обмен акциями и реакциями носит однообразную, стереотипную форму. Так, стереотипны и шаблонны в нормальных условиях акты, регулируемые правом. Формулы и нормы права указывают этот шаблон поведения в тех или иных случаях; таковы, например, взаимные акции и реакции индивидов, составляющие обряд заключения брака, совершения купчей крепости, приобретения права собственности; шаблонны взаимоотношения начальника и подчиненного, лица, нанятого в услужение, и того, кто его нанял; шаблонно взаимодействие сторон на суде и сторон с органами суда. Шаблонны отношения в области *savoir — vivre*^{6*} профессиональной практики и т. д. Короче, множество взаимоотношений индивидов совершается более или менее шаблонно, однообразно, согласно определенным нормам, обычно указываемым официально — правовыми кодексами, обычаем, религиозными заповедями, конвенционально-

житейскими правилами и т. д. Другие взаимоотношения такого шаблона не дают. Они изменчивы и неустойчивы. Сегодня они совершаются так, завтра иначе. Таковы чаще всего те взаимоотношения, которые еще не вылились в определенную правовую норму или обычай, которые не успели еще застыть и кристаллизироваться в определенные формы.

Таковыми нешаблонными отношениями обычно служат отношения новые, возникающие в новых условиях и в силу этого отношения не повторявшиеся, не ставшие привычными.

Ross E.A. Foundations, p. 290.

218

Система социологии. Том I

Шаблонные же формы взаимодействия почти всегда представляют взаимоотношения, повторявшиеся часто.

Их путь возникновения обычно таков. Там, где взаимодействие и сосуществование индивидов не слишком кратковременно, а длительно или постоянно, там взаимоотношения их мало-помалу кристаллизуются и шаблонизируются²⁷. Иными словами, они организуются. Оседая в определенной форме, эти взаимоотношения повторяются, повторение актов делает их привычными, привычка становится обычаем — неосознанным шаблоном, обычай с осознанием его превращается в юридическое правило — в осознанный шаблон. Совокупность таких осознанных шаблонов поведения в определенной сфере (напр[имер], в области семейных отношений, в области приобретения, владения, пользования и распоряжения вещами, в области управления и т. д.) можно назвать *институтом* (семейным, собственности, управления и т. д.). Система институтов поведения образует то, что носит название *организации* «общества». Таким образом, схема образования шаблонных взаимодействий и организации «общества» такова: 1) акт, 2) его повторение (привычка), 3) обычай, 4) юридическое правило, 5) институт, 6) организация²⁶.

Нешаблонные отношения — это отношения новые", не успевшие еще пройти эти стадии.

Конечно, это деление относительно. Но оно дает себя знать во многих явлениях, в частности в свойствах взаимодействующих групп и в характере переживаний индивидов, сопровождающих подобные взаимоотношения.

Так, сообразно степени шаблонности взаимодействия можно различать различные виды человеческих групп. Отсутствием шаблонности взаимодействия характеризуется *толпа и публика* как формы человеческих групп. *Толпа* — это случайное собрание индивидов, собрание аморфное, не имеющее никакой организации, никакого «костяка» во взаимных отношениях. Она бесформенна, беспорядочна, подвержена случайным импульсам. В таком собрании нет ни председателя, ни порядка заседания, ни правил, регулирующих выступления и речи членов толпы. Все кричат, шумят, «галдят». Словом, она представляет подобие бес-

²⁷ Почему это происходит — другой вопрос, который мы здесь не будем затрагивать. Скажем только, что этот процесс шаблонизирования — процесс весьма сложный, факторы шаблонизации многочисленны. Здесь играют роль импульсы симпатии, стадности, самозащиты, внушения, верования, обычаев, религии и т. д. См. об этом: Ross E.A. Social Control. New York, 1904, passim.

²⁸ Подробнее об этом см.: Waxweiler E. Avant-propos // Bulletin mensuel Социол[огического] института Сольвея. 1910, № 1. Схема acte [акт], — habitude [привычка], — usage [обычай], — regie [постановление], — institution [институт] указывает этапы возникновения «социальной организации». См. также: Сорокин П.А.. Преступление и кара, гл. VII: Как возникает и изменяется организация группы.

Глава V. Классификация форм взаимодействия

2 19

скелетной протоплазмы, лишенной шаблона взаимоотношений. *Публика* — та же толпа, но не собранная в одном месте, а толпа распыленная, состоящая из гетерогенных лиц, разделенных друг от друга, однако соприкасающихся (напр[имер], через газету) друг

с другом и влияющих один на другого.

Следующей ступенью с зачатками шаблонности взаимоотношений является такая группа, как *массовый митинг*. Последний представляет собрание гетерогенных лиц, но собрание не вполне бесформенное. Здесь обычно имеется председатель, есть известный порядок в выступлениях ораторов, соблюдаются некоторые правила взаимоотношений. В толпе царят одни эмоции, холодного разума почти нет. В собраниях, подобных массовому митингу, есть уже зачаток организации и разума.

Иную картину дают группы и собрания *организованные*, состоящие из членов, созданных для спокойного и делового обсуждения того или иного вопроса, объединенных общностью цели или интереса. Таковы, с одной стороны, заседания парламентов, ряда представительных собраний, членов того или иного общества (научного, промышленного, литературного, городской думы и т. д.). Здесь царит шаблон. Налицо председатель и президиум, порядок заседания предусмотрен «наказом» или уставом; каждое выступление, характер речи, порядок спора, баллотировки и т. д. — все предусмотрено и совершается согласно строгому, определенному регламенту. В подобных группах, а равно и во всех *постоянных организованных ассоциациях* (семья, коллегия, гильдии, братства, секты, партии, тред-юнионы, церкви, академии, научные общества, государственные группы и т. д.), царит шаблон во взаимных отношениях, существует порядок, дисциплина и т. д. Они подобны высокоразвитому организму, обладающему твердым костяком, устойчивой и упругой формой. Здесь чувства-эмоции играют второстепенную роль. Доминирует «холодный разум»²⁹.

Коснемся кратко вопроса о взаимоотношении антагонистического и солидаристического взаимодействия, с одной стороны, с другой — шаблонно-организованного и нешаблонно-дезорганизованного: *не всякое шаблонное взаимодействие будет солидаристическим*. Но всякое «организованное» взаимодействие будет солидарным. Взаимодействие должника и кредитора, палача и жертвы, преступника и надзирателей может быть шаблонным, организованным, т. е. может совершаться по определенной, установившейся форме; но было бы ошибкой, если бы мы считали такое шаблонное взаимодействие солидаристическим.

Эти примеры показывают, что *может быть дана группа шаблонно-взаимодействующих индивидов* (напр [имер], организованный коллектив государства), *но в то же время группа антагонистическая*. Другие фор-

²⁹ Подробнее об этом см.: Ross E.A. Foundations, p. 116-148; Gardner. Assemblies // The American Journal of sociology, vol. XIX, p. 530-555.

2 2 0

Система социологии. Том I

мы шаблонного взаимодействия бывают солидарными. Совокупность таких лиц составит *организованно-солидаристическую группу*.

Точно так же и неорганизованное взаимодействие может быть и солидаристическим, и антагонистическим. Сообразно с этим и группы нешаблонно взаимодействующих лиц могут дать неорганизованные коллективы и солидаристические (напр[имер], неорганизованная толпа одинаково настроенных лиц), и антагонистические (напр[имер], неорганизованная толпа, составленная из враждебных друг другу лиц).

Этот факт необходимо было подчеркнуть по двум мотивам: 1) ввиду частого отождествления организованной группы с солидаристической, неорганизованной — с антагонистической; 2) ввиду того, что в социальной жизни, как увидим ниже, особенно важную роль играют группы организованные и в то же время солидарные.

Шаблоны поведения дают себя знать и в иной форме. Они обычно представляются в виде императивов, повелительно требующих подчинения.

Уклонение от следования им весьма часто переживается как нарушение этих императивов, как нечто «недозволенное», «преступное», «недопустимое», «оскорбительное» и т. д.

Напротив, следование шаблонам взаимодействия воспринимается как «должное»,

«дозволенное», как нечто «нормальное», иными словами, как «исполнение долга» или «использование своего права»³⁰.

Таково чаще всего (но не всегда) взаимоотношение шаблонных форм взаимодействия и форм «правового поведения», с одной стороны, неисполнение шаблонов и «недозволенного», «преступного» поведения — с другой.

VI. Взаимодействие сознательное и бессознательное

В зависимости от деления актов на сознательные и бессознательные взаимодействие двух или большего числа лиц может принимать различные формы: 1) оно может быть сознательным с той и с другой стороны; 2) оно может быть бессознательным с обеих сторон; 3) оно может быть сознательным раздражением, с одной стороны, и бессознательной реакцией — с другой; 4) оно может быть бессознательным раздражением, с одной стороны, и сознательной реакцией — с другой.

Таковы основные типы взаимодействий с этой точки зрения. Дадим краткие пояснения.

Люди, входящие в систему взаимодействия, раздражают (обуславливают) переживания и поведение других членов этой системы не только своими сознательными актами, но и актами бессознательными. А, не заметивший кланяющегося ему Вине ответивший на его привет, часто у В

Подробнее см.: Сорокин П.А. Цит. соч., *passim*.

Глава V. Классификация форм взаимодействия

2 21

может вызвать переживания и поступки, выражаемые словами: «ишь, загордился, не хочет и кланяться». Человек, по рассеянности толкнувший другого и не извинившийся, нередко вызывает со стороны последнего словесную реакцию брани, а временами — и более ощутимые формы ответа (контртолчок, удар и т. д.). Ребенок, бессознательно рвущий попавшую ему в руки книгу, часто вызывает у родителей и старших ряд реакций в виде отнятия этой книги у ребенка, в виде брани, в виде ударов, постигающих невинного виновника.

Наряду с этими случаями обуславливания поведения одних людей другими, случаями, где *одна сторона действует сознательно, а другая бессознательно, даны явления взаимодействия, где обе стороны действуют бессознательно и тем не менее обуславливают поведение другого*. Простейшие примеры такого рода дают Дети. Плач одного ребенка часто вызывает плач другого. Мать во сне может нечаянно удушить (из-за стечения обстоятельств) спящего с ней рядом ребенка. Зевок г. А совершенно бессознательно вызывает зевание сидящих с ним людей. (Сюда же относятся все факты бессознательного взаимного подражания.) А и В при встрече нередко пожимают друг другу руки бессознательно: один машинально, по привычке, протягивает руку, другой также машинально пожимает. «Рассеянный» г. А надевает калоши В, В машинально надевает калоши А. Пьяный доктор вместо одного лекарства может дать другое больному, лежащему без сознания, и таким образом отправить его на тот свет или значительно ухудшить положение и поведение пациента. Истерические крики припадочного при известных случаях — в толпе, в театре, в собрании — могут, в силу бессознательного подражания, вызвать истерику у ряда других лиц.

Наконец, *явления сознательного взаимодействия со стороны всех взаимодействующих индивидов известны каждому. А и В, заключающие договор, согласно которому А должен вырыть канаву, а В уплатить 100 руб. денег, совершенно сознательно предопределяют поведение друг друга. Хс г-жой Y, вступающие в брак, этим решением предопределяют взаимно свои переживания и характер поведения на большой промежуток времени. Лица, сознательно вступающие в партию, этим самым обязуются подчиняться директивам ее центра, т. е. реагировать на ряд явлений так, как прикажет центральный комитет партии.*

Оппоненты при политических и научных спорах взаимно обуславливают ряд действий и переживаний друг у друга. Эти и подобные факты известны каждому из

личного опыта и наблюдения.

К числу тех же случаев, где раздражителями другого или других людей являются сознательные акты взаимодействующего индивида, должны мы отнести и тот разряд фактов, где обеими сторонами действия совершаются сознательно, но цели каждого индивида различны. Пример: Г-жа А едет на концерт, желая послушать знаменитого пианиста. Г-н В,

2 2 2

Система социологии. Том I

влюбленный в А, едет на концерт, желая там встретиться с А. И тот, и другой индивиды предпринимают ряд действий сознательно, но цели этих действий совершенно различны. Однако факт взаимодействия налицо: сознательные действия А явились «раздражителем» для В и побудили его предпринять ряд актов, которые без этого раздражителя не были бы выполнены. А вскакивает в трамвай, сознательно рассчитывая приехать на нем поскорее домой. Вагоновожатый, подчиняясь приказу, пускает трамвай чрезвычайно медленно. Действия того и другого сознательны, но цели их различны. Несмотря на это, сознательные действия вагоновожатого определенным образом влияют на поведение и переживания А...

Из этих примеров, число которых можно увеличить по желанию, видно, что к сознательным актам взаимодействия относятся и те случаи, где цели индивидов совершенно различны. В своем месте мы увидим, что подобные явления служат одним из условий так называемой гетерогении целей.

Соответственно со сказанным взаимодействие индивидов дает такие типичные случаи:

1) Индивид А сознательно совершает акт-раздражитель. В сознательно реагирует на него. Начальник командует «пли», солдаты стреляют.

2) А бессознательно совершает акт. В сознательно реагирует на раздражение. Ребенок плачет. Мать подходит и дает ему грудь.

3) А сознательно совершает акт. В бессознательно реагирует. А замахивается, желая ударить В. В бессознательно поднимает руку для защиты.

4) А бессознательно совершает акт. В бессознательно реагирует. А зевает, в силу подражания зевает и В.

В этой схеме первый тип подразделяется на подвиды:

Иа) А и В сознательно обуславливают поведение друг друга, зная о взаимных целях и преследуя общую цель: А, В, С, Д стремящиеся перенести бревно. Все организованные общества, состоящие из членов, преследующих общую цель (научные общества, партийные комитеты, акционерные компании, кооперативные объединения, секты и т. д.).

Иб) А и В знают о взаимных целях, но цели эти разные: преступник убегает от преследующего его сыщика, сыщик — гонится за ним.

Акты того и другого сознательны. Взаимные цели известны. Но цели противоположны.

Таковы же собрания из лиц противоположных партий, антагонистических научных, религиозных, классовых и т. д. течений. Борьба двух лиц, двух групп, схватка двух полков, сознательно стремящихся уничтожить друг друга, и т. п.

1с) А и В не знают целей друг друга, но цели эти объективно тождественны. А, желая помочь С, приносит ему деньги. В, желая помочь С, но не зная, что А уже «выручил» С, приносит ему деньги. С отказывается от

Глава V. Классификация форм взаимодействия

2 2 3

денег В. Здесь А и В совершают свои действия сознательно. Цели их объективно однородны. Субъективно они не известны взаимно. А, однако, своим актом определенно вызвал ряд актов со стороны В. (В получает обратно деньги и покупает себе книги, чего он не сделал бы сейчас, если бы деньги остались у С.) Таков же ряд действий различных партий, рабочих групп, научных и религиозных течений, преследующих однородные цели, но не осведомленных друг о друге.

Id) *A* и *B* не знают о взаимных целях и цели эти разные.

Г-жа *X* является на концерт, желая встретить *C. B*, влюбленный в *X*, едет на концерт, желая встретить *X* Г-жа *X* не знакома с *B. B* не знает цели *X*

Оба предпринимают свои поступки сознательно. Оба преследуют разные цели. Взаимодействие дано: акты г-жи *X* явились раздражителем для г-на *B* и вызвали со стороны *B* ряд поступков, которых иначе он не совершил бы. Таковы все антагонистические процессы, борьба враждующих партий, религий, профессий, научный течений и т. д., где борющиеся группы не осведомлены друг о друге и не знают, что они борются за противоположные или разные цели.

Таковы основные случаи комбинаций актов-раздражителей и актов-реакций с точки зрения их сознательности и бессознательности. Общественные процессы в конечном счете представляют собой не что иное, как комбинации этих типов.

VII. Взаимодействие интеллектуальное, чувственно-эмоциональное и волевое

Рассмотрим более подробно формы психического общения. Психология учит, что всякое психическое переживание представляет единый процесс, где имеются и познавательные, и чувственные, и волевые элементы. Однако это обстоятельство не мешает психологии в целях анализа разлагать психическое переживание на эти элементы и указывать, какой из них в том или ином отношении является преобладающим.

Так же может поступать и социолог. Несомненно, все виды психического взаимодействия представляют собой одновременно обмен и познавательными переживаниями (ощущения, представления, понятия, образы, идеи), и чувственно-эмоциональными (боль, наслаждение, эмоции любви, страха, гнева etc.), и волевыми (решимость сделать то-то, не сделать то-то)³¹. Возьмем простой пример: научную лекцию. Здесь лектор является центром, от которого посредством звуковых проводников

³¹ Это тройное деление элементов психических переживаний не имеет для нас принципиального значения. Оно может быть заменено и четверным делением, предлагаемым Л.И. Петражицким, со специальным выделением эмоций как пассивно-активных переживаний в особый класс.

2 24

Система социологии. Том I

(слов) идут волны идей в виде развиваемых им теорий. Аудитория их воспринимает. Но только ли идеи она получает и только ли идеи идут от лектора? В большинстве случаев нет — лектор не только излагает и доказывает теорию, но весьма часто рядом с этим он негодует и осмеивает противников, восхищается таким-то ученым, временами опытный лектор «освежает» внимание аудитории смешным замечанием и анекдотом, порой он «увлекается», доходит до «экстаза», время от времени он ударяет по кафедре и т. д. Слушатели, таким образом, воспринимают не только идеи и образы, но и эмоции. В свою очередь, и от них к лектору идет ряд эмоций, чувств, настроений, обнаруживаемых то смехом, которым аудитория реагирует на отдельные «смешные» места лекции, то аплодисментами, то шиканьем, то тем или иным восклицанием, и т. д. В ряде собраний, особенно политических (митинги, политические лекции, заседания парламентов, советов и т. д.), это эмоциональное взаимодействие выступает настолько резко, что доводит до побоищ и кулачных потасовок³².

Рядом с познавательными и чувственно-эмоциональными элементами здесь обычно бывают и волевые. Ученый, а тем более политический оратор или парламентский деятель, излагая ту или иную проблему, сплошь и рядом выводит из нее практически волевые нормы, призывая к одному, запрещая другое, порицая третье в выражениях «должен», «не должен», «хорошо», «плохо», «постараемся сделать то-то», «будем при-ветствовать то-то», «долгой!», «да здравствует» и т. д. Как в данном примере, так и в большинстве других взаимодействий индивиды обмениваются и идейными, и волевыми, и чувственно-эмоциональными переживаниями. Процессы взаимодействия, где взаимодействующие обменивались бы только идеями, или только чувствами, или только волевыми, — чрезвычайно редки, если они вообще существуют³³.

³² Хорошим материалом для этой цели могут служить недавние заседания, вроде демократического совещания, предпарламента, заседания Советов как до октябрьского, так и после октябрьского переворота. Крики «долгой!», «вон!», «мерзавцы», «сволочь», «селедочки», «предатели» и т. п. выявления эмоций были обычными в этих заседаниях. См. соответствующие газетные отчеты.

³³ Отсюда следует, что неправы те, кто подобно *Baldwin*'у «материей» социального процесса считают только идеи (thoughts). The matter of social organization consists of thoughts, by which is meant all sorts of intellectual states, such as imaginations, knowledges, and informations⁷* (*Baldwin J. Social and ethical interpretations. New York, 1897, p. 487*).

Как видно из приведенного факта и как показывает ежедневное наблюдение, «материей» социальной организации являются и идеи, и чувства, и воле-ния. Неприемлем и второй тезис Болдуина, гласящий, что идеи имеют наибольшее значение из всех остальных элементов психики (см.: *Ibid.*, p. 490). В данном случае едва ли не более прав Парето, выступающий с обратным тезисом; согласно Парето, идеи — это только род феерического покрывала чувств, (*Sentimenti*), они, как покрывала, воздушны, легки и колеблются от малейшего

Глава V. Классификация форм взаимодействия

22 5

Однако это не мешает все же различать ряд типичных форм взаимодействия с преобладанием того или иного из этих элементов. Иными словами, можно найти процессы взаимодействия, где «материей» обмена служат преимущественно познавательные элементы психических переживаний — представления и идеи. Будем называть их *интеллектуальным взаимодействием*. Таковы заседания научных обществ, научные лекции, чтение научных книг, научные кинематографические сеансы, общение учителя и учеников; к разряду их же должны мы отнести и большинство сложных комплексов взаимодействия, которые происходят в стенах учебных заведений: университетов, политехникумов, специальных технических школ; кружки самообразования, репетиторство и вообще все те общения, которые возникли и служат в целях углубления или популяризации науки и просвещения или в целях спокойного обсуждения того или иного вопроса.

Рядом с такими интеллектуальными процессами взаимодействия существуют и другие, где главной «материей» обмена служат чувства-эмоции, или чувственно-эмоциональные переживания. Будем называть их *чувственно-эмоциональными процессами взаимодействия*. Примерами их являются публика, присутствующая на концерте, взаимодействие публики цирковой, созерцающей борьбу или опасные трюки, публика кулачных боев, публика боя быков и боя древних гладиаторов.

Сюда же относятся процессы общения между людьми, собравшимися на бал, танцевальный вечер, на игрища; дальнейшими видами чувственно-эмоционального взаимодействия являются похоронные и свадебные процессии, панихиды и поминки по умершим, скачки, игры, футбольные состязания, военные парады, пляски, поэзо-вечера, религиозные радения хлыстов, ряд религиозных обрядов. Чувственно-эмоциональное взаимодействие царит и в таких случайных сборищах, как толпа, как пьяная компания собутыльников, как группа лиц — участников половой оргии и т. д.

Во всех перечисленных явлениях люди обмениваются не столько идеями или велениями, сколько чувствами и эмоциями. Симфония или танцы идей не передают и не возбуждают; они ничему не научат в смысле знаний; если они и вызывают кое-какие представления и мысли, то самые смутные, не связанные друг с другом и мало определенные. Иначе обстоит дело с чувствами-эмоциями. В таких процессах взаимодействия

движения чувств. Собственная роль первых незначительна, если не ничтожна. См.: *Pareto V. Trattato di sociologia generale, vol. I и II*. Имеется известная доля истины и в утверждении Н.И. Кареева, что «сами мнения или идеи получают значение социальных факторов лишь тогда, когда утрачивают свой созерцательный характер, т. е. входят в

сферу волевых процессов». См.: *Кареев Н.* О значении психологии для обществ[енных] наук // Оттиск из «Вест[ника] психологии», с. 4. Подробнее — ниже.

8 Система социологии

2 2 6

Система социологии. Том I

индивидуиды возбуждают в других именно симфонию чувств и эмоций, начиная с простых, грубых и примитивных и кончая тончайшими переживаниями под влиянием звуков и аккордов музыки³⁴.

Наконец, можно привести немало типичных соединений людей, где главным предметом взаимного обмена или «материей» взаимодействия служат *волевые решения*, передаваемые от одних к другим. Такие процессы взаимодействия можно назвать волевыми. Сюда относится большинство соединений, где одна или обе стороны декретируют поведение другой стороны. Взаимодействие отца и ребенка, воспитателя и воспитанника, где один из них говорит другому: «Не смей», «не тронь», «не плачь», «сделай то-то», «не делай того-то»; взаимодействие командира полка и солдат, где командир командует: «пли», «равняйся», «поворот направо»; взаимодействие начальника, приказывающего подчиненному сделать то-то; взаимодействие толпы и вожака, где вождь предлагает что-либо выполнить, например поджечь дом, убить того-то; взаимодействие банды преступников, совокупно совершающих преступления (явления соучастия), взаимодействие группы лиц, переносящих тяжесть, взаимодействие комиссара, принуждающего крестьян платить подати или выдать хлеб, короче, тысячи случаев совместного достижения целей, явлений регуляции воли и поведения других, актов принуждения или побуждения сделать что-либо или воздержаться от чего-либо, — все они представляют процессы взаимодействия преимущественно волевые.

³⁴ Вопреки *Болдуину* (см. пред[ыдущее] примечание), Таровполне правильно указывает, что «материей» социальных процессов являются не только идеи, но и намерения, верования, желания, чувства и эмоции. Но он впадает в противоположную крайность, склоняясь к мысли, что передаваться от индивида к индивиду всего легче могут чувства и эмоции, ощущения же и образы не могут передаваться или передаются с трудом... «Заразительностью, — говорит он, — обладают вовсе не ощущения как таковые и не образы, возникающие из этих ощущений... Легко передаются от человека к человеку не ощущения, а эмоции, потому что в состав большей части эмоций или чувств входит, как нечто подразумеваемое, значительное число суждений и намерений, представлений и целей... Поэтому *чувства* играют в интерпсихологии такую же роль, как ощущения в психологии отдельной личности», и т. д. (*Тард Г.* Теория псих[ических] воздействий // Русск[ая] Высш[ая] школа. 1905, с. 16-17 и сл.).

Только что сделанный перечень форм интеллектуального взаимодействия показывает, что Тард ошибается, поскольку он склонен недооценивать или отрицать данность интеллектуального общения и взаимодействия. Приходится писать «поскольку он склонен», потому что терминология Тарда самая сбивчивая, неточная и дает возможность понимать его так и иначе.

Вообще следует признать, что всякая попытка считать «материей» общения лишь один из элементов психической жизни ошибочна. Такая узость объясняется, по-видимому, тем, что такие социологи не хотят видеть всех типичных форм общения, а видят, подобно Болдуину и Тарду, лишь общения какого-либо одного типа.

Глава V. Классификация форм взаимодействия

2 2 7

Как выше было указано, такое деление типов взаимодействия не имеет абсолютного значения, но относительное значение оно сохраняет. Доминирующее значение того или иного элемента в процессе взаимодействия проявляется частично и в той внешней обстановке, в которой эти взаимодействия происходят. Внешние условия, например чувственно-эмоционального взаимодействия, довольно резко отличаются от обстановки интеллектуального общения. Обстановка балетного зала, похоронной процессии, цирковой арены и т. д. направлена на взаимное возбуждение эмоциональной

стороны. Гром музыки, конфетти, серпантин, бальные платья, декольте или траурные ленты, заунывные аккорды похоронного марша и т. п. — все это направлено на разжигание эмоций и чувств, на то, чтобы эмоциональное состояние людей обострить, усилить в той или иной мере. Иное наблюдается в процессах интеллектуального общения. Здесь почти всегда музыка отсутствует. Сознательно или бессознательно здесь все направлено к тому, чтобы сделать «ровными» эмоциональные переживания, чтобы удалить все, что рассеивает внимание и мешает спокойному и правильному восприятию идей.

Волевые взаимодействия внешне представляют комбинацию условий и обстановки первых двух. Временами, когда воля уже решила, что делать, для укрепления решимости привлекаются и музыка, и другие «возбуждающие» средства (напитки перед боем, перед совершением преступления, дробь барабана и т. д.). Иногда же волевые взаимодействия протекают в обстановке, близкой к условиям взаимодействия интеллектуального. Это [происходит] тогда, когда сознательную волю (а не бессознательный импульс) другого надо направить, когда надо помочь ему сделать выбор и вынести решение. Хотя и в таких случаях есть ряд отличий: место сердечных излияний и выражений чувства (в стихах, в прозе, в любовных письмах, в сердечных объяснениях и т. д.), как это в той или иной форме происходит при обмене эмоциями, место длинной цепи идей и суждений, стремящихся доказать что-либо и апеллирующих только к истине, в волевых общениях занимают одни императивы, одни приказы, большей частью краткие, ясные, точные, требующие не признания истинности или ложности, не излияния чувств и эмоций, а повиновения и исполнения: «пли», «не смей», «прочь», «не убий», «не укради», «сделай то-то», «не делай того-то» — вот обычный лексикон волевых взаимодействий. Временами и его не бывает: место слов в этих случаях просто занимают волевые действия. Рядом с этим здесь наблюдаются и другие черты. Группа эмоционально взаимодействующих лиц обычно бесформенна, подвержена панике, ее поведение капризно, в ней легко разражаются «скандалы», психическая атмосфера накалена, каждую минуту здесь могут произойти эксцессы.

Иное представляет группа интеллектуальная. Она тверда и шаблонна. Скандалы и эксцессы здесь редкость, игры страстей нет. Поведение ее не случайно; оно спокойно и планомерно. Царит холодный разум, который часто совершенно депрессируется в эмоциональных собраниях.

Волевые собрания занимают среднее положение. Когда решение воли готово — собрание спокойно, единообразно вотирует или осуществляет волевое задание. Когда решения еще нет — место действий занимают прения, иногда спокойные, иногда — при противоположности волений — накаляющие чувства и превращающие собрание в тип эмоционально-чувственного общения.

Это самые общие различия. Они тоже относительны. Но относительность их не означает их ничтожности.

§ 3. Виды взаимодействия в зависимости от проводников

I. Формы взаимодействия в зависимости от природы проводников

А). В зависимости от характера проводников можно различать взаимодействие *звуковое*, прежде всего *словесное*. Выше было указано на то, что такое взаимодействие составляет самый распространенный вид взаимодействия, которым люди пользуются на каждом шагу. Группа лиц, говорящих на одном языке, этим проводником связывается в одно коллективное целое. Знание языка дает им возможность, подобно радиотелеграфным аппаратам, схватывать волны раздражений, идущих друг от друга, и давать ответные звуковые радиотелеграммы. Лица, не знающие этого языка, похожи на аппараты, лишенные воспринимающих механизмов; они не в состоянии улавливать символически-словесные волны раздражений. Они тупы и нечувствительны к последним и не могут посылать правильные ответные «телефонограммы». В силу этого они могут быть в гуще

звуковых раздражений, и тем не менее последние могут проходить «мимо их ушей» или раздражать их только в качестве физических проводников.

Отсюда легко понять громадное значение языка в деле создания коллективных единств, укрепления и поддержания социальных связей. Звуковой проводник является связью в самом буквальном значении слова. Лица, говорящие на одном языке, — абоненты одной, самой удобной, самой дешевой и самой распространенной в мире телефонной сети. В каждую минуту, без всяких усилий и без помощи телефонной барышни, они могут «соединяться» друг с другом. Лица, не знающие языка, в

Глава V. Классификация форм взаимодействия

229

эту сеть не входят: для соединения с другими, говорящими на иных языках, им пути заказаны. Примерами групп, объединенных связью языка, служат все огромные соединения лиц, говорящих на одном языке (все говорящие на русском языке, все говорящие на английском, все говорящие на французском и т. д.). Эта соединительная роль языка подмечена была давно. Недаром же многие выдвигали и выдвигают язык как конститутивный признак национальности, недаром она служила и служит основанием социальной группировки лиц в разные единства и ассоциации. Не будем пока говорить о национальности³⁵. Ограничимся констатированием звуковой формы взаимодействия и громадной соединительно-связующей роли звуковых проводников. Она действительно может служить основанием социальной группировки. Все сказанное о языке с соответствующими изменениями применимо и к другим звуковым проводникам и звуковым формам общения (музыка, пение и т. д.).

В). Второй формой взаимодействия в зависимости от проводников является *светоцветовое взаимодействие* (взаимодействие путем книг, газет, писем, телеграмм, рисунков, картин и т. д.). Все сказанное о звуковом взаимодействии применимо и к данному проводнику. Люди, знающие и понимающие светоцветовые проводники (умеющие читать и писать), объединены друг с другом этими проводниками, имеют в своем распоряжении прекрасный «соединительный аппарат» и потому составляют коллективное единство, в которое не входят и не могут войти люди, не понимающие этих цветовых знаков. Для них последние — «книга за семью печатями». Они не связаны ими, не восприимчивы к раздражениям, идущим из книги, и не реагируют на них. «Они имеют глаза и не видят», как люди, не понимающие языка, «имеют уши и не слышат». Для них — они непонятный и неизвестный шифр. Пользование различными видами шифра может служить дальнейшим примером светоцветового взаимодействия.

На том же основании, на каком звуковое символическое взаимодействие может служить основанием для группировки индивидов в ряд коллективных соединений (русскоговорящие народы, англоговорящие народы и т. д.), на том же основании и светоцветовое взаимодействие дает почву и принцип для объединения лиц, участвующих в таком взаимодействии, в особые коллективные единства. (Грамотные и безграмотные, группы, пишущие и читающие по-русски, по-немецки, по-французски, по-английски. Подписчики «Нового Времени», «Речи», «Правды», «Дня»,

³⁵ Национальность, как увидим, в аналитике сложных социальных агрегатов представляет *mixtum compositum*^{8*}, состоящую из ряда лиц, объединенных многими и разными в различных случаях связями. См.: *Сорокин П.А.* Проблема социального равенства. Пг., 1917 (ст[атья] «Национальность, национальный» вопрос и социальное равенство).

230

Система социологии. Том I

«Воли Народа» и т. д.; лица, пользующиеся таким-то шифром; художники — символисты, реалисты, футуристы, кубисты и т. д.)

С) Лица и группы, пользующиеся языком жестов, языком движений и мимики, могут служить типом *двигательно-мимического взаимодействия* (первобытные люди, глухонемые, члены тайной организации, употребляющие для взаимного распознавания особые жесты, знакомые, снимающие при встрече шапки, военные, отдающие честь друг

другу, и т. д.). Все сказанное о предыдущих типах взаимодействия с соответствующими изменениями применимо и к данному виду общения.

Д) Индивиды, применяющие для передачи своих переживаний предметно-символические проводники, дают тип *предметно-символического общения*. Таково общение командира, награждающего орденом подчиненного или вручающего знамя полку, с последними; побежденных, вручающих ключи города или подносящих «хлеб-соль» победителю, с этим последним; священника, дающего святыне дары причащающемуся; генерала, срывающего погоны или ломающего шпагу разжалованного офицера; общение всех людей, передающих друг другу деньги, чеки, монеты, кредитки и т. д., и, наконец, общение посредством предметов материальной культуры вообще.

Е) Общение, производимое путем обнюхивания друг друга (практикуемое первобытными людьми), путем тех или иных химических реагентов, может служить примером «химического взаимодействия людей», или лучше — *взаимодействия посредством химических реагентов*.

Таковы общение врача, дающего лекарство пациенту, с этим последним; матери, дающей молоко грудному ребенку, с ребенком; отравителя, дающего яд, со своей жертвой; прислуги ресторана, приносящей съестное блюдо, с клиентом и т. д.

Ф) Примерами *механического взаимодействия* служат факты драки, физические схватки, войны, обмен физическими (а не символическими) актами: поцелуи, удары, поглаживания, щекотания, вырывания волос, нанесения ран и т. д. Сюда же могут быть отнесены и акты «полового общения», «общения» посредством пуль, камней, стрел и т. д. Короче — все те явления взаимодействия, где люди раздражают друг друга путем «механических проводников».

Г) Примерами *теплового взаимодействия* служат взаимодействие машиниста или кочегара, регулирующего температуру вагонов или комнат с центральным отоплением, и пассажиров вагона или жителей дома; взаимодействие человека, разводящего костер для согревания путников, палача, сжигающего или обжигаящего жертву, с последней и т. д.

Н) Примерами *электрического взаимодействия* служат все явления общения, где один раздражает другого путем электричества (лечение электричеством, электрический массаж и т. д.). Более важна роль слож-

Глава V. Классификация форм взаимодействия

231

ного электрозвукового или электроцветового взаимодействия (общение путем телефона, телеграфа и т. д.).

Таковы основные виды взаимодействия людей в зависимости от природы проводников взаимодействия. Чаще всего, конечно, практикуется общение путем сложного сочетания различных проводников.

Пользование ими, как видим, создает ряд настоящих связей между людьми, объединяет их в одно коллективное целое и служит основанием для группировки их в различные коллективные единства.

II. Взаимодействие опосредованное и непосредственное

Под *непосредственным общением* разумею все те случаи взаимодействия, где взаимодействующие люди обходятся без посредников-людей, где обмен раздражениями не требует других индивидов для передачи раздражений и реакций.

Под *опосредованным взаимодействием*, наоборот, понимается такое, где акт-раздражитель (и реакция) достигает адресата лишь при помощи других людей, функционирующих в роли проводников-контакторов.

Оно может быть таким, где взаимодействующие индивиды знают о существовании друг друга, и таким, где этого знания нет.

Примерами первого служат личное объяснение X-а и Y-ка, непосредственный разговор между ними, передача с рук на руки письма, предмета и т. д. Примерами второго — все виды взаимодействия, не обходящиеся без людей-посредников. Таковы передача письма через почтальона или посыльного, передача слов, вещей, предметов через третьих

лиц и т. д. Сюда же относятся и те случаи общения, где взаимодействующие индивиды, пользуясь посредничеством людей-контакторов, могут обуславливать поведение друг друга, *не ведая о взаимном существовании*. Таково, например, в современном хозяйстве взаимодействие потребителя с производителем, совершающееся обычно через ряд посредников-торговцев. Тот и другой могут не знать друг друга, хотя и обуславливают взаимные переживания и поступки; таково взаимодействие членов правительства могущественного государства и подданных другого слабого государства, судьба которых часто решается первыми (напр[имер], судьба подданных России и главарей парижского конгресса сейчас) помимо их ведома, знания и т. д.

Опосредованное взаимодействие обычно дано при взаимодействии лиц, разделенных пространством или временем. При таких именно условиях чаще всего функционируют люди в качестве проводников-контакторов, передающих раздражения одних другим.

Очерченными видами взаимодействия ограничимся в характеристике главных форм взаимодействия, выделенных в зависимости от:

2 3 2

Система социологии. Том I

1) количества и качества индивидов, 2) характера их актов и 3) природы проводников общения³⁶.

³⁶ Ряд социологов дает иную, более сложную классификацию форм деятельности людей и форм взаимодействия. Так, *Waxweiler* различает такие формы социальной деятельности (*activites sociales*) — *activites*: 1) *conjunctives*, 2) *protectrices ou nocives*, 3) *competitrices*, 4) *divulgatrices*, 5) *gregaires*, 6) *repositrices*, 7) *iniciatrices*, 8) *acquisitives*, 9) *selectives*^{9*} (*Waxweiler E. Esquisse*, гл. VII). *Ross* в качестве «социальных отношений» выделяет такие типы, как *Fellowship*, *Reciprocity*, *Suretyship*, *Discipleship*, *Agency*, *Patronage*, *Clientage*, *Pupilage*, *Vassalage*, *Slavery*^{10*} (*Ross E.A. Foundations*, p. 98). *Giddings* различает нижеследующие основные формы «практической деятельности» *socius'a*: 1) *Appreciation*, 2) *Utilisation*, 3) *Characterisation*, 4) *Socialisation*^{11*}, плюс — сложные формы: 1) экономическая, 2) правовая, 3) культурная. По методам деятельности первые четыре формы распадаются на ряд видов, каковы реагирование на стимул, подражание, изобретение, нападение, приспособление, ассимиляция и т. д. (*Giddings F. The elements*, p. 35-52).

В своей «Индуктивной социологии» Гиддингс различает: 1) культурную мысль (*Cultural thought*) и культурную деятельность, 2) экономическую мысль и экономическую деятельность, 3) морально-правовую мысль и морально-правовую деятельность, 4) политическую мысль и политическую деятельность (*Giddings F. Inductive Sociology*, p. 164). Де-Роберти различает: 1) научную мысль и деятельность, 2) философско-синтетическую, 3) символически-эстетическую и практическую, распадающуюся на экономическую, политическую и юридическую (*Де-Роберти E.B. Новая постановка основных вопро[сов] социологии, passim; Sociologie de Taction*. 1908, p. 163-164). Де-Грееф различает семь основных видов деятельности (см. выше). Чрезвычайно дробный перечень дает *Hayes* (см.: *Hayes E.C. Op. cit.*, p. 394-396).

Не указывая других примеров, из сказанного видно, что в этом вопросе мнения социологов чрезвычайно разнородны. Такое разнообразие объясняется различием заданий, преследуемых каждым социологом.

Легко видеть, что каждая из этих классификаций не полна и в известной мере «случайна».

Нетрудно видеть и то, что большинство указанных в этих перечнях форм входит в те или иные из указанных мною рубрик. Так, напр[имер], деятельность вредящая или соперничающая представит одну из форм антагонистического взаимодействия, товарищество, взаимность и т. п. войдут в формы солидарного взаимодействия. Стадность, подражание и т. д. будут видами бессознательного общения. Изобретательная, инициативная, «избирательная» деятельность будут видами сознательного общения.

Если автор в очерченном перечне не дал более подробной классификации, то потому, что здесь она излишня и только загромождала бы изложение. Более подробная классификация форм деятельности индивида будет дана в свое время в «Социальной механике».

Глава шестая

ЯВЛЕНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КАК КОЛЛЕКТИВНОЕ ЕДИНСТВО

§ 1. Явление взаимодействия как коллективное единство или реальная совокупность

Явление взаимодействия людей дано тогда, когда психическое состояние или внешнее поведение либо, наконец, то и другое одного или одних из них могут быть рассматриваемы как функция существования и состояния другого или других индивидов, — таково данное выше определение явления взаимодействия.

Из этого определения следует, что один или одни индивиды могут влиять на поведение и состояние психики другого или других, могут вызывать — намеренно или ненамеренно — изменения в области психических переживаний и в области внешних движений других индивидов. Взятое в целом явление взаимодействия представляет, таким образом, определенную систему, где в течение процесса взаимодействия существует тесная функциональная связь между центрами взаимодействия: поведение или состояние одного из них тотчас же отражается на поведении и состоянии другого, изменения одного (обуславливающего) индивида влекут за собой те или иные изменения в поведении и состоянии его контрагента. Такая зависимость может быть и взаимной... Образно говоря, взаимодействующие индивиды представляются как бы связанными друг с другом веревкой. Движения одного в силу этой связи «дергают» другого, и обратно.

Такая тесная функциональная или причинная взаимозависимость между центрами взаимодействия дает основание для того, чтобы рассматривать явление взаимодействия в качестве особого *коллективного единства или коллективной индивидуальности*.

Основанием для этого, как только что было сказано, являются *причинные или функциональные отношения*, данные между взаимодействующими

2 34

Система социологии. Том I

ющими индивидами, выделяющие их из множества других индивидов в особое явление, отграниченное от всех остальных... Спрашивается, достаточно ли такой основы для того, чтобы образовать из ряда взаимодействующих индивидов коллективное единство?

Ответ может быть только положительный. Для объективного исследователя такое основание является достаточным и необходимым основанием. Больше того, оно *единственное основание для образования всякого реального коллективного единства*. Там, где нет этой тесной функциональной или причинной связи, там нет и коллективного единства, а есть простая пространственная близость и сосуществование ряда отдельных единиц или единство не реальное, а мнимое. Так, не являются коллективным единством куча песка, штабель дров, груда кирпичей или ряд холмов. Не составляет коллективного единства и ряд индивидов, не оказывающих друг на друга никакого влияния¹.

Правильно говорит по этому поводу *Зигварт*, рассматривающий эти последние явления в качестве «*внешнего и случайного единства*». «Когда мы говорим о куче песка, дров, о группе деревьев, о ряде холмов и т. п., то пространственное сосуществование отдельных штук или индивидуумов в этом числе и группировке не определено никакой, в них самих лежащей, необходимостью и между ними существует лишь такое отношение, какое могло бы быть также *между какими угодно другими вещами*»².

Совсем иначе обстоит дело в том случае, когда в основе коллективного единства лежит принцип причинного, или функционального, отношения. Здесь единство *не внешнее, а внутреннее, связь не случайная, а функциональная* (причинная). Пространственная близость является основой единства внешнего и случайного: достаточно песчинки или поленья оторвать друг от друга, например раскидать по земле, т.

е. пространственно отделить их, и от коллективного единства не останется ничего. Иначе обстоит дело в явлениях взаимодействия. В предыдущем мы видели, что здесь пространственная близость не является условием един-

¹ Не составляют реального коллективного единства и «единства формальные» или «телеологические». Общность цели ряда лиц, не взаимодействующих друг с другом, ничуть не превращает их в коллективное целое: каждый из них остается изолированным от других, а совокупность их представляет единство фиктивное, мнимое, подобное, напр., фиктивной группе «прямоносых» или «детей в возрасте 1-го года» в данном населении. Только тогда, когда появляются причинные отношения между ними, только тогда телеологическое единство становится единством реальным. Но для бытия последнего телеологизм не необходим и недостаточен. Вот почему излюбленное немцами выделение телеологических и формальных единств представляет бесплодную операцию, ничего не дающую для познания явлений. См., напр.: *Еллинек Г. Право современного* гос[ударст]ва. СПб., 1903, с. 111-112.

См. ниже § «О социологическом] реализме и номинализме» и во II томе § «О мнимых и реальных коллективных] единствах».

² *Зигварт Х. Логика*. СПб., 1908, т. II, вып. I, с. 226.

Глава VI. Явление взаимодействия как коллективное единство 235

ства: взаимодействующие индивиды могут взаимодействовать и при пространственной *разделенности*. Пространственная разделенность в единствах, основанных на причинных отношениях, не препятствует их бытию. Совершенно правильно говорит Зигварт и по этому поводу: «Другие коллективные понятия имеют основой своего единства *причинное отношение* (безразлично, будет ли это зависимость от одной причины или взаимодействие), которое связывает отдельные разделенные единства, безразлично, полагается ли при этом вместе с тем пространственная отграниченность целого или нет. Так, коллективное понятие солнечной системы постепенно прогрессировало от простого единства суммы к причинному единству. Так, простое генеалогическое понятие семьи покоится лишь на причинном отношении единого происхождения от общего родоначальника. Так, в коллективном понятии леса может быть включен причинный элемент зависимости произрастания его составных частей друг от друга»³.

Правда, тот же *Зигварт* далее указывает возможность *телеологического* единства. Но из его же анализа следует, что это не необходимое и не достаточное условие для образования коллективного единства. «Телеологическое рассмотрение общества и государства, — говорит он, — *не исключает каузального рассмотрения, а, напротив, требует его*»⁴.

³ *Зигварт Х.* Цит. соч., с. 226.

⁴ Там же, с. 227.

Как видно из указанного в этом пункте, я схожусь с *Б.А. Кистяковским*, совершенно верно видящим в явлении взаимодействия достаточные и необходимые условия для образования *Kollektivwesen*¹*: «Поленицу дров, пирамиду из шаров или кучу песка нельзя рассматривать как коллективное существо, хотя они и обладают в пространстве реальным единством, и наши пространственные восприятия позволяют нам представлять их как единые вещи. Между составными их частями нет реальных взаимоотношений, они объединяются простым сложением и в силу этого мы вынуждены видеть здесь только суммы». Совершенно иначе обстоит дело с лесом или с солнечной системой: здесь дано взаимодействие между членами; поэтому они являются подлинными коллективными существами (*Kistiakowski Th. Gesellschaft und Einzelwesen*. 1899, S. 131—133). Аналогично смотрит на дело Зиммель: «Для меня несомненно, что существует только одно основание, которое придает соединению (отдельных единиц), по крайней мере, относительную объективность, это — взаимодействие частей» (*Зиммель Г. Социальная дифференциация*. М., 1909, с. 18).

А.А. Чупров, соглашаясь с тем, что причинные взаимоотношения должны лежать в основе коллективных единств или «реальных совокупностей», считает, однако, этот признак не вполне достаточным: для образования последних мало простого взаимодействия, говорит он, нужно еще, чтобы это взаимодействие было длительным и прочным. Именно эта длительность и прочность отношений взаимодействия между членами солнечной системы заставляет не считать членом этой системы находящуюся в ее пределах комету, хотя в это время «между нею и остальными членами системы устанавливается такое же взаимодействие, как между Землей, Юпитером, Солнцем» и т. п.

236

Система социологии. Том I

Итак, наличность тесной функциональной связи между взаимодействующими индивидами является вполне достаточным основанием для рассмотрения явлений взаимодействия как *коллективного единства, как особой «реальной совокупности»*.

Раз совокупность взаимодействующих индивидов составляет коллективное единство, то сообразно выделенным формам взаимодействия можно различать следующие виды коллективных единств.

I. В зависимости от количества индивидов: 1) коллективное единство двух; 2) коллективное единство многих с определенным одним центром, связывающим всех взаимодействующих индивидов; 3) коллективное единство сложное, составленное из взаимодействия двух групп, из которых каждая является коллективным единством 1-й степени. В зависимости от качества индивидов могут быть коллективные единства самые разнородные, в частности, составленные из сходных (односемейных, одногосударственных, однородных, однополых, одновозрастных и т. д.) и несходных индивидов (разносемейных, разнотелых, разнорасовых и т. д.).

II. В зависимости от характера актов коллективные единства: 1) активные, активно-пассивные, пассивно-активные и пассивные; 2) односторонние и двусторонние; 3) длительные и временные; 4) антагонистические и солидаристические; 5) шаблонные (организованные) и нешаблонные (неорганизованные); 6) сознательные (в частности, целевые) и бессознательные; 7) интеллектуальные, эмоциональные и волевые.

III. В зависимости от проводников коллективные единства: 1) связанные звуковыми проводниками, 2) цветоцветовыми, 3) двигательными-мимическими, 4) химическими, 5) механическими, 6) тепловыми, 7) предметными, 8) электрическими, 9) коллективные единства, посредственные и непосредственные.

Отсюда следует определенный методологический вывод. Он гласит: *Первым шагом к анализу строения всякого народонаселения (любой стра-*

Поэтому «я в основу понятия реальной совокупности принимаю наличность между отдельными единицами, в нее входящими, такого рода взаимодействие, которое способно обеспечить длительное существование вещи» (Чупров А.А. Очерки по теории статистики, 1909, с. 77-80).

С Чупровым нельзя вполне согласиться: во-первых, само понятие длительности относительно и поэтому мало пригодно служить отличительным признаком реальной совокупности; во-вторых, оно скорее пригодно для выделения видов реальных совокупностей (реальные совокупности временные и постоянные), а не для конституирования их рода; в-третьих, не является убедительным указание на комету и солнечную систему: в тот момент, когда комета находится в пределах этой системы и взаимодействует с ее членами, она, несомненно, составляет члена этой совокупности и продолжает быть членом ее все время, пока она взаимодействует с Солнцем и планетами солнечного мира. Когда она уйдет из этого мира и перестанет взаимодействовать — она перестает быть и членом последнего. Это возражение подтверждает, а не отрицает правильность защищаемой здесь точки зрения.

Глава VI. Явление взаимодействия как коллективное единство

237

ны, любой эпохи) является анализ его с точки зрения количества и качества составляющих его индивидов, характера их взаимоотношений и проводниковых связей.

Не отдав себе отчета в этих вопросах, невозможно понять ни истории, ни судеб данного населения⁵.

Такой анализ — не все. Он лишь первый шаг. Но без такого шага обойтись нельзя.

Ограничимся полученным результатом. Он подытоживает наш анализ. Взяв явление взаимодействия, мы разложили его на части, рассмотрели эти части и теперь снова замкнули разорванный круг, придя к выводу, что эти части составляют особое целое — коллективное единство.

Полученный результат дает возможность перейти «на второй этаж» анализа социальной структуры. Начав с индивида и его взаимоотношений, мы пришли к понятию коллективного единства. Теперь мы могли бы оставить в стороне взаимоотношения *индивидов* и перейти к изучению взаимоотношений *коллективных единств*; их градации, их скрещивания, их кумуляции, их расслоения. Мы могли бы приступить к исследованию взаимодействия *не лиц, а групп или реальных совокупностей*. Эти последние, в свою очередь, мы могли бы разделить на ряд категорий по степени сложности, начиная от коллективных единств простых и кончая сложными социальными телами, составленными из ряда простых групп. Таким путем мы последовательно перешли бы от аналитики простых социальных структур к аналитике сложных социальных образований. Из сказанного становится ясной та логическая последовательность, которая лежит в основе нашей работы; рассеивается возможное недоумение многих, которым, быть может, показалось странным, почему мы свою социологию начали с анализа столь «несоциальных» (с шаблонно дилетантской точки зрения) явлений, как индивиды, их акты и проводники. Теперь, вероятно, каждый поймет, что без анализа и изучения «первого этажа» нельзя приступать к анализу «второго».

Но прежде чем перейти к решению указанных вопросов, мы должны рассмотреть еще несколько проблем, связанных с бытием простых социальных явлений, проблем, необходимых для того, чтобы расчистить путь для анализа сложных социальных структур.

§ 2. Социологический реализм и номинализм

Раз мы пришли к выводу, что явление взаимодействия представляет коллективное единство, то встает вопрос о реальности этого коллективного единства. Этот вопрос гласит: *суть ли коллективное единство или*

⁵ Вполне правильно поступает Giddings, уделяя большое внимание анализу народонаселения с точек зрения, весьма близких к указанным. См.: Giddings F. Основы социологии, The elements of sociology] и Inductive sociology.

238

Система социологии. Том I

общество⁶ реально существующее явление или же они реально не существуют, а реально даны только индивиды, их составляющие?

Как известно, этот вопрос встал давно и вызвал большие споры. Эти споры не заглохли и в наше время.

Основные ответы на этот вопрос вылились в два течения. Первое из них можно охарактеризовать как течение социологического реализма, второе — как течение социологического номинализма.

Сущность ответа первого течения состоит в утверждении, что *общество есть реальность sui generis, отличная и даже независимая от реальности составляющих его индивидов*; общество имеет свое существование, свои функции, свои органы, короче — оно живет как всякое подлинно существующее явление, говорят нам «реалисты».

Такова суммарная характеристика социологического реализма.

При более детальном рассмотрении его мы видим в нем определенные оттенки и градации.

Крайнюю позицию в социологическом реализме занимали органицисты, т. е. сторонники органической школы в социологии.

Они утверждали, что общество не только есть реально существующее явление, но что реальность его такова же, как и реальность всякого организма, ибо общество само

представляет организм. Как всякий организм, общество имеет свое физическое тело, свою энергию и свое коллективное сознание. Как всякий организм, оно рождается, растет, существует и умирает. Как всякий организм, оно имеет свои органы и клетки. Такими клетками являются индивиды. Как в организме каждый орган выполняет свои функции, так и в обществе надлежащие органы выполняют свои. Словом — общество есть подлинно реальное существо, независимое от составляющих его индивидов, имеющее и физическое, и психическое бытие⁷.

⁶ Пока я употребляю термин «общество» в смысле всякой группы взаимодействующих индивидов.

⁷ Ограничиваюсь этой суммарной характеристикой органической школы. Более подробное изложение ее истории — весьма древней, — ее тезисов и параллелей завело бы нас в сторону. «Что такое общество? — вот вопрос, который должен быть поставлен и разрешен с самого же начала, — пишет *Спенсер*. — Пока мы не решили — смотреть ли на общество как на некоторое особое бытие (entity) или нет». Указав далее на спор реализма и номинализма, Спенсер отвечает: «Мы имеем полное право смотреть на общество как на особое бытие (entity)... Но, решившись смотреть на общество как на особенный индивидуальный предмет, мы должны спросить себя теперь — что же это за предмет». Название следующего параграфа дает ответ на этот вопрос. Он гласит: «общество есть организм» (*Спенсер Г.* Основания социологии. СПб., 1898, т. I, с. 277-278). *Лилиен-фельд* настаивает прямо на «l'identite absolue»^{2*} общества и организма. Согласно ему, общество — конкретный организм. 1-й том его *Pensees sur la science sociale de Pavenir* прямо озаглавлен «Общество как реальный организм (Митава, 1873). См. резюме взглядов *Lilienfeld'a* в статье в *Annales de l'Institut international de sociologie* (vol. IV, p. 196-236). Здесь, однако, Лилиенфельд вводит уже ряд ого-

Глава VI. Явление взаимодействия как коллективное единство 2 3 9

В менее отчетливой и резкой форме тезисы социологического реализма поддерживаются и рядом других социологов. Таковы, например, Гумплович, Дюркгейм, Посада, Де-Роберти, Изуле, Эспинас, Фулье, Гирке и др. Приведем несколько примеров. «В человеке мыслит совсем не он, но его социальная группа, — пишет Гумплович. — Разве мыслит, чувствует, имеет вкус индивид? Нет! Не индивид, а социальная группа»⁸. «Мы считаем отдельными реальными элементами в социальном процессе не отдельных лиц, а социальные группы»⁹. Общество или разряд социальных фактов «составляют образы мыслей, действий и чувствований, находящихся вне индивида и одаренных принудительной силой, вследствие которой он вынуждается к ним», — пишет Дюркгейм. Социальным является «всякий образ действий... имеющий *свое собственное* существование, независимое от его индивидуальных проявлений»¹⁰. «Над индивидом есть общество. Оно не есть воображаемое и номинальное существо, а система действительных сил». «En resume, la societe n'est nullement l'etre illogique ou alogique, incoherent et fantasque qu'on se plaint trop souvent de voir en elle. Tout au contraire, la conscience collective est la forme la plus haute de la vie psychique, puisque c'est une conscience de consciences»^{113*}. Отсюда постоянное употребление Дюркгеймом и его школой терминов вроде «коллективное сознание», «коллективные представления» и т. д.

«Достойным нашего времени, действительно обоснованным нашим мирозерцанием, действительно прогрессивным является только воззрение, которое выработал германский дух в многовековой борьбе, — читаем мы у Гирке, — над человеческими индивидами продолжают существовать человеческие союзы разного порядка и ранга — реальные существа исторической действительности, социальные организмы с головой и прочими органами, из коих каждый на своем месте участвует в общей жизни целого»¹².

ворок в признание тождества организма и общества (см. р. 227), тем не менее, основное положение об обществе-организме остается незатронутым (см. р. 212). См. ст[атью] *Новикова* в том же томе *Annales* (p. 169-196. «Les Societes sont des etres vivants»

[Общества — это живые существа], — резюмирует он свои взгляды (р. 196).

Краткую историю органич[еской] школы см. в статье Ferne're A: L'organisme social // *Revue intern[ationale] de sociologie*. 1915, № 5-6. Более краткие характеристики ее читатель найдет у *Кареева* (Введение в изучение социологии. 1907, гл. IV); у *Барта* (Философия истории как социология. СПб., 1902, гл. IV); у *Хвостова* (Социология, гл. I).

⁸ *Гумплович Л.* Основы социологии. СПб., 1899, с. 264-266.

⁹ *Gumplowicz L.* Der Rassenkampf. 1883, S. 39-40.

¹⁰ *Дюркгейм Э.* Метод социологии. Изд. Иогансена, с. 10-19.

¹¹ *Дюркгейм Э.* Les formes element [aires] de la vie religieuse. 1912, p. 633-635. Еще резче этот взгляд им подчеркивается в «Самоубийстве» (СПб., 1912, с. 1-8 и passim).

¹² *Gierke O.* Deutsche Privatrecht. 1895, Bd. I, S. 568.

2 40

Система социологии. Том I

«Общества человеческие нам представляются как нечто целое, имеющее собственные цели, как сущности, как живые существа», — пишет Posada¹³.

«Без всякого сомнения общества суть живые существа. Общество есть живое сознание или организм идей», — говорит Эспинас¹⁴.

В таком же стиле характеризуют надындивидуальную реальность общества Драгическо, Де-Грееф, Изуле, Фулье и другие социологи. Едва ли не самой последовательной попыткой систематического построения общества как подлинной психической реальности является попытка Boodin'a, недавно сделанная им на страницах «Американского журнала социологии». В своей статье Boodin последовательно доказывает существование подлинной социальной души (social mind). Его основной тезис гласит: «What I wish to show is that there is a genuine social unity, distinct from what we call the unity of individual experience, and if not more real, at least more self-sufficient than this»^{4*}. «Вместо того, чтобы отправляться от постулата изолированного духа, как делала психология в прошлом, стараясь затем объяснить возможность познания одной души другую путем аналогии, мы должны отправляться от постулата межсубъективной духовной непрерывности (the postulate of intersubjective continuity) как элементарного факта». Далее Boodin конструирует эту межсубъективную психическую реальность как вид энергии, подобный электричеству, указывает, как она диффундирует от индивида к индивиду, — словом, дает реставрацию гегелевского всемирного Духа, приспособленную к современному состоянию знания¹⁵.

В смягченном виде реставрацию органической теории и ее учения о реальности общества дает в своем недавнем труде *Феррьер*, утверждающий, что зерно органической теории было здоровым зерном. Очистив его от шелухи, мы найдем, утверждает он, что общество действительно представляет реальность sui generis, сходную во многих отношениях с организмом.

1). Живой организм стремится сохраниться и увеличить свою мощь, ибо жизнь — сила, которая, по Бергсону, «toujours cherche a se dépasser elle meme»^{5*}. Таково же и общество. 2). Организм в лице «я» стремится вечно прогрессировать. К тому же стремится и общество. 3). Прогресс организма состоит в одновременной дифференциации и интеграции. В этом же состоит и прогресс общества¹⁶.

Таковы вкратце различные оттенки социологического реализма.

¹³ *Posada A.* Les societes animales // *Annales*, vol. III, p. 271.

¹⁴ *Espinas V.A.* Sociotds animales, 2 ed., p. 527-530.

¹⁵ *Boodin J.E.* The exsistence of social mind // *The American] journ[al] of sociology*. 1913, vol. XIX, № 1, p. 9, 15 и ел.

¹⁶ См. *Ferrierre A.* La Loi du Progres en biologie et en sociologie. 1915, III-я часть, passim.

Глава VI. Явление взаимодействия как коллективное единство

2 41

Социологический номинализм, в противоположность социологическому реализму, утверждает: 1) что единственно реальны индивиды, составляющие общество; 2) что

вне индивидов как реальности нет никакой другой реальности; с удалением индивидов от общества не остается ничего; 3) что нет общества как реальности ни в смысле физического тела, ни в смысле особого от сознания индивидов надындивидуального сознания или коллективной души.

Таковы основные тезисы социологического номинализма.

Наиболее ярким представителем его в последнее время был Г. Тард. Он отрицает прежде всего реальность общества как организма или как реальность физического тела. «В итоге, — говорит он, — понятие социального организма принесло пользу только натуралистам, которым оно внушило клеточную теорию, физическое разделение труда и другие ясные и проникновенные мысли. Но поскольку полезно социологизировать биологию, постольку бесполезно и вредно биологизировать социологию». «Организмизм не только неверен, — говорит он далее, — но он опасен. Если я не вижу его услуг, то я отлично вижу заблуждения, которые он усилил. Прежде всего к ним относится тенденция создания социологической онтологии, конструирования сущностей в качестве вещей, постоянного употребления слов вроде «социальный принцип», «душа толпы» или других смутных понятий вроде «социальной среды» в смысле биологической метафизики, быть может, наихудшей из всех метафизик»¹⁷.

Из этого отрывка уже ясна позиция Тарда. Еще более рельефно она выясняется из следующей цитаты, направленной против Дюркгейма. Является заблуждением утверждение, говорит он, «что социальный факт, поскольку он социальный, существует вне всех своих индивидуальных проявлений. Но, к несчастью... Дюркгейм возвращает нас в самую глубину схоластики. Социология не то же самое, что онтология. Признаюсь, мне очень трудно понять, как может случиться, что, "отбросив индивидуумов, получим в остатке общество". Если отбросить профессоров, не представляю себе ясно, что останется от университета, кроме одного названия, которое не выражает ничего, если оно никому не известно со всей совокупностью традиций, с ним связанных. Уж не возвращаемся ли мы к реализму средних веков?»¹⁸.

«Чем может быть общество, если мы отвлечемся от составляющих его индивидов? — спрашивает Тард и отвечает, — ничем». В основе дюркгеймовской точки зрения он видит предрассудок, состоящий в том, что комбинация элементов может быть отлична от суммы последних. Эта точка зрения, пригодная в химии и биологии, по Тарду, неприложима к социологии: в последней при удалении индивидуального исчезает и со-

¹⁷ La theorie organique des societes // Annales, vol. IV, p. 238-239.

¹⁸ Тард Г. Социальная логика. СПб., 1901, с. 2.

циальное. В обществе нет ничего, что в частичном виде не существовало бы в индивидах в качестве достояния живущих и умерших поколений¹⁹.

Из других лиц, близких к позиции номинализма, отметим Duprat. В своей работе «Science sociale et democratic» он отказывается признать самостоятельную реальность общества в смысле физического тела — организма — и в смысле психического единства — «социального сознания или коллективной души», отличной от сознания индивидов. На 46 стр. этой работы он едко высмеивает органическую школу как представительницу социологического реализма, приписывающую обществу физическую реальность организма. «"Mentalisez" d'abord un organisme; remplacez la cellule purement biologique, qui n'est qu'une abstraction, par une synthese d'atomes psychiques ou de monades; superposez a la vie la conscience, ici tout a fait obscure et la plus claire; puis "socialisez" ce que vous venez de "mentaliser" ainsi; donnez a chaque element psycho-physiologique une tendance a la vie en commun, a l'association, donnez a l'agregat un gouvernement, une sorte de monarque avec Fame, dont la sensibilite, l'intelligence, la volonte seront les ministres... и т. д. Qu'y aura done gagne la science? Ne resultera-t-Il pas une plus grande obscurite encore de ces analogies parfois forcees» (p. 46-47)⁶⁰.

Равным образом Duprat отказывается признать и «социальное сознание» общества,

отличное и независимое от сознаний индивидуальных. «La conscience sociale n'a jamais pu vivre que dans des consciences individuelles»^{7*}. Если он и соглашается употреблять этот термин, то только постольку, поскольку он обозначает «синтезы социальных понятий, распространенных среди всех социальных существ, в которых он и получает субъективное бытие, в одних более ясное, в других более смутное». Ни о каком социальном сознании, помимо индивидуального сознания, не может быть и речи²⁰.

Весьма близкой к социологическому номинализму, но в значительной мере свободной от его недостатков, является «русская субъективная школа» в лице *П.Л. Лаврова, Н.К. Михайловского и Н.И. Кареева*.

Их отрицательное отношение к социологическому реализму выразилось в резкой и по существу правильной критике органической школы; во-вторых, в страстной защите личности как верховной этической ценности (в субъективной школе); в-третьих, в тщательном анализе понятия индивидуальности (особенно Н.К. Михайловским) и в доказательстве, что из всех возможных индивидуальностей (от атома до вселенной) человеку надлежит остановиться на личности как подлинной социальной индивидуальности: только она — подлинная реальность, действующая, мыслящая, страдающая и наслаждающаяся; только она — не

¹⁹ *Tard G. Etudes de psychologie sociale. Paris, 1898, p. 69-75: Les deux elements de la sociologie.*

²⁰ *Duprat G.L. Science sociale et democratie. 1900, p. 59, 68-69.*

Глава VI. Явление взаимодействия как коллективное единство 2 4 3

абстракция; только она и ее судьбы могут быть правильным критерием прогресса и т. д.

По времени, по блеску и глубине аргументации русская субъективная школа должна быть поставлена во главе критиков социального реализма. Если я типичным выразителем социального номинализма ставлю Тарда, а не эту школу, то потому, что социологи этой школы не были последовательными номиналистами и свободны, как увидим сейчас, от ошибок последнего²¹.

Спрашивается, которое из этих двух направлений мы должны признать истинным? Прав ли социологический реализм или социологический номинализм?

Для того чтобы и постановка вопроса и ответ на него были вполне ясны, необходимо удалить из проблемы многозначные и неопределенные термины или условиться об их смысле. Таким термином служит термин «реальность». Человеку, немного знакомому с философией и гносеологией, известна многообразность содержания, вкладываемого в это слово различными философами и теоретиками познания. Не условившись относительно его значения, мы неизбежно впадем в двусмысленности и неясности. Весь спор социологического реализма и номинализма в значительной степени основан именно на двусмысленности и неодинаковом понимании термина «реализм» и его производных.

Поэтому поставим вопрос о природе реальности коллективных единств или обществ несколько иначе.

Спросим себя, правы ли реалисты, утверждая, что общество как реальность *suí generis* существует *независимо и вне* составляющих его индивидов?

Ответ на этот вопрос может быть только отрицательный: никакая конкретная вещь не может существовать *вне и независимо от ее элементов*: отнимите от воды ее элементы — кислород и водород — и воды не будет; отнимите от организма его клетки — и организма не будет; отнимите от солнечной системы ее членов — и солнечная система исчезнет. Отнимите от общества его элементы — индивидов — и общество исчезнет. Без индивидов — общества людей не создашь, как без элементов любой вещи нельзя создать эту вещь.

Это так ясно и очевидно, что настаивать на этом трюизме нет надобности. Вот почему реалисты, утверждающие, подобно Дюркгейму и дру-

²¹ См.: Лавров П.Л. «Исторические письма», «Задачи понимания истории», «Важнейшие моменты в истории мысли» и «Собрание сочинений», вып. VIII; Михайловский Н.К. «Что такое прогресс», «Борьба за индивидуальность», «Патологическая магия», «Дарвинизм и обществ[енная] наука», «Статья о Дюрк-гейме» и др.; Кареев Н.И. «Теория личности Лаврова», «Введение в изуч[ение] социологии», «Экономический материализм и закономерность социальных] явлений», с. 112 и «Общие основы социологии». 1919.

гим, что общественный факт может иметь свое собственное существование, независимое от индивидов и вне их находящееся, если буквально понимать их выражения, проповедуют чистый абсурд. Они похожи на людей, которые «из-за леса не видят деревьев» и, кроме того, утверждают, что лес может существовать и без деревьев. Вот почему в этом пункте Тард вполне прав, когда говорит: «признаюсь, мне очень трудно понять, как может случиться, что, "отбросив индивидуумов, получим в остатке общество"».

Спросим себя далее, правы ли реалисты, утверждая, что есть «коллективная душа», или «коллективное сознание», имеющее свое собственное бытие, независимое от сознания и души составляющих общество индивидов?

Если буквально понять такие утверждения (а реалисты дают достаточно поводов для такого буквального понимания), то ответ опять-таки может быть только отрицательным. Правда, выражения «душа общества», «душа народа», «народный дух» и т. д. фигурируют постоянно. Но значит ли это, что есть какое-то «сознание общества» или «душа общества», *независимые* от сознания составляющих общество индивидов или имеющие свое собственное существование вне существования индивидуальных душ?

Ответ дает «метод вычитания». Отнимите от этой «коллективной души общества» «души» *всех* составляющих его индивидов, вычитите из «социального сознания» сознание *всех* его членов, бывших и сущих, и вы получите пустое место. «Социальное сознание» исчезнет; оно исчезнет как психическое переживание, как субъективный факт, ибо некому будет переживать его; оно исчезнет как объективный вид энергии, ибо вне индивидов психическая энергия проявляться не может; оно исчезнет как физиологический процесс, ибо не будет никакой нервной системы; оно не будет и не может существовать как физическое явление или как физический предмет. Неизвестно, где и как оно будет локализовано; короче, в этих условиях оно теряет все эмпирические свойства бытия. Этого достаточно, чтобы признать его несуществующим. Те, кто с этим выводом не согласился бы, должны показать, как и в какой форме могло бы существовать это «сознание общества» вне сознания и независимо от сознания всех составляющих общество индивидов. Думаю, что никакого *modus vivendi*^{8*} его они в этих условиях не докажут.

Все сказанное относится и к неогегелевской концепции Boodin'a с его постулатом межсубъектной духовной непрерывности и к концепциям, подобным теории Фулье²². Слова можно выдумывать разные. Но

²² «Мир можно определить как организм, который стремится выработать в себе сознание и волю, как республику, которая стремится реализовать себя путем собственной идеи» (Фулье А. *La science sociale contemporaine*. Paris, 1880, p. 413). С таким же правом можно было бы мир назвать монархией, приписать

Глава VI. Явление взаимодействия как коллективное единство

245

нужно, чтобы эти слова что-нибудь значили. Перефразируя Дюпра, можно так охарактеризовать приемы Фулье, Boodin'a и др.: «Одухотворите или припишите сначала сознание всему межпланетному пространству; замените простой атом духовной и сознательной монадой; заместите сознанием все элементы неорганического мира; затем "социализируйте" их по рецепту "психизирования"; придайте каждому "напсихизированному" элементу мира тенденцию к коллективной жизни, к ассоциации, присоедините к

этому высшие управляющие центры сознания, подобные монарху, и т. д. ... и в таком случае вы получите просто и без всякого труда не только межсубъектную душу **и** коллективное сознание, но все, что угодно: бога, черта, всемирный дух, логос, "сознание вообще", "мировой разум", "всемирное сознание", "атомную душу" и множество других "безличных личностей", "деревянных желез", "черных белил" и прочие логически нелепые, эмпирически абсурдные понятия. Ценность их будет такова же, как ценность "деревянного железа". Место таким приемам в сфере телепатии, теософии и мистицизма, а не в системе науки».

«Нет никакого основания предполагать, что общество представляет великое существо, которое обладает самосознанием в форме некоторого мистического процесса мышления, отличного и независимого от мышления, совершающегося в мозгу составляющих его индивидов», — правильно говорит Гиддингс²³.

Но если основные тезисы социологического реализма, понятые в их буквальном смысле, не могут быть приняты, то спрашивается: приемлемы ли тезисы социологического номинализма, взятые опять-таки в их буквальном смысле? Можем ли мы поддерживать положение, что *общество или коллективное единство как совокупность взаимодействующих индивидов равно простой сумме индивидов*? Можем ли мы, далее, согласиться с Тардом, что в обществе нет ничего, что не существовало бы в индивидах?

Достаточно небольшого размышления, чтобы сказать: поп *possumus*^{9*}.

Равно ли общество как совокупность взаимодействующих индивидов простой сумме последних, — это зависит от смысла, придаваемого «сумме индивидов»: если под суммой индивидов разумеются индивиды *взаимодействующие*, тогда сумма их равна обществу или коллективному единству, ибо сумма *взаимодействующих* индивидов сама составляет «общество». Если же под суммой индивидов разумеются индивиды *не взаимодействующие*, изолированные, отделенные друг от друга, как лейбницевские монады или две сардины, закупоренные в двух разных коробках, тогда сумма индивидов не равна обществу. Не равна по очень

ему стремление к хорошим нарядам, отождествить мир с кошкой, собакой и с чем угодно.

²³ Giddings F. The elements, p. 119.

246

Система социологии. Том I

простой причине: по той, что в первом случае изолированные индивиды *не взаимодействуют*, во втором взаимодействуют. В последнем случае присоединяется *новое условие* — взаимодействие, — которого нет в первом. В силу этого добавочного условия создается ряд явлений, которого нет и быть не может при его отсутствии. Его наличие превращает простую сумму индивидов в общество, в коллективное единство. Пример из химии рельефнее выразит суть дела. Равна ли сумма кислорода и водорода воде? Если они не взаимодействуют, то, очевидно, не равна: простая сумма изолированных кислорода и водорода не составит воду. Если же они взаимодействуют (при надлежащих условиях), то эта взаимодействующая сумма «индивидов», называемых кислородом и водородом, составит воду, т. е. явление, весьма существенно отличающееся от простой суммы кислорода **и** водорода, отдельно взятых.

Сказанное дает ответ и на второй поставленный вопрос. Как вода — результат взаимодействующих кислорода и водорода — резко отлична от каждого из элементов, порознь взятых или их простой суммы, так и коллективное единство как совокупность взаимодействующих индивидов обладает рядом свойств, процессов и явлений, которых нет и быть не может в простой сумме изолированных индивидов. Тот, кто, подобно Тарду, утверждает обратное, похож на человека, «из-за деревьев не видящего леса, леса как общества взаимодействующих деревьев, отличного от простой суммы не взаимодействующих древесных единиц²⁴.

²⁴ «Массовый элемент для понятия леса — необходимый, но недостаточный

элемент, — справедливо говорит Морозов. — Лес не есть простая совокупность древесных растений, а есть ассоциация, сообщество древесных пород, т. е. такое множество, в котором растения проявляют не только индивидуальную жизнь, но общественную, обнаруживая друг на друга разнообразные влияния и порождая новые социальные явления, *которые изолированно растущим деревьям не знакомы и не свойственны*. Лес есть только такое множество древесных пород, в котором обнаруживается взаимное влияние деревьев друг на друга» (Морозов Г.Ф. Лес как растительное сообщество. СПб., 1913, т. 1, с. 17, 22-23). Здесь же весьма отчетливо показаны те явления, которые (борьба за существование, дифференциация, господство и угнетение и т. д.) свойственны лесу и не свойственны изолированным деревьям. См. также: Сукачев В.Н. Введение в изучение растит[ельных] сообществ, *passim*; Варминг Й. Ойкологич[еская] география растений. М., 1901 (введение и главы о лесе). Поэтому глубоко ошибочными приходится признать следующие слова Н.И. Кареева: «Лес деревьев не составляет общества, и нахождение дерева среди других деревьев ничего не прибавляет к его природе; оно остается тем же в лесу, чем было бы одинокостоящим далеко от других деревьев» (Кареев Н.И. Общие основы социологии. Пг., 1919, с. 13). Дело обстоит как раз наоборот.

Прибавьте к этому неизбежные результаты взаимодействия людей: наличность проводников, их постепенную консолидацию и наслоение, в итоге образующие целый материально существующий мир, материальную культуру, и ошибочность номинализма станет очевидной.

Глава VI. Явление взаимодействия как коллективное единство

247

Общий вывод из всего сказанного о социологическом реализме и номинализме таков: *ни то, ни другое из этих двух течений неприемлемо*. Каждое из них в пылу спора выставляет такие положения, которые либо логически абсурдны, либо эмпирически неверны. *Общество или коллективное единство как совокупность взаимодействующих людей, отличная от простой суммы невзаимодействующих индивидов, существует. В качестве такой реальности sui generis оно имеет ряд свойств, явлений и процессов, которых нет и не может быть в сумме изолированных индивидов. Но вопреки реализму общество существует не «вне» и «независимо» от индивидов, а только как система взаимодействующих единиц, без которых и вне которых оно немыслимо и невозможно, как невозможно всякое явление без всех составляющих его элементов*. Термины, подобные «социальному сознанию», «душе народа», «национальному духу» и т. д., могут фигурировать только в качестве поэтических образов; взятые же в своем буквальном смысле они не соответствуют действительности²⁵.

Научно допустимыми они являются лишь тогда, когда хотят выразить своеобразность психической жизни взаимодействующих индивидов, отличную от психических переживаний суммы изолированных людей. С таким содержанием они приемлемы. Но во избежание недоразумений предпочтительнее не употреблять их.

Таков наш ответ на поставленный в начале параграфа вопрос. Следует ли его квалифицировать как социологический реализм или же он представляет форму номинализма — предоставляем решать любителям: важна не номенклатура, а содержание ответа²⁶.

²⁵ Правильно говорит П.Л. Лавров: «Процесс сознания всегда индивидуален и иным быть не может» (Опыт истории мысли. Женева, 1894, с. 1425).

²⁶ Довольно близки (но не вполне) к этим положениям взгляды Ваксвейлера по этому вопросу, резюмируемые им в положении: *L'espece est; l'organisation sociale est... mais... on ne peut les observer que dans les individus*^{10*}. См. у него же критику персонифицирования абстракций вроде «социальной группы», «общества» и т. д. (Op. cit, p. 260-270).

Близки к ним и взгляды Е.В. Де-Роберти, в отличие от школы Дюркгейма, не субстанциализировавшего явления общественности. «Сущность абстрактного

социального явления или общественности, — говорит он, — мы видим в особом процессе взаимодействия, зарождающемся и развивающемся между нервно-мозговыми энергиями» (Де-Роберти Е.В. Новая постановка основ[ных] вопр[осов] социологии, с. 267).

Выше я указал, что в данном пункте изложенные положения сходны в значительной степени с соответствующими положениями русской субъективной школы.

Глава седьмая

УСЛОВИЯ(ФАКТОРЫ)ВОЗНИКНОВЕНИЯ, СОХРАНЕНИЯ И ИСЧЕЗНОВЕНИЯ ПРОСТЫХ КОЛЛЕКТИВНЫХ ЕДИНСТВ

§ 1. Условия (факторы) возникновения коллективных единств

В предыдущем мы видели, [во-первых], что группа взаимодействующих индивидов образует коллективное единство или реальную совокупность.

Естественно встает вопрос: что же, какие условия заставляют индивидов взаимодействовать? Почему они притягиваются друг к другу, а не отталкиваются? Что связывает их взаимно, прикрепляет друг к другу и заставляет взаимодействовать, т. е. образовывать коллективные единства?

Иными словами, из сказанного естественно вытекают вопросы: 1) как образуются коллективные единства, 2) как они сохраняются, 3) как и когда они уничтожаются, перестают существовать.

Вопрос о том, как образуются коллективные единства, означает, в силу каких условий возникает взаимодействие между двумя или большим числом индивидов. Решение последней проблемы означает и решение первой.

Дедуктивно можно предвидеть, что таких искомым условий будет множество. Для того чтобы возникло взаимодействие между индивидами, нужно только, чтобы они могли оказывать одностороннее или двустороннее влияние друг на друга. Такое влияние возникает прежде всего при пространственной близости индивидов друг к другу. Следовательно, *все факторы или условия, вызывающие это пространственное соседство, eo ipso могут быть факторами возникновения коллективного единства.*

Во-вторых, мы видели, что взаимодействие может происходить и при пространственной разделенности индивидов. Необходимо лишь, чтобы между ними были проводники, которые передавали бы раздра-

Глава VII. Условия возникновения простых коллективных единств 249

жения, исходящие от одних индивидов, другим. Отсюда следует, что *все условия, вызывающие или благоприятствующие установлению проводников взаимодействия, могут быть факторами возникновения коллективного единства.*

В-третьих. При прочих равных условиях, чем чаще индивиды будут встречаться друг с другом, тем вероятнее, что они будут вступать во взаимодействие: оказывать один на другого влияние и вызывать ответные реакции. Отсюда следует, что *все факторы, благоприятствующие этой частоте встреч и соприкосновений человеческих единиц, будут или могут быть и факторами, вызывающими процессы взаимодействия между ними, т. е. образование коллективных единств.*

Эти положения дают нам руководящие указания для разрешения поставленной проблемы. И пространственная близость индивидов, и установление проводников взаимодействия между ними, и частота встреч людей друг с другом могут вызываться условиями: 1) космическими (физико-химическими), 2) биологическими и 3) социально-психическими. Остановимся на каждой из этих групп¹.

I. Космические факторы образования коллективных единств

Взаимодействие людей может быть вызвано чисто космическими условиями, определяющими скопление людей в одном месте; таковы температура, свет, (вода) и ряд других космических процессов. Так, понижение температуры в одном месте может заставить людей стремиться к такому пункту, где эта температура была бы более благоприятной для человеческого организма². В зимние морозы на улицах города мы

видим, как люди, лишенные почему-либо возможности пользования теплым кровом, собираются около уличных костров; огонь «тянет», «притягивает» людей к себе. Около таких костров завязываются разговоры между незнакомыми людьми, происходят знакомства, начинается обмен взаимными акциями и реакциями и т. д., т. е. возникает ряд процессов взаимодействия или коллективных единств. В летнюю жару мы видим обратное. Здесь жар гонит людей в места тенивые, прохладные, к бере-

¹ Как видно из постановки вопросов, в данной главе я не решаю проблему первичного происхождения и развития «общественности» вообще, а занимаюсь кратким анализом вопроса: в силу каких вообще условий люди вступают во взаимодействие? Какие условия благоприятствуют возникновению последних? Вопрос же о первичном происхождении и развитии «общественности» будет трактоваться в «Генетической социологии», хотя нижеследующие положения применимы и к этому вопросу.

² Сходное явление видим в мире насекомых, напр[имер] тараканов. Теплая температура кухни заставляет их скопиться около плиты, печки и т. п. Падение температуры заставляет их разбегаться и менять холодное место на теплое.

250

Система социологии. Том I

гам моря, реки, озера, где можно выкупаться. Купальные места, пляжи и т. п. в этих случаях становятся общепривлекательными пунктами. Благодаря жаре люди собираются в одном месте, входят в пространственную близость и дают в результате процессы взаимодействия. То же наблюдаем тогда, когда люди, спасаясь от дождя, собираются под одной крышей или деревом... В этих условиях возникшие процессы общения бывают кратковременными: они возникают и быстро исчезают. Но сейчас нас интересует не длительность их, а способ их возникновения.

Достаточно, однако, представить данную космическую причину постоянной, чтобы взаимодействие стало длительным. Жители ночлежек, пригнанные туда космическими условиями — жаром, холодом, дождем, часто пользуясь ими, входят в более тесное общение друг с другом и нередко образуют длительное взаимодействие³. Лесные люди, проводящие зиму в лесу (изготовление леса, охота и т. д.), при отсутствии многих избушек принужденные собираться на ночь в одной баньке, знакомятся друг с другом и взаимодействуют в течение длительного времени — всего зимнего периода... Частые встречи людей в местах купанья нередко ведут к взаимным знакомствам, к дружбе, к взаимодействию, временами продолжающемуся всю жизнь⁴. Такую же «привлекательную» силу может иметь и *свет*. Многие из людей не выносят темноты. Последняя «гонит» их туда, где светло. Будет ли таким светом единственная свеча вагонного коридора, собирающая вокруг себя пассажиров, или свет костра, к которому, наподобие бабочек, притягиваются люди, или «маячащий огонек» домика, неожиданно показавшегося заблудившемуся в темноте путнику, или свет уличного фонаря, около которого часто собираются и группируются люди, — все равно; здесь свет как космическое условие «притягивает» к себе людей, сплошь и рядом совершенно чуждых, и заставляет их вступать во взаимодействие друг с другом, часто минутное, временами длительное, ведущее к дружбе, к ненависти и т. д. Влияние света проявляется также и в том, что днем, с наступлением света, поток взаимодействия бьет бесконечно интенсивнее, чем ночью. Наступление последней, т. е. угасание естественного света, кладет конец и множеству процессов взаимодействия. С рассветом последние вновь оживают.

Возьмите, далее, такое космическое условие, как *вода*. В местах, не богатых источниками *воды* (оазисы в пустыне, деревни и города с малым количеством колодцев или удобных мест на реке, где можно было

³ См. пьесу «На дне» М. Горького, рисующую ряд взаимодействий, возникающих между обитателями таких жилищ, поставленными волею судьбы в пространственную близость друг к другу.

⁴ Подтверждением этому служат обычаи флирта, любовных историй, браков и т. д., часто берущих свое начало в «случайных встречах» на пляже, под кровом,

защищающим от дождя, в постоялом дворе, куда зашли «согреться», «обсушиться», «отдохнуть», и т. д.

Глава VII. Условия возникновения простых коллективных единств 2 51

бы захватить воду, стирать белье и т. д.), последние служат притягательным пунктом, собирающим около себя людей, заставляющим их встречаться друг с другом, входить в общение, короче говоря — образовывать то мгновенные, то длительные коллективные единства.

Если же взять сложные космические условия, то роль их в деле возникновения коллективных единств станет очевидной. Из истории нам известно, что первые поселения людей, как и современные скопления их, тянутся вдоль берегов рек, озер или морей. Не только в прошлом, но и теперь еще, взглянув на карту населенности различных территорий земли, мы видим, что наиболее населенными являются полосы земли, тянущиеся вдоль источников воды (реки, озера, ручьи, моря и т. д.)⁵.

Та же карта убедит нас в том, что области со слишком низкой или высокой температурой (полюсы, пустыни и т. д.) наиболее слабо населены⁶. Возьмите, далее, такие космические условия, как рельеф (гористость, долинность и т. д.) земной поверхности. Опять-таки и здесь места, «удобные» для жизни — защищенные от ветров, от сирокко, не трудные для подъема, богатые запасами пищи, питья, и т. д., — были и остаются пунктами, притягивавшими к себе людей, ставившими их в пространственную близость друг к другу, заставлявшими их чаще встречаться, — словом, содействовавшими возникновению коллективных единств.

Без всякого умысла, без всякой цели космические условия «механически» сталкивают людей друг с другом и вызывают у них взаимные акции и реакции, т. е. взаимодействие.

Не учитывая этих космических условий, мы не в состоянии понять степень населенности различных областей земли ни в прошлом, ни теперь. Гиддингс прав, говоря: «Общества мы находим лишь там, где физические условия страны и климата благоприятны группированию живых существ в обширные агрегации... Больше чем половина земли неблагоприятна скоплению населения. Горы, пустыни, тропические джунгли, холодные области полярных зон представляют области, малодоступные для сосредоточения населения». Далее Гиддингс дает обзор населеннос-

⁵ *Ключевский В.О.* Курс истории. М., 1908, с. 67: «По большим рекам, как главным торговым путям, сгущалось население; по ним возникали торговые средоточия, древнейшие русские города. Речными бассейнами направлялось географическое размещение населения» и т. д.; *Обермайер Х.* Доисторический человек. Изд. Брок[гауз] - Ефрон, с. 126: «Наши отдаленнейшие предки жили в непосредственной близости рек, доставлявших им в изобилии рыбу». «В Европе плотно населенными являются плодородные долины По — в Италии, Рейна — в Германии, Сены — во Франции, Темзы — в Англии. В Азии миллионы людей Индии и Китая сконцентрированы в долинах Ганга, Инда и Желтой реки». См. также: *Giddings F.* The elements, p. 19.

⁶ См. статистическую таблицу у *Майра* (Статистика и обществоведение. 1901, т. II, с. 71).

2 5 2

Система социологии. Том I

ти различных областей Америки, Азии и Африки, вполне подтверждающий это положение⁷.

И температурные условия свет, и распределение воды и суши, и рельеф земной поверхности, и климат, и плодородие почвы, и ее минералогическое и геологическое строение, и т. д. — все это ряд условий, заставляющих людей концентрироваться в определенных местах и тем самым вызывающих процессы взаимодействия, т. е. образование коллективных единств.

Возьмем для примера такой фактор, как богатство почвы золотом или другими ценными продуктами. «Тысячи людей, до сих пор не знакомых друг с другом, не имевших

никаких сношений, были внезапно брошены в одно место», — говорит Borthwick о внезапном скоплении людей в Калифорнии, вызванном открытием богатых золотых россыпей. «В 1860 г. наблюдалось массовое стечение семейств в области месторождения масла^{1*} (into the oil fields)⁸ в Пенсильвании. В 1877 г. в Колорадо возник город (Leadville) с невероятной быстротой. В 1889 г. 50 000 «boomers»^{2*} нахлынули в один день в Oklahoma; в 1893 г. та же сцена повторилась с 90 000 подобных искателей счастья. Космополитический город Йоганнесбург с 50 000 жителей вырос за семь лет в безлюдной степи Трансвааля, в центре золотых месторождений Африки»⁹. Подобное происходило и в прошлом.

«Еще одна причина заставляла людей шелльской эпохи селиться на плоских, усеянных камнями берегах рек, — читаем мы у Обермайера, — там они находили во множестве необходимый для них кремнь, из которого они выбивали топоры и другие каменные орудия»¹⁰. «Многие города во все периоды истории возникали поблизости к горным или иным земельным богатствам»¹¹.

То же применимо и к ряду других космических условий. Они «механически» притягивают людей в определенные места, сталкивают их друг с другом, заставляют их, помимо воли и целей последних, взаимодействовать и образовывать то временные, то длительные коллективные единства.

И чем ниже мы будем спускаться по лестнице культуры, тем «социализирующая» роль космических условий будет значительнее; первобытные люди находились и находятся от них в гораздо большей зависимости, чем мы. Они не располагали и не располагают, как культурные люди,

⁷ Giddings F. The elements, p. 18 и ел. Хорошей иллюстрацией сказанного служат география, карты населенности земного шара.

⁸ Borthwick. Three Years in California. 1857, p. 382. См. рассказы Дж. Лондона, рисующие ряд взаимодействий — трагических и идиллических — между слетевшимися на золото человеческими светляками.

⁹ Giddings F. Op. cit., p. 25-26.

¹⁰ Обермайер X. Доисторический человек, с. 126.

¹¹ Вебер А. Рост городов в 19 столетии. СПб., 1903, с. 166.

Глава VII. Условия возникновения простых коллективных единств 253

возможностью создавать вокруг себя искусственную среду, делающую их в значительной степени независимыми от космических условий и процессов. Отсутствие одежды и теплых жилищ, ряда технических средств для соответствующего изменения рельефов поверхности, для регулирования течения источников и рек, для создания света в темноте и т. д., — все это делало их «рабами» космических условий. Холод неизбежно гнал их в те места, где была естественная теплота, жажда — к источникам воды, темнота — к источникам света, необходимость передвижения — к естественным водным путям сообщения¹², бесплодность территории — в места плодородные, жара -*- в места прохладные и т. д. и т. д.

В пункты, благоприятные для жизни, в силу указанных условий механически стягивались индивиды, входили в пространственную близость, и в виде ли борьбы или мирного сожительства между ними возникали явления взаимодействия.

«Условия, благоприятствовавшие охоте и рыболовству, приводили банды незнакомых и чуждых друг другу дикарей в соприкосновение и вызывали хроническую вражду. Ужасные битвы между алгонкинами и ирокезами до заселения Северной Америки европейцами были следствием их тяготения к долине Могавка. Долины Delaware, Огайо, Миссисипи, Колумбии и Колорадо были постоянно центрами подобных процессов стечения и ареной истребительных войн»¹³. «Вдоль рек постройка плотин была первым поводом для принудительной кооперации. В Египте и Китае — древних монархиях — забота о воде и ее регулировке имела громадное значение для формирования государства»¹⁴.

Этот факт отмечен и статистиками. «Влияние естественного фактора большого плодородия почвы вообще обнаруживается в более сильной степени плотности населения, и наоборот. Такая пропорциональность между густотой населения и качеством почвы в бассейнах отдельных рек выступает с тем большей ясностью, чем менее сильны влияния промышленного развития, нарушающие эту закономерность», — читаем мы у Майра. Причем само влияние экономического развития в «значительной мере обусловливается естественными факторами — наличием водяной силы, запасов каменного угля и минералов, а также благоприятным положением естественных путей сообщения»¹⁵. «Население естественно стремится в долины, так как они отличаются плодородием, защищены от крайностей температуры и являются центрами тор-

¹² «Замечаем, что появление значительного торгового города среди племени зависело от географического] положения последнего: такие города возникали среди населения, жившего по главным торговым линиям Днепра, Волхова и Западной] Двины» (Киев, Новгород и др.) (*Ключевский В.О.* Цит. соч., с. 161-162).

¹³ *Giddings F.* Op. cit, p. 26-27.

¹⁴ -Ross E.A. Social Control, p. 50.

¹⁵ *Майр Г.* Статистика и обществоведение. СПб., 1901, т. II, с. 71.

2 54

Система социологии. Том I

говли, — говорит Майо-Смит. — Реки — естественные дороги, поэтому население прежде всего водворяется вдоль рек и города возникают по их берегам.

Берега океана и изрезанная береговая линия с хорошими гаванями привлекают ввиду своих коммерческих преимуществ. Горы бесплодны, холодны и недоступны. Поэтому они становятся убежищем побежденных народов и естественной крепостью независимых племен, но не могут прокормить многочисленное население. В истории мы находим множество примеров этих общих влияний. Долины Нила, Евфрата, Тигра были очагами древних цивилизаций. Большинство цветущих городов Греции находилось на морском берегу. Средневековые итальянские и германские торговые города находились большей частью на судоходных реках или у моря. История Соединенных Штатов представляет яркий пример влияния рек и долин на рост (правильнее: на концентрацию и расселение. — *П.С.*) населения. Когда в 1790 г. состоялась первая перепись, 95% населения жили на атлантическом побережье, средняя шири^ на населенной прибрежной области была 255 миль. С того момента она стала распространяться по долине Могавка к Огайо и по большой Аппа-лачской долине. Главный поток населения стремился в них по р. Огайо, а затем вверх по Миссури, Арканзасу и Красной реке»¹⁶.

Таких подтверждений можно привести сотни и тысячи.

Вот почему как относительно глубокого прошлого, так и настоящего времени с полным правом можно говорить о «социализирующем» влиянии космических условий, рассматривать их как факторы образования человеческих соединений и ассоциаций¹⁷.

¹⁶ *Майо-Смит Р.* Статистика и социология. М., 1900, с. 366-367.

¹⁷ Здесь то же самое можно сказать о человеке, что *Пармели* говорит о факторах животных ассоциаций: «Определенные внешние силы собирают животных в одно место... Напр[имер], животные, обитающие в воде, тянутся к той ее сфере, где температура воды наиболее благоприятна для жизненных процессов. Если эта сфера мала, большое количество животных окажется в тесной близости один к другому. Давление воды может сыграть такую же роль. Таким же образом влияет и локализация пищи. Если пища определенного вида животных распределена на небольшом пространстве, члены вида будут принуждены встречаться и жить вместе в силу потребности в пище». Вот почему он правильно выделяет Environmental forces [силы окружающей среды] как the factors of social evolution [факторы социальной эволюции]. См.: *Parmelee M.* Op. cit., p. 330, 391-395.

Таковыми же «механически-социализирующими» космическими условиями служат в ряде случаев свет, притягивающий животных, вроде бабочек и т. д., к центру света (явления положительного] светового тропизма), цвет и т. д. См. о тропизмах работы Леба,

опыты Hess'a и американских исследователей животного поведения. См.: Hess. Ueber Lichtsinn und Farbensinn in der Tierreiche // Die Umschau. 1910, Bd. XIV, S. 934-947, 976-979; Садовникова. Новейшие исследования американцев по зоопсихологии // Природа. 1916, № 11; Вагнер В.А. Биопсихология, т. I, с. 187-222; Леб Ж. Значение тропизмов для психологии // Новые идеи в философии. Сб. № 8.

Глава VII. Условия возникновения простых коллективных единств 2 5 5

Говоря так, я, разумеется, в понятие коллективного единства не ввожу никакого нормативного момента. Оно означает простой факт взаимодействия в вышеопределенном значении термина. Если взаимодействие это конкретно выразится в борьбе совокупно собравшихся индивидов, перед нами, согласно определению, будет коллективное единство, антагонистическая ассоциация борющихся индивидов¹⁸.

Сказанное показывает, что *космические условия вызывают скопление индивидов в пространственной близости друг к другу, заставляют их сталкиваться и соприкасаться друг с другом, т. е. вызывают процессы взаимодействия между ними, превращающие взаимодействующих индивидов в коллективные единства. Вот почему можно говорить о «социализирующей» роли космической среды. Отсюда же следует, что процессы взаимодействия между людьми возникали и возникают чисто механически, без всякого «договора», целевых соображений, умышленного стремления к объединению, без всяких сознательных намерений, взаимных симпатий или стадных инстинктов, короче говоря, без всего того, о чем нажужжали нам уши многие государствоведы и социологи как о необходимых условиях образования общества. И в мире людей, и в мире животных общение, понимаемое в смысле взаимодействия, может быть вызвано и создано механически, действием одних сил космической среды. Эллвуд прав, отмечая эту роль космических условий наряду с биологическими в процессе об-*

Более ярко «социализирующая» роль космических условий в животном мире выступает в таких явлениях, как источники воды, притягивающие животных к себе для утоления жажды; территории, обильные пищей, собирающие в пространственной близости животных и вызывающие среди них взаимные акции и реакции борьбы, хищничества, взаимопомощи и т. д. (пример: свалочные места, привлекающие множество ворон), берега, удобные для постройки гнезд (напр[имер], стрижиных гнезд), и т. д. Все это, как и ряд других условий, заставляет животных входить в соприкосновение друг с другом и в той или иной форме взаимодействовать.

Влияние тепла на концентрацию животных в одном месте легко может быть констатировано на тараканах. «Общества» тараканов локализованы обычно в теплых местах: около печек, духовок, в кухне и т. п. Прекращение топки плиты и падение кухонной температуры в течение весны и лета в 1919 г. повело за собой (по наблюдениям автора) эмиграцию тараканов из кухни и равномерное рассеяние их по другим комнатам.

¹⁸ Эта роль космических условий косвенно отмечена П.Л. Лавровым. «Человек нашел в земной коре слои соли для питания, слои глины для посуды. Для битв между людьми нашлись твердые камни и металлы. Был готов материал для храмов будущим богам, для дворцов будущим владыкам... В глубоких рудниках и в громадных массах красивых камней существовали уже места, где поколения рабов должны были тратить свой труд... В редких россыпях алмазов и золота прятались уже самые энергичные орудия борьбы за обогащение» и т. д. Все эти места сосредоточия соли, глины, твердых камней, золота, алмазов были притягивающими центрами, собиравшими около себя человеческих особей и прямо или косвенно вызывавшими процессы взаимодействия (Доленги А. Важнейшие моменты в истории мысли, с. 17-18).

2 5 6

Система социологии. Том I

разования социальных групп. «Когда живые существа приводятся в тесную пространственную близость и остаются в такой близости, — говорит американский социолог, — они входят во взаимодействие на почве питательного и воспроизводительного процесса. Условия пищи, таким образом, доставляют физический

базис для взаимоотношений между организмами, которые потом превращаются во взаимодействие психическое»¹⁹. Процесс образования коллективных единств, как видим, не требует всего того, что считалось необходимым многими. В ряде случаев «общество» может быть создано одними физико-химическими условиями. Они играли роль в происхождении первичных «обществ» и продолжают играть эту роль и теперь. Такова первая категория факторов образования коллективных единств²⁰.

II. Биологические факторы образования коллективных единств

Следующим разрядом условий, вызывающих возникновение процессов взаимодействия, служит ряд биологических условий. В общем и целом эти условия сводятся к фактам *нуждаемости одного организма в другом в силу различных обстоятельств*. Эта нуждаемость заставляет организмы приходить друг с другом в соприкосновение, в пространственное соседство, встречаться и входить в общение. Такое соприкосновение диктуется организмам необходимостью сохранения последних, сохранения вида и удовлетворения тех биологических потребностей, без удовлетворения которых организм не может жить, как не может существовать и весь вид животных.

Потребность питания. Чтобы организм мог существовать, он должен удовлетворять *потребность питания*. На почве удовлетворения этой

¹⁹ Ellwood Ch. The origin of Society // The American] journ[al] of sociology, vol. XV, p. 394-404.

²⁰ Сделанная суммарная характеристика имеет своей задачей только указать на роль космических факторов в деле возникновения коллективных единств. Но она не преследует несколько задачи изучения того влияния, которое космические факторы оказывают на человеческое поведение и общественную жизнь... Эти вопросы будут подробно изучаться в «Социальной механике».

Указанная социализирующая роль космических факторов находит подтверждение и в работах, посвященных изучению роли географических условий в жизни людей.

Много материала в этом отношении читатель найдет в работах: *Ратцель Ф.* Антропогеография; *Его же.* Le sol, la societe et l'etat // L'annee social [ogique], vol. III, p. 1-14; *Hayes B.C.* Effects of geogr[afical] conditions upon socfial] realities // The American] journ[ol] of sociology], vol. XIX, p. 813-824; *Brunhes J.* La geographie humaine. Paris, 1912; *Vallaux C.* Geografie sociale, 1911; *Demolins E.* Comment la route crie le type social, vol. I и II (Librairie de Paris); *Semple E.C.* Influences of geografie environment. New-York, 1911; *Мечников Л.* Цивилизация и великие исторические] реки. Paris, 1889 и др.

Глава VII. Условия возникновения простых коллективных единств 257

потребности организмы принуждены соприкасаться друг с другом и образовывать ряд разнородных и сложных процессов взаимодействия — то коротких, то длительных. Многие животные питаются животными же организмами... Отсюда вытекает необходимость для первых входить в соприкосновение со вторыми хотя бы для того, чтобы пожрать их. На этой почве устанавливается ряд процессов взаимодействия между теми и другими, называемых некоторыми исследователями словом «предатизм»²¹. Такие явления мы наблюдаем и в мире растений, и в мире животных, и в мире человека. Волки и другие хищные звери (львы, тигры и т. д.) принуждены «рыскать» и искать себе добычу в виде других животных; следовательно, в той или иной форме взаимодействовать с ними. На почве той же потребности питания вырастают такие «коллективные единства», как, например, взаимодействие между муравьями и травяными вшами, которые воспитываются первыми для того, чтобы быть сожранными. Формой предатизма в мире людей служат взаимоотношения человека и домашних животных (свиней, овец, кур, кроликов и т. д.). На почве того же питания далее вырастают такие животные «ассоциации», как явления *комменсализма* (напр[имер], взаимоотношения организма и внутренних червей, обитающих в нем и абсорбирующих пищу, перевариваемую первым), явления *паразитизма* (взаимодействие организма и паразитов, живущих за счет первого), явления *мутуализма* (взаимодействие насекомых, питающихся паразитами других

организмов), явления *симбиоза* (взаимодействие двух или большего числа организмов, образующих подобие единого организма, напр[имер], водоросли и грибы, образующие лишайники)²².

Кроме того, потребность питания заставляет организмы встречаться друг с другом в поисках пищи и, таким образом, вступать в ряд процессов взаимодействия, особенно в областях, богатых пищей и добычей.

То же самое наблюдается и в человеческом мире. И здесь потребность питания была могучим «социализирующим» фактором. В поисках пищи люди стекались в места, богатые питательными продуктами, входили в соприкосновение друг с другом и образовывали в итоге ряд коллективных единств. Берега морей, рек, озер, богатых рыбой, были притягательными центрами, куда влеклись индивиды и вступали друг с другом или в солидарное, или в антагонистическое взаимодействие. Леса и территории, изобиловавшие животными, потребляемыми в пищу, играли и играют ту же роль.

Это явление продолжает наблюдаться и теперь. Сколько мгновенных и длительных взаимодействий происходит и сейчас в местах, при-

²¹ См. напр[имер]: Waxweiler E. Esquisse, p. 44.

²² О явлениях «слагаемости жизни» (симбиоза) см.: Арциховский В.М. Индивидуальность и сотрудничество // Природа, 1916, № 7-8); Эспинас В.А. Животные общества; Perrier J. Les colonies animales et la formation des organisms. 1898.

годных для охоты, рыбной ловли, богатых естественными произведениями земли: фруктами, грибами, ягодами и другими питательными растениями. Биологический фактор голода сталкивал людей друг с другом, заставлял их входить в общение — убивать друг друга из-за пищи, соединяться в кооперацию для более успешной охоты или ловли и т. д.

Тот же фактор в древности, во времена людоедства, заставлял людей искать себе подобных хотя бы для того, чтобы полакомиться человеческим мясом или отнять у других пищевые запасы, которыми они обладали.

Эта «социализирующая» роль инстинкта питания проявляется и в наше время. По-прежнему *центры, где можно удовлетворить голод и жажду* — рестораны, столовые, кафе, трактиры, чайные, продовольственные лавки, рынки и т. д. — служат местами, куда каждый день стекаются человеческие единицы, входят друг с другом в общение, знакомятся, встречаются и часто образуют длительные союзы дружбы, товарищества, любви и т. п. Сколько «коллективных единств» зародилось на почве случайной встречи за завтраком или обедом! Как много людей, входящих в ресторан незнакомыми, выходило оттуда друзьями, товарищами, супругами, любовниками или обратно — смертельными врагами... Сколько общественных дел зародилось на почве случайного общения за столиком кафе или ресторана. Сколько знакомств возникло и возникает ежедневно на рынке, в столовой, в продовольственном хвосте и т. п. Сколько коопераций самых разнообразных зарождается в целях удовлетворения голода путем совместных усилий, начиная с бунта голодных, разбивающих лавки, и кончая «закупочными отрядами» и продовольственно-реквизиционными отрядами нашего времени.

Биологический фактор голода «механически», без всякой цели и намерения, сталкивает людей друг с другом, заставляя их входить во взаимодействие и образовывать коллективные единства самого различного вида.

Потребность половая. Вторым «социализирующим» биологическим фактором является *потребность половая*. Удовлетворение ее диктуется той же биологической необходимостью: интересами самого организма и всего рода или вида животных. Необходимость удовлетворения этой потребности заставляет организмы искать другие организмы, входить с ними в соприкосновение и образовывать временно или на долгое время «реальные совокупности». Иными словами, половая потребность (и в мире животных, и в мире людей) пространственно сближает организмы, влечет их друг к другу

и дает в итоге ряд «ассоциаций»...

Биологи вроде Гертвига окрестили даже особым именем «полового сродства», подобного химическому сродству, эту притягательную силу полового инстинкта. «Под именем полового сродства, — говорит он, — я разумею взаимные влияния, производимые сродными в половом от-

Глава VII. Условия возникновения простых коллективных единств 2 5 9

ношении клетками таким образом, что помещенные на определенном расстоянии друг от друга, клетки притягиваются, соединяются, смешиваются подобно двум химически сродным веществам»²³.

Это «половое сродство» имеет одинаковое значение и для многоклеточных организмов. Благодаря ему и на почве его организмы притягиваются друг к другу на всех ступенях органической лестницы, начиная с конъюгации простейших, идя через явления общения животных в периоды спаривания и течки и кончая длительными супружескими союзами ряда высших организмов, союзами, часто продолжающимися в течение всей жизни.

Нужно ли говорить, что ту же «социализирующую» роль играет половой инстинкт и в человеческом мире²⁴. Если бы люди были самыми антисоциальными существами, то и тогда этот инстинкт заставлял бы их встречаться друг с другом и вступать во взаимодействие. Сколько временных и длительных союзов возникало и возникает между людьми на этой почве, начиная со «свободных» союзов ночного гуляки и проститутки и кончая супружескими пожизненными союзами. Сколько самых различных процессов взаимодействия вызвано им к жизни: явления умыкания и похищения женщин, явления их купли, поступления мужа в род невесты для ее выкупа путем работы (Иаков, отрабатывающий Лию и Рахиль у Лавана²⁵), явления половых оргий, религиозный гетеризм, многоженство, многомужество, изнасилования женщин или мужчин, любовные связи и влюбленность, драки и соперничество из-за обладания женщиной или мужчиной (вспомним миф о Трое и Троянской войне, вызванной борьбой из-за Елены, похищение сабинянок и т. п.), супружеские союзы, явления проституции, множество переживаний, связанных с этим инстинктом, и т. д. и т. д. Иными словами, этот инстинкт в тысяче форм заставляет людей вступать в общение с индивидами другого пола; эти связи, как зубчатые колеса, влекут солидарные или антагонистические взаимодействия с другими лицами, на его почве ежедневно возникает множество длительных и мгновенных соединений, союзов, ассоциаций, короче говоря — ряд коллективных единств. Всюду половой фактор играет роль условия, сталкивающего людей друг с другом. Сколько трагедий, комедий, драм и идиллий рождается ежечасно на его почве.

В громадной роли его в деле образования коллективных единств едва ли можно усомниться.

²³ Гертвиг О. La cellule et les tissus, p. 282 (цит. по: Waxweiler E. Esquisse, p. 47).

²⁴ Много материала дает в этом отношении Дарвин; см. его «Происхождение» человека и половой отбор», гл. VIII и ел.

²⁵ Mazzarella в своей ст[атье] «О юридическом положении старшего брата матери в материнских обществах» приводит 130 народностей, у которых существует такой обычай.

В связи с ним и на его почве возникли добавочные биологические условия, являющиеся, в свою очередь, факторами образования процессов взаимодействия. Я разумею явления размножения, супружеские отношения и отношения родительские.

Размножение организмов — результат полового общения — является «социализирующим» биологическим фактором в силу того, что оно означает увеличение числа организмов. Увеличение последних в пределах той же территории равносильно пространственному сближению организмов, с одной стороны, с другой — увеличивает частоту встреч и соприкосновений организмов друг с другом. А все это вызывает ряд взаимодействий (коллективных единств), которые при отсутствии этого фактора не могли бы

иметь место²⁶. Таким образом, размножение — чисто биологический фактор — является условием, благоприятствующим и создающим процессы общения организмов. Результаты его влияния чрезвычайно многочисленны и важны: обострение борьбы между организмами, кооперация их деятельности, эмиграция и иммиграция и целый ряд других общественных явлений вызваны им к жизни.

Сказанное о мире животных применимо и к человеку. И здесь размножение — фактор, создающий коллективные единства. В областях с более плотным населением, например в городах, по сравнению с селами число процессов взаимодействия благодаря плотной населенности бесконечно больше, чем в деревнях.

Территория города, так сказать, насыщена человеческими индивидами. При всем желании избежать близкого соприкосновения с ними здесь нельзя этого достигнуть: куда ни повернись — везде найдешь людей. В силу этого процессы взаимодействия здесь возникают ежеминутно. Коллективные единства рождаются «пачками». Общение людей принимает характер ключом бьющего потока...

Всевозможных единений — обществ, союзов, ассоциаций — здесь бесконечно больше, чем в деревнях или в областях с редким населением... Социальные эффекты этой плотной населенности, сводящейся в

²⁶ *Дарвин Ч.* Происхождение] человека и половой отбор. Изд. Лепковско-го, с. 31. «Известно, что у цивилизованных народов, при благоприятных условиях, как, напр[имер], в Соединенных Штатах, население удваивается в течение 25 лет; а по вычислению Эйлера оно может удвоиться даже в течение 12 лет с небольшим. Таким образом, оказывается, что при первом масштабе размножения настоящее население Соединенных Штатов, в 30 000 000 душ, могло бы покрыть в 657 лет всю сушу земного шара так густо, что приходилось бы по 4 человека на каждый квадратный ярд поверхности». «По вычислениям Германского] Императорского] Статист[ического] бюро, количество населения в современных террит. границах Империи с 1816 г. по 1895 г. возросло с 24 833 000 до 152 247 000, т. е. со 100 до 210». «Население Европы в течение 87 лет ХГХ-го столетия почти удвоилось» (*Майр Г.* Статистика и обществоведение. СПб., 1901, т. II, с. 59, 61).

Глава VII. Условия возникновения простых коллективных единств 2 61

конечном счете к размножению (ибо без него не могло бы быть и «тяги к городам», так как некому было бы тянуться), грандиозны и разнородны²⁷. Тысячи и десятки тысяч самых разнообразных общественных явлений вызваны им к жизни. Иными словами, размножение механически порождает «общества» и ассоциации. Его «социализирующая» роль несомненна.

Супружеские отношения. Они представляют явление, возникшее на почве и в связи с удовлетворением половой потребности. И в мире животных, и в мире человека половое общение ведет довольно часто к созданию длительного взаимодействия между представителями различных полов.

Это означает, что половая потребность вызывает к жизни ряд коллективных единств, существующих продолжительное время.

Родительский инстинкт. Он стоит также в связи с половым инстинктом. Вместе с супружескими отношениями он является биологическим фактором создания ассоциаций. Причем его «социализирующая роль» состоит уже не только в том, что он, как и половой инстинкт, сталкивает механически индивидов и заставляет их взаимодействовать. Но подобно фактору половому, супружескому и фактору размножения он определенным образом воздействует и на переживания организмов: на почве этих условий возникают первые начатки того, что зовется обычно симпатией, солидарностью, сознанием рода и стадным инстинктом... Длительная связь между продолжительно взаимодействующими на биологической почве организмами порождает связь не только механическую, но и более живую: организмы начинают притягиваться друг к другу, переживать нечто подобное удовольствию от общения, нуждаться один в другом, короче говоря — между ними возникает и внутренняя связь, у людей — связь психическая. Если не вполне, то частично

прав Сутерланд, выводящий «социальность» из «родительского инстинкта»²⁸.

²⁷ Снова оговариваюсь, что здесь я очерчиваю лишь роль размножения в деле возникновения коллективных единств, а не изучаю его различные социальные эффекты. Это составит предмет изучения «Социальной механики». Материал читатель найдет в работах: Cost A. Princ[ipes] d'une social[ogie] objective и Experience des peuples; Ковалевский М.М. Экономический рост Европы; Дюрк-гейм Э. Разделение общественного] труда; Simmel G. Soziologie, S. 47-133; Долеми А. Важнейшие моменты в истории мысли, с. 22-43; Бугле С. Эгалитаризм. СПб., 1904; Нитти Ф. Народонаселение и общественный] строй. 1898; Кондратьев Н. Фактор размножения в социологии М.М. Ковалевского // Сборн[ик] памяти М.М. Ковалевского; в курсах по демографической статистике и т. д.

²⁸ См.: Сутерланд А. Происхождение и развитие нравственного инстинкта. СПб., 1900.

Ошибка Сутерланда, как в свое время мы увидим, заключается в том, что он считал родительский инстинкт и семью источниками всех более широких общественных ассоциаций. К тому же мнению, по-видимому, склонялся и Дарвин. «Что касается побуждения, заставляющего некоторых животных соединять-

2 62

Система социологии. Том I

Совокупному действию полового, супружеского и родительского факторов обязаны своим бытием ассоциации, образуемые супругами, с одной стороны, родителями и детьми — с другой и — в человеческом мире — соединениями родственников — с третьей .

ся обществами, — пишет Дарвин, — и помогать друг другу, то в большинстве случаев его можно объяснить чувством удовольствия или наслаждения, которое они испытывают при удовлетворении своих инстинктов, или же чувством неудовольствия, которое остается обыкновенно после неудовлетворения их»... Это наслаждение от общения Дарвин в дальнейшем сводит, как и Сутерланд, к родительскому инстинкту. «Наслаждение, доставляемое обществом, проистекает, вероятно, от расширения родительской или детской любви, так как общественное чувство, по-видимому, развивается у молодых животных, остающихся долгое время при своих родителях» (Дарвин Ч. Происхождение человека, с. 81).

²⁹ В настоящее время, вопреки Сутерланду и Дарвину, следует думать, что более широкие ассоциации животных и человека не имеют своим источником семью как продукт факторов полового, родительского и супружеского. Семья, являясь социализирующим фактором, с одной стороны, с другой — заключает в себе ряд условий, препятствующих расширению ассоциации. Таковыми служат явления борьбы из-за самок, ревность, семейный эгоизм и т. п. Они антагонистичны с интересами более широкой ассоциации. «Семейный эгоизм, — говорит Эспинас, — тем более повелителен, что он имеет в качестве центра более обширное "я"... Коллективное сознание племени не могло при своем возникновении иметь более опасного врага, чем коллективное сознание семьи... Единственный переход от семьи к племени заключается не в отношениях отца с матерью и родителей с детьми, а во взаимоотношениях детей друг к другу. Даже при возникновении семья и племя антагонистичны; они развиваются в противоположном направлении. Подлинный элемент племени — индивид, и любовь существа к себе подобным, как к таковым, или симпатии — вот источник коллективного сознания» (Эспинас В.А. Des societes animales. 1878, p. 469-470).

Этот же антагонизм семьи и более обширной ассоциации был ярко и выпукло очерчен Н.К. Михайловским в его «Борьбе за индивидуальность» и «Патологической магии».

Тот же факт подчеркивается Petrucci. «Семья не играла важной роли в образовании обществ. Клан мог иногда образоваться путем расширения семьи, но в ряде животных видов, как и у человека, не всегда прямая линия родства была основой группы. Временами группа могла образоваться только путем исчезновения семьи. Существует антагонизм

между этими двумя элементами. Имеются многочисленные факты из жизни млекопитающих, где самки после оплодотворения собираются в одну группу, а самцы образуют самостоятельную ассоциацию. Ассоциация существует, семья же не существует. Семья поэтому не может рассматриваться как социальное единство. Не группа семейств создала общество» (*Petrucchi. Les origines naturelles de la propriete. Bruxels, 1905, p. 225-226*). То же говорят и *Кропоткин*, и *Ллойд Морган*, и *Parmelee*. См.: *Кропоткин П.А. Взаимная помощь как фактор эволюции. М., 1918, с. 66-67; Morgan L. Animal Behavior. London, 1908, p. 231; Parmelee M. The Science of human behavior, p. 401-406.*

Подробно этот вопрос будет трактоваться в «Генетической социологии».

Глава VII. Условия возникновения простых коллективных единств 263

Таким образом, эти чисто биологические условия — опять-таки без всякого целеполагания и воли — создавали и создают целый ряд процессов взаимодействия, то сравнительно непродолжительных, то весьма длительных³⁰. Влиянию их человечество обязано бесконечно численными союзами, коллективными единствами или процессами взаимодействия, которые носят название семьи, союза супругов, родителей и детей, союза родственников; им же оно обязано множеством взаимоотношений, непрерывно порождаемых семейно-супружеско-родственными отношениями. Помимо того, как было подчеркнуто, эти факторы были «социализирующими» факторами и в смысле приучения животных к общественному бытию, внедрения в них навыков и привычек «общественных животных» и зарождения «социальных чувств и переживаний».

Инстинкты индивидуального и группового самосохранения. Из дальнейших биологических факторов, способствующих возникновению ряда процессов взаимодействия или коллективных единств, упомянем инстинкты индивидуального и группового самосохранения. Эти потребности, данные вместе с организмом, обуславливают дальнейшую нуждаемость одного организма в другом или в других.

Именно на почве этих инстинктов, создавшихся под влиянием естественного отбора, возникли, по-видимому, сообщества более широкие, чем семья, данные в ряде животных видов (птицы, обезьяны и т. д.).

Соединение ряда особей в более или менее постоянное коллективное единство, как показали исследования Дарвина, Кропоткина, Л. Моргана и др., было выгодным условием самосохранения — и индивидуального, и группового — в борьбе за существование.

³⁰ Длительность родительских забот о потомстве и их интенсивность, как известно, регулированы естественным подбором. Как прекрасно показал это Сутерланд, они стоят в обратной пропорциональности с количеством потомства. Чем последнее многочисленнее, тем больше шансов, что и при малом уходе некоторые экземпляры из него выживут. Вот почему, поднимаясь по органической лестнице, мы видим одновременно и уменьшение числа потомства и увеличение качества и продолжительности родительского ухода за потомством. Так, «средняя ежегодная цифра яиц семидесяти пяти видов рыб равняется 646 000, у амфибий эта средняя у двадцати видов уже не более 441 яйца, класс рептилий в лице 39 видов дает только 17, птицы в среднем дают до 5 яиц в год на каждую самку, млекопитающие — в среднем 3,2 детеныша ежегодно на самку; для высших видов животных эта цифра в среднем равняется 1,3 ежегодно, тогда как для обезьян и людей она не превосходит единицы на каждые два года». Параллельно с этим падением цифры потомства растут и родительские заботы. См.: *Сутерланд А. The origin and growth of the moral instinct. London, 1898, vol. I, p. 41.*

См. внимательный анализ «кривой материнского чувства»: *Вагнера В. Био-психология, т. I, с. 374-435.*

Основное положение Вагнера таково: «Совокупность инстинктов, составляющих "материнство", представляет собой равнодействующую двух сил, двух борющихся индивидуальностей (интересов самки и интересов потомства) под контролем естественного отбора» (с. 382).

«Многие виды животных общественны, — говорит Дарвин. — Известны случаи, что разнородные виды держатся вместе, как, например, некоторые американские обезьяны или соединенные стаи галок, ворон и скворцов. Самая обыкновенная услуга, оказываемая друг другу высшими животными, — это предупреждение о грозящей опасности, которая выслушивается соединенными силами всех... Каждому охотнику известно, как трудно приблизиться к животным в стаде или кучке. Кролики громко стучат о землю задними ногами для предупреждения товарищей: то же делают овцы и серны. Многие птицы и млекопитающие ставят часовых... Общественные животные оказывают друг другу много мелких услуг... Лошади чешут, а коровы лижут друг у друга зудящие места... Животные оказывают друг другу и более важные услуги; так, волки и некоторые хищные животные охотятся сообща и помогают один другому при нападениях на добычу... Общественные животные взаимно защищают друг друга... Известно, что общественные животные чувствуют взаимную привязанность, которая неизвестна взрослым необщественным животным...»³¹

В этом отрывке из Дарвина рельефно указаны плюсы, даваемые «общественностью» в борьбе за существование... Эти положения легли в основу известной работы П.А. Кропоткина «Взаимопомощь как фактор эволюции», где, помимо всего прочего, чрезвычайно рельефно выделены те преимущества, которые дает соединение особей для выживания и особи, и вида³². Вообще, как правильно отмечают Л. Морган и Пармели, ассоциации, или общественные соединения, образовались там и у тех животных, которым стадная жизнь в общем была «выгодна», т. е. помогала выживать в борьбе за существование, и обратно, они не развились у тех животных, которым «общественность» не давала преимуществ в борьбе за жизнь³³.

³¹ Дарвин Ч. Происхождение человека, с. 77-78.

³² Есть русский перевод: изд. «Знание» и издание «Научно-анарх[ической] библиотеки», 1918, с. 15 и ел.

³³ Отсюда следует, что нельзя полагать, будто бы постоянная совместная жизнь — «общественность» — всегда выгодна для всех животных видов, как отчасти полагает П. Кропоткин. См.: Взаимная помощь. 1918, с. 15 и ел., 210. Равным образом, нельзя думать, как утверждает Е.В. Де-Роберти, что интеллектуальная эволюция совпадает и параллельна с «общественно-стадной» эволюцией, что чем выше на органической лестнице животное, тем оно «общественнее», что степень психического развития животного пропорциональна степени его «социальности». Пармели резонно утверждает, что «социальная эволюция не вполне коррелятивна с органической и интеллектуальной эволюцией», что «филогения животных обществ и филогения органических видов не вполне гомологичны и не вполне параллельны, хотя некоторое совпадение и есть»... Отсюда его теорема: the controlling factor in determining whether association is to exist and the extent to which it is to exist is its utility for survival^{3*}. У видов, которым общественность была полезна, — у тех она развилась; у видов, которым она

Глава VII. Условия возникновения простых коллективных единств 265 Это дает ответ на вопрос: почему развилась «общественность» у человека? «Человек весьма социален потому, что он слаб в сравнении с многими видами, угрожающими ему; потому, что его детеныш (young) родится вполне беспомощным и остается таким долгое время; потому, что он обладает высокоразвитой нервной системой, которая служит основой высокого умственного развития, делая, таким образом, возможным интенсивное психическое общение; из последнего, в свою очередь, следует значительное наслаждение, соединение усилий и взаимопомощь в форме социального разделения труда, облегчающего удовлетворение голода и других необходимых потребностей жизни»³⁴. Если бы этих выгод ассоциации не было — не развилась бы и «социальность» человека. Инстинкты индивидуального и группового самосохранения обязаны своим происхождением действию естественного отбора, являлись и являются факторами, не только механически сближающими индивидов друг с другом, но и создающими из них

коллективное единство, связанное внутренними связями, взаимным тяготением подобного к подобному.

Эти «социабельные» связи, выражающиеся в стремлении быть вместе и тянуться друг к другу, вступать один с другим во взаимодействие, некоторыми исследователями, в частности Ваксвейлером, окрещены были именем «*социального сродства*» (*l'affinite sociale*). Под последним, в отличие от финалистских концепций, он понимает «состояние физической чувствительности организма, делающее его способным реагировать на раздражения других индивидов того же вида без разделения пола»³⁵. Иными словами, «социальное сродство» представляет совокупность реакций организма, вызываемых другим организмом в силу сходства их организации или строения. *Из этого сходства вытекает взаим-*

была вредна, напр[имер], хищникам, изолированно способным получить больше пищи и т. д., — у тех она не развилась (*Parmelee M. Op. cit, p. 391-392*).

То же весьма рельефно подчеркивает и *Л. Морган*: «Утверждение, что наиболее приспособленные животные суть и наиболее социальные, что социабельность — главный фактор эволюции, что несоциальные животные вымирают, — не может быть принято без оговорок зоологом. Какие основания имеем мы утверждать, что уединенные осы менее приспособлены, чем социальные осы? Можно ли думать, что несоциальный тигр менее приспособлен, чем социальный шакал? И можно ли думать, что тигры вырождаются? Вырождаются ли хищные птицы? Ответ во всяком случае тот, что социальные и несоциальные животные одинаково приспособлены к их особым условиям жизни» (*Morgan L. Animal Behavior. 1908, p. 229*). Тот же факт правильно отмечает и *Аммон*. См.: *Ammon O. Les Bases naturelles de l'ordre social. Paris, 1900, p. 40*. Отсюда, конечно, не следует, что «общественность» всегда полезна даже и для тех животных, у которых она развилась. Формулированная общая теорема, как указал Дарвин, «не мешает думать, что иногда социальный инстинкт гипертрофируется и становится вредным».

³⁴ *Parmelee M. Op. cit., p. 393.*

³⁵ *Waxweiler E. Esquisse, p. 55.*

2 66

Система социологии. Том I

ное тяготение человека к человеку, потребность получать раздражения от «подобных себе» и отвечать на них. Ваксвейлер называет эту потребность в других абсолютной необходимостью для человека. Несомненно, в этом есть преувеличение; едва ли также большой научный выигрыш представляет и вся конструкция «социального сродства», но одно несомненно: в деле развития человеческой «социабельности» колоссальную роль сыграли инстинкты индивидуального и группового самосохранения, в свою очередь созданные под влиянием естественного отбора.

Эти же биологические факторы в различных формах вызывают и теперь образование коллективных единств. Группа путешественников, подвергшаяся нападению, сближается, соединяется и совокупными силами отбивается от нападающих; в случае той или иной опасности многие чуждые друг другу люди соединяются в одно целое и образуют единую группу; объединение людей в постоянные и длительные — оборонительные и наступательные — союзы, начиная с соглашения двух-трех лиц, решающихся совместно нападать или защищаться, и кончая соглашениями городов³⁶, областей, государств, — все эти процессы взаимодействия представляют явления, возникшие на почве этих биологических условий. Они не только сталкивали людей друг с другом, но и вызывали определенный порядок и организацию в их взаимоотношениях. «Ведение войны, — правильно говорит *Ross*, — вызывало первую кооперацию и было матерью дисциплины. Древние германцы жили в абсолютной личной независимости. Тем не менее, когда они вступали на путь войны, они выбирали вождя и давали ему право жизни и смерти»³⁷.

Из других биологических условий, способствующих возникновению процессов взаимодействия, следует указать на ряд условий, связанных с анатомо-физиологическими

свойствами организма. Я разумею здесь ряд условий, благоприятствующих установлению проводников взаимодействия между организмами. Эти проводники, как показано было выше, в свою очередь дают возможность взаимодействовать организмам при некоторой пространственной разделенности. В числе этих биологических условий заслуживают упоминания: *а)* способность и потребность организмов двигаться и благодаря движению приходить в соприкосновение с другими организмами; *б)* способность их издавать звуки, запахи и органами зрения воспринимать движения других организмов. Издавание звуков и восприятие их другими дает возможность общения на

³⁶ Одной из основных причин возникновения городов, как известно, была потребность безопасности. Город был прежде всего укрепленным местом, городищем. Он «служит сельским жителям убежищем в случае нападения врага. Временные переселения сельских жителей в городище превращались в постоянное жительство в нем, — их привлекала сюда безопасность» (*Кулишер И.* Лекции по истории экономического] быта. Пг., 1918, с. 109-110).

³⁷ *Ross E.A.* Soc[ial] control. New York, 1904, p. 50.

Глава VII. Условия возникновения простых коллективных единств 267

расстоянии. Это явление наблюдается в ряде животных видов помимо человека. У человека, как известно, оно вылилось в такие психосоциальные явления, как речь, музыка и ряд других звуковых символических проводников. У животных общение путем звуков также имеет место³⁸. Это значит, что анатомо-физиологические свойства организма дают возможность устанавливать коллективное единство, которое без них установиться не могло бы; *с)* такую же роль играет издавание запаха. Известно, что многие животные узнают друг друга по запаху. Выше цитировалось, что то же явление наблюдается у людей; *д)* наблюдается в животном мире и пользование мимически-двигательными проводниками (приподнимание кожных покровов, напр[имер], волос, раздувание тела, закладывание ушей назад и т. д.³⁹).

Эти биологические свойства организма в человеческом мире послужили основой для целого ряда социально-психических условий взаимодействия, давших человеку возможность бесконечно увеличить и углубить общение с себе подобными путем пользования проводниками взаимодействия. Все сказанное выше о роли и формах последних следует учесть здесь. Огромное значение проводников в деле расширения и углубления взаимодействий в конечном счете покоится на анатомо-физиологических свойствах организма. Не будь этих свойств — невозможным было бы и пользование проводниками; следовательно, взаимодействие носило бы гораздо более ничтожный характер, а это означало бы, что и коллективные единства возникали бы реже; при некоторой же пространственной и временной разделенности организмов возникновение их было бы вообще невозможным.

Не останавливаясь на других биологических факторах, вызывающих или способствующих появлению процессов взаимодействия, т. е. образованию коллективных единств, из сказанного мы видим, что биологические факторы нельзя игнорировать в этом отношении. *Они играют и продолжают играть «социализирующую» роль либо тем, что механически сближают организмы животных и людей, заставляют их стекаться в одном месте, искать друг друга для удовлетворения потребностей и входить в общение, либо тем, что, механически связывая индивидов на почве чисто биологических потребностей, они в то же время способствовали появлению и росту «социальности» в смысле взаимного тяготения индивидов друг к другу, в смысле потребности в себе подобном, в смысле «социального сродства».*

Все сказанное означает, что ряд *процессов взаимодействия — коллективных единств — возникали и возникают без всякой предумышленной цели, без всякого сознательного и целеполагательного стремления к дру-*

³⁸ См.: *Дарвин Ч.* О выражении ощущений у человека и животных. СПб., 1899, с. 41-57.

³⁹ Там же, с. 47-71.

гим, без всяких соображений о пользе, моральности или выгодности объединения.

Коллективные единства, вызываемые к жизни космическими и биологическими условиями — т. е. условиями бессознательными, — служат доказательством ошибочности тех теоретиков «происхождения общества», которые полагают, что «общество всегда возникает целеполага-тельно, что оно всегда требует надлежащей воли людей, что для возникновения его необходимо сознание, целевое объединение усилий и т. д. Мы видели, что «общества» могут возникать и без этих условий...

III. Социально-психические факторы возникновения коллективных единств

В предыдущем мы видели, как ряд различных космических и биологических условий может вызвать процессы взаимодействия между людьми. Само собой разумеется, что эти условия далеко не исчерпывают собой поводов, заставляющих людей входить в общение друг с другом и образовывать временные или длительные, солидаристические или антагонистические коллективные единства. В человеческом мире большинство их действует посредственно, преломившись и видоизменившись через социально-психическую среду индивидов. Главными же условиями, вызывающими процессы общения людей друг с другом, являются условия, вытекающие из самого сосуществования людей друг с другом, иными словами, условия, где причины возникновения взаимодействия исходят прямо и непосредственно от людей как существ, одаренных психикой, сознанием и т. д. Такие условия, имеющие обычно психическую природу, я называю «социально-психическими факторами» возникновения взаимодействия...

В основе их лежат потребности общения с себе подобными, потребности психического обмена идеями, чувствами, волениями людей друг с другом, потребности столь же реальные, как и потребности биологические⁴⁰.

Пусть каждый мысленно проанализирует ряд процессов общения, в которые он вступал в течение дня. Проанализировав их, он увидит, что большинство процессов взаимодействия, в которых он принимал участие, вызваны были условиями социально-психического характера. Нуждаемость одного человека в других, заставляющая его вступать во взаимоотношения с ними, здесь диктуется уже иными потребностями, чем потребности чисто биологические.

Каждый из нас в течение каждого дня встречается частью по своему желанию, частью помимо желания, нередко — вопреки желанию с множеством лиц и групп. С утра мы идем на службу и встречаемся там с товарищами по работе... Характер службы, а следовательно, и встреч

См. выше, с. 103 и ел.

Глава VII. Условия возникновения простых коллективных единств 269

предопределен здесь не космическими и биологическими условиями непосредственно, а условиями сосуществования людей. Когда нам нужны знания — мы идем в школу, или на лекцию, или в библиотеку и вступаем там в общение с другими людьми. Когда мы хотим удовлетворить религиозную потребность — мы идем в церковь, в среду одинаково верующих. Когда нарушено наше правовое сознание — мы идем в суд или обращаемся к людям, могущим защитить наши права. Когда мы хотим так называемых эстетических переживаний, мы идем в театр, в кино, на концерт. Нужда в «приличной» одежде заставляет нас обращаться к портному. Потребность в ряде вещей гонит нас в магазин. Потребность повеселиться гонит одних в притон, других к «теплой компании» собутыльников и сокартежников, третьих — на журфиксы и вечера, четвертых — в интимный кружок друзей... Влюбленность заставляет влюбленного искать встречи с тем, кто является адресатом нежных чувств, ненависть — помнить и искать врага. Политические взгляды обуславливают влечение индивида к своей группе и посещение митингов, партийных собраний и т. д. Профессия накладывает свой штамп на наши

интересы, а эти последние определяют, с кем мы будем встречаться и с кем нет... Когда нам нужна газета, мы вступаем в общение с газетчиком, нужно нам переехать — мы обращаемся к извозчику, нужно перенести наши вещи — мы вступаем во взаимодействие с носильщиком; для отправки писем идем на почту и т. д. Из подобных встреч и общений *mutatis mutandis* состоит наш день. Перечисленные поводы большинства общений и коллективных единств, возникающих ежедневно, являются поводами не космического и биологического, а социально-психического порядка, вызванными к жизни сосуществованием людей и имеющими характер социально-психический.

Именно они являются причинами, вызывающими большинство общений и процессов взаимодействия между людьми, ими главным образом предопределяется возникновение коллективных единств различного порядка.

Как я уже сказал, *ряд взаимодействий каждого из нас зависит от нашей воли*: мы сознательно предвидим, стремимся и реализуем их. Таковы все взаимодействия («общества», «ассоциации», «союзы» и т. д.), преднамеренно и целеполагательно организуемые индивидами. Таковы условленные встречи, свидания и общения. Другие *процессы взаимодействия завязываются помимо нашей воли., непреднамеренно, нецелеполагательно*. Выйдя на улицу, я совсем не имел в виду встретить г-на X. Столкнувшись с ним в трамвае, мы разговорились и условились встречаться там-то и тогда-то. Вот обыденный пример непреднамеренного возникновения «общества». Скандал на улице собирает вокруг себя толпу проходящих. Смотря по важности события эта толпа может рассеяться быстро, но может превратиться и в весьма сплоченное единство, действующее

270

Система социологии. Том I

однообразно, вызывающее ряд крупных эффектов (напр[имер], сопровождение виновников к органам власти, прямое линчевание или избиение тех или иных лиц, разгром лавок и магазинов, демонстрация с выражением тех или иных требований и т. д.). Вот второй пример «стихийного» образования «реальной совокупности». Легко видеть, что такое «самопроизвольное» зарождение коллективных единств происходит на каждом шагу.

Наконец, *ряд процессов взаимодействия и коллективных единств сплошь и рядом образуется вопреки воле и желанию взаимодействующих единиц*.

Преступник совсем не хочет взаимодействовать с представителями правосудия. И, однако, такие нежелательные «общества», состоящие из представителей власти — судей — и преступников, обычное явление. Два лица совсем не желают встречаться друг с другом, и, однако, такие встречи происходят. Такие нежелательные взаимодействия могут быть не только временными, но и длительными. «Постылые» друг другу жених и невеста, объединяемые в супружеский союз волею родителей, могут служить примером нежелательного длительного «общества». Соединение в одной камере члена союза русского народа и социалиста, считаемого «контрреволюционером», соединение в наше время весьма частое, может служить вторым примером такого «общества»⁴¹.

И не следует думать, что такие взаимодействия и коллективные единства, возникающие вопреки воле части ли или всех индивидов, составляющих последние, представляют редкое явление. Напротив, они весьма часты. Все коллективы, возникающие *принудительно, в силу насилия в той или иной форме*, являются коллективными единствами, возникающими по такому типу. Принудительный набор ряда лиц в армию, набор, имеющий своим результатом возникновение взаимодействия между солдатами одного полка, роты и батальона; насильственное завоевание и подчинение одной страны или народа другим, имеющее своим следствием возникновение взаимодействия между победителями и по-

⁴¹ Из этих примеров, число которых можно увеличить *ad libitum*⁴² и которые каждый может наблюдать ежедневно, следует наивность и ошибочность «мудрых» теорий многих юристов, вроде Иеринга, утверждающих, что всякое общество возникает

целеполагательно, преднамеренно и сознательно. Мы видим, что эти «мудрые» теории совершенно неверны. Не говоря уже о соединениях, образуемых космическими и биологическими условиями, где по сути дела не может быть речи о целеполагательности, даже не все «ассоциации», вызываемые к жизни социально-психическими условиями, возникают сознательно, преднамеренно и целеполагательно. Поэтому грубой ошибкой приходится считать утверждения, подобные положению *Еллинека*: «Ни одно учреждение не может возникнуть помимо сознательно направленной на определенную цель воли человека», — положение, которое, кстати сказать, противоречит другим положениям того же автора. См.: *Еллинек Г. Право современного государства*, с. 30.

Глава VII. Условия возникновения простых коллективных единств 2 71

бежденными; принудительное объединение ряда разнородных лиц в одну социальную группу (напр[имер], объединение «буржуев» в рабочие роты) и т. п., — все это формы возникновения взаимодействия помимо и вопреки желанию части или всех взаимодействующих единиц. Отряд солдат, вопреки их воле, насильственно посылаемый для усмирения или водворения порядка в определенную область и принужденный, таким образом, вступать в карательное взаимодействие с жителями данной области; девушка, вопреки ее воле принуждаемая кем-либо удовлетворять похоть третьего лица и вступать с ним во взаимодействие; мальчик, вопреки его воле, отдаваемый в услужение третьему лицу и вступающий таким образом с ним во взаимодействие, и тысячи других аналогичных явлений — все это формы возникновения взаимодействия и образования коллективных единств вопреки воле одной или обеих сторон.

Легко видеть, что конкретных социально-психических условий возникновения коллективных единств многое множество. Ими могут быть любые акты других людей. Перечислить все эти условия невозможно. Упомянем лишь об основных.

Вспоминая сказанное выше о потребности умственных *запросов*, *чувственно-эмоциональных переживаний* и *волевой деятельности*, мы можем видеть в этих потребностях одни из основных социально-психических факторов, заставляющих людей взаимодействовать друг с другом. Ряд общений вызывается необходимостью *удовлетворения интеллектуальной потребности*. Таковы коллективные единства, образуемые учителем и школьниками, аудиторией и профессором, читателем и писателем и т. д., короче, все взаимодействия, сознательно или бессознательно предназначенные Для удовлетворения этой потребности⁴².

Вторым важным социально-психическим фактором образования коллективных единств является *потребность чувственно-эмоциональных переживаний*, толкающая людей друг к другу, заставляющая их искать адресатов «любви», «гнева», «симпатий», «ненависти», «обожания» и других чувств. Мы видели, что эта потребность толкает людей в театр, на музыку, на танцы, в цирк, кабак и в другие места, где можно получить сильные или несильные эмоциональные переживания.

Третьим важным социально-психическим условием, которому обязаны своим возникновением множество процессов общения, служит потребность волевой деятельности как таковой. Ряд конкретных форм общения, вызываемых этой потребностью, был указан выше.

Из дальнейших крупных условий социально-психического порядка, заставляющих людей вступать в процесс взаимодействия, является *техническое разделение труда*.

См. выше § 3 гл. IV «Потребности человека».

2 72

Система социологии. Том I

Иными словами — *разнородность* социальных функций, выполняемых различными индивидами. В силу социального разделения труда каждый из нас не является самодостаточной единицей, способной удовлетворить все свои нужды. Мы не можем быть одновременно и сапожником, и пекарем, и слесарем, и священником, и земледельцем, и ткачом, и артистом, и ученым, и т. д. Каждый индивид своими силами может удовлетворить только часть потребностей. Для удовлетворения остальных он принужден

обращаться к другим индивидам и вступать с ними во взаимодействие. Иными словами, *социальная разнородность индивидов* — вот одна из существенных причин, гонящих одних лиц к другим и заставляющих их «связываться» друг с другом⁴³.

Исследования Бюхера показывают, что в настоящее время техническое разделение труда приняло колоссальные размеры и чем далее, тем более растет. Число различных профессий сейчас достигает 10 000. С 1882 по 1895 г. появилось до 4000 новых профессий. По исследованиям Petrenz'a в Лейпциге с 1830 по 1860 г. было 25 основных профессий и 68 подпро-фессий. В период же с 1860 по 1895 г. соответствующие цифры возросли до 42 и 176⁴⁴.

При таком колоссальном росте технического и отчасти общественного разделения труда, естественно, индивид нуждается в других индивидах; для удовлетворения одних нужд он должен идти к одним индивидам, для удовлетворения других — к другим, и т. д. Говоря коротко, здесь *несходство функций, выполняемых индивидами, или социально-технический полиморфизм, служит силой, которая притягивает людей друг к другу, заставляет входить во взаимодействие и связывает их в коллективное единство*⁴⁵.

⁴³ См. об этом: Дюркгейм Э. Разделение обществ [енного] труда. Одесса, 1900; Зиммель. Социальная дифференциация. М., 1909; Bougie C. Revue generale des theories recentes sur la division du travail // L'annee social[ogique], vol. 6.

⁴⁴ Bougie C. Revue generale... sur la division du travail // L'annee social[ogique], vol. 6, p. 85.

⁴⁵ В данном случае социально-технический полиморфизм служит аналогом биологического полиморфизма и связанного с ним физиологического разделения труда в обществах муравьев, пчел, ос и т. д. Здесь полиморфизм различных групп этих животных (пчела-«царица», «трутни», пчелы-«работницы») является связью, объединяющей их в коллективное единство. «Разделение труда, основанное на полиморфизме, вызывает высокую степень взаимозависимости в муравьиных обществах, — говорит Пармели, — и играет важную роль в социальной жизни муравьев» (*Parmelee M. Op. cit.*, p. 340-341).

Точно так же и социально-технический полиморфизм людей вызывает тесную взаимозависимость и заставляет их общаться друг с другом.

Отсюда, однако, не следует, как полагает Дюркгейм, чтобы взаимодействие, возникающее на почве разделения труда, было всегда «солидарным», бесконфликтным, морально-положительным («органическая солидарность» Дюркгей-ма). Ничуть. Нужда в сапогах меня заставляет вступить в общение с сапожни-

Глава VII. Условия возникновения простых коллективных единств 273 Говоря словами Дюркгейма, здесь «личность не в состоянии одна удовлетворить себя... Таким образом создается весьма сильное чувство состояния зависимости, в котором находится личность»⁴⁶. Эта зависимость гонит ее к другим личностям и заставляет вступать в общение то длительное, то кратковременное.

Второе важное социально-психическое условие, притягивающее индивидов друг к другу, противоположно указанному. Его можно было бы определить как *социально-психический мономорфизм* или конформизм. Сущность его состоит в положении, что индивиды, сходные друг с другом, взаимно притягиваются. Люди, однородные с нами по языку, по мировоззрению, по идеалам, по внешнему виду, говоря коротко, сходные с нами и по внешнему облику и по внутренним свойствам, близки нам. Это сходство служит как бы притягательной силой, влекущей нас к социально-сходным индивидам. Дети ищут общества себе подобных детей⁴⁷. Люди ищут общества подобных себе людей. Между двумя европейцами взаимно-притягательная сила гораздо больше, чем между ев-

ком, нужда в костюме — идти к портному, но если сапожник сошьет мне скверные сапоги, портной — скверный костюм или они возьмут задаток и ничего не сошьют, то конфликтов и антагонизмов может быть сколько угодно. То же бывает и во всех других случаях общения на этой почве. Вот почему ошибочно придавать этой взаимозависимости морально-солидарный характер. Она может быть бесконфликтной, но может быть и

конфликтно-антагонистичной. Дюркгейм бессознательно придал своей конструкции нормативно-оценочный характер. См. об этом правильные замечания *Н.К. Михайловского*: «Итак, разделение труда по малой мере не всегда является источником и мерилom солидарности» (*Михайловский Н.К.* Отклики, с. 87). См. также: *Ковалевский М.М.* Со-временные] социологи, с. 154 и ел.

⁴⁶ *Дюркгейм Э.* Op. cit., с. 180. См. также: *Richard G.* La sociologie generale et les lois sociologiques, 1912 (главы, относящиеся к анализу «Societe»).

Рост разделения труда делал и делает необходимым обмен, обмен порождает и порождает необходимость встреч и взаимодействий. Немудрено поэтому, что образование и рост городов, т. е. мест с плотным и многочисленным населением, с интенсивным взаимодействием, вызван был торговлей... «С точки зрения времени наиболее раннюю экономическую силу, создавшую концентрацию избыточного земледельческого населения, представляет торговля — и в действительности, без промышленности и торговли не могли возникнуть маленькие и большие города, ибо они предполагают неземледельческое население, которое покупает их съестные припасы. Специализация функций или разделение труда в его широком смысле... вызывает широкий обмен продуктов и расширение торговых центров» (*Вебер А.* Рост городов в XIX столетии', с. 164— 165). «Город возникает только там, где в связи с огороженным местом находится рынок... Здесь устанавливается специализация» (*Кулишер И.* Лекции по истории экономического] быта, с. 109-114).

⁴⁷ «Ребенок естественно симпатизирует подобным себе, у которых он находит потребности, аналогичные своим, те же желания, ту же жажду движений, то же стремление к ласкам. Быть сходным — значит уже любить» (*Compaugé.* Involution intellect[uelle] et morale de l'enfant. Paris, 1896, p. 108).

2 74

Система социологии. Том I

ропейцем и варваром. Люди одного социального положения понимают друг друга лучше, чем индивиды различных социальных классов, групп, сословий, профессий и т. д. *Similia similibus curantur*⁵*. Люди, настроенные с нами в унисон, ближе нам, чем люди, отличные от нас. Первых мы называем «своими», «ближними», вторые чужды и далеки от нас. Между социально-однородными единицами скорее устанавливается внутренняя, интимная связь, чем между социально-разнородными. Вот почему со-циально-мономорфные ищут и предпочитают быть в обществе себе подобных: буржуа предпочитает быть в обществе сходных с ним по положению и взглядам людей, чиновники тяготеют к чиновникам, интеллигенты — к интеллигентам, рабочий — к рабочему, революционер — к революционеру, верующий — к одинаково верующему, футурист — к футуристу, ученый — к группе ученых, художник — к художникам и т. д.

В первом случае, при социально-техническом полиморфизме, людей гонит к другим и связывает с ними необходимость в другом, проистекающая из разделения труда. Здесь тянет к другим, заставляет вступать в общение с ними сходство с последними.

Этот факт взаимного притяжения социально и психически сродных индивидов в различной форме отмечен множеством исследователей... Одни, как, например, *М[ак-]Дугал*, видят в нем проявление стадного инстинкта. «Стадный инстинкт животного получает удовлетворение только в присутствии подобных ему существ, и чем больше подобия, тем полнее удовлетворение... Совершенно то же наблюдается у людей... Соединение сходных элементов в обществе происходит именно потому, что мы чувствуем неодинаковое влечение ко всем социальным агрегатам, но получаем наивысшее удовлетворение стадного импульса в обществе наиболее сходных с нами людей. У некультурных народов мы обыкновенно встречаемся с общинами одного и того же племени и с племенами, плотно спаянными кровной связью, которые живут на смежных землях... Та же тенденция обнаружилась в создании (в Соединенных] Штатах) обширных, ограниченных известной местностью общин из выходцев европейских государств. В наших больших городах она проявляется выделением населения сходной расы, сходных

занятий и социального уклада»⁴⁸.

Waxweiler отмечает это явление, конструируя понятие «социального сродства», в силу которого сходные индивиды взаимно притягиваются. Основой его служит «сходство организации», или «впечатление этого сходства организации, которое делает возможным межиндивидуальные

⁴⁸ M[ак-]Даугал У. Основн[ые] проблемы социальной психологии. М., 1916, с. 220-221. В свое время мы разберем, почему неправильно называть это явление стадным инстинктом.

Глава VII. Условия возникновения простых коллективных единств 275
реакции»⁴⁹. Тот же факт отмечает Petrucci под названием «La recherche des semblable»^{50,6*}.

Дюркгейм это явление называет «механической солидарностью». «При сходстве, — говорит он, — все члены группы индивидуально притягиваются друг к другу, потому что они сходны»⁵¹.

Гиддингс этот факт определяет термином «сознание рода». «Наше поведение относительно лиц, в которых мы чувствуем подобие себе, совершенно основательно инстинктивно отличается от нашего поведения относительно других, которых мы считаем менее похожими на нас». Факт констатируется верно, но термин «сознание рода» неясен и неудачен.

См. критику его во II т., в гл. «Обзор и критика главных социологических теорий»⁵².

Парето отмечает это явление в качестве bisogno di uniformità (потребности в сходстве). Такая потребность существует и в мире животных, и в мире людей. У варваров она интенсивнее, чем у культурных. Проявлениями ее служат «сходство, получаемое индивидом путем действия на самого себя», в частности подражание; далее, «сходство, налагаемое на других». Человек не только подражает другим, чтобы быть похожим на них, но желает, чтобы и другие делали то же самое и походили на него. Нарушение или неисполнение этого желания вызывает враждебность. Особенно сильна эта потребность сходства в логической области. Раньше несходство убеждений и верований вело к костру, к наказаниям. То же частично наблюдается и теперь: мальтузианцев, например, и теперь сажают в тюрьму; лиц, не сходных по политическим, научным, религиозным и т. п. воззрениям, точно так же продолжают карать. «Bisogno di uniformità, — говорит Парето, — несмотря на новые формы, осталась той же... Исчезла потребность религиозного однообразия, но возросла потребность экономического, социального и гуманного сходства» (труд, вознаграждение, объем прав и т. д.). Древний запрет религиозного разномыслия при свободе пить вино теперь местами заменен свободой религиозных убеждений и запретом употребления вина и т. д. Это положе-

⁴⁹ Waxweiler E. Esquisse, p. 56-57; см. также § 21. «Индивид, реагирующий сходно с другим, является индивидом, который "оказывается", "признается" с известной стороны в этом другом» (с. 137).

⁵⁰ Petrucci. Origine polyphyletique... des societi animales. Brussels, 1906, p. 79.

⁵¹ Дюркгейм Э. Раздел [ение] обществ [енного] труда, с. 83 и ел.

Из сказанного следует, что Дюркгейм не вполне был прав, предполагая, что «механическая солидарность» исчезает и целиком замещается «органической солидарностью». Наблюдение показывает, что первая продолжает существовать, но только приняла иные формы.

⁵² Гиддингс Ф. Осн[овы] социологии. 1898, с. 19-20. См.: *Ego же*. Elements of sociology, passim.

276

Система социологии. Том I

ние Парето, как видим, противоположно дюркгеймовскому тезису о падении «органической солидарности». Я думаю, что в данном отношении прав Парето, а не Дюркгейм".

Та же потребность в сходстве и в сходных себе констатируется опытами *St. Hall'a* и *Small'a*, в Соединенных Штатах, произведенными над юношами. Она выражается «в инстинктивном желании юноши сходствовать с идеями и суждениями другого». «It expresses itself in an extreme reluctance to dissent from the opinions or purposes of others, especially adults. It often prompts people to say what they think will please and to even diverge from the truth to gratify friend. Some carry their self-abnegation so far that, divining, by a rapport that seems almost mystic, the lines of tastes and likes they develop almost a passion for saying only what ministers to these»^{54,7*}.

То же проявляется и в подражании, изученном Тардом и Болдуином⁵⁵.

На почве разделения труда и социального сходства возникают непрерывно сотни и тысячи процессов взаимодействия, а следовательно, и коллективных единств.

Из других важных условий, вызывающих взаимодействие, следует особо упомянуть *роль символов-проводников*. Всякое обогащение человечества новым символическим проводником, всякое усовершенствование технических средств общения — явления, обязанные своим бытием точному знанию и другим социальным условиям, — влечет за собой возникновение множества процессов взаимодействия, бесконечное увеличение взаимодействия и качественно, и количественно... Изобретение *языка* (звуковой символический проводник) было одним из величайших факторов создания необъятного количества коллективных единств. Изобретение письменности (Светоцветовой символический проводник) было вторым таким фактором.

Изобретение *книгопечатания* вызвало и вызывает к жизни ежеминутно сотни тысяч взаимодействующих процессов читателей с авторами книг, подписчиков — с газетой и т. д. Всякое техническое усовершенствование в этой области играло, играет и будет играть колоссальную роль в деле возникновения коллективных единств.

Изобретение телефона, телеграфа, радиотелеграфа, железных дорог, мотоциклов, аэропланов, автомобилей, пароходов и т. д. было чудесным и могучим фактором, вызвавшим и вызывающим к жизни ежесекундно тысячи и миллионы взаимодействий.

⁵³ Pareto V. Trattato di sociologia generale. 1916, vol. I, § 1115-1133, vol. II, 248-259.

⁵⁴ Hall St. Adolescence. New York. 1904, vol. II, p. 374-375.

⁵⁵ См.: Тард Г. Законы подражания, *passim*; Болдуин Дж. Духовное развитие детск[ого] индивидуума и человеческого] рода, т. I, с. 115 и ел. Ряд авторов, вроде Палантпа, называют его законом социального] конформизма. См.: Па-лантЖ. Очерк социологии, с. 100-109.

Глава VII. Условия возникновения простых коллективных единств 277

Не будь их — каким жалким и бедным было бы взаимодействие людей! Сколько взаимодействий не возникает благодаря одному временному прекращению телефонного общения в большом городе.

Легко себе представить жалкое состояние человеческого взаимодействия при отсутствии этих факторов-проводников.

Поэтому *все то, что ведет к улучшению существующих или к изобретению новых символических проводников (напр[имер], эсперанто, если оно привьется), все это является и факторами возникновения взаимодействия людей.*

Само собой разумеется, однако, что к этим основным условиям не сводятся все социально-психические условия, вызывающие общение людей и образование взаимодействующих соединений. Последние, как указал я выше, могут быть вызваны любым поступком, любым актом других людей... Слова любви и ненависти, акты нападения, вроде удара, акты приветствия, вроде снятия шляпы, короче, всякий поступок сочеловеков может быть раздражителем, вызывающим реакцию с нашей стороны и влекущим за собой возникновение взаимодействия.

Таковы в суммарных чертах социально-психические факторы образования процессов взаимодействия и коллективных единств.

Подведем итоги сказанному.

1) *Процессы взаимодействия людей, а следовательно, и образование коллективных единств могут быть вызваны условиями: а) космическими, б) биологическими, с) социально-психическими.*

2) *Они вызывают эти процессы либо тем, что механически (пространственно) сближают индивидов друг с другом и заставляют их входить во взаимодействие; либо тем, что в силу биологической нуждаемости одного организма в другом толкают организмы друг к другу и принуждают их входить в общение, либо тем, что в силу космических и биологических причин они вызывают частоту встреч и соприкосновений индивидов; либо, наконец, в силу социально-психических условий гонят одного человека к другому на почве удовлетворения социально-психических потребностей и разделения труда, притягивают социально-сходных индивидов друг к другу и тысячами других способов сталкивают их друг с другом и заставляют взаимодействовать.*

3) *Возникновение взаимодействия означает и образование коллективных единств, то длительных, то мгновенных, то солидаристических, то антагонистических, то связанных внешними узами взаимной нуждаемости, то связанных общностью переживаний и т. д.*

4) *Всюду здесь взаимодействие и коллективное единство понимается в смысле данного выше определения и лишено всякого нормативно-телеологического оттенка.*

л

2 78

Система социологии. Том I

IV. Критические замечания

Очерченная теория плюралистического возникновения коллективных единств заставляет признать совершенно ошибочными все «монистические теории» возникновения «общества» и сложных социальных соединений вроде государства, рода, касты, класса, церкви и т. п., сводящие факторы образования последних к одной какой-либо причине...

Если простейшие социальные явления обязаны своим бытием многим причинам, то тем более это имеет значение для сложных социальных соединений.

Этот тезис избавляет меня от необходимости подробной критики этих теорий.

1) Неверна теория *Годино*, признающая такой причиной *единство крови или расы*. Это только один и то не важнейший фактор, вызывающий возникновение общения людей друг с другом.

2) Неверна теория *Ад. Смита, Сутерланда* и др., признающая источником общества *симпатию* и видящая первый ее прообраз в родительских заботах о потомстве. Люди и животные вступают во взаимодействие друг с другом не только из-за симпатии, но и из ненависти, не только в силу эмоциональных условий, но и в силу множества других обстоятельств. Сама симпатия, чтобы возникнуть, требует уже общения и взаимодействия. Сама она продукт, и сравнительно поздний, процессов общения, а не их причина.

3) Неверна теория *Гиддингса*, являющаяся модификацией теории *Ад. Смита*. «Сознание рода» или социальное сходство только одна из причин, заставляющих и людей, и животных общаться друг с другом, встречаться, сталкиваться, взаимодействовать. Само «сознание рода», поскольку под ним разумеется не так называемый «стадный инстинкт», а социально-психическое сходство, могло появиться только после длительного и разнородного общения с себе подобными и от себя отличными. Посему искать в нем источник «общества» все равно, что искать причину в одном из следствий.

4) Столь же односторонняя теория, усматривающая фактор соединения людей «*удовольствии общения*», в «*удовольствии кооперации*» и т. д. «Товарищеский аппетит (fellowship)», — правильно говорит *Ross*, — может объединить десяток или сотню людей; но он бессилен объединить десятки тысяч и миллионы. Любовь может создать семью, дружеский союз и церковь; но она ли является архитектором городов, общин и государств? Удовольствие товарищества, удовольствие общения — роскошь; и если люди

образовали группы под влиянием конфликтов, то столь же верно, что страх, голод и жадность в большей степени, чем со-циабельность, привели их к жизни в группах. Не притяжение сходного к сходному, но война и ее ужасы побуждали их объединяться в агломера-

Глава VII. Условия возникновения простых коллективных единств 2 7 9 ты общин. Группы возникли очень рано, образовались раньше, чем социализирующие силы могли выполнить свою работу»⁵⁶.

5) Односторонняя и неверная теория *П.А. Кропоткина*, видящая основной фактор образования соединений *во взаимной помощи*. Это только один из факторов, вызывающих взаимодействие и животных, и людей. И первые, и вторые входят в соприкосновение друг с другом не только для взаимной помощи, но и для взаимной или односторонней борьбы и причинения вреда. Лев ищет добычу и входит с ней в соприкосновение; паразиты взаимодействуют с организмом, которым они живут, и взаимодействуют с ним временами весьма длительно. Люди общаются друг с другом и взаимодействуют опять-таки не только на почве взаимопомощи, но и взаимоистребления и взаимоугнетения (войны, драки, взаимодействие капиталиста и рабочего, рабовладельца и раба, угнетенного и угнетателя и т. д.).

Даже сами явления общения в смысле гармонической, интимной связи возникают не только на почве взаимопомощи, но и в силу других перечисленных выше условий.

6) Неверна теория чисто *инстинктивного возникновения явлений общения*, поддерживаемая, в частности, *М[ак-]Даугалом* и *Petrucchi* (теория стадного инстинкта). Она неверна, во-первых, потому, что по ряду оснований можно усомниться в самом существовании стадного инстинкта как инстинкта. Во-вторых, как и все «монические» теории, она видит только один фактор возникновения коллективных единств, тогда как в действительности их множество.

7) Все сказанное применимо и к таким теориям, как *теория подражания Тарда* и *Болдуина*, видящая фактор образования «общественности» в подражании; как теория *социального принуждения Дюркгейма*, *теория симбиоза или социального психизма Изуле* и *Де-Роберти* и т. д.

8) Еще более нелепыми должны быть признаны теории, видящие исключительный источник общества в чисто сознательно-волевых актах людей, как *договор (Руссо* и др.), как *общая цель (Иеринг, Макаревич* и др.). Они нелепы не только в силу их односторонности и фактической неверности, но и в силу «логического круга»: чтобы общество могло возникнуть, нужен договор или соединение целей; но чтобы возможен был договор или единство цели, нужно уже общество.

Все эти, как и ряд других «монистических» теорий, односторонни, учитывают только один из многих факторов и потому неверны; кроме того, они «загрязнены» привнесением нормативно-оценочных элементов в понятие возникновения общества и общественности.

9) Неверны, далее, и все «монистические» теории, сводящие происхождение сложных коллективных единств, вроде государства, рода,

Ross E.A. Foundations, p. 270.

2 8 0

Система социологии. Том I

класса, сословия, касты, католической церкви и т. д., к одному какому-либо фактору.

Неверны, например, теории *Гумпловича* и *Оппенгеймера*, видящие источник происхождения государств в насильственном подчинении одной группы другой⁵⁷.

Может быть, когда-либо такое возникновение государства было, но оно не может быть общим правилом. Да и сомнительно, чтобы государство возникло только благодаря данному фактору⁵⁸.

«Причины образования больших государственных территорий бывают вообще весьма различные и в каждом отдельном случае представляют собою более или менее

своеобразные комбинации», — справедливо говорит *Н.И. Кареев*. И далее не менее правильно он указывает в качестве таких факторов условия географические, этнографические, династические, политические, коммерческие, национальные, вероисповедные и т. д.⁵⁹

Не менее правильно говорит по этому поводу и *Еллинек*. Процесс превращения орд, племен и семей в государства «мог быть достигнут самыми разнообразными путями, и представляется весьма маловероятным, чтобы процесс образования государств повсюду был один и тот же. Здесь могут быть установлены только самые общие типы. Так, например, можно утверждать, что общая опасность вызывала совместную борьбу, что таким образом сперва возникли организации *ad hoc*, которые затем, повторяясь, получили постоянный характер. Или — что к более тесному объединению побуждала необходимость искать новых мест для охоты или пастбищ, а также стремление соединенных племен к приобретению собственности путем грабежа. Далее можно установить, что возникновению прочных союзов содействовали, между прочим, примитивные религиозные представления» и т. д.⁶⁰

На основании всего сказанного нельзя согласиться с *Я.М. Магазине-ром*, примыкающим к марксистско-монистической теории происхождения государства («государство обязано своим возникновением перевороту в экономических условиях родового общества») и находящим плюралистическую точку зрения Еллинека «принципиально неправильной». Он думает, что «должны были быть некоторые принципиально общие условия» для возникновения государства, что «такой всеобщий инсти-

⁵⁷ См.: *Гумплович Л.* Основ[овы] социологии, с. 179 и ел.; *Oppenheimer A.* Der Staat. Frankfurt am Main, 1908, S. 8-9.

⁵⁸ См. критику данной теории: *Ковалевский М.М.* Современные социологи. СПб., 1905, с. 98-133; *Его же.* Социология, т. II, гл. VIII; *Лазаревский Н.И.* Русск[ое] государственное право. Пг., 1917, с. 29.

⁵⁹ См.: *Кареев Н.И.* Зап[адно]-европейская абсолютная монархия. 1908, с. 93-95.

⁶⁰ *Еллинек Г.* Право современ[ного] государства. СПб., 1903, с. 172.

Глава VII. Условия возникновения простых коллективных единств 2 81

тут, как государство, не мог образоваться в силу причин принципиально различных и потому в большей или меньшей мере случайных»⁶¹.

Во-первых, различность причин нельзя отождествлять со случайностью. Это очевидно. Во-вторых, сам переворот в экономических условиях и происхождение земельной собственности — результат действия многих причин⁶².

В-третьих, фактическое исследование показывает, что прав Еллинек, а не Я.М. Магазинер⁶³.

В-четвертых, теория Магазинера — осколок теории единообразного развития различных народов и государств. На этот счет я могу лишь процитировать слова Дюркгейма, достаточно основательно «разнесшего» такие теории: «Ничто не дает основания полагать, что различные типы народов развиваются в одинаковом смысле; они идут различными путями. Развитие человечества должно быть изображаемо не под формой прямой линии, но как дерево с различными и многочисленными ветвями»⁶⁴.

То же говорит и *Росс*. «Ранняя предшественница социологии философия истории считала, что судьбы частных обществ, например, Сицилии или Польши, суть только часть единого могущественного процесса. Она думала, что жизнь человечества может быть подведена под одну формулу. Но позже мы нашли множество независимых течений цивилизации, как Перу, Камбоджа, Китай, ашантии, дамарас, банту, ацтеки, Япония и т. д., каждое из которых имеет свое собственное течение и свою собственную судьбу. Имеется множество специальных течений, каждое со своим собственным уклоном и водоворотами, которых не найти в Ниле европейской цивилизации». Отсюда, доказывает далее *Росс*, следует ошибочность попытки установления параллельных законов возникновения и

развития обширных обществ, взятых в совокупности (государств, наций и т. д.). Такие законы будут неизбежно ложными. «Можно ли думать, — спрашивает Ross, — что общая социальная эволюция одна и та же для всех народов? Нет. Развитие отдельных институтов в большей или меньшей степени было *многолинейным*, и всякая попытка установить в каждой сфере социальной жизни одну типичную последовательность изменений обречена на неудачу». «Ошибка здесь лежит в том, что берут (для установления законов) слишком громадные единства.

⁶¹ *Магазинер Я.М.* Лекции по государственному праву. 1919, с. 38.

⁶² См. об этом: *Ковалевский М.М.* Социология, т. II, гл. VI и VII.

⁶³ См.: *Ковалевский М.М.* Социология, т. II, гл. VII: «Генезис политических союзов, различных видов начальствования и государственной власти», где достаточно основательно показана и ошибочность марксистской концепции, и плюрализм факторов происхождения государственной власти.

⁶⁴ См. рецензию Э. Дюркгейма на В. Вундта (*L'annee sociol[ogique]*, vol. XII, p. 50-61).

2 8 2

Система социологии. Том I

Открыть законы возникновения или последовательности мы можем, только перейдя к мелким сериям трансформаций, повторно совершающихся в жизни отдельного общества... Только мелкие явления часто повторяются. Отрава социологии состояла в оперировании широкими единствами, в сравнении сложных коллективов оптом вместо сравнения мелких фактов в деталях. Вместо обобщения на почве немногих громадных и фантастических сходств (напр[имер], английской и французской революции, узурпации Цезаря и Наполеона, классического и современного общества) следует делать обобщения на почве многочисленных, мелких и точных сходств. Социология, чтобы достичь общих истин (законов), должна перейти от масс к молекулам»⁶⁵.

В силу всего сказанного утверждение Магазинера, как и многих других сторонников единообразного происхождения государств и других сложных социальных групп, приходится признать «отрыжкой» старой философии истории, сданной в архив с ее мнимыми единообразными законами.

Неверны и другие «монистические» теории: фантастическая теория договора (Руссо, Гоббс), теория чисто естественного (космического) происхождения государства (Аристотель), теория чисто искусственного его происхождения, обусловливаемого *целью* роста и развития «des rein Menschlichen in einer Nation» (Фихте)^{8*} или с целью проявления нравственного духа (Гегель). Неверны и другие «монистические» теории. Все они одинаково однобоки и пытаются уложить сложную действительность в «прокрустово ложе» своей теории. То же приходится сказать и о большинстве «монистических» теорий, объясняющих возникновение церкви, касты, сословия, национальности, класса и т. д. одним каким-либо фактором, начиная с таких наивных теорий, как, например, объяснение возникновения религии сознательной выдумкой попов с целью получения «земных благ» и кончая такими «прозаическими» теориями, как теории, сводящие возникновение таких сложных коллективов к действию чисто экономических факторов⁶⁶.

Пора бы перестать рассматривать сложные исторические процессы как уравнение с одним неизвестным. Конечно, такое упрощение делает чрезвычайно легкой работу анализа социальных явлений. Но не всякая простота — святая. Бывает и простота иная. Выражаясь точнее и мягче — такое упрощение ошибочно и неверно.

⁶⁵ *Ross E.A.* Foundations of sociology, p. 75-76, 61. То же говорят: *Тард* (Социальные законы, гл. I и passim), *Pareto* (Op. cit., vol. I, p. 120-121), *Waxweiler* (Bulletin mensuel Сольвеевск[ого] института. 1910, № 1, 5), *Steintnetz* (ст[атья] в *L'Annee sociol[ogique]*, vol. 6) и др.

⁶⁶ Достаточный конкретный материал для критики таких теорий дается в книгах *М.М. Ковалевского* «Социология» (т. II) и «Современные социологи». Критику марксистской теории происхождения государства см. у *Н.И. Лазаревского* (Op. cit., с. 31-

Рядом с этой ошибкой «монистичноеTM» следует указать и другую ошибку теорий государствоведов и других теоретиков, пытающихся объяснить происхождение государства и других обширных ассоциаций.

Обычно центр тяжести таких теорий лежит не в том, чтобы объяснить: почему на определенной территории люди живут вместе? почему они общаются друг с другом? почему они тяготеют друг к другу, а не разбегаются в разные стороны? а в том, как и почему в среде сосуществующих людей возникает «порядок», «организация», «шаблон взаимоотношений» и «власть»?

Сам факт сосуществования и взаимодействия людей, их тяготение друг к другу такие теории находят чем-то само собой понятным, не нуждающимся и не заслуживающим никакого объяснения. На этой проблеме они совершенно не останавливаются или, в лучшем случае, ограничиваются шаблонным повторением традиционной формулы Аристотеля: «Человек есть общественное животное»^{9*}.

Между тем ответ на первые вопросы гораздо важнее, чем на вторые. Важно понять, почему люди взаимодействуют, почему масса людей живет вместе, а не разбегается в разные стороны, почему в данном месте есть народонаселение (population). Если это будет понято, если нам дано будет народонаселение, то объяснить, как и почему в этом народонаселении возникает «порядок, организация, власть и т. д., — не представляет большого труда.

Не представляет большого труда потому, во-первых, что само понятие «порядка» (order, l'ordre), «организации» и т. п. весьма относительно. Оно, как блестяще показал Бергсон, имеет смысл постольку, поскольку противопоставляется идее «беспорядка», «дезорганизации». Эти же последние в итоге анализа означают просто иной порядок, иную организацию... и только, а не нечто противоположное порядку. «При тщательном анализе идеи беспорядка мы видим, — заключает Бергсон, — что она ровно ничего из себя не представляет; тем самым исчезают и задаваемые ею проблемы»⁶¹. Поэтому, раз дана будет совокупность сосуществующих людей, — всегда будет дан тот или иной порядок, та или иная организация. Раз даны будут бревна и кирпичи — всегда можно построить то или иное жилье. Быть может, оно и будет плохим, но, как известно, и «социальный порядок» никогда не был идеальным. Но если не будет кирпичей, бревен и другого материала, тогда жилья не выстроишь. Во всякой среде индивидов, сосуществующих и взаимодействующих *длительное* время, всегда устанавливается тот или иной порядок, шаблон, организация. Но никакой порядок и организация не были бы возможны, если бы не было сосуществующих и общающихся людей, если бы последние отскакивали друг от друга, как шарики с однородным электричеством.

⁶¹ Бергсон А. Творч[еская] эволюция. СПб.: изд. Семенова, с. 197. См. всю III гл[аву], посвященную анализу беспорядка.

Вот почему центр тяжести происхождения сложных и обширных соединений (государств, племен, родов и т. д.) лежит не в объяснении возникновения порядка и власти, а в раскрытии причин: почему люди связаны друг с другом, почему они тяготеют взаимно, почему они общаются, почему не бегут друг от друга, а живут скученно, вместе.

Очерченное выше представляет попытку дать ответ на эти вопросы. Что касается проблемы возникновения порядка, то ниже кратко мы затронем ее.

§ 2. Условия (факторы) сохранения коллективных единств

Одни из процессов взаимодействия, возникнув, быстро исчезают. С их исчезновением распадается и возникшее коллективное единство. Таковы акции и реакции двух индивидов (встречи на улице, в трамвае, в лавке и т. д.), которые, обменявшись актами или выполнив известное дело, расходятся в разные стороны, забывают друг о друге, короче — перестают влиять и обуславливать взаимное поведение. Такова толпа,

собравшаяся на улице вокруг какого-либо события, которая через несколько минут рассеивается.

Рядом с такими «мгновенными» коллективными единствами есть другие, которые, возникнув, не исчезают быстро, а продолжают существовать весьма длительное время, временами целые десятилетия.

Иными словами, здесь процессы взаимодействия между рядом лиц, возникнув, делятся, продолжают жить и существовать. Таковы коллективные единства, называемые семьей, пожизненной дружбой двух или большего числа индивидов, вечной любовью; таковы, далее, сложные коллективные единства, называемые церковью, государством, классом, кастой и т. д.

Всюду здесь индивиды, составляющие такие длительно существующие группы, взаимодействуют друг с другом, обуславливают поведение один другого, короче говоря — образуют весьма длительную реальную совокупность.

Спрашивается, *как возможны такие длительные процессы взаимодействия? В силу каких условий или факторов коллективные единства не распадаются, а продолжают существовать?*

Постараемся разобраться в этом вопросе. Свой анализ опять будем вести путем наблюдения простейших случаев взаимодействия. Выводы, полученные таким путем, применимы будут и к сложным «обществам», к обширным скоплениям населения.

Вопрос, как сохраняются коллективные единства, означает, в силу каких условий однажды возникшее взаимодействие двух или большего числа индивидов продолжается?

Глава VII. Условия возникновения простых коллективных единств 285

Таких условий опять-таки множество. Всякая попытка свести их к одному условию была бы непростительным симплицизмом, однобоким упрощением и искажением действительности.

В целях отчетливости эти условия, определяющие продолжительность взаимодействия, можно разделить опять на те же основные группы: 1) *на факторы космические*, 2) *биологические*, 3) *социально-психические*. Остановимся на каждой группе.

I. Космические факторы, обуславливающие продолжительное сохранение коллективных единств

Продолжительность взаимодействия людей и животных прежде всего может быть вызвана «механически», рядом физико-химических или космических условий...

Простейшим примером таких явлений служат факты, где два или большее число индивидов в силу космических причин принуждены оставаться в пространственной близости друг к другу. Робинзон и Пятница — иллюстрация сказанного. Брошенные волею стихии на уединенный остров, они *volens-nolens* принуждены были встречаться и взаимодействовать друг с другом. Робинзон и дикари — вторая иллюстрация сказанного. Переходим от этих воображаемых фактов к реальным. История знает ряд случаев, являющихся результатом кораблекрушений, аналогичных истории Робинзона и Пятницы. Ряд лиц забрасывались стихией на изолированные острова и принуждены были взаимодействовать друг с другом... Это взаимодействие временами продолжалось довольно долгое время и нередко из механической связи превращалось в связь внутреннюю, подобную дружбе Робинзона и Пятницы. Еще пример. «Когда ганзейский корабль, вышедший в море, пройдет, бывало, полдня, капитан обыкновенно собирал на палубе весь экипаж и пассажиров и обращался к ним со следующей речью. «Так как мы теперь находимся в воле Бога и волн, то мы должны быть равны друг другу. И так как мы окружены бурями, волнами и разбойниками, то мы должны поддерживать строгий порядок и... избрать тех, которые займут судейские места». Вслед за тем выбирались фогт и скабины»⁶⁸.

Здесь в возникновении и поддержке взаимодействия играют роль наряду с другими и космические факторы: пространственная близость индивидов, заставляющая их соприкасаться, космические опасности, заставляющие их соединять усилия для борьбы с

ними.

Из этих примеров мы видим, что здесь «связью», скрепляющей индивидов, являются связи космического порядка, механически вынуждающие индивидов общаться друг с другом и составлять солидарное ли или антагонистическое коллективное единство.

⁶⁸ Цит. по: Кропоткин П.А. Взаимная помощь. 1918, с. 127-128.

2 8 6

Система социологии. Том I

Такая механически связывающая роль прямо или косвенно осуществляется рядом космических условий. Местность, богатая пищей, прибрежная полоса реки или моря, удобная для жизни и сообщений, места, обильные теми или иными продуктами природы, полезными или нужными человеку (хорошие пастбища, леса, изобилующие дичью или съедобными животными, месторождения золота, пещеры, удобные для жизни первобытных людей, плодородная, черноземная почва и т. п.), — все эти космические условия не только заставляют людей стягиваться в эти места и вступать во взаимодействие, но они же часто служат причинами, побуждающими их оставаться в таких местах надолго или «навсегда». Притягивая к себе, связывая с собой индивидов, такие места связывают друг с другом и «притянутых» лиц. Люди, которые остаются в пространственной близости друг к другу, не могут не встречаться и не общаться друг с другом. Иными словами, не могут не составлять длительного коллективного единства...

Если не прямо, то косвенно эту механически связывающую роль космические условия играли и играют во множестве случаев... Самые места человеческих поселений — сел, городов, деревень, монастырей и т. д. — т. е. скопления людей в пределах определенной территории, были обусловлены весьма часто именно космическими факторами. Индивиды, вначале механически привлеченные в одно место, продолжая оставаться бок о бок друг с другом, сближались, механическая связь космических условий превращалась в связь психическую, в итоге, в процессе десятилетий, образовывалось тесное социально-сходное коллективное единство.

Быть может, всего рельефнее выступает роль космических факторов в значении *территории* для существования продолжительного взаимодействия. Эта механически связывающая роль территории столь значительна, что государственеды до сих пор считают территорию одним из «элементов» государства. Она мыслится как бы составной частью государственного коллектива. Конечно, элементом государства территория не является, но что она прямо или косвенно в ряде случаев играет роль механической связи между индивидами, составляющими население государства, это стоит вне сомнения. Этот факт отметил и Зиммель, говоря, что в ряде случаев (но не всегда) «непрерывность социальных форм» обязана своим существованием «постоянству территории, на которой живут члены данного социального коллектива»⁶⁹.

Правда, как верно указывает тот же Зиммель, одна территория не всегда достаточна для сохранения идентичности социальной формы: «Когда народ изгнан или покорен народом-победителем, мы говорим: государство изменилось, хотя территория и осталась той же»⁷⁰; но роль

⁶⁹ См.: *Simmel G. Comment les formes sociales se maintiennent // L'annee socio-logique*, vol. I, p. 76.

⁷⁰ *Ibid.*, p. 76.

Глава VII. Условия возникновения простых коллективных единств 2 8 7

территории, благоприятствующей сохранению социальных форм при наличии других условий не отрицает и Зиммель; она несомненна и с нашей точки зрения. Больше того, определенные качества территории, как я указал сейчас, в ряде случаев могут быть достаточными условиями для сохранения возникшего процесса взаимодействия.

Эта роль ее особенно рельефно выступает в тот период истории людей, когда образовывались так называемые *территориально-племенные общества*... Члены различных родов, вначале социально-гетерогенные, привлекались рядом космических

условий в пределы определенной территории; оседая на ней, они входили в близкое взаимодействие и в итоге составляли «единое социальное тело», скрепленное не только механическими, но и психическими связями, тело, носящее название «территориально-племенного общества».

В той или иной форме ряд космических условий может благоприятствовать продолжению взаимодействия и в иных, частью указанных выше, формах.

Правда, на это можно возразить, что сами по себе космические условия не в состоянии вызвать, а тем более поддерживать существование взаимодействия, что, в частности, пространственное соседство двух или большего числа индивидов еще не достаточно для того, чтобы взаимодействие между ними продолжало существовать: две статуи могут целые века стоять рядом, но от этого они не превратятся в коллективное единство. Да, две статуи не станут, конечно, взаимодействовать. Но люди не статуи. Один вид сочеловека в пустынной местности вызывает ряд переживаний и поступков в другом человеке; длительная же пространственная близость, вызываемая рядом космических условий, неизбежно заставляет чуждых друг другу людей соприкасаться друг с другом и вступать в те или иные взаимоотношения... А затем уже, на почве этих взаимоотношений, в силу свойств человека возникают связи иного порядка — биологического и социально-психического. Без наличия космических условий не могли бы возникнуть последние... (связь чувств, идей, интересов и т. д.).

Вот почему роль космических условий в деле поддержания взаимодействия сказывается в двоякой форме: а) иногда пространственно сближая людей и вызывая длительное соседство их, прикрепляя их к одному месту, они механически прикрепляют их друг к другу, непосредственно поддерживают длительное их взаимодействие; б) рядом с этим они косвенно способствуют существованию коллективного единства: вызываемые ими частые встречи вначале совершенно чуждых друг другу людей с течением времени нередко ведут к тому, что механически связанные друг с другом индивиды становятся связанными органически и психически: между ними возникает симпатия, ненависть, общность интересов, единство переживаний и т. д., которые затем уже сами заставляют людей взаимодействовать друг с другом.

288

Система социологии. Том I

II. Биологические факторы, обуславливающие продолжительное сохранение коллективных единств

Если космические условия в ряде случаев способны поддерживать взаимодействие, то из этого не следует, что они достаточны во всех случаях или что они являются важнейшими условиями продолжительности [сохранения] коллективных единств. Несравненно более важную роль в этом отношении играют факторы биологического порядка. Эти последние многочисленны и разнородны.

Остановимся здесь только на некоторых. Характеристика их роли в этом отношении может служить характеристикой и других биологических факторов, обуславливающих продолжительность взаимодействия и существования коллективных единств.

Те же биологические условия, которые вызывают взаимодействие организмов и людей, могут обусловить и продолжительность последнего.

Таковы потребности питания, половая потребность, потребность самосохранения и т. д.

Потребность питания как в ряде животных видов, так и в мире людей заставляет их соединять свои усилия для добывания средств существования. Ряд «коопераций» для охоты, рыбной ловли, собирания дикорастущих семян, а в более новое время — ряд организаций для добывания и производства питательных продуктов в конечном счете обязаны своим существованием данной потребности. Она не только вызывает взаимодействие, но и поддерживает его. В конкретных формах роль рассматриваемого биологического условия выступает в тысяче форм. Длительное взаимодействие

молочницы и хозяйки дома; поставщика хлеба, зелени и мяса и того, кому они поставляются; взаимоотношение хлебного торговца и его постоянного покупателя; хозяина или агента столовой, ресторана и их постоянных клиентов; коллективное единство, образуемое постоянными посетителями постоялого двора, трактира, чайной и владельца или прислуги последних; взаимодействие «нахлебника» и его хозяев, кормилицы и ребенка, потребителя водки, вин, чая, кофе, пива и лиц, продающих эти продукты, короче, сотни различных постоянных взаимодействий существуют благодаря именно данному фактору.

Каждому известно, что весьма часто подобные взаимоотношения являются длительными. Хозяева «питательных» центров (столовых, ресторанов, пивных, трактиров etc.) имеют своих постоянных клиентов, последние имеют свои постоянные и «любимые» питательные центры. Это постоянство, как известно, часто ведет к связям весьма «интимным» между тем и другим: хозяин или поставщик знает своего покупателя или клиента, он ему верит в долг, старается «уважить» его, нередко между тем и другим возникает «настоящая дружба», «солидарность» и т. д. То же самое происходит весьма часто и со всеми лицами, соприкасающи-

Глава VII. Условия возникновения простых коллективных единств 2 89

мися друг с другом на почве удовлетворения голода и жажды. Взаимные завтраки и обеды, общие кутежи, совокупные банкеты и пиршества часто сближают и соединяют людей в длительные коллективные единства: собутыльники, сотрапезники становятся коллегами, ищут друг друга для общей попойки или обеда, делаются индивидами, привязанными друг к другу... Не будь этого биологического условия — не возникли и не существовали бы все подобные явления. Питание и жажда здесь служат связями, прикрепляющими индивида к индивиду, устанавливающими между ними нити, связывающие их друг с другом.

Я указал только немногие из взаимоотношений, длительно существующих на этой почве. Нужно ли говорить, что в конкретной действительности их сотни и тысячи. Социологи почему-то до сих пор не занялись изучением социализирующей роли питания. Быть может, потому, что подобные факты столь обычны, что, как всё, находящееся перед глазами, они просматриваются и не замечаются. Жаль, ибо такие-то мелкие взаимоотношения и составляют подлинную ткань крупных социальных событий. Едва ли будет парадоксом, если я скажу, что часто хороший обед или блюдо, которым хозяин дома угощает своих гостей, связывает последних с первым гораздо большей солидарностью, чем самые пламенные речи о солидарности. Недаром же и в жизни, и в романах — дома, признаваемые «общественными центрами», всегда фигурируют в качестве домов гостеприимных, их хозяева — в качестве хлебосолов, их кухарки и повара — в качестве знатоков своего дела... Такие дома притягивают к себе, в них постоянно бывают, с ними все «поддерживают знакомство». Не будь в таких домах «обильного угощения», очень многие из них перестали бы играть роль центров общества, перестали бы потому, что «многих» одними баснями не кормят. Речи, разговоры и общение — вещь хорошая, но не для всех притягательная... Для ряда людей не только в наши голодные времена, но и во времена более сытые — помимо речей нужно еще нечто «более существенное»: одним — хороший ужин, другим — стакан хорошего вина.

Едва ли мне нужно приводить дальнейшие факты для доказательства положения, что *взаимодействие может длительно существовать и поддерживаться биологическим фактором питания*. Таких фактов столь много, они столь легко могут быть констатируемы каждым, что дальше настаивать на этом излишне.

Дальнейшим биологическим условием, способным выполнять ту же функцию, является *половая потребность*. Она не только вызывает возникновение ряда взаимодействий, но во многих случаях она же достаточна и для продолжения этого взаимодействия, иными словами, для длительного существования возникшего коллективного единства взаимодействующих единиц. Простейшие и наиболее

«биологические» факты такого рода дают взаимоотношения индивидов, связанных друг с

10 Система социологии

290

Система социологии. Том I

другом чисто половыми вожделениями. Проститутка и ее «постоянный гость», индивид и его любовница, пожизненные союзы двух лиц, связанных лишь удовлетворением полового импульса, — таковы классы явлений, где половая потребность функционирует в указанной роли. Такие длительные союзы обязаны своим бытием именно этому фактору. И не следует думать, что последний может связывать надолго только людей неразвитых и некультурных. Наблюдение показывает, что такие связи могут объединять людей, выдающихся по своим умственным свойствам. Взаимоотношение Руссо и его жены, особы совершенно чуждой Руссо по укладу и развитию, — исторический пример такой чисто биологической постоянной связи. Она была единственной нитью, которая заставляла Руссо взаимодействовать с Терезой. Аналогичные факты можно наблюдать весьма часто.

На почве этой потребности рождается и существует множество длительных взаимоотношений индивидов разного пола, начиная от связей, прикрепляющих влюбленного к субъекту другого пола, и кончая семьей как пожизненным союзом супругов. Всюду она служит тем «обручем», который связывает двух или большее число индивидов и мешает «разрыву» образуемого ими коллективного единства. Иными словами, она заставляет в той или иной форме продолжать общение их друг с другом. Она тянет их друг к другу, тянет чисто импульсивно, как тянет железо к магниту.

Не призывай... И без призыва Приду во храм. Склонюсь главою молчаливо К твоим ногам.

И буду слушать приказанья И робко ждать, Ловить мгновенные свиданья И вновь желать...

Твоих страстей повержен силой, Под игом слаб — Порой — слуга, порою — милый, И вечно раб...⁷¹ —

таково поэтическое выражение этой тяги индивидов друг к другу, вызываемой рассматриваемым биологическим фактором.

Само собой разумеется, что роль его не ограничивается чисто половым тяготением людей друг к другу. Взаимодействие на этой почве весьма часто вызывает появление иных, чисто психических связей, когда взаимодействующие превращаются не только в «едино тело», но и в «един

⁷¹ Блок А. Servus — Reginae // Собрание стихотворений. М, 1911, кн. I, с. 29.

Глава VII. Условия возникновения простых коллективных единств 291

дух»; к чисто биологическим «обручам» присоединяются в таких случаях «обручи» психические: чувства симпатии, любви, нежности, уважения, обожания и т. д., появляющиеся на почве действия полового фактора. Иллюстрацией такой трансформации данной биологической связи в психосоциальную может служить поговорка «стерпится — слюбится». Брак, вначале соединяющий индивидов только биологически, потом нередко превращается в «духовное сродство» их. Связь, соединяющая любовников чисто биологически, нередко ведет к «гармонии душ», к чисто психической привязанности их друг к другу.

В чисто ли биологической форме, или в форме, осложненной добавочными психическими связями, появившимися на ее почве, половая потребность является условием, поддерживающим бытие коллективного единства во множестве случаев. Самым рельефным проявлением этой роли ее служит *семья как союз супругов*. Семейное коллективное единство обязано своим бытием именно данному фактору. Вне его и без него семейные союзы не могли бы ни возникнуть, ни существовать. Это подтверждается, в частности, и тем, что непригодность одного из супругов к супружеской жизни, т. е. условие, мешающее удовлетворению половой потребности, служит даже в современных гражданских кодексах поводом, достаточным для расторжения брака, т. е. исчезновения

коллективного единства семьи. Далее, эта «связывающая» роль половой потребности в семейных союзах подтверждается и тем, что крепкими и продолжительными нормально являются те семейные союзы, где половые потребности супругов взаимно удовлетворяются. Если такого удовлетворения нет — возникают «измены», «разрывы» и крушения семейных ассоциаций. Последние становятся хрупкими, легко распадаются и легко исчезают.

Так как семейные коллективные единства служат видом наиболее частых и наиболее важных ассоциаций, то отсюда следует и вся важность данного биологического условия в рассматриваемом отношении. «Цементируя» семью, вызывая и поддерживая взаимодействие лиц различного пола, половой фактор является тем самым одним из наиболее могучих условий, поддерживающих существование коллективных единств вообще.

Однако этими многочисленными фактами не исчерпывается «цементирующая» роль полового фактора в деле укрепления и продолжения процессов взаимодействия. На его почве возникает ряд новых факторов, игравших и играющих колоссальную роль в этом отношении. Из них на первом месте стоит *факт единства крови и взаимоотношения, возникающие из физиологического, кровного родства.*

Это явление представляет *одно* из производных факта полового общения и связано с ним непосредственно. Поэтому «цементирующая» роль первого относится и ко второму.

292

Система социологии. Том I

Эта цементирующая роль «кровной связи» громадна. Она связывает в одно целое группы индивидов (кровных родственников), она притягивает друг к другу и образует из них продолжительное коллективное единство. С самых древних времен кровная связь была одной из наиболее действенных и важных «социализирующих» связей. Она объединяет в одно целое родителей и детей, она связывает дедов и внуков, она вызывает и поддерживает существование коллектива, составленного из родственников по крови. Она давала и дает семейным коллективам возможность существования, превосходящего продолжительность индивидуальной жизни, продолжающегося временами сотни лет, становящегося «вечным», «бессмертным». Благодаря ей отец живет в сыне, в сыновьях и внуках этого сына и т. д. Генеалогия рода есть не что иное, как взаимодействие ряда поколений, создающееся на почве единства крови. *Единство крови* было и остается условием, необходимым для существования множества процессов взаимодействия и бытия коллективных единств. Оно было и остается одним из важнейших критериев социальной группировки. Благодаря ему ряд индивидов «притягивается» и прикрепляется друг к другу, взаимодействует один с другим, чего не было бы, если бы данного фактора не существовало. Индивиды, совершенно чуждые друг другу, взаимодействуют — помогают друг другу, видятся, поддерживают знакомства — считают друг друга «своими» только потому, что они едины по крови. Представим себе, что в один прекрасный день «единство крови» перестало существовать и потеряло свое значение — какой катаклизм социальной группировки получился бы в итоге такого исчезновения! Сколько «близких» друг другу лиц оказались бы вполне чуждыми! Сколько коллективных единств моментально бы рассыпалось! Сколько процессов взаимодействия перестало бы существовать! Изменился бы весь уклад общественной жизни.

Лица, придававшие значение единству крови, физиологической связи (расе) в деле создания общества, были бы правы, если бы подчеркивали значение этого фактора. Ошибка их заключается в том, что они делают его единственным цементом, связующим группу. Такой взгляд, конечно, неприемлем.

Зиммель в цитированной статье о способах сохранения социальных форм, в статье, указывающей только немногие факторы этого сохранения, не мог обойти молчанием эту «цементирующую» роль кровного родства. «Фактор гораздо более действенный, чем территория, — говорит он, — это связь физиологическая, образуемая отношениями кровного родства вообще»⁷². В ряде случаев она является последним прибежищем, ultimum

refugium социальной связи и непрерывности. Так, например, когда немецкая корпорация (цех) выродилась и внутренне ос-

⁷² *Simmel G. Comment les formes sociales se maintiennent // L'annee sociol[ogique], vol. I, p. 77.*

Глава VII. Условия возникновения простых коллективных единств 293

лабела, она тем строже оградила себя извне; появилось правило, что только сын мастера, его зять, муж его вдовы могут стать мастерами.

Цементирующая роль кровного единства проявляется особенно ярко в расовых взаимоотношениях. Благодаря этому биологическому условию индивиды, принадлежащие к одной расе (к одной крови), взаимно притягиваются и образуют расовое коллективное единство, с одной стороны, с другой — взаимно отталкиваются индивиды, принадлежащие к разным расам. Это в один голос утверждают почти все исследователи расовых взаимоотношений в Америке. Назвать белого «негром», говорит Stephenson, это значит оскорбить его и дать повод для судебного иска. И юридически (в 26 государствах), и фактически смешанные браки между разными расами запрещены. Негры не могут ни садиться, ни собираться вместе с европейцами в ресторанах, в кабаках, в театрах, на концертах, в церкви и т. д. Даже в тюрьмах преступников различных рас сажают и содержат раздельно⁷³.

На чем же покоится вся эта регламентация? На внешнем признаке, отвечает автор, на цвете кожи. Цвет кожи служит признаком расовой принадлежности, признаком африканской крови, определяющим отношение к нему белых и отношение к нему «своих». Для объединения негра с первыми различие крови служит препятствием, объединение со вторыми оно вызывает, с первыми этот фактор разъединяет, со вторыми связывает⁷⁴.

В той или иной форме в явлениях социальной группировки единство крови играло и играет громадную роль. Раньше человек чужой крови механически считался врагом, иноземцем, лишенным покровительства законов. В менее острой форме это различие крови в сотнях видов дает себя знать и поныне: различие белой и черной кости, желание избежать смешения крови, аристократизм семейного происхождения от крови знаменитых предков, инстинктивное стремление к единокровным индивидам и т. д. — все это проявления данного фактора. «Единокровных» он цементирует, разнокровных — разъединяет. Частным случаем «цементирующего» влияния единства крови является и взаимодействие родителей и детей. Те и другие обычно живут вместе. Взаимодействие между теми и другими интенсивно и длительно, нормально — пожизненно. Если спросим себя, чем вызваны устойчивость и длительность таких союзов, состоящих из родителей и детей, то ultima ratio^{11*} их будет

⁷³ См.: Stephenson. Race distinctions in american law. New York: Appleton, 99 и ел. См. также цитированную выше статью Callaway «Colour antipathies».

⁷⁴ Эта роль расы в социальной группировке Соединенных Штатов столь сильна, что преодолеть расовый антагонизм бессильны даже такие учреждения, как федеральный суд и конгресс Соединенных Штатов. «Under the shadow of the statutes and the constitution, the legislatures and courts of the states have built up a mass of race distinctions which the Federal courts and Congress, even if so inclined, are impotent to attack»¹⁰, говорит тот же автор. {Stephenson. Op. cit, p. 11}.

294

Система социологии. Том I

тот же биологический фактор единства крови. Он «роднит» и «объединяет» их, он делает их близкими, им вызваны заботы родителей о детях и детей о родителях; он служит фундаментом, на котором вырастают другие, психические связи. Он является «паром», заставляющим сына, разъединенного с родителями, стремиться к ним, посылать им заработок, защищать их и то же делать родителям по адресу детей.

Не менее четким проявлением той же роли данного фактора служит единство и связь евреев. Разбросанные по всему миру, распыленные между различными народами,

члены этого коллектива тем не менее не утратили своей связи. Они взаимодействуют друг с другом, помогают один другому, выручают друг друга из бедствий, коллективно и сплоченно защищают свои права. Я ничуть не намерен преувеличивать значение социально-психических связей в сохранении единства евреев: религии, языка, навыков и т. д. Но одних их было бы мало и недостаточно для сохранения этого единства — в основе их должна лежать и лежит биологическая база единства крови и происхождения, база, в большинстве случаев легко узнаваемая по ряду внешних черт, характерных для еврея.

Из всех этих фактов становится бесспорной изучаемая роль биологического фактора единства крови в деле поддержания возникших процессов взаимодействия (коллективных единств).

Из дальнейших биологических условий, играющих ту же роль, упомянем о потребности *самосохранения* — потребности, имеющей природу биологического инстинкта.

Это условие опять-таки не только порождает, но и поддерживает существование возникших коллективных единств. В силу этой потребности ряд индивидов объединяется в коллективы для общей защиты от нападения. Такие коллективы многообразны и разнородны: заговор двух лиц для нападения на кого-либо, шайка разбойников, дающая друг другу клятву помогать и выручать своих членов из беды, группа террористов или членов каморры, единообразно действующая и защищающая своих сотоварищей, караван путешественников по диким и опасным местам, соединяющийся для отражения общей опасности, два города, области, государства, заключающие оборонительные и наступательные союзы, и т. д. — все эти коллективы в конечном счете возникают на почве этого инстинкта. Наличие той или иной опасности, угрожающей ряду лиц, объединяет последних; это объединение существует или может существовать временами очень длительно, все время, пока существует опасность, пока последняя не устранена. Нередки случаи, когда связь, вызванная общей опасностью, порождает добавочные психические связи, которые еще более скрепляют возникшее коллективное единство и трансформируют его из биологического в социально-психическое. Такой пример дают те случаи, когда один индивид спасает другого от опасности: между ними подобное взаимодействие нередко вызывает по-

Глава VII. Условия возникновения простых коллективных единств 295

жизненную дружбу, питаемую со стороны спасенного переживаниями признательности, благодарности, любви, уважения и т. д.

Из других биологических факторов остановимся на явлении *повторения одних и тех же актов, вызывающего в итоге привычку*. Это условие — одно из важнейших, играющее громадную роль не только в деле поддержания возникшего взаимодействия, но и во всей социальной жизни людей... Ряд актов общения, повторяясь много раз в силу тех или иных причин, в результате приобретает силу привычки, влекущей нас к продолжению взаимодействия в силу инерции, без всяких других причин и условий... Коллективное единство, однажды возникшее и существующее определенное время, по истечении известного числа повторений взаимодействия далее может существовать инертно, вплоть до того момента, когда какая-либо сила не заставит к привычке присоединить новое условие для поддержания разрывающейся связи взаимодействующих единиц...⁷⁵ Инертная сила повторения ряда актов известна. Достаточно сказать, что многочисленная и однообразная реакция человека на тот или иной раздражитель механически, спонтанно будет вызывать эту реакцию, как только будет дан соответствующий раздражитель. Иными словами, повторение создает привычку, привычка создает шаблоны действия, спонтанно заставляющие нас поступать согласно этим шаблонам... В этом смысле привычку можно не в переносном, а в буквальном значении этого слова назвать биологической инерцией.

На роли повторения зиждется то, что называется социальной организацией. Повторение акта, говорит Ваксвейлер, делает его привычкой (*habitude*); привычка

переходит в обычай (usage); обычай — в социальную или правовую норму; норма — в социальный институт. Совокупность последних и составляет социальную организацию. Таким образом происхождение последней следует схеме: *повторение— привычка— обычай — правило — институт* (acte — habitude — usage — regie — institution)⁷⁶.

Не анализируя значения привычки и констатируя только ее инертную силу, перейдем прямо к характеристике ее цементирующей роли...

Эта роль ее наиболее ярко проявляется во взаимодействиях, вызванных определенными причинами, но продолжающих существовать и после исчезновения последних.

Ряд взаимодействий между людьми часто возникает в силу той или иной причины, например половой потребности, страсти, любви, един-

⁷⁵ Как и при характеристике других факторов возникновения и поддержания коллективных единств, здесь, при характеристике аналогичной роли привычки, я ограничиваюсь лишь краткими штрихами. Роль привычки в социальной жизни людей и влияние ее на поведение последних будут изучаться в «Социальной механике».

⁷⁶ См.: *Waxweiler E. Avant-propos // Bulletin mensuel Социологического института. 1910. № 1, р. I-IX. Подробнее о повторении и привычке см.: Сорокин П.А. Преступление и кара, с. 251-310, 196-205.*

296

Система социологии. Том I

ства цели и т. д. Нередко по истечении времени эти причины отпадают: страсть исчезает, половые стремления гаснут, единство цели гибнет, дружба остывает, социально-психический конформизм уменьшается, взаимозависимость, порождаемая разделением труда, исчезает и т. д. И, однако, взаимодействие, порожденное ими, продолжает существовать и после гибели причин, его вызвавших. Подобно раковине, лишенной породившего ее животного, оно механически живет и существует. Лица, которых когда-то страсть бросила друг другу в объятия, продолжают встречаться друг с другом и после исчезновения страсти.

Люди, сблизившиеся друг с другом в силу сходства идей, мыслей и настроений, продолжают быть друзьями и после того, как это сходство исчезло.

Взаимодействие покупателя с определенным торговцем продолжается и после того, как причины, вызвавшие это взаимодействие, исчезли, — оно продолжается просто в силу инерции, по привычке...

Ряд лиц, вступивших в политическую партию в силу согласия с ее программой, остаются в ней долго и после того, как это согласие исчезло.

По привычке мы продолжаем встречаться с рядом лиц, с которыми встречаться мы привыкли, хотя причины, вызвавшие первые встречи, и отпали. По привычке мы ходим в церковь, в которую привыкли ходить, хотя наша вера и погасла.

По привычке мы делаем те или иные благотворительные взносы, хотя и не верим больше в спасительность филантропии. По привычке живет и существует супружеский союз, хотя и исчезли те нити, которые когда-то связали супругов в одно целое. По привычке мы посещаем ряд собраний, хотя они и перестали интересоваться нас...

Короче говоря, привычка часто является той нитью, которая мешает разрыву индивида с другими. Нередко она и только она связывает ряд индивидов и поддерживает существование коллективного единства...

Человек, запивший с горя и вошедший членом в компанию собутыльников, часто продолжает пить и общаться с собутыльниками и после того, как горе прошло. Многократное повторение актов потребления алкоголя сделало его привычным пьяницей...

Такова же часто история «привычного преступника». Привычка, как груз, тянет его на дно, повелительно принуждает его продолжать привычные акты и привычные общения... То же можно сказать о привычном картежнике и привычной проститутке.

Многочисленное повторение тех или иных актов, тех или иных взаимодействий

входит в плоть и кровь взаимодействующих; оно способно делать святого преступником и преступника святым. Воздержание от кражи, от курения, от взятки, от проституции один, два, три, много раз способно «отучить» человека от этих актов. И обратно — нарушение норм «не убий», «не укради», «не бери взятки», «не проституируй себя»,

Глава VII. Условия возникновения простых коллективных единств 297

«не кури» — один, два, много раз делает честного человека привычным взяточником, вором, некурящего — курильщиком, человека — палачом, убийцей и т. д. Повторение акта вызывает изменение убеждений, модифицирует совесть, трансформирует верования. Трудно убить человека в первый раз. Трудно выйти на улицу для проституции сначала... Немало угрызений совести вызывает первая взятка. Но когда человек убил 20-30 индивидов, убить 31-го ему ничего не стоит. Когда девушка не раз принимала «гостя» — дальнейшие приемы покупателей тела будут происходить без особых угрызений совести, без стыда и колебаний... Человек, принимавший взятки не раз, будет принимать их и дальше по привычке, как нечто нормальное. Палач, повесивший ряд жертв, дальше будет вешать их без «страха и сомнений»⁷⁷.

Первые расстрелы чрезвычайной комиссии не без угрызений и колебаний приводились в исполнение их агентами, с одной стороны, с другой — вызывали громадное возмущение и протесты народной и общественной совести. Дальше события пошли обычным путем: расстрелы стали бытовым явлением. Без всякого колебания люди расстреливались и продолжают расстреливаться пачками... И это перестало волновать индивидов нашей Республики... К смертным казням «привыкли». Привыкли и исполнители, из коих многие когда-то яростно протестовали против смертной казни; «привыкли» жертвы, привыкло и общество. Остроумные люди говорят, что не следует пугаться ада: человек привыкнет и к геенне огненной и будет чувствовать себя великолепно в этой среде...

Возможно, что они правы; по крайней мере, в их пользу говорит создавшаяся привычка расстрелов со стороны одних и привычка спокойно относиться к ним со стороны других.

Раз так происходит с актами человека вообще — то же самое происходит и с актами взаимодействия одних людей с другими. Многие из последних продолжительно существуют лишь в силу биологического фактора привычки.

С теми или иными изменениями сказанное о рассмотренных биологических условиях можно применить и к другим условиям того же порядка, вызывающим и обуславливающим сохранение коллективных единств.

Теперь следовало бы перейти к краткому очерку социально-психических условий, поддерживающих продолжительное бытие различных единений и союзов. Но прежде чем это сделать, коснемся кратко еще одного условия, частью биологического, частью социально-психического порядка.

Когда мы говорим о продолжительном взаимодействии или существовании коллективного единства, мы мыслим таковые *непрерывными* в течение всего времени их существования. Иными словами, длитель-

⁷⁷ Подробнее см.: *Сорокин П.А. Преступление и кара*, с. 196-205.

298

Система социологии. Том I

ное взаимодействие *А* и *В* означает, что они взаимно или односторонне обуславливают поведение и переживания друг друга все время, *непрерывно*, пока это взаимодействие длится. Спрашивается: *как возможна эта непрерывность?*

Указанные факторы продолжительности существования взаимодействия представляются действующими не непрерывно, а только моментами. Половая потребность, как и все биологические, космические и социально-психические факторы, действует, так сказать, *толчками, время от времени, а не в каждый данный момент*. Между тем процессы взаимодействия, вызываемые ими, мы считаем непрерывными. Чем же объяснить такую непрерывность? Ответ на этот вопрос был дан выше, в параграфах,

посвященных изучению длительного и кратковременного взаимодействия⁷⁸. Этот ответ гласил: *непрерывность взаимодействия объясняется свойством определенных актов, обладающих способностью влиять долгое время после их совершения*. Мы видели тогда, что определенные акты похожи на толчки. Подобно тому, как предмет, приведенный в движение толчком, может двигаться долго и после того, как толчок прекратился, так же и ряд актов одного индивида обладает свойством влиять на другого долгое время после их совершения.

Это явление объясняет непрерывность длительных процессов взаимодействия. Промежуток времени между двумя моментами действия того или иного из факторов, поддерживающих продолжительность коллективных единств, например, двумя свиданиями влюбленных, двумя попойками кутил, двумя собраниями индивидов для отражения опасности, — этот промежуток «заполняется» свойством актов действовать известное время после их выполнения... Длительный эффект таких актов соединяет один момент с другим, заполняет «пустоту» между ними, делает взаимодействие двух или большего числа лиц, встречающихся время от времени, непрерывным...

Иными словами, общение двух лиц, вызванное одним из рассмотренных факторов, для своего непрерывного существования (т. е. обусловливания одним поведения и переживаний другого) не требует, чтобы эти лица непрерывно, в каждый момент, были вместе и непрерывно обменивались акциями и реакциями. Непрерывность взаимодействия достижима иначе и проще: взаимное влияние их актов не испаряется сразу после совершения последних, а продолжает существовать в ряде случаев и после выполнения их... Поэтому, чтобы возможно было длительное и непрерывное взаимодействие между ними, достаточно, если они будут встречаться и обмениваться акциями и реакциями время от времени. Связь взаимодействия в промежутки между такими моментами встреч будет существовать благодаря указанному свойству ряда ак-

⁷⁸ См. выше, с. 207 и ел.

Глава VII. Условия возникновения простых коллективных единств 2 99 тов: не терять своего обусловливающего поведение эффекта непосредственно после их совершения.

Таково условие, делающее возможным *непрерывность* длительных процессов взаимодействия или *непрерывность* существования длительных коллективных единств. Оно объясняет нам, почему, например, союз супругов не исчезает тогда, когда они пространственно разделены, почему научная ассоциация продолжает существовать и в промежутки между двумя заседаниями, почему связь, объединяющая двух любовников, продолжает связывать их в промежутки между двумя любовными свиданиями, и т. д.

Конечно, влияние таких актов не может продолжаться бесконечно. Камень, приведенный в движение ударом, не может двигаться бесконечно. Чтобы такое движение (в реальных условиях, а не в воображаемых условиях отсутствия трения и препятствий) было возможно, к одному толчку по истечении известного промежутка должен присоединиться второй, третий и т. д. Так же обстоит дело и с продолжительным взаимодействием. Чтобы оно длительно существовало, «толчки» в виде акций и реакций должны время от времени возобновляться.

Если члены научной ассоциации целые годы не будут обмениваться акциями и реакциями (в форме ли заседаний или путем книг, писем и других проводников), то такая ассоциация замрет и исчезнет. Если супруги целые годы будут абсолютно изолированы друг от друга, то во многих случаях такие союзы распадутся: супруги перестанут обусловливать поведение друг друга. То же можно сказать и о других коллективных единствах.

Итак, *непрерывность процессов взаимодействия объясняется свойством ряда актов не терять своего влияния на поведение после совершения их*.

Длительность непрерывного существования взаимодействия коллективных единств требует повторения время от времени акций и реакций между

взаимодействующими единицами («толчков»).

Это повторение акций и реакций вызывается рядом уелов вий, названных нами «факторами», обуславливающими продолжительное существование коллективных единств или процессов взаимодействия.

III. Социально-психические факторы, обуславливающие продолжительное существование коллективных единств

Выше я не раз указывал, что индивиды, поставленные космическими или биологическими условиями в пространственную близость, в конце концов объединяются не только «механически», но на почве этих «механических» связей с течением времени между ними устанавливаются связи иные, *социально-психические*. При частом столкновении инди-

3 00

Система социологии. Том I

видов, при их пространственной близости такие дополнительные связи психического порядка возникают спонтанно, неизбежно...

Спрашивается, как это возможно?

В настоящее время мы можем указать ряд форм, объясняющих возникновение таких социализирующих психических связей между лицами, поставленными в пространственную близость друг к другу.

Первой такой формой является *процесс психического взаимозаражения*, *внушения и подражания*, возникающий в толпе, т. е. в случайном сборище разнородных лиц, находящихся в близком пространственном соседстве один к другому. Исследования Н.К. Михайловского, Тарда, Ле-бона, Росси, Сигеле, Вигуру и Жукелье, Гарднера, Sidis'a и других достаточно ясно осветили этот вопрос. «Когда определенное число лиц собирается вместе, — говорит Gardner, — психический процесс каждого модифицируется; мысли, чувства и поведение каждого становятся иными, чем если бы он был один». В таком сборище возникает и растет взаимная психическая диффузия, доходящая до полного депрессирования «я» и превращающая толпу в подобие единой, коллективной души, одинаково мыслящей, чувствующей и действующей⁷⁹.

В толпе, говорит Ле-Бон, устанавливается «вид коллективной души, которая заставляет всех ее участников чувствовать, мыслить и действовать отличным образом, чем каждый из них чувствовал, мыслил и действовал бы, если бы он был один». Отсюда получается общность переживаний, верований, чувств, скрепляющая в одно целое гетерогенных участников сборища⁸⁰.

К таким же выводам, как известно, пришли и Михайловский, и Тард, и Сигеле, и Росси⁸¹.

Ряд лиц, в частности Бинэ, Вигуру и Жукелье, эти вопросы исследовали экспериментально. Бинэ ставил свои опыты над детьми. Итог этих опытов он формулирует так: «В силу одного факта собрания детей в одну группу они становятся более подверженными внушению»⁸². Исследования Вигуру и Жукелье, в частности над заразительностью зевания, подтверждают то же положение: «Одно восприятие зевания вызывает у других повторение того же акта. Рефлекс зевания наиболее заразительный: мы присутствовали при подлинной эпидемии зевания, вызванной в omnibus одним фактом восприятия зевания одного из пассажиров»⁸³.

⁷⁹ См.: Gardner. Assembly // The American] journ[al] of sociology], vol. XIX, p. 530-555.

⁸⁰ См.: Le Bon G. Psychologie des foules. 1895, passim.

⁸¹ См.: Михайловский Н.К. Герои и толпа; Еще о героях и толпе; Тард Г. Законы подражания, L'opinion et la foule, 1898; Сигеле С. Преступная] толпа; Rossi P. Psicologia collettiva.

⁸² Binet A. La suggestibilite. Paris, 1900, p. 209 и ел.

⁸³ Vigouroux et Juquelier. La contagion. Paris, 1905, p. 27.

В силу каких причин происходит такое заражение, что здесь нужно отнести на долю физиологии и что на долю психологии, — не будем решать здесь. Здесь важно лишь одно, а именно: *простой факт стечения людей в одно место, их взаимная пространственная близость имеет своим результатом появление и рост взаимного психического заражения (внушения и подражания), вызывающего психическое единство участников толпы или собрания, иными словами, устанавливающего между ними психические связи, превращающие их в резонаторы друг друга**.*

Такова одна из форм психических связей, возникающих при пространственной близости индивидов. Само собой разумеется, что психическое «социализирование» не исчерпывается такой формой. Она — одна из многих форм и далеко не главная. Сводить все психические связи к ней, как это делает Лебон, и думать, что единство верований и убеждений сводится к факту внушения и подражания, как думает Тард, нельзя. Такие процессы, правильно указывает *Ross*, «явления временные и редкие»⁸⁵. Рядом с ними между индивидами, стоящими друг к другу в пространственной близости, устанавливаются разнородные, иные психические процессы, которые могут их привязывать друг к другу, т. е. заставлять взаимодействовать друг с другом. В одних случаях такими психическими связями могут служить симпатия, любовь, взаимопомощь, удовольствие общения, общая цель и т. д., возникающие в процессе общения, в других — ненависть, злоба, потребность мести, желание извлечь выгоду и т. д.

Как ниже будет указано, людей связывают друг с другом, т. е. заставляют взаимодействовать, не только положительно-благожелательные вожелания и чувства, но и переживания злостные, враждебные либо с одной, либо с обеих сторон.

Говоря образно, можно сказать: поставьте людей в пространственную близость, заставьте их встречаться друг с другом, а там остальное само приложится — между ними неизбежно возникнут психические связи и процессы общения, которые под той или под другой формой будут прикреплять их друг к другу, заставят общаться и взаимодействовать...

В такую пространственную близость, мы видим, люди часто ставятся рядом космических и биологических условий. На их почве в этих случаях возникают добавочные, социально-психические связи, которые в дальнейшем приобретают самостоятельное значение факторов, поддерживающих существование коллективного единства.

Что касается этих социально-психических условий, связывающих ряд взаимодействующих индивидов в коллективное единство, то таких условий множество. Факторы, вызывающие возникновение взаимодей-

⁸⁴ См. о том же: *Ross E.A. Foundations*, p. 256 и ел., 4 гл.; *Sidis B. The Psychology of suggestion*. New York, 1898, *passim*.

⁸⁵ *Ross E.A. Op. cit.*, p. 260.

3 02

Система социологии. Том I

ствия, обычно служат и факторами, поддерживающими его дальнейшее существование. Общую характеристику их я дал выше.

Конкретно их множество. Такими связями, цементирующими коллективное единство, могут быть *идеи, чувства-эмоции и волевые импульсы*. Ряд коллективных единств существует благодаря *потребности идейного обмена* одних людей с другими. Такими коллективами является множество ассоциаций, начиная с группы крестьян, собирающейся «покалякать» друг с другом у ворот дома, и кончая научными обществами, обществами религиозными, политическими, юридическими и другими.

Ряд коллективов продолжает существовать благодаря *потребности чувственно-эмоционального обмена* людей друг с другом. Эта потребность создает и поддерживает ряд ассоциаций, начиная с «короборри» австралийцев и кончая обществами, подобными обществу любителей музыки, балов, танцев и т. д.

Ряд коллективов продолжает существовать благодаря, главным образом, *единству*

волевых, целевых устремлений индивидов. Такими ассоциациями является множество коллективных единств, начиная с соединения нескольких индивидов для переноски тяжестей, для выполнения того или иного дела, неосуществимого путем индивидуальных усилий, и кончая обширнейшими союзами — тред-юнионами, трестами — синдикалистскими и профессиональными организациями, союзами государств и Интернационалом. Единство цели и волевых устремлений связывает здесь множество индивидов в коллективное взаимодействующее единство.

Однако редко бывает, чтобы социально-психические связи были только идейными, или только чувственно-эмоциональными, или только волевыми связями.

Чаще всего в каждом длительном процессе взаимодействия выступают все эти социально-психические переживания. Научное «общество» не есть группа индивидов, обменивающихся только идеями. Одновременно они обмениваются и чувствами, и велениями. То же можно сказать и о любом процессе общения⁸⁶.

Выделять тот или иной из этих элементов можно только относительно.

Когда я пишу «*потребность* идейного, или чувственно-эмоционального, или волевого общения», то употребляю термин «потребность» не в переносном, а в буквальном смысле.

Как выше было показано, *такие потребности нам даны вместе с человеком. Они столь же реальны, как и потребности голода, самозащиты, размножения и т. д.*

Человек нуждается в человеке для обмена мыслями, чувствами, велениями. Он импульсивно стремится «поделиться своими переживаниями» с другим. Идея — как бы примитивна она ни была — повелитель-

⁸⁶ См. об этом выше, с. 223-224.

Глава VII. Условия возникновения простых коллективных единств 3 0 3 но толкает человека сообщить ее сочеловеку. Переживания радости, горя, печали, страха требуют отклика со стороны других. Радость заставляет человека «излить» ее другому, горе требует утешения, страх, колебание требуют успокоения и одобрения, ненависть толкает к отмщению. Желание что-либо сделать толкает к другому, чтобы привлечь его к работе по осуществлению поставленной цели. Все эти переживания стремятся «выйти» за пределы индивидуальной души и делают необходимым обмен с другими индивидами. И чем они острее, чем интенсивнее — тем сильнее тяга к сочеловеку, возбуждаемая ими⁸⁷.

Невидимыми, но действительными связями эти потребности объединяют людей и притягивают их взаимно подобно невидимой, но действительной силе магнита, притягивающего железо.

Смотря по идеям, наиболее интересующим ряд лиц, мы имеем ассоциации, обменивающиеся знаниями, относящимися к миру физических, химических, биологических, исторических и других явлений (лекции, заседания и «Общества любителей» физики, химии, ботаники, зоологии, истории, языковедения, социологии и т. д.). Совокупность идей и переживаний религиозных объединяет и поддерживает коллективное единство верующих, составляющих церковь (церкви католическая, православная, секты хлыстов, молокан и т. п.).

Совокупность идей политических, излагаемых кратко в программе партии, вместе с чувствами и волениями, соответствующими этой программе, составляет коллективное единство политической партии (коллективное единство партий большевиков, меньшевиков, социалистов-революционеров, монархистов и т. д.).

Совокупность идей, относящихся к иным явлениям, объединяет индивидов во множество других коллективных единств.

Причем следует подчеркнуть, *что процессы идейного взаимодействия могут возникать и существовать не только тогда, когда идеи однородны, но и тогда, когда они разнородны и противоположны.* В любом научном обществе участвуют члены разных идейных школ и течений. Больше того, весьма часто наиболее живым и деятельным является то общество, где не все мыслят в унисон, где есть разногласия и противополож-

ности мнений. В этих случаях прения принимают более живой характер, само общество энергичнее функционирует, его заседания вызывают больший интерес в членах, чаще посещаются и т. д.

Нередко на почве антагонизма идей возникают и более острые формы антагонистического взаимодействия, объединяющие индивидов в продолжительное антагонистическое коллективное единство. Простей-

⁸⁷ Ross правильно говорит, что потребность в себе подобных «проявляется как craving for the presence of one's kind, distress at being left alone, nostalgia after separation from mates, and a capacity for social pleasure indicated by mirth, laughter, and festal impulses. They lead to social amusement, play, games, dancing, feasting and intercourse»^{12*} (Ross E.A. Soc[ial] control, p. 14).

304

Система социологии. Том I

ший пример такого рода явлений — спор двух противников, доводящий до драки, свалка в парламенте между членами различных партий. Более широкими и продолжительными видами коллективных единств, образуемых и поддерживаемых антагонизмом идей и убеждений, могут служить коллективное антагонистическое единство (взаимодействие) никониан и раскольников, многолетняя борьба между ними, сопровождавшаяся заточением раскольников в тюрьмы, их ссылкой и сожжением⁸⁸; вторым, еще более широким и весьма длительным взаимодействием, вызванным и поддерживаемым антагонизмом идей и верований, служит коллективное единство католиков и еретиков, преследовавшихся первыми (взаимодействие «святой инквизиции» и ее верных с валь-денсами, альбигойцами, катарами^{13*} и др., выражавшееся в войнах, преследованиях, сожжениях еретиков и т. д.)⁸⁹; религиозные споры и войны, объединявшие надолго противников в коллективное единство (напр [имер], борьба католицизма с протестантством) и т. п.

В данных и во множестве других примеров цементирующими связями, пригвождающими антагонистов друг к другу, служат антагонистические убеждения.

Подробно им, чувства и воления — сходные и различные, каритатив-ные и одиозные — могут играть роль таких связей, сцепляющих в коллективное единство — солидарное или антагонистическое — ряд индивидов и заставляющих их длительно взаимодействовать.

Люди притягиваются и «пригвождаются» друг к другу не только любовью, симпатией, благожелательным отношением, но и одиозными переживаниями: ненавистью, враждой, страхом, угрозой и т. д. Роль благожелательных чувств и эмоций (симпатия etc.) в деле поддержания солидарных коллективных единств общеизвестна. Но почему-то не желают видеть, что процессы взаимодействия, взаимное притяжение друг к другу индивидов вызываются не только благожелательными, но и злостными переживаниями. Множество примеров такого явления дают факты кровной мести. Известно, что в древности она носила обязательно-религиозный характер. Ненависть к врагу заставляла взаимодействовать с ним: искать его, следить за ним, и такое взаимодействие продолжалось до уничтожения обидчика; убийство его, в свою очередь, вызывало месть со стороны его рода; и так род с родом враждовал и воевал (взаимодействовал) временами целые десятилетия⁹⁰, порой до истреб-

⁸⁸ Подчеркиваю, что, с моей ненормативной точки зрения, группа взаимодействующих раскольников и никониан — суть коллективное единство, реальная совокупность, ассоциация.

⁸⁹ См.: *Ли Г.* История инквизиции. СПб., 1911, т. I, passim.

⁹⁰ См. факты: *Ковалевский М.М.* Современный обычай и древний закон. М., 1886, т. II, с. 1-17 и ел.; *Makarewicz.* Einführung in die Philosophie d[er] Strafrechts. 1906, S. 246 и passim; *Steinmentz R.* Etnolog[ische] Studien zur ersten Entwicklung der Strafe. 1894, Bd. I, S. 299-334 и 260-406; *Сорокин П.А.* Преступление и кара (там же указана литература о

кровной мести).

Глава VII. Условия возникновения простых коллективных единств 305

ления одной или обеих сторон⁹¹. Это значит, что связью, объединявшей в коллективное единство антагонистически взаимодействовавших индивидов, были чувства-эмоции и воления злобы, ненависти, вражды, а не чувства благожелательные⁹². Отсюда видно, что связями, объединяющими индивидов в коллективное единство, заставляющими их взаимодействовать, могут быть не только симпатии и прочие благожелательные эмоции, но и эмоции одиозные. Такие коллективные единства индивидов, объединяемые в одно взаимодействующее целое злостными чувствами и переживаниями, существуют во множестве форм и видов, то мелких и незначительных, то крупных и грандиозных. Взаимодействие тюремщика и заключенного, преступника и ищущих его органов власти (последнее взаимодействие, согласно законам о давности, может продолжаться десять, пятнадцать и двадцать лет, смотря по тяжести преступления), коллективные единства, образуемые победителями и побежденными, рабами и рабовладельцами, предпринимателями и рабочими, рядом воюющих народов и государств, временами антагонистически взаимодействующих друг с другом в течение ряда лет, десятилетий и даже столетий (вспомним столетнюю войну, войны Наполеона, современную войну, тянувшуюся 4½ года и т. п.), — все эти факты служат примерами коллективных единств или длительных процессов взаимодействия, вызываемых и поддерживаемых злостными и враждебными друг другу переживаниями. Здесь в качестве цемента, объединяющего индивидов в одно взаимодействующее целое, выступают не альтруизм, не сострадание, не симпатия, а самые враждебные и злостные переживания⁹³.

⁹¹ Steinmetz, особенно внимательно исследовавший эпоху кровной мести, ставит вопрос: продолжительна ли месть дикарей, и отвечает на этот вопрос положительно. См.: с. 303 1-го тома «Ethnolog[ische] Studien», где приводится список народов, у которых месть интенсивна и продолжительна. Она, как подчеркивает и М. Ковалевский, переходит от поколения к поколению и становится наследственной. «Die Blutrache bleibt nicht auf die Geschlechter, welche die Selbe anfangen, beschränkt, — говорит Штейнмец, — она продолжается из рода в род, от поколения в поколение bis die Fehde endet "faute de combatants", bis eine Gruppe völlig aufgerieben oder erniedrigt wurde»^{14*} (Steinmetz R. Op. cit, S. 395-396). То же констатируют почти все исследователи кровной мести.

⁹² Конечно, гг. нормативисты в таком взаимодействии не захотят видеть коллективное единство. Не будем спорить о словах; важна лишь причинная зависимость между поведением индивидов. Она здесь несомненна. Остается ее констатировать. Я это и делаю. Антагонистические взаимоотношения для меня составляют столь же важные социальные явления, как и взаимоотношения со-лидаристические, и не вижу оснований, почему они не должны изучаться социологом. См. т. II, главу, посвященную критике теории социального явления, в том числе и критике теорий нормативно-оценочных.

⁹³ Отсюда следует, что глубоко односторонни и потому ошибочны теории, полагающие, что индивиды могут притягиваться к индивидам только благожелательными переживаниями, что социально-психическими связями мо-

306

Система социологии. Том I

В течение долгого времени они могут быть «обручами», связывающими в одно взаимодействующее единство множество лиц. Не будь их — взаимодействие между ними исчезло бы, а вместе с его исчезновением рассыпалось бы и коллективное единство, образуемое ими. Больше того, история учит нас, что нередко на почве таких антагонистических связей постепенно вырастали связи иные, связи солидаристические. Наблюдающееся в истории расширение социально-замыренных кругов, расширение, начавшееся с мирных групп в 40-100 человек и окончившееся замыренными государственными союзами, насчитывающими десятки миллионов людей, — это расширение «солидарных» социальных групп, как я старался показать в другой своей работе, происходило именно на почве антагонистического взаимодействия, питаемого

злостными переживаниями, поддерживаемого беспощадными карами и наградами. «Как возможно было это расширение замиренных социальных кругов? Как возможно это слияние абсолютно враждебных групп в одно солидарное социальное единство?.. Единственно возможный ответ на поставленный вопрос гласит: расширение социально-замиренных кругов возможно лишь благодаря соединенному мотивационно-дрессирующему влиянию наказаний и наград. Без этих рычагов подобное расширение сферы "мира" немыслимо и невозможно... Как совершалось обычно слияние групп? Путем войн. А что такое война? Коллективное наказание одной группы другою... Когда один народ (в особенности в прошлом) при столкновении побеждал другую группу, то ассимиляция победителем побежденного в большинстве случаев совершалась не в силу добровольного подражания, а подражания вынужденного: нравы, обычаи, законы и институты победителя-народа усваивались побежденным народом не без давления кар и наград. Исключительно благодаря этому давлению в первое время побежденные выполняли предписания и обычаи победителя; но, повторяя много раз предписанные шаблоны победителя, побежденные незаметно привыкали к ним, и после достаточного числа повторений эти шаблоны теряли характер чуждости и становились "своими", добровольно выполняемыми»⁹⁴.

гут быть только связи переживаний, благожелательных друг к другу. Пример: «везде, где социальная связь существует, есть и симпатия» (*Звоницкая А.* Опыт теоретической социологии, с. 220). См. во II т. «Системы» главу, посвященную критике теорий социального явления. Мы видим, что дело обстоит далеко не так.

⁹⁴ *Сорокин П.А.* Преступление и кара, с. 235-236. См. также всю главу «Социальная роль кар и наград». То же говорит и Штейнмец: в древности «без агрессивности немыслимо никакое расширение группы» (*Steinmetz R.* Die Philosophie des Krieges. 1907, S. 23). См. также: *Vaccaro M.* Les bases sociologique du droit et de l'Etat. 1898, p. 90-91 и passim; *Его же.* Genesi e funzione delle leggi penali. 1908, passim; *Oppenheimer F.* Der Staat. Frankfurt am Main, S. 8 и ел.

Глава VII. Условия возникновения простых коллективных единств 3 0 7

И объединение ряда народов в государство⁹⁵, и объединение ряда индивидов в одну религию, и объединение их едиными обычаями и нравами и т. д. совершалось именно указанным, принудительно-злостным и карательным путем⁹⁶.

Социальная связь, объединявшая гетерогенные и враждебные группы лиц, в таких случаях была вначале связью злостных переживаний, выразившихся в беспощадных карах и принудительных мерах, накладывавшихся одними на других. Потом, после долгой карательной дрессировки, эти связи постепенно трансформировались в связи солидарных чувств и переживаний⁹⁷.

Внешним симптомом этой «цементирующей» роли антагонистических переживаний служит *принуждение и насилие*, выступающее в роли социальной связи, мешающей распаду данного коллектива и прекращению взаимодействия между его членами. Сколько «обществ» существует только благодаря такому принуждению, выражающемуся в беспощадных карах! Сколько государств, составленных из разнородных центробежных групп, сохраняет свое единство только благодаря тому же принуждению. Что связывало Финляндию с Россией, чехословаков и итальянцев Австрии с Австрией, Ирландию с Англией, колонии европейских государств с их метрополиями, как не то же *принуждение и насилие*? Отнимите принуждение — и эти коллективные единства рассыплются, как доски бочки, связываемые в одно целое обручами.

Таковыми именно обручами являются принудительно-карательные меры; а существование последних, как было показано мной в другой работе, служит симптомом наличности антагонизма идей, чувств и воле-ний, верований и желаний, антагонизма поведения различных индивидов. Чем более антагонистичны последние, тем острее принуждение, тем беспощаднее кары, стремящиеся «склеить» центробежные социальные группы, поддержать существование внутренне антагонистического коллективного

единства⁹⁸.

⁵⁵ Oppenheimer F. Der Staat, S. 8-9: «Der Staat ist seiner Entstehung nach ganz und seinem Wesen nach auf seinem ersten Daseinsstufen fast ganz eine gesellschaftliche Einrichtung, die von einer siegreichen Menschengruppe einerbesiegten Menschengruppe aufgezwungen wurde mit dem einzigen Zwecke, die Herrschaft der ersten über die letzte zu regeln und gegen innere Aufstände und aussere Angriffe zu sichern»^{15*}.

«Современная государственная власть не чужда и чисто принудительного основания» (Лазаревский Н.И. Цит. соч., с. 13).

⁹⁶ См. факты и литературу в моей книге «Преступление и кара» (с. 216-247) и в моей статье «Законы развития наказаний» (Новые идеи в правоведении. Сб. №3).

⁹⁷ «Not the attraction of like for like, — говорит Ross, критикуя "сладкие" теории, сводящие социализирование к симпатии, к удовольствию общения и т. д., — but war or the dread of war has instigated that unceasing agglomeration of communities revealed in history. Groups arise too soon, from before the natural socializing forces have done their worke»^{16*} (Ross E.A. Op. cit., p. 270).

⁹⁸ См. об этом: Сорокин П.А. Преступление и кара, с. 425-493.

3 0 8

Система социологии. Том I

Я несколько подробнее остановился на антагонистических переживаниях как факторах, обуславливающих длительное существование коллективных единств, потому, что весьма часто социологи, изучающие «социальную связь», считают, что такой связью могут быть только солидарные и благожелательные идеи, чувства, воления — вообще благожелательные переживания. Из сказанного мы видим, что «социальной связью» могут быть и бывают и противоположные переживания — переживания злостные. Общение людей поддерживается не только любовью и симпатией, но и злобой, враждой и борьбой.

Очертив социально-психические связи по их психической природе, теперь подойдем к тому же вопросу с несколько иной точки зрения. В ряду множества социально-психических условий, вызывающих взаимодействие, мы выделили, как условия особенно важные, явления взаимозависимости людей на почве общественно-технического разделения труда (социального несходства) и явления тяги людей друг к другу, вызываемой их сходством в том или ином отношении.

Эти социально-психические условия служат весьма важными факторами в деле поддержания возникших процессов взаимодействия, в деле продолжительного сохранения коллективных единств.

Выше была указана эта *связующая роль разделения труда*. Индивид с индивидом, группа с группой принуждены поддерживать взаимодействие (составлять длительное коллективное единство) в силу несамодостаточности каждого индивида или группы таковых, вызванной разделением труда. Для удовлетворения множества потребностей мы принуждены вступать во взаимодействие с рядом лиц: голод гонит нас к тем, кто изготавливает пищу, потребность в одежде — к портному, потребность в сапогах — к сапожнику, потребность знания — к учителю, потребность восстановления права — к судье, потребность в религиозных переживаниях — к священнику и к верующим, потребность в музыке — на концерт, и т. д. и т. д.

Взаимозависимость, порождаемая разделением труда, повелительно заставляет нас общаться с рядом лиц; та же взаимозависимость вызывает общение одних групп с другими (явления торгового, экономического, идейного, религиозного и т. п. взаимодействия страны со страной, области с областью, государства с государством и т. д.)⁹⁹.

⁹⁹ Эта необходимость взаимодействия социальных групп, порождаемого разделением труда, отлично выясняется современным положением России: мы воочию убеждаемся, к каким тяжелым результатам ведет изоляция и блокада России — голод, тиф, паралич промышленности, расстройство транспорта, растущий недостаток в тканях, в продуктах фабрично-заводской промышленности, короче говоря, прогрессивно

растущие обеднение и обнищание страны; таковы результаты изоляции. Такое положение дел, естественно, заставляет быть сговорчивыми самых непримиримых людей и искать пути к возобновлению порванной связи с другими странами и государствами. Если бы не было разде-

/

Глава VII. Условия возникновения простых коллективных единств 3 09

Эту цементирующую роль разделения труда прекрасно выяснил Дюркгейм в своей работе «О разделении общественного труда». В ней он показал, что социальные эффекты разделения труда далеко не исчерпываются экономической выгодой последнего и теми следствиями, которые указывались обычно экономистами. «Наиболее поразительное действие разделения труда не в том, — пишет Дюркгейм, — что оно увеличивает производительность разделенных функций, но в том, что оно делает людей солидарными. Роль его во всех этих случаях не просто в том, чтобы украшать или улучшать существование общества, но в том, чтобы сделать возможными общества, которые без него не существовали бы»¹⁰⁰. Вопреки многим лицам Дюркгейм показал, что разделение труда не разъединяет людей, а связывает их: связывает не только объективно, но и субъективно: различие индивидов, подобно различию супругов, требует их взаимного дополнения.

Эта взаимная необходимость вызывает взаимное уважение, органическую солидарность их друг с другом. В силу разделения труда индивидуальные сознания освобождаются от коллективного сознания, но вместе с тем индивиды сохраняют потребность друг в друге, равенство прав, взаимное уважение и т. д.

Такова объединительная — не только объективная, но и субъективная — роль разделения труда¹⁰¹.

Считая эти субъективно-моральные результаты в виде солидарности спорными и не всегда данными¹⁰², мы не можем усомниться в объективно-объединительной, «связующей» роли разделения труда. Взаимозависимость индивидов, порождаемая дифференциацией, «прикрепления труда и происходящей из него несамодостаточности даже государственных союзов, — не было бы ни роста обнищания, ни желания вновь связаться с миром.

¹⁰⁰ Дюркгейм Э. Раздел [ение] обществ [енного] труда, с. 47 и *passim*.

¹⁰¹ Как я уже отмечал выше, эти субъективно-моральные эффекты (солидарность) разделения труда спорны и следуют из него далеко не всегда. Это частично признает и сам Дюркгейм, говоря, что они могут быть только при ряде условий, а именно: 1) при свободе выбора профессии (иначе нет призвания к ней и индивиды будут выполнять плохо свою функцию), 2) при равенстве условий конкуренции (иначе вместо свободы и солидарности получится антагонизм и борьба), 3) при известной социальной структуре общества, которая заставляла бы индивидов соблюдать свои обязательства. См.: Дюркгейм Э. Разделение [общественного] труда, с. 283-320.

Такие условия чаще всего отсутствуют. Вот почему прав Бугле, говоря: «Дюркгейм открыл нам не столько то, что разделение труда вызывает на самом деле, сколько то, что оно должно было бы вызывать; не столько его необходимые результаты, сколько его идеальные эффекты» (*Bougie C. Revue generale des theories recentes sur la division] du travail // Annee sociol[ogique], vol. 6, p. 107-108*).

¹⁰² См. подробности у Дюркгейма, Бугле и Зиммеля («Социальная дифференциация»).

ляет» индивида к индивиду, делает их взаимно необходимыми и заставляет их взаимодействовать друг с другом. И очевидно, чем более прогрессирует разделение труда, тем эта необходимость становится острее, тем с большим числом «специалистов» мы принуждены встречаться, тем общение будет интенсивнее, а социальная группировка сложнее.

Противоположным условием, вызывающим продолжительное взаимодействие, является *социальное сходство индивидов*. Благодаря ему не только возникают, но и существуют возникшие коллективные единства, оно прикрепляет индивидов субъективно. Выше было показано, что мы «любим того, кто похож на нас, кто мыслит и чувствует, как мы», Мы стремимся к подобным себе и ищем их общества. «Моты не ищут компании скупцов; прямые и открытые характеры не ищут скрытных и лицемерных; доброжелательные и мягкие люди не чувствуют никакой склонности к грубым и недоброжелательным лицам»¹⁰³.

Сходные индивиды обычно (но не всегда)¹⁰⁴ стремятся к сходным. Это сходство имеет различные степени, начиная с более или менее полного сходства и кончая частичным сходством... Сообразно с ним и люди группируются в те или иные сходные коллективы.

Так, люди, сходные по религиозным верованиям, притягиваются друг к другу и образуют коллектив верующих — церковь или секту.

Люди, сходные по языку, чувствуют себя (*ceteris paribus*) более близкими друг другу, чем тем, кто говорит на ином языке.

Люди, сходные по научным школам, художественным течениям, литературным направлениям, обнаруживают ту же тягу друг к другу и составляют коллективные группы единомыслящих.

Ту же объединяющую роль играют сходство целей, сходство социального положения (аристократы обычно взаимодействуют с аристо-

¹⁰³ Дюркгейм Э. Цит. соч., с. 42.

Таким образом дана тяга подобного к подобному. Отличной от нее является тяга индивидов друг к другу, обладающих взаимодополняющими различиями. Это случаи субъективно-объединяющей роли общественного разделения труда, случаи, временами данные, но не всегда следующие из него. Так, «теоретик часто имеет склонность к практическим людям, к здравому смыслу, робкий — к людям отважным и решительным, слабые — к сильному, и наоборот... Вот почему мы ищем в наших друзьях недостающих нам качеств. Соединяясь с ними, мы... чувствуем себя менее несовершенными. Таким образом, создаются маленькие ассоциации друзей, где каждый имеет свою роль: один покровительствует, другой утешает, третий советует, четвертый исполняет — и именно... это разделение труда вызывает отношения дружбы» (Дюркгейм Э. Цит. соч., с. 42-43).

¹⁰⁴ Гиддингс ошибается, считая это правило абсолютным и признавая «сходство необходимым условием солидарности и социализации». Двое мужчин, сходные в том, что оба они влюблены в одну женщину, далеко не всегда солидарны друг с другом. Ошибается он и в том, что из сходств наиболее важным во все времена он считает *Mental and Moral Resemblance*. См.: *Giddings F. The Elements*, p. 53 и ел.

Глава VII. Условия возникновения простых коллективных единств 311

кратами, буржуазия с буржуазией, трудовые группы с трудовыми), сходство профессий (профессиональные союзы и организации), сходство нравов, вкусов, одежды, короче говоря — ряд сходств, начиная с важных и крупных и кончая мелкими и ничтожными.

Всюду фактор социально-психического сходства притягивает индивидов друг к другу, побуждает их взаимодействовать, «поддерживать знакомства», солидарно чувствовать, одинаково реагировать — словом, составлять коллективное единство¹⁰⁵.

Говоря о социально-психических факторах, поддерживающих существование коллективных единств, нельзя не упомянуть об объединяющей роли *символических проводников*. Что ряд коллективных единств или процессов взаимодействия обязан своим существованием проводникам, что только благодаря им индивиды, пространственно и временно разделенные, могут взаимодействовать, что в силу их данности взаимодействие людей принимает интенсивные — качественно и обширные — количественно размеры, что пользование общим языком, письменностью, жестами объединяет участников в одну

группу, скрепляет их в одно целое, — это само собой следует из того, что выше было сказано о роли символических проводников в деле общения людей.

Эта роль проводников, как я старался показать, громадна. Не будь их — взаимодействие людей было бы ничтожным и жалким.

Отсюда следует, что чем более насыщена известная территория различными проводниками — звуковыми, световыми, цветовыми, предметными, двигательными и т. д. — тем взаимодействие людей более интенсивно, тем оно способно чаще возникать и продолжать существование"".

¹⁰⁵ Эта тяга сходного к сходному весьма рельефно, между прочим, проявлялась в средневековых городах. Эти города, как известно, подобно древним Новгороду и Пскову, делились на «концы». Каждый такой «конец» и отдельные улицы населены были главным образом людьми одной профессии или ремесла, или цеха. Так было в средневековых городах Европы, в Германии, в Лондоне, в Венеции, то же мы видим и у нас, в Новгороде и Пскове. Это явление в менее резкой форме наблюдается и теперь. Большие города теперь имеют кварталы, где живет главным образом буржуазия, кварталы и улицы преимущественно с рабочим населением, кварталы и улицы, населенные главным образом учащимися и т. д. Подробнее об этом см.: *Maunier R. L'origine et la fonction économique des villes. Paris, 1910, p. 122 и сл.*

Отсюда следует, что эту степень интенсивности взаимодействия можно объективно определять: 1) количеством писем и телеграмм, падающим в среднем на индивида данной территории или государства, 2) количеством митингов, лекций, публичных заседаний, бывших в течение, напр[имер], года в данном районе, 3) количеством телефонных абонентов и разговоров, 4) количеством верст протяжения железнодорожных рельсов и поездов, по ним проходящих, 5) количеством газет и их подписчиков, 6) количеством библиотек, их абонентов и числом взятых книг, 7) количеством музеев и их посетителей, и т. д. Чем соответствующие цифры будут выше, тем взаимодействие будет интен-

312

Система социологии. Том I

Но не об этой социализирующей роли символических проводников я намерен говорить здесь. В данном случае я имею в виду более тесную социализирующую роль их, основанную на *рикошетном влиянии символов-проводников на психику людей*.

Выше мы видели, что символы-проводники являются объективированием и выявлением психических переживаний. Но видели также, что и сами они оказывают известное *рикошетное влияние на психику*¹⁰⁷.

Все сказанное там применимо и здесь, в явлениях социального объединения.

И здесь *коллективное единство, образуемое рядом взаимодействующих индивидов, обычно объективируется в форме тех или иных символов-проводников, выражающих это единство вовне*.

Эти символы-проводники в таких случаях становятся внешними выразителями такого единства, сигнализирующими всем природу и характер последнего. Каждый индивид, связывая себя с данным символом-проводником, тем самым связывает себя и со всеми индивидами, связывающими себя с тем же проводником-символом. Конкретных форм таких символических проводников, сигнализирующих, «овеществляющих» то или иное коллективное единство, много.

Таковы, прежде всего, *символические звуковые проводники в виде имен и названий*: «Россия», «Англия», «Петербург», «Интернационал» и т. д.

Таковы, далее, *лозунги* «Пролетарии всех стран, соединяйтесь», «В борьбе обрешь ты право свое», «Самодержавие, православие и народность»^{17*} и т. п.

Этими символами-проводниками объективируется вовне целый ряд психических переживаний и обозначается совокупность индивидов, объединенных теми или иными связями единства и сходства. Другой формой такого символизирования единства являются *светоцвето-вые символические проводники*: таковы национальные цвета флагов,

сим-

сивнее. Такая «социометрия» была бы более правильной, чем «социометрия» Коста.

Насыщенность определенного пространства проводниками, с другой стороны, означает сокращение самого пространства. Пункты территории, связанные друг с другом множеством социальных проводников (железных дорог, телефонов, телеграфа и т. д.), гораздо ближе друг к другу, чем те же пункты, не связанные проводниками. Расстояние между Петербургом и Парижем в данное время сократилось в несколько десятков раз по сравнению с расстоянием между ними в XVIII и начале XIX в. Иными словами, географическое пространство и географическая карта земли не совпадают с социальным пространством и с социальной картой земли. В бумагах *ИМ. Кауфмана*, по сообщению *Р.М. Ор-женецкого*, имеется такая сравнительная — социальная и географическая — карта. Она чрезвычайно ярко иллюстрирует сказанное и наглядно показывает роль проводников в деле сокращения пространства и интенсификации взаимодействия.

¹⁰⁷ См. выше, с. 183 и ел.

Глава VII. Условия возникновения простых коллективных единств 3 13

волизирующих коллективное единство государства, таковы флаги и знамена боевых полков как символы последних; таковы красные ленты, красные флаги как символы революционных идей, чувств и волений, объединяющих в одно коллективное целое ряд индивидов.

Таковы, далее, *грамоты, пергаменты илисты*, на которых «запечатлены» те или иные взаимоотношения индивидов и групп, образующих то или иное единство (договоры государств, вступающих в союз, грамоты, гарантирующие права и вольности того или иного народа, договоры частных лиц, вступающих в те или иные обязательственные отношения и т. д.). Особенно важную роль в этом отношении играют *газеты и журналы*. Газета, сам факт ее существования, служит соединительным звеном, объединяющим множество подписчиков, не знающих друг друга. Недаром газетное название часто служит символом целой общественной группы.

Коллективное единство, образуемое студентами учебного заведения, объективируется часто в их *форме и кокардах*, то же происходит с чиновниками одного ведомства, с солдатами, офицерами и генералами (формы ведомств, мундиры полка, погоны, эполеты, красные лампасы и т. д.); принадлежность к духовному званию символизируется одеждой духовенства, принадлежность к женскому полу выражается женским костюмом, к мужскому — мужским.

В роли таких символов, сигнализирующих то или иное коллективное единство, выступает и ряд других предметов: корона, скипетр и держава символизируют единство государства и неограниченность власти главы последнего; ряд религиозных реликвий символизирует единство церкви.

Ряд предметов, составляющих имущество того или иного коллектива, символизирует единство последнего («учреждения», *universitas bonorum*^{18*} как юридическое лицо).

Весьма часто такими символическими выразителями единства являются *те или иные лица*: государственный коллектив «представляется», «символизируется» его главой — монархом, президентом или группой верховных правителей (парламентом); единство церкви «представляется» патриархом, папой или синодом; коллективное единство армии — ее главнокомандующим и т. д.

Связь, объединяющая ряд индивидов в одно коллективное единство, весьма часто выражается и жестами: таково «отдание чести» друг другу членами армии, таково приветствие в виде снятия шапки и кивка головой, выполняемого лицами знакомыми, и т. д.

Говоря коротко, *единство коллектива может объективироваться самыми различными символическими проводниками*.

Напомнив этот факт теперь, я напомним и другой: *частое фигурирование тех или иных проводников в роли символов определенных переживания-*

3 14

Система социологии. Том I

ний постепенно превращает их в фетиши, в самоценность, в нечто такое, что само по себе ценно, свято и имеет социально-психическую значимость.

То же наблюдается и относительно символов социального единства.

Раз коллективное единство группы символизируется в том или ином предмете или лице и раз этот предмет или лицо приобретает характер фетиша, то данность и существование такого символа рикошетом влияет на психику членов группы, укрепляет в них связи единства, вызывает переживания сопринадлежности к единству, короче говоря— становится гипнотическим фокусом, point fixe^{19} этого единства.*

Единство группы, само по себе трудно схватываемое, трудно уловимое, отождествляется с ее символом. Отношение к этому символу и связь с ним заменяет отношение единства и связь членов группы друг с другом. Индивид или предмет замещает в этом случае группу.

Иными словами, *здесь символ единства помогает реализации и существованию единства социальной группы путем притягивания членов последней к себе, путем связывания их с собою, путем живого овеществления и воплощения этого единства; связывая членов группы с собою, он связывает их и друг с другом.*

Здесь отнесение себя к одному и тому же центру в виде символа связывает всех, стоящих к этому центру в одинаковом отношении. Подчиненность одному и тому же главе государства связывает друг с другом всех подчиненных. Верование в одного и того же Бога-Иегову, Христа и т. д. связывает в одно единство всех одинаково верующих. Снятие шапки и крестное знамение при виде иконы связывает в одно единство всех, подобным образом реагирующих на этот символ.

«Отдание чести» одному и тому же знамени связывает в одно единство всех, кто эту честь отдает. Ряд лиц, непосредственно друг с другом не связанных, но связанных с одним и тем же символом, оказываются связанными и друг с другом.

Короче говоря, *связь многих индивидов с одним и тем же символом связывает их друг с другом.* Вот почему Зиммель прав, говоря: «Подчинение группы одной личности имеет своим результатом прежде всего объединяющее влияние на группу». Прав он, говоря, что своим сохранением социальная форма часто обязана тому, что ее единство символизируется в одной личности, [стоящей] во главе ее¹⁰⁸.

¹⁰⁸ *Simmel G. Soziologie, S. 141-142; Simmel G. Comment les formes sociales se maintiennent // L'année [sociologique], vol. I, p. 79.* Такое символизирование группы в одном лице, говорит Зиммель, представляет громадную выгоду для сохранения единства группы, во-первых, тем, что таким образом «воля группы приобретает централизованное выражение или тело», во-вторых, тем, что в случае если группа стоит в оппозиции к ее главе, то эта оппозиция всех членов группы к главе последней объединяет снова членов друг с другом. «Если совокупная оппозиционность к кому-либо является могучим средством для объединения

Глава VII. Условия возникновения простых коллективных единств 3 15

Таким же образом в эпоху феодализма связь — подчиненность ряда вассалов одному сюзерену — связывала и вассалов друг с другом. Одинаковое отношение к одному лицу, например к предку, связывает и всех индивидов, признающих это лицо своим предком. Почитание одного и того же предмета — иконы, креста, государственного герба, красного флага, семейной реликвии и т. д. — связывает в одно единство и всех почитателей.

Как я уже сказал, в качестве таких объединяющих символов могут выступать различные символические проводники.

Ими могут быть *отдельные лица*, как обстоит дело в только что приведенных примерах. Ими могут быть *группы лиц*. Коллективное единство группы в таких случаях

сохраняется «благодаря органу, составленному из многих лиц», «группа объективируется в другой группе: церковь воплощается в духовенстве, политическое общество — в администрации, армия — в командном составе» и т. д.¹⁰⁹; связь индивидов с этой символической группой — «органом» — заменяет связь их друг с другом, делает эту последнюю более конкретной, осязаемой, вещественной¹¹⁰.

В других случаях таким символом единства могут быть *вещи*. «Другое средство для объективирования социального единства, — говорит тот же Зиммель, — это инкорпорировать, овеществить это единство в безличных вещах (не имеющих собственников!). Роль таких вещей особенно рельефна в институте "имущества мертвой руки". Распоряжаться единолично никто им не может. Благодаря определенному положению такого имущества в пространстве оно является как бы *point fixe*, к которому тяготеют все собственники. Поэтому такой институт представляет не только источник материальной выгоды, но и гениальный прием для сохранения единства группы»¹¹¹. Такую же объединяющую

множества индивидов или групп в одно целое, то она укрепляет единство группы и тогда, когда общим противником группы является глава последней». То же наблюдается и в области религиозных коллективных единств. Так, например], «*Vertragsverhältnis zu Iehova* всех евреев представляет *die eigentliche Kraft und Sinn der nationalen Zusammengehörigkeit*»^{20*} (*Simmel G. Soziologie*, S. 142-144). «*Le royaume paraot ainsi toujours comme le foyer unique oil tous les rayons politiques viennent se reunir*»^{21*}, — тонко характеризует объединяющую роль английского короля в старой Англии М.Я. Острогорский (*Ostrogorski M. La democratie et les partis politiques*. 1912, p. 5).

¹⁰⁹ *Simmel G. Comment les formes se maintiennent*, p. 83-84.

¹¹⁰ Помимо таких объединяющих эффектов символизация группы в меньшей группе имеет своим результатом и другие объединяющие функции. При отсутствии такого символического органа группа не гибка, в ней трудно достижимо моральное и физическое единство; нельзя легко и быстро добиться решений: раз каждый член равноправен другому, то *veto*²² одного может парализовать волю большинства, без такого «органа» невозможно продуктивное использование коллективных сил и т. д. См.: *Simmel G. Comment...*, p. 87-89.

¹¹¹ *Ibid.*, p. 82-83.

316

Система социологии. Том I

роль играют имущества групп, которые по уставу этих обществ запрещено делить между членами последних и которые в случае распада обществ должны передаваться другому обществу, преследующему аналогичные цели.

Связующую роль выполняют и другие символические предметные проводники. Возьмем *мундир*. «Люди того же ранга, одетые одинаково, сознают, что они все равны и все солидарны: человек, компрометирующий свой мундир, компрометирует и всех, кто его носит», — совершенно верно говорит Р. Симон¹¹². Здесь мундир выступает в роли связующего символического проводника: он является центральной точкой, к которой тянутся нити всех носящих мундир. Соединяясь с ним, эти последние оказываются связанными и друг с другом. Нижеследующая схема иллюстрирует сказанное. *A* в этой схеме служит символическим проводником единства (человек, мундир, группа лиц, крест, флаг, герб, имя и т. д.)^{23*}.

B, C, D, E, F, G и т. д. изображают индивидов, стоящих в сходном отношении к символу (отношение подчинения, почитания, ношения одной формы, любви, ненависти к *A*). Схема показывает, что, будучи связаны с *A*, все эти индивиды через *A* оказываются связанными и друг с другом. Члены одной религии, одного полка, ведомства, государства, рода, партии и т. д. могут не знать друг друга, но, будучи связанными с одной символической *point fixe*, они оказываются связанными и друг с другом.

Символ-проводник напоминает в таких случаях центральный узел множества нитей, сходящихся в нем, или передаточный пункт, воспринимающий раздражения от

одних и передающий их другим.

Зиммель отметил объединяющую роль только немногих из таких символов-проводников. Фактически их бесчисленное множество: им может быть любой символический проводник. Так, символический звуковой проводник «русский», связывая с собой множество индивидов, связывает их и друг с другом. Такую же роль могут играть лозунги и названия, например, «коммунист», «либерал»¹¹³ и другие звуковые символические проводники. Символический цветовой проводник в виде красного флага, в виде газеты, связывая с собой пестрый агломерат людей, связывает их и друг с другом. Предметный проводник в виде креста, вызывая крестное знамение у ряда незнакомых между собой лиц, объединяет их в одну группу. Такую же роль могут играть любые вещи, фигурирующие в роли тех или иных символов. Одинаковая оценка какой-либо

¹¹² Simon P. Instruction des officiers, p. 403.

¹¹³ Comme on ne pouvait pas aisement établir l'unité dans les esprits sur le fond des problèmes on s'attacha à rallier les électeurs autour de la raison sociale du parti, autour de son enseigne et de sa vieille renommée^{24*}, — правильно говорит М.Я. Острогорский, указывая на одно из зол современных партий. См.: Ostrogorski M. La démocratie et les partis politiques. 1912, p. 621.

Глава VII. Условия возникновения простых коллективных единств 317

картины или книги связывает и делает сродными различные человеческие единицы. Предмет, например значок союза русского народа, ненавидимый многими индивидами, устанавливает соединительные нити между ними. Определенные двигательные проводники, например отдавание чести, связывает тех, кто этот жест выполняет¹¹⁴.

Не буду приводить дальнейших примеров. Из сказанного ясна цементирующая роль проводников-символов. Краткая формула этой объединяющей роли символов-проводников такова: *связывая с собой ряд индивидов, они связывают их друг с другом; фиксируя на себе психические переживания одних лиц, они в качестве передаточного пункта дают возможность передавать их другим лицам; связывая с собой ряд индивидов, они делают «осязаемой», наглядной, вещественной связь последних друг с другом.*

Такова эта роль — роль громадная (хотя обычно и не замечаемая социологами) — символов-проводников в деле поддержания бытия коллективных единств.

Чтобы оценить эту роль, достаточно будет сказать, что ряд разнообразных сложных коллективных единств, существующих в течение десятилетий и столетий, считается нами за нечто единое, тождественное самому себе в значительной степени благодаря указанной роли символических проводников. Не будь последних — мы не считали бы за нечто единое ряд разнородных по своему характеру групп, живших в различные времена. Возьмем для примера коллективное единство, называемое словом «Россия», или «Петербург», или «Петербургский университет». Одним и тем же именем «Россия» мы называем тот комплекс явлений, какой представляла «Россия» времен Грозного, и тот комплекс явлений, который она представляет в наше время. Мы не только называем то и другое одним именем, но, больше того, мы при этом мыслим, что «Россия» нашего времени есть продолжение или развитие «России» Грозного, что по существу тот и другой комплексы нечто единое, тождественное, что коллективное единство «Россия» 1919 г. есть продолжение коллективного единства «России» времен Грозного. То же относится и к другим коллективным единствам, как «Франция», «католическая церковь» и т. д.

Несмотря на то что индивиды, составлявшие коллективное единство «России» времен Грозного, и индивиды, составляющие «Россию» 1919 г., совершенно различны, как различна и организация их взаимоотношений, мы тем не менее мыслим, что они являются членами одного единства «Россия», что коллективное единство последней остается

¹¹⁴ Пример: «Когда уличные статуи Гермеса были низвергнуты, все афиняне были

приведены в ужас и ярость. Они думали, что все они должны погибнуть, ибо кто-то низвергнул изображение бога и таким образом оскорбил его» (*Bagehot W. Physic and Politics. 1873, p. 103*).

318

Система социологии. Том I

тождественным самому себе или, как выражается Зиммель, «социальная форма "России" остается идентичной самой себе при смене составляющих ее индивидов».

Такие представления столь привычны для нас, что мы даже не видим мистицизма, а временами и объективной ошибочности их¹¹⁵.

В самом деле, какие основания имеются для того, чтобы мыслить Россию 1919 г. как нечто единое с Россией Ивана Грозного, как продолжение последней?

Разве то, что мы называем «Россией» или «Петербургом» теперь, не отличается резко от того, что называлось «Россией» или «Петербургом» 200 лет тому назад? Изменились люди, те, кто составлял население «России» или «Петербурга», умерли. Изменилась материальная обстановка. Ни по территории, ни по зданиям, ни по всему материальному быту «Россия» наших дней и «Россия» времен Ивана Грозного не тождественны. Не тождественны **они** по организации и духовной культуре. Старые боги умерли, на их месте появились новые. Взгляды, привычки, идеи, верования, желания, взаимоотношение индивидов, социальная группировка их — все они неодинаковы в современной «России» и «России» времен Грозного.

Иными словами, объективно эти две «России» — явления разнородные, между ними объективно лежит пропасть.

И, однако, такое отождествление мы постоянно производим **и** не только в применении к «России», но **и** в применении к «Германии», «Франции», «Англии» и т. д. Комплекс явлений, известный под именем Германии времен Цезаря или Тацита, Англии X в., Франции эпохи Людовика IX, «католической церкви» времен Григория VII и т. д., мы счита-

¹¹⁵ Затрагиваемый здесь вопрос гораздо сложнее: он тесно связан с основными понятиями логики и философии, ибо составляет часть более общей проблемы — проблемы бытия и становления, вечно пребывающего и вечно изменяющегося. Понятие изменения мы можем мыслить лишь при наличности в этом изменяющемся чего-то неизменного: «того, что изменяется». История философской мысли дала три решения этой проблемы. Первое гласит: существует только неизменное, само в себе пребывающее бытие. Изменение, быва-ние — одна видимость (Парменид, Зенон, *deus* — Спинозы). Второе решение: «Все течет — *pánta reî*». Существует только вечное становление, вечное изменение. Нет неизменного бытия (Гераклит, Гегель). Третье решение: существует и бытие, и становление. Атомы неизменны, но их комбинации, их сочетание вечно меняются (Демокрит и теория атомизма; «неизменная форма» и «текущее содержание» неокантианства). См. такую философскую постановку этой проблемы у Зиммеля (*Hauptprobleme der Philosophie* 1911, гл. II); см. также: *Сорокин П.А.* Обзор теорий и основн[ых] проблем прогресса // Новые идеи в социологии. Сб. № 3.

Подробно об этом придется говорить в «Социальной генетике». Здесь же автор берет только одну сторону этой сложной проблемы для иллюстрации развиваемой в тексте мысли.

Глава VII. Условия возникновения простых коллективных единств 319

ем как нечто тождественное с современной Германией, Францией, Англией, католической церковью, чем-то таким, продолжением чего служат последние коллективы.

Если спросить себя, какими обстоятельствами вызваны такие представления, то ответ будет гласить, что *в ряду этих обстоятельств весьма важную роль играют символические проводники*.

Такое отождествление имеет известные объективные основания. Они сводятся к тому, что индивиды, ряд поколений, живших со времен Грозного на территории России, находились между собой в более тесном взаимодействии, чем, например, с индивидами

поколений, населявших территорию Франции, Британии или Америки. Поколения, жившие на территории России, сильнее влияли на последующие поколения, заселявшие тот же район, более интенсивно обуславливали поведение последних, накладывали на них более сильный и определенный штамп. Вот почему они более тесно связаны друг с другом и могут быть выделены (кроме каких-либо самоедов или тунгусов, слабо или совсем не взаимодействующих с населением «Европейской России» или Западной Сибири) в особое коллективное единство. Основанием его служит более интенсивная степень взаимодействия¹¹⁶. Эта большая интенсивность взаимодействия обуславливалась и обуславливается множеством причин. Прежде всего тем, что в любой момент среди населения, заселявшего область «России», Одновременно существовали поколения дедов, отцов и детей. Все три поколения взаимодействовали друг с другом; взгляды, привычки, вкусы, обычаи, короче — поведение старших передавалось младшим; отцы были копией дедов, дети — отцов и т. д.

Таким образом, в силу традиции устанавливалось между ними большее или меньшее сходство: сходство языка, верований, обычаев, уклада жизни — словом, сходство поведения. Место выбывающих «дедов» замещали «отцы», место «отцов» — «дети», место последних — новое поколение. Таким путем создавалась непрерывность в движении и смене населения. Эта непрерывность и сходство поведения разных поколений служат основными условиями для анализируемого отождествления «России» Грозного с «Россией» Екатерины, с «Россией» 1919 г.¹¹⁷

¹¹⁶ См. об этом: *Сорокин П.А.* Система социологии, т. II, гл. I и II.

¹¹⁷ «Поскольку государство есть совокупность людей, связанных в одну общую организацию, признается, что государство продолжает свое существование, пока держится та же организация (быть может, с некоторыми частичными изменениями), несмотря на то, что одни поколения сменяют другие и что территориальный состав государства также меняется, — так формулирует это условие *Н.И. Лазаревский*. — В этом отношении имеется полная аналогия между государством и организмом, который тоже признается нами продолжающим свое существование, несмотря на то что весь материальный состав его мог измениться» (*Лазаревский Н.И.*. Русское государственное] право, с. 3-4).

320

Система социологии. Том I

К тому же итогу ведет и ряд других сходств, сводящихся к сходству проводников. Прежде всего, сходство по имени (звуковой проводник). Коллективное единство эпохи Ивана Грозного и коллективное единство 1919 г. называются одним именем — «Россия». Это тождество имени гипнотизирует. *Две величины, порознь носящие одно имя, невольно начинают считаться тождественными.* Выше было указано, что иногда достаточно бывает дать разным явлениям одно имя, чтобы эти явления стали мыслиться как нечто единое¹¹⁸. Благодаря тому, что самые различные индивиды, составляющие поколения, жившие на территории «России», назывались и называются «русскими», а их совокупность «Россией», — в силу этой связи их с одним названием они оказываются связанными и друг с другом. «Две величины порознь равные третьей (одному имени), равны между собою». Не называй «Россию» Грозного и современную «Россию» одним и тем же именем «Россия», — такое отождествление не имело бы места¹¹⁹. Больше того, это название одним именем нередко имеет своим результатом включение в состав того или иного коллектива таких групп, которые объективно на это включение права не имеют. Так, в состав «России» как коллективного единства индивидов включаются и те индивиды или группы их, которые заселяют северо-восточные части Азии (напр[имер], чукчи, тунгусы, олюторы, коряки, югакиры) и которые весьма слабо связаны с остальными членами единства «России».

Рядом с именем ту же роль играют и другие проводники, например *сходство языка*. Раз различные поколения говорят на одном и том же

¹¹⁸ Кто наблюдал за психикой солдатских масс в 1917 г., тот не мог не заметить

следующего факта: под влиянием агитации большевиков, окрестивших одним именем «корниловцев» и сторонников и противников ген[ерала] Корнилова (напр[имер], с[оциалистов]-р[еволюционер]ов и меньшевиков), солдаты искренно считали и тех и других «корниловцами». То же наблюдалось и в применении к терминам «контрреволюционер», «белогвардеец», «саботажник» и т. д.

¹¹⁹ Подтверждением этому служит, напр[имер], Италия. Она имеет не меньше прав для отождествления себя с древним Римским государством, чем Россия 1919 г. на отождествление с «Россией» Грозного. И, однако, в силу того, что население современной Италии называет себя *popolo italiano*, а не *populus romanus*, что само государство носит название Италии, а не *civitas Romana*, в силу такого «маленького обстоятельства» Италия не мыслится как нечто тождественное с Древним Римом; не считается она и непосредственным продолжением древнеримского государства.

Второй яркий пример дает история коммунистической партии в России. Хотя за годы войны (отчасти и ранее) позиция и тактика ленинцев весьма резко отличалась от тактики социал-демократов, однако они считались социал-демократами, так как носили такое имя. Только со времени переименования себя в «коммунистов» и отказа от названия «социал-демократов» для многих стала ясной «несоциал-демократичность» большевиков, их разрыв с социал-демократией и глубокие отличия от последней.

Глава VII. Условия возникновения простых коллективных единств 3 21

языке, например на русском, — то это влечет за собой уравнивание и сближение одноязычных лиц и поколений. Множество лиц, говорящих на одном языке, стоящих к этому проводнику в одинаковом отношении, оказываются связанными друг с другом, мыслятся как нечто единое.

Ту же роль играют «предметные проводники»: территория, города, деревни, «Иван Великий», «Москва», «Василий Блаженный», всевозможные реликвии, «церкви», «иконы» и т. д. Человеческие полипы времен Грозного оставили после себя ряд «коралловых рифов», так называемую «материальную культуру», которая определенным образом влияет на поведение позднейших поколений и связывает их друг с другом. *Все эти бесчисленные «исторические памятники», связывая с собой каждое поколение, связывают тем самым и последних друг с другом.* Благодаря им давно ушедшие поколения, запечатлевшие следы своей деятельности в форме таких материальных памятников (города, селения, здания, утварь, одежда, книги, дороги, возделанные поля и т. д.), непрерывно воздействуют на последующие, взаимодействуют (хотя и односторонне) с последними — словом, составляют коллективное единство. Не будь этих проводников — такого коллективного единства ряда поколений, называвших себя «русскими», такого отождествления «России» Ивана Грозного с «Россией» 1919 г. не могло бы быть. Каждый из этих комплексов в этом случае представлялся бы чем-то различным, оторванным один от другого; короче говоря, различные «русские» поколения в этом случае представляли бы не нечто единое, а были бы *membra disiecta*^{25*} различных социальных тел.

Отсутствие проводников и единого имени означало бы отсутствие «соединительных тканей» между этими объективно различными комплексами. В этом случае люди не считали бы их чем-то единым, не думали бы, что «Россия» наших дней суть продолжение «России» Грозного, что современная Англия, Франция, Германия суть продолжение «Англии» X в., Франции Людовика IX, Германии времен Тацита. Отнимите эти проводники и их объединяющую роль — и большинство подобных единств рассыплется, люди перестанут считать их чем-то единым.

Из этих штрихов достаточно ясной становится «объединительно-передаточная» роль проводников.

Из сказанного попутно выясняются и основные условия существования подобных сложных коллективных единств. Как видно из предыдущего, такими объективными условиями являются наличие более интенсивного взаимодействия между членами

данного единства, выделяющего их из среды других индивидов земного шара¹²⁰. К этому основному условию присоединяются условия дополнительные, где колоссаль-

¹²⁰ Отсюда следует: там, где нет этой интенсивности взаимодействия, там объективно отсутствует почва для выделения исторически длительного коллективного единства.

11 Система социологии

32 2

Система социологии. Том I

ную роль, благодаря рикошетному влиянию проводников на психику, играют эти последние.

Что касается факторов, вызывающих взаимодействие между различными поколениями таких исторических единств, как «Россия», «Франция» и т. д., и факторов, обуславливающих продолжительность бытия таких коллективов (длительность взаимодействия), то в общем и целом эти условия те же, что и очерченные выше¹²¹.

¹²¹ Из сказанного следует, что мы признаем возможность существования таких длительных коллективных единств. В предыдущем кратко указаны объективная почва их существования (более интенсивное взаимодействие) и субъективные условия, в силу которых — иногда согласно с объективностью, а иногда вопреки ей — люди считают различные комплексы тождественными, продолжающими и развивающими один другого (единство имени, сходство территории, языка, материальной культуры, нравов, обычаев и т. д.). Но было бы ошибкой, если бы нашу мысль истолковывали в смысле *зиммелевского* положения: «возможности социальных форм, остающихся идентичными самим себе, в то время как их члены меняются» (см.: *Simmel G. Comment...*, passim).

Такую возможность я отрицаю. Иными словами, если возможно думать, что «Россия» времен Ивана Грозного и «Россия» 1919 г. суть различные стадии единого коллектива, составляемого непрерывно меняющимися индивидами, то отсюда ничуть не следует, что «социальная форма» России осталась неизменной, «идентичной» самой себе.

Социальная «форма» не бутылка, которую можно наполнить любой жидкостью и которая, тем не менее, будет всегда оставаться идентичной. Здесь «форма» определяется характером индивидов, составляющих данное единство. Если меняются индивиды — меняется и форма. «Россия» времен Грозного и «Россия» нашего времени — два совершенно различных единства, две совершенно различные (а не тождественные) «социальные формы». То, что обозначалось термином «Петербургский университет» при Николае I, и то, что обозначается им теперь, — два совершенно различных и мало похожих друг на друга коллектива: различны профессора, число и качество студентов, характер преподавания, взаимоотношения учащихся и учащихся и т. д. Сходным осталось разве одно имя и здание Университета, да и оно изменено позднейшими ремонтами и пристройками. Говорить о тождественности «социальной формы» Петроградского университета при изменении составляющих его индивидов и объектной точки зрения невозможно. *Раз изменяются индивиды, образующие коллективное единство, меняется фактически и «форма» последнего.* Ибо вне индивидов нет социальных форм, ибо социальные формы — это взаимоотношения индивидов. А так как совершенно сходных индивидов нет, то при изменении их не может быть и тождественных социальных форм.

Это положение применимо ко всем коллективным единствам, начиная с католической церкви и кончая каким-нибудь маленьким обществом любителей ораторского искусства или коммерческим обществом «Волга», «Саламандра» и т. д. Ни одно из них, при смене их членов, не остается тождественным. Разница между ними лишь в большей или меньшей скорости изменения этих форм. Любое общество, любая партия изменяют свои «формы» с изменением их членов. Правда, их устав, их программа, конституция государства могут остаться неизменными. Но наивным был бы тот человек, который, основываясь на неизменности программы эсеров с 1904 г., заключил бы отсюда, что не изме-

Глава VII. Условия возникновения простых коллективных единств 3 2 3 Таковы

вкратце основные факторы, обуславливающие продолжительное сохранение коллективных единств. Они объясняют нам, *почему раз возникшее взаимодействие не разрывается, почему люди остаются прикрепленными друг к другу, почему они не «отскакивают» друг от друга; почему, иными словами, общественная жизнь людей существует.* Эти факторы служат как бы *соединительными цепями*, прикрепляющими человека к человеку. Они — скрепы, не позволяющие людям отрываться друг от друга, а группе совместно живущих людей — отталкиваться и рассыпаться, подобно шарикам однородного электричества, по лицу земли.

Мы видим, что здесь, как и при возникновении взаимодействия, действует не одно, а множество условий. Эти условия взаимно переплетаются друг с другом, одни подкрепляют другие и в итоге создают возможность существования и продолжения раз возникшего коллективного единства. Всякие попытки свести эти факторы к одному условию должны быть признаны неверными и ошибочными. Как возникновение коллективных единств вызывается рядом космических, биологических и психосоциальных факторов, так же и сохранение их обуславливается действием многих сил.

Что это так — подтверждается и исследованием «скреп» обширных и численных скоплений населения, составлявшего в своей совокупнос-

нилась и «форма» партии. Не менее наивным было бы заключение того, кто, основываясь на неизменности конституционных статутов и биллей Англии и декларации прав Соединенных Штатов, заключил бы отсюда, что «политическая форма» Англии и Соединенных Штатов за XIX и XX вв. осталась неизменной. Знатоки дела заставят такого человека сознаться в своей ошибке.

То же применимо и к любому коллективному единству. Вот почему формулировка Зиммеля — «как существуют и сохраняются идентичными самим себе социальные формы в то время, как их члены меняются» — объективно несуразна. Несуразна потому, что идентичные самим себе социальные формы при изменении индивидов — невозможны. Это *Contradictio in adjecto*^{26*}, продиктованное гипнозом философии «неизменной формы» и «текучего содержания» или гипнозом рикошетного влияния проводников. В первой главе данной работы я указал на незаконность применения «воззрительных» аналогий к социальным отношениям.

Здесь видим неудачливые плоды такого оперирования плюс подпадение Зиммеля под гипноз общих имен и названий. Исторически-длительное коллективное единство может обозначать для нас лишь совокупность индивидов, живших в различные времена и связанных друг с другом — и в пространстве и во времени — более тесным взаимодействием (т. е. сильнее обуславливавших взаимное поведение), и только... Ни о каком сохранении идентичных социальных форм или идентичности организации при смене составляющих их индивидов не может быть и речи. Это остаток органической концепции общества, незаконно живущий даже в тех умах, которые, как Зиммель, отрицательно относятся к существу последней... Частично эта ошибка сказывается и в приведенной выше цитате Н.И. Лазаревского. Такие метафоры — от лукавого.

3 24

Система социологии. Том I

ти ряд исторических агрегатов. Таково, например, население тотема, рода, территориально-племенного общества, средневекового города-государства, современного государства и т. п. И здесь индивиды, составляющие население этих обширных агрегатов, прикреплены друг к другу не одной связью, а многими. И здесь «провода», связывающие их друг с другом, заставлявшие их жить рядом, взаимодействовать и мешавшие им отрываться друг от друга, многочисленны и разнородны.

Самый краткий обзор связей, заставлявших их жить совместно и делавших их сложным коллективным единством, подтвердит правильность сказанного¹."

Тотемическая группа. В тех австралийских группах, которые были описаны рядом лиц, в частности Б. Спенсером и Гилленом, мы встречаем упоминания следующих

факторов, обеспечивающих сохранение совместного существования их членов: а) *территория*¹²³: как вся тотемическая группа, так и ее части, кочуют обычно в пределах более или менее определенной территории; б) *ряд космических условий*, вызывающих плодородие почвы, расцвет растительности и т. д.: ими обуславливается, помимо других причин, собрание частей всей тотемической группы на *короборри*, обычно совпадающее со временем расцвета растительности и созревания питательных продуктов. Здесь космические условия выступают (наряду с другими) в качестве факторов, притягивающих друг к другу обычно разделенные части всей тотемической группы, и мешают разрыву этих частей друг с другом; в) *ряд биологических условий*: поиски пищи, общая охота, рыболовство, собирание семян, удовлетворение половых потребностей, инстинкт самосохранения, выражающийся в конфликтах, в «отряде мстителей», в нападении и защите; г) *ряд социально-психических условий*: сходство верований, в частности, верование в единого тотемического предка (общий символ), система тотемического родства, сходство языка, обычаев, нравов и т. д.; ряд символов-проводников — единая чуринга, татуировка, имя и т. д. Разделение труда: а) между полами, б) между возрастными группами, в) между отдельными членами группы (вождь, чародей и т. д.).

Короче говоря, в той или иной форме мы встречаем почти все перечисленные нами факторы¹²⁴.

¹²² Нижеследующее отвечает на вопрос, что прикрепляет и прикрепляло друг к другу индивидов, составлявших население тотема, рода, государства и т. д., что заставляет их взаимодействовать друг с другом и жить совместно. Что же касается самих понятий тотема, рода, государства и т. п., их отличительных и характерных признаков, их строения, то эти вопросы, совершенно отличные от первых, будут предметом анализа во II т. «Системы социологии».

¹²³ «Там, где тотемические подразделения налицо, там площадь, занятая всем племенем, разделена на районы, границы которых хорошо известны членам отдельных родов» [*Ковалевский М.М. Социология*, т. II, с. 125).

¹²⁴ См. для примера: *B. Spencer and Gillen. The northern tribes of central Australia*. London, 1904. Этой именно сложностью связей, вызываемых различными фак-

Глава VII. Условия возникновения простых коллективных единств 3 2 5

Родовой союз. Что касается факторов, поддерживающих существование агрегата, известного под именем «род», прикреплявших его членов друг к другу, то множественность связей, объединявших в родовой коллектив индивидов, следует прямо из того определения, которое дают роду такие компетентные исследователи, как М.М. Ковалевский.

«Мы должны признать родом всякую совокупность семей, — пишет он, — правильно или неправильно считающих себя связанными *узлами крови* (все равно — по отцу или по матери), *культу общих родственников, единством имени, коллективной ответственностью*, как уголовной, так и гражданской, иногда и *общей собственностью* или, точнее, *нераздельным пользованием*»¹²⁵. Здесь из самого определения рода видны разнородность и многочисленность факторов, вызывающих разнородность связей, объединяющих членов рода в одно единство: тут и *единство крови* (биологический фактор), и *культ предков* (социально-психический фактор), и нераздельное пользование, в частности *территорией* рода (космический фактор), и *единое имя* (фактор символический — частный вид социально-психического сходства), и объединение *для защиты и нападения*¹²⁶ (основа — биологический фактор самосохранения); изучая род, мы видим и другие связи, вызванные другими факторами: взаимозависимость, порождаемую *разделением труда* (глава рода и остальные члены, зародыши политической группировки, дифференциация по возрасту, полу и т. д.), и др.; короче, и род, как совокупность взаимодействующих индивидов, связывается в коллективное единство не одной связью,

торами, объясняется трудность систематической классификации тотемических группировок, о которой упоминают эти авторы. «We can divide the tribes, so far as their

systems of social organisation are concerned, into two main groups, *though it must be remembered that this is only a rough grouping, taking this one feature as its basis*²⁷. Говоря далее, что каждая из двух главных групп распадается на восемь подклассов, и пытаясь группировать их в родственные «nation», авторы пишут: it is not always possible to do this satisfactorily, as there must inevitably be a certain amount of cross division according to the standart which adopted. Thus, for example, if we take the organisation and method of counting descent as a standart, the Binbinga fall into the Warramunga group, and yet, apart from this one feature and in respect of their customs and beliefs, they are without doubt most closely associated with the Mara group»^{28*} (*Spencer and Gillen. Op. cit, p. 74-75*).

Естественно, при такой сложности и различии объединяющих связей трудно провести какую бы то ни было не пересекающуюся классификацию социальной группировки; вполне правы авторы, подчеркивая условность избранного ими критерия группировки.

Все указанные связи, порождаемые рядом перечисленных факторов, можно найти в любой компетентной характеристике тотемического «общества». См. для примера: *Ковалевский М.М. Социология*, т. II, гл. V, VII и VIII.

¹²⁵ *Ковалевский М.М. Цит. соч. т. II, с. 94.*

¹²⁶ См. там же, с. 138: «Прочным основанием к признанию земельных районов общим владением является *факт защиты этих районов родами* от всякого вторжения».

3 2 6

Система социологии. Том I

порождаемой одним фактором, а множеством связей, вызываемых различными факторами¹²⁷.

Территориально-племенная община. Коллективное единство обозначаемое этим именем, подобно предыдущим коллективным единствам, опять-таки составляло коллективное целое благодаря действию многих факторов, а не одного. Взаимодействие, возникшее между членами такой группы, поддерживалось *космическими условиями*, державшими индивидов бок о бок в пределах определенной территории, общность и единство которой «заступили место уже угасавшего представления об общем по крови происхождении»¹²⁸, биологическими условиями самозащиты и защиты своих владений¹²⁹, *совместной обработкой* земли и социально-психическим сходством, принуждением, налагаемым одними членами на других, общей охотой и общественными пирами (фактор голода, сближавший членов общины)¹³⁰, не говоря уже о психических

¹²⁷ См. ряд других факторов в характеристике родового общества, данной *М.М. Ковалевским* (Цит. соч., с. 91-113, а также с. 180 и ел.). Конкретным примером правильности сказанного может служить древнеславянский род. У *В. О. Ключевского* мы находим указания на такие связи, объединявшие и обуславливавшие существование славянского рода как коллективного единства. «Родовой союз держался на двух опорах: на *власти* родового старшины и на нераздельности родового *имущества*». Однако в дальнейшем Ключевский присоединяет к этим двум условиям множество других... «Родовой культ, почитание предков освещало и скрепляло обе эти опоры... Родичи хранили родовые *обычаи и предания*»... Они имели общие *верования*... «Были отдельные *волхвы*, которые имели большое влияние на народ». Была общая *территория*. «Придорожные столбы, на которых стояли сосуды с прахом предков, — это межевые знаки, охранявшие *границы родового поля или дедовской усадьбы*». *Общее происхождение и единство крови*, отсюда — единство имени: «жидчичи, мирятичи, дедичи, дего-стичи». Играл свою роль и *инстинкт самосохранения*. «Продолжительный вооруженный напор карпатских славян на Империю смыкал их в военные союзы». Не могло дело обойтись и без участия *половой* потребности: «бесовские игрища», умычки, борьба на этой почве, позже — выкуп. «Умычка, вено, привод невесты — все эти сменявшие одна другую формы брака были последовательными моментами, подготавливавшими сближение родов... Родственники жениха и невесты становились своими людьми, свояками... Значит, брак уже в языческую пору роднил чуждые друг другу роды» {*Ключевский В.О. Курс [русской*

истории], т. I, с. 124, 136-143 и др.).

Не перечисляя других фактов, отсюда мы видим, что в деле поддержания единства рода играли роль почти все перечисленные мною факторы.

¹²⁸ Крото́ткин П.А. Взаимная помощь, с. 95 и ел.: «Вместо прежних союзов по крови вырастали земельные союзы». «"Земля" отождествляется с ее обитателями».

¹²⁹ «Деревенская община была главным оружием варваров в их тяжелой борьбе с враждебной природой» (Крото́ткин П.А. Цит. соч., с. 102).

¹³⁰ «При всяком удобном случае, как, напр[имер], в дни поминовения предков во время религиозных празднеств, при начале и конце полевых работ, а также по поводу таких событий, как рождение, свадьбы, похороны, община собиралась на общественный пир» (Крото́ткин П.А. Цит. соч., с. 100-101).

Глава VII. Условия возникновения простых коллективных единств 3 2 7

факторах — потребности умственного, чувственного, эмоционального и волевого общения, разделения труда, сходства политических, религиозных и других убеждений, сходства нравов и обычаев, ряда конфликтов, вызывавших борьбу индивидов и вмешательство других для решения спора, и т. д.

Короче говоря — и здесь коллективное единство связывается не одним, а многими «обручами», вызываемыми действием ряда указанных выше факторов¹³¹.

Средневековый город-государство. Существование данного коллективного единства, связь его членов — населения — поддерживались также множеством факторов. Что связывало в одно целое членов средневекового города? Что заставляло их взаимодействовать друг с другом? Целый ряд условий. Вот некоторые из них: «соприкасательство» (co-jurations) в определенной территории, защищенной городскими стенами, взаимопомощь в борьбе за освобождение и за свободу, борьба — частью взаимная, частью — с общими врагами, разделение труда между гильдиями и цехами, сходство членов одной гильдии или цеха, общие вечевые собрания и симпатия членов гильдии друг к другу, общие трапезы, из года в год устраивавшиеся гильдиями, территориальные союзы домохозяев, составлявших улицу, приход, «конец» и т. д. Такие факторы, как половая потребность, уплотнение, получавшееся в результате размножения, и т. п. само собой понимаются...

Современное государство. К тем же выводам придем, рассмотрев связи, прикрепляющие друг к другу население современного государства. Уже в обычном, шаблонном определении последнего виден плюрализм связей, объединяющих в одно государственное единство множество индивидов. «Юридическими элементами, составляющими государство, являются коллективность, территория, на которой живет эта коллективность, и правительство, выражающее волю этой территориальной кол-

¹³¹ Беру в качестве примера древние славянские территориальные союзы, образовавшиеся на месте разложения родов. Ключевский дает указания на ряд перечисленных связей, объединявших членов территориальной общины в одно коллективное единство. Таковы совместная защита и нападение («продолжительная борьба с Византией завязала военный союз и сомкнула восточное славянство в нечто целое»), территория и др. космические условия, «племена — полян, древлян, северян и т. д. — поселились по речным бассейнам», «пространства, удобные для промыслов, не шли обширными сплошными полосами, удобные места являлись отдаленными друг от друга островками среди моря лесов и болот. На этих островках поселенцы ставили свои одинокие дворы»... Из этих дворов выросли городища. Из совокупности их — города, вроде Киева, род заменяется территориальным двором; общие верования, брак и взаимодействие, вызываемые половым фактором, общность обычаев, правовых воззрений, власть, обмен и разделение труда и т. д. См.: Ключевский В.О. Цит. соч., с. 124, VIII и IX лекции.

территориальную, принудительную, проистекающую из общественной дифференциации, и солидаристическую, объединяющую множество граждан в одну «нацию» (выражаясь языком Дюги). Если, следуя тому же Дюги (в этом отношении и другие государствоведы согласны с ним), мы расшифруем, что кроется под термином «солидарной связи», то увидим здесь и связь «подчинения одной политической власти», и «связь расы (единства крови) и языка», и «связь религии», и «принцип естественных границ»¹³³, и «общность традиций, потребностей и стремлений», и т. д.¹³⁴ Если же расшифровать, в свою очередь, связи, составляющие суммарное понятие территориальной связи и связи властвования, то плюрализм факторов существования государственного единства будет бесспорным.

Не останавливаясь подробнее, мы можем прямо сказать, что тот же плюрализм факторов мы найдем и при беглом анализе связей, обуславливающих единство других сложных коллективов.

И здесь взаимодействие между членами таких коллективных единств возникает и поддерживается многими, а не одним фактором. Комбинируясь различным образом, давая первенствующее значение то одному, то другому, эти факторы редко действуют изолированно, но почти всегда совокупно.

Произведенный самый беглый и поверхностный обзор ряда коллективных единств подтверждает сказанное. Вместе с этим он подтверждает правильность плюралистической теории факторов возникновения и сохранения коллективных единств, т. е. длительных процессов взаимодействия¹³⁵.

¹³² Дюги Л. Конституционное] право. М., 1908, с. 58.

¹³³ «Конфигурация территории, конечно, облегчила известные национальные формации» (Дюги Л. Цит. соч., с. 103).

¹³⁴ См.: Дюги Л. Цит. соч., с. 101-106. «Эти различные факторы, бесспорно, действовали или сообща, или в раздельности, но ни один из них не был достаточно силен, чтобы создать самостоятельно национальную солидарность», — довольно верно говорит Дюги (Цит. соч., с. 102).

¹³⁵ Этот беглый и поверхностный анализ «связей» тотемического и родового общества, территориальной общины, государства-города и современного государства имел своей задачей только показать плюрализм разнородных связей, объединяющих их население в один агрегат. Само собой разумеется, этот анализ не представляет решение проблемы, какие же именно связи объединяют каждое из этих единств и какая из них является главной в том или ином случае. Решение этой задачи не входит в пределы данной главы.

Анализу структуры населения сложных социальных агрегатов посвящен II-й том «Системы социологии». Здесь же отметим только, что большинство ходячих теорий, посвященных этому вопросу, поверхностно и негодно.

«Социальная химия» продолжает топтаться на месте и стоит на уровне средневековой алхимии, верившей в существование «философского камня». Социологи и государствоведы все еще продолжают искать единый монистический

Глава VII. Условия возникновения простых коллективных единств 329 IV.
Сохранение коллективных единств и переход от неорганизованного взаимодействия к организованному

В предыдущем речь шла о тех условиях, которые прикрепляют индивидов друг к другу и заставляют их взаимодействовать. Теперь обратим внимание на факт, связанный с продолжительным сохранением коллективного единства, на факт организации последнего.

Всякое длительно существующее коллективное единство по мере своего существования из бесформенного становится оформленным, из нешаблонного — шаблонным, из беспорядочного — упорядоченным, короче говоря, из неорганизованного — организованным.

Подобно тому как насыщенный раствор соли, оставаясь в покое долгое время, кристаллизуется, так же постепенно шаблонизируется и длительно существующая группа:

неустойчивые и нешаблонные взаимодействия становятся устойчивыми, повторяющимися, упорядоченными. В коллективном единстве устанавливается равновесие, требуемое необходимостью приспособления людей друг к другу при совместном сосуществовании.

Порядок установления организации группы совершается двояким путем: *бессознательным и сознательным*.

В первом случае он происходит по указанной выше схеме: 1) *акты взаимодействия*—2) *их повторение*—3) *обычай*—4) *юридическое правило* — 5) *юридический институт как совокупность норм поведения в определенной сфере отношений* (семейный институт, институты собственности, власти, наследования, суда и т. д.), *социальная организация* как совокупность юридических институтов данной группы населения.

Таковы основные этапы установления организации в этом случае* Так именно устанавливался порядок в древних группах населения, в древних государствах, в древних «обществах».

«философский камень». Жаль. Пора бы с такими упрощенными «монизмами» покончить и перейти к скромному изучению многообразных социальных связей и форм взаимодействия, с одной стороны; с другой — к детальному изучению группировки населения... Это дало бы, быть может, менее поэтичные, но более реальные научные результаты и для понимания самих коллективов, и для понимания их длительного существования. Пока же гг. социологи вот как объясняют сохранение коллективных единств: «Социальная группа, какова бы она ни была, с яростью отстаивает свое существование. Она проявляет для своей защиты и расширения жадность, коварство, упорство и жестокость, чуждые индивидуальной психике. Прибавьте к этому лицемерие... Общество бессознательно стремится к самосохранению. Оно лжет, убивает, ворует, узурпирует... Оно есть и всегда будет эксплуататором, узурпатором, тираном», и т. д. (*Палант*Ж. Очерк социологии, с. 83-84).

Чем это лучше описания гоббсовского «Левиафана»! Не спорю, то и другое поэтично... Но... самые поэтичные стихи никем, кажется, не считаются за научные теоремы... Пора бы покончить с поэзией в социологии — от нее страдают и поэзия, и социология.

330

Система социологии. Том I

По тому же типу очень часто устанавливается организация и теперь в ряде групп, члены которых поставлены перед необходимостью взаимодействовать друг с другом.

Толпа детей, приведенных в школу и не знакомых друг с другом, вначале представляет неорганизованный коллектив. По мере встреч и общений «детский коллектив» организуется, выделяются «коноводы», «камчатники», устанавливаются нормы взаимоотношений, управляющие и управляемые, детская аристократия и демократия. Без всяких конституций и уставов одни начинают повелевать, другие — подчиняться, появляются нормы товарищеского поведения (обязанность подсказывания, шпаргалок, взаимных предупреждений об опасности и т. д.). Словом, неорганизованная группа детей скоро становится организованным школьным государством, законы которого возникают явочным путем без предварительно обдуманного и вотированного договора, устава и конституции.

Из частого повторения определенных взаимоотношений возникает социально-правовая организация группы.

То же происходит и в сотне других случаев во всякой совокупности длительно взаимодействующих индивидов.

При *сознательном установлении организации* процесс ее рождения короче. Примером возникновения организации по этому типу может служить открытие или основание любого современного общества — научного, экономического, литературного и др. Ряд лиц, желающих открыть его, заранее вырабатывает «устав» общества и по

выполнении всех формальностей общество сразу рождается на свет организованным. Устав указывает цели и задачи общества, условия его членства, права и обязанности членов, правление и т. д.

Этот путь установления организации, очевидно, возможен в среде культурной, приобретшей навыки *socius*'а сообщественника, имеющей общие задачи и цели и хотящей их достигнуть путем кооперации усилий.

Таковы два пути возникновения организации в любом длительно существующем коллективном единстве.

Иными словами, *организация — постоянное и неизбежное следствие всякого длительного существования коллективного единства.*

Это не значит, что она возникает безболезненно и обязательно должна быть во всякой группе взаимодействующих людей. Нет! Люди могут взаимодействовать, и тем не менее их коллектив может не быть организованным. Неустойчивость отношений, отсутствие обязательных норм поведения и разделения функций — словом, неорганизованность взаимоотношений может существовать; но она ведет к конфликтам, к нескончаемой взаимной войне, к невозможности мирной производительной работы, в конечном итоге — *к частичной или полной гибели группы.* Посему обычно такой коллектив не имеет длительного существования — он или распадается, или гибнет.

Глава VII. Условия возникновения простых коллективных единств 3 3 1

Но и там, где коллектив стал организованным, процесс шаблонизации или организации был и обычно бывает процессом мучительным, вызывающим колоссальное число жертв и устанавливающимся после долгой борьбы и тяжелых конфликтов. Чтобы люди перестали убивать друг друга, нужны были бесконечные убийства; чтобы научились уважать права другого, нужны были бесчисленные нарушения этих прав; чтобы они привыкли исполнять обязанности, нужна была жестокая дрессировка путем «бичей и скорпионов». Вся история человечества есть сплошная дрессировка людей и приучение их к упорядоченной совместной жизни¹³⁶.

Не только в прошлом, но и теперь сохранение организации любой группы (кроме немногих «обществ свободно желающих людей») совершается не без жертв, не без принуждения в различных формах. Обычным способом поддержания организованного шаблона взаимоотношений служит принуждение в форме *исключения* непокорных членов из группы, принудительного подчинения их установленному порядку и, наконец, в форме *наказания*, начиная со смертной казни и кончая штрафами, порицанием и выговором. Возьмете ли вы семью, или церковь, или государство, или партию, или любое организованное единство — всюду порядок поддерживается путем таких мер; в любой из этих групп имеются свои «протестанты», «преступники», «еретики», «бунтовщики», не подчиняющиеся порядку; и любая из них практикует указанные методы поддержания порядка: исключение, принуждение, наказание в различных формах.

Из этих замечаний видно, что возникновение организации в группе не представляет особой проблемы. Оно — имманентный результат длительно существующего коллектива (если он не погиб или не распался). *Факторы возникновения и сохранения коллективных единств являются и факторами, вызывающими их организацию.* Ross, посвятивший возникновению организации или «социальному контролю» целую монографию, указывает в общем те же самые условия, которые очерчены и нами как условия возникновения и сохранения взаимодействия; таковы симпатия — следствие половой потребности и родительского инстинкта, потребность общения с подобными (социальность), самосохранение и его рефлекс в виде «справедливости», общественная дифференциация, общественное мнение, внушение и подражание, обычаи, религия, принуждение и т. д.¹³⁷

Повторяя сказанное выше, центр тяжести проблемы приходится видеть не в том, как и почему возникает организация группы, а в том, почему люди взаимодействуют и живут совместно. Раз это условие есть

¹³⁶ См. об этом: *Сорокин П.А. Преступление и кара*, кн. II и III.

¹³⁷ См.: Ross E.A. Social control. A survey of the foundations of order. New York, 1904.

3 3 2

Система социологии. Том I

и раз в этом взаимодействии они не уничтожают друг друга, та или иная организация — плохая или хорошая — устанавливается и существует.

§ 3. Условия (факторы) распада и разрушения коллективных единств

Там, где люди сосуществуют друг с другом, там постоянно происходит не только возникновение процессов взаимодействия, но и их распадение. То, что называют общественной жизнью людей, представляет непрерывный поток возникновения процессов взаимодействия, сохранения их более или менее продолжительное время и распадения. На место распавшихся коллективных единств приходят новые и рано или поздно снова распадаются. В этом отношении общественная жизнь людей похожа на волнующийся океан: океан остается «вечным», но отдельные его волны возникают, растут, пенятся и в итоге исчезают... Такими волнами в сосуществовании людей являются отдельные процессы взаимодействия, отдельные коллективные единства. Они, подобно волнам, возникают, длятся более или менее продолжительное время и исчезают, давая место новым «волнам», новым процессам взаимодействия, а море общественной жизни, составленное этими отдельными процессами взаимодействия, остается вечным. На место одних высохших потоков взаимодействия и составляемых ими коллективных единств появляются новые и продолжают наполнять необъятный бассейн океана общественной жизни.

Рассмотрев факторы возникновения и сохранения процессов взаимодействия или коллективных единств, рассмотрим теперь, в силу каких условий процессы взаимодействия разрываются, иными словами, в силу каких факторов исчезают коллективные единства, в силу чего их члены перестают взаимодействовать и разбегаются в разные стороны.

После всего сказанного легко понять, что вопрос о факторах разрушения коллективных единств равнозначен вопросу— *какие условия вызывают прекращение возникшего взаимодействия двух или большего количества людей?*

Все то, что ведет к изоляции взаимодействующих индивидов друг от друга, все это является условиями прекращения взаимодействия или факторами распада коллективных единств.

Из существа дела ясно, что таких условий множество.

Очертим их бегло. Сообразно с предыдущим в качестве таких факторов распада коллективных единств мы можем выделить ряд условий *космического, биологического и социально-психического порядка.*

I. Взаимодействие между А и В или А и рядом других лиц (а следовательно], и образуемое ими коллективное единство) может прекратиться

Глава VII. Условия возникновения простых коллективных единств 3 3 3

в силу смерти А, или смерти А и В, или смерти части или всех членов данного коллективного единства. Непосредственное взаимодействие между супругами прекращается в силу смерти одного или обоих супругов, короче говоря, простейшим видом изоляции взаимодействующих индивидов является смерть части или всех членов данного коллективного единства.

Исследуя причины смерти-, мы можем прекрасно убедиться в плюрализме факторов разрушения коллективных единств или прекращения процессов взаимодействия.

Смерть взаимодействующего индивида может быть вызвана действием *космических сил* (удар молнии, разрушение корабля волнами моря, смерть от «солнечного удара», смерть от огня, смерть от оборвавшегося куска скалы, смерть от наводнения, вулканического извержения, от холода и т. д.).

Смерть индивида может произойти и от ряда *биологических условий* (Смерть от ужаления змеи, от нападения зверя, от укуса того или иного ядовитого животного, от

расхищения пищи другими организмами, от заражения организма смертельными микробами чумы, холеры, тифа, от отравления организма гнилой, мясной пищей, смерть от дряхлости, смерть — как неизбежный конец всякого организма и т. д.). Наконец, смерть индивида может быть вызвана множеством *социально-психических условий* (смерть от отравления человека человеком, различные виды убийства и смертной казни, истощение организма от голода, вызванного рядом социальных условий, смерть от «ужасной вести», самоубийство, вызываемое рядом социально-психических факторов вроде горя, проигрыша казенных денег, несчастной любви, потери чести, позора, психозов и т. д. и т. д.).

Этот беглый анализ причин смерти с достаточной несомненностью показывает плюрализм факторов разрушения коллективных единств и прекращения непосредственного взаимодействия: эти факторы, вызывая смерть членов взаимодействия, тем самым вызывают прекращение взаимодействия и распад коллективности.

Но само собой разумеется, что для исчезновения последних вовсе не нужно *физической гибели взаимодействующих индивидов. Достаточно, если в силу тех или иных причин они будут изолированы друг от друга, перестанут влиять своими актами один на другого, иначе говоря— перестанут «раздражать» друг друга.*

¹³⁸ Всюду, пока речь идет о непосредственном взаимодействии лиц, взаимодействие между живым и мертвым, обусловливаемое наличностью проводников, есть уже явление иного порядка... Здесь на место смерти людей нужно подставить гибель проводника (напр[имер], гибель от пожара знаменитой Александрийской библиотеки или иного проводника). Его гибель делала невозможным и взаимодействие между живыми и мертвыми.

3 3 4

Система социологии. Том I

Обращаясь к факторам, вызывающим такую изоляцию, мы опять-таки встречаемся с факторами и космического, и биологического, и социально-психического порядка.

Кораблекрушение, вызванное бурей, может забросить близких лиц, бывших на корабле, в разные стороны. Оставаясь живыми, эти члены коллективности тем не менее будут лишены возможности взаимодействовать и общаться друг с другом. Наводнение, заливающее водой данный район, часто имеет своим последствием бегство взаимодействующих индивидов в разные стороны и их временную или длительную изоляцию. Вулканическое извержение может иметь те же результаты. Буря, рвущая телеграфные или телефонные провода, может на время прервать общение индивидов друг с другом. Такие же результаты могут иметь снежные заносы, наводнения, ледоход, пожары, портящие железнодорожные пути и вызывающие прекращение общения одних людей с другими.

Изоляции и рассеянию коллективного единства благоприятствуют и другие, менее катастрофические космические процессы. Так, постепенное высыхание определенного района может вызвать разрыв коллектива, его населяющего, и переселение отдельных его членов в разные пункты¹³⁹; такие же эффекты может вызвать общее понижение температуры (вспомним ледниковый период) или медленное, но неуклонное оседание почвы, неурожай, вызванный космическими причинами, и т. д.

Сказанного достаточно, чтобы признать «изолирующую» роль космических факторов.

II. Та же изоляция и прекращение взаимодействия могут быть вызваны *рядом биологических условий*. Так, нашествие саранчи, опустошившей поля и сделавшей невозможным существование всей группы в данном месте, может вызвать ее распад и эмиграцию индивидов в разные стороны. Интенсивная эпидемия может дать те же результаты. Заразная болезнь одного из взаимодействующих индивидов может на время или надолго разорвать с ним общение остальных членов коллектива (так, напр[имер], сифилис влечет за собой развод и разрыв супружеского единства; такие же последствия вызывала и продолжает вызывать, напр[и]-

¹³⁹ Так, ряд лиц, напр[имер] *П. Кропоткин*, космическим процессом высыхания почвы Средней Азии объясняет «великое переселение народов». «Ученые еще не согласились между собой насчет тех причин, которые около 2000 лет тому назад двинули целые народы из Азии в Европу и вызвали великие переселения варваров, положившие конец Зап[адно]-Римской империи. Географу, однако, представляется одна возможная причина. Причина эта — высыхание, продолжающееся и поныне... С подобным явлением человек не мог бороться. Когда обитатели Сев[еро]-зап[адной] Монголии и Вост[очного] Туркестана увидели, что вода уходит от них, им не оставалось другого выхода, как спуститься к низменностям и теснить на Запад обитателей этих низменностей» (*Кропоткин П.А. Взаимная помощь*, с. 94).

Глава VII. Условия возникновения простых коллективных единств 3 3 5

мер], проказа [вспомним историю праведного Иова!]; временную изоляцию вызывают холера, тиф, скарлатина и т. д.). Распад коллективного единства может быть вызван и *инстинктом самосохранения*¹⁴⁰; таким примером может служить паническое бегство членов группы при наличии опасности, угрожающей их жизни (напр[имер], бегство солдат при мнимой угрозе неприятеля, распадение каравана в пустыне при нападении зверей, паническое бегство цирковой толпы в случае освобождения тигров из клетки и т. д.).

К тому же результату ведет вместе с другими социальными условиями и *осознанный* инстинкт самосохранения, заставляя сознательно удаляться из мест, грозящих жизни индивидов, и порывать со многими коллективными единствами, членами коих они были. В итоге ряд коллективных групп может распасться. Так, в эпохи революций, гражданской войны, политических неурядиц множество лиц, в целях сохранения жизни, эмигрирует из родной страны, порывает связь с рядом групп, вследствие чего множество коллективов распадается. Что это так, подтверждается и статистикой эмиграции. Так, эмиграция в Соединенные Штаты резко упала за годы гражданской войны. С 427 833 эмигрантов в 1854 г. цифра последних упала до 89 007 в 1862 г.¹⁴¹ «Поднявшись в 1860 г. до 105 162 человек, в 1861 г. население Нью-Йорка, вследствие возгоревшейся междоусобной войны, спустилось до 65 539, а в 1862 г. до 76 306 человек»¹⁴². Максимум эмигрантов из Германии пришелся на годы 1845-1854. «В продолжение этих 10 лет в Соединенные Штаты прибыло (значит, из Германии убыло) 1 226 936 немцев. Все это жертвы экономических и политических неурядиц. Что политические причины влияли на увеличение эмиграции, можно видеть из того, что количество эмигрировавших достигло максимума в годы начинавшейся реакции»¹⁴³.

Такую же «разрушительную» роль может сыграть ряд других биологических процессов организма — импульс голода, половой инстинкт, дряхлость, болезни и др. В одних случаях они вызывают возникновение процессов взаимодействия, в других — их распадение. Так, *голод* может разорвать семью и бросить одних членов ее в поисках средств существования в Америку, других — в Азию. Подтверждение этого положения дает, между прочим, и статистика эмиграции. Рост эмиграции из данной страны означает рост разрыва и распада коллективных единств. С эмиграцией членов тех или иных групп связи между ними и группами

¹⁴⁰ Он наблюдается и у общественных животных. «Гиббоны живут группами; но как только появляется опасность, все разбегаются кто куда, не заботясь о других». То же наблюдается и у ряда других животных, живущих обществами (*Waxweiler E. Esquisse d'une sociologie*, p. 59)*.

¹⁴¹ *Майо-Смит Р.* Статистика и социология, с. 342.

¹⁴² *Филиппович Э.* Эмиграция // Народонаселение. М., 1897, с. 242.

¹⁴³ Там же, с. 241-242.

3 3 6

Система социологии. Том I

слабеют, весьма часто — совершенно порываются. «Неурожай в Европе в 1827 г. вызвал усиленную эмиграцию. Неурожай в Соединенных Штатах в 1837 г. вызвал

ослабление эмиграции в 1838 г. Великий ирландский голод 1845-1846 гг. повел за собой громадное движение эмиграции, усиленное неурожаем в Германии в 1853 г.»¹⁴⁴.

Половой инстинкт часто служит фактором разрыва целого ряда коллективных единств, начиная с супружеского союза и кончая рядом дружеских ассоциаций. Половое влечение и измена супруга нередко влекут распад семьи (развод — отлучение от стола и ложа и т. д.); половая близость дочери к кому-либо часто сопровождается ее изгнанием из семьи; ревность, возникающая на этой почве, делает врагами друзей и навсегда разрывает дружеский союз; соперничество двух самцов из-за самки или двух самок из-за самца нередко имеет те же последствия, и т. д. *Старость или неспособность* организма временами влекут те же результаты: друзья и деловые люди реже и реже начинают заходить, видаться, переписываться и вообще общаться со стариками и больными, сами последние не в состоянии бывать у других, связи становятся более слабыми и в итоге часто обрываются.

Голод может сделать врагами двух близких людей на почве недостатка пищи. Эта враждебность может иметь своим результатом «разрыв» дружбы и общения. Те же конечные результаты голод может вызвать и в сотне других форм¹⁴⁵. У первобытных людей нередко стариков оставляют на произвол судьбы: племя уходит на новое место, старики покидаются на прежнем, т. е. связи последних с другими членами племени разрываются.

Тот же разрыв или общее ослабление взаимодействия эти факторы могут вызвать и постепенно: болезни, голод, половые излишества и половые антагонизмы, постепенно ослабляя организмы, делая их менее деятельными и активными, могут, убить, «заглушить» самую потребность общения с себе подобными, сделать невозможными многие процессы

¹⁴⁴ *Майо-Смит Р.* Статистика и социология, с. 342. До 60-х гг. XIX в. «увеличение эмиграции совпадало с повышением цен на хлеб» (*Майр Г.* Статистика и обществоведение. СПб., 1901, т. II, с. 486). «Наивысшего развития эмиграция из Ирландии достигла после сильного голода, в 1846 г.» (*Филиппович Э.* Эмиграция // Народонаселение и учение о народонаселении. М., 1897, с. 241).

¹⁴⁵ Влияние голода на рассеяние населения, а следовательно, на прекращение ряда процессов взаимодействия, мы видим сейчас воочию. Пункты России, напр[имер] Петроград, неблагоприятные в продовольственном отношении, пустеют; люди, подобно тараканам, лишенным пищи, из Питера уезжают. Множество коллективов прекращает существование. Общественная жизнь Петрограда замирает. Пункты же, благополучные в смысле продовольствия, притягивают людей (юг России, хлебные губернии, деревни по сравнению с городами), их население растет. Число процессов взаимодействия увеличивается. Появляется множество коллективных единств. В силу этого весь темп общественной жизни в таких местах становится быстрым, живым, интенсивным.

Глава VII. Условия возникновения простых коллективных единств 3 3 7

взаимодействия и постепенно подорвать «базу» коллективных единств. В итоге ряд процессов взаимодействия прекратится, ряд других будет вести жалкое существование, третьи — трансформируются, и т. д.¹⁴⁶

Вообще говоря, *невозможность удовлетворения основных биологических потребностей (питания, размножения, самозащиты, движения и др.) в среде данных групп вызывает уход из них членов и распад самих коллективов.*

III. Перейдем к факторам *психосоциальным*. Выступая в самой различной форме, они дают множество условий, вызывающих прекращение взаимодействия и коллективных единств. Распоряжение «власти», закрывающее неуютное ей общество или ассоциацию, приказ цензора, прикрывающего газету и прекращающего взаимодействие ее сотрудников и читателей, полиция, разгоняющая митинг или собрание, нашествие неприятеля, вызывающее распад ряда коллективных единств и бегство их членов в более безопасные территории, волнения народа, разрывающие ряд ассоциаций, ссора и антагонизмы,

вызванные разными поводами, отчуждающие многих близких, экономические и политические кризисы¹⁴⁷, служебные обязанности, заставляющие индивида уехать в далекие от близких места, «несчастливая любовь», побуждающая человека изолировать себя от адресата любви, чтобы забыть о нем, преступление, изолирующее преступника и механически — путем заключения его в тюрьму, и морально — путем «разрыва» с ним «честных» людей, и множе-

¹⁴⁶ Иллюстрацией сказанного может служить современное состояние России. Сколько процессов взаимодействия перестало существовать из-за голода. Сколько коллективных единств распалось. Аудитории высших школ пустуют. Большинство научных обществ бездействует. «До науки ли, когда жрать нечего!» — такова стереотипная формула, объясняющая эти распады. Ряд супружеских, дружеских и семейных союзов разорван: одни из их членов остались в Петрограде, другие разбрелись по России в поисках хлебных мест. Общее ослабление и истощение организмов сделало энергичных людей апатичными: нет в них больше того интереса к «высоким материям», который был в сытое время. Нет энергии для того, чтобы передвинуть себя в другой конец города.

Аналогичные же результаты дают холера, тиф, оспа и другие «вечные спутники» голода и полного расстройств общественного механизма. К тем же результатам голод ведет и иными, механическими, путями: время, которое раньше употреблялось для заседаний, творчества и т. д., теперь уходит на бесчисленные очереди, начиная с очереди за хлебом и кончая очередью на расстрел... Едва ли нужно иной, более рельефной картины реального значения биологических факторов в рассматриваемом отношении.

¹⁴⁷ Так, напр[имер], экономический кризис 1873 г. в Соединенных Штатах вызвал падение эмиграции с 459 803 в 1873 г. до 138 469 в 1878 г. То же понижение эмиграции наблюдалось и в 1894 г., вызванное кризисом 1893 г.

С улучшением экономических условий увеличивалась и кривая эмиграции.

См.: *Майо-Смит Р.* Цит. соч., с. 342. Та же статистика эмиграции показывает, что экономические кризисы в стране обычно сопровождаются ростом эмиграции из нее. См.: *Филиппович Э.* Цит. соч., с. 242, 246-249.

338

Система социологии. Том I

ство других причин и условий социально-психического порядка могут вызвать и вызывают распад и исчезновение коллективных единств.

Вообще говоря, невозможность удовлетворения минимума социально-психических потребностей (интеллектуальной, чувственной и волевой деятельности) в данных условиях влечет за собой отрыв большей или меньшей части членов данного населения от ряда коллективов (их выход из групп, «разрыв», удаление и т. д.), что в итоге ведет к распадению ряда коллективных единств. Здесь вполне применимы слова Садле-ра и Филипповича о причинах эмиграции. «Едва ли можно представить себе такую причину, которая, влияя на образ действий человека, не оказывала бы вместе с тем влияния на эмиграцию (распадение коллективов. — *П.С.*) населения. Честолюбие, погоня за наживой, обманутые надежды, потеря доброго имени, жажда приключений, любовь к путешествиям, дурные страсти принимают участие в ряде причин эмиграции (следовательно), и распада реальных совокупностей. — *П.С.*) наряду с религиозным и политическим гнетом и затруднениями экономического характера. Все, что способствует разрыву связей с привычным существованием в кругу семьи и с местом, в котором человек родился, все это способствует эмиграции (и обратно: условия, способствующие эмиграции, способствуют и разрыву связей и распаду коллективов. — *П.С.*). По мере того как иностранные государства (или, иначе, коллективы. — *П.С.*) приобретают все более и более преимуществ, каковы, например, лучшие политические учреждения, общекультурные успехи и т. д., увеличивается притягательная сила новых стран (и групп) в глазах людей, связи которых с родиной (с группой, членом которой они были)

порываются в силу каких бы то ни было причин»¹⁴⁸.

В одних случаях коллективы уничтожаются *по добровольному желанию* всех или части его членов. Таково, например, закрытие того или иного «общества» по постановлению большинства членов последнего. Таков «развод» супругов по одностороннему или обоюдному согласию, развод, влекущий прекращение семейного союза.

Таково добровольное разделение группы на части¹⁴⁹.

В других случаях этот распад совершается *помимо воли или вопреки воле и желанию взаимодействующих индивидов*. Примеров этого типа бесконечно много. Закрытие «общества» (научного, литературного, пор-

¹⁴⁸ Филиппович Э. Цит. соч., с. 247.

¹⁴⁹ Пример: «И был спор между пастухами скота Авраамова и пастухами скота Лотова. И сказал Авраам Лоту: Да не будет раздора между мной и тобой, и между пастухами моими и пастухами твоими; ибо мы родственники. Не вся ли земля перед тобою? Отделись же от меня. Если ты налево, то я направо; а если ты направо, то я налево... И отделились они друг от друга... И избрал себе Лот всю окрестность Иорданскую. Авраам стал жить на земле Ханаанской» (*Бытие*, гл. 13).

Такова же эмиграция квакеров из Англии в Америку, удаление плебеев на священную гору и т. д.

Глава VII. Условия возникновения простых коллективных единств 3 3 9

нографического, домов терпимости и т. п.) органами власти — один пример такого типа... Закрытие газеты — другой. Полицейские, растаскивающие двух дерущихся и изолирующие их в участки, третьи лица, освобождающие жертву от насильника, разрыв супружеского союза по воле третьих лиц, нашествие неприятеля, прекращающее существование множества коллективов, социальные события, забрасывающие одних членов семьи в одни места (напр [имер] в Сибирь), других — в другие (напр[имер] в пределы Советской России), и т. д. — все это дальнейшие примеры длительного или временного разрыва связи взаимодействия помимо и вопреки воле взаимодействующих единиц.

В сложной и пестрой обстановке сосуществования людей факторами распада коллективных единств и прекращения взаимодействия могут быть самые разнородные явления.

В одних случаях таким фактором может быть *социально-психическое сходство индивидов*, вынуждающее их — по своей ли воле или воле третьих лиц, на короткое или длительное время — прекратить взаимодействие. Так, лица, одинаковые по своим политическим взглядам, часто разобщаются и изолируются друг от друга по воле власти (один ссылается в Нерчинск, другой — в Туркестан). Двое или большее число мальчиков, не по летам зрелых, волею родителей часто разобщаются, чтобы «помешать их взаимному растлевающему влиянию друг на друга». Члены одного религиозного братства или политической партии нередко добровольно изолируют себя друг от друга, отправляясь проповедовать евангелие Христа или евангелие Маркса в разобщенные друг от друга местности. Люди одной профессии, не находя соответствующего приложения сил и труда в данном районе, принуждены бывают разбредаться по разным углам вселенной и прекратить взаимодействие друг с другом¹⁵⁰. К тому же

¹⁵⁰ Как известно, аналогичный факт был отмечен *Дарвином* в «Происхождении видов». Соперничество между двумя организмами тем сильнее, чем они сходнее. Имея те же потребности, преследуя те же цели, они повсюду оказываются соперниками. Результатом такого положения дел является или обострение борьбы между ними, либо разделение и эмиграция части из них в другие районы.

«Люди подвержены тому же закону, — пишет *Дюркгейм*. — В одном и том же городе различные профессии могут существовать, не будучи вынуждены вредить друг другу, так как они преследуют различные цели. Солдат ищет военной славы, священник

— морального авторитета, государственный человек — власти, промышленник — богатства, ученый — научной славы. Но чем более сближаются функции, тем более между ними точек соприкосновения, тем более они расположены к борьбе. Они не могут благоденствовать одни без ущерба для других. И принуждены тем сильнее конкурировать друг с другом, чем они более подобны».

Выходом отсюда является или обострение борьбы, или разделение труда, или эмиграция и распад группы сходных индивидов {Дюркгейм Э. Разделение общественного] труда, с. 213-214).

340

Система социологии. Том I

разрыву взаимодействия часто ведет и *социально-психическое несходство* в той или иной форме. «Что общего между поэтом, всецело преданным своей мечте, ученым, погруженным в свои изыскания, рабочим, проводящим жизнь в вытаскивании булавки, земледельцем за сохой, купцом у конторки?»

Часто их соединяет лишь взаимозависимость, вытекающая из разделения труда. Поэт нуждается в хлебе, который он покупает у купца, тот в свою очередь получает его от крестьянина; последнему нужна булавка, рабочему — книжка поэта. *Но как только*, в силу тех или иных причин, *взаимозависимость исчезает* — эти разнородные индивиды взаимно *отталкиваются* друг от друга и прекращают взаимодействие...

Аналогичное наблюдается и в других подобных случаях. Аристократ, любезно принимавший ростовщика в минуты нужды, выгоняет его вон, когда он не нуждается в деньгах последнего. «Барин» охотно взаимодействует с «мужиком», когда он зависит от него, и прекращает это взаимодействие, когда нет нужды в последнем.

Люди, «прикованные» друг к другу взаимозависимостью или принуждением, исходящим от одной стороны или третьих лиц, отталкиваются друг от друга, как только взаимозависимость или связи принуждения исчезают. Примером массового распада принудительных союзов, при отпадении физического или психического принуждения, служат *массовые разводы и разрывы супружеских связей*, имеющие место теперь, после декрета о свободе разводов. Газеты запестрели объявлениями о расторжении браков; соответствующие учреждения не успевают выносить надлежащих решений ввиду громадного наплыва разводящихся...

Такими фактами полна совместная жизнь людей... Подобно тому как социальное сходство и социальное различие индивидов могут быть факторами распада коллективного единства, *так и самые противоположные психические переживания при разных условиях могут привести к тому же результату.*

Обычно думают, что только антагонистические чувства — злобы, вражды, ненависти, отвращения — ведут к разрыву социальной связи. Чувства же благожелательные — любовь, симпатия, обожание, преклонение и т. п. — не могут вести к разрыву общения.

Мы видели выше ошибочность взгляда, что злостные чувства не могут притягивать людей друг к другу, мы видели, что такие факты бывают, и весьма часто. Точно так же *не только злостные, но и благожела-*

Как общее правило это положение Дюркгейма не может быть принято: вместо соперничества и обострения взаимной борьбы сходство профессии выливается теперь в профессиональный союз, депрессирующий взаимную борьбу его членов и заменяющий ее взаимной помощью. Но в ряде случаев указанное обострение конкуренции или вынужденная эмиграция сходных по профессии индивидов несомненно имеет место.

Глава VII. Условия возникновения простых коллективных единств 341

тельные переживания могут вести к разрыву общения и распаду коллективного единства.

В древности многие христианские матери любили своих детей; но побуждаемые этой любовью, они «посвящали их Богу», отдавали в монастырь и разлучались с ними временами навсегда. Лиза из «Дворянского гнезда» несомненно любила героя этого

романа; но во имя любви к нему она и «порвала с ним», уйдя в монастырь и изолируя себя от него.

На днях мне пришлось наблюдать аналогичную историю: девушка, страдавшая истерией, опасаясь этого недостатка, во имя любви к жениху сознательно порвала с ним. «Безуспешно влюбленные» часто бегут от того, в кого они влюблены, и таким образом сознательно изолируют себя от последних. Люди, искренно симпатизирующие другим, но страдающие теми или иными пороками, во имя пользы и интересов тех, кому они симпатизируют, часто изолируют себя от последних, чтобы не оказать на них вредного влияния.

Все это, казалось бы, мелкие факты. Но не встречаются ли они на каждом шагу? И не из таких ли мелких фактов создается основная ткань социальных событий? Если бы поближе присматривались к таким «обыденным», «мелким» фактам, то, вероятно, не появилось бы многое множество социологических теорий, совершенно не соответствующих действительности.

Далее, распад ряда коллективных единств может быть вызван уменьшением и атрофированием проводников общения людей друг с другом. Стоит себе представить на один момент, что люди лишились бы вдруг речи, книг, телефонов, телеграфа, железных дорог, автомобилей и других средств общения.

Какая катастрофа разразилась бы в итоге такой потери! Мир взаимодействия людей, похожий при их наличности на могучий непрерывно бурлящий водопад, сразу превратился бы в жалкое, засохшее русло маленького ручья, в котором лишь местами остались бы затянутые плесенью лужицы воды.

Потеря речи равносильна была бы смерти сотен миллионов ежеминутно возникающих коллективных единств¹⁵¹. Исчезновение книг и письменности имело бы своим результатом тот же эффект. Впрочем, к чему такие гипотетические случаи. Всякий знает, что прекращение (работы) телефона или телеграфа на сутки «убивает» тысячи общений, изолирует тысячи индивидов, приостанавливает функционирование сотен ассоциаций и обществ. Всякое малейшее ухудшение в сфере символических

151 Частично, но не вполне, прав поэтому *Majewski*, говоря: «la mort des langues est la mort des nations»^{29*}.

Не вполне потому, что оставались бы еще другие проводники (*Majewski*. La thdorie de l'homme et de la civilisation, 1911).

342

Система социологии. Том I

проводников самым чувствительным образом отражается на существовании и жизни процессов взаимодействия¹⁵².

Вот почему все то, что способствует такому атрофированию символических проводников (падение знания, деятельность власти, экономическая бедность и т. д.), все это вместе с тем служит и фактором разрушения коллективных единств.

Символические проводники могут вести к тому же результату и иначе. Выше мы видели, что ряд символических проводников играет объединяющую роль тем, что, связывая с собой ряд лиц, он связывает их и друг с другом. *Когда гибнет или разрушается такой объединяющий символ-проводник (лицо, вещь, звук etc.), может распасться и коллектив индивидов, связанных друг с другом через посредство такого проводника-символа...* Смерть руководителя научного кружка часто распыляет его учеников, составлявших при нем коллективное единство. Гибель главы государства временами ведет к распадению государственного коллектива на части. Уничтожение религиозной реликвии, например, мощей или «чудотворной иконы», перестает собирать в данное место толпу богомольцев и верующих. Исчезновение имущества «мертвой руки» прекращает существование коллектива лиц, взаимодействовавших друг с другом через его посредство.

Уничтожение кастовой, или сословной, или ведомственной форменной одежды «убивает» множество взаимодействий, которые возникли бы при ее наличности.

Удаление главы секты или течения часто влечет распыление его последователей и

поклонников. Гибель правительственного органа того или иного коллектива и невозможность его замены (напр[имер] государственной власти) может повлечь за собой и распад данного коллектива на части.

Останавливаюсь на этом в очерке факторов разрушения процессов взаимодействия и коллективных единств... Нет сомнения, что я указал только некоторые из них, далеко не исчерпав всех. Но исчерпать их и

¹⁵² Хорошую иллюстрацию к сказанному опять-таки дает современное состояние России. Теперь каждый знает, что значит хорошее функционирование железнодорожного движения, телеграфа, телефона, трамвая, книгоиздательского и газетного дела и т. д.

Мы возвращаемся к средним векам. Научные и другие общества фактически умерли. Аудитории лекций пустуют. Книг нет. Общение людей механически атрофируется. Сколько процессов взаимодействия не может реализоваться благодаря тому, что нельзя послать телеграмму, нельзя переслать письмо, нельзя поехать; сколько коллективных единств распалось из-за «смерти» трамвая; сколько книжных и газетных взаимодействий умерло из-за того, что нет бумаги, не на чем печатать, а если и есть на чем, то не дают печатать.

Короче говоря — поток человеческого взаимодействия во всех формах высыхает в пределах России. Если прогресс высыхания будет длиться и дальше — одичание людей не будет неожиданностью.

Глава VII. Условия возникновения простых коллективных единств 3 4 3

невозможно. Достаточно Поэтому сказать, что такими факторами может быть множество условий космического, биологического и социально-психического порядка. Предыдущее едва ли позволяет сомневаться в плюрализме факторов, принимающих участие в прекращении процессов взаимодействия. Для большей наглядности я брал нарочно самые «обыденные и мелкие» факты. Эти мелкие явления гораздо яснее выявили нам сложность сил и факторов распада коллективных единств, чем факты «громadne», не поддающиеся анализу в силу своей громадности и сложности.

Если бы социологи и историки чаще приглядывались к окружающим их обыденным фактам, а «не парили в воздушных» огромных агломератов, недоступных наблюдению, не поддающихся анализу и потому обрекающих социолога на чистое умозрение, — они не построили бы многих монистических теорий «падения Римской империи», «вырождения и гибели нации», распада государства и т. д. Не создали бы они в этом случае и «монистических» теорий падения тотемического, родового общества, сословий и каст, территориальной общины и гильдии, церкви и крепостничества. *Как возникновение и сохранение, так и распад коллективных единств представляли и представляют уравнение со многими, а не с одним неизвестным.*

Заключение

На этом мы и кончим очерк теории факторов и вместе с тем I том «Социальной аналитики».

Предметом его было изучение строения простейшей родовой модели социального явления. Таковым мы признали взаимодействие двух индивидов. Дав понятие взаимодействия, мы разложили его на составные элементы — индивиды, акты и проводники — и рассмотрели последние. Вслед за этим мы очертили основные формы взаимодействия. Все это с логической необходимостью привело нас к понятию взаимодействия как коллективного единства. Рассмотрев в связи с этим вопрос о реальности этого единства, мы перешли к естественно вытекавшему отсюда вопросу: что же заставляет индивидов взаимодействовать друг с другом; какие условия их взаимно притягивают, «пригвождают» друг к другу, и отрывают друг от друга?

Дав ответ на эти вопросы, мы замкнули разорванный круг взаимодействия, получили понятие социальной группы и этим закончим изучение строения отдельных волн необъятного моря общественной жизни.

Теперь мы можем перейти ко второй стадии изучения строения социальных

явлений: мы можем теперь изучать уже строение и состав не отдельных волн, а самого общественного моря как совокупности этих волн. От взаимоотношений индивидов мы можем теперь перейти к изучению взаимоотношений социальных групп. Население, покрывающее обитаемые территории земли, будет этим морем. На какие слои и социальные группы оно распадается? Каковы общие принципы этого расслоения? Каковы виды и конкретные формы этого расслоения? Каковы in concrete важнейшие социальные группировки: элементарные, кумулятивные и др.? Каков с этой точки зрения «химический состав» любого населения как сложного социального агрегата?

Каков состав множества социальных групп, выделяемых в общегитии — класса, национальности, касты и т. п.? Каковы основные виды сложных социальных агрегатов (обществ) и как следует их систематизи-

Заключение

3 4 5

ровать? Каково положение индивида в среде населения? Как совершаются в последнем перегруппировки и циркуляции индивидов от слоя к слою? Какие реакции соединения и разложения представляют изменения состава населения? и т. д. Наконец, каково взаимоотношение развиваемых здесь положений к другим социологическим теориям? Таковы вопросы, с которыми придется иметь дело во II т[оме] «Социальной аналитики». Данный том был лишь подготовкой к нему. Конкретное «распластание» населения на его естественные (а не мнимые) слои — такова основная задача «Аналитики сложных социальных агрегатов». Начав изучение социального явления с простого взаимодействия людей, мы логически пришли к этой задаче. Путь для ее решения расчищен. Остается приступить к ней. Попыткой распластания населения на его естественные слои и попыткой создания «социальной химии» и явится II том «Аналитики» как продолжение данного тома.

ПИТИРИМ СОРОКИН.

СИСТЕМА СОЦИОЛОГИИ.

Том II.

СОЦИАЛЬНАЯ АНАЛИТИКА.

ЧАСТЬ II.

Учение о строении сложных социальных
агрегатов.

ПЕТРОГРАД.

Издательское Т-во «НОЛОС»

1920.

THE SYSTEM OF SOCIOLOGY

By

PITIRIM SOROKIN.

Professor of Sociology in the University of Petrograd

Vol. II.

SOCIAL ANALYTICS.

PART II.

The structure of complex social aggregates.

PETROGRAD.

„KOLOS“.

1920

Другу—жене

Предисловие

Данный том «Системы социологии», представляя самостоятельное целое, служит непосредственным продолжением I тома «Системы». Последний был посвящен анализу строения простейшего (родового) социального явления. Этот том имеет своим объектом анализ строения сложного социального агрегата, каковым является население как всего земного шара, так и отдельной населенной территории последнего. Там пришлось изучать межиндивидуальные отношения; здесь исследуются отношения межгрупповые. Там я занимался «анатомией социальной клетки», здесь — анатомией многоклеточного социального тела. Этим заданием продиктовано содержание II тома «Системы социологии».

В первых главах очерчиваются общие основы социального расслоения населения на реальные коллективы, устанавливаются основные понятия и исходные принципы.

Следующие главы посвящены учению об элементарных группировках и характеристике важнейших из них.

Дальнейшие главы — учению о кумулятивных^{1*} группах.

За ними идет учение о сложных социальных агрегатах и их систематике.

Каждая последующая глава вытекает из предыдущей и логически связана с ней. Все вместе они составляют одно неразрывное целое, в котором одно звено нельзя разъединить от остальных.

В дальнейшем я останавливаюсь на изучении отражения социальной группировки в психике и поведении индивида. Определив раньше группу в терминах индивидов, теперь последнего я определяю в терминах группы. Рядом с этим я затрагиваю ряд проблем, вытекающих из анализа строения населения. Вопросы, не связанные непосредственно с

проблемой структурного анализа, как и в I томе, исключены из содержания II тома. Только в главе, трактующей явления социальных перегруппировок, затронуты вопросы социальной динамики, но и то лишь по-

350

Система социологии. Том II

стольку, поскольку они нужны для более отчетливого понимания структуры сложных социальных агрегатов.

Заключительная глава «Социальной аналитики» посвящена обзору и критике понятий социального явления. Она указывает пункты сходства и различия моей теории социального явления и его строения от соответственных теорий других социологов.

Таково содержание данного тома. Руководящие методологические начала, положенные в его основу, указаны были в предисловии к I тому. Как и там, я старался наблюдать явления, а не оценивать их, изучать факты, а не философствовать, иметь дело с явлениями «предметного» характера — с поведением людей, а не с одними «психическими реальностями».

В заключение одно замечание. Книга писалась и выходит в исключительную эпоху — в эпоху великих социальных перегруппировок и сдвигов.

Страсти накалены до максимума. Чувствительность людей доведена до высшего напряжения. При таких условиях безоценочные замечания и положения данного тома легко могут быть восприняты одними как похвала, другими как порицание. Одни найдут книгу слишком «правой», другие — слишком «левой». Во избежание таких кривотолков считаю необходимым указать, что такой подход к книге в корне неверен. Похвала или порицание, «подрывание» или «укрепление» не входили и не входят в задачи данной книги. Работая над ней, автор следовал одному основному императиву: *изучать существующее таким, каково оно есть, и говорить то, что ему кажется истинным, не считаясь с тем, понравится ли эта истина кому-нибудь или не понравится, будет ли она «истиной приятной» или «неприятной», «окрыляет» ли она кого-нибудь или «подрезывает крылья».*

Многие из истин подрезали крылья заветным идеалам самого автора. Если он имел силу расстаться с чудесными иллюзиями своего «святого святых», так с чужими иллюзиями и подавно не станет кривить душой^{2*}.

Этим я не хочу сказать, что взгляды, развитые здесь, имеют гарантию истинности (увы! *humanum errare est*^{3*} и «Синяя Птица» Истины достается немногим!). Но хочу сказать, что содержание книги продиктовано не мотивами подрывания чего-либо или политической полемики с кем-нибудь, а представляет бескорыстный поиск истины и изложение результатов этого поиска. Очень может быть, что многое, что я считаю истинным, пред судом более полного коллективного опыта окажется ложным. Может быть... и к этому должен быть готов всякий исследователь. Но это должно быть доказано опытом, наблюдением и другими методами исследования явлений и научной критики, а не... не «помаванием» на «правизну» или «левизну», «благонадежность» или «неблагонадежность» автора.

Предисловие

351

В другой стране и в спокойное время эти строки были бы излишними.

В России же, где «^приспособляющаяся» социология всегда оценивалась с точки зрения колебания основ существующего строя, а основными «научными» аргументами были: тюрьма, ссылка и каторга, — в такой стране эти строки уместны и необходимы. Позволительно выразить весьма скромное пожелание, чтобы не существовавшая у нас свобода социологической мысли из «чаемого и ожидаемого» превратилась, наконец, в реальный факт. Этого требуют интересы развития социологии вообще и русской социологии в частности.

Своевременный выход дальнейших томов «Системы социологии» будет зависеть не столько от автора, сколько от общих условий страны и состояния типографского дела в России.

Автор. Петроград. 1920. Март.

§ 1. Переход к аналитике сложных социальных агрегатов и предварительное понятие последних

В первом томе «Социальной аналитики» был дан анализ структуры простейшего социального явления. Приняв за элементарную форму социального явления факт взаимодействия двух или большего числа индивидов, мы разложили его на элементы; рассмотрели основные свойства этих элементов-индивидов, их акты и проводники; очертили основные виды взаимодействий и в итоге — совершенно последовательно — пришли к выводу, что всякая совокупность взаимодействующих индивидов представляет коллективное единство или реальную совокупность. Этим выводом мы замкнули разорванный в начале анализа круг явлений взаимодействия и получили возможность перейти ко второй стадии анализа структуры социальных явлений: к изучению взаимоотношений уже не индивидов, а коллективных единств. Иными словами, мы получили возможность перейти к аналитике сложных социальных образований. Получив этот вывод, мы рассмотрели условия, вызывающие скопление индивидов в одном месте, их сосуществование рядом друг с другом и их новую изоляцию, т. е. условия возникновения, существования и распада коллективных единств. Глава, посвященная этому вопросу, показала те «нити», которые сводят, прикрепляют индивидов друг к другу, и условия, разрывающие эти нити. Таким образом, мы получили понятие коллективных единств, с одной стороны, и понятие населения, с другой.

Теперь мы можем броситься в пестрое, шумное и необъятное море человеческого населения, живущего на земле, и можем попытаться «распластать» его строение, разложить это сложное тело на ткани и рассмот-

Глава I. Общие основы социальной группировки индивидов**3 5 3**

реть, как эти ткани складываются, как из волн получается море, иначе, на какие цепи и хороводы коллективов разлагается как все человечество, так и любое население какой-либо территории. Начав с простейшего факта и проанализировав его элементы, мы шаг за шагом шли к более сложным образованиям. Подобно биологу, начинающему анатомию организмов с клетки и ее элементов, переходящему затем к анатомии тканей и органов, как определенного сочетания клеток, мы, закончив анализ простейшего социального явления, теперь переходим к анализу сложных социальных тел — населения; говоря образно — к анализу социальных тканей, органов и многоклеточных организмов. Легко понять отсюда, насколько ошибочны и однобоки те социологи, которые, подобно Гумпловичу, видят объект социологии в изучении взаимоотношения *групп, а не индивидов*, и изучение взаимоотношений последних исключают из области социологии. «Мы считаем, — говорит Гумплович, — отдельными реальными элементами в социальном процессе природы не отдельных лиц, а социальные группы; в истории мы будем исследовать, таким образом, не закономерное поведение индивидов, отдельных лиц, но если так можно выразиться, закономерное движение групп»¹.

Такое заявление равносильно заявлению биолога, который стал бы утверждать, что биологу для познания строения и функций сложного организма необходимо считать элементами последнего ткани, а не клетки, что изучение последних должно быть исключено из области биологии.

Такая попытка отбросила бы биологию назад, в дошванновский период^{1*}, и, конечно, в итоге не дала бы никаких научных результатов: без изучения клетки и ее свойств нельзя понять строения и жизни сложного организма. То же и в социологии. Не изучив элементов явления взаимодействия — индивидов, акты и проводники, — мы не можем понять не только социальные явления, но не в состоянии понять даже природу любой социальной группы². Тем менее мы можем понять взаимоотношения групп.

В противоположную ошибку впадают те, кто вне индивидов не хочет знать и видеть ничего, те, кто «из-за деревьев не видит леса» как коллективного единства

взаимодействующих деревьев, отличного от простой совокупности последних. Их ошибка заключается в том, что они путают «сумму» индивидов с коллективным единством взаимодействующих индивидов, резко отличным от простой их совокупности³.

¹ Gumplowicz L. Der Rassenkampf. Innsbruck, 1883, S. 39-40.

² Критику теории Гумпловича см. в книге: Ross E. Foundations, p. 4. См. ниже, главу, посвященную обзору и критике социолог [ических] теорий.

³ См.: Сорокин П. Система социологии, т. 1, § о социологическом реализме и номинализме.

12 Система социологии

3 54

Система социологии. Том II

Они подобны биологу, который изучение организмов ограничил бы изучением одной клетки и отказался бы от изучения многоклеточных организмов. Правильный путь заключается в пути, которым мы шли: начав с простейших элементов явления взаимодействия, мы последовательно пришли к понятию коллективного целого (реальной группы) и теперь можем перейти к анализу взаимоотношения реальных коллективов, из совокупности которых составляются сложные социальные тела.

Сложный социальный агрегат как комплекс простых коллективных единств

Всякое население, состоящее из множества сосуществующих индивидов, распадается, как увидим ниже, на ряд коллективных единств, то объемлемых одни другими, то существующих рядом (рядоположных), то пересекающихся друг с другом. Иными словами, всякое сложное общественное соединение (население) распадается на ряд коллективных единств или групп, каждая из которых разлагается на очерченные выше элементы любого коллективного единства: индивиды, акты и проводники.

Как правильно говорит Майр, «массы людей, а вместе с ними массы единичных действий и длящихся результатов этих действий, фактически существуют друг подле друга не как отдельные, лишенные взаимной связи, атомы. Внешняя группировка их дается уже общностью времени и пространства. Но, кроме того, элементы этих коллективностей вступают в разнообразные, внутренние отношения друг к другу, все усложняющиеся по мере роста культуры, но замечаемые, хотя и в минимальном объеме, даже на самых первобытных ступенях человеческого существования. В разных видах и степенях... встречаются такие соединения человеческих масс, стоящие над отдельными индивидами и включающие их в себя в многообразных сочетаниях»⁴.

Это значит, что всякое население, даже первобытных времен, не представляет образования, прямо распадающегося на индивидов, что члены его не все с одинаковой силой притягиваются друг к другу или одинаково прочно связаны друг с другом; значит, что всякое население распадается на ряд коллективов, члены которых более тесно связаны между собой, чем со всеми другими единицами населения, подобно куску слюды, легко расслаивающемуся по отдельным слоям. Частицы слюды не одинаково прочно связаны друг с другом: по линии расслоения они легко расслаиваются, в пределах каждого слоя — они крепче сцеплены взаимно. *Всякое население представляет сложный социальный агрегат, состоя-*

⁴ Майр Г. Статистика и обществоведение. СПб., 1899, т. 1, с. 6-7.

Глава I. Общие основы социальной группировки индивидов

3 5 5

щий из совокупности взаимодействующих лиц, распадающихся не прямо на индивидов, а на два или большее число коллективных единств (слоев), которые уже, в свою очередь, разлагаются на индивидов. Коллективные единства в таких сложных социальных агрегатах занимают как бы промежуточное положение между индивидом и всем сложным агрегатом или совокупностью изучаемого населения («целым обществом»). Ниже мы увидим, что совместно живущие индивиды, составляющие население любой территории и любой эпохи, всегда представляют сложный социальный агрегат, т. е. соединение, распадающееся на ряд элементарных и кумулятивных групп. Ограничимся пока этим определением сложного социального агрегата.

Строение населения в разные исторические эпохи различно по степени сложности, как различны по степени сложности многоклеточные организмы. Одни из последних состоят из небольшого числа клеток, сгруппированных в небольшое число тканей и органов. Другие организмы, наоборот, очень сложны: число клеток, из которых они составлены, велико; соединения их в ткани и тканей в органы — многочисленны и разнородны. То же можно сказать и о населении. Население, составляющее первобытную тотемическую^{2*} или родовую группу, образно говоря, похоже на сравнительно несложный многоклеточный организм: оно распадается на сравнительно небольшое число коллективных единств; иными словами, индивиды, составляющие это население («это общество»), группируются в небольшое число простых или элементарных групп, из сочетания и кумуляции которых и составляется вся сложная группа («тотемическое общество»). Иную картину дает, например, население большого города нашего времени. Население Парижа или Лондона, Петрограда или Москвы образует сложнейший социальный агрегат, составленный из множества причудливо и сложно переплетающихся друг с другом элементарных коллективных единств. Индивиды, составляющие это население, распадаются на множество элементарных группировок или коллективов, последние то заключены одни в другие, то живут рядом, то пересекаются, то кумулируются и комбинируются самым различным образом, и в итоге, в своей совокупности, дают сложнейший по своему строению социальный агрегат, составляющий население этих городов. Для того чтобы распутать сложный клубок переплетений и сплетений коллективных единств друг с другом, для того чтобы удачно «распластать» сложный социальный агрегат на составные ткани — коллективные единства, составляющие последний, — чтобы понять его строение, необходимо подробнее остановиться на тех условиях, которые лежат в основе бытия коллективных единств в среде других коллективов. Только поняв эти основы, мы получим возможность успешного разрешения только что указанных проблем.

3 5 6

Система социологии. Том II

§ 2. Реальные и мнимые коллективные единства (группировки)

Функционально-причинные взаимоотношения (взаимодействие) как основа социальных группировок или социального расслоения

Итак, всякий сложный социальный агрегат, всякое население представляет из себя соединение ряда простых коллективных единств, составленных из взаимодействия двух или большего числа индивидов. Отсюда сам собой следует вопрос: *каковы же те условия., которые дают возможность в одном и том же населении («обществе») существовать и сосуществовать ряду коллективных единств? Почему эти последние не сливаются в одно коллективное единство? Если они не сливаются, то на основе чего в этом населении мы можем выделять различные коллективные единства или элементарные группировки индивидов?* Эти вопросы приходится ставить потому, что, выражаясь шаблонным языком, одно и то же «общество» или, точнее, одно и то же население, занимающее определенную территорию, не представляет совокупности лиц, одинаково связанных друг с другом и одинаково обуславливающих взаимное поведение. Даже из обыденного опыта мы знаем, что оно распадается на ряд групп и коллективов (напр[имер], семья, класс, секта, партия, профессиональный союз и т. п.), члены которых более тесно связаны друг с другом, чем с остальными людьми, составляющими данное население. Больше того, ниже мы увидим, что одни и те же индивиды сплошь и рядом образуют не одно, а несколько отличных друг от друга коллективных единств. Такое более тесное тяготение одних индивидов к другим из среды данного населения будем называть *социальной группировкой индивидов*.

При таких условиях естественно встает вопрос: *как это возможно, как в одном и том же населении может сосуществовать ряд коллективных единств или более тесных группировок индивидов?*

Ставя эти вопросы, я разумею *реальные, а не мнимые коллективные единства*. Под

мнимыми совокупностями или мнимыми коллективами я разумею такие совокупности, которые искусственно создаются нами, где объединяются в одну категорию люди, *de facto* не связанные друг с другом; например, в каждом населении можно выделить группу лиц с прямыми носами, группу — с вздернутыми носами и группу — с горбатыми носами. Выделив их, можно произвести статистический учет числа членов каждой группы, их процентное отношение ко всему населению и т. д. В итоге мы получаем три *мнимых группы*: а) группу прямоносых, б) группу вздернутоносых и с) группу горбатоносых. Каждая из этих групп будет мнимой, ибо обладание одинаковой формой носа ничуть не влечет за собой большую обусловленность и большую связанность таких лиц друг с другом. Они объединены нами искусственно, по чисто

Глава I. Общие основы социальной группировки индивидов

357

внешнему признаку, не влекущему за собой никаких реальных взаимодействий лиц с одинаковыми носами. Короче — такая группа лиц не составляет подлинного коллективного единства или реальной совокупности.

Совершенно отличны от них реальные коллективные единства, образованные из двух или большего числа взаимодействующих лиц. Мы видим, что они являются действительным единством, отличным от простой суммы лиц. Только такие реальные коллективные единства интересуют социолога. *Б.А. Кистяковский* и *А.А. Чупров* совершенно правильно подчеркивают эту разницу между *Kollektivbegriff* и *Kollektivding*³ (*Кистяковский*), между мнимой и реальной совокупностью (*Чупров*). «Между единичными явлениями, объединяемыми в статистическую совокупность, — пишет *Чупров*, — может не быть фактического взаимодействия: они объединяются нами по произвольным критериям ради целей исследования, а не стоят друг с другом в реальной связи. Когда всеобщая перепись населения 27 янв[аря] 1897 г. сообщает нам, что в Европейской России насчитывается 168 682 мальчика в возрасте от 2 до 3 месяцев, то в одну группу объединяются младенцы, в действительной жизни ничем друг с другом не связанные. В основу образования группового понятия полагается при этом не наличие каких бы то ни было реальных отношений между объединенными единицами, а обладание известным (общим) признаком... Таким совокупностям, создаваемым нами и не существующим вне нашего сознания, могут быть противопоставлены совокупности реальные, создаваемые жизнью. Между грудными младенцами Европейской России нет иной связи, кроме той, которая порождается нашими статистическими таблицами; деревья в лесу стоят в прочных взаимоотношениях друг к другу и образуют нечто единое, независимо от того, подвергаются они объединению в групповое понятие или нет. Разница между этими двумя типами совокупностей бросается в глаза»⁵.

Мнимые коллективные единства для нас не интересны и бесплодны⁶. Если основой или признаком их выделения может служить любой признак, начиная от формы носа и цвета глаз и кончая фасоном каблуков и брюк, то для анализа структуры социальных агрегатов такие признаки не дают ничего: не все, носящие одинаковые брюки, взаимодей-

³ *Чупров А.А.* Очерки по теории статистики, с. 75-76; *Kistiakowski Th.* Gesellschaft und Einzelwesen. Berlin, 1899, S. 130 и ел.

⁶ Вот почему, как увидим ниже, весьма многие классификации социальных групп придется признать ошибочными, ибо они имеют дело с мнимыми, а не с реальными коллективными единствами. Выделение таких мнимых коллективов дает весьма мало для познания взаимоотношений коллективов, структуры сложных социальных агрегатов и причинного понимания социальных процессов. См. ниже, § Классификация социальных группировок. В других отношениях такой статист. учет очень ценен, но для нашей цели он мало продуктивен.

ствуют друг с другом, обуславливают взаимное поведение, не все связаны друг с другом и образуют реальное коллективное единство.

Раз мнимые коллективы отпадают, то спрашивается: каков же тот признак, который

позволяет нам сказать: вот эта группа лиц из данной совокупности населения составляет коллективное единство, а эта группа сосуществующих индивидов такого единства не составляет? Если в одном и том же населении даны многие коллективные единства, то как и почему это возможно?

Ответ на эти вопросы предрешен всем предыдущим. В основе самого понятия взаимодействия и коллективного единства лежит *принцип функциональной или причинной связи взаимодействующих индивидов*. Только он дает основание для бытия коллективных единств, только он составляет конститутивный признак последних. С точки зрения этого принципа рассматривали мы явления возникновения, существования и исчезновения коллективных единств. Они возникают с появлением функциональной связи переживаний и поведения (с появлением взаимодействия) индивидов; существуют — пока эта связь длится, и распадаются — когда эта связь разрывается, т. е. когда взаимодействие исчезает.

Легко понять, что *этот же принцип функциональной связи дает возможность существования ряду коллективных единств в одном и том же населении*. Различная степень его интенсивности объясняет нам возможность концентрического сосуществования ряда коллективов в одном и том же скоплении людей. Его характер объясняет нам рядоположное и пересекающееся сосуществование реальных групп в одной и той же среде. *Степень интенсивности функциональной связи и ее характер — такова основа возможности сосуществования ряда коллективных единств в одном и том же населении*. Иными словами, проблема социальной группировки индивидов в ряд коллективных единств может и должна быть разрешаема на почве того же *функционального обусловливания одними индивидами поведения и переживаний других индивидов*. Только этот принцип каузальной связи, а не нормативно-телеологические принципы^{4*} или чисто внешние, случайно взятые статистические признаки могут служить базой для понимания социальной группировки людей и для анализа сложных социальных соединений. Первый дает критерий для выделения реальных коллективов, вторые обычно ведут к выделению коллективов мнимых. Первый заставляет изучать причинные социальные процессы, вторые, особенно нормативно-телеологические принципы, — субъективные продукты собственной фантазии. Они часто заставляют допускать причинную связь там, где ее нет, и отрицать ее там, где она дана.

Ограничимся этими замечаниями и перейдем к более детальному рассмотрению намеченных вопросов.

Глава I. Общие основы социальной группировки индивидов

3 5 9

§ 3. Интенсивность взаимодействия и градация коллективных единств

На земном шаре живет множество людей. Но не все люди находятся между собой в одинаково интенсивном взаимодействии, т. е. не каждый из людей в одинаковой степени обуславливает поведение всех остальных и не в одинаковой степени обуславливается всеми в своем поведении и переживаниях. Поведение какого-либо китайца или негритоса совершенно не влияет на мое поведение, как и мое поведение совершенно не обуславливает их поступков. Степень интенсивности взаимодействия между нами равна нулю. Взаимодействия нет или оно столь ничтожно, что может быть приравнено к нулю. Рядом с такими индивидами существуют индивиды, поведение которых не остается для меня безразличным, как и мое поведение не вполне безразлично для них. Между моим поведением и поведением таких индивидов существует функциональная связь. Мы друг друга обуславливаем в своем поведении и переживаниях. Так, болезнь моего друга заставила меня бросить работу и заняться устройством его дел, ссора с г. Х «выбила меня из колеи», постановление моих коллег побудило меня идти на заседание, приказ комиссара принудил меня явиться на учет, «национализация» издательства расстроила мои планы, неожиданные изменения в судьбе близких мне лиц повлекли за собой неожиданное изменение моего поведения и т. д. Словом, между моим поведением и поведением таких лиц есть функциональная связь: их поступки влияют на мои, мои акты влияют на их поведение.

Эта функциональная связь может иметь различные степени интенсивности. В одних случаях эта интенсивность будет ничтожной или весьма незначительной. Поведение многих индивидов обуславливает наше поведение, но обуславливает весьма слабо и редко. В других случаях поведение некоторых лиц весьма резко отражается на нашем поведении, и обратно, их поведение очень сильно обуславливается нашими поступками. Если в первом случае только некоторые из актов этих людей «задевают» нас и «задевают» редко, то во втором случае большинство актов таких индивидов может отражаться на нашем поведении, и обратно — большинство наших поступков не проходит бесследно для них. Примером такой тесной функциональной связи может служить связь поведения членов единой семьи. Поведение (и переживания) детей обычно весьма сильно влияют на поведение (и переживания) родителей, и обратно; поведение (и переживания) одного супруга весьма резко обуславливает поведение (и переживания) другого... Каждый поступок члена семьи (болезнь, ушиб, плач, провал на экзамене, потеря места, тот или иной успех в жизни и т. д.) обычно отражается на поведении (и переживаниях) остальных сочленов; судьба каждого из них отражается на судь-

3 60

Система социологии. Том II

бе остальных, словом — взаимообусловленность их поведений бывает обычно весьма тесной и постоянной.

Отсюда видно, что интенсивность функциональной связи между поведением индивидов, иными словами — интенсивность взаимодействия, может иметь самые различные степени, начиная с слабой, случайной и редкой, и кончая связью весьма тесной, действующей постоянно и длительно. Эту связь можно сравнить с веревкой, связывающей взаимодействующих индивидов. В одних случаях эта веревка столь длинна и связанные ею индивиды столь независимы друг от друга, что только некоторые из их поступков натягивают веревку и «дергают» остальных связанных с ними людей; в других случаях — в случаях более тесного взаимодействия — веревка очень коротка: каждый шаг, каждый поступок одного индивида «задевает», «дергает» и обуславливает поступки остальных; все они оказываются весьма тесно взаимосвязанными... В третьих — никакой веревки между индивидами (напр [имер], мной и жителем Таити) нет.

Идеально тесной функциональной связью было бы такое взаимоотношение поведения взаимодействующих людей, где малейшее движение и переживание одного из них отражалось бы на поведении и переживании других. Такое коллективное единство было бы тождественно высокоразвитому организму, где изменения, испытываемые одной частью организма, отражаются на всем последнем, и обратно.

Выше было указано, что взаимодействующие индивиды составляют коллективное единство; они выделяются из среды других сосуществующих индивидов, не находящихся с ними во взаимодействии, как особое коллективное целое. Указанная сейчас различная степень взаимодействия дает основание для градации коллективных единств. Подробно тому как наличность взаимодействия выделяет взаимодействующих людей из среды остальных, так *различная интенсивность взаимодействия служит объективной почвой для появления и существования многих коллективных единств среди одного и того же населения.* Предположим, что перед нами 100 взаимодействующих друг с другом индивидов. Наличие взаимодействия между ними выделяет их из среды остальных людей как особое коллективное единство. Теперь предположим, что из этих 100 индивидов 25 человек находятся между собой в более тесном взаимодействии, чем с остальными. Этот факт влечет за собой выделение их из среды остальных 100 человек в качестве нового коллективного единства, так сказать, коллективного единства в квадрате. Основание для такого выделения то же, которое заставляет совокупность клеток нашего тела считать единым, целостным организмом или из коллективного единства солнечной системы выделять в качестве «коллектива в квадрате» Землю с ее спутником Луной, т. е. более тесная степень взаимодействия. На том же основании из этих 25 индивидов можно выделить новое коллектив-

ное единство — единство в кубе, если между поведением некоторых членов из этих 25 человек существует более тесная функциональная связь, чем между поведением их и поведением остальных.

Таким образом, различная степень взаимообусловленности поведения (и переживаний) сосуществующих индивидов влечет за собой появление и существование целой пирамиды коллективных единств в пределах одного и того же количества индивидов (населения).

В силу каких причин возникает эта большая степень взаимообусловленности поведения — сейчас для нас не важно. А важно одно, что степень этой взаимообусловленности является достаточным основанием для появления и существования целой лестницы коллективных единств; важно то, что одни и те же индивиды в силу различной интенсивности взаимодействия между ними могут образовать не одно, а ряд коллективных единств, заключенных одно в пределах другого.

Схематически это можно изобразить так (см. рис. 1). Пусть А, Б, В, Г, Д, Е, Ж, З, И, К, Л, М представляют индивидов, взаимодействующих друг с другом и составляющих коллективное единство. В пределах его индивиды А, Б, Г, Ж, З, И, К, объединенные добавочными связями, составляют новое коллективное единство (показанное волнистой линией). В пределах последнего индивиды Б, Г, З, И, К, еще интенсивнее обуславливающие взаимное поведение, составляют новое коллективное единство, единство в 3-й степени (показанное линией, состоящей из точек).

Эта схема упрощена. Действительность в этом отношении сложнее, но суть дела она передает правильно.

Всматриваясь в окружающие нас явления, мы видим, что такая градация коллективных единств действительно существует. Так, общее собрание какого-либо общества (напр[имер], съезд советов) выделяется из среды остальных людей как особое коллективное единство. Из среды

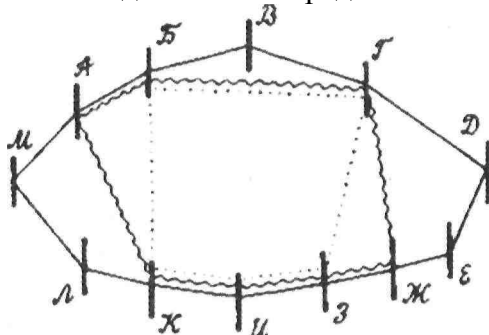

Рис. 1

этого коллективного единства (напр[имер], совета депутатов) выделяется коллективное единство в квадрате — исполнительный комитет.

3 62

Система социологии. Том II

Между членами последнего степень взаимообусловленности поведения (и переживаний) более тесная, постоянная и длительная, чем между ними и остальными членами съезда советов. Из среды исполнительного комитета, в свою очередь, выделяется новое коллективное единство (в кубе) — президиум, поведение членов которого еще теснее взаимообусловлено, чем поведение их и остальных членов исполнительного комитета.

В тысяче различных форм то же явление мы встречаем всюду. Так, члены одного государства выделяются нами, в качестве коллективного единства, из среды других индивидов земного шара. Основанием для этого служит то, что поведение их всех в той или иной степени взаимно обусловлено. Они связаны общей нитью отношений, указанных в законах данного государства. Но степень взаимозависимости их далеко не одинакова. В общем и целом, например, жители города или члены одной профессии находятся между

собой в более тесной взаимозависимости, чем с остальными индивидами, живущими в данном государстве. Они объединены не только связями принадлежности к государству, но и связями территориального или профессионального единства. Это дает основание для выделения их в особое единство. Вот почему мы рассматриваем таких индивидов в качестве реальной совокупности, образующей «государство в государстве» или более тесное коллективное единство профессии, жителей города в пределах более обширной реальной совокупности — государства. На этом градация не останавливается. Рабочие одной фабрики сильнее обуславливают взаимное поведение и переживания друг друга, чем остальные члены рабочего класса, не работающие на данной фабрике. Они объединены, помимо связей государства и класса, еще связями, вытекающими из принадлежности к одной фабрике. Отсюда следует, что они могут образовать новую реальную совокупность уже в пределах одного рабочего класса. Далее, рабочие данной фабрики, члены одной семьи, объединены еще теснее, чем они и остальные рабочие. Значит, они образуют новое коллективное единство, еще более тесное, чем единство рабочих фабрики Морозова и К°, чем единство рабочего класса, чем единство членов государства.

Разобранная градация, конечно, только примерная. В действительности, в современных условиях она более сложна и многочисленна. Но важно было указать общий принцип и основание выделения таких коллективных единств. Из сказанного мы видим, что в основе их лежит степень *функциональной или причинной взаимозависимости между членами данного коллективного единства*. Это условие служит основанием *градации ряда коллективных единств в пределах одной общей реальной совокупности взаимодействующих индивидов*.

Глава I. Общие основы социальной группировки индивидов

3 6 3

Таково первое основание группировки сосуществующих индивидов в ряд коллективных единств. Оно указывает объективную почву, вызывающую реально существующие объединения индивидов то в более, то в менее тесные группы и коллективы.

Оно же дает нам объективный критерий для проверки действительности существования любого выделяемого публикой коллективного единства. Дело в том, что в общежитии часто выделяются в качестве реальных мнимые коллективные единства, которые реально не существуют или существуют не в той форме и объеме, в каком отмечается этот факт обычным мнением (см. выше § 2). Вот и встает вопрос: существует ли *de facto* отмечаемое обычным мнением коллективное единство? Не является ли оно мнимым, существующим лишь на словах или на бумаге? Если между членами такого единства действительно дана тесная взаимообусловленность поведения, то реально такое единство существует, хотя бы оно и не отмечалось никем. И обратно, если этой тесной взаимозависимости между поведением членов выделяемой группы нет, нет в действительности и соответственного коллективного единства, хотя бы о нем трубили на всех улицах и перекрестках. Таков ответ, получаемый на основании указанного критерия. С этой точки зрения коллективное единство русского государства фактически обнимает далеко не всех индивидов, живущих на его территории. Связь ряда групп, например, чукчей, олюторов^{5*}, части тунгусов, формально считаемых подданными России, с остальными членами последней столь слаба, взаимная обусловленность поведения их столь ничтожна, что такие группы не являются абонентами коллективной системы взаимодействия, называемой «Россией». Судьбы последней мало отражаются на них, и обратно — их судьбы не влияют на поведение и переживания остальных членов «России».

Призрачным и мнимым с этой точки зрения должны мы признать, например, и существование I Интернационала как коллективного единства, обнимавшего пролетариев всех стран. Такое единство существовало лишь в весьма ограниченном объеме, обнимая небольшую группу лиц; оно было штабом без армии; в качестве единства рабочих всех стран оно существовало лишь на бумаге, ибо функциональная взаимозависимость

поведения рабочих всех стран от директив комитета I Интернационала тогда *de facto* не существовала: большинство пролетариев не ведало о самом существовании «интернационала», директивы, шедшие из центра последнего, или не доходили до пролетариев, или не вызывали никакого эффекта в поведении большинства рабочих, короче — интенсивного взаимодействия между пролетариями всех стран не было.

3 64

Система социологии. Том II

Иным рисуется положение дела теперь. Рабочие ряда стран начинают выступать как коллективное целое. Поведение рабочих одной страны обуславливается поведением пролетариев других стран. Лозунги, идущие из центра рабочих организаций, подобно электрическому току, приводят их к согласованной координации поведения. Эти факты служат бесспорным показателем образования нового коллективного единства, составляемого пролетариями многих стран.

Точно так же в настоящее время можно говорить и о *всем человечестве* как коллективном единстве. Можно говорить потому, что в общем и целом, в данное время взаимообусловленность поведения народов, живущих на различных материках земли, в той или иной степени существует. События, происходящие в Австралии, отражаются на других материках земли; судьба одного народа определенно влияет на судьбы других народов. Война 1914-1918 гг. не прошла бесследно ни для одного народа; она задела все человечество и отдельные группы. Словом, сейчас «контакт» и взаимодействие всего человечества (хотя и в разной степени) — факт. Земля, опутанная телеграфом, радио, телефоном, железными дорогами, в атмосфере которой реют аэропланы, по водам которой плавают большие и малые суда, эта земля стала территорией единого реального коллективного единства — человечества. Последнее из мнимого, не существовавшего коллективного существа становится единой реальной совокупностью, подобием Контовского «Великого существа»^{6*} или Паскалевским «единым человеком»^{7*}.

Не то было в прошлом. Тогда «человечество» как единый коллектив не существовало. До открытия Америки Колумбом европейцы и туземцы Америки были жителями разных планет, не только не обуславливавшими взаимные судьбы, но даже не ведавшими о взаимном существовании. Весьма слабой, близкой к нулю была связь и между обитателями других материков. Тогда «человечество» было мнимым коллективом.

Теперь — положение изменилось. Конечно, современная связь всего человечества еще очень слаба, она еще очень далека от контовского идеала или «великого организма». Но все же начала этой взаимосвязанности даны, и нет сомнения, что с ходом истории интеграция человечества будет прогрессировать...

То же самое можно применить и ко всякой коллективности. Если между поведением ее членов дана та или иная степень взаимообусловленности, такая коллективность *de facto* существует. Если последней нет — нет и коллективного единства. Чем теснее взаимодействие, тем — *ceteris paribus*^{8*} — сплоченнее будет группа, и наоборот.

Таково первое основание бытия коллективных единств и социальной группировки индивидов.

Глава I. Общие основы социальной группировки индивидов

3 6 5

§ 4. Социальная разнородность процессов взаимодействия и социальное многообразие коллективных единств. Сложность социальной группировки. Принадлежность каждого индивида к ряду коллективных единств

В предыдущем было указано одно из условий, лежащих в основании градации коллективных единств или группировки индивидов в ряд коллективов. Оно делает для нас понятным существование ряда «концентрических» реальных совокупностей в пределах одной и той же группы индивидов. Оно объясняет нам, почему в пределах коллективного государственного единства могут существовать более тесные коллективные единства жителей определенного района (напр[имер] губернии), в пределах этого единства — реальные совокупности еще более узкого объема (напр [имер], уезда, волости, деревни,

конца деревни, дома, семьи) и т. д.

Теперь подойдем к этому вопросу с иной точки зрения. В предыдущем мы обращали внимание только на одну сторону дела: *на степень интенсивности взаимодействия*. Мы сознательно игнорировали характер и содержание последнего. Мы брали его «бесцветным». Мы учитывали лишь степень функциональной взаимообусловленности поведения взаимодействующих единиц.

Если бы социальная группировка сводилась только к этой интенсивности — картина социального расслоения населения была бы относительно проста.

Из массы людей выделялись бы в качестве особых коллективных единств только те группы, члены которых были бы связаны различными по интенсивности связями. Все индивиды, связанные одинаковой по интенсивности связью взаимодействия, в этом случае образовали бы одно коллективное единство.

Дело, однако, обстоит гораздо сложнее. Наблюдение показывает, что *индивиды, одинаково интенсивно обуславливающие взаимное поведение, могут образовать не одно, а несколько отдельных коллективных единств*. Одинаково интенсивно могут обуславливать свое поведение и члены политической партии, и члены единой религиозной секты, и члены полного товарищества на вере, связанные круговой ответственностью. Степень интенсивности взаимодействия во всех трех случаях может быть одинаковой; но из этого не следует, что все эти три коллектива будут тождественными или что все они составят одно коллективное единство. Поводы, условия, содержание и характер каждой из этих групп — разные, друг с другом не совпадающие. Этот пример показывает, что принцип интенсивности взаимодействия недостаточен для объяснения сложной картины группировки индивидов в те или иные единства. Он лежит

3 66

Система социологии. Том II

в основе всех группировок; он составляет необходимую предпосылку бытия всякого коллективного единства; но он недостаточен для объяснения всей сложности соответственных явлений. Для того чтобы понять последние, необходимо обратить внимание не только на степень интенсивности взаимодействия, но и на содержание или социально-психическую природу последних. *Одинаковая интенсивность взаимодействия может быть вызвана самыми различными условиями и может вытекать из различных поводов: религиозных, экономических, семейных, научных и т. д.* Нитями, скрепляющими индивидов друг с другом, могут быть нити самой различной природы: единство верований, сходство политических воззрений, подчиненность одним законам и органам власти, принадлежность к одной семье и т. д. Поведение индивида может быть обусловлено его начальством, с одной стороны, членами его семьи — с другой, ближайшими друзьями — с третьей и т. д. Мы можем гипотетически допустить, что и начальство, и семья, и друзья одинаково обуславливают его поведение, но было бы большой ошибкой, если бы отсюда мы сделали вывод о равнозначности всех этих взаимодействий. Одна и та же степень интенсивности взаимодействия может существовать и между членами религиозной группы, и в акционерной компании, и в касте привилегированных, и в других, разнородных по своей природе коллективах. Если игнорировать эти условия, характеризующие социально-психическую физиономию коллективного единства, если ограничиваться только степенью взаимообусловленности поведения индивидов, тогда картина социальной группировки была бы проста. Все ассоциации людей с одинаковой степенью взаимодействия (в данном примере религиозная община, акционерная компания, каста и семья) тогда составили бы одну группу.

Легко понять, что такая картина давала бы слишком упрощенную географическую карту социального поля. Она была бы похожа на географическую карту земной поверхности, дающую представление только о высоте места над морем. Мы знаем, что не все места, находящиеся на высоте 1000 футов над уровнем моря, сходны по своему геологическому строению и природе флоры и фауны. Чтобы иметь более точное представление о земной поверхности — одной карты рельефа мало.

То же применимо и здесь. Если интенсивность взаимодействия является основным условием, позволяющим выделить группу взаимодействующих лиц из среды других, то это одно измерение не объясняет еще всей сложности социальных группировок или расслоений населения. «Рельефная карта» социального мира должна быть «окрашена» соответственно природе тех отношений, которые характеризуют каждую группировку.

Для правильного познания социальной действительности необходимо учитывать характер тех связей, которые объединяют взаимодей-

Глава I. Общие основы социальной группировки индивидов

367

ствующих индивидов, и природу тех отношений, которые «окрашивают» процесс взаимодействия или лежат в его основе.

Эта социальная разнородность процессов взаимодействия влечет за собой многообразие коллективных единств, образуемых различно комбинирующимися индивидами, с одной стороны, с другой — принадлежностью каждого индивида не к одному, а к ряду реальных совокупностей.

Таким образом, необходимой базой бытия любого коллективного единства, образуемого рядом индивидов, служит наличность более тесного взаимодействия между ними, выделяющего их из среды других индивидов.

Где такой базы нет — там реально нет и коллективного единства: оно в этом случае мнимое.

Но формы коллективных единств не ограничиваются коллективными единствами с большей и меньшей степенью взаимообусловленности поведения их членов. Помимо такого их подразделения коллективные единства распадаются на множество видов в зависимости от природы тех социальных отношений, которые лежат в их основе. Не только коллективы с различной степенью взаимодействия, но и реальные совокупности с одинаково интенсивным взаимодействием могут распадаться по своему социально-психическому характеру на ряд форм и видов.

В результате такого положения дел создается причудливо-сложная картина группировки индивидов в коллективные единства. Проиллюстрируем эти положения.

Представим себе группу людей, напр[имер], в 100 человек. Если бы все эти 100 единиц во всех отношениях были сходны, например, принадлежали по подданству к одному государству, по религии — к одному вероисповеданию, по языку, который они считают своим, — к одному языку, по классовому положению — к одному классу, по партийной принадлежности — к одной партии и т. д., то в итоге получилась бы сравнительно простая картина. Каждая из перечисленных связей — связь по подданству, по религии, по языку и т. д. — объединяла бы все 100 единиц в одну реальную совокупность. Если бы эту реальную совокупность мы изобразили в виде круга, то получился бы ряд кругов, каждый из которых состоит из 100 одних и тех же индивидов. Круг из 100 индивидов, объединенных связями подданства, новый круг из тех же 100 человек, объединенных одинаковой религией; новый круг из тех же 100 единиц, говорящих на одном и том же языке, и т. д. Но так как эти разнородные связи объединяли бы одних и тех же людей, то эти круги были бы одинаковые по пространственному размеру и при наложении друг на друга слились бы в один круг. В этом случае эти 100 индивидов похожи были бы на одинаковые части бочки, скрепленные разноцветными, но одинакового размера обручами; обручами подданства, религии, языка и т. д. В итоге они составили бы сильно сплоченные самыми разнородными

368

Система социологии. Том II

связями *одно коллективное единство*. Каждый из 100 членов входил бы в этом случае в одну реальную совокупность, состоящую из одних и тех же единиц.

Схемой такого положения дел является простой круг.

Но каждый из нас знает, что действительность такой простой картины не дает. Если такое однообразие и сходство индивидов когда-нибудь существовало, то оно существовало в глубокой древности, да и то под вопросом. В настоящее время его нет.

Теперь совместно живущие индивиды обычно различаются друг от друга множеством связей и множеством свойств. *Индивиды различаются по расе, полу-, возрасту, подданству, религии, богатству, профессии, партии и т. д.* Это множество различающих свойств вызывает различия в поведении людей, многообразные антагонизмы и солидарности, притяжения и отталкивания, словом многообразииесоциальных группировок. Это различие их обуславливает многообразие и причудливое «пересечение» кругов, изображающих образуемые ими коллективные единства.

Для иллюстрации этого положения воспользуемся нашим примером. В предыдущем случае мы предположили, что все 100 индивидов однородны — и по подданству, и по религии, и по языку и т. д.

Теперь предположим, что из этих 100 совместно живущих индивидов часть, например 75 человек, являются русскими *подданными*, а 25 человек иноземцами, например, румынскими *подданными*⁹*. Если они по территориальному признаку, влекущему взаимодействие их друг с другом, составляют одну реальную совокупность, то по признаку подданства они образуют уже не одно коллективное единство, а два. 75 человек русских подданных войдут в коллективное единство, образуемое всеми русскими подданными, 25 румын составят часть коллективного единства, образуемого всеми румынскими подданными. Если изобразить коллективное единство по признаку подданства кругами, то эти круги при наложении друг на друга не сольются. Они будут различными и будут составлять часть других более обширных кругов, изображающих реальные совокупности всех русских подданных и всех румынских подданных. Представим далее, что 50 человек из 75 русских подданных и 15 человек из румын являются *по религии* православными; 15 человек русских подданных и 5 румын — католиками, 10 русских и 5 румын — протестантами. Это значит, что по религиозному взаимодействию они составят новые коллективные единства, уже не одно, не два, а *три*: 1) коллективное единство *православных*, составляющее часть коллективного единства всех православных, 2) коллективное единство *католиков*, которые войдут в круг, символизирующий реальную совокупность всех католиков, 3) коллективное единство *протестантов*, которые будут связаны взаимодействием со всеми протестантами.

Глава I. Общие основы социальной группировки индивидов

3 69

Мало того, легко видеть, что *линии раздела между коллективными единствами по религиозной связи пройдут совершенно иначе, чем линии раздела по подданству.*

В последнем случае они прошли так, что объединили в одно коллективное единство 75 индивидов русских и 25 индивидов румын. Теперь они проходят совершенно иначе: в одну реальную совокупность «православных» связи религиозного взаимодействия объединили 65 индивидов (50 русских и 15 румын), в другую реальную совокупность «католиков» они соединили 20 членов из 100, в том числе 15 русских и 5 румын; в третье единство «протестантов» они объединили 15 человек: 10 русских и 5 румын. Легко видеть, что в этом случае круги, которыми мы захотели бы изобразить эту группировку, не только не совпали бы с кругами, изображающими группировку индивидов по подданству, а неизбежно были бы различны и пересеклись бы друг с другом.

Представим себе далее, что 40 человек из русских подданных, в том числе 35 из русских православных и 5 из русских католиков родным языком считают русский язык, 20 человек из них родным считают язык украинский, 15 — польский, 5 человек из 25 румын считают таким языком французский, остальные 20 — румынский. Таким образом, связь по языку группирует эти 100 индивидов в новые реальные совокупности и опять по новым линиям, не совпадающим ни с линиями группировки по подданству, ни с линиями группировки религиозной. Получаются в данном случае не одно, не два, не три коллективных единства, а пять: 1) группа, говорящая обычно по-русски, 2) по-украински, 3) по-польски, 4) по-французски и 5) по-румынски.

Но по содержанию процессы взаимодействия не исчерпываются взаимодействием,

обусловливаемым принадлежностью к одному подданству, к одной религии, к одному языку. *Таких условий, вызывающих разнородность процессов взаимодействия, а тем самым и характер группировок индивидов в реальные совокупности, чрезвычайно много;* ими являются, например, и экономические интересы, и профессия, и партийная принадлежность, и семейные связи, и жительство в данном районе уезда или города, и принадлежность к тому или иному обществу: научному, эстетическому, промышленному, спортивному, и прикреплённость к тому или иному кооперативу, и принадлежность к подписчикам того или иного журнала и т. д. и т. д., короче, группировка одних и тех же индивидов в современном населении в те или иные коллективные единства возможна и происходит по десяткам и сотням линий.

В итоге, легко себе представить, какую сложную сеть, какой причудливый узор образуют собой линии, отмечающие эти группировки индивидов в те или иные коллективные единства (расслоение населения)! Если бы мы попробовали начертить схематично все те группировки (различные реальные совокупности), которые вызываются различным со-

370

Система социологии. Том II

держанием связей взаимодействия в современном населении, в свою очередь, покоящемся на биологических и психосоциальных различиях людей, то получилась бы картина чрезвычайно сложная и запутанная.

Попробуем, однако, проиллюстрировать сказанное схемами, изображающими действительность в упрощенном виде. Возьмем для простоты десять индивидов. Рисунок 2 изображает их группировку по подданству. Из него видно, что по связи подданства эти десять индивидов составляют два коллективных единства. Индивиды А, В, Р, М, F, E, D (русские подданные) составят одну реальную совокупность — часть

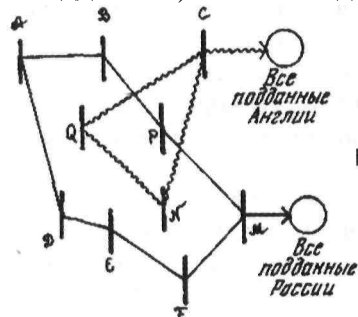

Рис. 2

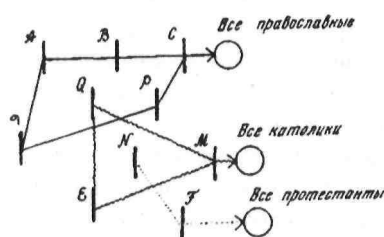

Рис. 3

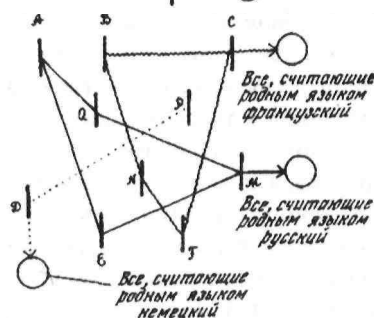

Рис. 4

более обширной реальной совокупности, обнимающей всех русских подданных (это изображено стрелкой и кругом); индивиды Q, N, C составят другое коллективное единство (напр[имер] английских подданных) —

часть более обширного единства, составляемого всеми английскими подданными.

По религиозным связям или религиозному взаимодействию эти же индивиды дадут уже иную группировку (иные системы взаимодействия или коллективные единства), отличную от предыдущей. Так индивиды А, В, С, Р, D (православные) составят одну систему или единство, составляющее часть всех православных.

Индивиды Q, E, M — другую систему (католики), составляющую часть всей группы католиков. Индивиды N, F — третью систему (протестанты), часть всего агрегата протестантов (см. рис. 3).

По родному языку они распадутся на новые группы, линии раздела которых пройдут иначе, чем предыдущие разграничительные линии.

Индивиды А, Q, M, E (считающие родным языком русский язык) составят одно единство; В, С, F, N (родной язык французский) — другое; D, Р — третье и т. д. (см. рис. 4).

Если в дальнейшем проследить группировку (расслоение) этих десяти индивидов по другим признакам — по экономическим интересам, профессии, политическим партиям, к которым они принадлежат, по семейной принадлежности, по кооперативам, к которым они прикреплены, по спортивным, научным, художественным и промышленным обществам, членами коих они состоят, и т. д. и т. д., то каждая из этих группировок даст в современном обществе иную картину, чем все остальные. «Рисунок» пограничных линий группировки каждый раз будет иным. В одном случае он объединит одних индивидов, в другом — других, в третьем — третьих. Каждый раз комбинация будет своеобразной и свяжет индивидов с новыми группами, частью коих они будут.

Из этих схем видно, что одни и те же индивиды могут составить и составляют фактически множество реальных совокупностей или систем взаимодействия. Мир взаимоотношений людей похож на калейдоскоп, где каждое сотрясение дает новую картину из одних и тех же элементов. Сеть связей взаимодействия, данных в любом скоплении людей, чрезвычайно сложна и многообразна. С одной точки зрения, напр[имер] религиозной, она проходит чрез одних индивидов из данной их совокупности, с другой, например по языку, — чрез других из той же совокупности, с третьей — чрез третьих и т. д. Как в калейдоскопе при каждом повороте зритель видит новый рисунок, так в одной и той же совокупности индивидов, жительствоющих вместе, токи взаимодействия проходят по различным линиям, в зависимости от характера связей.

Религиозный аспект дает одну сеть, экономический — другую, семейно-родственный — третью, и т. д.

Сети взаимодействий между одними и теми же людьми становятся похожими на сети телефонных соединений в каждый данный момент. И здесь число абонентов постоянно, но не все они соединены друг с дру-

372

Система социологии. Том II

гом в каждую минуту. Сейчас включены в сеть и разговаривают абоненты А, В, D, F, M,... N; чрез минуту одни из них разъединились и включились новые; в итоге сеть соединений проходит чрез абонентов В, С, D, E, M,... Q; в следующий момент эта сеть снова изменилась и проходит уже чрез абонентов А, С, F, M, N, Р, R, T и т. д. То же происходит и между людьми. И здесь связи взаимодействия, возникающие между ними, из одних и тех же индивидов составляют различные коллективные единства, соединяющие их в одном отношении и разделяющие в другом. Рабочий-католик и капиталист-католик по религиозной связи войдут в одну систему взаимодействия. Они же по экономическим интересам или партийной принадлежности обычно оказываются в системах различных и друг другу часто враждебных. Большевик и монархист по партийной связи находятся в двух различных системах взаимодействия; по семейной же связи они могут быть членами одной и той же семьи. В предыдущих схемах (см. схемы) индивиды А и Q по подданству оказываются в различных системах; или, выражаясь

образно, оказываются абонентами различных телефонных сетей: первый является абонентом общества «Русские подданные», второй абонентом общества «Английские подданные». По религиозным связям они оказываются абонентами опять-таки различных систем: первый членом общества «православные», охватывающего всех православных; второй членом общества «католики». По языку, напротив, они оказываются абонентами «одного и того же общества»: «Общества русскоговорящих людей». Когда пускается ток, например, приказ о мобилизации общества «Русские подданные», он соединяет А с В, Р, М, F, E, D и со всеми членами этого общества, но оставляет не включенным в сеть этих абонентов Q, N, C и всех лиц, не подданных России. Когда пускается ток общества «Православные» (напр[имер], призыв патриарха к защите православной веры)¹⁰, он затрагивает А и соединяет его с В, С, Р, D и со всеми абонентами этого общества, т. е. со всеми православными; но он не задевает и оставляет в стороне не включенными: Q, M, E — с одной стороны, и N, F — с другой. Когда начинает работать общество «Люди, считающие своим языком русский язык», тогда А и Q, как и индивиды M, E, вместе со всеми, говорящими на этом языке, оказываются включенными в одну систему; другие же индивиды, с которыми А был абонентом одной и той же системы по отношениям подданства и религии, оказываются не включенными в эту последнюю сеть.

Таким образом, социально-психическая разнородность отношений, лежащих в основе взаимодействия, вызывает, помимо принципа интенсивности взаимодействия, распадение сложных агрегатов на ряд коллективных единств, друг с другом не совпадающих и друг друга не покрывающих. Ряд индивидов оказывается способным группироваться в многочисленные и самые разнородные системы взаимодействия. Линии этих группировок, подобно разноцветным нитям, вычерчивают причудливейшие рисунки, в своей совокупности образующие весьма пестрый и

Глава I. Общие основы социальной группировки индивидов

3 7 3

запутанный узор расслоения в пределах сложного социального агрегата (населения). Обратной стороной такого явления служит тот факт, что в этих условиях каждый индивид нашего времени оказывается членом не одного, а множества коллективных единств. Пользуясь нашим сравнением, мы можем сказать, что каждый из нас является абонентом целого ряда систем взаимодействия, составляемых из большого или малого числа индивидов. Схематически это можно изобразить (см. рис. 5) так. Если А представляет индивида, то он оказывается членом целого ряда соединений или систем взаимодействия: по семейной связи он связан с одной группой лиц и взаимодействует с нею; по подданству он является уже абонентом гораздо более обширного соединения, носящего имя государства; далее по ряду связей он является членом ряда других групп: церкви, профессии, определенного города или села, определенного кооператива, того или иного кружка, клуба или компании и других систем взаимодействия, друг с другом не совпадающих и друг друга не покрывающих.

В этом случае А действительно похож на телефонного абонента, который соединяется то с одной, то с другой, то с третьей реальной совокупностью или, вернее говоря, с лицами, составляющими эту совокупность. Он представляет как бы центр, от которого и к которому идет множество проводников от всех лиц, входящих в ту или иную систему взаимодействия. Эти провода то соединяются с А, то вновь размыкаются. В один момент он соединен с группой, изображающей семью, и действует как член семьи, в другой момент — с группой лиц, составляющей церковь, и действует как православный, в третий момент, как гражданин того или иного государства и т. д.

Рис. 5

В таком же положении находится и каждый индивид. Конечно, число систем взаимодействия, членом коих является каждый человек, не одинаково для каждого индивида: один состоит абонентом весьма значительного количества систем взаимодействия, другой является участником меньшего количества групп. Но можно утверждать смело, что *в наше время всякий индивид включен в целый ряд систем взаимодействия* или реальных совокупностей, с каждой из коих он связан и как часть

374

Система социологии. Том II

влияет на судьбы всей совокупности, т. е. всех входящих в нее индивидов, и обратно, каждая реальная совокупность, абонентом коей он является, влияет на него и так или иначе обуславливает его поступки и переживания.

Таково положение индивида в среде ему подобных. И такова суммарная характеристика строения сложного социального агрегата.

§ 5. Система социальных координат, определяющих положение индивида в социальном пространстве, его социальный вес, характер и поведение

Эта принадлежность индивида к ряду систем взаимодействия представляет собой сложную совокупность координат, определяющих и характеризующих его социальное положение и его социальную физиономию. Подобно тому, как положение точки определяется указанием ее пространственного отношения к осям абсциссы и ординаты, так и социальное положение индивида (а в значительной мере и его поведение) определяется указанием тех систем взаимодействия (коллективных единств или социальных групп), членом коих он является, и той роли, которую он играет в каждой из этих систем. Само собой разумеется, социальная система координат гораздо сложнее системы координат двух или трех измерений. Выражаясь образно, это будет система координат n измерений. Связь индивида с каждой из многих реальных совокупностей, членом которой он состоит, будет играть роль одного измерения. Таких реальных совокупностей будет множество; поэтому и социальная система координат, определяющая социальное положение индивида, будет системой многих измерений.

Определение положения, занимаемого индивидом в этой системе координат, является обычным методом характеристики социального положения, социальной физиономии и общественного веса данного индивида. Перефразируя известную пословицу, можно сказать, «скажи мне, участником каких реальных совокупностей ты являешься и какую роль занимаешь в каждой из них, и я скажу тебе, кто ты».

Любой индивид социально стоит столько, сколько стоят группы, к которым он принадлежит, и место, занимаемое им в каждой из них. Если эти группы влиятельны (напр[имер] государство) и если он там является не десятой спицей в колеснице, то и общественный вес его будет значителен. Если же сама группа будет не влиятельной (напр[имер] общество лыжного спорта), то будь индивид ее председателем, удельный общественный вес его (если он не играет роли в влиятельных группах) будет ничтожным.

Глава I. Общие основы социальной группировки индивидов

375

И действительно, в обычной жизни самым употребительным методом характеристики того или иного неизвестного нам индивида служит сознательное или бессознательное применение «метода социальных координат». Применение его мы наблюдаем во множестве фактов, начиная с «визитных карточек», где кратко

обозначается, членом каких коллективных единств данный индивид является («Член Академии наук», «профессор университета», «редактор такой-то газеты», «секретарь профессионального союза», «управляющий фабрикой или заводом», «присяжный поверенный», «Председатель Губисполкома» и т. д.), и кончая разговорной характеристикой данного лица, сводящейся к указанию тех групп, участником коих он состоит («Он русский и православный, молодой человек, из фамилии Ивановых», «служит в таком-то ведомстве», «занимает такой-то пост», «дворянин», «женат», «по партии кадет», «секретарь общества любителей охоты и гребного спорта», и т. д., вся эта характеристика представляет не что иное, как указание на ряд социальных групп, к которым этот индивид причастен, иначе — определение его места в системе социальных координат). Если такая характеристика будет полной и исчерпывающей, т. е. с исчерпывающей полнотой даст нам перечисление тех реальных совокупностей, к которым индивид прикосновенен, и той роли, которую он там играет, то такая характеристика даст нам достаточно полное определение социального положения данного индивида.

По характеру соответственных реальных совокупностей и его роли в них мы можем составить себе довольно ясное и отчетливое представление об общественном весе данного лица, о его литературных, религиозных, политических и эстетических взглядах и вкусах, о ряде других свойств, определяющих его социальный характер, физиономию и поведение.

Чем дифференцированнее и сложнее та человеческая среда, в которой данный индивид живет, и чем более индивиды отличаются друг от друга, тем система характеризующих индивида социальных координат будет сложнее и подробнее¹.

В первобытных группах, где разделение труда и общественная дифференциация невелики, где все члены группы имеют сходные религиозные, правовые и другие взгляды и вкусы, где обычаи, нравы и поведение членов одинаковы, достаточно сказать, членом какого тотема, какой половой и возрастной группы в пределах тотема индивид является, чтобы тем самым дать довольно полную социальную характеристику, «визитную карточку» индивида. Сказав о нем, что «Х является членом группы камиларои»², мужчина и полновозрастный, раз мы знаем, что представ-

¹ В свое время мы увидим, что рост социальной дифференциации и рост оригинальности, своеобразия индивидов причинно связаны друг с другом. См.: Draghicesco D. Du role de l'individu dans le determinisme sociale. Paris, 1904, passim и гл[ава] об отношении психологии и социологии.

376

Система социологии. Том II

ляет собой племя камиларои, мы тем самым даем полную характеристику данного индивида, ибо этими «тремя измерениями» (указанием тотемической группы, пола и возраста) мы определяем и дальнейшие его свойства: его религия будет такой же, как и у всех членов камиларои, его правовые, нравственные и эстетические вкусы и склонности те же, что и у других членов этого племени, и т. д.

Здесь характеристика индивида, ввиду недифференцированности первобытной группы, исчерпывается тремя-четырьмя измерениями, т. е. указанием трех-четырех коллективных единств, к которым он со-причастен.

Иначе обстоит дело в современной дифференцированной сочелове-ческой среде, где индивиды не похожи друг на друга, где каждый из них своеобразен и оригинален. Здесь, ввиду ее дифференцированности, системы «трех-четырех» измерений обычно слишком мало. Сказать о ком-либо, что «он русский, мужчина, совершеннолетний», — значит сказать слишком мало. Чтобы иметь более или менее ясное представление о человеке, о его «социальной физиономии», нужен еще ряд добавочных координат. Это тем более необходимо, что здесь «могут складываться самые необыкновенные комбинации: в странах, где установлена всеобщая воинская повинность, человеку, духовно и социально стоящему на высшей ступени, приходится подчиняться унтер-офицеру»⁸.

Поэтому ограничиться указанными «тремя измерениями», плюс четвертое — он

«солдат» — слишком мало. Солдатом, русским, совершеннолетним может быть и безграмотный и Менделеев, и крестьянин и дворянин, и нищий и миллионер, и коммунист и монархист, и Иванов и Петров, и атеист и раскольник, и т. д. Чтобы иметь сколько-нибудь определенное представление об индивиде, к этим координатам необходимо добавить ряд новых координат, указывающих, к каким системам взаимодействия — по сословию, профессии, религии, партии, экономическому положению, образованию, семье и т. д. индивид принадлежит. Только при такой полной и сложной системе координат социальная физиономия индивида в дифференцированных группах будет определена; только в этом случае его «визитная карточка» для нас будет много говорящей.

Правда, и здесь эту систему координат можно сделать простой и немногочисленной путем перечисления немногих—двух-трехсоциальных групп, принадлежность к которым уже предполагает принадлежность к ряду других коллективных единств. Так, читая на чьей-либо визитной карточке, что он «профессор Московского университета» или «священник такой-то церкви», или «капитан такого-то полка», мы на основании этого «измерения» решаем, что эти индивиды русские по подданству, мужчины, совершеннолетние и грамотные. (Ибо до недавнего времени

⁸ Зиммель Г. Социальная дифференциация, с. 155-156.

Глава I. Общие основы социальной группировки индивидов

377

нельзя было быть русским профессором, русским священником и русским капитаном, не будучи русским по подданству, мужчиной по полу, грамотным и совершеннолетним.) Но, во-первых, такая сокращенная система социальных координат является сокращенной только внешне; во-вторых, даже и она не дает нам сколько-нибудь полной характеристики индивида: сказать об индивиде, что он «профессор Московского университета» — все же мало; кое-что эта координата дает, но далеко не все. Профессор чего? Какого предмета? К какой партии принадлежит? Женат или холост? К какой семье, к какой фамилии он относится? К какому научному, религиозному и эстетическому толку причисляется? Каким весом пользуется в научных сферах и т. д.? Все это вопросы, на которые «одно указанное измерение» (принадлежность к группе профессоров) не дает ответа, и ответ на которые нужен для сколько-нибудь полного представления об индивиде... Вот почему в дифференцированной социальной среде социальная система координат, определяющих общественное положение, социальную физиономию и поведение индивида, неизбежно становится сложной, многочисленной, состоящей в указании ряда коллективных единств, в которых индивид участвует⁹.

Ограничимся пока сказанным. Эти положения ниже найдут развитие и подтверждение.

⁹ Таково общее правило. Исключением являются лишь немногие выдающиеся личности, но и то скорее исключением кажущимся. Имя Льва Толстого, Менделеева, Вильсона, Достоевского, Дарвина и др. говорит само за себя. Эти лица, получив известность, представляют, так сказать, «самодостаточные величины», одни имена которых дают достаточную характеристику данных лиц. Но легко понять, во-первых, что мы составляем о них представление по их работам или трудам, которые говорят нам, к какой социальной группе в том или ином отношении они себя причисляют (к какому религиозному, нравственному, научному, партийному, литературному течению принадлежат и какое положение занимают в каждой из этих групп), значит они сами устанавливают свое положение в сложной системе социальных координат. Место рекомендации здесь занимает «саморекомендация» путем своих работ; иными словами, и здесь не обходится дело без сложной системы социальных координат: во-вторых — одного знакомства с литературными работами или общественными трудами данных лиц для характеристики их все же недостаточно. Зная Менделеева как химика, прекрасно изучив его химию, мы знаем о его личности мало. Чтобы знать о нем больше, нам необходимо иметь сведения, к каким социальным группам он принадлежал в течение своей жизни и какую роль он в них играл. Без этих знаний, которые обычно даются в

биографиях и автобиографиях известных лиц, мы слишком мало будем знать о Менделееве как о человеке. То же относится и ко всем выдающимся именам. Всякая биография и автобиография, дающие нам понятие о жизни и характере индивидов, представляют не что иное, как перечисление различных социальных групп, членом и участником которых данное лицо состояло в течение своей жизни («родился в таком-то городе, в такой-то семье, учился там, был председателем или деятельным работником в такой-то группе и т. д. — вот обычный материал *curriculum vitae*»¹²). Следовательно], и в этих случаях нет исключения из общего правила.

378

Система социологии. Том II

§ 6. Критика старой теории общественной группировки

В целях правильного понимания предыдущего, как и последующего, здесь необходимо подробнее остановиться на нарисованной картине соотношения коллективных единств или социальной группировки индивидов.

Старые социологи рисовали дело так: перед нами существует «единое общество». Этому «единому обществу» они противопоставляли индивида, личность. Иногда, говорили они, индивид солидарен с обществом, иногда — он антагонизирует с ним. «Интересы общества и личности солидарны», говорят нам одни. «Интересы личности и общества противоположны», «между ними существуют — антиномии», говорят нам другие¹⁰. Отсюда — проблема личности и общества, одно время весьма сильно занимавшая умы социологов.

Из этих положений вытекало, что между индивидом и «обществом как целым» нет никаких посредствующих групп, что первый принадлежит и может принадлежать только к единому обществу, а не ко многим, что его социальное положение определяется системой *одного измерения* — принадлежностью к одному определенному «обществу», а не системой координат многих измерений. Само это «единое общество» рисовалось в форме какого-то круга, внутри которого живут — то солидаризируясь с ним, то антагонизируя, составляющие его индивиды. Вся поверхность земли, с этой точки зрения, представлялась разделенной на ряд территорий, каждая из которых была занята «единым обществом», причем границы этих обществ пересекаться не могли, пространственно эти «единые общества» совмещаться не могли, т. е. на одной и той же территории не могли существовать два «единых общества».

На одном полюсе социологи видели «единое общество» (или «общество как целое»), на другом — личность. Образно дело рисовалось так: дано на определенной территории (напр[имер], в границах России, Франции, Англии) множество индивидов. Эти индивиды связаны друг с другом социальной связью и в своей совокупности составляют «единое общество» как целое, например, русское общество, в отличие от английского. Индивид, как единица, временами противостоит этому «обществу», временами солидарен с ним.

В итоге получалась довольно простая картина, резюмируемая в положении: «общество и личность»... Схемой таких представлений может быть такой рисунок (см. рис. 6). Дано «единое общество» № 1, в котором все члены принадлежат только к нему и не входят ни в какое другое общество. Каждый из индивидов, например А, противостоит всем осталь-

¹⁰ См., напр[имер], Михайловский Н.К. Что такое прогресс; Борьба за индивидуальность; *Palante G. Les antinomies l'individu et la societe*. Paris: Alcan, 1913.

Глава I. Общие основы социальной группировки индивидов

379

ным, образующим «общество». Рядом с таким «обществом № 1» даны не пересекающиеся с ним «общества № 2, № 3» и т. д., в которых опять повторяется та же антиномия или гармония «личности и общества»¹¹.

В основе таких представлений лежали определенные, хотя и не всегда осознанные предпосылки, а именно: 1) *предпосылка пространственно-территориальной несовместимости многих «обществ», заимствованная у государствоведов*; 2)

предпосылка единой социальной связи; 3) предпосылка, состоящая в том, что индивид может принадлежать только к одному «обществу», а не ко многим; 4) предпосылка существования «общества вообще».

В настоящее время как эти предпосылки, так и очерченное представление о существовании какого-то «единого общества» или «общества как целого» должны быть сданы в архив. Быть может, в отдаленные времена, когда люди жили островками на поверхности земли, когда одна группа людей, сожительствующих вместе, была отделена от других групп огромными пространствами, когда они абсолютно не соприкасались друг с другом и были совершенно изолированы, — в такие времена, быть может, и существовало нечто подобное тому, что рисует очерченная теория «единого общества». Но с момента, когда китайские стены, изолировавшие одну такую группу от других,

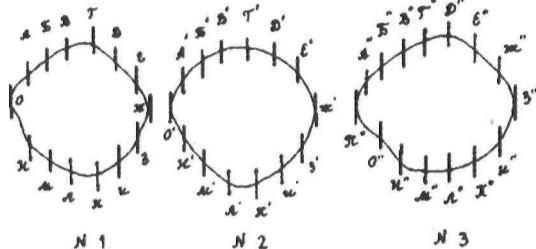

Рис. 6

пали, когда между ними установилась диффузия, возникли сношения и обмен (в форме торговли, военных действий, умыкания женщин, мирных сношений и т. д.), когда появилась социальная дифференциация, с этого времени такие понятия и представления становятся ошибочными и не соответствующими действительности...

Иными словами, я утверждаю, что: 1) неверна предпосылка территориальной несовместимости или непроницаемости многих «обществ» или «коллективных единств», 2) неверна предпосылка единой социальной связи, 3) неверно, что индивид принадлежит к единому обществу, 4) неверно, что существует какое-то единое общество, гармонизирующее или противостоящее личности.

¹ Такова напр [имер], концепция *De Greefa* в его книге *La Structure Generate des Societes*. 1908, vol. I—III.

380

Система социологии. Том II

Вся предыдущая концепция — продукт поверхностного анализа явлений и сознательная или бессознательная «отрывка» органической теории общества...

Эти выводы следуют из всего предыдущего. Они же следуют и из того, что будет сказано ниже. Постараемся кратко показать это. Начнем с рассмотрения предпосылок.

Государствоведы нас учат, что на одной и той же территории два государства несовместимы. Такое положение имело бы значимость, если бы группировка индивидов в коллективные единства исчерпывалась государственной группировкой, если бы «общество» отождествлялось с государством. Но, во-первых, и в применении к государству этот принцип территориальной несовместимости двух государств не всегда верен: я разумею явления союзных государств. (См. ниже § о государственной группировке.) Во-вторых, нужно быть слепым, чтобы не видеть, что группировка индивидов в государственные коллективы есть лишь одна из многих видов группировок их в другие единства. Помимо государственных групп существуют коллективы: религиозные, профессиональные, партийные, расовые, языковые, границы которых не совпадают с границами государственной группировки: одно и то же государство состоит из лиц, принадлежащих к различным церквам, и обратно: лица, принадлежащие к одной религии, состоят подданными различных государств. То же применимо и к остальным группам.

Думать, что социальная группировка индивидов исчерпывается государственной группировкой, или социальное расслоение населения исчерпывается расслоением его по государствам, значит утверждать нелепость (см. ниже).

Отсюда следует, что на одной и той же территории существуют и могут существовать не одно, а ряд коллективных единств, друг с другом не совпадающих. Так, на территории России как политического единства сосуществует множество коллективов или «обществ», то заключенных в пределах этой территории, то пересекающих ее и выходящих за ее пределы; таковы коллективы: «православные», «католики», «протестанты», члены которых состоят абонентами «обществ»: «католическая церковь», «православная церковь» и т. д., обществ, отличных от общества «Русское государство» и не совпадающих с ним и сосуществующих на одной территории с последним. Таковы коллективы: «поляки», «украинцы», «черемисы», «евреи» и т. д., опять-таки сосуществующие с «Россией», в пределах «России», то включенные в территорию русского государства, то выходящие за его пределы. Таковы далее коллективные единства: партийные (напр[имер], коммунисты, социалисты, монархисты, республиканцы и т. д.), профессиональные союзы и т. д.

Сказанного достаточно, чтобы признать тезис пространственной несовместимости или «непроницаемости» двух групп ложным. Если этот

Глава I. Общие основы социальной группировки индивидов

3 81

тезис частично применим к некоторым однородным группировкам, в частности к государственным, то он совершенно ложен в применении к разнородным группировкам. В этом смысле Зиммель прав, говоря:

Gewisse Verbindungstypen können ihrer ganzen soziologischen Form nach sich nur so verwirklichen, dass innerhalb des Raumgebietes, das von einem ihrer Exemplare erfüllt wird, für kein Zweites, Platz ist. Von andern dagegen kann eine beliebige Zahl — soziologisch gleich gearteter — denselben Umfang erfüllen, indem sie gegenseitig gleichsam permeabel sind; weil sie keine innerliche Beziehung zum Raum haben, können sie auch nicht in räumliche Kollisionen geraten^{13*}. Примером первой группы Зиммель указывает государство, примером второй — церковь¹².

Перейдем ко второй и третьей предпосылке. Раз существует «единое общество», противостоящее личности, то естественным выводом отсюда является положение, что индивид может принадлежать лишь к одному этому «единому обществу», что он не может принадлежать ко многим обществам. Другой стороной этого положения является утверждение, что социальная связь, соединяющая индивида с обществом, является связью одного измерения, что он может быть относим лишь к одному обществу.

Вышесказанное о принадлежности индивида ко многим коллективным единствам, друг с другом не совпадающим (к семье, к государству, к церкви, к профессии, союзу, etc.) делает критику этих положений излишней.

Мы видим, что система социальных координат не является системой одного измерения, а системой многих измерений. Индивид оказывается принадлежащим не к какому-то «единому обществу», а ко множеству систем взаимодействия или коллективных единств. Он связан нитями взаимодействия не с каким-то «единым обществом», а с множеством групп, образующихся в силу различной интенсивности взаимодействия между различными индивидами и в силу различности содержания и характера процессов взаимодействия. Сами эти коллективные единства взаимодействующих индивидов не представляются кругами, не пересекающимися друг с другом, не совмещающимися в едином пространстве, а кругами, пересекающимися друг друга, образующими чрезвычайно пестрый узор и сосуществующими в пределах одного и того же пространства. Схемой такого представления будет не рисунок, приведенный выше, а рисунок совершенно иной (см. рис. 7).

Схема. Пусть А, В, С, D, Е, F, G, М представляют ряд индивидов, живущих совместно, в пределах одной территории (население). Они, как было указано выше, образуют не «единое общество», не одну систему

¹² Simmel G. Soziologie, S. 617-618. См. всю главу «Der Raum und rauml. Ordnungen der Gesellschaft».

взаимодействия, а несколько. Так, по связям подданства А, В, С, D, Е (русские подданные) составят одну систему (она изображена линией ABCDE), куда остальные индивиды не входят. По профессии эти же индивиды дадут уже иную картину. Так, А, В, Е, G, F по профессии рабочие фабрики (связь изображена пунктирной линией) составят иную систему взаимодействия. По религии распределение получится иное. В, С, М, Е, F (православные) составят новую группу (связь изображена линией ломаной).

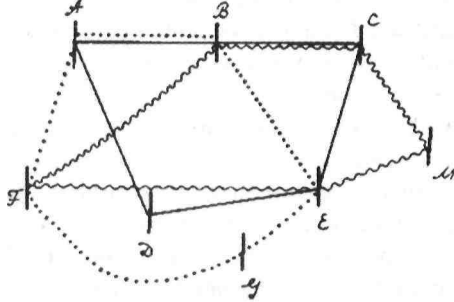

Рис. 7

Из этой упрощенной схемы видно, что одни и те же индивиды, комбинируясь разное, дают ряд «обществ», а не одно, что на одном и том же пространстве может существовать и существует не единое общество, а множество обществ, что индивид, например А, принадлежит не к одному, а к ряду «обществ». Вот почему ложна очерченная выше старая теория общественной группировки. Вот почему приходится сдать в архив представление о каком-то едином обществе. Мы видим из этой схемы, что такого «единого общества вообще» нет. А есть ряд систем взаимодействия. Какую из этих трех систем взаимодействия (означенных в схеме), образуемых индивидами, мы назовем «единым обществом»: политическое ли коллективное единство (система, образуемая А, В, С, D, Е), или религиозное (общество, образуемое В, С, М, Е, F), или профессиональную группу (общество, образуемое А, В, Е, G, F)? Если каждое из них нельзя свести к остальным, если каждая из этих систем взаимодействия не совпадает с остальными, то где же и в чем же искать это «единое общество»? Если одну из этих группировок мы назовем «единым обществом», то какое право имеем мы игнорировать другие? Почему тогда и эти другие не назвать также «едиными обществами»? А если это мы сделаем, то в итоге получаем множество «единых обществ», т. е. противоречим своей исходной посылке: данности какого-то единого общества.

Скажут, что за пределами или позади всех этих частичных группировок все же есть и существует «единое общество». Но где оно и в чем оно проявляет свое бытие? — спрошу я в ответ на такое возражение. Если

Глава I. Общие основы социальной группировки индивидов

383

исчерпаете все подобные «частичные» группировки, то позади их или под ними вы не получите никакого «единого общества вообще», ничего, кроме пустого слова.

Росс, довольно здравый наблюдатель социальной действительности, не вполне еще порвавший (в отличие от Ваксвейлера, Дюпреля и др.) с иллюзией «единого общества», все же принужден был заявить следующее: «Старое онтологическое понятие об обществе, — говорит он, — закрывало наши глаза на ряд мелких групп, которые лежат между индивидом и целым обществом, групп, борющихся с последним за верноподданство индивида». Сообразно с этим он второй основной тенденцией современной социологической мысли считает тенденцию: «смотреть на общество, как на театр борьбы между классами, корпорациями и партиями за победу их соответственных интересов»¹³.

Как видно отсюда, Росс правильно отметил эту тенденцию, но остановился на полдороге: он все же допускает существование какого-то «единого общества», общества как целого позади этих «мелких и частных» групп. Предыдущий анализ делает это допущение излишним и ошибочным.

Позади множества частных групп или систем взаимодействия не приходится

искать никакого «общества как целого» или «общества вообще».

На это могут возразить, что все же позади этих частных группировок есть «единое общество». Таковым, скажут, являются все сосуществующие вместе индивиды (население). Несмотря на ряд дифференцирующих моментов, объединяющих индивидов, живущих в пределах одной территории, в различные не совпадающие друг с другом коллективы, все они тем не менее образуют нечто единое, составят «общество вообще». На это я спрошу в свою очередь: а как велика должна быть территория, на которой живут эти индивиды, чтобы составить это таинственное единое общество? Составят ли его индивиды одного дома, одной улицы, одной деревни, одного города, уезда, губернии, государства или всего земного шара? Если нельзя остановиться на территории одного дома, то где резоны, что население одной губернии или государства может составить искомое единое общество? Мало того, чем мы будем руководствоваться при проведении территориальных границ, превращающих совокупность сожителевующих вместе индивидов в «целое общество»? Если возьмем критерий политических границ (уезд, губерния, государство), то мы видели, что они являются границами относительными и не совпадающими с границами группировок по другим принципам — религиозному, партийному, профессиональному и т. д. С таким же правом можно взять за критерий и эти последние принципы. А в таком случае мы снова приходим к плюрализму обществ.

¹³ Ross E. Foundations, p. 272 и ел.

3 84

Система социологии. Том II

Далее, сама группировка по территориальному соседству — общности постоянного местожительства, как увидим ниже, есть одна из частных группировок в ряду многих других.

В итоге *«общество вообще» может означать лишь всякую совокупность сосуществующих и взаимодействующих людей, всякое население, члены которого имеют общение между собою, и только.* Это значит, что общество в смысле населения служит отправным пунктом анализа, а не его конечным результатом, оно нерасчлененный комплекс явлений, который должен быть разложен, а не конечная цель исследования.

Отсюда, как более подробно покажем ниже, следуют выводы.

1) С критикуемым представлением «общества» и традиционной теорией социальной группировки приходится покончить.

2) Ошибочно противопоставлять личность какому-то «единому» обществу, как это делают многие еще и теперь¹⁴. (См. ниже § Общество и личность, и начало главы «Обзор и критика основных теорий социального явления».)

Сообразно с этим и проблема группировки индивидов принимает совершенно иной вид. Индивиды больше не представляются в виде лиц, связанных друг с другом *единой* веревкой единого общества и в своей совокупности образующих «единое общество».

Картина, говоря образно, будет совершенно иная. Она будет похожа на множество столбов, спутанных друг с другом многими рядами проволоки или проводов. Один ряд проводов соединяет одни столбы, другой ряд — другие, частью входящие в первую сеть, частью — новые, третий ряд проводов соединяет опять новые столбы, часть из которых входит в первую и вторую сеть, часть не входит ни в ту, ни в другую; далее идет четвертый, пятый, шестой ряд проводов и т. д. Каждый ряд проводов (связей взаимодействия) дает сеть, отличную от других сетей, образуемых другими рядами проводов. В совокупности своей все эти ряды проводов образуют сложнейшую и запутаннейшую совокупность систем взаимодействия, друг с другом не совпадающих и друг друга пересекающих. Один и тот же столб А одним рядом проводов окажется связанным с одними столбами: с В, С, Д... другим рядом проводов — с другими... с С, З, М, третьим — с третьими: с Д, М, Н, О... Если допустим, что эти столбы двигаются, то движения (поведение) каждого столба будет представлять равнодействующую движений различных систем взаимодействия (образуемых первым, вторым, третьим и т. д. рядами проводов, соединяющих различную совокупность столбов), с которыми он соединен. Его

движения будут отражаться на столбах, с которыми он связан различными рядами проводов, и обратно, движения столбов, входящих в различные системы взаимодействия, с ним связанные, будут

¹⁴ См., напр[имер]: *Новгородцев ТИМ.* Об общественном идеале. М., 1917; *Гессен И.* Искания обществ[енного] идеала. Пг., 1919.

Глава I. Общие основы социальной группировки индивидов

3 85

отражаться на его поведении. В одних случаях, когда все столбы, соединенные с ним первым рядом проводов, и образующие первую систему взаимодействия, и все столбы второй, третьей и т. д. систем взаимодействия, с которыми он связан вторым, пятым, седьмым рядом проводов, — устремятся в одну сторону, туда же устремится и он, в других, когда одна система взаимодействия будет тянуть его вправо, а другая влево — столб будет разрываться на части и т. д. *Такова упрощенная «механическая» модель социальной группировки индивидов или соотношения множества систем взаимодействия в современной среде сосуществования и взаимодействия людей.*

Подставьте в эту модель вместо столбов людей — и вы получите приблизительное представление социальной группировки людей в коллективные единства.

В итоге сказанного мы видим, что как вся обычно рисуемая картина социальной группировки индивидов, так и предпосылки, лежащие в ее основе, неверны. Существует множество «обществ» или коллективных единств, и нет никакого «общества вообще». Удалите эти «частные» группировки и за ними или позади их вы не получите никакого «общества вообще», противостоящего индивиду, а только простую сумму индивидов. Ограничимся пока этими замечаниями. Ниже, в §§ о взаимоотношении личности и общества, а равно во вступительных замечаниях к главе, посвященной обзору и критике главнейших теорий социального явления, эти соображения будут дополнены.

Раз не приходится искать «единого общества», а дано множество обществ или систем взаимодействия, то сам собой встает вопрос: какие же из этих группировок наиболее важны и социально действенны.

Перейдем к решению этой проблемы.

§ 7. Важнейшие социальные группировки и линии социального расслоения населения

Критерии социального могущества групп

Из предыдущего следует, что всякое население, заселяющее ту или иную территорию, не представляет собой однородную, «серую» массу, члены которой одинаково крепко связаны друг с другом, а распадается на множество коллективных единств. Как правильно говорит Bentley, «само общество представляет не что иное, как комплекс групп, из которых оно состоит» и реально «является лишь массой людей и ничем больше»¹⁵.

Подобно слюде, легко расслаивающейся на ряд пластов, и население расслаивается на множество слоев или социальных групп, с тем разли-

¹⁵ Bentley A. The process of government. 1908, p. 222.

13 Система социологии

3 8 6

Система социологии. Том II

чием от слюды, что слои здесь идут не только горизонтально, но и вертикально, и во всех других направлениях, пересекаясь, скрещиваясь и пронизывая друг друга.

Обратной стороной этого явления служит тот факт, что каждый человеческий атом оказывается членом, «абонентом», не только одного, а множества социальных групп.

Констатируя эту сложность строения населения, теперь спросим себя: *нельзя ли эту чрезвычайно численную множественность социальных групп, на которые распадается население, свести к небольшому числу главнейших коллективных единств? Нельзя ли из неограниченного множества последних выделить основные?*

Мы видели, что линии социального расслоения на коллективные единства чрезвычайно многочисленны и образуют в своей совокупности пестрое и сложнейшее

кружево. Изучать все эти мельчайшие и многочисленные линии расслоения — нет возможности. Социолог пока что не может составить детальнейшей социологической карты, которая указывала бы линии всех коллективных единств, на которые распадается население, начиная от таких коллективов,¹ как «кружок любителей фотографии», и кончая государственными или классовыми группами. При данном состоянии науки необходимо упрощение и экономия сил. Немалым шагом вперед, по сравнению с концепциями старой социологии, будет, если социолог попытается указать *важнейшие* социальные группы, на которые расслаивается население. Ценным приобретением науки будет, если ему удастся составить социологическую карту строения населения, указывающую хотя бы только «губернские и уездные» линии расслоения населения, без указания сел и деревень. Короче, перед нами стоит задача выделения важнейших групп, на которые расслаивается население.

Попытаемся решить ее. Какие группы из множества коллективов, на которые распадается население, наиболее важны, это зависит от критерия важности. Наш ответ на этот вопрос предreshен всем предыдущим: раз мы изучаем реальные коллективные единства, раз мы стремимся познать функциональные и причинные отношения в социальных процессах, то, очевидно, наиболее важными для нас будут те группировки, *которые наиболее могущественны, которые оказывают наибольшее «давление» или влияние на ход общественных процессов и на судьбу населения вообще. Иными словами, те, которые играют значительную историческую роль.* Группы в других отношениях, быть может, очень важные, но в смысле социальной действенности — влияния на ход событий и судьбу населения — имеющие ничтожное значение, такие группы для нас совершенно не интересны. Как социальная сила, они не имеют значения. Таков общий ответ на поставленный вопрос. Он суммарен и не вполне точен. Спрашивается: *какие же именно группы являются наиболее могу-*

Глава I. Общие основы социальной группировки индивидов

3 8 7

ущественными? Нельзя ли указать ряд условий, наличность которых служит порукой социальной могущественности группы?

Так как социальные процессы, в конечном счете, совершаются чрез людей, создаются их поведением, то, очевидно, *наиболее могущественными будут те коллективные единства, которые наиболее интенсивно влияют (обуславливают, изменяют) на поведение людей.* При прочих равных условиях из двух групп более могущественной будет та, которая *наиболее интенсивно обуславливает поведение равного количества людей*, а из двух групп, одинаково интенсивно влияющих на поведение индивидов, более могущественной будет та, которая обуславливает *поведение большего числа человеческих единиц.* Если представим себе две группы, из которых одна чрезвычайно слабо — и количественно, и качественно — влияет на поведение 5000 человек, не предопределяет его в ту или иную сторону, а другая, напротив, своими действиями заставляет эти 5000 индивидов вести себя совершенно определенно, совершать одни акты и воздерживаться от других, то, очевидно, вторая группа является «фокусом сил» более могущественных, чем первая. Ее давление на ход общественных процессов будет более значительно, чем давление первой. Если предположим, далее, две группы, одинаково интенсивно влияющие на поведение людей, но с тем различием, что первая обуславливает поведение 50 человек, а вторая — поведение 50 000, то, очевидно, социальная роль их будет далеко не равной. Так, банда разбойников, состоящая из 50 индивидов, может чрезвычайно интенсивно обуславливать поведение своих членов. Но в силу того, что она немногочисленна, ввиду того, что она является ипсиг'ом, общее влияние ее на судьбу населения и на ход истории будет бесконечно меньшим по сравнению с влиянием, скажем, такой же банды разбойников, так же сильно влияющей на поведение своих членов, но состоящей из 50 000 членов.

Сказанное означает, что конкретно могущество каждой группы может быть определяемо в двух плоскостях: 1) в сфере обуславливания ею поведения своих членов, ее

«абонентов», 2) в сфере обусловливания поведения других индивидов, не являющихся ее участниками. Чем сильнее и продолжительнее принадлежность к определенной группе влияет на поведение, переживания и вообще судьбу ее членов, с одной стороны, с другой, чем сильнее давление всей группы на поведение всего населения, т. е. лиц, не входящих в ее состав, или на поведение иных групп, тем, *ceteris paribus*, группа будет могущественнее, тем большим фокусом исторических сил она является, тем интенсивнее она обусловливает своим поведением судьбу населения и ход исторических событий вообще. Если группа интенсивно обусловливает поведение своих членов (например] маленькая секта), но имеет ничтожное влияние на поведение других групп, т. е. населения вообще, то ее социальное могущество будет ничтожным. Она явится фокусом сил, поле действия которых весьма

388

Система социологии. Том II

узко. Если же принадлежность к группе предопределяет поведение ее членов в весьма слабой степени или не предопределяет вовсе, то такая группа — мнимая группа, она будет давать столь слабые токи, что они не в состоянии будут приводить в действие человеческие машины. Таким образом, *общими условиями могущества социальной группы служат*: 1) *влияние и обусловливание ею, в силу принадлежности к числу ее членов, поведения последних*; это необходимое условие для того, чтобы группа была фокусом сил; 2) *влияние ее на поведение членов других групп, т. е. населения вообще*. Без первого условия группа вообще не может быть действенной. Без второго условия район влияния испускаемых ею сил будет ограниченным. Из двух групп, одинаково интенсивно обусловливающих поведение своих членов, более могущественной (*ceteris paribus*) будет та, объем влияния которой на другие группы и на жизнь населения вообще будет значительно больше качественно и количественно.

Из сказанного видно, что в основу важности группы я кладу принцип *действенности функциональной связи поведения одних индивидов с поведением других*.

Сделаем теперь еще один шаг. Спрашивается, какая же социальная группа является группой, имеющей наибольшее влияние на поведение других групп (их членов) и на судьбу всего населения, иными словами, на ход истории вообще?

Из многих условий, имеющих значение в этом отношении, наиболее важны следующие признаки: 1) *количество членов группы*, 2) *степень распространенности данной группировки*, 3) *степень ее солидарности*, 4) *степень ее организованности* и 5) *имеющийся в ее распоряжении технический аппарат воздействия на поведение людей*. При прочих равных условиях из двух группировок, одинаково интенсивно обусловливающих поведение и переживания своих членов, более могущественной (следовательно, более сильно влияющей на поведение других группировок) будет та: 1) *число членов которой больше*, 2) *которая наиболее распространена*, 3) *члены которой более солидарны*, 4) *которая наиболее организована* и 5) *обладает более совершенным техническим аппаратом*.

Дадим необходимые комментарии. Если мы имеем две группировки, одна из которых охватывает 10 человек, а другая 1000 000, то, при прочих равных условиях, «могущество», а следовательно, и степень общественного влияния второй группировки будет гораздо значительнее, чем первой. Поведение 10 человек мало изменит ход социальных событий, поведение 1000 000 может дать «историческое событие». Забастовка 10-ти человек пройдет бесследно для хода общественной жизни, забастовка 1000 000 рабочих (*ceteris paribus*) — «общественное событие». С этой точки зрения важность маленькой секты и важность государства, одинаково интенсивно обусловливающих поведение своих членов, не равны: государственную группировку мы должны признать более важной, ибо она

Глава I. Общие основы социальной группировки индивидов

389

охватывает и обусловливает поведение гораздо большего числа лиц, чем секта; в силу этого и влияние государственной группировки на судьбу других группировок и на ход истории будет более значительным¹⁶.

Перейдем к комментированию второго условия: распространенности группировки. По существу это условие сводится к первому — к численности членов данной группировки. Суть дела в следующем. Может быть группа, например семья, состоящая из малого числа членов. Согласно сказанному, социальную важность семейной группировки мы должны были бы признать незначительной. Но так как семейная группировка оказывается весьма распространенной, так как семей, построенных на сходных социально-правовых началах, оказывается множество, а не одна или немного, так как совокупность семейственных группировок охватывает огромное количество индивидов, гораздо большее, чем число индивидов, охватываемое той или иной сектой или партией или даже совокупностью последних (ибо далеко не все люди входят в ту или иную партию, тогда как почти все люди являются членами той или иной семьи), то *ceteris paribus*, семейную группировку мы должны признать более важной, т. е. сильнее обуславливающей поведение других групп и всего населения, чем группировку партийную или сектантскую. Влияния партий можно избежать. Влияние семьи обычно неизбежно. Не все люди входят в ту или иную партию. Почти все люди состоят членами семьи. В партийную «переделку» индивид поступает взрослым. В семейную — с момента рождения; здесь он формируется, получает сознательную или бессознательную обработку (воспитание, обуславливающее на всю жизнь его вкусы, убеждения, симпатии, словом — поведение и переживания индивида). Влияние *каждой отдельной* семьи на поведение и судьбы других коллективных единств незначительно, но влияние *совокупности семейств*, образующих семейную группировку, — огромно. Совокупность лиц, являющихся членами множества семейств, громадна. Вся семейная группировка похожа на громадное войско, состоящее из множества отдельных групп; хотя в этом войске нет главнокомандующего и единого штаба, но тем не менее оно в ряде случаев, когда затрагиваются семейные интересы, в силу сходства организации, действует солидарно и однообразно. Все группы защищаются против общего врага или солидарно отражают нападение несемейных групп на семейный институт. Как видно из сказанного, распространенность семейной группировки, в конечном счете, есть иное выражение ее численности. Условие распространенности группировки сводится к первому условию, к условию многочисленности членов данной группы.

¹⁶ В этом смысле заслуживают полного внимания соображения *Каста*, касающиеся численности группы как одного из условий ее силы и могущества. См.: *Coste A. Inexperience des peuples*, p. 591-610 и *passim*; *Les principes d'une sociologie*, гл. XV.

390

Система социологии. Том II

Перейдем теперь к комментированию третьего условия: к солидарности. Что следует понимать под солидарным поведением взаимодействующих лиц — указано было выше (см. т. 1, гл. V, § об антагонистическом и солидарном взаимодействии). Легко понять, что из двух групп, одинаковой численности и сходных во всех других отношениях, более сильной будет та, члены которой солидарнее действуют. В группе, где члены антагонизируют друг с другом, где между их поведением постоянны конфликты, борьба, в такой группе силы ее членов будут сгорать в процессе внутреннего трения; они будут взаимно уничтожать друг друга и потому не будут в состоянии оказывать значительного влияния на другие коллективные единства, — на людей, находящихся вне пределов данной группы, не состоящих ее членами, т. е. на жизнь всего населения. Иначе обстоит дело в группе солидарной. Здесь (*ceteris paribus*) силы ее членов не уничтожаются во взаимной борьбе, а все они единодушно и согласованно направлены в одну сторону, к достижению общих заданий; все они дают кинетическую энергию действия, обращенного за пределы группы, на судьбу и поведение других групп и других людей, не являющихся ее участниками. Естественно, что влияние такой реальной солидарной совокупности на поведение и судьбы других коллективных единств будет гораздо значительнее, чем влияние такой же, но антагонистической группы. Энергия последней исчезает во внутренней борьбе, энергия первой вся направлена на борьбу с другими коллективными

единствами. Сказанное делает излишними дальнейшие комментарии¹⁷.

Перейдем к четвертому условию — к *организованности*.

В свое время было указано, что *организованность (шаблонность) группы и ее солидарность* — явления различные. Организованное коллективное единство может быть и солидарным, и антагонистическим. И обратно, солидарные и антагонистические группы могут быть и организованными, и неорганизованными. Так, государственное коллективное единство может быть организованным, в нем может существовать порядок, шаблон взаимоотношений, исполнение своих функций каждым из членов государства потому, что граждане государства солидарны, стремятся к общим целям и одинаково сознают необходимость исполнения своих обязанностей, соблюдения порядка и правовых норм. Тот же порядок может существовать в государстве (фактически чаще всего так и бывает) при наличии антагонизма между членами в силу принуждения, угроз, наказаний и насилия, производимого органами власти над непокорными гражданами. Нарушение организации и поряд-

¹⁷ Спенсер Г. Осн[ования] соц[иологии], т. II, 429 и ел. «Из двух племен или из двух больших общин, одинаковых по численности, характеру и условиям, победа будет на стороне той, в которой все способные члены соединяются в общем действии, а не на стороне той, в которой этого нет. Это предложение почти трюизм», — правильно говорит Спенсер.

Глава I. Общие основы социальной группировки индивидов

3 91

ка, вытекающее из антагонизма, здесь депрессируется принудительными мерами. Благодаря им, несмотря на внутrigосударственные антагонизмы, государственный коллектив остается обычно организованным. То же можно сказать и о неорганизованных коллективах. Так, беспорядочная толпа может состоять из лиц, антагонизирующих друг с другом. Толпа же может состоять и из лиц, солидарных между собою, охваченных одним порывом, одним стремлением.

Для влияния любой группировки на поведение и судьбу других коллективов важны не только степень обусловленности ею поведения своих членов, не только численность (распространенность) этих последних, не только их солидарность, но и *степень рациональной организованности их взаимоотношений*.

По целесообразности и рациональности организованность социальной группы может иметь *различные степени*, начиная со *спонтанной организованности*, никем сознательно не устанавливаемой, но само собой побуждающей к совместным действиям, направленным к достижению общих заданий (такова, напр[имер], организованность семейной группировки — всех семейств, заставляющая членов множества семей одинаково реагировать без всяких директив центральной власти, каковой здесь нет), и кончая *организованностью целеполагатель-ной, обдуманной*. Внешним симптомом этой более высокой организованности коллективного единства служит обычно наличие в нем определенных норм поведения, во-первых, во-вторых, как следствие этого явления, наличие того или иного *правительственного центра*, регулирующего согласно с нормами поведение членов группы и дающего директивы. Таким правительственным центром является в государственных группах государственная власть со всеми своими агентами, в партии — центральный комитет, caucus, boss, machine^{14*} со своими подчиненными органами, в профессиональных объединениях — правление профессионального союза или центральный орган профессиональных синдикатов и конфедераций, в церкви — синод, патриарх, папа с подчиненными агентами, в семье — глава последней и т. д. Эти правительственные центры социальных групп играют роль руководителей и агентов центральной электрической станции, обслуживающей множество абонентов: они дают токи, пробегающие по всей сети данного коллектива и «дергающие» абонентов последнего, т. е. членов данной группы.

Иными словами, общим признаком более высокой организованности того или иного коллектива служит факт распада его членов на две группы: *управляющих и*

управляемых. Такое распадение — общий признак организованных групп, как длительно существующих, так и кратковременных. Если, например, группа бастующих рабочих является

392

Система социологии. Том II

организованной группой, то в ней налицо должен быть свой правительственный центр, в виде комитета или лица, руководящих забастовкой. В противном случае забастовка носит «стихийный», мало организованный характер, и группа бастующих представляет группу плохо организованную.

Таков четвертый признак социальной действенности или важности коллективного единства.

Значение его, как увидим ниже, особенно резко проявляется в тех коллективных единствах (напр[имер] в расовых коллективах), которые потенциально могли бы иметь колоссальное влияние на жизнь и судьбы населения, но фактически играют гораздо более скромную роль в силу своей неорганизованности или в силу малой и нерациональной организации. Организованность целеполагательная, проявляющаяся в существовании правительственного центра, дает при одинаковой затрате сил больше эффекта, чем организованность спонтанная; первая более важна с точки зрения влияния группы. Однако в ряде случаев нам придется учитывать и спонтанно организованные группы.

Из двух одинаково численных и солидарных коллективных единств (*ceteris paribus*) более влиятельным будет то, которое организовано, по сравнению с тем, которое не организовано. Толпа, одинаково солидарно настроенная, но неорганизованная (напр[имер] многотысячный митинг), где члены действуют вразброд, где дисциплины нет, где нет разделения функций, где каждый действует как попало, где одни «рвутся в облака», другие «пятятся назад», а третьи «тянут в воду», такая толпа, несмотря на солидарное настроение, несмотря на сильное обусловливание поведения своих членов, может быть легко разбита и побеждена гораздо меньшей, но дисциплинированной, организованной толпой, в виде небольшого отряда полиции или войска, в котором организация высока, где дано разделение функций, имеется общий план действий и точно выполняемый шаблон поведения каждого солдата или полицейского.

Н.И. Лазаревский прав, указывая на то, что власть количественно слабее народа, но сильнее его качественно, благодаря организованности своих агентов. «Король один или даже со всей армией слабее всего народа, но, — правильно подчеркивает он далее, — дело в том, что король со своей армией или даже с одной Полицией является силой, действующей планомерно, совместно, тогда как народ, поскольку он не повинует властям, действует вразброд. Конечно, никакой армии не хватит для того, чтобы подавить отказ всего населения повиноваться правительственным властям, и нет той физической силы, которая могла бы вынудить исполнение приказов властей, если бы население государства в один прекрасный день все, скопом, решило этих приказов отныне не исполнять. Но такого скопа в действительности никогда не бывает, власти организо-

Глава I. Общие основы социальной группировки индивидов

393

ванные, совместно, согласно действующие имеют перед собой разрозненно действующих обывателей»¹⁸.

Из сказанного ясно значение этого условия. При прочих равных условиях из двух групп более важной будет та, которая более организована, т. е. члены которой обнаруживают большую согласованность поведения и единство действия. В силу сказанного социально важными группировками являются только группировки, организованные в указанном смысле слова.

Говоря об организованности, я включаю сюда и *рациональность* последней, т. е. организованность, дающую возможность достигать максимума целевого эффекта при минимуме сил и траты энергии. А так как подобный максимум эффекта требует для своей возможности координации поведения *на основе точного знания*, то значит, *условие рациональной организованности в скрытом виде включает в себя и условие знания*,

количественную и качественную величину последнего, имеющуюся в данной группе.

Отсюда следует, что, например, профессионально-классовая группировка рабочих, весьма численная, потенциально солидарная, реальной силой становится лишь тогда, когда между рабочими одной или близких профессий всего мира, сначала спонтанно (стихийные рабочие движения), потом сознательно устанавливается взаимодействие, когда это взаимодействие становится организованным рационально, т. е. когда возникает рациональная согласованность действий «пролетариев всех стран», появляется их правящий центр и т. д. Пока последнего условия нет, социальная важность данной группировки (потенциально огромная) фактически невелика¹⁹.

¹⁸ Лазаревский Н.И. Русск[ое] государственное] право, с. 14. Тот же факт в области партийной жизни подчеркивает М.Я. Острогорский: Une poignée d'hommes suffit a faire une puissance organisation embrassant des milliers d'électeurs^{15*} (Ostrogorski M. La démocratie et les partis politiques. 1912, p. 157).

¹⁹ Как видно из сказанного, наши критерии «социального могущества» той или иной группировки частично сходны, частично отличны от критериев «могущества», данных Костом в его «социометрии». Последний попытался дать объективный масштаб «могущества государств, измеряемый сравнением элементов населения последних». Критериями могущества государств Кост берет: 1) численность населения, 2) плотность последнего, измеряемую отношением населения городов: (столиц и городов с населением не менее 50 000 [человек]) к остальной массе населения. Чем более многочисленнее население, тем могущество государства значительнее. Чем большей является плотность (в указанном значении), тем могущество больше. Последнее условие важно потому, что «полмиллиона или миллион жителей, соединенных в центре страны, могут сделать больше, чем в 25-30 раз большее, но распыленное население деревень». Комбинируя эти критерии, Кост сначала в «Объективной социологии», а потом в «Опыте народов» дает такую сравнительную таблицу могущества государств (Франция принимается за 100):

394

Система социологии. Том II

Наконец, пятым условием могущества группы является *технический аппарат* воздействия на поведение, находящийся в ее распоряжении. Под ним я понимаю совокупность всех тех средств, которые позволяют группе или ее агентам воздействовать на поведение других людей. К таким техническим средствам относятся: деньги, агитация, печать (газеты и т. п.), телеграф, телефон, транспорт, оружие, живая организованная сила людей (войско) и т. п. — с одной стороны, с другой — те знания, навыки и умение, которые дают возможность изобретать и наиболее продуктивно использовать все эти средства²⁰. Этот технический аппарат, иными словами, сводится к совокупности *проводников* (см. том I), которыми располагает группа для распространения «волн» своих директив и для подчинения им поведения максимума лиц. Это условие столь ясно, что не требует больших комментариев. Очевидно, из двух групп, например двух партий (при прочих равных условиях), более влиятельной будет та, которая располагает лучше поставленной печатью (лис-

Государства	Столицы	Города с населением	Население деревень	Государство
		50 000	малых городов	
			[человек]	
Великобритания]	45	1	28	76
				15
				5

	Рос	5	16	30	13
сия	0	4	7	6	
	Гер	6	20	13	12
мания	6	1	3	1	
	Фра	1	10	10	10
нция	00	0	0	0	
	Сое				
диненные]	Шт	6	27	13	70
аты	9	9	8	или 74	

См.: CosteA. L'experience des peuples. 1900, p. 602. Ср.: CosteA. Les principes d'une soc[iologie] objective], p. 172-174. Как было указано критиками Коста раньше (см., напр[имер], Steinmetz R. Classification des types sociaux // L'annee sociologique, vol. III, p. 83 и ел.) и как мы знаем теперь (после войны), данная таблица ошибочна. (Россия, напр[имер], по Косту оказывается более могущественной, чем Соединенные] Штаты Америки).

Костом здесь не учтены (помимо других условий: степени культурности, экономической] мощи страны и т. д.) ни организованность, ни степень солидарности, ни ряд других условий, которые для решения его конкретной задачи ему необходимо было учесть. Для нас, ставящих иные задачи и исходящих из принципа *прочих равных условий*, эти препятствия отпадают и существенно важными являются только пять указанных условий.

²⁰ Bentley, правильно подчеркивая важность техники для социального могущества группы, понимает под ней: blows, bribes, allurements of one kind and another arguments also¹⁶; он более удачно, чем Кост, определяет условия могущества группы. Сила последней, по его мнению, зависит: 1) от числа членов группы, 2) от «степени интенсивности интересов, дающих группе эффективность в ее деятельности при столкновении с другими группами», 3) от техники, в указанном смысле. Как видим, критерии Bentley сходны с моими, но не вполне: им не учтено условие организованности группы. См.: Bentley A. The process of government. 1908, p. 215-217.

Глава I. Общие основы социальной группировки индивидов

3 9 5

товками, газетами, брошюрами, книгами etc.), имеет в своем распоряжении телеграф, почту, автомобили, деньги, оружие, организованную боевую силу, с одной стороны, с другой — более богата «техническими силами», т. е. специалистами разных родов: хорошими агитаторами, пропагандистами, ораторами, знатоками боевого дела, талантливыми журналистами, организаторами в той или иной отрасли и т. д.

Численная, солидарная, но бедная техническими средствами группа всюду (и на поле битвы, и на поле политики, и в области всех форм человеческой деятельности) будет разбита группой, не более ее численной и солидарной, но имеющей лучший технический аппарат. Эта истина теперь усвоена почти всеми политическими группами, почему они и стремятся прежде всего поставить на надлежащую высоту свою технику²¹.

Из сказанного ясны критерии социальной важности группировки. *Чем сильнее принадлежность к той или иной группе обуславливает поведение ее членов, во-первых, чем сильнее вся группа влияет на поведение других групп (их членов), во-вторых, т. е. чем она организованнее, численнее, солидарнее и богаче техникой, тем ceteris paribus социальная роль группы в среде других групп значительнее, тем большее значение она играет в ходе социальных событий и в истории человечества.* Отсюда вывод: в состав важных элементарных социальных коллективов не могут войти те коллективы, которые не удовлетворяют этим условиям; т. е. коллективы, состоящие из небольшого числа членов, нераспространенные, несолидарные, не организованные, и не обладающие техникой. Социальная роль таких группировок будет незначительной по сравнению с ролью и влиянием группировок, удовлетворяющих очерченным условиям. Таковы руководящие

принципы, по существу своему объективные, а не субъективные, для решения [вопроса о] социальной важности той или иной группировки индивидов в коллективные единства.

Пользуясь ими, перейдем к выделению наиболее важных социальных группировок.

Легко понять, что *конкретно последние будут разными для разных времен и народов*. Наиболее действенные (с указанной точки зрения) группировки в современной культурной человеческой среде иные, чем в среде зулусов, ашантиев или корейцев²². Дать конкретную классификацию

²¹ Такие стремления, помимо государственных и церковных групп, особенно резко бьют в глаза в современных партийных группах. «Техника», «machine» для современных партий — основное условие их успеха (см.: *Острогорский М.* Цит. соч., passim). У нас интересный материал в этом отношении дает «техника» коммунистов^{17*}.

²² *Giddings* ошибается, утверждая, что группировки лиц сходных по воззрениям и морали были и остаются наиболее важными. В одни эпохи моральное и ментальное сходства играют большую роль, в другие — сходства по расе, профессии и т. п. имеют несравненно большее значение, чем сходства первого рода. См.: *Giddings F.* The Elements of sociology], p. 4-5.

3 96

Система социологии. Том II

группировок, приложимую ко всем временам и народам, задача безнадежная и по природе своей невыполнимая. Общим здесь является лишь указанный принцип важности группировки, а какие группировки на основании этого принципа будут наиболее важными в Древнем Риме или Греции, в кастовой Индии или в Англии XVI в., в арабском Халифате или в современной Америке, — это *quaestio facti*^{18*}. В каждом данном случае аналитик-социолог, пользуясь очерченными руководящими принципами, должен сделать фактическое исследование изучаемой человеческой среды.

§ 8. Элементарное коллективное единство (элементарная социальная группа), кумулятивное коллективное единство (или кумулятивная социальная группа) и сложный социальный агрегат (население)

Установив критерии могущества или силы коллективов, на которые распадается население, мы могли бы теперь перейти к конкретному выделению наиболее важных в указанном смысле социальных групп или линий расслоения населения. Изучение их дало бы нам знание строения населения, в основных чертах познакомило бы нас с его «химическим составом» и позволило бы с некоторым приближением ориентироваться в бесконечно-пестрой картине переплетающихся и скрещивающихся коллективных единств, данных в среде любого, в особенности же, современного населения так называемых «культурных стран». Вместе с этим *знакомство с наиболее могущественными коллективами, в которые группируются индивиды, помогло бы нам понять ход общественных процессов, ибо последние представляют собой равнодействующую взаимных давлений и взаимных отношений этих, наиболее действенных социальных групп*. Отклонения от этой равнодействующей, вносимые в ход событий поведением и давлением второстепенных и неважных социальных коллективов, столь незначительны, что могут игнорироваться. С другой стороны, *изучение более важных групп помогло бы нам понять поведение и судьбу каждого индивида, ибо отношение к ним человеческого атома и составляет основные линии системы социальных координат, определяющих его социальную физиономию, удельный вес и все его поведение*. Если более могущественными группами являются те, которые наиболее интенсивно обуславливают поведение и переживания людей, то жизнь и поведение индивида, очевидно, могут рассматриваться как равнодействующая влияний и давлений тех основных групп, под действием которых индивид был и находится, «абонентом» коих он состоял и состо-

Глава I. Общие основы социальной группировки индивидов

3 97

ит. Индивид — его «душа», его идеология, переживания, поведение и жизнь, как увидим ниже, — похож на полотно, в котором отражается социальная группировка и

социальное строение населения. Каковы будут последние, таковым будет и индивид. Его «душа» — маленький микрокосм, отражающий тот социальный макрокосм, среди которого он жил и живет. Его поведение — равнодействующая тех императивов и «токов», которые исходят из важнейших социальных групп, вольным или невольным «абонентом» коих он состоит.

Оставляя доказательство этих положений до последующих глав, в целях более убедительного подтверждения их, с одной стороны, с другой — в целях более точного понимания строения населения, сейчас, до выделения конкретных наиболее важных группировок, я должен ввести два-три понятия, без которых эти цели недостижимы, как недостижим и точный анализ структуры населения вообще.

К числу таких понятий относятся прежде всего понятия: 1) *элементарного коллективного единства (или группы)*, 2) *кумулятивного коллективного единства (или группы)*, 3) *сложного социального агрегата (или населения вообще)*. Поясним аналогией смысл и цель введения этих понятий. Предположим, что мы хотим познать строение и состав какой-нибудь части земной коры, например, берега такой-то реки. Если мы не знаем, что такое химический элемент, что такое химическое соединение, что такое минерал и что разумеется под породой, то мы не сумеем разрешить нашу задачу; не сумеем ни понять, ни разложить сложный комплекс тел, каковым с химической точки зрения является берег реки, на его составные элементы. Наличие же понятий химического элемента, химического соединения, минерала и породы позволяет геологу, минералогу, петрографу или химику довольно легко и точно определить строение и состав берега. Для этой цели им достаточно указать: 1) какие породы входят в его состав (напр[имер], кристаллические или осадочные); 2) какие виды пород в нем главенствуют (напр[имер], известняки, песчаники, глины и т. д.); 3) каков минералогический и химический состав каждой породы (напр[имер], химический состав известняка, песчаника, конгломератов и т. д.). Разлагая сложный комплекс тел на более простые составные части и дойдя до химических элементов, исследователь строения и состава земной коры вполне удачно решает свою задачу. Без таких приемов и понятий, напротив, ему было бы невозможно удовлетворительно разрешить ее.

В таком же положении находится и социолог. Население представляет сложный комплекс тел, составленный, подобно берегу, из множества «пород», химических соединений и элементов. Для понимания его строения необходимо суметь разложить его на пласты — на более простые тела, эти последние — на элементы. Этим заданием и вызвано введение указанных понятий: элементарной группы, группы кумулятивной

398

Система социологии. Том II

и сложного социального агрегата. Каждое из последующих понятий разлагается на предыдущее: явление, означаемое термином сложного социального агрегата (население), распадается на кумулятивные и элементарные группы; кумулятивная группа — на элементарные (подобно, скажем, породе, распадающейся на род простых и сложных химических тел, а эти последние — на составные химические элементы).

В основе такого различия лежат следующие факты. Какое бы население, занимающее ту или иную территорию, мы ни взяли, оно состоит из ряда индивидов, не похожих друг на друга. Каждый индивид представляет индивидуальность, отличную по своим биологическим, психическим и социальным чертам (по расе, полу, возрасту, силе, здоровью, психическому темпераменту, по умственным, нравственным и др. свойствам) от всех других индивидов. *Человеческие индивиды не тождественны, неравны, а гетерогенны*²³. *Констатируем этот факт.*

Но рядом с ним констатируем и другой. Он состоит в том, что *степень различия или гетерогенности одного индивида от другого варьирует*. «Если индивиды, составляющие социальный агрегат, не вполне тождественны друг с другом, тем не менее, в конкретных случаях возможно группировать их согласно большей или меньшей гетерогенности, которая существует между ними по отношению к их физическим,

психическим, интеллектуальным и другим свойствам. Опыт показывает, что различия индивида от индивида могут варьировать от едва заметного минимума до максимума, доступного вульгарному наблюдению. Отсюда следует возможность на основе данного критерия классификации выделять различные группы, или классы, или слои индивидов, составляющих данный агрегат, таким образом, что гетерогенность индивидов, принадлежащих к одной группе, или к классу, или к слою, будет значительно меньшей, чем гетерогенность индивидов, принадлежащих к различным группам, или классам, или слоям»²⁴, — правильно говорит Sensini. Добавлю к этому, что в силу гетерогенности индивидов и ее варьирования не только существует возможность конструирования различных групп или слоев в среде данного населения (иногда мнимых, а не реаль-

²³ См.: Система социологии, т. I, § о полиморфизме индивидов. «Индивиды, — правильно говорит Sensini, — гетерогенны, под какой бы точкой зрения — физической, психической, интеллектуальной и т. д. — их ни рассматривали». «Piaccia, o pop piaccia a certi teorici, sia di fatto che la societa umana pop и omogenea, che gli uomini sono diversi fisicamente, moralmente, intellettualmente»^{19*}, — говорит и Па-рето. См.: Sensini G. Teoria dell'equilibrio // Rivista ital[iana] di sociol[ogia]. 1913, p. 556; Pareto V. Trattato, vol. II, p. 468. См. также: Steinmetz R. L'awenire della razza // Riv[ista] it[aliana di] soc[iologia]. 1910, p. 485 и ел.; Niceforo A. Il progresso // Riv[ista] it[aliana di] soc[iologia]. 1911, p. 546. См. §§ о полиморфизме индивидов в «Esquisse d'une sociologie» Ваксвейлера, в «The science of human behavior» Пармели и др.

²⁴ Sensini G. Teoria dell'equilibrio di composizione delle classi sociali // Riv[ista] it[aliana] di soc[iologia]. 1913, p. 556-557.

Глава I. Общие основы социальной группировки индивидов

399

ных), но в силу этих условий индивиды действительно группируются в различные реальные коллективы и расслаиваются на ряд слоев или групп. Если бы все они были тождественны друг с другом или все в одинаковой степени различались один от другого, то сила их сцепления была бы одинаковой, они, так сказать, с одинаковой силой притягивались или отталкивались друг от друга. В этом случае распадение населения на множество групп не имело бы места. Но так как этого тождества индивидов нет, так как их отличие друг от друга варьирует, то неизбежным результатом такого факта является их группировка в различные коллективы, или расслоение всего населения на множество реальных групп. Se le diversita tra gli uomini costituiscono, come realmente awiene, un fatto costante, la formazione di gruppi con coscienza, occupazioni, interessi speciali e l'opposizione tra i vari gruppi costituiscono fatti costanti e immutevoli^{20*}, — правильно говорит Niceforo²⁵. Раз различны индивиды, они неизбежно распадутся на ряд групп; раз даны различные группы, то тем самым даны различные формы деятельности этих групп и различные групповые интересы, ибо «нет группы без ее специфического интереса»²⁶. Отсюда различная степень притяжения и отталкивания индивидов, различная степень их взаимодействия; отсюда — тот пестрый узор социального расслоения, который мы очертили выше.

Но раз гетерогенность индивидов может варьировать, значит могут варьировать по своей глубине и силе и линии социального расслоения, значит по своей сложности и строению группы могут иметь различный характер. Одни индивиды могут быть сходными с другими только в каком-либо одном отношении (напр[имер], в отношении пола, или расы, или религиозных верований, или языка), различаясь в остальных отношениях друг от друга.

В таком случае их общий интерес или связь, объединяющая их, исчерпывается одним общим интересом, тем, который вытекает из указанного их сходства. Так как во всех остальных отношениях они гетерогенны, то следовательно, и интересы, и стремления их в этих отношениях будут различными. Следовательно, объединение или сцепление их в одну группу в таких случаях вызывается и основывается только на одном общем сходстве. Они представляют группу, как бы объединенную только одним обручем. В

других случаях дело может обстоять иначе. Ряд индивидов может быть сходным *не в одном* каком-либо отношении, а *в двух, трех и больше*. Например, ряд лиц может быть сходным: и по языку, и по религии, и по профессии, и по имущественному положению (например], группа татар по языку, магометан по религии, грузчиков по профессии, бедных по доходу). В таком случае они имеют два, три и больше общих интересов, ряд общих стремлений и желаний, вытекающих из

Niceforo A. Op. cit, p. 546. Bentley A. Op. cit, p. 211.

400

Система социологии. Том II

ряда общих сходств; их объединение в одно целое и их сцепление вызывается здесь уже не одним условием, а рядом условий. Группа, ими образуемая, похожа на бочку, скрепленную не одним обручем, а двумя, тремя и большим числом обручей. *Сила их взаимного сцепления в этом случае будет (ceteris paribus) гораздо большей, чем сила сцепления первой, «одно-обручной» группы. От остальной массы людей их будет отделять третица более глубокая, чем в первом случае.* Они будут более монолитны и гомогенны. Первая «однообручная» группа имеет простое строение, вторая — сложное. Первая неразложима далее. Вторая разлагается как бы на ряд скумулятировавшихся простых групп; первая похожа на химический элемент; вторая — на химическое соединение.

Первая похожа на простое социальное тело, вторая — на сложное.

Очевидно, что смешивать и отождествлять друг с другом такие «од-нообручные» группы и такие «двуобручные» и вообще «многообручные» коллективы нельзя. По природе они — различны, как отлично простое химическое тело от сложного. Различными будут и их социальные эффекты, и их деятельность. Вот почему в целях более точного познания строения населения необходимо проводить различие между ними. Только тогда, когда мы сумеем познать, на какие «однообручные» и на какие «многообручные» группы распадается население, только тогда мы получим правильное представление о его строении и составе.

После сказанного понятны основания, заставляющие меня ввести различие элементарных групп, кумулятивных групп и сложного социального агрегата.

Очертим теперь кратко, что мы понимаем под каждой из этих групп.

Под элементарным или простым коллективным единством я понимаю реальную, а не мнимую совокупность лиц, объединенных в одно взаимодействующее целое каким-либо одним признаком, достаточно ясным и определенным, не сводимым на другие признаки. Такова, например, группа лиц, объединенных в одно целое сходными религиозными верованиями, или сходной профессией, или принадлежностью к одному полу, или к одному возрасту, или к одному государству, или к одному языку. Каждая такая взаимодействующая группа, составленная из лиц, сходных в одном каком-либо отношении, в силу этого сходства считающих себя сродными и имеющими общие интересы в данном отношении, составит элементарное коллективное единство или элементарную социальную группировку: религиозную (единоверующие), профессиональную (профессиональная группа), однополовую, одновозрастную, одногосудар-ственную и т. д.

Под кумулятивной социальной группой я понимаю совокупность взаимодействующих сил, связанных в одно взаимодействующее целое не одним, а двумя, тремя или рядом сходных элементарных признаков. Так, одна и та же группа лиц может принадлежать не только к одной религии, но и

Глава I. Общие основы социальной группировки индивидов

401

к одному государству, и к одной профессии. Следовательно, такая группа лиц представляет из себя кумулятивную, религиозно + государственно + профессиональную группу (напр[имер], рабочие одной профессии + православные + русские). Она объединена не одной, а тремя скумулятировавшимися связями, поэтому она не элементарная, а сложная социальная группа. Такой группой будет всякая совокупность

взаимодействующих лиц, объединенных в одно целое двумя или большим числом элементарных сходных признаков. Она представляет как бы бочку, доски которой скреплены не одним, а двумя или большим числом обручей.

Как видно из сказанного, различие между элементарным и кумулятивным коллективом не зависит от числа членов последнего, а исключительно от числа объединяющих в одно целое признаков.

Что касается, наконец, *сложного социального агрегата*, то он представляет из себя соединение лиц, заключающее в себе два или большее число различных элементарных коллективных единств, или два или большее число различных, кумулятивных групп, или и элементарные, и кумулятивные коллективные единства. Иными словами, сложный социальный агрегат всегда распадается на два или большее число различных элементарных и кумулятивных групп, или тех и других. Таким сложным социальным агрегатом фактически является *всякое население*, занимающее ту или иную общую территорию. Так, жители одной деревни представляют сложный социальный агрегат, ибо население деревни включает в себя ряд отдельных семейств (два или большее число элементарных семейных группировок), нередко оно распадается на группы богатых и бедных (новая элементарная группировка), часто жители одной деревни различаются по профессиям (напр[имер], лица, работающие на фабрике и не работающие на ней) и т. д. Словом, даже население деревни распадается на ряд различных элементарных, а нередко и кумулятивных социальных групп. В силу сказанного оно представляет не элементарную и не кумулятивную социальную группу, а сложный социальный агрегат. Если же взять население губернии или государства или большого города, то оно, вне всякого сомнения, составит сложный социальный агрегат; только степень сложности его строения будет бесконечно большей, чем строение первого сложного социального агрегата, какой представляет из себя население деревни²⁷.

²⁷ Отсюда следует, что не совсем прав Монье, видящий отличие города от деревни в том, что «город представляет сложную группу» (*complex community*), составленную из ряда простых групп (семейств, профессиональных групп и т. д.), а деревня и остальное негородское население — простую группу. Как видно из сказанного и как увидим ниже, всякое население культурных стран нашего времени, в том числе и население деревень, не является простой, элементарной группой, а представляет собой сложный агрегат или *complex community*. Различие деревни и города в этом отношении различие не абсолютное, а относительное, не качественное, а количественное: население города, как и население де-

Из сказанного следует, что любое население мы представляем как сложный социальный агрегат, распадающийся наряд элементарных и кумулятивных групп. Оно расслаивается прежде всего по линиям элементарных коллективов. Когда несколько линий элементарного расслоения сливаются вместе и идут по одному и тому же пути, рядом с трещинами элементарного расслоения образуются более глубокие трещины кумулятивного расслоения, составленные слиянием двух или большего числа трещин элементарного расслоения. Один и тот же индивид может быть абонентом ряда различных элементарных единств и вместе с тем ряда кумулятивных групп; например, А может быть «абонентом» элементарного единства: а) «русское государство», б) не совпадающего с ним другого элементарного коллектива «православная церковь», в) третьей элементарной языковой группы «черемисов» и т. д. Но вместе с этим А будет членом кумулятивной группы: «русские подданные + православные + черемисы», группы, отличной от всех указанных элементарных групп, ибо не все русские подданные — православные, не все они говорят на черемисском языке, не все православные — русские подданные (напр [имер], румыны или болгары), не все черемисы — православные. Со всеми русскими подданными А связан как бы одной связью — единоподданства; одной связью — единоверия — он связан и со всеми «абонентами» общества «православная церковь», одна

связь соединяет его и со всеми, говорящими по-черемисски. С лицами же, подобно ему, принадлежащими одновременно и к «России», и к «православной церкви», и к «черемисскоговорящей группе», он соединен тремя проводами, объединен с ними тремя, а не одним обручем.

Сказанное отчетливо уясняет различие между элементарной группой, кумулятивной группой и сложным социальным агрегатом. Оно показывает, что таким путем можно создать настоящую «социальную химию», позволяющую с достаточной точностью определить «состав» и «природу» любой сложной социальной группы: для этого нужно разложить ее на элементарные группы и определить, из кумуляции каких элементарных групп она образована.

Из сказанного же следует — и в этом мы убедимся из дальнейшего, что без разложения любого населения на составляющие его элементарные и кумулятивные группы невозможно понять его строение и состав²⁸.

ревни, — сложный социальный агрегат, но первый более сложен, чем второй. Это косвенно признается, в конце концов, и Монье. См.: *Mounier P. The definition of the city // American Journal of sociology*, vol. 15, p. 536-548; *Его же: L'origine et la fonction économique des villes*. Paris, 1910.

²⁸ Sensini полагает, что социальное расслоение на элементарные группы не существенно и редко основывается на элементарных признаках. Социальные группы, говорит он, *non sono basati giammai su un carattere «elementare» qualsiasi, ma sempre su qualcuno di quei caratteri, che diciamo «composti»*^{21*}. Теоретически, продолжает он, конечно, возможно группировать индивидов по

Глава I. Общие основы социальной группировки индивидов

403

Без различения этих понятий мы рискуем заблудиться в сложном море социальных соединений²⁹. Установление же их, наоборот, облегчает познание строения и состава сложных социальных агрегатов, т. е. населения³⁰.

Таковы вкратце эти три понятия. Ограничимся пока приведенными предварительными определениями. Ниже они найдут достаточно полное развитие.

Указав критерии важности или социального могущества коллективных единиц, введя понятия: элементарной группы, группы кумулятивной и сложного социального агрегата, теперь мы можем сказать, что *задача изучения строения и состава населения сводится: 1) к учению о важнейших элементарных группах, или элементарных линиях социального расслоения; 2) к учению о важнейших кумулятивных группах, или кумулятивных линиях социального расслоения; 3) к учению о сложных социальных агрегатах*. Займемся сначала краткой характеристикой каждой из этих групп. Когда это «анатомо-морфологическое» описание будет закончено, мы получим возможность перейти к рассмотрению явлений соци-

элементарным признакам, но такие элементарно-гомогенные группы *non trovano riscontro negli aggruppamenti vari offertici dai casi concreti*^{22*} (*Sensini G. Op. cit.*, p. 567).

С этим нельзя согласиться. Из дальнейшего мы увидим, что различных форм элементарных групп существует много множество, это раз. Во-вторых, без изучения элементарных групп невозможно понять кумулятивные группы. В-третьих, сам Sensini признает существование и важность таких элементарных (с моей точки зрения) групп, как группы имущественные, профессиональные, расовые и др. И понятие класса он конструирует не иначе, как путем кумуляции ряда элементарных признаков (*Ibid.*, p. 565-567 и *passim*).

²⁹ Отсутствие этого деления служит одной из причин неудачи работы Де-Греефа, посвященной структуре общества. При трехтомном объеме ее она не дает ничего, кроме банальностей для познания структуры общества. См.: *De-Greef G. La structure generale des sociétés*. Paris, 1908, vol. I—III.

³⁰ Замечу, кстати, что по этому же пути идут и исследователи растительных агрегатов. В русской и отчасти в иностранной литературе различаются: «1) растительное

сообщество», под которым разумеется совокупность сосуществующих и взаимодействующих растений, покрывающих определенную территорию, так сказать, растительное население; 2) растительная ассоциация (формация), под которой разумеется «сообщество, имеющее одну и ту же внутреннюю организацию, один и тот же социальный строй и характеризующееся сходным видовым составом».

См.: Сукачев В.Н. Введение в учение о растит[ельных] сообществах. СПб., 1915, с. 61 и ел., 138-139; Варминг Й. Ойкологич[еская] география растений. М., 1901, с. 115-150. Иная терминология дается у Л. Дильса (Ботанич[еская] география. Пг., 1916, с. 62).

Понятие растит[ительного] сообщества тождественно с нашим понятием сложного социального агрегата, понятие растит[ельной] ассоциации представляет нечто среднее между элементарной и кумулятивной группой.

404

Система социологии. Том II

альной перегруппировки, общественных «сдвигов» и «землетрясений» и к ряду других явлений, в достаточной мере важных и интересных. Этим закончим вводную главу «Аналитики населения» или «сложных социальных агрегатов» и перейдем теперь к учению об элементарных группировках.

Глава вторая

УЧЕНИЕ ОБ ЭЛЕМЕНТАРНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУППАХ

§ 1. Литературные справки

Несмотря на большую важность обсуждаемой проблемы, вопрос о важнейших элементарных коллективных единствах систематически в социологической литературе почти не ставился. Такое положение дела объясняется многими причинами, в частности, тем, что социологи до сих пор мало занимались анализом структуры населения, не проводили различия между элементарными группировками, кумулятивными коллективами и сложными социальными агрегатами. Не различая этих образований, довольствуясь поверхностными ходячими и общими представлениями, они естественно обходили молчанием эту проблему или же ограничивались случайными замечаниями, брошенными *ad hoc*¹* по тому или иному поводу.

Приведем ряд данных, рисующих положение дела.

Прежде всего естественно было бы ждать, что проблема важнейших элементарных группировок найдет свое решение у тех лиц, которые, подобно Дюркгейму и Зиммелю, много занимались явлениями социальной дифференциации. Но у этих авторов мы не находим ни систематической постановки проблемы, ни ее систематического решения. Зиммель совершенно не затрагивает вопроса. Дюркгейм мельком затрагивает его в своем «Метод социологии», говоря о социальных сегментах, и мимоходом *ad hoc* в «Самоубийстве» дает такой конкретный перечень основных группировок. «Кроме общества религиозного, семейного, политического, — говорит он, — существует еще одно, о котором до сих пор у нас еще не было речи: это — общество, которое образуют, соединившись между собою, все работники одного порядка, все сотрудники в одной функции, это — профессиональная группа или корпорация»¹.

¹ Дюркгейм Э. Самоубийство, с. 522.

406

Система социологии. Том II

В другом месте² он выделяет еще одну группировку или «общество» по характеру цивилизации. Вот и все, что мы находим у него по этому вопросу. Ниже мы увидим, что религиозной, политической, семейной и профессиональной группами не ограничиваются важные элементарные группировки населения, во-первых, во-вторых — группировка по характеру цивилизации отнюдь не элементарна, а представляет кумулятивную группировку. Спенсер точно так же не ставит и не решает этого вопроса *expressis verbis*²*. Но подразделение коллективов, изучение эволюции которых составляет содержание его II тома «Оснований социологии»³, представляет своего рода фактическую классификацию основных социальных групп, существующих в пределах «общества». Она такова: 1) домашние учреждения (семейный коллектив), 2) обрядовые учреждения, 3) политические

учреждения (политическая группировка), 4) церковные учреждения (религиозная группировка), 5) общественные профессии (профессиональная), 6) промышленные учреждения (классово-экономическая группировка).

Легко видеть, что здесь: 1) ввиду иных заданий включены явления, которые к группировкам не относятся и не представляют коллективных единств (обряды); 2) перечень обнимает далеко не все важные группировки; 3) такая группировка, как классово-экономическая, как увидим ниже, представляет не элементарное, а кумулятивное коллективное единство.

Столь же случайны перечни основных видов общества или социальных групп, даваемые рядом других социологов и представителей общественных наук. Так, например, Де ля Грассери различает группировки: 1) расово-кастовую, 2) классовую, 3) профессиональную, 4) партийную⁴. По поводу ее заметим: 1) нельзя отождествлять расовое и кастовое расслоение. Расовая группа является группой элементарной, как увидим ниже. Кастовая же группа — группа сложная: члены одной касты связаны друг с другом не только расовым сходством (иногда его даже не бывает), но и рядом других сходств: единством профессии, религиозных верований, правовых ограничений или привилегий, единством территории, единством языка и т. д. Каста — это кумулятивная группа. Далее, если бы каста равна была расовой группе, то отсюда следовало бы, что существует несколько тысяч различных рас, ибо число различных каст в Индии не менее 3000, в свою очередь, делящихся на подкасты, из которых одни охватывают до 5000 000 членов, другие только до 14 семейств⁵.

² L'annee sociologique, vol. XII, p. 46-50.

³ См.: Спенсер Г. Основания [соц[иологии]], т. II, passim.

⁴ См.: ст[атью] Де ля Грассери в Revue intern[ationale] de sociologie, 1903, p. 577-578.

⁵ См.: Shridnar V. Ketkar. The History of Caste in India. Ithaca, 1909, passim. См. также: Bougie C. Essais sur le regime des Castes. 1908 и особенно статистический материал, собранный и обработанный Risky в Census of India. Традиционное представление о четырех основных кастах, взятое из «Законов Ману», не соответствует действительности. См. ниже § о кастах.

Глава II. Учение об элементарных социальных группах

407

Такого количества рас пока не насчитывал ни один антрополог; 2) ниже мы увидим, что и класс представляет не элементарную, а кумулятивную социальную группу; 3) профессиональной и партийной группировками далеко не исчерпываются основные элементарные коллективы. Р. Вормс различает группировки: 1) этническую, 2) территориальную, 3) профессиональную, 4) классовую, 5) по симпатиям⁶. Группировка по симпатиям — неопределенна и неизвестно, что означает. Классовая — не элементарна. Остальные дают перечень только части группировок, а не всех важнейших.

А. Кост в пределах «общества» различает такие разряды функций, а соответственно и разряды осуществляющих эти функции групп: 1) группы, выполняющие функции управления (война, управление, законодательство, правосудие); 2) группы производящие (промышленность, торговля, ремесла, земледелие и т. д.); 3) группы доктринальные, выполняющие функции просвещения и воспитания (наука, религия и т. д.); 4) группы солидарные (семья, каста, класс, партия, ассоциация)⁷. Здесь первые три группы выделены на основании признака профессии и потому в своей совокупности являются лишь видами профессиональной группировки. Последняя группа дает смешение разнородных групп, объединенных в один разряд чисто внешним признаком солидарности: если и семья, и каста, и класс, и партия солидарные группы, то чем же они отличаются друг от друга? Вопрос только поставлен, а не решен Костом. Затем, каста и класс — группы кумулятивные, а не элементарные. Семейная и партийная группировки — совершенно разнородные и потому объединять их в одну рубрику нельзя. В итоге — классификация неудачна.

Л. Гумплович дает следующую классификацию «обобществляющих моментов», а

соответственно и социальных групп. Он делит их на три основных класса: 1) группы, объединенные «материальными» связями (общее местопребывание, кровная связь, родство); 2) группы, объединенные экономическими связями (по сословию, имуществу, по профессии); 3) группы, объединенные нравственными связями (язык, религия, наука, искусство)⁸.

Основной грех этой классификации, характеризующий и понятие «расы» у Гумпловича, состоит в том, что он дает перечень не элементарных (однородных) групп, а кумулятивных. Далее он отождествляет в одно целое группировки совершенно разнородные, друг с другом не совпадающие и друг друга не покрывающие. Так, например, группа лиц, объединенных общим местопребыванием, далеко не всегда является группой единокровных или родственных лиц. Возьмите население деревни,

⁶ Worms R. *Philosophie des sciences sociales*. 1907, vol. III, p. 64-65.

⁷ Coste A. *L'expérience des peuples*, p. 16.

⁸ Гумплович Л. Осн[овы] социологии, с. 233-234.

40 8

Система социологии. Том II

население города. В одной деревне и в одном городе живут лица, не связанные друг с другом по крови. И обратно, лица единокровные часто живут в различных местах, отделенные друг от друга большим пространством. Вот почему нельзя рассматривать группу, объединенную общностью местожительства, как группу родственную, и обратно. Точно так же не совпадают группировки по сословию, имуществу и профессии. Могут быть лица односословные, но по имущественному положению находящиеся одни в группе богатых, другие — в группе бедных. Дворянин может быть по профессии и помещиком-землевладельцем, и писцом в канцелярии, и рабочим, и ученым. Равным образом, совершенно разнородны (см. ниже) группировки по языку, по религии, по степени образования и т. д. Нельзя поэтому смешивать и отождествлять их.

Словом, перечень Гумпловича дает не элементарные, а кумулятивные группы и вдобавок лишь некоторые, произвольно выхваченные из числа последних.

Столь же малоудачны перечни групп или коллективных единств, даваемые, например, М.И. Туган-Барановским, считающим важнейшими группировками нашего времени группировки: 1) классовые, 2) партийные, 3) национальные, 4) религиозные⁹ (то же смешение кумулятивных и элементарных группировок плюс учет только немногих из них).

По тем же основаниям неудачна классификация Парето, выделяющего группировки: по семейным и родственным связям, по классу и по местожительству¹⁰, с одной стороны, с другой — группировки управляющих и управляемых.

Еще более неудачны те теории, которые разлагают население на небольшое число слоев, согласно одному какому-либо признаку. Таковы, например, теории Гобино, Аммона и др., склонных считать, что расслоение населения исчерпывается распадом его на расовые коллективы; такова теория марксизма, разлагающая население только на классы и, по-видимому, склонная к признанию классового расслоения исчерпывающим социальное расслоение населения, данным во все времена и, во всяком случае, основным¹¹. Таковы же многочисленные теории, учитывающие только национальное, или имущественное, или какое-либо другое расслоение (см. ниже).

Все эти теории однобоки и неверны. Если бы дело обстояло так, как они рисуют, явление социального расслоения было бы просто; соответственно простыми и понятными были бы и социальные процессы.

Но, увы, такие представления о строении населения стоят на уровне «химии» Фалеса, утверждавшего, что «все — вода». Группировка инди-

⁹ Туган-Барановский М.И. *Основы политической экон[омии]*, с. 503-519.

¹⁰ Pareto V. *Trattato*, vol. I, § 1015 и ел.; vol. II, § 2025 и ел.

¹¹ См., напр[имер], Манифест коммунистической партии. Одесса, 1905, с. 11, 18.

видов в коллективные единства далеко не исчерпывается только расовым, или только классовым, или только национальным и т. д. расслоением. Она бесконечно сложнее: все нижеследующее будет доказательством этого положения.

Разновидностью этих «монистических» теорий являются традиционные теории расслоения населения, преподносимые многими государ-ствоведами. Загипнотизированные Его Величеством — Государством, они чрезвычайно просто решают дело: население, с их точки зрения, распадается на государство, с одной стороны, на «общество» — с другой. Такова сущность подобных теорий. Приведем пример. Одни из государ-ствоведов, например Еллинек и Чичерин, решая нелепо поставленную проблему взаимоотношения «общества» (какого?!) и «государства», говорят нам: «понятие общества в самом тесном смысле обнимает *все общественные группы за исключением государства*»¹², или «общество, как совокупность частных отношений, заключающая в себе и частные союзы, противопоставляется государству, как единому целому. Такова единственная теоретически правильная точка зрения»¹³.

Легко видеть всю наивность и «пустоту» таких определений. Мы видели (и увидим ниже), что никакого «общества» как целого нет; что то, что эти писатели называют «обществом», представляет просто население, из которого выкроена государственная группировка. Выкроив ее, они покрыли все население термином «общества» и почтили на этом. Между тем это население *de facto* представляет не нечто единое, а распадается на множество различных коллективов (религиозные, профессиональные, расовые, имущественные и т. д.), каждый из которых является группировкой *sui generis*^{3*}, не совпадающей с другими и имеющей не меньшее значение, чем расслоение населения по государственным коллективам. Такое противопоставление «государства» «обществу» имело бы смысл, если бы все эти разнородные группы, объединяемые термином «общество», представляли нечто единое, тождественное по своей природе. Мы знаем и убедимся далее, что такое допущение неверно. Расовое расслоение (и группа) не совпадает с религиозным; последнее — с профессиональным; все эти группировки отличны от партийной, языковой и др. групп. С таким же правом теоретик религиозных или языковых групп, идя по пути таких государствоведов, мог бы выкроить из населения религиозную или языковую группу, противопоставить ее нерасчлененному населению и назвать эту нерасчлененную массу «обществом». В этом случае, в *pendant*^{4*} к проблеме: «государство и общество» мы имели бы проблемы: «церковь и общество», «языковая группа и общество» и т. д. Смешивать в одну кучу разнородные группы, на которые, помимо

¹² Еллинек Г. Право современного] государства. СПб., 1903, с. 58-61.

¹³ Чичерин Б.Н. Курс государственной] науки. М., 1896, ч. II, 3 и сл. См. также: Balicki. L'Etat comme organisation coercitive de la societd. Paris, 1896, p. 21.

государственных групп, расслаивается население, прикрыв их одним именем «общества», это значит соединять несоединимое, отождествлять разнородное; ничего, кроме пустого слова «общество», от такой операции мы не получим. Не видно также, почему в этом случае из кучи разнородных группировок выделяется государство? Раз уж устраивается «вселенская смазь» всех группировок в одну кашу «общества», нужно и государственные коллективы свалить в ту же кашу, ибо государственная группировка не больше отличается от остальных, объединяемых в «общество», чем профессиональная группировка отличается от религиозной и расовой.

Другие, как, например, часть социалистов, Л. Штейн и Гнейст, впадают в ту же ошибку, выделяя государство как определенную, властную, административно-политическую организацию из «общества», как «систему зависимости одних от других, истекающую из неравномерного распределения имущества»¹⁴.

Здесь опять-таки все группировки, на которые расслаивается население, кроме государственного расслоения, смешиваются в одну кучу «общества» и вдобавок эти

разнородные единства почему-то считаются вызванными только неравномерным распределением благ. Первое положение — неверно: это следует из только что сказанного. Неверность второго положения увидим из последующего¹⁵.

Третьи на почве иллюзий «единого общества» впадают в еще более грубую ошибку. Они не противопоставляют «государство — обществу», а попросту отождествляют их и говорят, что государственная Группа и есть «общество»¹⁶.

Если такое утверждение означает, что население расслаивается только по линиям государственной принадлежности, — оно в корне ошибочно: самое поверхностное наблюдение показывает, что оно расслаивается по множеству других линий (религиозной, классовой, имущественной, национальной др.), отличных от государственного расслоения.

Отсюда следует, что такие теории представляют не решение проблемы социального расслоения населения, но прямое ее непонимание. Они кончают там, откуда следует начинать. Вместо распластания населения на важнейшие слои они нам преподносят единое общество-государство и считают дело решенным. А куда вы дели, спросим мы их, такие коллективы, как «пролетарии всех стран» или «капиталисты всех стран», как «католическая церковь», «польская национальность», «желтая раса»,

¹⁴ См. изложение вопроса в ст. В.М. Гессена «Общество» (Энциклопедический] словарь Брокгауза-Ефрона. СПб., 1897, т. XXI^А, с. 630-631); Лазаревский Н.И. Русск[ое] государственное] право, с. 16-17.

¹⁵ См. его критику у R. von Mohl'a: Staatswissenschaften und Gesellschaftswissenschaften. [Die Geschichte und Litteratur], 1855, Bd. I.

¹⁶ См. напр[имер]: Тахтарев КМ. Общество и государство. 1918, с. 9-10, 44-45.

Глава II. Учение об элементарных социальных группах

411

и т. д. — коллективы, пограничные линии которых идут совсем иначе, чем линии государственных «обществ», и выходят за пределы последних?

Почему же умалчивается о таких «внегосударственных» обществах? Почему только государству наклеивается ярлык «общества»? В угоду чему сложная действительность социального расслоения подменяется причесанной и простенькой картиной распада населения на «единые общества» — государства?

Четвертые, как, например, Н.И. Лазаревский¹⁷, не отрицают, что, помимо государства, существует ряд других обществ и расслоений. Но, гипнотизируемые Его Величеством — Государством, они изображают дело так, что все эти негосударственные группы по милости государства ютятся под его крылышком, в его пределах, с его соизволения и согласия. По их словам, «в государственную организацию... входят составными элементами и все эти (не государственные) более мелкие общественные организации». Государственный коллектив в таком изображении становится похожим на громадный сарай, под крышей которого ютятся другие, не государственные группы и, вдобавок, по мере сил стараются укрепить и поддержать государственную организацию¹⁸.

Нужно ли говорить, что и такие теории неверны. Неверно, во-первых, что «негосударственные организации входят составными элементами в государственную организацию» и заключаются в ее пределах. Такие коллективы, как католическая или буддийская церковь, как «интернациональное объединение рабочих», как «желтая раса», как «международный союз капиталистов», как «польская национальность», не умещались и не умещаются в пределах государства, а выходят за его пределы. Неверно, далее, что они стараются поддержать и укрепить государство. Часто бывает обратное. Часто интересы таких коллективов идут вразрез с интересами государства. Мы увидим, что «право, создаваемое общественными организациями», сплошь и рядом не только не «восполняет права, установленного законами государства», как думает Н.И. Лазаревский, но идет наперекор последнему, стремится разрушить его (право и цели революционных партий, профессионально-синдикалистских организаций и т. д.) и само государство. Вот почему нельзя держаться и этой точки зрения. Она — результат того же государственного

гипнотизма, ослепляющего исследователя, заставляющего его смотреть на остальные группировки, как на что-то второстепенное, мелкое, и смешивать их все в одну кучу пред лицом «Его величества — государственного Левиафана». Результатом того же гипноза является связываемое с этим положением представление, будто бы право всех этих внегосударственных соединений существует и может существовать лишь постольку, поскольку государству благоугодно признать это. Это иллюзия. Если право госу-

¹⁷ Лазаревский Н.И. Русск[ое] государственное] право, с. 16-17.

¹⁸ Ibid., 17-18.

412

Система социологии. Том II

дарства противоречит праву этих обществ, то часто первое гибнет при столкновении с последним¹⁹.

Пора от этого гипноза отделаться и усвоить более реалистическую точку зрения на вещи. А она такова, что:

1) государство — только одна из многих группировок; 2) остальные группировки не абсорбируются ею и не совпадают с государственной; 3) каждая из этих остальных группировок — явление *sui generis* и одна на другую не сводимы; 4) поэтому нельзя «общество вообще» заменять государством; 5) нельзя, выделив государство, остальные разнородные группировки объединять одним термином «общество» и противопоставлять их, как нечто единое, государству. Каждая из них отлична от другой, посему нельзя их ни покрывать одним словом, ни подводить под общую крышу государства. Так дело обстоит сейчас; так же оно обстояло и в прошлом.

Эти положения частично усматривал Р. фон Мольте, подвергший критике концепции, подобные штейновской. Он правильно указал на то, что основанием общественной группировки является не только экономический момент, но также религия, образование, общность местожительства, происхождения и т. д. Сообразно с этим сам Мольте дает перечень таких группировок: 1) государственная, 2) семейно-кровная, 3) общественно-привилегированная, 4) профессиональная, 5) по степени богатства, 6) религиозная²⁰. Этот перечень довольно близок к делу. Его минус лишь в том, что он дает перечисление не всех важнейших группировок.

Довольно удачна классификация элементарных группировок, встречающаяся у Ю. Делевского. Он различает группы: половые, возрастные, расовые, национальные, государственные, классовые, кастовые, сословные, религиозные, идеологические²¹. Ошибка здесь в смешении элементарных и кумулятивных групп.

Более подробно на вопросах социальной группировки и строении населения останавливаются американские социологи. Некоторые из них дают весьма подробную классификацию коллективных единств, составляющих в своей совокупности сложный социальный агрегат. «Само по себе понятие населения слишком общее и не далеко уведет нас в описании социальной организации. Необходимо сразу приступить к его классификации», — правильно говорит Майо-Смит и дает такую классификацию населения.

«1. *Демографические классы*. Индивидуумы, из которых состоит население, различаются по полу, возрасту, семейному состоянию и физическому здоровью.

" См. об этом: Cruet J. La vie du droit et l'impuissance des lois. Paris, 1908.

²⁰ См.: Mohl R. Staatswissenschaften und Gesellschaftswissenschaften (Die Gesch[ichte] und Litterat[ur] der Staatswissenschaften. 1855, Bd. I).

²¹ Делевский Ю. Социальные] антагонизмы, гл. II.

Глава II. Учение об элементарных социальных группах

413

2. *Социальные классы*. Они могут быть дифференцированы сообразно религиозному исповеданию, экономическому положению, (пауперы), степени образования (безграмотные), этическому поведению (преступники), занятию (профессиональные классы) или общественному положению (высшие и низшие классы).

3. *Этнографические классы*. Люди различаются по расе, крови и национальности²². Отсюда следует, что Майо-Смит различает группировки: 1) по полу, 2)

по возрасту, 3) по семейной принадлежности, 4) по степени здоровья, 5) религиозную, 6) по богатству, 7) по образованию, 8) по моральности, 9) по профессии, 10) по правовой привилегированности или обделенности, 11) по расе, 12) по крови, 13) по национальности.

Как увидим ниже, эта классификация группировок в общем и целом удачна. Необходимо к ней лишь ряд сравнительно небольших поправок.

1) Ее необходимо дополнить: например, у него нет группировки по государственной принадлежности, одной из самых важных группировок.

2) Кое-что отсюда необходимо исключить. Так, коллективное единство физически здоровых — единство мнимое. Мнимое потому, что обладание одинаковой степенью здоровья не влечет за собой более тесного взаимодействия сходных в этом отношении лиц.

Для других целей учет физически здоровых играет большую роль, но для нас, исследующих здесь наиболее важные реальные, а не мнимые коллективные единства, такая мнимая совокупность не имеет значения. Необходимо далее исключить группировку по крови, ибо она является дубликатом группировок расовой и семейной; приходится исключить и группировку по национальности, как кумулятивную, а не элементарную. Наконец, можно не вносить в число важнейших группировок группировку по степени моральности. Во-первых, этот признак неопределен. Какая сторона поведения здесь учитывается: степень ли социабельности или характер обычаев, нравов и права? Если последнее, то какие именно черты нравов и обычаев? Если же понимать моральные коллективы в смысле коллективов преступников (шак и банд воров, грабителей, убийц и т. д.), то в нормальное время такие коллективы редко бывают столь численными и организованными, чтобы играть большую роль в среде других крупных элементарных единств, чтобы влиять на исторические судьбы населения.

Немало вопросами строения населения (*demotic composition*) занимается и Гиддингс. В своих работах «Элементы социологии» и «Индуктивная социология» он дает два различных перечня основных группировок, на которые распадается население. «Строение населения, — говорит Giddings, — всегда представляет смешение различных более или ме-

²² Майо-Смит Р. Статистика и социология. М., 1900, с. 12-13, 16.

414

Система социологии. Том II

нее несходных элементов, различающихся по органической природе, по возрасту, полу, и родству (*Kinship*)»²³.

Далее он в качестве коллективных единств выделяет группы, образуемые лицами: 1) сходными по органическому строению (силе, росту, здоровью), 2) одного пола, 3) одного возраста и 4) родственные. Эти последние распадаются на подгруппы по признаку близости: а) единокровных, б) родственных, в) однонациональных, d) потенциально однонациональных, е) этнически однородных, f) по языку однородных (*glottic Race*), g) антропологически однородных (*Cephalic Race*)²⁴, m) человечество.

Легко видеть малую пригодность этого перечня для интересующего нас вопроса. 1) Человечество уж никак не может считаться элементом или составной частью населения. 2) Некоторые группировки дублируются: группировка цефалически-однородных^{5*} людей представляет лишь частный случай группировки лиц, сходных по биологической организации. То же следует сказать и о группировке по полу и возрасту в их отношении к группировке по органическому строению. 3) Понятие национальности и расы совершенно неопределенно и перепутано у Гиддингса. 4) Потенциально-национальная группа — мнимый, а не реальный коллектив. 5) Нет ряда важных группировок. 6) Не проведено различия между группировками элементарными и кумулятивными. В другом месте Гиддингс дает иную классификацию социальных классов.

«Не все люди, — говорит он, — ассоциируются с одними и теми же индивидами или не со всеми в одинаковой степени... Социальное население всегда дифференцировано

на классы. Имеется три основных первичных класса населения, а именно: 1) *здоровые, жизненные классы* (vitality classes), 2) *персональные классы* (personality classes) и 3) *социальные классы*. Классами второго порядка, не основными, являются: 1) *политические классы* (управляющие и управляемые), 2) *индустриальные классы* (эксплуатирующие и эксплуатируемые), 3) *экономические классы* (богатые и бедные). Основные классы даны во всяком населении, вторичные лишь в развитых обществах.

Жизненные классы распадаются на три группы: а) наиболее жизненный класс, дающий минимум смертности, максимум рождаемости и высшую степень здоровья и умственной силы; б) средний жизненный класс; в) и низший жизненный класс.

Персональные классы по степени таланта и способностей распадаются также на три группы: а) гении и таланты, б) люди средней умственной и нравственной силы, в) умственно и телесно дефективные.

Социальные классы по степени социабельности и альтруизма распадаются на четыре группы: а) социальных, б) несоциальных, в) псевдосоциальных и г) антисоциальных (преступники).

²³ Giddings F. Inductive sociology. 1901, p. 46-47; *Его же*. Elements, p. 54.

²⁴ Giddings F. Ind[uctive] sociology, p. 47-54; The elements, p. 54.

Глава II. Учение об элементарных социальных группах

415

Если, наконец, из жизненного, персонального и социального класса возьмем высшие их виды, т. е. лиц и наиболее здоровых, и наиболее гениальных, и наиболее социальных, то мы получим особую социальную группу: истинную социальную аристократию, избранное подлинное меньшинство (The True Elite), группу великих людей, имеющую колоссальное значение для прогресса общества²⁵.

Очерченная интересная теория для нашей цели совершенно непригодна. Она дает перечень не реальных коллективов, а мнимых коллективных единств. Понятие elite, социальных избранников у Гиддингса ясно, но беда в том, что человечество пока еще не имело реальной совокупности или профессионального союза гениев и великих людей. Точно так же люди не группируются в тесные коллективные единства по признаку здоровья или гениальности или социальности. Ценное во многих отношениях деление Гиддингса для нашей цели бесполезно.

Довольно детальную классификацию типичных группировок дает Ross. Вот она: 1) «Случайные группы (толпа, публика). 2) Естественные группы (семья, родственники, община). 3) Сходные (likeness) группы: касты, классы, секты, партии, профессии, нации). 4) Заинтересованные (interest) группы: племена, государства, конфедерации, гильдии, корпорации. 5) Функциональные группы: целевые ассоциации, социальные органы. 6) Авторитеты. 7) Иерархии»²⁶.

Эта классификация, составленная, правда, в иных целях, столь пестра, невыдержанна и запутана, что непригодность ее ясна сама собой. Поэтому критические замечания излишни.

Еще более детальную классификацию «составных частей или органов общества» мы находим у Blackmar'a. Принципом деления он берет «социальную функцию или специальную службу каждого органа». Вот она (с сокращениями). I) «Поддерживающие (sustaining) органы: производящие группы, добывающие, обрабатывающие, транспортирующие, обменивающие. II) Продолжающие жизнь общества группы: семья, медицинские и санитарные общества. III) Группы, выполняющие функцию общения: печать, телефонно-телеграфные коллективы. IV) Культурные группы: церковь, воспитательные учреждения, научные общества и т. д. V) Регулирующие и защитительные системы: государство (законодательные, судебные, административные учреждения и т. д.), свободные ассоциации (рабочие союзы, филантропические ассоциации, политические) партии и т. п.»²⁷

²⁵ Giddings F. Elements, p. 103-118. Эта схема чуть-чуть видоизменена Giddings'ом в его Inductive Sociology (см. p. 249-265).

²⁶ Ross E. Foundations, p. 98.

²⁷ Blackmar. Elements of Sociology. 1905, p. 92-93.

Эта классификация, представляющая детализацию системы органов общества как организма, данную Спенсером²⁸, не дает ответа на исследуемый нами вопрос. Она говорит о другом. Поэтому ее мы можем оставить в стороне.

Bentley, попытавшийся дать «объективную социологию» и объяснить все социальные явления как результат взаимоотношений групп, вопреки ожиданию ограничивается простым заявлением, что групп существует множество, и затем переходит к изучению так называемых «политических групп»²⁹.

Точно так же поступает и Sensini. Правильно критикуя однобокие теории политических историков, видящих только политико-государственные коллективы, теории экономистов, видящих только экономико-имущественное расслоение, теории расовые, профессиональные и т. д., страдающие той же однобокостью, и, признавая далее многолинейность социального расслоения, Sensini, однако, не дает общей теории социального расслоения и ограничивается анализом класса как сложной экономико-профессионально-политической группы³⁰.

У ряда лиц, например у Мазареллы, мы встречаем такую теорию группировок, данную ad hoc: 1) тесная семья, 2) семейная община, 3) gens^{6*}, 4) корпорация, 5) общество, 6) каста, 7) деревня (villagio), 8) citta (город), 9) дистрикт, 10) государство".

Данная для целей анализа строения населения Индии, она тем не менее неудачна. Как видно из определения самого Мазареллы — семья, семейная община и gens — это виды одной и той же группировки, отличные друг от друга только количественно. Корпорация и каста у него почти сливаются. Villagio, citta, дистрикт и государство различаются почти исключительно по территориальной величине. Нет множества других расслоений. В итоге, как общая схема группировок, таблица Мазареллы негодна и неудачна. То же приходится сказать и о множестве «ходячих» теорий, в изобилии даваемых в курсах права, государствоведения, в исторических работах с их различиями: «тотемических», «родовых», «территориально-племенных», «государственных», «национальных» и т. п. групп. Такие «ходячие» теории в лучшем случае неполны, а чаще всего совершенно неопределенны и лишены научного содержания³². Ряд социальных группировок мы встречаем обычно в курсах демографической статистики. Так, например, у Майра мы находим группировки населения: по полу, возрасту, по продолжительности жизни, по физичес-

²⁸ Спенсер Г. Осн[ования] соц[иологии], т. I, часть II.

²⁹ См.: Bentley A. The process of government, ch. VII.

³⁰ Sensini G. Op. cit, p. 573, 567.

³¹ Mazzarella G. Le forme di aggregazione sociale nell'India // Riv[ista] it[aliana di] soc[iologia]. 1911, p. 178.

³² См. ниже, гл[аву] «Систематика сложных социальных агрегатов» и гл[а-ву] «Уч[ение] о кумулят[ивных] группах».

Глава II. Учение об элементарных социальных группах

ким недостаткам, по семейному состоянию, по вероисповеданию, по национальным и племенным различиям, по месту рождения, по оседлости, по грамотности, по профессии, по преступности³³.

Эти группировки более удачны. Их недочеты с интересующей нас точки зрения в том, что они не дают ряда важных группировок, играющих громадную роль (напр[имер], у Майра мы не находим ни расовую, ни имущественную, ни партийную, ни объемно-правовую и другие группировки); с другой стороны, они рядом с реальными группами дают и группы мнимые (напр[имер], «по продолжительности жизни», по «физическим недостаткам» и т. п.). Очевидно, что эти коллективы не реальные, в указанном выше смысле, а чисто мнимые, статистические. Будучи важными в других отношениях, для нас,

изучающих реальное расслоение населения, такие мнимые группы не интересны.

Ограничимся приведенными литературными справками. Число их можно было бы увеличить весьма значительно, если ставить перед собой задачу полного изложения этого вопроса. Но такая «библиография» излишня. Она ничего не даст. Ниже, при анализе понятия класса и в главе о «Систематике обществ», мы встретимся еще с множеством теорий, относящихся к этому вопросу. На основании сделанного обзора плюс того материала, который будет приведен там, мы убедимся, что в этом вопросе социальная мысль ушла очень недалеко: большинство представителей социальной дисциплины даже не ставит этого вопроса и ограничивается общими, ходячими фразами, научная ценность коих равна нулю; другие только мельком задевают проблему; третьи, очень немногие, — хотя ставят и решают ее систематически, однако, эти решения вызывают серьезные возражения. Такое состояние вопроса делает весьма вероятными ошибки всякого исследователя этих проблем. В этом обстоятельстве — извинение тех ошибок, которые, вероятно, будут иметь место в нижеследующей классификации важнейших реальных элементарных группировок населения современных цивилизованных стран.

Теперь, руководствуясь очерченными выше принципами, перейдем к перечню важнейших элементарных группировок, на которые расслаивается население так называемых культурных стран.

§ 2. Основные элементарные группировки (линии элементарного расслоения) населения так называемых «культурных стран»

Под элементарной группой следует разуметь реальную совокупность лиц, объединенных в одно взаимодействующее целое каким-либо од-

³³ См.: Майр Г. Статистика и обществоведение. СПб., 1900, т. II, с. 93-213; *Ego же*. Statistik und Gesellschaftslehre. Bd. III, Th. I-IV и Schnapper-Arndt. Sozialstatistik. 1908, passim.

14 Система социологии

418

Система социологии. Том II

ним признаком, достаточно ясным и определенным, не сводимым на другие признаки, так гласило данное выше определение, элементарного коллектива. Иными словами, элементарная группа — *это совокупность взаимодействующих лиц, сходных в одном каком-либо отношении*. Это сходство влечет за собой сходство их интересов в данном отношении, сходство их стремлений и деятельности в этой сфере, словом, служит условием их сцепления и объединения в одно солидарное целое, отделяющее их, как коллективную единицу, от остальных членов населения. В своей совокупности они образуют как бы абонентов одной системы взаимодействия, связанных друг с другом одним рядом проволоки.

Это определение элементарной группы достаточно точно. Некоторую неясность составляет в нем лишь понятие *элементарности* сходного признака, вызывающего взаимное притяжение и объединение в одну группу ряда лиц, сходных по этому признаку друг с другом. Насколько элементарен, прост и неразложим должен быть этот общий признак? *Всякое ли сходство в физическом, интеллектуальном, моральном или социальном отношении индивидов может служить условием, вызывающим объединение сходных лиц в одну элементарную реальную совокупность?* Например, может ли сходство формы носа, или одинаковость роста, или цвета волос вызывать взаимное притяжение сходных в этом отношении индивидов друг к другу и их объединение в реальный элементарный коллектив? Обычное наблюдение дает отрицательный ответ на этот вопрос. Мы не видим в социальной жизни реальных групп, составленных из лиц «прямоносых» или «горбоносых», не видим «обществ людей ростом в 1,7 метра», не находим групп или «ассоциаций рыжеволосых», не наблюдаем «союза холериков или флегматиков», не констатируем и «ассоциаций или групп любителей фетровых шляп». Если иногда в виде исключения какие-либо чудачки основывают «клуб толстяков», то такой факт представляет чрезвычайно редкое явление, во-первых; во-вторых, такие ассоциации столь

малочисленны и являются такими исключительными ипсиситами, что социальная роль их ничтожна, давление, оказываемое ими на поведение людей и ход событий, близко к нулю. Поэтому такие группы, как нулевую социальную силу, мы можем вполне игнорировать.

Эти обычные наблюдения говорят за то, что *не всякий элементарный признак сходства вызывает объединение в одно солидарное целое сходных лиц*. Сказанное о признаках роста, цвета волос, формы носа, фетровых шляп и т. д. вполне применимо и к йелому ряду других элементарных сходств индивидов друг с другом. Целая масса таких сходных признаков не влечет за собой сцепления и объединения, сходных в отношении их индивидов в элементарную реальную группу.

Рядом с такими фактами мы наблюдаем и иные. Если возьмем, например, такие признаки сходства ряда индивидов, как сходство *профес-*

Глава II. Учение об элементарных социальных группах

419

сии, или религиозных верований, или имущественного положения, или пола, или подданства и др., то мы видим, что они играют иную роль: они действительно вызывают сцепление, притяжение и объединение в одну солидарную группу сходных в этих отношениях индивидов. Доказательством тому служит существование: профессиональных союзов и синдикатов, католической или православной церкви, групп богатых или бедных, женских ассоциаций и лиг, государственных групп: России, Англии, Франции и т. д. Вывод отсюда гласит: одни из элементарных признаков сходства нейтральны и не вызывают образования из сходных в этом отношении человеческих единиц социальной группы; другие, напротив, не нейтральны, а действительны: сходство в отношении их вызывает группировку индивидов в одно реальное целое.

Теперь, спрашивается: *какие же именно элементарные сходства относятся к числу последних признаков?*

Общий и точный ответ на этот вопрос при данном состоянии науки едва ли возможен: вопрос почти не изучен. Можно дать в виде гипотезы те или иные положения. Можно, например, сказать, что к таким признакам относятся лишь те, обладание которыми тесно связано с удовлетворением основных потребностей человека и определенным образом обуславливает его поведение по адресу других людей и других по адресу первого. Но эта и все подобные гипотезы столь общи, так мало «объясняют», что я предпочитаю вместо таких «гаданий» и «болтовни» иной, более верный путь — *путь наблюдения подлинной картины социального расслоения*. Не будем гадать, «конструировать» и дедуцировать, а попытаемся смотреть и наблюдать те твердые линии социального водораздела, те трещины социального расслоения, которые даны в окружающем нас мире людей. При этом будем концентрировать наше внимание или зрение на линиях расслоения, во-первых, достаточно *глубоких* (ибо мы изучаем только важнейшие элементарные группировки), во-вторых, достаточно определенных, «*твердых*», обозначенных более или менее точными «вехами»-признаками, а не расплывающихся в неопределенные и неясные штрихи или углубления. Мы сейчас находимся в положении географа, задачей которого является нанесение на карту точного чертежа русла рек и водоразделов, а не решение вопроса: почему здесь река повернула направо, а не налево, почему этот приток впадает здесь, а не там. Эти вопросы можно решить, лишь имея точный чертеж реки, а не до этого. У нас же пока что нет даже такого чертежа. Когда он будет, когда мы набросаем карту социальных водоразделов, тогда в «социальной механике», быть может, с большим успехом мы сумеем ответить и на эти «почему».

Какие же результаты дает это наблюдение? *Какие признаки индивидов оно дает в качестве «вех», указывающих наиболее важные линии элементарного расслоения населения? Иными словами, обладание какими при-*

420

Система социологии. Том II

знаками вызывает притяжение и группировку сходных в отношении этого признака индивидов в коллективные единства?

Главнейшими из таких «признаков-вех» являются для современного населения Европы, Америки и так называемых «культурных стран» признаки: 1) *расовый*, 2) *половой*, 3) *возрастной*, 4) *семейной принадлежности*, 5) *государственного подданства*, 6) *языка*, 7) *профессии*, 8) *имущества (богатства или бедности)*, 9) *объема прав (привилегированности или обделенности)*, 10) *территориальной принадлежности*, 11) *религии*, 12) *политической партии*, 13) *ряд признаков психического характера и рядом с ними множество других более мелких признаков, вызывающих мелкие группировки, не относящиеся к числу важнейших*. Отдельно от этих групп то же наблюдение показывает нам небольшое число отдельных индивидов, «великих» людей, вкрапленных в население, образно говоря, целой головой возвышающихся над остальной массой людей. Но они вкраплены изолированно, а не составляют реальной группы «великих».

Такова та картина, которую дает наблюдение. Сказанное означает, что к числу *важнейших (т. е. наиболее могущественных) элементарных групп, на которые расслаивается современное население «культурных стран», относятся группировки: 1) расовая, 2) половая, 3) возрастная, 4) по семейной принадлежности, 5) по государственной принадлежности, 6) языковая, 7) профессиональная, 8) имущественная, 9) объемно-правовая, 10) территориальная, 11) религиозная, 12) партийная, 13) психоидеологические* (порядок их перечня не означает их относительной важности, он вызван, как увидим ниже, иными соображениями).

Таков конкретный ответ на поставленный выше вопрос. Таковы наиболее влиятельные элементарные группы, на которые расслаивается население.

Предвижу заранее ряд «недоумений» и возражений по поводу этого перечня. Некоторые из них постараюсь парировать теперь же³⁴.

— В ряду ваших группировок нет группировок классовой и национальной и возможно еще ряда важных социальных групп, — таково возможное возражение.

Да, — отвечаю, — их нет. Но нет потому, что класс, национальность и еще многое множество других групп относятся не к числу элементарных, а кумулятивных групп. О них речь пойдет в учении о кумулятивных группах.

— Вы называете указанные группировки и их признаки элементарными. Но разве такой признак, как государственное подданство или раса, а равно и другие, относятся к числу элементарных? Разве они не разложимы на ряд других, более простых признаков? Каждая из очередных элементарных групп не является ли скорее кумулятивной группой?

34 ^хясть этих возражений была высказана после моего доклада в Русском социологическом обществе имени М.М. Ковалевского.

Глава II. Учение об элементарных социальных группах

42 1

Отвечаю: Очень может быть, что указанные элементарные признаки могут быть разложены на более простые. Но пока что я не вижу путей для такого разложения; если же и вижу, то они, в конце концов, приводят к столь мелким элементарным свойствам индивидов, что последние из числа «действенных» переходят в число «нейтральных», т. е. таких, которые подобно признакам формы носа, цвета волос, окраски шляпы или росту, не вызывают сцепления и объединения индивидов. В итоге, идя чересчур далеко по пути детализирования элементарных признаков, мы оказываемся «у разбитого корыта», т. е. вместо ряда важнейших групп, на которые расслаивается население, попадаем в море изолированных индивидов, в беспорядке мелькающих перед нами. Вместо изучения пластов социального тела мы оказываемся лицом к лицу с грудой индивидуальных песчинок, взаимоотношения и сцепления которых нам непонятны. Таковы одни мотивы, препятствующие дальнейшему разложению указанных элементарных связей. Признавая относительную их сложность, все же я называю их элементарными потому, что они достаточно определенны и ясны, во-вторых, несводимы друг на друга (доказательства ниже), в-третьих, комбинируя их, мы можем получить любую кумулятивную группу, т. е. любое сложное социальное тело. Следовательно, они выполняют все функции элемента по отношению к сложному телу и потому могут быть названы элементарными, в отличие от

кумулятивных.

— В вашем перечне нет *fundamentum divisionis*^{7*}; он пестр и нелогичен, — могут далее возразить любители формальной логики и всяких *fundamentum'oB*, плохо понявшие их смысл.

Отвечаю: *Fundamentum'oM* деления служит принцип элементарности. Признаки: расовый, семейный etc. служат *differentia specifica*^{8*}. *Sapienti sat*^{9*}.

— Не лучше ли было бы классифицировать элементарные группы в зависимости от тех потребностей, которые лежат в их основе? Например, на группы, удовлетворяющие потребность питания (хозяйственные), потребность размножения (семейные), потребность самосохранения (государственные), потребности моральные (правовые группы), потребности идейные (церковь, партия etc.) и т. д.? — могут возразить иные.

— Такая классификация мыслима, но ее плюсов я не вижу, зато вижу ряд существенных минусов. Она будет неизбежно субъективной и очень условной, ибо, пока что нет сколько-нибудь общепринятой классификации человеческих потребностей³⁵. А главный недостаток такого приема заключается в том, что он не способен дать нам соответствующую действительности картину социального расслоения. Не способен потому, что одна и та же потребность обслуживается фактически не одной, а

³⁵ См.: *Сорокин П. Система социологии*, т. I, § «Потребности человека».

4 2 2

Система социологии. Том II

несколькими группами, и обратно, одна и та же группа обслуживает не одну, а несколько потребностей. Так, потребности психического или идеологического характера обслуживаются не одной какой-либо группой, а рядом групп, друг с другом не совпадающих и друг друга не покрывающих. Они обслуживаются: и религиозной группой — церковью, и научным обществом, и политической партией, и профессиональными объединениями. Каждая из этих группировок не совпадает с другой. В социальной действительности они гетерогенны и не тождественны. Между тем, исходя из принципа потребности, нам пришлось бы смешать все эти различные группировки в одну и исказить таким образом, в угоду «принципу», реальную картину социального расслоения. И обратно, одна и та же фактически существующая группа обслуживает не одну, а ряд потребностей; кто может сказать, что семья удовлетворяет только половую потребность, что государство обслуживает только потребность самосохранения, как полагают некоторые, что церковь или партия выполняют только функции удовлетворения психических запросов людей!³⁶ То же, *mutatis mutandis*^{10*}, можно сказать и *a* всякой важной группе. Исходя из принципа потребностей, и здесь снова пришлось бы исковеркать факты и свести функции каждой группы к удовлетворению одной какой-либо потребности. Это было бы новым искажением социальной действительности. Вот почему «логические» классификации элементарных групп, исходящие из принципа ли потребностей или из какого-либо другого «принципа», внешне могут выглядеть очень «причесанными» и «приглаженными», но с точки зрения соответствия фактам они неизбежно будут негодными.

Этих соображений достаточно, чтобы «отвести» такие возражения.

Указанный перечень основных элементарных групп или линий социального расслоения таков, а не иной потому, что такова социальная действительность, потому что таковы реальные, а не мнимые, не «методологические» группировки людей в обуславливающие их поведение коллективы. Почему эти линии дифференциации проходят так, а не иначе? Почему, например, сходство по подданству или профессии, по богатству или расе, а не по обычаю брить усы и бороду или не по цвету волос делает сходных лиц солидарными, объединяет и сцепляет их в одно единство? Почему именно вокруг этих, а не иных сходств скопляются и оседают человеческие опилки? — все это вопросы важные, но не подлежащие обсуждению здесь. Это вопросы социальной механики, а не аналитики. Как бы мы их ни решали, но факт остается фактом: именно вокруг указанных «сходств-вех», как магнитных центров, скопляются и оседают

человеческие опилки, именно отношение к ним представляет совокупность координат, определяющих положение «социальной точ-

³⁶ См.: Hayes. The classification of soc[ial] phenomena // Am[erican] j [ournal of] sociology], p. 100-101.

Глава II. Учение об элементарных социальных группах

423

ки» — индивида — в социальном пространстве. Поскольку мы сейчас чертим социологическую карту общественных водоразделов, наша задача, подобно задаче географа, состоит лишь в том, чтобы эту карту начертить правильно. А почему линии социальных возвышенностей и долин или линии социальных рек и ущелий проходят так, а не иначе, — это вопросы пока что чуждые компетенции географа-социолога.

Как указано выше, перечисленные линии элементарного социального расслоения представляют лишь важнейшие линии, указывающие, так сказать, только губернские — наиболее могущественные — группировки. Рядом с ними существует множество мелких групп, множество «уездных и волостных» линий дифференциации. Было бы еще лучше, если бы социолог мог дать не только суммарную, но подробную карту социального расслоения, указывающую все мельчайшие группы и союзы. Но при данных условиях такая задача пока что неосуществима. Она возможна только тогда, когда имеется уже правильная «суммарная» карта. Ее пока еще нет. Поэтому большим шагом вперед будет, если социология, сумевшая покончить с иллюзиями «единого общества», сможет дать правильную суммарную карту. Остальное с течением времени приложится само собой.

Таково понятие элементарной группы и основные — наиболее могущественные — элементарные группировки населения нашего времени, устанавливаемые по более или менее «четким» и твердым вехам-признакам, а не по расплывчатым понятиям вроде «зоны культуры» или «характера цивилизации» и не по дедуктивно созданным конструкциям и принципам. Нижеследующее покажет, что эти группировки действительно удовлетворяют очерченным критериям могущественных групп, что они действительно оказывают давление на ход общественных процессов и влияют на судьбу населения вообще, что они не совпадают друг с другом, что они представляют важнейшие координаты, определяющие поведение и социальную физиономию индивида, что они действительно достаточно четки и определены, и, наконец, что любая кумулятивная группа представляет определенное соединение — кумуляцию — тех или иных очерченных элементарных групп.

Элементарные группировки закрытые, открытые и промежуточные. Социальные группы и монистические идеологии

Прежде чем перейти к характеристике этих выделенных элементарных групп, укажем еще на одно подразделение последних, частично связанное с могуществом, а затем имеющее значение для понимания строения населения.

Необходимо различать элементарные социальные группы 1) *закрытые*, 2) *открытые* и 3) *промежуточные*.

424

Система социологии. Том II

Под закрытыми группами я разумею такие, принадлежность к которым не зависит от воли индивида. Он к ним оказывается прикрепленным помимо его согласия, а часто и вопреки последнему. Закрытость может иметь различные степени и формы. Совершенно закрытой мы должны считать такую группу, добровольный вход и выход из которой невозможны. Она оказывается похожей на стену, замыкающую индивида со всех сторон и не позволяющую ему выйти из нее. Хочет или не хочет он, но сбросить с себя цепи данной группы, отрешиться от связи с ней он не может. Так, принадлежность каждого из нас к тому или иному расовому или половому коллективу не зависит от нашей воли: не от нас зависит, мужчинами или женщинами, белыми или черными мы рождаемся. Вне нашей воли находится и освобождение и выход из такой группы: нельзя из мужчины стать женщиной^{11*}, из белого — негром или обратно, нельзя освободиться и от тех свойств, которые передаются вместе с полом или расой. Можно проклинать себя за то, что

родился женщиной или черным, но эти проклятия не помогут стереть свою принадлежность к тому или иному полу, к той или иной расе. Круг замкнут. Группа замкнута.

В данном случае замкнутость вызвана *биологическими* условиями. Но она может быть создана и *социальными* отношениями. Примером относительно замкнутой социальной группы может служить государство.

Вход и выход из государственного подданства оказываются почти закрытыми: не от нас (за небольшими исключениями) зависит, подданными какого государства мы рождаемся: далеко не от нас зависит и перемена подданства. Участие в государственном коллективе оказывается предрежденным. Разрезать «пуповину», соединяющую нас с ним, мы часто бессильны.

То же применимо, например, и к такой группе, как семья.

Все эти закрытые и полузакрытые группы характеризуются тем, что свободная диффузия и циркуляция индивидов не в пространственном смысле, а в смысле перемены принадлежности к ним и вытекающих отсюда взаимоотношений из одной закрытой группы в другую аналогичную или невозможно (циркуляция из расы в расу, из пола в пол) или затруднена до чрезвычайности (перемена подданства, семьи). В лучшем случае здесь остается узенькая щель, игольные уши, через которые удастся пройти немногим «верблюдам»¹¹.

Особой разновидностью закрытых групп следует считать *наследственно-закрытые группы*. Под ними я разумею те закрытые группы, где принадлежность родителей к этой группе вызывает за собой принадлежность к той же группе и их детей. Не все закрытые группы наследственные. Так, половая группа закрыта, но не наследственна, ибо родитель-отец может иметь потомство в виде дочерей, а не сыновей. Государство близко к типу наследственных закрытых групп. Здесь подданство отца,

Глава II. Учение об элементарных социальных группах

42 5

как общее правило, предреждает и подданство детей. Такой же наследственно закрытой группой является, например, каста.

Под открытыми группами я разумею те, принадлежность к которым зависит от воли индивидов, вход и выход из которых свободны. Циркуляция индивидов между такими группами совершается легко, двери их открыты настежь: хочешь войди, хочешь выйди. Примером таких групп могут служить многие «общества любителей» (научные, художественные, филантропические, спортивные и т. п.), политические партии и т. д. Участие в них — дело желанья. Оно не предреждено. Оно не принудительно. Циркуляция свободна. Стен и закрытых дверей нет...

Между этими группами, закрытыми и открытыми, размещается множество *промежуточных форм*, одни из которых приближаются к закрытым, другие к открытым. Таковы, как увидим ниже, в наше время группы профессиональные, имущественные, объемно-правовые и другие. Большинство элементарных и кумулятивных групп фактически принадлежит к числу промежуточных форм с приближением то к закрытым, то к открытым. Одни из них более близки к закрытым группам, другие к открытым. Все они характеризуются тем, что вход и выход из них не вполне закрыты и не вполне свободны. Они как бы имеют маленькую щель, через которую индивиды могут диффундировать, входить и выходить из группы.

Какие из групп принадлежат к данному типу — это вопрос факта в каждом данном случае.

Примером их в наше время служит большинство профессиональных групп. Теоретически выбор профессии в наше время свободен. И некоторая свобода здесь действительно есть. Но далеко не та, которая представляется с первого взгляда. Хотя в отличие от таких групп, как каста, пол, раса, к которым человек прикреплен, выйти из которых, как общее правило, он не может, перейти *из касты в другую он не в состоянии, циркуляции здесь нет*²¹, хотя в отличие от них выход из профессиональной группы —

перемена профессии — зависит от воли индивида, но в ограниченной мере. В одних профессиях — в большей, в других — в меньшей. Далеко не все, желающие стать инженерами, врачами, землевладельцами, профессорами, чиновниками, рабочими и т. д., делаются ими и в самом деле. С другой стороны, сколько лиц, желающих переменить опостылевшую им профессию, продолжают заниматься ею до самой смерти. Некоторая щель (разная для разных профессий), дающая возможность циркулировать из одной профессиональной группы в дру-

³⁷ Редким исключением из этого правила являются случаи извержения из касты или государства, а равно и перемена подданства последнего; но извержение из касты означает не переход в другую, а просто «поставление вне закона». Перемена подданства хотя в ряде случаев и возможна, но как исключение и то мало зависящее от воли индивида.

42 6

Система социологии. Том II

гую, есть, но эта щель в общем узка, циркуляция слаба, а диффундируют через нее немногие и сравнительно медленно. Подтверждением промежуточности профессиональной группы служит далее и *ее наследственно полузакрытый характер*³⁸.

«Теоретически, — говорит Майр, — человек представляется вполне свободным в выборе своей профессии, тем не менее сын земледельца обыкновенно становится земледельцем же, сын промышленника — промышленником. И здесь индивидуальная свобода более или менее подчинена постоянным или изменчивым внешним условиям»³⁹. То же в

³⁸ Было бы весьма ценно изучить подробно размеры и характер этой циркуляции для разных профессий и эпох. К сожалению, вопрос почти не исследован. Некоторое представление дают размеры циркуляции в группе германского пролетариата (без высших служащих). «Для германского пролетариата весь годовой прилив лиц, впервые делающихся рабочими, для 1911 г. 1638 тыс. человек, для 1912 г. — 1711 тыс., для 1913 — 1707 тыс., значит, ежегодно вливается в пролетариат заново около 11-й части его состава (9,26%), причем 1281 тыс. идет на пополнение годовой убыли, 426 тыс. — на рост. Сама же убыль на три четверти (505 тыс. мужчин и 480 тыс. женщин) вызывается иными причинами (чем смертность и инвалидность): замужеством, продвижением на высшие социальные ступени и солдатчиной. Если бы пролетариат не рос, то весь его состав обновлялся бы заново каждые 15 лет. Средняя продолжительность пребывания наемным рабочим 15 лет означает (фактически), что половина работает по 30 лет, другая по 7½ лет» (Лурье М. (Ю. Ларин). Состав пролетариата. Пг., 1918, с. 5-6).

Таковы размеры професс [ионально] -пролетарской циркуляции в Германии. Само собой разумеется, что эти данные колеблются в зависимости от характера профессии, стран и времени. Одна и та же профессия, в эпохи революции например, может дать показатели циркуляции иные (обычно более высокие), чем в периоды мирные. Мной предпринято сейчас, через Социолог [ический] институт, исследование профессиональной] перегруппировки населения Петрограда за годы революции. Вообще здесь масса интересных проблем, изучение которых было бы очень важно.

³⁹ Майр Г. Закономерности в общественной жизни. М., 1899, с. 232. Тот же факт констатирует и специальная работа Р. Chessa. La trasmissione ereditaria delle professioni. Torino, Восса, 1912. Наиболее наследственными профессиями, согласно Chessa, являются те, которые требуют большей технической опытности и капитала или связаны с корпоративным духом (lo spirito di corpo) и со специальными гарантиями продолжительности и непрерывности занятий. Новые экономические условия уменьшают наследственность профессии. См. также: Ghent. Mass and class. 1909, p. 41 и ел.

Что касается ученых, то исследования Де Кандолля показали, что из ста иностранных сочленов Французской академии 10% распределялись между классами рабочих и крестьян, 30% — между дворянством и богатой буржуазией, 60% принадлежали к среднему сословию.

Во Франции те же цифры таковы: 23%, 35%, 42%.

*

«Класс рабочих и крестьян — самый многочисленный во всех странах.

Он составляет в общем $\frac{2}{3}$ или $\frac{3}{4}$ населения. Между тем из этого класса выходит наименьшее число ученых» (*De Candolle A. Histoire [des sciences et] des savants. Geneve 1885, p. 273; лит. по: Вольтман Л. Политическая антропология.*

Глава II. Учение об элементарных социальных группах

4 2 7

значительной мере можно сказать и о других группировках, включенных мною в эту категорию: группировке по степени богатства, религии⁴⁰, по месту постоянного жительства, по объему прав и обязанностей и т. д. Все они фактически являются промежуточными группировками. Конечно, с поступательным ходом истории профессиональная, религиозная, имущественная и другие группировки делаются более подвижными; эта подвижность особенно возрастает в эпохи переходные, революционные, или за годы войны, но в общем и целом, как показывает статистика народонаселения, до сих пор они представляют полусвободные, мало зависящие от воли индивида группировки. Следует помнить, что принадлежность различных конкретных группировок к тому или иному типу — явление исторически изменчивое. Так, профессиональная группировка в кастовой группе принадлежит к группировке «закрытой», в современном «обществе» — к группировке частью «полузакрытой», частью — «открытой». Так, индивид, родившийся в касте «носильщиков воды из источника А», оказывается прикрепленным к своей профессии: он может быть только «носильщиком воды из источника А». Перемена профессии (касты) для него невозможна. В наше время выбор профессии теоретически зависит от воли индивида: ни юридических, ни моральных ограничений для перемены профессии нет. Но фактически, как увидим ниже, эта свобода выбора и перемены профессии оказывается очень ограниченной. Точно так же принадлежность к определенной церкви в полицейском государстве является не зависящей от воли индивида. Его религия предписана государством, он обязан так верить, как приказывают. Это значит, что религиозная группировка индивидов в таком государстве близка к закрытому типу.

В государстве же правовом, провозгласившем принцип религиозной свободы, право принадлежать к любому вероисповеданию или не принадлежать ни к какому, в таком государстве религиозная группировка отойдет к группировкам полузакрытого или открытого типа.

Ниже мы увидим значение этого подразделения для понимания строения населения и социальных перегруппировок⁴¹.

Пока же отметим, что закрытость и открытость группы стоит в некоторой функциональной или корреляционной^{13*} (в смысле Пирсона) связи с могуществом групп.

СПб., 1905, с. 225. По вычислениям *Ларина*, цифры потомственного, наследственного пролетариата в Германии равняются 79 % мужского поколения, и 66,8 % — женского (*Ларин Ю.* Цит. соч., с. 15-16.

⁴⁰ *Майр Г.* Цит. соч., с. 220-221. «Статистические данные очень убедительно доказывают, что одно из очень важных социальных отличий индивидов (религия) зависит не от их собственной воли, а от воли других лиц».

Так, в Баварии в 1840 г. католики составляли 71,08 % всего населения, протестанты — 27,45 %; в 1871 г. те же цифры таковы: 71,28 % католиков, 27,61 % протестантов. Исключениями служат эпохи религиозных гонений.

⁴¹ См. гл[аву] «Социальные перегруппировки».

42 8

Система социологии. Том II

Раз наиболее важными группировками индивидов в коллективы являются те, участие в которых наиболее решительно обуславливает переживание и поведение индивидов, с одной стороны, которые оказываются наиболее численными, распространенными, организованными и солидарными, с другой, то очевидно, наиболее важными с этой точки зрения будут те группировки-, те системы взаимодействия, участие в которых является неизбежным для индивида, не зависящим от его воли и

желания, иными словами, те коллективы, в которые он попадает с момента своего рождения и влияния которых он не может избежать при всем своем желании.

Раз каждый индивид проходит чрез горнило их влияния, следовательно, такая группировка *наиболее многочисленна или наиболее распространена*. Так, почти все индивиды по своему появлению на свет оказываются членами той или иной семьи, того или иного государства; поэтому эти коллективы состоят из большого числа членов (государства) или оказываются весьма распространенными (семья), так что в своей совокупности охватывают опять-таки большое число людей.

Раз каждый индивид проходит через сферу их влияния, это значит, что эти коллективы существуют длительно, а раз они существуют длительно, — то, следовательно, являются коллективами *организованными*, обладающими прочным, осевшим шаблоном взаимоотношений, определенным порядком и теми или иными правительственными органами. Раз индивид испытывает на себе их влияние, раз они являются первыми скульпторами, формирующими человека «по своему образу и подобию», внедряющими в него определенные навыки и убеждения, вкусы и верования, желания и стремления, то индивид, помимо его воли, впитывает в себя атмосферу таких коллективов, их стремления и интересы, становится подобным членам, составляющим такие коллективы, т. е. вольно или невольно становится *солидарным* и кровно связанным с ними.

Вот почему такие коллективы, принадлежность к которым обычно не зависит от воли индивида, к которым он оказывается прикрепленным с момента своего рождения, вход и выход из которых несвободны, циркуляция — невозможна, такие группы являются обычно и наиболее численными, распространенными, организованными и солидарными, т. е. наиболее важными. Это *группировки закрытые или близкие к ним*.

Следующей категорией будут группировки *промежуточного, полусвободного — полужакрытого типа*, участие в которых теоретически зависит от воли индивида, фактически же эта воля оказывается предопределенной рядом условий, в частности, группировками первого типа. Эти последние обычно предопределяют: будет ли индивид участвовать в такого рода полусвободных ассоциациях, и если да, то в каких именно.

Третьей категорией являются группировки открытого типа, участие в которых представляется зависящим от воли индивида. Принадлежность к ним дело его доброй воли. Он может участвовать в них, может и

Глава II. Учение об элементарных социальных группах

42 9

не участвовать. Опять-таки принадлежность или не принадлежность к группировкам этого типа, и к каким именно, предопределяется влиянием группировок первого и второго типа. Влияния группировок первого типа — в современных условиях — не избегает почти никто; небольшой доле людей удастся избежать влияния группировок второго типа. Несравненно большим является процент лиц, не участвующих в группировках открытого типа и не испытывающих на себе их влияния. В силу этого они обычно не столь многочисленны, как группировки 1 -го и 2-го рода. В силу этого их влияние обусловлено группировками последними. Такова связь закрытости с важностью и влиятельностью группы.

Выделенные три типа группировок, как указано, *не отделяются абсолютно резко друг от друга*. Абсолютная закрытость группы и абсолютная ее открытость — это два логических полюса, служащие вехами для характеристики группы. *Фактически же последние почти все принадлежат к числу промежуточных форм, варьируя по степени своей близости к абсолютно закрытой или открытой группе*. Логически закрытость группы может колебаться от бесконечности (абсолютная закрытость) до нуля (абсолютная открытость). Фактически любая группировка (за частичным исключением расовой, половой и возрастной) только относительно закрыта или открыта. Но эта относительная степень закрытости, однако, имеет большое значение в вопросах социальных перегруппировок, подвижности, сложности и эластичности строения социального

агрегата. Вот почему введение этих понятий имеет *raison d'être*^{14*}, несмотря на относительность степени их закрытости или открытости.

К числу закрытых из выделенных элементарных групп современного населения так называемых культурных стран относятся группировки: 1) расовая, 2) половая, 3) возрастная.

К числу относительно открытых: 1) партийная, 2) ряд группировок психического (идеологического, чувственно-эмоционального и волевого) характера.

К числу промежуточных групп с приближением то к закрытым, то к открытым принадлежат группировки: 1) семейная, 2) государственная, 3) языковая, 4) профессиональная, 5) имущественная, 6) территориальная, 7) религиозная, 8) объемно-правовая.

Таковы важнейшие элементарные группировки по типу закрытости или открытости, имеющиеся в населении современной Европы, Америки и «культурных» областей других материков. Конечно, и здесь закрытость той или иной группы, как увидим ниже, значительно варьирует от места к месту. В каждом данном «клочке населения» она должна фактически изучаться. Но как общая приблизительная схема только что перечисленная классификация целесообразна и помогает ориентировке исследователя. Ниже, в главе о социальных перегруппировках, будут даны основания этой схемы и детально рассмотрены затронутые вопросы.

43 0

Система социологии. Том II

Теперь мы можем перейти к характеристике каждой из элементарных группировок. Но предварительно одно критическое замечание.

Критические замечания

Как видно из всего предыдущего, я настаиваю на многолинейности элементарного расслоения населения. В этом смысле моя теория плюралистична и противоположна всем монистическим теориям, защищающим то или иное однолинейное расслоение «общества». Согласно им, социальное расслоение представляет собой довольно простую картину: оно исчерпывается или расслоением по расам, или государствам, или полу, или профессиям, или классам и т. д. Не критикуя специально такие «монистические» теории (ибо все предыдущее и последующее служит сплошной их критикой), я обращаю внимание читателя лишь на один факт: на то, что каждая из выделенных линий элементарных групп вызывает появление на свет соответственной «идеологии» со стороны своих монистических адептов. Говоря словами Маркса: «социальное бытие важной элементарной группы» определяет собой социальное сознание и вызывает на божий свет монистические идеологии, стремящиеся возвести эту группу на степень основной и единственной и потому игнорирующие существование других групп. Упуская из виду сложность и плюралистичность социального расслоения, авторы таких «идеологий» видят сообразно со своими вкусами только одну группу, гипертрофируют ее значение и недооценивают или игнорируют существование других группировок. В социологической литературе имеются самые разнообразные образцы таких «идеологий»; есть идеологии расовых групп, половых, профессиональных, имущественных, государственных, партийных и т. д. Каждая из таких однобоких теорий стремится доказать исключительное значение соответственной группировки, наделяет ее «сверхъестественными» свойствами и рисует дело так, как будто бы существует только данная группировка, а других нет, если же они и есть, то представляют нечто несущественное, третьестепенное. Бытие государственных групп дало жизнь таким однобоким идеологиям государства⁴².

⁴² Эта черта выступает не только в «юридических теориях» государствоведов, но и в так называемой научной истории. Если последняя перестала быть историей царей и полководцев, то до сих пор она представляет по существу историю государственных группировок. Курсы истории сводятся к изложению главным образом истории государств и их взаимоотношений. История других группировок населения или совсем не излагается в общих курсах или излагается случайно, как что-то неважное, несущественное.

«Всеобщая история», перестав быть историей царей, стала историей государств. Это шаг вперед, но только шаг. Для своей научности и полноты она должна сделать дальнейшие шаги: стать историей не только государственных коллективов (России, Англии, Франции и т. д.), но и всех других, внегосударственных групп и расслоений. Только тогда она будет полной, всесторонней, а не однобокой историей.

Глава II. Учение об элементарных социальных группах

431

Расовое расслоение дало жизнь расовым «идеологиям», страдающим той же однобокой слепотой и видящим только расовое расслоение (Гум-плович, Аммон, Лапуж, Гобино и др.). Идеологи профессионального расслоения создали идеологию профессиональных групп и самым серьезным образом (в лице синдикалистов) доказывают нам, что профессиональные группы *все*, остальные — *ничто*, что они абсорбируют все другие группировки. То же применимо к идеологиям других коллективов (имущественных, объемно-правовых, национальных, классовых и т. д.). Каждая из них рисует свою группировку, как абсолютного монарха. Каждая из них изображает человека как существо «одного измерения», как члена только одной коллективности. Государствоведы думают, что связи индивида исчерпываются его подданством, что государственный коллектив может обслуживать и удовлетворять все запросы человека: и научные, и религиозные, и профессиональные, и партийные, и имущественные и т. д., что ему незачем «абонироваться» в другие, в негосударственные коллективы. Синдикалисты, как идеологи профессиональных групп, пытаются растворить индивида в профессиональной группе (в «ассоциации производителей») и доказывают, что индивиду незачем быть абонентом внепрофессиональных коллективов. Ассоциация производителей дает ему все. Националисты уверяют нас, что положение индивида вполне определяется выяснением его отношения к нации и т. д.

Эта «однобокость» характерна. Нет надобности ее критиковать отдельно. Все предыдущее и все последующее является сплошной критикой таких монистически-нелепых теорий.

Будучи неверными с точки зрения сущего, эти однобокие теории не могут служить основанием для реформы «общества» и с точки зрения должного. Их апологеты воображают, что, изменив надлежащим образом излюбленную ими группировку, они создадут «идеальное общество» и вырвут с корнем все антагонизмы, неравенства и общественные бедствия. «Измените семью — и вы измените всю судьбу населения; из несчастного сделаете его счастливым, из вялого — энергичным, из раздираемого междоусобиями — солидарным!» — говорят нам идеологи семейной группировки. «Измените государственную группировку, перемените внутри государственную конституцию, — и остальное все приложится!» — говорят нам идеологи государственных систем. «Замените все группировки — группировкой профессиональной, „ассоциациями производителей“, и вы создадите идеальное общество; наступит земной рай согласия, «мир и в человецех благоволение!» — говорят нам синдикалисты. «Уничтожьте классы — и получите социалистическое общество равных, солидарных и святых людей!» — уверяют нас идеологи классовой группировки. То же делают и теоретики других группировок. Каждый из них мнит себя обладателем волшебного рецепта, врачующего все болезни общества и открывающего двери земного рая. — Но,

432

Система социологии. Том II

увы, волшебные лекарства, врачующие все болезни, бывают только в сказках. Если бы расслоение населения ограничивалось только семейным, или только государственным, или только профессиональным и т. д. расслоением, эти доктора были бы правы. Но так как дело обстоит иначе, так как система социального расслоения многолинейна, то изменение одной группировки не уничтожает значения других группировок, не избавляет население от других антагонизмов, не элиминирует другие виды неравенств, словом, не может дать идеального общества.

А для того чтобы засыпать все трещины расслоений, чтобы изменить всю систему

группировок, необходимо *полное тождество или полная биологическая и социально-психическая гомогенность*¹⁵ людей, ибо «поскольку люди гетерогенны *физически*, они должны различно и чувствовать (*sentire*); раз они чувствуют различно — они различно будут мыслить и судить. Те же, кто различно мыслит и судит, различно будут и *действовать*». А раз так, то неизбежным результатом различного поведения людей будет и различное сцепление, притяжение и отталкивание, т. е. образование ряда групп, а вместе с ними — и ряда антагонизмов⁴³.

Очевидно, что полная гомогенность людей — факт маловероятный. И в будущем люди будут гетерогенны. Следовательно, расслоение населения в той или иной форме будет и в будущем, *ergo*^{16*} — надеяться на полное исчезновение антагонизмов едва ли приходится.

А вне изменения всей системы социального расслоения изменение отдельной группировки неспособно дать нам идеальное общество «земного рая».

Измените организацию семьи согласно рецепту школы Ле Пле: этим кое-чего достигнете; но только кое-чего, а не всего. Перекроите карту государств и измените их конституции; кое-что таким путем получите, но, конечно, не получите «земного рая», не уничтожите другие виды неравенства и антагонизмов (напр[имер], профессиональные, расовые, имущественные, религиозные, половые, и др.). Замените территориально-государственные коллективы профессионально-классовыми, по рецепту синдикалистов и социалистов. В итоге наступят кое-какие изменения, но подлинного «братства, равенства и свободы» вы не получите; не получите потому, что помимо профессиональной группировки и расслоения, останется ряд других расслоений населения; члены его по-прежнему будут неравными (напр[имер], по расе, по религии, по государственной принадлежности, по привилегиям, по уму, по экономическому положению и т. д.), будут антагонизировать друг с другом, будет борьба, грызня, взаимное «объегоривание» и т. д. Словом, до «земного рая» далеко. Измените строение современных партийных групп, замените по рецепту М.Я. Острогорского современные «партии omnibus»^{17*}, с их

⁴³ *Niceforo A. II progresso*, p. 546. См. *его же*: *Anthropologie der Nichtbesitzenden Klassen*. Lipsia-Amsterdam, 1910, *passim*.

Глава II. Учение об элементарных социальных группах

4 3 3

широковещательными программами, обещающими всем «верующим» и наивным людям молочные реки с кисельными берегами, замените их конкретными, однопунктными лигами и ассоциациями — кое-что получите. Но не столь многое, как думает уважаемый автор «Демократии и политических партий».

Только тогда, когда *вся система социального расслоения* будет кардинально изменена, только тогда была бы возможна реализация «идеального общества» равных, свободно-хотящих и солидарных людей.

Уничтожьте одно расслоение — останутся другие. Вдавите, как в резиновом шаре, одну форму неравенства и антагонизма, они выпятятся в другой форме. Так было. Так и есть. И напрасно думают «идеологи» соответственных группировок своим рецептом «спасти мир». Быть может, кое-какие улучшения они и сделают, но и только: волшебные двери земного рая своим «Сезам, откройся!» они не откроют. Переменится декорация мировой сцены, но трагикомедия человечества будет продолжаться.

«Идеологи» этому не поверят. Как все сектанты, они слепы на один глаз и верят, что «Велик Аллах и Магомет (Маркс, Сорель, Гобино, Ле Пле, профессора государственного] права и др.) пророк его». Так всегда бывает. Но нам интересны не их заблуждения, а факты и явления. Последние же таковы, какими указаны, а не таковы, какими приятно воображать их «идеологам».

Само разноречие их, факт выдвижения в качестве главного расслоения различными идеологами различных группировок — говорит косвенно против критикуемого «монизма» гг. монистических идеологов.

Все последующее более подробно подтвердит эти положения.

Теперь перейдем к краткой характеристике каждой из основных элементарных групп.

§ 3. Характеристика важнейших элементарных групп

Начнем эту характеристику с групп относительно закрытых.

Расовая группировка

Одной из важных линий расслоения населения является расслоение его на *расовые* коллективы. Под последними следует разумеать реальные группы, составленные из совокупности лиц, сходных по своим расовым свойствам. Иными словами, расовые признаки являются признаками не нейтральными, а действительными, благоприятствующими сцеплению и объединению в одно солидарное целое сходных по расе лиц.

Но что следует понимать под расой и расовыми признаками? Так как эти термины страшно избиты и употребляются в самом различном

434

Система социологии. Том II

смысле, то необходимо условиться относительно их содержания. Под расой, следуя Морселли, Серджи и большинству антропологов, я понимаю «более или менее численную совокупность индивидов, сходных между собой по телесному строению или обладающих сходными морфологическими и физиологическими признаками, передаваемыми по наследству»⁴⁴. Из этого определения следует, что под расой нужно понимать «естественную группу» в чисто зоологическом смысле, а под расовыми признаками — чисто биологические признаки, без всякой примеси социально-психических свойств. Отсюда вытекает недопустимость смешения расовой группы с такими группами, как «народ», «национальность», «нация» и т. п., с группами, характеризующимися обычно по своим социально-психическим чертам⁴⁵.

Отсюда же следует бессодержательность и ошибочность тех расовых теорий, которые под расовыми признаками понимают не только и даже не столько биологические морфолого-физиологические признаки, сколько те или иные социально-психические свойства. Такие лица смешивают расовый тип как чисто зоологическую разновидность с типом социальным, совершенно отличным от первого и имеющим иные корни⁴⁶.

⁴⁴Morselli. Le razze umane e il sentimento di superiorità etnica // Riv[ista] it[aliana di] soc[iologia]. 1911, p. 325; *Ego же*. Anthropologia generale. Torino, 1910; Sergi G. L'umanità dal punto di vista antropologico // Riv[ista] it[aliana di] soc[iologia]. 1911, p. 415-420.

Сходные определения дают и другие антропологи: *Топинар* называет расу «наследственным типом». *Кампф* определяет ее, как «агрегат индивидов, сходных друг с другом, принадлежащих к одному виду, получающих и передающих наследственным путем свойства первоначальной семьи».

⁴⁵ См. резонные замечания по этому вопросу у Морселли. Op. cit, p. 325-326, 347 и др.

⁴⁶ Примером таких «винегретных» теорий рас может служить понятие расы Гумпловича. Он расовыми признаками считает: и общность крови, и сходство языка + религии + профессии + соседство и т. д. Трудно изобрести большую мешанину. См.: Гумплович Л. Rassenkampf, гл[ава] о сингенизме. Майо-Смит точно так же путает расу с национальностью. Гиддингс наряду с единством крови признаком расы считает единство языка и традиций. (Более правильно его понятие Chromatik и Cephalic Race.) См.: Майо-Смит Р. Статистика и социология, с. 16; Giddings F. Elements, p. 54; Giddings F. Inductive sociology. 1901, p. 53-54. В тех же грехах частично повинны Steinmetz, Ploetz и др. См.: Steinmetz R. L'awenire della razza // Riv[ista] it[aliana di] soc[iologia]. 1910, p. 490; Ploetz A. Die Begriffe Rasse und Gesellschaft // Archiv für Rassen- und Gesellschaftsbiologie. 1904, Bd. I. Немало таких же ошибок имеется в статьях, данных в «Papers on interracial problems» (London, 1911), представляющих доклады, сделанные на первом расовом конгрессе 1911 г. Майр прав, говоря, что при таком смешении биологических и социальных признаков «приходят к построению трудно определимого и расплывающегося в бесконечном разнообразии форм понятия расы, никоим образом не удовлетворительного в научном

отношении, при котором совершенно устраняется первоначальное антропологическое основание». Майр Г. Стат[истика] и обществоведение, т. II, с. 123.

Глава II. Учение об элементарных социальных группах

435

Существование рас, в указанном смысле, не подлежит сомнению. Все человечество с этой морфолого-зоологической точки зрения распадается на небольшое число основных расовых групп, каждая из которых, в свою очередь, делится на ряд видов и подвидов⁴⁷. Не пускаясь в детали, просто констатируем этот факт. Рядом с ним констатируем и другой: *это относительное постоянство и устойчивость расовых признаков, их медленную и трудную изменяемость*. Расовые признаки — наследственны. Под влиянием социальных условий непосредственно они мало изменяются. Изменение их возможно главным образом биологическим путем, т. е. путем скрещивания или смешения крови, дающим человеческие гибриды. «Совокупность физических и связанных с ними умственных свойств, которыми отличаются друг от друга естественные разновидности или расы человека, не неизменны, ибо в таком случае невозможно было бы образование рас высших или архиморфных (arcimorfe); они могут изменяться под постоянным воздействием геофизической среды, режима жизни, смешения рас; *но требуются всегда многие и многие века и тысячелетия, чтобы совершилась такая трансформация*. Я не знаю ни одного случая трансформации человеческой расы в течение одного или двух поколений, исключая явления скрещивания. Жизненная среда расы не может быстро изменить ее физические и умственные свойства. Что касается влияния воспитания и социальной среды, то абсурдно ожидать изменений в физических свойствах расы в короткий период одного или двух поколений... Правда, в наше время как будто бы изменения свойств того или иного народа довольно часты и совершаются легко: но научное наблюдение доказывает, что такие явления принадлежат к истории народа и нации как психосоциальных продуктов, а не к явлениям изменения рас в собственном смысле, как продуктов естественных или биологических»⁴⁸, таково краткое и точное решение поставленного вопроса.

Правда, не так давно работы американской комиссии под председательством Boas'a как будто бы поколебали этот взгляд. Эта комиссия была учреждена в 1907 г. в Вашингтоне. Ее задачей было решение вопроса: насколько расовые признаки изменяемы под непосредственным воздействием социальной среды. Результаты работы комиссии были опубликованы⁴⁹ и дали такие выводы. Изучению были подвергнуты, с одной

⁴⁷ См. деление рас на категории: «протоморфных, архиморфных и мета-морфных» у Морселли, см. классификацию Серджи и др. *Morselli. Op. cit.*, p. 329; *Sergi G. Hominidae. L'uomo secondo le origini, Fantichita, le variazioni, la distribuzione geografica.* Torino, 1911. См. классификации и их историю в «Антропологии» *Топинара* (пер. Мечникова), в книге: *Ранке Л. Человек.* СПб., 1901, т. I, с. 290 и ел., и в ст[атье] *Корончевского* 2-м томе «Народоведения» *Ратцеля* (СПб., 1902, с. 819 и ел.).

⁴⁸ *Morselli. Le razze umane*, p. 331-332, 341 и др.

⁴⁹ См.: *Changes in bodily Form of Descendents Immigration.* Washington, 1910; *Abstract of the Reports in Changes in bodily Form Descendents of Immigrants.* 1911.

436

Система социологии. Том II

стороны, евреи-иммигранты в первый год их пребывания в Америке и после 10 лет жизни в этой стране и их дети; с другой стороны, иммигранты-сицилианцы и их дети. Евреи представляют тип брахицефалов, сицилианцы — расовый тип долихоцефалов^{18*}. В результате изучения комиссия пришла к выводу, что черепные показатели тех и других под влиянием сходной социальной среды сближаются: евреи-брахицефалы приближаются к сицилианцам-долихоцефалам, последние — к евреям-брахицефалам. Это значит, что расовые признаки легко изменяются под непосредственным воздействием социальной среды, что они вовсе не так устойчивы, как принято было думать. Легко понять «революционность» таких выводов, ставивших антропологию и биологию вообще вверх ногами. Понятен и шум, вызванный такими выводами. Но внимательное изучение

опубликованных работ комиссии Voas показало, что ее «революционные» выводы основаны на грубейших ошибках. В частности, известный итальянский антрополог, проф. Sergi, подверг работы комиссии разрушительной критике, не оставляющей «камня на камне» от выводов комиссии. Он показал, что черепные показатели евреев колеблются и вне Америки: среди евреев Европы имеются и dolico-, meso-, brachi- и iperbrachicefali, что евреи, родившиеся в Америке, просто воспроизводят цефалические формы евреев Европы; абсурдность выводов комиссии следует уже из того, что черепные изменения, даже при принятии гипотезы о наследственности приобретенных свойств, должны быть сначала у родителей, а потом уже у детей: по работам же комиссии выходит, что изменяются прямо черепа детей и т. д.⁵⁰ В итоге выводы комиссии не только не поколебали, но наоборот, подтвердили устойчивость и медленную изменяемость расовых признаков. Более или менее быстрое изменение их, по-видимому, возможно только чисто биологическим путем скрещивания разнорасовых особей, если оно имеет место и если скрещиваются не слишком гетерогенные расы. В последнем случае возможна бесплодность, ибо «существуют гибриды бесплодные, умирающие без потомства»⁵¹.

Итак, мы определили понятие расы, констатировали существование различных рас, указали на медленную изменяемость расовых признаков. Теперь мы должны показать (и это наша главная задача), что *расовые признаки относятся к числу не нейтральных, а действенных, что они вызывают сцепление и объединение однорасовых лиц в одну группу и отщепление разнорасовых лиц друг от друга, короче, что в ряду других линий расслоения населения имеется расслоение его по расовым линиям, что существуют расовые группы как реальные, а не мнимые коллективные единства.*

⁵⁰ См.: Sergi G. Influenza dell'ambiente sui caratteri fisici ael[Гиото // Rivfista] it[alianadi] soc[iologia]. 1912, p. 16-24.

⁵¹ Sergi G. L'umanita dal punto di v[ista] antrop[ologico], p. 418.

Глава II. Учение об элементарных социальных группах

437

Перейдем к подтверждению этих положений. Прежде всего замечу, что не все расовые признаки, важные для зоолога и антрополога, важны для социолога в интересующем нас отношении. *Не все они одинаково «действенны» по их влиянию на притяжение однорасовых и отталкивание разнорасовых лиц.*

Для социолога в этом отношении важны лишь те расово-антропо-логические признаки, которые сами бросаются в глаза и сразу же позволяют определить «свой или чужой по расе данный индивид». Люди — не присяжные антропологи, не носят с собой антропологические циркули, не измеряют продольный и поперечный диаметр черепа и не производят химический анализ крови. Вот почему многие антрополого-расовые признаки, важные для специалиста-антрополога⁵², в деле социальной группировки играют ничтожную роль. К играющим роль принадлежат только те анатомические отличия, которые без всяких измерений и аппаратов «сами бросаются в глаза» всем смертным и позволяют им сразу же определять расовое сходство или различие их с самими собой... К таким признакам относятся: цвет кожи, без всякого труда позволяющий определить членов «белой», «черной», «краснокожей» и «желтой» расы, разрез глаз, характер волос, форма носа, короче, совокупность «воззри-тельных» расовых признаков, позволяющих без всяких аппаратов, измерений и анализов сказать: «это еврей», «это — кавказец», «это — негр», «это — китаец, японец или кореец», и т. д.⁵³

Эти «бросающиеся в глаза» анатомо-расовые черты и дают основание для группировки расово-сходных в единые коллективы. *Сходные по таким расовым признакам взаимно притягиваются, несходные — взаимно отталкиваются. Сходство в этом отношении вызывает особую солидарность однорасовых, различие — их отчужденность, проявляющуюся как в мягких формах «чуждости», так и в острых формах расового антагонизма и борьбы.*

Таков основной тезис. Попытаемся кратко подтвердить его.

Этот факт следует прежде всего из простых дедуктивных соображений. Они

таковы. Если люди различны по своему физическому строению, отсюда следует различие их по ряду психических свойств, ибо мы знаем, что «психика связана с физикой». Niceforo прав, говоря: Poiche gli uomini sono tra loro *fisicamente* diversi, debbono anche diversamente sentire.

⁵² Хотя, как правильно замечает Лавров, «современной этнологии... приходится еще оставаться при тех же немногих основных типах человека, которых различали уже очень давно наблюдатели, лишенные всех точных научных пособий: цвет кожи и косозубие остались главными признаками этнологической группировки» (Лавров П.Л. Опыт, с. 639).

⁵³ Cornejo прав, говоря: «С точки зрения исторической и социологической старая классификация рас по цвету наиболее полезна и практична» (Cornejo. La race // Revue [Internationale] de soc[iologie]. 1911, p. 164.

43 8

Система социологии. Том II

Coloro che sentono diversamente, debbono anche *pensare e giudicare* diversamente. Coloro, infine, che pensano e che giudicano diversamente, *agiscono* diversamente. Abbiamo detto: *agiscono*. Eccoci dunque all'uomo sociale, cui si giunge attraverso Uomo fisiologico, l'uomo mentale. Ed ecco gli uomini aggrupparsi tra loro lasciandosi guidare dalle affinità di sentimento di pensiero, di azione. Ecco formarsi i gruppi sociali, ognuno dei quali ha una fisionomia propria e un proprio compito. Ed ecco, ancora, scatenarsi tra questi gruppi la lotta e le opposizioni, poiche tra gruppi interamente omogenei (o quasi), ma l'uno dall'altro dissimili, nascono necessariamente quelle opposizioni nel sentire, nel giudicare, nell'occuparsi, nell'agire, che nascono tra dissimili individui^{54,19*}. Эта цепь силлогизмов безукоризненна и неоспорима. Раз люди различны физически, они будут различно чувствовать, оценивать, мыслить, действовать. Раз будут эти различия — неизбежной будет и группировка сходных между собой лиц в одну группу, различных — в различные группы. Каждая из групп будет иметь свою физиономию и формы поведения. Раз даны различные и несходные между собою группы, тем самым даны и антагонизмы между ними, раз даны последние — дана и борьба их друг с другом. На тот же факт указывают и другие антропологи. «Между физическими и моральными свойствами расы существует причинная связь... Предположение, что гражданственность и культура (civilta) образуются и существуют сами собой, без надлежащего этнического (расового) фундамента, на котором и из которого они возникают, равносильно допущению появления цветка, выросшего на неостывшей еще вулканической лаве»⁵⁵. Можно отвергать, и не без некоторого основания, конкретные выводы, сделанные из этого положения Лапужем, Аммоном, Реймером, Вольтманом и др.⁵⁶, но отрицать связь физических свойств с психическими не приходится. Раз первые различны, различными будут и вторые. А раз те и другие различия даны, дано и расслоение на различные группы. Раз дано последнее, ergo дана почва для внутрирасовой солидарности и разнорасовых антагонизмов, т. е. дана группировка индивидов в расовые и реальные коллективы. Таковы дедуктивные соображения, подтверждающие существование расовой группировки.

Но подтверждается ли она фактами? Дает ли себя знать в той или иной форме? Ответ приходится дать положительный. В тысяче форм, как мелких, так и крупных, она проявляет свое бытие. Тысяча фактов говорит о том, что при прочих равных условиях одноразовые индивиды

⁵⁴ Niceforo A. Il progresso // Riv[ista] it[aliana di] soc[iologia]. 1911, p. 346.

⁵⁵ Morselli. Op. cit., p. 329-332, 348.

⁵⁶ См.: Lapouge G. V. Les selections sociales. Paris, 1896; Ammon O. Die gesellschaftliche Ordnung und ihre natürlichen Grundlagen. 1900. Критику их см.: Фино Ж. Агония и смерть челове[ческих] рас. М., 1913; Его же. Prejuge des races. Alcan. Но Фино попадает в обратную крайность.

Глава II. Учение об элементарных социальных группах

439

притягиваются друг к другу, объединяются в одно солидарное целое, а раз-

норасовые отталкиваются и склонны антагонизировать друг с другом. Иными словами, расовое расслоение и группировка индивидов в расовые реальные коллективы действительно существуют.

Это явление констатируется множеством исследователей.

«Люди одной и той же расы не испытывают при сближении того впечатления чуждости, противоположения, которые чувствует черный человек при виде белого, волосатый айнос, встречая безбородого китайца», — правильно говорит П.Л. Лавров⁵⁷.

Не менее правильно указывает на то же и Ross. «Цвет, — говорит он, — есть выдающаяся черта, и цветной контраст почти всегда служит препятствием для социально-благожелательных чувств и преградой для брака. В древней Индии, как и на нашем юге, цвет, по-видимому, был основой для каст. Впечатление (Shock), которое испытывает человек при восприятии лица иного цвета, еще более укрепляется, когда цветной контраст ассоциируется с умственными, моральными и социальными различиями. Каждая раса вырабатывает свой идеал личной красоты на основе ее отличительных черт и люди иной расы кажутся ей безобразными и отталкивающими»⁵⁸.

Росс же метко указывает и на формы ругательств, подтверждающие то же явление. Формы ругательств, вроде: niggers, greasers, roundheads, fuzzy-wuzzies, red-necks, paleface, red-haires devils, brown-monkeys, redskins^{20*} и т. д. — говорят о тех чертах, какие «бросаются в глаза» и отталкивают. Аналогичные ругательства, начиная с «эфиопа» и «арапа», существуют и у нас.

«Внешние знаки несходства, естественно, наиболее сильно поражают сознание (senses) и между ними цвет кожи, в силу своей наглядности, представляет телесный признак, вызывающий сильное нерасположение и предрассудки. Каждая раса привыкла к собственному цвету кожи, и отличный от него цвет кожи возбуждает в ней отвращение, страх и ярость», — говорит Thomas и приводит более чем достаточное число фактов, подтверждающих это положение. Белый человек внушал, по свидетельству Ливингстона, отвращение жителям Африки. Дети черных туземцев, встречая белых из экспедиции Ливингстона, бежали в ужасе, женщины прятались. Одна австралийка, родившая ребенка от белого мужа, окуривала его и чернила, чтобы придать ему черный цвет. То же констатировано в ряде других случаев. На Малайском архипелаге среди желтых туземцев желтый цвет сравнивается с золотом.

⁵⁷ Лавров П.Л. Опыт ист[ории] мысли. Женева, 1894, с. 601. «Белый рад, что люди около него белые. Белые не всегда испытывают приятные чувства к черным, с которыми им приходится входить в контакт» (Giddings F. The elements, p. 4).

⁵⁸ Ross E. Foundations, p. 264.

440

Система социологии. Том II

У каждой расы идеалом красоты являются типы, отчетливо воплощающие в себе физические черты этой расы⁵⁹. Даже искусственные меры для увеличения красоты говорят о том же. «Темные расы чернят свою кожу, широконосые расы стараются сделать свой нос еще шире, белые женщины употребляют пудру»⁶⁰.

О том же расовом отвращении говорят и другие, более резкие факты. Китайцы называют белых «чужими дьяволами»⁶¹. У ряда примитивных народов дети, родившиеся от разнорасовых родителей, рассматривались как «монстры». Дарвин говорит, что дети первых белых поселенцев Австралии, родившиеся от их связи с туземными женщинами, убивались чистокровными черными туземцами. Индейцы Калифорнии присуждали к смерти туземок, выходивших за белых или допускаявших адюльтер с ними, а дети их убивались «без всякого угрызения совести»⁶². «Наилучшей классификацией рас, с точки зрения расовой антипатии, является поэтому группировка людей согласно их цвету. Цвет, конечно, может сопровождаться другими разнообразными различиями, но он всегда представляет постоянное и устойчивое свойство. С этой точки зрения даны расы: белая — а не кавказская, желтая — а не китайская или японская, черная, а не негритянская. Антипатия между этими основными группами и их подразделениями была и остается

фундаментальной»⁶³.

После сказанного немудрено, что расовые различия в истории людей вызывали ряд группировок их в расовые коллективы и нередко служили основой для появления ряда социально-психических слоев и дифференциаций. Ту роль, которую приписал им Гумплович, можно считать преувеличенной⁶⁴, но вместе с тем несомненно, что нередко они являлись одним из различий, лежавших в основе появления каст. Санскритское название касты *varna* означает цвет. The principle upon which the system (of caste) rests is the sense of distinction of race indicated by difference of colour... The race sentiment... supplied the motive principle of cast... and... has tended to preserve in comparative purity the types which it favors^{21*} (отсюда — абсолютный запрет смешанных браков между кастами как «essential and most prominent characteristic of caste»^{22*}), говорит нам такой компетентный исследователь Индии, как Risley⁶⁵.

⁵⁹ Thomas W. The significance of the Orient for the Occident // Am[erican] j[ournal of] sociology], vol. 13, p. 730-731.

⁶⁰ Weatherly W.G. Race and marriage // Am[erican] j[ournal of] sociology], vol. 15, p. 440.

⁶¹ Tenney. The significance of the orient // Am[erican] j[ournal of] soc[iology], vol. 13, 744. То же подчеркивает и Пржевальский в своих отчетах о путешествии по Китаю. См.: Путешествия Пржевальского. СПб., Изд. Сойкина, т. 1, с. 180, 130.

⁶² Weatherly W.G. Op. cit., p. 434.

⁶³ Stone. Is race friction between blacks and whites in the Unit. St. crowing and inevitable // Am[erican] j[ournal of] sociology], vol. 13, p. 679.

⁶⁴ См. его *Rassenkampf*.

⁶⁵ Risley. General Report of the Census of India. 1901, p. 556, 489, 496.

Глава II. Учение об элементарных социальных группах

441

Отсюда понятно, что как в прошлом, так и теперь различие расовых признаков давало и дает себя знать, как только различные расы приходят в соприкосновение и принуждены жить бок о бок. Появляется расовый антагонизм, расовая борьба и расовая эксплуатация. Проф. Kelly Miller прав, говоря: «Где достаточно различные расы приходят в контакт, там неизбежно возникают серьезные проблемы расового антагонизма. Американский негр может говорить на том же языке, иметь те же обычаи, ту же религию, которые свойственны его белым сотоварищам, но все это ничуть не поможет подняться ему в области социального равенства, которое является определенным свидетелем подлинного равенства. Без него невозможны фактически и все формы равенства».

Подтверждением этому в наше время служат прежде всего Соединенные Штаты С[еверной] Америки. Наблюдая расовые взаимоотношения, американские социологи формулировали суть дела в коротком положении. Оно гласит: «Когда две расы входят в соприкосновение, слабейшая раса обречена или на уничтожение, или на подчинение, или на смешение» (extermination, subordination, or amalgamation)⁶⁶.

Расовый вопрос здесь стал «проклятым вопросом». Казалось бы, в такой передовой стране, как Америка, расовые предрассудки не должны иметь места. Действительность говорит иное. Согласно данным Cromer'a, Stephenson'a, Callaway, Ross'a, Tillinghast'a и др., расовое расслоение населения здесь носит резкий и неоспоримый характер. Отчужденность рас дает себя знать всюду. Юридическое и фактическое запрещение браков между белыми и черными, отдельные кабаки, театры, кафе, скетинг-ринки, школы, церкви и даже тюремные камеры для белых и черных, отталкивание их как в публичной, так и в частноправовой сфере, ряд ограничений для негров и всех, у которых оттенок кожи дает основание подозревать примесь африканской крови (a visible and distinct admixture of African blood), и т. д. и т. д.⁶⁷, все это факты, бесспорно говорящие о расовом расслоении. Это расслоение столь интенсивно, что все попытки американского Высшего федерального суда бороться с ним не дали существенных результатов. Quid leges sine moribus!^{23*} Белый, в особенности англо-саксонец, не сядет за один стол с негром, как бы чисто последний ни

был одет. Оба они могут принадлежать к одному государству, к одной религии, к одной профессии и классу, тем не менее, «цветной предрассудок» заставляет их отталкиваться друг от друга⁶⁸.

⁶⁶ *McKenzie F.* The assimilation of the amer[ican] Indians // *Am[erican] j[ournal of] sociology*, vol. 19, p. 762.

⁶⁷ См. подробности у *Stephenson'a*: *Race distinctions in American] law*. New York: Appleton, p. 11, 99, 16 и passim.

⁶⁸ См. факты у *Stephenson'a*; см. также: *Ross E.* The causes of race superiority // *Annals of American Academia Political and Social sciences*. 1901, July; *Tillingshast.* The Negro in Africa and in America. 1902.

442

Система социологии. Том II

Уничтожение рабства негров ничуть не ослабило этого антагонизма. «Для американца пропасть между белым и черным теперь больше, чем когда бы то ни было ранее... Европа не подозревает, что никогда еще антагонизм между белыми и черными не был таким ожесточенным и резким, не сопровождался такой ненавистью, как теперь... Личная антипатия к черным носит характер эстетической антипатии, отвращения». Многие, «веря в отвлеченного негра, питают отвращение к запаху конкретного негра». «О социальном сближении (белых и черных) нет и речи. Ни в одном клубе, ни в одном частном доме, ни в одном обществе нельзя встретить негра... Ни в одну гостиницу для белых, ни в один ресторан, театр или спальный вагон нет доступа черным. При этом под понятие негра здесь подводятся люди, лицо которых так же бело, как и лицо янки, и у которых, быть может, только кончики пальцев свидетельствуют о происхождении от африканской расы». У негров, в свою очередь, «чувство своей неспособности к успешной борьбе за существование переходит неизбежно в ожесточенную ненависть к белым»⁶⁹.

Со времени уничтожения рабства негров этот антагонизм не только не уменьшился, но по единогласному мнению всех почти исследователей он возрос. А. Stone свой доклад об этом вопросе начинает с указания митинга 17 дек[абря] 1855 г., когда было объявлено «о смерти расового предрассудка», и сопоставляет его с ноябрьским митингом 1907 г., созданным «для протеста против the steady and wide increase of race prejudice in America»^{24*}. 52 года показали не смерть, а рост расового предрассудка. Освобождение негров не помогло его уничтожить. Мнение Джефферсона о том, что негры никогда не сравняются с белыми в Америке и слова Авраама Линкольна, сказанные делегации негров, оказались пророческими⁷⁰.

Доклад Stone, читанный в Американском социологическом] обществе, и все прения по его поводу рост антагонизма рас в Америке делают несомненным. Как докладчик, так и оппоненты, все не отрицают этого факта. Почти все они далее констатируют, что этот антагонизм — не экономического характера, что он не следствие рабства, а носит совершенно самостоятельный характер⁷¹.

⁶⁹ *Мюнстерберг Г.* Американцы. М., 1906, т. 1, с. 226-238.

⁷⁰ Вот они: You and we are different races. Your race is suffering. But even when you cease to be slaves, you are yet far removed being placed on an equality with the white race... On this continent, not a single man of your race is made the equal of a single man of ours. Go where you are treated the best, and the ban is still upon you^{25*} (цит. по ст[атье] *Stone a*, p. 691).

⁷¹ The friction (между белыми и черными) is graving and inevitable, говорит докладчик. Undoubtedly race prejudice is growing, говорит *Todd*. Friction and conflict are inevitable, говорит *Gardner*^{26*}. То же самое говорят *Willcox* и др. См.: *Stone A.* Race friction, p. 677 и passim. Прения по его докладу, в том же томе журнала (*American journal of sociology*, vol. 13, p. 820-840). См. также: *Quillin F.* The color Line in Ohio (1913).

Глава II. Учение об элементарных социальных группах

44 3

Положение столь пессимистично, что и докладчик, и многие из участников прений не видят почти никакого выхода или находят его в таких мерах, как... введение кастового строя, или восстановление рабства негров⁷², или полное разделение белых и черных.

То же приходится сказать и о взаимоотношении белых и индейцев. The Indians today are still a broken and beaten people, scattered and isolated, cowed and disheartened, confined and restricted, pauperized and tending to generacy. They are a people without a country, strangers at home, and with no place to which to flee^{27*}, — так рисует их положение McKenzie⁷³.

Физическое, расовое различие белых и черных, с одной стороны, белых и желтых (японцев и китайцев), с другой, препятствует их ассимиляции. Огромная ассимилирующая сила С[еверо-]А[мериканских] Соединенных Штатов, превращающая белых иммигрантов из Европы уже на втором поколении в американцев, оказывается бессильной по отношению к черным, желтым и краснокожим обитателям заатлантической республики. «Главное препятствие для ассимиляции негров и монголов заключается не в их психических, а в их физических признаках. Препятствие не в японской психике (mind), а в японской коже. The jap is not the right color»^{74,28*}. «Африканцы (негры) только частично ассимилировались и они не могут быть абсорбированы, — говорит Чарльз Адаме. — Они остаются чужим элементом в политическом теле, гетерогенной субстанцией, которая не может быть ни ассимилирована, ни выброшена вон». То же в применении к индейцам говорит и F. McKenzie. The Indians are not assimilated^{29*}, категорически утверждает он⁷⁵.

Не имея возможности подробно излагать бесчисленные факты расового расслоения в Америке, я просто ограничусь указанными фактами и свидетельствами, прибавив к ним два-три явления, где это расслоение дает себя знать достаточно рельефно. Одним из таких фактов являются браки. Проявлением расового антагонизма в этой области служит прежде всего факт юридического запрета браков между черными и белыми. Страна демократии в этом отношении напоминает настоящую страну каст. Как здесь, так и там браки между белыми и черными запрещены. В шести штатах Сев[еро]-Американской Республики браки между белыми и неграми запрещены их конституциями; в двадцати восьми — специальными биллями; в двадцати штатах только нет та-

⁷² American journal of sociology, vol. 13, p. 691, 820, 823 и др. См. также: *Weatherly*. Race and marriage // Am[erican] j[ournal of] sociology, vol. 15, p. 433-53; *Mecklin*. The philosophy of the color line // Am[erican] j[ournal of] sociology, vol. 19, p. 343-357; *Park R.* Racial assimilation // Am[erican] j[ournal of] sociology, vol. 19, p. 606-622.

⁷³ McKenzie F. The assimilation of the American Indian // Am[erican] j[ournal of] sociology, vol. 19, p. 769.

⁷⁴ Park R. Racial assimilation in secondary groups, p. 610-611.

⁷⁵ McKenzie F. Op. cit., p. 769.

444

Система социологии. Том II

ких запретных законов; из них в 10 позже хотели ввести их, но эти попытки удалось аннулировать в 1913 г. «National Association for the Advancement of Colored People». Законы, запрещающие такие браки, суть не *leges imperfectae*³⁰, а законы, снабженные санкциями в виде наказаний (напр [имер], 5096 ст. Уголовного кодекса Алабамы за брак, адюльтер или половую связь белого человека с негром или потомком негра до третьего поколения включительно карает тюремным заключением от двух до семи лет), или объявления брака недействительным⁷⁶. Факт этот столь красноречив, что он не требует дальнейших комментариев. Но и там, где юридического запрета нет, число разнорасовых браков, сравнительно с однородными, весьма невелико⁷⁷. Ряд исследований указанных в тексте авторов констатируют редкость разнорасовых браков по сравнению с однородными⁷⁸.

Но, могут сказать, что все эти предрассудки живы только в «буржуазных слоях». Увы, нет! По сообщению Stephenson'a, негры оказываются исключенными и не допускаются в рабочие тред-юнионы. Это явление говорит о том, что расовое расслоение дает себя знать и в пролетарской среде. О том же говорит и характерное явление нового времени — явление «рабочего протекционизма», состоящее в исключении, недопущении и изгнании из ряда стран, в частности, Австралии, Новой Зеландии и ряда штатов

Америки рабочих определенной, в частности желтой, расы (китайцев, японцев и др.). Это преследование последних за последние десятилетия, как известно, вылилось в форму ряда законов (Immigrations Restriction Amendment Act 31 дек[абря] 1906 г.^{31*} и др.)⁷⁹. Антагонизм рабочих Америки, Австралии и других стран с «желтыми про-

⁷⁶ Подробнее об этом см.: *Jenks A. The legal status of negro-white amalgamation in the United States // American] j[ournal of] sociology*. 1916, March, p. 666-675; *Stephenson. Op. cit.*

⁷⁷ См.: *Savorgnan F. Il fattore confes[sionale] nella scelta matrimoniale // Riv[ista] it[aliana di] soc[iologia]*. 1913, p. 153; *Ego же. Gli indici di omogamia delle razze e delle nazionalita в трудах юрид[ического] фак[ультета] университета Кальяри (я их не имею под рукой) — Weatherly. Race and marriage; Hoggan F. The American negro and race blending // The Sociological] Review*. 1909, October; *Майо-Смун P. Статистика и социология*, с. 120.

⁷⁸ Подчеркиваю *разнорасовых*. Не следует путать расу с народом, с национальностью и т. д. Что применимо к последним, то не применимо к первым. Поэтому статистика смешанных браков, произведенная в Minneapolis'e и приведшая к результату, что «сила этнического сцепления вполне нарушается после третьего поколения и после этого процесс смешения входит в полную силу», что из 80 000 населения Minneapolis'a ни один из индивидов на четвертом поколении не оказался происходящим от чистокровных родителей, не говорит против указанного положения; не говорит потому, что здесь дело идет о браках не между различными расами, а о браках между различными «народами» белой расы. См.: *Jenks A. Ethnic Census in Minneapolis // American] j[ournal of] Sociology*, vol. 17, p. 776 и сл.

⁷⁹ См. интер[есную] работу: *Prato G. Il protezionismo operaio*. Torino, 1910.

Глава II. Учение об элементарных социальных группах

445

летариями» — немало волнует Америку за последние годы. Он приобрел острые формы и до сих пор не разрешен. Могут сказать, что в основе его лежат экономические причины. Очень может быть, но важно для нас то, что линии этого антагонизма проходят *по расовым линиям*. Экономически, казалось бы, интересы белого американского рабочего и китайского кули³² не более антагонистичны, чем первого и других белых американских рабочих. Однако, последние стараются сплотиться в одно целое, а между белыми и желтыми рабочими существует отчужденность и борьба. Линии ее проходят по линии расового расслоения. Очень может быть, что в основе ряда правовых ограничений негров лежат тоже экономические причины. Но почему опять-таки эти ограничения связываются с расовыми признаками, а не с иными? Почему линия обделенности идет по линии расовой?⁸⁰ Если вместе с Chessa полагать, что в основе этой «ориентофобии» и «монголофобии» лежит сознательная или бессознательная экономическая политика американской буржуазии, то почему последняя направляется по расовому руслу: не все ли равно для капиталиста, какого пролетария — черного, желтого или белого — он будет эксплуатировать? Почему, далее, тред-юнионы находят возможным не допускать в свои союзы всех негров и желтых вообще? Как бы мы ни пытались объяснить все эти факты, расовый момент из этих объяснений элиминировать не удастся. Он дает себя знать во всех областях американской жизни и отмахнуться от него не приходится⁸¹.

То, что наблюдается в Америке, имеет место и в Африке между белыми и черными христианами. There is an absolute and almost bitter refusal on the part of white Christians to mingle in any kind of fellowship with black Christians, — пишет Callaway. — We ask: Why is this? We are forced then to the answer that the reason of the cleavage between black and white is to be found in *an instinctive colour prejudice*^{82m}

Эти и множество других фактов и свидетельств говорят, что расовое расслоение населения на реальные коллективы действительно существует, что сходство расовых признаков притягивает, разнорасовых отталкивает. Не будет поэтому удивительным, если негр-капиталист и негр-рабочий, в силу расового сходства, будут иногда более солидарными между собой, чем белый и черный рабочий друг с другом.

Расовое расслоение приобретает еще большее значение потому, что *расовая группировка часто кумулируется (как увидим ниже) с другими*

⁸⁰ См. доводы Stone и участников прений, основательно показывающих неэкономическую природу расового конфликта в Америке.

⁸¹ См.: A western view of race question // Annals of American Academia Political and Social sciences, vol. XXXIV, p. 2, 49 и ел., дающий интересн[ый] анкетный материал. Этот материал говорит, что «расовый предрассудок» жив и пока что действителен.

⁸² Callaway. Colour antipathies // The East and the West. 1910, № 59-61.

446

Система социологии. Том II

*группировками*⁸³ - В результате этого, помимо биологических различий, одни расы становятся привилегированными, другие — обделенными, одни расы — экономически богатыми, другие — бедными, одни — эксплуатирующими, другие — эксплуатируемыми. На расовых различиях таким образом нарастает ряд новых психосоциальных различий. От этого расовое расслоение становится еще глубже, расовые антагонизмы — упорнее и острее, расовая рознь — ощутимее. Без первых, т. е. расовых различий, в таких случаях не было бы и вторых. Раз даны первые — появляются и вторые. Свидетельством тому служат касты Индии, многие сословия, в основе образования которых в ряде случаев лежало именно расовое различие высших и низших каст и сословий. Правда, Л. Уорд думает, что классовое расслоение вызвано чисто искусственными условиями, а естественное, природное неравенство, в том числе и расовое, вовсе не ведет к социальному неравенству. Если первая половина этого утверждения относительно верна в том смысле, что в основе классовой дифференциации лежит ряд не только расовых признаков, а признаков иных (Уорд неправильно их сводит к одной войне), то совершенно ложной является мысль, что «естественное», т. е. биологическое, в том числе и расовое неравенство людей вызывает только «горизонтальную», а не «вертикальную» дифференциацию, что оно дает только положительные результаты и не ведет к социальному неравенству⁸⁴.

Как правильно указывают Морселли, Ничефоро и как говорит все предыдущее, биологические (в том числе и расовые) различия индивидов в большинстве случаев вызывают различия социально-психические. На почве первых наслаиваются вторые; «естественное» неравенство в той или иной форме неизбежно вызывает и социальное неравенство (не словесное, а фактическое). «Горизонтальная» дифференциация неизбежно выливается в «вертикальную». Положение Уорда, ничем к тому же не подкрепленное, неверно. История показывает нам, что на расовом различии оседал ряд других различий и вызывал, как в Индии, так и сейчас в Америке, в Африке превращение расовых групп в касты, в сословия, в группы с совершенно различным объемом прав и обязанностей.

В итоге такой кумуляции создается так называемая «расовая психология», проявляющаяся, в частности, «в расовой гордости», в сознании превосходства своей расы над другими, в пренебрежении, презрении и т. п. к другим расовым группам. Интересы таких расовых групп становятся гетерогенными, часто противоположными. От этого антагонизмы их не уменьшаются, а увеличиваются.

⁸³ «Где расы различаются определенными внешними признаками, там дан постоянный физический субстрат, на котором и вокруг которого стремятся аккумулироваться всевозможные раздражения и антагонизмы, увеличивающие силу и объем этого различия» {Park R. Op. cit, p. 611}.

⁸⁴ См.: Ward L. Social classes in the light of modern sociological theory // Am[erican] j[ournal of] Sociology, vol. 13, p. 617-627.

Глава II. Учение об элементарных социальных группах

447

Так называемые «высшие» расы начинают смотреть на «низшие» не как на людей, а как на вид каких-то животных, с которыми позволительно обращаться как угодно и делать что угодно. История колонизации и «культивирования» диких рас полна такими фактами: туземцев истребляли, убивали, уничтожали на все лады, не чувствуя угрызений совести и укоров⁸⁵. Целые народы, принадлежащие к иным расам, были уничтожены.

Эта история продолжается и до сих пор (вымирание фиджийцев, готтентотов, австралийских негритосов, чукчей и т. д.)⁸⁶. Уничтожаемые и эксплуатируемые расовые группы, в свою очередь, платят за это ненавистью, враждой и другими злостными актами. Раз, далее, выделились такие расовые группы с их особыми обычаями, образом жизни, то «нет ничего удивительного, что обычаи одной расы (не похожие на обычаи другой) рассматриваются другой расой с отвращением, с подозрением, с иронией, как нечто постыдное». Беспартийная и объективная оценка их является лишь результатом сравнительного синтеза и философского настроения, а эти условия далеко не всегда имеются в массах. Вместе с тем «абсурдно думать, что расовые группы могут иметь чувства универсальной симпатии ко всем непохожим на них человеческим группам». Для этого требуется такая степень развития, какая пока массами не достигнута. Вот почему до сих пор живо «инстинктивное чувство отвращения различных расовых групп, представляющее результат естественного отбора в процессе эволюции. Вот почему все идеи о равенстве рас, вся уравнилительная работа социальных сил не разрушили еще расового расслоения». «Действительность сильнее идеала и все попытки привести современные нации и расы в состояние взаимной гармонии и солидарности сводятся пока к пожеланиям и пророчествам незначительного меньшинства и к мирному арбитражу, ограниченному разногласиями ничтожной важности»⁸⁷.

Все сказанное говорит о *существовании расового расслоения в населении и о действительности влияния расовых признаков в явлениях социальной группировки*.

С точки зрения индивидуальной это означает, что *расовые свойства индивида или принадлежность его к определенному расовому коллективу являются одной из важных координат, определяющих его поведение и судьбы*. Частью сознательно, а главным образом бессознательно расовая природа человека во многом предопределяет его поведение, его физиономию, его симпатии и антипатии, чувства и темперамент, верования и

⁸⁵ Факты см.: *Энгельгардт М.А.* Прогресс как эволюция жестокости. СПб.: изд. Павленкова, 1899.

⁸⁶ О вымирании фиджийцев см.: *Triggs O.* The decay of aboriginal Races // Open Court. 1912, October.

⁸⁷ *Morselli.* Op. cit., p. 337-338, 339.

44 8

Система социологии. Том II

стремления. В ряду основных групп, толкающих человека в том или ином направлении, равнодействующей чего и является его поведение, расовая группа является одной из сил, требующих учета. Без нее мы рискуем построить неверную равнодействующую. Там же, где расовая принадлежность осознана, где расовая группа уже организовалась, она дает ряд императивов поведения своим членам; влияя на их поведение, тем самым расовая группа влияет на ход событий, «давит» на другие: государство, семью, церковь и т. д. В этих случаях она выступает уже как крупная социальная сила. История человечества сообщает нам немало фактов, в виде явлений войн между различными расами, потрясавших жизнь населения, влиявших на все другие группы и направлявших в определенную сторону течение истории⁸⁸. Для такой роли расовая группа потенциально обладает всеми данными. Во-первых, характер расовых свойств, так сказать, «изнутри» индивида влияет на его поведение: последнее представляет в известной степени функцию первых. Освободиться от этого влияния нельзя, ибо нельзя освободиться от своей ана-томо-физиологической организации. Потенциально расовая группировка может быть одной из самых сильных, ибо количество членов основных рас громадно. «Из 1480 миллионов населения земного шара монголы составляют 40 %, кавказцы — 20 %, малайцы и эфиопы по 15 %, краснокожие только долю процента»⁸⁹. Однако для того чтобы сила ее развернулась фактически, необходимы дополнительные условия, которые далеко не всегда налицо. Такими условиями служат: *возникновение взаимодействия* между всеми однорасовыми индивидами, без чего рассеянные и

изолированные члены одной расы не составляют даже реального коллективного единства (группы). Во-вторых, превращение коллективного единства расы в *организованное* единство с наличием центрального руководящего органа и с согласованностью поведения одно-расовых людей. Без этих условий расовая группировка не может иметь того громадного влияния, которое ей свойственно потенциально. Но коль скоро они даны, положение дела меняется.

Группировка может приобрести огромное значение и опрокинуть другие, в частности государственные группировки. Это случается обычно тогда, когда одnorасовые лица в силу разных причин приходят во взаимодействие, когда среди них вспыхивает зачаток организации и когда они встречаются с лицами иных рас.

Судьбы семейств, государств и других группировок в таких случаях начинают зависеть от поведения и взаимоотношений расовых коллективов.

Если расовая группировка не всегда играла значительную роль, то отчасти потому, что не было налицо указанных условий.

⁸⁸ См. об этом: Гумплович Л. *Rassenkampf* (1883), хотя Гумплович, по обычаю всех «монистов», преувеличил значение расового расслоения и его социальные эффекты.

⁸⁹ Майо-Смит Р. Цит. соч., с. 310.

Глава II. Учение об элементарных социальных группах

449

Тем не менее давление стихийно ли солидарных или сознательно-организованных расовых групп на все другие, основные группы, прямо или косвенно существует. *Расовые группы оказывали и оказывают давление на семейную группировку*, каждая раса имела и имеет тип семьи, соответственный ее свойствам. В наше время это влияние расы на семейный институт проявляется: в стремлении избегать смешанных браков; иногда расовые группы *expressis verbis*^{34*} запрещают смешанные браки, иногда то же декретируется государством, где главенствует какая-либо одна раса⁹⁰. Расовая группировка давила и давит на *государственные коллективы*: в прошлом это давление проявлялось в ряде войн между различными расами, организованными в политические союзы, в уничтожении одной расовой группой государства другой группы, в изменении объема и организации государства и т. д. В более позднее время влияние расовых групп на политико-государственные организации выразилось в разрушении, уничтожении и изменении «белой расой» множества мелких государств колонизированных ею низших рас (туземцев Африки, Америки, Австралии, Азии). Эти явления не исчезли и теперь. Различные расы стремятся организовать и теперь в различные государственные тела. Государства, составленные из различных рас, раздираются (вплоть до Соединенных) Шт[атов] Америки) расовыми антагонизмами, нередко вызывающими прямо или косвенно войну (напр[имер], война за освобождение негров) или же стремление одной расы политически отделиться от другой (напр[имер], проекты выделения негров в самостоятельное государство); различные расовые группы здесь давят на государство и заставляют его видоизменять свою политику сообразно этому давлению. (Напр[имер], National Association for the Adv[ocacy] Colored People в 1913 г. заставила 10 штатов Америки отменить законы, запрещающие браки между черными и белыми.)

При столкновении друг с другом государства, составленные из разных рас, не могут без борьбы слиться и ассимилировать одно другое. Между ними неизбежной становится борьба. Владимир Соловьев, быть может, не так далек был от истины, когда в «Оправдании добра» указывал на грядущие междурасовые войны. Сейчас происходит лихорадочная организация «желтой расы».

Монголоиды, под предводительством Японии, снова выступают на сцену. Симптомом служит возникшая проблема «желтой опасности». У белой расы появляются могучие конкуренты. И можно пророчествовать не без оснований, что в грядущем войны белой и желтой рас вновь потрясут мир, разрушат ряд государств, перекроют политическую карту земного шара, т. е. снова и снова окажут давление на судьбу многих государственных союзов.

⁹⁰ См. об этом: *Weatherly. Op. cit.; Stephenson. Op. cit и Jenks A. The legal status.*

Влияют расовые группы и на *объемно-правовое расслоение населения*. Привилегированность одних слоев населения и обделенность других до сих пор совпадала с расовой дифференциацией; историки каст утверждают, что кое-где кастовое деление на высшие и низшие касты имело своим основанием расовое различие членов этих каст. Обделенность негров и их недавнее рабство, а равно обделенность «кули» по сравнению с белыми пролетариями говорит о том, что и объемно-правовая группировка стоит в связи с расовыми признаками. Эта связь существует и потому, что, как увидим ниже, для того чтобы попасть в «привилегированные или в обделенные», нужно обладать рядом свойств, в числе которых немалую роль играют и расовые свойства.

То же можно сказать о влиянии расовых групп на *имущественную группировку населения*. Для того чтобы очутиться в группе богатых или бедных, нужны определенные свойства при каждом строе. Эти свойства зависят от расовых свойств. Возможность инфильтрации в слой богатых в той или иной степени всегда зависит от них. Вот почему характер имущественного расслоения населения прямо или косвенно зависит от расового состава социального агрегата⁹¹. То же *mutatis mutandis* можно сказать о *давлении расовых групп на церковь, партию, профессиональные и др. группы*.

Судьба самой расовой группы зависит от других, но и сама она влияет и влияла на эти другие. Взаимозависимость их была и остается.

По своему характеру *расовая группа принадлежит к числу закрытых*. не от нашей воли зависит, членами каких рас мы рождаемся, и вне нашей воли стоит возможность перехода из одной расы в другую; при всем желании мы не можем «совлечь с себя расового человека», выключить себя из абонентов той расы, членом которой мы родились, и включить себя в число «абонентов» другой расы. Это «свыше наших сил». Этим, как увидим ниже, объясняется малая подвижность расовых группировок, медленность колебания объема расовых групп, словом, сравнительная устойчивость и постоянство расового расслоения.

Резюмирую. Мы определили понятие расовой группы. Констатировали существование различных рас в среде членов *Homo sapiens*. Констатировали устойчивость расовых свойств. После этого мы поставили вопрос: существует ли расслоение населения на ряд реальных (а не мнимых) расовых коллективов? Являются ли расовые признаки «магнитными полюсами», притягивающими друг к другу лиц однорасовых и отталкивающими разнорасовых? Ряд соображений и фактов привели нас к положительному ответу. Они показали нам, что расовое расслоение существует, что оно играло и играет значительную роль в поведении членов расы, в судьбах других групп и населения вообще и, наконец, в ходе исторических процессов. Заключительные соображения показали

⁹¹ См.: *Niceforo A. Anthropologic d[ie] Nichtbesitzenden Klassen. 1910.*

нам, что потенциально расовая группировка могла бы иметь громадное влияние, но это влияние не всегда столь велико, ибо не всегда налицо взаимодействие членов одной расы и организованность расовых групп. В заключение я указал на закрытость расовой группы и ее малую подвижность.

Этим ограничимся в характеристике расовой группировки населения.

Группировка половая

Остановимся кратко на расслоении населения по полу. Что индивиды делятся на два пола, это не подлежит сомнению. Но является ли половой признак признаком, влекущим за собой объединение однополых лиц в солидарное коллективное единство? Вызывает ли он группировку индивидов в реальные совокупности, имеющие свои собственные интересы и оказывающие давление на другие группы? Выступают ли половые коллективы на исторической сцене в качестве самостоятельной «военной группы» и

имеется ли там, в ряду многих фронтов, фронт борьбы и соглашений половой группы с другой половой группой и половых групп с неполовыми коллективами? Иными словами, представляют ли половые группы «историческую силу» и влияют ли они своим поведением на судьбу других групп, на судьбы населения вообще и на ход общественных процессов? Ответ приходится дать положительный.

Половые признаки принадлежат сами по себе к числу признаков, оказывающих влияние на все поведение человека. Обладание ими влечет за Собой ряд свойств и функций — и физиологических, и психических, — специфически свойственных только женщине или только мужчине. Они накладывают печать на всю природу человека и через это придают всему поведению мужчины или женщины определенное направление. Различие анатомического строения организма разных полов влечет различие ряда физиологических процессов, различие тех и других вызывает различие ряда психических процессов в области восприятий, чувств-эмоций, волений и суждений; все эти различия неизбежно сказываются в различии поведения, а следовательно, обуславливают несходство интересов, желаний и стремлений лиц разных полов. Раз дано это несходство, тем самым дана почва для половых противоречий и антагонизмов, для борьбы и оппозиции одного пола с другим. А раз даны эти антагонизмы, то, следовательно, даны условия для группировки лиц в половые коллективы, для специфической солидарности и сцепления однополых лиц, для отталкивания и борьбы в ряде случаев лиц и групп разного пола.

Женщины как женщины, несмотря на все различия в других отношениях (по государству, религии, расе, профессии, имущественному положению и т. д.), имеют ряд общих, специфически женских интере-

4 5 2

Система социологии. Том II

сов, вызывающих женскую солидарность *sui generis*, побуждающих их к сходному поведению и противопоставляющих их мужской половине. То же применимо и к мужчинам. Правда, эти другие различия (по подданству, по классу, расе, профессии, религии и т. д.) могут депрессировать, подавить эту солидарность однополых лиц, могут помешать ее прямому проявлению. Но из того факта, что битюг не может сдвинуть с места воз с 5000 пудов груза, не следует, что сила битюга равна нулю, а следует только, что в данном случае его сила депрессирована большей силой, действующей в обратном направлении. То же применимо и к случаям мнимой «бездейственности» солидарности и сцепления, вытекающим из полового сходства. При прочих равных условиях судьбы населения и ход общественных процессов будут далеко не одинаковыми в двух группах с различным процентным отношением мужчин и женщин в их населении. С этой точки зрения заслуживают полного внимания попытки статистиков, направленные на изучение полового состава населения и его вариаций. Проф. Thomas довольно удачно показал нам те социальные эффекты, которые были вызваны различием мужчины и женщины, вытекающим из их полового различия. Большая энергия мужского организма с первых же моментов истории вызвала у него тенденцию к «расходу энергии»; меньшая энергия женского организма вызвала у него тенденцию «сбережения энергии». Мужской организм оказался более приспособленным к активным, боевым и буйным формам деятельности (охота, война etc.), женский — к методически умеренным формам активности; отсюда — большая вариабельность мужчин, проявляющаяся в большем проценте гениев, идиотов и сумасшедших, и меньшая вариабельность женщин, не отклоняющаяся резко от нормального типа. Эти различия в дальнейшем легли в основу социально-психической дифференциации мужчин и женщин и вызвали общественное и техническое разделение труда между ними. Одним из резких его проявлений служит «паразитарный» образ жизни, который усвоила женщина в определенную эпоху истории, в свою очередь, повлиявший резко на ее интеллектуальные и моральные качества⁹², и т. п.

Опираясь на чисто биологические различия, можно, таким образом, настаивать на существовании половых группировок как реальных коллективов, вытекающих из них антагонизмов половых групп и важной социальной роли последних.

Эти факты, однако, станут бесспорными, если принять во внимание следующее обстоятельство. *Половые различия послужили и служат основой для установления ряда социально-психических различий между разными половыми группами. Существование первых вызвало «нарастание» на них новых несходств между полами; эти несходства еще более углубили*

⁹² См.: W. J. Thomas W.J. Sex and Society. Chicago, 1907, ст[атья] «Органические различия двух полов» и passim.

Глава II. Учение об элементарных социальных группах

453

трещину полового расслоения, обострили интересы и увеличили антагонизмы половых групп. Иными словами, половая гетерогенность людей вызвала к жизни ряд новых гетерогенностей; половой признак скумули-ровался и кумулируется с другими признаками, увеличивавшими силу — сознательной или бессознательной — борьбы половых групп и укреплявшими основы их реального бытия. Так, половая дифференциация вызвала *различие* профессий мужчины и женщины; на долю мужчин выпадали в разные периоды одни профессиональные функции, на долю женщин — другие⁹³.

Не только в прошлом, но и в настоящем участие мужчин и женщин в различных профессиях резко отлично. Приведу для иллюстрации данные, указывающие на мужчин и женщин, занятых в разных профессиях в Англии по цензу 1891 г.:

Занятые лица (активные участвующие)	Мужчины		Женщины	
	Общее число	На 1000 всех лиц мужского пола	Общее число	На 1000 всех лиц женского пола
Профессиональные классы (государственная, общественная, церковная, военная служба, и т. д.)	520	37	25	17
Домашняя прислуга	773	10	17	118
Торговля	136	97	35	2
Земледелие и рыболовство	4377	92	358	4
Промышленность	128	39	52	123
Незанятые (пассивно участвующие)	4919	1	026	40898
Всего	5446	37	11	736
	6486	3	004044	
	140	10	14	1000
	52901	00	949624	

Если взять более детальную таблицу, то это различие станет еще более ярким. Так, напр[имер], внутренней защитой (воен[ая] и полицейская] функции) оказывается занято 126 473 мужчины, женщин — ни одной и т. д. Как видно отсюда, различие профессиональных занятий обоих полов до сих пор громадно⁹⁴.

⁹³ См.: *Maroi L.* Il lavoro della donna nella sua evoluzione // Riv[ista] ital[iana di] sociologia], 1914, p. 54-70; *Lapie.* La femme dans la famille. 1906; *Schreiner.* Woman and labour. London, 1911.

⁹⁴ *Maïp Г.* Ст[атистика] и обществоведение], т. II, с. 199-200.

4 5 4

Система социологии. Том II

С женской половой группой сочеталась, далее, *обделенность в правах*, с мужской — *привилегированность*; женщины оказались подвластными, мужчины — властителями (*patriapotestas, manus mariti etc.*^{35*}). Эти различия, в свою очередь, вызвали ряд новых в области социальной, умственной и нравственной; гипертрофировали у каждой половой группы одни черты и атрофировали другие.

Специфические интересы половой группы не исчерпывались интересами, вытекавшими из ее половых свойств; к ним присоединился, таким образом, ряд новых интересов. К антагонизмам, вытекавшим из половых интересов, присоединились новые, психосоциальные антагонизмы. В результате расслоение на половые группы приобрело более четкие и резкие формы; солидарность и сцепление однополых лиц в реальные коллективы получило новые основы; новые поводы получили и антагонизмы разных половых групп.

При таких обстоятельствах естественно, что все иные силы, действовавшие в направлении депрессирования полового расслоения (группировки: государственные, религиозные, расовые и т. д.), не могли зарыть трещину последнего и помешать половой группировке проявить себя кинетически.

И действительно, история человечества с первых ее моментов свидетельствует нам о существовании половых групп как реальных коллективов, об антагонизмах — сознательных и бессознательных — разнополых объединений, о борьбе их — скрытой или явной — друг с другом. Эта борьба половых групп составляла и составляет до сих пор один из «фронтов» в ряду многих других фронтов истории.

Уже в «тотемическом обществе» мы находим существующим расслоение на половые группы. Мужчины составляют одну реальную совокупность; женщины — другую. Группы резко отличаются друг от друга по социальному положению, по профессиональным функциям, по объему прав и обязанностей, по имущественному положению, по характеру психической жизни. Они составляют как бы два народа, живущих в пределах одной группы. Мужчины привилегированы во всех отношениях, женщины — обделены и подвластны первым. Они эксплуатируются мужской половиной, считаются «нечистыми», подавлены и забыты⁹⁵.

С тех пор в любом населении, в любой период истории, в той или иной форме мы находим половые коллективы как результат полового расслоения. Мужская и женская половины любого социального агрегата находятся в скрытом или явном антагонизме по ряду поводов и отношений. Не всегда этот антагонизм выплывает на поверхность социального моря в виде урагана или социальной бури, но он всегда существует

⁹⁵ См.: *Spencer B., Gillen F.* The northern tribes of Central Australia. London, 1904, ch. III, XI и др.; *Spencer B., Gillen F.* The native tribes of Central Australia. London, 1899; *Schurtz H.* Alterklassen und Mannerbunde. 1902.

Глава II. Учение об элементарных социальных группах

4 5 5

и проявляется в тысяче мелких, ежедневных столкновений и борьбе между индивидами разных полов, начиная с конфликтов детей и с «семейных сцен» и кончая более обширными и видными всем явлениями, носящими название «женского движения», «женского вопроса», «борьбы за равноправие женщин», «суфражизма»^{36*} и соответственных многочисленных женских коллективов, с одной стороны, с другой —

множеством явлений, где мужская половина — сознательно или бессознательно — борется и утверждает свое господство и привилегии на счет женской половины во всех областях жизни (запрещения женщинам занимать ряд профессий и должностей, ограничения личных и имущественных прав женщин, узаконение их эксплуатации, препятствование умственному развитию женщин, недопущение их к выполнению публично-правовых функций и т. д.). Такая «партизанская» война этих двух групп заполняет человеческую историю. Многие ее не видят, благодаря ее «партизанскому» характеру. Мужские и женские группы, в отличие от ряда других группировок, обычно борются между собой не в форме немногочисленных громадных армий, централизованных и объединенных под главенством единого штаба — центральной власти группы, — а в форме множества drobных, мелких отрядов, сражающихся друг с другом на всей территории населения.

Но этот факт говорит не об отсутствии расслоения и не об его бездейственности, а только об отсутствии централизованной организации половых групп. Несмотря на этот недостаток, историческое влияние этой группировки было и остается значительным. Если оно редко проявляется в виде могучих и бурных общественных движений, то зато оно действует непрерывно, постоянно, невидимо и незримо, на каждом шагу; подобно тихой реке оно сносит песчинки с одного места, накапливает их в другом и таким путем непрерывно меняет русло общественных процессов, давит на другие коллективы, на поведение и судьбы населения вообще. С этой точки зрения влияния половой группировки не избегает никакая крупная группа: ни семья, ни государство, ни профессиональные объединения, ни религиозные, партийные, расовые и другие группы. Так или иначе, каждая из них испытывает давление половых групп.

Но иногда половая группировка проявляет себя и в формах широкого общественного движения. Примером его может служить так называемое «женское движение», ставшее социальным явлением последних столетий. Женщины, до сих пор обделенные в правах, с ростом их сознания начинают организовываться в обширные и многочисленные группы, сознательно координировать свое поведение, сознательно стремиться к общей цели — уравниванию прав с мужской половиной. От стихийной и неорганизованной борьбы в форме множества мелких отрядов они переходят к организованной борьбе, объединяют эти отряды в обширные лиги и армии и начинают атаку цитадели мужских привиле-

456

Система социологии. Том II

гий по всем правилам военного искусства. Параллельно с этим меняется и «техника» средств борьбы. К старым техническим средствам воздействия женских половых групп на мужские; к нежному или строгому воздействию жены на мужа, любовницы — на любовника, матери — на детей, к использованию тех или иных мужских слабостей, к укорам и истерикам, к влиянию салонов и будуаров и т. п. «домашним» техническим приемам воздействия — теперь присоединяются более совершенные и могучие технические средства: женская печать и агитация, бомба и бойкот, организация и пропаганда, объединение для завоевания влиятельных мест и власти и использование их для разрушения мужских привилегий и улучшения своего положения. И мы видим, как в силу роста организации половых групп более резко и наглядно проявляется их влияние на социальную жизнь. С половыми группами начинают «заигрывать» вожаки партий и кабинета министров, религиозные пастыри и профессиональные организации, экономические организации и моральные ассоциации.

Это значит, что половая группировка, в форме ли многочисленных drobных и неорганизованных групп или в форме организованных более или менее крупных союзов (напр[имер], женские съезды, клубы, союзы охраны материнства, взаимопомощи женщин, «Высших женских курсов», редакций женских журналов и газет, «союзов хозяек», «союзов работниц», «лиги равноправия», «лиги суфражисток» и т. д.), является одной из основных группировок населения, взаимная борьба которых друг с другом и с другими не

половыми группами представляет одну из сил, равнодействующей которых служат исторические процессы. Давление половых групп вносит ряд отклонений в поведение и судьбы населения; в сложном параллелограмме исторических сил половые группы были и остаются одной из этих сил, требующих учета. Если верно положение, что история человечества есть история борьбы классов, то не менее верно утверждение, что она есть борьба половых групп.

С индивидуальной точки зрения это означает, что *принадлежность индивида к тому или иному полу является одной из основных координат-, определяющих «социальную физиономию» индивида, его положение как социальной точки в социальном пространстве и влияющих на его поведение.* «Пол» влияет инстинктивно, бессознательно, изнутри, на поведение индивида. «Пол» влияет часто и сознательно, путем императивов поведения, исходящих из центра организованных половых групп. Когда мужчины, в «молчаливом комплоте», вводили и укрепляли свои привилегии, они действовали под воздействием своего пола, воздействием, часто несознаваемым. Когда женщины пытаются сбросить «тиранию мужчин», ими опять-таки управляет — сознательно или спонтанно — их «пол». Не учтя влияния половой группы, мы рискуем не понять «кривую» поведения и жизни индивида.

Глава II. Учение об элементарных социальных группах

4 5 7

По своему характеру *половая группировка принадлежит к числу закрытых.* Не от нашей воли зависит, мужчинами или женщинами мы рождаемся⁹⁶, и не в нашей власти переменить наш пол. Группа закрыта.

Переход из одной в другую невозможен. Этим, как увидим в свое время, объясняется устойчивость процентного отношения полов в населении, малая подвижность в изменении объема половых групп, медленность половой перегруппировки и т. д.

Ограничимся сказанным в характеристике полового расслоения.

Группировка возрастная

Все сказанное о половой группировке с соответственными изменениями применимо и к группировке возрастной. Наличие в каждом населении лиц различного возраста — факт общеизвестный. Различие ана-томо-физиологической структуры разновозрастных лиц также не подлежит сомнению. Не подлежит ему и связанная с возрастом психосоциальная гетерогенность людей. «Детство — беззаботно, юность — неопытна и подвержена увлечениям, старость — осторожна и хладнокровна», в этих и подобных вульгарных поговорках отразилась эта психосоциальная гетерогенность людей разного возраста. Кто в юности не увлекался! Кто не влюблялся! Кто не делал ряда «ошибок» и «неосторожностей!» И те же лица, с переменной возраста, трансформируются из племянника Адуева в дядюшку Адуева, служащего продолжением первого. Эта гончаровская «Обыкновенная история» вечна. Это значит, что *возрастной признак причинно связан с рядом психосоциальных свойств индивида, оказывающих влияние на чувствования и верования, желания и стремления, идеи и интересы индивида, а чрез них — и на все его поведение, а чрез поведение — и на всю социальную жизнь.*

Но является ли возрастной признак «магнитным полюсом», заставляющим сцепляться друг с другом одновозрастных лиц в солидарное целое и отталкиваться, быть чуждыми или антагонистичными лиц разного возраста? Служит ли возраст «вехой», указывающей на новую линию расслоения населения в возрастные реальные группы, линию *suī generis*, не совпадающую с другими?

Ряд соображений говорит за положительное решение этих вопросов. Если у каждого возраста есть свои интересы, отличные и часто противоположные интересам других возрастов, то тем самым сходство возраста может и должно служить основой для возрастной группировки и для антагонизмов различных возрастных групп. Если, далее, различие возраста вызывает различие поведения одного и того же человека, делает лиц определенного возраста более приспособленными для одних

* О причинах, обуславливающих рождение мальчиков или девочек, см.: Gini C. II

Sesso dal punto di vista statistico. Le leggi della produzione dei sessi. Milano, 1908.

45 8

Система социологии. Том II

функций, лиц другого возраста — для других, то, очевидно, биологический признак возраста, подобно половому и расовому, может служить основой для наслоения ряда психосоциальных различий между разновозрастными группами, может сыграть роль предмета, опущенного в насыщенный раствор соли, на котором и по форме которого эта соль будет оседать.

Иными словами, с возрастом может скумулироваться ряд других различий: профессиональных, объемно-правовых, имущественных и т. д. Возрастная дифференциация могла сделаться и сделалась основой для дальнейшей социально-психической дифференциации. Так и случилось, так обстоит дело и теперь. Проиллюстрирую сказанное на профессиональном различии разновозрастных лиц. По данным 1882 г. возрастной состав лиц в Германии, занятых в разных профессиях, был таков:

возраст	Сельск[ое] и лесное хозяйство	Промышленность, горн[ое] дело, строительные промыслы	Торговля, обращение, содержание гостиниц и т. д.	Изменчивая наемная работа	Военная служба и администрация	Гражданская служба и свободные профессии
моложе 15 лет	1,5	3,3	2,0	1,3	1,0	0,7
5-20	18,3	17,4	10,6	7,8	3,6	6,5
20-30	22,2	27,6	22,7	27,9	19,4	23,0
30-40	36,2	31,7	42,2	31,9	27,7	41,1
40-50	45,8	53,3	60,1	60,6	55,5	59,3
50-60	53,1	49,4	29,9	70,7	60,6	46,6
60-70	65,5	80,5	76,7	70,7	72,0	89,9
старше 70	74,4	73,3	81,8	81,8	80,0	99,9
того	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0"

Отсюда видно, что лица моложе 15 лет вообще не занимаются почти никакой профессиональной работой. Военные и административные профессии оказываются занятыми почти исключительно лицами от 20 до 30 лет и т. д.

В силу этих психосоциальных различий понятно, что тяга и солидарность одновозрастных (*ceteris paribus*) должна стать еще более интенсивной, антагонизмы разновозрастных — еще более острыми.

Майр Г. Цит. соч., с. 198.

Так должно быть и так действительно есть. Самое обыденное наблюдение показывает нам эту тягу сходноговозрастных друг к другу, своего рода «возрастной тропизм» (подобный «расовому и половому тропизму»). Взгляните на картину какого-либо семейного праздника или другой обыденной агрегации разновозрастных лиц. Вы видите сразу влияние возрастной «вехи»: дети спонтанно соединяются с детьми и обособляются в особую группу, молодежь (юноши и девушки) — в свою, старики и полновозрастные — в свою. Одна группа принимается за свое дело (игры), другая за флирт или что-нибудь другое, третья — за зеленый стол и карты. В той или иной форме подобные явления «возрастного тропизма» мы можем наблюдать в тысяче случаев. Коллективы: «детей школьного возраста», «союза молодежи», «учащихся средних учебных заведений» и т. д. — с одной стороны, коллективы взрослых лиц, вызванные интересами взрослых: «избирательные собрания», «пьяная компания собутыльников», заседание парламента, конгресс партии и множество других собраний, союзов, ассоциаций и групп, состоящих только из взрослых лиц, — все это различные проявления возрастного расслоения населения на многочисленные и малочисленные реальные коллективы.

Эти результаты обыденного наблюдения подтверждаются изучением истории человечества. Расслоение на возрастные коллективы мы находим в самых примитивных агрегатах. Таково разделение их на группы: неполнолетних, полнолетних и стариков; неполнолетние лишены почти всех прав, старики, напротив, привилегированы во всем. Заслугой Шурца является выяснение значения этой группировки и доказательство положения, что в ряду многих исторических антагонизмов занимал и занимает свое место антагонизм различных возрастных групп⁹⁸. В ряду форм борьбы многих социальных групп на историческом поле военных действий была и остается — явная или тайная, сознаваемая или нет — вечная борьба «отцов и детей». Подобно половой группировке эта борьба различных возрастных групп редко ведется в форме немногих, но громадных по числу возрастных армий, находящихся под командованием своего главного штаба. Она обычно носит «партизанский» характер. Сражается (чаще всего не сознавая этого) множество возрастных небольших отрядов друг с другом. Но сражение это идет непрерывно. Оно не умолкает. Оно не прерывается в истории населения. И подобно непрерывно текущей реке, неустанно подтачивает одни социальные институты, возводит другие, видоизменяет третьи. Каждая возрастная группа имеет свои интересы и старается осуществить их, хотя бы и в ущерб другим возрастным классам. Обделенные, в свою очередь, сознательно или стихийно стремятся и стремились бороться с привилегированными возрастными группами. Привилегированность обычно вы-

См.: Schurz H. Alterklassen und Mannerbiinde. 1902, passim.

460

Система социологии. Том II

падала и выпадает отчасти на долю взрослых и старых, обделенность — на долю молодых.

Интересы старшей возрастной группы продиктовали некогда право жизни и смерти над малолетними, существующее и существовавшее в ряде древних и примитивных агрегатов. Интересы возрастной группы вызвали *jus vitae ac necis*^{37*} римского *pater familias* над детьми и лишение последних имущественных и личных прав. Что все это, как не свидетельство существования возрастного расслоения населения. А право родителей и старших продавать в рабство детей, запреты малолетним жаловаться на старших и родителей, внушения молодежи жить «по обычаю дедов, прадедов и старших», вплоть до современного лишения лиц, не достигших определенного возраста, избирательных и других публичных и частных прав, все эти факты, которыми полна история, что все это, как не специально-правовые эффекты деятельности возрастных групп! И наоборот, рост прав «детей», наблюдающийся и бывший у ряда народов (ограничение права отцов убивать детей, продавать их в рабство, признание за детьми в Риме ряда имущественных

прав: *peculium castrens, quasi castrens, bona adventitia, bona materni generis*^{38*} и т.д. и аналогичные же явления у других народов), что все это, как не проявление роста силы более молодых возрастных групп, как не свидетельство их победной борьбы с более старшими возрастными коллективами. Линии этой борьбы, линии изменения этих привилегий и обделенностей не шли и не идут ни по расовой, ни по половой, ни по государственной, ни по классовой, ни по имущественной и др. линиям социального расслоения. Они не ими вызваны, не ими изменяются, не ими и могут объясняться. Все эти и аналогичные явления, все эти передвижения прав и обязанностей, связанных с возрастом, вызывались деятельностью возрастных групп. Возрастная группа — их творец. Она заводила те пружины, которые вызвали эти эффекты. Ее, благодаря партизанскому образу войны возрастных групп, часто не видят. Но она была и существует. Существует и действует как крупная социальная сила, хотя и распыленная на мелкие группы. По числу своих членов она громадна. Но ей недоставало планомерной организации и потому кинетическая энергия ее была гораздо меньше потенциальной.

Больше того. Возрастная группа дает себя знать и в процессах, не имеющих с первого взгляда прямого отношения к возрастным антагонизмам. Более внимательное изучение ряда революций и реформации показывает, что в сложном комплексе острой борьбы различных социальных групп, которую представляют собой эпохи переломов, если не прямо, то косвенно, проявляется и возрастное расслоение. В общем и целом *эпохи революций — это эпохи доминирования более молодых возрастных групп*; они являются главными деятелями и сторонниками радикальных реформ, из них вербуются партизаны нового порядка, из их

Глава II. Учение об элементарных социальных группах

461

же рядов выходят и лидеры движения. «Отцы и деды» в общей массе оказываются на обратной стороне баррикады. В эпохи консервативные, спокойные и реакционные дело обстоит наоборот: лидерами, правителями, властителями в такие эпохи обычно являются старики. В.Е. Gowin достаточно основательно указал на это явление".

Средний возраст лидеров десяти крупнейших реформационных движений гораздо ниже возраста лидеров эпох спокойных и консервативных. В протестантской реформации, в эпоху ее максимальной активности, средний возраст лидеров последней был равен 38 годам, в пуританской революции 1640 г. — 40 годам, в Американской революции — 38 годам, в начале французской революции 1789 г. средний возраст одиннадцати лиц, сделавшихся ее лидерами, равен был 34 годам; лидеры антирабского движения в Америке имели средний возраст 41 год, лидеры возрождения Японии имели средний возраст 38 лет, лидеры пробуждения Китая — 38 лет, лидеры Турецкой революции — 32 года. и т. д.¹⁰⁰

Не указывая здесь других доводов, просто скажем, что в общем и целом лидеры и рыцари социального новаторства в большинстве случаев бывают ставленниками молодых возрастных групп. Сказанное показывает, какова косвенная роль возрастных групп в крупных и сложных социальных процессах.

Предыдущее объясняет, почему возрастную группировку я ввел в число важных элементарных групп.

С индивидуальной точки зрения *принадлежность к определенному возрасту служит одной из существенных координат, определяющих положение индивида в среде населения, его социальную физиономию, вес и поведение*. (Недаром даже в паспортах и во всех бумагах наряду с полом, подданством, профессией и т. д. считают обязательным обозначать возраст или год рождения индивида.) Возраст, как и все биологические условия, влияет на поведение человека, так сказать, «изнутри». Императивы поведения возрастной группы носят, главным образом, инстинктивный характер. Иногда организованная возрастная группа действует на своих членов и извне, давая им те или иные директивы поведения.

По своему характеру возрастная группировка принадлежит к числу *закрытых*.

Таковы вкратце три основные биологические координаты: *раса, пол и возраст*,

являющиеся основами или вехами расслоения населения на могущественные элементарные группы, своим давлением оказывающие

⁹⁹ См.: *Gowin B. Correlation between Reformatory Epochs and the Leadership of Young Men. 1909.*

¹⁰⁰ См. также: *Ash I. What makes a people lethargic or energetic // Am[erican] j[ournal of] sociology*, vol. 19, p. 374-375.

462

Система социологии. Том II

влияние на судьбу других групп, судьбы населения вообще и ход общественных событий¹⁰¹.

Семейная группировка

В предыдущем мы рассмотрели группировки населения, вызываемые чисто биологическими различиями индивидов. Теперь перейдем к изучению расслоений, порождаемых социально-психическими условиями или социально-психическим несходством человеческих атомов. В ряду одной из важных линий социальной дифференциации современного населения культурных стран на реальные группы является группировка их в семейные коллективы. *Под семьей мы понимаем (применительно к современному населению) легальный союз (часто пожизненный) супругов-, с одной стороны, союз родителей и детей, с другой, союз родственников и свойственников, с третьей.*

Самый поверхностный взгляд на современное население свидетельствует нам, что множество индивидов, составляющих последнее, расслаивается на громадное число таких семейных групп. Вся масса социального тела — населения — как бы прорезана множеством трещин семейного расслоения. Признак семейной принадлежности индивидов служит могучим условием, объединяющим в одно солидарное целое «абонентов» одной семьи. Семейная принадлежность является важнейшей социальной координатой, характеризующей социальное положение ин-

¹⁰¹ Группировки по полу и возрасту здесь интересуют нас лишь постольку, поскольку они представляют реальные, а не мнимые коллективные единства. Само собой разумеется, что этой стороной важность полового и возрастного состава населения не исчерпывается. Даже тогда, когда лица сходного пола или сходного возраста не образуют широких, организованных, реальных коллективов, простой факт процентного отношения мужчин и женщин, детей, взрослых и стариков в составе данного населения оказывает на жизнь и судьбу последнего немалое влияние. Социальная и политическая организация населения, характер социальных институтов, течение общественных процессов в группах с преобладающим мужским населением будут иными, чем в группах с преобладающим женским населением. Небезразличным фактом будет и возрастной состав населения группы. Изучение влияния этих условий, однако, не составляет задачи данной части социологии. Она будет подробнее рассмотрена в «Социальной механике». Обширный материал в этом отношении дается статистикой народонаселения, изучающей его строение не столько с точки зрения расслоения населения на реальные коллективы, сколько с точки зрения процентного состава населения, независимо от того, образуют ли однородные лица реальные совокупности или нет.

См.: *Майр Г. Статистика и обществоведение*, т. I и II (третий том — на немецком языке); *Его же. Закономерности в обществ[енной] жизни*; *Oettingen A. Moralstatistik. 1882*; *Майо-Смит Р. Статистика и социология*; сборник «Народонаселение» (М., 1897); *Schnapper-Arnd. Sozialstatistik. 1908*. Курсы по демографической статистике Benini, Левассера и др., соответствующие статьи в «Бюллетенях Междунар [одного] Статист[ического] Института».

Глава II. Учение об элементарных социальных группах

4 6 3

дивада в социальном пространстве и обуславливающей линию его поведения. Иными словами семейная группировка представляет одну из важнейших элементарных группировок. Для этого она обладает всеми данными. Во-первых, *ее влияние на поведение*

*индивидов громадно и избежать этого влияния удастся немногим. С самого рождения мы оказываемся прикрепленными к той или иной семье. В семейную группу человек вступает для «переработки» с момента своего появления на свет. Она является первым его скульптором, придающим ему основные социальные формы, первым учителем и воспитателем. Семейная атмосфера — первая атмосфера, раздражениям которой он подвергается; подвергается тогда, когда организм похож еще на «чистую доску», когда он наиболее пластичен, когда каждое «раздражение» оставляет глубокие, часто пожизненные следы. Изгладить письма, вписываемые семьей в чистую книгу — родившегося человека, — трудно, почти невозможно. Отсюда понятно громадное влияние семьи на поведение и характер личности. Отсюда же следует и социальное влияние семей: раз чрез «семейное горнило» проходят все, раз семья представляет «первую мастерскую», куда попадают для переработки только что родившиеся люди, то очевидно, общественная жизнь людей в значительной мере является функцией организации семейного института. Если плох будет последний, — плохими будут и выпускаемые им на житейский базар товары — люди; раз плохими будут люди, неважной будет и социальная группа, образуемая ими, следовательно, незavidной будет и общественная жизнь, создаваемая ими. Как видим, принадлежность к семье оказывает колоссальное влияние на жизнь и поведение индивида. Во-вторых, *семейная группировка распространена*. Хотя каждая семья охватывает небольшое число членов, но так как семейных групп, построенных на сходных началах, не одна, не две, а множество, то, *в своей совокупности семейная группировка охватывает колоссальное число индивидов, гораздо большее, чем число лиц, охватываемых совокупностью, напр[имер], политических партий*. Многие лица — большинство — не состоят абонентами никаких партий, абонентами той или иной семьи являются все. Это значит, что в своей совокупности семейная группировка имеет громадное число членов. *Поскольку же семьи организованы на сходных началах, семейная группировка, как таковая, имеет свои интересы, свойственные не отдельной семье, а всем семейным группировкам вообще*. Эти интересы отличны от интересов несемейных группировок (напр[имер], церковной, государственной и т. д.) и часто противоположны последним. Когда они задеваются последними, тем самым затрагиваются интересы всех индивидов как *членов семьи* и вызывают со стороны их отпор всем попыткам, направленным против интересов семейной группировки. Семейная группировка в таком случае выступает как целое, выступает стихийно, в силу сходства организации ее отдельных отрядов — отдельных семейств. Не*

/

464

Система социологии. Том II

объединенная под властью одного штаба, одного правящего семейного центра, составленная из множества мелких партизанских отрядов — отдельных семейств, — она тем не менее начинает защищаться и нападать как нечто единое при столкновениях с другими несемейными коллективами. В-третьих, семья — *коллектив организованный*. Она имеет совершенно определенные устои и сформированный скелет. В-четвертых, она — *коллектив глубоко солидарный*. Принадлежность к одной семье сплачивает и солидаризирует ее членов в большей степени, чем в какой бы то ни было другой группе. Члены семьи становятся поистине единым телом и единым духом. Что касается *технических средств* воздействия семейной группировки на людей, то, уступая многим группировкам в одних отношениях (у семейной группировки нет своей армии, нет единого штаба, нет специально семейной печати: газет, журналов, etc.), она имеет по сравнению с ними ряд плюсов в других: чрез посредство каждой семьи она влияет непрерывно на своих членов — словами, примерами, семейным убеждением, принуждением и наказанием, внедрением определенных заветов, привычек, правил, верований, обычаев, вкусов, симпатий и антипатий, влияет с первых дней детства ежедневно и ежечасно, в течение всей жизни индивида. Результат такой техники решающ и могуч.

В силу этих условий семейная группировка одна из наиболее могущественных

групп. Она оказывает могучее давление на все другие — не семейные — группировки. От характера семейной организации зависят исторические судьбы населения, общественная жизнь людей, организация сложного социального агрегата и течение общественных процессов. Если характер семейной организации зависит во многом от расовых свойств людей, то сама она, вылившись в определенные формы, обуславливает характер других социальных группировок. Выяснение этого вопроса составляет заслугу школы Ле Пле, Анри де Турвиля и их последователей.

Основная аксиома школы Ле Пле и Анри де Турвиля такова: «человеческие общества (население. — П.С.) имеют такую организацию и такой уклад частной и публичной жизни, какие соответствуют той организации, которую их семейный организм получил от способов добывания средств существования».

Спрашивается, почему же семье придается такое значение? Потому, отвечают представители этой школы, что основной функцией семьи служит «обеспечение вечности расы и жизненных ресурсов»¹⁰², потому, что «семья представляет наиболее простую, наиболее элементарную группу, под которой социальная жизнь не существует, не может быть продолжаема и передаваема», потому, что «семья является элементом, в

¹⁰² *Pino R. La classification des especes de la famille etablie par Le Play est-elle-exacte? // Science Sociale. 19 Аηηέε. 1-er Fasc, p. 44-45.*

Глава II. Учение об элементарных социальных группах

46 5

пользу которого функционирует весь социальный организм и на котором отражаются все социальные явления»¹⁰³.

Сам Ле Пле видел основную функцию семьи в передаче молодым поколениям отцовского наследства. Сообразно с этим по способу передачи наследства он делил семьи на три типа: 1) *Famille patriarcale*, 2) *Famille souche* и 3) *F[amille] instable*^{39*}. Его последователи вскрыли ошибочность положения своего учителя и основной признак семейной организации стали усматривать не в способе передачи наследования, а «в характере воспитания молодых поколений». Почему же этой черте в организации семьи придается столь важное значение? Потому «что воспитание необходимо не только для добывания средств существования, для способов есть и одеваться самостоятельно, но его целью служит подготовка детей к жизни в группах, образованных с целью добывания средств существования, т. е. подготовка их к жизни в обществе»¹⁰⁴. «Каждая семья воспитывает своих детей согласно условиям окружающей ее среды», т. е. так, как требуют этого способы добывания средств существования, в свою очередь, обусловленные характером среды.

Сообразно с организацией семейного воспитания дается новая (3-х или 4-х членная) классификация типов семьи. 1) *Семья патриархальная*, воспитывающая молодые поколения для жизни в общине (в мире, в коммуне), под авторитетом главы семейства, приучающая их жертвовать всем для общины и целиком зависеть от нее. Здесь индивидуальность подавлена, инициативе личности не дается никакого простора, вся жизнь ее регламентирована. Из лона такой семьи выходят индивиды без воли, без инициативы, лишенные самостоятельности, целиком полагающиеся не на себя, а на общину. Таковы семьи первобытных кочевников. Сообразно с этим и вся группа получает характер ленивой, вялой, апатичной группы востока¹⁰⁵.

Демолен так характеризует этот тип семьи и соответственный тип «народа» (населения). Это «тип общинно-семейной формации, характеризующийся группировкой нескольких семейств у одного домашнего очага. К этому типу принадлежат отсталые народы Азии и Вост[очной] Европы. Там при устройстве своего положения дети рассчитывают не на самих себя, а на семейную общину, которая удерживает их в своей среде и заботится о всех их нуждах. При таких условиях потребность в личном образовании чувствуется весьма слабо». Царствует традиция. Нет инициативы. При столкновении с другими индивидуалистическими народами такие народы обычно побеждаются¹⁰⁶.

¹⁰³ Demolins E. Comment en analyse et comment on classe les types sociaux // Ibid., p. 75.

¹⁰⁴ Pino R. Op. cit., p. 58.

¹⁰⁵ Pino R. Op. cit., p. 58 и ел.

¹⁰⁶ Демолен Э. Аристократическая раса. СПб., 1906, с. 58.

466

Система социологии. Том II

2) Разновидностью патриархальной семьи служит семья *квазипатриархальная* (*fausse-famille-souche*), приучающая молодые поколения к величайшим жертвам для сохранения отцовского очага, вплоть до celibата (безбрачия), лишь бы жить в семейной общине или коммуне под властью наследника. Когда необходимость заставляет молодежь эмигрировать — она сохраняет связь с очагом, дает ему весь избыток заработка и обычно рано или поздно снова возвращается под домашний кров. Хотя здесь в личности воспитывается больше инициативы, чем в семье патриархальной, но все же она ничтожна, индивид живет традицией, под чужой опекой.

3) *Семья партикуляристская (или souche), построенная на индивидуальном начале.* Она приучает молодые поколения полагаться не на других, не на общину, не на семью, а только на самих себя. Индивидуальной инициативе дается здесь неограниченный простор. На первом плане — личность. Она организатор и хозяин всех общественных группировок, она творец частной и публичной жизни. Из такой семьи выходят энергичные, неутомимые, творческие личности. Народ, имеющий такую организацию семьи, — народ непобедимый, завоеватель и покоритель всех других. Такой народ служит типом народа, у которого индивид торжествует над государством. Последнее играет в его жизни, в организации частного и публичного уклада второстепенную роль. Первое место принадлежит не бюрократии, не чиновничеству, не органам власти, а обществу и общественному мнению¹⁰⁷.

Демолен так характеризует этот тип семьи и соответственный тип народа. Это «тип индивидуальной (самодовлеющей) формации — высший тип, где каждая отдельная личность освободилась уже от власти семейной общины и от зависимости от общинного государства. Чистейшим образцом такого типа являются расы — скандинавская и англосаксонская. Здесь каждый человек при устройстве своей жизни рассчитывает не на семейную общину, давно развалившуюся, ни на общину государственную, располагающую благодаря слабой централизации небольшим количеством мест, а на самого себя, на свою инициативу, знание, энергию и предприимчивость».

Таким типом народов, по его мнению, являются англосаксы. Отсюда их превосходство над другими народами. «Если превосходство англосаксов над другими народами не провозглашается открыто, — пишет Демолен — сам француз, — то во всяком случае оно несомненно чувствуется всеми... На всем земном шаре мы не можем сделать шага, чтобы не встретиться с англичанином... Мы везде видим гордо развевающийся английский флаг. Англосаксы выжили нас (французов) из Северной Америки, из Индии и Египта. Из Канады и Соединенных Штатов они повелевают всей Америкой, из Египта и Капа распоряжаются Афри-

Pino R. Op. cit., p. 59 и ел.

Глава II. Учение об элементарных социальных группах

467

кой; из Индии диктуют свою волю Азии, из Австралии господствуют над Океанией, наконец вершат дела Европы и всего мира. Достаточно небольшой группе представителей этой расы поселиться на какой-либо точке земного шара, как здесь сейчас же начинает бить родник новой жизни. Со сказочной быстротой изменяя внешний облик страны, англосаксы формируют новые человеческие общества, столь превосходящие нас совершенством своего устройства, что они имеют полное право прилагать к нам полупрезрительную кличку Старого Света... Констатируя это превосходство англосаксов (которое вполне подтверждается и текущими событиями, где англичане и американцы диктуют миру свою волю), Демолен в цитируемой работе объясняет, чему они обязаны

этим превосходством. Ответ гласит — семейной организации индивидуалистического типа и соответственной организации воспитания.

«Мы наполняем воздух жалобами, мы плачемся, ищем виновных ... вместо того, чтобы последовать их примеру»... Далее Демолен чрезвычайно экспрессивно характеризует семейно-общественное воспитание детей у англосаксов. 1) Родители здесь не считают детей собственностью и стараются возможно раньше отделить их от себя и предоставить им независимость. 2) С детьми здесь обращаются как со взрослыми. 3) При воспитании принимаются запросы не той жизни, которой жили родители, а новой, стоящей пред детьми. 4) При воспитании обращается внимание на развитие физических сил в форме игры. 5) Дети с малых лет ставятся в соприкосновение с действительностью. 6) Они приучаются к ручному труду. 7) Отцы и дети соперничают в знании хорошо проверенных новостей и фактов. (Отсюда «характер английских и американских газет столь же похожих на наши, как день на ночь. В них нет ни длинных теоретических рассуждений, ни переливания из пустого в порожнее, а одни только факты, факты и факты».) 8) Здесь нет злоупотребления родительским авторитетом. 9) «Наконец, самое важное — дети знают, что родители не будут заботиться об устройстве их судьбы», и т. д. «Итак, судите, сравнивайте, решайте, что нам делать, — заканчивает Демолен эту характеристику. — Я сделал попытку показать вам те скрытые пружины, которые двигают собою расу наиболее сильную и грозную для старых и стареющих народов. Эта раса совершает нашествие на весь мир, и это нашествие представляет своего рода чудо, т. к. завоеватель не располагает ни большой армией, ни сильной общественной властью. Он приходит не как германец с огромными батальонами и усовершенствованным оружием, а один с мирной сохой. Его презирают, потому что не знают, что такое соха и что значит этот человек!» (Знаменательные слова, как будто написанные сегодня!)¹⁰⁸

Сходно характеризуют и американцев ряд исследователей, в числе их проф. Мюнстерберг.

¹⁰⁸ Демолен Э. Аристократическая] раса, с. 1-4, 58-59, 66-72 и passim.

468

Система социологии. Том II

Основную черту их характера немецко-американский профессор видит в «потребности самоопределения», в сильной индивидуальной воле. «Исходным пунктом и конечным выводом самоопределения служит правило: не ожидай, чтобы другие о тебе заботились, тебя опекали и преследовали твои интересы, полагайся на собственное суждение и на собственные силы; ты можешь все сделать не хуже других, если постараться, и нет такой цели, которая для тебя была бы слишком высока. Этим духом проникнут всякий американец. С самого раннего детства это направление каждый день ему внушалось, и каждое учреждение страны его укрепляло. Ближайшим результатом этого является такое развитие духа инициативы, какого нет ни у одного из остальных народов, и вместе с тем — оптимизм, вера в свои силы. Робость — этого слова нет в лексиконе американца. Все должно иметь возможность развиваться собственными силами. В каждом деревенском парне и городском мальчишке имеется гордое сознание, что только от него зависит, сделается ли он президентом Соединенных Штатов или нет»¹⁰⁹. «Американец рано приучает детей думать об экономической независимости: сыновья даже состоятельного человека должны начинать с маленького содержания и собственными силами добиваться большого»^{110,40*}.

4) *Семья неустойчивая* (F[amille] instable), воспитывающая молодые поколения без уважения к авторитету, но и без приучения к самостоятельности. Она не делает их способными к чему-либо определенному, но и не неспособными ко всему. В ее воспитательной системе нет ни приучения к подчинению, ни к инициативе. Индивид воспитывается, как будущий чиновник государства; надежды его возлагаются на государство и он сам полагается на его теплые места. В итоге получается общество неустойчивое, подверженное политическим страстям, с бездеятельной общественной мыслью и с развитым, централизованным, государственным аппаратом. Таковы Франция,

Германия и другие государства Западной Европы¹¹¹.

По Демолену это «тип общинно-государственного строя (уклада), характеризующийся тем, что здесь место распавшейся общины-семьи заняла община-государство.

К этому типу принадлежит большая часть народов Зап[адной] Европы, в частности Франция и Германия. Здесь молодежь при устройстве своего положения рассчитывает на государство, т. е. на те места, которыми последнее располагает в администрации и в армии. Для получения этих мест необходимо выдержать экзамены, которые... вызвали появление на божий свет особой образовательной системы, известной под именем «накаливания», и способствовали развитию особого типа шко-

^m Мюнстерберг Г. Американцы. М., 1906, т. I, с. 68-69. См. весь т. I и т. II.

¹¹⁰ Там же, гл. II, с. 210.

¹¹¹ Pino R. Op. cit., p. 60 и ел.

Глава II. Учение об элементарных социальных группах

469

лы — огромных пансионов на 500—1000 человек, где молодые люди, кроме искусственной, напоминающей собой тюремную, жизни, подвергаются особой тренировке. При этом внимание и помыслы учеников и учителей устремлены на один только момент — экзамены. Заботы обо всей остальной жизни возлагаются на государство»^{112+41*}.

Таковы основные типы семьи и таковы соответствующие им типы народов, согласно учению школы Le Play. Из сказанного мы видим, что основной тезис ее может быть сформулирован так: *какова семейная организация населения, в частности, характер воспитания молодых поколений в семейном коллективе, таковой будет социальная и политическая его организация и его исторические судьбы.*

Если в этом тезисе есть преувеличение, то признание преувеличения не лишает значения это положение. А оно говорит о том, что семейная группировка является одной из самых важных и решающих социальных группировок.

Любой из важных социальных коллективов не избегает влияния семьи и постоянно находится под давлением семейной группировки. «Строение семьи и семейственных отношений, — правильно говорит И.А. Покровский, — затрагивает самые разнообразные интересы — интересы самих членов семьи, интересы различных общественных групп, интересы государства, наконец, интересы религии, церкви»¹¹³. В столкновениях и взаимной борьбе различных коллективных индивидуальностей семья была и в значительной степени остается одним из самых устойчивых, влиятельных рыцарей, которые борются без шума и без эффекта, но борются упорно, отражают нападения других коллективов и сами, подобно упругой стальной пружине, переделывают организацию и линию поведения других единств. В самые острые периоды общественных кризисов, когда революция, казалось, не оставляла камня на камне от других коллективов, семейный институт не испытывал почти никаких из-

¹¹² Демолен Э. Аристократическая] раса, с. 58-59. См. там же прекрасную характеристику французской, германской и английской школы.

Для более подробного знакомства с теорией Ле Пле и его последователей, — увы, мало у нас известной, — см.: Vignes J.B.M. La science sociale d'après les principes de Le Play et de ses continuateurs. 1897, vol. I—II; ряд номеров журнала «La science sociale», книгу Демолена Comment la route croe le type social; Его же. Les Frangais d'aujourd'hui. 1898; монографии Pino, Rousiers и др. Замечу в скобках, что школа заслуживает полного внимания всех, изучающих явления социальной] жизни. По иронии судьбы у нас на нее обратила свое внимание не интеллигенция, а такие лица, как Победоносцев, издавший одну из глав цитированной] работы Демолена. Между тем знакомство с его работами многое уяснило бы и в истории нашей общественной] мысли (см., напр[имер], ст[атью]: Demolin E. Les causes endemiques du nihilisme russe // Science sociale, 2-e annee, vol. III, 5-e

livraison) и помогло бы понять, почему мы так легко стали «коммунистами» и чем по своей природе является наш коммунистический] строй.

¹¹³ Покровский И. Основ[ные] пробл[емы] гражданского] права. Пг., 1917, с. 146.

4 70

Система социологии. Том II

менений. Seriously задевать его основы не решались самые радикальные новаторы, а если такие попытки и были, то обычно они оставались безуспешными. Такова была, напр[имер], судьба lex Julia et Papia Poppaea, пытавшегося установить всеобщую брачную повинность, столь же безуспешной долгое время была борьба церкви против невенчаных браков, совершенно безуспешными (de facto) были попытки церкви и государства бороться против разводов: если католическая церковь с виду и победила в этой борьбе, запретив разводы, то только с виду, ибо «разлучения от стола и ложа», т. е. фактический развод, были все время.

«Маленькая монархия» римской семьи была самостоятельной державой даже для римского государства», — говорит Покровский¹¹⁴; то же применимо и ко всякой другой семье. Естественно, что и русская революция, перевернувшая вверх дном многое, института семьи почти не задела. Если она и внесла сюда кое-что (я разумею декреты о разводах и о секуляризации брака), то лишь детали; а привились и прививаются эти реформы лишь постольку, поскольку отвечают назревшим запросам самого семейного института.

Семья не только упорно сопротивляется давлению других социальных коллективов, но, в свою очередь, давит на последние, приспособляя их к своему укладу и запросам. И государственная, и церковная, и партийная, и всякая другая организация ежечасно и ежеминутно должны считаться с семейным укладом своих членов, приспособляться к интересам семьи и к ее требованиям. В тех случаях, когда требования первых коллективов резко коллизируют с требованиями семейного эгоизма, наступает борьба между семейным и остальными социальными коллективами. Из этой борьбы нередко семья выходила победительницей. Вспомним хотя бы разложение той государственно-политической группировки, которая носит название рода. Как известно, это разложение было вызвано — в ряду других причин — появившимся антагонизмом запросов семьи и рода. Род пал и из борьбы семья вышла окрепшей и обновленной. В других случаях борьбы семьи с другими коллективами последние хотя и не распадались, зато принуждены были приспособлять свое законодательство, свои институты к назревшим требованиям семьи. История норм, регулирующих заключение и расторжение брака, права и обязанности супругов, их взаимоотношения, взаимоотношения родителей и детей, формы наследования¹¹⁵, весьма наглядно рисует этот процесс давления семейного коллектива на государство и приспособление институтов последнего к требованиям первого. П.Л. Лавров прав, говоря: «Семья подчиняется государству лишь в силу своих эгоистических интересов, которые считает лучше охраненными при существовании крепкого политического союза, чем вне его; и вызывает его потрясение, как только

¹¹⁴ Покровский И. Цит. соч., с. 147.

¹¹⁵ Достаточно для этого познакомиться хотя бы с новейшими проектами гражданского кодекса и с их объяснительными записками.

Глава II. Учение об элементарных социальных группах

4 71

считает свои интересы расходящимися с задачами государства или недостаточно им охраненными»¹¹⁶.

Из краткого очерка воззрений школы Ле Пле мы видели, что характер семейной организации в значительной мере обуславливает характер государственной организации людей, характер организации других группировок и судьбу населения вообще.

Подчеркивая влияние семьи на другие коллективы, я этим не хочу сказать, что это влияние исключительное (в этом ошибка Ле Пле и его школы), что оно является самым сильным, и что семья сама не подвержена влиянию и давлению других коллективных единств.

Несомненно обратное. И семья находится под постоянным давлением других социальных группировок. Под этим давлением хоть и медленно, но все же она принуждена трансформироваться и приспособляться к требованиям других социальных коллективов. Ошибочно было бы думать, что давление государственной группировки не оказывает никакого эффекта на конституцию семьи. Раз между ними дано *двустороннее взаимодействие*, *eo ipso*^{42*} давление государства не пропадает бесследно. То же применимо и к давлению других важных социальных групп: церкви, партии, профессиональной группы и т. д. Роль государства и церкви в деле изменения форм семьи и брака — сама собой очевидна. Издавая законы (напр[имер], о запрете невенчаных браков, о разводе, об имущественных отношениях супругов и детей и т. д.) под давлением семьи, они этими законами, в свою очередь, давили на нее и способствовали ее трансформации¹¹⁷.

¹¹⁶ Лавров П.Л. Собрание сочинений. Пг., 1918, вып. V, с. 43. См. также: Михайловский Н.К. Борьба за индивидуальность (главы, посвященные борьбе семьи за свою индивидуальность). Фактический материал победоносной борьбы семьи в ее единоборстве с государством см. в книге: Cruet J. La vie du droit et l'impuissance des lois. Paris, 1908 (гл[ава] Le droit sexuel familial dans la vie et dans les textes, p. 125-137).

¹¹⁷ См. об этом: Покровский И. Цит. соч., гл. X. Там же приведены и мотивы новейших гражданских кодексов, характеризующие отношение к семье государства. Как пример влияния государства на семью может быть указан факт роста разводов у нас, после декрета 20 декабря 1917 г. Этот декрет, как известно, чрезвычайно облегчил расторжение брака. Его результатом явилось чрезвычайно быстрое повышение кривой разводов. По г. Москве соответственные цифры за 1918 г. таковы. Подано заявлений о разводе:

в		в июне	
январе	1918		04
г.			
(сразу		в июле	
же после			11
издан	9	в	
ия декрета)	8	августе	07
в	3	в	
феврале	84	сентябре	43
в	3	в	
марте	84	октябре	36
в	1	в	
апреле	053	ноябре	84
в мае	9	в	
	80	декабре	65

(Гойхбарг. Еще о браках и разводах // Пролетарская революция и право. 1919, № 2-4; Его же. О браках и разводах // Там же. 1918, № 5-6).

472

Система социологии. Том II

Последняя происходила хотя и медленно, но все же происходила и происходит. И в настоящий момент мы присутствуем при очередном кризисе семьи, дающем себя знать во многих формах. Семья, не без давления государства и других коллективов, начинает трансформироваться и терять ряд своих основных функций. Она ослабляется как принудительный союз супругов, основанный на власти мужа, она ослабляется как авторитарный союз родителей и детей, основанный на власти первых; ограничиваются ее воспитательски-опекунские функции, атрофируется она как хозяйственный центр¹¹⁸.

Легко понять после сказанного, почему семейная группировка может и должна быть признана одной из важных; почему ее нельзя игнорировать и почему сдвиги, происходящие в организации семьи, не могут не вызывать чреватых последствий во всех

областях общественной жизни и в судьбах других коллективов. Изучение этих сдвигов не входит

Эта таблица показывает зависимость процессов, происходящих в сфере семейной группы, от других групп, в данном случае от государства: изменение норм развода удалило препятствия, бывшие раньше; это сразу же проявилось увеличением числа разводов, т. е. разрывов семьи как союза супругов.

Но та же таблица говорит и о другом: о том, что влияние государства, как и других коллективов, не всемогуще, а относительно; оно будет действенным лишь постольку, поскольку вводимые формы соответствуют запросам самой семьи. Достигнув максимума в апреле, кривая разводов дальше идет на понижение. Декрет о разводе сыграл роль разреза гнойного нарыва, который назрел раньше в семье. Под его влиянием нарыв лопнул и пошло быстрое очищение семейного организма. Когда главная масса «гноя» была выброшена, процесс стал ослабляться и чем далее, тем он совершается медленнее. Декрет остается тем же, но обращение к нему реже и реже. Если бы не было «нарыва», он с самого начала бессилён был бы вызвать какие бы то ни было эффекты.

Иную картину дает кривая «светских» браков, в отличие от церковных. Потребность секуляризации брака давно уже назрела. Декрет 20 дек[абря] 1917 г. дал ему выход. И с тех пор кривая «светских» браков растет непрерывно. Этот факт говорит о глубоких корнях этой реформы и об изжитости церковного брака. Вот цифры гражданских браков по г. Москве, за 1918 г.:

гражданских браков		гражданских браков	
я	8	авгу	347
нварь	ст		
ф	9	сент	524
евраль	ябрь		
м	7	октя	1248
арт	7	брь	
а	1	нояб	1497
прель	20	рь	
м	2	дека	1040 (не по
ай	14	брь	всем участкам
и	2		г. Москвы).
юнь	32		
и	3		
юль	31		

(Гойхбарг. Цит. соч., с. 84).

¹¹⁸ См.: Сорокин П.А. Кризис современной семьи // Ежемесячный] журнал. 1916, №2 и 3.

Глава II. Учение об элементарных социальных группах

4 7 3

в пределы социальной аналитики. Они будут предметом других частей социологии.

По своему характеру *семейная группа в одних отношениях является группой закрытой* (не от нашей воли зависит, членами какой семьи мы рождаемся, и вполне освободиться от влияния семьи-производительницы, оказывавшегося на нас с первых дней рождения, мы не можем), *в других — группой промежуточного типа*: выход замуж, брак, разводы и т. п. представляют явления частичной инфильтрации и частичной дефильтрации индивидов из семьи в семью. Добровольное и полное «выключение и включение» индивидов из «абонентов» семьи-производительницы невозможно. Но возможна циркуляция — включение и выключение — из добавочных семейных групп, в число абонентов которых индивиды попадают благодаря браку, усыновлению или узаконению и другим явлениям. Это обстоятельство, как увидим ниже, придает своеобразную форму явлениям семейной перегруппировки.

Государственная группировка

Следующей важной элементарной группировкой индивидов является группировка их в государственные коллективы. Такими коллективами служат те системы взаимодействия, которые носят название «России», «Англии», «Франции», «Германии» и т. д. Каждый из таких государственных коллективов представляет сложную и организованную систему взаимодействия. Она охватывает обычно большое число «абонентов» — подданных, имеет особый правительственный центр — государственную власть, регулирующую взаимоотношения своих абонентов в сфере поведения, нормируемого законами государства.

Каковы же эти взаимоотношения, в своей совокупности образующие систему взаимодействия, носящую название государства? Иными словами, что отличает государственные коллективы от других социальных группировок? Не ставя своей задачей решение этого вопроса (для нашей цели достаточно указать пальцем на то, что мы разумеем под государством, — им будет система взаимодействия, носящая название «Англии», «Франции», и т. д.), заметим, что отличительные признаки государства, указываемые обычно государствоведами, неудачны. Они не позволяют отчетливо выделить государственные коллективы от других.

Государство обычно определяют как организованный народ, занимающий определенную территорию и подчиненный суверенной или верховной государственной власти. Сообразно с этим «элементами» государства считают: территорию, население и государственную власть. Основным же характерный признак государства, отличающий его от не-

государственных коллективов, усматривают в наличии суверенной, или первоначальной, или производной власти¹¹⁹.

Легко видеть неудачность таких «конструкций». Что указание на население, территорию и власть, т. е. правящий центр как на «элементы» государства не может служить искомым разграничительным признаком, это очевидно: *почти все организованные коллективы состоят из этих «элементов»*. Возьмете ли вы церковь как организованную систему взаимодействия, вы там найдете: 1) население — верующих, «абонентов» церковной системы; 2) территорию, которую церковь занимает своими учреждениями и членами (напр[имер], территория католической церкви обнимает границы Италии, Испании, Португалии, Франции, части Швейцарии, Польши и т. д.); 3) церковную власть, издающую свои законы и регулирующую поведение своих «абонентов», в лице папы, патриарха, синода, со всеми их агентами. То же применимо и к политической партии (население — члены партии, власть — центр, комитет партии, территория — границы распространенности данной партии), к профессиональному объединению (население — члены профсоюзов, например], Всеобщей конфедерации труда, власть — Бюро Конфедерации, конституция — Устав Конфедерации, территория — места, занятые ее учреждениями и подчиненные ее влиянию) и т. д.¹²⁰

Подобные «конструкции» государствоведов объясняются очерченной выше концепцией «единого общества». Они полагают, что индивид может быть «абонентом» только государственной системы взаимодействия, что последняя способна удовлетворить всем его запросам и регулировать все его поведение во всех сферах последнего. Отсюда тезис: население — элемент государства; отсюда государство, как монополярная компания, абсорбирующая целиком население. Мы видели ошибочность такой концепции. Индивид — абонент не только «государственной акционерной компании», но и многих других «компаний» (церкви, партии, профсоюза, национальности и т. д.). Он не монополярный объект регулирования государственной власти, но является объектом регулирования и других «властей». Это значит, что и население как совокупность индивидов не является монополярным достоянием «государственного общества». Оно — достояние ряда других коллективов или систем взаимодействия, отличных от государства... Оно — «элемент» всех тех «систем взаимодействия», абонентом (участником) коих

¹¹⁹ См. курсы государственного] права, напр[имер]: *Лазаревский Н.И.* Цит. соч., с. 2-10; *Дюги Л.* Конституционное] право, с. 24-27; 58-64, 98 и ел.; *Елли-некГ.* Право современного] государства, с. 114; *Магазинер Я.* Лекции по государственному] праву, с. 2-3, 15-27 и гл. VIII.

¹²⁰ Лазаревский прав, говоря: «Конечно, в каждом государстве есть и народ и есть власть, но они есть и в церкви, и в семье. Народ и власть не являются отличительными признаками государства» {*Лазаревский Н.И.* Цит. соч., с. 46).

Глава II. Учение об элементарных социальных группах

475

оно является, и центральные органы коих регулируют, каждый в своей сфере, его поведение.

Эти положения — простой вывод из того факта, что в наше время индивид является членом не одного общества, а многих обществ. Этот же факт, как мы видели, является обратной стороной многолинейности социального расслоения и сложности системы социальных координат, определяющих положение индивида в среде населения.

Те же соображения применимы и к территории. Обычно думают, что территория принадлежит только государству, что только государственная] власть может действовать на пространстве ее территории. Юридическая фикция! — скажем мы в ответ на это. Пользуясь раньше указанной моделью, телеграфными столбами и проволоками, мы можем довольно точно представить себе подлинное положение дела. Ряд столбов, занимающих одну и ту же территорию, может быть охвачен не одной сетью проводов, а рядом их, образующих многоэтажный ряд сетей. На одной и той же территории, между одними и теми же столбами может существовать не одна система проволочной сети, а две, пять, десять и больше. И странно было бы говорить, что эта территория принадлежит только одной из этих сетей, напр[имер], нижней. Она в такой же степени принадлежит и всем другим сетям, скрепляющим эти столбы. То же применимо к взаимоотношению территории и государственной системы взаимодействия. Да, последняя локализуется на определенной территории и занимает определенную часть земной поверхности. Но на той же территории, как в примере со столбами, локализуется ряд других систем взаимодействия, которые существуют не вне времени и пространства, «абоненты» которых — «население» — живут на земле, учреждения которых имеют материальную природу. И как странно думать, что территория принадлежит, «составляет элемент» только одного ряда проводов, скрепляющих столбы, так же странно полагать, что территория, на которой локализуется множество систем взаимодействия, население которой является «абонентом» ряда коллективов помимо государства, принадлежит, «составляет элемент» только «государственной абонентной сети»¹²¹.

¹²¹ См. правильные соображения по этому вопросу у *Лазаревского* (Цит. соч., с. 42-46). По отношению к территории все коллективные единства могут быть разделены на две группы: 1) *локализованные* в пределах определенной территории и потому имеющие определенные пространственные границы; 2) *не локализованные* в пределах определенной территории и не покрывающие ее сплошь, «абоненты» которых рассеяны в различных местах. Группы последнего рода не имеют определенных территориальных границ. К числу первых групп принадлежат: современные государства (но не древние, напр[имер], Древняя Греция, германские племена и т. п.), ряд цеховых и профессиональных групп средневековья («концы» и «улицы» городов, занятые определенными цехами, гильдиями, etc.) и т. д. К числу вторых групп принадлежат, напр[имер], современные партии, религиозные союзы современных городов и т. д. Отсюда видно, что

476

Система социологии. Том II

Многие лица, особенно теоретики социализма, синдикализма и анархизма, отличительную черту государственного коллектива усматривают в *принудительности*. «Когда одна группа лиц может сделать свою волю обязательной для другой, когда личность закрепощается обществу, независимо от своего согласия, то мы имеем перед собою государство, и насколько в данном обществе существует обязательное подчинение

одной его доли другой, настолько в него входит государственный элемент», — читаем мы, напр[имер], у Лаврова¹²². «Сила, происшедшая из общества (с непримиримыми экономическими интересами. — *П.С.*), но ставящая себя над ним; все более и более отчуждающая себя от него, есть государство», — говорит Энгельс; далее он указывает территориальность и принудительность государственной власти как отличительные черты государства¹²³.

Нетрудно видеть, что и принудительность не может служить отличительным признаком государственного коллектива. «И помимо государства существуют союзы, принадлежность к которым принудительна; семья, земство», — правильно указывает Лазаревский¹²⁴. В населении, где отсутствует свобода религии, принудительной является принадлежность к определенной церкви (вероисповеданию), (*cuius regio, eius religio*^{43*}); принудительна принадлежность к касте и к множеству других негосударственных коллективов. Абсолютно не зависит от нашей воли принадлежность к той или иной расовой, половой, возрастной и языковой группе.

Равным образом не является специфической чертой государства наличность *принудительной власти*, стоящей *над* населением, и принудительных мер, практикуемых ею для сохранения «государственного порядка». То же, как увидим ниже, свойственно большинству организованных внегосударственных групп. Раз в группе совершилось расслоение на правящий центр и управляемую массу, тем самым правящий центр (будет ли им папа и синод в церкви, правление синдиката в профессиональном союзе, центральный комитет в партии и т. д.) — механически оказывается *над* управляемыми и использует ряд принудительных мер для сохранения единства и порядка группы. Власть и «дисциплинарно-принудительные» меры главы семейства по адресу домочадцев, церковно-территориальный признак — частный признак, не характеризующий природу государства, не всегда ему свойственный и присущий наряду с ним другим коллективам.

См. относительно этого деления правильные соображения у *R. Maunier*. The definition of the city.

¹²² Лавров П.Л. Государственный] элемент в будущем об[щест]ве. Лондон, 1876, с. 12-13.

¹²³ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. 6-е немецк. изд., с. 177-178 и ел.

¹²⁴ Лазаревский Н.И. Цит. соч., с. 2-3.

Глава II. Учение об элементарных социальных группах

477

ной власти — по адресу верующих (епитимий, штрафы, выговоры, порицания, отлучения и кары инквизиции), меры партийной власти по адресу некоторых членов партии (выговоры, штрафы, порицания, исключения из партии и сотни других принудительно-дисциплинарных мер, применяемых во всех партиях, и особенно, в наше время, в партии коммунистов), скрытое или явное насилие над членами профессиональных союзов со стороны их власти, — все это бесспорное проявление принудительных мер со стороны власти внегосударственных союзов. Всюду «правлящие» правят «управляемыми» путем насилия и хитрости. Различны только их пропорции. А суть всюду одна и та же. Вот почему нельзя видеть в принудительности специфическую черту государства. Это принужден признать, напр[имер], и сам П.Л. Лавров. «Все политические союзы, образовавшиеся для борьбы с государственной властью, были организованы на чисто государственном начале (т. е. на принуждении.—*П.С.*), часто даже с большим проявлением власти, чем в государстве, против которого боролся союз... Государственный элемент (т. е. принуждение) проникал во все планы рабочей социалистической организации, до сих пор предложенные» (и проекты: Маркса-Энгельса, и Лассалья, и даже проекты анархистов¹²⁵).

Отсюда ясно, что не приходится видеть в принудительности специфический признак государства. Принудительность свойственна большинству организованных коллективных единств. «Общество свободно-хотящих людей», обходящихся без

принуждения, пока является большой редкостью.

Единственным отличительным признаком государства является *суверенность государственной власти или первичность, самоуправомочен-ность последней*. Но и эти признаки, как известно, очень условны... Есть ряд государств (напр[имер], средневековые государства, «союзное государство» и т. д.) несuverенных. Остается признак первичности власти, ее самоуправомоченности. К этому признаку, как к *ultima ratio*^{44*} обычно и прибегают государствоведы для отделения государства от других коллективов. Но и этот критерий весьма непрочен. Дело в том, во-первых, что в истории мы имели ряд коллективов, которые, как, напр [имер], католическая церковь, обладали и суверенной и первичной властью: не государство дало власть римскому папе и римской курии. Поэтому, будучи последовательными, мы принуждены были бы говорить о католическом государстве, чего государствоведы не делают. Такую же роль играл и ряд других коллективов, напр [имер], средневековые цехи и другие

¹²⁵ *Лавров П.Л.* Цит. соч., с. 14-15. Не представляет отсюда исключения и проект «разрушения государства», предложенный В. Лениным. «Разбить, сломать» государство у него означает только... переменить правителей и оставить принуждение во всей силе.

См.: *Ильин В.* Государство и революция. 1918, с. 17, 19, 75, 93-94 и др.

4 78

Система социологии. Том II

сословные коллективы (сословные суды, собрания сословных чинов и т. д.). Больше того, и в современной жизни имеется сколько угодно коллективов, обладающих первичной властью, полученной ими не от государства, а часто помимо и вопреки государству: не государство снабдило домовладыку властью в семье, а она выросла сама; не государство уполномочило и уполномочивает патриарха или священника властью «вязать и решать грехи», «накладывать епитимии», «отлучать от церкви», издавать декреты, регулирующие религиозную жизнь людей; ни папа, ни патриарх не рассматривают себя как приказчиков государства; даже не последнее дает им это высокое звание. Еще менее обязана своим бытием государству власть центрального комитета политической партии или рабочего синдиката. Эти коллективы обладают властью не только помимо, но сплошь и рядом вопреки воле государственной власти¹²⁶. Скажут на это: «все же, чтобы пользоваться властью, они должны быть признаны государством; государство, если не дает им власть, то по крайней мере санкционирует фактическую власть». Но легко понять, что санкционирование факта не превращает имеющуюся уже власть из первичной в производную; далее, такое санкционирование далеко не всегда имеет место: государственная власть едва ли когда-либо санкционировала политику партий, направленную против данной власти, и, однако, такие партии были, есть и будут. Правительство государства едва ли когда-либо давало свою санкцию на объявление экономической или политической забастовки: и, однако, такие забастовки своею властью постоянно объявляются и проводятся политическими партиями, рабочими союзами и т. д. Это значит, что ряд коллективов обладает властью первичной, не только не производной от государства, но не нуждающейся даже в его признании.

Правда, на это могут сказать, что государственная власть, признавая принудительную власть и регулировку за другими коллективами, «просто не замечает этих отношений и не считает нужным их как-либо регулировать; но она всегда имеет право это сделать, если признает нужным. И так как в современном обществе *всякая принудительная власть* возможна лишь постольку, поскольку она допускается государственными законами, можно говорить, что *всякая принудительная власть* основана на законе и таким образом получается от государства»¹²⁷.

Это традиционное положение государствоведов — фикция. Оно говорит о должном, а не о сущем. Если бы всякая принудительная власть основывалась на законах государства, то значит и власть разбойника над жертвой или власть партии, низвергающей законы государства, и государственная власть тоже основана была бы на низвергаемом законе го-

¹²⁶ См., напр[имер], историю рабочего движения, в частности: *Критская Я., Лебедев Н.* История синдикалистского] движения во Франции! М., 1908.

¹²⁷ *Лазаревский Н.И.* Цит. соч., с. 5.

Глава II. Учение об элементарных социальных группах

4 79

сударства и воле низвергаемой власти. Затем, сейчас мы видим, что множество коллективов обладает властью независимо и даже вопреки государству. В-третьих, государство имеет право регулировать что угодно, вплоть до течения небесных светил. Но *может ли* оно это сделать и делает ли оно это? — That is the question^{45*}. Приписывать себе какие угодно правомочия может кто угодно; но суть дела в том, в состоянии ли приписывающий реализовать их и реализует ли их фактически. На бумаге государственная власть — «суверенна, вездесуща, всемогуща, вечна и едина», но только на бумаге. Эти и подобные положения — фикции. Если бы дело обстояло так, то из общественной жизни давно исчезли бы все оппозиционные партии, прямые мятежники, революционеры и события, вызываемые ими наперекор государственной власти и временами кончающиеся ее падением. Исчезли бы потому, что какая же власть не стремилась и не хотела бы искоренить всех недовольных ею, обезвлас-тить всех оппозиционеров, уничтожить неприятные ей организации и т. д. И, однако, никакому правительству это не удавалось и не удастся.

Не удастся потому, что фактически государственная власть и не всесильна, и не может лишить власти все негосударственные коллективы, если бы и хотела, и не является вовсе источником власти негосударственных коллективов¹²⁸.

Не желая быть парадоксальным, можно с большей основательностью утверждать, что *власть внесударственных коллективов в огромном большинстве случаев создается вопреки воле государственной власти и вопреки ее противодействию.*

Это значит, что и признак верховенства, первичности власти не может служить признаком, отличающим государственные коллективы от других, внесударственных. Тем самым теряют свое значение и традиционные определения государства.

То, что носит название государства (коллективы: «Англия», «Франция», «Китай» и т. д.), *представляет особую организованную систему*

¹²⁸ Это принуждены признать, в конце концов, и сами государствоведы. Лазаревский несколькими страницами ниже говорит: «право общественных] организаций существует», «государственные] законы, которые противоречат последнему, во многом остаются мертвой буквой», «говорить о всемогуществе (госуд [арственного]) закона, конечно, неправильно» (*Лазаревский Н.И.* Цит. соч., с. 26-27).

Гораздо рельефнее указанные в тексте положения выдвигаются работами противников государства, анархистами и синдикалистами. См. напр[имер]: *Бакунин М.А.* Государственность и анархия. 1919; *Лавров П.Л.* Государственные] элементы в будущем об[щест]ве. Лондон, 1876; *Кропоткин П.А.* Речи бунтовщика; Хлеб и воля. М., 1919; *Малатеста Э.* Анархизм. Пг., 1919; *Грае Ж.* Будущее об[щест]во. 1907; *Реклю Э.* Эволюция, революция и идеал анархизма. М., 1917; *Пуже Э.* Основы синдикализма (в сб[орнике] «Синдикализм». СПб., год изд. не указан); *Сорель Ж.* Размышления о насилии, пер. под ред. Фриче; работы *Лагарделя, Берта, Лабриолы* и др. теоретиков синдикализма.

4 80

Система социологии. Том II

взаимодействия индивидов, обычно живущих на одной территории, которая состоит из совокупности отношений, указываемых и регулируемых так называемыми «Основными законами» и «Сводом законов», именуемых «законами государства». Через эти отношения индивиды, принадлежащие к одному государству, оказываются взаимно связанными и выступают в качестве абонентов одной и той же системы взаимодействия, центром которой служит государственная власть, регулирующая эти отношения¹²⁹.

Каковы же именно эти отношения, в совокупности составляющие государственную сеть или систему взаимодействия? Согласно определению, *решение этого вопроса дают законы данного государства* («Свод Законов» Англии, Франции, России и т. д.). Все

отношения, перечисленные там и указывающие надлежащее поведение индивидов во всех перечисленных случаях, и составят в своей совокупности государственную систему взаимодействия или государственный коллектив. Каковы они *in concrete* в каждом данном случае, это *questio facti*^{46*}, решаемое на основании изучения свода законов. Нам нет надобности перечислять эти отношения; это дело курсов государственного права. Для нас достаточно отметить, что эти взаимоотношения «абонентов» государственного коллектива охватывают ряд важных сторон поведения последних. Рядом с этим мы можем отметить и другой факт: эти отношения, образующие государственную систему взаимодействия, *не одинаковы in concrete в разных государственных коллективах или в одном и том же государстве в различные эпохи.*

В одних государствах система государственного взаимодействия охватывает множество сфер поведения ее «абонентов» и разбухает до чрезвычайных размеров. В таких государствах законы и власть последних пытаются нормировать чуть ли не все взаимоотношения индивидов, чуть ли не все поведение их до мелочей, и мешают населению «абонироваться» в другие общества. В других государствах, напротив, система государственного взаимодействия образуется из меньшего числа взаимоотношений: законы и «директора государственной системы» (государственная власть) здесь нормируют только некоторые стороны поведения ее «абонентов» (подданных). Другие стороны поведения и взаимоотношений здесь находятся вне государственной системы, они предоставляются регулировке других, внегосударственных коллективов (церкви, партий, профсоюзу, ряду «частных» обществ, воле индивида и т. д.).

¹²⁹ Для правильного понимания всего сказанного государство следует представлять не как материальный предмет, состоящий из территории и населения, а как сеть взаимодействия *sui generis*, обслуживающую множество индивидов, которые в то же время являются «абонентами» ряда других сетей, или систем взаимодействия, отличных от государства (как отлична телефонная сеть Петрограда от электрической сети «Общества 1896 г.»). Одни и те же жители Петербурга могут быть абонентами той и другой сети и многих других «обществ».

Глава II. Учение об элементарных социальных группах

4 81

Иными словами, *объем и конкретный состав отношений индивидов, образующих систему государственного взаимодействия, исторически изменчивы, не представляя постоянной величины и колеблются в зависимости от времени и места.* Система государственного взаимодействия Франции или Франция как государство в эпоху полицейского абсолютизма была иная, чем в эпоху XIX века. В первый период она имела страшно разбухший характер, в XIX в. она объемно уменьшилась. То же применимо и к другим государствам. Подтверждением этому служит изучение «кривой» *вмешательства государственных законов и государственной власти в жизнь населения, с одной стороны, с другой — фактическая смена тех отношений или сфер поведения членов государства, которые входили в состав государственной системы и централизованно регулировались государственными законами и государственной властью.*

Бывали группы населения и эпохи, где «кривая» государственной регуляции жизни населения достигала необычайной высоты и объема. Государство в лице органов государственной власти, пыталось вмешиваться во все стороны жизни населения, пыталось регулировать все сферы поведения индивидов. Оно предписывало им все и вся; что индивиды должны делать, как делать, как думать, как верить, что любить, что ненавидеть, как одеваться, чем питаться, и т. д. Примерами таких эпох и групп могут служить: деспотически-коммунистические государства Древнего Египта, Перу, Спарта, множество диких государств, абсолютистско-полицейское государство и др. Такого же рода расширение государственного вмешательства в жизнь населения мы наблюдаем и в последние годы: это вмешательство, начиная с 1914 г., возросло во всех государствах и выразилось и в Англии, и во Франции, и в других воюющих странах. В России оно достигло максимума. В ней коммунизм установил всестороннюю опеку населения

органами государственной власти. «Недреманное око» государственных диктаторов нам декретирует: где и как мы должны жить, что делать, чем питаться, во что одеваться, что иметь, сидеть на месте или выезжать, какую квартиру занимать, как верить, как думать, что писать и издавать, какие газеты читать и т. д. Словом, установилась та же опека, которая была и в Перу, и в Спарте, и в эпоху полицейского государства¹³⁰.

ДО *что* Здесь явления однородные, наглядно доказывается сличением режимов древних военных деспотий и современного «Советского строя». Беру для примера сокращенное описание социально-политического уклада Перу. Переставив в нем номенклатуры, мы получаем строй похожий на наш в ряде пунктов. Вот оно. Верховная государственная] власть здесь была центром системы, «контролировавшей всю жизнь. Она была сразу и военной, и политической, и судебной главою; нация состояла из рабов (этой власти) и эти рабы носили звание солдат, работников и чиновников. Военная служба считалась обязательною для всех податных; те из них, которые прослужили указанные сроки, отчислялись в запас и должны были работать под надзором государства. (Чем не трудо-

16 Система социологии

482

Система социологии. Том II

Рядом с такими эпохами гипертрофии государственного вмешательства или разбухания государственной сети взаимодействия, пытающейся уничтожить все негосударственные системы, имелись эпохи и народы, где это вмешательство было сравнительно ничтожным. Эти эпохи

вая армия! — *П.С.*) В армии были начальники над десятками, сотнями, тысячами. Параллельной регламентации было подчинено и государство вообще: все жители, расписанные по группам, были подчинены управлению чиновников... Шпионы, наблюдавшие за действиями других служащих и докладывавшие о них, имели также свою организацию. Все было подчинено государственному] надзору. В деревнях были чиновники, наблюдавшие за пахотой, посевом, жатвой. Когда был недостаток в дожде, государство снабжало пайком воды. Путешествующий без разрешения наказывался. Но зато для тех, кто путешествовал по общественным надобностям («по командировкам». — *П.С.*), существовало особое учреждение, снабжавшее квартирой и всем необходимым. На обязанности десятников лежало наблюдение над одеждою народа. Сверх этого контроля внешней жизни, существовал еще контроль и жизни домашней. Требовалось, чтобы народ обедал и ужинал при открытых дверях, так чтобы судьи могли входить и выходить свободно, а судьи эти надзирали за тем, чтобы дом, одежда, домашняя утварь содержались в порядке, чтобы за детьми был надлежащий надзор. Под этим контролем народ трудился над поддержанием столь сложной и выработанной государственной] организации. Все чины гражд[анского], религиозного] и военного классов были свободны от налогов, зато земледельческий класс, за исключением находящихся на службе в армии (красноармейцев. — *П.С.*), должен был отдавать весь свой продукт, оставляя себе лишь то, что требовалось для скудного пропитания. Третья часть земель всей империи шла на поддержание государственного] строя. Сверх натуральной повинности, состоявшей в обработке земель, работники должны были обрабатывать земли солдат, находившихся на службе. Кроме того, они должны были платить подать одеждою, обувью, оружием. Участки земли, предназначенной на нужды народа, распределялись между отдельными людьми сообразно с их семейным положением. Точно так же и относительно продуктов от стад. Это было следствием принципа, что частная собственность находится в пользовании каждого человека только по милости государственной] власти. Т[аким] о[бразом], личность, собственность и труд народа принадлежали всецело государству; народ переселялся из одной местности в другую по указанию государственной] власти; люди, не служившие в армии, но жившие под такой же строгой дисциплиной, как и армия, были просто единицами централизованной военной машины и направлялись в продолжение всей своей жизни к наивозможно большему выполнению воли государственной] главы и к

наивозможно меньшему действию по своей собственной воле. Перуанцы не имели монеты; они не продавали ни одежды, ни домов, ни имений и их торговля почти не выходила за пределы простого обмена съестными припасами».

Спенсер Г. Оси [ования] социологии, т. II, с. 435-436. См. там же описание коммунист [ических] государств Спарты, Древнего Египта и др. См. также: *Martens. Un grand Etat socialiste au XV siecle. Constitution historique, sociale et politique du royaume de Tahuantinsuyn, Etat des Incas sur le haut plateau de l'Amerique du Sud.* Paris: Giard et Briore, 1910. Поучительно также сравнить современный строй со строем государства иезуитов^{47*}. Вывод отсюда тот, что в нашей коммунистической новизне во многом старина слышится и старина довольно древняя. См. также: *Erman A. Agypten und agypt[ische] Leben im Altertum*, S. 180-186 и др.

Глава II. Учение об элементарных социальных группах

4 8 3

наступали обычно вслед за эпохами всестороннего государственного вмешательства. Личность и население объявляло бунт против государственного деспотизма, сбрасывало его опеку и провозглашало: никакой государственной опеки! Долой всестороннее государственное вмешательство! (*Laissez faire, Laissez passer*^{48*}) Да здравствует свободное усмотрение личностей! Свобода слова, печати, мысли, собраний, союзов, неприкосновенность личности! и т. д. Такие эпохи не раз переживались одним и тем же народом. Немало имелось и имеется народов с весьма мало централизованной и мало вмешивающейся в жизнь населения государственной властью.

Вывод из сказанного: объем государственной регулировки и вмешательства в жизнь населения или объем и состав государственной системы взаимодействия — величина непостоянная. Он колеблется в зависимости от эпохи и населения. То он достигает апогея, то падает до сравнительно ничтожных размеров.

Это означает, что *система взаимодействия, именуемая государством, вовсе не представляет чего-то постоянного. Отношения индивидов, образующие эту систему, количественно меняются*: то она обслуживает множество потребностей своих «абонентов» (в эпохи ее разбухания) и последние принуждены обращаться к ней по множеству поводов; то, напротив, она сокращает свое обслуживание до минимума; ее абоненты обращаются к ней и она, в лице власти к ним, только по определенным немногочисленным поводам. В первом случае, отношения, образующие ее, составляют густую сеть, опутывающую индивидов со всех сторон: они шагу не могут сделать, чтобы не «задеть» проводов государственной системы в виде бесчисленного множества законов государства. Во втором случае сеть системы государственного взаимодействия немногочисленна, редка. Множество действий индивидов ее не задевают, не приводят в движение, не вызывают реакции со стороны центральной государственной станции и ее отделений, в лице верховных и подчиненных агентов государственной власти. Соответственно и законы таких государств не пытаются регулировать все стороны поведения населения.

Отсюда вывод: *предполагая совокупность взаимоотношений членов населения величиной постоянной, мы можем сказать: чем более развита сеть взаимоотношений, образующих государственный коллектив, тем менее развиты сети других, внегосударственных систем взаимодействия и само число последних, и наоборот.* Чем больше сфер поведения своих абонентов обслуживает и регулирует государственный коллектив, тем меньше отношений остается на долю регулирования внегосударственных коллективов, тем меньшим делается число их «абонентов» и тем реже последние обращаются к центрам таких коллективов. Если государство регулирует все стороны поведения индивидов, то внегосударственным «акционерным обществам» нечего делать. Для их бытия и функциони-

4 84

Система социологии. Том II

рования нет почвы. Если же государство берет на себя нормирование только некоторых сфер поведения, то другие сферы последнего делаются объектом регулировки

других, внесударственных «обществ». Это значит: там, где государство разбухло и вмешивается во все стороны поведения, там мало других влиятельных коллективов, общественная самодеятельность подавлена, частному почину и частным ассоциациям нет простора. Царит централизация, государственный деспотизм и официальный бюрократизм. И обратно. Спрашивается: *от каких причин зависит это колебание кривой государственного вмешательства?*

Я не могу здесь подробно останавливаться на этом вопросе. Замечу лишь, что ответ, данный на этот вопрос Г. Спенсером, представляется довольно правильным. Спенсер в качестве такой причины указывает *военное или мирное состояние населения*. Народы, постоянно воюющие, имеют сильную государственную власть, вмешивающуюся во все области жизни подданных. Народы мирные, не воинственные, напротив, имеют слабую государственную власть. Первые неизбежно получают принудительно коммунистический уклад; вторые — индивидуалистический. У одного и того же народа в эпохи войн вмешательство государственной власти, т. е. разбухание государственной системы и государственная коммуникация, растет, в эпохи мирные — падает.

Такова суть спенсеровского ответа. И прошлое, а в особенности настоящее время, годы войны спенсеровский диагноз блестяще подтвердили. Рост государственного вмешательства за эти годы — несомненный факт. Российский государственный коммунизм и абсолютизм нашей государственной власти не есть нечто случайное или исключение, а частное и наиболее резкое проявление роста государственного социализма во всех странах, вызванного войной. Милитаризм — отец принудительного социализма или коммунизма, т. е. государственного абсолютизма. Последние — детища войны... Такова общая и основная причина колебания кривой государственного вмешательства. Отсюда следует прогноз: если военное состояние страна или ряда стран будет длиться, область государственного вмешательства в форме государственного социализма или принудительного коммунизма будет расти. Если военное состояние заменится мирным — эти явления будут падать¹³¹.

¹³¹ См. подробно теорию Спенсера в его «Основаниях социологии», т. II, гл. XVII-XIX части V, и гл. XXI-XXIV ч. VII. Эта теория, до сих пор недостаточно оцененная, заслуживает полного внимания. Спенсер предвидел и современный рост государственного социализма и коммунизма. «Все эти совокупно действующие причины должны в скором времени привести к переходу самогосподства в господство общины, ограниченное при коллективизме, и полное при коммунизме: иного вывода, по-видимому, сделать нельзя. Каким образом совершится надвигающийся переворот, этого сказать нельзя; т. о. создастся государство, в котором ни один человек не будет иметь возможности делать то, что ему нравится, но всякий обязан делать то, что ему прикажут. Уделом тех, кото-

Глава II. Учение об элементарных социальных группах

48 5

Меняются исторически и сферы поведения, регулируемые государством, т. е. отношения, входящие в систему государственного взаимодействия и образующие ее. Некогда регулирование взаимоотношений пострадавшего и преступника было частным делом. Они не входили в систему государственного взаимодействия. Государство не вмешивалось в эту область. Позже дело суда и наказания оно объявило своей монополией, т. е. эти отношения вошли в сеть государственной системы. Некогда религиозные убеждения были предметом государственной регулировки: государство предписывало: как верить (вспомним *cuius regio, eius religio*^{49*}). Позже религиозные убеждения стали делом совести каждого. До настоящего времени государство мало вмешивалось в экономические отношения индивидов. Отношения производства, обмена и распределения материальных благ были предоставлены воле индивидов и других коллективов, как и отношения, возникающие на почве частной собственности. Теперь они вошли в состав отношений, образующих государственную систему, оно взяло их в свое ведение; путем социализации, национали-

рые обладают свободой и недостойны ее, будет полное лишение свободы. Они

были взвешены на весах и найдены слишком легкими». Там же далее он указывает, что такой этап будет переходным, а не вечным (Там же, с. 704-705 и вся глава «Ближайшее будущее»).

Л. Мартов и др., выясняющие причины роста большевизма, по существу повторяют теорию Спенсера, без упоминания ее автора. См.: *Мартов Л.* Мировой большевизм // Мысль. 1919, апрель.

Почему милитаризм ведет к разбуханию государственной системы, к росту принудительного коммунизма, — ответа дам в «Социальной] механике». Здесь же замечу только, что причины, указанные Спенсером, верны, но не исчерпывают вопроса. Помимо причин, очерченных им, милитаризм ведет к коммунизму — абсолютизму и в силу других условий, в частности, в силу гибели лучшей, наиболее энергичной, здоровой, трудоспособной и волевой части населения на войне, особенно на войне длительной. Она уносит лучшую часть населения. Остаются и выживают люди 2-го и 3-го сорта: менее здоровые, менее волевые, менее независимые, которые менее способны бороться за личную свободу против государственной опеки, и потому более легко подчиняются произволу властителей. С этой человеческой слякотью последние могут делать, что угодно, не встречая энергического отпора. Слякоть будет роптать, но ропот не перейдет в восстание, а если и перейдет, то даст только неорганизованные вспышки, легко подавляемые властью. После двух-трех неудачных попыток слякоть покорно наденет ярмо и примирится с своей долей. От такой слякоти и потомство в общем будет второсортное, а это обстоятельство еще более благоприятствует росту государственной] опеки.

См. на этот счет ряд правильных соображений у *Jourdan D.* La moisson humaine. Essai sur la decadence des races // Riv[ista] it[aliana di] soc[iologia], 1911, p. 673-712.

Само собой разумеется, что здесь всюду речь идет о *государственном, т. е. принудительном коммунизме и социализме*. Иное дело — свободная, добровольная кооперация и социализация (т. е. подлинный социализм). Она, как правильно подчеркивает тот же Спенсер, следует иному пути развития; она противоположна принудительному социализму и ничего общего с ним не имеет.

486

Система социологии. Том II

зации и т. д. оно само начинает централизованно регулировать всю экономическую жизнь, заменяя своей волей волю частных лиц¹³².

Таким образом, исторически меняются и сферы поведения, входящие в систему государственного взаимодействия и централизованно регулируемые директорами государственной власти¹³³. Они то попадают в эту систему, то выпадают из нее и становятся элементами других — внегосударственных — систем взаимодействия. Соответственно с этим меняются и те нити, из совокупности которых образуется сеть государственной системы или природа государства.

Имеется ли в этой изменчивости какая-либо постоянная тенденция? Правы ли Спенсер, анархисты и синдикалисты, настаивающие на том, что с ходом культуры область вмешательства государства, а соответственно, и система государственного взаимодействия будут падать и сокращаться? Или правы их противники-этатисты, утверждающие обратное¹³⁴?

¹³² По представлению многих социалистов, особенно марксистского толка, сущность социализма сводится к указанному переходу экономики [еских] отношений (производство и распределение) из сферы внегосударственной, децентрализованной регуляции в сферу государственного, централизованного управления. Вот весь смысл, который вкладывают они в социализм, сводя последний к формуле «обобществления средств и орудий производства». К этому же сводится и то, что В.И. Ленин называет первичной стадией коммунизма (см.: *Ильин В.* Государство и революция, с. 86 и ел.). Это обобществление фактически, как у нас, сводится к огосударствлению экономики и...

только. Нужно ли говорить, что такое понимание социализма превращает последний из великого идеала в маленькую, очень маленькую реформу, полезность которой для рабочих, вдобавок, очень сомнительна и сводится часто, как у нас, к перемене вывески: «Табачная фабрика Лаферм» на вывеску «1-я Государственная] табачная фабрика» и *e'est tout*^{50*}. «Огосударствление экономической] деятельности, — правильно говорит Леоне, — это капитализм второй степени и может совпадать с мерами полицейского характера». «Абсурдная попытка использовать государственную] власть для реорганизации общества и хозяйств, жизни — концепция невежеств. фальшивомонетчиков — стала теперь миражем социалистических] партий». Он же правильно указывает и на минусы такого огосударствления производства. Нельзя не подписаться под его критикой, нельзя не признать слишком плоским такой социализм. См.: Леоне Э. Синдикализм. Изд. Доров. и Чарушн., с. 93-99, 110-136 и др. См. также: Бакунин. Государственность и анархия. 1919, с. 237-238 и др., в особенности взгляды Прудона, развиваемые синдикалистами. См.: Proudhon P.J. *Idee gendrale de la revolution en XIX siecle*. Paris, 1873, p. 99 и ел., 259; Sorel G. *L'avenir soc[ialiste] de syndicate*. Paris, 1900; Lagardelle H. *Soc[ialisme] ouvrier // Mouv[ement] soc[ial]*. 1904, июнь. Ошибки самих синдикалистов укажем ниже, в § о профессиональной] группировке.

¹³³ См. подробнее об этом: Покровский И. Основн[ые] проблемы гражданского] права, гл. I, IV, VII, XVII и XVIII.

¹³⁴ См. подробно об этом: Мишель А. Идея государства. М., 1909, *passim*; Спенсер Г. Личность против государства; Кропоткин П. Речи бунтовщика. 1919; Бакунин М.А. Государственность и анархия. 1919; Новгородцев П.И. Об общественном] идеале; Leroy M. *Les transformations de la puissance publique*. Paris, 1907 и нижеуказанную литературу синдикалистов; Лавров П.Л. Государственный] элемент в буд[ущем] об[щест]ве.

Глава II. Учение об элементарных социальных группах

4 8 7

Можно ли думать, вместе с Покровским, что взаимоотношения индивидов в сфере духовных ценностей все более и более выпадают из сети государственной системы и личность здесь становится все более и более свободной от опеки государственной власти, тогда как в сфере экономической государственное вмешательство все более и более растет и экономические взаимоотношения все более и более включаются в систему государственного взаимодействия¹³⁵? Мы не будем здесь решать эти сложные вопросы: они составят предмет «Генетической социологии». Заметим лишь, что ни один из этих тезисов неприемлем: все они чересчур просто решают дело и, как всегда, представляют выражение главным образом личных симпатий и антипатий, голос желаний автора, а не констатирование реальных процессов¹³⁶.

¹³⁵ Покровский И. Цит. соч., гл. IV и XVIII; *Его же*. Государство и человечество. М., 1919.

¹³⁶ Из сказанного следует, что горячий спор защитников и противников государства по существу сводится к спору о том, ведению ли государственной системы подлежит регулировка взаимоотношений населения или ведению другой негосударственной коллективности. В большинстве случаев борьба против государства сводится к тому, чтобы выключить из его сети ряд взаимоотношений и передать, включить их в сеть других коллективов. Примерами таких антигосударственников могут служить синдикалисты. Положения их, вроде соре-левского, повторяющего прудоновское: «*Ni heirarchie, ni etat*»^{51*}, или вроде положения Леоне, что «манчестерская школа вполне сходится с синдикализмом в отрицании государства», есть по существу требование замены государственной регулировки регулировкой синдикатов, как системы взаимодействия однопро-фессиональных производителей. Остается и опека, и правящий центр, но они принадлежат не государственной власти, а правящему центру синдикальной организации. По существу здесь не упраздняется ни опека, ни власть, ни иерархия, а только заменяются одни их формы другими. (См. ниже профессиональную] группировку.)

См. напр[имер], в сб[орнике] «Синдикализм» (СПб., б/г) ст[атью] Э. Дуже, с. 8, 9,

24, 25 и ст[атью] *Медведева*, 56, 57; *Sorel G. L'avenir socialiste des syndicate*. 1900, p. 49; *Леоне Э.* Синдикализм. Изд. Доров. и Чарушникова, с. 93-99, ПО и др.; *Лагардель Ю.* Революц [ионный] синдикализм во Франции // *Вопросы момента*. 1906, с. 235; *Козловский М.* Новые веяния в социализме. М., 1908, гл. V; *Критская Я., Лебедев Н.* Цит. соч., *passim*; *Чернов В.М.* Теоретики романск[ого] синдикализма. М., 1908, с. XLV и ел., LVII и ел., CLII и др.; *Луи П.* Ист[ория] синдикализма во Франции. М., 1908, гл. XIV; *Сталинский Е.С.* Нов[ое] течение в социализме. 1907, с. 31 и ел.

Иначе смотрят на дело анархисты. Их отрицание государства абсолютно и не представляет замены одного опекуна другим. Но зато оно для данного и ближайшего времени утопично. См. напр[имер]: *Кропоткин П.* Речи бунтовщика, с. 6 и ел., 73-121 и др. 1919; *Бакунин М.А.* Государственность и анархия. 1919, *passim*. *Реклю Э.* Цит. соч., с. 30, 46 и др. работы анархистов.

Что касается социалистов, то часть из них, напр[имер], П.Л. Лавров и др. близки к анархо-синдикалистам, марксисты же, следуя Марксу позднейшего периода, в общем являются прямыми сторонниками государства. См. изложение вопроса у П.Л. Лаврова (Государственный) элемент. Лондон, 1876) и П.И. Новгородцева (Об обществ[енном] идеале, с. 273-418).

488

Система социологии. Том II

Из сказанного выше вытекает, что *государство* как система взаимодействия *sui generis* является *системой действенной, весьма решительно обуславливающей поведение индивида, влияющей на другие коллективы и на судьбу населения в целом*. Не только в периоды своего «разбухания», но и в периоды падения своего вмешательства в жизнь населения государство было и остается силой, с которой принуждены считаться все остальные группировки. Это следует и из того, что *оно удовлетворяет выставленным выше критериям социальной действенности группы в среде других групп*.

Во-первых, *государство в весьма сильной степени обуславливает поведение своих членов*. С момента рождения человек помимо его воли оказывается прикрепленным к той или иной государственной системе: «Не по своей воле каждый из нас родился в данном государстве и пока он находится в его пределах, он подчинен государственной власти. И выехать из государства человек может только въехав в другое»¹³⁷.

Уйти из-под влияния государства, освободиться вполне от его регламентации личность не в состоянии. С рождения до смерти государство, подобно невидимому духу, всюду следит за индивидом и ему сопутствует. Родился человек — оно тут и «санкционирует» через своих агентов его рождение; женится человек — оно снова тут. Умер человек — оно и тут присутствует и отмечает его смерть. Через своих многочисленных агентов оно вмешивается чуть не в каждый акт человека, вплоть до самых скрытых и интимных поступков. Своими законами и приказами своих чиновников оно указывает нормы поведения, должное, дозволенное и преступное. Токи, идущие от органов государственной власти, постоянно «дергают» индивида. Если он добровольно не Хочет следовать указаниям власти, его заставляют это делать принудительно. Скрепляя с собой всех подданных государства, органы государственной власти тем самым скрепляют их и друг с другом. Человек с момента рождения дышит воздухом государственной системы, последний помимо его желания проникает в плоть и кровь индивида, формирует его по своему образу и подобию. В моменты же гипертрофии государственной власти и ее опеки государство налагает столь сильный штамп своего влияния на членов, что это влияние оказывается решающим. Монополизируя печать, пропаганду, мораль и литературу, государственная власть творит по своему образу и подобию своих абонентов. Следя назойливо, бесстыдно через своих агентов за подданными, она руководит их поведением. Издавая бесчисленное множество норм, она заставляет считаться с ними всех и каждого. Действуя то силой, то хитростью, она удаляет с арены жизни одних, убивает в тюрьмах других, изгоняет третьих, насильственно заставляет повиноваться ей четвертых, околпачивает «лисыим хвос-

том» пятых, возвышает на вершину общественной лестницы угодных ей лиц, словом, влияет на поведение населения решающим образом.

Во-вторых, государственные коллективы обычно состоят из большого числа членов. В-третьих, они организованы вообще и располагают богатым аппаратом «техники» для воздействия на другие группы и население. В их распоряжении многоэтажная, иерархическая лестница агентов власти во главе с центральными директорами государственной компании, управляющими механизмом государственной машины. Налицо разделение функций и специализация (органы законодательства, суда и управления). Имеется кодекс законов, указывающих поведение подданных, к услугам государства — деньги, телеграф, печать, почта и другие средства организованного воздействия на население. Для непокорных государство располагает армией и полицией. Все его агенты представляют организованную армию, где каждый знает свое дело и функции. Короче, государство отлично организованный и технически оборудованный коллектив. Наконец, принадлежность к одному и тому же государству вызывает особый вид солидарности между его членами, носящий название патриотизм. Положительным или отрицательным является этот факт — это дело вкуса. Но факт существования такой солидарности, отличной от других ее форм, бесспорен. Вся история государств, и в особенности история межгосударственных войн, свидетельствует об этом. Герцен не так далек от истины, когда говорит, что «отечество с ревнивым патриотизмом, этой свирепой добродетелью, пролили вдсятеро больше крови, чем все пороки вместе»¹³⁸. Этого факта не могут отрицать и противники патриотизма. И та страстность, с которой они борются против него, лучшее доказательство существования государственной солидарности¹³⁹. Не только в прошлом, но и в наше время, как показала война 1914-1918 гг., эта государственная солидарность продолжает существовать. «Священное единение классов», провозглашенное за эти годы, сотрудничество различных групп в государстве, вплоть до социалистических партий и той же синдикальной организации французских рабочих, — достаточное подтверждение сказанного. Государственное объединение не изжило еще себя и не скоро изживет. Вопреки Энгельсу государство долго еще не будет сдано в музей древности. Если это случится когда-нибудь, то тогда, когда будут сданы туда и классовые, и профессиональные, и синдикальные, и партийные союзы. Не раньше¹⁴⁰.

¹³⁸ Герцен А.И. Сочинения. Изд. Павленкова, т. III, с. 159.

¹³⁹ См. напр[имер], сборник «Синдикализм», с. 24-26, 56-57 и указанные выше работы синдикалистов.

¹⁴⁰ Жорес прав, говоря: «парадоксу, направленному против идеи отечества, я никогда не придавал серьезного значения. Отечество не представляет собою изжитую идею; она лишь изменилась и углубилась». Жорес Ж. Новая армия. Пг., 1919, с. 236. См. далее критику марксова положения: «у рабочих нет отечества», с. 279 и ел.

Отсюда понятна громадная роль государственных коллективов в среде других коллективных единств. Государство влияет и может влиять и на семью, и на церковь, и на партии, и на профессиональные организации и т. д. История эволюции каждой из этих групп достаточно ясно говорит об этом. Влияя на государство, они, в свою очередь, испытывали на себе его влияние и продолжают его испытывать. Взаимозависимость их влияния несомненна. Конкретные факты для подтверждения излишни, ибо история любой из этих социальных групп есть сплошное доказательство сказанного. Мудрено ли поэтому, что история человечества заполнена взаимодействием (то антагонистическим, то солидарным) государств друг с другом, с одной стороны, и государств с другими негосударственными коллективами — с другой. Борьба государств с другими государствами, государств с негосударственными коллективами составляла и составляет один из важнейших фронтов на военном поле истории. Она составляет

значительное содержание последней. В историческом процессе развития населения мы видим, как государства то солидаризируются, то воюют друг с другом; рядом с этим видим, как государство то входит в союз с теми или иными внегосударственными группировками (с церковью, с семьей, с профессиональной группой, с языковой группой и т. д.), то начинает бороться с ними. То, что называют наукой истории, представляет в огромной своей части рассказ об этих взаимоотношениях государств друг к другу и к внегосударственным системам взаимодействия.

Сказанное объясняет также, почему императивы поведения, *исходящие* от центра государственной власти, подобно электрическому току, дергают и приводят в движение множество абонентов государственной системы. Под их влиянием последние образуют один механизм, планомерно действующий, направляемый единой волей к той или иной цели. Встречаясь с императивами других групп, в которых участвует индивид, государственные императивы временами укрепляют их, когда они солидарны, временами ослабляют или побеждают императивы других коллективов, когда они друг другу противоречат, временами побеждаются сами. Короче говоря, группировка индивидов в единое государственное целое является одной из наиболее важных. Влиятельная, роль государственной группировки в ряду других группировок столь значительна, что она многих мыслителей привела к ряду фикций, гипертрофирующих это влияние и изображающих его в таких терминах, в каких «Катехизис Филарета» характеризует свойства Бога¹⁴¹. Если поверить таким

¹⁴¹ Пример. «В пределах государства *нет власти выше*, чем власть государственная». Она является «*первоначальной*, ни от кого не заимствованною властью, с принципиально *безграничною* компетенцией». «Права ее *не ограничены* ничьей чужою властью». «*Все власти исходят* от суверенной государственной] власти или признаны ею». «Она является *единой*». «Будучи единой, власть явля-

Глава II. Учение об элементарных социальных группах

491

теоретикам, то приходится думать, что существует только одна группировка — это государственная, что она всемогуща и всевластна, что государство всемогуще, что оно кого угодно и что угодно может согнуть в бараний рог, что оно исключительно собственною волею творит закон и право, словом, что оно все, а остальные социальные единства — нуль, нечто несуществующее или бесконечно слабое.

Нужно ли говорить, что такая концепция — мираж и однобокая идеология государственного фетишиста. Что государственная группа есть лишь одна из группировок — это следует из всего предыдущего и последующего. Что она не вечна — это доказывается гибелью государств и постоянной сменой государственной власти. Что она проницаема даже на пространстве государственной территории, это следует из того, что рядом с ней существовали и существуют множество других организаций. Что она не всегда высшая власть, это доказывается фактами господства религиозной власти (напр[имер], католической церкви в средние века) над нею, что она не всемогуща, это следует из постоянного бессилия государственной власти, сознающей свое бессилие и потому не ставящей себе непосильных задач, а часто неспособной осуществить и те задачи, которые она себе ставит. Тот же факт доказывается бессилием государственных законов, когда они наталкиваются на сопротивление других коллективов¹⁴². То же доказывается и гибелью государств при столкновении с другими негосударственными единствами.

ется вездесущею», «непроницаемою». Кроме того, она всемогуща; «она может сделать все, что фактически в силах выполнить народ данного государства». Она вечна. «За ней признается как бы юридическое бессмертие», «государство, в идее, бессмертно и вечно». Она «неделима, неотчуждаема и непогашаема» (*Магази-нер Я.М.* Лекции, с. 16-132; ср.: *Дюги Л.* Конституционное] право, с. 150 и ел.; *Еллинек Г.* Цит. соч., гл. 14).

Чем эта характеристика государственной] власти отличается от филаретовского определения божества, гласящего: «Бог есть дух вечный, всеблагий, всеправедный,

вездесущий, всемогущий, неизменяемый, вседозволенный и все-блаженный»! Может быть, в царстве идей Платона и имеется [такое] государство и такая государственная] власть, но на земле пока что такого государства и власти не было и нет. Они — плод юридических фикций.

¹⁴² Если бы гипертрофическая оценка могущества государственного коллектива ограничивалась одними фикциями догматиков, беда была бы невелика. Но, увы! «Рассудку вопреки» на ту же позицию фактически становятся и те, кто с виду часто отрицает государство — многие революционеры, — а на деле верит в его всеисилие. Фактически они самые горячие идолопоклонники государства. Они не менее догматиков верят во всемогущество и чудодейственную силу государства. Этим суеверием вызвано их стремление к захвату государственной власти. Они мнят, что, овладев рулем государственной машины и пустив ее в ход, они через посредство всеисильного государства могут совершить чудеса и перекроить жизнь населения, как им будет угодно. Отсюда лозунги: «Завоевание власти», «диктатуры пролетариата или революционеров» и т. д. К числу таких фетишистов всемогущества государства принадлежат и коммунисты. За-

492

Система социологии. Том II

Фактами разрушения государственных группировок под напором группировок иных (напр[имер], расовых, национальных, религиозных, профессионально-классовых и т. д.) полна история. Погибли государства древнего Востока, включавшие в себя группировки разноязычные, разнонациональные. В средние века государственные группировки *de facto* были подавлены, депрессированы более могучей группировкой религиозной, в частности католической. В это время верховенство и всевластие государства существовало только на бумаге да в умах некоторых современных юристов, упорно предпочитающих иметь дело не с реальными фактами, а с фикциями.

В более позднее время, напр[имер], в XIX стол[етии], государственная группировка подвергалась атаке со стороны национальной группировки и в ряде случаев не без успеха.

(Образование единой Германии из множества государств, выделение Болгарии из государства Турции, возрождение Италии, в наши дни образование Венгрии, Финляндии, Польши и т. д. из Австрийской и Российской государственной группировки.)

бывая изречение Горация: *Quid leges sine moribus*⁵², — они до сих пор еще, по-видимому, не отказались от своего фетишизма и все еще надеются путем давления всеисильной государственной машины перекроить жизнь населения. Действительность жестоко мстит за такой фетишизм, беспощадно разрушает такие иллюзии. Веря во всемогущество государства, они надеются через его посредство осчастливить подданных РСФСР. Подданные «от счастья» вымирают. Фетишисты уверяют, что им удалось и удастся улучшить жизнь. Жизнь понизилась до уровня варварства. Органы власти поют гимны свободному труду. Свободного труда не стало, воцарилось государственное рабство и крепостничество («трудовая повинность», etc.). Путем государственной машины они стараются уничтожить войну и водворить мир. Действительность преподносит им войну без конца и края. Они верят, что через государство они разрушат гидру капитализма. Увы, капитализм в самых низких и отвратительных формах расцвел, зато хозяйство целиком разрушено. Надеялись водворить равенство. Вместо равенства действительность преподнесла такое неравенство, такую бесправность большинства и привилегированность меньшинства, такое изобилие «ленных прав», такую феодальную иерархию, какая едва ли имелась до революции. Беспощадными расстрелами надеялись воспитать честность агентов власти, искоренить взятки, продажность и т. д. Расстрелы шли, а взятки процветали, да еще как! Не будем приводить дальнейших примеров. Их тысячи.

Лучшего опыта, доказывающего иллюзорность всемогущества государства и его власти, не нужно. Практика нашей революционной] власти — опыт неоспоримый, красноречивый, произведенный в широких размерах. Социология могла бы быть

благодарной за такой эксперимент, если бы он не был оплачен ценой жизни, страданий и лишений сотен тысяч. Но раз он произведен, не учесть его было бы преступлением пред наукой и человечеством. Результат его гласит: государство далеко не всемогуще. История и жизнь населения зависят не только от государства, но и от других, негосударственных групп. Используя государственную власть, кое-что можно достигнуть, но не все. Пора перестать фетишизировать силу государства^{53*}.

Глава II. Учение об элементарных социальных группах

493

В наше время, опять-таки не без успеха, с государственной группировкой начинает конкурировать т. н. классовая группировка. (Интернациональное объединение рабочих и т. д.)

Как положение, что «государство — всевластная организация», так и положение, что «государство — единственный творец права», — представляют фикции юристов, но не формулировку реальной действительности. Критика, которой подверг эти фикции Cruet, во многих отношениях правильна.

Cruet весьма метко иронизирует над такими юристами-догматиками. N'osant s'échapper hors des textes, pour saisir le monde social dans toute son étendue, dans toute sa complexité et dans tout mouvement, il (юрист-догматик) en arrive à chercher la source unique du droit, non dans la société, s'organisant d'elle même, mais dans les rouages de l'Etat, spécialement investis avec un monopole théoriquement exclusif, de la haute mission de frapper les régies officielles du droit consacrer^{54*}.

Из этой оптической иллюзии, говорит далее Cruet, родилась и другая, это иллюзия всемогущества государства, его неограниченного суверенитета и представление о государстве как о единственном источнике права. L'Etat-Dieu vivant!^{55*}

Но, правильно указывает Cruet, им сразу же приходится расплачиваться за эту иллюзию новыми ошибками.

Приписав государству всемогущество и неограниченное верховенство, отдав индивида в абсолютную власть государства, юристам-догматикам «a posteriori приходится снова отвести для личности маленькое скромное место, но место надежное в государстве или под государством в форме неотъемлемых прав человека, в форме «прав естественных», т. е. единственно не существующего в природе права», ибо в противном случае личность оказалась бы совершенно бесправной, а позитивное право превратилось бы в частный случай *force majeure*^{56*}.

Выходит в итоге логический абсурд: неограниченный суверенитет государства существует (1-е положение).

Неограниченный суверенитет государства ограничен неотъемлемыми правами личности (2-е положение).

O est la souveraineté? Il n'y a pas de souveraineté^{57*}, иронически заключает автор.

Далее Cruet, подобно Л. Петражицкому, фактически показывает, что официальное право не исчерпывает собой всего права: помимо его действует множество правовых норм, созданных помимо и даже вопреки государственной власти и не санкционированных ею; что само официальное право создавалось и творится в значительной степени не государством и его законодательными органами, а судьей и юриспруденцией, во-первых (интерпретации понтификов и преторское право Рима, гражданское право мусульман, созданное и живущее помимо Корана, а

494

Система социологии. Том II

judge-made Law^{58*} Англии и т. д.), во-вторых, право созданное и создаваемое нравами и рядом негосударственных организаций, трансформирующее официальное право и его низвергающее или превращающее в мертвую букву (напр[имер], право, сделавшее Англию конституционной страной без конституции, право, сделавшее неприменимыми французские конституции 1791, 1793, III и VIII гг., хартии 1814 и 1830 и др., право революций и т. п.).

Общий вывод Cruet гласит: Le droit (официальное право государства) ne domine pas

la societe, il Гехприте^{59*}. Правилен его вывод и по адресу догматики:

La science se fait par l'hypothose, mais elle n'est pas fait d'hypotheses, ni a fortiori de fictions (каковыми являются фикции государственной догматики) directement contraires a la realite, et par la meme inutilisables dans la societe pratique^{60*}.

Сам Cruet впал в обратную ошибку, сводя на нет роль государства и права. Но его критика указанных положений догматики государственного права — вполне правильна¹⁴³.

Не умаляя значения государственных коллективов в ряду других социальных групп, мы тем не менее не можем подписаться под чистыми фикциями юристов-догматиков.

Такой же однобокой идеологией являются лозунги антигосударственников, видящих в государственном коллективе все зло и чающих путем уничтожения государства уничтожить неравенство, угнетение, эксплуатацию, словом, создать земной рай¹⁴⁴. Эти лица, подобно идеологам и положительным идолопоклонникам государства, находятся под тем же гипнозом государственного левиафана. Они сходны с теми, кто в преклонении пред государством думает, что достаточно изменить формы политической организации государства, напр[имер], ввести республиканскую форму правления вместо монархической или наоборот, чтобы сделать население счастливым, чтобы ввести царство божие на земле.

Последние ошибаются потому, что ремонт государственной организации не равносителен ремонту всех систем взаимодействия, в которые группируется население. Последние останутся и при «починке» государственной сети взаимодействия; следовательно, такая починка есть частичная починка *одной из многих* систем взаимодействия, а не капитальное изменение всех систем взаимодействия. В лучшем случае она даст кое-какие изменения, в худшем, при неизменности организации других

¹⁴³ См.: Cruet]. La vie du droit et l'impuissance des lois. Paris, 1908, p. 1-10, 336 и passim. См. также: Петражицкий Л.И. Теория права (главы, посвященные характеристике неофициальных видов права) и интересные соображения у М. Bourguin в ст[атье] Les transformations du concept juridique de l'Etat (Bullet[in] del'Instfitut] de social[ogique] Solvay. 26 дек[абря] 1913).

¹⁴⁴ См. работы синдикалистов и анархистов, указанные выше.

Глава II. Учение об элементарных социальных группах

495

группировок, она будет ничтожной реформой на бумаге, бессильной сломить сопротивление других коллективов¹⁴⁵.

То же применимо и к анархо-синдикалистам. Уничтожение государства не уничтожает еще другие формы исследуемого нами расслоения и вытекающих из него многообразных форм неравенства, угнетения, борьбы и эксплуатации. Угнетение меньшинством большинства свойственно не только государству, но и *всякой организованной социальной группе* (партии, церкви, семье, профессиональному союзу, расе и т. д. См. ниже группировку по объему прав). С уничтожением государства последние остаются. Следовательно, останутся и все формы зла, с которым они борются. Если же, подобно синдикалистам, мы присвоим синдикатам функции государства, то переменим только название.

И апологеты государства, и его противники оба приписывают государству слишком исключительную роль. Пора от такого идолопоклонства отказаться.

Языковая группировка

Наряду с предыдущими расслоениями выступает группировка индивидов в коллективные единства по языку, который они считают своим. Выше была указана соответственная форма взаимодействия и ее скрепляющая роль¹⁴⁶. Сходство языка служит магнитным полюсом, притягивающим людей друг к другу и дающим основание для группировки «одноязычных» лиц в единые группы, для деления людей на «своих» и «чужих» в новом направлении. Говорящие на одном языке считаются «своими», говорящие на разных языках — «чужими». Таковы коллективы, образуемые

«русскоговорящими», «украинскоговорящими» лицами, «поляками», «англоговорящими народами» и т. д. Это расслоение населения по языку должно быть отлнчаемо от группировки по *государственной и расовой принадлежности*. Люди, говорящие на *разных языках* (напр [имер], великорусы, малорусы, поляки, финны, черемисы, зыряне, татары и т. д.), часто принадлежат к одному государству¹⁴⁷, люди, гово-

¹⁴⁵ См. об этом: *Pareto V. Trattato*, vol. II, p. 597 и ел.

¹⁴⁶ См. т. 1, с. 139 и ел.

¹⁴⁷ Так, в Европейской России (без Финляндии) подданные расслаивались по языку на следующие основные группы (в %), по переписи 1897 г.

Языки:

русский		еврейский	
	3,34		,84
польский		другие	
	,65		
другие		индоевропейс	
славянские языки	,21	кие языки	,17
романские		финно-	
	,10	угорские	,32
германский		тюрко-	
	,69	татарские	,50
латышский		другие	
	,99		,17

49 6

Система социологии. Том II

рящие на одном языке, часто принадлежат к разным государствам (например], англичане и американцы, украинцы России и Галиции, поляки России, Австрии и Германии, валлонцы Бельгии и французы). Точно так же люди по расе могут быть сходными, но по государственной при-надлежности различными (напр[имер], негры С[еверо-]А[мериканских] Соединенных] Штатов, других американских государств, негры Африки, принадлежащие частью к Англии, частью к Франции. «Белые» России, Англии, Франции и т. д. «Желтые» Китая и Японии). И наоборот, люди разной расы могут принадлежать к одному государству. (Например], Россия или С[еверо-]А[мериканские] Соединенные] Шт[аты] включают в число своих подданных людей самых различных рас.) Наконец, различаются между собой расовая и «языковая» группировки. Китайцы и японцы говорят на разных языках, а принадлежат к одной «желтой» расе. Евреи составляют одну расу, а говорят на разных языках. Различные группы одной «черной» расы по языку распадаются на ряд групп. Про «белых» уж и говорить нечего. И наоборот, люди разных рас могут говорить на одном и том же языке. Вот почему нельзя смешивать и сваливать в одну кучу эти совершенно различные группировки, друг с другом не совпадающие и друг друга не покрывающие. Линии языкового расслоения населения не совпадают со всеми другими линиями дифференциации. Начиная с Гумпловича, в этом смешении и в отождествлении совершенно не совпадающих группировок повинны многие¹⁴⁸.

«Язык», правильно говорит Каутский, составляет первую, необходимую предпосылку всякой совместной деятельности. Люди, не понимающие нашего языка, люди, с которыми мы не можем объясниться, стоят вне круга нашего общения (последнее положение, как мы видим, не совсем точно. — П.С.), по отношению к ним мы чувствуем себя общественно связанными со всеми теми, которые говорят на нашем языке, каков бы ни был их характер и их социальное положение. На чужбине национальное (читай: языковое. — П.С.) различие часто оказывается могущественнее, чем самая резкая классовая противоположность; немецкий рабочий, попадающий во Францию, не зная ни слова по-французски и не имея возле себя товарищей по классу, говорящих по-немецки, будет себя чувствовать среди французских пролетариев заброшенным и одиноким,

несмотря на всю интернационалистскую классовую сознательность, и он с радостью будет приветствовать первого попавшегося немца, который его окликнет, если бы даже то был эксплуататор, которого он на родине

Annuaire international de statistique. La Haye, 1916, p. 145. См. там же языковой состав населения всех государств Европы, p. 143-145. См. также: *Майр Г.* Статистика и обществоведение], т. II, с. 161 и ел.; *Майо-Смит Р.* Стат[истика] и соц[иология], с. 310 и ел.

¹⁴⁸ См. ряд правильных соображений о различии расовой и языковой группировки у *Ратцеля* (Народоведение. СПб., 1902, т. I, с. 30 и ел.).

Глава II. Учение об элементарных социальных группах

497

ненавидел от всей души»¹⁴⁹. Эта важная роль языка в социальной группировке следует уже из того, что ряд теоретиков «национальности», как указано будет ниже, язык считают основным признаком последней. Важность, приписываемая ими национальной группировке, относится по существу очень часто к «языковой» группировке. Недаром же Н.К. Михайловский писал: «Есть только один элемент национальности, который в принципе всегда соответствует интересам народа. Это — язык»¹⁵⁰. Недаром И.С. Тургенев писал о том, что в дни сомнений и тяжелых переживаний у него есть одно утешение и одна надежда, это «великий, могучий, свободный русский язык». Эта роль языка в деле социальной группировки выступала и выступает в различных формах. Явления борьбы за равноправие языка в школе, в суде и т. д., иногда неточно называемые борьбой за национальную автономию, за «равноправие национальности», представляют весьма часто проявление именно языковой группировки. Во всяком случае, неизбежным и основным требованием равноправия национальности служит требование равноправия языка. «Национальное возрождение и пробуждение» обычно начинается с возрождения своего языка и литературы на родном языке. Не будь языковой группировки и фактора языка, мы не имели бы в огромном большинстве случаев национальных проблем и национальных группировок. Так называемая «национальная группировка» на современной карте земного шара (карта народностей) в огромном большинстве случаев представляет по существу «языковую» группировку. Удалите последнюю и большинство «национальностей» исчезнет. Карта «народов» будет совершенно иной. Нет надобности, после всего сказанного в первом томе «Системы социологии» о роли языкового проводника, о форме языкового взаимодействия, указывать на то, что язык неразрывно связан с формами нашего мышления и нашей душевной жизни.

Больше того, группировка по языку является формальным и твердым признаком расслоения населения и его группировки по характеру цивилизации. Люди и группы, говорящие одним языком, обычно имеют и одну культуру: сходный быт, нравы, традиции, сходные формы мышления, короче — сходную духовную и материальную культуру. «Все народы, говорящие на индоевропейских языках, имеют и общий фонд идей и учреждений», — правильно говорят Дюркгейм и Мосс¹⁵¹. Линии языкового расслоения являются вехами, указывающими расслоение по культуре, по характеру цивилизации, по духовному сходству и различию индивидов. Вот почему группировка по языку должна иметь значение более

¹⁴⁹ *Каутский К.* Национальные проблемы. 1918, с. 28.

¹⁵⁰ *Михайловский Н.К.* Записки профана, полемика с П.Ч. и с «Неделей». См. о роли языка: *Лавров П.Л.* Опыт истории мысли, с. 601 и след.

¹⁵¹ *Durkheim E., Mauss M.* Civilisation et types de civilization // L'annee soc[io-logique], vol. XII, p. 47.

498

Система социологии. Том II

важное и более содержательное, чем то, которое указывается одним формальным признаком языка. Сходство языка могло установиться лишь в результате долгой совместной жизни, в результате длительного общения лиц, следствием чего и явилось это сходство. А такая длительная совместная жизнь неизбежно влекла за собой сходство быта,

нравов, обычаев, убеждений, верований и чувств, т. е. сходство «культуры». Вместе с этим она делала судьбы совместно живущих людей сходными; интересы их — общими, объединяла их против общих врагов и заставляла солидарно защищаться. Иными словами, создавала общие традиции, внедряла сознание о своем единстве и т. д.

Легко понять поэтому, что языковой признак служит признаком гораздо более глубокого сходства, чем формальное сходство языка. *Язык — это твердая вежа, указывающая расслоение по культуре, по традициям, по быту и нравам.* Солидарность одноязычных лиц суть солидарность лиц одной культуры, одного социально-психического покрова; отталкивание разноразличных индивидов — отталкивание лиц, принадлежащих к гетерогенным сферам культуры.

Нет надобности доказывать, что среди других группировок группировка индивидов в одноязычные коллективы занимает почетное место и в ряде случаев может получить перевес над остальными группировками. Девятнадцатый век, стоящий под знаком «национальных» движений (объединение Германии, которое в наши дни продолжается в виде тяготения немецкой Австрии к Германии, объединение Италии, Румынии, славян и т. д.), лучшее доказательство важности языковой группировки, ибо «национальные движения» XIX века были в огромном большинстве случаев не чем иным, как стремлением к объединению в одно политическое тело «одноязычных» индивидов и разложением государств, составленных из «разноразличных» индивидов. Этот процесс продолжается и в наши дни (Чехословакия, объединенная Польша, объединение Румынии и т. д.).

Смысл всего сказанного тот, что общность языка служит тем условием, которое вызывает притяжение «одноязычных лиц», содействует превращению разпыленных индивидов в согласное, организованное единство, иными словами, благоприятствует созданию *особой солидарности между одноязычными лицами.*

Так как во многих случаях языковая группировка охватывает громадное число лиц, так как, далее, сходство языка является твердым признаком сходства нравов, обычаев, общности «культуры» и т. д., так как языковая группировка принадлежит обычно к числу промежуточных группировок, близких к закрытым (за редкими исключениями — «многоязычные полиглоты» — не от нас зависит, какой язык для нас будет родным, привычным), — отсюда следует важность и действенность этой группировки. Она потенциально могла бы играть громадную роль. Но

Глава II. Учение об элементарных социальных группах

499

этому часто мешало отсутствие централизованной организации одноязычных лиц. С появлением последней социальная роль языковой группировки сразу возрастает. Свидетельством этому служит «национальное» движение XIX и XX вв. Несмотря на разные препятствия, одноязычные лица, разорванные другими группировками (напр[имер] государственной) на части, стремятся слиться в одно коллективное единство и действовать солидарно, разноразличные — наоборот. Посему, *ceteris paribus*, государства, состоящие из разноразличных народов, менее прочны, чем государства, состоящие из одноязычных народов. Такие явления, как распадение разноразличной России нашего времени, как распадение разноразличной Австрии, как объединение Германии в 60-70-х годах, как тяготение немецкой Австрии к слиянию с Германией, как объединение Италии и т. д., представляют не что иное, как победоносную борьбу языковой группировки с государственной, как опрокидывание и переделку последней в пользу первой. А такими фактами, как известно, история богата. XIX и XX вв. обнаруживают тенденцию, указанную Блунчли: каждая языковая группа стремится стать государством.

«Самоопределение народов» — лозунг нашего времени, есть иная редакция указываемой тенденции «самоопределения языковых групп»¹⁵². Оно вопреки многим ортодоксам не изжито и часто конкурирует с классовым расслоением. И не без успеха, чему свидетельством служат переживаемые нами годы.

Группировка профессиональная

Выше было указано, что профессиональная группа принадлежит к числу промежуточных групп. Несмотря на свой промежуточный тип, она в наше время является одной из самых важных группировок, весьма решительно обуславливающих поведение индивида — с одной стороны, с другой — играющей, особенно в наше время, колоссальнейшую роль в среде других социальных расслоений.

*Под профессией здесь я разумею обычное длящееся занятие индивидов, дающее ему средства к существованию*¹⁵³. Бывают, конечно, случаи, когда индивид по источнику дохода принадлежит к одной социальной группе, по своей же обычной деятельности относится к другой (напр[имер], богатый землевладелец, фактически сам не ведущий свое хозяйство, а занимающийся, скажем, наукой), но такие разъединения занятий, дающих средства к существованию и постоянных занятий индивида, представляют сравнительно редкое явление, и потому здесь мы можем пройт-

¹⁵² См. об этом: *Miller H.* The rising national individualism; *Thomas W.* The prussian-polish situation // *Am[erican] j[ournal of] sociology*, vol. 19, p. 592-605, 624-639; *Majewski.* La theorie de l'homme et de la civilisation. 1911.

¹⁵³ См.: *Майр Г.* Статистика и обществоведение. СПб., 1900, т. II, с. 186.

5 00

Система социологии. Том II

ти мимо них. Обычно профессиональное занятие, служащее источником дохода, является и главной деятельностью индивида. Иными словами, источник дохода и социальная функция индивида связаны друг с другом и образуют в своей совокупности профессию.

Но если бы даже индивид имел два различных источника дохода (напр [имер], земельную ренту и гонорар за чтение лекций), то это означало бы только то, что индивид имеет две или большее число профессий. Подобно «двойноподданным» есть индивиды, совмещающие в себе две и большее число профессий. Такая «многопрофессиональность» (развитое в наши дни «совместительство») ничуть не изменяет дальнейших положений. Она требует лишь, чтобы такие лица относились не к одному, а к нескольким профессиональным коллективам.

В первом томе «Системы социологии» мы исследовали рикошетное влияние акта на психику и поведение человека. Мы видели, что *выполнение того или иного акта рикошетом влияет на весь физический и духовный уклад человека, деформирует его организм, психику и поведение*^{15*}, *приспосабливает их к выполняемой функции*. На этом факте покоится то громадное влияние, которое имеет профессиональная деятельность на все поведение и уклад человека. *Она механически, помимо воли и желания индивида, переделывает его, творит по своему образу и подобию, определяет его интересы, убеждения, вкусы, стремления и желания, словом — всю его природу*. Это значит, что индивиды, имеющие сходные профессии, при всех своих различиях будут иметь ряд общих интересов и сходств, вызываемых сходством профессии. И обратно, сходные во многих отношениях индивиды неизбежно будут расходиться во многом, если их профессии различны. Сходно-профессиональные неизбежно будут во многом солидарны, разнопрофессиональные лица будут иметь ряд различий и антагонизмов. Какова профессия человека, такова его психология и идеология. Этим объясняется различие психологических типов священника и солдата, рабочего и банкира, профессора и земледельца, скотовода и фармацевта. Профессия каждого из них навязывает им свою «точку зрения», под которой они воспринимают мир явлений и реагируют на раздражение. Если аптекарь смотрит на мир под углом зрения «унций», то прокурор воспринимает его *sub specie*⁶¹ статей кодекса, священник — под точкой зрения принципов религии, солдат — дисциплины и военного дела и т. д. То же применимо к их интересам, убеждениям, вкусам и всему миро- и жизнеощущению.

Эта деформирующая роль профессиональной деятельности исследована и единогласно констатирована множеством самых разнородных исследователей.

Маркс и школа марксистов с полным основанием указывают на профессиональное

«бытие, определяющее собой сознание», идеологию че-

¹⁵⁴ См.: Система соц[иологии], т. 1, § о рикошетном влиянии проводников.

Глава II. Учение об элементарных социальных группах

5 01

ловека. Марксисты и немарксисты в различии профессий ищут основы классового антагонизма и классовой борьбы. Ряд лиц, в частности проф. Нохіе, дали нам конкретную характеристику такой роли профессии. Фабричный рабочий, говорит Нохіе, по своей профессии «связан со средой, в которой господствуют слепые физические и механические силы. Он работает над инертным материалом физическими инструментами, действующими благодаря его мускульной силе или машинной энергии, идущей от некоторого видимого физического источника. Он работает, чтобы произвести видимое физическое изменение в своем материале. Он видит, что результат работы находится в пропорции с израсходованной физической силой и что тождественные результаты всегда следуют за тождественной физической комбинацией сил. Другими словами, он видит, что неизменные законы характеризуют мир материальных вещей, образующих столь важную часть окружающей его среды». Это царство необходимости и физической силы, независимо от сознания рабочего, отражается и на всей его психике. Раз отношения человека к материалу воспринимаются как строго детерминированные, то «весь его профессиональный опыт учит, что столь же детерминировано и отношение человека к человеку». Тот же опыт учит его и тому, что законы этих отношений, подобно машине, слепы и аморальны. Вся психология рабочего в силу этого становится механической; все его мировоззрение проникается детерминизмом.

Иная среда окружает предпринимателя или «денежного работника». Мир биржевого дельца — это мир людей. Фактическая среда влияет на него уже опосредованно, через людей, его агентов. В этой среде господствует психическая и умственная энергия. Ему приходится иметь дело не с неизменными законами физических явлений, а с изменчивой человеческой волей. «Личность, индивидуальные способности, моральная или легальная сила и слабость — вот то, что здесь определяет результаты. Поэтому он неизбежно начинает мыслить в терминах этих и сходных духовных сил. He grows animistic, theistic, legalistic. Acquisition authority, legality come for him to be the dominant and final sanction^{62*}. Отсюда — различный взгляд того и другого на процесс производства. Для рабочего производство — это физическая трансформация, производитель — он сам, он же как трансформирующий агент поэтому и имеет право собственности на вещь; право собственности предпринимателя кажется ему в силу этого противоестественным. Противоположна точка зрения предпринимателя. Для него рабочий только один из винтиков машины, столь же мало, как машина, имеющий право на вещь. Творцом ее является он сам как психический агент. Отсюда — противоречие их интересов, их взглядов, их поведения; отсюда — и антагонизм того и другого, их взаимное непонимание.

5 02

Система социологии. Том II

Различие профессий ставит их в диаметрально противоположную среду. Различие этой среды и профессиональной работы противоположным образом деформирует их психику и мироощущение; эти последние вызывают различие стремлений и интересов; отсюда — классовая борьба, как неизбежный результат¹⁵⁵.

То же явление деформирования профессией психики и поведения людей констатируется и множеством других исследователей.

Школа Ле Пле, в частности Демолен, показала, что постоянное из поколения в поколение выполнение определенной профессии создает настоящий «социальный тип», часто принимавшийся за тип расовый. Таковы социальные типы оверньянца, провансальца, корсиканца; таковы же исследованные им типы «степных народов», «народов тундры», «горцев» и т. д.¹⁵⁶. Veblen исследовал зависимость характера людей от характера их постоянной профессиональной работы и пришел к выводу, что эта зависимость очень тесная. Психический склад (формы мышления, желаний, вкусов,

политических симпатий и т. д.) финансового дельца иной, чем простого рабочего, не в силу мудрости первого или его узкого эгоизма, как думают многие, а в силу различия профессий первого от второго. Консервативность высших классов — следствие того же условия. Склонность рабочих к социализму — «пять-таки продукт их профессии»¹⁵⁷.

Работы Бебеля, ряда криминалистов (Колаянни, Тарда, Фойницко-го, Гернета и др.) и в особенности Mrs. Stetson показали, что многие отличительные черты женщины обязаны своим бытием не ее биологическому отличию от мужчины, а ее социальному положению, в частности, ее профессиональным занятиям, обусловленным социальными причинами. Недопущение женщины к ряду работ, практиковавшееся в прошлом и отчасти теперь, зависимость ее от мужчины, изолированность ее от общества и заключение в стенах очага, ограничение ее работы «кухней и пеленками» и т. д. — все это вызвало в ней гипертрофию «женственности», «материнства», ограничило ее умственный кругозор, наложило на нее печать консерватизма, словом профессия деформировала все существо женщины¹⁵⁸.

¹⁵⁵ См.: Hoxie K. Class conflict in America // Am [erican] j[ournal of] sociology, vol. 13, p. 776-781.

¹⁵⁶ См. прекрасные работы Demolen'a: Les fran[^]ais d'aujourd'hui. Les types sociaux du midi et du centre, 1898; Comment la route cree le type social, vol. I—II; Аристократическая раса.

¹⁵⁷ См.: Veblen Г. The Theory of leisure Class. 1899; *Его же*. Industrial and Pecuniary Employments // Publication] of American] Econ[omic] Assoc[iation]. 1901, февраль.

¹⁵⁸ См.: Бебель А. Женщина и социализм (есть ряд рус. переводов); Фойницкий И.Я. Женщина-преступница; Тернеш М.Н. Преступление и борьба с ним, с. 369-372; Stetson. Women and Economics. 1899.

Глава II. Учение об элементарных социальных группах

5 0 3

Langerock в своей интересной статье конкретно обрисовал процесс деформации человека под влиянием его профессиональной работы¹⁵⁹.

К близким результатам пришли Шмоллер и Вауер. Благодаря разделению труда и различию профессий, говорит первый, создаются особые психологические профессиональные типы. Люди постепенно приспосабливаются к своей профессии, вырабатывают определенные физические и психические свойства и наклонности; создается определенный профессиональный тип воспитания и образования вкусов и привычек, интересов и убеждений. Шмоллер роль профессии считает столь важной, что профессию кладет в основу образования классов¹⁶⁰.

Сходно смотрит на дело и А. Вауер. Характер профессии, говорит он, деформирует тело, манеры, жесты, физиономию и психику, дает определенные убеждения, верования и интересы. У лиц однопрофессиональных вырабатывается сходное поведение, они притягиваются друг к другу и в силу сходства, и в силу общности интересов, и в силу общности верований, желаний и стремлений¹⁶¹.

Одним из многих подтверждений этого общего явления служит тот факт, что развитие и распространение социалистической идеологии в среде рабочих совершается тем легче, чем дольше данный рабочий остается рабочим. Так, распространение социал-демократических воззрений «оказывается связанным не с возрастом рабочего, а скорее с прочностью и длительностью принадлежности его к рабочей среде и с его из нее происхождением». Этим объясняется, почему германская социал-демократия рекрутирует своих членов главн[ым] обр[азом] из среды «потомственных, вечных» пролетариев¹⁶². Чем дольше человек выполняет определенные функции пролетария, тем глубже и сильнее влияет на него профессия, тем сильнее она трансформирует его душу, тем резче «профессиональное бытие рабочего определяет его сознание», его идеологию и психику. То же применимо и к другим профессиям.

Наконец, то же говорят нам и многочисленные теоретики профессионального движения рабочих, в особенности идеологи рабочего синдикализма. Они совершенно

правильно учли громадное влияние профессии на интересы и идеологию лиц, на все поведение людей и не без основания выставили сходство профессионального положения как фундамент для организации рабочих. «Производитель (в применении к рабочим) есть основа всего, — читаем мы у Пуже. — Он выполняет ту

¹⁵⁹ См.: *Langerock*. Professionalism: a study in profession[al] deformation // American] j[ournal of] sociology], vol. XXI, p. 30-44.

¹⁶⁰ См.: *Schmoller G.* Grundriss der Volkswirtschaftslehre. 1901-1904, Bd. I, S. 391-411, Bd. II, S. 496-557.

¹⁶¹ См.: *Bauer A.* Les classes sociales. Paris, 1902, p. 32 и ел. См. также: *Бюхер К.* Возникновение] народ[ного] хозяйства. СПб., 1907, т. II, с. 92-93, 102.

¹⁶² *Лурье М.* Состав пролетариата. Пг., 1918, с. 8-9.

504

Система социологии. Том II

органическую, существенную функцию, благодаря которой и может общество продолжать свое существование. *Его совместная работа с другими производителями, деятельность которых совершается в точно таких же условиях — в области промышленности, ремесла и прочих форм труда, — и создает те узы солидарности, которые охватывают все человечество. Совершенно неизбежная и логически необходимая общность между производителями воплотилась в группировке по производствам, которая и есть краеугольный камень общества. Совпадение интересов и общность стремлений между производителями, группирующимися соответственно их профессиональной деятельности, никогда не были столь осязательны, как в наше время». Далее Пуже указывает, что другие группировки, в частности семейная и государственная, не могут и не должны иметь такое значение, как группировка профессиональная. Государственно-патриотические «узы, соединяющие людей, родившихся случайно, в пределах случайных границ данной (го-суд [арственной]) территории, восхвалялись (буржуазией), как самые священные». Но, доказывает он далее, такая связь (по «отечеству», «государству») — связь случайная, не имеющая никакого значения для пролетариев, не имеющих отечества. Отсюда выводы синдикализма: долой государство! и да здравствуют профессиональные ассоциации рабочих. «Профессиональная группировка, — читаем дальше у Пуже, — не есть результат искусственной культуры; она зарождается сама собой и развивается фатальным образом в любой среде. Она встречается в древности, в средние века и в наше время. Профессиональные ассоциации имеют интенсивную жизнеспособность. Уничтожить их немислимо»¹⁶³. То же говорят нам и другие теоретики синдикализма. Все они в один голос подчеркивают, что основной группировкой является группировка людей по профессиям, ибо сходство профессии вызывает сходство интересов, последние — сходство желаний и стремлений. Связь по профессии — связь глубокая, коренная, основная, а не случайная связь по государству, или легкая призрачная связь по сходству идеологий и политических партий¹⁶⁴. Отсюда — отрицание синдикалистами государ-*

¹⁶³ *Пуже Э.* Основы синдикализма // Синдикализм. СПб., б/г, с. 22-23, 29 и др.

¹⁶⁴ См.: *Пеллутье Ф.* История бирж труда. П. - М., 1919 г.; *Критская Н., Лебедев Н.* Ист[ория] синдикалистского] движения] во Франции. М., 1908, гл. IV, VI и VII; указанные выше работы *Сореля, Лагарделя, Леоне, Козловского, П. Луи, Прудона, Чернова, Сталинского* и др. Кроме того, см.: *Сорель Ж.* Социальные] очерки современной] экономики. М., 1908, где в V гл[аве] «Введения» чрезвычайно рельефно выделена роль рабочей профессии и рабочих поселков в деле формирования психики и идеологии рабочих; *Sorel G.* Les illusions du progres. Paris, 1911; *Berth E.* Les mefaits des Intellectuels. Paris, 1914; сборн[ик] ст[атей] «Профессиональные] союзы во Франции»: ст[атьи] *Дельзала, Гриффюэльса, Пуже, Лагарделя; Новомирский.* Из программы синдикалистского] анархизма // Го-л[ос] труда. 1907.

Глава II. Учение об элементарных социальных группах

505

ства, политических (в том числе и социалистических) партий, патриотизма¹⁶⁵, идеологии и т. д. «Не сознание определяет бытие, а социальное бытие — сознание». Этот

тезис Маркса они истолковали в смысле положения: не государственная принадлежность, не сходство идеологии или партийной принадлежности вызывает сходство интересов и солидарность, а напротив — сходство профессии рабочих делает их солидарными по интересам, желаниям, стремлениям и взглядам. Последнее является необходимой, достаточной и единственной основой их объединения в синдикаты производителей и делает излишними, вредными все другие группировки и соединения. Профессиональные синдикаты и группировка по профессиям — вот то, что должно заменить собою все другие группировки и расслоения. На этом принципе и построена Всеобщая конфедерация труда во Франции^{63*}.

Как видно из сказанного, в теории и практике синдикализма профессиональное расслоение нашло чрезвычайно резкое, ясное и отчетливое выражение. Значение его здесь выявилось во всю свою величину.

Дальнейшие доказательства важности этой группировки излишни. Теперь понятно, почему профессиональное сходство служит магнитным полюсом, притягивающим друг к другу однопрофессиональных лиц и отталкивающим друг от друга лиц различных и далеких профессий. *В ряду многих солидарностей создается профессиональная солидарность, как солидарность sui generis, объединяющая сходно профессиональных в один коллектив, с общими интересами, с общими задачами, с согласованным поведением.*

Подтверждением этому служит вся история. Группировка индивидов в профессиональные коллективы — явление весьма древнее. Ее мы находим в т. н. кастовом обществе (см. ниже анализ касты), в Египте, в Риме (*collegia fabrorum, pistorum etc.*)^{64*}, в средние века (корпорация, цехи, гильдии, *Zunft, Gilde, Innung, Amt*)¹⁶⁶ и в новое время.

В настоящее время трудно найти профессию, начиная от наиболее квалифицированной и кончая профессией чернорабочего, члены которой не были бы объединены в профессиональные коллективы. Ученые и писатели, врачи и инженеры, духовенство и банкиры, торговцы и рабочие, крестьяне и журналисты, тюрьмоведы и учителя, домашняя прислуга и дворники и т. д. — все, хотя и в различной степени, объединяются в профессиональные союзы и ассоциации. При этом одновременно замечаются две черты. Во-первых, с ростом технического разделения тру-

¹⁶⁵ См. в особенности: *Griffudh.es V. L'action syndicaliste*. Paris, 1908, p. 38-39.

¹⁶⁶ См.: *Магайм Э.* Профессиональные рабочие союзы. СПб., 1905; *Momm-sen Th.* De collegiis et sodaliciis Romanorum. Kiel, 1843; *Святловский В.В.* Профессиональные [раб[очие] союзы. СПб., 1908, с. 1-20.

5 06

Система социологии. Том II

да, вызывающего рост различных профессий, число их увеличивается, происходит их дифференциация¹⁶⁷.

С другой стороны, профессиональные группы, сходные или близкие по профессии и потому имеющие однородные интересы, не остаются изолированными друг от друга, а взаимно притягиваются, объединяются, интегрируются. Сходные профессиональные союзы сливаются в федерации, федерации — в синдикаты, последние — в конфедерации. В итоге вырастают громадные, сознательно, а не стихийно организованные профессиональные объединения, перерастающие границы государств, превращающиеся в могущественные социальные группы. Это в особенности относится к профессиям, насчитывающим большое число членов. К последним относятся профессиональные союзы лиц, занятых в сельском хозяйстве и в промышленности. Лица этих разрядов до сих пор составляют большинство населения, как показывает статистика¹⁶⁸.

Если допустить, что степень организованности каждой из таких групп одинакова, то очевидно, *социальное могущество профессиональных групп, занятых в сельском хозяйстве и промышленности, будет (ceteris paribus) гораздо более значительным, чем других профессиональных коллективов.* Первые обнимают не менее $\frac{3}{4}$ населения. Рядом с этим следует заметить, что *в этих профессиях большинство приходится на долю лиц, живущих продажей своего труда (наемных рабочих), или лиц, не эксплуатирующих*

чужого труда (крестьян, живущих своим трудом). В Германии, например], в 1895 г. рабочие в сельском и лесном хозяйстве составляли 67,7 % из каждых 100 человек, занятых в этой отрасли, в промышленности — 71,9, в торговле — 52,7, итого — 67,7, т. е. громадное большинство¹⁶⁹.

Раз эти профессии столь численны и раз организованность их стала расти, то нечего удивляться замечаящемуся в наше время росту силы рабочих профессиональных объединений и социальному давлению, оказываемому ими на ход событий. Тред-юнионы в Англии и Америке, профессиональные союзы рабочих в Германии, Всеобщая конфедерация труда во Франции и т. д. — примеры таких могущественных рабочих профессиональных коллективов. Еще до войны международные профессиональные рабочие союзы обнимали не менее 9 миллионов членов. В наши дни мы видим, что федерирование их идет дальше, перерастает государственные границы и выливается во все растущую международную профессиональную организацию рабочих. То же применимо и к другим профессиональным объединениям, составляемым совокупно-

¹⁶⁷ По подсчету *Бюхера* число различных профессий в наше время не менее 10 000. См.: *Biicher K.* Etudes d'histoire. Paris: Alcan, p. 294; *Bougie C* La democratie devant la science. 1904, p. 149.

¹⁶⁸ См.: *Майр Г.* Цит. соч., т. II, с. 196 и ел. См. ниже о профессиональных] перегруппировках.

¹⁶⁹ *Майр Г.* Цит. соч., с. 197.

Глава II. Учение об элементарных социальных группах

507

тью лиц, — *крестьян*, живущих личной обработкой земли, *землевладельцев*, живущих земельной рентой, *капиталистов*, живущих доходом с финансового, торгового или промышленного капитала¹⁷⁰. Все они в большей или меньшей степени переросли государственные границы и стали международными. Международные формы приняли и союзы ученых, писателей, агрономов, врачей и т. д. В итоге человечество, как видим, раскалывается на ряд профессиональных слоев. Выросли и вырастают громадные и могущественные профессиональные коллективы. Наиболее численные из них вступают в единоборство с другими могущественными группировками, в том числе и с государственной, — и борются не без успеха. Борьба антагонистических профессиональных групп друг с другом и с враждебными каждой из них не профессиональными группами выдвигается на первый план; отзвуки ее начинают наполнять мир; последний «дрожит от этой борьбы». Судьба каждой группы и всего населения сильнее и сильнее начинает зависеть от поведения профессиональных групп. Наряду с лозунгами: «русские, объединяйтесь!», «англичане, объединяйтесь!», с лозунгами государственной группировки — все сильнее и сильнее начинают звучать лозунги иные, профессиональные: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Капиталисты всех стран, соединяйтесь!» и т. д. Человечество раскалывается не только на государственные коллективы, но и на международные профессиональные слои. Последние начинают отодвигать на второй план первые; интересы внегосударственных профессиональных групп и императивы поведения, даваемые ими, начинают конкурировать с интересами государственных коллективов и императивами поведения последних. Технический аппарат профессиональных групп становится богаче: в своем распоряжении теперь они имеют: деньги, печать, школы, и... даже свою вооруженную силу¹⁷¹, т. е. почти все, что составляет «технику» государства. Мудрено ли поэтому, что давление их на социальную жизнь весьма значи-

¹⁷⁰ О предпринимательских союзах см.: *Гольдштейн ИМ.* Синдикаты и тресты. 1912; *Каминка А.И.* Предпринимательские союзы. 1909.

¹⁷¹ *что* профессиональные организации капиталистов и землевладельцев богаты деньгами, имеют свои газеты, субсидируют и подкупают другие, организуют в наше время свои «отряды охраны» и свою «гвардию», широко используют все формы агитации и пропаганды чрез кинемо и церкви, школы и партийные митинги и т. д., — это не

подлежит сомнению. По тому же пути идут и рабочие профессиональные организации. Они также стараются сосредоточить в своих кассах максимальную сумму денег, иметь своих агитаторов, организаторов и пропагандистов, свои газеты и журналы, школы и институты, вплоть до своей «рабочей гвардии». Богатства английских тред-юнионов известны. Касса Французской конфедерации труда обладает также солидными капиталами. В Германии *freie Gewerkschaften*^{65*} в 1908г. обладали капиталом в 7,5 миллионов марок, *Christliche Gewerkschaften*^{66*} — 4599 000 марок и т. д. (см.: *Thai A. Le syndicalisme allemand // Grande Revue. 1911, 10 марта*). Словом, и в техническом отношении профессиональные группы достаточно хорошо оборудованы.

508

Система социологии. Том II

тельно и конкуренция их с другими группами, в частности с государством, небезуспешна.

То же явление мы встречаем не только в международном масштабе, но и в пределах одного и того же государства. Теория и практика профессиональных рабочих объединений, особенно во Франции, совершенно определенно ставит своей задачей замену государственной группировки группировкой профессиональной. «Революционный синдикализм... проводит в жизнь классовую борьбу в ее чистом виде, — пишет один из теоретиков синдикализма, Лагардель. — ...В противоположность административному и парламентскому государству рабочий класс образовывал органы, приспособленные к его борьбе: синдикаты, федерации синдикатов, биржи труда... Прогресс *этого государства в государстве* ознаменовывается расширением его функций и учреждений в ущерб функциям и учреждениям буржуазного мира. Таким образом рабочая организация, отнимая от буржуазного государства все, что есть в нем полезного, будет расти до тех пор, пока она не вытеснит окончательно старые формы государства. Итак, рабочую борьбу, как ее понимают французские синдикалисты, можно свести к следующему правилу: *присвоить синдикатам* (т. е. профессиональным объединениям рабочих. — П.С.), *являющимся органом рабочего движения, все функции, касающиеся рабочего мира, отобрав их у государства*»^{III}.

Как правильно говорит И.А. Покровский, «профессиональные организации выдвигаются на роль единственного властного органа, долженствующего уничтожить и заменить собою нынешнее государство... Вместо безвластия анархизма синдикализм во главу угла ставит власть этих профессиональных организаций»¹⁷³.

«Государство будущего не может быть ничем иным, как организацией труда и трудящихся... Синдикальная организация представляет нам план нового жизненного устройства». Она возьмет в свои руки все производство, все самоуправление, воспитание и образование населения¹⁷⁴. «Синдикаты — это зародыш будущего строя. Им, и никому другому, предстоит организовать и дисциплинировать производство, свободное от всякой опеки человеческой власти»¹⁷⁵.

Синдикат должен стать «целостным и синтетическим органом, охватывающим всю личность рабочего как гражданина, выполняющего политические функции, как экономического человека, добывающего еже-

¹⁷² *Lagardelle H. Революц [ионный] синдикализм во Франции // Вопросы момента. М., 1906, с. 235. О синдикализме и профессиональной группировке см. также: Чернов В. Основы [ые] вопросы пролетарского движения. Собр[ание] сочинений. Пг., 1918, passim.*

¹⁷³ *Покровский И.А. Осн(овные) пробл[емы] гражданского] права, с. 143-144.*

¹⁷⁴ *Медведев М. Всеобщ[ая] конфедерация] труда // Синдикализм, с. 60-61.*

¹⁷⁵ *Леоне Э. Синдикализм, с. 38-39, 109, 113.*

Глава II. Учение об элементарных социальных группах

509

дневный хлеб, как индивидуума, имеющего собственную личность», — говорит Лабриола¹⁷⁶.

Словом, синдикалистско-профессиональная группировка в идеологии теоретиков

синдикализма должна стать основой будущего общества; все остальные группировки обречены на гибель и сломку. Только она одна будет жить и гарантирует осуществление земного рая на земле, уничтожение эксплуатации, свободу, мир и блаженство. Таковы широкие задания синдикализма — идеологии профессиональной группировки.

Из всего сказанного следует, что: 1) население действительно расслаивается по линиям профессии и группируется в профессиональные объединения; 2) что эта группировка была и имеется; 3) что она порождает, в силу рикошетного влияния профессии, солидарность *suī generis* между од-нопрофессиональными лицами, вызывает сходство интересов, желаний и стремлений последних и разъединяет лиц, принадлежащих к антагонистическим профессиям; 4) что профессиональные соединения играли и играют свою роль в истории, влияли и влияют на судьбы населения и на поведение других социальных групп; 5) что это влияние возрастает с увеличением организации профессиональных объединений, особенно тех, которые насчитывают громадное число профессий.

В ряду многих фронтов, данных на поле истории, борьба профессиональных групп друг с другом, а равно и с внепрофессиональными коллективами составляла и составляет, особенно в наше время, один из самых важных фронтов. Тот или иной исход борьбы на этом фронте неизбежно отражается и на судьбе других коллективов, на поведении и жизни всего населения целиком. Вот почему нельзя игнорировать этого расслоения, вот почему синдикалисты правильно нащупали почву для объединения рабочих.

Но, отдавая должное профессиональной группировке, я не могу не подчеркнуть снова, что *это все же не единственная, а одна из многих группировок*. Синдикалисты ошибаются, думая свести к ней все группировки. Они, как и все «косоглазые» идеологи того или иного расслоения, впадают в ошибку однобокости. Мы видели, что идеологи семьи готовы видеть в семье альфу и омегу всех групп; еще резче то же проявилось с идеологами государства. То же происходит и с теоретиками синдикализма. Все они переоценивают значение излюбленной ими группировки и недооценивают или даже не видят другие расслоения и другие «сети взаи-

¹⁷⁶ См. о широких заданиях синдикализма заменить професс[ионально]-синд[икалистской] группировкой государственную и другие в указанных выше работах синдикалистов, в частности у Сореля (*L'avenir social des syndicats*, p. 32 и ел.). Резолюции, прения и постановления по этому вопросу см. в книге: Пеллу-тье Ф. Ист[ория] бирж труда, в кн[иге] Критской и Лебедева, в указ. раб[отах] П. Луи, Траутмана, Эттора (Производств[енный] синдикализм. Пг., 1920). Отзвуком этих теорий служит теория Дюги, данная в его книге «*Le droit social, le droit individuel*] et la transformation de l'etat (1908).

510

Система социологии. Том II

модействия». Все предыдущее, как и все последующее, служит доказательством неверности такого монизма. Да, семейное расслоение есть, но помимо его есть и другие, отвечаю я идеологам семьи. Да, государственная группировка имеется, но помимо нее имеются и другие. Да, расслоение по профессиям дано, но рядом с ним даны и другие линии расслоения, не менее важные и несводимые к первой. Всякая попытка свести расслоение к одному типу — с точки зрения сущего — неверна и ошибочна. Поскольку синдикалисты грешат этой ошибкой — неверны и их построения. Но не правы ли они, указывая, что в будущем синдикально-профессиональная группировка вытеснит все остальные? Не приходится ли согласиться с ними в том, что профессиональная группировка — патентованное средство для осуществления земного рая, для уничтожения эксплуатации человека человеком, для водворения равенства и исчезновения злобы, вражды и угнетения большинства меньшинством?

Многое в их критике «демократии», «призрачного равенства», «государства», политических партий и т. д. правильно. Но их собственные рецепты, увы! не столь абсолютны, как они думают.

Нельзя, во-первых, думать, что профессиональные объединения могут уничтожить другие группировки, в том числе и государственную. Мы видели и увидим ниже, что территориальное соседство, лежащее в основе государственной группировки, так же фатально, как и профессия, вызывает солидарность *suī generis* лиц, живущих на одной и той же территории. Общность местожительства не исчезнет и в будущем. Следовательно, не могут исчезнуть и те общие интересы и солидарные связи, которые этой общностью вызываются. Мы видим далее, что «патриотизм» далеко еще не изжит и едва ли он скоро исчезнет. Последняя война едко насмеялась над самими синдикалистами, оказавшимися в рядах «социал-патриотов». А куда вы денете языковое расслоение? Почему скинута с весов расовая группировка, которую до сих пор не может депрессировать профессиональное сходство (исключение негров из тред-юнионов)? Ниже мы увидим, что сходство профессии не исключает несходства однопрофессиональных лиц по богатству, по религии, по объему прав, по политической идеологии и идеологии вообще.

Раз претендуют доказать, что профессиональное объединение вытеснит все другие, то должны показать: как, в силу чего могут быть засыпаны все только что перечисленные трещины расслоения населения? Ничего подобного синдикалисты не попытались сделать. Факты, социальная жизнь не в их пользу. Следовательно, их положения остаются чистыми пожеланиями, а не доказанными теоремами.

Больше того. Те смутные эскизы будущего общества, которые рисуют они, дают полное основание утверждать, что их рецепт негоден ни для осуществления земного рая, ни для уничтожения эксплуатации, ни для водворения равенства, ни даже — для уничтожения государства.

Глава II. Учение об элементарных социальных группах

511

Почему? Потому что если бы профессиональная группировка была проведена до конца, то это не уничтожило бы другие формы расслоения и неравенства. Если бы, далее, «производитель» попал под полную опеку синдиката, который бы стал регулировать все его поведение — и как гражданина, и как производителя, и как духовной личности, — то это означало бы закрепощение человека синдикату, поглощение личности кастой, новым Левиафаном, пожирающим подобно старому абсолютистскому государству человека и делающим его «пальцем от ноги». Такое «син-дицирование» индивида было бы простой заменой государства новым, носящим название «синдиката»¹⁷⁷. Под новыми ярлыками здесь дана была бы весьма почтенная старина. Такая перемена вывесок вряд ли представляет очень большую реформу, если бы даже она была осуществима. Но она неосуществима. В современной сложной социальной среде никакая группировка, никакой коллектив не может взять на себя обслуживание всех нужд человека: и экономических, и духовных. Для этого требовалось бы, чтобы все члены синдиката одинаково веровали, одинаково думали, имели сходные политические убеждения, тождественные научные знания и вкусы, одинаковый уровень развития и т. д., словом, чтобы они были тождественны друг с другом во всех отношениях. Это утопия. Если же этого тождества не будет, если одни из членов синдиката будут позитивистами, другие — мистиками, одни — реалистами, другие — футуристами, одни — религиозными, другие — атеистами, одни — пацифистами, другие — милитаристами, одни — неграми, другие — белыми, одни — богатыми, другие — бедными, одни — управляющими, другие — управляемыми, и т. д., то как один и тот же синдикат может обслуживать все эти разнообразные вкусы и потребности своих членов! Если не может, то как помешает он им «абонироваться» членами во внесиндикальные группы и общества, сообразно желаниям каждого? Если принудительно запретит, то это будет деспотизм. Если не запретит, то значит другие, внепрофессиональные ассоциации, будут существовать. А раз они даны, значит синдикаты не могут абсорбировать все другие группировки. Для этого, повторяю, необходима полная тождественность индивидов друг с другом. Такое допущение — утопия. А раз другие группировки будут жить, следовательно, будут даны и другие формы неравенства.

Мало того. Поскольку синдикалисты, в отличие от анархистов, допускают власть, деление членов на правящее «инициативное меньшинство» и на «управляемую, пассивную» массу, тем самым они вводят *рез-*

¹⁷⁷ Такое синдикальное государство во многом смахивало бы на РСФСР, в основу которой на бумаге положены принципы, близкие к синдикализму. Как и синдикалисты, создатели РСФСР отрицательно относятся к государству. На деле же из их рецептов создалось такое всепожирающее госуд. чудовище, которому мог бы позавидовать любой идеолог государства. См.: *Ильин В. Государство и революция. 1918.*

512

Система социологии. Том II

кое неравенство управляющих и управляемых. А раз эта дифференциация дана, из нее даны и неизбежные следствия: угнетение, насилие или одурачивание «инициативным меньшинством» управляемого большинства, эксплуатация первыми вторых, борьба их друг с другом, словом, то же, что и было. Вместо равенства под новым именем вводится старое неравенство. (См. ниже, § о группировке по объему прав).

Не останавливаясь на критике синдикализма¹⁷⁸, скажем снова то, что сказали раньше: кое-что предлагаемые ими рецепты могут улучшить и изменить. Но только кое-что.

Ни эксплуатации, ни ряда бедствий они уничтожить не могут, ввести земной рай — не в состоянии, равенства — тоже. Чтобы достижение таких эффектов было возможно, необходимо уничтожение *всех основных линий расслоения, очерчиваемых здесь.* Рецептами синдикалистов большинство их даже не затрагивается. Вот почему своими «всеисцеляющими» рецептами они могут тешить себя, но достичь поставленных великих целей они бессильны.

Их ошибка — ошибка всех однобоких идеологов, видящих только одно расслоение и гипертрофирующих его значение. Профессиональная группировка очень влиятельна, но не всемогуща и не является вовсе панацеей от всех общественных бед и зол.

Не гипертрофируя значения профессиональных коллективов и указывая на ошибки синдикалистов, мы тем не менее, как видно из сказанного, придаем им громадное значение. Переживаемые события подтверждают их историческое влияние на судьбы населения. То, что часто относится в обычном словоупотреблении к классовому движению, в значительной своей части представляет проявление профессиональной группировки людей, данной частью в форме сознательно организованных профессиональных объединений, а еще в большей мере — в стихийном единообразии поведения сходно-профессиональных лиц, диктуемого сходством профессии и вытекающим отсюда сходством интересов, убеждений, стремлений и идеологий.

Группировка по степени богатства и бедности

Дальнейшим видом социального расслоения является группировка индивидов по имущественному положению в коллективы богатых и бедных¹⁷⁹. Расслоение по этой линии было дано в прошлом, существует оно

¹⁷⁸ См. на этот счет правильные во многом критические] замечания *Плеханова* (ст[атья] в «Современном] мире» за 1907 г.), *В. Чернова* (Теоретики романского] синдикализма), *Сталинского* (Цит. соч.), *П. Юшкевича* (Теория и практика синдикализма), *Новгородцева* (Об общественном идеале), *П. Струве* (Facies. hippocratica) и др.

¹⁷⁹ Для простоты я говорю о группах богатых и бедных; фактически дана, конечно, многоэтажная градация имущественных слоев.

Глава II. Учение об элементарных социальных группах

513

и теперь. По своему характеру оно принадлежит к *типу промежуточных; в одних странах оно более приближается к закрытым группам, часто наследственным, в других — менее.* Это значит, что богатство или бедность индивида зависят не вполне от его воли. Кто не желал бы быть богатым и, однако, такое желание удастся осуществлять лишь немногим «счастливым»! Циркуляция от слоя бедных в слой богатых относительно слаба и неинтенсивна (кроме отдельных эпох). Бедняк, желающий перескочить, проникнуть в

группу богатых, в большинстве случаев оказывается перед закрытыми дверями, открыть и войти в которые он не может. Мало того, богатыми, как правило, рождаются, а не делаются. Дети богачей, как норма, в силу института наследования становятся богачами, дети бедняков — бедняками. Исключения есть, иногда они весьма значительны, но они остаются исключением, а не правилом. (См. ниже об имущественных перегруппировках.)

Далее, эта *группировка, особенно бедняков, весьма многочисленна*. Члены одной и той же имущественной группы, как увидим, фатально становятся солидарными во многом, члены разных имущественных групп — фатально антагонистами. Богачи тянутся к богачам, бедняки — к беднякам. Сходство имущественного положения порождает стихийную организованность поведения сходно-имущественных лиц. Когда эта стихийная организованность принимает форму целеполагательной, рациональной организации, с центральным правительством, тогда социальное влияние бедных, весьма многочисленных по числу членов групп, из потенциального становится кинетическим, приобретает громадную силу и начинает интенсивно влиять и на судьбу других коллективов, и на всю жизнь населения вообще.

По этим основаниям эту группировку приходится отнести к числу важнейших и могущественных.

Спрашивается, однако, представляет ли эта группировка расслоение *sui generis*, не сливается ли она с одной из указанных выше? — Нет. Что коллективы «богатых» и «бедных» отличны от группировки государственной, языковой, расовой и др., это ясно и не требует доказательств. *Но не совпадает ли данное расслоение с профессиональным?* Ниже при изучении кумулятивных групп мы увидим, что *имеется особое «сродство» между некоторыми профессиями и богатством или бедностью; они легко вступают в «химическое соединение» друг с другом. Но, вместе с тем то и другое расслоение не совпадают, их линии, временами сливаясь, в общем идут по своим, различным путям.* Это значит, что по профессии люди могут принадлежать к одному коллективу, по имущественному положению быть в совершенно различных слоях; и обратно, лица, сходные по имущественному положению, по профессии могут быть членами совершенно различных профессий. Все инженеры или все адвокаты по профессии члены одной профессии. Но это не мешает тому, что одни инже-

17 Система социологии

5 14

Система социологии. Том II

неры получают сотни тысяч дохода, другие — умирают с голоду или всю жизнь перебиваются кое-как. Одни адвокаты зарабатывают громадные деньги, другие — гроши. То же применимо ко всем профессиям. И обратно, богачами или бедняками являются лица самых различных профессий. В группу богачей входят: и землевладельцы, и предприниматели, и купцы, и инженеры, и адвокаты, и чиновники, и писатели, и политики, и крестьяне, и даже рабочие и т. д. То же применимо и к беднякам, и здесь тоже имеется смесь лиц, принадлежащих к самым различным профессиям. Рабочие квалифицированные или усердные, получающие больший доход по сравнению с неквалифицированными или неумелыми, по имущественному расслоению могут очутиться в разных группах. То же применимо и к крестьянству. Этого достаточно, чтобы признать *различие профессионального и имущественного расслоения*. То и другое — явления различные. Ниже, из исследований Д'Эта, Декампа, Шмоллера мы увидим эмпирико-статистическое подтверждение этого факта.

Одним из выводов этого положения и в то же время подтверждением его является тот факт, что между однопрофессиональными лицами, но стоящими в разных имущественных группах, может быть, в силу этого различия, ряд антагонизмов. Богатый рабочий часто оказывается более солидарным с предпринимателями, чем с рабочими бедными. История английских тред-юнионов знает немало антагонизмов такого рода. Бедный предприниматель часто легче солидаризируется с рабочими, чем с богатыми предпринимателями. Богатый инженер и бедный инженер обычно оказываются по

«различным сторонам баррикады». То же применимо и к другим однопрофессиональным лицам. Этим объясняется часто наблюдающееся, напр[имер], в среде рабочих, неодинаковое отношение к одному и тому же явлению: к премиальной системе, к войне (рабочие оружейных и пороховых заводов материально заинтересованы в росте вооружений, остальные рабочие заинтересованы в их сокращении), и т. п.¹⁸⁰

Лица, согласно марксистской теории классов, принадлежащие к одному классу, напр[имер], пролетарий-рабочий и пролетарий-инженер, весьма часто, в силу различия величины доходов, оказываются в различных лагерях. Последний более солидарен с капиталистами, чем с рабочими. Особенно резко значение этой группировки проявилось в деревне. Крестьяне более зажиточные («кулаки» по модной терминологии) и крестьяне менее зажиточные («деревенская беднота» по той же терминологии), т. е. лица одной и той же профессии по своим политическим симпатиям и антипатиям, по оценке политики коммунистов и т. д., оказались в противоположных лагерях. Это было учтено и властью. Недаром же она ввела «комбеды» и подняла гонение на «кулаков».

¹⁸⁰ См. об этом: *Сталинский Е.С.* Нов[ое] теч[ение] в социализме. 1907, с. 27-28.

Глава II. Учение об элементарных социальных группах

515

Это подразделение было вызвано не чем иным, как степенью зажиточности обеих групп. В настоящее время эта линия сменилась тенденцией соглашательства со «средним крестьянством»¹⁸¹.

Это значит, что сходство по профессии или по другому признаку (по государственной принадлежности, по религии, по партии, по расе и т. д.) ничуть еще не гарантирует полную солидарность сходных лиц и невозможность между ними антагонизмов. Имущественное различие может уменьшить или ограничить их солидарность и вызвать между ними ряд конфликтов, ряд несходств, ряд различий в поведении и в идеологии. И обратно. Богатство может вызвать борьбу между членами одной группы и солидаризировать членов разных групп, одинаково обеспеченных. (Отсюда понятной становится чрезвычайная сложность «системы социальных координат», характеризующей строение населения, поведение и положение индивида. Чтобы понять последнее, надо учесть связи его со всеми основными группами, а не только с одной из них. Да, уклад и поведение индивида обуславливаются, например, его профессией; но так как он по другим связям принадлежит к ряду других групп, отличных от профессиональной, то эти группы, в свою очередь, влияют на его поведение и идеологию, отклоняют индивида от пути, диктуемого профессией последнего, вносят в него коррективы; в итоге, поведение и идеология индивида *представляютравнодействующую* всех основных групп, участником коих он состоит, а не следствие влияния какой-либо одной группы.)

Как сейчас увидим, сходство имущественного положения и степени дохода влечет за собой целый ряд сходств в других отношениях, создает общность интересов обеспеченных между собой и бедных друг с другом, словом, вызывает солидарность между одинаково богатыми или одинаково бедными лицами и антагонизм между людьми различного имущественного положения. В других отношениях и по другим признакам люди одинакового имущественного положения могут резко различаться друг с другом, входить в состав различных коллективных единств (быть членами различных профессий, государств, религий, языковых

¹⁸¹ См. речь Ленина на VIII съезде коммунистов (Изв[естия] ВЦИК. 1919, № 68^{67*}).

«Еще Энгельс устанавливал деление крестьянства на мелкое, среднее и крупное», — говорил Ленин, и сообразно с этой теорией предлагал: с кулаками бороться, бедноту — поощрять, с середняками хранить мир.

Само это подразделение покоится, в конечном счете, не на чем ином, как на степени зажиточности, ибо в процессе производства все они занимают одинаковое положение («мелкие буржуи»), их профессии — тождественны, единственное различие — степень богатства.

Такие факты прекрасно подтверждают самостоятельность и значение рассматриваемой нами группировки, и вместе с тем показывают, насколько недостаточна теория единой классовой группировки.

516

Система социологии. Том II

групп и т. д.), но раз они принадлежат к одной имущественной группе — между ними будет ряд точек соприкосновения, ряд общих интересов и стремлений, вызываемых сходством имущественного положения. И обратно, люди, сходные в других отношениях (напр[имер], принадлежащие к одной религии, государству, профессии, и т. д.), раз они принадлежат к резко отличным друг от друга имущественным группам, они неизбежно антагонизируют друг с другом, имеют почву для взаимных конфликтов, вражды, зависти, эксплуатации и борьбы.

Богатство для бедняка является осязаемым, «бросающимся в глаза» признаком различия социального положения богача от его собственного положения. Массы в истории не представляли и не представляют теоретиков-марксистов, которые, подобно Каутскому, анализировали бы «положение данного лица в процессе производства» и на основании этого анализа решали бы: «буржуем» или «пролетарием» является данное лицо. Массы имеют свою логику, более простую, пожалуй, более верную: раз человек богат, значит — он буржуй, «значит он не наш» — такова эта логика масс. Всякий внимательный наблюдатель мог констатировать эту логику во время революции. Часто приличный костюм служил здесь достаточным поводом для отнесения прилично одетых лиц к «буржуям» и для враждебных актов по их адресу... Недаром же появился обычай маскировки: богатые люди стали одеваться а la пролетарий, чтобы избавить себя от многих неприятностей и злостных выходок бедняков.

Общественная мысль давно уже констатировала и оценила это расслоение на богатых и бедных.

«Государство, — читаем у Платона, — представляет из себя как бы два государства. Одно составляют бедные, другое — богатые, и все они живут вместе, строя друг другу всяческие козни». То же противоположение мы находим у Мен[ения] Агриппы, Саллюстия и др. «Всюду неимущий относится к собственнику с завистью и недоброжелательством. Он жаждет всеобщего переворота; мятеж и возмущение питает его, ему нечего опасаться потерь, так как бедноте терять нечего»¹⁸².

Это противоположение, копией которого является современный лозунг: «пролетариату терять нечего, кроме цепей, а завоевать он может весь мир», проходит чрез всю последующую историю и отмечается множеством лиц в качестве основного и главного социального расслоения. Больше того, ряд теоретиков класса видят в дифференциации населения на богатых и бедных чуть ли не единственную дифференциацию и готовы все исторические события объяснять как результат борьбы богатых и бедных. Классификация социальных классов множества лиц сводится не к чему иному, как к простому указанию этой группировки. Та-

¹⁸² Цит. по: *Пельман Р.* Ист[ория] антич[ного] коммунизма и социализма. СПб., 1910, с. 605, 560, 556. См. там же множество аналогичных противоположений.

Глава II. Учение об элементарных социальных группах

517

ковы перечни классов у Платона, М[енения] Агриппы, Саллюстия, Ж. Мелье, Вольтера, Рейналя, Консидерана, Анфантена, Годвина, Холла, Томпсона, и др.; а в наше время — у Э. Бернштейна¹⁸³.

Такая оценка важности этой группировки — не случайна. Она имеет глубокие основания. Борьба богатых и бедных действительно составляла и составляет одно из основных содержаний истории. Антагонизм их был и остается одним из самых упорных и жестоких антагонизмов. Ошибка таких лиц лишь в том, что они имеют тенденцию сводить к этой группировке все другие и не видят или не хотят видеть, что помимо ее есть ряд других группировок и других антагонизмов, что история не сводится к борьбе богатых и бедных и не исчерпывается ею, словом, грех в несчастном упрощении действительности

и в злосчастном монизме. Все сказанное выше, как и все последующее, говорит о невозможности и недопустимости такого монизма и упрощения.

Выше было указано, что сходство имущественного положения, несмотря на ряд различий в других отношениях, влечет за собой ряд сходств в образе жизни, во вкусах, в убеждениях, в интересах и в поведении людей. *Подобно профессии та или иная степень богатства или бедности налагает общий штамп на одинаково богатых людей (или одинаково бедных), делает их «близкими», «своими» друг другу и создает между ними солидарность.*

И наоборот, различие имущественного положения вызывает пропасть между людьми, вызывает ряд различий в образе жизни, в поведении, во вкусах, в интересах, создает враждебность и взаимное отталкивание.

Не говоря уже о перечисленных писателях, эта истина подтверждается и рядом современных исследователей. Больше того. В настоящее время мы имеем ряд работ, эмпирически, путем изучения действительности, подтверждающих этот факт.

«Богатые, — говорит Шеффле, — объединяются в одно целое общими интересами владения и привилегированностью господства. Не-владеющие же спланиваются борьбой за заработную плату и общей ненавистью против собственности; оба класса организуются в этой борьбе и никогда эта организация не была более грандиозной и планомерной, чем в наше время»¹⁸⁴.

Ряд исследователей, в частности D'Aeth и отчасти Шмоллер, своими работами показали, что одинаковое имущественное положение (одинаковая степень дохода) влечет за собой сходство «уровня жизни», быта,

¹⁸³ См.: Пельман Р. Ист[ория] ант[ичного] коммунизма и социализма; *Roger P. La theorie de la lutte de classes a la veille de la revolution // Revue d'economie politique. 1911, № 5; Солнцев СИ. Общественные классы. Томск, 1917; Берн-штейн Э. Классы и классовая борьба. 1906, изд. Карчагина, с. 14 и passim.*

¹⁸⁴ Schaffle A. Bau und Leben des sozialen Körpers. Tübingen, 1896, Bd. I, S. 93.

518

Система социологии. Том II

обстановки, вкусов и обычаев, несмотря на то, что в других отношениях люди могут принадлежать к самым различным социальным коллективам. Анализируя строение современного английского населения, D'Aeth делит его на семь слоев по характеру *standard of life*^{68*}, в свою очередь определяемого по величине дохода. Первый класс — это люди, получающие в среднем 18 шиллингов в неделю. Одинаковость дохода влечет за собой сходство в образе жизни и в поведении. Жилище таких лиц — подвальные помещения или грязная комната в плохих кварталах; непостоянная работа; заработок пропивается. Второй класс — люди с доходом 25 шиллингов в неделю. Жилище их — небольшая квартира. Привычки — несколько перемен платья, манишка и воротничок. Сюда относятся: клерки, мелкие приказчики, низшие служащие и т. п. Третий класс — лица с доходом в 45 шиллингов в неделю. Жилище — домик из 5 комнат. Чисто. Имеется гостиная. Привычки — домашний сервированный стол, визиты по праздникам. Интеллигентны. Ясный ум. Серьезное отношение к делу. Состав — квалифицированные рабочие, чиновники, клерки, старшие приказчики и т. д. Четвертый класс — имеет «стандарт» в 3 фунта в неделю. Хорошая, комфортабельная квартира. Изящная одежда. Привычки — есть мальчик-лакей. Читают газеты и журналы. Интересуются общественной жизнью. Претендуют на остроумие. Окончили техническую школу и т. д. Состав: лавочники и торговцы, инженеры, крупные клерки, коммерческие агенты, учителя, священнослужители и т. д. Пятый класс — лица с доходом в 300 фунтов в год. Квартира в 48 ф. стерлингов] в год. Визиты. Поздний обед. Карты. Тонкие манеры. Претензия на знание. Развито чувство самоуверенности и достоинства. Следят за общественной и научной жизнью. Образование — классическая гимназия. Состав: мелкие промышленники, либеральные профессии и т. д. Шестой класс: стандарт — 600 фунт[ов] в год; жилище 60-80 ф [унтов] в год. Образование — университет. Привычки — светский и

культурный образ жизни. Участие в общественных делах и т. п. Состав: лица свободных] профессий, крупные чиновники и т. д. Седьмой класс: лица с доходом в 2000 фунтов в год и выше. Высшее образование. Влиятельная общественная роль. Состав: хозяева фабрик, крупные частные посты, хорошо оплачиваемые и т. д.¹⁸⁵ Из сказанного видно, что сходство в величине дохода вызывает действительно ряд сходных привычек, вкусов, быта, обстановки и поведения между одинаково богатыми лицами, хотя бы они принадлежали к различным профессиям, религиям, к различным языковым группам и т. д. Данные D'Aeth'a были подтверждены позднейшим исследованием того же явления Декампом. Несколько иначе классифицируя социальные слои, Декамп более подробно и ясно очерчивает сходство привычек, образа жизни и поведения лиц, облада-

¹⁸⁵ См.: *D'Aeth. Present tendencies of class differentiation // The Sociological Review. 1910, № 4, p. 267-276.*

Глава II. Учение об элементарных социальных группах

5 19

ющих одинаковым доходом. Так, напр[имер], «низший средний класс», составленный из лиц, имеющих небольшой капитал и состоящий из мелких хозяйчиков, технических служащих, учителей, фермеров, клерков, бухгалтеров, коммивояжеров, пасторов и т. д. (как видим, лиц самых различных профессий и групп), обычно учится и кончает secondary school^{69*}; образование продолжается до 14-15 лет; до 18-19 идет практическое обучение в технической школе. С 18-19 лет они начинают самостоятельную жизнь. В таких семьях имеется прислуга. Читаются газеты и журналы. В специальных вопросах интеллигентны. Приличная квартира. Муж занимается «министерством иностранных дел», жена ведет хозяйство. Состоят членами того или иного клуба. Под старость обычно живут на ренту. Подчинены традициям и т. д.¹⁸⁶

Шмоллер, изучая классовое строение германского населения, в итоге приходит к величине дохода, как к основному явлению, лежащему в основе этого расслоения. Различая четыре основных класса, к первому он относит лиц с доходом в 8-9 тыс. марок или с имуществом выше 100 тыс. марок. Этот класс состоит из крупных земельных собственников, крупных предпринимателей, важных чиновников, врачей, рантьееров и художников. Ко второму классу относятся средние чиновники, землевладельцы, капиталисты и ряд лиц либеральных профессий с доходом в 2700-8000 марок или с имуществом от 60 000 до 100 000 марок. К третьему — лица с доходом в 1800-2700 марок, к четвертому — индивиды с доходом ниже 1800 марок¹⁸⁷.

Опять-таки и здесь, между лицами, принадлежащими к одной имущественной группе, несмотря на то, что по профессии, по жительству, партии, религии и т. д., они принадлежат к различным социальным кругам, тем не менее имеется тождество интересов, общность многих стремлений, значительное сходство образа жизни, вкусов, обычаев, поведения, словом — особая солидарность, вытекающая из одинакового имущественного положения. Те же мнения подчеркиваются и рядом других писателей, как Гобло, Оверберг, Л. Штейн, Бюхер, Смолл, Визе, видящих в различии богатства основной принцип классового расслоения общества¹⁸⁸.

В историческом процессе борьба богатых и бедных была и остается одним из самых упорных антагонизмов. То, что часто называется классовой борьбой, в значительной степени сводится к борьбе коллективов бедноты и богачей.

¹⁸⁶ См. подробнее: *Descamps P. La Hierarchie des classes en Angleterre. Paris, 1911; La Science Sociale. 26-e Année, 86 Fasc.*

¹⁸⁷ *Schmoller G. Was verstehen wir unter dem Mittelstande? Gottingen, 1897, S. 28-31 и passim.*

¹⁸⁸ Подробнее об их мнениях см.: *Солнцев СИ. Общественные классы, с. 286-334.*

5 2 0

Система социологии. Том II

Так как эти коллективы многочисленны (особенно коллектив бедных), так как сходство имущественного положения спонтанно влечет за собой сходство интересов и солидарность членов одного имущественного слоя, то эти условия делают понятной

социальную важность такой группировки. Когда же к этим условиям присоединяется организация, в особенности организация бедноты, то антагонизм бедных и богатых принимает вид методической борьбы, часто оттесняющей на задний план действенность всех остальных группировок. Почти во всякой значительной борьбе социальных групп — будет ли ею борьба плебеев с патрициями, или восстание рабов, или такие движения, как восстание Уота Тай-лера и «жакерия»^{70*}, или ряд революций, вроде Великой французской революции, и последующих вплоть до русской революции 1917-1919 гг., борьба богатых и бедных составляла и составляет одно из основных содержаний этой борьбы.

В переживаемой нами революции борьба богачей с бедняками представляет главный фронт борьбы различных групп населения. Основное содержание ее составляет прежде всего примитивное уравнивание богатства в форме отобраания их (вплоть до мебели, белья, съестных продуктов) от «буржуев» (т. е. зажиточных и богатых людей) и раздела их между неимущими — беднотой. (Потребительский коммунизм.) Основным условием, определяющим положение каждого по ту или по сую сторону баррикады, у нас было прежде всего условие бедности или богатства. Бедные, частью сознательно, частью бессознательно, оказались на стороне Советской власти, богатые — на стороне ее противников. Это происходило и в городе, и в деревне, и в отдельных областях России. И сама политика Советской власти представляла главным образом «ставку на бедноту». Отсюда — систематическое углубление ею пропасти между богатыми и бедными; преследование первых и разжигание аппетитов отбирания и раздела у вторых, создание и поощрение «деревенской бедноты», «городской бедноты», «домкомбедов»; отсюда постоянное употребление термина «беднота» и его производных («Деревенская беднота», — название газеты, «бедняк», «бедные» фигурируют во всех статьях и брошюрах; фразы, вроде следующей: «С тех пор, как беднота дерзнула на то, чтобы взять власть в свои руки»¹⁸⁹, обычны в литературе большевиков, и т. д.). Словом, наша революция была главным образом борьбой бедноты с богачами, стихийной попыткой произвести передел и уравнивание имущественных благ, попыткой осуществления потребительского коммунизма, способной дать только временные эффекты и неспособной достигнуть действительного имущественного уравнивания¹⁹⁰.

¹⁸⁹ Известия Щетроградского] Сов[ета] Р[абочих] и Щрестьянских] Депутатов. 1919, № 162.

¹⁹⁰ Это мы теперь видим воочию. Примитивный передел и уравнивание, как и следовало ожидать, вызвали только всеобщее обеднение, с одной стороны, и

Глава II. Учение об элементарных социальных группах

521

Нет надобности говорить, что эта борьба будет продолжаться и в будущем, до тех пор, пока будет существовать само расслоение населения на неодинаковые по богатству социальные слои. Уменьшается ли это расслоение, происходит ли с поступательным ходом истории процесс экономического уравнивания населения — вопрос, который не подлежит решению в «Социальной аналитике». Им мы займемся в «Социальной генетике». (См. ниже § об имущественных перегруппировках.)

перегруппировку богачей и бедняков, — с другой; имущественного же равенства они не дали. Многие из бывших богачей стали бедняками, зато многие из бедняков стали богачами, — новоиспеченными буржуями, только более хищными, наглыми и дикими, чем старая буржуазия.

По-видимому, более действительной мерой для имущественного уравнивания является производительный коммунизм, — «обобществление средств и орудий производства». В нем, как известно, многие видели и видят волшебное средство от всех общественных бедствий. После всего сказанного выше нет надобности доказывать утопичность такой веры. Что при данных условиях его положительные эффекты ограничены, это признают такие лица, как В.И. Ленин. «Справедливости и равенства, следовательно, первая фаза коммунизма (состоящая в обобществлении средств производства) дать еще не может, различия в богатстве останутся и различия

несправедливые», — говорит он. Неравное распределение продуктов потребления останется, останется и «буржуазное государство — без буржуазии». Как видим, лидер коммунизма далек от того, чтобы считать изъятие средств производства из частной собственности всеисцеляющим пластырем. Но он полагает, что все же эта мера «делает невозможной эксплуатацию человека человеком, ибо нельзя захватить средства производства в частную собственность» (Ильин В. Государство и революция, с. 87-89).

Я сомневаюсь и в этом. В среде социализированных людей обобществление средств производства может дать такой эффект. В среде же людей, социально невоспитанных, с доминирующими эгоистическими аппетитами «социализация средств производства» (фактически — огосударствление их) не способна уничтожить ни эксплуатацию людей друг другом, ни имущественное неравенство. То и другое останется. Прибавится к этому только падение производительности, расстройство экономической жизни и общее обеднение. Русская революция — доказательство. Опыт проделан — пора учесть его результаты. А они — налицо. Уменьшилось ли имуществ. неравенство? Уменьшилась ли эксплуатация человека человеком? Общая бедность? А как обращаются Совнархозы и государственные! агенты с рабочим? Лучше ли, чем обращался с ним капиталист? Не переходим ли мы от Совнархозов к системе частных подрядов, т. е. «к худшей форме капитализма»? Наконец, тезис: «прилежный рабочий должен быть обеспечен лучше, чем нерадивый», красующийся в тезисах Центрального Ком[итета] к партийному съезду — не суть ли все это свидетельство крушения уравнилельных тенденций коммунизма? Опыт сделан. Не учитывать его итогов — нельзя. А они очень красноречивы. Вся «социализация» свелась к перемене вывески «фабрики Лаферм» на вывеску «1-я государственная] табачн[ая] фабрика». Синдикалисты и анархисты вполне правы, критикуя «спасительность» этого излюбленного рецепта.

5 22

Система социологии. Том II

Группировка по месту постоянного жительства

Следующей самостоятельной группировкой является группировка по месту постоянного жительства. Она не сливается со всеми остальными и отлична от них¹⁹¹. По своему характеру она также принадлежит к типу промежуточных группировок. Значение ее ясно само собой. Люди, живущие в одной местности — в деревне, в городе, в одном округе, — несмотря на множество различий между ними, не могут не иметь ряда общих интересов, вытекающих из совместной постоянной жизни в данном месте. Космические и биологические условия (напр[имер], наводнение, ураган, отсутствие воды и света, эпидемии и т. д.) угрожают одинаково всем индивидам данного места: часто всех же задевает и ряд социальных условий (напр[имер], отсутствие больницы, школы, церкви в данном месте, объявление ее на осадном положении, лишение ее прав самоуправления и т. д.). Индивиды, живя совместно, волей-неволей должны постоянно сталкиваться и неизбежно принуждены быть солидарными во многих отношениях. Жизнь в данном месте вызывает особый местный солидаризм, «местный патриотизм», часто привязанность к данному месту, короче — особое коллективное единство, основанное на общности территории постоянного местопребывания. Территориальное соседство неизбежно вызывает солидарность *suī generis* между соседями, при всех их различиях. *В силу соседства они неизбежно будут иметь ряд общих интересов, общих сходств и привычек*¹⁹². Самый заядлый эгоист не может чувствовать себя безопасным в среде, где свирепствует эпидемия, где царствует голод, где разгуливают разбойничьи банды, где идет война, где дороги не устроены, воды нет, больниц нет и т. д. Несмотря на различия, все жители одной территории заинтересованы в том, чтобы в данном месте дороги были устроены, чтобы было освещение, больницы, школы, хороший воздух, здоровая вода, достаточное количество продовольствия, личная безопасность и т. д.

Далее, живя бок о бок, они не могут не сталкиваться между собой, не могут не взаимодействовать. Постоянно встречаясь, они не могут не зависеть друг от друга, не перенимать взаимно (сознательно и бессознательно) ряд черт, привычек, нравов, обычаев,

воззрений. Они дышат одним воздухом, впитывают в себя одну и ту же местную — моральную и социальную — атмосферу. Изъять себя от влияния данной среды никто не может. В итоге, из самых разнородных лиц, при долгом сожитии бок о бок, образуется группа, сходная по своим чертам, «местный тип», отмеченный колоритом данного места. Таковы исследованные Демоле-ном типы овернца, бретонца, провансальца. Таковы в России типы «ярос-

¹⁹¹ См. об этом: Woods R. The neighborhood in social reconstruction // Am[erican] j[ournal] of sociology], vol. 19, p. 577 и ел.

¹⁹² Ibid.

Глава II. Учение об элементарных социальных группах

5 23

лавца», «помора», «сибиряка» и т. д. И такая группа неизбежно во многом будет солидарна друг с другом. Территориальное соседство было причиной образования из лиц разных родов и групп так называемого «территориально-племенного общества». Составленное вначале из лиц гетерогенных, волею судьбы поставленных в необходимость жить рядом, это общество из враждующего и пестрого конгломерата постепенно стало организованным, солидарным территориально-племенным обществом, явившимся базой для возникновения государственной организации. Соседство сгладило их различия, содействовало развитию общего языка, общих воззрений, обычаев, норм поведения, сделало необходимым общую организацию и общую власть, словом, создало особую территориально связанную группу, со своей властью, с общей культурой, с особой солидарностью, носящей название местного патриотизма¹⁹³.

Отсюда легко понять ошибку синдикалистов, пытающихся свести «на нет» значение территориальной группировки, смешиваемой ими с государственной. «Говорят, что отечество — это совокупность традиций и наследие народа, что это часть нашей планеты, что это место, где живут, обеспечивая удовлетворение необходимых потребностей, — читаем мы у Гриффюэльса. — Но моральные традиции нашей страны и ее наследие ускользают от меня, за невозможностью их воспринять и понять (ошибка: начиная с языка, на котором пишет автор, и кончая множеством традиций и взглядов, каждый человек воспринимает, часто помимо воли и желания, это «наследие и традиции». Они всасываются с молоком матери и сохраняются; их имеет всякий человек, в том числе и Гриффюэльс, часто даже не подозревая об их существовании. — П.С.); ни малейшая часть почвы мне не принадлежит, и жизнь, которая для меня создалась, далека от того, чтобы дать мне необходимое удовлетворение. Я чужд всему, что составляет моральное проявление моей нации. (Крепко сказано. Вы чужды языка территориальной группы, где вы родились и выросли? Чужды ее литературы? Чужды ее революционных

¹⁹³ См.: Woods R. Op. cit. Хотя территориальная группировка и лежит в основе государственной и даже произвела последнюю, однако, они различны и далеко не всегда совпадают теперь. В Петрограде, напр[имер], теперь (территориальная] группа) имеются лица, принадлежащие к самым различным государствам. Территориально они связаны, во многом солидарны друг с другом (и русские, и китайцы, и немцы, и итальянцы, живущие в Петрограде, все сейчас заинтересованы, напр[имер], в том, чтобы был свет, ходили трамваи, был хлеб, вода, топливо и т. д., и образуют одно единство), по государственной же принадлежности они «абоненты» самых различных систем, часто враждебных друг другу. Часто, далее, люди, живущие на границах государств, составляют одно территориальное общество, вызываемое соседством, хотя по государственной принадлежности они оказываются в разных системах, часто воюющих друг с другом. Государственная связь лица сохраняется и тогда, когда он оторван от него и живет в пределах чужого государства, территориальная связь в таких случаях часто прерывается.

5 24

Система социологии. Том II

традиций? Чужды ее обычаев и материальной культуры? Чужды всей техники? позвольте вам не поверить. — П.С.) Я не обладаю ничем (тоже крепко сказано. Комната, где вы живете, создана не вами, лампа, которая горит у вас, водопровод, которым вы

пользуетесь, тротуары, по которым ходите, больницы, в которые вы являетесь, школа, где вы учились, книги, которые вы читаете, и т. д. и т. д. не созданы ли они территориальной группой, среди которой вы живете и не обладаете ли вы этими и тысячами других благ? — П.С). Я должен продавать свой труд, чтобы удовлетворить самые скудные потребности (это делают тысячи других лиц, живущих с вами рядом, на одной территории. — П.С). Я не могу быть патриотом»¹⁹⁴. (Хорошо: но следует ли отсюда, что вы, как и все ваши соседи, не заинтересованы в том, чтобы ваше место жительства имело школы, больницы, дороги, электричество, пищу, канализацию, топливо, чтобы у вас можно было безопасно ходить по улице, не подвергаясь грабежу, насилию и убийству, следует ли отсюда, что вы не заинтересованы в том, чтобы шайка разбойников, именуемая войском другого государства, не врывается в ваше место жительства, не жгла дом, где вы живете и т. д. Если вы ответите, что «да», «следует», я вам не поверю; если ответите: «нет, не следует, это совсем другое дело, чем патриотизм», я отвечу: «вы — патриот своей территории», и буду прав. — П.С.) В ту же ошибку впадают и другие синдикалисты, в отрицании значения государственной группировки (что тоже неверно) отрицающие, в силу смешения, и значение территориальной группировки и вытекающей отсюда солидарности в форме «местного патриотизма». «Родина», «отечество» (в смысле территории, где человек родился, рос и жил) не были и не являются пустым звуком для людей. «О, родина святая! какое сердце не дрожит, тебя благословляя». «Люблю отчизну я, но странною любовью... Не победит ее рассудок мой... Но я люблю, за что? — не знаю сам, ее степей безмолвное молчанье, разливы рек ее, подобные морям»^{71*}... Эти и подобные слова — не «буржуазная ложь», а искреннейшее проявление чувств, свойственное тысячам людей. Быть может, с точки зрения синдикалистов — это плохо; но отрицательная оценка факта не уничтожает самого факта. А он несомненен.

Дальнейшим подтверждением того же факта служит явление «тоски по родине». Территориальная привязанность здесь выступает особенно резко. Индивиды, отлученные от родной территории, тоскуют по ней и стремятся возвратиться туда. R. de la Grasserie называет такое явление словом «ностальгия». «Ностальгия, — говорит он, — это мучительная страсть возврата, вид психической болезни, часто вызывающей болезнь физическую: она заставляет человека стремиться в свою страну, к своему родному колоколу и ничто не может удовлетворить его, пока он не

¹⁹⁴ *Griffuelhes V. L'action syndicaliste. Raris, 1908, p. 38-39. См. те же положения у Пуже (Цит. соч., с. 25) и Леруа (Transformations, p. 273).*

Глава II. Учение об элементарных социальных группах

5 2 5

вернется туда». Де ля Грассери приводит достаточно фактов, подтверждающих существование такого стремления, в свою очередь, говорящего о привязанности к родной территории¹⁹⁵.

Такой территориальный патриотизм свойствен не только буржуазии, но и социалистам, и синдикалистам. «Мы живем и боремся на этой земле, чтобы сделать наше отечество, нашу родину, нашу, быть может, более, чем вашу, такой, чтобы было приятно жить в ней и для последнего из нас. Это — наше стремление и потому мы будем бороться до последнего издыхания всеми имеющимися в нашем распоряжении средствами против всякой попытки оторвать от нашего отечества кусок земли». «Я сам бы взял ружье для борьбы за независимость отечества». Эти слова принадлежат не «буржую», а Бебелю¹⁹⁶. Не выражен ли в этих словах, если не государственный, то территориальный патриотизм? Не являются ли они проявлением любви к родине? А каково было поведение социалистов всех стран за годы войны? А что делали французские синдикалисты? Не входил ли Жуо, секретарь Конфедерации труда, в состав министерства? «Гони территориальный патриотизм в дверь, он влетит в окно». Факты упрямы. Быть может, такие факты, развеявшие, как дым, слова, подобные цитированным строкам Гриффюэльса, отрицательны. Но они несомненны. Отмахнуться от них нельзя. Гегелевское «тем хуже для фактов» не поможет. Больше того, Гриффюэльс и др. не видят, что сама Федерация

Бирж труда, образующая секцию Всеобщей конфедерации, построена на территориальном принципе и представляет совокупность *коллективов территориальных*. Биржи труда объединяют не од-нопрофессиональных рабочих, а рабочих всех профессий, живущих в одной территории.

И никто другой, как синдикалист Лагардель, прекрасно охарактеризовал важность территориальной группировки. «Из всех связей, которые соединяют людей между собою, говорит он, *связи по местностям являются самыми сильными*. Одно и то же местожительство порождает в людях общность стремлений и интересов. Рабочие одного и того же города, но принадлежащие к различным профессиям, имеют гораздо более точек соприкосновения, чем рабочие одинаковых профессий, но разбросанные по разным городам. Сходство в образе жизни, семейные связи, товарищеские отношения, созданные еще с детства, участие в одном и том же местном учреждении — благотворительном, самообразовательном или увеселительном, придают им общий характер, создающий живую связь»¹⁹⁷. Отлично сказано! Лучшей отповеди Гриф-фюзльсу не нужно.

¹⁹⁵ См.: *De la Grasserie R. De la nostalgie et des instincts contraires // Revue [Internationale] de sociol[ogie]. 1911, p. 574, 564-610.*

¹⁹⁶ Из речей Бебелям рейхстаге, на заседаниях] 7 марта и 10 дек[абря] 1904 г.

¹⁹⁷ Лагардель Ю. Цит. соч., с. 216-217. См. также весьма резонные соображения на этот счет у Жореса (Новая армия. Пг., 1919, с. 236-237, 279 и ел.), у Сореля

5 2 6

Система социологии. Том II

Как известно, группировка по месту жительства в течение всей истории была одной из главных. Она лежит в основании государственной группировки, в делении государственной территории на округа: губернии, уезды, волости, деревни и т. д. Местная группировка лежит в основе деления населения на избирательные округа, в явлениях подсудности, обладания или лишения прав самоуправления (места, лишённые земств etc.) и т. д.

Она же дает себя знать и в пределах одной группировки. Так, профессиональная группировка распадается, в свою очередь, на ряд группировок по месту жительства. Это последнее условие, как известно, лежит в основе бирж труда («секции федерации бирж труда»), являющихся составной частью Всеобщей конфедерации труда во Франции¹⁹⁸. «Рабочие союзы охватывают вначале отдельные местные группы, а затем расширяются и получают склонность охватить всех рабочих этой отрасли в данной местности, а затем и в данной стране»¹⁹⁹. То же применимо и к соединениям всех других родов. В древности же, как мы знаем, принцип общности территории лежал в основе территориально-племенного общества и являлся главным связующим звеном между членами последнего²⁰⁰.

Словом, в ряду многих солидарностей существует особая солидарность по месту общего жительства, дающая основание для особой группировки, не совпадающей с остальными, и являющейся одной из важных социальных координат, определяющей поведение и переживания совместно живущих индивидов.

Группировка по объему прав и обязанностей (по социально-правовому неравенству)

Группировкой *suī generis*, не совпадающей с предыдущими, является группировка индивидов в коллективы по объему прав и обязанностей. В общем своем виде эта группировка распадается на коллективы *привилегированных, составляющих высший социальный ранг, и обделенных, дающих низший социальный ранг*. Привилегированные образуют солидарное коллективное единство; такое же единство составляют и «обделенные». Лица, чуждые друг другу в других отношениях, но одинаково обделенные в правах, делают друг другу «близкими», «своими», связываются общностью интересов и общим антагонизмом по адресу привилегированных. То же применимо и к группе лиц, входящих в круг «привилегированных». Первые, в частности, стремятся к уравниванию своих

(в предисловии] к книге Гатти «Социализм и аграрный вопрос», с. 22-24) и у

Чернова (Теоретики романск[ого] синдикализма, с. CLXXIX).

¹⁹⁸ См.: Лагардель Ю. Цит. соч., passim.

¹⁹⁹ Святловский В.В. Цит. соч., с. 218.

²⁰⁰ См. о значении этой пространственной группировки у Зиммеля в «Социальной дифференциации».

Глава II. Учение об элементарных социальных группах

5 2 7

прав со вторыми, вторые — к защите своих привилегий. «Человек, имеющий титул, высокий пост, почетную должность, стремится сохранить и передать их своей семье, если он в состоянии это сделать», — правильно говорит Росс²⁰¹.

Нетрудно видеть своеобразие этой группировки и ее несовпадение в настоящее время с предыдущими, в частности, с нередко отождествляемыми с нею группировками по профессии и по богатству. Лица одной и той же профессии могут принадлежать к различным социальным кругам по правовой привилегированности или обделенности. Так, в нашем недавнем прошлом и дворянин, и крестьянин могли быть рабочими, учителями, предпринимателями, землевладельцами по профессии; но это тождество профессии не мешало учителю-дворянину или землевладельцу-дворянину принадлежать к группе привилегированных — к дворянскому сословию — иметь ряд правовых привилегий, которых не имел учитель-крестьянин и землевладелец-крестьянин. И еврей, и русский могли принадлежать к одной профессии, напр[имер], быть наемным рабочим, но это не мешало первому быть обделенным в праве передвижения («черта оседлости»), а второму обладать этим правом. И православный, и раскольник могли принадлежать к одной и той же профессии (быть крестьянином, рабочим etc.), но второй принадлежал к группе обделенных в сфере религиозных прав — в праве свободного исповедания и распространения своей религии, свободного отправления культа etc., первый — к группе привилегированных. Жители Кавказа и Зап[адных] губерний и жители центральной России могли принадлежать к одним профессиям, но первые огулом были обделены по сравнению со вторыми в праве самоуправления, в форме земских учреждений. Недавно и негр, и англичанин могли принадлежать к одной профессии; но первый был рабом, второй — свободным гражданином. То же относится к ряду случаев у нас в эпоху крепостного права. И обратно, люди могут принадлежать к разным профессиям и тем не менее оказаться в одном социальном ранге по объему прав и привилегий.

Ряд писателей совершенно правильно отметил это различие группировки по профессии и по объему прав и обязанностей или, как некоторые из них выражаются, по социальному рангу.

К числу таких писателей принадлежат все те, которые различали «*техническое разделение труда*» и *социально-юридическое расслоение населения*. В русской литературе заслуга этого различения принадлежит Н.К. Михайловскому²⁰². В основе профессионального расслоения лежит имен-

²⁰¹ Ross E. Class and caste // American [journal] of sociology, vol. XXIII, p. 67.

²⁰² См.: Михайловский Н.К. Что такое прогресс; Дарвинизм и общественная наука; Борьба за индивидуальность и статью о Дюркгейме. См. также: Колосов Е. Очерки мировоззрения Н.К. Михайловского. СПб.: Тип. Т-ва «Общественная» польза», 1912, где это разделение проведено весьма четко и ясно.

5 2 8

Система социологии. Том II

но техническое разделение функций. С ростом промышленной жизни число технических операций в области производства все более и более растет, число профессий все более и более увеличивается. Напр[имер], с 1882 г. по 1895 г. в области германской статистики профессий появилось 4000 новых профессий²⁰³. Но из этого вовсе не следует, что так же развивается и социально-юридическое или объемно-правовое расслоение населения. Увеличение числа профессий вовсе не означает появление новых 4000 слоев различных по объему прав и обязанностей. Так обстояло бы дело там, где профессиональное и объемно-правовое расслоение были слиты, где принадлежность к

определенной профессии тем самым обозначала бы и принадлежность к определенному объемно-правовому слою. Такое положение дела мы находим в кастовом строе. Здесь, действительно, техническое разделение труда совпадает с объемно-правовым. Принадлежность к профессии жреца (брамина) или воина (кшатрия) совершенно точно предопределяет круг прав и обязанностей того и другого. Но с падением кастового режима эти две группировки диссоциировались, разъединились. Теперь лица одной профессии могут иметь и *de jure*, и *de facto* различный объем прав, и обратно, лица одной объемно-правовой группы могут иметь различные профессии. Рост технического разделения труда не только не влечет увеличения числа объемно-правовых групп, но скорей, наоборот, уменьшает число последних. Бутле прав, говоря: «западные общества, где техническая специализация стремится дойти до бесконечности, как будто задались задачей постепенного уничтожения всех социально-юридических различий: по мере развития уравнивательных идей барьеры, разделявшие плебея от патриция, раба от свободного, черную кость от белой кости, постепенно отпадают или опускаются. Это значит, что современный юридический режим (или современное объемно-правовое расслоение. — П.С), внутри которого смешиваются различные технические формы разделения труда, оказывается целиком противоположным режиму каст. В нем никакое предыдущее юридическое положение не предопределяет профессии и обратно, профессия не предопределяет юридического положения. Наследственности профессий нет. Теоретически все профессии открыты всем». *Le fils n'importe qui peut devenir n'importe qui*»^{204,72*}. Отсюда ясно различие профессиональной и объемно-правовой группировок. Правильно подчеркивает это различие Вормс. Профессии, говорит он, расположены как бы рядом друг с другом; социальные же группы по объему прав как бы лежат одни над другими (*superposees*); так, рабочий, мастер и директор фабрики принадлежат к одной профессии. К одной же профессии принадлежат: солдат, унтер-офицер и офицер. Но по соци-

²⁰³ *Bougie C. La democratie*, p. 149; *Бюхер К. Возникновение [народного] хозяйства*, т. II, с. 100.

²⁰⁴ *Bougie C. Op. cit.*, p. 152.

Глава II. Учение об элементарных социальных группах

529

альному рангу они делятся иначе: солдат и рабочий очутятся в группе низшего ранга, офицер и директор войдут в состав высшего ранга. Первые обделены в правах по сравнению со вторыми, вторые привилегированы. Деление по профессии горизонтальное, по социальному рангу — вертикальное²⁰⁵. Тот же факт подчеркивается и рядом других лиц, напр [имер], Пэшем, Пираром и др.²⁰⁶

Ниже мы увидим, что между определенными профессиями и объемно-правовыми группами есть связь: ряд профессий родственны и легко соединяются с привилегированной группой, другие — с обделенной, но это обстоятельство не мешает им быть в целом группировками различными.

Отлична группировка по объему прав и обязанностей и от группировки по степени богатства. Права и привилегии богатого дворянина не были равны правам богатого купца — не дворянина. Первый имел ряд привилегий, которых не имел последний. И наоборот. Нередко, какой-нибудь швейцар министерства обладал богатством более значительным, чем директор департамента этого министерства. По степени же прав, по социальному рангу, первый принадлежал к группе обделенных, второй — к высшим ступеням социальной лестницы. Титулярный советник по богатству часто входил в более высокую группу, чем действительный тайный советник; в группировке же по объему прав и привилегий он оказывался в гораздо более низкой группе, чем второй. По степени богатства часто подчиненные и управляемые бывают более обеспечены, чем начальствующие и управляющие; по социальному рангу взаимоотношение их обратное. «Бедный дворянин и богатый крестьянин, — обычное явление», — говорит Fahlbeck²⁰⁷. Словом, одинаково богатые далеко не всегда принадлежат к одной и той же группе по

объему прав и привилегий, и обратно, принадлежащие к одной и той же группе по привилегированности или обделенности далеко не всегда бывают одинаково богаты²⁰⁸.

²⁰⁵ См.: Worms R. Philosophie des sciences sociales. 1907, vol. III, p. 66 и ел.

²⁰⁶ См. изложение их взглядов у Солнцева (Обществ[енные] классы, с. 254-265).

²⁰⁷ Fahlbeck P. Les classes sociales // Bulletin] de l'Ins[titut] international] de statist[ique], vol. XVIII, 1 livr., p. 198.

гов Отсюда следует, что R. Worms и Pareto не вполне правы, отождествляя группировку по богатству с группировкой объемно-правовой. «В последнем счете, — говорит Вормс, — социальный ранг все же определяется экономическим принципом» (Worms R. Op. cit, vol. III, p. 275). «Классы, называемые высшими, суть классы обычно и наиболее богатые», — говорит Парето (Pareto V. Systemes socialistes, vol. I, p. 8). SensinipaB, указывая на то, что такое совпадение не всегда имеет место. (См.: Sensini G. Teoria dell'equilibrio, p. 607). Подтверждение этого факта дает и Колабинская, исследовавшая фактический состав правящего класса Франции с XI века до Франц[узской] революции. В нем занимали влиятельные места индивиды не только богатые, но и люди бедные. «Pour nous rapprocher encore plus de la realite nous ajouterons (к богатым индивидам, со-

530

Система социологии. Том II

Торгово-промышленники, в ряде остальных государств, напр [имер], в России до революции 1917 г., по богатству занимали высшую ступень денежной иерархии, по объему привилегий дворянское сословие было выше их. То же относится и к Франции конца XVIII века. Французская революция 1789 г. была в значительной мере борьбой «третьего сословия», имущественно более обеспеченного, чем феодальное дворянство, за уничтожение привилегий последнего и уравнивание прав буржуазии с французским дворянством²⁰⁹.

«В современном обществе идет борьба не только между богатыми и бедными классами, — правильно говорит М.И. Туган-Барановский, — но и между классами одинаковой имущественной состоятельности. Борьба между землевладельческой аристократией и буржуазией сыграла чрезвычайно важную роль во всей новейшей истории Зап[адной] Европы, хотя и землевладельцы, и буржуазия принадлежат к числу имущих классов»²¹⁰.

Из сказанного мы видим, что группировка по социальному рангу или привилегированности и обделенности не совпадает вполне ни с группировкой по профессиям, ни по богатству, взятых в раздельности. Но, может быть, она представляет их соединение? Бугле думает, что привилегированность или социальный ранг лица вытекают из его социальной функции и профессии, с одной стороны, с другой — из богатства, которым оно обладает. «Обычно допускается, что более почетно и благородно быть адвокатом, чем регистратором (greffier), хозяином кузницы, чем кузнецом, доктором, чем ветеринаром. Существует, таким образом, в наших обществах иерархия функций, определяющих социальное положение индивида. Но только ли функция определяет последнее?.. Если не трудно сохранить социальный престиж, ничего не делая, то весьма трудно сохранить его, не обладая ничем. Не значит ли это, что социальный престиж всего чаще вертится вокруг богатства? И обладание богатством не является ли чаще всего, в свою очередь, результатом привилегии? Если некоторые лица зарабатывают их капиталы работой, то большинство не получает ли их по наследству? Какая пропасть между тем, кто находит около своей колыбели полный мешок золота, и тем, кто находит только пустую котомку. Правильно говорят, что один принадлежит к классу привилегированных, другой к классу обделенных. Власть буржуазии в современном обществе покоится, в конечном

счете, на соединении выс-
ставлявшим правящую аристократию) certains individus que nous pourrions recon-
naître comme ayant des qualités éminentes dans leur classe, indépendamment de la richesse, et
qui font incontestablement partie de la classe gouvernante»^{73*} (KolabinskaM. La circulation des

elites en France depuis la fin du XI siecle jusqu' a la grande revolution. Losanna, 1912, p. 8).

²⁰⁹ Сродство между богатством и привилегированностью есть (см. ниже гл [а-ву] о кумул[ятивных] группах), но оно не равно тождественности обеих группировок.

²¹⁰ Туган-Барановский М.И. Основы полит[ической] экон[омии], с. 515.

Глава II. Учение об элементарных социальных группах

5 3 1

ших социальных функций с громадными капиталами. Она — класс владеющий и в то же время класс правящий; ее моральные преимущества всего чаще вытекают из экономических привилегий»²¹¹.

В переводе на наш язык эта цитата гласит: группировка по привилегированности и обделенности (объему прав) представляет не элементарную, а кумулятивную группировку — сложное тело, составленное из соединения элементарных группировок: имущественной + профессиональной. Если бы дело обстояло так, то, очевидно, я сделал большую ошибку, поместив объемно-правовую группировку в число элементарных, а не кумулятивных групп. Однако такой ошибки нет. В чем же дело? Поясню мою мысль примером. Химики считают воду, H_2O , сложным телом, состоящим из соединения водорода и кислорода. Отсюда следует, что вода, вне соединения H_2 и O , не может быть дана: ни кислород один или в соединении с иными элементами, кроме H_2 , ни водород один или в соединении с иными элементами, кроме O , дать воду не могут. Если бы группа привилегированных, «высших» по социальному рангу, представляла собой кумулятивную группу, составленную из кумуляции: богатства и определенных профессий — то (подобно воде) вне такой кумуляции мы не должны были бы находить группу привилегированных. Между тем, дело обстоит иначе. Часто мы видим, как одно богатство вызывает привилегированность богатых. Иногда одна профессия (занимаемый пост) вызывает привилегированность чиновника. Это значит, что в отличие от воды, которой не может быть вне H_2O , привилегированность существует без одного из тех элементов, которые, по Бугле, представляют ее составные части. Такой факт сводит на «нет» химическую формулу привилегированности, данную Бугле. Мало того. Ниже мы увидим и из опыта это знает каждый, привилегированность (или обделенность) могут связываться не только с профессией и богатством, но и с другими признаками, напр[имер], с расой. Негр, занимающий пост одинаковый с англичанином, равный с ним по богатству, в общем будет котироваться англосаксами Америки гораздо ниже, чем второй. Второй, в силу расовых свойств, будет привилегированнее первого в ряде отношений. Такую же роль может сыграть пол или религия. Мало ли в истории фактов, начиная с наших раскольников, где лица одной и той же профессии, одного имущественного положения, (напр[имер], купец-православный и купец-раскольник) в ряде прав, касающихся отправления культа, вовсе не были равны — православный купец был привилегированным, раскольник обделенным.

Такую же роль может сыграть государственная принадлежность. Ряд лиц, живущих в одном государстве, при равенстве богатства и профессии, далеко не всегда бывают равными по объему прав, если они принадлежат к разным государствам. Подданные иных государств не имели

²¹¹ Bouglé C. La démocratie p. 91-92.

5 3 2

Система социологии. Том II

и не имеют обычно ряда прав избирательных, которыми обладают подданные данного государства, часто ограничены в праве сделок, в приобретении собственности, и в ряде других личных и имущественных прав. То же можно сказать, напр[имер], о территориальной принадлежности, грамотности, возрасте и др. условиях. Все они влияют на объем привилегированности. Каждое из них при известных условиях может послужить и служило основой привилегированности или обделенности. (См. ниже гл [аву] о кумулятивных группах). А все это говорит о том, что привилегированность далеко не всегда представляет соединение богатства и профессии, что она существует и вне этих условий, что она встречается в соединении с расовой, половой, государственной, религиозной и др. группировками. А раз так, то значит, она имеет бытие *sui generis*, отлич-

ное от каждой из этих групп. В силу этого самостоятельного бытия она и может «кумулятиваться» со многими из них. Вне его — такой картины не могло бы быть. Ниже мы увидим, что группировка по объему прав принадлежит к числу весьма гибких, подвижных, летучих группировок; она, подобно некоторым химическим телам, легко вступает в соединение с рядом других элементарных группировок и дает богатый комплекс сложных кумулятивных групп. /

А все это говорит против теории Бугле и против кумулятивной природы объемно-правовой группировки. *Она существует как элементарная группировка sui generis, отличная от других очерченных.* Другое дело вопрос: *со всеми ли группировками она одинаково легко вступает в соединение?* Не обладают ли особым сродством признаки богатства и привилегированности, бедности и обделенности? Не влечет ли часто обладание определенными профессиями привилегированность, другими обделенность? В силу этого: не находим ли мы чаще всего кумулятивные группы: богатых + привилегированных, бедных + обделенных или кумулятивные группы, составленные из лиц определенных профессий, обделенных, лиц других профессий, которые в то же время привилегированны. Это другой вопрос, гласящий: с какими элементарными группировками всего легче и чаще кумулируется группировка по привилегированности и обделенности? Какие «химические соединения» она чаще всего дает? Мы увидим, что с этой точки зрения взгляды и Вормса, и Парето, и Бутле и других имеют резоны, но это ничуть не влечет за собой ни отождествления объемно-правовой группировки с другими элементарными, ни конструирования ее как группировки кумулятивной. Такой подход противоречит фактам и влечет за собой (как увидим при анализе класса) ряд нелепых выводов и ошибок.

В настоящее время почти во всех культурных странах провозглашено юридическое равенство всех перед законом. Лозунг *egalité* красуется на фронтонах общественных зданий. «Люди равны», «демократия — это равенство», слышим мы всюду. Если поверить этим словам, то можно

Глава II. Учение об элементарных социальных группах

5 3 3

подумать, что объемно-правового расслоения нет совсем, что оно изжито, что привилегированность и обделенность канули в Лету. Но тот, кто поверит этому, ничего, кроме своей наивности и близорукости этим не засвидетельствует. Это значит, что *равенства нет и теперь, что объемно-правовое расслоение в тысяче форм продолжает существовать, что деление на привилегированных и обделенных, а следовательно и их антагонизмы, благополучно здравствуют.* «Мы слышим часто, что в современных обществах "нет больше классов". Все граждане равны перед законом. Они пользуются одними и теми же политическими правами. Они имеют свободный доступ к одним и тем же функциям. Общество не имеет больше ясно выраженную иерархию, все граждане официально помещены на одном и том же плане... Фактически же глубокие различия продолжают разделять их... Несмотря на юридическое и официальное равенство, наше общество выступает как бы разделенным на два мира: один темный и тусклый, другой — блестящий и сверкающий»²¹². «Хотя у современных цивилизованных народов право не только не устанавливает каких-либо границ между классами, но даже не признает в какой бы то ни было форме существования самих классов, тем не менее они продолжают существовать фактически», — правильно говорит Sensini²¹³.

Фактически различие по объему прав и обязанностей существует в тысяче форм; таковы: неравное распределение предметов первой необходимости и комфорта, лишение значительной части населения *избирательных прав* — активных и пассивных, связываемое то с полом, то с возрастом, то с безграмотностью (Италия), то с имущественным цензом; ограничение *религиозных прав*, в частности свободы верований и отправления культа, обделенность ряда лиц в праве *передвижения* (черта оседлости), в *праве самоуправления* (области и группы, лишенные права автономии), неравенство в сфере прав, относящихся к *свободе слова, печати, союзов, собраний, неприкосновенности*

личности, ограничения в сфере общественного пользования *родным языком*, множество ограничений, относящихся к совершению гражданско-правовых сделок и т. д., вплоть до ограничений, лишаящих человека (преступника) *всех прав состояния и нередко ставящих его вне закона, т. е. лишаящих его даже права на жизнь*. Еще яснее своеобразие этого расслоения выступит, если мы возьмем любую организованную группу. Возьмем ли мы государство, или церковь, или партию, или профессиональное объединение, или семью, или другой организованный коллектив, в каждом из них мы увидим расслоение *на управляющих или властвующих, на управляемых или подвластных*. Это деление — иная редакция деления на привилегированных и обделенных. Государственная власть со своими агентами в государстве, папа, патриарх, синод со своими агентами в церкви, централь-

²¹² *Bougie. La democratic*, p. 91-92.

²¹³ *Sensini G. Op. cit.*, p. 571.

5 3 4

Система социологии. Том II

ный комитет с лидерами — в партии, правление профессионального союза в синдикате, главнокомандующий и его агенты в армии, отец семейства в семье, люди, задающие тон, в научном, литературном и других обществах, все они составляют верхний слой управляющих в каждой группе, права которых и *de jure*, и *de facto* не равны правам подвластных, управляемых в пределах каждой из них. Первые составляют верхушку пирамиды, вторые — ее основание. Первые привилегированы, вторые обделены.

Всюду, где дано такое расслоение на управляющих и управляемых, всюду, где дана иерархия, та или иная табель о рангах, тем самым дано очерчиваемое объемно-правовое расслоение на привилегированных и обделенных, высших и низших.

«Изменяясь по форме, — правильно говорит Парето, — социальная иерархия существовала и существует во всех обществах, которые провозгласили и провозглашают равенство индивидов». Феодализм и олигархия продолжают жить и в науке, и в искусстве, и в политике, и в администрации, и среди разбойничьих банд, и среди общества равных²¹⁴.

Такое разделение, как я сказал, дано во всякой широкой организованной группе. Везде есть «начальствующие» и «подчиненные». Правда, часто они титулуются не так. Часто «властвующие» называются «уполномоченными» «представителями», «депутатами», «избранниками», «вы-полнителями воли избирателей» и т. д. Но наивным был бы тот человек, который поверил бы этим словам и стал бы думать, что и в самом деле «управляющие», избранники и т. д. равны остальным членам, управляемым. Ни в одной группе пока что фактического равенства не было и нет. *Равенство — миф, пока не осуществленный. Быть может, в том и состоит трагедия людей, что без организованности социальные группы не могут существовать длительно; раз дана организованность — дано деление на привилегированно-правлящих и обделенно-управляемых*, это значит дано неравенство или объемно-правовое расслоение. Раз дано последнее — даны и его неизбежные следствия: эксплуатация и угнетение правящими подвластных, использование власти первыми для своих целей и нужд, обьегоривание управляемых, правление от имени народной воли вопреки воле и желанию управляемых и т. д. Такова величайшая трагедия человеческой истории.

Так было во всех группировках в прошлом, так обстоит дело во всех сколько-нибудь численных организованных группах и теперь. «Все то же, то же вновь доньше и от века». *Объемно-правовое расслоение или социально-правовое неравенство не только не изжито, но оно вылезает отовсюду и во всех группах.*

— А партии и группы, ставящие на своем знамени требование равенства? а социалистические партии? А синдикальные объединения?

²¹⁴ *Pareto V. Trattato*, vol. I, p. 500 и ел.

Глава II. Учение об элементарных социальных группах

5 3 5

А народоправства и демократические государства? разве все это не группы, где социально-правовое равенство осуществлено? Разве есть здесь деление на

привилегированно-властвующих и об деленно-управляемых? Разве «не народную волю» выражают избранники народа и народная власть? Разве не стремления избирателей выражает «лидер партии»? Разве можно говорить об олигархии и феодализме в пределах социалистических партий? Разве равенство здесь не осуществлено? — скажут мне «чистые сердцем».

Amico Plato sed Veritas amicissima^{74*}, скажу я в ответ. Увы, ни в одном из обширных и организованных обществ, требующих или провозглашающих «равенство», его нет. Нет его в социалистических партиях, нет в демократиях, нет и в синдикальных союзах, нет его пока что нигде. Всюду объемно-правовое расслоение пока что живо и здравствует. Всюду управляющие эксплуатируют и «водят за нос» управляемых. Между «деспотом Божиею милостию», депутатом и министром «волею народа», лидером или центральным комитетом партии социалистов, коммунистов и других партий, правлением синдиката, избранного волею рабочих, разница не принципиальная, а чисто количественная, разница в степени. Все они эксплуатируют управляемых, все они их обьегоривают, но одни больше, другие меньше. Одни управляют преимущественно путем *насилия*-, другие *путем хитрости и обманов*. Методы одни и те же, но пропорции их разные.

Эта горькая истина, увы, бесспорна. Свидетельств — сколько угодно. Доказательств более, чем достаточно.

Приведем некоторые. Для краткости ограничусь немногими, отсылая за дальнейшими фактами к указанным работам.

Что *государственная власть, т. е. группа властителей, правящая бо-жьею милостию, привилегирована по сравнению с подданными скотами, эксплуатирует их и водит за нос, это не требует доказательств. Иначе, по-видимому, обстоит дело с выборным, «представительным» правительством, управляющим волею народа*. Многие наивно думают, что в демократиях, в «народоправствах» осуществлено «самоуправление народа, для блага народа и через посредство самого народа». Увы, такие представления — утопия. Более правильны те воззрения, которые к слову «демократия» или «выборное правление» присоединяют прилагательные: «плутократический», «демагогический» или «олигархический». Быть может здесь привилегированность мягче, чем в деспотиях, но что она существует — это несомненно. Суть дела чрезвычайно ярко вскрывается в нижеследующих строках, взятых из работ анархистов. Важно здесь не то, что так думают анархисты, а то, что положение дел на самом деле таково, как они его изображают. Они сжато характеризуют то, что существует в действительности и что констатировано множеством вдумчивых наблюдателей без различия партий.

536

Система социологии. Том II

Представительному правительству присущи все недостатки правительства. Знаменитые слова Руссо о правительстве вообще применимы к нему, как нельзя лучше. «Чтоб можно было передать свои права выборному собранию, — говорит он, — оно должно состоять из ангелов. Да и у них вырастут рога и когти, как только они примутся за управление людьми, этим стадом скотов!»

«*Представительное правительство*, называется ли оно парламентом, конвентом, Советом Коммуны или каким-нибудь другим именем, назначено ли оно префектами Бонапарта или архисвободно избрано населением восставшего города — всегда стремится, подобно деспотам, расширить свои права, вмешиваясь во все проявления жизни, заменяя законами свободную инициативу отдельных лиц и групп. Оно забирает в свои когти человека с самого детства и ведет его до могилы от закона к закону, от угрозы к наказанию... Приходилось ли вам слышать, чтобы выборное правительство объявило себя некомпетентным по какому-либо вопросу? Подчинять своим законам все проявления человеческой деятельности, — вот цель государства и правительства. Правительство стремится распространить свою власть. Парламентское правительство не составляет исключения, крайний бюрократизм — характеристика представительного правительства.

С начала века идут разговоры о децентрализации, а (парламентарное) правительство усиливает централизацию и социал-демократы, ослепленные правительственными предрассудками, мечтают о дне, когда они будут в берлинском парламенте заведовать организацией производства и потребления всей Германии.

Спасает ли нас представительное якобы миролюбивое правительство от войн? Конечно нет! Никогда не истребляли друг друга с такой яростью, как при представительном режиме».

«Недостатки представительных собраний покажутся нам вполне естественными, если мы вспомним, как набираются их члены. Не стану воспроизводить ужасной и омерзительной картины выборов. Везде повторяется гнусная комедия, не стану рассказывать, как агенты и избирательные комитеты проводят своих кандидатов, как они направо и налево раздают обещания: в собраниях сулят политические реформы, частным лицам — места и деньги; как они проникают в семьи избирателей и там льстят матери — хвалят ребенка, ласкают собачку. Как они рассыпаются по ресторанам, заводят между собою вымышленные споры, завязывают с избирателями разговоры, стараясь, подобно шулерам, поймать их на слове... Как после всех этих махинаций кандидат заставляет себя просить и, наконец, появляется среди «дорогих избирателей» с благосклонной улыбкой на губах, со скромным взором и вкрадчивым голосом, — совсем как старая мегера».

«Не стану перечислять лживых программ — одинаково лживых, будь они оппортунистическими или социал-революционными, программ,

Глава II. Учение об элементарных социальных группах

537

которым не верит ни один из кандидатов, защищающих их с жаром, с дрожью в голосе. Не стану приводить сметы расходов по выборам; списков расходов избирательных агентов, в которые занесены телячьи окорока, фланелевые жилеты и разные сладости, купленные кандидатом для "дорогих детей" избирателей».

«Но довольно, оставим эту грязь!.. Обман, клевета, лицемерие, ложь, — самые низкие проявления человека-зверя — вот картина страны во время выборов»²¹⁵.

Я сделал эту выписку потому, что здесь сжато очерчено то, что делается на самом деле. Множество других лиц, начиная с Прудона и кончая синдикалистами и такими «академическими» исследователями, как М.Я. Острогорский, Pareto, G. Mosca, R. Michels и др., с фактами в руках подтверждают набросанную картину. Все они в один голос утверждают, что демократические правительства — правительства плутократические; правя от «имени народа» они сплошь и рядом правят вопреки интересам народа. Пропасть между правящими и управляемыми существует. Избираются обычно не лучшие и честные люди, а наиболее беспринципные. «При современной системе постоянных партий, с их программами omnibus, кандидат или депутат становится неизбежно шарлатаном. Не только в сфере политической он должен быть видом доктора de omni re seibili et quibusdam aliis^{75*}, имеющим готовое решение всех возможных проблем, но он должен ручаться за решение этих проблем в самый кратчайший срок. Он должен давать обещания направо и налево, и так как невозможно их выполнить, он становится профессиональным лжецом», политическим Дон Жуаном²¹⁶.

Кропоткин прав, говоря: «таково положение дел, и оно не изменится, пока люди будут назначать себе начальников и терпеть их господство. Создайте общество из свободных и вполне равноправных рабочих, и в тот день, когда они захотят избрать себе правителей, — у них повторится та же гнусная комедия. Может быть, будут больше подносить телячьих окороков, но ложь и лесть останутся в силе»²¹⁷.

Чем больше выборных инстанций, тем большим мошенником должен быть избранный, ибо тем больше он должен лгать и обманывать, раздавая обещания направо и налево, говорит Парето.

^{2,5} Кропоткин П. Речи бунтовщика. М., 1919, с. 79-83; см. всю гл[аву] о «представительном правительстве».

²¹⁶ Ostrogorski M. La democratie et les partis politiques. 1912, p. 652. Здесь же см.

описание всех избирательных махинаций и плутократизма демократ[ических] правительств.

²¹⁷ Кропоткин П. Цит. соч., с. 84. См. тут же весьма меткую и правильную критику всего парламентарного режима. Обоснованное подтверждение этих положений см.: *Pareto V. Trattato*, vol. II, p. 597 и ел. См. также работы синдикалистов, указанные выше, те места, которые посвящены критике парламентаризма и демократии.

538

Система социологии. Том II

Испорченность и своекорыстность *всякого* правительства — не случайный факт. «Этики думают, — заключает он, — что испорченность правительства и его плутократизм — случайны, что они — результат захвата власти "бесчестными" людьми. Но дело обстоит не так. Не случайно власть достается человеку, а по выбору, как следствие организации»²¹⁸.

Всякое правительство эксплуатирует в свою пользу и в пользу своих сторонников управляемых. Одни, подобно Цезарю, Сулле, Августу прямо и грубо раздают достояние граждан своим преторианцам и клиентам; другие, подобно демократическим политикам, с большим или меньшим искусством распределяют его между своими сторонниками путем синекур, протекционизма и т. п. мер. О всяком правительстве, называемом мародера, можно сказать: *I maggiori ladri il piccolo conducono (in carcere)* — «Большие разбойники ведут в тюрьму малого». И это можно сказать о всяком правительстве, ибо «люди, которые правят, какова бы ни была форма правления, имеют в среднем определенную склонность использовать их власть для ее сохранения и злоупотреблять ею для приобретения личных выгод и доходов»²¹⁹.

Отсюда вывод: режим, в котором «народ» выражает свою подлинную «волю», суть только жалкое пожелание, не наблюдавшееся никогда в действительности. *Un reggimento in cui il «popolo» esprima il suo «volere» — dato e non concesso che ne abbia uno — senza clientele, né brighe, né consorterie, esiste solo come pio desiderio di teorici, ma non si osserva nelle realta, né nel passato, né nel presente, né nelle contrade nostre, né in altre»^{76*}.*

Посему и «демократическая эволюция» состоит лишь в том, что демократическое правительство управляет главным образом путем хитрости, обмана, синекур, клиентелы и протекций, а не исключительно путем голого насилия, — главного орудия управления недемократических правительств. Феодалные правительства средневековья правили, т. е. эксплуатировали население гл[авным] обр[азом] посредством силы вассалов, современные же демократии, являясь экономическим феодализмом, управляются главным образом махинациями, состоящими в искусстве политической клиентелы²²⁰.

Сказанного достаточно, чтобы считать ложью разговоры о равенстве в демократии, об отсутствии здесь расслоения на привилегированно-правлящих эксплуататоров и эксплуатируемых, обделенно-подвластных.

²¹⁸ *Pareto V. Op. cit.*, p. 635, 641.

³¹⁹ Иллюстрацию к сказанному из деятельности современного социалистического правительства Германии дает *Радек* ст[атье] «Прогнивший режим», вскрывающий коррупцию «правлящей клики» (дело Парвуса, Склярца, Штрауса). См.: Известия ЦИК. 1920. № 65. Подобная коррупция, однако, свойственна в той или иной форме всякому правительству.

²²⁰ *Pareto V. Op. cit.*, p. 618-635.

Глава II. Учение об элементарных социальных группах

539

Но, может быть, этих явлений нет и быть не может *при революционном правительстве, при «диктатуре пролетариата»?* Может быть, здесь имеется подлинное равенство и правительство — приказчик, а не эксплуататор народа? Увы, и это мечты.

Тот же П.А. Кропоткин, М. Бакунин и ряд других авторов совершенно верно характеризуют и здесь положение дела. Вот его суть.

«Революционное правительство!» Как странно звучат эти два слова. Они противоречат друг другу, взаимно уничтожаются. Революция — это отрицание

правительства, этого синонима порядка. И тем не менее нам беспрестанно говорят об этом «белом дрозде!» Далее, Кропоткин анализирует «революционное правительство» Парижской коммуны, избранное архисвободно и оказавшееся негодным. Любое «революционное правительство» «превращается в парламент со всеми недостатками буржуазных парламентов. Это "революционное правительство" становится непреодолимым препятствием для революции, и народ должен отставить тех, которых он еще вчера приветствовал как своих избранных. Но это уже не так легко. Новое правительство успело организовать целую иерархию администраторов для расширения своей власти и подчинения себе народа, теперь оно уже добровольно не уступит своего места. Стремясь удержать власть, оно... готово противопоставить силу силе, и, чтоб его свергнуть, надо снова взяться за оружие, произвести новую революцию. И вот революция распалась!.. Революция и правительство несовместимы».

«Та партия, — говорят они («ревнители» революционного правительства), — которая свергнет правительство, захочет сама занять его место. Она захватит власть в свои руки и будет действовать революционным путем. Она примет все меры, чтобы обеспечить успех восстанию... Всем, кто не захочет признать ее власть, — гильотина; всем, будь они из народа или буржуазии, которые откажутся подчиняться ее приказам, — тоже гильотина!» «Вот как рассуждают будущие Робеспьеры, — едко иронизирует Кропоткин по поводу таких оправданий, — которые из великой эпопеи (французской революции) запомнили лишь период упадка и речи прокуроров республики».

«Мы, анархисты, произнесли окончательный приговор над диктатурой, как одного лица, так и одной какой-нибудь партии. Мы знаем, что революция и правительство несовместимы. Мы знаем, что всякая диктатура, как бы честны ни были ее намерения, ведет к смерти революции. Мы знаем, что *идея диктатуры есть зловерный продукт правительственного фетишизма, который всегда стремился увековечить рабство...* Давно пора распрощаться с мыслью о революционном правительстве, неоднократно обманувшем нас. Пора понять, что правительство не может быть революционным. Нам говорят о конвенте. Но кон-

540

Система социологии. Том II

вент, подобно всем правительствам, был исключительно препятствием для созидательной работы народа»²²¹.

Мудрено ли поэтому, что П.А. Кропоткин не без основания высмеивает идеалы революционной диктатуры, лелеемые многими социалистами, и характеризует их, как «нечто среднее между идеалом Бисмарка и идеалом портного, который мечтает получить место президента в Соединенных Штатах»²²².

«Между революционной диктатурой и государственностью вся разница состоит только во внешней обстановке, — не менее правильно говорит и Бакунин. — В сущности же они представляют обе одно и то же *управление большинства меньшинством во имя мнимой глупости первого и мнимого ума последнего. Поэтому они одинаково реакционны*, имея, как та, так и другая, результатом непосредственным и неперенным *упрочение политических и экономических привилегий управляющего меньшинства и политического и экономического рабства народных масс...* Док-тринеры революции, хотящие основать свою собственную диктатуру, всегда были и будут не врагами, а самыми горячими поборниками государства. Они только враги настоящих властей, потому что желают занять их место». Вот почему Бакунин называет величайшим реакционером Робеспьера, «восстановителя общественных и реакционно-гражданских порядков во Франции», как таким же реакционером он считает Маркса и марксистов, мечтающих о диктатуре²²³.

В этих строках вскрыта сущность революционной диктатуры и показана вся утопичность чаяний ожидающих от нее уничтожения дифференциации на эксплуатирующее правящее меньшинство и эксплуатируемое управляемое большинство. «Революционная диктатура» не уничтожает трагедии «молота и наковальни», а только

переменяет актеров.

Что это так, это следует прежде всего из слов самих диктаторов и идеологов революционной диктатуры. Во-первых, по мнению Маркса, Энгельса и Ленина, революционная диктатура означает *«государство, т. е. организованный в господствующий класс пролетариат»*²²⁴. Раз есть *господствующий класс*, то значит есть и *подчиненный класс*; следовательно, равенства нет, следовательно, трагедия «молота и наковальни» не уничтожена; переставлены только актеры, и пьеса продолжает разыгрываться. Во-вторых, идеологи революционной диктатуры ошибаются, утешая себя тем, что при такой диктатуре управляет большинство над мень-

²²¹ Кропоткин П. Речи бунтовщика, с. 109-117. Доказательства суждения о конвенте читатель найдет в книге того же автора «Великая французская революция». М., 1919, глава XXXVI и *passim*.

²²² Кропоткин П. Речи, с. 117-118. См. всю гл[аву] о «революционном правительстве», блестяще вскрывающую суть всякой «революционной» диктатуры».

²²³ Бакунин М. Государственность и анархия. 1919, с. 239-240, 233 и *passim*.

²²⁴ См.: Ильин В. Гос[ударст]во и революция, с. 25.

Глава II. Учение об элементарных социальных группах

5 41

шинством. Это фактически невозможно. «Семеро капралов и один рядовой» бывают только в сказках. Если властвует, выполняет правительственные функции большинство, то кто же будет содержать его и кем оно будет управлять? Если самим собой, то не нужно было бы совсем «правителей» и чиновничьего персонала. Если же другими, то «управляющие» (не на словах, а на деле) никак не могут быть в большем числе, чем подвластные. Они неизбежно составляют и составляли меньшинство. А раз так, то к ним вполне применимы слова Энгельса о чиновниках. «Обладая общественной властью и правом взыскания налогов, чиновники становятся, как органы общества, над обществом. Создаются особые законы о святости и неприкосновенности чиновников» и т. д. Это применимо ко всем чиновникам, вплоть до чиновников диктатуры. Наша диктатура достаточно красноречиво говорит об этом.

Что это явление возвышения правящих лиц над обществом неизбежно, следует из слов самого же В.И. Ленина. На 95 стр. его книги мы читаем «Бееграждане (в коммунистическом государстве) превращаются в служащих по найму у государства, каковым являются вооруженные рабочие. Все граждане становятся служащими и рабочими одного всенародного, государственного "синдиката"»²²⁵.

Одно из двух: или все граждане самоуправляются, тогда не нужно никакой власти, никакой диктатуры, тем более «вооруженной», тогда нет никакой «службы по найму». Если же все «граждане должны служить по найму», и именно «у вооруженных рабочих», если последние будут нанимать, производить «учет и контроль их» (см. с. 95, 93, 96), то значит, нет самоуправления, а есть управление, нет равенства, а есть начальство (да еще вооруженное!); значит, последнее будет «нанимать» граждан, а граждане становятся «служащими» вооруженных правителей; граждане будут работать, а вооруженные диктаторы — «учитывать, контролировать» и править. Чем же эта картина отлична от вечной картины «молота и наковальни»? Чем отличаются такие «вооруженные рабочие» от всякого начальства? Только кличкой, больше ничем. В.И. Ленин невольно нарисовал картину верную и точную. Снимите кличку и перед вами картина самого буржуазного государства: по одну сторону все управляемые граждане, по другую — управляющее меньшинство, которое (будьте покойны!) сумеет эксплуатировать управляемых по всем правилам морали «волчьего зуба и лисьего хвоста».

Пробегите всю историю, и вы не найдете ни одного случая, где диктатура «волею народа» не была бы диктатурой над народом. Диктатуры пролетариата фактически всегда были диктатурой над пролетариатом. Всюду забравшее власть меньшинство отделялось от управляемых, создавало себе, своим клиентам и сторонникам привилегии, объявляло преступниками всех несогласных с ним и посылало их на эшафот, без

различия класса, партии, имущественного положения и т. д. Так было и так есть.

Русская социальная революция — не является исключением из этого правила. Она оправдала все те опасности, на которые указывали анархисты. Уничтожила ли она расслоение управляющих и управляемых? — Нет. Это признают и сами диктаторы. — По словам В.И. Ленина, коммунизм не уничтожил буржуазии, а создал новых «буржуа-коммунистов». То же в одной из своих речей принужден был признать и Зиновьев.

Уничтожила ли наша «диктатура пролетариата» привилегии правящих и обделенность управляемых? Увы, нет! Старая трагикомедия продолжается. Вместо равенства выросло во всем грандиозное неравенство, начиная с пирамиды «категории» и кончая правами на жизнь, на личные блага: материальные и духовные (свобода мысли, слова, печати, неприкосновенность жизни и т. д.).

Сколько появилось всяких «ленных прав» для различных групп населения сообразно их близости к властителям.

Быть может, правит большинство? — Правит коммунистическая партия. Число ее членов в Петрограде не превышает сейчас и не превышало 16 920 человек²²⁶. 16 920 человек на миллионное население столицы — центра коммунизма! Если таково отношение властителей к подвластным в столице, то каково же оно во всей стране! По подсчету коммунистов все число членов их партии не превышает 600 000 человек. О каком же большинстве здесь может быть речь!

Но, *может быть, этой пропасти и всех ее результатов нет в среде социалистических партий, ставящих своим лозунгом «равенство»?* Быть может, здесь нет проблемы молота и наковальни? Увы! Она налицо и здесь. И здесь мы имеем царство феодализма и олигархии. С одной стороны — правящие привилегированные (лидеры, члены комитетов), эксплуатирующие управляемых, предпринимающие от их имени акты, сплошь и рядом идущие вразрез с желаниями последних, с другой стороны — это «водимое за нос» большинство, такова картина «равенства» в социалистических партиях. Исследования Острогорского, Р. Михель-са, Gaetano Mosca, Фурньера, Reid'a, Pareto, Webb'oB, Сореля, Лагарделя и других нарисовали нам такую вакханалию олигархизма в этой среде, что после появления их работ все красивые иллюзии приходится отбросить.

«Лидеры социалистов рассматривают массы как пассивный инструмент в их руках, как ряд нулей, которые служат только для того, чтобы придать большее значение цифре, стоящей налево» (т. е. самим лидерам), так красноречиво характеризует положение дела Fourniere, один из социалистов²²⁷. М.Я. Острогорский вскрыл нам во всей полноте ту же картину. Он показал нам, что партиями управляет меньшинство, Caucus,

Щетроградская] Правда. 1920, № 65 (ст[атья] В. Васильевского). См.: Fourniure E. La Sociocratie. 1910, p. 117.

Глава II. Учение об элементарных социальных группах

5 4 3

Boss, Machine. «Горсточка людей достаточна для того, чтобы создать могущественную организацию, обнимающую тысячи избирателей»²²⁸. Во всех партиях Англии и Америки, в том числе и в рабочих, и в социалистических, все вершит одно лицо (Boss) или маленькая группа лиц (Caucus), накладывающих на всех членов дисциплину, «водящих последних за нос», делающих личную карьеру через партии, игнорирующих de facto волю большинства, изгоняющих из партии всех, осмеливающихся не соглашаться с ними, представляющих в большинстве лиц низкопробных лицемеров и т. д.²²⁹ Ни о каком равенстве или отсутствии деления на правящих и управляемых не может быть и речи. Еще более яркую картину феодализма и олигархии специально в социалистических партиях вскрыл нам итальянско-немецкий синдикалист R. Michels в своей работе. Я отсылаю сомневающегося читателя к этим работам. Прочтя их, он убедится, что я не занимаюсь клеветой, а говорю то, что есть на самом деле²³⁰.

Но, быть может, нет таких явлений в самих синдикалистских организациях? Не они

ли всячески разоблачают политиканствующее меньшинство социалистических партий? Не они ли критикуют руководящую интеллигенцию? Не они ли противопоставляют синдикаты партиям и указывают, что таких явлений нет в первых?

Увы! Синдикалисты, указывая в чужом глазу сучок, не видят у себя бревна. Вся их идеология, «сознательного меньшинства», все их учение о «селекционизме», вся их теория о насилии представляет такое бревно. Как не раз уже было отмечено, синдикалисты реформировали учение Ницше о сверхчеловеке. Их теория «инициативного меньшинства», имеющего право насильственно вести за собою большинство, есть переи-

²²⁸ Ostrogorski M. La democratic, p. 157.

²²⁹ Такое явление было и в Первом Интернационале, после Гаагского конгресса 1872 г. См.: Лавров П.Л. Очерки по истории Интернационала. Пг., 1919, с. 18 и сл. Вот, напр[имер], характеристика Labour Party. «Malgre ses apparences democratiques elle est dirigee par un petit comite, par un cercle intime, et il impose une discipline rigoureuse tant dans le pays q'u a la Chambre, оц n'entrent que des candidate qui ont ete agrees par le comite central de Londres et qui se sont engages par ecrit a voter selon le mot d'ordre du parti et non selon leurs lumieres... En attendant, le Labour Party n'aura done fait qu'ajouter aux deux caucuses existants (либералов и консерваторов), un troisieme caucus, sans avoir affecte profondement la vie interieure de partis»^{77*} (Ostrogorski M. Op. cit., p. 154; см. всю книгу и в особенности с. 614-705).

²³⁰ См.: Michels R. Zur Soziologie des Parteiwesens in der modernen Demokratie. Leipzig, 1910, passim; Pareto V. Trattato, vol. I и II; Borgatta G. Democrazia ed oligarchia nelle organizzazione democr[atico] // Rivista ital[iana] di sociologia, 1912, p. 664 и сл. Ряд данных того же рода дает работа Webb' ов. Industrial democracy. 1897; Mosca G. Elementi di scienza politica. 1896; Reid W. Memoires of Sir Weinyss Reid. 1905. См. далее работы синдикалистов: Сореля, Лагарделя, Берта, Леоне, Лабрио-лы и др., беспощадно вскрывающих эти черты в политических партиях социалистов.

544

Система социологии. Том II

цованная идеология абсолютизма и деспотизма. Суть та же, только актеры другие.

Какой идеолог абсолютизма и привилегированного меньшинства не подпишется под следующими фразами синдикалистов, доказывающими их отличие от демократии с ее принципом большинства.

«Прямое действие предполагает деятельное вмешательство отважного меньшинства. Не масса, тяжелая и неповоротливая, должна здесь высказываться, чтобы начать борьбу, как это имеет место в демократиях; не число здесь составляет закон и не количество является правилом, а образуется избранная (кем? самими? — П.С.) группа (une elite), которая, в силу своего качества, увлекает массу и направляет ее на путь борьбы»²³¹. «В отличие от бессознательного большинства демократии и догмы народного суверенитета синдикализм противопоставляет этой догме права индивидов и принимает во внимание только воления, выраженные ими. Если проявленные воления весьма малочисленны, это жаль, но это не может служить основанием для аннулирования их мертвым весом (желаний) несознательных лиц»²³².

«Какой деспот, какой тиран, какой диктатор, начиная с Суллы или Цезаря и кончая Кромвелем, Робеспьером, Наполеоном, Колчаком и др., не подписался бы под этими словами! Кто из них в оправдание своей тирании не сказал бы, что если слишком малочисленны лица, желающие добровольно идти за ними, это жаль, но это не может служить основанием для аннулирования их диктатуры и тирании!»

Синдикалисты замкнули круг, идущий от абсолютизма через демократию к новому абсолютизму; через отрицание последней и реставрацию культа «героев» они снова возвращают нас к абсолютизму, к учению о привилегированном меньшинстве, «во имя блага большинства» (какой же деспот не говорит этих традиционных слов), насилующих это большинство и властвующих над ним. Наглядный пример того, к чему практически приводит такой культ меньшинства, дает следующее голосование на Амьенском

конгрессе.

«Голосовали *против* заключений доклада *шесть* синдикатов, включающих 2696 членов (каждый синдикат имеет один голос, независимо от числа его членов).

Голосовали *за* шесть синдикатов, имеющих всего 196 членов.

Не правда ли? любопытный итог? 196 человек имеют такой же вес, как 2696 членов»²³³.

Это ли не старый путь абсолютизма и излюбленный способ деспотического управления. Если вы имеете силу — берите власть и делайте с

²³¹ *Lagardelle H. Le socialisme ouvrier.*

²³² *Pouget E. La Confederation general di Travail. Paris. 2 изд., р. 7. См. также: Сорель Ж. Размышления о насилии, passim.*

²³³ *Чернов В. Теоретики романского синдикализма, с. CLXI-CLXII.*

Глава II. Учение об элементарных социальных группах 54 5

«коснеющей в невежестве массой» что угодно. Все оправдано. Крут замкнут: от абсолютизма чрез демократию снова к абсолютизму.

После сказанного легко понять, что и здесь не приходится искать равенства и отсутствия расслоения на правящее привилегированное меньшинство и обделенное большинство. Синдикализм не только не уничтожает этой трещины, но он дает ей оправдание, служит ее идеологией.

После этого легко понять тот крик отчаяния, который вырывается из уст наиболее искренних социалистов. «Почему это насильственное меньшинство ведет социалистическую партию туда, куда она не хочет идти? От самого крайнего анархиста до самого настоящего парламентария все мы владим одну цепь, цепь страха, что мы не окажемся достаточно передовыми. И все мы бежим вперед, бледные, растерянные в революционной панике, которая была бы смешна, если бы пропасть не была близка. Вернемся все к нашей обязанности — к служению демократии. А если нет, будем ждать жандарма!»²³⁴ Синдикалисты, как видим, путь для появления жандарма уже расчистили.

Мало того. Синдикалистам свойственны все недостатки критикуемых ими социалистических партий. Признавая вполне правильным положение синдикалистов, что «всякое представительство есть измена» (*ogni rappresentanza é sempre tradimento*), R. Michels говорит, что и сами они подвергаются той же опасности, ибо синдикаты основаны на том же принципе представительства. Кассир забастовочного комитета, секретарь синдиката, участник заговора, глава баррикады могут предать и вызвать разрушительные эффекты более легко, чем социалистический депутат или коммунальный советник. Далее, они так же легко подвержены «обуржуазению», Как и лидеры политических партий, ибо *rimborghesimento et il traviamiento nascono dalla delegazione*^{78*}, а принцип делегации свойствен и партии, и синдикату». Без организации синдикаты не могут существовать. Где дана организация, там дано представительство, институт делегации. Где дан последний, там дана олигархия, деление на управляющее, привилегированное меньшинство и управляемое обделенное большинство. Таким образом, *la democrazia produce il dilemma deH'oligarchia. L'oligarchiae necessaria ede fatale. Ovunque vi sono le masse organizzate, ivi si impone la necessita di procedere per mezzo di delegazione. Chi dice organizzazione, dice differenziazione, dice un pugno di capi che parlano ed agiscono in nome dei tanti*^{79*}. Появляется неизбежно *una minoranza condottiera* и *una maggioranza condotta*^{80*}. А дальше все идет заведенным порядком: «*вожди, сегодня являющиеся слугами их избирателей, трансформируются в абсолютных повелителей последних (in loro padroni assoluti), теоретически смещаемых и отзывааемых, фактически же оказывающихся неотзываемыми в течение всей жизни*». Эта несменя-

²³⁴ *Fourniere E. La crise socialiste. Paris, 1908, p. 365, 371.*

18 Система социологии

546

Система социологии. Том II

емость их объясняется консервативностью масс, мешающей смене их вождей

«суверенными и автономными массами». Если и бывает смена, то она означает только замену одного повелителя другим. В результате, и синдикальные вожди, вышли ли они из рабочих, или, как чаще бывает, из буржуазных рядов, неизбежно становятся олигархами; представители-пролетарии этой опасности подвергаются в еще большей степени²³⁵. В лучшем случае мы получаем только un cambiamento deH'oligarchia e pop la fine definitiva del sistema^{236,81*}. Отсюда видно, что и синдикализм обладает теми же недостатками, которые он вскрывает у социалистов. И тут, и там, объемно-правовое расслоение, олигархизм, неравенство — неизбежны, фатальны, как фатальны они во всякой сколько-нибудь численной организованной группе. «Биологическое и социологическое исследование коллективной жизни устанавливает неизменяемый и постоянный факт социальной жизни: физические и интеллектуальные различия людей; меньшинство "наиболее приспособленных", обладающих специфическими свойствами; Невозможность триумфа всех; фатальность триумфа "наиболее приспособленных", следовательно, немногих; всегда имелись и будут подвластные; всегда были и будут властители (maestri e padroni). Nel trionfo dei pochi e nella organizzazione gerarchica degli umani valori sta uno degli immutabili fatti in cui l'uomo sempre si imbatte quando — come il pescatore della legenda — esso si tuffa sotto l'ingannevole superficie delle cose, e nell'ascoso seno del Poceano ricerca il fondo, e trova un mondo mattedo»^{237,82*}.

В человечестве мы не видали и не видим ни одной сколько-нибудь численной организованной группы, где не было бы деления на привилегированных и обделенных, на правителей и управляемых. Против этой фатальности не спасает ни социализм, ни синдикализм, ни демократия, ни коммунизм. Все революции, пытавшиеся водворить равенство, только меняли роли актеров, но трагедию неравенства не уничтожали. «Кто был ничем, после революции часто становился всем», но под ним снова оказывался некто обделенный, новое «ничем», которое в один день восставало против бывшего «ничем, теперь ставшего всем», сбрасывало его, само становилось «всем», под ним снова оказывалось новое ничем и т. д. Трагическая сказка «белого бычка» или «молота и наковальни» продолжается и до сих пор с небольшими вариациями.

Лавров прав, говоря, что рабочее, социалистическое и синдикалистское движение вместо одной организации государственного насилия и принуждения до сих пор пыталось поставить другую. «Все политичес-

²³⁵ См.: *Michels R. La crisi psicologica del socialismo // Riv[ista] ital[iana di] soc[iologia]. 1910, p. 365-376; Ego же. Der konservative Grundzug der Partei-Organisation // Monatschrift fur Soziologie. 1909, апрель-май; Ego же. Zur Soziologie d[es] Parteiwesens. 1910.*

²³⁶ *Michels R. La crisi.., p. 375.*

²³⁷ *Niceforo A. Il progresso, p. 547-548.*

Глава II. Учение об элементарных социальных группах

54 7

кие союзы, образовавшиеся для борьбы с государственной властью, были организованы на чисто государственном начале, часто даже с более безусловным проявлением власти, чем в государстве, против которого боролся союз. Государственный элемент (в смысле принуждения властвующим меньшинством большинства) проникал и все планы рабочей социалистической организации, до сих пор предложенные»²³⁸ (коммунистический манифест, лассальянцы, генеральный совет интернационала, организации анархистов и т. д.).

Итак, какую бы сколько-нибудь широкую и организованную группу мы ни взяли: церковь, государство, армию, партию, профессиональные союзы, вплоть до организаций социалистически-синдикалистских, провозглашающих равенство членов, везде мы видим расслоение на управляющее меньшинство и управляемое большинство. Раз дано это расслоение, тем самым дана в большей или меньшей мере эксплуатация управляемых, насилие над ними, их обделение либо прямо, путем грубой силы, либо прикрито, путем хитрости, лжи, лицемерия и обмана. «Либо волчий зуб, либо лисий хвост», таковы вечные

методы управления²³⁹.

Легко понять поэтому, что юридические конструкции «должностных лиц» — агентов или клиентов власти, — даваемые государствоведами и представителями административного права нашего времени, эти конструкции очень приятны и симпатичны, но, увы, они говорят больше о «чаемом и ожидаемом, чем о настоящем».

Чиновников прошлого (агентов и органов власти) эти ученые характеризуют, как королей. «В отношении к подданному чиновники представляют короля и чрез него государство... Чиновник в отношении к подданному — это своего рода король: подданный должен беспрекословно подчиняться ему во всем, что он прикажет»²⁴⁰. Таковы по их словам были члены правящего слоя в прошлом. Зато, уверяют они нас, ничего подобного нет теперь. Теперь чиновник, власть имеющий, это социально-служебное лицо. Он тем и отличается от управляемого гражданина, что несет на себе ярмо общественного служения, от которого освобожден первый. «Существенный признак, отграничивающий понятие должностного лица от гражданина, современные административисты усматривают в моменте обязательности социального служения, выполняемого через посредство должностных лиц»²⁴¹.

²³⁸ Лавров П.Л. Государственный элемент в будущем о[бщест]ве. Лондон, 1876, с. 14-15.

²³⁹ В виде исключения бывают иногда «честные правительства», пытающиеся управлять без насилия и хитрости. Но такие правительства импотентны и быстро низвергаются.

²⁴⁰ Mayer O. Le droit administratif allemande. 1903, vol. I, p. 46.

²⁴¹ Елистратов А.И. Должностное лицо и гражданин // Вопр[осы] административного] права. Вып. 1, с. 82. См. также: Duguil L. Traité de droit constitutionnel. 1911, vol. I, p. 426-429; Jèze. Cours de droit public. 1914, p. 391. См. также: Петражицкий Л.И. Теория права, т. II, § 47-50.

548

Система социологии. Том II

Бедные президент, министр и лидер партии! Какую тяжесть несут они! «Тяжела ты, шапка Мономаха!»^{83*} Если бы поверить этим конструкциям, то можно подумать, что жертвой эксплуатации являются не управляемые, а правящие; что не первые были угнетаемы вторыми, а наоборот. Было бы очень хорошо, если бы так обстояло дело в действительности. Но, увы, так не бывало и не бывает. Действительные отношения правящих и их агентов во всех организованных группах были и остаются такими, какими их рисует Мауер, а не такими, какими «конструируют» их указанные административисты.

Так было и так есть. «Общество свободно-хотящих самоуправляющихся людей» или общество, где правители были бы социально-служебными лицами, а управляемые — привилегированными дестинаторами^{84*}, пользующимися бескорыстными трудами правящих, — пока что миф и утопия (кроме разве немногих и немногочисленных по участникам ассоциаций).

Повторяя сказанное выше, мы можем снова подчеркнуть, трагедия человеческой истории в том и состоит, что длительно-сосуществующие люди организуются, организуясь, они выделяют слой правящих; это выделение их означает появление расслоения на правящих и подвластных; его следствием служит захват ряда привилегий первыми и их сторонниками и обделение, эксплуатация вторых.

Анархисты в этом правы. Чтобы избегнуть этого расслоения и его зол, нужно бесстрашно отрицать всякую власть. Анархисты в теории так и делают. Они последовательны. Остальные «освободители» занимаются только перестановкой ролей «молота и наковальни», а не уничтожением самого явления: поскольку они не отрицают расслоения на правящих и подвластных. Замените государственную власть синдикальной властью, имена переменятся, но не исчезнет ни насилующее меньшинство, ни насилуемое большинство управляемых. Операция уничтожения молота и наковальни сведется к перемене декораций и... только. Вот почему, выше было указано, что патентованное

средство водворения земного рая, предлагаемое множеством спасителей, в лучшем случае представит частичный ремонт социальной храмины, но не заменит земной юдоли плача, борьбы и вздыханий божественным градом «социализированного или синдицированного Солнца». Такие надежды пока что — утопия.

Утопией являются и мечты анархистов. Утопией потому, что их неорганизованное общество вольных людей, «без бога и без власти», не может осуществиться в среде сосуществующих людей. Длительное сожительство последних порождает организованность общения, последнее вызывает к жизни правительство, регулятор взаимоотношений. А раз дано правительство, то даны и все те последствия, которые, по теории анархистов, фатально связаны с ним и которые они так ярко очертили.

Глава II. Учение об элементарных социальных группах

549

Так было и так есть. Не будем здесь заглядывать в будущее. Скажем только: так, по-видимому, будет по крайней мере еще очень и очень долго.

Итак, *расслоение на высших и низших, привилегированных и обделенных, частной формой которого является расслоение на властвующих и управляемых, во всех сколько-нибудь широких и организованных социальных группах, продолжает существовать между людьми в тысяче форм.* Это расслоение и вытекающая из него группировка людей в коллективы обделенных и привилегированных представляет расслоение *sui generis*, не совпадающее с другими.

В основе его лежит факт несходства людей. «Нравится это или не нравится, — правильно говорит Парето, — но факт тот, что человеческое общество не гомогенно, что люди различаются друг от друга физически, морально и интеллектуально; раз мы хотим изучать реальные явления, то должны учитывать это несходство»²⁴².

При таком несходстве людей, как ни переставляй их, неравенство, в частности, расслоение по привилегированности, в той или иной форме неизбежно выявится. Как ни переставляй шары разной величины — их неравенство останется не по одной, так по другой линии.

Вот этот-то *факт привилегированности одних и обделенности других в том или ином отношении, иначе — факт неравенства служит условием, вызывающим группировку индивидов в коллективы привилегированных и обделенных.* Привилегированность создает особую солидарность привилегированных, обделенность — солидарность последних. Различие первых и вторых вызывает антагонизм между ними, проявляющийся как в мягких, так и в острых формах. Привилегированные стремятся сохранить свои привилегии, обделенные — уничтожить их. Сходство лиц в том или ином отношении влечет за собой сходство их интересов, вкусов, стремлений и идеологии. *Из факта привилегированности вытекают одни интересы, из факта обделенности — другие, противоположные первым.* Возьмите самую разнородную группу людей, нередко даже враждебных друг другу, наделите их рядом привилегий или наоборот, обделите их в ряде прав, и вы создадите солидарность между всеми обделенными или всеми привилегированными, свяжете их связью общих интересов защиты своих привилегий или борьбы против обделенности, словом, создадите солидарное коллективное единство, члены которого будут в ряде случаев мыслить, чувствовать и действовать одинаково. Фактов такого рода — сколько угодно. Понаблюдайте за «очередями». Когда кто-либо хочет получить хлеб или билет вне очереди, такая претензия на привилегию моментально объединяет в одно целое всю пеструю толпу лиц, стоящих в очереди, вспыхивает единодушный протест против исключений и злостные чувства против «высочки». То же и всю-

Pareto V. Op. cit, vol. II, p. 468.

550

Система социологии. Том II

ду. Обделите избирательными правами различные категории лиц — и вы сделаете их солидарными в борьбе против обделенности, несмотря на их гетерогенность. Введите «черту оседлости» для богача, бедняка, чернорабочего и банкира, еврея и француза — и

всех их вы свяжете этим в одно солидарное целое; все эти разнообразные лица будут единодушно бороться против такой «несправедливости». Отсюда легко понять, **что** одной из связей, сплачивающих евреев в одно солидарное целое, была их обделенность в правах. Солидарность множества народностей России в борьбе за автономию и равноправие создана обделенностью их в ряде прав. И обратно, солидаризм аристократии, привилегированных во всех формах, начиная с аристократии Венеции, феодализма, дворянства и кончая аристократией комиссаро-коммунистической, есть следствие их привилегий. Пестрый конгломерат людей, наделенных ими, будет дружно и солидарно защищать их, каковы бы они ни были, начиная с права внеочередного получения билета или полфунта хлеба и кончая исключительным правом выбираться в члены домкомбеда, совета, парламента, министерства. **L'esprit de corps**^{85*} всякой аристократии — ее привилегии.

Неизбежное следствие отсюда — борьба между привилегированными и обделенными. Эта борьба происходит постоянно и принимает тысячи конкретных форм, начиная с мягких и незначительных и кончая крупными и острыми. *Типом ее может служить борьба за власть между властвующими и подвластными в государстве.* Всякое правительство со своими агентами хочет удержать власть, подвластные, обделенные хотят сами стать на место правящих. Эта борьба постоянна и проявляется со стороны правящих в различных мерах: в подавлении мятежей, в убийстве «бунтарей», в ссылке, в заключении, в обезвреживании непокорных, порой в подкупе, в привлечении лидеров мятежа на свою сторону и т. д. Со стороны подчиненных она проявляется в их критике власти, в борьбе за «народоправство», за «равенство», в проваливании кандидатов на выборах, в восстании, в мятеже, в революции, а также в стремлении стать из низших высшими, диффундировать в лагерь управляющих²⁴³.

²⁴³ Я сейчас не хочу касаться вопроса о характере и формах этой борьбы, о циркуляции и диффузии индивидов от одного слоя к другому, о вытекающем отсюда социальном отборе, о том, какие индивиды имеют шансы проникнуть в слой управляющих, и почему и т. д. Частью этих вопросов я коснусь ниже, подробно о них будет речь в «Социальной] механике». Пока же отсылаю читателя к Лапужу, затронувшему эти вопросы в своих работах «Les selections sociales» (1896) и «L'aryen et son role social» (1899), Аммону (см. Die gesellschaftliche Ordnung und ihre natirliche Grundlagen, 1900) и в особенности к работам Pareto, Кола-бинской и Sensini, более научно и правильно исследующим проблему циркуляции, ее значение для равновесия общества, передвижку социальных группировок и т. д. См.: Kolabinska M. La circulation des elites en France. Lausanne, 1912; Pareto V. Trattato, vol. II, p. 469-887; Sensini G. Teoria dell'equilibrio di composizione delli classi sociali // Rivista ital[iana] di sociologia, 1913, сент[ябрь]-окт[ябрь].

Глава II. Учение об элементарных социальных группах

5 51

Борьба правящих и подвластных в государстве, как сказано, есть лишь частный случай борьбы привилегированных и обделенных. Последняя происходит ежедневно в тысяче форм. Всюду, где мы видим борьбу за равенство, будет ли ею борьба за равенство в очередях, или за равенство распределения хлеба и других продуктов, или за равенство в области личных прав, всюду здесь дана борьба привилегированных и обделенных. Борьба за всеобщее избирательное право, за неприкосновенность личности, за равное право в сфере «неотъемлемых» (фактически всегда отнимавшихся) прав: в сфере свободы слова, печати, союзов, собраний, религии, языка, за право самоуправления, за равенство перед судом, за женское, возрастное и расовое равноправие, борьба против кастовых, рабовладельческих, сословных и классовых привилегий, борьба против имущественных привилегий, борьба за равенство личности, словом, все индивидуальные и массовые движения, где дело идет о борьбе за равенство в том или ином отношении, все это различные проявления борьбы «обделенных и привилегированных».

История ими полна. Во всяком крупном общественном и революционном

движении имеется этот вечный фронт борьбы. Борьба рабов во главе со Спартаксом, народа с аристократией в Афинах, плебса с патрициатом в Риме, низших каст с высшими, крепостных с помещиками, негров с рабовладельцами, третьего сословия с феодалами, пролетариата с капиталистами и т. д. составным своим элементом имела и имеет борьбу обделенных с привилегированными. Исчезнув в одном месте, этот фронт появляется в другом, перестав существовать в одной форме, он воскресает в другой. И эти *ricorsi* не прекращаются до сих пор. Форма этого расслоения меняется, но суть его остается²⁴⁴. *И чем резче, ceteris*

¹ ²⁴⁴ Больше того. Парето прав, говоря, что требование равенства в скрытом виде содержит в себе требование привилегий. «Низшие хотят быть равными высшим, но при этом не допускают, чтобы высшие были равны им». С точки зрения логики разума — это *pop sens*, с точки зрения логики чувств (управляющей поведением масс) это последовательно и говорит о том, что «требование равенства есть простое требование привилегий. Кто принадлежит к определенному] классу и добивается равенства с другими классами, в действительности стремится получить привилегии по сравнению с последними» {Pareto V. Trattato, vol. I, p. 630}. Частным подтверждением сказанного служит: «диктатура пролетариата». Пролетариат, как увидим ниже, представляет класс лиц, обделенных и подчиненных, имущественно-бедных, по профессии — фабрично-заводских] рабочих, продающих свой труд. Раз он делается диктатором, т. е. властвующим, а не подчиненным, эксплуатирующим и экономически обеспеченным, а не бедным, то, очевидно, с точки зрения логики, он перестает быть пролетариатом. С момента взятия власти, «тем самым пролетариат уничтожает самого себя, как пролетариат», правильно говорит Энгельс. См.: Энгельс Ф. Анти-Дюринг. 3-е нем. изд., с. 302. Диктаторствующая группа и пролетариат — понятия логически несовместимые. «Диктатура пролетариата», — это логический *pop sens*, это «деревянное железо». И, однако, с точки зрения логики чувств, они

5 52

Система социологии. Том II

paribus, неравенство, чем сильнее его сознание, тем острее борьба, тем упорнее обделенные стремятся к уничтожению привилегий, привилегированные — к их защите и сохранению.

Уничтожается ли и уменьшается ли с ходом истории это расслоение, т.е. увеличивается ли равенство людей, не будем обсуждать здесь. Это составит предмет исследования «социальной генетики». Замечу только, что утверждения эгалитаристов, к числу коих принадлежал и я сам²⁴⁵, если не вполне неверны, то требуют таких ограничений и оговорок, которые делают невозможными речи о прямолинейности процесса уравнивания и

Об абсолютном росте равенства людей. История показывает нам скорее перемену форм неравенства, а не абсолютное уничтожение последнего. Исчезнув в одной форме, неравенство выпячивается в другой. Может быть, рядом с этим совершается и смягчение форм привилегированности и обделенности, но оно происходит столь медленно, процесс столь неясно выражен, что общество равных людей — равных *de facto*, а не на бумаге, — дело очень и очень далекого будущего²⁴⁶. Люди не перестанут стремиться к равенству, но не скоро им удастся поймать эту «синюю птицу». В момент, когда они будут думать, что вот-вот поймали ее, она снова и снова будет выскользать из их рук, оставляя вместо себя чучело или ворону, и снова заставит ловить себя. Так было. Так есть. И так будет еще долго.

Большинство конкретных форм расслоения на привилегированных и обделенных в настоящее время принадлежит к категории *промежуточных* группировок; одни из них приближаются к типу закрытых, другие — к открытым группам. Циркуляция индивидов из группы в группу возможна, но в одних случаях она очень затруднена, в других — довольно легка.

Из различных групп привилегированных и обделенных особенно важное значение

имеют те, которые охватывают большое число членов. Такими являются обычно ряд обделенных групп. Будучи солидарными внутри, они, однако, не всегда достаточно организованы. В силу этого, сепаратные движения обделенных легко подавляются привилегированными. Но по мере роста организации — историческое влияние таких групп на судьбы населения и других коллективов будет расти, выливаясь в формы или революции или широких общественных движений «мирной борьбы».

отлично совмещаются. Требование равенства диктаторствующему пролетариату, занявшему место диктаторствующей буржуазии, ничуть не мешает сохранять свои привилегии и лишать их побежденного врага.

²⁴⁵ См.: *Сорокин П.* Проблема социального равенства. 1917.

²⁴⁶ Сказанное относится и к теории *Dupreel'n*, попытавшегося дать абстрактное доказательство закону равенства. См.: *Dupreel E.* Le rapport social. Paris, 1912, p. 152-204.

Глава II. Учение об элементарных социальных группах

553

Группировка по религиозным верованиям

Едва ли нужно доказывать своеобразность религиозной группировки и ее отличие от других. Не определяя здесь понятие религии и религиозной группы²⁴⁷, для нас достаточно будет «указать пальцем» на группы лиц, образующих в своей совокупности системы взаимодействия, носящие название католической церкви, церкви православной, исламистской, буддийской и т. п., как на примеры религиозных групп или религиозных систем взаимодействия. Расслоение индивидов по таким группам не совпадает с линиями других элементарных группировок. Отлична религиозная группировка от: семейной, государственной (подданные одного государства являются «абонентами» различных религиозных систем взаимодействия, и обратно, «абоненты» одной религии — католической, православной и т. д. — принадлежат к разным государствам), расовой, языковой, территориальной, возрастно-половой, имущественной, профессиональной, объемно-правовой и др. При «наложении» религиозного круга он не совпадает ни с одним из этих кругов. Линии религиозного расслоения идут своими путями, не совпадающими с линиями других расслоений. Некоторое сомнение может возникнуть в применении к партийной группировке. И религиозная, и партийная связь представляют, главным образом, связь идеологическую, соединение на почве сходных идей, теорий, убеждений и верований, на почве общего мировоззрения. Такой факт заставил некоторых исследователей считать партийные группы и религиозные группы за нечто однородное. Легко видеть, что для такого смешения нет оснований. Группировка индивидов в политические партии совершенно отлична от религиозной группировки. Это следует из того, что члены одной и той же религии обычно являются членами различных политических партий (напр[имер], есть православные монархисты, кадеты, социалисты и коммунисты) и обратно, члены одной и той же политической партии обычно имеют в своих рядах лиц различных религиозных вероисповеданий (католиков, протестантов, евреев, православных, магометан, атеистов и т. д.). Не представляет исключения из этого правила и партия социалистов и партия коммунистов. Это следует прежде всего из основного принципа их программы, провозглашающего свободу совести и лозунг: «*религия — частное дело каждого*». Несмотря на тенденцию к атеизму, социалистические партии, вплоть до коммунизма, в конце концов, останавливаются на позиции религиозного нейтралитета, с одной стороны, с другой — принадлежность к той или иной религии не выставляют в качестве препят-

²⁴⁷ Этим мы займемся в «Социальной] механике». Пока замечу, что лучшее определение религии (хотя и требующее поправок) принадлежит Дюркгейму. См.: *Durkheim E.* Les formes elementaires de la vie religieuse. Paris, 1912. См. мои статьи: «Э. Дюркгейм о религии» (Нов[ые] идеи в социологии. № 4) и «Социологическая] теория религии» (Заветы, 1914, № 3).

554

Система социологии. Том II

ствия для вступления в их партию²⁴⁸. Из сказанного ясно различие партийной и

религиозной группировки. Хотя, как увидим в учении о кумулятивных группах, определенные религии имеют тяготение и легко кумулируются с определенными партиями, и обратно; но это не мешает каждой из этих группировок быть группировками *sui generis*, отличными друг от друга.

Принадлежность к религии является одной из существенных координат, определяющих социальное положение и поведение индивида. Религиозные верования, как и другие верования, влияли и влияют на поведение людей. Не изучая здесь социальной роли религий (об этом речь пойдет в «Социальной механике»²⁴⁹), отметим просто данность этой группировки. *Общность религиозных верований создает солидарность sui generis между единоверцами, сближающую и объединяющую их в единое целое, несмотря на различие их в других отношениях* (по профессии, имуществу, государству, партии и т. д.). И наоборот, *различие религиозных верований способствует разъединению индивидов, сходных между собой по другим группировкам*. Это разъединение или отталкивание разнотерных людей проявлялось и проявляется в истории в тысяче форм, начиная с ругани (напр[имер], «еретик», «нехрист», «безбожник», «выкрест», «басурман», и т. п.) и кончая преследованием инаковерующих, заточением их в тюрьмы, кострами инквизиции, религиозными войнами, (войны ислама, крестовые походы, походы против альбигойцев, вальденсов, вооруженная борьба католицизма с протестантством, преследование раскольников и т. д.).

²⁴⁸ Бебель, напр[имер], в своей брошюре «Христианство и социализм» объявляет их несовместимыми, «как огонь и вода», но на Мюнхенском и Эссенском съездах партии он же сказал следующее: «Велькер требует, чтобы мы ввязались в своего рода культурную войну. Но наша партия совершенно потеряла бы тогда свой характер и мы стали бы своего рода церковным собором. Каждый может верить, во что он хочет; как социал-демократ, он может быть и католиком, и материалистом, и атеистом; это никого в партии не касается... В вопросах веры мы должны соблюдать абсолютный нейтралитет и ничего иного, кроме нейтралитета» (ProtokoU iiber die Verhandlungen des P. T. der SDPD abgehalten zu Miinchen (1902). Berlin, 1902, S. 244; ProtokoU iiber... abgehalten zu Essen a. d. Ruhr. 1907, S. 340). К тому же практическому итогу пришла и партия коммунистов. «Религия есть частное дело, должна быть обеспечена свобода верования», — читаем мы даже у неистового *Бухарина*. «Коммунизм не стесняет свободы религиозной совести, но и не поддерживает никакой религии», — так формулирует позицию коммунизма другой официальный комментатор коммунизма. А *Лацис* даже рекомендует «поддерживать в духовенстве то течение, которое идет на поддержку советской] власти». См.: *Бухарин Н.* Программа коммунистов. Пг., 1919, с. 48; *Минин*. Религия и коммунизм. М., 1919, с. 9; *Лацис*. Ст[атья] в Изв[естиях] ВЦИК от 2 дек[абря] 1919 г.

²⁴⁹ См.: *Кидд Б.* Социальная эволюция; *Ф[юстель] де-Куланж Н. Д.* Гражд [ан-ская] община древнего мира; *Bougie C.* Essai sur le regime des castes; *Durkheim E.* Les formes elementaires, и др.

Глава II. Учение об элементарных социальных группах

5 5 5

Подтверждение того же факта притяжения и солидарности едино-верующих и разъединения инаковерующих, несмотря на сходство последних по другой группировке (напр[имер] по профессиональной), находим мы в наши времена и даже в среде, казалось бы, наиболее атеистического класса. Я говорю о пролетариате. Различие религиозных верований рабочих вызвало и вызывает в среде их особые группировки, не сливающиеся с остальными рабочими союзами и с линией политики остальных рабочих. Как известно, в Бельгии и Германии рядом с общерабочими и профессиональными союзами существуют специально католические и протестантские рабочие союзы. Они не сливаются с другими профессиональными организациями рабочих, не всегда идут вместе с ними и их социалистическими устремлениями, часто отдают голоса не за социал-демократов, а за другие партии, в частности, католическую партию центра. По данным 1905 г. в Бельгии социалистические союзы рабочих насчитывали 94 151 члена, католические — 17 814. В

Германии конфессиональные рабочие союзы, возникшие в 90-х годах, к концу 1905 г. насчитывали около 207 000 членов²⁵⁰. В 1913 г. германские рабочие союзы дают такую картину:

Социалистические профсоюзы	2573 тыс. чел.
Независимые] союзы служащих	830
Независимые] союзы	
ж [елезно] дор [оржных]	
и почт[ово]-тел[еграфных] служащих	738
Христианские союзы (партия центра)	343
Конфессиональные] католические]	
союзы (партия центра)	283
Хозяйственно-мирные	274
Гирш-дункеровские (партия прогресс.) .	107
Конфессионально]-евангелич[еские]	
(консервативные] и национально] -	
либ[еральные]) [партии]	81
Национально-польские	77
Независимые] союзы рабочих	70
Анархо-синдикал[исты]	7
Итого	5391 тыс. чел. ²⁵¹

²⁵⁰ Святловский В.В. Цит. соч., с. 57, 107.

²⁵¹ Лурье М. Состав пролетариата, с. 10. То же подтверждают и др. авторы. «Католические рабочие в Германии гораздо менее протестантов доступны социал-демократической] пропаганде — религиозный интерес отталкивает их от соц[иал]-демократии. Особенно много рабочих голосов (католиков) притягивает к себе католич. партия центра» (Туган-Варановский М.И. Основы, с. 517, 519).

5 5 6

Система социологии. Том II

Как видно отсюда, около миллиона рабочих состоит членами профессиональных союзов, в основе своей имеющих религиозный признак. Важность религиозных верований в этом отношении признают и сами социалисты. «Влияние церкви, — говорит Каутский, — растет... также и во многих кругах пролетариев. Число пролетариев, находящихся под клерикальным руководством, увеличивается»²⁵².

Если такие факты мы наблюдаем среди пролетариев — слоя наиболее атеистичного, — то что же сказать о других социальных классах! Сходство религии «солидаризирует», различие — разъединяет. Недаром Дюркгейм в своей прекрасной работе об «Элементарных формах религиозной жизни» основную социальную роль религии усматривает в создании, расширении и углублении солидарности между единоверующими. Будучи продуктом социальной жизни, религия, раз появившись, сама становится одной из сил, влияющих на последнюю и вызывающих как в поведении отдельных лиц, так и во всей общественной жизни определенные эффекты, и эффекты весьма значительные. Одним из них является создание религиозного расслоения, установление солидарности между абонентами одной и той же религиозной системы взаимодействия и разъединение абонентов различных церковных групп²⁵³. Так было в прошлом, так, до известной степени, обстоит дело и теперь. Религиозную группировку пока что со счета снимать не приходится. Принадлежность к той или иной религиозной группе — факт не безразличный для поведения индивидов: она вносит в последнее свои видоизменения, отклоняющие поведение индивида от тех направлений, которые диктуются ему другими социальными группами, к которым он принадлежит. Не учитывая этих «отклонений», вносимых религией, мы рискуем не понять поведение людей.

Больше того, не учитывая религиозной группировки, мы не поймем ни хода общественных процессов, ни исторические судьбы населения вообще. Не поймем потому, что в ряду важнейших групп, из взаимоотношений которых создаются исторические

события, религиозная группировка была и остается одной из крупных сил, определявших и определяющих судьбы других важнейших групп, с одной стороны, с другой, влиявших и влияющих на жизнь и поведение населения вообще. В ряду главнейших рыцарей (важных элементарных групп), вступающих друг с другом в борьбу и соглашения и тем определяющих ход общественных процессов, числился и числится и тот рыцарь, который носит название религиозной группы. Он также участник исторического турнира. Выступая то защитником одних групп, то противником других, он влиял и влияет на

²⁵² Каутский К. Очередн[ые] проблемы международного социализма, с. 162-163. См. всю ст[атью] «Социал-демократия и католическая церковь».

²⁵³ Об этом, помимо работы Дюркгейма, см. Кидд Б. Социальная эволюция; Зиммель Г. Религия. М., 1909; Гьюйо Ж.М. Иррелигиозность будущего, и др.

Глава II. Учение об элементарных социальных группах

5 5 7

победы и поражения других элементарных группировок, обуславливал и обуславливает в той или иной степени и судьбу семейной, и государственной, и расовой, и имущественной, и других группировок или элементарных систем взаимодействия.

Для этого религиозная группировка обладала всеми основными условиями влиятельной группы.

Во-первых, число членов важнейших религиозных групп громадно.

Католическая церковь насчитывает около 231 миллиона членов, протестантская — 143 миллиона, православная — около 100 миллионов, все христианские религии около 500 миллионов, конфуцианство — около 256 миллионов, индуизм — 190 миллионов, магометанство — около 177 миллионов, иудейство — около 7 миллионов, политеизм — 118 миллионов²⁵⁴. Отсюда видна огромная численность важнейших религиозных групп.

Во-вторых, религиозные группы организованны. Каждая из них имеет свою «конституцию» и свой «кодекс законов» (символ веры, основные догмы, религиозные нормы поведения, иногда до деталей регулирующие жизнь верующих), свою власть — верховную и подчиненную, образующую весьма численный штат агентов религии (папа, синод, патриарх, далай-лама, и бесчисленное множество религиозных иерархов, правителей и чиновников — епископы, священники, жрецы, церковные служители и т. д.); проведено здесь разделение функций и специализация, имеется богатый технический аппарат для воздействия на население и верующих (экономические ресурсы церкви, печать, пропаганда, школы, церкви, карательные меры — епитимий, отлучения, угрозы потусторонним наказанием и обещания наград и т. д.).

Все это, вместе взятое, делает религиозную группу организованной системой взаимодействия, стройной и хорошо налаженной машиной.

В-третьих, религиозные группы — группы солидарные. Общность религии, как мы видели, создает солидарность *sui generis* между единоверцами.

Значит, важнейшие религиозные группы удовлетворяют всем основным требованиям исторически-влиятельного коллектива. Отсюда — неизбежный вывод: религиозные группы влияли и влияют на другие могущественные группы, на судьбу населения и ход истории вообще.

Что религиозная группировка влияла на семейную, — это мы видели выше.

²⁵⁴ Майр Г. Статистика и обществоведение, т. II, с. 151. Каутский дает несколько иные цифры. «Три культурные общности, обнимающие громаднейшую часть мира, лучше всего разделить по религии, господствующей в каждой из них, — говорит он. — Мы имеем христианскую сферу культуры с почти 600 миллионов членов, исламистскую с 250 миллионами и буддистско-брахманскую, насчитывающую почти 700 милл[ионов] членов» (Каутский К. Национальные проблемы. Пг., 1918, с. 37).

5 5 8

Система социологии. Том II

Под давлением первой последняя изменялась и изменяется. Церковь и религия реформировали и реформируют семейный институт (например), борьба христианской церкви с языческими браками, с половым распутством, с полигамией, с невенчанными

браками, с «незаконной» половой жизнью, и т. д.). Не учтя влияния религии, мы и сейчас не поняли бы, почему христиане имеют моногамную семью, магометане — полигамическую.

Что церковь влияла на судьбы государств, — тому свидетельством ислам и средние века. Римская курия и папа здесь вершили судьбы государств и судьбы населения.

Что церковь оказывала влияние и на расовую, и на языковую, и на имущественную, и на объемно-правовую, и на профессиональную, и на другие группировки, это также едва ли подлежит сомнению. Единоверие часто смягчало антагонизм разнорасовых или разноразовых лиц, и обратно, разноеверие вызывало антагонизм между однородными и однородными группами. Влияние церкви на объемно-правовое расслоение сказывалось и сказывается в многочисленных фактах распределения привилегий и «обделенностей», в зависимости от религиозной принадлежности лиц, в ряде резких «мутаций», когда с торжеством новой религии бывшие привилегированные, не принявшие ее, становились «обделенными», а бывшие обделенные — последователи новой веры, — привилегированными. Церковная группировка влияла и на имущественное расслоение: характер религии вызывал и вызывает часто сосредоточение богатств в одних руках (монастырей, церквей, иерархов и агентов церкви, последователей данной религии и т. д.), и утечку их из других рук, т. е. религия определяла, из кого будет рекрутироваться слой богатых, и из кого — слой бедных, (Особенно интересны в этом отношении эпохи острой борьбы двух религий, напр[имер], эпохи Юлиана и Константина в Риме и Византии, эпохи средневековья, Реформации и т. д.).

Точно так же влияла религия и на профессиональную группировку. Не учитывая роли религии, мы не поймем, например, кастовый строй с его закрытым и вечнонаследственным профессиональным расслоением²⁵⁵. Впрочем, к чему уходить далеко в прошлое. Выше мы видели, что религия влияет даже на профессиональную группировку современного пролетариата. То же приходится сказать и о влиянии религиозного расслоения на политически-партийную группировку.

Словом, религиозная группировка, испытывая сама воздействие со стороны других элементарных групп, в свою очередь, оказывала и оказывает воздействие на них. Судьбы всех их *взаимозависимы, функционально связаны*. Здесь дано *двустороннее*, а не одностороннее взаимодействие между группами²⁵⁶.

²⁵⁵ См. об этом: *Bougie C. Essai sur le regime des castes, passim*.

²⁵⁶ В первом томе «Социальной механики» я покажу, что задача изучения социальной закономерности и сводится по существу к установлению функцио-

Глава II. Учение об элементарных социальных группах

5 5 9

Не ставя своей задачей изучение религии как фактора и вызываемых ею эффектов (о чем речь пойдет в «Социальной механике»), сказанного достаточно, чтобы признать: 1) *самостоятельность религиозной группировки и ее несовпадение с другими элементарными расслоениями*, 2) *социальную влияние религиозных коллективов на другие коллективы, на судьбу населения и на ход истории вообще*.

В ряду многих «фронтов» истории фронт борьбы или соглашения одних религиозных групп с другими религиозными же группами, или фронт борьбы (и солидарности) религиозных коллективов с нерелигиозными группами (с семьей, с государством и т. д.) был и остается до сих пор одним из существенных «фронтов», влиявших на другие фронты истории и на ход событий вообще. Религиозные войны и антагонизмы, борьба церкви с государством, религиозные преследования, борьба за свободу совести и за веротерпимость, крестовые походы, мирная религиозная пропаганда и т. п. крупные и «эффектные» события, с одной стороны, существование самих религиозных групп — с другой, бесчисленные «мелкие» и «не эффективные» явления, но явления, играющие важную роль (напр[имер], зависимость рождаемости от религии, зависимость кривой самоубийств, преступлений, брачности и разводов от религии, и т. п.), с третьей — **все это** делает несомненным самостоятельность и важность религиозной

группировки. Императивы, исходящие из центра крупных религиозных групп (напр[имер], от верховного имама, папы, патриарха и т. д.), как мы знаем, временами разрывали госу-

нальных взаимозависимостей плюс — взаимозависимостей корреляционных (терминология проф. Пирсона) между различными рядами явлений. Старое учение о «первичном факторе» как причине и производных явлениях как следствии или дает частный случай функциональной связи, или является просто чепухой. Поэтому странно читать в наше время такие заявления: «Теория взаимодействия (в смысле двусторонней связи) находится в непримиримом противоречии с научно-философским понятием причинности... Для того, кто усвоил последнее понятие, ясно, насколько глубоко проникнуты метафизикой понятия «влияние» и «взаимодействие» (Рожков Н. Русская история. 1919, т. 1, с. 12). Боюсь, что упрек Н.А. Рожкова придется возвратить по его адресу и сказать, что в своем понимании причинности и причинного анализа явлений он стоит на уровне науки лет 20-30 тому назад, а не на уровне современного научного (но не «философского») понятия причинности.

См.: *Пирсон К.* Грамматика науки. СПб., 1911: изд. «Шиповник»; *Мах Э.* Познание и заблуждение. М., 1909 (пер. Котляра), с. 280 и ел.; *Слуцкий Е.Е.* Теория корреляции и элементы учения о кривых распределения. Киев, 1912 (книга Слуцкого дает хороший отчет о теории и литературе — англо-американской — корреляции); *Yule G. U.* On the theory of correlation // *journal of the R[oyal] Statistical] Society*, vol. LX; *Его же.* Les applications de la methode de correlation aux statistiques soc[iales] et econ[omiques] // *Bulletin l'Institut International de] stat[istique]*, vol. XVIII, I, p. 537-551 (там же см. и литературы); *Pareto V.* Trattato, vol. I, p. 1-62, vol. II, p. 479 и ел. (где дана математическая теория функциональной зависимости и ее применение в области социологии); *Sensini G.* Op. cit.

5 60

Система социологии. Том II

дарства, единокровных делали антагонистами, друзей — врагами, чужих — своими, бедных — богатыми (и обратно), обездоленных — властителями (и обратно) и т. д.

Так было в прошлом. Так, в значительной мере, обстоит дело еще и теперь. Вопреки мнению многих «рационалистов», религия еще не изжита и религиозная группировка еще не сдана в музей древностей. Живучесть ее в тысяче фактов дает себя знать и у нас, в наше революционное время. Надежды многих на то, что стоит «доказать» ненаучность религии и... она исчезнет, преувеличены. Так было бы, если бы человек был существом вполне рациональным и логичным. Но, увы, человек еще очень далек от рациональности и логичности (и это мы увидим в «Социальной механике»). *Credo quia absurdum*^{86*} Августина является до сих пор не исключением, а нормальным явлением. Человек до сих пор представляет не столько *Homo sapiens*, сколько *Homo credens*^{87*}. Меняются формы верований, но суть их остается. Посему и религия обнаруживает живучесть несравненно большую, чем думают многие ревнители «науки», «разума», многие *intellectuels* (сплошь и рядом под видом «точных знаний» преподносящие в свою очередь те же верования, — иные формы *Credo quia absurdum*, — ничего общего не имеющие со знанием и наукой!).

Не будем касаться здесь грядущих судеб религии и религиозного расслоения (об этом — в «генетической социологии»). Пока оно живо, действительно и не может быть игнорируемо в ряду других элементарных группировок.

Партийная группировка

Под политической партией разумеется «группировка индивидов для достижения политической цели»²⁵⁷. Примерами таких групп могут служить у нас партии: монархистов, коммунистов, кадет, социал-демократов, эсеров, в Германии — группы, носящие название: социал-демократов, католического центра, либералов, в Англии партии: либералов, консерваторов, рабочая партия и т. д.

Группировка индивидов в политические партии есть группировка sui generis, не

совпадающая с рассмотренными линиями социального расслоения.

Что она отлична от группировок: семейной, государственной, расовой, языковой и возрастно-половой, — это очевидно. Что она отлична от группировки религиозной, — это мы видели выше. Более спорным, по-видимому, является ее отличие от группировок имущественной, объемно-правовой и профессиональной. Ряд лиц, особенно марксистов, склонны отождествлять партийную группировку с одной из последних. На-

²⁵⁷ *Ostrogorski M. La democratie et les partis politiques. 1912, p. 642.*

Глава II. Учение об элементарных социальных группах

5 61

пр[имер], у Каутского читаем: «Трем большим классам общества соответствуют и три большие партии, выступающие в политике современных государств: либералы, консерваторы и социалисты»²⁵⁸. Ниже, в учении о кумулятивных группах, мы увидим, что несомненно имеется известное «сродство» между определенными партиями, с одной стороны, и между определенными профессиями, или имущественными группами, или определенными объемно-правовыми, с другой. Известные партии легко кумулируются с определенными, напр[имер], бедными или обделенными или профессиональными группами. Другие, напротив, вербуют своих членов главным образом из богатых или привилегированных групп, или легко кумулируются с известными профессиями.

Констатируя это соответствие, вместе с тем следует настаивать на том, что это соответствие далеко от тождества этих группировок с группировкой партийной. Линии их расслоения, сливаясь временами, в общем идут по своим путям, имеют свои «траектории», отличные друг от друга²⁵⁹. Что это так, следует из того, во-первых, что в составе одной и той же партии имеются члены различных имущественных слоев, различных профессий и различных объемно-правовых групп; и наоборот: представители одного и того же имущественного слоя, одной и той же объемно-правовой группы, одних или близких профессий входят в состав различных партий.

В применении к «буржуазным» партиям это положение не может вызвать сомнения.

Но оно применимо и к «социалистическим» партиям, более однородным по составу.

В применении к германской социал-демократии, имеющей наиболее резко выраженный классовый характер, «вопрос был статистически освещен г. Бланком. Расчеты г. Бланка, относившиеся к выборам 1903 г. (исправленные и дополненные другими авторами), выяснили, что даже германская социал-демократия не может считаться вполне классовой партией — партией промышленного пролетариата, как она себя считает. С одной стороны, около трети торгово-промышленного пролетариата Германии (т. е. лица, сходные в объемно-правовом, имущественном и профессиональном отношении), голосуют не за социал-демократов, а за кандидатов буржуазных партий. Особенно много рабочих голосов (католиков) притягивает к себе католическая партия центра. С другой стороны, далеко не все социал-демократические избиратели принадлежат к

²⁵⁸ *Каутский К. Очередные проб[лемы] междунар[одного] социализма, с. 15.*

²⁵⁹ «Классификация Каутского, — правильно говорит Bentley, — может или не может быть свойственной в определенное время, определенной стране, но возводить три означенных класса и партии на степень перманентного элемента населения и приписывать их всем обществам нового времени, — это метафизика и претенциозный схематизм» (*Bentley A. The Process of government. 1908, p. 421*).

562

Система социологии. Том II

рабочему классу. По крайней мере, полмиллиона голосов из числа поданных за социал-демократических депутатов принадлежит избирателям не рабочего класса. По крайней мере полмиллиона буржуа (т. е. лица, отличные от рабочих по имущественному, профессиональному и объемно-правовому положению) голосует за ту партию, которая объявляет себя классовой партией пролетариата. Но германская социал-демократия от-

личается наиболее однородным классовым сложением. Другие социалистические партии далеко отстают в этом отношении от немцев. Во многих странах социалистические партии всего более собирают голосов в тех районах, где промышленный пролетариат составляет ничтожную долю населения... Другие же (не социалистические) партии по своему классовому составу представляют нечто до того пестрое, что ни о какой однородности их классового состава не может быть и речи. И это ясно уже по огромным колебаниям числа голосов, подаваемых в разное время за ту или иную политическую партию: значительного изменения классового сложения населения страны не происходит, а между тем избиратель всей массой переходит от одной партии к другой, чтобы на следующих выборах опять вернуться к своим прежним политическим симпатиям».

Так было и происходит в Англии и в других странах. «Все это показывает, — совершенно правильно заключает Туган-Барановский, — до какой степени неверно обычное у марксистов отождествление политических партий с конституированными классами (т. е. с профессионально-имущественно-объемно-правовыми группировками).

Строго классовых политических партий совершенно не существует»²⁶⁰.

Тот же факт констатируют и другие исследователи вопроса. По официальному исследованию германского статистического бюро «Союзы хозяев, служащих и рабочих в 1913 году» (изд. 1915) германский пролетариат, объединенный в профессиональные организации, принадлежит не к одной, а к ряду партий. Из 5391 тысячи пролетариев, объединенных в союзы, 2573 тыс. входили в партию социал-демократов, 626 тыс. — в партию центра, 355 тыс. — в партию консерваторов или национал-либералов, 107 тыс. — в партию прогрессистов, 7 тыс. — в объединения анархо-синдикалистов, остальные — частью в различные, национальные, частью — в мелкие партии²⁶¹.

Эта картина станет еще более рельефной, если учесть, что в профессиональные союзы объединено только 27,4 %²⁶² всего германского про-

²⁶⁰ Туган-Барановский М. И. Основы, с. 516-517; BZim^, R. Die soziale Zusammensetzung der sozialdemokratischen Wählerschaft Deutschland // Arch[iv] f[iir] Sozialwissenschaft. 1905, Heft III.

²⁶¹ См.: Лурье М. Состав пролетариата, с. 10.

²⁶² Лурье М. Цит. соч., с. 9. Этот факт признает и В. Ленин, хотя цифры его не совсем, по-видимому, точны. «Какова же наиболее высокая из наблюдавшихся в капиталистическом обществе доля политически сознательных и деятельных

Глава II. Учение об элементарных социальных группах

563

летариата. Из остальных 72,6 % пролетариата большая часть шла не за социалистами и по партийной принадлежности давала еще более пеструю картину. «Совокупность пролетариата, организованного в социалистические и синдикальные объединения, едва составляет одиннадцатую часть рабочего класса», — говорит R. Michels.

Эти факты достаточно определенно говорят о различии партийной группировки, с одной стороны, группировок: имущественной, профессиональной и объемно-правовой — с другой.

То же констатируется и рядом других исследователей. R. Michels в своей работе показал, что в составе социалистических партий имеется немало лиц богатых, и рядом с этим объяснил причины такого явления²⁶³. Начиная с Жореса, Лассалья и Энгельса, ряд лидеров социалистических партий принадлежал к числу лиц вполне богатых или, во всяком случае, более обеспеченных, чем большая часть пролетариата. Далее, большинство лидеров социалистических партий по профессии резко отличны от рабочих и крестьян. Ленин, Троцкий и Зиновьев, Керенский, Чернов, Гоц, Авксентьев, Дан, Мартов, Плеханов, Пешехонов, Мякотин и другие лидеры наших социалистических партий вышли не из среды рабочих и крестьян, никогда не стояли за рабочим станком или за сохой. То же применимо к лидерам и зарубежных социалистических партий. Если так обстоит дело с ядром партий, то что же сказать о ее рядовых членах²⁶⁴.

На ту же пестроту состава партий указывает и М.Я. Острогорский. Из его работы следует, что состав партий консерваторов и либералов, а равно и Labour Party*^{8*} в Англии, рекрутировался и рекрутируется из лиц различных профессий, различных имущественных и объемно-правовых слоев. Это следует уже из того, что для вхождения в партию достаточно заявления, плюс согласия вносить членский взнос (но фактически внесение необязательно) и плюс возрастное условие (15-16, 18-20 лет). Больше того, руководящее ядро (саусус) партии обнаруживает ту же пестроту. Саусусмены сходны разве только в том отношении, что интеллектуально они представляют посредственность, не терпят критики и независимой мысли и т. д.²⁶⁵ То же видим и в Америке. Тот же факт единогласно

наемных рабов, — спрашивает он. — Один миллион членов партии с[оциал]-д[емократов] из 15 миллионов наемных рабочих! Три миллиона профессионально организованных — из 15 миллионов!» (в Германии) (*Ильин В.* Государство и революция, с. 82).

²⁶³ См.: *Michels R.* Les partis politiques, p. 186-188.

²⁶⁴ «Все великие основатели социализма, агитаторы социалистической] идеи, как Сен Симон, Фурье, Оуэн, Луи Блан, Маркс, Энгельс, Лассаль, Бакунин и др., были выходцами из буржуазии и аристократии. Посему утверждение, что рабочее движение руководится исключительно лидерами-рабочими, — неверно» (*Michels R.* La crisi, p. 374).

²⁶⁵ См.: *Ostrogorski M.* Op. cit, passim, p. 156 и ел., 164 и ел.

5 64

Система социологии. Том II

подчеркивают почти все теоретики синдикализма. «Я поистине изумлен, — пишет Лагардель, — как могут люди, сохранившие чутье к экономическим реальностям, *сближать с классами конгломераты людей, принадлежащих к самым различным классам, сошедшихся со всех пунктов социального горизонта и объединенных единственно лишь идеологическою связью, каковыми являются политические партии*»²⁶⁶.

То же говорят — и не без основания — и другие синдикалисты, подчеркивая, что синдикат — это объединение классовое, партия — объединение на почве сходства идеологии. Отсюда — их отрицательное отношение к партиям, объединяющим разношерстную толпу людей, отличных друг от друга и по профессии, и по экономической обеспеченности, и по привилегированности и обделенности.

Различие партийной и профессиональной группировок следует и из того, что профессиональное движение шло под флагом беспартийности, что партийные и профессиональные организации — две вещи разные.

И в Англии, и в Германии, и во Франции профессиональные организации — одно, партийные — другое. Они резко различны. Английские тред-юнионы — внепартийны и отдавали голоса то за одну, то за другую партию. То же применимо, как мы видели выше, и к германским профессиональным организациям²⁶⁷. Что касается французских профессиональных союзов, то здесь внепартийность их особенно резка. Статья 1-я статута Конфедерации труда гласит, что «элементы, входящие в состав Конфедерации, должны находиться вне всяких политических школ». Французский синдикализм резко враждебно относится к соединению профессиональных организаций с партийными и категорически настаивает на внепартийности первых²⁶⁸. «Как гражданин пролетарий может вести политическую борьбу вместе со всею демократией. Он совершенно свободен войти в любую политическую организацию, — говорит Лагардель. — Но как производитель он не имеет другого выхода, как уйти в свои синдикаты, в свои биржи труда, создавать свои классовые институты»... «Французские синдикалисты устанавливают разницу между классом и партией, во-первых, а затем между партийным и классовым организмом»²⁶⁹.

²⁶⁶ *Lagarde H.* Le parti socialiste et la Confederation du Travail // *M[ouvement] s[ocialiste]*, № 189-190, p. 105.

²⁶⁷ *Чернов В.М.* Основы [ые] вопросы пролетарского движения. См. об этом же: *Туган-Барановский М.И.* Основы, с. 575 и ел.; *Святловский В.В.* Цит. соч., с. 236-238.

268 Этим объясняются жалобы даже таких лиц, как Жорес, критикующих эту аполитичность и внепартийность позиции французской Конфедерации труда. См.: *Жорес Ж. Избранные речи и статьи*. СПб., 1907, с. 69-174, 175-179.

²⁶⁹ *Лагардель Ю.* Цит. соч., с. 250, 254 и *passim*; *Туган-Барановский М.И.* Цит. соч., с. 288-289. См. также: *Чернов В.* Основ[ные] вопр[осы] пролет[арского] движения; указанные] выше работы *Лебедева и Критской, П. Луи, Пеллутье, Веббов* и др.

Глава II. Учение об элементарных социальных группах

5 6 5

Наконец, к тому же результату приводит и наблюдение за русскими политическими партиями. Возьмите за последние десять-пятнадцать лет все русские политические партии, начиная с «союза русского народа» и кончая социалистами и коммунистами, и вы увидите ту же пестроту. В каждой из них мы найдем лиц самых различных имущественных, профессиональных и объемно-правовых положений. Крестьянин и помещик, рабочий и капиталист, члены «низшего сословия» и «благородного дворянства» входили (хоть и в разной пропорции) и в партии монархистов, и октябристов, и кадет, и прогрессистов, и социалистов... Всюду здесь была «смесь народов, лиц, племен, наречий, состояний!» О той же пестроте партийного состава и несовпадения партийной группировки с расслоениями: имущественным, профессиональным и объемно-правовым, говорят, как правильно указывает М.И. Туган-Барановский, чрезвычайно частые и легкие колебания массы избирателей при выборах. Как ниже мы увидим и как это понятно само собой, профессионально-имущественно-объемно-правовой состав населения не может резко колебаться из года в год; эти группировки не столь подвижны и не могут резко изменяться в течение одного-двух годов. Между тем партийные победы и поражения, подобно неустойчивым весам, колеблются весьма легко. В данный год население отдает свои голоса одной партии, в следующий — то же население бросается в объятия противоположной партии. Это явление (хотя и не ежегодно) мы наблюдаем за последние десятилетия и в Англии, и во Франции, и в Соединенных Штатах, и в Германии, и в Италии, и в России, и в др. странах. Особенно резко оно проявилось у нас в 1917 г. Во время первых выборов в городские и земские самоуправления выборы здесь дали полную победу социалистам-революционерам. Через несколько месяцев эсеры потеряли половину своих избирателей. Очевидно, за 3-4 месяца имущественно-профессионально-объемно-правовое строение русского населения не могло столь резко измениться. Партийная же перегруппировка, как видим, была коренная. Не представляет отсюда исключения и партия коммунистов. По своему составу, до последнего времени, она была также не монолитной. Несмотря на то что она считается партией пролетариата *par excellence*^{89*}, эта претензия требует ряда существенных оговорок. Во-первых, далеко не весь русский пролетариат (а тем более крестьянство) входило и входит в ее состав. Большая часть того и другого класса стоит вне партии коммунистов и входит или в иные партии или не состоит ни в какой. Во-вторых, ссылка на постоянство выборов в Советы за эти годы не может быть признана доводом. Не будем в научной работе лицемерить: секретом полишинеля является тот факт, что ни в Советы, ни даже в «домкомбеды» выборов не было, а было просто замаскированное назначение (да и то не вполне: см., напр[имер], «Инструкцию» для выборов в «домкомбеды» от ноября 1919 г., где говорится: коли выберут жильцы коммуниста — выборы

5 66

Система социологии. Том II

кассируются. Откровенно и просто. То же повторялось при всех выборах. Да и о каких выборах может идти речь, когда к виску избирателя приложен револьвер, а уста запечатаны, и т. д.!) Избиратели — огромная часть — или не участвовали в выборах, или терроризованные покорно выполняли приказ власти. Более важным аргументом в пользу однородного состава партии коммунистов служат опубликованные итоги анкетного материала. Согласно данным «Статистики труда» (№ 1-4), полученным на основе обработки 3559 анкетных листов, — членов коммунистической партии в Петрограде за 1918 г. из 3559 членов рабочие и крестьяне составляли 81,5 %, служащие — 18,1,

партийные профессионалы — 0,4²⁷⁰. Если даже принять эти цифры за нечто, отвечающее действительности, то 18 % членов (служащие и интеллигенты) составляют элемент, отличный от рабочих по профессии, имущественному положению и привилегированности. Но есть все основания полагать, что дело обстоит совсем иначе, чем рисуют его эти данные. Во-первых, выводы получены только на основании ограниченного числа анкетных листов. Цифра — небольшая. Во-вторых, выводы касаются только Петрограда, где, несомненно, состав партии более однороден, чем во всей стране. В-третьих, и здесь, по-видимому, дело обстоит иначе: если бы состав был столь однороден, то чем же вызваны были бы перерегистрации 1919 г. в Петрограде, в итоге которых, по заявлениям самих коммунистов, была исключена из партии в Петрограде чуть не половина всех членов Петроградской организации («примазавшиеся», главная часть которых падала не на рабочих). В-четвертых, кому же неизвестно, что ряд привилегий, вытекавших из принадлежности к господствующей партии, вызвал, особенно в 1918-1919 гг., приток в ее ряды всех падких до «мамоны». Все малощепетильное, привыкшее играть убеждениями с легкостью флюгера, всеми правдами и неправдами полезло в ряды коммунистов (это обычное явление — приток в ряды привилегированной партии) и заняло в этих рядах весьма солидное место²⁷¹. Всевозможные «спецы», адвокаты и неудачливые журналисты, учителя и приказчики, бывшие торговцы и спекулянты, студенты и гимназисты, врачи, инженеры, лакеи и банковские служащие, вплоть до генералов и жандармов, — «все побывали тут». Правда, их постепенно стали выкуривать. Но выкурить всех не так-то легко.

²⁷⁰ П[етроградская] Правда. № 286, 1919 г. По данным 1920 г. рабочих и крестьян было 82,2, служащих и [представителей] интеллигентских профессий — 17,8 (Щетроградская] Правда, 1920, № 65).

²⁷¹ Это подтверждается косвенно и анкетой. Из 3559 лиц — старых большевиков, принадлежавших к партии до 1917 г., было только 18,5 %, остальные 81,5 % вступили в нее в 1917 и 1918 гг. Не будет удивительным, если с укреплением Советской власти в партию коммунистов захотят войти новые сотни тысяч. Выросла же партия эсеров в первые месяцы 1917 г. — в эпоху ее власти — до миллиона членов.

I

Глава II. Учение об элементарных социальных группах

5 6 7

В силу сказанного не представляет из общего правила исключения и партия коммунистов.

Все предыдущее делает бесспорным отличие партийной группировки от других элементарных расслоений населения.

Подобно другим группировкам принадлежность к одной партии вызывает особую солидарность между однопартийными людьми и членами близких партий, с одной стороны, с другой — антагонизм между членами различных и противоположных друг другу партий²⁷². Отсюда вытекает зависимость поведения члена партии от последней. *Партийная группа в той или иной степени влияет на поведение своих членов: она заставляет их держаться определенной линии поведения и избегать другой. Начиная с актов внесения членского взноса, посещения партийных собраний и митингов, порицания и восхваления тех или иных явлений сообразно с приказами партий и кончая актами выборов, отдачи своего голоса в пользу партийного кандидата, агитации и пропаганды, актами восстания и борьбы за идеалы партии, — все эти и тысячи подобных поступков вызываются фактом принадлежности к той или иной партии.*

Партийная группа влияет не только на поведение своих членов, но и на поведение других коллективов, на ход общественных процессов и на судьбы населения вообще.

Это следует, [во-первых], из того, что ряд партий имеет большое число членов, достигающее иногда несколько сот тысяч. Во-вторых, из того, что партия — группа организованная. Она имеет свою конституцию и свои основные законы — программу партии. Эти законы, подобно «Своду законов» государственной группы, пытаются до

деталей регулировать поведение своих членов. «Принципы или программа партии составляют догматическую веру, облеченную, подобно символу веры церкви, санкцией ортодоксии и неправоверия. Согласие с партией должно быть полное, нельзя отвергнуть из партии ни один пункт ее *credo*, как нельзя выбирать между догмами религии. Подобно церкви, берущей на себя заботу о всех духовных нуждах человека, партия стремится овладеть гражданином целиком. Согласие (*la conformity*) с *credo* партии становится единственным правилом политического поведения; партия сообщает, как религиозная вера, достаточную благодать и милость (*la grace*) всем ее членам, настоящим и грядущим. Никакой акт партии, никакое дурное дело, совершенное ею, не может разрушить или погасить ее действительную добродетель, ни сообщить ее иной (инойверной) партии: партия управляется теологическим принципом наследственных заслуг и провин-

²⁷² Этот антагонизм различных партий столь силен, что Острогорский метко характеризует его, как «военное состояние» партии, а борьбу партий, как непрерывную гражданскую войну. *Ostrogorsky M. Op. cit.*, p. 643, 647.

568

Система социологии. Том II

ностей»²⁷³. Эти догмы или законы партии столь же повелительно диктуют поведение своим членам, как законы государства или догмы церкви. Пред лицом партии индивид становится ничем, он делается рабом большинства. «Гражданину... партия закрывает рот, объявляя, что его низкое (*vile*) мнение есть посягательство на честь партии, на ее славное знамя, оскорбление ее правильного поведения». Интересы партии, подчинение партийной дисциплине — вот высшая заповедь партии, говорящая об организованности партийной группы. Другими признаками этой организованности партии служат: наличность верховной партийной власти (центральные комитеты, лидеры партий, *caucus*, *machine*), наличность подчиненных партийных властей, ряд агентов, разделение функций между ними и т. д. Все это, вместе взятое, делает партию организованной группой *par excellence*²⁷⁴.

В-третьих, партия — группа *солидарная внутри*. Так как вход и выход из партий обычно свободен, вступают туда обычно добровольно, то солидарность однопартийных лиц следует уже отсюда. Но к этой естественной основе солидарности в современных партиях присоединяется множество искусственных махинаций, направленных на укрепление партийной солидарности. Агитация, пропаганда, ложь, лицемерие, синекуры и выгоды, разнообразные приемы партийных заправил и т. п. — все это пускается в ход для надлежащей «обработки» партийных членов. «Партия — выше всего», «спасение и интересы партии — высший закон», «партия — непогрешима» — вот та идеология, к которой приучаются члены партии. Отсюда — партийный догматизм, отсюда превознесение партийной дисциплины, отсюда — недопущение свободы мысли и критиков в партии, отсюда — превращение партийных членов в стадо баранов, слепо повинующихся своим лидерам и вожакам, и т. д.²⁷⁵

В итоге всего этого члены партии цементируются в одно солидарное целое, связанное естественными и искусственными узами солидарности.

Раз крупнейшие партии являются группами: численными, организованными и солидарными, тем самым они удовлетворяют условиям социально-влиятельной группировки, следовательно, должны оказывать влияние на другие коллективы, на ход общественных процессов и на судьбу населения вообще.

Исторический процесс и общественная жизнь подтверждают этот дедуктивный вывод. В странах, где партийное расслоение достаточно выявилось, влияние партий, особенно крупных, испытывают все другие группировки и все население в целом. Ни государство, ни семья, ни церковь, ни имущественные, ни профессиональные, ни расовые, ни терри-

²⁷³ *Ostrogorski M. Op. cit.*, p. 634, 619.

²⁷⁴ См. подробно об организации партий и партийном механизме у *Острогорского* (*Op. cit.*, *passim*).

²⁷⁵ Факты см. у Острогорского и Михельса в цит. работах.

Глава II. Учение об элементарных социальных группах.

5 69

ториальные и языковые группы не могут сказать о себе, что они свободны от давления партийных групп и не испытывают на себе их воздействия. Это так ясно, что не требует подробных доказательств. Для этой цели достаточно очертить влияние партийной группировки на государственную. Влияя на последнюю, через нее партийные группы влияют на все другие элементарные группировки, на судьбу населения вообще.

Принужден ли Рыцарь-Государство считаться в своих турнирах с Рыцарем-Партией? Ответ один — положительный. Факты — теория и практика т. н. парламентарных государств. Здесь государственная власть создается и низвергается ближайшим образом партиями. Директорами государственной фабрики (правительством) становятся члены победившей партии или партии, имеющей большинство в парламенте. «Суверенное государство» оказывается зависимым от партий. Взяв в свои руки роль государственного Левиафана, партия чрез государственную машину давит и на все другие коллективы: решает и определяет судьбы церкви и семьи, имущественных и профессиональных групп, изменяет расслоение привилегированных и обделенных, словом — в той или иной мере обуславливает жизнь и поведение всех других коллективов. «Партийное правительство» — вот краткая сущность парламентаризма. Гамбеттовское: «on ne gouverne qu'avec son parti»^{90*}, — такова иная формула парламентарных государств. Государство-Голиаф оказывается зависящим от ряда маленьких Давидов — политических партий. Эти факты общеизвестны, о них говорят все курсы «Конституционного права». Это делает ненужным дальнейшее настаивание на этом пункте²⁷⁶. Влияя на государство и определяя линии государственной политики, партии влияют чрез него и на другие коллективы. Рядом с этим они влияют на последние и прямо, без посредства государства. Устная или печатная агитация, партийные листовки, газеты, брошюры и книги, лекции и митинги, ложь, лицемерие, насилие и т. п. — вот другие меры партийного воздействия. Пуская их в ход в пользу или против той или иной реформы, партия задевает и не может не затрагивать другие коллективы. Программа партии дает ответ на все; все, что с ней согласуется, партия будет поддерживать, что противоречит — будет разрушать. Экономическая программа партии затрагивает имущественные и профессиональные группы, политическая затрагивает государство, религиозная — церковные коллективы, правовая — объемно-правовые, возрастные, половые и расовые группы, национальная программа — языковые группы, рабочая и земельная — профессиональные группы и т. д. Словом, партия, претендуя в своей программе дать ответ на все, не может не затрагивать других коллективов.

²⁷⁶ Подробности см.: *Ostrogorski M. La democratie et les partis politiques; Джеф-сон. Платформа, ее возникновение и развитие. СПб., 1901; Илберт. Парламент. Пг., 1915; Соколов. Парламентаризм; курсы конституционного права М. Ковалевского и др.*

5 70

Система социологии. Том II

Защищая, пропагандируя свою программу, она тем самым защищает группы, согласные с последней, критикует, подрывает и пытается уничтожить группы, ей неугодные. Как партия зависит от других групп, так и последние находятся постоянно под прессом партийного рычага. Исторические события и общественные процессы — равнодействующая взаимоотношений всех основных группировок, где свое место занимает и группировка партийная.

Влияя на другие группы, партийные коллективы тем самым влияют и на судьбу населения вообще. В странах с развитой партийной жизнью от их влияния не ускользают ни партийные, ни беспартийные индивиды. Поведение и жизнь их в той или иной мере обуславливаются партийной группировкой. В этом влиянии партий и в их современной организации ряд исследователей видит трагический круг современной социальной жизни, основной источник ее недостатков и причину несовершенств демократии. «Индивид автономный, провозглашенный сувереном в государстве, стремится свести к себе, как к

единому источнику, все отношения публичной жизни, как конституционной, так и внеконституционной... Но, странное дело! Чем более он подвигается вперед, тем более он кажется приближающимся к своему исходному пункту». Вместо того, чтобы играть роль суверена, на самом деле он играет роль нуля в государстве. «Il n'exerce que le simulacre de la souverainete dont on lui fait hommage aussi pompeusement qu'hypocritement; il n'a, en realite, aucun pouvoir sur le choix des hommes qui gouvernent en son nom et par son autorite; le gouvernement est un monopole»^{91*}. В силу этого так называемые народные правительства служат не общим интересам, а интересам частным — своим собственным и своих клиентов; законодательство и администрация покупаются и продаются; публичные должности выставлены на аукционе и т. д. Общество, стремясь к максимуму счастья максимума лиц, — не достигает своей цели. Очевидно, оно стоит на ложном пути, — такова суть этого трагического круга современной жизни²⁷⁷. Одну из основных причин его усматривают в современной организации партий. Распространение выборного начала сделало настоятельной потребностью в свободных организациях, для выполнения выборной процедуры (регистрации избирателей, проверки полномочий, рекомендации кандидатов, отвода других и т. д.). Партии взяли на себя роль посредника между избирателями и государством. Мало-помалу они овладели всей процедурой выборов; они, а не отдельный избиратель, стали готовить и решать исход последних. Группа людей, хорошо организованная, превратилась в диктаторов, в котерию, которая стала решать все и низвела влияние личности избирателя на роль нуля. Благодаря всевозможным махинациям и темным маневрам (*la manipulation dans les trous et dans les coines*), «интимный кружок», «горсть людей» (*caucus*), прокламируя «волю на-

Ostrogorski M. La democratie, p. 614-615.

Глава II. Учение об элементарных социальных группах

5 71

рода», ссылаясь на последнюю, *de facto* подменила и подменяет ее своей волей, общие интересы — своими интересами, суверенных избирателей — избирательными нулями. Отсюда — указанный трагизм современной общественной жизни²⁷⁸. Отсюда же и ряд других ее минусов. Во-первых, *партийный догматизм и партийное сектантство*, превращающее партию в род фанатической религиозной секты. Всякая независимая мысль, всякая критика партии душится. Свободы мысли и мнений нет. «Партия не позволяет спорить». «Дисциплина выше всего». «Во имя интересов партии все дозволено». Вместо живой, творческой мысли, воцаряется слепое сектантство, мертвая догма с верховным идолом — партийной дисциплиной. Во-вторых, *партийный отбор посредственностей и лицемеров*. Раз независимая мысль не терпится партией, то люди с творческим умом, со смелой независимой мыслью, честные с собой и с другими, или не входят в партию, или, войдя, выбрасываются оттуда, или в лучшем случае — остаются в меньшинстве. «Celui qui prend dans le caucus une attitude libre ou exprime une maniere de voir personnelle s'y trouve generalement en minorite si infime qu'il n'arrive qu'a se rendre ridicule»^{92*}. Наверх всплывают ничтожные люди и вместе с ними в партии начинает царствовать *l'esprit de clocherietroit, mediocre, ramenant tout, hommes et choses, a sa mesure*^{279,93*}. Эти посредственности, засеив в центре партии, не терпят никакого противоречия. Верховным требованием их становится «подчинение воле партии», т. е. их собственной воле. Кандидат партии, осмелившийся вопреки их воле отстаивать интересы избирателей, объявляется ими вне партии²⁸⁰. Воля партии, воля избирателей, фактически подменяется волей этих заправил. Воцаряется олигархия посредственностей. В-третьих, в силу того, что партии, стремясь завлечь в свои сети избирателей, выставляют в своих программах множество пунктов, обещающих массе людей «молочные реки с кисельными берегами», пунктов самого различного содержания (программы *omnibus*^{95*}), результатом такого стремления угодить всем является неопределенность, туманность, неясность и даже противоречивость программы, плюс — ее очевидная невыполнимость, плюс — смешение вопросов. «Вопросы смешиваются, как карты, и выдвигаются из множества пунктов программы то одни, то другие, по мере надобности шулерски подделывают те, которые

вызывают несогласимые разногласия». В итоге, после выборов, остается подлинное мнение страны неизвестным. Место живого духа и живого единения одинаково мыслящих лиц занимает формальное объединение

²⁷⁸ Ostrogorski M. Op. cit., p. 47-59, 618 и ел.

²⁷⁹ Ibid., p. 161 и ел.

²⁸⁰ См. случаи с Forster'oM, Cowen'oM, Чемберленом и др. «Caucus (партийные заправилы) требуют политическую машину. Я человек, а не машина», — ответил Cowen на требование подчинения caucus^{54*}. Отказ повлек за собой (после насилия над Cowen'oM) необходимость удаления Cowen'a с политической арены. Caucus, как всегда, остался победителем. См.: Ostrogorski M. Op. cit., p. 77-93.

5 72

Система социологии. Том II

вокруг печати и формального реноме партии. Партия из живого единства превращается в формальное объединение лиц, преследующих различные цели²⁸¹. Отсюда шарлатанство партий и невыполнение ими своих программ и обещаний. Отсюда, в свою очередь, следует падение творческого духа масс, низкая природа партийной солидарности, отсутствие равенства, безответственность партийных заправил и, наконец, подавление индивида партией, угнетение свободы мысли, общий индифферентизм, трусость и низость. Партийная солидарность при таких условиях сводится к пассивной кооперации, одухотворяемой не живым духом ассоциации, возвышающим души путем их объединения, а простым Fesprit de corps^{96*}, — общей ненавистью и презрением к врагам или фарисейским самодовольством, возбуждающим не столько коллективное сознание, сколько себялюбивую гордость, игнорирующую все побочное, вплоть до интересов истины и справедливости. Воцаряется индифферентизм и партийный догматизм. «Граждане легко голосуют за "желтую собаку", потому что она носит цвета партии. Они спокойно относятся к беспорядкам в публичной жизни, так как эти беспорядки санкционируются и покрываются партией»²⁸². Граждане, убаюкивая себя мыслями о своем суверенитете, «исполнив свой долі», — опустив избирательный бюллетень, — перестают контролировать партийных дельцов. Последние, чувствуя свою бесконтрольность или зная чисто поверхностный и формальный контроль масс, забирают все в свои руки, вместо служения общим интересам начинают служить своим, из «приказчиков народа» делаются бесконтрольными повелителями. Прикрываясь волей народа, они начинают сплошь и рядом действовать вопреки ей. Среди них воцаряется беспринципность, игра убеждениями, как картами. Политиканы, лицемеры берут за правило приспособливаться к массе в нужные моменты, лишь бы сохранить свое место и свою власть. Если нельзя взять «волчьим зубом», пускается в ход «лисий хвост». «Таковы мои убеждения, — сказал один партийный оратор на избирательном собрании в Соединенных Штатах, — но если вы не одобрите их, я переменю их». Эта фраза метко резюмирует всю мораль партийных дельцов. Наконец, как мы видели, партия давит личность. Лицом к лицу с ней индивид оказывается нулем. Член суверенитета — гражданин-избиратель — оказывается скованным по рукам и ногам партией. Он бессилен. Он не смеет открыть рта для критики. Если откроет — изгоняется из партии, как еретик, как нарушитель великой «партийной дисциплины». Вне партии он не имеет веса. В партии — уста его замкнуты. Вместо воспитания свободы партии приучают к рабству. «Жизнь партии это продолжительная школа рабского подчинения. Все уроки, которые гражданин получает здесь, суть

²⁸¹ Ostrogorski M. Op. cit., p. 620-621.

²⁸² Ibid., p. 628-630.

²⁸³ Ibid., p. 634.

Глава II. Учение об элементарных социальных группах

5 7' 3

уроки трусости и низости» (des lemons de lachete)²⁸³. Идеал партии падает. Массы дурнеют. Живой дух партии заменяется партийным фетишизмом. Итог таков: «чем партия лучше организуется, тем больше она деморализуется, тем ниже падает общественная

Таковы общественные минусы, вызываемые современной организацией партий. *Таково их общее влияние на жизнь индивида и общественную жизнь в целом.* Сказанное снова говорит за то, что партийную группировку не приходится игнорировать и исключать из числа важнейших элементарных группировок. Эти общие штрихи — несомненно верные и правильные — снова говорят о влиятельности партийного расслоения. В ряду многих фронтов истории борьба и соглашение партий друг с другом, с одной стороны, и с непартийными коллективами — с другой, в течение последних столетий составляли особый фронт, требующий учета. Пройти мимо его нельзя. Он имел и имеет свой вес в определении хода исторических событий.

Подчеркивая это влияние партийной группировки, *наряду с этим необходимо, однако, отметить, что это влияние не следует переоценивать.* Некоторые лица, в частности, и неоднократно цитируемый автор «Демократии и политических партий», склонны к такой переоценке. Они впадают в общую ошибку идеологов одной группировки: подобно идеологам семейной, государственной, профессиональной и других группировок, они готовы все плюсы и минусы общественной жизни сводить к влиянию партий и ими объяснять ход истории. Все предыдущее говорит об ошибочности такой переоценки. Несомненно, партийная группировка имеет влияние, но рядом с нею действует ряд других не менее влиятельных группировок. *Партийное влияние — одно из многих, и то едва ли первостепенное.* Несмотря на кажущуюся исключительную влиятельность, партийная группировка открытая или весьма близкая к открытым. Раз вход и выход из нее свободны, то численность ее членов или сочувствующих ей сохраняется и может сохраняться лишь до тех пор, пока политика партии в общем и целом совпадает с аппетитами, желаниями и вождениями масс. В такой период партия «разбухает», в ее ряды происходит наплыв, ее численность растет. Как только политика партии начинает расходиться с этими аппетитами масс, как только последние «на опыте» убеждаются в этом расхождении или в объективной вредности партийных принципов, наступает иной период, период «похудания» партии, ее падения: массы перестают ей сочувствовать и поддерживать, начинается коллективный исход из рядов партии, число ее членов падает, в ней остается только ядро со своими ближайшими агентами. Потеря членов равносильна для партии потере ее социальной

²⁸⁴ Ibid., p. 642. Факты и подтверждение всего сказанного см.: *Ostrogorski M.* Op. cit., passim и p. 614-705; *Michels R.* Op. cit., passim; *Mosca G.* Elementi di scienza politica. Torino, 1896, p. 68 и passim, и в др. указанных выше работах.

574

Система социологии. Том II

силы. Итогом ее служит или провал партии на выборах, а вместе с ним и потеря партией власти, или — в эпохи вооруженной и насильственной диктатуры какой-либо партии — вооруженное низвержение партийного деспотизма. Правда, благодаря умелой политике хитрости и обмана плюс — обладанию вооруженными силами и аппаратом партия может сохранить свое влияние на некоторое время и при малом числе членов, и при расхождении ее политики с чаяниями и желаниями масс. Это время может быть более или менее длительным в зависимости от целого ряда условий. Но при всем том конечный итог один: или мирно, путем выборов, партия с вершин власти будет низведена на роль ничтожной общественной силы, или тот же результат наступит в итоге вооруженного восстания против диктатуры такой партии. Одна организованность партийной группы при этих условиях спасти ее не может. Не может спасти ее еще и потому, что в такие периоды «похудания» партии, вместе с исходом из нее масс, уменьшается и солидарность внутри партии: растут в ее среде разногласия, обостряется внутрипартийная борьба, а это, в свою очередь, уменьшает силы партии и ее влияние.

К тому же выводу приводят и другие соображения. Прежде всего то, что все партии в своей совокупности охватывают далеко не все население. Не все люди входят в партии, не все проходят чрез горнило их влияния. Даже в странах с развитой партийной жизнью

большая часть не только всего населения, но даже избирателей остается вне партий. Так, в Англии, по свидетельству М.Я. Острогорского, «пропорция лиц, связанных с организациями партий, не превышает 8-10 процентов на каждую сотню избирателей». На партийных же собраниях едва бывает и половина этого числа²⁸⁵. Легко понять, что такое условие уменьшает вес партийной группировки. В то время, как семейная, государственная и другие закрытые и полужакрытые группировки охватывают почти все население, сети всех партий улавливают лишь 8-10 процентов избирателей.

Большинство населения живет не абонируясь в партийные системы взаимодействия. Поэтому, когда пускается ток из центра партий, он может приводить в действие лишь часть, а не все население. Следует, далее, учесть и тот факт, что партия начинает воздействовать на людей не с первых моментов их жизни, а обычно в годы юности и зрелости. Она не столько формирует человека, сколько берет его готовым, уже сформированным. В отличие от семьи, государства и других групп, человек поступает в партийную переделку не сразу. Не столько партия готовит человека, сколько человек, сформированный вне партии и не партией (а другими группами), в итоге избирает ту или иную партию. Влияние последней есть равнодействующая влияния тех групп, которые были «пестунами» и «воспитателями» человека с первых моментов его жизни. Каковы были последние, таковой будет и партийность человека. Правда, с

Ostrogorski M. Op. cit., p. 156.

Глава II. Учение об элементарных социальных группах

575

момента появления и конституирования партии, она сама становится «центром сил», но количество и качество этих сил, как мы видели, зависит от других групп.

Сказанного достаточно, чтобы признать переоценку влияния партий, а тем более приписывание им исключительной социальной роли ошибочными. Партийную группировку можно сравнить с кавалерией. Атаки и действия ее эффектны и красочны; в подходящие моменты они вызывают большие пертурбации в стане врага, но итог и сила кавалерийской атаки зависит от артиллерии и пехоты. Если она будет поддержана последними, то результаты атаки будут существенными; если нет — они исход боя решить не способны.

Вот почему предлагаемые рецепты ч-*. сами по себе очень резонные — улучшения и изменения партийной организации могут дать те или иные улучшения, но они не являются всеспасающими лекарствами, исцеляющими население от всех бедствий. Одним из таких рецептов является предложение М.Я. Острогорского, сводящееся к замене современных партий с их универсальными программами omnibus ассоциациями индивидов *ad hoc*, ввиду одной-, совершенно определенной и ясной цели. «Мудрое и справедливое решение социальных вопросов, — говорит он, — встречает одно из главных препятствий в современном режиме партий, в политическом торгашестве, заботящемся только о своей лавочке». «Партия должна перестать быть амальгамой групп и индивидов, объединенных в фиктивном согласии, и должна стать ассоциацией, однородность (и солидарность) которой гарантируется единственной целью. Le parti qui maintenait, ses membres comme dans un otan, une fois qu'ils y etaient entres, ferait place a des groupements qui se formaient et se reformeraient librement, selon les problemns changeants de la vie et les jeux d'opinions que ceux-ci ameneraient. Des citoyens qui se seraient separees sur une question feraient route ensemble sur une autre question»^{286,97*}. Такова суть предлагаемой им реформы.

Плюсы ее ясны и бесспорны. Замены «твердых», «закостенелых» партий с их универсальными программами, такими временными ассоциациями *ad hoc*, преследующими достижение одной определенной цели, ведет: 1) к большей эластичности социальной жизни и социальных группировок, 2) уничтожает войну и военное состояние между партиями, 3) ведет к разрушению партийного фетишизма, 4) развивает и повышает сознательное отношение граждан к общественным делам и к вотированию (ибо одна конкретная цель понятна всем, тогда как длинные партийные программы вносят в головы масс только путаницу, туманность и возможность «морочить их» партийными дельцами),

5) уничтожает подавление личности партией и партийное рабство, 6) заставляет вождей такой ассоциации более добросовестно исполнять свои обязанности, ибо

Ostrogorski M. Op. cit., p. 647-648.

576

Система социологии. Том II

облегчает контроль за их действиями, 7) тем самым уменьшает партийное лицемерие, партийную олигархию, морализирует политиков, освобождает и уравнивает личности, словом — всесторонне оздоравливает общественную жизнь и массы. «Изъятый из-под морального принуждения, производимого на него традицией "партии", пришедший (debarasse) в себя от кошмара формальности (de la regularity), давившей его воображение, гражданин, которого до сих пор мы видели согнутым пред числом (courbe devant le nombre), устранным и испорченным (Mche), сможет выпрямиться и получить доверие к самому себе»²⁸⁷. Примером таких ассоциаций могут служить Tariff-Reforme League, Budget League в Англии и др.

Вполне присоединяясь к этим положениям и признавая (см. ниже), что такая трансформация партий должна неизбежно наступить, тем не менее, я не могу думать, что такая реформа даст подлинный *habeas animum*^{жс}, о котором говорит М.Я. Острогорский. Завоеванию *habeas animum* она будет способствовать; но не уничтожит ни других форм олигархии и неравенства, ни ряда социальных расслоений, лежащих вне области партийного расслоения; ни антагонизмов и борьбы, вытекающей из внепартийных и даже неидеологических группировок и расслоений²⁸⁸. Впрочем, это признается и самим автором «Демократии и политических партий», ибо предлагаемая им реформа, по его словам, не гарантирует полное уничтожение формализма, а только его уменьшение; она не превратит человека из существа, руководимого слепыми импульсами и чувствами, в существо вполне рациональное, но будет способствовать росту разума и влиянию рациональных мотивов на поведение масс²⁸⁹. Против этих положений не приходится возражать. Они правильны. Но из них то и следует, что улучшение партийной организации может дать ограниченные эффекты.

Довольствуемся сказанным в характеристике партийной группировки.

Группировки в зависимости от характера и содержания психических, идеологических, чувственно-эмоциональных и волевых запросов личности и остальные свободные группировки

Ряд очерченных выше группировок, само собой разумеется, не исчерпывают всех линий расслоения населения. Помимо их в населении нашего времени имеется множество более мелких групп, в которые объединяются индивиды и в которые они входят в качестве вольных абонентов.

²⁸⁷ *Ostrogorski M. Op. cit., p. 650 и ел.*

²⁸⁸ См. об этом: Wallas G. Human nature in politics. 1908. ²⁸⁹ *Ostrogorski M. Op. cit., p. 715.*

Глава II. Учение об элементарных социальных группах

577

Из таких групп упомянем прежде всего ряд объединений психического характера. Хотя религиозная, партийная и отчасти языковая группировки носят также психический характер, однако психические группы ими не исчерпываются. Ряд познавательных, чувственно-эмоциональных и волевых запросов личности не находит в этих группах полного удовлетворения, с одной стороны, с другой — требования самой социальной жизни заставляют создавать целый ряд ассоциаций, отличных от религиозных и политико-партийных коллективов. Можно быть католиком или протестантом, но это ничуть не мешает принадлежать, напр[имер], к «обществу ревнителей физики или истории». Можно быть социалистом или консерватором, но это не исключает возможности быть футуристом или натуралистом в искусстве. Среди лиц разных религий и разных партий имеются члены «вегетарианского союза», или «неомальтузианской лиги», или «общества защиты детей», или «любителей музыки, или гребного спорта». Словом, помимо расслоения населения на религиозные и политико-партийные группы имеется еще

множество групп *sui generis*, отличных от первых. Если каждая из них и не играет столь важную роль в социальной жизни, как предыдущие, то все же некоторую роль они играют и для полноты картины общественного расслоения (а соответственно, и для полноты системы социальных координат) заслуживают упоминания.

В применении к ним можно то же сказать, что и к предыдущим группировкам, а именно, *сходство лиц в интеллектуальном отношении* (в объеме и качестве знаний и верований), *в чувственно-эмоциональном и в волевом* делает их в общем и целом *солидарными друг с другом и преднамеренно ли, или непреднамеренно, вызывает единство действия, сходные акции и реакции с их стороны, иными словами, это сходство (в той мере, в какой они сходны) заставляет их стремиться друг к другу, одинаково мыслить и желать, одинаково верить и действовать.*

Это вызывается тем, что, как увидим в «Социальной механике»²⁹⁰, знания (точные и объективно-истинные идеи и их комплексы) и верования (идеи объективно-ложные, но субъективно кажущиеся истинными), чувства и воления влияют на наше поведение и определенным образом обуславливают наши акции и реакции. Одинаковые знания, верования, чувства — эмоции и воления (*ceteris paribus*) вызывают одинаковые эффекты в поведении разных лиц, увеличивают социальный конформизм и солидарное тяготение подобных к подобным, с одной стороны, с другой — отталкивание, отсложение, антагонизм и борьбу несходных лиц друг с другом.

Примерами таких коллективов могут служить прежде всего *научные и наукообразные общества, ассоциации и объединения.* Таковых в каждом

²⁹⁰ См. также: Сорокин П. Учебник социологии. 1920, гл[ава] о соц[иально]-псих[ических] факторах.

19 Система социологии

578

Система социологии. Том II

культурном населении немало. Научные общества и ассоциации физиков, химиков, ботаников, зоологов, математиков, геологов, астрономов, психологов, философов, экономистов, историков, социологов, юристов и т. д. и т. д. — примеры таких ассоциаций. Всевозможные «кружки для самообразования», школы и университеты, академии и научные институты, лиги знания и популяризации последнего — другие примеры таких научных и наукообразных объединений. Ассоциации «позитивистов» и «мистиков», «рационалистов» и «интуитивистов», «марксистов» и «идеалистов», «теософов» и «материалистов» и ряд других идейных течений и ассоциаций — третий пример таких группировок. Легко видеть их отличие от предыдущих крупных группировок. Они не сливаются с ними и не покрываются ими.

Конечно, социальное влияние каждой из подобных групп относительно и непосредственно не столь велико, как рассмотренных элементарных коллективов. Во-первых, каждая из них обнимает сравнительно небольшое число членов. Во-вторых, они не имеют обычно в своем распоряжении ни вооруженных сил, ни тюрем, ни эшафота, ни других мер принудительного воздействия. В-третьих, они ассоциации относительно свободные: вход и выход здесь обычно открыты для желающих лиц, интересующихся соответственными науками, желающих и могущих работать в их области. В-четвертых, индивиды входят в такие ассоциации уже взрослыми. Они не влияют на их поведение (кроме школы и кружков для молодежи) с ранних лет и не ставят своей непосредственной задачей (научные об[ществ]а) перевоспитание и изменение их поведения. В силу этих условий непосредственное социальное влияние каждой научной и наукообразной ассоциации не столь велико, как очерченных элементарных групп. Но было бы ошибкой, если бы это влияние мы сочли ничтожным, в частности, влияние научных (в собственном смысле) ассоциаций и групп. В применении к ним количество членов группы заменяется, так сказать, их качеством, отсутствие непосредственного социального влияния — влиянием посредственным, проникающим во все поры общественной жизни. Давая средства подлинного воздействия на вещи — на явления природы — и воздействия прямо

не столько на людей, сколько на вещи, — на внешнюю среду населения — знание и научные (а не наукоподобные) ассоциации весьма чувствительно влияют на все группировки, на судьбу всего населения, на весь ход истории. Это влияние не заметно с первого взгляда; силы, создаваемые ими, не вызывают моментальных эффектных потрясений и переворотов, но при более вдумчивом наблюдении их работа заставляет считаться с собой всех людей. Изменяя вещи, научные ассоциации косвенно изменяют все поведение и всю жизнь населения. Примером и подтверждением сказанного может служить влияние физико-химических знаний, создававшихся и развивавшихся рядом научных групп в течение последних полутора-

Глава II. Учение об элементарных социальных группах

5 7 9

ста лет. Если бы не было соответственных знаний, развивавшихся путем научного общения лиц и групп, почти единственным источником энергии для человека была бы живая сила человека. Не имея надлежащих знаний, люди, как в древности, не сумели бы утилизировать ни силу пара, ни силу электричества, ни другие источники энергии. «Фундаментом экономического прогресса в древности является энергия рабов».

«Какую же энергию может дать человек-машина? Свободный человек за 10 час[овой] рабочий день может произвести работу в 290 000 килограммометров, что соответствует 8 килограммометрам в 1 сек[унду] или мощности в U_{10} лош[адиных] сил. При таких условиях для движения маллетовского локомотива, развивающего 3000-4000 лош[адиных] сил, понадобился бы труд 30 000 человек, несущихся со скоростью экспресса, для электрической передачи мощности в 250 000 лош[адиных] сил от водопадов Замбези на расстояние 1100 километров, в мины Наталя, током в 150 000 вольт, потребовалась бы работа 2,5 миллиона человек, моментально переносящихся на 1000 верст. Вся мощность энергии, благодаря знаниям утилизируемой теперь людьми, исчисляется в 20 миллиардов лош[адиных] сил. В переводе на человеческий труд это означало бы труд 200 миллиардов людей, трудящихся по 10 час[ов] в день за совесть. «Обратив все население земли (равное приблизительно IV, миллиарда) в рабов, прекратив все другие виды деятельности, мы не получим (и сотой части) той механической мощности, которая дается техникой, созданной современным физическим знанием». «В течение миллионов веков природа довела население земли до $17\frac{1}{2}$ миллиарда, а буйный разум физических наук в полтора столетия создал человеку в сто с лишним раз большее число сотрудников»²⁹¹.

Учитывая, что в наше время рост знаний совершается главным образом в процессе коллективного научного взаимодействия, совершающегося в многочисленных научных ассоциациях, последние мы можем рассматривать как лаборатории знаний. Влияние, оказываемое знаниями на социальную жизнь, — что весьма ярко доказывается указанным примером влияния физ[ико]-хим[ических] знаний, — может быть относимо к влиянию научных ассоциаций и групп. Их работа незаметна с первого взгляда, но, при более вдумчивом наблюдении, она оказывается действенной и достаточно могучей. Вся совокупность таких научных групп, взятая в целом, в культурном населении имеет свой удельный вес и свое знание. И чем их больше, и чем качественно они лучше, тем социальное влияние их значительнее, тем более принуждены считаться с ними все группировки. XIX и XX века показывают, что влияния их не может избежать ни один из крупных элементарных коллективов. Совокупность научных ассоциаций, имеющих в данном населении, оказывала давле-

²⁹¹ Умов Н.А. Физические науки в служении человечеству // Природа. 1913, февраль, с. 149-160,

5 80

Система социологии. Том II

ние на семейную, государственную, религиозную, имущественную, объемно-правовую и другие группировки населения. В их взаимных отношениях и борьбе больше шансов на победу имели те группы, которые, при прочих равных условиях, обладали большей суммой знания, а следовательно, более считались с данными научных

объединений. Если в течение этих столетий наблюдалось падение влияния исторических религиозных групп, то часть вины или заслуги в этом деле принадлежит и работе научных групп. Если с XVII и XVIII вв. мы наблюдаем ряд изменений в экономической области, повлекших за собой перегруппировку населения, то здесь опять-таки свою роль играли научные открытия, а следовательно, и научные ассоциации.

Не останавливаясь подробнее на доказательстве их значения, ограничимся сказанным. Несомненно одно: 1) то, что группировка индивидов в научные и наукообразные соединения существует; 2) что эта группировка не совпадает со всеми выше очерченными; 3) что она играет свою роль в определении судеб населения и влияет, если не прямо, то косвенно, на другие группировки; 4) что для ряда индивидов социальная координата, определяющая их важную роль в крупной научной ассоциации, является существенно важной и придает им вес подчас весьма значительный (напр[имер], «директор Пастеровского института», председатель «Лондонского Королевского общества», «член Французской академии наук» и т. д.).

Наряду с научными и идеологическими группировками в современном населении существует множество группировок, вызванных к жизни *чувственно-эмоциональными потребностями* людей. Примерами их являются самые разнородные группы и общества, начиная с постоянной компании собутыльников, «любителей охоты» или общества футболистов и т. п. и кончая множеством эстетических объединений и течений: эстетические школы натурализма, романтизма, футуризма, кубизма; «общества любителей» музыки, живописи, сценического искусства, балета и т. д., в которые группируются индивиды, сходные в этом отношении.

В населении культурных стран имеется множество групп такого рода. Если не все, то часть индивидов абонируется членами таких коллективов, солидаризируется друг с другом, отдает им часть времени и сил, объединенными, усилиями частично влияет на поведение не членов таких обществ и фактом участия в них сама обуславливается в своем поведении.

Далее, рядом с ними в современном населении имеется множество свободных ассоциаций (или расслоений), имеющих *волевой характер и вызванных фактом совпадения волений ряда лиц и стремления их к осуществлению совокупными усилиями определенной общей цели*. Таковы множество групп, начиная с какого-либо вольного кооператива, акцио-

Глава II. Учение об элементарных социальных группах

581

нерной компании, ревнителей неомальтузианства, вегетарианства, с «общества покровительства животным» и кончая такими крупными волевыми группировками, как, напр[имер], английская Ассоциация для борьбы с рабством и работорговлей. Anti-Corn-Law League, Societe pour soutenir le bill des droits, Tariff-Reform League, Budget League и др., сыгравшие колоссальную роль в ходе общественных событий²⁹².

Наконец, помимо ясно выраженных группировок идеологического, чувственно-эмоционального и волевого характера имеется множество группировок — порою мелких, порою довольно значительных — *смешанного характера*, имеющих в населении культурных стран и особенно в населении городов. Большинство городских жителей состоят членами ряда «обществ», союзов и клубов, начиная с какого-либо «общества собирателей почтовых марок», союза «шляпинисток», «собини-сток» и т. д. и кончая «союзами чудаков» (odd fellows), «клубами толстяков» и т. д. Перечислить все эти группы нет возможности. Один простой перечень их занял бы десятки и сотни страниц²⁹³. Чем культурнее население, тем больше таких вольных союзов и ассоциаций, тем сложнее эта вольная группировка. Часть из них существует в границах определенного государства, часть носит международный характер (научные, художественные, моральные, экономические и др. ассоциации).

В современной Франции, писал Тэн, мы насчитываем, кроме Государства и Церкви, кроме тридцати шести тысяч коммун и 40 000 приходов (paroisses), кроме семи или

восьми миллионов семейств, «миллионы сельскохозяйственных, промышленных и коммерческих мастерских и предприятий (ateliers), сотни институтов науки и искусства, тысячи филантропических и воспитательных учреждений, сотни тысяч обществ взаимного страхования, взаимопомощи, обществ деловых или ставящих своей целью доставление удовольствий, короче, бесчисленное множество ассоциаций разного рода, из которых каждая имеет свой объект и, как инструмент или орган, выполняет специфическую работу». «По мере того, как цивилизация рафинируется, число ассоциаций растет, увеличивается их специализация, каждая из них преследует собственную цель»²⁹⁴.

Все они, вместе взятые, образуют сложную и пеструю картину социального расслоения населения и группировок его в те или иные коллективы. Если, образно говоря, пограничные линии основных элементарных группировок представляют глубокие трещины социального расслоения

²⁹² О них см.: *Джефсон*. Платформа, ее возникновение и развитие. СПб., 1901, *Ostrogorski M.* Op. cit, *Кропоткин П.* Взаимная помощь как фактор эволюции. М., 1918, с. 188 и ел.

²⁹³ См. для примера далеко не полный перечень различных обществ в энциклопедическом словаре Брокгауза-Ефрона, под словом «Общества» (СПб., 1897, т. XXI^A, с. 607 и ел.). См. также: *Gide Ch.* Rapport sur l'economie sociale // Rapports du jury international] de l'exposition de 1900. Paris, 1903, vol. V.

²⁹⁴ *Bougie C* La democratie, p. 154-155.

582

Система социологии. Том II

ния, разделяющие большие массы индивидов и похожие на линии государств и губерний на социологической карте, то пограничные линии всех последних группировок (идеологических, чувственно-эмоциональных, волевых и смешанных) рисуются в виде множества тоненьких трещин, покрывающих частой сетью «уездных и волостных» пограничных линий карту социального расслоения населения. Если первые являются крупными линиями системы социальных координат, характеризующей строение населения и социальное положение индивида, то последние в своей совокупности составляют множество добавочных координат, быть может, не столь существенных, как предыдущие, зато дополняющих эту систему и придающих ей конкретный вид и форму. Без них система социальных координат похожа была бы на голый скелет. С ними она приобретает точность, конкретность живого тела с мускулами, плотью и кровью. Без них, в ряде случаев, мы не сумели бы точно определить социальную физиономию, общественный вес и поведение ряда индивидов (напр[имер], Пастера или Рентгена, Менделеева или Эдисона, Родена или Р. Оуэна, Бетховена или Дарвина, Левитана или Толстого, ибо многие из них не занимали выдающегося «поста» ни в государственной, ни в религиозной, ни в партийной, ни в узкопрофессиональной и других группах). Они дают нам эту возможность и делают понятным подчас весьма крупный удельный вес таких лиц.

Словом, «географическая карта» социального расслоения населения без них была бы слишком суммарной и общей. Она указывала бы только самые основные линии группировок индивидов в огромные коллективы. С ними такая карта, если и далека от «пяти и десятиверстных» карт, то все же становится достаточно подробной и точной...

Этими замечаниями и ограничимся в характеристике основных элементарных групп, на которые расслаивается население современной Европы, Америки и культурных областей остальных стран света.

Группа elites

В предыдущем мы изучали *реальные, а не мнимые коллективные единства*. Этим объясняется, почему мы не выделили, в отличие от многих социологов (напр[имер], Гиддингса и др.), в особую группу «великих людей» или, точнее, тех, кто зовется по-французски elites. Как выше я отметил, *группа великих людей представляет фактически нереальную, а мнимую коллективность*.

Среди множества группировок в современном населении мы не находим в нем

особой реальной совокупности «великих людей», которые бы в силу своей принадлежности к выдающимся личностям были более солидарны друг с другом, чем с остальными, более тесно связаны друг с другом, чем с прочими смертными, и сильнее обуславливали свое вза-

Глава II. Учение об элементарных социальных группах

5 8 3

имное поведение, чем поведение последних. Ни в форме ассоциации «великих людей», ни в форме профессионального союза или цеха гениев, талантов или выдающихся лиц, ни в форме особой реальной группы «elites» такой коллективности мы не находим. Если такая группа и выделяется обычно, то как группа мнимая, статистическая, подобная вышеприведенным группам «прямоносых» или детей от 2 до 3 месяцев со времени рождения²⁹⁵.

Вот почему в ряду множества реальных группировок, на которые распадается население, не приходится искать и выделять особой реальной группы elites. Это так и следует зафиксировать.

Но если elites не образуют реальной совокупности, то из этого не следует, что они не представляют интереса для социолога и не имеют никакого значения в области изучения строения населения. Не составляя группы и не влияя на судьбу населения в качестве особой коллективности, elites, отдельно взятые, сами по себе имеют значение. Они подобны редким алмазам, ценным не потому, что они образуют мощные залежи, а в силу своих исключительных качеств и свойств. Такими алмазами среди населения и являются elites. *Если они не имеют значения как группа, то каждый из elites, индивидуально взятый, является фокусом влияния и сил, далеко превосходящих силы и влияние отдельных рядовых индивидов.* Каждый из elites является как бы конденсированной, воплощенной в одном человеке, группой, источающей от себя лучи влияния на других людей. Этим я не хочу сказать, что «история делается героями» (все предыдущее противоречит этому; подробнее об этом — в «Социальной механике»), а хочу только сказать, что *не все индивиды по силе своего влияния на других и на ход общественных событий равны друг с другом.* Одни из них могут сказать о себе: «толпой угрюмою и скоро позабытой над миром мы пройдем без шума и следа, не бросивши векам ни мысли плодovitой, ни гением начатого труда». Другие, напротив, вместе с поэтом могут сказать:

«Я памятник себе воздвиг нерукотворный, к нему не зарастет народная тропа. Нет, весь я не умру. Душа мой прах переживет. И тленья убежит. И славен буду я...»^{99*}

Одни из людей являются незначительным фокусом сил, орбита их влияния ничтожна. Они тихо живут и умирают, не оставив после себя памяти и исторического следа. Таковых огромное большинство. Другие люди, напротив, представляют фокус сил, гораздо более значительных, орбита их влияния огромна. Их дела, слова и поступки действуют иногда на поведение огромного числа людей, вносят [в это поведение] ряд изменений и оставляют по себе историческую память, живущую десятилетиями и тысячелетиями. В сопоставлении *не с группами, а с другими индивидами* члены elites представляют историческую силу, далеко пре-

²⁹⁵ См. выше о реальных и мнимых коллективных единствах (с. 356 и сл.).

5 8 4

Система социологии. Том II

восходящую рядовых индивидов. Они поистине похожи на группу, конденсированную в одном лице.

Уже с этой точки зрения изучение их необходимо. Очевидно, не вполне безразличным для строения населения и хода общественных событий будет факт наличия или отсутствия в данной среде людей того или иного количества и качества elites. Это раз.

Во-вторых, elites можно сравнить с дрожжами, приводящими в брожение человеческие массы. Будучи продуктами последней и их выразителями, они, в свою очередь, раз появившись, подобно дрожжам испускают и распространяют вокруг себя

будирующие волны, приводящие в движение ряд сочеловеков, и оказывают таким образом большее или меньшее влияние на судьбы коллективов и групп.

Чем большим (ceteris paribus) будет количество elites в среде данного населения, чем сильнее будет их циркуляция в нем, тем более рыхлым и эластичным становится строение населения, тем подвижнее делаются его группировки, тем быстрее происходят в нем процессы перегруппировок.

И с этой точки зрения изучение elites и их циркуляции имеет значение для понимания строения населения, и в особенности, для понимания ряда социальных процессов.

Сказанного достаточно, чтобы понять, почему я, отрицая существование группы великих людей как реальной совокупности, тем не менее считаю необходимым хотя бы кратко остановиться на проблеме elites.

Первый вопрос, который встает перед нами, гласит: что такое elites? кто и почему может быть назван великим человеком и отнесен к числу elites?

Большинство определений великих людей страдает субъективностью и потому негодно. Коммунист склонен считать великими людьми только коммунистов, монархист только монархистов, пацифист будет протестовать против квалификации Наполеона великим человеком, добродетельный гражданин не согласится считать великим человеком какого-либо виртуоза по части убийств и преступлений. Словом, обычные понимания «великих людей» заражены субъективными вкусами людей и не могут служить научным пониманием elites. Тем же грехом субъективности страдают и попытки научных определений. Приведем примеры. Гиддингс, напр[имер], класс True elites (подлинных избранников) определяет как группу лиц, наиболее здоровых и жизнеспособных биологически, наиболее гениальных по умственным качествам, и наиболее социальных по моральным свойствам²⁹⁶. Очень милое и приятное определение, только научно непригодное и субъективное. Научно непригодно оно потому, что едва ли можно найти великих лиц, которые были бы и гениальны по уму, и социабельны по морали, и обладали здоровьем быка. Есть много здоровых лиц, но они не гениальны и не максимально

²⁹⁶ Giddings F. The elements of sociology. 1912, p. 112-118.

Глава II. Учение об элементарных социальных группах

585

социабельны. Есть много гениальных лиц, но они обладали болезненным здоровьем. Есть немало лиц выдающихся по уму, но нельзя сказать, чтобы они были максимально моральны. Есть немало лиц, социабельных до самопожертвования, но немногие из них гениальны по умственным дарованиям. Словом, если и были в истории случаи, когда в одном человеке совмещались одновременно и максимум здоровья, и максимум ума, и максимум морали, то такие случаи исключительно редки и единичны. Я бы затруднился указать хоть один подобный пример. И конечно уж, ни Наполеон, ни Христос, ни Кант, ни Бэкон, ни Свифт, ни Р. Майер, ни Шекспир, ни Байрон, ни Робеспьер, ни Цезарь и другие к числу великих людей, согласно этому определению, не принадлежали бы: если каждый из них обладал одним из трех признаков величия, то не хватает каждому одного или двух остальных признаков. Жаль, что Гиддингс не называет хотя один конкретный пример великого человека, удовлетворяющий его Определению. Впрочем, он сам в дальнейшем сводит на нет свое определение. Он включает в группу True Elite всех, кто оставил по себе память в истории²⁹⁷, значит и Наполеона, которого едва ли можно считать максимально моральным человеком, и Свифта, обманувшего двух невест, и Герострата, известного только тем, что для своего увековечения он сжег знаменитый храм, и Торквемаду, и многое множество других лиц, совершенно не удовлетворяющих его определению.

Второй грех его определения True Elite — субъективность. Здоровые люди с этим определением согласятся, но больные или болезненные люди будут спорить с тем, чтобы здоровье быка было необходимым признаком великого человека. Добродетельные люди признают, что социабельность — необходимая черта великого человека. Преступники —

люди эгоистичные, люди, привыкшие распоряжаться чужой судьбой, — едва ли подпишутся под таким определением. Подобно Штирнеру, Ницше и ряду индивидуалистов, они назовут такое величие величием сердобольной бабки и... только.

Словом, определение Гиддингса субъективно и не может претендовать на общезначимость. Той же субъективностью страдают определения Изуле и Новикова²⁹⁸. Часто под elites понимают т[ак] называемую] интеллигенцию.

²⁹⁷ Ibid., p. 113-116.

²⁹⁸ «Революция пришла, чтобы заменить ложных избранных истинными», — читаем мы у Изуле. Эти и подобные фразы представляют выражение собственных appetites автора, а не объективное понятие elites. С точки зрения роялиста дело обстоит наоборот. Один будет доказывать одно, другой противоположное и друг друга убедить не смогут. См.: Izoulet J. La cite moderne. Paris: Alcan, 1908 (введение); Новиков, в «Conscience et volonté sociale» понимает под elite мыслительный центр общества — интеллигенцию. Понимание узкое и неопределенное, страдающее теми же недостатками, которыми страдает и определение elites-интеллигенции, даваемое *Ивановым-Разумником*.

5 8 6

Система социологии. Том II

В русской литературе примером такого определения может служить определение интеллигенции, даваемое *Ивановым-Разумником*. Он всех лиц делит на два класса: на интеллигенцию и мещан. А затем дает такое определение тех и других²⁹⁹. «Интеллигенция есть этически антимещанская, социологически — внесословная, внеклассовая, преемственная группа, характеризующаяся творчеством новых форм и идеалов и активным проведением их в жизнь в направлении к физическому и умственному, общественному и индивидуальному освобождению личности». Мещанство же внесословно и т. д., но отличается от интеллигенции «отсутствием творчества и активности», «узостью, плоскостью и безличностью»³⁰⁰.

Если бы такие группы как реальные совокупности и существовали, определения *Иванова-Разумника* оставляют желать многого. Они не точны, они субъективны и потому научно негодны. Социологическая характеристика их бессодержательна, ибо и мещане, и интеллигенция вне-сословны, внеклассовы и т. д.

В этом отношении интеллигенция не отличается от мещан (просто потому, что «интеллигентность» и «неинтеллигентность» стоят в иной сфере измерения, чем «класс», «сословие» и т. д., как гетерогенны меры веса, длины, монетной системы. С таким же правом можно сказать, что обе группы: вне-семейны, вне-государственны, вне-расовы и т. д.).

Еще неудачнее «этическая» характеристика интеллигенции. Она вся состоит из общих неопределенных фраз. Интеллигенция «характеризуется творчеством новых форм и идеалов и активным проведением их в жизнь в направлении... к физическому, умственному и индивидуальному освобождению личности». Красиво, но туманно. Мало прибавляет ясности и противопоставление ее мещанству, характеризующему «отсутствием творчества и активности»³⁰¹.

Куда прикажете на основании такой характеристики отнести Петра Великого, Цезаря, Робеспьера, Наполеона, Торквемаду, Лютера, Победоносцева или Бисмарка? Что они были активны и творили новые формы — это бесспорно, к «мещанам» их отнести нельзя. Но относятся ли они к интеллигентам? Способствовали ли они освобождению личности? Были ли сторонниками примата личности? Куда отнести таких лиц, как Колумб или Менделеев, Ньютон или Ж. де Местр, Лавуазье или Магомет? Почти все они были весьма «консервативными» лицами, некоторые — погибли как реакционеры, но можно ли сказать, что они характеризуются «отсутствием творчества и активности»? Обратимся к большинству «борцов за свободу». Многие ли из них, все те тысячи и десятки тысяч, которые погибли в тюрьмах и на эшафоте хотя бы у нас, многие

²⁹⁹ *Иванов-Разумник*. История русской общественной мысли. Пг., 1918, с. 20 и ел.

³⁰⁰ Там же, с. 28, 27.

³⁰¹ Там же, с. 20, 27.

ли из них вносили новые идеалы и новые формы? Не повторяло ли большинство из них стереотипные формулы, созданные теоретиками социализма и демократизма? Не были ли они мещанами, попугайски твердившими, подобно начетчикам, старые, стереотипные, не ими созданные слова и мысли? Не прав ли Герцен, говоря, что они «большой частью люди очень недалекие и чрезвычайные педанты; неподвижные консерваторы во всем революционном, они останавливаются на какой-нибудь программе и не идут вперед»³⁰²?

Из этих вопросов выясняется полная неопределенность формулы Иванова-Разумника. Ее можно приспособить так и так. Кроме этого недостатка, она субъективна. Субъективна потому, что «этична» и оценочна. А где вмешалась оценка, там неизбежен произвол³⁰³.

Из указанных примеров ясна основная ошибка определений elites. Ошибка заключается в их субъективности. Наука — отрицание последней. Она должна давать объективные определения, в частности, и объективное понятие elites, или великих людей. Необходимое условие для этого — отрешение от оценок, от соображений добра или зла, пользы или вреда, похвал и порицаний, всегда субъективных. При таких заданиях единственно объективный путь для определения elites, — *это степень или ранг, занимаемый данным человеком в каждой отрасли человеческой деятельности, безотносительно к тому, безнравственна или нравственна, полезна или вредна, красива или безобразна, справедлива или несправедлива, плоха или хороша эта деятельность с точки зрения различных людей*. Воспользуюсь для пояснения моей мысли примером Парето, одного из первых объективных теоретиков elites. Возьмем какую-либо отрасль человеческой деятельности и обозначим цифрой 10 лучшего специалиста, наиболее успешно работающего в этой сфере. Лица, менее успешно работающие, получают отметки 8, 5, 4, 2, 1, вплоть до нуля. В области зарабатывания денег человек, зарабатывающий, например, миллионы, получит 10, зарабатывающий тысячи — 6, кто зарабатывает столько, чтобы не умереть с голоду, — 1, кто принужден просить милостыню, — получит отметку 0.

«Имеются лица, обожаящие Наполеона, как бога, имеются лица, которые ненавидят его, как исключительного мерзавца. Кто из них прав? Не будем решать этот вопрос. Хорош ли или дурен был Наполеон, но достоверно одно, что он не был кретином и не был незначительным человеком, каковыми являются миллионы людей: он имел исключитель-

³⁰² Герцен А.И. Собрание сочинений. Изд. Павленкова, т. III, с. 38.

³⁰³ Правильнее с этой точки зрения определение Лаврова (хотя и оно субъективно), гласящее: «интеллигенция — это совокупность личностей, действующих под влиянием сознательного побуждения к развитию, каковы бы ни были их занятия и независимо от того, служат ли они прогрессивным или регрессивным началам» (Лавров П.Л. Опыт истории мысли, с. 22).

ные качества, и этого достаточно, чтобы поставить его в класс "elites"³⁰⁴. Как специалист своего дела, по оценке специалистов же, он имеет право на высший балл.

Из этих примеров ясен метод определения elites. Ясна также и объективность такого метода. Причем, как резонно подчеркивает Pareto, следует учитывать *фактическое состояние*, а не состояние *потенциальное*. «Если кто-нибудь приходит на экзамен английского языка и говорит: если бы я захотел, я знал бы прекрасно английский язык; я не знаю его, потому что не пожелал изучать»; экзаменатор отвечает: «почему вы не знаете его, для меня это безразлично; вы не знаете его — и я ставлю вам нуль». Если сходным образом говорят: «этот человек не разбойничает не потому, что он не умеет это делать, а потому, что он честный человек». Мы отвечаем на это: «отлично, за это мы хвалим его, но

как разбойнику, мы ставим ему нуль»³⁰⁵.

Все лица, получающие высшие баллы в отрасли своей деятельности, признаваемые специалистами той же отрасли за исключительного дельца, и будут потенциально elites, независимо от этических и всяких других оценок.

Из сказанного понятно, что потенциально *elites* могут быть в любой отрасли человеческой деятельности, начиная с великих палачей и убийц и кончая великими учеными, подвижниками, моралистами, художниками и правителями государства. *Elites* могут быть в любой социальной группе, начиная с государства и церкви и кончая группами имущественными, разбойничьими и т. д.

Но это лишь первый шаг. Необходимо сделать и второй. Virtuozы, как сказано, могут быть в любой сфере деятельности, начиная с виртуозных обжор и коллекционеров почтовых марок и кончая виртуозными стратегами, правителями государства, церкви и т. д. Из этой довольно многочисленной группы виртуозов нужно сделать выбор второй степени, опять-таки на основе объективного масштаба. Каковым же должен быть последний? Для объективного исследователя закономерности социальных процессов таким масштабом может служить лишь один критерий: *степень влияния данного лица на поведение других людей, а через это — на ход социальных процессов*. Кто-то может быть виртуозным пьяницей или коллекционером старых каблуков, но их влияние на поведение других людей будет ничтожным. Рядом с этим виртуозы науки (Ньютон, Дарвин, Эдисон) или государственного управления (Кромвель, Наполеон, Петр Великий) или религиозной политики (Иннокентий III, Григорий VII) и т. п. оказывали на поведение других людей колоссальное влияние. Первые, хотя и являются виртуозами, но ввиду ничтожного влияния их на поведение людей они в группу *elites* не могут войти. Пос-

³⁰⁴ Pareto V. Trattato, vol. II, p. 470-471.

³⁰⁵ Ibid., p. 470.

Глава II. Учение об элементарных социальных группах

5 89

ледняя составляется только из лиц *социально-действенных, вносящих значительные изменения в поведение людей, безотносительно к тому, хорошими или плохими были эти изменения*. Спорно, положительную или отрицательную роль играли Цезарь и Марий, Торквемада и Иннокентий III, Стенька Разин и Никон, Робеспьер и Пугачев, Петр Великий и Наполеон, Магомет и Бисмарк, Шекспир и блаж. Августин, Маркс и Христос, Ницше и Руссо и т. д., но несомненно одно: *они были мастерами своего дела и провели глубокие борозды на поле истории*. Совокупность лиц, удовлетворяющих таким требованиям, и будет составлять «великих людей»³⁰⁶. Между ними, в свою очередь, согласно тем же критериям, можно провести дальнейшую градацию, разделив «великих» на ряд слоев. Таков единственный научный и объективный способ определения «великих людей». Легко понять, что чаще всего ими будут «лидеры» влиятельных и могущественных социальных групп: государства³⁰⁷, церкви, класса, языковой группы, имущественной, партийной, научной и т. д. Заняв в силу своих способностей место дирижера таких групп и распоряжаясь их могучим механизмом, они, подобно машинисту или механику огромной машины, приводили в движение сотни тысяч людей, влияли на их поведение, оказывали давление на ход общественных процессов и оставляли память о себе в летописях истории. Правильность такого понимания великих людей косвенно подтверждается и обычным мнением людей, их исторической памятью. Она отмечала и отмечает не только «добрых» гениев, но и «злых», не только лиц — максимально здоровых + максимально социабельных + максимально гениальных, по рецепту Гиддингса, но всех виртуозов своего дела, влиявших на поведение людей и ход общественных событий.

Дав объективное понятие *elites*, теперь мы можем сказать, что число *elites* I - *горанга в человечестве вообще очень невелико*. По вычислениям Гальтона³⁰⁸ в 1868 г. в Англии на все население было 1250 хорошо известных людей, 520—выдающихся и знаменитых (*eminent*). По «Nouvelle Biographie General» Didot со времен Перикла до 1850-

1870 гг. из 45 000 000 000 людей, живших на земле за это время, лиц, оставивших после себя историческую память, было всего около 100 000, что дает в среднем одного elite на 450 000 [человек] или одного великого человека на полмиллиона лиц, «проходящих над миром без шума и следа»³⁰⁹.

³⁰⁶ Ср.: Furlan. La circulation des elites // Rev[ue] int[ernationale de] soc[iologie]. 1911, p. 387; Kolabinska M. La circulation des elites en France. 1912, p. 65-66; Sensi-ni G. Teoria dell'equilibrio, passim.

³⁰⁷ См. объективное определение великих государственных людей у Кола-бинской (Op. cit, p. 5-6).

³⁰⁸ См.: Gallon F. Hereditary Genius. London, 1892.

³⁰⁹ Учитывая эту редкость elites, нельзя не присоединиться к следующим словам Гиддингса: «Что мы должны сказать о тех правительствах, которые в прошлом (в прошлом ли только? — П.С.) свободно уничтожали такие редкие

590

Система социологии. Том II

Таково понятие olites, великих лиц, и их относительная редкость. Явления циркуляции olites я коснусь кратко ниже.

Заключительные замечания

Таковы важнейшие элементарные социальные группировки, на которые расслаивается население нашего времени. Таковы *социальные координаты, определяющие общественное положение* индивида в этой среде. Наблюдая за своим и чужим поведением в течение ряда дней, мы можем убедиться в правильности сказанного. Это наблюдение показывает нам, что *наша жизнь и деятельность сводится к постоянной циркуляции от одного элементарного единства к другим*. То мы живем и действуем, как члены семьи, в лоне которой мы просыпаемся утром и оказываемся в ее же лоне вечером. В эти моменты мы являемся абонентами семейной группы и действуем как отец или мать, сын или дочь, супруг или брат, родственник или свойственник. Но в лоне семьи мы не проводим весь день, а тем более все дни. Почти каждый день «дела» отрывают нас на ряд часов от семьи. В эти часы мы «разъединяемся» с семьей и входим в «контакт» со множеством других коллективных единств, то мы соединяемся с *государством*, выполняя свои гражданские права и обязанности; по призыву военных властей идем на учет или отбываем воинскую повинность, по призыву судебных органов государства фигурируем в роли истца, ответчика, свидетеля, присяжного, по праву гражда-

элементы населения казнь, тюрьмой и другими путями преследовали их из-за различия в религиозных или политических верованиях! Ни одна нация в мире так не уничтожала свои наиболее драгоценные богатства, как Испания, длительная инквизиция которой (уничтожившая массу elites) свела ее к интеллектуальной и моральной бедности, небывалой в чело[веческой] истории» (Giddings F. The Elements, p. 115-116).

Увы! В истреблении elites повинны все правительства и прошлого, и настоящего, и консервативные, и революционные (напр[имер], истребление Лавуазье, Шенье, Кондорсе, Эбера, Дантона и др. elites во время диктатуры якобинцев, убийство Марата, Робеспьера и др. elites консерваторами и т. д.). Правительства в той или иной степени верны себе. Если бы солнце было в их власти, то оно давно уже было бы отправлено на эшафот: одними за то, что слишком «революционно», другими за то, что «контрреволюционно». Слава Богу, что солнце недосыгаемо для правительств! От души хотел бы, чтобы столь же недоступны, как солнце, были и elites. С грехом пополам правительства начинают ценить музейные редкости. Не плохо бы было издать закон, ставящий elites в положение равное с музейными редкостями. Если каждого человека мы не научились еще ценить, как музейную редкость, то elites на это имеют бесспорное право. «Если они не нравятся Вам, — позволю я заметить власть имущим, — то поставьте их под стеклянный колпак, помешайте им развивать "вредную деятельность", но не разбивайте эти редчайшие музейные ценности всего человечества. Они ему нужнее, чем большинство из вас!»

нина участвуем в выборах, платим налоги, вступаем в тысячи отношений с административными органами государства и т. д. То мы выступаем как *члены религии*: идем в церковь, на религиозное собрание и соединяемся с религиозной группой. Каждый день мы «идем на службу» или посвящаем ряд часов своей *профессиональной* деятельности, дающей нам средства существования. В эти часы мы действуем как члены профессионального коллектива. Наша партийная принадлежность если не каждый день, то весьма часто, заставляет нас «соединяться» с партией: идти на партийное собрание, партийный митинг и т. д. Принадлежность к *группе богатых или бедных*, в свою очередь, постоянно сталкивает нас с соответственными группами лиц и заставляет нас выполнять ряд поступков, диктуемых этой принадлежностью (напр[имер], делать визиты, бывать в обществе, вести «богатый» и «светский» образ жизни для богатого, делать соответствующие поступки для бедного). *Наши пол и возраст обуславливают наше половое и возрастное «общество»*. Ребенок ряд часов проводит с детьми, взрослый — с взрослыми, мужчина известное время проводит в компании друзей-мужчин, женщина — в обществе женщин. *Привилегированность или обделенность в правах*, в свою очередь, накладывают на нас свои права и обязанности и заставляют нас «соединяться» с соответственными коллективами. Участие в том или ином научном, художественном, спортивном обществе заставляют нас ходить на соответственные заседания, спортивные состязания и т. д. Словом, *в течение дня мы циркулируем от одного коллективного единства к другому, то на мгновение, то на ряд часов «соединяемся» с одним, потом разъединяемся с ним и входим в контакт с другим, за ним с третьим, с четвертым и т. д.* Волны социального моря бросают нас каждый день то к берегу семьи, то к берегу религии, то к берегу одноязычных, то к берегу однопартийных и т. д. Мы подобны человеку, все время (кроме часов сна) проводящему в «телефонных разговорах» то с группой А, то с группой В, то с группой С. С одними группами мы «говорим» (общаемся) каждый день и подолгу, с другими лишь изредка и короткое время. В течение дня, иными словами, мы испытываем ряд «перевоплощений»: «отец» сменяется «военнообязанным», «военнообязанный» — «коммунистом», «коммунист» — чиновником по профессии, чиновник — членом теннисного клуба. Наше «я» ежедневно дает десятки различных аккордов в зависимости от того, в качестве члена какой коллективности это «я» фигурирует. Это явление может наблюдать каждый. Оно лишний раз говорит о множественности элементарных социальных групп.

Границы каждой из этих группировок не совпадают. В существующих атласах, где даны карты государственной, религиозной, языковой (национальной) и расовой группировок, можно наглядно убедиться в несовпадении этих границ, сличив, напр[имер], карту распределения людей по государствам, с картой распределения их по религиям, или

5 92

Система социологии. Том II

национальностям, или расам³¹⁰. Пограничные линии группировок в каждом из этих случаев будут разными. Часть из этих групп, напр[имер] семейные группы, расположится внутри других, более обширных групп. Другие же группировки будут пересекать друг друга. Временами линии их могут совпадать, но в общем и целом каждая из них вычерчивает свою собственную траекторию и идет по своим путям.

Из сказанного следует, что население как всего земного шара, так и любой его части — любой определенной территории, в силу тех или иных оснований выхваченной исследователем, *не представляет однородно-серой массы, все члены которой с одинаковой силой тяготеют друг к другу, обладают одинаковой силой сцепления, а эта масса расслаивается наряд слоев, распадается наряд групп, члены которых сильнее связаны друг с другом, чем с остальными людьми.*

Сказанное дает основание и для другого вывода, оттеняющего сложность исторических событий. Если бы население расслаивалось только в одном направлении, напр[имер], распадалось бы только на государственные или профессиональные группы, то ход исторических событий был бы относительно прост. Подобно многим «монистам» мы

в этом случае сказали бы, что общественная жизнь есть результат взаимоотношения государственных или профессиональных групп или групп богатых и бедных, обделенных и привилегированных и т.д., что социальная борьба сводится к борьбе государств (или рас, как думал Гумплович и др., или классов, как думал Маркс и марксисты и т. д.). Но, увы, такая простота — неверна. Дело обстоит гораздо сложнее. *В любой момент истории мы находим солидаризирование и антагонизацию не по одному фронту, а одновременно по многим фронтам.* Борьба происходит не только между государствами, или между религиозными группами, или между профессиями, или между богатыми и бедными, или между привилегированными и обделенными и т. д., словом, она идет не по одному слою, а одновременно и между государственными, и религиозными, и профессиональными, и привилегированно-обделенными, и богато-бедными и т. д. группами. Картина сражения получается весьма сложна. В борьбу двух однородных групп, напр [имер], богатых и бедных, вмешивается ряд других, из которых одни вступают в союз с богатыми и помогают им, другие вместе с бедными атакуют богатых и их союзников. Третьи нападают на тех и других. В итоге получается картина, напоминающая положение анархической Украины, где существует множество воюющих групп и множество фронтов. Битва идет не только между «красными» и «белы-

³¹⁰ См., например атлас *Петри*. С этой точки зрения весьма важно было бы составление социолого-географического атласа, дающего наглядные карты социальных группировок. Автор лишен возможности сейчас это сделать по технически-типографским условиям. Суррогатом такого атласа может служить сопоставление ряда карт в том же атласе Петри.

Глава II. Учение об элементарных социальных группах

5 93

ми», но и между «зелеными», «синими», «петлюровцами», «григорьев-цами», «махновцами», «шайками Ангела» и множеством других групп. Что ни деревня — то особое войско. Фронтов — множество. Одни из них, напр[имер] «зеленые» сегодня помогают «красным», завтра переходят на сторону «белых», «григорьевцы» сегодня дерутся с «зелеными», завтра вместе с ними бьют «ангеловцев», «махновцы» сегодня нейтральны, завтра чуть ли не всем объявляют войну и т. д.

Таков же и «вечный фронт» истории. Он редко, вернее, никогда не бывает одним фронтом. *На историческом поле битвы редко борются только класс с классом, или богачи с бедняками^{III}. Борьба идет одновременно между слоями однородной группировки друг с другом и между слоями разнородных группировок.* Сегодня церковь и государство солидарно борются против общего врага, напр[имер], против семьи или группы бедных, завтра религиозная группировка вступает в борьбу с государственной. Сегодня богачи совместно с бедняками атакуют привилегированных, завтра привилегированные, лишенные преимуществ, вместе с бедняками атакуют богачей и т. д. Словом, картина «фронтов» здесь похожа на очерченное военное состояние Украины.

Правда, не все фронты имеют одинаково важное значение во все исторические времена. Подобно тому, как в той же Украине бывали моменты, когда доминирующее значение приобретала борьба «скоро-падчины» с петлюровцами, затем борьба петлюровцев с красными, потом григорьевцев с красными, сменившаяся борьбой «деникинцев» с красными, так и в истории: в одни моменты на первый план выступает борьба государства с государством и оттесняет на второй план другие виды социальных антагонизмов, в другие моменты — борьба церкви с государством, в третьи — борьба классов, в четвертые — борьба языковых или расовых групп и т.д. Но это доминирование не означает ни прекращения борьбы между другими группировками, ни уничтожения других фронтов, ни тем паче — вечного существования только единого фронта (напр[имер], только борьбы классов или только расовых антагонизмов и т. п.).

Все сказанное об антагонизмах элементарных групп применимо и к их солидаризации и к солидарным взаимоотношениям. Исторические события — равнодействующая линия, представляющая итог, результат взаимоотношений

(солидарности и борьбы) ряда элементарных групп за свою индивидуальность. Отсюда вывод: *всякая попытка объяснить исторические процессы и взаимоотношения различных слоев одной группировки* (напр[имер], только борьбой рас или только борьбой классов и т.д.) — *заранее обречена на неудачу*. Это — попытка решить уравне-

³¹¹ См. правильные замечания *Sensini* об односторонности и однобокости таких упрощенных представлений.

5 94

Система социологии. Том II

ние со многими неизвестными с помощью одной известной величины. Это — покушение с негодными средствами.

Очерченная сложность взаимоотношений социальных групп будет еще рельефнее, когда мы учтем строение и взаимоотношения кумулятивных групп. Ограничимся пока этими замечаниями. Ниже мы подробнее остановимся на них и извлечем из сказанного ряд других выводов, а пока перейдем к изучению кумулятивных групп.

Глава третья

УЧЕНИЕ О КУМУЛЯТИВНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУППАХ

§ 1. Понятие

Подобно тому, как конкретные предметы материального мира по своему химическому составу чаще всего представляют не простые химические тела, а тела сложные, составленные из ряда элементов, так и любая совокупность взаимодействующих индивидов редко представляет собой *элементарное* коллективное единство, т. е. группу, связанную только одной однородной связью. Чаще всего бывает так, что группа сосуществующих индивидов принадлежит одновременно к нескольким элементарным единствам и охватывается не одной, а двумя или большим числом связей. Короче, в социальной действительности мы конкретно чаще встречаем не элементарные, а кумулятивные группы. Под *кумулятивной группой*, напомним, *разумеется совокупность взаимодействующих индивидов, связанных в одно организованное целое связями не одной, а ряда элементарных группировок*. Если индивиды А, В, С, Д... являются членами не только одной и той же религии, но и подданными одного государства, членами одной профессии, принадлежат к одной и той же партии, то мы в лице их имеем кумулятивную (религиозно + государственно + профессионально + партийную) группу, составленную из кумуляции ряда элементарных группировок, объединенную связями не только религии, но и государства, и профессии, и партии. Иными словами, все они одновременно оказываются «абонентами» не одной элементарной системы взаимодействия, а двух или большего числа систем. Таким образом, население расслаивается не только по линиям элементарных группировок, но плюс — по линиям кумулятивным, образованным как бы слиянием ряда элементарных. От этого трещины кумулятивного расслоения носят обычно более глубокий характер. Они резче отделяют одну кумулятивную группу от других.

5 96

Система социологии. Том II

§ 2. Классификация кумулятивных групп

В химии из соединения элементарных тел получаются сложные химические тела. В социологии из различного комбинирования и различной кумуляции элементарных группировок получаются самые разнообразные кумулятивные группы.

Их множество. Чтобы не затеряться в этой пестроте явлений, необходимо так или иначе разгруппировать и выделить по ряду признаков основные виды кумулятивных групп. Так мы поступили с формами взаимодействия людей¹ и с элементарными группами. Так поступим с кумулятивными группами; то же сделаем и со сложными социальными агрегатами. План анализа на первом, на втором и на третьем этажах у нас будет один и тот же.

Формы взаимодействия мы классифицировали в зависимости от свойств его элементов: количества и качества индивидов, характера актов и природы проводников.

Кумулятивные группы мы можем классифицировать в зависимости от свойств образующих их элементарных группировок, а именно: 1) *в зависимости от числа*

последних (кумуляции: двойные, тройные и т. д.), 2) *в зависимости от их характера*: государственно + религиозная, партийно + профессиональная, обделенно + половая и др. кумулятивные группы; 3) *в зависимости от способа их кумуляции*; кумулятивные группы: открытые и закрытые, нормальные — родственные, ненормальные — неродственные, антагонистические и солидаристические, типичные и нетипичные, могущественные и не могущественные. Остановимся на каждом из этих видов.

Виды кумулятивных групп по числу и характеру составляющих их элементарных группировок

В химии мы находим химические соединения различной сложности. Есть тела, состоящие *из* овуххимических элементов, напр[имер] H_2O (вода), *из трех*, напр[имер] H_2SO_4 (серная кислота), *из четырех*, например] $KHSO_4$ (кислый сернокислый калий), *из пяти* и т. д. То же самое мы находим и в области социальных явлений. Наряду с элементарными группами здесь мы находим кумулятивные группы различной сложности. Есть кумулятивные группы *двойного* состава, образованные слиянием двух элементарных группировок. Такова, напр[имер], государственно + религиозная группа, состоящая из совокупности лиц, принадлежащих к одному государству и к одной религии; такова государственно + языковая группа, профессионально + партийная, расово + объемно-пра-

¹ См.: Сорокин П.А. Система социологии, т. 1, гл.: Классификация форм взаимодействия.

Глава III. Учение о кумулятивных социальных группах

597

вовая и др. Есть кумулятивные группы *тройного* состава. Такова, например], расово + языково + религиозная группа, состоящая из лиц, принадлежащих к одной расе, говорящих одним языком и исповедующих одну религию, такова профессионально + половая + имущественная группа (напр[имер], женщины, работницы табачной фабрики, получающие ничтожную заработную плату) и т. д. Подобно этому есть кумулятивные группы *четверного, пятерного, шестерного, и т. д. состава*, образованные кумуляцией четырех, пяти, шести и более элементарных группировок.

Таким образом, *по своей сложности кумулятивные группы распадаются на двойные, тройные, четверные и т. д. группы.*

Таково первое подразделение их.

Пойдем дальше. Кумулятивные группы отличаются друг от друга не только по сложности, но *и по характеру элементарных группировок, из которых они составлены.* И двойные, и тройные, и четверные и более сложные группы могут быть образованы из самых различных элементарных групп. Так, двойные кумулятивные группы выступают в форме профессионально + имущественной (напр[имер], лица одной профессии, грузчики-чернорабочие, получающие одинаковый доход — бедные), религиозно + языковой, государственно + религиозной, территориально + объемно-правовой, профессионально + партийной и во многих других видах. Весьма разнообразны по составу скумулятивировавшихся элементарных группировок и *тройные* кумулятивные группы. Ими будут территориально + языково + религиозная группа, состоящая из лиц, живущих на одной территории, имеющих один язык, принадлежащих к одной церкви, профессионально + имущественно + объемно-правовая группа (рабочие фабрики + бедные + обделенные в правах), расово + языково + половая группа, возрастно + объемно-правовая + профессиональная группа (дети, обделенные в ряде прав, сходные по профессии) и многие другие.

То же применимо к четверным, к пятерным и т. д. кумулятивным группам. Словом, по характеру элементарных группировок, из которых составляются кумулятивные группы, последние распадаются на множество форм и видов. Их может быть столько, сколько комбинаций, согласно алгебраической формуле сочетаний, может быть составлено из *энного* количества элементарных групп. Фактически, в населении земного шара нашего времени, а тем более предыдущих эпох, мы встречаем большинство из этих возможных форм кумулятивных групп. Если взять население современного большого города, то даже

здесь мы легко можем констатировать множество форм двойных, тройных, четверных и т. д. кумулятивных групп. Перечислять их здесь излишне. Но нелишне подчеркнуть открывающуюся перед нами сложность строения населения. В нем даны, как видим, не только элементарные линии расслоения,

598

Система социологии. Том II

но сверх того — линии кумулятивные, расслаивающие индивидов на множество разнообразных по сложности и по составу кумулятивных групп. Население поистине становится похожим на берег реки, состоящий из множества разнородных, механически слежавшихся химических соединений, в свою очередь, составленных из разнообразной комбинации различных химических элементов. Берег — это население. Химические соединения, из смеси которых он состоит, — это кумулятивные группы. Химические элементы — это элементарные группировки. Такова параллель, уясняющая взаимоотношение населения как сложного агрегата, кумулятивных групп и групп элементарных.

Кумулятивные группы: закрытые, открытые и промежуточные

Подобно элементарным группам, группы кумулятивные распадаются также на закрытые, открытые и промежуточные. *Закрытыми кумулятивными группами* будут те, вход и выход из которых невозможны или возможны, как чрезвычайно редкое исключение. Индивид к ним оказывается прикрепленным помимо его воли. «Выключить» себя из числа «абонентов» такой группы он не в состоянии. Перейти в другую (или «включить» в число «абонентов» другой — однородной кумулятивной группы) он не может. Сообразно с этим циркуляция индивидов из закрытой кумулятивной группы в другую закрытую (не в территориальном смысле, а в смысле исключения их из членов и включения в число членов другой группы) не имеет места или носит ничтожный характер. Закрытая кумулятивная группа похожа на стену, со всех сторон окружающую ее членов: выход для них за ее пределы невозможен, вход в ее границы для инородных лиц недоступен. «Осмоза»¹ через барьеры группы не происходит. Как частный вид закрытых кумулятивных групп, выступают *закрытые наследственные* кумулятивные группы; к числу их относятся те закрытые кумулятивные группы, где *принадлежность к данной группе родителей влечет принадлежность к ней и детей их*. Дети и de jure, и de facto не могут выключить себя из числа членов группы, к которой принадлежали их родители. Примером *закрытой и наследственной кумулятивной группы* может служить *каста*. Как ниже увидим, каста представляет закрыто-наследственную кумулятивную группу, состоящую из кумуляции элементарных группировок: профессиональной + религиозной + объемно-правовой + имущественной + семейно-родственной (и иногда + расовой и языковой). Она закрыта. Не от воли индивида зависит, членом какой касты он родится... Дети родителей, принадлежащих к касте А, механически становятся членами касты А. Вход в ее пределы для инородных лиц невозможен. Открепление члена от своей касты и прикрепление к другой невозможны. (Случаи «извержения из касты»

Глава III. Учение о кумулятивных социальных группах

599

означают «поставление вне закона» как высшее наказание, а не перемену кастовой принадлежности.) «Осмоза» между кастами нет или он ничтожен (строгая эндогамия и т. д.). Другим примером закрытой и наследственной кумулятивной группы является в ряде случаев группа рабов. В определенный период Римской империи дети родителей-рабов становились автоматически рабами. Выйти из этого состояния («выключить» себя из этого status'a) и включить себя в число «абонентов» группы «свободных лиц» они могли лишь в исключительных случаях. Эти маленькие лазейки (manumissio testamenta, vindicta, censo, inter amicos² и др. способы), однако, были столь узки, что немногие «верблюды» могли проходить чрез эти «игольные уши»². «Осмоза» и циркуляции между группой рабов и другими кумулятивными группами (cives romanus и др.) почти не было. Закрытыми же кумулятивными группами были: *возрастив + объемно-правовая группа детей* в Риме первого периода, состоящая из несовершеннолетних лиц, обделенных в

личных и имущественных правах; *половая + объемно-правовая группа женщин*, чуть ли не до XIX в. обделенных в правах по сравнению с мужчинами; *расово + объемно-правовая группа негров(цо их освобождения)*. Не от нашей воли зависит наш пол, раса и возраст: поскольку же с этими условиями неизбежно кумулировалась объемно-правовая группировка, то вся соответственная кумулятивная группа приобретала характер закрытый. Кроме указанных групп в истории дано немало и других закрытых кумулятивных коллективов.

На противоположном полюсе стоят кумулятивные группы открытые. Принадлежность к ним и *de jure*, и *de facto* зависит от воли индивида. Вход и выход из них свободны. Наследственной передачи этой принадлежности от родителей детям нет. Индивиды могут свободно циркулировать от одной такой группы к другой. Примером их может служить, напр[имер], кумулятивная партийно + научная группа. Группа лиц в наше время может быть членами одной политической партии и какого-либо научного общества. Вход и выход из такой кумулятивной группы свободны. Индивид может выйти из партии и перейти в другую, может выйти из партии и из общества, и таким образом, порвать с этой кумулятивной группой, исключить себя из числа ее абонентов. Дети таких людей и *de jure* не обязаны быть членами той же кумулятивной группы, и *de facto* не являются ими в большинстве случаев. Таких открытых кумулятивных групп в наше время довольно много. Между ними располагаются *промежуточные кумулятивные группы*. Они в своей совокупности дают градацию типов: начинаясь от групп весьма близких к закры-

² См.: *Покровский И.А.* История римского права. 1913, с. 294 и ел. То же применимо и к русским «обельным холопам», т. е. к рабам «вечным, полным, потомственным и наследственным». См.: *Ключевский В.О.* История сословий в России. 1918, с. 49.

600

Система социологии. Том II

тым (напр[имер] сословие), они кончаются формами, близкими к открытым кумулятивным группам (напр[имер], современный класс как кумулятивная полуоткрытая группа, близкая к открытой). *De jure* вход и выход из них свободны. Теоретически — принадлежность к ним дело доброй воли индивидов. Фактически эта свобода оказывается значительно ограниченной, циркуляция от группы к группе — стесненной. Никто не заставляет человека теперь принадлежать к какому-либо классу. Но сын пролетария становится обычно пролетарием, сын капиталиста — членом предпринимательского класса. Однажды став пролетарием, не всегда легко стать капиталистом. Исключения из этого правила есть, но, как показывает статистика, процент их ограничен. Таковы три типа кумулятивных групп с точки зрения закрытости или открытости. Ниже мы увидим значение этого деления: 1) для характеристики групп, 2) для строения самого населения. Сложный социальный агрегат, составленный из закрытых кумулятивных групп, не эластичен, он имеет закостенелый характер, перемены в нем редки, если они бывают, то принимают остро-революционный характер, сопровождаемый кровью, насилием, жертвами. Несравненно эластичнее и гибче население, в котором мало закрытых кумулятивных групп и много кумулятивных групп открытых или близких к ним. Жизнедеятельность такого агрегата принимает более ровный характер; острые кризисы, посещающие такой социальный организм, носят более мягкий характер³.

Указывая на это деление, тут же должен подчеркнуть, что *закрытость или открытость той или иной кумулятивной группы может исторически меняться*: одна и та же кумулятивная группа в одну эпоху или в одном населении может выступать как закрытая, в другую эпоху или у другого народа она может иметь промежуточный характер или даже быть открытой. Отсюда следует, что вопрос: какие из кумулятивных групп данного населения открыты или закрыты, должен решаться на основании фактического изучения населения.

Солидарная, антагонистическая и нейтральная кумуляции элементарных группировок (внутренне-солидарные, внутренне-антагонистические и внутренне-нейтральные кумулятивные группы)

Теперь обратим внимание на новую важную черту кумуляции элементарных группировок. Кумуляция последних может быть *или солидарная, или антагонистическая, или нейтральная. Под первой я разумею*

³ Ту же мысль Ключевский выражает словами: «Уравнение сословий идет тем труднее, чем проще сословное деление, чем резче (т. е. чем закрытее, чем более наследственно) сословное неравенство». Сословие — одна из форм кумулятивной группы, близкая к закрытой. *Ключевский В.О.* История сословий в России. 1918, с. 23.

Глава III. Учение о кумулятивных социальных группах

6 01

такую кумуляцию элементарных группировок, в которой все они дают своим членам императивы поведения, согласные друг с другом, толкающие их в одном и том же направлении. Под второй — такую, где императивы поведения кумулирующихся группировок друг другу противоречат. Под третьей — такую, где эти императивы поведения нейтральны: и не солидарны, и не антагонистичны.*

Возьмем группу лиц, принадлежащих к одному и тому же государству и к одной и той же религии. Согласно сказанному мы имеем здесь сложную, государственно + религиозную группу, составленную из кумуляции государственной и религиозной группировок. Если и государственная власть, и церковная власть дают этим членам одни и те же императивы поведения, если они побуждают индивидов действовать в одном и том же направлении (напр[имер], и государство, и церковь призывают их к войне), мы имеем *солидарную* кумуляцию этих группировок. Если дело обстоит наоборот, если принадлежность к государству требует от его членов повиновения распоряжениям органов государственной власти, а принадлежность тех же лиц к определенной церкви требует от них неповиновения государственной власти (напр[имер], приказ папы Григория VII, под страхом отлучения и интердикта требующего от подданных Генриха IV неповиновения последнему, или приказ патриарха Тихона^{3*}, призывавшего паству к борьбе с большевистской властью), мы имеем антагонистическую кумуляцию двух группировок.

Членами такой же антагонистической кумулятивной группы являются большевики, признающие святость обряда венчания. Партия требует от них, чтобы они при вступлении в брак не ходили в церковь и не венчались⁵, принадлежность к религии толкает их в противоположном направлении. В итоге такие лица оказываются в безвыходном положении: их «я» рвется на части противоположными императивами антагонистических скумулятивировавшихся групп, обручами которых они связаны. Они оказываются в положении лиц между двух зубчатых колес.

Теперь возьмем нейтральную кумуляцию. Классической ее формулой служит евангельское изречение: *«воздадите кесарево кесареви, а Божье — богу»*^{4*}.

В применении к кумулятивной религиозно + государственной группе эта формула рисует такое положение дел, где императивы поведения церкви и государства нейтральны, лежат в разных плоскостях и не скре-

⁴ Как видно отсюда, речь здесь идет не о солидарности, антагонизме или нейтралитете двух или большего числа групп, составленных из различных индивидов, но о соответствующих явлениях в пределах одной и той же группы лиц, больше того — о солидарности, антагонизме или нейтралитете «многих душ» одного и того же индивида, образующихся в результате его принадлежности к ряду кумулировавшихся элементарных группировок.

⁵ См. в «Московской] Правде» доклад г. *Ярославского* и мнение коммунистической] партии, признающие «венчание» недопустимым для коммунистов.

60 2

Система социологии. Том II

сшиваются: церкви нет дела до того, платит ли индивид налоги государству, и обратно, государству не интересно, постится ли, напр[имер], индивид в среду и пятницу. Императивы обеих групп не солидарны, но и не антагонистичны. Они не скрещиваются.

Эти примеры дают достаточное понятие о каждом из очерчиваемых видов

кумуляции. В истории любого народа мы встречаем множество разнообразных конкретных кумуляций каждого из этих типов. Если заняться конкретным описанием и исследованием их, то мы найдем разнообразнейшие двойные, тройные, четверные и т. д. типы антагонистической, солидарной или нейтральной кумуляции.

Характер кумуляции и поведение индивида

Поистине можно назвать счастливыми тех лиц, которые находятся в сфере солидарной кумуляции двух или большего числа элементарных группировок, которым все они дают солидарные друг с другом императивы поведения. Их поведение будет похоже на движение шара, который рядом сил толкается в одну сторону. Такие индивиды императивами всех скумулятировавшихся группировок будут толкаться в одну сторону. В их поступках мы не увидим колебаний и противоречий. Действия их будут решительными. Линия поведения последовательной. Совесть их — ясной. Угрызения и гамлетовщина им неведомы. «Столкновения обязанностей» или «борьба долженствований» — им чужды. Таково поведение индивида в этом случае.

Совершенно иным оно будет в случае антагонистической кумуляции элементарных группировок. Здесь поведение индивида будет похоже на движения шара, толкаемого в разные стороны двумя или большим числом сил, действующих в противоположном направлении.

Императивы поведения одной группировки в этих условиях будут побуждать его действовать в одном направлении, другой — в противоположном, одни из них будут говорить ему «да», другие — «нет», одни — толкать его к одним поступкам, другие — к противоположным. В итоге все поведение индивида будет полно колебаниями, противоречиями, непоследовательностью и нерешительностью. Оно будет представлять ломаную линию, с поворотами назад, с отклонениями в сторону. Вся его психология будет отмечена печатью гамлетовщины, нерешительностью, столкновением обязанностей, моральными конфликтами, «мучениями совести»... Это будет состояние, характеризующее кратко Шекспиром: «хочу, а вслед затем: не смею»^{5*}. Такое противоречие, нерешительность и мучения совести будут особенно резкими тогда, когда императивы антагонистических группировок будут одинаково действенными, когда принадлежность к антагонистическим группировкам одинаково важна для индивида. В этом случае последний будет поистине похож на бури-

Глава III. Учение о кумулятивных социальных группах

603

данова осла или обнаружит полное самопротиворечие поведения («бесхарактерность»).

В случае же неравноценности борющихся императивов — победит сильнейший, но результатом этого является обычно «разрыв» индивида с депрессированной группировкой, его «выход», «исключение», «извержение» из последней (партии, религии, профессии, имущественного слоя и т. д.).

Откладывая подробный анализ этих фактов до дальнейшего параграфа, здесь проиллюстрируем сказанное на свежем примере.

Во время последней войны нельзя было не заметить следующих фактов. Поведение одних лиц, русских по подданству, православных по религии, но не социалистов и не рабочих — по отношению к войне было последовательно. Обе эти скумулятировавшиеся группировки (государственная и церковная) давали согласные императивы поведения, требовавшие защиты государства, призывавшие к войне, провозглашавшие: «все для войны». Поведение их было последовательно и прямолинейно. Колебаний и сомнений не было. «Государственные интересы» — вот то, что они видели и ценили. Таково было поведение «государственников», в частности, правых партий, начиная с кадет, не входящих в группировку «интернационала».

Последовательной была и линия большевиков, преследовавших прежде всего и больше всего интересы «интернационала». Они были свободны от группировки государственной и религиозной; интересы последних для них не существовали.

«Интересы мировой революции» — вот тот маяк, на свет которого они держали курс. Отсюда — разжигание «классовой борьбы», подрыв «единения классов», «братание», проповедь пораженчества, явочного мира, октябрьский переворот, Брестский мир и т. д.

Совершенно иной была политика меньшевиков, эсеров, кроме правых крыльев этих партий и 1-го Центрального] Исполнительного] Ком[итета] Сов[ета] Р[абочих] и С[олдатских] Деп[утатов]. Вся она была сплошным «хроманием на оба колена». Являясь лицами, не порвавшими с государством (в отличие от большевиков), но и причастными к классовой организации пролетариата (в отличие от чистых государственников), эти группы «раздирались» противоположными императивами той и другой группировки. Интересы государства требовали «единения классов» и ослабления «классовой борьбы», интересы пролетариата требовали противоположного, интересы первого заставляли проповедовать «патриотизм», призывать к победе, укреплять армию, дисциплину, проповедовать «войну до победы»; интересы второго требовали депрессирования патриотизма, прекращения войны, поражения во имя революции и т. д. Раздираемые этими противоположными императивами, эти группы сегодня под влиянием «интернационального» мотива давали одну директиву, завтра — под влиянием государственного — противополож-

6 04

Система социологии. Том II

ную. Сегодня — укрепляли дисциплину, завтра — подрывали ее, сегодня звали к войне, завтра — к миру во что бы то ни стало и т. д.

Аналогичные же явления в меньшем масштабе можно наблюдать в поведении многих индивидов. Сплошь и рядом последние постоянно «хромают на оба колена»: подталкиваемые противоположными императивами, исходящими из ряда антагонистически скумулировавшихся коллективов, членами коих они являются (интересы семьи требуют одного поведения, напр[имер], не рисковать собой для партийных целей, интересы партии, государства, профессии, церкви и т. д. требуют часто противоположных актов), они мечутся из стороны в сторону; под влиянием одного императива сегодня совершают один акт, завтра под влиянием противоположного — другой, противоречащий первому, или, когда императивы одинаково сильны, — нерешительно колеблются, короче — представляют утлую ладью, гонимую в разные стороны противоположными ветрами или под влиянием последних безвольно кружащуюся на одном месте. Сказанное показывает зависимость поведения людей от характера кумуляции элементарных группировок. И поведение, и моральные переживания индивида в значительной мере представляют рефлекс императивов, обусловливаемых характером кумуляции.

Характер кумуляции и прочность кумулятивной социальной группы

Обычно думают, что чем большим количеством объединяющих нитей связаны члены той или иной группы, тем эта группа как коллективное единство прочнее, тем более упорно она отстаивает свое существование и свою индивидуальность. Если ряд индивидов объединен не только принадлежностью к одному государству, но также единой религией, единым языком, единой профессией и т. д., то в силу множества этих связей такая сложная группа гораздо прочнее, крепче, гораздо сильнее сцементирована, гораздо труднее подвергается диссоциации, чем группа, объединенная только одной связью, напр[имер], государственной или религиозной.

Такое положение правильно, но при одном условии: *при солидарной кумуляции элементарных группировок, дающих в итоге сложную группу. Если же кумуляция последних будет антагонистической, если императивы поведения одной из кумулирующихся группировок будут противоположны императивам другой, — такая кумуляция способствует не цементированию и сплочению группы, а ее диссоциации или разложению.* В этом случае сложная группа будет «раздираться» на части, все поведение ее будет противоречивым, нерешительным, колеблющимся. По своему строению такая

сложная группа будет внутренне-конфликтной, антагонистической; ее энергия будет поглощаться и сгорать в процессе внут-

ренного трения. В итоге всего, рано или поздно она диссоциируется: часть ее членов, для которых более важными окажутся императивы одной группировки (напр[имер] религиозной), не будут выполнять императивы другой (напр[имер] партийной); другая часть поступит напротив. Первые «выйдут» из числа абонентов партии, «порвут» с ней, вторые «выйдут» из числа членов религии, порвут с последней. Вся сложная группа, иными словами, диссоциируется на свои элементарные группировки, антагонизирующие друг с другом, что конкретно выразится в распаде ее, как целого, на две или большее число частей... В отношениях с другими группами она в этом случае не будет действовать как единое целое, а как ряд отдельных групп, действующих в различных, часто в противоположных направлениях. Возьмем для иллюстрации сказанного пример из недавнего прошлого, а именно группы лиц, входивших в состав партии социалистов-революционеров и партии меньшевиков в 1917-1918 гг. Эти группы представляли сложные группы: члены партии социалистов-революционеров и меньшевиков были объединены кумуляцией по меньшей мере двух элементарных группировок: принадлежностью к одному государству (к России) и принадлежностью к одной партии социалистов-революционеров (соответственно — к партии меньшевиков). Кумуляция государственной и партийной (социалистической) группировок по существу своему была антагонистической. Интересы государства требовали укрепления «священного единения классов», ослабления классовой борьбы, укрепления дисциплины в армии, ослабления революции и т. д. Все это было необходимо для более успешного ведения войны, «войны до победы», диктовавшейся интересами государства. Иного поведения требовали интересы партийной, социалистической группировки.

Социализм меньшевиков и эсеров — интернационален. Эта группировка преследует интересы рабочего класса или трудового народа: не интересы государства, а интересы классовые преследовались социализмом. Интересы государства для последнего — дело третьестепенное. Они имеют значение лишь постольку, поскольку способствуют победе интересов международного пролетариата. Достижение последних требовало «углубления революции» там, где интересы государства требовали «обмельчания» последней, первые требовали разрыва священного единения классов, вторые — его укрепления; первые диктовали «войну войне», вторые — «войну до победы»; первые декретировали «мир хижинам и войну дворцам», вторые — войну немцам без различия хижин и дворцов и мир внутри своего государства.

Словом, кумуляция этих двух группировок: государственной и партийно-социалистической была антагонистичной. Члены партии, объединенные ими, разрывались надвое. Что же в итоге мы видим? Во-первых, непоследовательность и «хромание на оба колена» всей политики обеих партий; во-вторых, постепенную диссоциацию кумулировавшихся ан-

тагонистических группировок и соответственное распадение той и другой партии на части. Почти с самого начала революции партия социалистов-революционеров распадается на три части: выходят из нее «левые эсеры», порывающие с государственностью и встающие на путь «интернационализма», выходят «правые эсеры», основывающие свой орган «Воля народа»^{6*}, определенно защищая примат государственных интересов («социал-патриоты»); остается «центр», ведущий неустойчивую, вялую, самопротиворечивую политику, лишенную всякого стержня, балансирующую между «интернационализмом» и «государственностью». Сложная группа, каковой была партия, диссоциировалась и распалась на части. Совершенно тождественной была судьба соц.-дем. партии. С самого начала революции мы видим, как она расслоилась на ряд групп: вышли из нее «интернационалисты» с «Новой жизнью»^{7*}, вышло

«Единство»^{8*}, вышли «меньшевики-оборонцы» с «Днем»^{9*} и остался «центр» меньшевиков, подобно «центру» эсеров, качавшийся от «государственности к интернационалу» и обратно.

Таких фактов в истории народов и государств можно указать сколько угодно. Особенно богаты ими средние века, где часто выступает антагонистическая кумуляция государственной и религиозной группировок; богато ими и наше время с его разнородными антагонистическими кумуляциями группировок государственной, профессиональной, по степени дохода, по объему прав и расовой.

Вот почему сама по себе кумуляция ряда элементарных группировок, объединяющих одних и тех же индивидов, еще ничуть не предreshает крепости и прочности сложной группы, составленной из скумулятивировавшихся элементарных группировок. Чтобы была налицо прочность сложной группы, необходима *солидарная кумуляция последних. Чем солидарнее действуют скумулятивировавшиеся элементарные группировки, чем более солидарные императивы дают они скумулятивированным индивидам, тем более крепкой и нерасторжимой будет такая сложная группа, тем труднее она подвергается разрыву.* В этом случае прочность сложного социального тела обеспечена. Оно не легко распадается, оно упорно будет отстаивать свою целостность; такое тело временно можно разорвать, можно его физически уничтожить, но разъединенные части неуклонно будут стремиться к соединению; вопреки всем препонам, всем препятствиям, единство такой группы будет воскресать. Счастливы те группы и те народы, которые представляют сложное социальное тело, составленное из солидарной кумуляции ряда элементарных группировок: их поведение твердо, их прочность велика, они имеют все шансы на сохранение своего лица и своей целостности. Иная судьба ждет те народы, которые представляют сложную группу, составленную из кумуляции антагонизирующих группировок. Разъедаемые их борьбой, они вечно будут «хромать на оба колена» и в итоге или распадутся сами или придут

Глава III. Учение о кумулятивных социальных группах

60 7

к тому же концу от малейшего внешнего толчка. Таков очередной вывод, вытекающий из развиваемого анализа простых и сложных социальных тел.

«Нормальные» и «ненормальные» кумулятивные группы

Указывая на самое разнообразное сочетание по числу и характеру скумулятивировавшихся элементарных группировок и, соответственно, на разнообразие кумулятивных групп, на их антагонистический и солидарный характер, в связи с последним теперь я должен обратить внимание читателя на следующее в высшей степени важное обстоятельство. В химии мы встречаем самое разнообразное сочетание элементов в сложные тела. Но рядом с этим та же химия дает нам типичные, чаще встречающиеся сочетания каждого элемента с другими элементами, напр[имер], группу соединений кислорода с другими элементами, группу соединений водорода, азота и т. д. У каждого химического элемента существует «избирательное химическое сродство» к определенным другим элементам, с которыми он легко вступает в реакцию соединения и потому дает часто встречающиеся определенные сложные тела.

Аналогичное мы наблюдаем и в социологии. Хотя элементарные группировки могут скумулятивироваться самым различным образом, но не все они одинаково легко вступают в соединение друг с другом. Здесь также имеется свое «избирательное сродство». Группировка А легко скумулятивируется с группировкой В, и потому кумулятивная группа АВ часто встречается. Но та же группировка А очень трудно скумулятивируется с группировкой Д и потому мы редко встречаем кумулятивную группу АД. Кумуляция первых, так сказать, естественна; группировки А и В взаимно притягиваются, обладают «социологическим сродством». В силу этого они устойчивы и не легко разлагаются. Кумуляция вторых — А и Д — противоестественна; они отталкиваются; потому они редко дают соединения, и соединения эти легко диссоциируются.

Назовем кумуляцию первого рода *нормальной*, кумуляцию второго рода —

ненормальной. Соответственные кумулятивные группы назовем *нормальными и ненормальными*. Так, группировка богатых легко кумулируется с группировкой привилегированных. Люди богатые обычно являются (*de jure* или *de facto*) привилегированными по объему и социальному рангу. Так дело обстоит теперь, так же в значительной мере оно обстоит и во все эпохи. Эта кумуляция нормальна. Обе группировки обладают взаимным «избирательным сродством». Такой же нормальной является кумулятивная группа «бедных + обделенных». Иное представляет собой кумуляция группировок «богатой» и «обделенной» по объему прав. Эти группировки не притягиваются взаимно. Группа «богатых» редко принадлежит к группе «обделенных». Если такие факты и бывают,

608

Система социологии. Том II

то они исключение или временное явление, которое скоро заменяется переходом богатых в группу привилегированных, а бедных — в группу обделенных. Так было напр[имер], во Франции в конце XVIII в. с «третьим сословием». В «реакции перемещения» богатого «третьего сословия» из группы «обделенных» в группу «привилегированных», собственно говоря, и состояла сущность Великой французской революции 1789 г. Словом, кумуляция «богатых» и «обделенных», а следовательно, и группа «богатых + обделенных» ненормальна. Эти две группировки не обладают взаимной притягательной силой, они редко кумулируются, поэтому такие группы «обделенных + богатых» — редкое явление в истории. То же применимо к кумуляции «бедных» и «привилегированных». Она также ненормальная и является редким историческим исключением. Из этих примеров ясно *понятие* нормальной и ненормальной кумуляции, а соответственно, и *нормальных и ненормальных кумулятивных групп*.

Систематическое изучение нормальных кумулятивных групп имеет колоссальное значение для структурного анализа населения, а равно и для решения ряда важнейших проблем социологии, в частности, проблемы «классификации обществ». Оно дает почву для существования настоящей «социальной химии». К сожалению, однако, социологи не только не решили эту задачу, но они даже ее не ставили. Неизбежным результатом такого положения дел является дилетантизм в анализе ряда проблем, имеющих отношение к структурным вопросам; ошибочность в решении многих важных вопросов социологии и довольствование ходячим представлением «класса», «касты», «национальности», «рода», «сословия», «племени» и других, как увидим сейчас, кумулятивных групп.

Общий характер данной работы мешает автору дать здесь же систематическую теорию и характеристику главнейших нормальных кумуляции (подобно химiku, дающему в химии описание основных соединений водорода, азота, кислорода и др. химических соединений). Такая задача, ввиду полной ее новизны, требует целого тома, который совершенно нарушил бы архитектуру «общего курса социологии».

Приходится поэтому удовольствоваться здесь двумя-тремя примерами, лишь иллюстрирующими, а не излагающими и тем более не исчерпывающими сути дела. Но эти примеры покажут, сколько новых вопросов встает перед исследователем при первой же попытке анализа нормальных кумулятивных групп и какой своеобразный свет кидают они на строение «общества» в различные исторические эпохи и на самый процесс истории.

Продолжим для ясности аналогии с химическими соединениями. Подобно тому, как одни химические элементы имеют ряд соединений, обладают «богатым химическим сродством» и легко соединяются со многими другими элементами (напр[имер], кислород, водород, азот и др.), а другие, напр[имер] золото, соединяются лишь с немногими (от-

Глава III. Учение о кумулятивных социальных группах

609

носительно) элементами, так и здесь, *одни элементарные группировки легко кумулируются с рядом других элементарных группировок, а другие — вступают в соединения лишь с очень немногими*.

Примером первых группировок может служить группировка *по объему прав*. Это чрезвычайно подвижная группировка, легко кумулирующая со многими другими. В

современной человеческой среде, а тем более в истории, мы встречаем самые разнообразные соединения этой группировки с другими. Возьмем ее *привилегированность*. Это условие кумулировалось в истории и с определенной *государственной* группировкой. Подданные ряда государств, особенно государств-победителей, часто делались привилегированными, тогда как подданные государства побежденного становились часто обделенными по сравнению с первыми. Временами, особенно в древности, эта обделенность была абсолютной: члены побежденного государства попадали в полную власть победителей (*omnia in victoria lege belli licebant*^{10*}), превращались в рабов, в бесправных шудр.

Таковыми фактами полна история. Они означают, что в таких явлениях мы имеем дело с *кумуляцией государственной и объемно-правовой группировок*, данной нам в форме группы лиц, объединенных принадлежностью к определенному государству и связанной с нею принадлежностью к группе привилегированных, с одной стороны, и группы лиц, связанных принадлежностью к определенному государству (обычно побежденному) и связанной с нею принадлежностью к коллективу обделенных — с другой. Таковы были, напр[имер], в Древнем Риме группы: 1) *cives Romani*, полноправных римских граждан, 2) *cives sine suffragio*, граждане покоренных Римом *civitates*, 3) граждан, принадлежавших к подданным *civitates foederatae-peregrini* и 4) *peregrini dediticii*¹¹. Первые — граждане Рима — были максимально привилегированными, последние — максимально обделенными⁶. Отсюда видно, как принадлежность к определенному государству влечет за собой привилегированность или обделенность, как в итоге кумуляции государственной и объемно-правовой группировок образуются кумулятивные государственно + объемно-правовые группы (государственно + привилегированные и государственно + обделенные). Такие же группы на заре русской истории составляли варяги — пришельцы и туземцы — обитатели русской равнины. Первые, бывшие вначале абонентами другого государства, образовали привилегированную, правящую группу, вторые — в общем обделенную⁷. Примером такой же государственно + объемно-правовой группы могут служить подданные Великобритании и подданные Марокко, недавно русские под-

⁶ Характеристику прав каждой группы см.: *Покровский И.А.* История римского права. 1913, с. 72 и ел.

⁷ См.: *Ключевский В.О.* История сословий в России. 1918, с. 41 и ел.

20 Система социологии

610

Система социологии. Том II

данные и подданные Бухары или Хивы, подданные Англии и подданные Персии и т. д.

Для краткости такую кумулятивную, государственно + объемно-правовую группу можно было бы условно изобразить значками: «Г. О-П», а ее виды значками: «Г. О-Пп» и «Г. О-По», т. е. «привилегированная, государственно + объемно-правовая группа» и «обделенная, государственно + объемно-правовая группа». Как сказано, такими кумулятивными группами полна история.

Дальнейшим видом соединения группировки *объемно-правовой* является ее *кумуляция с группировкой по степени богатства*. Группа лиц богатых обычно является и группой привилегированных, группа бедных в то же время обычно является и группой обделенных. Мы имеем, значит, кумулятивную «богато + привилегированную группу» и кумулятивную «бедно + обделенную группу». Такими кумулятивными коллективами кишит история. Они существовали с самых первых ступеней истории человечества, существуют и до сих пор.

Уже в относительно примитивных обществах богатство в том или ином виде является условием, влекущим за собой привилегированность наиболее богатых. «У танкитов дворянство порождается имущественным благосостоянием, а не рождением... У такули старейшиной мог сделаться каждый, который устроит пиршество для всего селения... У чинок начальники над селениями выбирались преимущественно за их бо-

гатство... У киргизов богатые приобретают известный перевес в советах над самыми заслуженными стариками... У коряков богатые пользовались своего рода властью над бедными. У овахереро кто не имеет скота, не пользуется уважением» и т. д.⁸

То же мы видим и позже. «Княжие мужи», «бояре», «лучшие, вят-шие люди» в Древней Руси были наиболее привилегированными и наиболее богатыми. «Могущественное и властное положение лучших людей обуславливалось прежде всего их обеспеченным и независимым имущественным положением; все они богатые люди, землевладельцы и рабовладельцы»⁹.

То же мы видим и в Риме. Наиболее привилегированными здесь были нобили и всадники, т. е. крупнейшие представители земельной и денежной аристократии¹⁰.

Так же было и всюду. Так обстоит дело и теперь. Вормс и Бугле правы, говоря: «если не трудно сохранить социальный престиж, ничего не делая, то крайне трудно сохранить его, не обладая ничем. Что иное это означает, как не то, что социальный престиж всего чаще вертится вок-

⁸ Ковалевский М.М. Социология, т. II, с. 188 и ел.; там же см. и др[угие] факты.

⁹ Дьяконов М.А. Очерки общественного и государственного строя древней Руси. 1910, с. 82-83.

¹⁰ См.: Покровский И.А. История римск[ого] права. 1913, с. 84-85, 191.

руг богатства? И обладание богатством, в свою очередь, не является ли обычным результатом привилегии? Если кое-кто зарабатывает свои капиталы трудом, то огромное большинство лиц не получают ли их по наследству и не обладают ли им на основании подлинного права рождения? Какая пропасть между тем, кто находит около своей колыбели туго набитый кошелек, и тем, кто находит только пустую суму! Справедливо говорят, что первый принадлежит к классу привилегированных, второй — к классу обездоленных»¹¹.

Мудрено ли поэтому, что почти всегда и всюду наиболее привилегированными были богатые и привилегированные — богатыми. Это нормальная кумуляция. Если же исключения из этого правила и были, то как исключения и притом очень недлительные. Больше того, если в силу тех или иных причин правящая, наиболее привилегированная группа почему-либо стала беднеть (как, напр[имер], феодальное дворянство Франции в XVIII в. или русское дворянство в конце XIX в. и в начале XX)¹² и рядом с ней появилась группа более богатая, хотя и не столь привилегированная, это значит, появились две ненормальные группы (привилегированная + бедная, обделенная + богатая). Это значит, что *должна произойти социальная «реакция перемещения»*, в результате которой обе ненормальные кумуляции должны разложиться и образовать кумуляции нормальные, т. е. наиболее богатые должны стать привилегированными, более бедные — обделенными. Произойдет ли эта реакция в форме острой революции, как было во Франции, где богатое «третье сословие», бывшее «ничем», в итоге стало «всеми», или в форме военного разгрома и грабежа бедными победителями богатых побежденных, как было, напр[имер], в Англии, где земли побежденных англосаксонских старшин Гарольда были розданы норманнам — сподвижникам Вильгельма Завоевателя и т[аким] о[бразом] последние стали и привилегированными и богатыми¹³, или в России в эпоху Грозного, разорившего старое боярство и раздавшего его земли опричнине, или в форме мирной, но такая «реакция перемещения» неизбежна. Притянет ли злато привилегию или привилегия в форме хотя бы военного меча злато — все равно; важно лишь одно, что сочетания богатства и привилегированности, бедности и обделенности естественны, обратные — неестественны. Если последние образовались — они должны разложиться. *Население, имеющее такие ненормальные группы, неизбежно должно ждать реакции перемещения.* Так было до сих пор; так обстоит дело и теперь. Богатая группа, если она остается богатой, в конце концов становится

¹¹ Bougie C. La democratie, p. 92.

¹² Постепенно терявшие земли, а вместе с ними и богатство. Цифры см. в ст[атье]: Zolotareff. Propriete foncie-re dans 50 gouvernements dela Russie // Bulletin Flnstitut international de] Statistique, vol. XVII, p. 176-208.

¹³ См.: Ковалевский М.М. История аристократии. СПб., 1914, с. 19.

612

Система социологии. Том II

привилегированной; привилегированная группа, если она хочет оставаться привилегированной, должна быть богатой. Иначе ей грозит декаданс, все равно, сейчас ли она силою оружия, путем восстания, захватила власть или давно уже пользуется ею. Если правящий класс, выдвинутый восстанием бедноты, упрочивает свое положение, то всегда при условии превращения его в богатый класс (путем напр[имер], грабежа земель, капиталов и т. д. и распределения богатств между своими сторонниками и членами). Здесь привилегированность притягивает к себе хотя бы чарами оружия и насилия богатство. В других случаях богатство притягивает к себе привилегированность и власть, т. е. сами богатые низвергают тем или иным путем обедневший привилегированно-правлящий класс и становятся на его место.

Такова суть этой реакции. История богата такими реакциями перемещения. Конечный итог их всегда один: разложение ненормальных групп и образование нормальных; баланс истории всегда точен, а до путей, средств и жертв ей нет никакого дела.

Кумулировалась и кумулируется часто *объемно-правовая группировка с расовой*: одни расы были привилегированными, другие — обделенными. В пределах каждой расы единокрасовый становится привилегированным, чужерасовый обделенным. При столкновении и пространственном соседстве разных расовых групп одни расы делаются привилегированными, другие — обделенными. Так было и так есть.

Фактов такого рода мы видели немало при характеристике расовой группировки. Группа негров в Америке не только элементарная группа, отличающаяся от белых по расе, но в то же время она и группа обделенная, более низкая по сравнению с белыми, т. е. кумулятивная, расово + объемно-правовая (обделенная) группа; расовой + привилегированной кумулятивной группой является и группа белых.

Кумулировалась объемно-правовая группировка с языковой. Например], многие инородцы России, вплоть до украинцев (черемисы, вотяки, татары и др. языковые группы), до революции представляли языко-во + обделенную группу, великороссы — языково + привилегированную, «господствующую народность». История разных народов богата такими группами. Они есть и теперь.

Кумулировалась объемно-правовая группировка и с религиозной. Например], «православные» России до революции 1905 и 1917 гг. были группой «религиозно + привилегированной», раскольники, сектанты и язычники составляли группы «религиозно + обделенные». Такие группы имеются и теперь.

Кумулировалась объемно-правовая группировка и с семейной. Примером такой кумулятивной группы могут служить группа «потомственных рабов», в силу происхождения от рабов-родителей делавшихся рабами,

Глава III. Учение о кумулятивных социальных группах

613

т. е. обделенными в правах¹⁴; *ordo equester*^{12*} в Риме¹⁵, «служилые люди по отечеству» в Московском государстве (до уничтожения местничества)¹⁶, «потомственное дворянство», императорские и королевские семейства — все последние группы представляют кумулятивные, семейно + привилегированные группы, где факт происхождения от семьи неизбежно влек привилегированность. Все потомственно-наследственные по привилегиям или по бесправию семейные группы представляют такие семейно + объемно-правовые кумулятивные группы. В той или иной форме такие группы существуют и ныне.

Кумулировалась и кумулируется объемно-правовая группировка и с профессиональной.

В истории мы находим множество видов профессионально + объемно-правовых кумулятивных групп. Одни профессии влекли за собой привилегированность, другие — обделенность. Так, профессия брамина в кастовом обществе неизбежно давала ему «высочайшее место на земле и все, что существует в мире, делала собственностью брахмана». Профессия шудры обязывала его «безропотно служить трем кастам»¹⁷. В ряде примитивных групп профессия воина делала его привилегированным. Военный вооруженный класс как на заре нашей истории, так и в начале истории многих государств в силу своей профессии неизбежно делался правящим и максимально привилегированным классом¹⁸. На связь профессии с объемом прав или с социальным рангом указывает и само слово «чин» как показатель социального ранга. Слово «чин» (от чинить — делать, «учинить» — сделать) обозначало какую-либо деятельность, профессию. В «этом смысле «чином» называлась группа лиц определенной профессии»¹⁹.

В итоге занятие определенной профессии давало «чин» уже в смысле объема прав, в смысле «почетного титула или звания», определяло социальный ранг лица, его привилегии или обделенности. Градация чиновных групп Московской Руси: чинов думных, чинов служилых, а в пределах первой группы градация: бояр, окольничьих, думных дворян, в пределах служилых чинов градация: стольников, стряпчих, и т. д.²⁰ — эта градация и соответственные должностные группы, расположенные в иерархическом порядке по объему привилегий и почетности, представ-

¹⁴ О рабстве в Риме см.: *Покровский И.А.* История рим[ского] права, с. 288 и ел. О «холопах» на Руси см.: *Ключевский В.О.* Ист[ория] сосл[овий], с. 48-82; *Дьяконов М.А.* Очерки, с. 111 и ел.

¹⁵ *Покровский И.А.* Цит. соч., с. 85.

¹⁶ См.: *Ключевский В.О.* Цит. соч., с. 98; *Дьяконов М.А.* Цит. соч., с. 260 и ел. " Законы Ману. СПб., 1913, гл. I, стихи: 87-91.

¹⁸ См.: *Ключевский В.О.* Ист[ория] сословий, лекция V.

¹⁹ *Дьяконов М.А.* Очерки, с. 286.

²⁰ См.: *Ключевский.* Цит. соч., лекции X и XI; *Дьяконов М.А.* Очерки, с. 287 и ел.

614

Система социологии. Том II

ляют примеры кумулятивных профессионально + объемно-правовых групп. Табель о рангах Петра^{13*} и созданные ею группы представляют дальнейшие примеры профессионально + объемно-правовых групп. «Четырнадцать классов (созданных этой табелью) не были простыми чинами или служебными отличиями, не соединенными с определенными должностями, как теперь: к каждому классу отнесена была одна должность или целая группа равностепенных должностей». Занятие определенной должности, согласно этой табели и указу 16 января 1721 г., автоматически давало определенный объем привилегий и определенный ранг²¹.

Аналогичные явления дает история других государств. Все должностные права и привилегии и соответственные группы должностных лиц представляют кумулятивные группы указанного состава. Но такие группы существуют во множестве форм и помимо чиновно-должностных групп, регламентированных в иерархическом порядке правовыми нормами государства. Само население любой страны, даже самой передовой, согласно своим воззрениям располагает профессии по степени почетности и привилегий в известном иерархическом порядке. «Почет, которым известные группы граждан окружаются, гарантирует им исключительное социальное влияние и проявляется в повседневной жизни если не в форме привилегий в собственном смысле, то, по меньшей мере, в несомненных преимуществах. Чем вызывается такой почет? С одной стороны, несомненно их профессиональным занятием. Признается вообще, что профессия, напр[имер], адвоката более почетна и благородна, чем профессия регистратора (*greffier*), профессия доктора более высока, чем ветеринара... Таким образом, в современных обществах устанавливается как бы иерархия занятий, определяющих социальное положение индивида»²². В той или иной форме такая иерархия занятий, а следовательно и

соответственные профессионально + объемно-правовые группы, имеются в любом населении, не исключая даже таких демократических стран, как Соединенные Штаты Сев. Америки. И здесь, при всей распространенности взгляда, что «не место (не профессия) красит человека, а человек место», имеется деление занятий на постыдные или низкие и почетные, и соответственная кумуляция привилегий, почета, уважения или пренебрежения, унижения и обделенности с теми или иными профессиями.

²¹ *Ключевский* 5.0. Цит. соч., с. 221-222. Напр[имер], все лица, занимающие должности первых восьми рангов, автоматически становятся лучшими и старшими дворянами «во всяких достоинствах и привилегиях, хотя б они и низкой породы». Согласно регламенту 1721 г. профессии: банкира, доктора, аптекаря, шкипера, живописца, ювелира, художника и ученого автоматически делали соответственных лиц членами первой гильдии регулярных граждан со всем объемом прав этой гильдии. См.: *Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории. 1917, с. 511.

²² *Bougie C.* La democratie, p. 91-92.

Глава III. Учение о кумулятивных социальных группах

615

«Американец принципиально считает всякий честный труд пристойным для всякого человека. Но на практике дело обстоит не совсем так, как в теории; банкир не желает сделаться коммивояжером; коммивояжер — трактирщиком; трактирщик — чистильщиком улиц; и не желает не только потому, что работа менее приятна, но и потому, что она менее почетна... Действительное отвращение существует только по отношению к таким работам, сущность которых основана на непосредственной личной зависимости; такова, напр [имер], работа прислуги... Из всех личных услуг самую унизительною является чистка сапог»²³.

После сказанного легко понять, что профессионально + объемно-правовые группы существовали и существуют в тысяче форм²⁴.

Кумулировалась объемно-правовая группировка и с половой. Мужчины почти всегда в общем были половой + привилегированной группой, женщины — половой + обделенной. (Бесправие женщин в примитивных группах, manus mariti, власть patris familiae^{14*} над ними и т. д.; даже в наше время процесс эмансипации женщин далеко еще не закончен²⁵.)

Кумулировалась объемно-правовая группировка и с возрастной. Группы детей и несовершеннолетних в примитивных обществах представляли кумулятивную возрастную + обделенную группу, группы стариков — возрастной + привилегированную; то же было в Древнем Риме, где дети вначале не имели ни личных, ни имущественных прав, то же было в древности у нас, то же мы видим и в прошлом других народов²⁶. И сейчас еще определенный возраст является условием для ряда прав политических (напр[имер], для активного и пассивного права голоса в выборах, для занятия определенных должностей и т. д.), прав гражданских, с одной стороны, с другой — условием ряда преимуществ, напр[имер], при совершении преступлений (невменяемые до 10-ти лет, полуумняемые и т. д.). Словом, в ряде форм возрастной + объемно-правовые группы существуют и до сих пор.

Кумулировалась и кумулируется объемно-правовая группировка и с партийной. В странах с развитой партийной жизнью принадлежность к числу членов правящей партии обычно дает ряд самых разнообразных привилегий ее членам, начиная с привилегий на занятие должностей и кончая привилегированным положением в отношении множества материальных и духовных благ²⁷. Примером такой партийно + привилегированной группы сейчас является наша коммунистическая партия, при-

²³ *Мюнстерберг Г.* Американцы, т. II, с. 202-204.

²⁴ См. ряд соображений об этом у *Fahlbeck'a.* Les classes sociales, p. 195-196; Bulletin] de l'Institut international de] statist[ique], vol. XVIII, 1.

²⁵ См.: *Spencer B., Gillen F.* Op. cit.

²⁶ См.: *Spencer B., Gillen F.* Op. cit.; *Schurz H.* Die Alterklassen und Mannerbiinde;

Сорокин П. Преступление и кара.

²⁷ См.: Ostrogorski M. La democratie et les partis politiques; Мюнстерберг Г. Американцы, т. I, гл[ава] о партиях и passim.

616

Система социологии. Том II

мерами «партийно + обделенных» групп служат: монархисты, кадеты, «социал-предатели», обделенные и в праве свободы слова, печати, собраний, вплоть до права на жизнь.

Кумулировалась и кумулируется объемно-правовая группировка и с рядом других группировок, напр[имер], с группировкой по образованию (в Италии право участия в выборах имеют только грамотные, право на занятие ряда должностей у нас давал только диплом окончания высшего учебного заведения и т. д.); с группировкой территориальной (например], население определенных мест России было лишено права земского самоуправления, права участия в выборах и т. д.); с группировкой по моральным признакам (преступники, лишенные всех прав состояния во все эпохи у всех народов и т. п.) и с другими группировками.

Таковы важнейшие двойные соединения (кумуляции) объемно-правовой группировки с другими²⁸.

Из этого перечня видно, что соединений или кумуляции объемно-правовой группировки множество, что она легко вступает в брак с самыми различными группировками и дает в итоге богатую группу объемно-правовых соединений или кумуляции. Это богатство ее соединений станет еще рельефнее, если учесть не только двойные кумуляции, как это сделано сейчас, но кумуляции тройные, четверные и т. д.

Другие элементарные группировки дают меньшее число кумуляции. Они легко кумулируются или обладают «социальным сродством» с меньшим числом элементарных группировок; по адресу других они нейтральны и не проявляют тенденции к слиянию с ними. Соответственно и число кумулятивных групп, даваемых ими, более ограничено. Примером таких группировок могут служить группировки *половая и возрастная*.

И та и другая легко сливаются с группировками: *объемно-правовой и профессиональной*. Рядом с этим они дают иногда соединения с *имущественной и партийной группировками*. Но этими кумуляциями и исчерпываются двойные кумулятивные группы, образуемые ими.

Примеры *объемно-правовой+половойкумулятивной* группы и *возрастно + объемно-правовой* группы были указаны выше. Таковы, например], *женско + обделенная в правах группа*, состоящая из женщин, обделенных в правах по сравнению с мужчинами, и *мужско + привилегированная группа*, составленная из мужчин. Как выше было указано, такие группы мы встречаем и среди населения «дикарей», и в Древнем Риме, Греции, и в средние века, и в новое время в странах, где эмансипация женщин еще не закончена. Примерами *возрастно + объемно-правовых групп* могут служить: группы малолетних и несовершеннолетних в ряде

²⁸ Из этого перечня видно, сколько «окопов» и «траншей» нужно одолеть и сравнять, чтобы установить полное равенство людей. После этого понятен будет читателю тот пессимизм, в смысле наступления фактического равенства, который выражен был выше.

;

Глава III. Учение о кумулятивных социальных группах

617

примитивных «обществ», отчасти группы *fili* и *filiae familias*^{15*} в Риме, составленные гл. обр. из лиц более молодого возраста и бывшие бесправными (*personae alieni juris*). То же наблюдалось и наблюдается во множестве других социальных агрегатов. Молодой возраст обычно вел к неполноправности, зрелый и старый возраст, напротив, вел к привилегированности, особенно в древних и примитивных агрегатах («геронтократия»). Здесь это явление выступает не только в том, что старшие по возрасту группы максимально привилегированы, но и в том, что верховными вождями чаще всего

избирались старики и полновозрастные²⁹.

Рядом с такими кумулятивными группами в истории мы встречаем группы: *полово + профессиональные*, «женско + профессиональные» группы, где принадлежность к женскому полу влекла и влечет за собой недоступность для женщин ряда профессий (напр[имер], профессии: офицера, генерала и военные вообще, профессии жреца, священника, пастора, профессии министра, депутата и высшие правительственные профессии вообще, профессии адвоката — в ряде стран, и т. д. Раньше женщинам недоступно было гораздо большее число профессий) и при-крепленность их к ряду специфически женских профессий (профессии, связанные с кухней, пеленками, домашним хозяйством etc.); мужские + профессиональные группы (напр[имер], армия, группы высшего чиновничества, жреческая коллегия, etc.), состоящие из мужчин, профессия которых доступна только мужскому полу, а не женскому³⁰.

Возрастная группировка давала и дает соединения с группировкой профессиональной. Примерами таких кумулятивных *возрастно + профессиональных* групп могут служить группы детей, которым по физическим и социальным условиям недоступен ряд профессий (например, профессии судьи, жреца, профессора, фабричного рабочего в странах, запрещающих труд малолетних до определенного возраста — и т. д.); группы полновозрастных и стариков, выполняющих определенные профессии, недоступные для лиц, не имеющих соответственного возраста. (В наше время профессии: депутата, судьи, жреца, адвоката и множество других профессий, недоступных лицам, не достигшим определенного возраста либо по физическим условиям, либо по условиям социально-юридическим.)

²⁹ Материал см. в указанных работах *Шурца, Спенсера и Гиллена, Ковалевского*, в «Этнографии» *Харузина* и в др. работах по т[ак] называемой первобытной культуре. У жителей Огненной земли, напр[имер], «старики пользуются нравственным авторитетом. Молодые люди считают для себя законом слово старика... У австралийских племен руководство делами принадлежит людям возрастным. Они образуют особый совет стариков под наименованием «тэн-ди». Гаутит пишет, что «здесь авторитет человека растет вместе с возрастом. Как общее правило, власть связана с возрастом». У ирокезов «хозяйством заведует совет стариков» и т. д. См.: *Ковалевский М.М. Социология*, т. II, с. 184-186.

³⁰ См. факты: *Thomas W. Sex and Society; Бюхер К. Возникновение нар [одного] хозяйства*. СПб., 1907, т. I, с. 28 и сл., 50, т. II, с. 36 и сл.

618

Система социологии. Том II

Кроме этих кумуляции *половая группировка иногда дает кумуляции с группировкой партийной* (женские лиги, с определенной политической программой), *возрастная—с группировкой имущественной* (напр[имер], дети в ряде примитивных групп или в Древнем Риме сами по себе не имели никаких имущественных прав: «все, что они приобретали, делалось *eo ipso* собственностью их *pater familias*»)³¹.

Таковы важнейшие двойные соединения, которые давали и дают группировки половая и возрастная. К другим элементарным группировкам они относятся нейтрально и не дают сколько-нибудь значительных соединений с ними. Нельзя говорить, напр[имер], о специальной кумулятивной «религиозно + женской» или «государственно + мужской» группе, как нельзя говорить и о «старчески + языковой»³² или «детско + расовой» кумуляции. Нельзя говорить потому, что история не дает нам религии, членами которой были бы только женщины или мужчины, или государств, абонентами которых являлись бы только мужчины, или групп стариков, имеющих специфически старческий язык, неизвестный детям, или рас, составленных только из детей и т. д. То же применимо к отношению половой и возрастной группировок к остальным группировкам. Это означает, что *половая и возрастная группировки не обнаруживают специфического сродства к группировкам: государственной, расовой, языковой, территориальной, религиозной и к другим, кроме очерченных выше.* Первые относятся ко вторым нейтрально и потому не

дают резко очерченных и крупных соответственных кумулятивных групп.

Отмечу сейчас кратко основные двойные «нормальные» кумуляции, которые дают другие элементарные группировки.

Государственная группировка кумулировалась и кумулируется с 1) *объемно-правовой* (см. выше); 2) *с религиозной (государственно + религиозные кумулятивные группы)*; примером их могут служить древние теократические государства, где подданные определенного государства должны были принадлежать и принадлежали к определенной «государственной» религии. Инаковерующие подданные в государстве не терпелись. Если они и были, то преследовались. Такую же группу составляло насе-

³¹ *Покровский И.А.* История рим[ского] права, с. 303. То же имеет место и в наше время. Исследование Бертильона по статистике наследств во Франции показало, что всего богаче (и потому всего больше оставляют наследства) французы в возрасте от 50 до 70 лет. «Умершие моложе 25 лет редко оставляют наследство. По мере того, как мы переходим к более старшим возрастам, пропорция наследств растет, так как собственность приходит с возрастом путем ли наследования или путем работы. Между 50 и 70 годами три четверти умерших обладают каким-либо имуществом. Затем пропорция несколько уменьшается и падает вдвое после 80 лет» (*Bertillon J. Statistique des successions en France et a l'etranger // Bulletin l'inst[itut] international de] stat[istique], vol. XVIII, II, p. 369-370*).

³² Чрезвычайно редким исключением служат лишь случаи «тайного языка» в некоторых примитивных группах, доступного одним старикам. См.: *Le'vy-Bruhl L. Les fonctions mentales dans les-societes inférieures. 1912, p. 199 и ел.*

Глава III. Учение о кумулятивных социальных группах

619

ление полицейско-абсолютистских государств, имевших установленную государственную религию и не допускавших свободы религии" (вспомним: *cuius regio, eius religio* и т. д.). В настоящее время эта кумуляция в значительной мере диссоциировалась. Она жива лишь в государствах отсталых, где имеется обязательная для всех подданных государственная религия; 3) *государственная группировка с территориальной, давая в итоге государственно + территориальные группы*. Такие группы обычны в истории: население большинства современных государств представляет примеры таких государственно + территориальных групп; 4) *государственная группировка и с расовой* (по воззрительным расовым признакам), давая *государственно + расовые кумулятивные группы*. Примерами их служит множество социальных агрегатов, население которых принадлежит к одному государству и к одной расе. В наше время примерами таких кумулятивных групп могут служить: население Японии, Швеции, Норвегии, Германии и т. д.; 5) нормальной является и *государственно + языковая кумулятивная группа*, состоящая из подданных одного государства, имеющих один язык, а в силу этого и сходную культуру. Таково, напр[имер], население Норвегии, Швеции, Франции и Германии (после выделения поляков).

Таковы важнейшие двойные нормальные соединения, даваемые государственной группировкой.

Расовая группировка давала такие нормальные двойные кумуляции: 1) *расово + объемно-правовую* (см. выше); 2) *расово + государственную* (только что указана выше); 3) *расово + языковую*, составленную из лиц, принадлежащих к определенному подвиду расы, имеющих свой язык (на-пр[имер], зулусы, ашантии, бушмены, фиджийцы); 4) *расово + территориальную*, состоящую из лиц одной расы, занимающих сплошь определенную территорию (такие группы в чистой форме были многочисленны в прошлом, когда при отсутствии интенсивного общения групп не имело места сосуществование различных рас в пределах одной территории; теперь последнее явление в значительной мере диссоциировало расово + территориальные кумуляции, однако они продолжают еще жить, ибо расовая карта земли показывает, что и до сих пор огромные территории занимаются исключительно одной расовой группой, и до сих пор каждая раса (белая, желтая, черная) имеет свою определенную область локализации, где индивиды других рас

тонут в массе расы, занимающей это пространство)³⁴; 5) *расово + религиозную* (в прошлом, теперь в значительной мере эта кумуляция диссоциировалась — но еще жива; приме-

³³ См.: Руффини Ф. Религиозная свобода. СПб., 1914; Ли Ч. История инквизиции, т. I и II; Ширяев В.Н. Религиозные преступления. 1909; Познышев С.В. Религиозное преступление. 1906.

³⁴ См.: Sergi G. Hominidae. L'uomo secondo le origini, l'antichità, le variazioni, la distribuzione geografica. Torino, 1911.

620

Система социологии. Том II

ром могут служить евреи как расовый тип, имеющий свою религию);

б) отчасти *расово + партийная*, данная в форме лиц определенной расы, организованных в одну расовую политическую группу с определенной программой, отстаивающей интересы данной расы (напр[имер] негров);

7) *расово + имущественную* (богатые и бедные расы); 8) *расово + профессиональную* (многие кастовые группы Индии, каждая из которых имеет определенную кастовую профессию и вместе с тем принадлежит к разным расовым типам³⁵, в настоящее время большая часть таких групп диссоциировалась). Таковы главнейшие двойные нормальные кумуляции, даваемые расовой группировкой.

Языковая группировка давала такие главнейшие двойные кумуляции: 1) *языково + объемно-правовую*; 2) *языково + государственную*; 3) *языково + расовую* (см. выше); 4) *языково + территориальную* (большинство групп, занимающих сплошь определенную территорию, говорящих на одном языке и, следовательно, имеющих сходную культуру; таковы: черемисы, зыряне, поляки, украинцы, великороссы, эсты, латыши, литовцы и т. д.); 5) *языково + религиозную* (социальные агрегаты, состоящие из лиц одноязыковых и одноверующих; большое число таких групп было в прошлом, когда различные языковые группы имели свои собственные религиозные верования; теперь эта кумуляция в значительной мере диссоциировалась; примерами таких групп в наше время могут служить, напр[имер], вотяки, самоеды и др. инородческие группы, сохранившие свой язык и свои верования); 6) *языково + партийные* (например, «польское коло» и др. «национальные» партии в бывшей Австрии, в Германии и т. д.).

Религиозная группировка кумулировалась со следующими группировками: 1) *с объемно-правовой*, 2) *с государственной*, 3) *с расовой*, 4) *с языковой* (см. выше), 5) *с партийной* (напр[имер], партия «католического центра», «партия евангелистов», «партия христианского социализма» и т.д.), 6) *отчасти с имущественной* (христианство — религия бедных в древности, и первые христиане были в огромной своей части религиозно + бедной группой; позже, с огосударствлением христианства, оно давало своим адептам, особенно церковной иерархии, ряд материальных выгод и делало их богатыми по сравнению с адептами языческих и преследуемых религий), 7) *отчасти с профессиональной* (религиозно + про-

³⁵ Ряд различных каст Индии происходит от различных расовых групп. The principle upon which the system (of caste) rests is the sense of distinctions of race indicated by difference of color¹⁶*. Это расовое различие каст сохраняется благодаря абсолютному запрету смешанных кастовых браков (абсолютной эндогамии). «Essential and most prominent characteristic of caste is the absolute prohibition of mixed marriages»¹⁷* {Risley. General Report of the Census in India. 1901, p. 556, 496 и др.}. К этому присоединилось разделение каст по профессиям: каждая каста имеет свою специфическую профессию. В итоге такой кумуляции мы получаем расово + профессиональную группу.

Глава III. Учение о кумулятивных социальных группах

621

фессиональные группы священников, жрецов и т. д., с одной стороны, с другой — те профессиональные группы, напр[имер], члены парламента в Англии, для занятия которых нужна принадлежность к определенной религии, с третьей — религиозно + профессиональные союзы рабочих, напр[имер], католиков в Германии), 8) временами с

территориальной (территориально + религиозная группа, состоящая из лиц, живущих на одной территории и исповедующих одну религию. В настоящее время она в значительной мере диссоциировалась. Пример: население Киевской Руси³⁶).

Имущественная группировка встречается в форме следующих, двойных нормальных кумулятивных групп: 1) *имущественно + объемно-правовой* (см. выше); 2) *временами имущественно + расовой*; 3) *изредка имущественно + религиозной* (см. выше); 4) *весьма часто имущественно + профессиональной* (профессиональные группы, хорошо оплачиваемые и имеющие громадный доход, напр[имер], профессии банкира, предпринимателя, крупного землевладельца, министра и т. д. и профессиональные группы, плохо оплачиваемые, напр[имер], профессии чернорабочего, пролетария, мелкого земледельца-собственника, мелкого арендатора и т. д.)³⁷; 5) *имущественно + партийной* (политические партии, защищающие главным образом интересы богатых лиц и состоящие преимущественно из последних, партии аграриев и капиталистов; «октябристы», «торгово-промышленная партия», партия кадет, у нас; и политические партии, защищающие преимущественно интересы бедняков, — пролетариата и мелкого крестьянства, — напр[имер], рабочие и социалистические партии; указанное выше положение Каутского, что каждому классу соответствует своя партия, в категорическом виде неверно, но оно верно в том смысле, что между определенными имущественными слоями и определенными партиями, напр [имер], между бедными и социалистическими партиями имеется особое сродство; они легко куму-

³⁶ «В то время, как княжеская власть на Руси была еще очень слаба и киевские князья, когда их становилось много, сами стремились к разделению государства, — церковь была ейина, и власть митрополита простиралась одинаково на всю Русскую землю. Настоящее единовластие на Руси явилось прежде всего в церкви» (*Платонов С.Ф. Лекции по русской истории*, с. 84).

³⁷ Бугле правильно указывает на то, что «царство буржуазии в современных обществах покоится в конечном счете на альянсе высших функций (профессий) с громадными капиталами; она является классом владеющим и в то же время управляющим; ее морально-политические преимущества всего чаще спаяны с экономическими привилегиями. Этим объясняется, почему наши общества, несмотря на легальное и официальное равенство, оказываются как бы разделенными на два мира: один из них мрачен и тускл, другой — заимствующий свой блеск от золота, вокруг которого он вертится и к которому тяготеет, блестящ и ослепителен, — мир труда и мир капитала» (*Bougie C. La democratic*, p. 92). См. также: *Fahlbeck P. Les classes sociales*; *Бюхер К. Возникновение [народного] хозяйства*, т. II, с. 91 и ел.

62 2

Система социологии. Том II

лируются и дают в итоге определенную бедно + социалистическую или богато + консервативную кумулятивную группу); 6) иногда *имущественно + возрастной* (см. выше); 7) *временами имущественно + территориальной* (жители определенной территории — плодородной или богатой ископаемыми металлами и минералами — в общем более богатые, чем жители другой местности).

Территориальная группировка давала и дает такие двойные кумуляции: 1) *территориально + объемно-правовую*, 2) *территориально + государственную*, 3) *территориально + языковую*, 4) *территориально + расовую* (см. выше), 5) *территориально + профессиональную* (население территории с развитием экономической жизни и с ростом разделения труда все более и более специализируется: в тех профессиях, которые соответствуют естественным свойствам территории, жители плодородных равнин становятся преимущественно земледельцами, жители районов, богатых углем, золотом и др. минералами, в общем занимаются добычей и обработкой ископаемых богатств; жители степей, богатых травой, становятся скотоводами и т. д.³⁸), 6) *территориально + религиозную* (см. выше), 7) *иногда территориально + имущественную* (см. выше), 8) *территориально + партийную* (территориальные партии, состоящие из лиц,

защищающих интересы той или иной местности, напр[имер], интересы южных штатов Сев[ерной] Америки или интересы Северных Штатов перед и во время гражданской войны за освобождение негров).

Профессиональная группировка, помимо перечисленных кумуляции (профессионально + объемно-правовой, профессионально + имущественной, профессионально + территориальной, профессионально + половой, профессионально + возрастной, профессионально + расовой (см. выше) встречается в таких соединениях: профессионально + партийной группы (например], рабочие + социалистические партии или Labour Party в Англии),

³⁸ См.: *Demolins E.* Comment la route cree le type social, vol. I—II; *Simple.* Influences of Geographic Environment. 1911 и др. Этот процесс в последнее время имеет место и по отношению к городам. И здесь отмечается тенденция к «возможно целесообразнейшему распределению и географическому сосредоточению отдельных отраслей промышленности», вызывающая специализацию городов. Так, изготовление воротников и манжет (в Соединенных] Штат[ах] Северной] Америки) почти целиком сосредоточено в штате Нью-Йорк, а в нем самом 85,3% сосредоточено в Тройе, отчего самое место оказывается на 68,7% специализированным, т. е. 68,7% всех занятых в нем рабочих принадлежат к названной отрасли промышленности. Перчаточное производство на 64,9% сосредоточено в том же штате, в частности в Гловерсвилле, который оттого на 74,9% специализирован. Железное и стальное производство сосредоточено на 54% в Пенсильвании, убой скота сосредоточен на 40,1% в Иллинойсе и т. д. См.: *Вентиг.* Эконом [ическое] значение больших городов // Большие города. Сборник статей. СПб., 1905; с. 97-98. См. также: *Maunier R.* La distribution goografique des industries // *Revue [Internationale de] Soc[iologie]*. 1908, июль.

Глава III. Учение о кумулятивных социальных группах

6 2 3

профессионально + религиозной (напр [имер], профессиональные католические союзы рабочих в Германии).

Партийная группировка, как видели, кумулировалась и кумулирует-ся с группировками: 1) профессиональной, 2) объемно-правовой, 3) имущественной, 4) временами с религиозной, 5) иногда— с территориальной, 6) с расовой, 7) с языковой, 8) иногда с половой (см. выше). Семейная группировка, если взять ее в форме основных типов семьи, согласно классификации школы Ле Пле, кумулируется с группировками: 1) государственной (население Англии, Соединенных] Штатов Сев[ерной] Америки, Норвегии и Швеции принадлежит к семейному типу индивидуалистической формации, население Франции и других европейских государств — к типу ложно-индивидуалистической формации и т. д.),

2) если взять семейный институт с других точек зрения, напр [имер], с точки зрения многоженства, то семейная группировка кумулируется с религиозной группировкой (напр[имер], моногамная семейная группировка легко соединяется с христианством, полигамная — с магометанством),

3) если взять семейную группировку с точки зрения правил брака, напр [имер], правил, запрещающих экзогамию, то семейная эндогамная группа может, как в Индии, легко слиться с расовой группировкой и дать в итоге группу, объединенную не только связью кровного родства, но и единством и чистотой расовых признаков. Отмечу далее довольно часто встречающиеся кумуляции: 4) семейно + языковую, составленную из совокупности семейств, имеющих сходную организацию семьи и принадлежащих к одной языковой группе, 5) семейно-территориальную (совокупность семейств, сплошь занимающих определенный район и имеющих одинаковую организацию; напр [имер], мормоны в штате Юта, объединенные кроме того общей религией). По отношению к другим группировкам семейная группировка в смысле семейной формации определенного типа нейтральна, ибо в состав группировки богатых или бедных, группировки профессиональной и др., входят семейные формации разного типа. Нельзя сказать, напр

[имер], что индивидуалистическая формация семьи легко кумулируется с такой-то профессией, а патриархального типа — с иной; если подобное «сродство» и есть, то оно косвенно и слабо выражено.

Таковы основные нормальные (хотя и не в одинаковой степени) двойные кумуляции важнейших элементарных группировок. Из этого краткого перечня видно *громадное разнообразие «химического состава» различных двойных групп, с одной стороны, с другой — чрезвычайная сложность строения населения*. Вместо традиционной простой картины распада населения на небольшое число групп, слоев или классов, мы получили несколько десятков различных по «химическому» составу социальных групп двойной сложности. Мы видели, что каждая элементарная группировка дает несколько химических двойных соединений, а все вместе — довольно большое число двойных кумулятивных групп,

624

Система социологии. Том II

весьма значительно отличающихся друг от друга и потому не допускающих смещения или отождествления их друг с другом, как это делается обычно. Нельзя, напр[имер], смешивать профессионально + объемно-правовую группу с профессионально + имущественной, а тем более — профессионально + религиозную с религиозно + языковой (как нельзя смешивать CO с CO_2 или H_2O с CO в химии). Они так же отличны друг от друга, как CO отлично от CO_2 или H_2O от CO ³⁹. Между тем такое смешение — общее явление, и не только в работах генерализирующих социологов, но и в работах историков, анализирующих состав и строение населения определенной страны в определенную эпоху. В итоге получаются расплывчатые, неопределенные характеристики, четкость линий социального расслоения населения не дается, и вся картина социального строения населения становится туманной и неясной. Нет слов, традиционный прием прост, он не требует трудного «химического анализа» по очерченному методу, но, к несчастью, не всякая простота спасительна.

Сложность строения населения станет еще большей, если учесть, что двойными кумуляциями дело не исчерпывается. Рядом с ними даны и существуют нормальные кумуляции *тройные, четверные* и т. д., а соответственно — нормальные кумулятивные группы тройного, четверного и еще более сложного состава. В итоге население, особенно больших современных городов, превращается в социальное тело чрезвычайной сложности; точный анализ его строения — в задачу весьма и весьма трудную. Но иного пути для приобретения научных данных нет: легкие пути не вели и не могут привести к желанной цели.

Сейчас я должен был бы хотя бы кратко перечислить важнейшие нормальные кумуляции тройного, четверного и т. д. состава. Но я эту задачу здесь не буду решать: 1) этот сухой перечень отнял бы много времени и места, а дал бы в силу своей краткости немного; 2) подробный анализ вышел бы за рамки «Общей системы социологии»; ему место в специальной монографии; 3) из очерченного метода анализа ясен и он может быть использован самим читателем. В интересах экономии времени и места будет лучше, если вместо такого сухого перечня всех тройных, четверных и т. д. кумуляции я в связи с типичностью группы остановлюсь более подробно на анализе двух-трех кумулятивных групп двойной и тройной сложности, играющих особенно важную роль в наше время. Такой прием покажет и плюсы того пути, которым я иду, и состав этих групп, и «алхимическое состояние» социологии и социальных наук в вопросах структурного анализа населения.

" Отсюда уже понятна необходимость детального анализа и сложность его при классификации сложных социальных агрегатов («обществ»), отсутствующая почти во всех таких классификациях и делающая их совершенно ненаучными, как увидим ниже. См. «Систематика сложных социальных агрегатов (обществ)».

Перечисляя нормальные кумуляции, я брал примеры из различных эпох и народов. Анализ основных элементарных и нормальных кумулятивных групп необходим для познания строения населения любого изучаемого времени и места. Без изучения этих явлений мы лишены возможности сколько-нибудь точно познать «химический состав» и социальное строение изучаемого «общества». Но такой анализ не все. В целях более точного познания структуры изучаемого населения исследователь должен дать ответ еще на один вопрос, а именно: *какие кумулятивные группы типичны и характерны именно для данного «общества».*

Дело в том, что *нормальные кумулятивные группы различны для различного времени и места.* В одну эпоху мы находим одни кумуляции, в другую — другие. Так, напр[имер], в наше время мы находим такую кумулятивную группу, как определенная, открытая, солидарная, *профессионально + партийная* коллективная совокупность, носящая название рабоче-социалистического коллектива. Она представляет собой соединение двух группировок: профессиональной (фабричные наемные рабочие) и партийной, а именно, социалистической. Ряд лиц, принадлежащих к профессии наемных рабочих, работающих на фабриках и заводах, принадлежит в то же время к коллективному единству социалистической партии. Число таких лиц, как известно, в настоящее время громадно. Такая профессионально + партийная группа сейчас начинает играть громадную общественную роль и служит «знаменем времени». 100-150 лет тому назад, напротив, подобная кумулятивная группа или совсем не существовала или существовала в столь ничтожном объеме, что не играла никакой социальной роли. Она типична для второй половины XIX и XX веков и не типична для средних веков и позднейшего времени, вплоть до XIX столетия. То же, как увидим ниже, применимо и к другой кумулятивной группе нового времени, известной в общежитии под именем промышленного пролетариата. И обратно, для прошлых времен, напр[имер], для средних веков, типичны такие кумуляции, которые в настоящее время диссоциировались и перестали быть «знаменем века». Так, средние века характеризуются наличием кумулятивной закрытой *государственно + религиозной* группы. Члены одного государства должны были принадлежать и принадлежали обычно к одной определенной религии, признанной и санкционированной властью, принадлежность к которой была обязательной. За небольшими исключениями подданные государств того времени были связаны двойной связью: государственно + религиозной. Для «инаковерующих», «еретиков» не было места под солнцем. Они преследовались и уничтожались.

«Религия есть то, чему государство позволяет верить, суеверие то, чему верить оно запрещает», — так характеризовал положение дела Гоббс^{18*}.

62 6

Система социологии. Том II

Для современных государств, провозгласивших принцип свободы совести и равенства религий, такая кумулятивная группа не типична. Сейчас жители одного и того же государства могут принадлежать и фактически принадлежат к различным религиям, вплоть до религии атеизма. Кумуляция религиозной и государственной группировок начинает рассасываться и в значительной мере уже диссоциировалась...

Так называемый кастовый строй характеризуется наличием *каст*. *Каста представляет не что иное, как солидарную, закрытую, наследственную кумулятивную группу, составленную из кумуляции группировок: се-мейно-родственной + профессиональной + религиозной + объемно-правовой + имущественной + отчасти расовой и языковой, при отсутствии значения группировки государственной.* Такова «химическая формула» состава кастовой группы, как типичной для т. н. кастового режима. Подтвердим кратко сказанное. Что для бытия касты никакую роль не играет государственная группировка и политическая организация, — это в один голос утверждают почти все исследователи каст. «В Индии нет никакого зародыша государства... Сама идея публичной власти совершенно чужда Индии»⁴⁰.

Что каста в числе своих элементов имеет семейно-родственную группировку, —

это тоже несомненно. По определению Ketkar'a (автор — индус), каста — прежде всего группа, состоящая из тех, «кто родился в ее пределах от членов касты, и включает в себя всех, имеющих такое рождение», «членам касты неумолимым законом воспрещено жениться на членах иных каст или выходить замуж за пределы своей касты (to marry outside the group⁴¹)».

Наряду с семейно-родственной группировкой каста является группировкой религиозной. «Каста — в значительной степени дело религии».

⁴⁰ *Bougie C.* Note sur le droit et la caste en Inde // *L'Année sociologique*, vol. X, p. 156. «Все правительства, каковы бы они ни были, всегда покоились на поверхности индусского мира» (*Ne semblent jamais reposer que sur la surface du monde hindou*). «Так как индусы живут изолированно, заключенные в пределах их каст, то они кажутся созданными для того, чтобы быть подчиненными всем, не ассимилируясь в то же время ни с кем и не позволяя никому объединить себя. И manque a l'Inde la Cite. Une organisation proprement politique n'a pas III donnée a la société hindoue, et la tradition religieuse a pu la dominer tout entière»^{19*} (*Ibid.*, p. 156). Исключением является утверждение Mazzarella о наличии государственной организации в Индии в эпоху Нарады. Но определение государства, даваемое Мазареллой, столь широко, что под него подойдет любая организованная группа, раз, во-вторых, и у Мазареллы видно, что государственная группировка в Индии играла второстепенную роль. См.: *Mazzarella G.* Le forme di aggregazione sociale nell India // *Riv[ista] it[aliana di] soc[iologia]*. 1911, p. 216-219.

⁴¹ *Ketkar Sh. V.* The History of Caste in India. 1909, p. 15. «Одним из основных внешних признаков кастовой связи является intermarriage и совместное вкушение пищи» (*Laylla. Asiatic Studies*. 1882). То же говорит и *Bougie C.* *Essais sur le régime des Castes*. 1908, p. 27-28 и *Risley.* General Report of the Census of India. 1901, p. 496.

Глава III. Учение о кумулятивных социальных группах

6 2 7

«Касты располагаются по рангу, прикрепляются к своим ранговым местам и удерживаются на них только чувствами набожного уважения (сй respect pieux) или священного ужаса (d'horreur sacrée). «У индусов нет различия jus и fas^{20*}. Все поглощено религией»⁴².

«Одной из главных связей членов касты, — говорит Ketkar, — является религия, делающая их всех учениками браманов»⁴³.

Сама семья уже представляет религиозный институт. La famiglia ristretta viene costituita mediante il matrimonio, atto che presenta un carattere essenzialmente religioso, — говорит Mazzarella^{44,21*}.

Далее, каста есть группировка профессиональная и закрытая. Каждая каста имеет свою профессию. Индивид здесь прикреплен к последней, переменить ее он не может, она наследственно передается от отца к сыну, от сына к внуку и т. д. ad infinitum^{22*}. Этот факт опять-таки единогласно подтверждается всеми исследователями. Le caste sono aggregati sociali che hanno il privilegio di monopolizzare ereditariamente l'esercizio determinate occupazioni^{23*}, говорит Мазарелла (*Op. cit.*, p. 199). Он настолько бесспорен, что имеются даже работы, пытающиеся сами касты рассматривать как нечто идентичное с гильдиями (теории Nesfeld'a, Senart'a) и видеть в различии профессий источник происхождения каст⁴⁵.

Такая односторонность, конечно, неверна. Но вместе с тем несомненной является прикрепленность касты к определенной профессии. Сколько каст в Индии, столько и профессий. Сообразно с этим традиционное 4-членное деление каст, взятое из «Законов Ману», фактически неверно. Профессий, а соответственно и каст, в Индии гораздо больше. Ketkar насчитывает их не менее 3000. То же подтверждают и другие исследователи каст, а равно и статистическое исследование индусского населения⁴⁶.

Далее, каста как семейно + религиозно + профессиональная кумулятивная группа является в то же время и объемно-правовой группой. Профессия неразрывно здесь связана с объемом прав и социальным рангом. Каждая каста имеет свой ранг и свой объем прав.

Брамины как представители касты и профессии священников имели максимум прав и привилегий, точно фиксированный в праве и резко отличающийся от объе-

⁴² Bougie C. Op. cit., p. 148-150-и passim.

⁴³ Ketkar Sh.V. Op. cit, p. 18 исл. То же подчеркивает *uhaylla*. Asiatic Studies, p. 5-6, 47 и др.

⁴⁴ Mazzarella G. Op. cit., p. 184.

⁴⁵ См., напр[имер], Senart. Les castes dans l'Inde. Paris, 1896.

⁴⁶ См. указанные работы Ketkar'a, Bougie, Senart'a и в особенности Risley: The tribes and castes of Bengal (1896) и его многотомную сводку исследования Индии Census of India (1901), в особенности т. I и т. VI. Каста — это «milieu professionals»²⁴, — говорит Bougie (Note, p. 152). «Сын кузнеца здесь может быть только кузнецом. Сын воина — только воином. Сын священника только священником» (Bougie C. La democratic, p. 151).

628

Система социологии. Том II

ма прав других профессий (каст). За ними шли кшатрии (воины), за воинами — вайшьи, за вайшьями — бесправные шудры (ремесленники), назначением которых было служение высшим кастам. Словом, здесь профессиональная и объемно-правовая группировки были слиты, были неразрывными⁴⁷.

«Le caste, — определяет Mazzarella, — это устойчивые и автономные социальные агрегаты, юридически связанные иерархической связью (legati fra loro da un vincolo gerarchico). Сущность постановлений о них Нарады, Брихаспати и других древних сводов Индии сводится к следующему: 1) существуют четыре основные касты, члены которых называются браминами, кшатриями, вайшьями и шудрами; 2) каждая из предыдущих каст в этом порядке более высока и привилегирована, чем последующая; 3) особенно высоко положение — юридическое и социальное — браминов; 4) *существует узкое соответствие между природой и объемом прав, принадлежащих членам каждой касты, и положением, занимаемым этой кастой в кастовой иерархии*»TM.

К этим кумуляциям обычно присоединялась группировка по степени *имущества*^{*1} плюс — в начальный период образования каст — группы-

⁴⁷ Беру для простоты 4-членное деление Законов Ману {Законы Ману. Труды Общества]ва русских ориенталистов. № 1, СПб., 1913, гл. 1, стихи 87-91.

«Для сохранения вселенной, он, пресветлый, назначил особые обязанности и занятия для тех, которые произошли из его уст, рук, бедер и ног. Брахманам он назначил обучение и изучение Вед, жертвоприношение для своей собственной пользы и для других, давание и принятие милостыни, кшатрию он повелел охранять народ, давать дары, предлагать жертвоприношения, изучать Веды и воздерживаться от привязанности к чувственным наслаждениям. Вайшье — пасти скот, давать дары, торговать, ссужать деньги и обрабатывать землю. Одно только занятие владыка предписал шудре — безропотно служить этим другим трем кастам».

«Далее брахман, появляясь на земле, занимает высочайшее место на земле... Все, что существует в мире, есть собственность брахмана; вследствие превосходства своего происхождения брахман действительно имеет право на все это» (ст. 99-100). См. далее конкретный перечень прав и обязанностей брахмана (стихи 101 и ел., гл. 2 и passim); см. passim, об обязанностях и правах других каст. См. также др. религиозно-правовые своды: *Apastamba, Vishnu, Narada* и др., в издании *Sacred Books of East*. Детальный юридический анализ кастового строя дает в своей многотомной работе Mazzarella. Studi di etnologia giuridica (особ [енно] тт. III—V), но ее я сейчас не имею под рукой. «Брамины, — подчеркивает Bougie неразрывность профессиональной и объемно-правовой группировок, — это исполнители одних и тех же обрядовых действий, комментаторы одних и тех же откровений, это прирожденные священники, воплощающие один и тот же идеал, пользующиеся одним и тем же престижем (объемом прав. — П.С.) и проходящие одну и ту же школу. Посвящение их — второе рождение» (Bougie C. Note, p. 151-152).

⁴⁸ Mazzarella G. Op. cit., p. 200 и ел. См. также: Bougie C. La democratic, p. 150 и ел.

⁴⁹ См.: *Mazzarella G. Op. cit.*, p. 202-203.

ровки *расовая и языковая*. Если теории каст, пытающиеся в каждой касте видеть отдельную расу, неверны, тем не менее есть истина в утверждении, что четыре основные касты законов Ману соответствуют четырем цветам рас, что сама замкнутость касты по крови и бракам произошла не без влияния расового различия и, в свою очередь, вела и ведет к созданию особых по расе и биологической конституции типов⁵⁰.

В итоге, как видим, каста представляет сложный социальный монолит, члены которой были связаны рядом перечисленных связей. Пока антагонизм этих группировок не проявился, каждая каста представляла крепко сколоченное тело, члены которого настолько тесно обуславливали взаимное поведение, а каждая каста — поведение других каст, что недаром исследователи, вроде Bougie, прямо говорят, что каждая каста является как бы единым телом. *En realite de Brahmanisme n'est rien moins qu'un corps*^{51,25*}.

Такова каста как типичная для определенного места и времени кумулятивная группа. По своему составу она отлична и от сословий, и гильдий, и цехов, и таких организаций, как организации иезуитов, друидов и др.

Для иных времен и народов — каста не типична. Ее, как определенной кумулятивной группы, мы в иные времена не находим.

Падение кастового режима означало не что иное, как диссоциацию такой кумуляции, как постепенное разложение слитых в одно целое группировок. Для нашего времени в европейских странах кастовая кумуляция не типична.

И обратно, помимо *профессионально + партийной* кумулятивной группы (социалистические рабочие партии), типичной именно для нашего времени, в передовых странах наблюдается ряд других кумулятивных групп, типичных для XIX и отчасти XX века. Одной из них является *государственно + территориально + языковая* кумулятивная группа, часто фигурирующая под именем «национальной». Весь XIX век стоит под знаком «национального движения». Это движение в ряде случаев состояло не в чем ином, как в фактах кумуляции территориально + языковой и государственной группировок. Таковыми были факты: объединения территориально + одноязыковых немцев, расчлененных до 60 и 70-х годов на ряд государств, в одно государство — в Германскую Империю; в слиянии тех же кумуляции (обратной стороной которого было разложение государств, составленных из разноязычных групп) состоял процесс

⁵⁰ Этого не отрицают и противники расовой теории каст, напр[имер], Буг-ле. Он сам подчеркивает [превосходство] *orgueil du sang* — дважды рожденных (браминов). «Они — экземпляры благороднейшей расы *par excellence* и образцы чистоты арийской крови», — говорит он (Note, p. 152; Essais, p. 133-135). См. о значении расовой и языковой группировок у *Ketkar'a*. См. вышеприведенную цитату из *Risley*.

⁵¹ *Bougie C. Note*, p. 151.

образования Италии, выделения из Турции балканских народов и образования Болгарии, Сербии и Черногории, тот же процесс продолжается и в наши дни: распад Австрии и образование кумулятивных территориально + государственно + языковых групп: Венгрии, Чехословакии и немецкой Австрии, стремящейся слиться с Германией; распад России и образование территориально + государственно + языковых коллективов: Польши, Финляндии, Эстонии, Грузии и т. д. Словом, XIX и XX века представляются переполненными фактами разрыва и распада государств, состоящих из разноязычных групп и образования новых кумулятивных тел в виде групп государственно + территориально + языковых (отсюда теория Блунчли: об однопациональных, в данном случае об одноязычных, государствах).

Наряду с такой кумулятивной группой есть ряд других, столь же типичных для населения Европы XIX и XX веков. Одной из них является та группа, которая носит название «класс».

Ниже я остановлюсь на анализе «химического состава» национальности и класса, а пока приведенных примеров достаточно для того, чтобы понять, что следует понимать под типичными и не типичными для данного времени и места кумулятивными группами, характеризующими строение населения.

§ 3. Алхимическое состояние социальных наук в вопросах структурального анализа

Из очерченной выше теории элементарных и кумулятивных социальных групп следует, что по своему составу социальные группы как коллективные единства весьма разнообразны и многочисленны. Нет никакой возможности свести их к небольшому числу социальных соединений. Второй вывод из развитых положений тот, что для определения той или иной сложной группы необходимо и достаточно ответить на вопросы: 1) *из кумуляции каких элементарных группировок составлена изучаемая группа* (представляет ли она кумулятивную группу: двойную, тройную и т. д. и какую именно); 2) *является ли она кумулятивной группой закрытой, открытой или промежуточной*; 3) *представляет ли она кумулятивную группу нормальную или ненормальную*; 4) *является ли она кумулятивной группой солидарной, антагонистической или нейтральной*; 5) *типична она или не типична для данной страны и эпохи*.

Ответив на эти вопросы, мы получим точную и определенную характеристику природы данной группы, ее состава, характера, содержания. Иными словами, решение этих вопросов дает нам ясную формулу «химического состава» данного коллектива.

Глава III. Учение о кумулятивных социальных группах

6 31

Систематическое применение данной схемы при структуральном анализе групп позволяет, с одной стороны, ввести большую точность, стройность и определенность в номенклатуру социальных групп, с другой — создать научную классификацию социальных соединений или социальных групп, с третьей — покончить с тем хаосом и полной неразберихой, которые царствуют в социологии и в общественных науках в области названий и систематики сложных коллективов.

В этом отношении современные общественные науки представляют поистине печальное зрелище. В работах и историков, и юристов, и социологов, и экономистов, и этнографов постоянно фигурирует множество групповых терминов, смысл и содержание которых или неизвестны, или каждым понимаются по-своему, или толкуются вкось и вкось. И такое явление наблюдается не в отношении каких-нибудь второстепенных групп, а в отношении групп основных, кардинальных. В итоге все построения исследователей неизбежно оказываются неопределенными и неясными; структура группы — неизвестной; механизм взаимоотношений групп и механизм общественных процессов — нераскрытыми.

Чтобы не быть голословным обвинителем, постараюсь сейчас подтвердить это обвинение на нескольких весьма красноречивых примерах, в частности, на анализе понятия «национальности» и «класса». Этот анализ воочию покажет: алхимическое состояние общественных наук в вопросах структурального анализа, раз; необходимость покончить с таким состоянием, два; плодотворность развиваемого нами метода и теории, три; химический состав и строение этих групп, четыре; детальнее вскрыет перед читателем «сущность» очерченных положений, пять. Этих мотивов достаточно, чтобы объяснить и «оправдать» введение данного параграфа в курс «системы социологии».

Обратимся теперь к подтверждению наших обвинительных пунктов. Трудно найти работу по общественным наукам, в которой не употреблялись бы термины: «народ», «племя», «род», «тотем», «сословие», «нация», «культурная или цивилизованная группа», «национальность», «класс» и т. п., не говоря уже о термине «общество». Они постоянно фигурируют как нечто вполне ясное, вполне определенное, значение которых всем известно и даже не возбуждает вопроса. Между тем — и это, вероятно, удивит многих — все эти термины и обозначаемые ими группы представляют сплошной икс, или нечто столь неопределенное и туманное, что о научности их едва ли может идти речь.

Что такое «народ»? Какая это группа? Каков ее состав? Каковы ее характерные

черты? Говоря нашей терминологией, мы спрашиваем: элементарная ли это или кумулятивная группа? Если элементарная, то какая? Если кумулятивная, то из кумуляции каких группировок она составлена? Открытая она или закрытая, нормальная или нет, солидарная или антагонистическая? Типичная или не типичная?

632

Система социологии. Том II

Стоит поставить эти вопросы, чтобы сразу же «огорошить» многих. Большинство исследователей (не говоря уже о житейской терминологии) пользовалось и пользуется термином «народ» как чем-то само собой разумеющимся. Государствоведы часто само государство определяют с помощью «народа». Историки пишут историю различных «народов». В общежитии постоянно говорят, напр[имер], о «русском народе», об «американском народе» и т. д. Между тем у большинства исследователей мы напрасно стали бы искать ответов на поставленные вопросы, касающиеся состава «народа» как социальной группы. А для точности эти ответы необходимы. Что, напр[имер], следует понимать под «русским народом»? Следует ли под ним понимать всех подданных России (т. е. элементарную государственную группу⁵²): и черемисов^{26*}, и татар, и украинцев и самоедов? Если так, то, очевидно, ни черемисы, ни татары, ни киргизы не представляют отдельных «народов». А если они не являются «народами», то что же это за группы? Каким термином следует их окрестить? Если же под «русским народом» следует понимать не всех подданных России, а только «русских», «великороссов», то встают вопросы: какую социальную группу представляют собой великороссы как «народ»? Элементарную, кумулятивную и какую именно? Короче, каков состав социальной группы, называемой «народом»? Увы, на эти вопросы мы напрасно стали бы искать ответа у большинства лиц, оперирующих термином «народ». Больше того, одни и те же лица употребляют его в различных и часто противоположных значениях: то в значении подданных одного государства (в значении элемент [арной] государственной] группы), то в значении группы языковой (черемисский, татарский, латышский, зырянский, англосаксонский, негритянский, венгерский и др. «народы»), то в значении группы кумулятивной того или иного состава, часто различного у одного и того же автора⁵³. Словом, «народ» — кар-

⁵² Так и понимают этот термин одни из государствоведов. «Народом масса становится лишь посредством объединяющей ее организации», — читаем мы у *Еллинека* (Право современного] гос[ударст]ва, с. 91). Но какой организации — ответа нет. Другие поступают проще, не давая никаких пояснений «народа» (см.: *Лазаревский Н.И.* Русс[кое] государственное] право, с. 46). Третьи ограничиваются положениями мало содержательными и темными вроде: «народ представляет некоторый самодовлеющий социальный организм». Темно и не ясно (см.: *Магазинер Я.М.* Лекции по государственному] праву, с. 14). Четвертые, как Дюги, конструируют народ как кумулятивную группу, составленную из кумуляции ряда группировок: государственной], рас[овой], язык[овой], религиозной], присоединяя общность традиций, потребностей и стремлений, но такую кумуляцию считают только примерной (см.: *Дюги Л.* Конституционное] право, с. 102-104).

⁵³ Примеров такого совершенно различного содержания, вкладываемого в этот термин одним и тем же автором, можно было бы привести десятки. Ограничиваюсь одним-двумя примерами. *С.Ф. Платонов*пор, народом древней, Киевской, Руси понимает кумулятивную группу, но в одном случае — одного состава, в другом — через 9 стр. — другого. На 92 стр. его «Лекций по русской

Глава III. Учение о кумулятивных социальных группах

633

динальный термин истории и общественных наук — представляет кляксу, содержание которой или неведомо, или разное понимается разными авторами, или разное понимается одним и тем же автором.

Наряду с народом постоянно употребляется термин «племя». Что такое «племя»? Что это за группа, элементарная, кумулятивная и какая именно?

Поставьте эти вопросы и поищите у историков и других обществоведов формулу

племени — и у большинства вы не найдете ничего, или найдете нечто совершенно неопределенное, или не только неопределенное, но разно- и противоречивое, часто у одного и того же автора⁵⁴. Нам говорят, например, о «территориально-племенном обществе». Но следует ли разуместь под ним элементарную территориальную группу в указанном выше смысле, или группу кумулятивную и какую именно (территориально + государственную, территориально + языковую, или еще более сложную, напр[имер], территориально + государственно + языковую, или территориально + расово + языково + религиозную и т. п.), мы напрасно стали бы искать ответа. Такие вопросы обычно даже не ставятся или в лучшем случае *ad hoc* бросается два-три штриха и тем дело ограничивается⁵⁵.

Легко понять, что при таких условиях понятие «племени» превращается в туманное пятно, неизвестно что означающее. А потому и все

истории» мы читаем: народ Киевской Руси представлял совокупность лиц, «объединенных одной династией, единством религии, племени, языка и народного самосознания». Такова первая формула «народа». На 100 стр. читаем: «долгое совместное жительство, единство племени, языка и религии делали из русских славян — один народ». Первая формула народа гласит, что это кумулятивная: 1) государственная (династия) + религиозная + языковая + племенная (о племени сейчас пойдет речь), самосознающая группа. Вторая формула народа дает значительно иной его состав. Согласно ей, народ — это кумулятивная: 1) территориальная + племенная (?) + языковая + религиозная группа. Как видим, на протяжении 8 стр., даются две различные формулы народа. Хороша точность! Недурна социальная химия! Если так оперируют с «народом» крупнейшие историки, то что же сказать об операциях «малых» ученых, обывателей, газетчиков и т. д. Что сказали бы химики, если бы их коллега углекислым газом стал называть и CO, и CO, и H₂SO₄

² ² ⁴
⁵⁴ Напр[имер], в «Лекциях» С.Ф. Платонова термин «племя» применяется чуть ли не ко всем группам. «Племенем» называются: сарматы, роксаланы, аланы, вестготы, остготы, гунны, славяне, и среди них племенем же обозначаются: поляне, древляне, дреговичи и т. д.

Племя же составляют и арийцы вообще; племенем называются литовцы и их ветви: жмудь, латыши, пруссы, ятвяги и т. д. Словом, все группы составляли племя. Не слишком ли много «племен» и не обозначаются ли одним термином совершенно разнородные группы? (напр[имер], с одной стороны, арийская группа вся, с другой — кривичи и ятвяги). См.: Платонов С.Ф. Лекции, с. 48-56 и др.

⁵⁵ Что, напр[имер], представляли из себя по своему составу группы, называемые «племенами»: «кривичей», «полян», «древлян», «веси», «мери», «чуди» — единому богу ведомо. То же применимо и ко всем «племенам».

634

Система социологии. Том II

разговоры о «племени», «племенной связи» (как в указанной цитате из курса С.Ф. Платонова) и т. д. — все становится неопределенным, неведомо что означающим и неизвестно что характеризующим... Очевидно, что такие операции и построения не могут считаться научными.

Наряду с племенем обычно употребляется «род» как социальная группа *sui generis*. Говорят о роде, «родовой связи», «родовом обществе», «родовом укладе», часто противопоставляют «род» «племени», «тотемической группе» и т. д. Если «племя» и «народ» кажутся относительно неопределенными, то «род» для многих — понятие вполне ясное. Но, увы, так кажется только с первого взгляда. При большем знакомстве с «родом» дело меняется. Вместо критики я могу предоставить слово М.М. Ковалевскому — человеку, много поработавшему в этой области. Цитата из его социологии сделает мою критику ненужной. Вот она. «Вероятно, я удивлю многих из моих читателей следующим заявлением: вопрос о происхождении рода и его первоначальном характере принадлежит

к числу открытых, т. е. таких, которые еще ожидают решения. Как, скажут мне, разве не установлено, что род — это агломерат лиц, происходящих от одного родоначальника?.. Да, таково именно ходячее понятие. Его можно встретить в большинстве сочинений по истории права. Оно без дальнейших комментариев попало в те толстые и запутанные руководства, в которых под именем энциклопедии законоведения резюмируется вся гипотетическая часть нашей науки»⁵⁶.

Весьма часто говорят о *группах, принадлежащих к одному типу культуры или цивилизации*, соответственно с этим выделяют «*народы различной культуры и цивилизации*», особую группировку «*по характеру цивилизации*» и т. д.⁵⁷ Легко понять, что и такие группы в силу неопределенности и различного понимания этих терминов представляют группы мало определенные и нечеткие. Даже там, где авторы пытаются точно определить понятие группы по характеру цивилизации, и там благодаря неразличению ими элементарных и кумулятивных групп получается определение, далекое от ясности. Примером таких определений (не говоря уже о неясном понятии «зон культуры» Ратцеля) может служить определение Дюркгейма и Мосса, выдвинувших его не так давно. Государственные, хорошо очерченные группы, имеющие определенную территорию и т. д., говорят они, не представляют единственную и высшую форму социальной группировки. Рядом с ними была и есть группировка иная, не сливающаяся с первой, пересекающая ее и выходящая за пределы государственных границ. Она живет своей, над- и внегосударственной жизнью. Таковы социальные группы, говорящие одним языком, имеющие одинаковые учреждения (напр[имер], матриархат, тотемизм

⁵⁶ Ковалевский М.М. Социология, т. II, с. 91 и ел.

⁵⁷ См.: Лавров П.Л. Цивилизация и дикие племена. СПб., 1904.0 «зонах культуры» см.: Ратцель Ф. Народоведение, т. I, с. 28.

Глава III. Учение о кумулятивных социальных группах

63 5

и т. д.), одинаковую религию, однородную технику и т. д. Политически каждая из таких групп может принадлежать к разным государствам, по цивилизации же она составляет единое целое, одну группу. Такая группировка по цивилизации «существует не в качестве изолированных фактов, а в качестве сложной и солидарной системы; не будучи ограниченной пределами определенного политического организма, она вместе с тем оказывается локализованной во времени и в пространстве. Такой системе фактов, имеющей свое единство, свою форму бытия, надлежит иметь и свое имя: таким именем всего лучше будет имя цивилизации». Соответственная группировка населения будет группировкой по характеру цивилизации, представляющей «вид моральной среды, в которую погружено известное число наций; частной ее формой будет любая цивилизация»⁵⁸.

Дюркгейм и Мосс по сравнению с совершенно неясными понятиями «цивилизации» дают относительно более определенное ее понятие и понятие соответственной группы. Но они делают только первый шаг, не делая дальнейших. Из их определения мы видим, что группу по характеру цивилизации они конструируют как кумулятивную (языковую + религиозную и т. д.). Но они не дают точного ответа на вопрос: из каких же именно элементарных групп составляется кумулятивная «цивилизованная группа» определенного типа? Перечень их начат, но не закончен. Ответ «смазан». Анализ не завершен. Очевидно, далеко не одинаковыми будут группы, представляющие кумуляцию группировок: в одном случае: языковой + религиозной, в другом — семейной + идеологической + религиозной, в третьем: языковой + расовой + профессиональной и т. д. Неопределенность формулы авторов дает возможность все эти разнородные сложные группы назвать группировкой по характеру цивилизации, т. е. называть одним термином совершенно разнородные явления. Прием, очевидно, недопустимый в науке и ведущий к ряду ошибок. В итоге — все построение падает и не может быть признано удачным.

Из этих примеров ясно хаотическое состояние социальных наук в интересующем

нас отношении. Мы видим, что самые «ходовые» термины лишены точного содержания; мы видим, что наука оперирует неизвестными величинами, выдавая их за известные; нетрудно понять отсюда, что и построения, воздвигнутые на этих иксах, неизбежно должны оказаться зданиями, сооруженными на песке. В этом мы еще более убедимся при анализе «национальности» и «класса». А пока сказанное заставляет прийти к двум выводам: 1) *ввиду полной ненаучности традиционных терминов, обозначающих различные социальные группы, нужно или выбросить за борт науки все эти термины, или условиться об их точном*

⁵⁸ Durkheim E., Mauss M. Civilisation et types de civilization // L'annee sociologique, vol. XII, p. 46-50.

63 6

Система социологии. Том II

содержании;!) в первом случае они вполне могут быть заменены на основе развитой теории употребляемыми нами терминами (группы элементарные, кумулятивные, их дальнейшие подразделения); во втором, для придания «народу», «роду» и др. традиционным терминам определенности неизбежно будет в той или иной форме идти тем же путем, каким шли и мы; если не в деталях, то в принципах различать группы, выделенные нами (прежде всего элементарные и кумулятивные), их виды, подвиды и свойства, т. е. по существу расстаться с беззаботными операциями над неведомыми иксами и заняться более научной работой. Иного пути для научного прогресса в области структурального анализа групп мы не видим. Указываемый же нами путь, хотя и труден, но способен дать большие результаты.

И тот, и другой вывод говорят о необходимости разлуки со старыми традициями и о необходимости перехода на новые научные рельсы, основная линия которых развита в данной работе.

Для большей убедительности сказанного перейдем теперь к анализу «национальности» и «класса». Он в своем роде будет поучительным.

§ 4. Что такое национальность

(Анализ того, что называется национальностью)

О национальности, особенно в последние годы, трубят на всех улицах и перекрестках. Но что разумеется под ней — знают очень немногие. А те, кто знает, не согласны друг с другом, а если и согласны и пытаются дать точное ее определение, — никак не могут удовлетворительно решить свою задачу. Их определения или расплывчаты, или негодны. «Нация — как Протей, который ускользает между пальцами всякий раз, когда мы хотим его схватить», — так характеризует положение дела К. Каутский⁵⁹.

Для подтверждения сказанного сделаем беглый обзор главнейших теорий национальности.

Начнем с той категории теоретиков национальности, которые говорят, быть может, и верное, но никому не понятное. Что же они понимают под национальностью? А вот что... «Всякое национальное бытие... в своих последних пределах должно мыслиться одним из многочисленных проявлений абсолютного». «Мы должны понимать эту войну не как войну против национального духа нашего противника, а как войну против злого духа, овладевшего национальным сознанием Германии», и исказившего «метафизическую основу» немецкой национальности... Такую «болтовню» я не понимаю. Впрочем, я понимаю одно, что в эти фразы можно всунуть любое содержание. Так пишут философы (Франк). А вот

⁵⁹ См.: Каутский К. Национальные проблемы. 1918, с. 17.

Глава III. Учение о кумулятивных социальных группах

63 7

и другой пример — из П. Струве, национальность — это «существо мистическое», «сверхразумное и внеразумное». Или национализм представляет... деятельное отрицание (Св. Софии). А «София» — это «тот мир вечных идей или первообразов, которые были положены Богом в основу творения»; это — «тварь в современной и окончательной фор-

ме, тварь — как она должна быть в вечности, тварь — какой ее хочет Бог» (*Е. Трубецкой*). Вот еще пример: национальность — это «своеобразная материальная субстанция, обладающая таинственной силой создавать из себя общность национального характера» (*Блунчли*). В этом же роде пишут *Гегель*, *Аксаков* и др. «Нация — рационально неопределима. В этом идея нации имеет аналогию с идеей церкви» (*Бердяев*).

Не буду больше приводить примеров. Процитированное достаточно говорит за себя тем, кто в суждениях и в словах привык искать смысла.

Посмотрим теперь, что говорят те, которые не тонут в фразах и слова которых понять нетрудно. Публицисты, ученые и теоретики этого класса вполне правильно в нации или в национальности видят не метафизический принцип, не какую-то таинственную «вне и сверхразумную сущность», а *группу или союз людей*, обладающих теми или иными признаками, иначе говоря, объединенных той или иной связью. *Каковы же, спрашивается, эти признаки?*

Рассмотрим бегло выдвигавшиеся принципы.

а) Одним из таких признаков, по мнению многих лиц, является «*единство крови*», или иначе, *единство расы*. Корни этой теории уходят далеко в прошлое. В ней повинны многие ученые, начиная с языковедов, вроде Ф. Боппа, и кончая сторонниками графа Гобино: Аммона, Лапужа, Вольмана, Реймера и лицами вроде историка Трейчке и его ученика генерала Бернгарди.

Указываемый признак единства крови и единства расы, как критерий национальности, решительно негоден. Когда мы говорим: «Иванов и Петров — одной национальности», то, конечно, не потому, что мы исследовали химический состав их крови, установили черепные показатели того и другого, изгиб носа, разрез глаз и т. д., а по каким-то иным основаниям, ничего общего не имеющим с теорией единства расы. Это раз. Во-вторых, если бы дело обстояло так, то мы имели бы не национальную группировку, а расовую. В-третьих, на этом основании нельзя было бы говорить об американской и английской нации, ибо по расе они однородны. И обратно, следовало бы говорить о чернокожей, белокожей, длинноголовой или круглоголовой национальности, чего эти теоретики не делают.

б) Многие исследователи (в том числе и Каутский)⁶⁰ видят отличительный признак национальности в *единстве языка*. Люди, говорящие одним языком, принадлежат к одной национальности, таково основное

См.: *Каутский К.* Цит. соч., с. 25 и ел.

638

Система социологии. Том II

положение этого течения. Данная теория национальности едва ли не самая популярная и самая распространенная. Однако от этого она не становится еще истинной.

Если бы дело обстояло так, то национальность совпадала бы с языковой группировкой; в этом случае лучше было бы ее так и называть.

Если бы, далее, язык был таким решающим признаком, то тех лиц (а таковых немало), которые одинаково хорошо и с детства владеют несколькими языками, пришлось бы признать денационализированными, а следовательно], венгры, владеющие венгерским и немецким языками, не могли бы считать себя венгерской национальностью. То же относилось бы и ко всем «многоязычным» лицам и народам. Во-вторых, люди, обычно принадлежащие к различным нациям⁶¹, напр[имер], англичане и американцы, раз они говорят на английском языке, должны были бы составить тогда английскую нацию: американской нации, как не обладающей собственным языком, тогда не могло бы быть. И обратно: тури-нец, сицилиец и миланец не могли бы принадлежать к одной итальянской нации, т. к. их говоры весьма далеки друг от друга. В-третьих, если даже и принять этот признак, то мы не избавляемся этим от целого ряда противоречий и сомнений. Первое сомнение гласило бы: *насколько расходящимися должны быть языки или наречия*, чтобы язык, а соответственно и народ, говорящий им, могли быть признанными в качестве самостоятельных национальных единиц? Если это *расхождение должно быть основным*, тогда

пришлось бы признать, напр[имер], национальностью только славянство и объединить в эту национальность такие группы, как великороссы, малороссы, поляки, сербы, болгары, русины и т. д. Каждый из этих народов в отдельности не мог бы составить национальность, ибо языки их более или менее близки. То же нужно было бы сказать и о французах, итальянцах и румынах, как единицах, говорящих на языках родственных. И они порознь тогда не могли бы называться нацией и национальностью, а должны были бы составить одну «романскую» национальность. В итоге мы получаем картину, решительно расходящуюся с обычным пониманием этого термина.

Если же это различие языков должно быть *незначительным*, то мы попадаем в новую крайность. Почему тогда это различие не уменьшить и вместо русского, польского, украинского языков или наречий не считать таким достаточным различием простое отличие говоров. Логических препятствий для этого нет. Тогда вместо русской, польской и украинской национальности из одной великорусской народности выкроились бы нижегородская, ярославская, московская, вологодская и др. национальности. Термин «язык» не есть нечто абсолютно определенное и

⁶¹ В дальнейшем автор употребляет термины: «нация и национальность» как тождественные^{27*}.

Глава III. Учение о кумулятивных социальных группах

63 9

сплошь и рядом подменяется терминами «наречие», а иногда и «говор». Как видим, и здесь нет спасения.

Наконец, если бы все дело было в языке, то едва ли можно было бы говорить о русской национальности или о национальности бельгийской или английской. Поляк, малоросс, еврей, черемис, калмык, вотяк, молдаван и т. д. в этом случае не могли бы говорить о «русском патриотизме», о «русском отечестве», считать себя по национальности «русскими» и наклеивать на себя значок «России» как того единства, к которому они себя относят. То же относится к Англии или Бельгии, в состав которых входят народы, говорящие на самых различных языках. А между тем в речах и статьях текущего момента говорится именно и главным образом не о черемисском, вотяцком или калмыцком патриотизме и национальности, а именно о русской, не о валлонской или фламандской, а о бельгийской и т. д.

Эти краткие штрихи показывают, что на почве одного языка национальность или сольется с языковой группой или представит из себя нечто совершенно неопределенное, раз языковой признак, взятый в основу, не будет логически проводиться.

с) То же самое можно сказать и обо всех других признаках, выдвигавшихся в этой области. Таким признаком не может *быть религия*, ибо люди, относящие себя к одной национальности, сплошь и рядом исповедуют различную религию, и наоборот, люди, принадлежащие к одной религии, сплошь и рядом являются представителями различных наций. Не является искомым признаком и *общность экономических интересов*, так как очень часто (если не всегда) экономические интересы русского рабочего меньше противоречат экономическим интересам немецкого пролетария, чем русского капиталиста. Не могут быть искомым признаком нации и *единство правящей династии* или, как указывают многие, — «*единство исторических судеб*». Последние — весьма изменчивы и текучи. Сегодня они объединили в одно целое греков, сербов, болгар и черногорцев против турок, а завтра те же «судьбы» разъединили союзников и сделали их врагами. Сегодня они объединили русских с союзниками, завтра — с германцами против союзников.

Но может быть искомым критерием служит *единство морали, права и нравов**. Увы, нет! Кому же не известно, что разница между русским крестьянином и русским «барином» в этом отношении гораздо большая, чем между русским барином и «немецким» аграрием.

Тогда, быть может, искомый икс заключается в *единстве мировоззрения, в единстве философии**. Опять-таки нет. Мировоззрение русских социал-демократов и

немецких социалистов, или немецких философов и русских философов, нередко сходно, а по национальности они относят себя к различным центрам и недавно стояли во враждебных нациях.

640

Система социологии. Том II

Поищем еще других признаков. Некоторые указывают на *единство культур*^Р, как на отличительную черту национальности. Но разве это «туманное пятно» не состоит как раз из тех элементов, о которых только что шла речь? Выбросьте из «культуры» язык, религию, право, нравственность, «экономику» и т. д., и от «культуры» останется пустое место.

d) Есть еще одна попытка установить понятие и сущность национальности путем подчеркивания психологической природы этого явления. Национальность, говорят сторонники этой теории, — это *сознание своей принадлежности к определенному политическому телу*, вызываемое различными причинами — религиозными, экономическими, правовыми, единством языка, исторических традиций и т. д.⁶³

Если вдуматься в это определение, то мы видим, что здесь центр тяжести лежит в психологическом отнесении себя к тому или иному обществу или группе. Но ясно, что и это определение только ставит, а не решает вопрос. Пример: я, как журналист, отношу себя к определенному социальному телу — к моей редакции (группе людей), как православный — к определенной церкви (тоже группе), как «подданный» России — к русскому государству (тоже группа), как говорящий на русском, эскимосском, французском и английском языках я отношу себя ко всем лицам, говорящим на них (тоже группы), и т. д. Во всех случаях у меня налицо «сознание своей принадлежности» к той или иной группе. Которая же из них будет моей нацией? Которое из этих «сознаний» будет моим «национальным» сознанием? Какие именно интересы из перечисленных я должен считать «национальными»? В отдельности, по-видимому, ни одна из этих связей не есть национальная связь, а вместе взятые, они не покрывают друг друга и противоречат одна другой. Это определение, кроме того, тавтологично: национальность здесь определяется чрез национальное сознание. Получается *idem per idem*^{28*}. Теория неверна.

В итоге, как видим, что' ни одна из теорий и не знает, что такое национальность⁶⁴.

⁶² См. напр[имер]: Бауэр О. Национальный] вопрос. СПб., 1909; критику его концепции см. у Каутского (цит. соч., с. 18 и сл.). Определение Бауэра, правильно говорит Каутский, или «столь расплывчато, что в нем нет никакого указания на то, чем собственно нация отличается от других общественных образований, или же оно просто не согласуется с фактами».

⁶³ Напр[имер], Лавров П.Л. Опыт истории мысли, с. 620; Ковалевский М.М. Ст[атья] в «Истории нашего времени»; Лазерсон М. К междунар[одной] постановке еврейского вопроса. 1917, с. 12 и сл.

⁶⁴ Сказанное относится и ко всем тем теориям, которые определяют национальность как «коллективную душу» и т. д. Ведь и церковь, и редакция, и класс, и каста — тоже «коллективные души». Что же является характерным для «национальной коллективной души»? — Ответа на этот вопрос нет, если не считать пустые слова. См. обзор других, столь же неудачных определений национальности в «Среди книг» Рубакина, т. III, с. 100 и сл. и в *Verhandlungen des Zweiten Deutsch. Soziologentages*, 1913. И тут, и там — постоянное смешение государства, родины, национальности, народа, etc., будто это вещи однородные.

Глава III. Учение о кумулятивных социальных группах

641

Еще хуже обстоит дело с теми определениями национальности, примером которых может служить следующее определение В. Вуги: национальность — это «совокупность индивидов одного и того же народа, объединенная в единое тело и сохраняющая *это единство, проявляющееся в форме родины или нации*»⁶⁵. Здесь и тавтология (национальность определяется чрез нацию), и ряд иксов вроде «народа», и ряд пустых

фраз, вроде «единого тела». Короче — определение может служить примером, как не надо определять явление.

Что же мы имеем в итоге обзора: во-первых, ряд образцов бессодержательной болтовни (дефиниции Франка, Струве, Бердяева, Блунчли, Brugi) без всякого смысла. Не будем на них останавливаться. Во-вторых, полное разноречие мнений: каждый автор дает свое определение национальности. В-третьих, одни из авторов конструируют национальность как элементарную группу, то как расовую, то как языковую, то как религиозную и т. д., т. е. указывают одну из выделенных нами элементарных групп; никакой элементарной национальной связи *sui generis*, отличной от очерченных выше элементарных групп, они не указывают и не могут указать. Но раз национальность отождествляется с языковой или расовой или с другой элементарной группой, тогда ее и следовало бы называть языковой или расовой группой, а не придумывать для этого термин «национальность». Это было бы точнее и правильнее. Далее, в этом случае необходимо быть последовательным: раз под национальностью разумеются, напр[имер], языковые группы, тогда нельзя говорить о русской национальности вообще или о национальности бельгийской, или американской, или еврейской, или австрийской, ибо нет русского языка, а есть великорусский, отличный от украинского, черемисского и др. языков подданных России, нет бельгийского языка, а есть французский и фламандский, нет теперь еврейского языка (древнееврейский язык не употребляется), нет американского языка, а есть английский и т. д. Этой последовательности, однако, не видно у соответственных авторов. Отождествив вначале национальность с языковой группой, они, сбиваемые ходячими воззрениями, быстро забывают свое определение и в итоге начинают говорить и об американской, бельгийской и др. «национальности», не имеющих своего языка, т. е. сами себе противоречат. То же применимо к расовой теории национальности и к другим определениям, понимающим ее как элементарную группу. Ища специфически национальную связь, они ее не находят, берут вместо нее расу или языковую или государственную или религиозную группы, а затем сбиваются с исходных рельсов и кончают противоречием себе. Таковы «заключения» этой группы теорий. В-четвертых, другие авторы конструируют национальность как группу кумулятивную. Но и данные теории неудач-

⁶⁵ Brugi B. *Realta sociale e metafisica politica* // Riv[ista] italfiana di] soc[iologia]. 1911, p. 169-170.

21 Система социологии

642

Система социологии. Том II

ны: 1) они либо тавтологичны, 2) либо неопределенны, ибо не указывают, из кумуляции каких элементарных группировок состоит национальность как сложное тело; а не давая такой формулы, они в сущности не дают ничего. В-пятых, и элементарные, и кумулятивные теории национальности грешат еще одним великим грехом: они собственно не пытаются научно определить и выделить особый вид социальной группы, называемой ими национальностью, а пытаются найти определение, согласное со всеми ходячими понятиями национальности, определение, в которое укладывалось бы все то, что Ивану, Петру и Павлу угодно будет окрестить термином «национальность». Их понятие национальности определяет не столько социальную группу, сколько разные значения, придаваемые слову «национальность». Нужно ли говорить, что такая задача неразрешима, что она похожа на решение квадратуры круга. В общежитии термином «национальность» называются самые различные группы: Иван прилагает этот термин к одной, группе, Павел — к другой, совершенно отличной, Петр — к третьей, Федор — к четвертой. Найти определение, согласующее все эти разные смыслы «национальности», очевидно, невозможно. И не только невозможно, но и бесполезно, ибо такое определение дало бы в лучшем случае словарь, показывающий разные значения термина «национальность», которые угодно было придать ему Ивану, Петру и всякому встречному, а такой словарь ни на йоту не познакомил бы нас с социальной реальностью;

далее, такое определение было бы в корне ненаучным; *элементарное правило научного метода гласит: сходные вещи следует обозначать сходными терминами или знаками, различные явления — различными*; а такое «определение-словарь» одним термином «национальность» обозначало бы ряд разнородных явлений, часто противоположных друг другу.

Теоретики национальности, гипнотизируемые обычным словоупотреблением, собственно так и поступали. Отсюда их зловключения, заставлявшие одних противоречить себе, других — г сравнивать нацию с неуловимым Протеем (легко ли уловить и согласовать всякий смысл, который вздумается придать национальности любому человеку), третьих — апеллировать к мистичности и т. д.

Самое поверхностное наблюдение показывает, что *в общежитии термином «национальность» называются социальные группы самого различного состава*. В одном случае национальностью называют кумуляцию группировок А, В, С, в другом — кумуляцию А, М, N, в третьем — В, Д, К, Е и т. д. (Извольте, совмещайте все такие житейские применения термина!) Так, в общежитии национальностью называются и евреи, и французы, и немцы, и татары и т. д., между тем легко видеть, что эти группы имеют далеко не одинаковый состав.

«Национальность» еврейская представляет кумуляцию ряда группировок, отличную от тех, из кумуляции которых состоит «националь-

Глава III. Учение о кумулятивных социальных группах

64 3

ность» русская или французская. Основными элементарными группировками (элементарными связями), из кумуляции которых составляется «национальность» еврейская (или связи еврейской национальности), служат группировки: расовая, религиозная, местами группировка обделенных в правах (черта оседлости, etc.), местами группировка по фактической привилегированности (напр[имер], сейчас у нас) плюс ряд других объединяющих моментов: общность исторических судеб, сходство психологического уклада, представляющего результат расового сходства и сходства социальных условий, и т. д.

Для еврейской национальности не играют никакой роли группировки: территориальная, государственная и языковая (т. к. современные евреи не имели своего государства, своей территории и своего языка).

Из иных элементарных группировок составлены «национальности» французская или немецкая. Если для бытия еврейской национальности не играют никакой роли или имеют весьма малое значение группировки государственная, территориальная и языковая, то для бытия французской и немецкой национальностей эти группировки играют громадную роль: обе эти «национальности» представляют прежде всего кумуляцию группировок государственной, языковой и территориальной. Отнимите у немца или француза их язык, удалите государственную группировку (Германию и Францию) и территорию — и от той и другой национальности останется пустое место. Французская или немецкая национальность, лишенная французского или немецкого языков, не имеющая своего государства как политической группировки французов или немцев, и своей территории, — это нечто малопонятное и трудно мыслимое. Конечно, этими элементарными группировками не исчерпываются составные группировки, из кумуляции которых составляются указанные «национальности»; в число первых входят: и общность исторических судеб, и некоторая общность религии (религиозная группировка), хотя религиозная группировка для существования французской и немецкой национальностей гораздо менее важна, чем для еврейской и др., но главными группировками для французской и немецкой национальности являются языковая, территориальная и государственная. Из этих примеров видно, что элементарные группировки, из кумуляции которых составлены сложные группы евреев, французов и немцев, — не одни и те же, а разные. То же мы получим и во всех других случаях. «Национальность» татар представляет кумуляцию элементарных группировок, отличную от тех, из кумуляции

которых составляется национальность английская. «Национальные связи», объединяющие в одно «национальное» целое венгров, отличны от тех, которые превращают совокупность поляков в одну сложную группу: польскую национальность и т. д.

Ограничимся сказанным. Из него видно, что *именем «национальности» покрывается ряд различных, гетерогенных групп*. Иными словами,

644

Система социологии. Том II

существует только термин «национальность» и нет соответствующей ему определенной, однородной социальной группы. «Национальность» — *такая же сборная группа для социологии, какой является группа растений, объединяемых одним термином «овощи» в ботанике, группа животных, обозначаемых в общежитии термином «дичь» — в зоологии, «бутерброд» как химический элемент — в химии*. Отсюда понятным становится, почему бесплодны были попытки установления точных признаков национальности, ибо невозможно в научном определении совместить тысячи разных и часто противоречивых значений термина «национальность», придаваемых ему в общежитии.

Сказанное уясняет, что эти попытки не могли и не могут получить удачное решение; они обречены на неудачу, как обречены на нее попытки систематика-зоолога, который захотел бы установить видовые признаки разношерстной совокупности животных, объединяемых в обывательский класс «дичи», или попытки систематика-ботаника, который предпринял бы установку признаков «овощей» как однородного вида растений. Фактически мы знаем, что под той и под другой группой объединены животные и растения самых различных видов, родов, семейств и т. д. Мы знаем и то, что современные ботаники и зоологи таких нелепых попыток не делают. В социологии, увы, — они еще существуют. Пора бы от них отучиться. Можно смело заверить, что они и впредь окажутся безуспешными.

Элементарное правило науки гласит: одним термином следует обозначать явления тождественные. Разнородные же явления необходимо обозначать терминами различными. Отсюда вывод: *раз термином «национальность» в общежитии обозначаются разнородные по своему составу кумулятивные группы, то, очевидно, такое состояние не может более продолжаться*. Оно в корне ненаучно. Выход из него может быть двоякий: *или необходимо выбросить за борт науки сам термин «национальность», как совершенно испорченный, или придать этому термину определенный смысл, т. е. обозначать им кумулятивные группы определенного состава*. И тот, и другой выход одинаково законны. Чаще всего термином «национальность» покрываются кумулятивные, закрытые или близкие к ним, *территориально + языковые + государственные или стремящиеся стать государственными группы*. Как выше было отмечено, тенденция к слиянию территориально + языковой и государственной группировок — знамение времени для XIX и XX вв. Политико-государственная карта мира в течение этих столетий стремится трансформироваться именно в этом направлении. (Образование Греции, Италии, Балканских государств, объединение Германии в XIX в., образование независимой Финляндии, Венгрии, Чехословакии, Польши в наше время, принцип «автономии национальностей», выдвинутый за время войны рядом народов и партий, вильсоновскими 14 пунктами, русской революцией, создание еврейско-

Глава III. Учение о кумулятивных социальных группах

645

го государства в Иерусалиме, образование Армении, Эстонии, Латвии, тяготение немецкой Австрии к слиянию с Германией, общее увеличение автономии «территориально + языковых групп», переводящее их фактически на положение членов союзного государства, — все это факты кумуляции территориально + языковой + государственной группировок.) В силу этого, *такая почти закрытая, территориально + языково + государственная кумулятивная группа является для нашего времени группой нормальной, солидарной и типичной*. На этом основании можно было бы ее условно

назвать термином «национальности». Но тогда, очевидно, этот термин следует прилагать, с одной стороны, ко всем группам такого состава, с другой — его нельзя прилагать к группам иного состава, хотя бы в общежитии они и назывались «национальностью». Тогда не нужно совершенно считаться с обычным словоупотреблением «национальности», обозначающим самые разнородные группы этим термином. Таковы два возможных выхода. Во избежание путаницы, пожалуй, предпочтительнее первый выход, т. е. *полное удаление национальности из терминологии социальной науки*. Таковы результаты анализа национальности и неизбежно вытекающие из него выводы.

§ 5. Что такое социальный класс (Анализ того, что называется классом)

Класс наделал своим теоретикам не меньше хлопот, чем национальность. И в этом случае попытки «схватить этого Протея» оказались не более успешными: «класс» либо ускользал и ускользает из пальцев своих теоретиков, либо, пойманный, превращается в нечто столь неопределенное и неясное, что становится невозможным отличить его от ряда других кумулятивных групп, либо, наконец, сливается с одной из элементарных группировок. Несмотря на весь шум, поднятый вокруг «класса», несмотря на то, что выражения: «класс», «классовая борьба», «классовое общество», «классовые интересы» и т. д. теперь не повторяют разве одни безгласные младенцы, все же точного понятия «класса» как социальной группы нет. Нет его и у марксистов. Хотя термины «пролетариат», «буржуазия» и т. п. теперь читаем всюду, но, увы, — что такое пролетариат и что такое буржуазия, — пока никому, в том числе и писателям коммунистических газет и брошюр, не ведомо. Если же и ведомо, то соответствующие определения спорны.

Здесь мы наблюдаем то же, что наблюдали и в проблеме национальности, а именно: 1) В термин «класс» различными учеными и политиками вкладывается самое разнородное, сплошь и рядом противоположное содержание. 2) У большинства лиц, употребляющих этот термин, нет совершенно сколько-нибудь точного понятия класса. 3) Многие

646

Система социологии. Том II

понимают под классом одну из элементарных группировок, отмеченных выше (чаще всего группировку по профессиям, или по степени богатства, или по объему прав). Но, дав такое определение, авторы очень быстро забывают его и в дальнейшем применяют этот термин к самым разнородным группам. 4) Другие лица «класс» конструируют как кумулятивную (на нашем языке) группу. Но не проводят различия элементарных и кумулятивных коллективов, не указывают точно «состава» класса, т. е. составляющих его элементарных группировок. Поэтому определения их смутны и не точны. Далее, эти авторы непоследовательны. В-третьих, как и в национальности, термин «класс» применяется к весьма разнородным по своему составу кумулятивным группам. Подтвердим сказанное беглой литературной справкой.

Приведем прежде всего таблицу, показывающую, на сколько классов и на какие именно распадались и распадаются «общества» по мнению ряда теоретиков класса. Эта таблица уже достаточно красноречива. Вот она:

1. Платон, М[енений] Агриппаи Саллюстий различали классы: 1) богатых и 2) бедных⁶⁶.

2. Ж. Мелье, Вольтер и Рейналь: 1) богатые и 2) бедные.

3. Гельвеций: 1) угнетаемые и 2) угнетающие.

4. Кондильяк: 1) собственники и 2) наемные рабочие.

5. Кене: 1) класс собственников, 2) класс производительный, 3) класс бесплодный, непроизводительный.

6. Кантильон: 1) собственники, 2) предприниматели, 3) рабочие.

7. Тюрго: 1) праздные, 2) трудящиеся.

8. Минье: 1) привилегированные, 2) буржуазия, 3) народная масса (низшие).

9. Гизо: 1) собственники, живущие нетрудовым доходом, 2) собственники, живущие своим трудом, 3) класс, не имеющий собственности.

10. Л. Блан: 1) буржуазия, 2) народ.

11. Сен-Симон: 1) идейные вожди, 2) собственники, 3) несобственники. Другое деление: 1) командующие классы и 2) подчиненные.

12. Анфантен: 1) владеющие и 2) невладеющие.

13. Консидеран: 1) богатые и 2) бедные.

14. То же под разными именами дают: Рейно, Перу, Прудон, Видалъ и др.:

1) трудовые и 2) капиталистические, 1) пролетариат и 2) буржуазия, 1) работники и 2) хозяева, 1) рабочие и 2) капиталисты.

⁶⁶ Таблица составлена на основании работ: Пёльман Р. История античного коммунизма и социализма. СПб., 1910; Roger P. La theorie de la lutte des classes a la veille de la revolution // Revue d'economie politique, 1911, № 5; Солнцев СИ. Общественные классы. Томск, 1917. К этим работам, в особенности к работе СИ. Солнцева, автор отсылает за подробностями.

Глава III. Учение о кумулятивных социальных группах

64 7

15. Годвин, Холя Томпсон: 1) богатые и 2) бедные; 1) капиталисты и 2) рабочие.

16. А. Смит: 1) землевладельцы, 2) капиталисты, 3) рабочие.

17. Спенсер: 1) низшие, 2) средние и 3) высшие. (Тоже — F. Chessct¹).

18. Гумплович: 1) дворянство, 2) буржуазия, 3) крестьянство.

19. Шмоллер: 1) крупные предприниматели, 2) средние предприниматели, 3) мелкие хозяева, 4) крупное чиновничество, либеральные профессии, частно-служащие, 5) рабочие.

20. Аммон: 1) предприниматели, 2) крестьяне и 3) рабочие.

21. Боэр: I. Правящие классы: 1) законодатели, 2) судьи, 3) главы государства, 4) представители исполнит[ельной], власти, 5) армия, 6) представители духовной власти, 7) представители руководящей интеллигенции. II. Управляемые классы: 8) крестьяне, 9) рабочие, 10) предприниматели, 11) торговцы и финансисты, 12) занятые в транспорте, 13) бедняки, 14) преступники⁶⁸.

22. Блондель: 1) победители и побежденные, 2) господа и рабы, 3) богатые и бедные.

23. Ковалевский (для России): 1) городской и сельский пролетариат,

2) крестьяне общинники, 3) сельское духовенство, 4) мелкие собственники, 5) купцы и промышленники.

24. Зомбарт: 1) юнкерство, 2) буржуазия, 3) мелкобуржуазное мещанство, 4) пролетариат.

25. Д'Эт: 7 классов в зависимости от Standard of life.

26. Бюхер: 6-8 социально-профессиональных классов.

27. Оверберг: 1) собственники, 2) пролетариат, 3) средний класс.

28. III. Жид: 1) активные капиталисты, 2) пассивные капиталисты, 3) самостоятельные производители, 4) наемные рабочие, 5) чиновники.

29. Маркс: по толкованию одних (напр[имер], Оверберга и Каутского) три класса: 1) землевладельцы, 2) капиталисты, 3) рабочие; по толкованию других (напр[имер] Солнцева), два: капиталисты и рабочие.

30. Каутский: 1) землевладельцы, 2) капиталисты, 3) рабочие плюс — промежуточные классы⁶⁹.

31. Туган-Барановский: 1) аристократия (землевладельцы), 2) буржуазия, 3) пролетариат плюс — мелкая буржуазия, крестьянство⁷⁰.

32. Чернов: 1) землевладельцы, 2) капиталисты, 3) рабочие⁷¹.

⁶⁷ Chessa F. Le classi medie // Riv[ista] it[al]iana di soc[iologia]. 1911, p. 62-83.

⁶⁸ См.: Bauer A. Les classes sociales. Paris, 1902, p. 142 и сл.

⁶⁹ См.: Каутский К. Очереди[ые] проблемы междунар[одного] социализма. СПб., 1906, с. 13-14 и ел.; *Ego же* Agrarfrage, гл[ава] Bauer und Proletaries.

⁷⁰ Туган-Барановский М.И. Основы, с. 503 и ел.

⁷¹ Чернов В.М. Социалист[ические] этюды. М., 1908, с. 287-358. Иначе в: Крестьянин и рабочий как экономические категории. Пг., 1917. Здесь: 1) трудовые и 2) нетрудовые классы.

64 8

Система социологии. Том II

Останавливаюсь на этих примерах. Сделанная сводка весьма красноречиво показывает, какая разногласица царит в вопросе: на какие классы распадается «общество» и сколько их. Эта разногласица была бы бесконечно большей, если бы излагать не основные классовые подразделения, а все главные детали классовой группировки каждого автора.

Из этой же таблицы следует и разнородность тех критериев, которые кладутся в основу классового деления. В этом отношении мы видим, что все теории делятся на две основные группы: 1) теории «монистические», выделяющие класс на основании одного признака, следовательно, изображающие его как элементарную группировку, 2) теории «плюралистические», выделяющие класс на основании многих признаков, следовательно, считающие его сложным социальным телом⁷².

СИ. Солнцев различает по меньшей мере девять основных групп, исходящих из девяти различных признаков класса. Эти группы таковы:

1) «естественно-органические учения об общественных классах (на основе естественно-органического *отбора*)». Теории Спенсера, Аммона и др. селекционистов;

2) «расовые теории общественных классов (на основе различия *рас*)». Гумплович, Ратценхофер и др.;

3) «теории общественных классов на основе разделения труда и образования *профессий*». Боэр, Шмоллер и др. (шмоллеровская теория *de facto* плюралистическая, ибо класс по Шмоллеру—сложная группа, представляющая кумуляцию элементарных группировок: расовой, профессиональной и по доходу⁷³);

4) «теория исторических наслоений и воплощений (на основе различных *хозяйственных систем*)». Зомбарт, Ганзен;

5) «теории общественных классов на основе различия *социального ранга*». Вормс, Пэш, Пирар и др.;

6) «теория *Standard of life* (на основе различия *уровней жизни*)». Д'Эт, Декамп и др.;

7) «теории общественных классов на основе имущественных различий (теории *богатства*). Л. Штейн, Бюхер, Визе, Оверберг, Гобло и др.⁷⁴;

⁷² В неразличении теорий этих двух типов недостаток работы СИ. Солнцева, ошибочно отнесшего такие «кумулятивные» теории, как теория классов Шмоллера, Оверберга, Д'Эта и др., к типу «монистических». См.: Солнцев СИ. Цит. соч., с. 151 и ел.

⁷³ «Отвлекаясь от модифицирующих элементов (в качестве основы образования классов), мы получаем: расу, разделение труда и образование профессий, а также и распределение дохода», — пишет Шмоллер. См.: *Schmoller G. Grundriss der Volkswirtschaftslehre*. Leipzig, 1901, Bd. I, S. 395. Определение класса, даваемое им на 392 стр., еще сложнее.

⁷⁴ Опять-таки и теории Декампа, и Д'Эта, и Бюхера, и Оверберга — теории плюралистические.

Глава III. Учение о кумулятивных социальных группах

649

8) «распределительные теории общественных классов (на основе *отношений распределения*)». Лория, Жид, Чернов, Делевский, Каутский, Туган-Барановский и др.;

9) «производственные теории общественных классов (на основе *отношений в производстве*)». Гент, Богданов, Маркс, Энгельс и Солнцев⁷⁵.

Из этой сводки, как и из предыдущей, видим, что по конструкции одних авторов класс представляет элементарную (на нашем языке) социальную группу (таковы теории

классов: *расовая, профессиональная-, социального ранга (объема прав), и по величине богатства*).

Другие авторы конструируют класс как *группу кумулятивную* (по нашей терминологии), образуемую кумуляцией ряда условий. Таковы по существу теории Шмоллера, Д'Эта, Декампа, Оверберга, Бюхера, распределительная и производственная теории классов⁷⁶.

Приведенные справки достаточно убедительно подтверждают выставленное выше положение, что сколько-нибудь общепризнанного понятия класса нет, что здесь царит «хаос мнений».

Однако этот хаос представлял бы полбеда, если бы сами мнения были сколько-нибудь отчетливы и соответствовали действительности. Но и этого сказать нельзя. Определения класса, в большинстве случаев, тягучи, неопределенны, неясны. Мало того: редкие из теоретиков последовательны и свободны от грубейших ошибок.

Попробуем бегло доказать эти «обвинительные пункты».

Начнем с теорий, конструирующих класс как *элементарную группу*. Главнейшие из них сводятся к четырем видам, отождествляющим класс: *с расовой группой* (Гумплович, Ратценгофер, Аммон, Гобино и др.), *с группой профессиональной* (Бозер и частично Шмоллер), *с группой социального ранга* (объема прав, Вормс, Пэш, Пирар, Гельвеций, Сен-Симон, Блон-дель, отчасти Спенсер и др.) **и** *с группировкой по величине богатства* (Платон, Мелье, Вольтер, Гизо, Анфантен, Консидеран, Годвин, Томпсон, Бернштейн, Парето, Штейн, частично Бюхер и др.).

Как видно отсюда, эти теории отождествляют класс с одной из очерченных нами элементарных группировок. Само по себе ничто не мешает последние называть классами. Важно лишь, чтобы при этом не делалось ошибок по существу. А такими ошибками страдают все эти четыре типа классовых теорий.

⁷⁵ Солнцев СИ. Цит. соч., с. 152.

⁷⁶ Классификация теории классов, данная СИ. Солнцевым в его ценной работе, страдает большой неустойчивостью и неопределенностью. Так, первая группа теорий, в частности теория Аммона, может быть вполне причислена к расовой теории. Различие той и другой не в принципе классового деления, а в способе возникновения классов. Столь же условно подразделение 6, 7 и 4 теории. Большинство этих теорий плюралистические теории или на языке Солнцева — эклектические. Поэтому в дальнейшем я буду отступать от его классификации.

6 5 0

Система социологии. Том II

Первая ошибка заключается в их *непоследовательности и самопротиворечии*. *Расовая теория* классов в лице Гумпловича, Ратценхофера⁷⁷, Аммона и др., не говоря уже о фактической ее ошибочности, непоследовательна прежде всего в самой терминологии. Если классовая группировка совпадает с расовой, то следует говорить о классах «белокожих», «чернокожих», «краснокожих» и т. д., или о социальных классах «круглоголовых и длинноголовых», а не о классах дворян, буржуазии и крестьянства, как делает Гумплович, и не о классах привилегированных, бесправных и среднем классе, как делает Ратценхофер. Давая такой перечень классов, эти авторы тем самым достаточно красноречиво свидетельствуют свою непоследовательность и самопротиворечие. Дальнейшая критика их в этом отношении излишня⁷⁸.

Столь же непоследовательны и теоретики класса как *профессиональной группы*. Бозер, наиболее подробно развивший эту теорию и определяющий класс как группу лиц, принадлежащих к одной и той же профессии⁷⁹, сразу же, при конкретном расчленении классов, соскакивает со своих рельс. Как *deux ex machina* у него неожиданно появляется деление классов «на правящих и подчиненно-управляемых», т. е. деление, исходящее уже не из профессии, а из объема прав. В дальнейшем непоследовательность Бозера выступает еще рельефнее. Раз в основу класса положен признак профессии, казалось бы, — нельзя в один класс объединять лиц самых различных профессий. Между тем, напр[имер], в его 7-

м классе мы находим: учителей, историков, журналистов, проповедников, публицистов, политических деятелей, ученых, философов, поэтов и артистов, т. е. лиц самых различных профессий. Не единство профессии, а принцип степени образования — вот то, что лежит в основе объединения этих лиц в один 7 класс. Столь же невыдержаны и другие классы Боэра.

Тем же самопротиворечием страдает и классовая теория *социального ранга* (объема прав). Если последовательно ее проводить, то можно говорить только о классах социально-высших (привилегированных) и социально низших (обделенных). Между тем Пирар, отчасти Вормс и другие говорят об аристократии, буржуазии и пролетариате как классах, т. е. дают перечень классов, мало согласующийся с их основным принципом. Далее, сам этот принцип оказывается чем-то весьма близ-

⁷⁷ См.: *Gumplowicz L. Rassenkampf, passim; Ratzenhofer G. Die soziolog[ische] Erkenntnis. 1898, passim.*

Изложение и критику теорий см. у *Солнцева* (цит. соч., с. 173 и ел.).

⁷⁸ Нет надобности указывать на то, что и само понятие «расы» у них неопределенно, что класс они не различают от сословия и др. социальных групп, что сама расовая теория происхождения общественного неравенства узка и однобока и т. д.

⁷⁹ См.: *Bauer A. Op. cit, p. 234.*

Глава III. Учение о кумулятивных социальных группах

651

ким к принципу величины богатства. «В последнем счете⁸⁰, — говорит Вормс, — ранг определяется экономическим принципом»; авторы с рельсов «социального ранга» съезжают на рельсы величины богатства, т. е. группировки совсем иной, чем первая. Таким образом, само понятие ранга, как правильно указывает Солнцев, у них остается совершенно неопределенным⁸¹. В итоге вся конструкция приобретает смутный и неточный характер, и какая бы то ни была выдержанность исчезает.

Эта непоследовательность выступает и в теории класса, кладущей в его основу *величину богатства*. Не буду здесь останавливаться на таких «кумулятивных» теориях, как теория Бюхера и др. Они по существу класс рассматривают как сложное социальное тело. Но если взять более выдержанные теории Шеффле, Л. Штейна, Оверберга, Бернштейна и др., то и здесь легко констатировать то же соскакивание со своих рельсов. Так, Л. Штейну для определения пролетариата приходится указывать не только на отсутствие богатства, но и образования. Далее ему пришлось различать общественные и экономические классы, а сообразно с этим дать перечень общественных классов, не вполне согласный с исходным принципом. У Оверберга чистота теории загрязнена уже тем, что признав в одном месте богатство единственной основой классового деления, в другом месте он вводит ряд добавочных условий, каковы раса и разделение труда. Еще более запутывает он свои взгляды при развитии взглядов относительно социальной функции классов. Здесь место богатых и бедных (буржуазии и пролетариата) занимает различие высших и низших классов. Далее, неожиданно в качестве среднего класса вырастает у него класс *интеллигенции*, т. е. социальная группа, выделенная уже совсем по новому принципу, а не по признаку богатства. Те же «соскакивания» со своих рельсов находим мы и у других теоретиков этого течения⁸².

Таков первый грех этой группы теорий, рассматривающих класс как элементарную группу.

Вторым, *более важным грехом* их является *симплицирование действительности*. Выше мы видели, что и расовая группировка, и профессиональная, и по объему прав, и по богатству, отдельно взятые, являются лишь *одной из многих* элементарных группировок, далеко не исчерпывающих все линии социального расслоения и далеко не всегда и не перманентно играющих первостепенную роль. В силу этого, выделяя только одну из многих группировок и называя ее классом, эти теории упрощают действительность и заставляют думать, что только выделяемое ими расслоение населения и существует. Больше того, многие из этих авто-

⁸⁰ Worms R. Op. cit, vol. III, p. 275.

⁸¹ Солнцев СИ. Цит. соч., с. 253-254.

⁸² Изложение теорий и в общем правильные критические] замечания см. у Солнцева (цит. соч., с. 286-334).

ров *expressis verbis* подчеркивают такую мысль. Нет надобности говорить, что такие «монистические» представления о линии социального расслоения ложны⁸³. Из этой-то монистической однобокости и вытекает их непоследовательность и самопротиворечие, констатированное выше: так как группировка людей в элементарные коллективные единства идет, как показано выше, не по одной, а по многим линиям, то «монистические» теоретики класса, встав на позицию однолинейного расслоения общества, под напором слишком очевидных фактов принуждены, вопреки своим определениям, соскакивать с рельсов, вводить контрабандой другие признаки и в итоге — противоречить себе и делать неясным все свое построение.

Третий грех этой группы теорий — ее поверхностность и недалёкозоркость. Он состоит в том, что *за пределами элементарных групп критикуемые теоретики не видят кумулятивных социальных тел, познание которых весьма важно для понимания строения «общества»*. Как в химии важно знание не только элементарных химических тел, но и их соединений, так и в социологии важно изучение не только элементарных, но и кумулятивных групп, в особенности групп типичных, нормальных и солидарных. Данные же авторы, помимо того, что из многих элементарных группировок, не сводимых одна на другую, видят только одну, совершенно не подозревают о существовании кумулятивных групп; они не только не решают этой проблемы, даже ее не ставят.

Сказанного достаточно, чтобы признать «алхимическими» все теории класса, пытающиеся рассматривать его как одно из элементарных коллективных единств.

Теперь перейдем к той группе теорий, которые конструируют класс как *кумулятивную группу*, т. е. под классом разумеют группу лиц, объединенных в одно целое не одним однородным признаком (напр[имер], единством расы, или профессии, или объемом прав и т. д.), но рядом признаков, скумулятировавшихся вместе и делающих эту группу (класс) сложным коллективным единством.

Прежде всего покажем, что и в этой группе теорий царит «хаос мнений». Беру для начала определение класса Шмоллера. Класс, по его мнению, это группа сходных индивидов и семей, объединенных в одно целое «не сродством или соседством, а общей профессией, трудовой деятельностью, владением, образованием, нередко политическими правами не в целях ведения общих хозяйственных дел, а в целях укрепления сознания своей общности для преследования общих интересов»⁸⁴. В другом месте он говорит, что основой образования классов служит «раса, образование профессий и распределение дохода»⁸⁵. По Шмоллеру, сле-

⁸³ См. прав [ильные] замечания: *Sensini G.* Op. cit., p. 570 и ел.

⁸⁴ *Schmoller G.* Grungriss der Volkswirtschaftslehre. 1901, Bd. I, S. 392.

⁸⁵ *Ibid.*, S. 395.

Глава III. Учение о кумулятивных социальных группах

6 5 3

довательно, класс есть солидарная кумулятивная группа, составленная из кумуляции элементарных группировок: профессиональной + по степени образования + по объему прав + по величине и характеру дохода (1-е определение); по второму определению класс представляет кумуляцию группировок: расовой + профессиональной + по величине и характеру дохода.

Один и тот же автор, как видим, на пространстве трех страниц дает два совершенно различных определения класса. В итоге — все понятие класса становится расплывчатым и неопределенным. «Социальная химия» получается довольно шаткая.

Беру второе определение класса, даваемое Бюхером. Его понятие «социально-профессиональных классов» очерчивает класс как кумулятивную группу, составленную из

кумуляции группировок: имущественной + (ее следствие) профессиональной⁸⁶. Мы получаем новую формулу химического состава класса.

Беру третье определение. Оно дается Декампом. По его мнению (а также и по мнению Д'Эта), классом является группа лиц, имеющих одинаковый «уровень жизни», характеризуемый величиной дохода, образованием, профессией и т. д. Класс, по Декампу, означает кумуляцию группировок: имущественной + профессиональной + образовательной⁸⁷. Еще новая формула.

Обратимся к «распределительным» (по терминологии Солнцева) теориям классов, ищущим основы класса в отношениях распределения. Вот теория Лория, устанавливающего два основных класса собственников и несобственников по принципу, обладает ли человек собственностью или нет. Казалось бы, вполне определенная и выдержанная теория. Но так как, строго проводя этот принцип, мы придем к довольно неожиданным выводам, мало отвечающим действительности (напр[имер], крестьянин, обладающий куском земли, «куда и курицу выпустить нельзя», окажется в одном классе с крупными землевладельцами и капиталистами, и следовательно, всегда должен был бы быть солидарным с ними, что представляет явную нелепость), то Лория сразу же вынужден выделять два «средних» класса: мелких собственников и независимых ремесленников. Это значит, в основу классового деления вводится уже новый принцип, а именно: *величина собственности и дохода*, т. е. величина богатства. В дальнейшем, разделяя класс на подгруппы, он вводит ряд новых признаков. Но и сказанного достаточно, чтобы признать, что класс, по Лория, это кумулятивная группа, составленная из кумуляции группировок: качественно + количественно доходной. Все лица, получающие одинаковый по величине доход плюскаче-

⁸⁶ Бюхер К. Возникновение нар[одного] хозяйства], т. II, с. 101-107 и ел.

⁸⁷ См.: Солнцев СИ. Цит. соч., с. 273, 266-286.

654

Система социологии. Том II

ственно однородный (напр[имер], земельную ренту или процент на капитал), составят один класс.

III. Жид, исходящий из тех же основ, дает уже не четыре, а пять или шесть классов.

По Чернову, класс в социологическом смысле — это группа лиц, объединенных не одним, а совокупностью признаков: объективно-материальных по источнику дохода (земельная рента, прибыль и заработная плата), политико-правовых (организованность) и психологически-субъективных (классовое сознание⁸⁸). Таким образом, здесь класс конструируется как кумулятивная группа, составленная из довольно странных группировок: по величине дохода + по его качеству + по степени организованности + по наличности классового самосознания.

По Туган-Барановскому класс характеризуется одинаковыми отношениями присвоения + общим антагонизмом + общим экономическим интересом. Исходя из этого он дает пятичленную классификацию классов⁸⁹.

Приведенный обзор кумулятивных теорий рисует нам весьма ярко «хаос мнений» и самопротиворечий у одних и тех же авторов. Дополним картину краткой характеристикой воззрений Маркса и марксистской школы, в концепции которых понятие «класса» играет громадную роль. Казалось бы, здесь мы должны были найти особенно отточенную и отделанную формулу класса. Но, увы, изучение соответствующих работ рисует нам весьма печальную картину.

Напрасно было бы искать точного понятия класса у Маркса и Энгельса. Они постоянно употребляют этот термин, но употребляют его в самых различных смыслах. В ряде мест они употребляют его в весьма широком смысле, обнимающем и сословие, и касту, и профессию, и цех и т. д. Так, в «Манифесте Коммунистической партии» мы читаем: «*Вся история общества была до сих пор историей борьбы классов*. В исторические эпохи, предшествующие нашей, мы находим почти повсюду полное расчленение общества на различные сословия, целую лестницу различных общественных положений.

В древнем Риме мы встречаем патрициев, всадников, плебеев и рабов. В средние века появляются сюзерены, вассалы, цеховые мастера, подмастерья и крепостные. *И в каждом из этих классов существуют еще особые подразделения.* Выросшее на развали-

⁸⁸ См.: Чернов В.М. Социалистические этюды. М., 1908, с. 287-358; *Его же.* Разделение общества на классы // Русское богатство. 1909, кн. 5. Выделяя здесь три основных класса, в своей брошюре «Крестьянин и рабочий как экономические категории» (Пг., 1917, с. 1-8 и ел.), он дает иное, двухчленное, деление, различая классы: а) трудового народа, живущего своим трудом и не эксплуатирующего других (крестьяне, рабочие и труд, интеллигенция) и б) класс эксплуататоров (капиталисты и землевладельцы).

⁸⁹ См.: Туган-Барановский М.И. Основы политической экономии, с. 503-522.

Глава III. Учение о кумулятивных социальных группах

655

нах феодализма, современное буржуазное общество не уничтожило различия классов. Оно только поставило новые классы на место старых» и т. д.⁹⁰

В других своих работах они понимают класс в узком смысле и отличают его от каст, сословий и профессий⁹¹. Рукопись III тома «Капитала», как известно, обрывается как раз на начатом анализе понятия класса. При таком неразборчивом и самопротиворечивом употреблении термином «класс» довольно трудно ждать точности и ясности. И действительно, их нет. Они отсутствуют в такой мере, что сами марксисты спорят даже о таких вопросах, как количество классов, выделявшихся Марксом и Энгельсом. Одни из них, как Каутский и Оверберг, думают, что Маркс различал три основных класса, другие, как Солнцев, полагают, что только два. Напрасный спор! Ибо при неразборчивом употреблении этого термина Маркс дает почву для того и другого мнения.

Но, быть может, несмотря на такое «вольное» оперирование термином «класс», все же у Маркса есть точное, законченное и стройное понятие класса? «Чтобы правильно определить взгляды Маркса, необходимо не считаться строго с Марксовой терминологией», — уверяет нас С.И. Солнцев, и тогда мы получим «наиболее полное и богатое по своим идеям учение об общественных классах, построенное на производственной основе»⁹². Увы, читая Солнцева, мы не можем согласиться с этим. Что дает нам в этом отношении Маркс? По словам самого же Солнцева, примыкающего к взглядам Маркса, ни больше, ни меньше, как следующие самые общие и неясные положения: 1) основой класса служат производственные отношения, 2) из них вытекает классовый антагонизм, 3) классовая борьба, 4) отношения господства и подчинения⁹³. Этого мало, слишком мало для точного понятия класса. Комбинируя эти признаки, мы никак не можем узнать, какая же группа людей может называться классом. Не можем узнать потому, что, во-первых, само понятие «производственных отношений» — совершенно неопределенное и неясное, во-вторых, неясно поэтому и понятие класса; не помогает его уяснению и классовая борьба, ибо антагонизмов и борьбы, как мы видели, много: есть антагонизм государства с государством, религиозной группы с другой, профессии с профессией, богачей с бедняками, партии с партией, и т. д. Который же из этих антагонизмов будет классовым? Если бы понятие класса было определено точно, то, может

⁹⁰ Манифест Коммунистической партии. Одесса: изд. «Буревестник», 1905, с. 11, 18.

⁹¹ См., например: Маркс К. Капитал. СПб., 1896, т. III, с. 734; Маркс К. Нищета философии (русский перевод). 1886, с. 147 и др. См. подробный анализ марксо-энгельсовского понятия класса у Делевского (Социальные антагонизмы, 83 и ел.).

⁹² Солнцев С.И. Цит. соч., с. 376 и 374.

⁹³ Там же, с. 379, 389.

656

Система социологии. Том II

быть, и можно было бы выделить специфический классовый антагонизм. Этого нет. Ссылка на туманную кляксу «производственных отношений» ничему не помогает. Собственная терминология Маркса, называвшего классовой борьбой и борьбу каст и

сословий, и профессий и т. д., совершенно запутывает дело. Указание же на отношения господства и подчинения эту запутанность доводят до предела. В истории мы наблюдаем господство одной государственной группы над другой, одной церкви над другими, одной касты над остальными, одних профессий над другими и т. д.; суть ли все это «классовое господство и подчинение»? Если да, тогда не приходится ли говорить об английских и китайских, православных и штундистских, мужских и женских, браминских и шудровских, министерских и врачебных и т. д. «производственных» классах? Не становится ли тогда «класс» синонимом всякой группы? Если же все эти «господства и подчинения» не суть «классовое господство и подчинение», то каков же специфический признак последнего? Если выбросить все эти «элементарные» антагонизмы, господства и подчинения, то не останется ли от классовых антагонизмов и классового господства пустое место? Я думаю, да, и подтверждением мне служит тот факт, что ни Маркс и Энгельс, ни марксисты, ни сам Солнцев ответа на эти вопросы не дали и не дают. Вот почему при всем желании я не могу согласиться с тем, что у Маркса и марксистов есть ясное понятие класса⁹⁴.

Лишней порукой в правильности этого положения служит понятие класса самого автора работы об «Общественных классах». У него нет сколько-нибудь точного понятия класса. Все, что мы находим в его ценной монографии, сводится к следующему: 1. Класс — это категория экономическая. 2. Он вырастает на основе социально-производственных отношений. 3. Отличается от сословия. 4. Классовое деление сводится к дифференциации двух слоев: «одного, вкладывающего в общественное производство свою рабочую силу и труд, другого — не работающих, но лишь распоряжающихся рабочей силой и продуктом производства»⁹⁵. Неужели же это отрывочное перечисление отдельных признаков может почитаться за формулу класса? Сколько здесь иксов! Первый икс — «категория экономическая». Термины «экономика» и «экономический» — термины совершенно неопределенные и понимаемые на тысячу ладов. Солнцев не дает, однако, никаких разъяснений этого слова. Второй икс — «производственные» отношения — фраза, однородного прочного смысла которой нет ни у Маркса, ни у политэкономов. Третий икс — отличие от сословия: в одном месте (стр. 22) Солнцев резко отличает класс от сословия, в другом месте (стр. 27) говорит: «в период простого товарно-

⁹⁴ Bentley вполне прав, говоря: He (Маркс) was unable with all his mental ability to work out a clear statement of what he meant by class²⁹ (Bentley A. The process of government, p. 465-468).

⁹⁵ Солнцев С.И. Цит. соч., с. 22-28.

Глава III. Учение о кумулятивных социальных группах

65 7

го производства классовая борьба. выступает в форме борьбы сословий». Столь же туманно отличие класса от профессий. Под четвертый признак подойдет и каста, и профессия, и сословие, и взаимоотношение социальных групп в любом обществе, вплоть до социалистического. Рабы «вкладывают в общественное производство свою рабочую силу и труд, а надсмотрщики распоряжаются рабочей силой и продуктом производства». Значит ли это, что есть «класс» рабов и класс надсмотрщиков? Крестьяне добывают своим трудом хлеб, а агенты компрода и реквизиционные отряды распоряжаются продуктом производства крестьян. Значит ли это, что есть класс крестьян и класс «компродно-реквизиционный»? Можно ли на том же основании выделять в особый класс директоров фабрик, управляющих заводами, правление акционерных компаний и т. д.?

Этих замечаний достаточно для оправдания моего «скептицизма». Последний еще более оправдывается, когда я обращаюсь к другим марксистским теоретикам класса, в частности к К. Каутскому.

Каутский считает признаками класса «общность источников дохода, вытекающую отсюда общность интересов и общую противоположность их интересам других классов»⁹⁶. В этой конструкции класс более широкое понятие, чем профессия, хотя профессия и составляет один из элементов класса. С этой точки зрения существуют три

основных класса: землевладельцев, капиталистов и наемных рабочих. Но легко понять, что на основании признаков Каутского число классов получается гораздо большее: не только интересы капиталистов противоречат интересам рабочих, но, как сам он признает, сплошь и рядом интересы промышленного капитала противоречат интересам денежного или торгового капитала и т. д. Чтобы избежать этого противоречия, Каутский вводит понятия промежуточных классов, подклассов и вторичных классовых подразделений, в итоге чего понятие класса теряет всякую определенность, исчезает всякая граница между классом и профессией⁹⁷: неизвестно, где кончаются «промежуточные и побочные классы и подклассы» и где начинается профессия⁹⁸. Еще яснее искусственность и неопределенность понятия класса, даваемого Каутским, выступает там, где он пытается конкретизировать свои положения и определить классовую природу пролетариата и крестьянства.

В своей работе «Agrarfrage» в главе: «Bauer und Proletarier» *Каутский*, пытаясь выделить класс пролетариата, указывает следующие четыре признака пролетариата как класса: 1) важную роль пролетариата в про-

⁹⁶ *Каутский К.* Очередные проблемы международного социализма. СПб., 1906, с. 13-14 и вся ст[атья] о «Классовых интересах».

⁹⁷ См.: *Каутский К.* Цит. соч., с. 14 и ел. То же возражение применимо и к конструкции *Туган-Барановского*. См.: Основы политической экономии, с. 503-522.

⁹⁸ Особенно резко эта неясность выступает в анализе Каутским классового положения «мелкой буржуазии» и интеллигенции. См.: *Каутский К.* Цит. соч., с. 15, 23 и др.

6 58

Система социологии. Том II

цессе производства, 2) пролетариат является неимущим только по отношению к средствам производства, 3) пролетариат является работником не на индивидуальных, а на общественных средствах производства, 4) пролетарий отделен от домашнего обихода своего патрона, вне работы он принадлежит только самому себе. *Чернов* вполне резонно критикует эту концепцию пролетариата и указывает — с одной стороны, ее неопределенность, с другой — ее «противоестественность». С точки зрения первого признака трудно отличить крестьянина от рабочего, ибо и первый играет важную роль в процессе производства. С точки зрения второго признака — этой границы также нельзя провести: если обладание домом для собственного пользования, по Каутскому, не превращает пролетария в буржуа, то почему обладание огородом или клочком земли для собственного пользования делает крестьянина «мелким буржуем», как утверждает тот же Каутский? Под третий признак подойдут не только пролетарии, но и все кооператоры, работающие на общественных средствах производства. Согласно четвертому признаку, из пролетариата исключаются: домашняя прислуга, сельскохозяйственные рабочие и т. д. «Но, изгнав из рядов пролетариата и прислугу, и рабочих художественной промышленности, и пролетария-интеллигента, и батраков и т. д., добился ли Каутский своей основной цели? — спрашивает *Чернов*. — Получил ли он в итоге массу вполне однородную с одинаковыми интересами и социальной психологией? — Нет». В класс пролетариата, согласно этим признакам, входят управляющий заводом, директор акционерной компании и фабрики и т. д. Но ясно, что эти группы весьма отличаются и по интересам, и по психологии от рабочих, что «это — заправские буржуи»...

Еще более неопределенно понятие крестьянского класса, даваемое Каутским. В итоге, как видим, попытка Каутского дать понятию класса монолитно точное содержание кончается крахом".

Недостатки теории Каутского были признаны и другими марксистами. Вот почему некоторые из них, в частности Бернштейн, выдвинули совершенно иной критерий для понятия класса. Таким критерием, по Бернштейну, служит степень имущественной обеспеченности, величина дохода разных групп населения¹⁰⁰.

Этот критерий ясный. Но он сводит понятие класса к элементарной группировке

богатых и бедных. Против него ничего нельзя было бы возразить, если бы Бернштейн был последователен. В этом случае можно говорить о классах богачей и бедняков, но нельзя говорить о классах землевладельцев, капиталистов и пролетариев. Это первое. Во-вторых, к такой теории класса применимы все указанные возражения против теорий, конструирующих класс как элементарную группу.

⁹⁹ См.: *Kautsky K. Agrarfrage* (указанная) глава); *Чернов В.М.* Крестьянин и рабочий как эконом [ические] категории. Пг., 1917, с. 7-22 и *passim*.

¹⁰⁰ См.: *Бернштейн Э.* Классы и классовая борьба. 1906, с. 14 и *passim*.

Глава III. Учение о кумулятивных социальных группах

6 5 9

В итоге мы видим, что и у марксистов напрасно было бы искать точного понятия класса¹⁰¹. А сообразно с этим мы не обладаем точными признаками ни класса буржуазии, ни класса пролетариата.

Мы пробежали ряд кумулятивных теорий класса. Любителю разнообразия мнений изучение их доставит большое удовольствие. Искатели неясных, туманных и самопротиворечивых теорий точно так же найдут здесь достаточно материала.

Было бы скучно и бесполезно останавливаться на критике каждой из очерченных конструкций. В пределах общей системы социологии эта задача излишня. В связи с развиваемой теорией социальной группировки вполне достаточно общих замечаний, указывающих суть дела. Эти замечания сводятся к следующему.

Основной грех всех этих теорий заключается в *неразличении элементарных и кумулятивных группировок*. Если конструировать класс как элементарную группу, тогда, согласно сказанному выше, термин класса будет прикреплен лишь к одной из многих элементарных группировок. Тогда, далее, нельзя рассматривать какую бы то ни было из них как группу типичную для нашего времени, придется расстаться и с обычными делениями классов. Человек, признающий классом расовую группу, может говорить лишь о «белых», «черных» и «желтых» классах, а не о богатых, бедных, пролетарских или буржуазных. Теоретик, отождествляющий класс с профессией, обязан будет говорить о классах врачей, инженеров, агрономов, учителей, землевладельцев и т. д. Классов будет столько, сколько профессий или основных видов последних. Сторонник класса как имущественной или объемно-правовой группы, должен будет говорить о классах богачей и бедняков, привилегированных и обделенных, а не о буржуазии или пролетариате. Такие конструкции возможны; но они не

¹⁰¹ Если у ученых теоретиков марксизма мы находим неясность мнений по этому вопросу, то что же говорить про рядовых, русских марксистов-коммунистов. Следя за их речами и статьями, приходится констатировать полный сумбур мнений по вопросу о классе и об отличительных признаках буржуазии и пролетариата. Рабочих вообще они считают пролетариями, но в ряде случаев рабочие Обуховского, Путиловского и др. заводов, не угодившие власти, превращались в «шкурников», в «буржуев», в «кулаков» и «белогвардейцев». Крестьяне — вообще считаются «мелкими буржуями», но в ряде случаев они неожиданно возводятся в звание «честных пролетариев».

Вот пример, взятый из «Правды». «Беспартийные красноармейцы Петроградского гарнизона состоят из рабочей молодежи и из *середняков-крестьян*. Вся эта масса — *честные пролетарии*, только часто заблуждающиеся, не понимающие еще многого» (Петроградская Правда. 1919, № 162). Так пишется в «лейб-органе» партии. И таких «перлов» можно найти сколько угодно. Извольте после этого искать точных признаков «пролетариата» и «буржуазии». В качестве последней инстанции поневоле придется обратиться к какому-либо храброму комиссару, от компетентного мнения которого будет зависеть: «буржуй вы или пролетарий», отнесут вас к третьей, ко второй или к первой категории.

660

Система социологии. Том II

исчерпывают совершенно всех элементарных группировок населения, а учитывают

только одну из них. Однобокость — неизбежный результат такого подхода к делу. Игнорирование кумулятивных групп — второй итог такого понимания класса.

Таким образом, и по существу, и по методологическим требованиям такие теории класса приходится отвергнуть. Переходя к кумулятивным теориям классов, мы видели, что этот термин различными авторами, а иногда одним и тем же автором прилагается к кумулятивным группам самого различного состава. Как и при анализе национальности, мы убедились в том, что *одним и тем же именем «класса» покрываются самые разнородные по своему составу и строению группы*. Один называет классом кумуляцию группировок А, В, С, другой — В, D, E, F, третий — E, M, N, J, и т. д. Словом, социологический состав социального тела, называемого классом, каждым представителем социальной химии определяется по-своему, несходно с другими.

Такая научная анархия, очевидно, не может более продолжаться. С ней необходимо покончить. Однородные по своему составу группы необходимо называть одним термином, разнородные — разными. Выход рисуется сам собой: *надо или элиминировать из области науки такой испорченный термин, как «класс», или придать ему вполне определенное значение*. Оба выхода допустимы. Если встать на второй путь, то спрашивается, *какого же рода кумулятивная группа должна обозначаться этим термином*? Руководящими указаниями здесь являются следующие соображения: классом пытаются обозначить какую-то типичную для нашего времени сложную группу, это раз. Во-вторых, эта кумулятивная группа, по-видимому, играет громадную роль в общественных процессах. Если ошибочными приходится считать приведенные формулы классов, то социолог не может считать простой случайностью громадный шум, поднятый вокруг класса в теории и практике XIX и XX вв. «Нет дыму без огня». Этот шум не случаен. Он симптом или отражение каких-то объективных сдвигов, происшедших и происходящих в группировке населения за эти столетия. Теоретики, резко выдвинувшие на очередь проблему классов, правильно учуяли эти сдвиги, хотя, как мы видели, и не сумели вполне точно теоретически формулировать их.

Итак, перед нами задача: *отыскать кумулятивную группу, типичную для нашего времени, солидарную внутри, антагонизирующую с другими такими же кумулятивными группами и играющую колоссальную роль в общественных событиях XIX и XX веков*.

Не воспроизводя пути решения, дадим сразу ответ на этот вопрос. *Искомой группой является кумулятивная, нормальная, солидарная, полузакрытая, но с приближением к открытой, типичная для нашего времени группа, составленная из кумуляции трех основных группировок. 1) профессиональной, 2) имущественной и 3) объемно-правовой. Совокупность*

Глава III. Учение о кумулятивных социальных группах

661

лиц, сходных по профессии, по имущественному положению, по объему прав, а следовательно, имеющих тождественные профессионально + имущественно + социально-правовые интересы, составит класс. Именно, такой кумулятивной группой чаще всего является та группа, которая обозначается термином «пролетариат», или та, которая называется «буржуазией». Взаимоотношения таких именно кумулятивных групп играли и играют колоссальнейшую роль в социальных событиях XIX и XX вв.

Дадим теперь необходимые комментарии, разъясняющие определение.

Выше мы видели, какое громадное влияние оказывает на всю физическую и духовную природу людей, на все их поведение профессия, степень экономического положения и объем прав (см. выше). Если принадлежность к каждой из таких групп весьма сильно деформирует природу и поведение человека, то эта деформация будет бесконечно сильнее, когда сливается влияние всех этих трех группировок, когда они солидарно толкают человека в одном и том же направлении. Лица, объединенные всеми тремя связями, будут притягиваться друг к другу бесконечно сильнее. Группы, резко отличные друг от друга сразу по всем этим трем признакам, будут отталкиваться и антагонизировать гораздо интенсивнее, чем группы, отличные друг от друга только по

профессии, только по имуществу, или только по объему прав. Каждая из них внутри себя будет единым монолитом, с одними интересами, убеждениями, взглядами, образом жизни и поведением, вызываемыми сходством этих трех координат. Различные в этих отношениях группы становятся друг для друга существами разных планет. Отсюда следует «действенность» сходства по этим признакам и колоссальная сила их в скреплении сходных лиц и в отталкивании несходных. Если такие группы охватывают большое число лиц плюс становятся организованными (солидарность их членов, их интересов и поведения — неизбежное следствие сходства профессии + имущественного положения + объема прав), то легко понять колоссальную социальную силу таких групп¹⁰².

Такие профессионально + объемно-правовые + имущественные кумулятивные группы были даны и в прошлом. Но здесь они, подобно касте, или обрастали соединением других группировок (расовой, языковой, религиозной, государственной и т. д.), вследствие чего состав их был иной и потому в чистом виде в форме широких групп они не существовали, или они были более закрыты, подобно сословию или римскому *status libertatis* и *civitatis*^{30*}, огражденным юридическими барьерами, и потому отличались от класса как юридически не закрытой группы и фактически более открытой, чем первые; сами профессии таких кумулятивных групп были иные, чем теперь (напр[имер], профессиональные группы фабричных рабочих появились только в XVIII в.); или, наконец, в прошлом та-

См.: *Sensini G. Op. cit.*, p. 565 и ел.

662

Система социологии. Том II

кие группы в чистом виде не существовали в качестве многочисленных групп и потому не играли большой роли.

По этим признакам современный класс как нормальная, полузакрытая, не имеющая юридико-религиозных барьеров, солидарная группа, состоящая из кумуляции группировок: профессиональной + объемно-правовой + имущественной (достаточные, но и необходимые условия), отличается от своих «аналогов» в прошлом и типична для нашего времени.

Изучение строения населения и тех групп, которые под именем класса играют громадную роль в общественной жизни, вполне подтверждает сказанное.

Возьмем для примера ту группу, которая называется часто пролетариатом. Совершенно игнорируя обычное словоупотребление и анализируя соответственную группу в ее реальных проявлениях, мы видим, что она действительно представляет группу указанного состава. То же применимо и к другой кумулятивной группе — «капиталистов».

Проиллюстрирую сказанное на кратком анализе «химического состава» пролетариата. Сказанное о нем *mutatis mutandis* применимо и к другим классам.

Какими свойствами характеризуется группа, носящая название пролетариата? Прежде всего это группа лиц сходных *по профессии*. Ядро пролетариата составляется из лиц, занятых главным образом *физическим*¹⁰³ трудом на фабриках и заводах, продающих свою мускульную энергию и живущих заработной платой. Вокруг этого ядра оседают другие наемные рабочие (батраки, прислуга etc.), живущие также продажей мускульной энергии, но работающие вне фабрик и заводов. Дальше находится слой лиц «интеллигентных профессий», работающих на фабриках, заводах и вне их, но подобно первым группам продающих свой труд, живущих заработной платой, сходных частично и в этом отношении с первыми группами. Таков первый признак пролетариата как класса. И таковы те основные профессиональные группы, которые входят в его состав в качестве «ядра» и прилегающие к нему наслоения.

Во-вторых, пролетариат мыслится как группа *экономически бедная*, получающая малый доход по сравнению с другими классами. Конкрет-

¹⁰³ Признак физической работы (*travail manuel*) сам по себе играет, как показано выше, громадную роль. Ее представителей он приводит к переоценке значения мускульного труда и к недооценке значения умственного труда. Яркий пример этого — наша революция. Профессиональные функции рабочих представляют главным образом физический труд. Тогда как профессии классов иных, кроме крестьянского, являются гл. обр. работой психической (функции управления, регулирования, ведения тех или иных форм деятельности). Фаль-бек резонно подчеркивает важность этого пункта (см.: *Fahlbeck P. Les classes sociales*, p. 195 и ел.). Различие функций «интеллигентных пролетариев» от «мускульных» вызывает меньшее сцепление первых со вторыми.

Глава III. Учение о кумулятивных социальных группах

66 3

но эта бедность проявляется в том, что заработок «пролетариев» невелик, собственности большой цены ни на предметы потребления, ни на средства и орудия производства у них нет, как нет и капитала, дающего им возможность существовать на проценты. Лица хотя и близкие по профессии к такой группе, но получающие значительный доход (например], инженеры, директора и управляющие предприятиями и т. д.), лица богатые и обычным мнением, и самими теоретиками класса к группе пролетариата не относятся. И объективно, по своему поведению, образу жизни, по своим интересам, такие лица гораздо ближе стоят к «буржуазии», и чаще всего солидаризируются с ней, а не с «пролетариатом».

В-третьих, *de jure* в наше время «пролетарии», как и все граждане, объявлены «равными пред законом», Но *de facto* дело обстоит не так. Частью *de jure*, а главным образом *de facto по объему прав пролетарии принадлежат к группе «обделенных»*. *De jure* эта обделенность проявляется в таких явлениях, как связь тех или иных правомочий (напр[имер], избирательного права, права быть судьей, занимать разные должности и т. д.) с имущественным цензом. Не обладая надлежащей величиной дохода или имущества, пролетарии *de jure* оказывались автоматически обделенными в ряде прав. Фактически же, поскольку теперь деньги являются средством, покупающим и славу, и почет, и права, и почести, и все материальные блага, и образование и т. д., то пролетарии как бедная группа не имели и не имеют доступа ко многим духовным и материальным благам, доступным для богатых. Поэтому и фактический объем их прав (в сфере свободы, независимости, социального влияния, материальных благ, почета, власти и т. д.) был и остается гораздо более ограниченным, чем лиц иных профессий и богатых социальных групп.

Таковы три основные элементарные группировки, кумуляцией которых создан «класс» пролетариата.

Прекрасным подтверждением сказанного служат, помимо обычного прямого наблюдения, революционные гимны и песни «пролетариев». В «Интернационале» мы слышим слова: «Вставай проклятьем заклейменный весь мир *голодных и рабов*» (бедная и обделенная группа). Пролетариат рисуется здесь как социально-правовое «ничто», желающее стать всем и т. д. В русской Марсельезе поется: «*мы к голодному люду пойдем*». Противоположная «классовая» группа рисуется как «богачи», «кулаки», «деспоты», «властители», т. е. кумулятивная группа: богатых + привилегированных. В тех же песнях и гимнах постоянно фигурируют фабрики, заводы, мастерские, шахты и т. д. как символы профессии пролетариата. «Труд» фабричный и заводской становится символом той же однопрофессиональности. Даже во «дворцах рабочих», «дворцах труда», в «пролетарских статуях», в «пролетарской ли-

664

Система социологии. Том II

тературе и в искусстве» основными мотивами служат: бедность, обделенность и профессия¹⁰⁴.

Правильность выставленной формулы прекрасно доказывается и методом «от противного». *Отнимите от «класса» эти три признака: профессию, имущественный ранг и объем прав — и от классовой группы останется «пустое место»*. Отнимите от пролетариата его профессию, его бедность, его обделенность в объеме прав — и

пролетариата не будет¹⁰⁵. Больше того, достаточно отнять от него одно из этих свойств и пролетариат, как типичная для нашего времени социальная группа *sui generis*, исчезнет и трансформируется в социальную группу иного состава и иной физиономии. Человек, работающий на той же фабрике, продающий свой труд, но получающий большой доход, богатый (например] директор фабрики), и субъективно — по своему мироощущению, убеждениям, вкусам и интересам, и объективно — по своему поведению, и по мнению «подлинных пролетариев» — бедных рабочих, не был и не является пролетарием. Он чаще всего солидаризируется с «врагами» пролетариата. В лучшем случае — он «соглашатель» (в теперешней терминологии), чаще всего он «предатель» «пролетарских интересов», «лакей буржуазии», ее орудие и инструмент. Не входит в класс пролетариев и тот, кто по имущественному положению может стоять на одном уровне с «пролетариатом», но по объему прав является «привилегированным», а не обделенным. Захудалые дворяне, цепляющиеся за свое дворянское звание, дорожащие своим «потомственным дворянством», были и будут «дворянами», а не пролетариями. Только иногда они шли и могут идти рука об руку с «обделенной, черной костью», и то до известного пункта. За его пределами их дороги разойдутся и они окажутся «по разным сторонам баррикады».

Таковы три основные элементарные группировки, из кумуляции которых создается характерная для нашего времени группа, которая может быть обозначена *классом*. И в обычном обиходе термином класса чаще всего обозначается именно такое кумулятивное коллективное единство.

¹⁰⁴ Подробный анализ революционных гимнов и песен, содержания революционных воззваний, прокламаций, листовок, поэзии «пролеткульта» и др. произведений «пролетарской» науки и искусства, не говоря уже о характере «пролетарских» газет, с этой точки зрения мог бы составить благодарный и чрезвычайно интересный материал. С полной достоверностью можно утверждать, что доминирующей темой их являются три указанные мотива. Они составляют основной «уток», на котором выводятся остальные второстепенные узоры.

¹⁰⁵ Вот почему бывшие пролетарии при «диктатуре пролетариата» из бедных + обделенных + фабричных рабочих превращающиеся в богатых + привилегированных + правителей по профессии, деклассируются и перестают быть пролетариями. Это неизбежность. Такие диктаторы — «бывшие пролетарии»: между ними и остальными пролетариями неизбежно возникновение антагонизма. Так было и так есть.

Глава III. Учение о кумулятивных социальных группах

665

Продолжим комментирование. *Класс мы определили как «нормальную» группу*. Выше было указано, что группировка «богатых» легко кумулируется с группировкой «привилегированных», группировка «бедных» с «обделенными»¹⁰⁶. Так было почти всегда в истории. Эти группировки обладают взаимным «сродством», друг друга взаимно «притягивают». Богатые почти всегда были и остаются привилегированными, бедные — обделенными. То же можно сказать и о взаимном сцеплении группировок: «профессиональной» и «имущественной», профессиональной и «объемно-правовой». Одни профессии дают малый доход, другие — большой. Одни профессии — удел богатых, другие — удел бедных. А так как далее богатство и бедность, в свою очередь, связаны с привилегированностью и обделенностью, то, в итоге, профессия оказывается связанной с объемом прав. В результате всего мы получаем *нормальную* трехэлементную кумулятивную группу — класс, представляющую «химическое соединение» трех элементарных группировок, а не механическую смесь их.

Это значит, что кумуляция здесь весьма прочная, которую нелегко диссоциировать.

Эта прочность станет еще более ясной, если учесть, что класс представляет *солидарную внутри кумулятивную группу*. Это значит, что в общем и целом все скумулятивировавшиеся элементарные группировки толкают членов класса в одном и том же направлении. Такая группа не разывается на части антагонистическими группировками.

«Душа» членов класса едина, выдержана, ясна. Императивы поведения и мироощущения всех скумулировавшихся группировок слились у такого члена в одно слитное целое, обозначаемое «классовым сознанием», «классовой душой», «классовой психологией». И бедность, и обделенность толкают индивидов в одном и том же направлении и прежде всего в направлении борьбы с богато-привилегированными. Та и другая группировки дают сродные императивы поведения, сходный тон и однородное направление. Все сказанное выше о зависимости поведения человека и прочности социальной группы от характера кумуляции вполне применимо и здесь¹⁰⁷.

В итоге, такая нормальная, солидарная группа представляет некий монолит, прочный, единый, не подверженный легкому рассасыванию и разложению. В социальной жизни она выступает как единое целое; солидарно действует она даже и тогда, когда нет между отдельными ее частями нарочитой организованности. Эта солидарность поведения членов одного класса вытекает из тождества его строения, тождества условий, в которых находятся его члены. Отсюда, если угодно, объяснение стихийности классовых движений, их массового, эпидемического харак-

¹⁰⁶ См. выше § о «нормальной» кумуляции.

¹⁰⁷ См. подробнее выше § о солидарной] и антагонистической] кумуляции.

666

Система социологии. Том II

тера (напр[имер], волны забастовок и т. п.) даже тогда, когда прямая организация таких движений отсутствует. Больше того, в таких движениях до настоящего времени эта стихийность доминировала: не агитаторы, пропагандисты и организаторы устраивали массовые движения таких групп, а, напротив, сами они были пеной, выброшенной на гребни массового движения стихией. «Нарочито организуемые» и подготовляемые стачки и выступления очень редко удавались, несмотря на старания всех агитаторов и организаторов. И обратно, в странах, где прямой связи между частями одного класса не было, забастовки обычно протекали под знаком «стихийности». В определенные годы они вдруг вспыхивали в разных местах и широкой волной прокатывались от «финских хладных скал до пламенной Колхиды».

Наконец, класс есть группа *полуоткрытая*, но более близкая к открытым, чем к закрытым группам. Это значит, что принадлежность к нему теоретически зависит от воли индивида, что юридического и религиозного прикрепления к классу нет, что принадлежность к нему не наследственна: сын не обязан принадлежать к тому же классу, к которому принадлежал отец. Эта черта, помимо других отличий по составу, отделяет класс от касты, сословия и других совершенно закрытых или близких к ним социальных групп.

Будучи солидарным внутри, *класс, как и всякое коллективное единство, имеет своих антагонистов*. Таковыми могут быть как элементарные, так и кумулятивные группы. Когда интересы класса конфликтны с интересами и императивами поведения церкви, государства или национальности, классовая группа стихийно или организованно вступает в борьбу с ними. Рядом с такими гетерогенными классу образованиями класс антагонизирует с другим классом, составленным из кумуляции противоположных «половинок» тех же группировок. Так, класс, составленный из «бедных» + «обделенных» + представителей определенной профессии (напр[имер], наемных рабочих, выполняющих физическую работу), антагонизирует с классом, составленным из кумуляции: богатых + привилегированных + лиц определенных профессий (напр[имер], предпринимателей, банкиров и др.), лиц интеллектуальных и направляющих профессий. Иными словами, люди одноклассовые солидарно притягиваются друг к другу, люди разноклассовые антагонистически отталкиваются друг от друга.

Отсюда известный вывод: *антагонизм и борьба одних классов с другими классами, наполняющая своим шумом и грохотом последние века*.

В истории этих последних столетий мы видим антагонизм *класса с церковью* (факты борьбы пролетариата «за свободу совести, борьба с церковной догматикой», с

церковными привилегиями, с религией вообще, атеистическая тенденция классовой борьбы и т. д., принявшая у нас «красочные» формы «экспериментального доказательства церков-

Глава III. Учение о кумулятивных социальных группах

6 6 7

ного суеверия» путем вскрытия мощей, «кошунства», преследования служителей церкви, выставления икон из школ и т. д.). Рядом с ним дан антагонизм *класса с государством*. Его проявлением служит лозунг: «Пролетарии не имеют отечества» или девиз «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», провозглашающий не государственную, а классовую группировку людей. *Ibi bene, ubi patria*^{31*}, такова третья разновидность той же тенденции. Фактов борьбы класса, в частности класса пролетарского, с государством слишком много. Перечислять их нет надобности.

Интернационализм нашего времени в огромной своей части представляет не только борьбу класса с классом, но и борьбу класса с государственной группировкой. В течение тех же веков мы находим факты борьбы *класса с национальностью* и с др. элементарными и кумулятивными группами. Борьба же класса с классом — явление постоянное для этого периода истории. О ней слишком много говорят, чтобы была надобность останавливаться на ее проявлениях.

Таковы основные черты и состав кумулятивной группы, типичной для истории запада за последние столетия, которую можно назвать классом. Таковы основные элементарные группировки, образующие скелет класса.

Без наличности одной из них — класса нет. Но, с другой стороны, в конкретной исторической действительности этот скелет обычно обросшим определенными наслоениями, добавочными и производными свойствами. *К фундаментальным скумулятивировавшимся группировкам обычно присоединяется ряд других (не необходимых и без первых недостаточных) для образования класса. Сходство профессии, обеспеченности и прав влечет за собой обычно сходство образовательного уровня, вкусов, интересов, убеждений, симпатий, поведения и всего образа жизни одноклассовых лиц.*

Эти сходства придают типическую конкретность и наглядность социально-психической физиономии класса; делают его социальным типом. Так, напр[имер], атеистическая тенденция свойственна пролетариату и менее свойственна другим классам. Пролетарии — социалистичны и потому составляют главный контингент социалистических партий (почему последние часто и называются пролетарскими или рабочими партиями), крупные землевладельцы и предприниматели, напротив, антисоциалистичны. Пролетариат — революционен, последние — консервативны. Что же касается «образа мысли», внешнего быта и образа жизни каждого из классов, то все сказанное выше о деформирующем влиянии профессии, богатства (или бедности), привилегированности или обделенности на психику и поведение людей, все это в усиленной степени применимо здесь. Отсюда следует, что обычные в наше время фразы «о классовых партиях», о «классовой психике», классовых убеждениях, «классовых вкусах», «классовом искусстве» и т. д., не совсем беспочвенны.

6 6 8

Система социологии. Том II

Исключая мнений и формул, доводящих этот принцип до абсурда, в общем и целом можно говорить о классовых вкусах, интересах, убеждениях, о классовом мировоззрении и т. д. и т. д. В этом смысле с поправкой верен и афоризм Маркса: «Не сознание определяет бытие, но бытие (общественные условия) — сознание». Поправка состоит в том, что верно и обратное положение: «сознание определяет бытие». Это значит, что связь между бытием и сознанием не односторонняя, а двусторонняя, связь не зависимости, а взаимозависимости.

Теперь спрашивается, сколько же всего классов? Ответ на этот вопрос относителен. Можно выделять большое число классов, можно выделять всего два-три основных класса и затем делить их на подклассы, семейства, роды, виды и подвиды, подобно ботанической систематике, различающей классы, подклассы, отряды, семейства,

роды, виды, подвиды, вариации и т. д. Важно лишь, чтобы при подразделении классов учитывались признаки не одной группировки, а всех трех. С этой точки зрения вопрос о числе классов для различных стран и эпох может получить разные решения. Число классов будет колебаться. Для России последних десятилетий наиболее целесообразным было бы различие четырех основных классов, а именно: 1) *класса трудовых крестьян* (профессия — обработка земли физическим трудом, объем прав — обделенный, имущественное положение — относительно бедное), 2) *класса пролетариата* (профессия — наемные рабочие, работающие в торгово-промышленных предприятиях, существующие продажей своего физического труда, объем прав — обделенный, но иной, чем у крестьян, имущественное положение — бедное, но эта бедность и количественно и качественно отличны от крестьянской), 3) *класс землевладельцев* (профессия — помещики, живущие земельной рентой, выполняющие гл[авным] обр[азом] интеллект[уально]-правит[ельственные] функции, или праздные люди, объем прав — привилегированный, имущественное положение — богатые по сравнению с пролетариатом и крестьянством), 4) *класс капиталистов* (профессия — представители промышленного, торгового и финансового капитала, объем прав — привилегированный, но иной, чем у землевладельцев, имущественное положение — богатые).

На эти же классы распадается население большинства государств с развитым земледелием и промышленностью. Таковы, напр[имер], Германия, Венгрия, Скандинавия, Франция, С[еверо]-А[мериканские] [Соединенные] Штаты и др.

Из этого же перечня видно, что *не все классы стоят одинаково близко друг к другу*. Классы капиталистов и землевладельцев ближе друг к другу, чем к остальным двум; и обратно, расстояние между крестьянством и пролетариатом ближе, чем между ними и остальными классами. Этот факт дает основание объединить четыре класса в две группы: 1) *классов привилегированно + богатых + по профессии носителей интеллектуаль-*

Глава III. Учение о кумулятивных социальных группах

669

ного труда и 2) *классов обделенно + бедных + по профессии носителей физического труда*^m. Идя в обратном направлении, *каждый из четырех классов можно* Элитопять-таки в зависимости от причинно-связанных друг с другом признаков всех трех кумулирующихся группировок на подклассы, подклассы на семейства, семейства на роды, роды на виды, виды на подвиды и т. д. вплоть до весьма детальных подразделений, кончающихся группой лиц, совершенно тождественных по профессии, по объему прав и по имущественному положению. Если бы для какой-либо страны конкретно выполнить эту схему, то в результате мы получили бы очень интересную и ценную социологическую карту классового строения населения данной страны. Наглядный рисунок его мог бы быть изображен в виде «дерева», у своего же основания расходящегося на два ствола, из которых каждый в свою очередь делился бы на две основные ветви (применительно к России); каждая из них делилась бы в свою очередь на ряд разветвлений, эти делились бы в свою очередь и т. д. вплоть до предельных побегов, изображающих вполне тождественные во всех трех отношениях (по профессии, богатству, объему прав) группы.

Такой монографической работой мы здесь не можем заняться, поэтому ограничимся сказанным, совершенно определенно рисуя наше понимание, состав, природу, свойства и число классов.

Заключительные замечания

В предыдущем мы бегло проанализировали три сложные социальные группы. Этот анализ, думается, достаточен, чтобы признать правильным мое утверждение об «алхимическом» состоянии социальной науки в вопросах структурного анализа населения. Хаос мнений — бесспорен. Хождение теоретиков «вокруг да около» проблем очевидно. Вместе с тем этот анализ показывает, что путь, которым идем мы, открывает возможность более точного изучения вопросов строения «общества». Эту возможность я кратко проиллюстрировал на изучении состава цивилизованной группы, национальности и класса. Итогом анализа явились формулы национальности и класса.

Само собой разумеется, что этими сложными группами не исчерпываются все кумулятивные группы не только «всех времен и народов», но даже одного нашего времени. *Это только одни из многих кумулятивных групп.* Остановливаясь на них, я только преследовал «иллюстрационные» задачи. Для того же, чтобы дать полную таблицу всех кумулятивных групп всех времен и народов, для этого, как указано выше, необходимо исследовать (хотя бы столь же кратко) все нормальные и ненормальные, ти-

¹⁰⁸ В этом условном смысле правильно мнение *СИ. Солнцева*, защищающего двойное деление классов (*Солнцев СИ* Цит. соч., с. 1-33, 334-395 и passim).

670

Система социологии. Том II

пичные и нетипичные, антагонистические и солидаристические, открытые и закрытые кумулятивные группы: двойные, тройные, четверные и т. д. Только тогда, когда эта колоссальная задача будет выполнена, возможно составление такой таблицы. Выполнение ее — вне рамок данной работы.

Причем, для экономии сил и в применении к кумулятивным группам можно сделать упрощение, ограничив их изучение *основными, т. е. наиболее могущественными кумулятивными группами, как это сделано было выше с элементарными группами.* Критерии могущества кумулятивных групп те же, что и элементарных. Исследовав главнейшие из них, мы получим систему социальных координат кумулятивного характера, конкретно определяющих положение социальной точки — индивида — в социальном пространстве.

В пределах данной работы от выполнения такой задачи приходится отказаться (нет бумаги и места). Ограничимся установленными положениями. Они дают общее понятие кумулятивных групп, их основные формы, их значение и методы их изучения. Они показывают и тот путь, которым должна идти социальная наука в изучении проблем структуры населения.

Мы прошли длинную дорогу. Элементарные группы привели нас к кумулятивным; те и другие приводят теперь к населению как к сложному социальному агрегату. Сделав последнее отправным пунктом анализа, мы теперь снова приходим к нему, но обогащенные знанием анатомического строения социального тела, его тканей и органов. Остается теперь изучить его в целом. Выполнив это, мы довершим наше познание строения населения.

Перейдем к этому изучению.

Глава четвертая

НАСЕЛЕНИЕ КАК СЛОЖНЫЙ СОЦИАЛЬНЫЙ АГРЕГАТ

§ 1. Понятие

Очертив в предыдущем основные элементарные и кумулятивные группы, теперь перейдем к беглому очерку *сложных социальных агрегатов.* Под *сложным социальным агрегатом*, если припомнит читатель, мы условились понимать такую совокупность взаимодействующих лиц, которая распадается на два и большее число разнородных элементарных единств, или на два и большее число кумулятивных разнородных групп, или на те и другие. Всякая часть населения, взятая в своем конкретном виде, представляет такой сложный агрегат. Возьмем ли мы население всего земного шара или население определенной территории, в том и другом случае мы получим совокупность индивидов (исключая чрезвычайно малочисленные группы, в два, пять, десять человек), распадающихся на два и большее число элементарных или кумулятивных групп, или на тех и других. Любая заселенная территория похожа схематически на пункт скрещивания ряда кругов. Если каждый круг будет обозначать элементарную или кумулятивную группу, то любое совместно живущее население будет похоже на место, где скрещиваются и пересекаются эти круги. Упрощенную картину положения дела дает прилагаемая схема. В ней взят клочок населенного района. Каждая такая заселенная территория состоит из лиц (особенно в наше время), принадлежащих далеко не к одним профессиональным, имущественным, религиозным, государственным, партийным,

возрастным и другим элементарным группам. Эти социальные круги пересекаются, наслаиваются один на другой — кумулируются — и дают в итоге кумулятивные группы, друг с другом не совпадающие и друг друга не покрывающие. Все же население дает картину ряда элементарных и кумулятивных групп, т. е. сложный социальный

672

Система социологии. Том II

агрегат. Каждый из отрезков круга АВ, CD, MN, EF, PS представляет часть

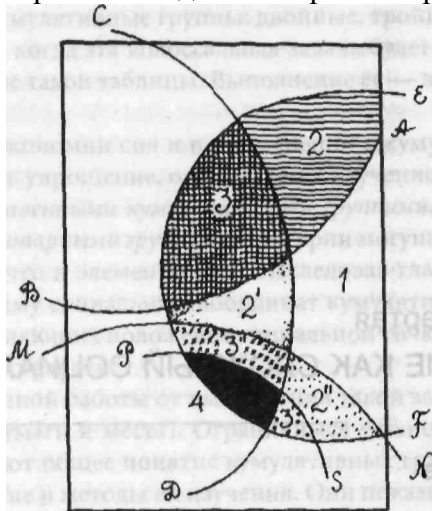

Рис. 1

элементарного коллективного единства. АВ и EF, пересекаясь в отрезке, обозначенном 2, дадут двойную кумулятивную группу, то же дадут круги CD и EF (обозначено 2'). Индивиды, оказавшиеся в таких отрезках, будут членами двойных кумулятивных групп. Отрезки АВ, CD и EF, пересекаясь в части, обозначенной 3, дадут тройную кумулятивную группу, другую тройную группу дадут в части, обозначенной 3' 3 " круги PS, MN и EF. Круги PS, CD, MN и EF, пересекаясь и наслаиваясь друг на друга, в части, обозначенной 4, дадут четверную кумулятивную группу и т. д. Вся же территория четырехугольника в итоге да», сложный социальный агрегат, распадающийся на ряд кумулятивных и элементарных коллективов.

В настоящее время (то же можно сказать и о прошлом) *трудно найти заселенную территорию самого небольшого размера, вплоть до территории деревни, а в городах — улицы и даже большого дома, заселенного рядом семейств, население которых по своему строению не представляло бы сложного социального агрегата.*

Конечно, *степень сложности такого агрегата не везде и не всегда одинакова.* Население первобытных времен представляло собой сложный агрегат более простой, чем население европейских стран теперь, население деревни образует сложный агрегат опять-таки более простой, чем население городов и особенно столиц. Число элементарных группировок, на которые распадалась первобытная группа, было ничтожно: оно почти исчерпывалось половой, возрастной и объемно-правовой группировкой. Остальные группировки сливались.

Глава IV. Население как сложный социальный агрегат

673

Сообразно с этим число кумулятивных групп было небольшое; раз невелико было число элементарных группировок, то ограничена и возможность разнообразных и многочисленных комбинаций последних, из каковых и составляются кумулятивные коллективы.

Иную картину дает население современного города. Здесь элементарных группировок множество. Комбинаций их — богатство. Кумулироваться при такой «смеси народов, лиц, племен, наречий, состояний» они могут на сотни ладов. В итоге — все население распадается на десятки и сотни элементарных и кумулятивных единств, т. е. представляет весьма сложный, весьма дифференцированный социальный агрегат. Если взять население Петрограда, то какое несчетное множество элементарных и

кумулятивных групп оно дает: по государственной принадлежности тут есть русские, французы, немцы, англичане, американцы, китайцы, японцы, бразильцы, испанцы и т. д. По языковой группировке здесь живут бок о бок: якуты, зыряне, поляки, украинцы, англоговорящие, франкоговорящие, испанскоговорящие, киргизскоговорящие лица и т. д. По религиозной группировке тут имеются православные, католики, лютеране, буддисты, магометане, штундисты, раскольники, язычники и т. д. По партийной группировке: монархисты, анархисты, коммунисты, кадеты, прогрессисты, меньшевики, эсеры и т. п. Профессий — сотни. Кумулятивных групп, начиная с национальной и классовой и кончая различными двойными, тройными, четверными и т. д. кумулятивными группами, — множество. Легко понять, насколько сложен и дифференцирован такой социальный агрегат. Одно перечисление его элементарных и кумулятивных расслоений заняло бы десятки страниц.

Изменяясь в своей сложности, тем не менее, как ясно из сказанного, население любой территории представляет обычно не одну элементарную, не одну кумулятивную группу, а сложный социальный агрегат, имеющий различную степень усложнения в различных заселенных местах земного шара.

Теперь после пройденного пути *нет надобности настаивать на сложности социального расслоения населения*. Оно очевидно и бесспорно. Вот почему все теории, пытающиеся объяснять социальные события столкновением и взаимоотношениями каких-либо одних социальных групп, будут ли ими классы (марксизм) или национальности, будут ли ими одни из элементарных групп: церкви, государства, партии, профессии, расы и т. д., — *все подобные «монистические» теории явно и несомненно ошибочны*. Они однобоки. Они близоруки. Они поверхностны. Их представления о структуре населения («общества») соответствуют алхимическому периоду химии.

Доказывать этот тезис после всего вышесказанного нет надобности; вся развиваемая здесь теория служит сплошным его доказательством. Пора со всеми подобными «простыми» теориями расстаться. Для непри-

22 Система социологии

674

Система социологии. Том II

хотливого ума они — хороший пункт отдыха и оправдание своей лени. Но «факты — упорная вещь». Если подобные теории были шагом вперед по сравнению с представлениями «единого общества», в лоне которого терялись, как в сером тумане, все люди и все социальные расслоения, то по сравнению с действительностью они остановились на полдороге. Необходимо было сделать еще шаг вперед для сколько-нибудь правильного понимания строения населения, необходимо было продвинуть дальше изучение линий социальной дифференциации. Этот шаг вперед мы пытались сделать и в итоге получили куда более сложную картину общественного расслоения. Мы убедились во множестве линий элементарной группировки; далее мы увидели, что ими дело не исчерпывается и перешли к кумулятивным группам. Эти последние распались на ряд видов в зависимости от количества кумулирующихся группировок, в зависимости от их качества и в зависимости от способа кумуляции. В итоге мы получили понятие сложного социального агрегата, каковым является всякое население. Этот агрегат, как видели, распадается на множество расслоений и групп.

Таков конечный пункт нашего анализа.

§ 2. Систематика сложных социальных агрегатов

Необходимость систематики социальных агрегатов

Предыдущее, естественно, приводит нас к вопросу: раз всякое население, занимающее определенную территорию, представляет сложный социальный агрегат, то *нельзя ли выделить основные типы последнего? Нельзя ли, иными словами, дать классификацию основных видов социального агрегата?*

Этот вопрос в форме проблемы «классификации обществ» давно уже возник в социологии и в социальных науках. Ряд лиц давно его поставил и попытался решить.

Необходимость классификации сложных социальных агрегатов (или «обществ») диктовалась и диктуется рядом в высшей степени важных мотивов и целей. Одним из них является научная потребность в сводке и систематизации материала. Сырой, не обработанный материал малоценен. Он необозрим и мало полезен. Далее, выросла потребность покончить с анархическим орудованием рядом терминов, постоянно употребляемых, но не имеющих определенного, сколько-нибудь общепринятого и точного содержания. Термины: «тотемическое общество», «общество родовое», «территориально-племенная группа», «народ», «племя», «кастовое общество», «общество классовое», «сословное», «национальное» и т. д. постоянно употребляются. Но то, что мы видели в приме-

Глава IV. Население как сложный социальный агрегат

675

нии к народу, племени, классу и национальности, применимо и к остальным понятиям, обозначающим определенного типа «общества»: точного определения их мы до сих пор не имеем, а если и имеем, то оно спорно.

Такая неопределенность и неясность терминологии, естественно, загрязняет и все теории, построенные на них, и вносит сумбур во все отделы социальных наук.

Третье побуждение, требующее рациональной классификации сложных социальных агрегатов, состоит в желании покончить со спекулятивной и философской социологией. Отсутствие хорошо проанализированного конкретного материала и разработанной систематики «обществ» дает простор умозрительным построениям, не основанным на фактах и не могущих быть опровергнутыми путем последних за отсутствием классификации «обществ». «Главное благодеяние, которое я ожидаю от классификации народов в социологии, — правильно говорит Штейнмец, — будет состоять в решительном и полном разрыве с социологией умозрительной и философской, оперирующей одними голословными утверждениями. Социология литературная (*litteraire*) должна быть изгнана навеки, без возврата»¹. Тот же мотив указывает и Somlo², подчеркивая, что отсутствие систематики обществ ведет к росту спекулятивных построений за счет данных индукции.

Нужна систематика сложных социальных агрегатов и для целей открытия и установления социальных, в особенности, «исторических законов». При отсутствии ее социолог вынужден оперировать методом а la Летурно. Формулируя то или иное обобщение, теоретик вместо строгой индуктивной его проверки берет «для подтверждения» два-три примера, взятых из жизни «обществ», нередко совершенно разнородных, непохожих одно на другое, как небо на землю. Таков весь печальной памяти метод работы Летурно; тем же методом орудовали и продолжают орудовать множество исследователей. «Каждый социолог до недавнего времени являлся с двумя-тремя примерами и верил, если от них зависела судьба его обобщения, что положение им индуктивно доказано»³.

Нет надобности доказывать, что научная цена такой «индукции» равна нулю. Наличие систематики «обществ» кладет этому состоянию

¹ Steinmetz R. Classification des types sociaux et catalogue des peuples // *L'annee Sociol[ogique]*, vol. III, p. 55.

² См.: Somlo F. *Zur Grundung einer beschreibenden Soziologie*. Berlin und Leipzig, 1909, S. 9-Ю.

³ Somlo F. *Op. cit.*, p. 4. Не только методы а la Летурно, но и историко-сравнительный метод в той форме, в какой он применялся Постом, Бахофеном, Мак-Леннаном, Морганом, Самнер-Мэном и др., не без основания объявляется сейчас устарелым и далеким от точности. См.: Mazzarella G. *L'Etnologia giuridica e i fondamente dell'analisi stratigrafica* // *Rivista ital[iana] di socfiologia*. 1912, p. 560-582; *Его же*. *L'etnologia giuridica, i suoi metodi* // *Riv[ista] di scienza*, vol. VIII, fasc. 3.

соответствующим рубрикам, нельзя будет орудовать таким методом и выхватывать желаемые примеры из народов, стоящих на различных ступенях развития. С полной вероятностью можно думать, что в этом случае уменьшится и оптовое производство всевозможнейших «социологических и исторических законов», большинству коих научная цена грош⁴.

К тому же побуждают и *соображения научной экономии*. Сейчас собрано столько сырого материала, что исследователь, принужденный обратиться к нему для проверки своего положения, оказывается в положении пловца, очутившегося среди безбрежного моря, без маяка и границ. Использовать весь этот материал нет сил. Выбрать из него часть, не зная к какой группе обществ он относится, — также невозможно. В итоге дилемма: или затратить огромное количество сил для кое-какого овладения материалом, или удовольствоваться методом а la Летурно, методом «примеров». Хорошая классификация социальных агрегатов эту дилемму устраняет. Исследователь может прямо получить ту группу народов, которая ему нужна: в его распоряжении оказывается уже упорядоченный и систематизированный материал⁵. Мы получаем лист обществ и приобретаем обозрение типичных бывших и существующих обществ.

Такая классификация помогает открытию и установлению функциональных связей и закономерностей. Ввиду трудности производства настоящих социологических экспериментов она служит первичным суррогатом последних. Если та или иная связь между двумя рядами социальных явлений (напр[имер], пастушеством и определенной формой религиозных верований) оказывается данной у всех соответствующих народов, это служит значительным подтверждением правильности подлежащей гипотезы. Если такого подтверждения нет — это симптом ошибочности обобщения.

Отсюда вывод, что правильное решение проблемы классификации сложных социальных групп помогает проверке правильности или ошибочности той или иной социологической теории.

Помимо этих мотивов, заставлявших ставить и решать ее, и помимо перечисленных плюсов, вытекающих из правильного ее решения, есть и другие плюсы, на которых здесь я не буду останавливаться⁶.

⁴ Правильно говорит *Somlo*: «Heute kommt aber die Ansicht immer mehr zur Geltung, dass mit Beispielen, selbst wenn ihrer sehr viele geboten werden, nichts bewiesen ist. Heute wollen wir nichts herausgegriffene *Beispiele*, sondern in jeder speziellen Frage einen systematischen Überblick über das ganze grosse soziologische Erfahrungsgebiet haben; wir können eine Klassifikation der Gesellschaften nicht mehr entbehren, wir wollen wissen, von was für Kategorien der Gesellschaften die Rede ist»^{1*} (Ibid., S. 4).

⁵ См. о том же у *Steinmetz'a* (Op. cit., S. 57).

⁶ См. подробнее об этом у *Somlo* (Op. cit., гл[ава] Vorteile einer deskriptiven Soziologie, S. 12-20).

Глава IV. Население как сложный социальный агрегат

677

Сказанное объясняет, почему исследователи, стремящиеся к точности, уже давно поставили ее и почему в наше время эта проблема стала очередной проблемой социологии.

Подобно тому, как для ботаники и зоологии рациональная систематика растений и животных составляет необходимый отдел этих дисциплин, от наличия которого зависит решение ряда крупных проблем биологии⁷, так и для социологии систематика сложных социальных агрегатов или «социальных типов», по терминологии Штейнмеца («социальных видов», по терминологии Дюркгейма), составляет необходимый и неотложный вопрос дня, требующий решения.

«Так как данный социальный факт может быть назван нормальным или ненормальным лишь по отношению к определенному социальному виду, то из всего сказанного следует, что известная ветвь социологии должна быть посвящена составлению этих видов и их классификаций», — правильно говорит Дюркгейм и тут же указывает

мотивы такого выделения. «Это понятие о социальном виде имеет то огромное преимущество, что занимает среднее место между двумя крайними представлениями о коллективной жизни; я говорю о номинализме историков и о крайнем реализме философов. Для историков общества представляют собою равное их числу количество несравнимых гетерогенных индивидуальностей. У каждого народа своя физиономия, свое особое устройство, свое право, своя этика, своя экономическая организация, пригодные лишь для него; и всякая общность в этих отношениях почти невозможна. Для философа, наоборот, все эти отдельные группы, называемые племенами, городами, нациями, являются лишь случайными и временными комбинациями, не имеющими собственной реальности. Реально лишь человечество и из общих свойств человеческой природы вытекает вся социальная эволюция. Вследствие этого для первых история является лишь рядом связанных между собою, но не повторяющихся событий; для вторых эти же самые события являются лишь иллюстрацией общих законов, начертанных в природе человека... Следовательно, казалось бы, социальная реальность могла бы быть предметом или абстрактной и неясной философии, или предметом чисто описательных монографий... *Но можно избежать этой альтернативы, если признать, что между множеством исторических обществ и единственным, но идеальным понятием о человечестве существуют посредники — социальные виды.* Понятие о виде примиряет научное требование единства с разнообразием, данным в фактах, потому что свойства всегда сохраняются у всех составляющих его индивидов, а с другой стороны, виды отличаются один от другого»⁸. Признание социальных видов, таким образом, не позволяет со-

⁷ См. об этом: *Веттиштейн Р.* Руководство по систематике растений. М., 1903, т. I, с. 1-48; *Буш И.А.* Систематика растений. Пг., 1915 (введение и *passim*).

⁸ *Дюркгейм Э.* Метод социологии, с. 83-84.

и

678

Система социологии. Том II

циологу смотреть на человечество как на одного паскалевского человека и формулировать законы его развития, приложимые ко всем временам и народам, с другой — избавляет от чисто описательной работы историков, давая возможность исследовать явления, свойственные ряду социальных групп, относящихся к одному и тому же виду⁹.

Таковы основные мотивы, толкавшие и толкающие социологов к постановке и решению проблемы систематики сложных социальных коллективов.

Принципы систематики социальных групп

Но спрашивается, *какой или какие признаки следует положить в основу классификации «обществ»? По каким основным признакам следует их группировать? И каким условиям должен удовлетворять *principium divisionis*?*

Из четырех порядков классификации, указываемых *Durand'oM*, а именно: *по принципу общности или сходства, по принципу строения (composition) или коллективности, по принципу иерархии и по принципу генеалогии или эволюции*, — Штейнмец наиболее подходящим считает принцип *сходства*. И для нас этот принцип классификации кажется наиболее приемлемым.

Он же по существу лежит и в основе систематики растений; но здесь этот принцип в настоящее время обычно совпадает с принципом генетическим¹⁰. В социологии дело обстоит несколько иначе. Возможно, что со временем, когда систематика социальных агрегатов подвинется достаточно далеко, и здесь принцип сходства в общем совпадет с принципом филогенетической систематики¹¹. Но пока, при современном состоянии социологической систематики, приходится исходить из принципа сходства. «Для нашей специальной цели, которая состоит не столько в объяснении филиации обществ, сколько в том, чтобы способствовать

⁹ Там же, с. 84-85. Те же соображения приводит и Штейнмец: «Мы не впадем ни в ошибку Бентама, который видел только человечество и одну и ту же конституцию признавал благодетельной для всего человечества; ни в ошибку историков — слишком

артистичных и немного мистичных, видящих только индивидов и почти не осмеливающихся их сравнивать» (*Steinmetz R. Classification*, p. 69). Естественно, что и Штейнметц выступает сторонником не однолинейного (моно-филетического), а многолинейного (полифилетического) развития (*Ibid.*, p. 51).

¹⁰ «Попытка опираться в систематике на особенности *истории развития растений* характеризует третий период (систематики растений)», — говорит *Веттштейн*. «Построение системы растений на основании эволюционной теории составляет цель филогенетической систематики» (*Веттштейн Р. Руководство по систематике растений*. М., 1903, т. I, с. 1, 11. См. также: *Бух Н.А. Систематика растений*. Пг., 1915, с. 5-9).

¹¹ Полного совпадения их нет и в систематике растений. См. у Веттштейна о различии гомологичных и аналогичных органов (цит. соч., с. 21-25).

Глава IV. Население как сложный социальный агрегат

6 79

успеху социологических исследований вообще, заставляя нас знакомиться со всеми типами обществ и цивилизаций и позволяя нам всегда иметь в уме всех представителей каждого из них», наиболее подходит классификация по принципу сходства, «по совокупности существенных черт, указывающих главные сходства и различия сравниваемых типов», — правильно аргументирует Штейнметц¹². К этим соображениям можно добавить следующие. Приходится исходить из принципа сходства потому, что сама филогенетическая систематика может развиваться лишь тогда, когда достаточно высоко стоит систематика по принципу сходства. История ботанической систематики говорит за это. Она прошла через три стадии. «За первым, исключительно *описательным* периодом, следовал второй, в котором сознавалась потребность расположить фактический материал в удобообозреваемый порядок, но с чисто морфологической точки зрения»¹³. И лишь после того, когда этот период дал ряд ценных данных, возглавляемых работами Линнея, мог начаться третий филогенетический период. Но и в этот период в основе филогенетической систематики лежит тот же принцип сходства: «Самым важным методом естественной (филогенетической) систематики, — читаем мы у того же Веттштейна, — всегда был *сравнительно-морфологический*, который стремится выяснить сходство и различие растений из точного сопоставления их морфологического строения, и на основании полученных результатов вывести заключение об их *сродстве*». Следовательно, без классификации по сходству не может быть и самой филогенетической классификации.

Не приходится пока что принцип филогенезиса класть в основу социологической классификации и потому, что сходства двух социальных групп не всегда вызываются общим происхождением, и обратно, две группы, имеющие «общее происхождение», (напр[имер], две колонии эмигрантов из общей метрополии), под влиянием различных условий, могут с течением времени весьма резко отличаться друг от друга.

Наконец, в социологии только в метафорическом смысле можно говорить о «происхождении», «филиации», «филогенезисе» и т. п. одних групп от других.

Этих соображений достаточно, чтобы согласиться с тем, что *систематика социальных агрегатов может, исходить только из принципа сходства*.

Но какого сходства? У социальной группы черт и свойств много. Сходство каких же признаков должны мы исследовать и сравнивать? Трудно найти две социальные группы, абсолютно тождественные друг с другом. Значит, между их сравниваемыми признаками надо брать не все, а только некоторые, наиболее существенные. Какие же признаки наиболее существенны?

¹² *Steinmetz R. Op. cit.*, p. 78.

¹³ *Веттштейн Р. Цит. соч.*, с. 10.

¹⁴ Там же, с. 20.

Систематика естественных наук различает классификации «естественные» и «искусственные». Для филогенетической систематики «искусственной системой

называется такая, которая не основывается на изучении истинного родства организмов, *не опирается на целый ряд признаков*, добытых таким изучением, а пользуется одним или немногими наглядными признаками для построения своих групп. В эти группы, понятно, попадают организмы, ничего общего между собой не имеющие, кроме того случайного признака, который положен в основу классификации». Такова искусственная систематика растений Линнея, положившего в основу своей системы число и способы срастания тычинок¹⁵. «Естественная» классификация растений основывается, напротив, на принципе сродства, устанавливаемого главным образом по сходству постоянных «организационных признаков»¹⁶. Сообразно с этим «естественная» социологическая классификация должна брать «в качестве сравниваемых признаков классификации такие, которые не произвольны и не случайны, наличие которых у сравниваемых групп означает **и** наличие наибольшего числа других общих свойств»¹⁷. Еще яснее ту же мысль выражает Somlo. «Хорошая классификация не должна быть произвольной, т. е. чисто внешним разделением вещей, но должна показывать, что в обществе, которое обладает избранным в качестве принципа классификации свойством, имеются в наличии и другие (связанные с ним) свойства». Важность и существенность признака решается тем, «находится ли с ним в связи большое число других сопутствующих признаков или нет; иными словами: дается ли наличием этого признака достаточная характеристика соответственной индивидуальности или нет». Если да, то признак избран удачно¹⁸.

Установив эти общие основы, теперь и спросим себя: *какие же конкретно из признаков социальных групп удовлетворяют этим условиям? Должен ли таким признаком быть только один признак или их должно быть несколько?*

Ответим сначала на второй вопрос, а затем уже перейдем к первому и пробежим бегло те признаки, которые выдвигались разными классификаторами социальных групп. Большинство социологических классификаций является классификациями «монистическими», исходящими из *одного* классификационного признака. Для специальной цели такой прием, быть может, **и** хорош. *Но он недостаточен для того, чтобы*

¹⁵ Буш Н.А. Цит. соч., с. 5.

¹⁶ Веитштейн Р. Цит. соч., с. 35.

¹⁷ Steinmetz R. Op. cit., p. 74.

¹⁸ Somlo F. Op. cit., 22, 30. То же говорит и Пушар: «Classer scientifiquement, c'est appliquer le principe de la subordination des caracteres. Rappelons que ce principe consiste a regarder les caracteres les plus constans comme ceux dont dependent les caracteres plus speciaux et plus variables»^{2*} (Richard G. Notions elementaires de Sociologie, p. 47).

Глава IV. Население как сложный социальный агрегат

6 8 1

охватить всю индивидуальность классифицируемых агрегатов. Как сейчас увидим, трудно выбрать один такой признак, наличие или отсутствие которого давало бы представление обо всех существенных чертах систематизируемой группы. Вот почему при задаче полной характеристики классифицируемых типов *приходится комбинировать и учитывать ряд признаков.* Это следует и из того, что систематика конкретных и несравненно более простых явлений, чем социальные группы, а именно, систематика животных и растений, и та не «монистична», а плюралистична, она учитывает не один какой-либо признак, а одновременно ряд признаков. Беру для примера краткую характеристику основных «типов» растений. «1-й тип. Мухорphyta. Одноклеточные или многоклеточные организмы. В вегетативной стадии развития клетки без оболочки. Авто-тропного питания нет. Нет ни у одного вида полового воспроизведения». «VII тип. Cormorphyta. Многоклеточные организмы. Клеточки одеты всегда оболочкою, состоящею из двух раковинovidных половинок. Автотрофия. В ассимилирующих клеточках хлорофилл. Помимо вегетативного размножения постоянно половое воспроизведение. Приспособления к развитию половых органов вне воды. Закономерное расчленение на корень, стебель и лист»¹⁹. Как видим отсюда, даже самое крупное подразделение

растительного царства, разделение на типы, и то производится не на основе одного признака, а ряда признаков: 1) количества клеток, 2) формы клеток, 3) способов питания (автотропизм и гетеротропность), 4) наличности или отсутствия хлорофилла, 5) способов воспроизведения, 6) морфологического строения.

Если же взять не общую суммарную характеристику растительных типов, а главы, посвященные прямому описанию той или иной группы растений: типов, отделов, классов, порядков, семейств, родов и видов, то здесь каждое подразделение характеризуется с помощью целого ряда признаков²⁰.

То же самое видим мы и в систематике животных. Вот почему и Штейнмец и Зомло правы, настаивая на необходимости ряда признаков, а не одного²¹.

¹⁹ Веттштейн Р. Цит. соч., с. 48-50.

²⁰ См. специальною часть в курсах по систематике растений Веттштейна, Буша, Кузнецова и др.

²¹ См.: Steinmetz R. Op. cit., p. 105-107. «Нельзя ограничиваться одним признаком, нужно расширить рамки», — говорит он, критикуя монистические классификации. То же самое весьма резко подчеркивает и Somlo. Es ist ferner nicht ohne weiteres einzusehen, warum für eine Klassifikation der Gesellschaften von Anfang bis zu Ende durchwegs dasselbe Klassifikationsprinzip verwendet werden muss, — говорит он, критикуя «монизм» Дюркгейма. — Bei der Klassifikation der Organismen sehen wir nichts Ähnliches... All bisherigen Vorschläge (в социологии) tragen in ihrer Symmetrie eine Einfachheit zur Schau, die viel eher ein logisches Bedürfnis als die tausendfaltige Wirklichkeit zum Vater zu haben scheint³¹ (Somlo A. Op. cit., S. 33-34).

682

Система социологии. Том II

Это имеет значение в особенности в начальные периоды систематики. Чем полнее здесь будут указаны признаки, но с оговоркой, чтобы они были точны и хотя косвенно связаны друг с другом, тем лучше. С этой оговоркой здесь без иронии применимо положение: кто много приносит, всегда что-нибудь да приносит²². Потом отбор важных и неважных признаков произойдет сам собой. Вот почему, в отличие от первых классификаторов, новейшие, наиболее авторитетные исследователи народов и групп стремятся описать и охватить их всесторонне. Доказательством этого служит характер социолого-этнографических вопросников. Они с течением времени становятся все более и более детальными²³.

Важно лишь, повторяем, чтобы классификационные признаки были определены и связаны друг с другом, чтобы множественность их не была «рассыпанной храминой» или бессистемным и случайным нагромождением отдельно выхваченных и случайно соединенных черт. При соблюдении этих условий «плюрализм» классификационных признаков необходим и целесообразен.

Ответив на этот вопрос, теперь спросим себя, какими же конкретно должны быть искомые признаки? Какие свойства следует брать в качестве существенных критериев классификации сложных социальных групп?

Сделаем беглый обзор соответственных классификационных попыток, делавшихся в области социологии и социальных наук.

Главнейшие социологические классификации сложных социальных агрегатов

Все соответственные теории можно разделить на ряд групп. В первую группу отходят классификации смутные и неопределенные, не имеющие научной ценности. Таковы, напр[имер], подразделения народов и групп на «дикие и цивилизованные», исторические и неисторические и т. п.

Здесь нет никакого определенного признака деления, и потому приходится пройти мимо таких теорий²⁴.

²² Somlo F. Op. cit., S. 36.

²³ См. для примера: Frazer J. Questions on the manners, customs, religions etc. of uncivilised and semicivilised peoples // Journal of the Anthropological Institute of Great Britain

and Irland. 1895, vol. XXIV; Questionnaire de sociologie et d'ethnographie Парижского Антропологического] общ[еств]а; Kohler J. Fragebogen zur Erforschung der Rechtsverhältnisse der sog[enannte] Naturvölker // Zeitschrift für vergl[eichend] Rechtswissenschaft. 1897, Bd. XII; Keller. Queries in Ethnographic, 1903; и особенно (лучший из вопросников) Ethnographische Fragensammlung zur Erforschung der sozialen Lebens der Völker ausserhalb des modernen europaisch-amerikanischen Kulturkreises (1906 г.), составленный группой исследователей (Steinmetz, Thurnwald, Staudinger, Mazzarella, Breysig, E. Meyer, Koblech др.) и содержащий 2512 вопросов.

²⁴ Сюда относится и теория П.Л. Лаврова, делившего народы на исторические и неисторические, в зависимости от того, появилась ли в их среде критичес-

Глава IV. Население как сложный социальный агрегат

6 8 3

Вторую группу теорий составляют классификации *искусственные*. Примером их могут служить теории Коста, Уорда и Фулье. Кост строит таблицу народов в зависимости от плотности населения и процентного отношения городского населения к остальному. Чем больше соответственные цифры, тем выше, по его мнению, народ и тем он могущественнее²⁵. Сообразно с этим он дает таблицу социальной прогрессивности и сравнительного могущества государств. Выше я указал на ее недостатки. Во-первых, страны одной культуры (напр[имер], Персия и Китай), по Косту, оказываются на весьма различных ступенях, и обратно. Такие страны, как Швеция, оказываются по развитию ниже Турции, Соединенные Штаты Америки оказываются менее могущественными, чем Россия, Германия и Франция²⁶. Этих данных достаточно, чтобы признать систематику Коста неудачной и чисто искусственной. Теория Фулье, различающая народы *по степени гармонии целого к части*, к индивиду, совершенно неопределенна и «философична». Ее место — в первой группе смутных и неясных теорий.

Уорд классифицирует социальные группы *по стадиям развития*, различая народы, находящиеся в 1) the solitary or autarchic stage (изолированная жизнь), 2) constrained aggregate or anarchic stage, 3) the national or politarchic stage, 4) the cosmopolitan or pantarchic stage^{4*} (интернациональный период).

Классификация неопределенна, во-первых; гипотетична: неизвестно, была ли когда стадия изолированной жизни; сейчас ее, наверное, нет, во-вторых; при всем желании провести границу между 3 и 4 группой, мы не можем, ибо Уорд не дает точного разграничения их: была ли Россия времен Ивана Грозного в 3-й или в 4-й группе? Если в третьей, то что нужно для бытия четвертой: только ли наличность интернациональных сношений или интернационально-государственное слияние современных государств в одно государство? Но тогда и 4-й стадии пока что не существует. Значит, остаются только стадии 2 и 3-я. Но и между ними нельзя провести точного разграничения: куда, напр[имер], отнести современную Россию, к 3-й или ко 2-й группе?²⁷

Помимо этого классификация исходит из одного признака. Она неудачна.

К третьей группе относятся классификации, исходящие *из характера и интенсивности экономической жизни*. Представителями ее могут

быть мысль и стала ли она фактором развития. Само понятие критической мысли неопределенно. Неопределенным и неудачным приходится признать и деление. Оно скорее лежит в области должного, чем сущего. См.: Лавров П.Л. Опыт истории мысли, т. I, passim.

²⁵ Coste A. Principes d'une sociologie objective. 1899, p. 160-175; *Его же*. L'experience des peuples. 1900, p. 591-610.

²⁶ Coste A. L'experience, p. 602.

²⁷ См. критику этих теорий у Штейнмеца (Op. cit., p. 82 и сл.).

684

Система социологии. Том II

служить классификации Листа, Гильдебрандта, Рошера, Бюхера, Гроссе, Hahn'a, а совсем в недавнее время классификация Hobhouse'a, Wheeler'a и Ginsberg'a. Лист признаком классификации берет *способы добывания средств существования* и сообразно

с этим делит общества на: 1) охот-нически-рыболовные, 2) пастушеские, 3) земледельческие (в соединении с мануфактурным (производством), промышленностью и торговлей) и 4) индустриальные. *Ошибки и недостатки его классификации*: 1) ложная предпосылка однолинейности и однотипности развития: многие народы (напр[имер], Перу и древние туземцы Америки) совсем не проходили пастушеского периода и от охотническо-рыболовного периода сразу перешли к земледелию; 2) однобокость и «монистичность» классификации и ее неудачные следствия: а) по Листу, земледельцы непременно должны быть выше охотников и рыболовов; между тем, факты показывают, что нередко охотничьи народы по политической организации, степени знания, по характеру религиозных верований и т. д. стоят выше низших земледельцев; б) народы, стоящие на одной стадии экономического развития, напр[имер], различные земледельческие или индустриальные народы, по другим своим признакам оказываются резко различными друг от друга. Посему, классификация, подобно искусственной классификации Линнея в ботанике, заставляет помещать в одну рубрику народы резко отличные друг от друга и имеющие мало общего между собой. Эти и ряд других возражений применимы почти ко всем классификациям этой группы²⁸.

Гильдебрандт делит народы по *системам хозяйства*, различая: 1) *Naturwirtschaft*, 2) *Geldwirtschaft* и 3) *Kreditwirtschaft*^{5*}. Ошибки, общие с теорией Листа, плюс — фактические недочеты: деньги есть и у первобытных народов, есть и в наше время; неужели же тех и других отнести в одну группу? Кредит характеризует не только современное народное хозяйство, но он существовал и в античном мире, и в средние века. Значит ли это, что все эти народы должны быть отнесены к одной группе? Если да, то не соединяем ли мы несоединимое и не разъединяем ли то, что весьма сходно друг с другом?²⁹

²⁸ Я здесь ограничиваюсь самыми общими положениями, излагающими сущность классификаций, и самыми беглыми критическими замечаниями. За подробным содержанием теорий отсылаю читателя к подлинникам, за более подробным изложением и критикой теорий данной группы к ст[атье] Штейн-меца, к курсам политической экономии, в частности, к «Основам политической экономии» М.И. Туган-Барановского. «В результате вся схема хозяйственного развития (Листа) оказывается несостоятельной», заключает о ней *Туган-Барановский* (Основы, с. 108).

²⁹ «Кредитное хозяйство не м[ожет] б[ыть] противопоставлено денежному, т[ак] к[ак] кредит основан на деньгах. Развитие кредита не устраняет потребности в деньгах. Кредитное хозяйство есть то же денежное хозяйство» (*Туган-Барановский М.И.* Основы, с. 108).

Глава IV. Население как сложный социальный агрегат

6 8 5

С соответственными изменениями те же возражения применимы к теориям Рошера и Бюхера³⁰. Бюхер, положивший в основу классификации признак *длины пути товара от производителя к потребителю*, принужден в одну рубрику «замкнутого хозяйства» помещать такие разнородные социальные агрегаты, как первобытные группы с полукommунистическим хозяйством и Грецию и Рим с хозяйством рабским³¹.

Grosse в основу систематики кладет: *формы семьи в соответствии с экономическими условиями группы*. Сообразно с этим народы он делит на пять групп: 1) низшие охотники и рыболовы, 2) охотники и рыболовы высшие, 3) помадные пастухи, 4) низшие земледельцы, 5) высшие земледельцы³². Не говоря о том, что классификация не обнимает чисто индустриальные общества и потому уже ошибочна, она неудачна и потому, что предполагает тесную связь между формами семьи и формами хозяйства. Такая связь далеко не всегда существует³³. Предыдущие замечания применимы и к нему, а равно и к *Hahn'u*, кладущему в основу деления *способ добывания пищи*³⁴.

Более новой попыткой в том же роде, но выполненной с колоссальным научным аппаратом, с фактической разгруппировкой множества народов по рубрикам классификации и с проверкой общих гипотез на систематически расположенных

социальных группах, — с проверкой, далекой от «метода примеров» и близкой к индуктивному методу сопутствующих изменений, — является попытка *Hobhouse*'я, *Wheeler* а и *Ginsberg* я³⁵.

В основе классификации их лежит «материальная культура не как первый фактор, а как диагностический признак». Можно утверждать, говорят авторы, что «material culture is a fair index of the general level of

³⁰ См.: *Roscher W.* Grundlagen der Nationalökonomie. 1880, S. 24-25; *Бюхер К.* Возникновение народ[ного] хозяйства. 1907, т. I, с. 75-135.

³¹ См. критику Бюхера у *Steinmetz'a* (Op. cit., p. 95 и ел.) и у *Туган-Баранов-ского* (Основы, с. 112 и ел.).

³² См.: *Grosse E.* Die Formen der Familie und die Formen der Wirtschaft. 1896, S. 29.

³³ См. об этом: *Ковалевский М.М.* Происхождение семьи и собственности. Здесь, возражая против аналогичной гипотезы Старкэ, М.М. Ковалевский указывает, что матриархат, напр[имер], существует у земледельческих и пастушеских народов; те и другие точно так же имеют институт патриархата (с. 30 и ел.). См. также: *Ковалевский М.М.* Социология, т. II, с. 50-90, гл. V, с. 122-123, 119 и др., где дана критика теории Гроссе.

³⁴ То же относится к девятичленной схеме Н.А. Рожкова. См.: *Рожков Н.А.* Русская история. 1919, с. 21-22.

³⁵ См.: *Hobhouse L, Wheeler G., Ginsberg M.* The Material and Social Institution of the Simpler Peoples: An Essay in Correlation // The Sociological Review. 1914, vol. VII, № 3 и 4. Эта статья является лишь частью общей работы авторов, судя по последним книжкам «Социологического» обозрения», в 1915 г. появившейся в виде двухтомной работы, с надлежащим каталогом народов. К сожалению, мне эту книгу достать не удалось: попытки выписать ее из Англии не увенчались успехом. Поэтому я принужден судить об этой попытке по части работы, напечатанной авторами в указанных номерах «Социологического» обозрения».

6 8 6

Система социологии. Том II

knowledge and... of mentality»^{6*}. Но какая именно часть материальной культуры? — *Способ добывания пищи с рядом добавочных признаков*, отмечают авторы. В этом пункте, следовательно, они приближаются ко взглядам *Hahn'a*, *Нибура* и др. Сообразно с этим признаком все простейшие народы они делят на следующие группы: 1) низшие охотники, 2) высшие охотники; далее родословное дерево разветвляется, так как одни народы от охотнического периода перешли прямо к пастушескому, а другие — прямо к земледельческому³⁶, то по одной ветви идут 3) земледельческие народы, делящиеся на три подвида, по другой — 4) пастушеские, делящиеся на два подвида.

Установив эти основы, авторы переходят далее к своей основной задаче, к решению вопроса: существует ли связь между экономической структурой социальной группы и ее социальной и политической организацией?³⁷ Решение ведется не дедуктивно, а путем фактической проверки. Все народы располагаются авторами в соответствующие классификационные отделы. Решив эту задачу, они переходят к наблюдению: одинаковы ли социальные и политические институты у групп, находящихся в одной классификационной рубрике, т. е. пользующихся одинаковыми способами получения пищи? 4-й номер «Социологического обозрения» дает решение вопроса в применении к институтам политической организации — власти (*gouvernement*), суда и судоустройства.

How people are governed at the various levels of economic culture which we distinguish, how is order maintained, and justice administered?^{8*} — такой вопрос ставят авторы. Систематическое изучение фактов дает положительный ответ: народы, стоящие на одном уровне экономической культуры, имеют одинаковую организацию управления и власти, одинаковые способы поддержания порядка и одинаково организованный институт суда и его форм.

Равным образом при восхождении от низших народов к высшим в эволюции этих

учреждений наблюдается соответственная историческая тенденция, опять-таки проявляющаяся у всех народов. Авторы иллюстрируют ее даже диаграммами³⁸. В своей книге: «An Essay of Correlation» (см. выше примечание 35) они, по-видимому, таким же образом прослеживают зависимость между экономической организацией и другими социальными и политическими институтами.

Эта попытка заслуживает внимания. В отличие от чисто «монистических» теорий авторы здесь берут не один только признак способа добывания пищи, но и ряд других вспомогательных признаков. На почве

³⁶ «The pastoral stage we regard as an alternative development from the hunting stage, not necessarily anterior or posterior to agriculture»^{7*} (Sociological) Review. 1914, №3, p. 228).

³⁷ *Hobhouse L., Wheeler G., Ginsberg M.* Op. cit. // Sociological] Review, № 3, p. 208-209, 218-219 и др.

³⁸ Sociological] Review, № 4, p. 332 и ел.

Глава IV. Население как сложный социальный агрегат

6 8 7

первого признака им удалось бы дать только основные указанные подразделения, весьма недостаточные для определения «физиономии» социальной группы; недостаточные потому, что различные земледельческие народы по иным признакам весьма резко отличаются друг от друга (напр[имер] Россия, Дания и землед[ельческая] Америка), как различны друг от друга и народы пастушеские (напр[имер], древние номады, киргизы, самоеды и лапландцы). Для отнесения той или иной группы к подвидам земледельческим или пастушеским авторам приходится обращаться к характеру орудий, совершенству техники, ergo — к высоте умственного развития и к другим признакам.

Признавая весьма вероятной связь между способами добывания пищи и другими социальными явлениями, мы не должны, однако, преувеличивать эту связь и считать ее всегда данной. Как я оговорился, мы пока не имеем под рукой составленного авторами «каталога народов» и потому не можем проследить и проконтролировать утверждение авторов. Но факты прямого наблюдения говорят за то, что в ряде случаев эта связь может быть очень отдаленной. Характер добывания пищи зависит от природных условий, в которых живет данная группа. Рыболовство (и охота) составляют главный способ добывания пищи и эскимосов, и алеутов, и русских поморов, и прибрежных норвежцев. Однако сходство в этом отношении ничуть не мешает им быть резко различными во всех других отношениях и быть далекими друг от друга, как небо от земли. Было бы изнасилованием фактов помещение в одну группу эскимосов и норвежцев только потому, что те и другие живут преимущественно рыболовством.

Это означает, что и здесь однолинейная классификация недостаточна. Недостаточна она и потому, что дает классификацию только так называемых примитивных социальных групп и совершенно обходит народы индустриальные.

Заключение обо всех этих «экономических» классификациях таково: несомненно есть и должна быть известная связь между теми или иными сторонами хозяйственной организации группы и другими свойствами, характеризующими ее индивидуальность. Но эта связь не всегда тесная. Она недостаточна для того, чтобы заранее сказать, что «раз у данного народа такая-то экономическая система, то у него неизбежно будет такая-то религия, такая-то организация власти, такое-то искусство, такое-то право и суд, такой-то уровень знания и т. д. Подобное заключение слишком смелое и далеко не всегда согласуется с фактами»³⁹.

³⁹ См. подробную критику «эконом [ических] теорий» у Steinmetz'a (Op. cit., p. 114-116); к этой же группе примыкает и классификация *Моргана*, данная в его «Примитивном обществе», перенятая и несколько видоизмененная *Энгельсом* в его «Происхождении семьи». Морган в основу своей классификации кладет систему родства и характер изобретений и открытий. Энгельс «экономизирует» его принципы.

6 8 8

Система социологии. Том II

К четвертой группе теорий относятся «смешанные» системы, исходящие из

комбинации нескольких признаков. Примерами их могут служить теория *Ле Пле и его школы*, теория *Сутерланда*, *Фиркандта* и отчасти *Конта*. К ней же может быть отнесена и теория *Вундта*. Основы теории Ле Пле мы изложили уже выше. Она делит прежде всего общества на: простые (самодостаточные) и усложненные (*complicques*). Простые общества, в свою очередь, делятся ею на виды в зависимости от географической среды, определяющей способы добывания пищи, а последние обуславливают собою тип семьи. Сообразно с этим дается теория 3-х основных типов семьи (патриархальной, индивидуалистической и *quasi-индивидуалистической*). Сложные общества, в свою очередь, имеют организацию, определяемую типом семьи. (Народы патриархально-коммунистической формации, народы индивидуалистической и *quasi-индивидуалистической* формации⁴⁰.) Как видно отсюда, здесь берется не один признак, а несколько; эти признаки взаимно связываются и в итоге дается стройная и довольно отчетливая система классификации обществ, синтезирующая признаки: географической среды, способа добывания средств существования, характера семьи, способа воспитания и форм социально-политической организации⁴¹. Эта теория обладает весьма ценными достоинствами, ставящими ее выше всех рассмотренных: она отчетлива, она учитывает зависимости, указываемые другими теориями, и вместе с тем она свободна от их однобокости. Жаль, что она не доведена до конца и не дала нам конкретного каталога народов. Однако и она недостаточна для полной характеристики народов. Народы одной и той же «формации» по теории данной школы далеко не одинаковы во всех своих существенных чертах. И Франция, и Германия, и Россия, и Италия и другие европейские народы, кроме скандинавов и англосаксов, принадлежат к одной и той же *quasi-индивидуалистической* формации. Но это не мешает им быть резко отличными и по религиозным верованиям, и по экономической организации, и по политическому устройству, и тем более — по умственному и нравственному уровню. И Китай, и Япония по типу семьи принадлежат к одной (патриархальной) формации. Но какая пропасть между мертвым Китаем и «империалистической», технически-выложенной Японией. Недостаточность очерчиваемой классификации будет еще яснее, если взять более мелкие подразделения социальных групп. Вот почему, признавая громадные достоинства этой схемы, все же приходится признать ее недостаточной.

⁴⁰ См. выше о семейной элементарной группировке. Там же см. и литературу — работы *Demolins'a*, *Pino*, *Vignes* и др.

⁴¹ Схема исследования, приложенная к *Science Sociale* (19 аппёе, 1-er Fascicule), указывает гораздо большее число признаков, исследование которых необходимо для определения «социального типа» народа. Так что ее плюрализм гораздо богаче. См. указанный выпуск *Science Sociale*.

Глава IV. Население как сложный социальный агрегат

6 8 9

Конт, как известно, клал в основу классификации народов *высоту умственного уровня социальной группы*, определяемую им по ее мировоззрению. Последнее *Конт* делил на три периода развития (а соответственно и на три типа): на период теологический, метафизический и позитивный⁴². Теперь нет надобности останавливаться на критике этих воззрений. Исторический закон *Конта* оказался мнимым. Мнимой и неудачной является и вся его теория. Столь же мало пригодна для систематики социальных агрегатов теория *Сен-Симона* об органических и критических периодах развития, реставрированная теперь *Вебером* в его мнимом законе двух состояний⁴³.

К этой же группе теорий примыкают классификации *Сутерланда*, *Фиркандта*, *Вундта* *Штейнмеца* (хотя *Штейнмец* и выделяет свою теорию в особую группу). *Сутерланд*⁴⁴ — плюралист. Он комбинирует прежде всего число членов группы, различая: 1) низших дикарей, общества которых состоят в среднем из 40 членов, средних — 150 членов, высших — 360 членов; 2) варваров, группы которых обнимают от 6500 до 442 000 членов; 3) цивилизованные народы, общества коих насчитывают от 4200 000 членов до 30 000 000 и больше. Этот количественный признак он соединяет с рядом других признаков,

объединяемых им в формуле «общего уровня умственного развития». Классификация неудачна. Во-первых, нет связи между численностью группы и другими сторонами ее организации. Есть малые группы и весьма культурные (например] скандинавы) и весьма примитивные, напр[имер], корейцы или ряд примитивных племен, и обратно, есть многочисленные политические группы, весьма резко отличающиеся друг от друга. Напр[имер], Соединенные Штаты Америки и Россия, Великобритания и Китай. Во-вторых, нельзя думать, что чем многочисленнее группа, тем ее умственный уровень выше, и обратно. Если бы дело обстояло так, то наиболее культурными странами должны были бы быть Китай и Россия, наименее культурными Дания, Швеция, Норвегия или Бельгия. В-третьих, не определен признак и «общего умственного уровня». Чем его измерять? Как быть в тех случаях, когда один народ развит в области земледелия, другой — в рыболовстве, третий — в выделке «персидских ковров»? Сутерланд не указывает объективного критерия интеллигентности. В итоге — схема и неудачна, и неясна.

Фиркандт⁴⁵, как показывает название его работы, делит социальные группы или народы на «народы природы» и на «народы культуры». Осно-

⁴² См.: Comte A. Cours de philosophie positive. Paris, 1908, vol. IV, p. 328-387.

⁴³ См.: Weber A. Le rythme du progres. Paris, 1913. Одна из глав этой книги переведена в «Нов[ых] идеях в социологии» (сб. №3).

⁴⁴ См. его «Происхождение и развитие морального инстинкта». СПб.: изд. Павленкова, 1900.

⁴⁵ См.: Vierkandt A. Naturvolker und Kulturvolker. 1896.

6 90

Система социологии. Том II

ва деления — психический характер тех и других. Kulturvolker характеризуются наличием у них свободы личности, свободы мысли и критики, и т. п. У Naturvolker^{9*} этих свойств не имеется. Между ними стоят «полукультурные народы», по психике похожие на первобытные народы, по экономическому укладу — на культурные⁴⁶. Далее Фиркандт дает конкретную характеристику каждой группы. И здесь та же неясность и неопределенность, что и у Сутерланда. Свобода личности, свобода мысли и т. д. — вещи условные. У ряда народов личность не свободна в одном отношении, зато свободна в других, и обратно. Как правильно указывает Парето, в древности не терпелась свобода религиозных верований, зато терпелась свобода пить вино и разврат. Теперь терпится свобода религии, но начинает преследоваться пьянство и «разврат» (преследование неомальтузианцев etc.)⁴⁷. В древности можно было ругать народ и обязаны были хвалить деспотов. Теперь наоборот. «Народ» стал «богоносцем», сувереном, демократия — идолом; деспоты — «извергами и палачами». Далее, в древности для одних была полная свобода (princeps legibus solutus est^{10*}), зато для других были громадные ограничения: теперь многое переместилось: несвободные коммунисты стали свободными властителями, а бывшие свободные властители — бесправными изгоями, поставленными «вне закона» и отданными в полную опеку коммунистам. По какому же из этих слоев мы будем судить о росте или падении свободы? На каком основании народы, не допускающие свободы религиозной критики, зато допускающие свободу пьянства, оргий, многоженства и т. д., мы будем объявлять примитивными, а народы, признающие свободу совести, зато не допускающие критики власти, собственности, форм правления, правящей династии (а таковы большинство «куль-

⁴⁶ Раньше Vierkandt'a та же классификация была дана П.Л. Лавровым, различавшим в зависимости от тех же признаков «народы, живущие исторической жизнью», и «неисторические». Выделен им был и тип полукультурных групп под названием «дикари современной культуры» и дана была весьма отчетливая характеристика последних. См.: Лавров П.Л. Опыт ист[ории] мысли, т. I, гл. 2-я; Цивилизация и дикие племена. СПб., 1904 и особенно «Собрание сочинений». 1916, вып. V, гл. II, с. 14-26 и гл. IV, с. 26-35.

⁴⁷ См. множество аналогичных фактов у Парето (Trattato, vol. II, p. 256-288. Здесь Pareto довольно убедительно показывает, что ограничения свободы личности были и

остаются: меняются только сферы и формы этого ограничения, по существу же всюду и всегда одни индивиды стремятся запрячь в свою мораль других. «Свободный мыслитель, во имя науки, налагает мораль и запреты мало отличные от морали и запретов израильского или христианского Бога. Многие другие факты доказывают, что предрассудки, предполагаемые исчезнувшими, трансформировались и живут под иной формой» (р. 234). Подчинение низших классов высшим пало, но заменилось подчинением вождям синдикатов, партий и профессиональных союзов и т. д., подчинение королю и папе заменялось подчинением «народу-Богу», т. е. демагогам, политикам и т. п. «Под новой формой мы имеем новый феодализм, воспроизводящий сущность старого» (р. 259).

Глава IV. Население как сложный социальный агрегат

691

турных» государств) и вообще «устоев общества», мы будем называть «культурными»?

Мало того. «Свобода мысли, слова и печати» и «свобода личности» в Советской России сейчас совершенно тождественны со «свободой» их в эпоху Магницкого⁴⁸. Значит ли это, что Советская Россия и Россия эпохи Магницкого тождественны и должны быть отнесены к одной группе?

Деление Vierkandt'a настолько обще и туманно, что в одну и ту же группу можно всунуть самые различные народы. Так, в группу *Naturvolker* можно отнести и примитивные группы ашантиев, австралийских негритосов, и Китай, и средневековые государства, и Древний Египет, и древнее Перу, и Турцию, и Спарту, и современную Советскую Россию. В группу «культурных» народов можно причислить и Рим последнего периода, и Англию; что общего между этими группами, кроме этих случайных сходств!

Нельзя признать вполне удачной и классификацию *Штейнмеца*. По собственному его признанию, в основе его системы лежит «рациональный и практический эклектизм». Он дает классификацию социальных групп: 1) *генетическую*,!) *систематическую*. В основу генетической классификации он кладет психологический признак, а именно: «интеллектуальный характер группы, определяемый по ее вершинам (*d'après les sommets*), а не низам, где всегда даны пережитки первичных фаз». Сообразно с этим у него получается четыре периода развития, а соответственно и четыре типа народов: 1) период *Urmenschen*, когда люди мыслили, как животные, не имели ни религии, ни идеи души, духов и т. д.; это — период доисторический и гипотетический; 2) период первобытной дикости. Интеллектуальный тип здесь низкий, наивный. Люди мыслят только ассоциациями. Отсюда — анимизм, фетишизм, культ предков и т. д.; 3) в третий период появляются систематизация и унифицирование идей. Расцветают мифология, поэмы, сказки и т. д. Но нет еще ни свободы

⁴⁸ См.: *Фойницкий И.Я.* Моменты истории законодательства печати // Сборник [и] государственных] знаний. СПб., 1875, т. II, С. 348-396. Характеристика «владельческого вотчинного попечительного периода» печати (средние века, период Генриха VIII в Англии, эпоха Галилея, Рабле и др. в Италии и Франции, у нас — эпоха Ивана Грозного и Петра), данная Фойницким, рисует картину совершенно тождественную с современной. И тогда, и теперь правительство ведает всем. Типографии — его собственность. Печатаение и издание книг — его дело. Правительство определяет: для чего нужно знание? какое знание нужно? какие книги можно печатать? Мысль и печать — монополия власти. Она надзирает и за религиозной, и политической, и научной мыслью. Писатели, ученые, поэты — чиновники государства. Критику заменяет донос. Оценку — решение комиссара печати. Высшим научным судьей является правительство. Словом — мысль и все ее произведения — государственная регалия. Деятельность современного комиссара печати тождественна с деятельностью Магницкого. Только позже появляются «вольные типографии» и частно-правовой взгляд на печать.

692

Система социологии. Том II

мысли, ни критики. Таковы Азия, Восток, Египет, Китай, страны ислама etc.; 4) с Возрождения начинается четвертый период. Его проявления — протестантизм, свобода

критики, методическое изучение природы, гуманитарная мораль и т. д.

В основу систематической классификации Штейнмец кладет принцип характера экономической жизни. Соответственно с этим он получает 10-членный ряд социальных групп: 1) мелкие собиратели семян и плодов (*petits collecteurs*), 2) охотники, 3) рыболовы, 4) номадные земледельцы, 5) настоящие низшие земледельцы, 6) земледельцы высшие, 7) номадные пастушеские группы, 8) группы, живущие в сложных условиях, 9) народы периода мануфактуры, 10) индустриальные народы⁴⁹.

Ни одну из этих классификаций нельзя признать удачной. Генетическая систематика обладает следующими недостатками: 1. Общий принцип деления неясен. Критерий «интеллектуального характера группы» слишком неопределен. 2. Нельзя классифицировать социальные группы по отдельным, наиболее развитым интеллектуально членам группы (по вершинам группы). Такой прием может вести к самым ошибочным представлениям об интеллектуальном уровне группы. Можно ли по Ломоносову заключать об интеллектуальном уровне России XVIII века? Можно ли по Бэкону или Леонардо да Винчи судить об умственном характере современной им Англии и Италии? Не получилась ли бы явная ошибка, если бы мы стали так поступать в каждом случае? Не прав ли Кост, резко критикующий такие приемы и настаивающий на том, что великие *intellectuels* — это случайные кометы, никоим образом не могущие быть мерилем интеллектуального уровня соответствующей группы? Число их, говорит он, всегда ограничено; наиболее великие *intellectuels* не принадлежат к наиболее развитым и могущественным народам (напр[имер], Христос, Будда); они рождаются в эпохи благоприятные и неблагоприятные для социального состояния (большинство псалмопевцев Иудеи родилось в эпоху анархии, в Греции большинство философов — Сократ, Платон, Аристотель, Эпикур, Зенон жили в эпоху распада государства; то же было в Риме — Цицерон, Лукреций, Вергилий, Гораций, и т. д.). Одна и та же раса, одна и та же эпоха и одно и то же социальное состояние дают рождение самым различным гениям. Наиболее высокие достижения великих людей почти не социализируются, не воспринимаются массами, потому их социальная роль ничтожна, потому же нет связи между уровнем *intellectuels* и умственным уровнем группы. Механика Декарта, монадология Лейбница, трансформизм Ламарка и т. п. были «созданием идеальным, а не социальным, более личным, чем коллективным», они массами своего времени не были восприняты и на ее умственный уровень не оказали влияния. Больше того, умственная эволюция группы вообще развивается анонимными многочисленными и мелки-

См.: *Steinmetz R.* Op. cit, p. 136-147.

Глава IV. Население как сложный социальный агрегат

6 93

ми изобретениями, а не великими открытиями гениев. Уничтожьте одну-две дюжины гениев — социальная жизнь группы от этого мало изменится и пойдет своим чередом⁵⁰. Если в тезисах Коста есть преувеличение, то тем не менее они правильно указывают отрицательные стороны метода Штейнмеца. 3. Неудачна его генеалогическая классификация и потому, что первая из указываемых им стадий совершенно гипотетична; остальные же столь неопределенны, что дают возможность в одну группу отнести самые различные народы и группы (куда, напр[имер], отнести Японию, по верованиям и морали близкую к третьей стадии, по технической культуре — передовую страну?).

Словом, все возражения, выставленные им самим против теории Сутерланда, применимы и к нему. Что касается его систематической классификации, то она представляет модифицированную классификацию экономистов. Возражения, вызываемые последней, *mutatis mutandis* применимы и к ней. К этой же группе теорий может быть отнесена и теория Вундта⁵¹.

Всю историю человечества он делит на четыре стадии: 1) *на фазу примитивного человека* (орда, нет политической организации и авторитета; религия сводится к страху перед мертвыми и т. п.); 2) *на фазу политическую* (начатки политической организации, деление на фратрии и матримониальные классы; тотемические верования etc.); 3) *на эпоху*

героев — Heldenzeitalter (период индивидуализма, утверждения прав личности, выделения вождей, героев, появления собственности, индивида, семьи, верований в богов, как в личности и т. п.); 4) на фазу человечества (период мирового государства — Weltreiche, мировой культуры, мировых религий, мировой истории).

Все возражения, применимые к Штейнмецу, применимы и здесь. 1. Все это деление в высокой степени условно и неопределенно. 2. Характеристика отдельных периодов (напр[имер], первого) полна фактическими ошибками. 3. В основе деления лежит неверная предпосылка прямолинейности и однотипности эволюции для различных групп и народов. Между тем «ничто не дает основания полагать, что различные типы народов развиваются в одинаковом смысле. Они идут различными путями. Развитие человечества должно быть изображаемо не в форме прямой линии, но как дерево с различными и многочисленными ветвями»⁵².

Пятую группу теорий составляют теории, кладущие в основу систематики человеческих групп не принцип эволюции, а принцип этног-

⁵⁰ См.: Coste A. Les principes d'une sociologie objective, p. 1-24; *Его же*. L'experience des peuples. 1900, p. 1-6.

⁵¹ См.: Wundt W. Elemente der Volkerpsychologie. 1912.

⁵² См. дельную рецензию Дюркгейма на данную работу Вундта, рецензию, не оставляющую камня на камне от всей теории Вундта (L'annee Sociologique, vol. XII, p. 50-51).

6 94

Система социологии. Том II

рафического родства. Сообразно с этим получают определенные зоны цивилизации и виды культуры; напр[имер], Фробениус различает культуры: греческую, океаническую, азиатского континента, Африки востока и запада и т. д.; нечто подобное дает и Ратцель⁵³, обуславливая характер зон цивилизации географическими условиями. Не чужда, как мы видели выше, эта мысль и Дюркгейму. Примыкает к ней и Л. Мечников, различая цивилизации: речные, морские и океанические.

После всего сказанного выше нет надобности подробно критиковать такие теории. Мы видели, что цивилизация и культура понятия неопределенные. Чтобы данные теории могли претендовать хоть на какую бы то ни было определенность, они должны были бы указать: какие же именно признаки культуры они берут для сравнения: язык ли? религию ли? право ли? или экономический уклад? или материальную культуру? или род занятий? или интеллектуальный уровень? А если несколько признаков сразу, то какие же именно?

На все наши законные вопросы ответа мы не имеем. Поэтому и вся теория становится «туманной кляксой». Понятно, что на почве таких неопределенных признаков немисливо дать какую бы то ни было систематику человеческих групп⁵⁴.

К очерченным теориям классификаций социальных групп мы могли бы для полноты прибавить ряд других; напр[имер], весьма ценное само по себе деление Спенсером всех обществ на общества военные и индустриальные⁵⁵, деление Дюркгеймом обществ на общества, связанные 1) механической и 2) органической солидарностью, близкое к этому деление социальных групп Richard'oM на: societe et communautе аналогичное теории Тенниса, различающего Gemeinschaft и Gesellschaft⁵⁶. Рядом с ними можно было бы упомянуть η + 1 теорий государствоведов, различающих типы обществ по форме правления (республики и их виды, монархии и их виды); η + 1 теорий историков и юристов, пытающихся выделить особые типы «родового» общества, общества «территориально-племенного», «государства-города», «государства-поместья», «государства сословного» и т. д.

Но в рассмотрении всех этих теорий нет надобности. Они или настолько общи (напр[имер], деления Спенсера, Дюркгейма, Тенниса), что никоим образом не могут представлять теорий классификации социальных групп; или касаются таких сторон, которые являются характер-

⁵³ Ратцель Ф. Народоведение, т. I и II.

⁵⁴ См. изложение и критику этой группы теорий у *Steinmetz'a* (Op. cit, p. 130, 136).

⁵⁵ См.: *Спенсер Г.* Основания социологии, т. I, § 258-268, т. II.

⁵⁶ См.: *Дюркгейм Э.* Разделение общественного труда; *Richard G.* La sociologie generale et les lois sociologique. Paris, 1912, p. 165 и passim; *Toennies F.* Gemeinschaft und Gesellschaft. 1887.

Глава IV. Население как сложный социальный агрегат

695

ными для той или иной детали, но не для всей физиономии социальной группы (напр[имер], различие форм правления и т. п.); или, наконец, подобно теориям юристов и историков, дают отдельные характеристики тех или иных типов политических групп, не приведенные в систему, напоминающие вырванные листы из неизвестной книги, часто поверхностные, отделяющиеся общими местами и потому далекие от теорий систематики социальных агрегатов. Ограничимся приведенной литературной справкой. Она дает нам довольно верное представление о научном состоянии проблемы систематики социальных групп.

Мы видим, что проблема находится в состоянии «im Werden»^{11*}. Она стоит на очереди. Решение ее требуется рядом насущных потребностей. Попыток много. И вместе с тем только некоторые из них сравнительно удачны. Едва ли не наиболее удачной является классификация школы Ле Пле; но и она, как мы видели, недостаточна и далеко не исчерпывает сути дела. Каждая из сравнительно удачных классификаций в лучшем случае дает сравнительную таблицу какой-либо одной или немногих сторон классифицируемых обществ.

Таков итог обзора.

Рядом с ним отметим и другую черту, это *отсутствие морфологических классификаций обществ, классификаций, которые пытались бы различать социальные группы по их строению*. В числе очерченных теорий мы не видели таких теорий и попыток.

Этот факт не может не бросаться в глаза и не может не казаться странным. Трудно вообразить себе систематику растений или животных, построенную не на морфологических и анатомических признаках растений и животных. По крайней мере, в настоящее время таких систематик нет. Даже «искусственные» классификации растений и животных, и те опирались, хотя бы частично, на эти признаки. Между тем приведенные социологические теории построены или на полном игнорировании строения социальных групп или же только на Частичном учете некоторых и то не важных признаков этого строения. В лучшем случае они похожи на «искусственную» систематику Линнея и др. представителей систематики этого периода.

Такое обстоятельство, конечно, не случайно. Оно результат многих причин; одной из главных среди них является *отсутствие «социальной статики» в учениях социологов*. О. Конт, разделив социологию на социальную статику как науку о структуре (порядке) общества и социальную динамику (прогрессе общества), сам ограничился почти исключительно изложением социальной динамики. Социальная статика у него оказалась совершенно неразвитой. То же явление наблюдалось и позже. Социология чуть не вся ушла в область изучения эволюции общества, открытия «эволюционных законов» и т. п. «Социальная статика» (в контовском, а не спенсеровском смысле) числилась в качестве отдела социологии, но

696

Система социологии. Том II

большинством социологов не наполнялась никаким систематическим содержанием. На ее месте было «пустое место» или, в лучшем случае, в этот отдел второпях включали два-три не связанных друг с другом вопроса и тем довольствовались. При таких условиях неизбежным было игнорирование проблем «морфологии и анатомии общества». Социологи даже не знали (кроме органицистов, баловавшихся забавными аналогиями), что собственно следует разумеать под строением общества, как подойти к морфологическому и анатомическому изучению социальной группы, как анатомировать или разлагать на

элементы сложные социальные тела и т. д.

О «социальной химии» большинство их не мечтало. *Отсюда неизбежное следствие: игнорирование «анатомо-морфологических» признаков при систематике социальных групп.*

Этот факт, в связи с неудачными результатами классификационных теорий, естественно, вызывает вопрос: *не следует ли сделать попытку классификации социальных групп на основе анатомо-морфологических признаков последних? Не будет ли более удачной систематика «обществ», исходящая из признаков их строения?*

Вопрос естественный и законный. Думается, что на него может быть *один ответ и ответ положительный. Если такая классификация и не будет всеобъемлющей и исключаящей все другие, то тем не менее она необходима и важна*; вопросы строения населения слишком важны во всех отношениях: и сами по себе и по тому влиянию, которое оказывает строение населения на все стороны его жизни и на ход исторических событий. Если необходимо и важно изучение социальных процессов (социальной механики), то не менее важно изучение строения «общества» (социальной анатомии и морфологии), «химического состава» отдельных социальных групп и систематики последних по этому составу.

К этому едва ли спорному выводу мы приходим, как к простому следствию всего предыдущего. Причина игнорирования «анатомо-морфологических» признаков для классификации социальных групп для нас отсутствует: плохо ли, хорошо ли, но в двух томах «Социальной аналитики» мы попытались дать систематическое, последовательное, внутренне связанное учение о строении населения. «Социальная статика» Конта у нас представляет не простую рубрику, а отдел, социологии, заполненный не случайным, а систематическим, логически вытекающим одно из другого содержанием.

Таковы психологические и логические основы того итога, который мы получили в результате обзора классификационных попыток. Они объясняют, почему мы обратили внимание на указанную «странность» этих теорий, почему поставили вопрос о возможности и необходимости «анатомо-морфологической» классификации социальных групп и поче-

Глава IV. Население как сложный социальный агрегат

69 7

му уверены, что такая классификация возможна и не менее важна, чем все указанные классификации.

Теперь после этих замечаний попытаемся набросать схему такой классификации.

Классификация сложных социальных агрегатов по их строению (по их анатомо-морфологическим признакам)

Прежде всего — пара справок. Первая из них состоит в указании на важность признаков строения или состава в классификациях неорганических и органических тел. Химия представляет науку, изучающую химический состав материального мира. Все предметы последнего она разлагает на элементарные химические тела и рассматривает как определенные соединения последних. В изучении их химического состава и заключается ее задача. Классифицировать их как-либо иначе, пытаться дать систематику материальных тел вне их состава она не пытается и не может. Этот факт достаточно ясно говорит о важности признака состава для классификации материальных тел.

То же мы видим в систематике растений и животных. «*Самым важным методом естественной систематики, — читаем мы у Веттштейна, — всегда был метод сравнительно-морфологический, который стремился выяснить сходство и различие растений из точного сопоставления их морфологического сложения, и на основании полученных результатов вывести заключение об их сродстве. При этом принимаются во внимание все части растения и не делается ограничение лишь органографическим сравнением, но производится и анатомическое*»⁵».

Из этой выписки мы видим всю важность морфолого-анатомических признаков для систематики растений. Без них систематика растений немыслима. То же можно

сказать и о систематике животных.

Это дедуктивно заставляет предполагать, что без признаков строения и состава не может быть удачной и систематика сложных социальных агрегатов. Допустим гипотетически это предположение.

Теперь перейдем ко второй справке. Только что было указано, что в ряду рассмотренных теорий классификации социальных групп отсутствует классификация по признакам строения группы, или по признакам морфологически-анатомическим. Это положение, однако, не совсем точно, и эту неточность постараемся сейчас исправить. Такие классификации имеются. Выше я намеренно не упомянул их. Представителями их являются классификации Г. Спенсера и Э. Дюркгейма. Обратимся к их рассмотрению. В X гл. «Оснований социологии» Г. Спенсер дает попытку морфологической систематики «общественных типов». «Существу-

⁵⁷ Веттштейн Р. Руководство] по систематике] растений, т. I, с. 20; см. с. 20-26.

69 8

Система социологии. Том II

ют два важных рода отличий, — читаем мы там, — которыми мы можем воспользоваться для сгруппирования обществ в естественную систему. Прежде всего мы можем расположить их *сообразно степеням их сложности в общества простые, сложные, вдвойне сложные, тройне сложные и т. с*.*⁵⁸ Вторым делением обществ является деление их на: хищнически-воинственные, всегда централизованные и в значительной мере коммунистические, и на промышленно-мирные общества, всегда индивидуалистические, свободные, децентрализованные. Это второе деление, само по себе очень ценное, не связано с первым делением Спенсера. Здесь оно для нас не интересно.

Из этой цитаты мы видим, что Спенсер за основу своей классификации берет морфологический признак, а именно: *сложность строения общества*. Отсюда, естественный вывод, что классификация обществ «должна начаться с обществ первого, т. е. *простейшего* порядка»⁵⁹ и восходить ко все более усложняющимся обществам. Спенсер так и поступает и дает таблицы: 1) «*простых обществ*», 2) «*сложных*», 3) «*вдвойне сложных*» и 4) «*тройне сложных*»⁶⁰.

Та же мысль лежит в основе классификации Дюркгейма. «Мы должны выбрать для нашей классификации особенно существенные признаки... Не трудно догадаться, в каком направлении надо искать характеристические особенности социальных типов. Мы знаем, что общества состоят из присоединенных друг к другу частей. Т[ак] к[ак] природа всякой результирующей неизбежно зависит от природы, числа и способа сочетания составных элементов, то, очевидно, эти признаки мы и должны взять за основание. Т[ак] к[ак] они относятся к разряду морфологических, то можно было бы назвать "*социальной морфологией*" ту часть социологии, которая имеет целью установить и классифицировать социальные типы». «Спенсер прекрасно понял, — пишет далее Дюркгейм, — что для правильной классификации социальных типов не может быть других оснований». Сообразно с этим Дюркгейм предлагает следующую классификацию социальных групп, представляющую видоизмененную таблицу Г. Спенсера: 1) простое общество — орда как агрегат, «не содержащий в себе других, еще более простых обществ, состоящий из одного только сегмента... и распадающийся непосредственно на индивидов»⁶¹.

«Раз установлено понятие об орде или обществе с единым сегментом, то у нас есть точка опоры, необходимая для того, чтобы построить полную лестницу социальных типов. Следует различать столько же основных типов, сколько существует способов соединения орд при образовании из них новых обществ и сколько способов соединения друг с

⁵⁸ Спенсер Г. Основания] соц[иологии], т. I, с. 343.

⁵⁹ Там же, с. 343.

⁶⁰ Там же, с. 343-347.

⁶¹ Дюркгейм Э. Метод социологии, с. 127-129.

другом существует для этих образовавшихся из орд обществ. Прежде всего встречаются агрегаты, образовавшиеся простым слиянием орд или кланов. Эти последние просто присоединены друг к другу, как индивиды орды». Таковы, напр[имер], *арч*, или кабийская триба. Такие общества могут быть названы *"простыми полисегментарными"* обществами. Общества, составленные из соединения последних, будут *"соединенными полисегментарными"* обществами (напр[имер], ирокезский союз, союз, образованный из кабийских триб, римские трибы, из соединения которых возникла римская гражданская община, и т. д.). «Дальнейший вид представляют вдвойне сложные полисегментарные общества, которые получаются от присоединения или смешения нескольких простых сложных полисегментарных обществ. Таковы: гражданская община — агрегат триб, которые сами суть агрегаты курий, разлагающиеся, в свою очередь, на роды (*gentes*) и кланы; такова германская триба, с ее графствами, подразделяющимися на сотни, которые, в свою очередь, имеют последней единицей клан, сделавшийся селом».

Теперь понятно будет соответствующее правило, даваемое Дюркгей-мом. «Следует начать с деления обществ по степени представленной ими сложности, принимая за основу совершенно простое общество с одним сегментом; в пределах установленных делений надо различать отдельные разновидности в зависимости от того, имеет ли место или нет полное сращение первоначальных сегментов»⁶². Таков набросок классификации обществ, даваемый Дюркгеймом.

Таковы в своих суммарных чертах «морфологические» классификации социальных групп. Спрашивается: *приемлемы ли они? Можем ли мы сказать, что эти классификации представляют искомое разрешение проблемы систематики социальных групп!*

Так как мы выше высказались в пользу анатомо-морфологической классификации, то, казалось бы, наш ответ на эти вопросы должен быть положительный. Однако он будет иным; он гласит: *общий путь, по которому идут Спенсер и Дюркгейм при решении обсуждаемой проблемы, намечен правильно, но конкретные результаты, которые они дают, малоудовлетворительны*. Постараюсь показать, в чем здесь дело.

Спенсер и Дюркгейм кладут в основу деления *принцип сложности строения общества и идут от простых обществ к все более и более сложным*. Спрашивается: *каков же их критерий сложности?* Не скрыт ли здесь уже тот или иной недочет, ведущий к ряду последующих ошибок и неудач? Ответ приходится дать положительный. Во-первых, *само понятие простого общества у Спенсера совершенно неопределенно*. Это он признает и сам: «Мы не можем сказать с точностью, во всех случаях, что именно составляет простое общество, потому что общества, подобно всем

Дюркгейм Э. Цит. соч., с. 130-133.

700

Система социологии. Том II

другим продуктам развития, представляют множество переходных ступеней, не допускающих резких разделений...»⁶³ Поставленный в безвыходное положение такими условиями, Спенсер, в конце концов, дает признак простоты и сложности. Но этот *признак, как сейчас увидим, односторонен и недостаточен*. Вот он. «Ввиду всех усложняющих обстоятельств нам остается открытым только один путь, состоящий в том, чтобы считать простым такое общество, которое образует единое действующее целое, не подчиненное никакому другому целому, и части которого кооперируют друг с другом, под управлением общего регулятивного центра или без вмешательства такового, для достижения некоторых общих целей»⁶⁴. Как видно отсюда и как следует из контекста, признаком простоты или сложности общества Спенсер берет исключительно признак политической группировки или государственной организации группы: если во главе группы стоит одно правительство или его нет и нет следов других правительств, группа простая. Если же есть следы других правительств, если «главы или правители отдельных простых групп оказываются подчиненными некоторому общему главе», — группа слож-

ная. Если такие группы, в свою очередь, подчинены общему правительству более высокого порядка, мы получаем вдвойне сложные общества. Если сделаем еще шаг в том же направлении, мы получаем группы втрое сложные, т. е. «большие цивилизованные нации»⁶⁵.

Прием Спенсера весьма неудачен. Неудачен, во-первых, потому, что *избранный им критерий недостаточен даже для определения сложности политической организации группы*. Согласно этому критерию выходило бы, что союз государств (конфедерация, федерация, союзное государство и т. п.) всегда является более высоким и сложным обществом, чем государство единое. Поэтому Московскую Русь в первые годы собирания Руси, когда удельные князья еще сохраняли тень власти, мы должны были бы считать более сложным обществом не только по сравнению с удельной Русью, но и с Россией XIX столетия, где существовало только единое правительство и не было никаких других. Германскую империю, как союзное государство, или Австро-Венгрию, как тип реальной унии, мы должны были бы считать более сложным, а следовательно, более высоким обществом, чем Англию, Францию, Бельгию и другие единые и простые государства. Мало того, чем пестрее и разнороднее состав государства, тем оно должно было бы быть выше и сложнее. Империя Александра Македонского, власть которого была высшей властью для ряда народов и государств, власть которых, в свою очередь, была высшей для

⁶³ Спенсер Г. Основания] соц[иологии], т. I, с. 343. «Спенсер не только не дает определения простого общества, но считает его почти невозможным», — правильно говорит Дюркгейм (Метод социологии, с. 128).

⁶⁴ Спенсер Г. Цит. соч., с. 343-344.

⁶⁵ Там же, с. 345-347.

Глава IV. Население как сложный социальный агрегат

701

ряда групп, подчиненных им, а власть этих групп, в свою очередь, была высшей для ряда подгрупп, из которых они состояли, такая империя, согласно Спенсеру, должна быть признана втрое и вчетверо сложным обществом, более сложным и высшим, чем, напр[имер], современные Бельгия, Швеция и Норвегия, Голландия и Дания. Между тем и по степени социальной дифференциации, и по степени культурности, «высоты» и т. д. едва ли может быть спор о том, что эти последние государства по строению населения и по культуре гораздо сложнее и выше монархии Александра Македонского или многоэтажных по власти и разношерстных по частям восточных деспотий. Затем, чтобы определить, по Спенсеру, степень сложности той или иной группы, нужно было бы вычислить: сколько отдельных групп сливалось друг с другом и сколько раз — задача, невыполнимая по существу и невозможная в силу неопределенности понятия простого общества. Если два или несколько родов сливаются в один, мы получаем сложное общество. Но то же получается, если сливаются в одно, два или несколько единых государств (напр [имер], штаты Америки или государства, образовавшие Германскую империю), ибо тут и там они были «единными целыми, не подчиненными другим целым, части которых кооперировали друг с другом под управлением общего регулятивного центра». Это значило бы, что кабийскую трибу — с одной стороны, Германию и Соединенные Штаты Америки — с другой, мы должны были бы отнести к одной группе. Можно себе представить, что за систематика групп получилась бы у нас в итоге.

Словом, признак Спенсера негоден даже для определения сложности политической организации группы.

Он вдвойне негоден для определения строения всей группы, для характеристики ее анатомо-морфологического состава.

Если бы критерий Спенсера и мог служить правильным мерилom сложности политико-государственной организации группы, то и тогда он был бы недостаточен. Он был бы достаточен лишь тогда, когда группировка населения исчерпывалась бы одной политико-государственной группировкой, когда кроме нее не было бы никаких других линий социальной дифференциации. Мы видели, однако, что дело обстоит наоборот; что в

любом населении существует ряд элементарных и кумулятивных группировок, не сводимых друг на друга и не исчерпывающихся государственно-политической группировкой. Отсюда ясно, что *анато-мо-морфологическая классификация групп, учитывающая только одну государственно-политическую структуру группы, по этому самому уже недостаточна*: она не дает представления об остальных линиях группировки «общества», обо всех остальных его расслоениях и составных группах. Она похожа на систематику растений, которая все растения классифицировала бы только по строению листьев или тычинок и целиком игнорировала бы остальные части растения — стебель, корень и т. д.

702

Система социологии. Том II

Такая систематика растений отошла в область прошлого. Современная систематика ботаников «принимает во внимание *все* части растения»⁶⁶. Не иначе должна поступать и систематика социальных групп. Две группы могут иметь сходную степень сложности и характер организации власти — и тем не менее во всех остальных отношениях резко различаться друг от друга. И древние Афины, и современная Франция, и Швейцария — республики, но они весьма различны по строению и по своей индивидуальности. И Англия, и Италия — конституционно-парламентарные государства, но из этого не следует, что они однородны в других отношениях. Сложные государства мы находим и в античном мире, и в средние века, и в наше время, но было бы нелепостью на основании этого сходного признака относить их к одной группе и считать тождественными по составу и строению.

Мудрено ли, что при таких приемах Спенсер принужден был отнести к одной группе такие несоизмеримые и разнороднейшие общества, как: «Древняя Мексика, Ассирийская империя, Египетская империя, Римская империя, Великобритания, Франция, Германия, Италия, Россия»⁶⁷; мудрено ли, что в его классификации, как правильно говорит Дюркгейм, «странным образом сближаются общества наиболее несходные: греки времен Гомера ставятся рядом с ленниками X столетия и ниже бехуанов, зулусов и фиджийцев; афинский союз рядом с французскими ленами XIII столетия, ниже ирокезов и арауканов»⁶⁸.

Этих замечаний достаточно, чтобы признать классификацию Спенсера неудачной и чтобы объяснить, в чем кроется источник неудачи Спенсера.

Возражения против теории последнего с соответственными изменениями применимы и к теории Дюркгейма.

Дюркгейм, в отличие от Спенсера, дает ясное понятие простого общества. Таковым оказывается односегментная группа, распадающаяся прямо на индивидов, — орда. Получив простое общество, Дюркгейм в дальнейшем, подобно Спенсеру, производит усложнение арифметическим путем: два или большее число соединившихся сегментов дают у него простое полисегментарное общество; два или большее число сросшихся простых полисегментарных обществ дают сложное полисегментарное общество и т. д. Прием на бумаге простой и складный, на деле мало применимый. Прежде всего можно с достоверностью утверждать, что *простого общества — орды — в Дюркгеймовском смысле нет и не было*. По крайней мере таковое наукой не констатировано. Самые примитивные общества, вроде тотемических групп австралийцев, вовсе не представ-

⁶⁶ Ветштейн Р. Цит. соч., т. I, с. 20.

⁶⁷ Спенсер Г. Основания социологии, т. I, с. 346.

⁶⁸ Дюркгейм Э. Метод социологии, с. 129; Спенсер Г. Цит. соч., с. 345-346. См. также критику теории Спенсера у Steinmetz'a (Op. cit, p. 90-91).

Глава IV. Население как сложный социальный агрегат

703

ляют обществ, распадающихся прямо на индивидов, без всякой внутренней дифференциации. Таковая имеется и даже не одна: я говорю о расслоении их на половые и возрастные группы, с одной стороны, с другой — на связанное с ними расслоение группы на привилегированных мужчин и обделенных женщин, на полноправных взрослых членов

группы и бесправных детей и несовершеннолетних. К этой дифференциации присоединяется выделение из остальных членов группы шамана или чародея и военного вождя⁶⁹, с одной стороны, с другой — наличие в пределах группы более тесных соединений семейно-полового характера (пуналуальные и др. брачные союзы). Как видно отсюда, первобытная группа вовсе не является «односегментной», недифференцированной массой, а в ней мы находим ряд сегментов или более тесных группировок (возрастную, семейно-половую, половую, объемно-правовую); она, вопреки Дюркгейму, распадается не прямо на индивидов, а на ряд промежуточных групп или сегментов. При таких условиях — простое общество Дюркгейма становится чисто гипотетическим, что отчасти должен признать и он самTM.

Далее, его простое общество оказывается обществом сложным, распадающимся на несколько элементарных и кумулятивных групп. Эта сложность будет еще рельефнее, если учесть семейно-брачные группы* находящиеся в составе такого общества⁷¹. При таких условиях теряется всякая точность дюркгеймовского понятия «простого общества», а тем самым падает и все его дальнейшее построение. Раз «простое общество» оказывается полисегментарным, то теряется различие между первым и вторым. Раз понятие полисегментарного общества становится неопределенным, то теряется различие между простыми и сложными полисегментарными обществами. Мы лишаемся «ариадниной нити», которая позволяла бы нам расчленять на пласты сложные группы и определять степень их сложности. Легко видеть, в чем источник таких ошибок. Он в том же, в чем был и для Спенсера: в учете только политической организации общества без учета остальных группировок, отличных от первой, в вольной или невольной односторонности, видящей только государственно-политическую группировку и не желающей видеть остальные линии дифференциации. Систематика Дюркгейма — та же ботаническая систематика, учитывающая только листья или тычинки и не желающая знать о стебле и корнях.

Естественно, что такая систематика не в состоянии дать нам верное представление о строении «общества», а тем более правильно класси-

⁶⁹ См. подробное описание тотемических групп в цитированных] работах В. Spenser'a и Gillen'a.

⁷⁰ Дюркгейм Э. Метод, с. 130. «Раз установлено понятие об орде — за что бы мы ее ни принимали, за историческую] реальность или *только за постулат науки*, — то»... и т. д.

⁷¹ См. об этом у Steinmetz'a (Op. cit., p. 91 и ел.).

704

Система социологии. Том II

фицировать по признакам строения социальные группы. И если бы Дюркгейм, подобно Спенсеру, попытался конкретизировать свои положения, он пришел бы к тем же абсурдным результатам; подобно Спенсеру ему пришлось бы в одну группу отнести: Древнюю Мексику и Ассирию-Вавилонскую деспотию — с одной стороны, современную Англию и Францию — с другой⁷².

Из этих замечаний ясно, почему мы признали морфологические классификации Спенсера и Дюркгейма неудачными.

Значит ли это, что какая бы то ни было анатомо-морфологическая систематика обречена на неудачу? Я не думаю этого. Выше я указал роль и значение анатомо-морфологических признаков в систематике животных и растений; указано было также, что дедуктивно можно предполагать, что никакая систематика социальных групп, не учитывающая признаков строения населения, не может рассчитывать на успех. Анализ теорий Спенсера и Дюркгейма показал нам неудачность конкретного осуществления правильного задания, а не ошибочность самого задания.

Теперь попытаемся подтвердить эти «векселя» конкретной схемой анатомо-морфологической классификации сложных социальных агрегатов.

Для ясности сразу же расчленим нашу задачу. Раз мы собираемся дать анатомо-

морфологическую систематику сложных социальных агрегатов и настаиваем на ее возможности и важности, то должны показать: 1) что мы разумеем под анатомо-морфологическим строением социальной группы и какие признаки считаем точно и полно определяющими это строение, 2) каким образом, на основании этих признаков, считаем мы возможным и необходимым систематизировать и классифицировать «общества»; 3) почему такую классификацию мы считаем необходимой, удобной и научно важной.

Отвечаю на эти вопросы. После всего развитого выше решение первого вопроса не представляет для нас затруднений. Оно гласит: *состав и строение любого населения как сложного социального агрегата будет определено, когда будет исследовано: 1) на какие элементарные группировки оно распадается и какова каждая из них in concrete; 2) какие кумулятивные группы в его среде имеются: а) двойные, тройные, четверные и т. д. и какие именно; б) какие из них являются кумуляциями нормальными и какие ненормальными; в) какие из кумуляции солидарны и какие антагонистичны; г) какие из них открытые и какие закрытые; е) какие из имеющихся кумуляции типичны; г) которые из них наиболее могущественны?*

Для полноты характеристики агрегата целесообразно более подробно изучить степень закрытости или открытости каждой группы: а) *насколько она закрыта или открыта; б) насколько интенсивна циркуляция индивидов из группы в группу, в) в каких пределах колеблются объемы (число*

⁷² См. ряд критических замечаний о Дюркгейме у Somld (Op. cit., p. 28 и сл.).

Глава IV. Население как сложный социальный агрегат

705

членов) каждой из существующих групп и с какой быстротой; г) исчезают ли некоторые из них и появляются ли новые? Как велика быстрота таких вариаций?! (См. об этом ниже, гл. о «социальных перегруппировках».) Исследовав агрегат с этих точек зрения, мы получаем полное представление не только о его анатомо-морфологическом строении, но и о его равновесии, формах последнего, о степени «эластичности» или «закостенелости» строения социального тела, наконец, о его физиологии.

Точный и правильный ответ на эти вопросы является точным определением структуры (или морфологии) любого населения как сложного агрегата.

Когда же исследователь точно охарактеризует содержание каждой группировки, как элементарной, так и кумулятивной, напр[имер], характер государственной группировки (организацию власти, права и обязанности подданных, «основные законы» государства, характеризующие политическое устройство населения, и т. д.), характер религиозной группировки (содержание религиозных верований и характер культа, церковную организацию, догматы веры и т. д.) или характер и содержание имеющихся кумулятивных групп, когда такое «анатомическое» и физиологическое исследование будет произведено, то мы получаем не только точную морфологическую, но и «анатомическую» характеристику соответственного «общества». Наш анализ в этом случае до глубинных деталей пронизывает всю структуру социальной группы и дает ее резюме в немногих и точных формулах. Таков краткий ответ на первый вопрос. Отвечаю на второй.

Задача анатомо-морфологической систематики заключается в том, чтобы располагать в одних и тех же группах сложные социальные агрегаты, сходные по совокупности указанных анатомо-морфологических признаков, характеризующих строение сложного социального агрегата, в частности, по характеру типичных кумулятивных и элементарных группировок. Как природа кумулятивных групп определяется характером, числом и способом соединения элементарных группировок, так и строение населения как сложного социального агрегата, определяется природой, числом и характером соединения имеющихся в нем кумулятивных и элементарных группировок. Поясним сказанное примером, чтобы избежать всякой неопределенности. Предположим, что исследователем изучено и проанализировано по указанной программе 50 сложных социальных агрегатов или групп населения. Предположим, что из исследованных 50

агрегатов 25 имеют одинаковые типичные кумулятивные группы (напр[имер] касту), 25 других обладают также одинаковыми между собой типичными кумулятивными группами (напр[имер] классом). Таким образом, 50 агрегатов по типичным кумулятивным группам распадутся на два типа. Обозначим для краткости первый тип (кастовый) А, второй (классовый) А'.

23 Система социологии

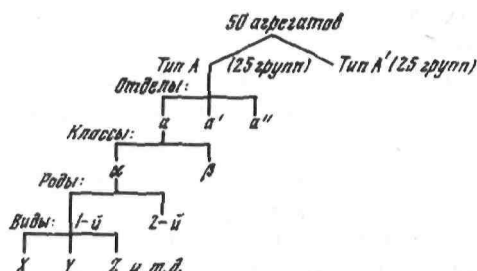
70 6

Система социологии. Том II

Теперь ведем анализ дальше. Предположим, что группы, входящие в тип А, по числу сходных и типичных уже в пределах этого типа А двойных, тройных, четверных и т. д. кумуляции, распадутся на три отдела: отдел я, куда входят 25 сходных в этом отношении агрегатов, отдел я', куда входят шесть, и отдел я'', куда входят остальные четыре агрегата. Тип А, таким образом, распадается на три отдела: я, я' и я''. То же делаем и с группами типа А'.

Теперь анализируем агрегаты, входящие в состав каждого отдела, напр[имер] отдела я типа А, по сходству имеющихся среди них кумулятивных групп (двойных, тройных, антагонистических, солидаристических и т. д.). Предположим, что в этом отношении они делятся на два класса: б) охватывающий шесть из пятнадцати, и в охватывающий остальные девять. То же делаем с отделами я' и я''. Теперь переходим к сравнению групп, входящих в состав класса б, по числу и характеру их элементарных группировок. Предположим, что класс б распадается на два рода: 1 и 2-й. Группируем сходные агрегаты в 1 и 2-й роды. То же делаем с классами, входящими в отделы я' и я''. В итоге остается «анатомический» анализ каждой элементарной группировки (ее характера и содержания) и группировки агрегатов, входящих в один род, на виды.

В итоге исследованные нами 50 агрегатов разместятся сообразно со сказанным так (схема изображает не полную систематику всех 50 агрегатов, а только систематику одной ветви):

Такова упрощенная схема составления систематики «обществ» по признакам их строения. Повторяю — упрощенная схема, ибо в действительности процесс этот сложнее, комбинирование признаков — труднее; возможны пересечения; группы, не сходные в одном отношении, могут быть сходными в другом и т. д. Но пугаться этой сложности не приходится, как не пугаются ее ботаники и зоологи. Напротив, только при условии такой сложности возможно составление сколько-нибудь точной и правильной классификационной таблицы сложных социальных агрегатов.

Когда по указанному плану будет изучено анатомо-морфологическое строение множества сложных социальных агрегатов, тогда размещение их по соответствующим рубрикам — типам, отделам, классам, порядкам, семействам, родам, видам и подвидам — не представит особенно

Глава IV. Население как сложный социальный агрегат

707

большой трудности: оно сведется в значительной мере к простой группировке и комбинации по этим в общем не столь многочисленным и точным признакам сходных агрегатов в соответственные классификационные рубрики.

Ничего подобного еще в социологии не сделано. Поэтому заранее можно предвидеть, что первичная классификационная таблица по мере изучения все новых и новых агрегатов будет изменяться; но этого бояться нечего. Так было и в других науках. Ботаническая и зоологическая классификации частично изменяются и до сих пор; но этого

ни ботаники, ни зоологи не боятся. Важно лишь одно, а именно: необходимость приступить к работе над такой систематикой. Пора перестать социологам отделяться смутными и весьма простыми, но зато бесполезными классификациями «с кондачка», вроде большинства очерченных выше. Нет надобности говорить, что программа проектируемой мною систематики гораздо труднее и сложнее, но, как я постараюсь показать сейчас, она может быть и гораздо продуктивнее.

При этом необходимо заметить следующее. Под сложным социальным агрегатом, как помнит читатель, я разумею всякое совместно живущее население. Поэтому *систематик-социолог, который взялся бы за конкретное решение систематики социальных групп, с самого начала должен отбросить все обычные, ходячие группировки населения по тем или иным случайным признакам*. Обычно, напр[имер], предполагают (и мы это видели выше), что население одного государства по своему строению составляет нечто сходное, а различных государств — различное. Сообразно с этим социологи, подпавшие под этот гипноз государственной группировки, всеми силами стараются найти общие черты строения населения одного государства и различия населения разных государств. Такую презумпцию социолог-систематик должен забыть. Можно с полной уверенностью утверждать, что строение населения в северо-восточной Сибири (алеутов, эскимосов, чукчей, камчадалов) совершенно иное, чем в центральной России; строение населения негородского Кавказа абсолютно иное, чем строение населения немецких колоний на юге России; строение населения Петербурга гораздо ближе к строению населения Берлина и Парижа, чем к строению населения в Лужском уезде Петербургской губернии. То же относится и к другим ходячим разграничениям населения (по религии, языку и т. д.). Иными словами, карта земного шара перед социологом-систематиком должна быть чистой. Обычные ее деления (по государственным границам, по расам, по национальностям etc.) для последнего не обязательны. Не обязательны потому, что географическая карта структур населения вся еще в будущем. Она еще не создана. Достаточно небольшой вдумчивости, чтобы видеть, что весьма часто заселенные области, лежащие друг от друга вблизи, на расстоянии нескольких десятков верст, а иногда и меньше (напр[имер], насе-

ление Петрограда и деревенское население Царскосельского уезда, зырян и самоедов, живущих на территории одного уезда), коренным образом отличаются друг от друга по строению населения. И обратно, заселенные места, весьма отдаленные друг от друга (напр[имер], современные столицы и большие города Европы и Америки), обычно дают население, весьма близкое по своей структуре. Подобно тому, как растительные сообщества могут быть совершенно различными в местах близких друг к другу (напр[имер], лесные, горные, болотные сообщества), и обратно, быть сходными в местах весьма отдаленных, то же самое может происходить и в мире человеческих агрегатов.

Теперь, когда подобная *систематика социальных агрегатов вся еще в будущем, когда не установлено даже, сколько типов сложных социальных агрегатов существует, а тем более — сколько отделов, классов, родов, видов и т. д., ни о какой анатомо-морфологической географии структур населения не может быть и речи*. Карта земли должна быть чистой. Задача систематика-социолога пока что сводится к тому, чтобы указанную «форму анатомо-морфологического исследования» без всяких предпосылок «накладывать» на ту или иную заселенную территорию, «брать пробу» и исследовать полученные результаты. При таких «пробах» легко может оказаться, что население исследуемой нами территории, которое мы считали однородным по своему анатомо-морфологическому составу, окажется распадающимся на два или большее число структурных типов, т. е. будет различным по количеству и качеству имеющихся в его среде элементарных и кумулятивных групп. И наоборот.

Вот почему важно, чтобы у социолога-систематика структурных типов строения населения не было никаких предвзятых мнений.

Когда такие «пробы»⁷³ будут довольно многочисленны, сам собой создастся материал для систематики сложных социальных агрегатов. Тогда можно будет приступить и к соответственной попытке составления «каталога» сложных социальных агрегатов и соответственной классификационной таблицы. Тогда и только тогда можно будет уже конкретно наметить: какие и сколько типов сложных социальных агрегатов встречается теперь и было на протяжении истории? На какие отделы, классы, роды, виды и т. д. распадается каждый тип? Какие группы населения принадлежали и принадлежат к каждой соответственной классификационной рубрике? Какие территории земли были в прошлом и являются теперь преимущественной областью распространения того или иного структурного типа, отдела, класса и т. д.⁷⁴

⁷³ Автором чрез посредство Социо-биологического института предпринято сейчас такое «пробное» исследование анат[омо]-морф[ологического] строения населения Петрограда и его сдвигов за годы революции.

⁷⁴ Эта ветвь систематики была бы, таким образом, аналогом к географии растительных сообществ в ботанике. Сообразно с этим целесообразно было бы

Глава IV. Население как сложный социальный агрегат

709

С ростом таких «проб» постепенно будут вноситься в классификацию поправки и улучшения. Но, как сказано, пугаться таких поправок нечего. Они неизбежны в любой сфере любой науки.

Таков вкратце ответ на второй вопрос — ответ, полагаю, совершенно четкий, определенный и лишенный неясностей. Руководствуясь намеченной программой, мы сейчас могли бы перейти к ее фактическому осуществлению, т. е. к самой классификации сложных социальных агрегатов. Но, очевидно, такая задача, требующая анатомии всей истории человечества, слишком сложна, чтобы дать ее в общем курсе социологии или чтобы набросать ее на двух, трех или на десятке страниц. Она требует слишком большой предварительной работы, обширных и специальных исследований. Ее решение — предмет отдельной монографии⁷⁵. Поэтому довольствуемся пока намеченной программой. В силу той же причины я не буду выставлять даже примерной конкретной классификационной таблицы сложных социальных агрегатов. Дедуктивно полученная или наскоро, «с кондачка» составленная таблица, подобно выше очерченному, имеет весьма малую ценность. Для детальной же и обоснованной таблицы в данный момент разработано и изучено мной слишком мало материала⁷⁶.

Ответив на первые два из поставленных выше вопросов, перейдем к третьему и покажем кратко научную важность такой классификации сложных социальных агрегатов.

1) Указанная анатомо-морфологическая программа классификации *не однобока, а всесторонняя*. Анализ строения любого населения как сложного социального агрегата по указанной программе дает полное представление о структуре агрегата и его эластичности. В отличие от систем Спенсера и Дюркгейма он охватывает не одну какую-либо сторону социальной группы, а одновременно все ее стороны и все основные признаки строения группы. Он дает точную формулу «химического состава» группы, все существенные признаки, неразрывно связанные с самы-

вести в социологическую систематику и термин «ареала» или «зоны» географического распространения того или иного структурного типа в различные эпохи; так, напр[имер], можно было бы говорить о географической зоне кастовых социальных агрегатов и т. п. Этот термин в иной плоскости уже введен в область юридико-социологической этнологии проф. *Mazzarella*[^] виде понятия: *aree etnografiche* (см.: *Mazzarella G. L'etnologia giuridica // Riv[ista] ital[iana] di sociologia. 1912, p. 565*).

⁷⁵ На этот путь, по-видимому, начинают вступать наиболее компетентные исследователи сравнительной истории права. Говоря это, я разумею крупнейшего исследователя в этой области знания, итальянского профессора *G. Mazzarella*, стратиграфический метод которого имеет ряд сходств с развитыми здесь взглядами. См.: *Mazzarella C. L'etnologia giuridica e i fondamenti dell'analisi stratigrafici // Riv[ista] ital[iana] di*

soc[iologia]. 1912, p. 563-564 и passim. По этому именно методу Mazzarella дал свой анализ индусского права.

⁷⁶ Исследование в этом направлении исподволь ведется автором.

710

Система социологии. Том II

ми глубинными и сокровенными свойствами группы. Если будут изучены все элементарные и кумулятивные группировки исследуемого агрегата, содержание, свойства и характер каждой из них, то трудно себе представить, что еще оставалось бы невыясненным для точного и полного познания структуры группы и ее индивидуальной физиономии. Она вся насквозь оказывается пронизанной лучами нашего анализа и лежащей перед нами. Мы познаем не только «тычинки» агрегата, как при ряде рассмотренных классификаций, но все его морфолого-анатомические признаки.

Отсюда следует, что и *систематика агрегатов, строящаяся на такой системе признаков, определяющих всесторонне структуры групп, будет более точной, верной и удачной систематикой, чем классификации, опирающиеся на какой-либо один признак* (напр[имер], характер политико-государственной организации — Спенсер, Дюркгейм, способ добывания средств существования, характер верований и т. д.). Мы видели, что сходство групп в каком-либо одном отношении ничуть не мешает им быть различными в ряде других отношений. Посему классификации, базирующиеся на одном признаке, вынуждены помещать в одну рубрику группы совершенно разнородные во всех отношениях, исключая одну черту, указываемую избранным для классификации признаком. Отсюда — нелепости большинства классификаций и их неудачи. Этой опасности для нас не существует. Согласно сказанному, в одну рубрику у нас могут попасть группы, сходные *по всем сторонам* своего строения. Следовательно, сходные не случайно, не по одному искусственно выбранному признаку, а по самому существу, по *всем* основным анатомо-морфологическим признакам. А выше, на примере ботанико-зоологической систематики, мы видели, что *только такие классификации являются удачными, научными, естественными*.

2) Предполагаемая систематика *естественная* потому, что признаками деления она берет признаки не случайные, не внешние, не малохарактерные «тычинки» (как, напр[имер], классификация Коста по числу членов агрегата, или по признаку уединенного образа жизни Уорда, или по длине товара от производителя к потребителю Бюхера и т. п.), а признаки самые органические, неразрывно связанные с природой агрегата. Что может быть более органического для организма, как не его анатомо-морфо-логическое строение! Что может быть более органическим для группы, как не признаки, указывающие ее расслоение, характер и линии последнего. И ботаническая, и зоологическая систематики кладут в основу своей классификации признаки архитектоники растений и животных. Не может иначе поступать и социолог. Наша система так и делает. Следовательно, и с этой точки зрения она удовлетворяет требуемым условиям.

3) Она *совершенно четка и определена*. В отличие от классификаций неясных, исходящих из признаков неопределенных (напр[имер], «ин-

Глава IV. Население как сложный социальный агрегат

711

теллектуальный уровень» Сутерланда, классификации Вундта, Штейн-меца, классификации по зонам культуры Фробениуса и Ратцеля, по принципу «природы и культуры» Фиркандта, по гармоничности целого и части Фулье и т. п.), признаки нашей классификации совершенно четки, «осязаемы» и объективны. Данность элементарных группировок, их число и характер, а равно число и характер кумулятивных групп — все это явления не субъективные, а объективные, доступные внешнему наблюдению. Понятие их, как мы старались показать, ясно до прозрачности. Опираясь с ними, исследователю не приходится иметь дело с весьма субъективными и неясными понятиями вроде вышеуказанных психологических критериев систематики. А такое обстоятельство ведет к четкости и самой систематики, сводит ее чуть ли не к простым арифметическим выкладкам и вычислениям по принципу теории соединений. Это условие — плюс и плюс

не малый.

4) Будучи плюралистической по признакам, предлагаемая теория классификации не эклектична, а целостна и едина по своему существу. Мы видели выше, что желание исходить из ряда признаков привело Штейн-меца к «сознательному эклектизму», к построению двух классификаций (систематической и генетической), ничем друг с другом не связанных. Иное представляет наша классификация. Она похожа на инструмент со многими струнами; но достаточно задеть одну из этих струн, чтобы зазвучали все. Словом — в ней классификационные признаки не оторваны друг от друга, а внутренне связаны: попробуйте выделить какую-либо элементарную группировку в изучаемом агрегате и вы принуждены будете выделить все остальные; выделив элементарные группировки, вы не можете не выделить кумулятивных. Иными словами: многочисленные признаки классификации составляют одно целое и в своей совокупности образуют единый аналитический аппарат для «химического» разложения состава и строения агрегата.

5) Будучи плюралистической по признакам, наша теория классификации достаточно экономна с точки зрения ее применимости. Не только недостаток признаков, но и их избыток делает классификационную теорию научно неудачной. Если бы для классификации социальных агрегатов исследователь должен был исследовать изучаемое население с точки зрения 2512 вопросов «Этнографического сборника вопросов для исследования социальной жизни народов», то легко себе представить ту бесконечную Сизифову работу, которую должен был бы выполнить каждый классификатор. Прежде всего, дать 2512 признаков для характеристики десятка групп сама по себе уже работа колоссальная, часто невыполнимая. Так как, далее, на эти 2512 вопросов ответы будут для разных народов разные, то классификатору при их систематике и размещении по рубрикам пришлось бы орудовать с сотнями тысяч различных комбинаций. Эта задача — почти невыполнимая. Если же она и была бы

712

Система социологии. Том II

выполнима, то пользование такой классификационной таблицей было бы почти невозможно: оно не облегчало бы научную работу, не эконо-мизировало бы силы, т. е. не достигало бы цели всякой классификации.

Наши принципы классификации такой гипертрофией признаков не обладают. Они весьма легко применимы. Согласно им легко может быть дан структуральный анализ любого населения. Требуется только умение наблюдать и изучать факты. Они сразу же ориентируют исследователя и указывают ему, на что он должен обращать свое внимание. Когда нужный материал собран, схема точно указывает ему, как он должен его группировать и обработать. Принципу экономии научных сил классификация вполне удовлетворяет.

6) Наконец, будучи целостной в своем плюрализме, наша программа классификации охватывает и абсорбирует в себе все предложенные до сих пор классификационные попытки. В самом деле, характеристика каждой элементарной и кумулятивной группы является вместе с тем характеристикой всех сторон жизни данного агрегата. Расовая, половая и возрастная группировки дают нам картину биологического материала, из которого состоит агрегат. Характеристика семейной группировки знакомит нас с воспроизводительной системой группы, государственная группировка — с политической, языковая, религиозная, партийная и психологические группировки изображают нам психическую и культурную физиономию группы, профессиональная и имущественная — экономическую организацию агрегата, объемно-правовая — социально-правовое строение общественного тела; кумулятивные группировки — остальные его черты. В итоге такого анализа мы получаем полную картину агрегата, рисующую его со всех сторон. В то время, как остальные классификации дают нам однобокую характеристику — только идеологических черт, или только экономических и т. д., — предлагаемая программа, давая все то, что дает каждая из «однобоких» классификаций, и абсорбируя их, вместе с этим полна, свободна от однобокости и дает наиболее простые и удобные методы для изучения

каждой стороны агрегата.

Таковы плюсы предлагаемого пути, заставляющие меня настаивать на его правильности и целесообразности.

Ограничимся сказанным в учении о сложных социальных агрегатах. На этом мы могли бы поставить точку, закончить «Социальную аналитику» и перейти к «Социальной механике». Но в интересах ясности и полноты полезно будет коснуться еще ряда вопросов, дополняющих сказанное. Необходимо сделать еще ряд «мазков», бросающих своеобразный оттенок на набросанную картину строения населения и на некоторые важные проблемы, связанные с этим строением и имеющие самостоятельный научный интерес. Таким «мазкам» и будут посвящены дальнейшие главы.

Глава пятая

СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕГРУППИРОВКИ

§ 1. Понятие и основные формы социальных перегруппировок

Выше не раз отмечалось, что строение населения не представляет нечто неподвижное, а напротив, непрерывно изменяется. Равновесие сложных социальных агрегатов имеет характер не застывшего, а подвижного равновесия. Это значит, что в любом населении, в любое время, с той или иной быстротой происходят процессы социальных перегруппировок. Что следует разуметь под ними?

Под социальными перегруппировками следует разуметь изменение строения сложных социальных агрегатов (населения), сводящееся к: 1) перемещению индивидов из одной существующей элементарной или кумулятивной группы в другую, сопровождающемуся колебанием объема этих групп, 2) к исчезновению одних или появлению других элементарных и кумулятивных групп гомогенного (однородного) характера в данном агрегате, 3) к исчезновению целой группировки элементарного и кумулятивного характера и к замене ее новой гетерогенной группировкой.

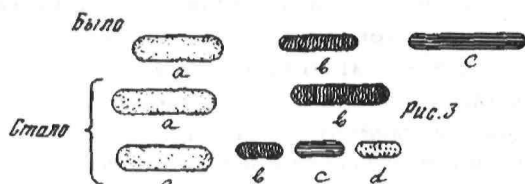
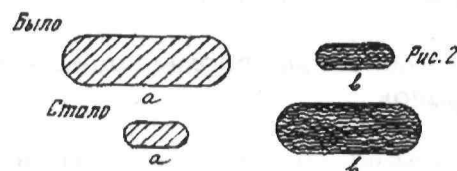
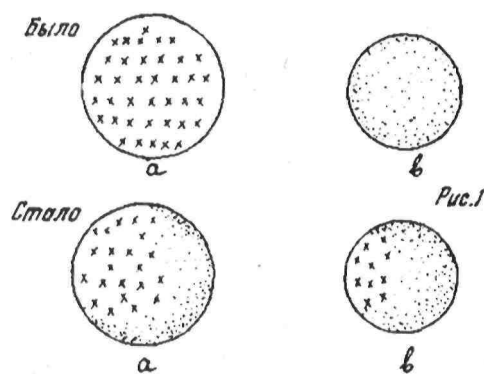
Таковы основные формы социальных перегруппировок. Дадим необходимые комментарии.

Перегруппировки первого типа

Предположим, что в данном населении в данный момент было две партии «а» и «б» (см. рис. I). Число членов первой пусть равняется 50 000, второй — 15 000. Предположим, что через некоторое время в населении остались те же две партии «а» и «б» и с тем же числом членов, но с одним различием: часть членов партии «а» (обозначенных на схеме крестиками) перелилась в «б», а соответственная часть членов «б» (обозначенных точками), перелилась в партию «а».

714

Система социологии. Том II

Здесь все осталось по-прежнему. Линии социального расслоения остались те же, объем (число членов) групп не изменился, ни одна из них не исчезла и не появилась вновь, переменились местами только индивиды. Социальное здание осталось прежним, переместились только (в одинаковой пропорции) жильцы различных комнат. К этой же форме перегруппировки отойдет и тот случай, когда изменение состава членов обеих групп, без изменения их объема, будет состоять не во взаимном *переливании* их из одной группы в другую, а в выходе части членов из обеих групп (в «*вылипании*») и в заполнении образовавшегося недочета лицами со стороны (во «*влипании*»), не входившими раньше ни в ту, ни в другую группу. Группы в этом случае будут похожими на пруд, с одного конца которого вытекает вода, с другого — вливается новая, заполняющая убыль, в результате чего объем, очертания и уровень пруда остается прежним. Таков идеальный, крайний случай перегруппировки первого рода. В таком идеальном виде она, однако, дана редко. Редко бывает так, чтобы переливание членов из одной группы в такую же однородную или «вливание» и «выливание» совершались так, что убыль абсолютно равна притоку, число ушедших — числу новых

Глава V. Социальные перегруппировки

715

членов. Обычно убыль не бывает равна прибыли. В силу этого такие процессы перемещений индивидов обычно сопровождаются колебаниями объемов соответственных групп: партия «в», у которой приток больше убыли, разбухает, партия «а», у которой число «уходящих» больше числа «входящих», уменьшается в объеме, худеет. Предположим, что «а» с течением времени вместо 50 000 членов имеет только 5000, а «б» — 70 000 членов. Суть перегруппировки состояла здесь в простом факте «сокращения» объема «а» и в «разбухании» объема «б». Ни одна из групп не исчезла, ни одна не появилась вновь: переместились только абоненты и изменился объем групп. Схематически это изображено (см. рис. 2) соответствующим изменением объемов «а» и «б». Таковы разновидности перегруппировок первого типа.

Перегруппировки второго типа

Предположим, что в данное время в данном населении было три партии: «а», «б», «с» (см. рис. 3). Предположим, что чрез пять лет на месте трех партий образовалось только две (одна исчезла) или напротив — четыре (появилась новая партия «д»). Социальная перегруппировка здесь состоит не только в перемещении индивидов или в

колебании объема каждой из партийных групп, но плюс еще новое явление: исчезновение партии «с» или появление новой партийной группы. Там группы только меняли своих членов и свой объем, здесь изменение переходит эти границы и выражается в исчезновении одной или большего числа существовавших гомогенных групп или в появлении новых, также гомогенных групп, или в том и другом. Такие перегруппировки в области элементарных и кумулятивных групп в отличие от предыдущих будем называть перегруппировками второго типа.

Предположим, что в изучаемом нами агрегате (населении) в данный момент были гетерогенные группировки АВ (напр[имер] языковая), CD (напр[имер] религиозная), MN (напр[имер] партийная), EF (напр[имер] государственная). Сообразно с этим была кумулятивная группа EGB (языково-государственная, образованная кумуляцией группировок языковой и государственной: индивиды, входящие в группу EGB, как видно из схемы, принадлежат к одной и той же языковой и государственной группе), и кумулятивная группа ACP (языково-религиозная). Предположим, что чрез определенное время, языковая группировка АВ исчезла. (Практически это означает, что все люди изучаемого населения или всего человечества стали говорить на одном языке. Раз все говорят на одном языке, значит языкового расслоения и языковых групп нет.) Раз языковая группировка исчезла, то тем самым диссоциировалась и кумулятивная языково-государственная группа EGB и языково-религиозная группа

716

Система социологии. Том II

Перегруппировки третьего типа
(см. рис. 4)

ACP. Предположим далее, что на месте языковой группировки появилась новая KL, напр[имер] расовая. Соответственно с этим появилась и новая кумулятивная группа: государственно-расовая ESL.

Отсюда видно, что в данном случае перегруппировка состояла не только в изменении объема и состава существующих группировок, не только в замене одних гомогенных групп другими, гомогенными, а в замене одних группировок другими, гетерогенными, иными словами, в исчезновении одних элементарных или кумулятивных групп или тех и других и в появлении новых гетерогенных элементарных или кумулятивных групп или тех и других.

Таково схематическое изображение перегруппировок этого класса.

Указанные различия перегруппировок можно наглядно представить путем такого сравнения. Пусть в данном городе имеется 2 самостоятельных телефонных общества А и В, обслуживающих население. Население в отношении телефона распадается на «абонентов» обществ А и В. Число абонентов телефонных обществ колеблется: одни абоненты выбывают из числа абонентов А и В и переходят в другое общество, напр[имер], из А и В, и наоборот. Вместе с тем часть бывших абонентов этих обществ совершенно выключается из списка телефонных абонентов; часть населения, до сих пор не абонирувавшаяся ни в одном обществе, записывается в абоненты одного из них. Оба общества существуют, но число их абонентов и их состав или объем каждого общества колеблются; одни выключаются, другие — включаются, происходит переливание абонентов из общества в общество. Короче, происходит перегруппировка первого класса.

Теперь представим себе второй случай. Предположим, что в данном населении одно телефонное общество ликвидировалось или, напротив, наряду с двумя существовавшими телефонными обществами появилось новое, третье телефонное общество. Легко видеть, что перегруппировка

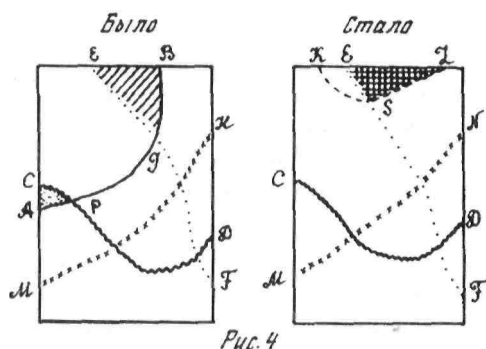

Рис. 4

Глава V. Социальные перегруппировки

717

телефонных абонентов в этом случае похожа на социальную перегруппировку второго типа.

Теперь представим себе, что в данном населении совершенно исчезли все бывшие телефонные общества, но появились две акционерные осветительные компании, напр[имер], «Гелиос» и «Общество 1886 года», не существовавшие раньше. Телефонные группировки совершенно исчезли. Но появились новые, гетерогенные или «осветительные группировки». Перегруппировка населения в этом случае будет уже совершенно отличной от предыдущих. Она не только количественно, но и качественно иная; это уже не простое включение и выключение абонентов из телефонных обществ, и не замена двух телефонных обществ одним или тремя, а перегруппировка совершенно новая, ничего общего не имеющая с группами телефонных абонентов «обществ» А и В.

Такова наглядная иллюстрация очерченных типов социальной перегруппировки¹.

Теперь подойдем к тому же вопросу с иной точки зрения, с точки зрения положения индивидов в системе социальных координат. *Перегруппировки первого разряда с этой точки зрения представляют не что иное, как частичное включение и выключение индивидов из числа абонентов данных групп.* Это включение и выключение здесь, однако, никогда не достигает таких размеров, чтобы сделать число абонентов какой-либо группы равным нулю (случай исчезновения группы) с одной стороны, с другой — *не ведет к образованию новых групп, не существовавших ранее, иначе, новых акционерных компаний.* Таковы предельные границы перегруппировок первого разряда. Когда эти границы превзойдены, мы получаем перегруппировку второго или третьего разряда.

Перегруппировки второго разряда с этой точки зрения представляют явления таких включений и выключений индивидов из числа абонентов гомогенных групп, которые доводят число абонентов одной или не-

¹ Как видно из сказанного, я различаю три основных типа социальных перегруппировок. *Sensini*, касающийся этой проблемы, различает два основных вида нарушения равновесия социального тела: а) изменение состава членов тех групп, на которые распадается данный агрегат, без изменения строения последнего (группы и слои остаются те же самые, но меняются местами их члены, напр[имер], члены высших классов переходят в низшие, а низшие — в высшие); этот случай подходит под частную форму перегруппировок первого класса, указанных мной, б) изменяются сами группировки, на которые распадается данное население. См.: *Sensini G. Teoria dell'equilibrio di composizione delle classe sociali // Riv[ista] it[aliana di] soc[iologia]. 1913, p. 575-576.*

В последнюю группу *Sensini* объединил второй и третий разряды очерченных мной перегруппировок. Думается, что их различение необходимо, ибо они весьма резко отличаются друг от друга, имеют совершенно различную частоту и совершаются совершенно различными путями. Ошибка *Sensini* частично объясняется тем, что он дал не общую теорию социальных перегруппировок, а только частную форму последних, а именно, циркуляцию индивидов из класса в класс.

718

Система социологии. Том II

скольких из этих групп до нуля (потеря группой всех членов) или которые ведут к образованию новых гомогенных групп: часть индивидов, бывших абонентами

существовавших групп или не входивших в число их, образуют новую «акционерную» компанию, гомогенную существовавшим, абонируются туда и вербуют новых абонентов.

Перегруппировки третьего типа

Перегруппировки третьего разряда означают *выключение индивидов из числа абонентов всех гомогенных групп, существовавших в данном населении, иными словами, уменьшение числа абонентов всех гомогенных групп данного населения до нуля и плюс (иногда) образование новых гетерогенных групп и включение индивидов в число их абонентов.*

Из сказанного легко видеть, что *ceteris paribus* перегруппировки этих трех форм вносят далеко не одинаковые изменения в строение населения или сложного социального агрегата. *Перегруппировки первого разряда почти не изменяют архитектуру строения последнего.* Линии социального расслоения при них остаются те же самые. Не исчезают и не возникают новые центры сил — новые коллективные единства. Расположение этажей и комнат в социальном здании остается прежнее: меняются только жильцы или иногда одна комната расширяется за счет другой, не абсорбируя ее целиком. *Перегруппировки второго разряда изменяют расположение комнат в одном этаже, иногда одни из них абсорбируют другие, но основной план архитектуры остается и при них прежним.* Одна партия или церковь может поглотить другую, но в итоге остаются этажи и партии, и церковных коллективов. Они не уничтожаются. *Перегруппировки третьего разряда интенсивно изменяют строение сложного социального агрегата.* Они меняют основные линии его архитектуры: иногда сносят целый этаж или сторону и заменяют их новыми постройками и пристройками, словом, преобразуют строение социального тела коренным образом.

Если состояние данного социального агрегата в данный момент мы назовем состоянием равновесия, то перегруппировки первого разряда, ceteris paribus, всего меньше нарушают наличное состояние равновесия, перегруппировки второго разряда — больше, перегруппировки третьего разряда — еще больше. Таково понятие социальной перегруппировки и его основные формы.

Предыдущее показывает, что явление социальных перегруппировок — явление в высокой степени сложное. Изучение его необходимо не только для понимания строения населения, но и для понимания процессов общественной жизни или социальной физиологии. Не трудно понять, что всякий процесс перегруппировки, т. е. явление изменения анатоμο-морфологического строения социального агрегата, конкретно выражается в ряде общественных процессов, то крупных, то мел-

Глава V. Социальные перегруппировки

719

ких, то острых, то мягких, то повторяющихся, то не повторяющихся. Здесь уместно напомнить биологическую теорему о функциональной связи органа и его функций. Изменение органа влечет, как общее правило, изменение его функций и наоборот, изменение функций влечет за собой изменение органа. В применении к социальным явлениям та же теорема означает: 1) если в строении населения происходят периодически повторяющиеся перегруппировки населения, это значит, что в данном населении должны происходить периодически повторяющиеся общественные процессы — физиологические симптомы происходящих анатоμο-морфологических изменений структуры социального агрегата. И наоборот, если в общественной жизни даны периодически повторяющиеся процессы — это свидетельствует о периодически происходящих перегруппировках населения, т. е. об изменениях его строения; 2) если в строении социального агрегата происходит резкое изменение, т. е. совершается необычная и интенсивная перегруппировка его членов, это дедуктивно заставляет предполагать, что эта перегруппировка проявит себя в общественной жизни резкими и необычными процессами и движениями. И обратно, резкие и необычные процессы в социальной жизни — лучший симптом резких изменений в строении социального тела. Отсюда понятна вся важность и необходимость детального и всестороннего изучения явлений социальной

перегруппировки. В пределах «Социальной аналитики» я не ставлю себе такую задачу, место которой в «Социальной механике». Для моих целей здесь мне достаточно рассмотреть явления социальных перегруппировок суммарно и под ограниченным, а не всесторонним углом зрения. Такое рассмотрение достаточно, чтобы отчетливо уяснить строение населения, показать продуктивность того пути, которым я шел, доказать важность явлений социальных перегруппировок и связать аналитику с механикой. Подробное же изучение данного явления отложим до «Социальной механики».

§ 2. Социальные перегруппировки в области элементарного расслоения населения

В интересах четкости рассмотрим явления социальных перегруппировок отдельно в применении к элементарным группировкам и в применении к кумулятивным группировкам. Начнем с первых, как более простых.

Явление социальных перегруппировок в этой области мы рассмотрим только со следующих точек зрения:

1) даны ли здесь все три основные формы перегруппировок, 2) если даны только некоторые или все, то в каких конкретных формах они выражаются, 3) насколько интенсивно они совершаются по количеству лиц, диф-

720

Система социологии. Том II

фундирующих из группы в группу, 4) насколько регулярно и часто происходят такие перегруппировки, 5) в какой мере наследственны и устойчивы соответственные группировки, в какой мере их форма нарушается или изменяется процессами перегруппировок.

Перейдем теперь к рассмотрению перегруппировок с указанных точек зрения в области каждой из выделенных нами основных элементарных групп. Здесь сразу же следует указать на существенную разницу механизма перегруппировок в области элементарных коллективов, в основе бытия которых лежат биологические признаки: расы, пола и возраста — с одной стороны, с другой — остальных коллективов, в основе появления которых лежат признаки психосоциальные (семейный, государственный, имущественный, языковой и т. д.).

Эта разница состоит в следующем. *Перегруппировки в области расовых, половых и возрастных групп возможны только путем изменения физического состава индивидов, входящих в состав таких групп.* Признаки расы, пола и возраста абсолютно не зависят от нашей воли; их нельзя снять с себя, как можно снять костюм и заменить его другим расовым, возрастным или половым костюмом. Вне воли человека возможность выключить себя из «абонентов» определенного расового коллектива, напр[имер] белого, и включить в число абонентов другого расового единства, напр[имер] черного. Родившийся негром останется им всю жизнь и не может стать белым. Родившийся мужчиной не может стать женщиной, младенец не может сразу стать стариком, и обратно. Без изменения физической или биологической природы населения перегруппировки в области этих коллективов совершенно невозможны. Циркуляция одного и того же индивида из одной расовой, половой или возрастной группы в соответственную другую невозможна. «Разбухание» и «сжимание» таких групп невозможно без изменения физического состава населения. «Переливание», инфильтрация и выход из них также невозможны без изменения физической или биологической природы индивидов. Эти группы абсолютно закрыты (возрастная группировка закрыта также, ибо и здесь циркуляция индивидов из одной возрастной группы в другую, без изменения физической природы их, не зависящего от воли, невозможна: нельзя добровольно из мальчика стать седовласым старцем и обратно). В них входит человек без его воли; он рождается негром, мужчиной или ребенком. Однажды войдя, он не может выйти отсюда всю жизнь или (для возрастной группировки) в течение определенного времени, требующегося для изменения физической природы человека, изменения, превращающего ребенка в юношу, юношу — в полновозрастного, последнего — в старика. Свободы передвижения из одной гомогенной

группы в другую здесь нет. *Иное представляют в потенции остальные элементарные группировки, основанные на психосоциальных признаках.* Признаки государственной, языковой, имуществен-

Глава V. Социальные перегруппировки

7 21

ной, профессиональной, религиозной, партийной и др [угой] принадлежности не неразрывно связаны с биологической природой человека. *Эти «костюмы» или «маски» психосоциального характера можно «снять» и заменить другими.* Оставаясь тем же самым человеком, можно переменить подданство, религию, профессию, партию и т. д.; иными словами — выключить себя или быть выключенным из числа абонентов одной та-кой группы и включить или быть включенным в число абонентов другой группы без изменения своей физической природы. Соответственно с этим здесь возможна циркуляция индивидов из группы в группу. Последние не абсолютно закрыты. Есть (потенциально) свобода передвижения. Здесь возможно разбухание и сжатие групп без изменения физического состава населения.

Принадлежность к таким группам действительно похожа на костюм, который можно снимать, одевать и заменять один другим. Принадлежность к расовому, половому и возрастному коллективу иная; она не похожа на костюм; она неразрывно связана с основными физическими свойствами организма, которые нельзя снять и одеть, менять и заменять. Перегруппировки здесь без изменения физической природы индивидов невозможны. *Перегруппировки в области психосоциальных элементарных коллективов возможны и без изменения физической или биологической природы индивидов.* Одно и то же население сегодня может быть абонентом *государства* России, завтра — Польши или Германии; сегодня абонентом коллектива «Православная церковь», завтра — абонентом «Католической церкви», сегодня абонентом партии «монархистов», завтра — партии «коммунистов» и т. д.

Словом, *перегруппировки в области биологических коллективов (расы, пола и возраста) возможны только тогда, когда меняется физический состав населения или само население; перегруппировки в области психосоциальных коллективов возможны и без изменения физического состава населения; они могут происходить и происходят среди одного и того же населения.* Промежуточное положение в этом отношении занимает, как ниже увидим, семья.

Таково вкратце основное различие между «биологическими» и «психосоциальными» элементарными коллективами. Из него вытекают те различия, которые существуют между перегруппировками в области тех и других коллективов. Эти различия сейчас мы увидим из характеристики перегруппировок в соответственных единствах. Перейдем к этой характеристике.

Расовые перегруппировки населения

Спросим себя прежде всего, какого типа перегруппировки возможны в расовых коллективах, возможны ли здесь перегруппировки, состоящие в «разбухании» и в «сокращении» расовых групп? Ответ будет по-

72 2

Система социологии. Том II

ложительным, но с оговоркой: *при условии изменения расового состава самого населения, не иначе.* Если число членов одной расы растет быстрее, чем другой, или *ceteris paribus*, одна раса вымирает быстрее, чем другая, то в итоге должно наступить «разбухание», рост объема одной расовой группы и уменьшение, «сокращение» объема другой. Вне этих демографических факторов рождения и смертности (чем бы повышение и понижение их ни вызывалось) расовая перегруппировка первого типа невозможна. Иные пути — кроме колебания рождений и смертности — для «разбухания» и «уменьшения» расовых групп закрыты. В расовую группу входят только через ворота рождения и выходят из нее через ворота смерти. Правда, может случиться так, что в данной территории в течение нескольких лет процентное отношение лиц разных рас в силу, напр[имер], усиленной иммиграции какой-либо расы может значительно измениться. Но

ясно, что это будет *не расовая перегруппировка*, не превращение белых в черных или наоборот, а *перегруппировка территориальная*, явление циркуляции индивидов определенной расы *из одной территориальной группы в другую*, а не явление циркуляции индивидов *из одной расы в иную*. Не будет расовой перегруппировкой и ассимиляция (по терминологии американцев) одной расовой группы другою, т. е. культурная переработка (по языку, религии etc.) одной расой другой. Такая ассимиляция, как видели, плохо удается, во-вторых, она не изменяет расу как биологический тип; она представляет не расовую, а религиозную, языковую или аналогичную перегруппировку. Объем расовых групп при ассимиляции не меняется, а меняются объемы языковых, религиозных и т. д. группировок. Принадлежность к расовой группе определяется рождением; исключение из нее возможно только смертью. *Расовые группы закрыты и никого не выпускают. Они не только закрыты, но и наследственны в биологическом значении этого слова: дети негров-родителей становятся неграми, дети белых родителей — белыми.* Расовая принадлежность потомства всецело определяется расой родителей и предков. Отсюда вывод: *расовая перегруппировка первого разряда* («разбухание» и «сжатие» объема расовых групп), *возможная только в силу неодинакового колебания кривой смертности и рождений различных расовых групп, зависит от всех тех факторов и условий, от которых зависит колебание кривой смертности и рождения этих групп.*

Спрашивается: происходят ли такие колебания? По-видимому, да; но, к сожалению, статистика в этом отношении дает пока что ничтожный материал. Мы до сих пор знаем только приблизительно даже численность основных рас земного шара. «Принимая популярное деление человечества на пять рас, соответственно цвету кожи, вычисляют, что на 1480 миллионов населения земного шара монголы составляют 40 %, кавказцы — 29 %, малайцы и эфиопы по 15 %, американская или крас-

Глава V. Социальные перегруппировки

7 2 3

нокожая раса — только долю процента»². Как изменялись по своей численности эти расовые группы в течение истории? Таково ли было их взаимоотношение в прошлом, как теперь? Какая из них росла и какая уменьшалась, с какой быстротой и в какие эпохи? — мы не знаем. На этот счет существуют пока только гадания, а не знания. Известно, что путем войн, эпидемий и т. п. явлений вызывались и вызываются иногда довольно значительные уменьшения членов той или иной расовой группы. Но цифровая величина этих изменений не определена. Статистика последних десятилетий отдельных стран также говорит об известных колебаниях объема расовых групп. Примером может служить, напр [имер], статистика С[еверо-]А[мериканских] Соединенных] Штатов. Здесь «пропорция белых возрастала, а пропорция цветных уменьшалась при каждой переписи, исключая 1810 и 1880 гг. С 1790 г. пропорция цветного элемента понизилась с 19,27 % на 11,93 % всего населения, т. е. в настоящее время пропорция цветных менее двух третей той, которая была сто лет тому назад»³.

Если бы это возрастание объема белой расы вызвано было только большей плодовитостью ее по сравнению с цветной, эти цифры показывали бы нам размеры расовой перегруппировки. Они говорили бы нам, что в течение XIX в. объем белой расы в Америке «разбухал», а объем цветной относительно уменьшался, что рост белых в Америке вызван непрерывной иммиграцией сюда белых. В колебании указанных цифр приходится поэтому видеть скорее результат территориальной перегруппировки, а не расовой.

О движении основных (по цвету) расовых групп на всем земном шаре, как сказано, у нас нет статистических данных. Но в применении к отдельным территориям земли имеются кое-какие данные, говорящие о наличии расовых перегруппировок в пределах данной территории. Примером могут служить туземцы островов Фиджи. Число их с 1875 г. (год водворения англичан) уменьшилось с 150 000 до 75 000 [человек] (в 1912 г.). Уменьшение их объясняется не падением рождаемости, а ростом смертности, вызываемым колоссальной пертурбацией их жизни — следствием появления англичан и

их попыток цивилизовать и

² Майо-Смит Р. Стат[истика] и социология, с. 310. Эти данные только приблизительно и относятся к 90-м годам XIX в. К сожалению, расовая статистика

, не организована и до сих пор. В основных курсах и работах, посвященных учению о народонаселении, или совершенно нет расовой статистики, или она только приблизительно. Не дает никаких данных на этот счет и Левассер в своей работе: *La repartition de la race humaine sur le globe terrestre // Bulletin de l'Institut international de statistique*, vol. XVIII, II livr., p. 48-63.

³ Майо-Смит Р. Цит. соч., с. 313-314. Перепись 1900 г. по сравнению с переписью 1890 г. также дала некоторое колебание объема темной расы. В 1890 г. она составляла 120 на тысячу, в 1900 — 116; *Giddings F. The social marking system // American journal of sociology*, vol. 15, p. 731-732.

724

Система социологии. Том II

морализировать фиджийцев⁴. Аналогичные явления были в прошлом, при колонизации белыми Америки, Африки, Азии и [Шовой] Зеландии⁵. Дальнейшим примером могут служить индейцы Америки, постепенно уменьшающиеся в числе⁶. Эти и подобные факты говорят о наличии расовых перегруппировок в пределах определенной территории. Весьма важно было бы вести систематически учет их по всему земному шару. Но, к сожалению, такая работа еще не ведется.

Из сказанного видно, что расовая перегруппировка первого типа имеет место по крайней мере в пределах отдельных территорий. Одни расовые группы здесь с ходом времени «пухнут», другие «худеют», теряют своих членов. Совершается она, как видим, в форме изменения самого населения — людей, а не независимо от этого изменения. Перегруппировка, в конечном счете, происходит в силу изменения кривой рождения и смертности расовых групп⁷, чем бы они ни вызывались: войнами, эпидемиями, экономическими условиями, социальными пертурбациями и т. п.

Следует отметить и другой факт, это *относительную медленность (по сравнению с перегруппировкой социально-психических коллективов) расовых перегруппировок*. Они совершаются десятилетиями и тысячелетиями. Кроме исключительных случаев (вроде войны, эпидемии или исключительно неблагоприятных условий) расовая перегруппировка не совершается вдруг, с панорамной быстротой, резкими скачками (как бывает при государственных или партийных и др. перегруппировках), а протекает относительно ровно, путем постепенного падения или роста кривой смертности или рождаемости. Это и понятно, ибо для данности ее нужно изменить сам физический состав населения. А быстро и значительно уменьшить или увеличить людей определенной расы гораздо труднее, чем «одеть» тех же людей в новый государственный или религиозный или в другой социально-психический костюм⁸.

⁴ См.: *Triggs O. The decay of aboriginal Races // Scientia*. 1913, vol. XIII, p. 149.

⁵ Факты см. в книге: *Энгельгардт М.А.* Прогресс как эволюция жестокости, *passim*.

⁶ Число их по переписи 1890 г. было 248 000. С этого времени, благодаря улучшению американской политики, число их к 1912 г. возросло до 265 000. См.: *McKenzie R.D. Op. cit.*, p. 765.

⁷ Или в силу межрасового полового смешения. Но это явление приводит к образованию гибридов, т. е. новых разновидностей рас и подходит под второй тип перегруппировки. Об этом ниже.

⁸ Поэтому едва ли столь страшно грядущее белой расы, как его рисуют некоторые авторы, напуганные падением плодовитости белой расы и ростом плодовитости других «низших» рас, из чего они делают заключение о гибели культуры и поглощении белой расы разливающимся морем низших рас. См., например]: *Steinmetz R. L'awenire della razza // Rivista italiana di sociologia*. 1910, p. 485-509. 1. Сравнительная плодовитость различных рас еще не исследована. Многие, напр[имер], Ратцель, утверждают, что «у диких народов рождаемость

Не останавливаясь подробнее на этом вопросе, мы можем думать, что процессы разбухания и похудения расовых групп, прежде всего в пределах отдельных территорий, а затем и в пределах всего земного шара, совершались и совершаются. Если на той или иной территории происходит этот процесс интенсивно и расовый состав населения значительно меняется, то, поскольку с расовыми признаками связаны признаки социально-психического характера, следует ждать изменений и в социально-психической жизни данной территории, иначе говоря, в ходе общественных процессов. Ряд исследователей попытались очертить такие пертурбации⁹. Если конкретные их выводы спорны, то основное указанное положение едва ли подлежит сомнению. В «Социальной механике» я постараюсь подтвердить эту теорему.

Перейдем теперь к рассмотрению расовых перегруппировок второго рода. *Наблюдаются ли здесь такие перегруппировки, чтобы в итоге. 1) некоторые из существующих расовых групп вполне исчезли или чтобы 2) на месте определенного числа существовавших расовых групп образовалось иное число их, т. е. появились новые расы или расовые разновидности!*

Ответ на эти вопросы зависит от того, будем ли мы иметь в виду основные расы или расовые разновидности и более мелкие подразделения. Хотя и в этом отношении пока что нет достаточного статистического материала, однако такие формы перегруппировок, по-видимому, происходили и происходят. По крайней мере это можно вполне утверждать относительно расового населения отдельных территорий земного шара. Фактами такого рода служат явления *полного вымирания* отдельных расовых групп, в частности, т[ак] называемых] «диких народов», принадлежащих к небелой расе, в ряде территорий Америки, Австралии, Океании и отчасти Азии при соприкосновении с белой расой. Такими фактами богата история колонизации этих стран. «В борьбе с торжествующими силами природы... упадок диких народов может доходить до полного уничтожения целого народа, — говорит Ратцель. — При бли-

обыкновенно очень мала» (*Ратцель Ф.* Народоведение. СПб., 1902, т. I, с. 11). 2. Важна не только плодovitость, но и смертность, а у наиболее плодovitых стран и смертность обычно велика, так что избыток рождений может аннулироваться избытком смертности. 3. Если бы даже белая раса размножалась медленнее (что пока в целом не доказано), то при меньшей смертности и при методе истребления («во славу прогресса и культуры!») иных рас она, как и в прошлом, не только не обречена на похудение и поглощение в течение истории. Наконец, как видим, процесс расовой перегруппировки идет медленно: «низшие расы» при таком темпе могли бы окультуриться или тоже потерять плодovitость или окультуренные взять в свои руки знамя цивилизации и нести его дальше. Словом, страхи преувеличены и лишены серьезных оснований.

⁹ См., напр[имер], указанные выше работы *Аммона, Яанужа, Ничефоро, Морселли*. См. также: *Вольтман Л.* Политическая антропология. СПб., 1905, *passim* и гл. 8, 9 и 10; *Лебон Г.* Психология социализма. СПб., 1908.

726

Система социологии. Том II

жайшем рассмотрении мы видим здесь два случая: самоуничтожение и вымирание под влиянием высшей культуры»¹⁰.

Примеры. На Сан Доминго, по свидетельству аббата Жантти, из миллиона туземцев в течение нескольких десятилетий осталось только 14 000 душ. «Кук считал на Таити от 150 до 200 тыс. жителей; теперь (в 60-х годах XIX в.) там едва ли 15 000». «На Сандвичевых островах в 1778 г. Кук считал 400 000 жителей. Гопкинс в 1823 г. полагал их 130 000, в 1849 г. — 80 000, в 1860 г. считалось не более 67 000». Туземное население Новой Зеландии в 1841 г. было около 104 000, в 1858 г. — только 55 467, в 1864 г. — не более 47 000. На Вандименовой земле еще в начале XIX в. насчитывалось около 6000 туземцев; в 1843 г. из них осталось в живых только 54; в 1857 г. — 16 чел[овек], в 1862 г.

— 8 человек, в 1864 г. на празднике губернатора в Гобард-тауне присутствовали последние четыре туземца, остатки угасшего народа¹¹.

Угасающие расовые группы в этой территории замещаются белыми, постепенно плодящимися и растущими в своем числе¹². То же происходит и в других местах.

«Сев[ерная] Америка до 95° зап[адной] долг[оты] выказывает только жалкие остатки индейских племен: в Виктории и Нов [ом] Южном Уэльсе можно насчитать не более 1000 потомков туземцев... и окончательное европеизирование Сев[ерной] Азии, Сев[ерной] Америки, Австралии и Океании является только вопросом времени»¹³.

Угасают, как мы видели, фиджийцы, в течение 37 лет уменьшившиеся с 150 000 до 75 000. Угасают краснокожие Америки, число которых теперь уже весьма незначительно и т. д. Фактов такого рода происходило и происходит немало. «Дикие народы (как представители иных расовых групп) погибают от соприкосновения с европейцами и цивилизацией. Причиной их упадка на первом плане надо считать истребительную войну, затем — занесенные болезни, алкоголь, изменение образа жизни, большую детскую смертность, наконец, психические причины»¹⁴ и т. д. Словом, такая перегруппировка, ведущая в силу разных причин к полному исчезновению расовой группы определенной территории, факт несомненный. То же приходится сказать и о расовых группах, взятых не с точки зрения цвета, но с точки зрения других антрополого-

¹⁰ Ратцель Ф. Народоведение, т. I, с. 11.

¹¹ Лавров П.Л. (Арнольд). Цивилизация и дикие племена. СПб., 1904, с. 141—148. См. множество аналогичных фактов в книге Энгельгардта «Прогресс как эволюция жестокости».

¹² Так, напр[имер], в Новой Зеландии европейское население с 1851 по 1861 г. возросло с 27 707 ч[еловек] до 98 915; в 1864 г. оно увеличилось до 171 931 человека, а туземцы с 1841 г. до 1864 г. уменьшились с 104 000 до 47 000. Одна расовая группа разбухла, другая — сократилась (Лавров-Арнольди. Цит. соч., с. 144).

¹³ Ратцель Ф. Цит. соч., т. I, с. 12.

¹⁴ Вольтман Л. Политическая антропология, с. 275-276.

Глава V. Социальные перегруппировки

расовых признаков. «Угасла напр [имер], раса *Pithecantropus erectus*^{1*}, неандертальского человека и многих других доисторических племен, следы существования которых сохранились для нас в жалких остатках их костей и орудий»¹⁵.

Таким путем происходила и происходит постоянно расовая перегруппировка человечества второго типа.

К тому же результату — к исчезновению одних расовых групп, к расширению других и к появлению новых расовых разновидностей — приводит *физиологическое смешение рас путем полового спаривания разно-расовых особей, дающего все новые расовые гибриды и разновидности*. Несмотря на то, что разнорасовые особи особенно далеко отстоящих друг от друга рас обнаруживают меньшую тенденцию к половому спариванию и браку друг с другом, чем с особями однорасовыми, такие спаривания или смешение расовой крови происходило и происходит в истории человечества. Множество расовых гибридов или разновидностей и вариаций обязаны своим бытием именно такому спариванию. Этот факт не отрицается ни сторонниками моногенетического происхождения расовых групп, ни сторонниками полигенетической теории. «Тысячи наблюдений показывают нам, — говорит Ратцель, что (при миграциях расовых групп) расы не могут оставаться неизменными... Смешение во многих частях земли происходит с необычайной быстротой. Из северной и восточной Африки арабы и берберы проникают к неграм... Готтентоты замещаются смешанной с ними европейской расой. В Канаде смешение с индейцами свойственно почти всем французским поселениям; в средней и южной Америке метисы и мулаты уже и теперь многочисленнее чистых индейцев. В Океании малай-полинезийцы давно уже проникли в среду тихоокеанских чернокожих... Однажды начавшееся смешение идет все дальше и дальше»¹⁶. «Вообще для человеческих

групп, где бы их ни видели на земле, смешение является правилом, а чистота расы исключением»¹⁷. «В настоящее время существует только немного народов (и то вопрос. — П.С.), — принужден признать Вольтман, апологет относительной чистоты рас, — состоящих из вполне чистокровных индивидуумов... История, как известно, беспорядочно множит расы»¹⁸. Будем ли мы брать за основной признак расы цвет кожи и волос или головной показатель черепа, или другой анатомический признак, наблюдение говорит, что во всех группах, различных по этим признакам, смешение происходило и имеет место во всех частях земли. Исследования Вирхова, Аммона, Лапужа и др. относительно расового состава Европы

¹⁵ Там же, с. 275.

¹⁶ Ратцель Ф. Цит. соч., с. 12.

¹⁷ Корончевский Д.А. Расов[ая] и этническая группировка человечества (приложение ко II тому «Народонаселения» Ф. Ратцеля, с. 825-826).

¹⁸ Вольтман Л. Цит. соч., с. 82.

728

Система социологии. Том II

показали, что по всем этим признакам оно в сильной степени смешанное население. «Более половины всех детей, обучающихся в школах средней Европы (с точки зрения качеств блондина и брюнета), принадлежит к смешанным типам». На севере Германии преобладают блондины, на юге — брюнеты. «Более частое появление брюнетов (на юге) может быть объяснено только смешением германцев (блондинов) с другими более или менее смуглыми народами»¹⁹. То же смешение подтверждает исследование населения и с точки зрения длинноголовости и короткоголовости. Появление средних между ними типов — результат смешения длинноголовых с короткоголовыми²⁰.

Еще резче тот же факт проявляется в других странах, где даны резко различающиеся друг от друга расы. Так, в начале XX в. из 265 000 индейцев Америки только 58,4 % были чистокровными, 35,2 — смешанной крови, 8,4 % — неизвестно какой крови²¹. По цензу 1890 г. из 7470 040 негров мулатов, квартеронов и окторонов, т. е. гибридов негритянской расы с другими расами было 1131 060²².

Не приводя других фактов, из сказанного несомненен факт физиологического смешения рас и образование расовых гибридов, т. е. все новых и новых разновидностей рас. Так было в прошлом, так продолжается и теперь. А это означает, что в истории человечества происходит постоянная расовая перегруппировка второго типа, т. е. исчезновение одних расовых групп, если не повсеместное, то по крайней мере в пределах определенных территорий, и появление новых расовых гибридов или вариаций. Это значит, что расовая группировка человечества меняется не только в смысле «разбухания» или «сужения» существующих расовых групп, но и в более резкой форме — в форме исчезновения одних видов рас и появления новых.

Было бы весьма важно исследовать статистически и систематически интенсивность и детальные формы такой перегруппировки на всем земном шаре за более или менее длительный период времени, но, к сожалению, такая работа пока не произведена и не производится²³.

¹⁹ Ранке Л. Человек. СПб., 1901, т. II, с. 321.

²⁰ Там же, с. 329-332. Согласно Лапужу, «большинство населения Европы состоит из смешения всех степеней между европейским и альпийским человеком, причем большинство метисов приближаются к последнему» (*Lapouge V. Les selections sociales*, p. 10-27).

²¹ McKenzie R.D. Op. cit, p. 765.

²² Майо-Смит Р. Цит. соч., с. 313. По сообщению Hoggan'a, мулаты в южных штатах С[еверо-]А[мериканских] Соединенных Штатов составляли в 1870 г. 12 % всего населения, в 1890 г. — 15,2 %. Hoggan F. The american negro and race blending // The Sociological]. Review. 1909, октябрь.

²³ В 1912 г. Парижским Антропологическим Об[ществом]ом была предпринята подобная работа путем специальной анкеты. См.: *Revue Anthropologique*. 1912, сентябрь-октябрь. К сожалению, мне неизвестно, что из нее вышло, т[ак] к[ак] я не имею журнала и литературы за позднейшие годы.

Глава V. Социальные перегруппировки

729

Не обладая такими данными, можно, однако, утверждать, что такая перегруппировка совершается сравнительно с быстротой перегруппировок социально-психических групп несравненно медленнее. Там они могут происходить без изменения физического состава самого населения, здесь они происходят неизбежно только путем изменения физической природы людей. Поэтому сколько-нибудь значительные изменения расового расслоения требуют относительно гораздо больше времени, чем социально-психические перегруппировки. Если бы не было скрещивания, это изменение расового состава человечества происходило бы еще медленнее. Для такого изменения «требовались бы многие и многие века, даже тысячелетия»²⁴. Но и при скрещивании процесс значительного изменения карты расового расслоения идет медленно. Доказательством тому служит само многовековое и тысячелетнее существование основных рас — белой, черной, желтой и краснокожей. Как ни смешивались они в течение истории, сколько ни образовывали гибридов, — до сих пор все они существуют и не исчезли²⁵. То же применимо и к расовым типам долихоцефалов и брахицефалов и к отдельным разновидностям рас. «В высшей степени замечательно, — говорит Ранке, — что после всех тех бурь, которые пронесли над областью (Средней Европы), после всех многочисленных смен языков и нравов, все же так ясно (и теперь) сохранились этнические отношения, которые восходят до отдаленной доисторической жизни этих стран, не оставившей никакой письменности»²⁶. «Наблюдение показывает нам, — говорит Коропчевский, — что языки меняются гораздо быстрее и легче, чем физический (расовый) тип»²⁷. Раз такая перегруппировка требует изменения самих людей, то естественно, что она может совершаться гораздо медленнее, чем социально-психические (языковые, государственные, партийные etc.) перегруппировки, которые похожи на перемену костюма одним и тем же населением. Эту медленность увеличивает ряд препятствий, либо мешающих росту случаев самого разнорасового смешения, либо обезвреживающих результаты последнего. К числу препятствий первого рода относятся: естественная репульсия к половому скрещиванию со сторо-

²⁴ *Morselli. Le razze umane e il sentimento di superiorita etnic*, p. 331.

²⁵ Устойчивость и чистота расовой группы даже при смешении поддерживается кроме того существующим, по-видимому, процессом расовой «очистки от примесей» — «*Entmischungen*», состоящим в том, что «элементы чуждых рас, когда они не слишком многочисленны, через много поколений снова могут быть совершенно выключены из расового плазматического процесса зародышевой ткани. Классическим примером этого могут служить египтяне, которые, как показал Pruner-Beu, несмотря на преходящие смешения с неграми, семитами, греками и турками, сохранили свой расовый тип неизменным» (*Вольтман Л.* Цит. соч., с. 80).

²⁶ *Ранке Л.* Человек, т. II, с. 334.

²⁷ *Коропчевский Д.Ф.* Цит. соч., с. 832.

730

Система социологии. Том Я

ны разнорасовых индивидов и юридическое запрещение разнорасовых браков, имевшее место как в прошлом, так и в настоящем. «Расовое чувство ведет к социальной и половой замкнутости во вне и к чистому отбору крови внутри»²⁸. Так как каждая раса, как видели, имеет свой идеал красоты, то другие расы кажутся ей безобразными. Это обстоятельство мешает возникновению полового влечения, поэтому препятствует и возникновению полового смешения; только тогда, когда половой импульс не может быть удовлетворен с членами своей расы, «на худой конец» он удовлетворяется с членами

других рас. Этот факт подтверждается и статистически. «Индивиды, — правильно говорит Benini, — принадлежащие к сходным группам, предпочитают для супружеской жизни, принадлежащие же к несходным группам, отталкиваются»²⁹. Исходя из этого положения, он сам, а после него Savorgnan, показали, что это общее правило применимо и к расе³⁰: разнорасовые браки дают меньший процент, чем однородные. На этой почве появилось и юридическое запрещение разнорасовых браков; они даны в древности у ряда примитивных групп, в форме правил эндогамии, запрещающих внегрупповые браки; в форме запретов межкастовых половых смешений и браков, в форме *jus connubi* в Риме, запрещавшем брак патрициев и плебеев, или позже — брак римлянина с варваркой; такие же запреты известны у древних германцев, у саксов и др.³¹ То же мы видим и в наше время в Америке.

Все эти обстоятельства препятствуют росту межрасового смешения. Но если оно и происходит, то появляется ряд условий, так или иначе мешающих размножению гибридных форм. Прежде всего — ужасное положение этих гибридов. Они в древности прямо убивались и в силу этого не могли быстро размножаться. Позже, хотя они и не убивались прямо, но убивались косвенно: чуждые обеим чистым расам метисы и мулаты попадали в ужасное положение.

Они были чужими для всех. Их положение (как видим это на фактах Америки) наихудшее из всех рас, даже самых низших³².

Следствием этого была задержка их размножения; этой же медленности способствует указанный процесс «очищения расы» от вошедших в нее примесей.

При таких условиях быстрый рост расового смешения и размножения гибридов задерживается, и медленность расовой перегруппировки возрастает еще больше.

Из сказанного следует, что *линии расового расслоения человечества хоть и медленно, но меняются; одни расовые вариации и разновидности*

²⁸ Вольтман Л. Цит. соч., с. 267.

²⁹ Benini. Principi di demografia. 1901, p. 129.

³⁰ См.: Savorgnan F. Verschmelzung und Gegenseitige Penetration der Rassen und Nationalitäten // Archiv f[iir] Sozialwiss[enschaft] und Sozialpolitik, Bd. XXXV, Th. 3.

³¹ См.: Вольтман Л. Цит. соч., с. 265 и сл.

³² См.: Hoggan A. Op. cit.

Глава V. Социальные перегруппировки

731

уменьшаются и исчезают, другие — растут; рядом с ними появляются новые вариации и гибриды. Так было в прошлом, так же продолжается и теперь. Поскольку же изменение расовых свойств функционально связано с изменением психосоциальных свойств людей, отсюда следует, что эти перегруппировки рас влекут за собой изменения в общественной жизни людей и в их поведении. Если в работах представителей антропологической школы роль расового фактора часто оказывается преувеличенной, если их объяснения ряда социальных процессов, напр[имер], падения народов, гибели государств, декаданса цивилизации, не говоря уже о процессах появления каст, сословий и т. д., часто односторонни и неудачны³³, то из этого не следует, что расовый фактор не имеет значения или что расовая перегруппировка не вызывает никаких изменений в течении социальных процессов и в исторических событиях. Эффекты изменения расового состава населения в силу медленного темпа расовой перегруппировки не всегда заметны и ускользают от поверхностного наблюдения; но они несомненны, и в «Социальной механике» будет очерчена их роль в общественных процессах. Ограничимся сказанным в характеристике расовой перегруппировки второго рода.

Теперь спросим себя: *знает ли история человечества такие расовые перегруппировки, где само расовое расслоение совершенно исчезало бы, где, говоря образно, все линии расового расслоения были бы заглажены?*

Практически такое состояние означает полное отсутствие расового расслоения или расовое тождество всех людей. Если иметь в виду все человечество, то, очевидно, история

людей такого состояния не знает.

Если оно когда-нибудь и было, то только на заре человеческой истории и то при предпосылке моногенетического происхождения человечества. А такая предпосылка, как известно, продолжает оспариваться³⁴, это раз, во-вторых, со времени появления расовой дифференциации расовое расслоение не исчезло. Это несомненно в применении ко всему человечеству. Иначе обстоит дело в применении к отдельной местности. В итоге уничтожения одними группами других, или эпидемии, или эмиграции, или вымирания, или длительного скрещивания расовый состав населения определенной ограниченной местности может в конце концов стать более или менее однородным, т. е. расовое расслоение здесь может исчезнуть, изгладиться; но, очевидно, такое явление может иметь лишь местный характер. Став однородной по своему составу, такая группа как целое тем резче будет отличаться от населения иных местностей.

³³ См. напр[имер], ряд положений в работах *Лапуэжа, Аммона, Лебона, Вольт-мана, Гобино* (Essai sur l'inegalite des races humaines. Paris, 1854). В более позднее время таковы же ст[атьи], напр[имер], *Fahlbeck'a*. La decadance et la chute des peuples // Bulletin de l'Institut international de st[atistique], vol. XV, II livre, p. 367-389; *Jordan a*: La moisson humaine // Rev[ue Internationale de] Soc[iologie]. 1911, p. 673-712 и др.

³⁴ См. напр[имер], *Sergi G*. Le origine umane. Torino, 1913.

732

Система социологии. Том II

Линии расового расслоения, исчезнув внутри данной местности, появятся на ее границах.

Словом, такое местное исчезновение расового расслоения означает не исчезновение его вообще, а только передвижку «траектории» линий расовой дифференциации с одного места на другое; т. е. в итоге сводится к расовой перегруппировке первого и второго рода.

Есть ли шансы на то, что в будущем это расслоение исчезнет или может быть уничтожено? Не будем пророчествовать о том, что случится чрез миллионы лет. Но можно утверждать с большой вероятностью, что в течение ближайших столетий и даже тысячелетий такая перегруппировка не может иметь места, т. е. расовое расслоение не может вполне исчезнуть. Трудно допустить, чтобы одна из основных крупных рас могла бы быть целиком уничтожена, трудно допустить, чтобы скрещивание рас приняло столь интенсивный характер, что в итоге все расы стали бы «одинаково серыми»; напротив, мы видели, что скрещивание создает все новые и новые гибриды; измалывая одни расовые несходства, оно творит новые. Словом, в течение довольно долгого времени (если не всегда) расовое расслоение в той или иной форме будет существовать, а следовательно (увы!) будут существовать и его последствия: расовый антагонизм, расовая борьба и расовая эксплуатация в той или иной, хотя бы и в более мягкой форме.

Присматриваясь к истории расовых перегруппировок, мы можем заметить лишь одно явление: *это постепенную и медленную «парцелляцию» расовых групп и разновидностей, т. е. постепенное дробление немногочисленных вначале и резко отличающихся друг от друга расовых групп и замещение их все большим и большим числом расовых групп гибридного происхождения, различающихся друг от друга не так резко, как первые.* История дробит в своем течении небольшое число первоначальных расовых льдин на все более и более многочисленные куски; число последних по мере удаления от истоков истории увеличивается. Межльдинные полосы воды становятся, быть может, не столь великими, как у истоков, зато число их растет. Но и этот процесс, о котором подробная речь пойдет в «Генетической социологии», идет такими «кривулями» и столь медленно, что понадобятся тысячелетия, чтобы эту парцелляцию довести до распада огромных льдин белой, черной и желтой расы на многочисленные мелкие куски различных промежуточных расовых групп.

Ограничимся этим в характеристике расовых перегруппировок.

Половые перегруппировки

Очертим кратко половые перегруппировки с указанных точек зрения. Как и расовые перегруппировки, они могут совершаться только с

Глава V. Социальные перегруппировки

733

изменением полового состава населения. Вне его они невозможны, ибо всякий навеки прикреплен к своему полу и не может по произволу из мужчины стать женщиной или обратно. Факты увеличения или уменьшения мужчин или женщин в данном месте под влиянием, напр[имер], иммиграции или эмиграции одного пола, как показано в применении к расам, означают не половую перегруппировку, т. е. выключение индивидов определенного пола из своей группы и переход в другую половую группу, а просто территориальную перегруппировку индивидов определенного пола. Легко понять поэтому, что *половая перегруппировка в конечном счете совершается (как и расовая) только путем неодинакового колебания кривой смертности и рождений лиц разного пола, чем бы эти колебания ни вызывались.*

Изучение полового распределения человечества, как известно, показывает факт т[ак] называемого *равновесия полов*. В общем и целом численность обоих полов на земном шаре оказывается близкой к равенству. На тысячу мужчин в общем приходится тысяча женщин³⁵. По отдельным странам имеются колебания, вызываемые разными причинами, но эти колебания в общем незначительны. Представление о них дают следующие цифры Бюхера для 1892 г. Части света. Лиц женского пола на каждую 1000 лиц мужского пола:

Европа	1024	Австралия	852
Америка	973	Африка	968
Азия	958	Всего	988 ³⁶

При более детальном изучении населения отдельных стран эти колебания таковы:

На 1000 мужчин приходится женщин

Норве	1	Венгрия	
гия	091		015
Шотла	1	Франция	
ндия	072		014
Швец	1	Италия	
ия	065		89
Англи	1	Сербия	
я с Уэльсом	064		47
Швей	1	Греция	
цария	057		29
Австр	1	Соединенные]	
ия	044	Штаты	52 ³⁷
Герма	1	Россия	
ния	039	Европейская] (без	
Ирлан	1	Польши	и
дия	029	Финляндии])	038 ³⁸

³⁵ См. об этом: *Майр Г.* Статистика и обществоведение, т. II, с. 94-95; *Майо-Смит Р.* Статистика и социология, с. 47-48.

³⁶ *Майр Г.* Цит. соч., с. 98.

³⁷ *Майо-Смит Р.* Цит. соч., с. 47.

³⁸ *Annuaire intern [ational] de statistique.* La Haye, 1916, p. 43.

Е	1	Австр	
вропа	024	алия	52
А	9	Афри	
мерика	73	ка	68
А	9	Всего	
зия	58		88 ³⁶

Из этих данных видно, что колебания равновесия полов в общем и целом незначительны. Спрашивается: даны ли в области половых групп перегруппировки первого типа, т. е. возможно ли и бывает ли здесь «разбухание» мужской группы за счет женской или наоборот? Ответ гласит, что такие колебания имеют место, но в весьма ограниченных размерах. Амплитуда колебания таких перегруппировок очень незначительна. Не только в применении к населению всего земного шара, но и в применении к населению не очень маленькой местности можно сказать, что численный перевес одного пола над другим никогда не бывает сколько-нибудь значительным и взаимоотношение половых групп не подвержено в ходе времени резким колебаниям. Сказанное иллюстрируют нижеследующие цифры.

В Германской империи на 1000 мужчин приходилось женщин:

1871	037
г.	
875	036
880	039
885	043
890	040
895	037 ^м
900	032
910	026"

По другим европейским странам статистика дает такие цифры:

Страна	Ст	Год	Население на 1000 мужчин	Страна	Ст	Год	Население на 1000 женщин
Россия	П	1871	1000	Англия (без Шотландии)	А	1871	1000
		1880	1033			1880	1041
		1890	1031			1890	1055
		1900	1023			1900	1068
		1910	1046			1910	1067
Австро-востр.	А	1871	1046	Италия	И	1871	995

Венгрия	1900	1910	1901	1911
	34	36	10	36

Майр Г. Цит. соч., с. 98.

Annuaire intern [ational de] stat[istique]. 1916, p. 41.

Глава V. Социальные перегруппировки

735

Страна	Год	Население на 1000 мужчин	Страна	Год	Население на 1000 женщин
Бельгия	1846	1062	Норвегия	1855	1041
	1880	1001		1875	1060
	1919	1013		1900	1082
	1910	1016		1910	1099
Болгария	1887	964	Финляндия	1850	1055
	1900	960		1880	1043
	1919	961		1900	1021
Франция	1851	1010		1910	1014
	1881	1004	Швейцария	1850	1064
	1919	1032		1880	1061
	1911	1035		1900	1049

Как видно отсюда, несмотря на пертурбации, вносимые войнами, эмиграцией и иммиграцией и другими условиями, чем и объясняются главным образом приведенные колебания цифр, несмотря на это, цифры половых перегруппировок в каждой стране сравнительно невелики: они почти не превосходят цифры 50 на тысячу. Если бы исключены были отсюда иммиграция и эмиграция, вызывающие территориальную перегруппировку разных полов и другие пертурбационные влияния, эти колебания были бы еще меньше. Отсюда вывод: *половые перегруппировки первого типа имеют место, но совершаются в весьма ограниченных пределах.*

Раз эти перегруппировки в конечном счете могут происходить только в силу неодинакового колебания кривой смертности и рождений обоих полов и раз они, как видим, колеблются весьма мало, то, очевидно, кривая смертности и рождений обоих

полов должна быть постоянной и устойчивой. Статистические цифры, как известно, вполне подтверждают это положение.

В общем и целом мальчиков рождается больше, чем девочек; (в среднем на 100 рождений девочек приходится 106-107 рождений мальчиков; среди мертворожденных процент мальчиков выше: он колеблется от 125

⁴¹ *Annuaire international de] stat[istique]*, p. 40-43. Там же см. цифры относительно других стран.

73 6

Система социологии. Том II

до 150 на 100 девочек). Но зато и относительная смертность мужчин выше, чем женщин: если принять цифру смертности мужчин равной 100, то цифры женской смертности выражаются цифрами меньшими 100, но и не спускающимися ниже 86-87. Эти взаимоотношения мужской и женской рождаемости, как показал это особенно убедительно Gini, исследовавший этот вопрос для населения 44 государств Европы в течение XIX и XX вв., для 17 государств в течение XVIII в. и для большого числа государств других континентов, представляют взаимоотношения устойчивые, подверженные самым ничтожным колебаниям⁴².

То же приходится в общем сказать и о цифрах сравнительной смертности. Временные колебания в них могут быть вызваны исключительными явлениями, напр[имер], длительной и кровавой войной, уносящей главным образом мужчин, и т. п. событиями, но эти колебания временны и опять-таки имеют весьма ограниченную амплитуду.

Объяснение устойчивости этих пропорций рождения и смертности обоих полов сейчас не интересует⁴³. Констатируем самый факт устойчивости, делающий понятным ограниченные размеры половой перегруппировки населения. Он говорит о том, что для сколько-нибудь численного населения совершенно невероятно такое «разбухание» одной половой группы, при котором она превосходила бы другую вдвое или большее число раз. Границы полового расслоения колеблются, но весьма мало. Каждая половина, расширяясь или сжимаясь, «танцует кадрили» на одном месте, не врываясь, так сказать, в центр другой половины. Отсюда же следует и *медленность процесса половой перегруппировки*. Она еще в большей степени, чем расовая, не может совершаться резко, скачками, моментально. Если явления войн или резкого повышения иммиграции или эмиграции одного пола иногда заметно нарушают существующее равновесие, то это явления временные и местного характера, это раз; во-вторых, и они, как мы видели, производят сравнительно небольшие отклонения⁴⁴.

Если так дело обстоит с перегруппировками первого рода, то легко понять, что *половые перегруппировки второго и третьего рода для сколь-*

⁴² См.: Gini C. *Il sesso dal punto di vista statistico. Le leggi della produzione dei sessi*. 1908. См. также: Майр Г. Цит. соч., с. 261-265, 319-324; Майо-Смит Р. Цит. соч., с. 48, 85, 153 и др.

⁴³ Интересующихся отсылаю к прекрасной работе Gini; из нее же можно усмотреть и тот факт, что рождаемость того или иного пола мало зависит от преходящих психосоциальных условий.

⁴⁴ Было бы весьма интересно знать отклонения, вызванные минувшей войной. К сожалению, я не располагаю надлежащими цифрами ввиду недоступности иностранных материалов за последние годы. Известно лишь, что за 1915 г. данные Парижа дали 103 рождений мальчиков на 100 рождений девочек, т. е. для крупных городов цифру нормальную. Gide Ch. *La reconstitution de la population frangaise*// *Rev[ue] internationale de] Soc[iologie]*. 1916, p. 139.

Глава V. Социальные перегруппировки

7 3 7

ко-нибудь значительных комплексов населения невозможны. Волею судеб имелось и имеется в человечестве два пола и их не может быть ни больше, ни меньше. Это значит, что половые перегруппировки второго типа, при которых одна половая группа целиком

бы поглотила другую или на место двух половых групп образовались бы три или большее число половых коллективов, не могут иметь места. Правда, в какой-либо семье или даже в небольшой деревне может иногда исчезнуть, напр[имер], вымереть, один пол, но и такое явление представляет исключение даже для столь ничтожных групп; для больших же комплексов населения, занимающих сколько-нибудь значительную территорию, такое явление невозможно. Не требует доказательств и невозможность половой перегруппировки третьего типа, т. е. полное уничтожение полового расслоения или что то же — превращение всех индивидов в представителей одного пола. Такая перегруппировка не имела места в истории человечества, не может случиться и в будущем.

Таковы основные черты половых перегруппировок.

Возрастные перегруппировки

Возрастные перегруппировки во многом сходны с расовыми и с половыми. Они могут совершаться не иначе, как с изменением самого населения, т. е. различных возрастных групп, из которых оно состоит. Возраст и связанные с ним свойства нельзя менять по желанию: дитя не может моментально стать стариком, старик — юношей. Для превращения молодого в старца нужно время; время же является непреодолимым препятствием для обратного процесса.

В сложном социальном агрегате, населении — всего ли земного шара или отдельной его части — одновременно сосуществуют различные поколения, следовательно, различные возрастные группы. «Благодаря совместному сосуществованию различных поколений, человеческое общество представляется как бы бесконечным пучком, в который вплетены нити различной длины, соответственно индивидуальным различиям возраста отдельных лиц»⁴⁵. Поскольку с возрастом связаны многие свойства биологического, психического и социального характера, очевидно, преобладание в данном агрегате лиц того или иного возраста — факт не безразличный для хода общественных процессов. Сложный социальный агрегат, в котором преобладают главным образом старики и младенцы, а трудоспособные группы, напр[имер] от 20 до 50 лет, составляют ничтожный процент, очевидно, и по своей организации, и по всему характеру общественной жизни будет резко отличаться от такого же агрегата с преобладанием трудоспособных возрастных групп⁴⁶. Отсюда понятна

⁴⁵ Майр Г. Цит. соч., с. 102.

⁴⁶ Подробно об этом в «Социальной] механике».

24 Система социологии

738

Система социологии. Том II

важность и значение возрастного состава населения и тех изменений, перегруппировок, которые происходят в этой области социального расслоения. В каком же виде рисуются эти перегруппировки и возрастной состав населения? С интересующей нас точки зрения суть дела здесь вкратце такова. Во-первых, хотя любой агрегат (общество) состоит из лиц разных возрастов, но не везде процентное отношение составляющих агрегат возрастных групп одинаково: различные комплексы населения в этом отношении обнаруживают некоторые различия. Представление об этом дает следующая таблица возрастного состава населения разных стран по переписи 1910 г., показывающая пропорцию каждой возрастной группы на 100 человек населения⁴⁷. Если взять население сел и городов с возрастной точки зрения, то эти различия их возрастного состава обнаружатся еще резче. В населении деревни процент молодых и стариков значительно выше, чем в городе⁴⁸.

возраст населения	Германия (1910)	Австрия (1910)	Бельгия (1910)	Болгария (1905)	Франция (1911)	Англия (1911)	Италия (1911)	Норвегия (1910)	Европейская
-------------------	-----------------	----------------	----------------	-----------------	----------------	---------------	---------------	-----------------	-------------

0									
-19 лет	3,73	4,48	9,79	9,69	3,89	9,89	3,17	5,08	8,70
20-39	30,2	28,5	31,2	26,5	30,5	32,5	27,3	25,8	28,42
0-39	8	6	0	2	0	6	2	7	15,93
40-59	18,1	18,6	19,5	15,2	23,0	19,5	19,0	17,7	6,92
0-59	1	7	8	4	4	2	1	8	
60 и старше	7,88	8,29	9,43	8,55	12,5	8,04	10,1	11,0	
0 и старше					7		5	3	

Из этих цифр виден неодинаковый возрастной состав населения разных мест и стран.

Спрашивается, происходят ли перегруппировки возрастного состава населения с ходом времени? Возьмем для начала перегруппировки *I-go типа*, т. е. такие, где одни из существующих возрастных групп разбухают, а другие сокращаются. Даны ли такие процессы возрастной перегруппировки? Они даны и имеют место, хотя объемы разбухания и сокращения возрастных групп колеблются в ограниченных размерах. Как и

⁴⁷ *Annuaire international de] stat[istique]. 1916, p. 104-116.* Там же см. данные о других странах и данные более детальные. На с. 118-119 дано прекрасное графическое изображение этих различий. Ряд интересных данных, относящихся косвенно к данной проблеме, см. в книге: *Новосельский С.А.* Смертность и продолжительность жизни в России. Пг., 1916, с. 135 и ел., 148-155 и passim. См. также: *Майр Г.* Цит. соч., с. 108 и ел.; *Майо-Смит Р.* Цит. соч., с. 53 и ел.

⁴⁸ См.: *Майр Г.* Цит. соч., с. 113-115; *Майо-Смит Р.* Цит. соч., с. 54. Детали см. в *Annuaire Statistique des grandes villes europeennes. Budapest, 1913, p. 40-42.*

Глава V. Социальные перегруппировки

739

при половой перегруппировке, амплитуда колебания невелика. Это видно из следующих таблиц, показывающих доли возрастных классов в Германии с 1871 по 1890 г. и во Франции с 1791 по 1891 г.

Процентные доли возрастных классов в Германии

Возрастные классы	1871	1875	1880	1883	1890
До 5 лет	2,85	3,38	3,87	3,08	3,01
5-Ю лет'	1,25	1,23	1,42	1,81	1,19
10-25	0,39	0,26	0,33	0,62	0,95
15-20	,11	,47	,33	,45	32
20-25	,63	,31	,56	,45	61
25-30	,82	,61	,32	,57	58
30-40	3,31	3,37	2,99	2,65	2,76
40-50	0,64	0,29	0,36	0,55	0,38
50-60	,35	,42	,97	,70	83
60-70	,20	,14	,32	,46	20

70-80	2	2	2	2	2,
и	,09	,15	,14	,22	36
старше	,36	,37	,39	,43	42
и	0	0	0	0	0,

Процентные доли возрастных классов во Франции

Возрастн ые классы	1791	1851	1891
10 лет и молоче	25,4	18,5	17,5
11-20	19,3	17,6	17,5
21-30	14,9	16,3	16,3
31-40	13,5	14,7	13,8
41-50	12,3	12,5	12,3
51-60	7,6	10,2	10,1
61-70	4,9	6,5	7,6
71 и выше	2,1	3,7	4,9 ⁴⁹

⁴⁹ Майр Г. Цит. соч., с. 117. Цифры колебаний возраста, групп за 1900-1910 гг. в европейских странах см. в *Annuaire international de statistique*, p. 104 и ел.

740

Система социологии. Том II

Как видно из этих таблиц, возрастные перегруппировки населения первого типа имеют место, но совершаются они *в весьма ограниченных размерах*. Цифры второй таблицы показывают, что в ней процентная доля молодых, особенно до 10 лет, постепенно падает, а группы более старших «разбухают». Население Франции, так сказать, «стареет». Легко понять, что такие перегруппировки, в конечном счете, опять-таки вызываются неодинаковым колебанием кривой рождения и смертности различных возрастных групп, чем бы это колебание ни вызывалось, плюс — явления иммиграции и эмиграции. Такие события, как война, в особенности война длительная и кровавая, вырывающая обычно контингент лиц от 20 до 40 лет⁵⁰, вызывают относительно резкие колебания возрастного состава населения. Но в общем и целом возрастная перегруппировка населения, даже тогда, когда она совершается в одну сторону, как во Франции, происходит медленно по сравнению с перегруппировками социально-психических коллективов.

Теперь спросим себя: *бывают ли в сколько-нибудь обширных социальных агрегатах возрастные перегруппировки второго типа*-, т. е. такие, где одна из существующих возрастных групп исчезла бы целиком или на месте существующих возрастных классов образовались бы новые возрастные классы?

Так как подразделение населения в то или иное число возрастных групп зависит от произвола исследователя (напр[имер], выделять ли возрастные группы погодно: группа возраста 1-го года, 2, 3-х и т. д., или через пять-десять лет и т. п.), то, очевидно, на такой вопрос формально трудно ответить. По существу же в каждом сколько-нибудь обширном агрегате перегруппировка 2-го типа может иметь место только по отношению к старшей, крайней группе. Если, напр[имер], из каждых ста тысяч населения России в 1897 г. доживало до 100 и большего числа лет 359 человек, то мыслимо, что в последующие годы они вымрут, заместителей их не будет и крайней группой будет, скажем, группа 99-летних. Таким образом, в агрегате исчезнет самая старшая возрастная группа. Но и то это только мыслимая возможность, фактически сводящаяся к смерти какого-либо долголетнего патриарха, что социального значения не имеет, да и не является перегруппировкой второго рода. В остальных же возрастных группах перегруппировки второго рода не имеют места, если брать сколько-нибудь обширные агрегаты⁵¹.

⁵⁰ Ce sent les meilleurs qu'elle prend, les meilleurs physiquement et moralement. C'est une selection a rebours qui s'opore³", — правильно говорит о войне Ш. Жид (*GiUeCh. Op. cit.*, p. 141).

⁵¹ В небольших агрегатах иногда она бывала; напр[имер], во время древних войн, в случаях избиения победителями всего мужского населения, способного к борьбе; когда, напр[имер], афиняне принудили скионийцев к сдаче, они утерли всю мужскую молодежь. То же, известно, проделывали римляне (вспом-

Каждый социальный агрегат, чтобы жить, должен непрерывно производить людей, т. е. иметь группы в возрасте от 0 до 1 года и старше. Одни поколения умирают, другие становятся на их место. Возрастной ряд оказывается, как и время, непрерывным. Теоретически возможно полное исчезновение или новое появление только последнего звена (старшего) в этом ряду. Остальные возрастные группы, как бы мы их ни подразделяли, могут разбухать и сжиматься, но целиком не исчезают; равно не появляются (кроме последнего звена) и новые возрастные группы. Иными словами, возрастные группы любого общества, если оно существует, как анфилада комнат дома, не исчезают, не появляются вновь, а остаются в том же числе. Только последняя комната — старшая группа — иногда может отпасть или появиться вновь⁵²; да объем каждой из «возрастных комнат» может в ограниченных размерах колебаться (перегруппировки первого рода). По существу же перегруппировок второго рода в возрастной группировке населения мы не имеем. Дом (население — с точки зрения возрастной архитектоники) остается в основе неизменным. Меняются только его жильцы, последовательно переходящие из комнаты в комнату. Одни жильцы — поколения уходят, на место их приходят новые. Колеблется число проходящих жильцов в каждой возрастной комнате; но, кроме самых последних — выходных на тот свет комнат, ни одна из остальных не пустует.

Нет надобности доказывать, что *не может быть возрастных перегруппировок третьего рода, т. е. полное исчезновение возрастной дифференциации населения или превращение всех его членов в одно возрастных*. Кроме самых узких и малых групп, такое возрастное уравнивание немыслимо. Возрастное расслоение было, есть и останется.

Семейные перегруппировки

Население т. н. культурных стран, как мы видели, распадается на множество семейных коллективов, представляющих, с одной стороны, союз супругов, с другой — союз родителей и детей⁵³. Оно как бы состоит из множества мелких кругов, изображающих отдельные семейные группы. Их перегруппировка может быть изучаема с весьма многих точек зрения и представляет проблему весьма сложную, хотя и весьма интересную. Здесь, однако, я ограничусь лишь немногими штрихами, харак-

ним: *Parcere subjectes et debellare superbos*^{4*}) и др. Но все это относится к небольшим агрегатам.

⁵² Хотя, если полагаться на работу *Legrand'a* (*La longevite a travers les ages*. Paris, 1912), и продолжительность жизни мало меняется в истории людей. 80-летние и старшие были и в Древнем мире, и в средние века, есть и теперь.

⁵³ Все нижесказанное относится только к моногамным семьям.

теризующими только некоторые стороны семейных перегруппировок. Прежде всего отмечу отличие семейных перегруппировок от предыдущих, основанных на чисто биологических различиях. Принадлежность к последним абсолютно не зависит от нашей воли и каждый индивид может принадлежать только к одной расе, хотя бы и гибридной, к одной возрастной группе и к одному полу. Нельзя одновременно быть негром и белым, стариком и младенцем, мужчиной и женщиной. Это раз. Во-вторых, каждый из нас помимо нашей воли оказывается «абонентом» каждой из этих групп и не может «выключиться» из нее или всю жизнь или до истечения времени, превращающего юношу в старца (но не наоборот). Словом, перегруппировки здесь могут происходить лишь с изменением самого населения или его индивидов. Не то мы видим в области семейных коллективов. Во-первых, здесь каждый индивид может принадлежать к числу абонентов

не одной семьи, а нескольких. Как потомок определенной семьи он абонент семьи-производительницы. Как супруг через жену (или жена через мужа) он связан с другой семьей — с семьей своего супруга. Как родитель он часто является абонентом третьей семьи — своей семьи, отделившейся от семьи-производительницы. Таким образом, индивид может быть одновременно «абонентом» по меньшей мере трех различных семейных групп: 1) семьи-производительницы данного индивида, 2) семьи-производительницы его супруга, 3) его собственной семьи, состоящей из его супруга и детей. Далее, принадлежность каждого индивида к семье-производительнице не зависит от нашей воли: не от нас зависит, рождается ли мы Ивановыми или Петровыми. Но принадлежность к числу абонентов добавочных семейств — семьи супруга и своей собственной семьи — зависит в значительной мере от нас. Индивид может жениться, может и не жениться. Следовательно, может стать абонентом второй семьи — семьи его супруга, может и не стать им. Точно так же он может иметь собственную семью или не иметь ее. Мало того, став «абонентом» таких добавочных семейств, он в известных границах может «выключить» себя (напр[имер] путем развода) из «абонентов» этих добавочных семейств. Это значит, что семейная перегруппировка в известных пределах может совершаться без изменения физического состава индивидов. Последние, подобно столбам, могут оставаться теми же самыми, но сеть проволок, связывающих их с другими столбами, может меняться. При расовых, половых и возрастных перегруппировках меняются физически самые столбы; только изменяя их можно переменить и сеть проволок.

Ограничимся этими указаниями и перейдем к характеристике семейных перегруппировок. Для удобства рассмотрим их в таком порядке: 1) Посмотрим сначала, какая часть населения вступает в брак. Соот-

Глава V. Социальные перегруппировки

743

ветственные цифры могут служить показателями: а) числа членов, являющихся «абонентами» добавочных семейств — семейств своих супругов; б) степени интенсивности процесса межсемейной диффузии или интенсивности обмена различных семейств своими членами и смешения межсемейной крови. 2) Обстоятельства, благоприятствующие и препятствующие этому межсемейному осмосу. 3) Интенсивность добровольного разрыва установленной браком межсемейной связи и ее движение во времени. Соответствующие цифры являются показателями быстроты и интенсивности процесса «выключения» индивидов из «абонентов» добавочной семьи — семьи супруга и часто своей собственной семьи. Они вместе с тем могут служить показателями крепости и прочности связи, прикрепляющей супругов друг к другу, а следовательно, и прочности самого семейного коллектива. 4) Рассмотрим далее величину и движение семейной рождаемости и плодовитости. Соответствующие цифры дадут нам представление об: а) интенсивности производства людей семейными коллективами, как «фабриками» производства человеческих существ; б) количественном объеме семейных групп вообще и в отдельных социальных слоях, в частности. Все эти данные с разных сторон характеризуют семейные перегруппировки первого типа. Последний пункт «4-й» приводит нас к семейным перегруппировкам второго типа. 5) Поэтому, мы рассмотрим процессы исчезновения одних семейств и появления новых, в связи с причинами таких перегруппировок. 6) Наконец, коснемся семейных перегруппировок третьего типа.

Таковы же пункты, которые я конспектообразно затрону для характеристики семейных перегруппировок. Как сказано, они далеко не исчерпывают проблему последних; но здесь мы ограничимся ими,¹ оставив полное рассмотрение семейных сдвигов до «Социальной] механики».

Обратимся к первому вопросу. Статистика браков говорит нам, что «в общем и целом количество лиц, не состоящих в браке, колеблется между 7_2 (немного более) и 2_3 (немного менее), а доля лиц, состоящих или состоявших в браке, от полной V , до почти U_2 всего населения»⁵⁴. Если же взять мужское население свыше 18 лет, а женское — свыше

15 лет (в Европе и С[еверо-]А[мериканских] Соединенных] Штатах мужчины моложе 18 лет, а женщины моложе 15 лет редко вступают в брак), то пропорции холостых и незамужних, с одной стороны, состоящих в браке — с другой, таковы в главнейших государствах (в процентах) на 100 мужчин свыше 18 лет и 100 женщин свыше 15 лет.

Майр Г. Цит. соч., с. 142-143.

744

Система социологии. Том II

Страны	од аблю- дения	Состоя щие в браке		Холос тые		Вдовы и разведенные	
		ен.	уж.	ен.	уж.	ен.	уж.
Германия	Г						
	880	9,43	1,20	4,78	5,79	,79	3,01
	900	0,18	1,97	4,66	5,22	,16	2,81
Австрия	А						
	910	1,10	3,10	4,08	4,69	,82	2,21
	880	9,71	1,26	5,33	6,53	,96	2,21
Бельгия	Б						
	900	8,90	1,04	6,19	6,64	,91	2,32
	910	9,83	2,03	4,94	5,37	,23	2,60
Болгария	Б						
	846	9,81	4,59	3,78	4,78	,40	0,63
	880	2,63	7,79	0,28	1,38	,10	1,13
Франция	Ф						
	900	5,53	9,46	8,15	9,43	,32	1,11
	910	8,76	2,45	5,21	6,87	,03	0,68
Англия с Уэльсом	А						
	900	4,11	8,74	9,79	0,47	,11	0,79
	905	3,86	9,77	0,10	9,98	,04	0,25
Ирландия	И						
	851	8,91	2,70	4,04	4,50	,05	2,80
	881	9,57	4,38	2,30	1,38	,13	4,24
	901	1,50	4,73	0,66	8,75	,84	6,52
	911	3,16	6,12	9,26	7,00	,58	6,88
	851	8,37	0,40	5,04	8,54	,58	1,06
	901	9,14	9,64	5,06	9,54	,80	0,82
	911	9,51	0,59	4,85	8,99	,64	0,42
	881	8,14	0,74	5,23	4,79	,63	4,47

Италия	И	881	8,37	3,72	5,15	2,65	,48	3,63	1
		901	0,01	4,63	3,29	1,99	,70	3,38	1
		911	1,17	4,60	2,19	2,56	,64	2,83	1
Норвегия	Н	855	6,22	7,54	8,25	1,56	,53	0,89	1
		875	6,61	6,97	7,04	1,69	,34	1,34	1
		900	8,45	6,99	4,81	1,41	,74	1,60	1
		910	8,35	6,38	4,84	2,05	,81	1,58	1
Россия*	Р	897	1,62	2,48	2,26	4,10	,12	3,42	1
	Ш	880	7,20	7,06	6,84	1,15	,97	1,78	1
Швейцария		900	5,68	6,82	7,65	1,24	,67	1,94	1
		910	4,69	6,36	8,75	2,07	,56	1,57 ⁵⁵	1

* Европейская часть без Финляндии.

⁵⁵ Annuaire international] de statistique. 1916, p. 128-135. См. также: Mayr G. Statistfik] u[nd] Gesellschaftslehre. 1909, Bd. III, S. 48-49.

Глава V. Социальные перегруппировки

74 5

Из этих данных следует: 1) Из всех индивидов мужского пола старше 18 лет, женского — старше 15 лет более половины лиц оказываются состоящими в браке, т. е. «абонируются» в число членов других, добавочных семейств или циркулируют от семьи к семье. Иными словами, процесс обмена различных семейных организмов своими «клеточками» носит весьма интенсивный характер. Межсемейная инфильтрация и диффузия, подобно течению тихой речки, неслышно и незримо совершается непрерывно и дает начало новым семейным потокам, возникающим от брачного соединения мужской и женской «клетки» двух различных семейств. 2) Эти же данные показывают, что интенсивность межсемейной диффузии (браков), хотя и неодинакова в разных странах и в одной стране в разное время, но колебания и различия относительно ничтожны. (Крайние позиции занимают Россия и Болгария, с одной стороны — максимум брачности, Ирландия — с другой, минимум брачности.) Поток межсемейного осмоса нигде не прекращает бить или даже не мелеет значительно, с другой стороны, нигде он не бьет исключительно интенсивно. Ровно его течение и в разные периоды времени. Колебания во времени еще меньше, чем в пространстве. Короче говоря, процесс обмена семейных тел своими клетками имеет устойчивый и регулярный характер⁵⁶.

Теперь спросим себя: какие условия благоприятствуют вступлению в брак или межсемейной диффузии и какие условия препятствуют этому явлению? Иными словами, между какими индивидами особенно легко может происходить брачное смешение и между какими оно происходит с большим трудом?

Ответ на эти вопросы дает теорема Бенини, гласящая: «Индивиды, принадлежащие к сходным группам, предпочитают для супружеской жизни, индивиды, принадлежащие к несходным группам, отталкиваются»⁵⁷.

Брачная связь (ceteris paribus) легче возникает между лицами сходными: по расе, возрасту, языку, государству, религии, профессии, имущественному положению, месту оседлого жительства, партии, культурному уровню и т. д., чем между лицами, различными

в этих отношениях. Если браки первого рода назовем *омогамными*, второго — *гетерогамными*, то можно сказать, что между омогамными лицами существует притяжение, гетерогамными — известное отталкивание. Чем в большем количестве отношений индивиды сходны, тем сильнее притяжение; чем в большем количестве отношений они различны, тем сильнее отталкивание. Сходство в одном отношении, напр[имер] по религии, и вытекающее из него взаимное притяжение может быть парализовано несходством в другом отношении, напр[имер] по профессии, и вы-

⁵⁶ См. цифры браков — абсолютные и относительные на 1000 жителей — в разные периоды времени в различных европейских и неевропейских странах в *Bulletin de l'Institut international de statistique*, vol. XI, p. 104-105.

⁵⁷ *Benini*. Principi di demografia. 1901, p. 129.

746

Система социологии. Том II

текающим из него отталкиванием. Таковы общие положения по этому вопросу.

Ввиду отсутствия места, я не могу привести здесь ряда статистических данных, подтверждающих сказанное. Ограничусь этими положениями и отсылаю читателя к нижеуказанным работам, где он найдет цифровой и иной материал, доказывающий правильность этих положений.

Брачное притяжение однородных лиц и отталкивание разнородных

«Расовые различия до сих пор служат препятствием, если связаны с разной окраской кожи»⁵⁸. «Между белыми существует большее притяжение» (чем между белыми и членами иных рас)⁵⁹. О том же говорят, как указано выше, и факты юридического запрета разнородных браков, имевшие место в прошлом (в кастовом строе, напр[имер]) и существующие теперь в Америке и других странах⁶⁰.

Брачное притяжение близких по возрасту лиц и отталкивание лиц, значительно различных по возрасту

Чем значительнее разница возрастов супругов, тем процент таких браков меньше, тем больше отталкивание, чем ближе их возрасты, тем процент таких браков больше, тем сильнее притяжение⁶¹.

То же применимо и к *религии* вступающих. *Ceteris paribus* однородно-религиозные люди легче вступают в брак и дают больший Процент рели-гиозно-омогамных браков, разнорелигиозные — отталкиваются и дают меньший процент браков⁶².

То же применимо к *профессиям*, хотя здесь весьма значительны колебания от профессии к профессии. F. Chessa в своем исследовании дает на этот счет такое положение: «Профессиональная гомогамия в общем

⁵⁸ *Майо-Смит* P. Цит. соч., с. 120.

⁵⁹ *Savorgnan* P. Il fattore confessionale nella scelta matrimoniale // *Riv[ista] it[aliana di] sociologia*. 1913, p. 153; *Его же*. Gli indici di omogamia delle razze e delle nazionalita // *Studi econ[omico]-giuridici della R[omano] Univ[ersita] d[i] Cagliari*. Anno III, p. III. 1911; *Его же*. Verschmelzung der Rassen // *Archiv f[ur] Sozialwissenschaft*, vol. XXV, fasc. 3; *Benini*. Op. cit., 129 и ел., 148 и ел.

⁶⁰ См. выше, стр. 441 и ел. См.: *Schnapper-Arndt*. Sozialstatistik. 1908, S. 477.

⁶¹ Цифры см.: *Майр* Г. Стат[истика] и обществоведение, т. II, с. 566-569, 210; *Schnapper-Arndt*. Op. cit., S. 472-473; *Майо-Смит* P. Цит. соч., с. 115; *March H.O.* Les statistiques des familles // *Bulletin de l'Institut international de] stat[istique]*, vol. XVII, p. 211-212. Исключениями служат Индия и неевроп[ейские] страны.

⁶² Этот факт в прошлом, отчасти и теперь, проявлялся в фактах юридического запрета браков с инаковерующими. Цифры и факты см.: *Savorgnan* F. Il fattore confessionale, p. 153-182; *Schnapper-Arndt*. Op. cit., S. 479-480, 485-487; *Savorgnan* P. Religione e nazionalita nella scelta matrimoniale // *Riv[ista] it[aliana di] sociologia*. 1910, p. 381-390; *Майо-Смит* P. Цит. соч., с. 120.

Глава V. Социальные перегруппировки

74 7

максимальна в профессиях интеллектуальных и в тех, которые не требуют никакой

или требуют малой спецификации к работе; она умеренна в коммерческих и торговых профессиях и минимальна или ничтожна среди рантье»⁶³.

То же имеет место к сходству или различию врачующихся по языку и месту жительства. Лица одноязычные и из одной местности (*ceteris paribus*), по-видимому, обнаруживают большее брачное притяжение, разноязычные или жители различных мест — меньшее. Такие выводы, по крайней мере, дает ряд исследований по этому вопросу⁶⁴.

То же, по-видимому, приложимо к сходству и различию по имущественному положению, по объемно-правовой принадлежности (браки сословий, каст, «высших» и «низших»), по степени образования и т. д.⁶⁵

Отсюда следует, что члены различных семейств тем легче могут вступить в брачную связь, чем они более сходны между собой в указанных отношениях. Несходство в области этих последних служит преградой, мешающей возникновению брачной связи, смешению разносемейной крови и абонированию одних лиц в члены других семейств. Иными словами, поток межсемейного диффундирования интенсивнее совершается в берегах сходных в одном или во многих отношениях семейств и их членов, чем в берегах несходных семейств. Сходные семейные группы оказываются менее закрытыми для включения своих членов в число абонентов друг друга, чем несходные: члены семейств различных, как видно из сказанного, имеют меньшее брачное притяжение, следовательно, такие семейства более закрыты взаимно, следовательно, их «осмос»^{5*} совершается с большим трудом.

Перейдем к вопросу о прекращении браков. Прекращение брака означает «выключение» одного из супругов из числа «абонентов» данной семьи, как союза супругов. С этой точки зрения всякий брак имеет свой конец. Этот конец наступает или в силу смерти одного из супругов, или в силу развода и «отделения от стола и ложа». Большинство браков прекращается в силу первой причины. Огромная часть лиц, вступивших в брак, остается в нем в течение всей своей жизни, не «выключаясь» в качестве супруга из данной семьи и не переходя в качестве суп-

⁶³ Chessa F. La trasmissione ereditaria delle professioni. Torino, 1912, p. 66-92.

⁶⁴ Savorgnan F. Religione e nazionalità nella scelta matrimoniale, *passim*, табл. 389-390; Benini. *Op. cit.*, p. 140 и ел.; Майр Г. Цит. соч., т. II, с. 575; Майо-Смун Р. Цит. соч., с. 121-122, 321-322. Тут же следует отметить, что гомогамные браки между одноязычными колеблются у различных языковых групп. Так, по цензу Minneapolis'a выходит, что норвежцы и шведы женятся гл[авным] обр[азом] на одноязычных лицах, ирландцы и шотландцы, в несравненно большей степени, женятся на лицах иных языковых групп. См.: Jenks A. Ethnic census in Minneapolis, p. 777-778.

⁶⁵ См.: Schnapper-Arndt. *Op. cit.*, S. 477-478.

руга в число «абонентов» другой семьи. Их абонирование прекращается только смертью. Эти случаи прекращения браков для нас сейчас малоинтересны: в них не происходит перехода супруга из одной семьи в другую, а происходит переход его из жизни в царство смерти. Не будем поэтому останавливаться на этом явлении. Более интересны случаи прекращения браков путем развода и отлучения от стола и ложа. Они означают выключение индивидов из абонентов одной семьи и возвращение их или в первобытное состояние или включение их в число абонентов новой семьи. Вместе с тем цифры разводов и разлучений (*ceteris paribus*) служат показателями: а) степени закрытости семьи, ибо чем больше цифры разводов и разлучений, тем, значит, легче происходит выключение и выход из абонентов данной семьи, тем, следовательно, семейная группа менее закрыта; б) степени прочности и крепости связи, прикрепляющей супругов друг к другу, а следовательно, и степени прочности семьи, как союза супругов. Наряду с этим кривая разводов и разлучений служит симптомом, указывающим интенсивность семейных перегруппировок в смысле циркуляции индивидов-супругов от семьи к семье.

Статистика этих явлений показывает: 1) что кривая разводов и разлучений

довольно резко колеблется от страны к стране и от сел к городам, 2) что она значительно колеблется во времени, 3) что последние десятилетия отмечены повышением этой кривой в большинстве культурных стран.

Представление об этом дают следующие таблицы разводов и разлучений для 1895-1900 гг.

На 10000 существующих браков приходилось разводов и разлучений:

Ирлан	0	Бельгия	
дия	,1		,2
Норвег	1	Дания	
ия	,0		,4
Англи	1	Германия	
я с Уэльсом	,1		,8
Итали	1	Румыния	
я	,5		,8
Австр	3	Франция	
ия	,1		2,9
Швеци	4	Швейцария	
я	,5		9,9
Венгр	5	С.-А. Соед.	
ия	,8	Штаты	5,0
Серби	6	Япония	
я	,3		04,1 ⁶⁶

⁶⁶ *Mayr G. Statistik u[nd] Gesellschaftslehre. 1909, Bd. III, I Th. См. также: Bos-co A. I divorzi e le separazioni personali dei conjugii. Roma, 1903, p. 631 и ел. и passim; Yvernes. Essai d'une statistique intern [ationale] des divorces et des separations de corps // Bulletin de l'Institut international de] stat[istique], vol. XI, I, p. 44-58. Для более позднего времени (1900-1910 гг.) цифры разведенных и разлученных мужчин и женщин в европ [ейских] государствах даются в Annuaire intern [ationale] de statistique (1916, p. 40-103).*

Глава V. Социальные перегруппировки

749

Отсюда видно колебание кривой разводов и разлучений в пространстве. В пределах одной страны города дают гораздо больший процент их, чем села и деревни⁶⁷.

Представление о росте кривой разводов и разлучений не только в абсолютных цифрах, но по сравнению с числом лиц, состоящих в браке, и с числом заключенных браков дает следующая таблица, в которой данные начального периода 1871-1875 гг. взяты за 100⁶⁸.

ВС[еверо]-А[мериканских] Соединенных] Штатах кривая разводов с 1867 до 1906 г. систематически повышалась с 27 разводов на 100 000 жителей в 1867 г. до 86 разводов в 1906 г.⁶⁹

Го сударства	Разв оды	Разл учения	Насе ление, сост оящее в браке	Числ о закл юченных брак ов
Ит алия (с 1871/75 к 1895/99) Ав стрия	Со 100 до 182	Со 100 до 176	Со 100 до 109	Со 100 до 108

(с 1882/85 к 1896/190 0)	193	167	107	115
Венгрия (с 1876/80 к 1898/190 1)	335	-	111	108
Румыния (с 1871/75 к 1896/190 0)	193	-	1	141
Франция (с 1885 к 1896/190 0)	105	102	105	104
Швейцария (с 1876/80 к 1896/190 0)	561	-	128	120
Бельгия (с 1871/75 к 1895/99)	347	149	ПО	135
Нидерланды (с 1871/75 к 1895/99)	158	282	142	119

⁶⁷ Подробности см. в указанных работах. Детальные цифры относительно всех главнейших городов Европы (в том числе и России) даны в *Annuaire statistique des grandes villes europeennes*. Budapest, 1913, p. 48-56.

⁶⁸ *Mayr G. Op. cit., Bd. III, S. 207.*

⁶⁹ *Willcox W. Statistique des manages et divorces aux Etats-Unis // Bulletin de l'Institut international de statistique*, vol. XVIII, I livr., p. 312-313.

750

Система социологии. Том II

Государства	Разво оды	Разл учения	Насе ление,	Числ о
-------------	--------------	----------------	----------------	-----------

			сост оющее в браке	закл юченных брак ов
Германия (с 1881/85 к 1896/1900)	" 204	-	104	129
Англия (с 1871/75 к 1896/1900)	" 567	94	125	" 127
Норвегия (с 1871/75 к 1889/93)	" 206	" 200	" ПО	" 100
Швейцария (с 1871/75 к 1895/99)	" 127	-	" 118	" 100
Россия (с 1871/75 к 1891/95)	"	-	" ?	" 115

Из этих данных видно указываемое повышение кривой разводов и разлучений в большинстве стран Европы и Америки⁷⁰.

В более позднее время по отдельным странам это повышение кривой разводов еще резче. Так в Бельгии в 1905-1909 гг. ежегодный процент разводов по отношению к числу браков, по сравнению с 1870 г., увеличился в 8 раз; в С[еверо]-А[мериканских] Соединенных Штатах с 1890 по 1905 г. число разводов по отношению к числу браков возросло в 3 раза. По городам и промышленным центрам повышение кривой разводов идет гораздо быстрее, чем по селам. По данным Жакара, например, в Бельгии относительный процент разводов в городах с 100 000 населением в 10 раз выше, чем в коммунах с населением менее 5000. То же наблюдается и в большинстве других городов, особенно тех, где быстро развивается промышленная жизнь⁷¹.

Эти данные говорят, что в населении указанных стран постоянно происходит процесс выключения части индивидов из абонентов одной семьи, что этот процесс за последние годы совершается более и более интенсивно, что, следовательно, прочность и длительность семьи как союза супругов становится более слабой и более короткой⁷².

⁷⁰ Резким исключением служит Япония, где число разводов в 1898-1899 гг. к 1905 г. упало со 104,1 на 10 000 существующих браков до 71,1, хотя, как видим, цифра разводов еще очень высока. Подробности см. в указанных работах и в *Annuaire* (1916 г.).

⁷¹ См.: *Annuaire statistique des grandes villes* (р. 48 и ел.), где даны цифры погодишно с 1901 по 1910 г. Там же см. сравнительный процент браков, прекращаемый смертью супруга и разводами.

⁷² См. об этом: *Сорокин П. Кризис современной семьи* // Ежемесячный журнал.

Все же сказанное о браках — их заключении, величине и прекращении — говорит о том, что в любом населении постоянно совершается процесс семейных перегруппировок и циркуляции индивидов от семьи к семье. Большинство индивидов старше 15-18 лет включается по крайней мере один раз в абоненты добавочных семей и дает начало новым семействам. Значительная часть из них остается всю жизнь абонентами одного и того же супружеского коллектива и выключается из него только смертью. Другие выходят из числа таких абонентов сами, разрывая супружескую связь и возвращаясь или в первобытное состояние или абонируясь снова в качестве члена в новый супружеский союз. Последние годы говорят об усилении темпа циркуляции последнего рода. В итоге вся картина семейных перегруппировок очерченного типа рисуется в форме множества семейных организмов, непрерывно меняющихся своими членами-клетками; эти последние, образовав супружескую группу, дают начало новым семейным группам. С течением времени супружеский коллектив распадается или в силу смерти «супружеской клетки», или в силу отделения ее от первого коллектива и вступления в связь с клеткой другого семейного коллектива. Так «блуждают» и «циркулируют» человеческие инфузории от семьи к семье; чрез их посредство непрерывно диффундируют между собой различные семейные коллективы. А в силу этого постоянно меняется и картина семейного расслоения. Одни семьи теряют свои имеющиеся клетки, другие их приобретают. Одни увеличиваются в объеме (при данном числе живущих индивидов), другие — уменьшаются. Это значит, что в области семейного расслоения постоянно совершается перегруппировка первого и второго типа.

Тот же факт станет более ясным, если мы рассмотрим не только явления «включения» и «выключения» существующих индивидов из абонентов существующих семейств, но факты рождаемости и плодовитости, до сих пор не рассмотренные нами.

Из обычного наблюдения каждый знает, что плодовитость каждой семьи неодинакова. Эта неодинаковость говорит о том, что объемы различных существующих семейств меняются: одни семьи растут в числе своих членов, другие — уменьшаются. Следовательно, в силу неодинаковой интенсивности производства людей отдельными семейными коллективами неизбежны перегруппировки семейных групп первого типа. Но рядом с этим массовое изучение семейств с этой точки зрения дает: 1) картину интенсивности производства людей вообще (ибо процент детей внебрачных, т. е. производимых вне легальной семьи до сих пор весьма невелик); 2) представление об изменении объема не той или иной отдельной семьи, а массы семейств вообще; 3) представление об интенсивности производства людей в семейных группах различных социальных слоев. А последнее приводит нас к вопросу о продолжительности жизни семейного потока, об исчезновении одних и появлении других семейств, т. е. к семейным перегруппировкам второго типа.

7 52

Система социологии. Том II

Ограничимся здесь немногими положениями. Статистическое изучение рождаемости говорит: 1) что она колеблется в пространстве — от страны к стране, от сел к городам; 2) что она колеблется во времени. Последние десятилетия отмечены тем, что почти во всех странах Европы и Америки интенсивность производства людей пала, следовательно, семейные коллективы порождают как бы меньшее и меньшее число людей. Для иллюстрации приведу одну-две таблицы.

Годы	Число рождений на 10 000 населения		
	Англия	Франц ия	Герман ия
1881	339	249	370
1886	328	239	370

1891	314	226	370
1896	296	225	363
1901	285	220	357
1906	272	206	331
1910	251	197	298"

Та же картина, вычисленная по пропорции живорожденных детей на 1000 жителей, изображается такими цифрами.

Число живорожденных детей на 1000 жителей уменьшилось:

в	по	1871-1875 гг.
Англии	и 1910 сравнению с на—	10,6%
Уэльсе	г	"
в	"	1861-1865
Шотландии	"	—8,9
в	"	1871-1875
Ирландии	"	—4,1
в Дании	"	1856-1860
в	"	—5,4
в	"	1856-1860
Норвегии	"	—7,4
в	((1856-1860
Швеции	"	— 8,9
в	"	1871-1875
Австрии	"	—6,1
в	"	1870-1880
Германии	"	—9,4
в	"	1871-1875
Бельгии	909	" —8,9
во	"	1861-1865
Франции	910	" —7,1
в	"	1881-1885
Италии	"	—5,4
в	"	" — 7,7
Венгрии	"	" — 8,0
в	"	" — 8,0
Сербии	"	" — 2,7 ⁷⁴
в	"	" — 2,7 ⁷⁴
Румынии		

⁷³ Туган-Барановский М.И. Теория народонаселения при свете новых факторов // Нов[ые] идеи в экономике. Сб. № 2, с. 7-8.

⁷⁴ Nicolat G.F. Sur la fecondite des mariages et le nombre des enfants par famille. Ins. int. de statistique. XIV session. 1913. Rapport № 19, p. 2. См. также: Bulletin de l'Ins[titut] international de stat[istique], vol. XVIII, II livr., p. 59-60; Майр Г. Цит. соч., т. II, с. 251-252.

Глава V. Социальные перегруппировки

75 3

То же наблюдается и в Америке (азиатские государства, в частности Япония, напротив, не уменьшают, а увеличивают интенсивность производства людей)⁷⁵.

Падение рождаемости означает рост семейств бездетных или же с меньшим числом детей — явление действительно констатируемое статистикой. А все это говорит о постепенном уменьшении объема семейств в этих странах вообще. Семейные коллективы по числу членов становятся все более и более малочисленными за указанный период времени⁷⁶.

Таким образом в области семейных перегруппировок мы наблюдаем не только процессы разбухания объема (числа членов) одних семейных групп и сохранения объема

других, но рядом с этим за последние десятилетия в связи с падением рождаемости мы видим сокращение объема семейств вообще. Семейные коллективы в массе уменьшают число своих членов, становятся более и более мелкими: растет число бездетных браков (семейств из двух индивидов) и браков с 1-2 детьми за счет семейств и браков с большим числом детей. Схематически это можно было бы изобразить кругами, изображающими семьи все более и более уменьшающимися в своем объеме.

Такова любопытная тенденция, данная в области семейных перегруппировок. Она, однако, не во всех слоях проявляется одинаково. Она более резко выражена в городах, чем в селах. Богатые и аристократические семейства характеризуются более резким падением рождаемости, чем слои бедных и низших по социальному рангу семейств. Производство детей в первых значительно ниже, чем в последних. Поэтому сокращение объема таких семейств более значительно, чем семейств менее обеспеченных и «низших» слоев населения⁷⁷.

Констатируя факт перегруппировок первого рода и общей перегруппировки семейств в сторону уменьшения своего объема, теперь кос-

⁷⁵ См.: *Mayr G.* Op. cit., Bd. III, S. 113-114, где даны цифры «атрофии рождаемости» в австралийских колониях.

⁷⁶ Цифры см.: *Майо-Смун P.* Цит. соч., с. 197-198; *Майр Г.* Цит. соч., т. II, с. 207-208, 211; Op. cit., Bd. III, S. 69-70; *Rasari.* Sur les variations du taux de natalite // *Bulletin de l'Institut international de statistique*, vol. XI, I livr., p. 154; *Fahlbeck P.* La decadence et la chute des peuples // *Bulletin de l'Institut international de statistique*, vol. XV, II livr., p. 385. См. также: // *Bulletin de l'Institut international de statistique*, vol. XIX, I livr., p. 240 и сл., 263, 264.

⁷⁷ См. соответственные теоремы Бертильона об обратной пропорциональности рождаемости с экономическою, обеспеченностью, а равно цифры и анализ в ст.: *Bertillon J.* La natalite selon le degre d'aisance // *Bulletin de l'Institut international de statistique*, vol. XI, I livr., p. 163 и сл.; *March L.* Les statistiques des familles // *Ibid.*, vol. XVII, p. 218-219; *Bertillon J.* Statistique des Successions en France // *Ibid.*, vol. XVIII, II livr., 377-378; *Stuart Y.* Natalite selon le degre d'aisance // *Ibid.*, vol. XIII, p. 357-368; *Хумму Ф.* Народонаселение и общ [ественный] строй. СПб., 1898, с. 268-280, и особенно *Gini C.* I fattori demografici dell'evoluzione delle nazioni. Torino, 1912, passim.

754

Система социологии. Том II

немея дальнейшего вопроса: перегруппировок второго рода. Даны ли они в области семейного расслоения? Происходит ли здесь процесс исчезновения одних семейных коллективов из ряда существующих и появление новых семейств? Ответ будет, конечно, положительным. Что новые семейства постоянно появляются в итоге брака двух индивидов (членов различных семейств — производителей), это ясно и это мы видели выше. Каждый брак потенциально является симптомом появления нового семейного коллектива в ряду существующих, ибо брак обычно влечет отделение брачующихся от произведших их семейств и установление ими новой семейной единицы. Но исчезают ли существующие семейные группы? Высыхает ли начисто поток жизни отдельной семьи не только в смысле смерти ее родоначальников, но и всех лиц, всех поколений, берущих от нее начало? Индивид не вечен: его жизни положен предел. Но не вечна ли семья, как производительница людей, в лице происходящих от нее и продолжающих ее поколений? Ответ на этот вопрос будет отрицательным. Хотя подробного исследования на этот счет и нет, но то, что есть, и то, что мы можем наблюдать, говорит о том, что и семейные группы рано или поздно исчезают: одни через два-три поколения, другие через одно, третьи через 7-8 и больше поколений. Поток жизни, берущий начало от отдельной семьи, в конце концов, через большее или меньшее число поколений, или высыхает начисто вследствие смерти всех лиц, происходящих от нее, или настолько растворяется в реке жизни, составленной потоками множества семейств, что ни биологически, ни тем более социально становится невозможным выделить его из этой общей реки. Он совершенно

смешивается в общем море и прекращает свое бытие. Общая река жизни составляется из множества течений, представляющих ряды поколений различных семейств. В этой реке непрерывно возникают новые течения — новые семьи — и в то же время исчезают и распливаются в общей массе течения существовавших и существующих семейств. На месте высыхающих потоков зарождаются новые, река жизни и производство людей продолжают, но жизнь каждого семейного течения рано или поздно кончается. Бездетные семейства исчезают со смертью супругов. Другие живут несколько поколений, но в результате также исчезают.

Легко понять связь долговечности семьи с рождаемостью и смертностью. *Ceteris paribus* семьи с низкой рождаемостью имеют меньше шансов на долговечность, чем семьи с высокой рождаемостью. Богатые и аристократические слои населения, как мы видели, имеют меньшую рождаемость; следовательно, семейные потоки жизни таких слоев имеют больше шансов на высыхание и вымирание, чем семейства бедных или неаристократических классов, и тем больше, чем они замкнутее. Это значит, что семейные перегруппировки второго рода, со стороны исчезновения семейных потоков жизни, здесь совершаются быстрее. Таков вывод. Значение его мы увидим ниже при характеристике объемно-

Глава V. Социальные перегруппировки

755

правовых перегруппировок. А пока просто отметим его и, не приводя доказательств, отошлем читателя к нижеуказанным работам, дающим статистический и исторический доказательный материал⁷⁸.

Поскольку падение рождаемости отмечается во всех слоях населения культурных стран, поскольку, далее, кривая разводов растет, постольку дается основание для вывода, гласящего: семейные потоки жизни за последние десятилетия становятся короче: скорее и скорее происходит их растворение в общем море жизни; иными словами, межсемейная диффузия и перегруппировки второго рода принимают более интенсивный характер. Изолированность и закрытость семейных групп во времени и пространстве понижается. Это значит, что строение населения становится в этой области менее застенчивым, более подвижным и эластичным.

Ограничимся сказанным в очерке семейных перегруппировок первого и второго рода.

Спросим себя теперь: даны ли в области семейного расслоения перегруппировки третьего рода, может ли наступить время, когда семейное расслоение вообще исчезнет и будет замещено каким-либо иным? Что сейчас оно существует, ясно. Что оно не исчезнет в ближайшем будущем — бесспорно. Исчезнет ли оно вообще когда-нибудь? Трудно пророчествовать. Но можно сказать, что для этого нужно: 1) чтобы исчезли длительные супружеские союзы и та тесная связь лиц, которая является их результатом и делает супругов особенно близкими и дорогими друг для друга; 2) исчезло производство детей в семьях или, по крайней мере, исчезла особая любовь и связь родителей к своим детям (и обратно) и превратилась бы в одинаковую любовь всех родителей ко всем детям, — и к своим, и к чужим — безразлично. Без этих условий исчезновение семейного расслоения невозможно, возможно только изменение его формы. В современной ли или в иной форме (при т[ак] называемом] пуналуальном или ам-билиакском браке, при когнатическом и тотетическом родстве) это расслоение всегда существовало в мире людей и вело к различению «единокровных и родных» от чужих. Может быть, в весьма отдаленном будущем это различие исчезнет, как исчезнут и исключительная любовь родителя к своим детям и супруга к супругу, но одно несомненно, что это состояние если когда-нибудь и наступит, то очень не скоро. Ближайшие столетия семейное расслоение едва ли упразднят⁷⁹.

⁷⁸ См.: *Gini C. I fattori demografici dell'evoluzione delli nazioni; Fahlbeck P. Der Adel Schwedens und Finlands. Jena, 1903; Ego же. La noblesse de Suede // Bulletin de] l'Institut international de] statistique], vol. XII, I livr., p. 169-181; Ego же. La decadance et la chute des*

peuples // Ibid., vol. XV, II livr., p. 367-389; *Vacher*. La longevité dans les familles // Ibid., vol. IX, II livr., p. 50-76; *Bougie C* La démocratie, p. 80 и ел.; *Вольтман Л.* Цит. соч., с. 278 и ел. См. также указ. работы: *Колабин-ской, Парето, Лапужа, Аммона, Sensinm* др. См. ниже объемно-правовые и классовые перегруппировки.

⁷⁹ Об этом речь пойдет в «Социальной] генетике».

7 56

Система социологии. Том II

Государственные перегруппировки

В отличие от предыдущих перегруппировок, совершающихся лишь путем полного или частичного изменения самого физического состава населения, государственные и все последующие перегруппировки могут происходить без изменения самого населения. Там, говоря образно, сеть проволок нельзя изменить без изменения столбов, между которыми они натянуты. Здесь же сеть проволок государственного расслоения можно менять как угодно, без изменения столбов. Принадлежность к государственному коллективу людей похожа на костюм, который можно снять и заменить костюмом другого государства. С точки зрения индивидуальной это означает, что одни и те же индивиды потенциально могут менять государственную принадлежность, могут быть выключаемы из абонентов одного государства и включаемы в число абонентов — подданных другого государственного коллектива.

Это дедуктивно заставляет предполагать, что государственные перегруппировки могут совершаться быстрее и легче, чем перегруппировки расовые, возрастные и половые. Первые более подвижны, могут совершаться резкими скачками, т[ак] к[ак] переменить костюм можно гораздо быстрее, чем переменить самого человека. Историческое и статистическое наблюдения подтверждают сказанное.

Госуда рство	Год	Геогра ф. поверх ность в км ²	Численн ость населени я
Европ. Россия	1800		Ок. 35000000
(без Финляндии)	1830	388300	4000000
	1860	0	0
	1900	0	0
Пруссии	1804	512050	6200000
		0	0
		510380	П2000000
		0	0 ⁸⁰
	1804	313326	9977470
	1810	157459	4708410
	1816	275086	1034903
	1910	348780	1
			9 ⁸¹
Европ. Турция	1800	544000	9500000
	1830	544090	9500000
	1860	525800	1550000
	1900	167300	0
Велико британия	1800	230100	5900000
			1100000
			0

⁸⁰ *Levasseur E., Bodio L.* Stat[istique] de la superficie et de la population // Bulletin de l'Inst[itut international de] stat[istique], vol. XII, II livr., p. 105-107.

⁸¹ Annuaire statistique]. 1916, p. 4.

⁸² Levasseur E., Bodio L. Op. cit., p. 105-106.

Глава V. Социальные перегруппировки

757

Госуда рство	Год	Геогра ф, поверхность в км ²	Численн ость населения
Франц ия	1830	31460	2400000
	0	0	0
	1860	31460	2900000
	0	0	0
	1900	31490	4150000
	0	0	0
	1800	54040	3310000
	0	0	0
	1830	53030	3250000
	0	0	0
	1860	54290	3740000
	0	0	0
	1900	53640	3800000
	0	0 ^c	

Что государственные перегруппировки первого рода, заключающиеся в разбухании объема одной государственной системы за счет объема другого государства, происходили и происходят, тому доказательством служит вся история государств. Представление о них дает следующая таблица, в которой разбухание объема одних государств и уменьшение объема других отмечаются не только в территориальном смысле, но и в смысле увеличения и уменьшения числа их абонентов — подданных. Эти цифры говорят об увеличении и уменьшении территории и абонентов различных государств не в силу только увеличения последних путем рождения и уменьшения их путем смертности, а в силу захвата определенным государством населения, бывшего до захвата абонентом другого государства. Колебания объема государств в этом отношении похожи на насильственное или добровольное выключение массы лиц из абонентов одной электрической компании и включение их в абоненты другой.

Из этих данных⁸³, притом обнимающих не полностью территорию и подданных надлежащих государств (колонии и их население совершенно не включено), видно это разбухание и сужение объема одних государств за счет других. Границы их довольно часто передвигаются. Разбухание или сжатие происходит резкими скачками: от государства обычно отваливается или наоборот к нему приклеивается целый кусок населенной территории. Границы расслоения подвижны и легко изменчивы.

Рядом с такими внезапными изменениями числа абонентов и территориальной зоны государства происходит постоянный, хотя и более медленный, процесс изменения числа подданных государства в силу натурализации иноземных подданных, или обратно, в силу перехода в

⁸³ См. подробные данные — годовичные — изменения территории и населения различных государств (к сожалению, однако, не обнимающие их внеевропейских владений и подданных) в Annuaire statistique (1916, p. 4 и ел.), в указанной] ст[атье] Левассера и Бодю и в ст[атье] Juraschek'a Flacheninhalt und Bevolkerung Europas // Bulletin de l'Institut international de [stat]istique, vol. XIV, II livr., p. 17, 23-25 и passim.

758

Система социологии. Том II

другое подданство подданных данного государства. Хотя наше подданство зависит не от нас — мы рождаемся помимо нашей воли подданными того или иного государства,

однако в современных условиях в ряде случаев имеется возможность переменить костюм государственного подданства. Не везде это достигается с одинаковою легкостью; одни государства более закрыты, не легко принимают в число своих подданных бывших инегосударственников и не легко выключают своих подданных из числа своих абонентов; другие государства такое включение и выключение допускают легче⁸⁴. Однако в тех или иных размерах инфильтрация в абоненты и выход из абонентов государства (процессы отличные от территориального переезда из зоны одного государства в другое) совершаются. В истории постоянно происходит то внезапное, то постепенное «переливание» индивидов из сосуда одного государства в сосуд другого. Одни уходят из абонентов его, другие приходят. Одни государства от этого полнеют, другие высыхают. Представление об этих постепенных переливаниях (без отпадения территории) дают цифры т[ак] называемой] постоянной эмиграции (или иммиграции) в другое государство, особенно из Европы в Америку, где перемена территории в громадном большинстве случаев означает и перемену подданства данного ли поколения или ближайшего. Так, с 1901 по 1908 г. из Италии эмигрировало и не возвратилось (фактически порвало с Италией навсегда) 1036 359 человек⁸⁵. Конечно, не везде этот процесс изменения государственной принадлежности идет столь интенсивно, но в тех или иных размерах он совершается всюду⁸⁶. Ежегодно не менее 100 000 [человек] эмигрируют из Европы в Америку навсегда и меняют свой «государственный костюм». Эти данные говорят, что перегруппировки государственных коллективов первого типа имеют место, и в обеих формах — резких сдвигов и систематических пересачиваний — носят довольно интенсивный характер.

Даны ли здесь перегруппировки второго типа? Ответ дает вся история государств: все исчезнувшие государства, с одной стороны, возникавшие и возникающие новые государства — с другой. Ассирия, Древний Египет, Древняя Спарта, Афины, Римское государство и многие дру-

⁸⁴ См. на этот счет условия принятия в подданство и перемены подданства в законах соответственного государства.

⁸⁵ *Chessa F.* Il fenomeno dell'emigrazione in Italia // Riv[ista] itfaliana di] soc[iologia]. 1913, p. 65. см. также: *Colletti F.* Dell'emigrazione italiana. 1912, passim.

⁸⁶ Приблизительные цифры дают данные постоянной эмиграции. См. о них: *Maïo-Smit P.* Цит. соч., с. 333 и ел.; *Maïp Г.* Цит. соч., т. II, с. 155-156, 475 и ел., и особенно *Appunti statistici sulla emigrazione daU'Europa e sulla immigrazione in America e in Australia // Bulletin de] l'Ins[titut] intern[ational de] statistique], vol. VII, II livr., p. 165-226.* Приблизительное представление, с другой стороны, дает и число иностранцев, постоянно проживающих в данном государстве. См. цифры в *Annuaire stat[istique], p. 136-142.*

Глава V. Социальные перегруппировки

7 5 9

гие, были и исчезли. В XIX в. исчезли королевство Сардиния, Неаполитанское государство, герцогство Тосканское и др. На наших глазах развалилась Австрия. Рядом с этим возникали и возникают новые государства. На наших глазах образовались Чехословакия, Польша, Эстония, Латвия, Грузия и многое множество других государств. Такими фактами полна история. Она говорит, как одни государственные сосуды разбивались вдребезги и теряли всех содержащихся в них индивидов, как эти последние — сразу ли или постепенно — вливались в другой государственный сосуд, как одни государства пожирали другие, как, в свою очередь, были поглощаемы третьими. Одни из них жили очень недолго, другие жили в течение сотен лет. Словом, исчезновение и появление государств — процессы обычные в истории. Государственная карта земного шара весьма подвижна и изменчива («вечность» государства существует только в мире юридических фикций и нет ее в мире реальном).

Теперь спрашивается: возможны ли в этой области перегруппировки третьего типа, т. е. полное исчезновение государственного расслоения населения? Такое состояние может означать две вещи: либо поглощение всех государств одним мировым государством, либо полное замещение государственной группировки гетерогенной,

негосударственной группировкой.

В первом случае все население земного шара оказалось бы абонентом одного мирового государства, что равносильно было бы исчезновению государственного расслоения. В прошлом история человечества такое состояние едва ли знает, ибо политическая группировка в форме кумулятивных «тотемических», «родовых», «племенных» и т. п. групп была всегда. Возможно ли оно в будущем? Не будем гадать. Пока что история человечества на этот счет «плясала кадрили» с разными фигурами, но по существу на одном месте. Какой-либо постоянной тенденции в ней мы почти не замечаем. Говорят, что существует историческая тенденция образования все более и более крупных государственных тел и исчезновения мелких государств. Увы, она очень спорна. «Мировые державы» знала древняя история (Ассирия-Вавилония, Египет, Империя Александра Македонского, Рим), знали средние века, знает и новое время. Но «воз и ныне там». Число государств современной Европы немногим меньше числа их во времена императорского Рима. Мировое единое государство и братское отношение подданных одних государств к подданным других пока что остается еще в области «чаемого и ожидаемого», а не настоящего. Станут ли они реальными фактами — трудно поручиться за это. Если и случится такая трансформация, то во времена весьма и весьма далекие.

Но не будет ли упразднена государственная группировка иным путем, путем уничтожения самого государства и замены его группировками иного рода, напр[имер], религиозными, как мечтали многие теологи и цезарепаписты, или синдикалистскими, как доказывают синдикалис-

ты, или классовыми, как проповедают многие теоретики социализма? Ответ будет зависеть от того содержания, которое мы вложили в понятие государства. К сожалению, у большинства таких теоретиков мы не находим ясной мысли на этот счет, неопределенными поэтому становятся и их конструкции уничтожения государства и замены его чем-то иным. При характеристике государственной группировки мы видели, что сеть отношений, образующих собой систему государственного взаимодействия, может разбухать и включать в себя многие отношения, регулировавшиеся негосударственными коллективами, и обратно: она может «редеть» в силу перехода многих отношений из системы государственного взаимодействия в иные, напр[имер], в профессиональные, религиозные и другие негосударственные коллективы. Если такой «исход» примет чрезвычайно интенсивный характер и уменьшит число отношений, образующих государственную сеть взаимодействия, до нуля, тогда, очевидно, государство отомрет. Если такой процесс совершится всюду, это будет равносильным упразднению государственного расслоения. Функции государства тогда перейдут к иным коллективам.

Иными словами, в истории мы видим колебание объема государственных тел не только в отношении друг к другу (в отношении увеличения территории и подданных одного государства за счет территории и подданных другого государства), но и в отношении к негосударственным коллективам: то государство отнимает от них ряд функций и разбухает за их счет, принимая на себя регулировку многих отношений, регулировавшихся ими, то, наоборот, они отнимают от государства ряд функций и отношений и берут их в свое ведение. Мы видели также, что подобные колебания имели временами весьма широкую амплитуду: иногда государство поглощало чуть не все негосударственные коллективы и регулировало всю жизнь населения (Древний Египет, Перу, полицейско-абсолютистское государство, РСФСР нашего времени), иногда, наоборот, оно теряло большинство своих функций и превращалось в рабочий орган, в «филиальное отделение» негосударственных коллективов, например, католической церкви в средние века. Такое колебание не исключает возможности в будущем, в противоположность данному времени, «гипертрофии государства», его «атрофии» в пользу негосударственных коллективов. Мы даже можем допустить (хотя это

маловероятно), что такая атрофия государства будет полной. Что это будет означать? Формально — полное исчезновение государственного расслоения. Фактически — «огосударствление» негосударственных коллективов, будут ли ими церковь или партия, синдикат, или сословие, класс или национальность. Изменение будет состоять главным образом в перемене вывески: вместо «огосударвленного синдиката», как сейчас обстоит дело у нас, будет «осиндигированное государство», вместо «огосударственной церкви»

Глава V. Социальные перегруппировки

761

будет «церковное государство» — теократия и... только. Кое-что это изменит, но не столь многое. Вдобавок такая смерть государства не будет по существу чем-то новым. Только количественно она будет отличаться от эпох поглощения государства иными коллективами — эпох, не раз имевших место в истории. Вероятнее, однако, другое — продолжение «исторической кадрили» на месте; не полное отмирание всех государств, а качание истории то в сторону разбухания государства за счет других негосударственных коллективов, без полного поглощения последних, то в сторону обратную, без полной атрофии государства. Нам это может казаться скучным. Мы везде ищем постоянных линий развития и притом приятных нам, но «история со своим мормонизмом (после одних родов) может начать новую беременность. *E sempre bene, господа!*»^{87,6*}). Так, по крайней мере, было до сих пор.

Языковые перегруппировки

Язык, подобно государственной принадлежности, не передается путем биологической наследственности. Он составляет «костюм», который можно отделить от физического индивида и заменить другим. Однако в общем и целом это признак важный, довольно устойчивый, передающийся путем традиции от поколения к поколению. Молодое поколение в качестве родного языка будет иметь тот, на котором говорит окружающая и окружавшая его человеческая среда. Этим объясняется сравнительная закрытость и устойчивость языковой группы.

Страна	Языковой состав населения	Языковые группы (в %)	1900 г.	1910 г.
Австрия	немецкий	35,07	35,83	34,83
	богемо-мораво-славянский	78	22,52	22,52
	польский	26	16,38	17,38
	мадьярский	4	0,04	0,04
	французский	47	38,17	38,17
Бельгия	фламандский	16	42,38	43,38
	немецкий	2	0,42	0,42
	французский	76	69,12	69,12
Швейцария	немецкий	05	22,14	21,14
	итальянский	7	6,66	8,06

⁸⁷ Герцен А.И. Былое и думы // Сочинения. СПб., 1905, т. III, с. 100. Подробно речь

об этом пойдет в «Социальной генетике».

762

Система социологии. Том II

За исключением случаев перемены индивидом языковой среды языковое расслоение человечества меняется сравнительно медленно и постепенно. В течение одного, двух, трех десятков лет языковой состав населения изменяется мало (кроме случаев массовой эмиграции и иммиграции какой-либо языковой группы). Представление об этом дают следующие цифровые иллюстрации языковых изменений населения за 10 лет в ряде стран. Колебания есть, но они ничтожны.

Было бы, однако, ошибкой заключать отсюда о неизменяемости языкового расслоения населения. Несмотря на сравнительную устойчивость, оно все же меняется, а иногда при благоприятных условиях меняется довольно быстро. Это вытекает из возможности перемены «языкового костюма», из возможности для одного и того же индивида изучить иной язык, говорить и мыслить на нем. Для этого нужно только время и соответствующая языковая среда. Правда, для взрослого человека не всегда легко в совершенстве овладеть чужим языком, но все же возможно. В молодом же возрасте ассимиляция чужого языка совершается легко и интенсивно. Подтверждением тому служат массовые явления ассимиляции английского языка иммигрантами. Дети иммигрантов — не англичан, родившиеся вне Америки, но выросшие в Америке, т. е. в среде английской языковой группы, забывают язык предков и родным языком начинают считать английский язык⁸⁹. В большей или в меньшей степени это применимо ко всем языкам. Отсюда дедуктивно можно предположить, что в области языкового расслоения даны перегруппировки первого и второго рода. История языковых групп говорит нам, что с ходом времени территориальная зона и число абонентов одного языка растет, другого падает, в одну языковую группу вливаются индивиды, из другой — выливаются. Потомки лиц, говоривших на одном языке, начинают говорить и пользоваться другим языком. Мало-помалу последний делается для них не только «разговорным», но и «родным» средством звукового общения. В некоторых случаях такая языковая перегруппировка совершается весьма быстро, в течение жизни одного поколения (напр[имер] в Америке), иногда для нее требуется больше времени. Но с той или иной быстротой процессы разбухания объема одной языковой группы и сжимания объема другой происходили и происходят в истории. Современная зона распространения английского языка несравненно шире, чем она была

⁸⁸ Annuaire statistique], p. 143-145. См. там же детальные цифры относительно языкового состава главн[ых] стран Европы.

⁸⁹ The rapidity with which our spoken language is learned by immigrants is the most striking fact of American social life^{7*}, говорит *Jenks*, как и другие исследователи этого вопроса (Assimilation in the Philippines // Am[erican] j[ournal of] sociology], vol. 19, p. 775).

Глава V. Социальные перегруппировки

763

несколько веков тому назад. Выросла по сравнению с эпохой Ивана Калиты — и территориально, и по числу своих абонентов (не только абсолютному, но и относительному) — и зона распространения русского языка. Многие группы, раньше говорившие на иных языках, англоизировались или русифицировались. Ряд языков, напротив, уменьшился в своем объеме: территориальном и по числу своих абонентов. Уменьшились не потому, что физически уменьшилось число индивидов, происходящих от членов таких языковых групп, а потому, что они «надели другой языковой костюм», а вместе с ним весьма часто и другую культуру. «Целые народы оставляют один язык и усваивают другой так же, как надевают и снимают платье»⁹⁰. В силу такой перемены «костюма» языково-культурная физиономия такой группы изменилась, она перестала быть тем, чем была: перестала быть продолжением и развитием своей первоначальной группы.

Рядом с такими перегруппировками мы видим здесь и перегруппировки второго рода: исчезновение одних языковых групп и появление новых, часто без физического

исчезновения индивидов или их потомков, а в силу вытеснения одного языка другим. Примером могут служить судьбы санскритского или ассирио-вавилонского, или латинского, или древнеегипетского, или древнегреческого, или древнееврейского языков. Когда-то на них говорили огромные массы людей, теперь они достояние ученых лингвистов и филологов да небольшой группы лиц, почему-либо сохранивших его. Потомки лиц, говоривших когда-то на санскрите, латыни или древнееврейском языке, теперь говорят на иных языках, и многие из них едва ли даже знают язык, на котором говорили их предки. Сколько языков, в особенности множества исчезнувших и исчезающих, примитивных групп, погибло абсолютно и навсегда!⁹¹ Рядом с такими фактами происходили и происходят процессы зарождения, роста и распространения новых языков, путем ли постепенной дифференциации от какого-либо «прародительского» языка или путем смешения двух и большего числа языков, примером чего является английский язык. Какими причинами вызываются такие процессы, от каких условий зависят интенсивность и быстрота их — не будем касаться здесь. Ограничимся просто констатированием факта.

Спрашивается: даны ли здесь перегруппировки третьего рода? Пока что расслоение по языку (и по культуре) было и остается в истории. Оно может исчезнуть только тогда, когда все будут говорить на одном языке. Несмотря на рост территориальных перегруппировок, влекущий повышение интенсивности смешения языков (см. ниже), все же мы очень

⁹⁰ Ратцель Ф. Цит. соч., т. I, с. 30.

⁹¹ Факты см.: Ратцель Ф. Цит. соч., т. I, с. 31 и ел.

далеки от такого состояния. Едва ли значительно приблизят его такие искусственные, по существу мертвые языки, как эсперанто. Они были и останутся языком их творцов да небольшой группы «любителей». Если мировое господство и суждено какому-либо языку, то одному из «естественных» языков, а не кабинетно сочиненному.

Другой вопрос — колебание социального значения и исторического влияния языковой группировки в среде иных, гетерогенных группировок. Как мы видели, это явление исторически изменчивое. В одни эпохи языковая группировка не проявляет могучего давления на ход истории и на судьбу других неязыковых коллективов. В такие эпохи историческая сцена занята неязыковыми актерами; на ней действуют государственные, религиозные, имущественные и другие коллективы. Они служат центрами сил, поворачивающих колесо истории. Наряду с ними мы видим эпохи, где языковая группировка выступает на первый план и становится могучим центром сил, опрокидывающим другие неязыковые группировки и играющим главную роль в исторической трагикомедии человечества. Примером таких эпох, как указано выше, служат XIX и XX вв., стоящие под знаком давления языковых групп, «национальных движений», разбиравших и создававших государства, путавших и путающих выкладки апологетов профессионального, имущественного и классового расслоения. Эти факты говорят о том, что объем влияния языковых групп — исторически колеблющаяся величина. То они поглощаются и оттесняются на второй план другими группировками, то оттесняют их в свою очередь. Чем вызывается такое колебание — не будем анализировать⁹². Ограничимся простым констатированием этого факта. А он несомненен.

Профессиональные перегруппировки

Полный и детальный очерк профессиональных перегруппировок весьма труден и весьма сложен. Как и в предыдущем, я ограничусь здесь самыми основными штрихами. При характеристике профессиональной группировки я не дал классификации профессий как постоянных и длящихся занятий индивида, дающих ему средства к существованию.

Коснусь кратко этого вопроса здесь. Для определения профессионального положения лица существенно важны два пункта: 1) характер самого профессионального занятия (напр[имер], врачебная деятельность, обработка земли, добывание металлов, та или иная переработка сырого материала, составляющая в своей совокупности одну из

функций, образующих текстильную, металлургическую и другие виды инду-

Речь об этом пойдет в «Социальной] механике».

Глава V. Социальные перегруппировки

76 5

стриальной деятельности и т. д.), 2) степень хозяйственной автономности данного лица, определяющая его положение: или а) как экономически самостоятельного лица, работающего за свой счет (крупные предприниматели и мелкие самостоятельные хозяева, patrons), или б) как высшего служащего (employes), или с) как наемного рабочего, подобно высшим служащим продающего свой труд и живущего заработной платой, но и характером занятий, и величиной заработной платы, и психикой отличающегося от первых.

С точки зрения второго пункта все профессионально занятые лица могут быть размещены в эти три группы, причем первую из них можно, а иногда и нужно, разбить на две подгруппы: на предпринимателей в узком смысле, пользующихся наемным трудом других лиц, и на самостоятельных хозяев, экономически автономных, но не пользующихся наемными рабочими; иными словами, выполняющих профессиональные функции своими силами или силами своей семьи (напр[имер], «трудовые крестьяне», мелкие самостоятельные ремесленники или хозяева мелких мастерских, обходящиеся без наемных рабочих, мелкие торговцы и т. д.).

Что касается классификации самих профессиональных занятий, то детальная классификация их чрезвычайно громоздка и многочисленна. Она должна была бы состоять из 10 000 названий различных форм профессиональной работы, ибо, по вычислению Бюхера, число всех видов, подвидов и дальнейших подразделений профессиональной деятельности сейчас не менее 10 000⁹³. Само собой разумеется, для нашей цели такая детальная классификация излишня. Как показывает наблюдение, основные линии притяжения однопрофессиональных и отталкивания разно-профессиональных лиц идут не по этим детальным различиям или сходствам профессий, а по основным, главнейшим отличительным признакам профессий, плюс — по признакам указанного хозяйственного положения (автономности) лица в данной профессиональной деятельности. Поэтому мы можем принять основные подразделения той номенклатуры профессий, которая была предложена рядом статистиков, в частности Жаком Бертильоном, и сейчас служит моделью международной профессиональной статистики⁹⁴.

Общую картину основных производственно-профессиональных групп в современной Европе и Америке дает следующая таблица числа лиц, занятых в каждой из означенных профессий.

⁹³ Бюхер К. Цит. соч., т. II, с. 100.

⁹⁴ См.: Bertillon J. Projet de nomenclature des professions // Bulletin de l'Institut international de statistique, vol. VIII, I livr., p. 240 и ел.; Van der Borgh. Plan und Organisation d. deutsch. Berufs- und Betriebszahlung von 1907 // Ibid., vol. XVIII, p. 293 и ел.

766

Система социологии. Том II

Стр	В	Зе	нд	оргов	П
аны	сего	мледелие и др. занятия, св язанные с по верхност ью зе мли %	ндустрия и горно е дело	ля	ублич[ны е], обществе нные], свободн ые] и др. професси и %
Анг	1	12,			19

лия	827535	00	4	7,5	2,1	,8
	6					
Авс	1		58,			12
трия	410745	2	2,3	,3	,2	
	2					
Бел	3		21,			25
ьгия	300148	1	1,6	1,7	,6	
Дан	1		48,			15
ия	106539	0	4,9	1,8	,3	
Шв	1		37,			11
ейцария	305650	4	0,7	0,7	,2	
Фра	1		44,			12
нция	899377	3	3,6	,4	,7	
	9					
Гер	2		37,			14
мания	211019	5	7,4	0,6	,5	
	1					
Ита	1		59,			8,
лия	627252	4	4,5	,4	7	
	6					
Нор	7		49,			15
вегия	75472	6	2,9	1,7	,8	
Гол	1		30,			18
ландия	930707	7	3,7	7,2	,4	
Сер	5		66,			12
бия	15541	2	2,7	,8	,3	
Сое	2		35,			23
диненные]	928592	9	4,1	6,3	,7	
Штаты	2					
Шв	1		49,			21
еция	974000	8	0,9	,5	,8	
Вен	8		68,			13
грия	830995	6	3,4	,1	,9	
Рос			74,			10
сия*		6	1,2**	,8	,4 ⁹⁵	

* С Сибирью и Кавказом, Польшей и Туркестаном], без Финляндии ** С транспортом

⁹⁵ Creanga. Die Statistik Grundbesitzverteilung in der verschied. Landere // Bui [letin de l'Institut international de] stat[istique], vol. XVII, p. 155; Zolotarej. Les classes sociales en Russie // Bulletin de l'Institut international de] stat[istique], vol. XVIII, I livr., p. 504.

Глава V. Социальные перегруппировки

7 67

Эта суммарная таблица показывает: 1) относительную величину указанных производственно-профессиональных групп в каждой стране,

2) несходство профессионального расслоения населения разных стран,

3) наиболее многочисленные профессионально-производственные группы в каждом государстве, в частности.

Теперь перейдем к суммарной характеристике профессиональных перегруппировок.

Профессия, как и другие социально-психические признаки индивида, не передается путем биологической наследственности. Она представляет костюм, который можно надеть, снять и переменить. Однако потенциальная возможность свободной перемены профессионального костюма встречает ряд затруднений социального характера. Эти

затруднения иногда, как, напр[имер], в кастовом строе, бывают столь значительны, что фактически делают профессиональную группу закрытой и даже наследственно-закрытой; человек и его потомки здесь прикреплены к профессии, сын кузнеца обязательно делается кузнецом и должен быть им всю жизнь, ту же профессию должны выполнять дети, внуки и правнуки последнего. Каждая каста имеет свою профессию. Переход из касты в касту невозможен; невозможна и перемена профессии. В современном населении профессиональная группа более открыта. Здесь юридически индивиды не прикреплены к профессии. Поэтому здесь происходит циркуляция индивидов от одной профессии к другой. Однако и здесь эта циркуляция далека от полной свободы и совершается нелегко. Сколько имеется лиц, которым опротивела их профессия, но сбросить ее они не могут! Сколько лиц стремятся занять «почетные» и «выгодные» профессии и, увы! из многих званых весьма мало оказывается избранных! Больше того. Как показывают исследования *Chessa*, *Woods'a* и др., и теперь в ряде профессий существует социальная наследственность. «Теоретически, — говорит Майр, — человек представляется вполне свободным в выборе своей профессии, тем не менее сын земледельца обыкновенно становится тоже земледельцем, сын промышленника — промышленником»⁹⁶.

Специальная монография F. Chessa по этому вопросу привела его к следующим выводам: 1) наследственность профессии весьма значительно колеблется во времени и пространстве; 2) она различна в различных профессиях: максимальна в тех профессиях, которые требуют большой технической опытности и капитала, а также в тех, где имеется корпоративный дух и гарантии продолжительности и непрерывности занятий; 3) новые экономические и социальные условия уменьшают наследственность профессий⁹⁷. Близкие выводы дает и *Preussische Statistik*.

⁹⁴ Майр Г. Закономерность в общественной], Жизни. М., 1899, с. 232. ⁹⁷ Chessa F. *La trasmissione ereditaria delle professioni*. Torino, 1912, гл. II.

От	бо	медиков,		
юристов,	гословов,	филологов	происходя!	
юр	55,	7,3	16,51	
исты	П %	8		0,18
дух	14,	48,	21,46	
овные	13	66		5,73
вра	27,	4,3	50,00	
чи	06	8		8,50
учи	31,	10,	22,09	
теля	63	30		3,25

Переход занятия от отца к сыну, согласно этой таблице, чаще всего наблюдается у юристов, затем у медиков, духовных, менее всего — у учителей⁹⁸.

Анкета, произведенная Woods'oM, дает некоторый материал и о субъективных желаниях детей относительно их будущей профессии. Итог этой анкеты, произведенной среди 990 американских школьников, таков: «Имеется очевидная и значительная тенденция предпочитать в общем те же профессиональные занятия, которые выполняет их родитель. Три пятых детей лиц свободных и административных профессий (professional) желают иметь те же профессии; 7 детей купцов и торговцев желают стать торговцами, две пятых детей ремесленников хотят быть ремесленниками. Еще более ясна тенденция предпочтения хорошо оплачиваемых или интеллектуальных профессий и тенденция нежелания иметь профессию ручной, физической работы (manual). Так, 35 % купеческих детей желают быть членами свободных и чиновничьих профессий; 37 % детей мелких торговцев Хотят быть или торговцами или членами свободных профессий; 49 % детей духовенства хотят быть или купцами или представителями свободных профессий, 46 % детей ремесленников — то же и 76 % детей чернорабочих хотят быть или ремесленниками, или иметь интеллектуальную (не ручную) работу»⁹⁹. По вычислениям Лурье среди германского пролетариата (без высших служащих) потомственные и

Если взять основные профессиональные группы, то разбухание и худение их, кроме исключительных условий¹⁰³, совершается постепенно и относительно медленно. Ни одна из них не «лопается» сразу и не «надувается» моментально на громадную величину. В отличие от государственных перегруппировок, где часто в несколько месяцев от государства отпадает огромный населенный кусок территории с сотнями тысяч населения, основные профессиональные группы полнеют и худеют исподволь. Их пограничные линии выпячиваются или вдавливаются постепенно. Поэтому здесь, в применении к основным группам, карта профессионального расслоения не дает таких эффектов, чтобы в короткий срок исчезло одно из основных «профессиональных государств». Карта государственной перегруппировки, как мы знаем, такие «провалы» государств знает.

Такое равновесие профессионального расслоения обязано своим существованием не всегда медленности циркуляции индивидов из одной профессиональной группы в другую; часто оно вызывается равновесием отлива и прилива их из каждой группы. Профессиональное расслоение может оставаться неизменным не только тогда, когда профессиональные группы замкнуты и нет эндосмоса^{8*} между ними, но и тогда, когда эндосмос очень интенсивен, но непрерывная убыль одних членов группы непрерывно пополняется притоком новых членов из другой. При интенсивнейшей перегонке индивидов из одной профессиональной группы в другую, если прибыль и убыль каждой группы будут равны, — профессиональная архитектура населения может оставаться неизменной. Если разница между убылью и притоком будет незначительна, разбухание одних и худение других групп примет характер медленного, постепенного процесса. Относительная медленность профессиональных перегруппировок первого рода в ряде основных профессиональных групп объясняется именно такими условиями. Исследование ряда профессиональных групп показывает, что состав их членов довольно быстро обновляется: одни индивиды уходят из их «абонентов», а место их занимают новые пришельцы. Так как приток и отлив не очень резко отличаются друг от друга, то разбухание или худение таких групп носит характер постепенности. В итоге форма профессионального расслоения населения оказывается малоизменяющейся, несмотря на интенсивность циркуляции индивидов между профессиональными группами. Примером сказанного может служить профессиональная группа рабочих в Германии. Данные 1911, 1918 гг. говорят, что «ежегодно вливается в полета -

¹⁰³ Вроде современных, вызвавших в России резкое уменьшение индустриальных групп, увеличение земледельческих и настоящую гипертрофическую водянку государственных агентов — людей 1-го и 15 числа, «советских служащих», этих «работяг-словотеков», в огромном большинстве совершенно бесполезных со своими «входящими и исходящими».

Глава V. Социальные перегруппировки

771

рият заново около одиннадцатой части всего его состава (9,26 %), причем 1281 тыс. человек идет на пополнение годовой убыли, а 426 тыс. на рост. Сама же убыль только на четверть причиняется смертностью и инвалидностью (200 тыс. муж[чин] и 96 тыс. жен[щин]), а на три четверти (505 тыс. муж[чин] и 480 тыс. жен[щин]) вызываются другими причинами: замужеством и продвижением на высшие социальные ступени и солдатчиной. Если бы пролетариат не рос... то весь состав его обновлялся бы заново каждые 15 лет¹⁰⁴. Сказанное иллюстрирует наличность и возможность в профессиональных группах интенсивного и непрерывного осмоса индивидов или изменения их «содержания» при устойчивости «формы» профессионального строения населения. Аналогичное мы увидим и в ряде других группировок. Таковы формы профессиональных перегруппировок первого рода.

Перейдем к профессиональным перегруппировкам второго рода. Бывают ли они здесь? Бывает ли так, что отлив из одной профессиональной группы принимает такие размеры, что отливают все ее члены и группа исчезает? Рядом с этим появляются ли здесь

новые профессиональные группы? Иначе, меняется ли карта профессионального расслоения по существу так, чтобы одни профессиональные группы начисто исчезали и появлялись новые, не существовавшие раньше? По-видимому, да. Это несомненно в применении к детальным профессиональным расслоениям. Рост технического разделения труда — свидетельство появления и роста новых видовых и подвидовых профессиональных групп. Число способов профессиональной деятельности сейчас достигает до 10 000. И оно все растет. С 1882 по 1895 г. число новых профессий увеличилось более чем на 4000¹⁰⁵. По Petrenz'у в Лейпциге с 1830 до 1860 г. было 25 основных форм профессиональной деятельности и 68 — подвидов; с 1860 до 1890 число их возросло соответственно до 42 и 172¹⁰⁶.

Несколько столетий тому назад большинство из этих 10 000 профессий, а следовательно, и соответствующих профессиональных групп не существовало. То же применимо (хотя и в меньшей степени) к исчезновению ряда мелких профессиональных подразделений, если брать их во всей их конкретной форме (напр[имер], авгуров, шаманов, весталок, добытчиков огня путем трения, изготовителей чуринг, каменных топоров и т. д.). Но если брать их по существу, игнорируя конкретные детали, то, пожалуй, исчезновения профессий нет, а есть только их конкретная трансформация. Профессии жрецов, монахинь, хиромантов и гадателей, знахарей и колдунов, изготовителей религиозных реликвий и талисманов, оружия и орудий и т. д. — были и существуют до сих пор;

¹⁰⁴ Лурье М. Цит. соч., с. 5-6.

¹⁰⁵ Бюхер К. Возникновение н[ародного] хозяйства], т. II, с. 100.

¹⁰⁶ Bougie C. Revue generale des theories recentes sur la division du travail // L'annee soc[iologique], vol. 6, p. 86.

меняются только их внешние формы и объем. Что сказано о мелких профессиональных подразделениях, то же применимо и к крупным. Основные профессиональные группы, бывшие в древности, не исчезли, но только трансформировались. Вместе с этим появились новые виды профессий, неизвестные древности. Короче говоря, профессиональные перегруппировки второго рода даны, но только в односторонней форме: в форме появления все новых и новых профессиональных групп, без исчезновения бывших. Последние в видоизмененной и расчлененной форме в общем и целом продолжают существовать. Иной вывод мы получим только тогда, когда будем учитывать не весь земной шар, а определенную ограниченную его часть. В населении определенной территории могут исчезнуть и исчезают определенные профессии и соответствующие профессиональные группы. Карта профессионального расслоения населения отдельных местностей меняется в смысле перегруппировок второго рода. С ростом специализации занятий такой процесс в ряде мест принимает довольно резкий характер. Ряд стран, бывших раньше земледельческими, стал почти исключительно индустриальным (напр[имер] Англия). В ряде городов, напр[имер], в Тройе, в Гловерсвилле и в др. (см. выше, стр. 622) многие виды промышленности исчезли, исчезают и вытесняются постепенно производством воротников или перчаток и т. д. С этой точки зрения карта профессионального расслоения населения отдельных мест представляет явление динамическое; с ходом времени на ней непрерывно меняются не только пограничные линии существующих профессиональных групп, не только индивиды «перегоняются» из одной профессиональной группы в другую, но меняются само число и характер последних: одни исчезают, другие появляются. Таково положение профессиональных перегруппировок второго рода.

Что касается, наконец, профессиональных перегруппировок третьего рода, то, очевидно, они не имели места в прошлом, не существуют теперь и не могут совершаться в будущем. Исчезновение профессионального или технического разделения труда (в отличие от общественного разделения труда) немыслимо. Оно означало бы вытеснение

всех профессий какой-либо одной, т. е. превращение всех людей в представителей одной профессии. Ясно, что пока население живет, этого быть не может, ибо у него существует ряд различных потребностей, требующих ряда различных работ. Если бы все стали земледельцами или рабочими текстильной промышленности, или священниками, то все остальные потребности не были бы удовлетворены и население не могло бы существовать. И история говорит нам, что техническое разделение труда не только не исчезает, но все более и более растет. Другое дело — прикрепленность индивида к каждой профессии и возможность переключиваться из одной профессиональной группы в другую. Прикрепленность человека к своему занятию может падать, перемена профессии или перели-

Глава V. Социальные перегруппировки

773

вание индивидов из одной профессии в другую может расти. То и другое действительно имеют место. Чем развитее страна, тем интенсивнее кочуют индивиды от профессии к профессии, тем чаще они меняют свои профессиональные ярлыки¹⁰⁷. Но все это говорит о перегруппировках первого и второго рода, а не является примером перегруппировок третьего рода. Профессиональное расслоение было и останется. С ростом интенсивности кочевания от профессии к профессии крайности профессиональной психики и интересов, делающих солидарными однопрофессиональных и антагонистичными разнопрофессиональных лиц, будут смягчаться и перемалываться в течениях разных профессиональных слоев. Чем большее число профессиональных «атмосфер» индивид будет проходить, тем сильнее однобокий профессиональный «моноидеизм» будет выветриваться; попадая в различные профессии, он будет подвергаться влиянию разнородной — и материальной, и духовной — профессиональной среды. Кругозор его будет расширяться. Узкая психология одной профессиональной группы при таких условиях выжить не может. Поэтому и антагонизм разнопрофессиональных групп будет смягчаться¹⁰⁸. Такое смягчение, при указанном условии «перегонки» индивидов из профессии в профессию, неизбежно¹⁰⁹. Но исчезнет ли он цели-

¹⁰⁷ «Перемена занятий в Соединенных Штатах совершается гораздо чаще (чем в Германии и др. странах), — пишет Мюнстерберг. — Проповедник, которому наскучило его дело, становится коммерсантом, купец начинает заниматься наукой, адвокат делается промышленником, фабрикант — политическим деятелем, книгопродавец берется за ведение мебельного магазина, почтальон становится хозяином пивной. У американца нет такого чувства, будто случайная внешняя экономическая деятельность составляет сущность человека; она для него то же, что и платье, которое можно надеть и снять, причем сам человек от этого несколько не меняется... Миллионерша, муж которой сегодня потерял свое состояние, устроит завтра без всякого смущения „домашний стол“... Наблюдателю невольно напрашивается все время мысль об актерах, меняющих свои роли...» (Мюнстерберг Г. Американцы, т. II, с. 205-206).

¹⁰⁸ Лурье, поборник однобокого пролетарского моноидеизма, правильно замечает, что узкопролетарская психология «связана с прочностью и длительностью принадлежности индивида к рабочей среде и с его из нее происхождением». «Спиридоны-повороты», лишь временно пребывающие в пролетариате, не могут ее иметь. Правильно. См.: Лурье М. Цит. соч., с. 9.

¹⁰⁹ Так оно и есть. «Можно думать, — пишет Мюнстерберг, — что частая перемена профессий, главн[ым] образом, дает американцу его прославленную многосторонность и приспособляемость». В силу этого «у американца, который никогда не перестает чувствовать, что социально-профессиональные различия — нечто внешнее, у него социальное положение другого никогда не может помешать душевному настроению... Вся соц. жизнь здесь проникнута таким настроением, как будто всякий с лукавым подмигиванием хочет сказать другому, что всем этим различиям в сущности, ведь, не придается значения... Они как будто живут в каждой роли, которую в данный момент

играют, но в сущности для них имеет мало значения, приходится ли играть роль в горностаевой мантии или в крестьянском армяке; они равноценны между собою, хотя

774

Система социологии. Том II

ком? Если «перегонка» станет столь интенсивной, что все индивиды будут подвергаться ей не один, а несколько раз, то такое исчезновение возможно. Если же первого условия не будет или оно не будет достаточно интенсивным — и количественно, и качественно, — то и полного исчезновения профессиональных антагонизмов быть не может. В силу рикошетного влияния профессии на психику, интересы и поведение индивида члены различных профессий будут иметь разную психику, разные интересы и разное поведение, а следовательно и почву для антагонизмов. (См. выше «Профессиональная группировка».) Интенсивность межпрофессиональной перегонки людей растет, но медленно. От вышеописанного состояния мы еще очень далеки. Наступит ли оно — не будем решать здесь. (Речь об этом пойдет в «Генетической социологии».) К сожалению, профессиональное крепостничество индивидов еще живет и долго будет жить; а следовательно, будет жить и профессиональный «моноидеизм», и однобокая профессиональная психология, и однобокие профессиональные интересы и... антагонизмы различных профессиональных групп.

Теперь кратко очертим профессиональные перегруппировки с точки зрения второго пункта, характеризующего профессиональное положение индивида, — с точки зрения его автономности в своей профессиональной деятельности. Выше было указано, что лиц одной профессиональной группы с этой точки зрения можно разделить на три основных слоя: 1) самостоятельных хозяев своего профессионального дела, 2) высших служащих и 3) наемных рабочих.

Спрашивается: даны ли профессиональные перегруппировки в этой плоскости? Во-первых, происходит ли в пределах этих профессиональных слоев циркуляция индивидов в каждой профессии от слоя рабочих в слой самостоятельных хозяев своего дела (восходящий ток) и обратно, от слоя хозяев в слой рабочих (нисходящий ток)? Во-вторых, меняются ли с ходом времени объемы каждого из этих слоев? В-третьих, исчезают ли одни из них и появляются ли новые слои? Наконец, исчезает ли само профессиональное расслоение в этой форме и, если да, то чем оно заменяется?

На первый вопрос ответ будет положительный. Почти во всех профессиональных группах нашего времени такая циркуляция в форме и восходящих, и нисходящих токов существует. «Рабочий» в области ли земледелия, или индустрии, или либеральной профессии (клерк адвоката, студент в области науки, ученик художника и т. д.), или торговли, или государственной службы (табель о рангах) часто перекочевывает в слой

бы роли требовали, чтобы один наслаждался, а другой трудился. Все они равны и играть игру стоит только потому, что они сознают свое равенство» (*Мюнстер-берг Г.* Цит. соч., т. II, с. 205-206, 195, 215. См. также: *Ross J.* The temper of the American // *Am[erican] j[ournal of] sociology*, vol. 13, p. 380-391.

Глава V. Социальные перегруппировки

77 Ъ

«высших служащих», из последнего — в слой самостоятельных хозяев своего дела (становится предпринимателем, землевладельцем, адвокатом, ученым, художником, купцом, «тайным советником», депутатом, министром, президентом и т. д.). И наоборот, часто неудачливый автономный хозяин своего дела (предприниматель, землевладелец, адвокат, купец, министр etc.) принужден перекочевывать в слой «высших служащих» или в слой рабочих. Перекочевывают то в хозяев, то в рабочих и высшие служащие. Темп такой циркуляции меняется в зависимости от времени, профессиональной группы, места и др. условий. Иногда он принимает характер «геологического землетрясения», влекущего массовую передвижку индивидов из одного слоя в другой. (Напр [имер], в наше время, в России, где чуть не все «хозяева» в области индустрии и в ряде других профессий сразу очутились в слое «высших служащих» или «рабочих», а многие из последних, попавши во всякие «главки», фактически оказались в слое «хозяев»). Чаше же всего он носит

постоянный, регулярный характер, варьирующий от страны к стране. В странах демократических и экономически быстро развивающихся, напр [имер] в Соединенных] Шт[атах] Америки, такая циркуляция носит обычно более интенсивный характер, чем в странах отсталых — и экономически, и политически. В кастовых странах она почти не имеет места. Легко видеть, что такая циркуляция не изменяет архитектоники строения населения. Форма расслоения остается, меняются только индивиды, наполняющие каждый слой. Социальное равновесие здесь имеет подвижный характер, в отличие от социального равновесия заостренного, существующего, напр [имер] в кастовом агрегате. Чем сильнее эта циркуляция, тем строение населения эластичнее, тем целесообразнее происходит отбор индивидов для каждого слоя. Тем, в общем и целом, меньше противоречия между требуемыми каждым слоем свойствами и свойствами наполняющих его индивидов. Индивиды, по своим качествам наиболее подходящие для определенного слоя, несмотря на «перегонку», застрянут в нем; индивиды, непригодные для него, сильным течением будут вышвырнуты вон и попадут в тот слой, который наиболее соответствует их способности. При слабой циркуляции, напротив, в каждом слое может оставаться множество лиц, совершенно неприспособленных к нему и негодных для него. Следствием этого будет накопление «гнили» в каждом слое и общий ущерб всего социального агрегата (об этом речь пойдет в «Практической социологии»).

Перейдем ко второму вопросу. С ходом времени в каждой основной профессиональной группе несомненно колеблются и объемы каждого слоя. В тех или иных границах колеблется относительный процент хозяев, высших служащих и рабочих. Объем одного слоя сокращается, другого — увеличивается или, что то же, их сокращение и увеличение может происходить не с одинаковой быстротой. В итоге таких вариаций

776

Система социологии. Том II

передвигаются и линии расслоения этих групп, границы одних выпячиваются, других — втягиваются. Это значит, что меняется и сама форма строения населения в этом отношении, его архитекtonика.

Пример. По данным германской статистики на каждые 100 лиц приходилось:

	Е		I		B	
	1882	1895	1882	1895	1882	1895
Г.						
	Самост] с		Рабоч	
	оательных		ысши		лужащи их	
			х		х	
	хозяев					
Сельс	2	2	1	1	1	1
кое и	7,8	1,1	,8	,2	1,4	7,7
лесно						
е хозяйство						
Пром	2	2	3	3	3	3
ышлен-	4,1	4,9	,6	,2	4,0	1,9
ность						
и горное						
дело						
Торго	4	2	1	1	1	1
вля и	4,7	6,1	,0	1,2	6,3	2,7
обра						
щение						
Всего	2	2	3	3	3	3
	2,0	9,0	,9	,3	6,1	7,7 ¹¹⁰

Эта таблица иллюстрирует сказанное. Из нее мы видим, напр[имер], как объем группы хозяев в сельском и лесном хозяйстве с 1882 по 1895 г. расширился, объем группы

рабочих напротив — уменьшился; в промышленности и торговле — наоборот. В исключительных случаях такие перегруппировки могут принимать катастрофический характер, резко нарушающий все равновесие профессионального строения населения и сопровождающийся обычно острой борьбой и кровавыми эксцессами. Примером может служить массовое и спазматическое сокращение слоя самостоятельных, крупных хозяев в области индустрии у нас за годы революции. Как и всякое резкое колебание социального равновесия, оно конкретно проявляется кровавой борьбой, потрясениями всего социального организма и сотнями бедствий.

Перейдем к третьему вопросу. Могут ли только что очерченные перегруппировки принять такой интенсивный характер, чтобы один из слоев целиком исчез и, если можно так выразиться, исчез навсегда? Может ли быть, чтобы, образно говоря, один из очерчиваемых трех этажей, на которые распадается население, выпал, и таким образом совершенно изменил архитектуру социального здания? Маркс и Энгельс в «Коммунистическом Манифесте», как известно, склонны были положительно ответить на этот вопрос. В связи с теоремой о концентрации производства и капитала они пророчествовали, что число хозяев-предпринимателей — «средние классы, мелкие предприниматели, коммерсанты и

¹¹⁰ Майр Г. Цит. соч., т. I, с. 197, См. также: Туган-Барановский М.И. Основы, с. 230; Levasseur E. La demographie francaise compare, p. 45 и ел.

Глава V. Социальные перегруппировки

777

рантьееры, ремесленники и крестьяне», — все уменьшается, «все они падают в пролетариат»; в итоге чего рисовалось общество, резко распадающееся на два слоя, на ничтожную группу капиталистов-магнатов и на громадный слой нищего пролетариата, эксплуатируемый первой группой. Отсюда, как известно, делался вывод о неизбежности экспроприации экспроприаторов и «самопроизвольном» водворении социализма¹¹¹.

Как известно, ни тезис о прогрессивном обнищании пролетариата¹¹², ни тезис о концентрации капитала, ни даже тезис о концентрации производства¹¹³ не подтвердился как общее правило. Едва ли верен также тезис об исчезновении «средних классов», о прогрессивном уменьшении числа «хозяев» до ничтожной цифры и о соответственном росте слоя «рабочих». По крайней мере за последние десятилетия такой прямолинейной тенденции как общего правила нет и не наблюдается. Число «хозяев» не падает абсолютно, а в ряде профессий — и относительно.

Краткие подтверждения. Из приведенной таблицы Майра мы видели, что с 1882 г. по 1895 г. число хозяев в сельском хозяйстве не только не уменьшилось, но увеличилось: и абсолютно, и относительно. Положение в промышленности и торговле иное, но и здесь падение не абсолютное, а относительное.

1882 г.	1895 г	1882 г.	1895 г	
Абсолютные числа		В процентах		
(в тысячах)				
Хозяева	2,910	2,949	39,6	28,7
Высшие	205	449	2	4,4
служащие				
Рабочие	4,226	6,872	57,6	66,9
Всего	7,341	10,270	100	100" ⁴

Как видно отсюда, абсолютно увеличились все слои. Относительно больше всего высшие служащие, затем рабочие, число предпринимателей упало.

¹¹¹ См.: «Коммунистический манифест», § 18, 25, 31 и др.

¹¹² См., напр[имер], Туган-Барановский М.И. Основы, с. 681 и ел.

¹¹³ См.: Guyot Y. La repartition des industries aux Etats-Unis, en France et en Belgique, дающую соответствующие статистические] данные последних десятилетий в указанных государствах. Основной тезис его гласит, что последние статистические обследования указывают на концентрацию индустрии (Bulletin de l'Institut international de stat[istique],

vol. XVII, p. 92-118). См. там же возражения Бюхера (с. 183-184). Для Германии см.: Туган-Барановский М.И. (Указ. соч., с. 229).

^{1,4} Туган-Барановский М.И. Цит. соч., с. 230.

		1	1	1882	г.
	882 г.		895 г	1895 г	
		Абсолютные		В	
		числа (в тысячах)		процентах	
	Хо	2	2	39,6	
зыева	,910		,949	28,7	
	Вы	2	4	2	
сшие	05		49	4,4	
	слу	4	6	57,6	
жащие	,226		,872	66,9	
Рабочие					
	Вс	7	1	100	
его	,341		0,270	100" ⁴	
	778				
	Во		т		
Франции	артин	акова:			
	а				
	(во	1	Предприн	(а	
всех	886	901	имателей	бс.	
				числа)	
	про				
ф.)					
		В		1	
		процентах		896	901
	Хо	5	В	3	
зыев и	1,3	0	земледе-	08620	469200
				0	
	сам		ли		
остоят.			и		
	лиц				
	Сл	5	В	8	
ужащих	8,7	0 ^ш	индуст-	15000	13110
и			ри		
рабочих			и		
			В	5	
			торговле	44300	38800" ⁶

Отсюда видно, что абсолютное число хозяев не уменьшилось, а увеличилось. Относительный процент их упал, но на незначительную величину. Судя по числу самостоятельных предприятий в промышленности, непрерывно увеличивающихся с 1850 по 1900 г., то же приходится сказать и о Северо-Америк[анских] Соединенных] Штатах; и здесь абсолютное число хозяев не упало, а увеличилось. То же приходится сказать и о Бельгии¹¹⁷.

Итог сказанного таков: ни о каком катастрофическом исчезновении «хозяев» не может быть и речи. Абсолютное число их не уменьшается, а растет; относительное число их кое-где падает, но процесс падения совершается очень медленно, раз; во-вторых, в земледелии число их не только не уменьшается, но в ряде стран растет и относительно. «Средние классы», а вместе с тем и «хозяева» далеки от исчезновения¹¹⁸. Не исчезают, а растут «высшие служащие» и растут относительно быстро¹¹⁹.

¹¹⁵ Levasseur E. Op. cit., p. 46; Guyot Y. Op. cit., p. 105-106. ¹¹⁶ Guyot Y. Op. cit., p. 107.

¹¹⁷ Данные см у Guyot (Op. cit, p. 93-102, 114-118).

¹¹⁸ См.: Chessa F. La classe medie // Riv[ista] it[aliana di] soc[iologia]. 1911, p. 62-83.

Подобно Гюйо, показывая ошибочность прогноза Маркса, Chessa говорит: Se si considera anzi la classe media così come è costituita nei tempi moderni, può constatarsi facilmente che invece d'una diminuzione deve parlarsi d'un aumento d'essa... è cresciuto il numero dei piccoli proprietari (в земледелии); равным образом все плюсы крупной промышленности, несколько сократившие мелкую промышленность, по крайней мере не устраняются совершенно из сферы ее; il numero dei piccoli commercianti degli intermediari и nei tempi moderni aumentato di molto**. Увеличился и слой высшего технического персонала в частных и государственных предприятиях. Общий вывод Chessa гласит: «Средние классы, в зависимости от социальных условий, могут расти и падать в числе; но не могут быть вполне абсорбированы другими классами» (Ibid., p. 65-66, 73-74, 78, 81-82).

¹¹⁹ См.: Michels R. Sulla decadenza della classe media industriale antica e sul sorgere di una classe media moderna nei paesi ad economia spiccatamente capitalistica // Giornale d. Economisti. 1909, янв[арь], p. 85-105. См.: Туган-Барановский М.И. Цит. соч., с. 230.

Глава V. Социальные перегруппировки

779

Не могут исчезнуть и рабочие. Сказанное говорит о том, что при предпосылках т. н. капиталистического строя профессиональных перегруппировок рассматриваемого типа, ведущих к исчезновению целого этажа из указанных трех, пока что нет, и едва ли они в относительно близком будущем возможны¹²⁰. Архитектура социального здания в этом отношении меняется мало. Но не изменится ли она при т[ак] называемом социалистическом строе? Кое в чем, да, но не по существу. По существу же эти слои будут и в социалистическом строе, ибо и здесь будут рабочие, будут высшие служащие, будут и «автономные командиры» — главари разных «центров» и «главков» профессиональной деятельности, по своей инициативе регулирующие и направляющие последнюю. Их роль в этом отношении ничем не будет отличаться от роли Моргана и Ван-дербильта, монархически распоряжающихся в своих предприятиях. Разница может быть в вознаграждении тех и других, но эта сторона сейчас нас не интересует. Основное различие между капиталистическим и социалистическим строем (при рациональной постановке последнего) в данном отношении будет состоять только в устранении препятствий для переезда «достойных» в этаж «хозяев», «руководителей» из нижнего этажа и обратного переезда неудачливых руководителей из верхнего этажа в нижний. При капитализме недостаток кошелька часто мешает ряду достойных подняться из рабочих в хозяева и обратно, туго набитый кошелек, механически наполняющийся, часто мешает сползанию совершенно негодного предпринимателя в низшие этажи. В итоге, во всех этажах накапливаются неподходящие для них жильцы. Не выселяясь добровольно или не выселяемые «без скандала», эти неподходящие жильцы, в конце концов, нарушают социальное равновесие, «общественный порядок», выводят из себя хмурую особу, называемую революцией. Она приходит, наводит генеральную чистку, не особенно тщательно разбираясь в правых и виноватых, и уходит, переселив одних вверх, других вниз. Наступает период устройства переселенных на новых квартирах. Устроившись, они принимаются за дела. Социальное равновесие восстанавливается и продолжается впредь до нового накопления «неподходящих жильцов»

¹²⁰ Видимым исключением служат эпохи «социальных революций» вроде нашей. Но и они не уничтожают целиком ни один этаж, даже в одной профессиональной группе. Наша революция, направленная против хозяев, не уничтожила их даже в одной индустрии, не говоря уже о других профессиях. Затем резкое уменьшение какого-нибудь слоя обычно бывает временным. Это эффект быстрой перегонки из этажа в этаж обитателей последних. Не сомневаюсь в том, что скоро «новая буржуазия», выходящая на наших глазах из «дельцов» наших дней, иногда очень близких к кругам «разрушителей капитализма», займет пустующие помещения бывших «хозяев», отремонтирует, заполнит их и будет распоряжаться рабочими ad maiorem gloriam^{10*}

коммунизма! Мы в периоде переезда будущих хозяев, в периоде «первоначального накопления капитала».

780

Система социологии. Том II

в каждом этаже. Тогда снова приходит квартальный истории — революция, снова начинается период чистки и массового переселения, и так далее. Такова историческая сказка про белого бычка. Таковы эти «corsi» и «ticorsi»^{11*}. Установление подлинного социалистического строя может сделать более мягкими эти переселения из этажа в этаж. Но и то при условии рациональной постановки дела (каковой пока мы не видели). Сказанное означает, что и социализм не уничтожит этажей профессионального расслоения. Он может облегчить переселения жильцов, помещая каждого в этаж, соответствующий его способностям и свойствам, может сделать визиты кровавой революции не столь нужными, но и... только.

Имущественные перегруппировки

Любое современное население, как и население прошлых времен, исключая разве «коммунистических примитивных групп»¹²¹, распадается на ряд имущественных групп или слоев. И в этом отношении социальный агрегат расслаивается на ряд «этажей», не совпадающих, как мы видели, с этажами профессиональными и другими. Форма социального агрегата, с этой точки зрения, с «незапамятных» времен представляла пирамиду, верхние слои которой населены были небольшим числом богатых, тем меньшим, чем ближе к вершине, нижние, широкие слои населялись и населяются более бедными; чем ближе к основанию пирамиды, тем число бедняков больше, тем их доход меньше¹²². Контрасты доходов обитателей верхних и нижних слоев пирамиды не представляют исключительного достояния нашего времени. Если сейчас существует пропасть между имущественным положением Морганов и Вандер-бильтов, с одной стороны, и имущественным положением простого рабочего или крестьянина — с другой, то едва ли меньшей была эта пропасть между Крассом и Помпеем, имущество которых исчислялось более 15-40 миллионов марок, и римским рабом или простолюдином, не обладавшим ничем. Эта пропасть не исчезала никогда. Она была в Афинах и Спарте, в Риме и в других государствах. Оставалась она в средние века

'зі рј то относительно, ибо и здесь полного имущественного равенства нет; есть имущественное неравенство разных полов и разных возрастных групп, с одной стороны, с другой — отдельных лиц (вождя, чародея и т. д.) по сравнению с остальными. Представления о полном имущественном равенстве «первобытных групп» преувеличены и объясняются общей их бедностью.

Материал см. в цитированных] раб[отах] *Б. Спенсера и Гиллена*; см. также: *Moszkowski. Vom Wirtschaftsleben der primitiven Völker. Jena, 1911*; *Ковалевский М.М. Социология, т. II, гл. VI-VIII.*

¹²² Если бедноту разбивать на детальные слои, то имущественное строение агрегата получит форму луковицы, ибо число исключительно бедных лиц за определенными пределами средней бедноты становится все меньшим и меньшим по мере удаления от слоя этой последней.

Глава V. Социальные перегруппировки

7 81

(напр[имер], Лютер оценивал ежегодный доход крестьянина в 40 гульденов, всадника (Ritter) в 400, графа в 4000, князя в 40 000, короля в 400 000; в немецких городах годовой доход ремесленника около 1500 г. колебался от 8 до 20 гульденов, ежегодный доход Карла V был не менее 4-5 миллионов дукатов¹²³. Существует она и в наше время. Словом, пирамидооб-разная форма имущественного строения социального агрегата была в прошлом, продолжает быть и в настоящем. Значение этой дифференциации и неизбежность вытекающих из нее антагонизмов разных имущественных слоев были очерчены выше.

Перейдем теперь к суммарной характеристике форм имущественных перегруппировок. Как и в предыдущем, спросим себя: 1) Даны ли здесь «переселения»

обитателей одних этажей в другие, переход бедных в слои богатых (восходящий ток) и обратно — богатых в этажи бедных (нисходящий ток), не колеблющий существующую архитектуру имущественного строения общества? 2) Изменяются ли и в каких пределах относительные объемы разных имущественных слоев друг к другу? 3) Не исчезают ли одни имущественные слои и не появляются ли новые? Иными словами, не меняется ли форма пирамиды по существу? 4) Рядом с этим не наблюдаются ли перегруппировки, состоящие в абсолютном обогащении или обеднении всех слоев пирамиды? 5) Наконец, не исчезает ли имущественное неравенство целиком, и если да, то чем оно замещается?

Начнем с первого вопроса. Обычное наблюдение каждого из нас и память каждого поколения людей, а тем более нескольких, говорят о данности переселений обитателей одного слоя в другой. На наших глазах иногда богач разоряется и становится бедняком, и обратно, удачливый бедняк перекачивается в этаж богачей. Такие восходящие и нисходящие токи, не нарушающие архитектуры имущественного строения населения, а меняющие только состав жителей каждого имущественного этажа, были и есть в любом населении нашего времени. Колеблется и варьирует только интенсивность таких переселений. В одних странах она больше, в других — меньше. Но они имеются всюду. Варьирует эта интенсивность циркуляции и во времени. В одной и той же стране, в одни эпохи «переселения» не носят массового характера, в другие эпохи они имеют характер массового перемещения жителей одного слоя в другой. Примерами таких эпох могут служить эпохи социальных революций. Основное содержание их состояло не в чем ином, как в массовом перемещении жильцов имущественных слоев. Под прикрытием громких фраз и лозунгов равенства этот хирург истории — революция — до сих пор занимался подлогом: равенства он не давал, а ограничивался про-

¹²³ Schmoller G. Die Einkommenverteilung in alter und neuer Zeit // Bulletin de l'institut international de statistique, vol. IX, I livr., № 17, p. 2-3.

7 82

Система социологии. Том II

стым выселением богачей из их квартир и водворением туда новых обитателей, взятых из других слоев. В первое время революции многим кажется, что она разрушала и разрушает все имущественные этажи, всех людей переводит в один имущественный слой и кончает с «вековой несправедливостью». Но через несколько времени оказывалось и оказывается, что имущественная пирамида остается, меняются только жильцы: «кто был ничем, тот стал всем», и наоборот.

Эти колебания интенсивности «переселений» во времени и пространстве говорят о том, что здесь действуют силы разных порядков. Я не буду сейчас останавливаться на их анализе: это выходит из границ «социальной аналитики». Укажу только на одну биологическую причину, делающую неизбежной такие восходящие и нисходящие токи из этажа в этаж в любой стране, независимо от причин социально-психического характера. Такая причина заключается в уменьшении плодovitости богатых слоев (см. факты и цифры в работах, указанных на стр. 755). Без притока новых элементов из низших слоев этажи пирамиды, заселенные богачами, должны были бы постепенно пустеть. Чем дальше, тем больше эта пустота должна увеличиваться. «Природа не терпит пустоты», гласило схоластическое объяснение волосности. Образно говоря, то же мы можем сказать и здесь. Под давлением «социальной атмосферы» в пустое пространство неизбежно должны «инфильтрировать» человеческие инфузории нижних этажей. Благодаря тому, что многие из богачей разоряются и падают в нижние слои, пустота верхних этажей образуется быстрее и еще более усиливает инфильтрацию «бедных инфузорий» в среду богатых. Короче, в силу действия одного демографического фактора циркуляция индивидов из слоя в слой, хотя бы в незначительных размерах, неизбежно должна иметь место. Социально-психические условия, присоединяясь к нему, сплошь и рядом усиливают этот процесс и в ряде случаев могут сделать его катастрофически интенсивным.

Было бы чрезвычайно важно систематически и статистически исследовать темп и

быстроту обновления жильцов каждого этажа в разные периоды и в разных странах. К сожалению, такая работа не ведется. В «Социальной механике» я попытаюсь возможно детально охарактеризовать их. Здесь же ограничимся простым констатированием такого рода имущественных перегруппировок и их варьирования от страны к стране, от периода к периоду.

Указывая на данность такого рода переселений, вместе с тем я должен подчеркнуть, что в общем и целом они до сих пор не столь интенсивны, чтобы считать имущественные слои открытыми. Они более близки к закрытым и даже социально-наследственным, чем к открытым. Богатыми до сих пор рождаются, а не делаются. Сын богача, находящийся около колыбели мешок золота, становится богачом, пожизненным жиль-

Глава V. Социальные перегруппировки

7 8 3

цом верхней части пирамиды. Сын бедняка — бедняком. Процент «пожизненных и потомственных богачей» или «бедняков» во все мирные эпохи несравненно больше процента «выскочек», инфильтрировавших из одного слоя в другой. При таких условиях с течением времени, в силу демографического фактора рождаемости от родителей каждого слоя детей, не похожих на них по своим качествам, в каждом слое копится человеческий материал, не соответствующий свойствам, требуемым этим слоем; напр[имер], в среде богатых копятя люди со свойствами, не дающими права быть богатыми; в среде бедняков — люди со свойствами, делающими их пригодными для верхних, а не нижних слоев.

Чтобы быть богатым, надо иметь для этого надлежащие качества. Даром, ни за что, ни про что богатство не дается. То же приходится сказать и о бедняках. Родоначальники богатого семейства, те, кто впервые клал фундамент богатству в своем роде, не случайно делались богачами. Будет ли это смелый предводитель грабительского войска, успешно награвивший тысячи, или «расчетливый» человек, сумевший в темную ночь пристукнуть проезжего купца, присвоить деньги и спрятать концы в воду, или смелый искатель золотых россыпей, или торговец, проникающий в страну диких и выменивающий здесь на грошовую безделушку тысячные ценности, или искусный средневековый меняла и ростовщик, или спекулянт, умеющий ловить рыбу в мутной воде, или биржевой делец, гениально ведущий игру на повышение и понижение, или скупец-скопидом, по рублям и копейкам собирающий тысячи, или «честный» правитель, бескорыстно переводящий в свои карманы казну, — все они не случайно делались богачами, а благодаря своим свойствам (плохим или хорошим — нас это мало интересует сейчас). Не все могут быть хорошими разбойниками, умелыми казнокрадами, биржевыми игроками или скопидомами. В этом смысле богачи делались ими «по праву», как «по такому же праву» в слой бедняков попадали другие люди, не обладавшие в массе свойствами, требуемыми в данный момент от богача. *Дети и потомки их далеко не всегда рождаются похожими на отцов.* Но в силу относительного закрыто-наследственного характера имущественных групп они не попадают в соответствующие их свойствам слои, а остаются в слоях родителей, не имея на то ни данных, ни права. Если бы закрытости группы не было, если бы индивиды сразу циркулировали в тот слой, где им место по их свойствам, а не оставались в группе родителей, — накопления таких инородных тел не было бы. Тогда излишним было бы и оперативное вмешательство хирурга истории. Инородные тела сами собой тогда перекочевывали бы в надлежащий слой. Но такого положения дел мы не знаем. Не было и нет общества, где бедняки со свойствами, пригодными для богача, сразу же попадали бы в слой богатых, а дети богача, лишенные качеств, необходимых для первого, сразу и доброволь-

78 4

Система социологии. Том II

но спускались бы в слои бедных. При таком положении дел возникает противоречие «содержания» и «формы» каждого слоя. В каждом из них копится несоответствующий человеческий материал. Происходит, говоря словами Сореля, «дегенерация» богачей и бедняков. Назревает и растет «опухоль» в каждом слое.

Увеличивается число «белых ворон» в каждом этаже¹²⁴. В итоге, рано или поздно, делается необходимым вмешательство хирурга. В виде революции он приходит, разрезает нарыв, удаляет инородные тела из каждого этажа, не особенно разбираясь в деталях, перемещает «белых ворон» в соответствующие слои и... удаляется, сделав свое дело. Обычно такие операции бывают кровавыми, ряд лиц без толку выбрасывается из своих квартир, но в общем и целом нарыв уничтожается, противоречие «формы и содержания» снимается, жильцы размещаются соответственно свойствам и равновесие социального организма восстанавливается.

Начинается «мирный» период. Массовые переселения прекращаются, но не абсолютно: в меньших размерах циркуляция индивидов продолжается.

С течением времени снова, в силу тех же условий, начинают копиться «белые вороны» в каждом слое. Число их растет. Опухоль снова нарывает и снова, рано или поздно, приходит оператор; наступает революция; она наводит чистку и уходит, чтобы появиться опять. Такова схема циклов таких перегруппировок. Такова вечная «сказка про попа и его собаку».

Итак, перегруппировки, не изменяющие архитектоники имущественного строения населения, а состоящие в непрерывном перемещении индивидов из этажа в этаж, в перемещении, варьирующем в своем темпе и интенсивности от страны к стране, от периода к периоду, — такие перегруппировки были и существуют в области имущественного расслоения населения. Мы не знаем общества, в котором они абсолютно отсутствовали бы; не знаем и такого, где эта циркуляция была бы вполне свободна и каждого человека сразу же водворяла бы в тот слой, где ему надлежит быть по своим свойствам. Отсюда периоды накопления инородных тел в каждом слое, когда циркуляция идет медленно, и периоды революционных землетрясений, в виде революции, разрезающие эти нарывы и восстанавливающие равновесие социального организма.

Отсюда сам собой следует вывод, который я не буду сейчас развивать, вывод, гласящий: чем больше препятствий для свободной циркуляции индивидов, чем в силу этого большее число «белых ворон» ко-

¹²⁴ См. интересные и ценные положения на этот счет в цитированных] работах *Niceforo, Sensini, Gini* (I fattori demografici), *Kolabinska* (La circulation), *Ж. Сореля* (Социальные очерки современной] экономики. Дегенерация капитализма и дегенерация социализма. М. 1908); см. работы *Парето, Аммона* и др.

Глава V. Социальные перегруппировки

785

пится в каждом слое, иначе, чем имущественные слои более закрыты, тем операция должна быть более мучительной и кровавой, тем революции и конвульсии социального агрегата должны быть более острыми и разрушительными. Наблюдается ли какая-либо историческая тенденция в этом отношении — не будем здесь касаться. (Речь пойдет [об этом] в «Генетической социологии».)

Перейдем ко второму вопросу, гласящему: имеются ли здесь перегруппировки, состоящие в изменении объема одних имущественных слоев за счет других? Всегда ли число жильцов каждого этажа пирамиды одно и то же в процентах к числу жителей других этажей? Если одно и то же, то, очевидно, форма пирамиды совершенно не меняется; если одни слои относительно «пухнут», а другие «худеют», то очевидно, меняется частично и форма пирамиды: по ее сторонам, в случае такого колебания объема, могут появиться вогнутости или напротив выпуклости. Изучение имущественного строения населения разных стран, с одной стороны, с другой — одной и той же страны в разные периоды, заставляет ответить на этот вопрос положительно. Такие перегруппировки и колебания относительного объема имущественных слоев, хотя и в ограниченной амплитуде колебания, даны. Представление о сказанном дают следующие цифры, рисующие изменение формы имущественного строения пирамиды в одной и той же стране в различные периоды времени (в процентах к общему числу всех жителей). В Аугсбурге нижеследующие имущественные группы в период с 1471 по 1554 колебались

так:

Год	Лиц	От	От	Св
с годовым	20	80	ыше	50
доходом		до	до	
менее	20 80	500	0	
флор[инов]		фл[фл	фл
(%)	оринов]	[оринов]	[оринов]	
147	65,4	31,	2,7	0,2
1	6		9	
147	65,9	30,	3,0	9
5	6			
149	43,6	53,	2,6	6,6
8	2	0	0	
151	45,2	50,	2,9	1,2
2	6	5	4	
152	54,1	41,	2,9	1,4
6	6	8	5	
154	52,4	42,	3,6	1,7
0	1	7	7	
155	53,2	40,	3,9	2,2
4	5	8	9 ¹²⁵	

Schmoller G. Die Einkommensverteilung, S. 16.

7 86

Система социологии. Том II

В Японии число лиц (в %) нижеуказанных имущественных групп в нижеследующие годы колебалось так:

Из этих таблиц видно колебание объема различных имущественных групп с течением времени. Мы видим, что объемы каждой из групп постоянно меняются, то «разбухают», т. е. охватывают больший процент лиц, то уменьшаются, т. е. или теряют своих членов, переходящих в другие имущественные слои, или растут медленнее, чем другие группы. Если бы это явление мы вздумали изобразить графически, то оно выразилось бы в изменении формы пирамиды в ту или иную сторону. В той или иной форме такие перегруппировки имущественных слоев социального агрегата даны в любом населении. Варьируются только интенсивность, величина и характер таких перегруппировок во времени и пространстве¹²⁷.

¹²⁶ *Takano. Etude sur de developpement et la repartition du revenu national au Japon // Bulletin de l'Institut international de] stat[istique], vol. XVIII, I livr., p. 415, 424.*

¹²⁷ Как показывает исследование *Kiaer'a*, строение имущественной пирамиды разных стран: Великобритании, Франции, Пруссии, Саксонии, Дании, Швеции и Норвегии неодинаково. Пирамида, изображающая имущественное строение населения Великобритании, получилась бы более высокой и более крупной, чем подобная пирамида Норвегии. Число лиц, получающих высший доход в Англии (1/5 всего дохода), гораздо меньше, чем в Норвегии: в первой их 260-270 на каждые 100 000 индивид[уальных] доходов, во второй — 2192; зато средний годовой доход наиболее богатого имущественного слоя в Англии больше 160 000 франков, в Норвегии — он равен 7930 франкам. Число лиц второго имущественного класса (получающих 1/5 всего дохода) в Англии равняется 2895 со средним ежегод[ным] доходом в 15 195 фр. на 100 000 инд[уальных] доходов, в Норвегии — 8582 с средним доходом 2024 фр. Соответственные цифры для третьего, четвертого и пятого имущественных] классов для Англии и Норвегии будут таковы:

оды	I	%	Числ	От	О
	всего	о лиц	1000	до т 10 000	
		с	10 000	и	
		доходом		больше	
		от			
		300 до			
		1000			
		иен			
	1	10	88,3	11,	0,
890	0	5	36	29	
	1	10	82,9	16,	0,
898	0	8	58	44	
	1	10	84,6	15,	0,
899	0	3	14	23	
	1	10	84,3	15,	0,
904	0	6	33	31 ¹²⁶	

Глава V. Социальные перегруппировки

7 8 7

Перейдем к третьему вопросу: не имеется ли в истории определенная тенденция в сторону какого-либо постоянного изменения пирамиды в смысле исчезновения одних имущественных слоев и поглощения их другими? Родбертус, Энгельс и Маркс на этот вопрос отвечали утвердительно. Они думали, что средние имущественные слои пирамиды исчезают, а растут с одной стороны низшие, бедные имущественные слои, с другой — еще более богатеют слои верхние, слои капиталистов-магнатов. Общество, по мысли Родбертуса, все более и более удаляется от формы пирамиды и приближается к форме осы, с тонким стебельком средних слоев. Богатые — богатеют, бедные — беднеют¹²⁸.

Численно уменьшается и слой богачей, но величина богатств этого слоя растет. Средние слои исчезают. Количественно растет число членов низших имущественных слоев (пролетариата), но зато их имущественное положение все более и более ухудшается. Такова суть этой теории имущественных перегруппировок.

Из этой пессимистической теории, как известно, делался практический и весьма оптимистический вывод о неизбежности «экспроприации немногих узурпаторов народными массами», обобществлении средств и орудий производства и водворении имущественного равен-

		Англи		Норве		
		я	сия			
		Числ	С	Средн		
		о лиц	реди [ий]	исло [ий]		
		на	г	доход		
		100	000 од[овой иц			
		индивидуаль] доход				
		ных]				
3-й имуществ енный]	класс	13060	3	1,102		
			,369 5772			
4-й [имущест венный	класс]	'	1	698		
		27425	,604 4901			

5-й
[имущест
венный
класс] , 7 458
56356 80 8553

Из этих цифр видно, что если в нижних слоях (в 3, 4 и 5 классах) имущественные пирамиды Англии и Норвегии сходны, то в 4 и 5 этажах — они резко различны: пирамида Англии здесь суживается гораздо быстрее, чем пирамида Норвегии, и поднимается гораздо выше, чем последняя.

См.: *Kiaer*. Repartition sociale des revenue // Bulletin de l'Institut international de] stat[istique], vol. XVIII, I livr., p. 68-87. Там же см. подробные цифры и данные для других стран. Ценный материал, характеризующий те же явления, дается в исследовании *Bertillon*. Statistique des succesions en France et a l'etranger // Bulletin de l'Institut international de] stat[istique], vol. XVIII, II livr., p. 369-434.

¹²⁸ См.: *Rodbertus K.* Zur Beleuchtung der soz[ialen] Frage. 1885, Teil II, S. 88 и ел.; *Маркс К.* Капитал, т. 1, с. 645-646.

788

Система социологии. Том II

Последующие годы, однако, этот прогноз не подтвердили. Неверными оказались положения: 1) об уменьшении числа лиц, получающих высший доход (концентрация доходов), 2) об уменьшении средних имущественных слоев, 3) о систематическом обнищании лиц низших имущественных слоев.

В Германии число богатых и миллионеров с 1870 по 1902 г. не уменьшалось, а росло с поразительной быстротой. Это видно из следующей таблицы.

Число лиц, получающих нижеуказанный доход (в марках), увеличилось с 1870 по 1902 г. в % числа лиц, получающих соответствующий доход:

	3000—6000	6000—9600	9600—28000	28000— 100000	Свыше 100000
Увеличение в %	284	345	487	591	1288 ¹²⁹

Увеличились и средние имущественные слои. Число лиц с доходом в 3000 марок и выше было в 1873 г. — 123 284 [человек], в 1894 г. — 319 317, в 1902 г. — 449 741.

Напротив, число лиц низших имущественных слоев сократилось по отношению ко всему населению. В Пруссии число лиц с доходом ниже 900 м. составляло в 1896 г. 70,7 %, а в 1906 г. только 61,7 % всего населения¹³⁰.

То же самое мы наблюдаем в ряде других стран. В Японии, как видно отчасти из приведенной таблицы и как видно из статьи Такано, число лиц всех имущественных слоев, начиная с лиц, получающих доход в 300 иен и выше, абсолютно увеличилось. Относительно уменьшился % низшей из облагаемых имущественных групп, проценты же лиц второго и третьего класса возросли. Это говорит, как заключает автор, о «ложности предпосылки, что бедный становится более бедным». «Наш национальный доход непрерывно увеличивается, но с другой стороны его распределение становится более и более неравным, в силу более быстрого роста больших доходов. Однако и мелкие доходные группы развиваются также непрерывно. Поэтому мы не можем согласиться с пессимистической точкой зрения, хотя с другой стороны противоположная крайность, индифферентизм к социальным реформам, — оптимистическая точка зрения, — не основана ни на чем»¹³¹.

О том же говорит развитие социального распределения доходов в Саксонии, Пруссии и Дании, приводимое *Kiaer*'ом. С 1888 по 1906 гг. доходы

¹²⁹ *Wagner A.* Zur Methodik d. Statistik d. Volkseinkommens und Volksvermögens // Zeitschrift d[er] K[öniglich] preus[sien] statistik] Bureaus. 1904; См.: *Sombart V.* Sozialismus u[nd] soz[ialer] Bewegung. 1905, S. 85-86.

¹³⁰ *Туган-Барановский М.И.* Основы, с. 682-683.

¹³¹ *Takano*. Op. cit., p. 427-428; см. всю статью.

всех пяти основных имущественных групп в Саксонии увеличились. Увеличение среднего дохода каждой группы выразилось в таких процентах. Увеличение среднего (Саксония) дохода в 1906 г. по сравнению со средним доходом 1888 г.:

1-я группа (наиболее богатая)	+40,3
2-я "	+ 28,7
3-я "	+34,6
4-я "	+40,9
5-я "	+36,0
Общее	+35,4

Те же цифры для Пруссии с 1892 по 1906 г. таковы:

1-я группа	+40,8
2-я "	+24,7
3-я "	+45,2
4-я "	+18,0
5-я "	+24,7

В Дании с 1870 по 1903 г.

1-я группа	+52,5
2-я "	+32,7
3-я "	+54,4
4-я "	+ 86,0
5-я "	+ 61,4 ¹³²

Из этих данных видно, что доходы всех имущественных групп возросли, хотя и не в одинаковой мере, причем в Дании рост доходов низших имущественных групп был даже больше, чем высших.

Исследования Боули относительно доходов рабочего класса в Англии с 1860 по 1891 г. показывают также, что доходы пролетариата растут, хотя и слабее доходов остальных общественных классов¹³³. Тот же вывод дают исследования Carroll Wright, Leone Levi, Giffen'a, Levasseur'a, Engel'a и др. статистиков¹³⁴. «Увеличилась не только номинальная зара-

¹³² *Kiaer*. Op. cit., p.130.

¹³³ См.: Bowley A. Changes in Average Wages in the United Kingdom // Journ[al] of the Royal Statistical Society, vol. 58, 248; Тузан-Барановский М.И. Основы, с. 566-567, 683-684.

¹³⁴ См.: Engel E. Die Lebenskosten belgischer Arbeiter-Familien friiher und jetzt, S. 123-124 и passim; Bulletin de l'Institut international de] stat[istique], vol. IX, I livr.; Levasseur E. La populations frangaise. 1892, vol. III, p, 289 и др.; Ego же. Histoire des classes ouvrieries. 1900-1901, vol. I—II.

1	(наиболее богатая)	+40,3
-я	группа	
2		+ 28,7
-я	"	
3		+34,6
-я	"	
4		+40,9
-я	"	
5		+36,0
-я	"	
О		+35,4
бщее		
Те же	цифры	1892 по 1906

для Пруссии с г. таковы:

	1		+4
-я		0,8	
группа	2		+2
-я "		4,7	
	3		+4
-я "		5,2	
	4		+
-я "		18,0	
	5		+2
-я "		4,7	

В по
Дании 870 **1903** г.
с

	1		+5
-я		2,5	
группа	2		+3
-я "		2,7	
	3		+5
-я "		4,4	
	4		+
-я "		86,0	
	5		+
-я "		61,4 ¹³²	

790

Система социологии. Том II

ботная плата, но, что более важно, повысился уровень жизни (Standard of life) рабочего. Он лучше питается, одевается, имеет лучшую квартиру, чем раньше, не говоря уже о завоеваниях политических, делающих его в этой области равноправным с предпринимателем, если не господином в силу большинства»¹³⁵.

Наконец, насколько имущественное строение Современного общества далеко от формы осы, о которой пророчествовали Родбертус и Маркс, показывают следующие цифры, рисующие это строение за первое десятилетие XX в. Весь доход каждой страны разделен здесь на пять равных частей, и вычислено, сколько индивидуальных доходов входит в состав первой группы (первой из пяти) (группа доходов самых крупных), сколько в состав второй, третьей, четвертой и пятой. Полученный итог таков.

На каждые 100 000 индивидуальных доходов (во франках) приходилось:

И	Англия	Ф	ч	Пруссия		
мущест-	Число	ра,	ция	Чис[ло]		
венные]	Ср[ед-лиц	Ч	С	Ср[ед-лиц		
группы	ний]	ис[ло]	ред-	ний] Дох[од]		
	ДОХ[О	лиц	ний]	дох[од]		
	Д]					
1	2	1	1	2	9	
	60-270	60000	477	7300	78	9383
2	2	1	8	3	7	
	895	5195	000	888	603	781
3	1	3	7	7	1	
	3060	369			6922	699
4	2	1	?	?	2	
	7425	604			6558	082

5	5	7	7	?	4
6356	80			7939	00
И	Дания		Швеция		Норвеги
мущест-	Число		Чис[ло]	я	
венные]	Ср[ед-лиц	Ср[ед-лиц		Ср[ед-лиц	Чис[ло]
группы	ний] дох [од]	ний] дох [од]		ний] Дох[од]	
1	1	1	1	1	2
971	3204	170	6189	192	930
2	8	3	8	2	8
669	001	029	359	582	024
3	1	1	1	1	1
6792	550	6906	120	5772	102
4	2	9	2	7	2
6493	82	5589	40	4901	98
5	4	5	4	3	4
6075	64	8306	92	8553	58 "6

¹³⁵ См.: Cheysson. La crise du revenue // Bulletin de l'Institut international de] stat[istique], vol. IX, II livr., p. 285. Там же дается цифровой материал, показывающий падение доходов рентьера, ведущее его к положению св. Павла: Qiu поп laborat, пес manducet (кто не работает, тот не ест).

¹³⁶ Kiaer. Op. cit, p. 121-125. Иначе вычисленные взаимоотношения числа индивидуальных] доходов каждой группы для всех этих стран дают следую-

Глава V. Социальные перегруппировки

791

Из этих цифр мы видим, что чрез полстолетие форма имущественного строения населения весьма далека от формы «осы»; по-прежнему она остается пирамидообразной, варьируя от страны к стране, от периода к периоду. Нет ни концентрации доходов или уменьшения числа магнатов, нет исчезновения средних имущественных слоев, нет, иными словами, поглощения одних имущественных слоев другими. Пирамида может вытягиваться, уклон ее может становиться то более, то менее крутой, но все эти варьирования имеют определенные границы, не меняющие по существу пирамидообразного строения населения в имущественном отношении. Больше того, Шмоллер едва ли ошибался, настаивая на том, что в общем и целом имущественное расслоение населения устойчиво и варьирует в ограниченных размерах. Цифры, приводимые им, по крайней мере в применении к ряду стран, подтверждают его гипотезу. Приведу некоторые из них (отсылая читателя к статье, объясняющей основания сравнения различных имущественных групп).

Город	Кантон-	Герцогство
Базель 1453-1454	Базель-город	Ольденбург 1892 г.
г.	1881г.	
Им	Иму	Имуш
ущест-	щест-	ественные]
венные]	венные]	
кла	класс	класс
ссы (по	ы (по	ы (по
доходу)	доходу)	доходу)
0-30	Осво	до
фл.	божденные]	600 мар.
	от налог[ов]	
30-	800-	600-
200	1800 фр.	1500
7,8	8,2	2,3

2000	200- свы ше 2000	7,0 ,3	8000 е 8000	1800- свыш ,6	7,2	6000 е 6000	1500- свыш ,8	7,3
------	------------------------	-----------	----------------	---------------------	-----	----------------	---------------------	-----

Еще интереснее сопоставление имущественного расслоения населения Аугсбурга XV и XVI-[столетий] с имущественным расслоением населения конца XIX в.

Современное распределение доходов сравнительно с распределением доходов старого Аугсбурга.

щие цифры. На 100 000 индивидуальных] доходов в среднем приходится 1000 доходов первого класса, 6000 — второго, 16 000 — третьего, 27 000 — четвертого, 50 000 — пятого; итого 100 000 индивидуальных] доходов (Ibid., p. 126 и ел.).

792

		% лиц	20- 80 фл.	80- 500 фл.	Свы ше 500 фл.
	с дох[одом] до 20 фл.				
Аугсбург					
1471 г.	4	65,	31,6	2,7	0,29
Аугсбург					
1554 г.	2	53,	40,5	3,98	2,29
		% лиц	600 -3000 м.	300 0-6000 м.	Свы ше 6000 м.
	с дох[одом] до 600 м.				
Ольденбург	3	70,	26,0	3,2	1,3
1892 г. город	6	57,	33,4	5,8	2,8
Саксония		% лиц	800 -3000 м.	300 0-9600 м.	Свы ше 9600 м.
1892 г.	с дох [одом] до 800 м.				
	0	66,	30,5	2,7	0,7
Баден		До	100 0-3000 м.	300 0-5000 м.	Свы ше 5000 м.
1889 г.	100 м.	62,	31,2	3,5	2,6
	7				
Пруссия		До	900 -3000 м.	300 0-6000 м.	Свы ше 6000 м.
1893-1894 гг.	900 м.				

	0	70,	26,1	"2,5	1,4
лия	Анг	%		Анг	%
в				в	
1688 г.	Иму			1867 г. ,	Иму
щ[ие]				щ[ие]	
клас				клас	
сы				сы	
(под				(по	
ох[одам]				дох[одам]	
в ф.				в ф.	
стерл.)				стерл.)	
6-20		62,		10-	67,7
4				52	
40-		34,		52-	30,2
80	1			300	
100-		2,9		300-	1,5
400				1000	
Свы		0,6		Свы	0,5 ¹³
ше 400				ше 1000	⁷

Система социологии. Том II

Schmoller. Die Einkommensverteilung, S. 13-22.

Глава V. Социальные перегруппировки

793

Из этих сравнений видно, как говорит сам Шмоллер, что и теперь имущественное строение общества весьма похоже на строение его в XV, XVI и XVII вв. Из сказанного следует, что «имущественная форма» социального агрегата в течение ряда столетий принципиально не изменилась. Она по-прежнему остается пирамидообразной. Изменения формы этой пирамиды не обнаруживают также какой-либо постоянной, односторонней тенденции. Заслуживает внимания на этот счет и другая мысль Шмолл-лера. Она гласит: в эпохи быстрого развития народного хозяйства, вызываемого новыми изобретениями, открытиями и социально-экономическими условиями, контрасты имущественного положения и доходов растут, пирамида удлинняется, средние имущественные слои обнаруживают тенденцию к уменьшению. Но вслед за тем наступает эпоха иная, когда начинают действовать силы противоположного порядка, направленные на уравнивание имущественного положения населения; такие эпохи совпадают обычно с периодом остановки или замедления процесса развития народного хозяйства. Резкие неравенства доходов, неизбежно создающиеся в первый период, в этот момент начинают сглаживаться; выгоды экономического прогресса, в первый период достигающиеся немногим, в эту эпоху распространяются на большее и большее число лиц. Средние имущественные слои увеличиваются. В итоге форма пирамиды более или менее приближается к прежней¹³⁸. Такова ритмичность процесса изменения формы имущественного строения населения¹³⁹.

Из сказанного вытекает ответ и на четвертый вопрос: об общем, абсолютном обогащении или обеднении всех имущественных слоев. Такие процессы возможны, бывали и бывают. Вторая половина XIX столетия, как отчасти видели выше, в общем и целом была периодом улучшения экономического положения всех имущественных пластов населения. Уровень жизни поднялся во всех слоях, хотя и не в одинаковых размерах. Годы войны и особенно современное состояние России может служить примером абсолютного обеднения всех имущественных групп.

«Уровень жизни» всех имущественных групп резко понизился, хотя и не в одинаковой мере.

Перейдем теперь к последнему вопросу: к вопросу об исчезновении имущественного расслоения вообще. Что его в прошлом не приходится искать, это ясно. Если в небольших группах — в семье, в секте, в какой-нибудь коммуне — оно не надолго и устанавливалось, то сколько-нибудь обширных агрегатов, где все члены пользовались бы равным коли-

¹³⁸ *Schmoller G. Op. tit, S. 4-9.*

¹³⁹ Сходные мысли, хотя и в иной плоскости развитые, даются Вебером в его *Rythme du Progres* (1913) и Папето в его *Trattato di soc[iologia] generate*, т. II, гл. XII, § 2203 и ел. — Я здесь ограничиваюсь простым указанием такого ритма. Объяснения причин его и детализация очерченного положения будут даны в «Социальной механике».

7 94

Система социологии. Том II

чеством имущественных благ,' мы не знаем. Если и было в таких агрегатах равенство, то только на словах и на бумаге, а не в действительности. Нет его, конечно, и сейчас в нашем «социалистическом» агрегате. Все уравнивание, произведенное нашей революцией, пока что состояло в простом переселении жильцов из одних имущественных слоев в другие, да в общем обеднении, вызванном войной и ее продолжением — гражданской борьбой. Это общее обеднение, как и всегда, уменьшило имущественные контрасты, но не уничтожило их. Одни лица и теперь «сыты, обуты, одеты» и живут недурно, другие — буквально умирают от голода, холода и отсутствия минимальнейшего минимума материальных благ, необходимых для жизни. Пропась уровней жизни счастливых первого рода и несчастных второго рода немногим менее пропасти *Standard of life* Моргана и американского рабочего. Как выше было указано, эпохи остановки, а тем более резкого ухудшения и регресса экономического развития всегда сопровождаются волной уравнивания, приближения к потребительскому коммунизму. Мы в этом отношении ушли столетия на два назад. Мудрено ли, что «уравнивание» у нас приняло такие исключительные формы. (Даже народные комиссары, при начале своего властвования, объявили нормой своего жалованья 500 руб. — декларация, к счастью, скоро забытая.) Начинается период строительства и воссоздания народного хозяйства. И что же мы видим? Не только несколько десятков различных окладов и тарифов, не только богатую коллекцию разнородных пайков — от «пайка св. Антония» до пайка «чего душа хочет», не только контрасты комфортабельных комнат «Астории» и жилищ простых смертных — без топлива, воды и канализации, но больше того: премиальную систему, всякие поощрения и прочие способы создания имущественного неравенства, декларированные *expressis verbis*. И можно ли сомневаться в том, что по мере воссоздания нашей хозяйственной жизни эти контрасты будут расти — положение, неприятное многим, в том числе и мне самому, но... я осмеливаюсь его предсказывать, не опасаясь попасть в положение «ложного пророка». Правда, выдвигается против этого патентованное средство: «обобществление средств и орудий производства». Но в абсолютно патентованные средства, пригодные для всех времен и народов, при всяких условиях, я не верю. Пока люди не переделаны, переделка вещей, в том числе и обобществление средств производства, могут дать весьма ограниченные эффекты. Эти эффекты сведутся к вывескам *egalite* на фронтонах общественных зданий, на знаменах казенных демонстраций, да на страницах официозов, исписываемых теми, кто при *egalite* имеет добавочный паек, недоступный простым смертным. Я не могу здесь обосновывать подробно свой невеселый скептицизм. Ограничусь двумя простыми указаниями. Первое: коммунизм средств и орудий производства примитивных групп не помешал, с прогрессом хозяйственного развития, имущественной

Глава V. Социальные перегруппировки

79 5

дифференциации. Второе: огосударствление средств и орудий производства — к чему у нас фактически свелось их «обобществление», — погашение индивидуального

интереса и конкуренции — не новость в истории человечества. Примеры такой хозяйственной системы даны: древними Индией¹⁴⁰, Спартой, государством инков, государством иезуитов и рядом других «коммунистических обществ». Дали ли они здесь имущественное равенство? Смешно даже ставить такой вопрос. В ряде отраслей промышленности (железн[о]дор[о]жной и т. п.) огосударствление средств производства имело место и в «буржуазных» государствах. Уравнило ли оно экономическое положение лиц, занятых в огосударствленных предприятиях? Напрасный вопрос. Помешала ли национализация промышленности у нас появлению тезиса ЦК коммунистов к IX партийному съезду, гласящего: «прилежный рабочий должен быть обеспечен лучше, чем нерадивый»¹⁴¹. А премиальная система? А 36 различных тарифных ставок? А синекуры в разных формах, получаемые лицами, оказавшими услуги «отечеству» (читай: власти) и т. д.

- Правда, В.И. Ленин признает, что «равенства первая фаза коммунизма дать еще не может»¹⁴². А даст ли его вторая? Это вопрос далекого будущего. Блажен, кто верует! Если такое состояние и может наступить, то при коренной переделке людей. А это процесс очень медленный, рассчитанный на столетия. Медленность его усугубляется рядом других обстоятельств; на некоторые из них указывал еще «буржуазный» Спенсер¹⁴³.

¹⁴⁰ Ряд интересных данных см.: *Barterje Pr.* A study of Indian economics. London, 1911; *Ranade M. G.* On Indian economics; *Latifi.* The industrial Punjab. London, 1911; *Morison.* The economic transition in India. London, 1911; *Martens.* Un grand Etat Socialiste au XV siecle. 1910.

мі п[етроградская] Правда. 1920, № 55.

¹⁴² Ильин В. Государство и революция], с. 87-89.

¹⁴³ Позволю привести из него несколько строк, показывающих кратко невозможность имущественного уравнивания при людях с их современными свойствами. Подлинное имущественное равенство «предполагает душевный склад, невозможный в действительности. Община должна состоять из людей с настолько развитой симпатией, что более способные и в силу этого больше приобретающие отдают добровольно свой избыток другим. Часть их прибыли должна идти на уравнивание положения тех, кто работает менее успешно. Дарования и способности не дают никаких преимуществ, напротив, составляют невыгоду, потому что ими обусловливается усиленная и не вознаграждаемая потеря энергии. Любовь к ближнему должна быть настолько интенсивна, чтобы вызывать пожизненное самопожертвование. Таковы свойства индивида, оказывающего благодеяния другим. Спрашивается, что же должен представлять собой тот, кому эти благодеяния оказываются». Предполагая и в них сильно развитой симпатию, спрашивается: «каково же должно быть состояние менее даровитых, получающих постоянно подачки от более даровитых? Мы должны допустить в них великий альтруизм — и в то же время такое отсутствие его, чтобы он позволял своим товарищам постоянно обирать себя ради него. Все должно быть настолько благородно, чтобы постоянно жертвовать собою для других, и в то же время

79 6

Система социологии. Том II

Ограничусь этими указаниями в пользу моего скептицизма. Хозяйственные системы можно менять сколько угодно. Но пока люди не готовы, они подлинного имущественного равенства не дадут. Пирамидообразная схема имущественного расслоения пока что не исчезла и не скоро исчезнет. Больше того: она, как мы видели, даже мало меняет свою форму. Исчезает ли она вообще и исчезнет ли когда-нибудь — этими вопросами я не буду здесь заниматься: место им в «Социальной генетике». Там

столь низки, чтобы постоянно принимать от других жертвы. Эти две черты несовместимы. Такой душевный склад невозможен». Во-вторых, такая система заставляет человека обирать своих детей в пользу других, и росчерком пера отменяет могущественнейший инстинкт — родительский. В-третьих, похожи ли хоть сколько-

нибудь современные люди на этих альтруистов? Ничуть. Свидетельством тому служит политика всех групп и людей. «Она везде проста и одинакова: сперва евангелие (хотя бы и евангелие социализма. — П.С.), потом бомбы». И это не только допускается, но и одобряется. «Культурная» Англия зверски уничтожает другие народы, во имя «британского могущества», рабочие всех стран ведут междоусобные войны и убивают штрейкбрехеров, в Германии студенты полосуют друг друга шпагами, в Америке судом Линча убивают ежедневно до 3 человек, все грызутся друг с другом, продают с аукциона и честь, и совесть и т. д.; и «из людей, которые делают такие вещи и одобряют их, предполагается создать общество, проникнутое духом братства! С помощью административных фокусов надеются организовать общину, в которой вместо эгоизма будет царить любовь к ближнему!». При этом надежды возлагаются на централизованное управление трудом. «Хотят восстановить status, при котором управляли бы не отдельные лица, а община», личность отдают в полное распоряжение государства. «Такой соц. строй вполне соответствует устройству армии. Делай свое дело и получай паек». Все ставится под контроль власти. «Но переходя от рабочих, управляемых бюрократией, к самой бюрократии, на вопрос: каким образом будет регулироваться деятельность этой бюрократии? мы не получаем ответа. Владея по доверию от общины всей землей, капиталом, средствами передвижения, имея в своем распоряжении войско и полицию, это всемогущее и организованное чиновничество, состоящее из людей, отличающихся таким же агрессивным эгоизмом, как и управляемые, но не подчиненных, как они, контролю высшей власти, обязательно начнет извлекать выгоды из своего положения за счет управляемых. Избирательная власть, предоставленная управляемым, скоро окажется не в состоянии помешать этому, ибо большая, но неорганизованная корпорация не может бороться с небольшой, но организованной. При таких условиях пропасть между управляющими и управляемыми будет расти; мало-помалу образуется новая аристократия, на которую будут работать массы и которая, благодаря сплоченности, окажется гораздо могущественнее бывшей. Разумеется, социалисты не желают предвидеть таких результатов. Влюбленные в свою систему (подобно всем фанатикам), они не допускают критики или не придают ей значения. Они все будут надеяться, что эгоистов можно заставить поступать неэгоистично, нечестных — честно. Они безусловно верят в социальную алхимию, которая из низких поступков извлекает благородные поступки» (Спенсер Г. Основания] соц[иологии], т. II, с. 690-696; см. всю главу о социализме). Боюсь, что не только для нашего времени, но и для довольно далекого будущего Спенсер прав. См. также: Лебон Г. Психология социализма. 1908.

Глава V. Социальные перегруппировки

79 7

же подробно я остановлюсь и на только что очерченных вопросах. Пока же, увы, мы видим «все то же, то же вновь, донныне и от века», вечные стремления человечества установить имущественное равенство и неисполнение этих чаяний до сих пор, несмотря на бесчисленные жертвы и неисчислимы страдания. «Старушка история продолжает свои забавы».

Территориальные перегруппировки

Если несколько веков тому назад земной шар распадался на ряд частей света, почти абсолютно изолированных друг от друга, то теперь он представляет единую сцену, все части которой связаны друг с другом. Человеческие индивиды теперь циркулируют «вокруг света». Потоки человеческого населения непрерывно несутся с одного места в другое, население любой части земли все время меняется, и чем далее, тем быстрее. Вопреки обычному мнению, чем далее, тем люди становятся менее и менее «оседлыми», тем больше и больше пространства пробегает «средний» человек в течение своей «средней» жизни. Иными словами, территориальные перегруппировки возрастают и качественно, и количественно¹⁴⁴. Железные дороги, пароходы, автомобили, аэропланы и другие средства передвижения сделали и делают свое дело. Их появление и рост похожи на появление новой реки в безводном месте: появляясь, она сносит и приводит в движение

бревна, доски, камни, куски земли, все, что лежит на ее пути или около ее берегов. Недвижное приходит в движение, всю жизнь нетрогавшееся с места начинает плыть. То же мы видим и в населении. До появления усовершенствованных путей сообщения территориальные перегруппировки людей были невелики и мало интенсивны; большинство их жило и умирало, не передвигаясь дальше границ своей волости, уезда, много губернии. Теперь амплитуда территориального передвижения людей стала несравненно шире; «китайские стены» исчезают, люди разных мест, племен, наречий, состояний носятся по громадным пространствам, от «потрясенного Кремля до стен недвижимого Китая, от финских хладных скал до пламенной Колхиды», от восточной Европы до Америки. Человечество похоже на потревоженный муравейник, в котором чем далее, тем большее пространство пересекают муравьи. «Стоячая вода» населения отдельных мест исчезает; миграционные потоки охватили всю землю и текут быстрее и быстрее. Старые исторические «переселения народов», бывшие редкостью, теперь стали постоянным явлением. Ежегодный контингент лиц, отбывающих

¹⁴⁴ Тезис: «чем старее культура, тем более оседлым характером она отличается», неверен.

См.: Бюхер К. Цит. соч., т. II, с. 170 и сл. Кажущаяся подвижность кочевых народов прошлого и оседлость народов настоящего времени объясняется массовым характером переселений в прошлом и индивидуальным характером перемещений в настоящем, скрадывающим его подлинные размеры.

798

Система социологии. Том II

из Европы* в Америку, превосходит собой всю волну переселения народов. Число эмигрантов из Европы в другие части света с 1800 по 1850 г. составляло около 4000 000 [человек], с 1850 по 1900 г. — не менее 24 миллионов. В 1906 г. число эмигрантов из Англии в Америку составляло 220 000, из Италии — 512 000, Австро-Венгрии — 314 000, Шотландии и Ирландии — 105 000, Еермании — 31 000, Скандинавии — 53 000 [человек]. Эти цифры плюс солидная цифра эмигрантов из России и др[угих] стран Европы дают почти V/ миллиона европейских эмигрантов в один год¹⁴⁵. Прибавьте к этому громадное количество лиц, оставляющих Европу на короткое время, и вы легко поймете, что ежегодные миграционные потоки современного человечества с одного материка на другой оставляют за собой все былые эпохи «переселения народов». А что сказать о внутриматериковых и внутригосударственных миграциях и переселениях по сравнению с тем, что они представляли 200-300 лет тому назад. Никакого сравнения. Теперь население похоже на кипящий котел воды, где большинство частиц циркулируют от края и до края, сверху донизу и обратно. В прошлом — картина стоячего пруда, где только отдельные частицы передвигались на далекие расстояния; большинство же умирало в пределах своей местности, того видимого горизонта, за которым был «конец света». Приблизительное представление о межгосударственных миграциях одного материка дают цифры лиц, прибывших из-за границы в 1910 г. в Италию. По одному числу заграничных железнодорожных и пароходных билетов число их было не менее 2595 223¹⁴⁶.

Наконец, если взять миграции еще более ограниченного места, напр [имер], в пределах одного города, то получается картина, не снившаяся древности. В 1891 г. 4 мая была произведена перепись числа лиц, прибывших в лондонское Сити. За 24 часа в Сити прибыло 1187 094 человек] и 92 372 повозки¹⁴⁷. Едва ли древний Рим в дни самых торжественных триумфов насчитывал такое количество лиц, входящих в течение суток в его ворота.

Если взять число лиц, ежегодно прибывающих в город для оседлой жизни, и число лиц, выбывающих из числа жителей города, то и здесь цифры весьма солидны. Напр[имер], в 1910 г. число иммигрантов в Берлине равнялось 263 391 [человек], число эмигрантов из него — 206 552¹⁴⁸. Увеличиваются с ходом времени не только территориальные миграции

¹⁴⁵ *Levasseur E.* La repartition de la race humaine // Bulletin de l'Institut international de statistique, vol. XVIII, II livr., p. 58.

¹⁴⁶ *Stringher.* Sur la balance des paiements entre l'Italie et l'étranger // Bulletin de l'Institut international de statistique, vol. XIX, III livr., p. 104-106.

¹⁴⁷ *Майр Г.* Цит. соч., т. II, с. 499.

¹⁴⁸ *Annuaire statistique des grandes villes*, p. 88 и ел. Там же см. данные для друг[их] европейских городов.

Глава V. Социальные перегруппировки

79 9

людей, но территориальная циркуляция вещей, денег и других форм материальных ценностей¹⁴⁹.

Общий вывод из сказанного: с ходом истории в общем и целом территориальные перегруппировки растут; иными словами, увеличивается территориальная циркуляция людей, вещей и других материальных ценностей.

Отсюда ряд следствий:

1. Состав населения любой местности становится менее и менее закрытым, в нем должно увеличиваться число лиц, родившихся вне ее, а если речь идет о государственных границах, то число лиц, родившихся за пределами данного государства (иностранцев). Статистика вполне подтверждает этот вывод¹⁵⁰. Процент иностранцев среди населения одного государства и процент лиц, живущих в данной местности, но родившихся за ее пределами, растет. В больших городах Европы из каждой тысячи лиц, живущих в них, лиц, родившихся в самом городе, было (в 90-х годах) в Антверпене 661, в Вене 345. Между этими цифрами колеблется процент урожденного населения других городов¹⁵¹. Отсюда видно, что прикрепленность людей к одному месту становится менее прочной и менее длительной. Человеческие песчинки чаще и чаще отрываются от места своей родины водоворотом общественной жизни и переносятся с одного места в другое.

2. Это ведет к постепенному исчезновению специфических черт населения определенной местности; индивидуальность местной группы постепенно падает и растворяется в потоке общего смешения.

3. Следствием этого явления становится ослабление местного патриотизма. Когда индивид родился и умер в одном месте, такой патриотизм был неизбежен. Теперь же, когда индивид в течение своей жизни циркулирует с места на место, несколько раз меняет свою оседлость, естественно, что он не может быть патриотом своего места в такой же степени, как в первом случае: ему приходится быть одновременно патриотом ряда областей. Прежняя узкая односторонность неизбежно выветривается. Местный патриотизм постепенно заменяется космополитизмом. Таково неизбежное следствие роста территориальных перегруппировок населения.

4. Рост циркуляции людей и вещей означает и рост циркуляции психосоциальных ценностей: идей, верований, вкусов, нравов, обычаев,

¹⁴⁹ См. цифры и данные у *Foville*. Les elements de la balance economique des peuples // Bulletin de l'Institut international de statistique, vol. XV, II livr., p. 200 и сл.; *Bateman and Fountain*. The import and export statistics // Ibid., 219 и ел.

¹⁵⁰ Данные о численности иностранцев в разн[ых] государствах и в разные периоды см. *Майр Г.* Цит. соч., т. II, с. 155-157, 473, 171 и др.; *Levasseur E.* La demographie Irani[ais] comparee, p. 33-35; *Annuaire international de statistique*. 1916, p. 136 и ел.

¹⁵¹ См.: *Майр Г.* Цит. соч., т. II, с. 170 и ел.; Большие города. СПб., 1905 (ст[а-тьи] *Бюхера*, *Майра* и др.).

800

Система социологии. Том II

убеждений и т. д. Индивиды, несущиеся в потоке территориальных передвижений, несут с собой и эти ценности. Последние сталкиваются, сильнее и сильнее смешиваются друг с другом, поток психического взаимодействия растет. Каждый человек оказывается под жерновами этого потока, подвергается переработке, перемалывается, теряет одни черты, приобретает другие и после такой переработки становится иным, чем он был, когда

пускался в путь из места своей родины. Местный колорит, лежащий на каждом, выветривается постепенно в процессе «территориальной» циркуляции.

5. Это благоприятствует смешению «рас», смягчению «расовой» изолированности, территориального и государственного патриотизма, смягчению религиозной и языковой нетерпимости, короче, действует в направлении ослабления ряда социальных расслоений⁵².

Таков, вкратце, ряд следствий роста территориальных перегруппировок. Это явление разбивает индивидуальность — местный колорит — группы и содействует росту индивидуальности лица; оно работает в направлении уравнивания и смягчения ряда социальных расслоений и вытекающих из них антагонизмов. Но его работа встречается с силами иного рода, противоположными. Этим объясняется продолжающееся бытие указанных расслоений и связанных с ними антагонизмов.

Теперь отметим другую форму территориальных перегруппировок, а именно: отлив, уменьшение населения одних территориальных центров, и прилив, скопление населения, в других территориальных центрах. Такие перегруппировки имели место и в прошлом. Но особенно сильное развитие они получили в последние столетия, в XIX и XX вв. Типичным примером таких перегруппировок может служить рост городов и концентрация городского населения. Представление о темпе таких перегруппировок дает следующая таблица, показывающая население указанных городов (в тысячах) в разные периоды времени.

		18 00-1801	18 50-1851	19 00-1907
Лондон	Л	95	23	47
Нью-Йорк	Н	60	51	41
Париж	П	64	12	27
Берлин	Б	17	41	20
Чикаго	Ч	00	30	20
Вена	В	23	43	17
Петроград	П	22	47	19
	В	22	54	18
сего	90	23	942 ¹⁵³	

¹⁵² См. об этом: *Бугле С.* Эгалитаризм. 1904; *Зиммель Г.* Большие города и духовная жизнь // Большие города; *Петерман А.* Дух[овное] значение больших городов // Там же; *Draghicesco D.* L'ideal createur. 1914.

¹⁵³ *Levasseur E.* La repartition] de la race humaine, p. 57. Подробные цифры см. в ст[атьях] *Бюхераи Майра* (сб. Большие города), уЛ. Вебера (Рост городов в Глава V. Социальные перегруппировки 801

Эти цифры показывают, что население непрерывно совершает перегруппировку в смысле прилива и отлива из определенных местностей. Особенно силен прилив в большие города, плотность и число населения коих от этого растет с колоссальной быстротой. Чем они больше, тем в общем сильнее их «притягательная сила». (Недаром один американский социолог формулировал социальный закон тяготения, гласящий: притягательная сила городов прямо пропорциональна массе и обратно пропорциональна квадрату расстояния.)

Это явление чревато многими следствиями, очерчивать которые я здесь не могу¹⁵⁴. Одними из них являются: ускорение темпа социальной эволюции, интенсификация

психической жизни; с одной стороны, нивелировка и перемешивание индивидов, с другой — их индивидуализация; с одной стороны — уравнивание, с другой *■*. усиление неравенства и т. д. Ограничимся этим в характеристике территориальных перегруппировок.

Объемно-правовые перегруппировки

Даже краткое, но всестороннее рассмотрение объемно-правовых перегруппировок в основных их формах здесь немыслимо. Потому я ограничу свою задачу и очерчу только одну из типичных форм перегруппировок этого рода. Я разумею перегруппировки коллективов управляемых и управляющих или властвующих и подвластных. Полученные выводы с соответственными изменениями будут применимы и к другим видам объемно-правовых расслоений населения.

Как выше было указано, всякое сколько-нибудь численное, длительно сосуществующее население — агрегат организованный распадается, говоря упрощенно, на два слоя: управляющих с их агентами и подвластных. Первые представляют обычно привилегированных, вторые обделенных. Форма агрегата и здесь похожа на пирамиду, верхушка или верхние слои которой заняты управляющим меньшинством, нижние, широкие слои — управляемым большинством. Это применимо и к государству, и к церкви, и к партии, и к профессиональным, языковым и другим организованным коллективам. Для краткости в дальнейшем я

XIX стол[етии]. СПб., 1903; в *Annuaire statistique des grandes villes; Meuriot. De la mesure des agglomeration urbaines // Bulletin de l'Institut international de] stat[istique], vol. XIX, I livr., p. 157-161; Бюхер К. Возникновение] нар[одного] хоз[яйства], т. II, с. 117 и ел.; О колебаниях плотности населения различных территорий см.: Levasseur et Bodio. Statistique de la superficie et de la population des contrees de la Terre // Bulletin de l'Institut international de] stat[istique], vol. XII, II livr., p. 1-110; Annuaire stat[istique]. 1916, p. 4 и ел.*

¹⁵⁴ Кое-что, но не все и не главное дают в этом отношении указанные] ст[атьи] Зиммеля, Петермана, Шефера и др. в сб. «Большие города». См. также: Maunier R. L'origine et la fonction econom [ique] des villes. 1910; Draghicesco D. L'ideal createur.

26 Система социологии

80 2

Система социологии. Том II

буду иметь дело только с государственными коллективами; но все, сказанное о них, *mutatis mutandis* применимо и к другим, негосударственным группам.

Даны ли здесь перегруппировки? Детализируя вопрос, спросим себя: 1. Дана ли здесь циркуляция индивидов из слоя управляемых в слой управляющих, из низших рангов властителей в высшие (восходящий ток) и обратно, «падение» властителей в подвластные или в низшие этажи правительственной иерархии (нисходящий ток)? 2. Если да, то как варьирует во времени и в пространстве кривая интенсивности такой циркуляции? 3. Чем вызывается последняя? 4. Как колеблются относительные объемы каждой из этих основных групп? 5. Наконец, уничтожается ли расслоение на правящих и управляемых, есть ли в этом отношении какая-либо постоянная тенденция, иными словами, исчезает ли пирамидообразная форма объемно-правового расслоения по существу?

Таковы вопросы, которых я кратко коснусь в дальнейшем. Обратимся к первому из них. История любого населения и собственное наблюдение каждого из нас говорит о том, что циркуляция индивидов из слоя управляемых в слой управляющих и обратно — факт несомненный. Правящая аристократия, будет ли ею император и его потомки, патрициат или дворянство, министры и влиятельные депутаты, бояре и княжьи мужи, не вечна. Многие властители в течение своей жизни с верхушки пирамиды попадают в ее нижние слои; потомки бывших властителей после нескольких поколений оказываются в рядах управляемых. И обратно — многие обитатели нижних этажей пирамиды инфильтрируют в верхние этажи, иногда на самые высокие места (Марий и Сулла, Кромвель, Робеспьер и Ленин, Бирон и Наполеон, Сперанский и Витте, большинство родоначальников императорских и королевских домов и т. д.). Словом, факт такой циркуляции несомненен.

Интенсивность ее варьирует в пространстве и во времени. В ряде агрегатов, напр[имер], в кастовом или узко сословном населении, эта циркуляция очень слаба. Здесь один слой отделен от других столь крепкими барьерами, что пройти сквозь них, особенно снизу наверх, удастся очень немногим «верблюдам». Родившийся в высших слоях обычно остается там, потомки управляемых, низших каст или сословий обречены быть внизу. Правящая аристократия здесь замкнута и наследственна. Дети шудры, раба или холопа обречены быть шудрами и холопами. В других обществах, напр[имер], в демократических, эти перепонки, разделяющие слои правящих и управляемых, более тонки и проницаемы.

Гогенцоллернская Германия, монархическая Россия, Франция и Англия, Япония и С [еверо-] А [мериканские] С[оединенные] Штаты являются примерами стран с различной интенсивностью циркуляции снизу вверх, и обратно.

Глава V. Социальные перегруппировки

803

Варьирует эта циркуляция и во времени. В истории одного и того же населения имеются периоды, когда она очень слаба, и периоды, когда она принимает форму быстрого и бурного потока, производящего массовые перемещения. Последние периоды носят название революции. Любая из них с этой точки зрения представляет не что иное, как массовое перемещение обитателей верхних этажей на нижние и обратно. Наблюдается обратная пропорциональность остроты таких конвульсивно-революционных взрывов со степенью затрудненности циркуляции или закрытости правящей группы. Чем более циркуляция затруднена, чем более закрыты правящие слои и чем эта закрытость продолжается дольше, тем неизбежнее конвульсивные перемещения — революции, тем они будут острее и кровавее¹⁵⁵. Такой вывод следует из простых соображений.

¹⁵⁵ М. Kolabinska в своей монографии наглядно показала, что во Франции с конца XVII и в XVIII в. эта циркуляция была ослаблена и затруднена множеством барьеров, которыми правящие пытались остановить инфильтрацию низших в слой высших. В этот период в низах накопились в ненормальном обилии элементы «высшие», в верхах — элементы негодные для властвования. В итоге такого нарушения равновесия неизбежен был взрыв, который и совершился в виде Французской революции. (См.: Kolabinska M. La circulation des elites en France. 1912. Периоды с 1610 по 1715 и с 1715 г. до Французской революции). Сказанное объясняет острый характер нашей революции и революции стран кастовых и сословных. У нас эта циркуляция во все периоды истории была очень слаба. Правящие слои старались замкнуться. Если нормальная инфильтрация снизу вверх и имела место, она носила ничтожные размеры. Отсюда неизбежность конвульсивных перемещений. Примерами их могут служить: эпоха опричнины, означавшей не что иное, как массовое перемещение выродившихся потомков боярства и княжат сверху вниз и замещение высших слоев выходцами из разнообразных более низших пластов. Это прекрасно выражено в челобитной Ивана Грозного Симеону Бекбулатовичу о разрешении ему «людишек перебрать, бояр и дворян, и детей боярских, иных бы еси освободил отослать, и... пожаловал изо всяких людей выбирать и принимать».

Вслед за опричниной громадные перемещения совершились в период смуты, приведшие к установлению новой аристократии. В пределах высших слоев циркуляция была облегчена уничтожением местничества, зато в низших слоях, закрытых от верхних, неизбежны были конвульсии, направленные на уничтожение препон, мешавших инфильтрации низших в высшие. Восстание Стеньки Разина — следствие такой закрытости и пример конвульсивной попытки перемещения. При Петре совершился новый значительный приток «свежей крови» в ряды властителей. «Табель о рангах» ослабила препоны, мешавшие циркуляции. Но после Петра новых громадных сдвигов почти не было. Восстание Пугачева окончилось неудачей. У власти оставалось в течение двухсот лет «благородное дворянство». Инфильтрация снизу вверх была ничтожной. Правящие вырождались, в управляемых копились элементы, место которым было в ряду правящих. Революция 1905 г. была первым взрывом, позволившим многим членам

торгово-промышленного класса и среднего сословия инфильтрировать в слой управляющих. Революция 1917 г. была вторым взрывом, окончательно очистившим правящие слои от «гнили» и посадившим на место ее «головастики» низших слоев. Такие «перебои» в странах с ничтожной циркуля-

8 04

Система социологии. Том II

Всякий социальный агрегат может сохранять состояние равновесия, т. е. присущую ему структуру, только тогда, когда в нем имеется соответствие между функциями и выполняющими их людьми. «Беда, коль пироги начнет печи сапожник, а сапоги тачать пирожник». Функции властвования требуют соответственных качеств от их представителей. (Эти качества изменчивы в зависимости от условий, в которых живет агрегат; напр[имер], в обществе, постоянно воюющем, наверху должны быть люди со способностями военного вождя, организатора, стратега, беспощадные и жестокие; примеры: Марий, Сулла, Цезарь, Наполеон и др.; люди с мирными инстинктами, гуманные, сердобольные в правители таких агрегатов негодны; если по инерции они и остаются, то они только царствуют, а не управляют; в агрегате мирном — дело обстоит наоборот.) Функции подчинения — то же. Люди, как мы видели, неравны. Одни по своим свойствам пригодны быть вождями, другие — управляемыми. Равновесие агрегата будет идеальным, если все индивиды будут распределены сообразно их свойствам. Но этого, к сожалению, почти никогда не бывает. Если предки властителей и подчиненных занимали свои места «по праву», т. е. имели ряд свойств, выдвинувших их на вершины или на низы пирамиды, то их потомки сплошь и рядом этого «права» не имеют. Не имеют потому, что *от родителей сплошь и рядом рождаются дети, не похожие на них по своим свойствам.* От «природных господ» весьма часто рождаются «прирожденные рабы», лишенные всяких способностей властвования, и обратно, от родителей — «рабов за совесть» — рождаются часто «прирожденные властители», место которым наверху. Если нормальная циркуляция ничтожна, то «рабы по природе» копятя в верхних слоях, «господа по природе» — в низших. Существующие барьеры мешают их перемещению. Равновесие общества нарушается. От такой несообразности весь агрегат начинает страдать; механизм общественной жизни расстраивается. «Головастики» из низших слоев стремятся вверх, «гниль» верхних слоев остается там. В результате рано или поздно наступает острый взрыв и происходит насильственное переселение. Иногда этот взрыв ведет к смертной агонии всего агрегата, гибнущего в процессе взаимной борьбы; чаще же всего после периода кровавых спазм, сопровождаемого обычно разгромом и уничтожением бывшей аристократии, на ее месте поселяются «головастики», водворяется новая арис-

цией неизбежны. Иное мы видим, например, в Англии и в С[еверо-]А[мери-
канских] [Соединенных] Штатах. Не только Англия XIX и XX вв., но и Англия кромвелевского периода не была страной с закрытым правящим классом. «Если человек среднего класса выдавался своим умом, своей работой, или отношением родства, если он вел образ жизни джентльмена, ничто не мешало ему быть принятым в состав правящего класса, так как здесь не было юридических барьеров между классами. Таким образом, аристократия Англии, будучи исключительной, в то же время не была закрытой», — так характеризует Острогорский старую Англию (*Ostrogorski M. Op. cit., p. 4*).

Глава V. Социальные перегруппировки

805

тократия, вплоть до нового взрыва, который сметает ее или ее потомков так же, как и сметенных ею предшественников. Так дело обстоит в агрегатах с ничтожной циркуляцией. В агрегатах же, где последняя относительно интенсивна, где нет непроницаемых барьеров, такого накопления «неподходящих жильцов» в разных этажах быть не может. Здесь значительная часть из них инфильтрирует в соответственные слои. От этого равновесие агрегата менее нарушается. Сотрясения происходят и здесь, ибо пока что нет общества, где такая циркуляция была бы абсолютно свободной, но эти сотрясения не имеют тех кровавых и острых форм, как в первом случае¹⁵⁶. Такова связь острых революций с интенсивностью циркуляции.

Констатируя ее существование и варьирование, спросим себя: каковы же ее причины? Таких причин много. Из них я укажу только две вечные причины, мешающие всякой аристократии быть вечной и неизбежно вызывающие циркуляцию. Одна из них уже очерчена: это несходство детей с их родителями, влекущее за собой появление и рост в каждом слое гетерогенных ему элементов. Вторая, это быстрое вымирание, падение плодovitости и вырождение аристократии. Чем замкнутее последняя, тем эти процессы вымирания и падения рождаемости, по-видимому, совершаются интенсивнее. Какими причинами они вызываются — не будем здесь касаться. Но факт, по-видимому, таков. Без притока «свежей крови» аристократия обречена на бесплодие и исчезновение. Приведу несколько цифровых данных. Число спартиатов во времена Ликурга было около 9000, в 480 г. их было 8000, в 420 г. — 6000, в 371 г. — 2000, во времена Аристотеля — 1000, в 230 г. — 700, из которых только 100 могли принимать участие за коммунальным столом. В Афинах, после Херонейской битвы, пришлось сразу возвести в ранг эвпатридов 20 000 метеков и рабов. В Риме, чтобы иметь в позднейшие эпохи 300 сенаторов, пришлось возвести в их звание 177 плебеев, за отсутствием надлежащего числа патрициев¹⁵⁷.

Вслед за патрициями угасли и роды нобилей, всадников и римских правящих семейств. Ко времени Клавдия угасли не только древние патрицианские роды, но даже те, которые возвысились при Цезаре и Августе¹⁵⁸.

То же видим и позже. По свидетельству Бюхера выдающиеся роды средних веков редко переступали второй век своего существования¹⁵⁹.

¹⁵⁶ См. подробности этого процесса и их математическую формулировку в цитированных работах Колабинской, Sensini, Pareto, Пануэжа. См. также: Fahlbeck P. La decadence et la chute des peuples // Bulletin de l'Institut international de] statistique], vol. XV, II livr., p. 367-389; Ego же. La noblesse de Suede // Ibid., vol. XII, I livr., p. 169-181; Ego же. Les classes sociales // Ibid., vol. XVIII, I livr.; Furlan. La circulation des elites // Revue Internationale de] Sociologie]. 1911, p. 385-395, 850-860.

¹⁵⁷ Bougie C. La democratie, p. 81.

¹⁵⁸ Вольтман Л. Цит. соч., с. 279.

¹⁵⁹ Бюхер К. Возникновение] нар[одного] хозяйства], т. II, с. 149.

8 06

Система социологии. Том II

Продолжительность аристократических семейств Франции не превышала 300 лет в среднем. В Англии из 500 семейств древней знати сейчас нет почти ни одного, которое восходило бы в прямой линии до XV века¹⁶⁰. Почти все современные наследственные пары, носящие древние фамилии, возведены были в это достоинство и пожалованы фамилиями гораздо позже. Так из 394 семей паров в 1837 г. 272 были возведены в это достоинство с 1760 г. С 1611 г. угасло 753 баронских семейства¹⁶¹.

К тому же ведут и более детальные исследования. В Аугсбурге из 51 семьи сенаторов в 1368 г., к 1538 г. осталось только 8. В Нюрберге в 1390 г. 118 семей составляли патрициат; в течение ста лет 63 из них угасло¹⁶². В Берне в 1717 г. заседали в Совете 381 семейство, к 1787 г. 148 из них угасло¹⁶³. Фальбек произвел особенно тщательное исследование шведской аристократии. Итоги ее таковы: из 1219 фамилий шведской знати 946 (77,6%) угасли в течение 0—100 лет, 251 семейство — в течение 101—200 лет, 21 семейство — в течение 201—300 лет; лишь одна семья пережила 300 лет. Из 1547 фамилий не менее 1298 (84 %) исчезли на 3-м поколении, только 2 достигли 9-го поколения, и ни одна не перешла его¹⁶⁴. Vacher исследовал среднюю продолжительность жизни ряда королевских домов. Его вывод гласит: «Королевские расы по продолжительности жизни своих членов ниже рас народных»¹⁶⁵.

Наряду с быстрым вымиранием правящие слои обречены на бесплодие. В династии Капетингов из 118 браков между родственниками 41 были бесплодны. В династии Веттинов из 28 браков 7 бесплодных, 1 — с 1 ребенком, в Виттельсбахской династии из 29 браков — 9 бесплодных и 3 по 1 ребенку¹⁶⁶.

Исследование Fahlbeck'a говорит, что вымирание шведского дворянства

объясняется прогрессивным ростом бесплодия (% бесплодных браков с каждым поколением растет, в первом поколении напр[имер], их % равняется 13,72, во втором — 63,68), прогрессирующим падением плодовитости, ростом смертности и характерным ростом женского потомства в последующих поколениях¹⁶⁷.

^m *Bougie C.* Op. cit., p. 81.

¹⁶¹ *Doubleday T.* The true Law of Population. 1853, p. 35.

¹⁶² *BougU C* Op. cit, p. 82. '

¹⁶³ *Furlan.* La circulation des elites, p. 850-860.

¹⁶⁴ *Fahlbeck P.* La noblesse de Suede, p. 173. См. др. данные у *Sensini, Волыпмана, Бугле, Фальбека, G!* («Ifattoridemografici»). МуНас, ко времени Фед[ора] Алексеевича], боярство почти все вымерло. См.: *Платонов С.Ф.* Лекции, с. 437.

¹⁶⁵ *Vacher L.* La longevite dans les familles // Bulletin de l'Institut international de] stat[istique], vol. IX, II livr., p. 62.

¹⁶⁶ *Вольтман Л.* Цит. соч., с. ПО.

¹⁶⁷ Цифры и таблицы см.: *Fahlbeck P.* Op. cit., p. 169-181. См. богатый материал у *Gini (Op. cit.)*.

Глава V. Социальные перегруппировки

80 7

Отсылаю читателя за дальнейшими данными к цитированным работам. Раз дело обстоит так, то в силу одной этой причины, помимо всяких других, верхние правящие слои обречены с ходом времени на опустение, если они абсолютно закрыты. Постепенно угасая, они должны были бы оставить вершину пирамиды незаселенной, т. е. оставить социальный агрегат без власти. Этого не бывает: «было бы болото, а черти найдутся». Под давлением социальной необходимости пустующие места угасающих властителей заполняются элементами низших слоев, сначала обычно более близких к правящим, а затем, когда резервуар пригодных для властвования лиц из этих слоев исчерпан, происходит рекрутирование правящих лиц из еще более низших пластов. Если рекрутирование удачно, т. е. если эти слои снабжают достаточное число лиц, обладающих требуемыми от хорошего правителя свойствами, и если последние воспитаны в духе старой культуры, объемно-правовая архитектура группы в общем и целом имеет шансы на сохранение. Если резервуар пригодных лиц исчерпан или отбор совершается неудачно, или они слишком гетерогенны по своему поведению, нравам, обычаям и т. д., дело обычно кончается распадением всего агрегата, полным развалом его структуры¹⁶⁸ и созданием на его месте новых групп.

Таковы вкратце условия, делающие циркуляцию из слоя в слой необходимой во всех странах и во все времена. Сколько-нибудь длительно существующих агрегатов, где такой циркуляции не было бы, мы не знаем, как не знаем и таких «обществ», где она была бы абсолютно свободной, где верхние слои сознательно или бессознательно не ставили бы препятствий для инфильтрации элементов снизу или сами, добровольно, спускались бы вниз, предоставляя свои места любителям. Всюду циркуляция происходит, и нигде она не вполне свободна; но ее быстрота и интенсивность варьируют в пространстве и времени. Есть ли в этом варьировании постоянная односторонняя тенденция, не будем здесь обсуждать. Следует только указать, что мнение многих лиц, напр[имер] Фальбека, о постепенном ускорении темпа такой циркуляции и о постепенном росте ее свободы и интенсивности требует весьма и весьма серь-

¹⁶⁸ Интересную картину в этом отношении дает история Рима. Здесь с падением и уменьшением патрициата правительственный класс стал пополняться выходцами из плебеев. В дальнейшем этот резервуар также был исчерпан, и «правители» стали вербоваться из выходцев Галлии, Испании, Азии и варваров. Когда и этот источник не стал давать достаточно пригодных лиц, Рим распался и развалился. См.: *Sensini G.* Op. cit., p. 603 и ел. «Вольноотпущенники и варвары, продвигаясь к богатству и к высоким должностям, не имели ни желания, ни способностей сохранить высокую классическую культуру с ее наукой и искусством. Таким образом угасла одна из самых блестящих

цивилизаций, когда-либо виденных миром» (*Fahlbeck P. La decadance... des peuples*, p. 370). См. также: *Jourdan D. Op. cit.*

808

Система социологии. Том II

езных оговорок¹⁶⁹. И в прошлом, и теперь были и есть агрегаты и с интенсивно-свободной и со слабой (затрудненной) циркуляцией. Тенденция, быть может, и есть, но она слабо выражена и далеко не прямолинейна.

Теперь в двух словах (увы, нет места и бумаги для более полной характеристики) коснемся объемно-правовых перегруппировок, состоящих в колебании объемов правящих и управляемых групп. Такие колебания имеют место. Иногда различные слои управляющих (напр[имер], сейчас в РСФСР) значительно разбухают, иногда они сужаются. Но никогда эти колебания не бывают очень значительными; тем более они не приводят к положению «семерых капралов и одного рядового», не ставят пирамиду вверх ногами. Такое состояние означает просто состояние анархии и отсутствие объемно-правовой организации общества. Если в эпохи революций такие состояния и бывают, то это не значит, что управляет большинство меньшинством, а значит только, что нет никакой власти или властвует кто над кем может. Это проявляется в «борьбе всех против всех». Кончается анархия, наступает «порядок», и пирамида воскресает с ее традиционным правящим меньшинством и управляемой, эксплуатируемой массой. В этом отношении пирамидообразная форма объемно-правового расслоения была и остается. Вариации объема правящих и управляемых групп не изменяют ее существа¹⁷⁰.

Спросим себя, наконец, уничтожается ли с ходом истории расслоение на правящих и управляемых? Ответ гласит: оно было и оно есть. Будет ли? Вероятно в относительно близком будущем оно не исчезнет.

¹⁶⁹ Левассер прав, возражая на этот счет Фальбеку и приводя в свою пользу исторический документ XVII в., рисующий весьма интенсивной циркуляцией этого времени. В ряде довольно примитивных государственных групп смена вождей, царей и князьков—явление тоже довольно частое. Подробно в «Генетической» социологии». См. возражения Левассера (*Bul[letin de l'Institut international de] statistique*), vol. XVIII, I livr., p. 123-124).

¹⁷⁰ Наивные люди могут, в виде возражения, указать на монархию, как на пример группы с единоличным правителем и на народоправства с «властованием народа, для блага народа и чрез посредство народа» и сказать: «в первой группе объем властвующих ничтожен, во второй — он составляет большинство». Наивность такого возражения ясна. Никакой деспот не правит единолично; он только орудие, лидер, символ той правящей клики, которая в виде верхних слоев — военных, церковных, торговых, индустриальных и др. групп — стоит за ним и интересы которой он представляет. С другой стороны, ни в каком «народоправстве» большинство народа не управляло и не управляет; правящая аристократия в лице президента, министров, депутатов, «выборных» комиссаров, начальников и всяких лидеров и здесь составляла и составляет столь же малочисленную группу, как и в деспотиях. Большинство тут и там управляется. Разница лишь в том, что деспоты правят несуществующей «Божиею милостью», «народные избранники» — несоблюдаемой и неизвестной «волею народа». См. правильн. замечания *Bentley A. Op. cit.*, ch. XII, p. 298-320; *Sensini G. Op. cit.*, p. 604-605.

Глава V. Социальные перегруппировки

809

Мыслимо, что в будущем циркуляция из одних слоев в другие будет более интенсивной и быстрой; возможно, что более мягкими и менее беззастенчивыми будут формы эксплуатации правителями управляемых. Допустимо, что первые принуждены будут сильнее считаться с интересами последних и не так бесстыдно жонглировать «волею народа». Все это допустимо и возможно, хотя и не может быть неоспоримо доказано. Полное же исчезновение этого расслоения — маловероятно. Если оно и может мыслиться, то как предельная величина, с которой переменная может сравниться только в бесконечности. Не будем гадать о том, что случится через миллионы лет. Достоверно

одно, что в той или иной форме на ближайшие столетия это расслоение останется, как останутся (хотя бы и в более мягкой форме) командование меньшинства над большинством (конечно «волею большинства!») и сопутствующие ему явления. Это неприятно. Но... не во власти исследователя законы необходимости¹⁷¹. Все попытки уничтожить его не достигали своей цели. Все революции только переменяли роли молота и наковальни. Ни одной из них, в том числе и нашей, не удавалось уничтожить это расслоение. Мало надежды, чтобы оно исчезло и в будущем.

Религиозные перегруппировки

Религия человека — социальный костюм, который можно снять и переменить. Если бы этот костюм был чисто идеологическим, то такие верования менялись бы очень часто, ибо верования вообще изменчивы. Но в религии суть дела не в верованиях, не в тех или иных комплексах идей, а в чувственно-эмоциональных переживаниях веры человека.

В последних — коренное ядро религии. Верования, догма — это только вуаль, «идеологическое оправдание» и выражение чувств-эмоций человека. Не важно, чтобы они были логичны, — важно, чтобы вера была горячей. «Логика мало заботит веру (как комплекс чувственно-эмоциональных состояний), последняя в суждениях, ясных по тенденции и смутных по форме, извлекаемых ею из себя самой, ищет только удовлетворения», — правильно говорит Guignebert. Не важно, если догма будет противоречива. «Живая вера (в силу нелогической природы человека) мало смущается трудностями такого рода». Она примет какую угодно нелепость, если последняя соответствует ее аппетитам¹⁷². Чувства-эмоции человека или, говоря словами Sumner'a, нравы, формируются под влия-

¹⁷¹ Подробно об этом в «Социальной] генетике».

¹⁷² Guignebert. L'evolution des dogmes. Paris, 1910, p. 143 и ел. См.: Pareto V. Op. cit, vol. I—II, passim. См. также: Джемс У. Многообразие религиозного опыта. М.: изд. Шиповник, 1910; Sumner W. Religion and the mores // Am[erican] j[ournal of] soc[iology], vol. 15, p. 577-595; Ellwood Ch. The social function of religion // Am[erican] j[ournal of] soc[iology], vol. 19, p. 289 и ел.; Лебон Г. Психология социализма, passim.

810

Система социологии. Том II

нием социальной среды, теснейшим образом с нею связаны, и пока последняя остается в общем одинаковой, одинаковыми остаются и они. А раз так, то малоподвижными будут и догмы — верования, идеологические формы религии, ибо «нравы», основной уклад социальной жизни, меняются медленно¹⁷³. Этим объясняется сравнительная медленность религиозных перегруппировок: индивиды остаются «абонентами» определенной церкви до тех пор, пока она в своих нравах коренным образом не начинает противоречить их чувственно-эмоциональному состоянию и аппетитам. Противоречие догмы и ортодоксии «логике» не важно; оно играет ничтожную роль. Обращаясь к данным религиозных перегруппировок, мы видим, что кроме эпох острой религиозной борьбы, нормальная циркуляция индивидов из религии в религию сравнительно слаба. Основные религиозные группы, особенно крупные, имеют устойчивые объемы. Религия индивида «оказывается результатом не специального решения лица (как, напр[имер], брак), но лишь последствием предыдущего... исторического развития. Она просто наследуется в данной социальной среде» (сын католика становится католиком, православного — православным и т. д.). Сознательные переходы из религии в другую имеют ничтожное значение. (Кроме эпох религиозных движений)¹⁷⁴. Отсюда понятна устойчивость процентного отношения числа абонентов различных религий. Вариации здесь очень малы¹⁷⁵.

в 1871 г.

		880	885 г.	890
		г.		г.
Евангел[ического]				
вероисповедания]	62	3	2	2

36	Катол[иков]	5	5	5
	Друг[их] христ[ианских]			
	[исповеданий] 0,2	,17	,27	,29
	Иудеев			
1,25		,24	,2	,15
	Лиц неизвестных] рел[игий]			
1,03		,07	,02	,03
¹⁷³ См. прекр [асную] книгу: <i>Sumner W. Folkways: a Study of the Social. Importance of Usages, Manners, Mores and Morals. Boston, 1907.</i>				
^{m.} Майр Г. Цит. соч., т. II, с. 148-149.				

¹⁷⁵ Приведу для иллюстрации пару таблиц. На 100 жителей Германии приходилось на долю

(*Levasseur E. La demog[raphie] franchise*], p. 30; уменьшение протестантов в 1872 г. вызвано отделением Эльзас-Лотарингии).

		1	1
	861 г.	866 г.	872
			г.
Католиков	9	9	
	763	768	802
Протест[естантов]	2	2	
	14	23	60
Иудеев	2	2	
	1	3	4
Друг [их]	2	6	
неизвестных] рел[игий]			4

См. друг[ие] цифры для Европы в *Annuaire stat[istique]*. 1916, p. 152-157.

Глава V. Социальные перегруппировки

811

Иной вывод получится, если взять столетия и тысячелетия. На протяжении их религиозные перегруппировки в виде колебания объема религиозных групп весьма значительны: одни религиозные коллективы исчезают, другие появляются. Причем, эти процессы совершаются, подобно государственным перегруппировкам, скачками, резкими колебаниями. Столетиями религиозное расслоение может оставаться почти неизменным. Затем вдруг наступает эпоха кризисов; начинается интенсивное религиозное брожение; индивиды массами начинают перекочевывать из одной религии в другую; одни религиозные группы худеют, иногда исчезают совершенно; другие появляются и растут с изумительной быстротой (примером таких эпох могут служить первые века распространения христианства, ислама, эпоха Реформации или современная эпоха распространения религии социализма и т. д.). Чрез несколько десятков лет вся картина религиозного строения населения оказывается радикально измененной. Затем снова наступает эпоха «затишья», продолжающаяся иногда десятки и сотни лет, впредь до нового периода движений. Циркуляция индивидов происходит и в такие периоды, но она относительно ничтожна¹⁷⁶. Такова схематическая кривая религиозных перегруппировок.

Чем вызывается смена периодов религиозных движений и застоев — не будем здесь касаться. Из вышесказанного ясно, что она стоит в связи с изменением всего социального уклада населения, меняющего его mores, аппетиты, стремления и чувства-эмоции. Она служит следствием и симптомом этого изменения, с одной стороны, с другой — новая вера, раз

«

появившись, сама оказывает известное воздействие на это изменение¹. Коснемся теперь в двух словах вопроса о будущем религиозного расслоения. Исчезнет ли оно? —

Едва ли. Это могло бы быть тогда, когда все люди стали бы членами одной религии. Это маловероятно. История

Для Америки см.: *Giddings F. The Soc[ial] mark[ing] System // Am[erican] j [ournal of] sociology*, vol. 15, p. 735-736; *Coe. Notes on the recent census of relig[i]on bodies // Ibid.*, p. 806 и ел. Из всех этих данных следует весьма ничтожная вариабельность относительного объема религиозных групп.

¹⁷⁶ Представление о ней дает «микроскопический» анализ перегруппировок мелких религиозн[ых] групп. Так, напр[имер], статистическое обследование С[еверо-]А[мериканских] Соединенных Штатов в 1906 г. вскрыло следующие изменения в религиозной группировке за 16 лет, с 1890 по 1906 г. За этот период времени из 32 коммуникативных религиозных групп исчезло 10. Число их членов уменьшилось с 4049 до 2272 [человек]. Появилось новых 29 религиозных групп. Равным образом рост крупных религиозных коллективов (като-л[иков] и протест [антов]) шел не вполне одинаково. См.: *Coe. Notes on the recent census of relig[i]on bodies // Am[erican] j[ournal of] sociology*, vol. 15, p. 806-807.

¹⁷⁷ См. ряд правильных соображений на этот счет в цит. раб. *W. Sumner'a, Guignebert'a, Парето, Лебона* и др. Объяснения будут даны в «Социальной механике».

812

Система социологии. Том II

говорит не об уменьшении числа религиозных групп, а напротив, о его увеличении. Религиозная гетерогенность людей не уменьшилась, а скорее возросла. Могло бы религиозное расслоение исчезнуть и в том случае, если бы человек становился все более и более логическим и рационалистическим, т. е. считал бы истинным только то, что проверено опытом, наблюдением и другими методами точной науки. Нет сомнения, что знания (как положения объективно-правильные и проверенные, в отличие от верований, как положений объективно-неверных или непроверенных, частным видом которых служат религиозные верования) растут. Там, где появляются знания, они рано или поздно вытесняют верования и становятся общеобязательными. (Таковы, напр[имер], теоремы точных наук; социальные же «науки», в отличие от естественных, — история, экономика, право, психология, социология и т. д. представляют в огромной своей части не знания, а верования, преподносимые в «научнообразной» форме¹⁷⁸.) Но верования, изгнанные из одной сферы, подобно чертям, бегущим от ладана, водворяются в другой. В итоге область их не уменьшается и человек не становится более логичным.

Меняются только формы верований. Огромная часть умственного багажа современного человечества, не исключая и ученых, состоит не из знаний, а верований, субъективно принимаемых за знания. Мы удивляемся абсурдности верований «первобытного человека». Будущие поколения будут во многом удивляться нелепости наших верований. Хотя знания и растут, но так как область явлений, куда могут переключиваться верования, бесконечна, то нужно бесконечное время, чтобы уничтожить их абсолютно¹⁷⁹.

¹⁷⁸ «Современные социальные науки, — правильно говорит Парето, — не достигли еще стадии логико-экспериментальной. В них преобладают верования, и поэтому теории обществ [енных], наук часто отдаляются от реальности гораздо дальше, чем мнения простых эмпириков». Как китайские мандарины, воображающие себя учеными правителями, суть худшие из правителей, так и всякого рода «идеологи» и *intellectuals*, слепо верующие в свои догмы и фанатически руководствующие ими, суть худшие из всех правителей (*Pareto M. Op. cit.*, vol. II, p. 590).

¹⁷⁹ Частичным подтверждением сказанному служит ничтожный процент лиц, не принадлежащих ни к какой из исторических религий, с одной стороны, с другой, отсутствие падения числа членов религии. Так процент лиц, «без культа», не принадлежащих ни к какой религии, в 1910-1911 гг. был: в Пруссии (в 1900) — 0,02, в Баварии (в 1910) — 0,06, в Саксонии — 0,01, в Вюртемберге — 0,06, в Австрии — 0,07, в Венгрии — 0,01, в Дании — 0,3, в Исландии — 0,14, в Италии — 2,52, в Люксембурге —

0,64, в Норвегии — 0,59, в Голландии — 4,87, в Португалии — 0,03. Как видно отсюда, процент таких лиц ничтожен (*Annuaire statistique*. 1916, p. 152-157; *Mayz G. Statistik und Gesellschaftslehre*. Bd. III, S. 92-95; та же статистика говорит, что число их за последнее десятилетие не возросло).

Ценз 1906 г. в С[еверо-]А[мериканских] Соединенных] Шт[атах] показал, что число лиц, принадлежащих к религиозным] группам, в 1906 г. по сравнению с 1890 г. не упало, а возросло и не только абсолютно, но и относительно, по

Глава V. Социальные перегруппировки

813

Живучесть верований следует и из теснейшей их связи с аппетитами, с чувствами-эмоциями человека. Если «идеология», «догма», «верования» соответствуют и консонируют с ними, то верования будут приняты, привьются и распространятся, будь они нелепыми из нелепых. Успех христианства, или ислама, или религии «демократизма», «социализма», «монархизма» etc. объясняется не тем, что соответственные идеологии «истинны» или «ложны», а тем, что они соответствовали и соответствуют инстинктам и чувствам — эмоциональным вожделениям их адептов¹⁸⁰. Отсюда их успех и легкая прививаемость в соответственных группах. Так как трудно допустить, чтобы положение всех индивидов в системе социальных координат или в социальном пространстве стало одинаковым в будущем, то различными будут их аппетиты, вожделения и чувства-эмоции. А раз последние будут несходными, различными будут и их верования, в том числе и религиозные верования. Вот почему не приходится надеяться на исчезновение религиозного расслоения и в будущем, по крайней мере, в ближайшие столетия.

Более вероятно ослабление антагонизма, вызываемого различием верований. Но и оно может быть подвергнуто сомнению. Различие верований «коммуниста» и «монархиста» теперь, как в прошлом различие верований католика и еретика, вызывает самый острый антагонизм и заставляет разнoverующих без угрызений совести отправлять друг друга на тот свет *ad maiorem gloriam* коммунизма или монархизма. Формы верований изменились, суть их осталась той же. Вот почему даже надежды на ослабление антагонизмов, вызываемых различием верований, далеко не бесспорны. По крайней мере, наблюдаемые сейчас факты говорят о том, что вековая проповедь терпимости чужих мнений и уважения чужих верований не мешала и не мешает тому, чтобы противника от-

сравнению с ростом населения. «Число членов религиозных] групп возросло значительно сильнее, чем население». Последнее увеличилось на 34 %, число членов религиозн[ых] организаций на 60 % (*Coe. Op. cit.*, p. 806).

Вот и доказывай после этого рост «атеизма» и «разума». Добавлю еще, что мировоззрения большинства «атеистов», приверженцев «религии разума» etc., не причисляющих себя ни к какой религии, как и «религии разума» Робеспьера, в огромной части состоят не из знаний, а из верований, часто столь же нелепых, с точки зрения опыта и логики, как и верования наивного анимиста. О том же говорят и современные факты. Наши апостолы «религии разума» — коммунисты — экспериментально, путем вскрытия мощей etc., доказывают лживость православия. В качестве следствия получается распространение легенд о чертенке, родившемся от коммунистки, установление очередей (в Вологде) для его созерцания и т. п. неожиданные эффекты. См.: Щетроградская] Правда. 1920, 9 июля, ст[атья] о чертях.

¹⁸⁰ Такие положения, быть может, покажутся парадоксальными, но они едва ли ошибочны. Подробно об этом — в «Социальной] механике». См. указ. работы *Парето*, *Sumner'a*, *Guignebert'a*, *DupreeFn* (*Le rapport social*. 1912, гл. IV: *La critique sociologique et la logique sociale*), *Лебона* (Цит. соч.).

814

Система социологии. Том II

правлять на тот свет, если не под звон колоколов инквизиции, то под аккомпанемент ружейных залпов. Невеселые это *corsi* и *ricorsi*. Но неоспоримые¹⁸¹. Приходится их констатировать. Приходится считаться с ними при конструировании всяких приятных и окрыляющих «исторических тенденций». Тысячу раз они

превращались из «несомненных законов» в пустую иллюзию. Чтобы не впасть лишний раз в ошибку, приходится быть осторожным и воздерживаться от выдачи патентов за будущее¹⁸².

Партийные перегруппировки

Не требует доказательств существование партийных перегруппировок и в смысле циркуляции индивидов из партии в партию, и в смысле вариации объемов партийных групп, и в смысле уничтожения одних партий и появления новых.

Партии наиболее близки к группам открытым. Вход и выход из них нормально свободны. Немудрено, поэтому, что индивиды интенсивно циркулируют от партии к партии и довольно часто меняют свой партийный костюм. В отличие от многих из предыдущих группировок, напоминающих постоянные квартиры, поселившись в которых индивиды живут подолгу, пожизненно, иногда в течение ряда поколений, партийные группы напоминают гостиницы; двери их открыты для желающих; население сегодня вваливается в одну из них, побывши там год-два, оно переезжает в другую. Сегодня в фаворе гостиница либералов, завтра — консерваторов. Одни входят, другие выходят. Словом, нормальная межпартийная циркуляция индивидов (вплоть до самых основателей партии, пример — Чемберлен) совершается интенсивно. В некоторые же эпохи она принимает исключительно широкие размеры.

Неизбежным следствием такого явления служит резкое колебание объема — числа членов — партийных групп. Они в весьма короткий промежуток времени то разбухают, то худеют, лопаются. Избиратели и индивиды то валом валят в данную партию, то массами выходят из числа ее абонентов. Сегодня одна партия пожинает лавры, через год-два-

¹⁸¹ «Приемы социальных фанатиков совсем не новы, — правильно говорит Лебон. — Все апостолы гремели против нечестия своих противников и применяли к ним одинаковые средства. Магомет обращал неверных мечом, инквизиторы — огнем, конвент — гильотиной, анархисты — динамитом. Только способы истребления несколько изменились... Торквемада, Боссэют, Марат, Робеспьер — все они считали себя кроткими филантропами, мечтавшими лишь о счастье человечества. Филантропы религиозные, политические, социальные принадлежат к одному и тому же семейству. Они себя вполне искренно считают друзьями человечества, тогда как на самом деле они всегда оказывались самыми опасными его врагами. Слепой фанатизм правоверных делает их опаснее хищных зверей» (*Лебон Г.* Псих[ология] соц[иализм]ма, с. 128-130).

¹⁸² Подробно об этом в «Генет[ической] социологии».

Глава V. Социальные перегруппировки

815

пять она «проваливается»; «это качание», это «сегодня ты, а завтра я», в той или иной мере наблюдается во всех странах с развитой партийной жизнью. В Англии, напр[имер], с 1880 по 1885 г. торжествуют либералы и одерживают блестящую победу на выборах, в 1886 г. они терпят решительное поражение и разбухает партия консерваторов. В 1892 г. снова побеждают либералы, в 1895 г. — консерваторы, в 1906 г. опять торжествуют либералы. Такая же смена происходит и в С[еверо-]А[мерикан-ских] Соединенных Штатах между партиями республиканцев и демократов. Иногда в течение одного года происходит эта «чехарда» партий. Пример — Россия 1917 г., где в первые месяцы революции сначала торжествовали эсеры, через два, три месяца победителями оказались большевики. Отсюда видно, что колебание объема партийных групп совершается быстро и в широких размерах.

Иногда оно принимает столь широкие размеры, что ведет к полному исчезновению одной или ряда существующих партий и к появлению новых, до того не существовавших. Со времени 1905 г. в России исчезли: «партия мирного обновления», «демократических реформ», «торгово-промышленная» и др. С другой стороны, появились партии: «народных социалистов», «единства», «трудовиков» и т. д. Более крупным примером того же рода служит появление и быстрый рост Labour Party в Англии. Из сказанного следует, что линии партийного расслоения весьма подвижны, сеть их легко меняется, по крайней

мере в отношении некрупных партий. Всякое сколько-нибудь значительное социальное событие отражается на этой сети и вызывает в ней те или иные изменения.

Исчезнет ли и исчезает ли партийное расслоение? Пока мы этого не видим. Наблюдается обратный процесс: все большая и большая дифференциация партий. В классических странах двух основных партий, в Англии и Америке, за последние десятилетия наблюдается появление третьей крупной партии. Рядом с этим существующие партии распадаются (как у нас партии социал-демократов и эсеров) на различные ветви, вместе с этим растут всевозможные лиги, союзы и ассоциации, вызываемые к жизни задачами достижения отдельных целей. Намечается тенденция превращения партий с длиннейшими программами (*omnibus*), дающими решение всех вопросов, в временные ассоциации с одним, двумя конкретными пунктами и т. д. Словом, нет никаких признаков исчезновения партийного расслоения. Не может оно быть и потому, что мнения и политическая идеология людей не становятся более и более однородными, а скорей наоборот — более гетерогенными. Другой вопрос — ослабление «военного положения» партий и остроты междупартийных антагонизмов. Эти явления вероятны, но и они не бесспорны.

816

Система социологии. Том II

Остальные элементарные перегруппировки

Что касается остальных группировок идеологического, чувственно-эмоционального, волевого и смешанного характера (научных, наукообразных, художественных, моральных, филантропических и т. д.), то все три формы перегруппировок (циркуляция индивидов из ассоциации в ассоциацию, колебание их объемов, исчезновение одних и появление новых) имеют здесь место. Общая черта, свойственная большинству таких групп, та, что перегруппировки здесь совершаются сравнительно легко и быстро. Являясь в большинстве случаев группировками открытыми или близкими к открытым, они допускают интенсивную циркуляцию индивидов из группы в группу и в силу этого быстро варьируют в объеме; будучи ассоциациями немногочисленными, они подвержены быстрому исчезновению и обратно — способны легко рождаться. Карта расслоений такого рода постоянно меняется. Она находится в процессе непрерывной вариации и непрерывной дифференциации. С ходом истории число таких трещин растет, ибо увеличивается число подобных групп. Строение населения усложняется. Оно, подобно огромной ледяной глыбе во время ледохода, раскалывается на большее и большее число «обществ», «союзов», «ассоциаций», «компаний», «клубов», «товариществ» и т. д., быстро сменяющих друг друга, раздувающихся иногда с быстротой мыльного пузыря и с его же быстротой исчезающих; идеологические волны «позитивизма» сменяются волной «мистицизма», «футуризма» — «натуризмом», коллективизма — индивидуализмом, и т. д. Одна мода вытесняет другую, чтобы уступить место третьей. Одно увлечение — другим, одни ассоциации — иными.

Исключением отсюда являются чисто научные (а не наукоподобные) группировки. Они преемственны. Они не исчезают быстро, а, раз возникнув, существуют упорно, увеличивая свой багаж, продолжая работу предшественников над возведением великого храма знаний. Основное их содержание не подчинено моде. Оно «вечно». Только исключительно неблагоприятные условия, ведущие за собой физическое исчезновение членов таких групп, физическую невозможность собирания знаний и их передачи из поколения в поколение, вызывают уменьшение объема таких групп и их полное исчезновение. Но, исчезнув, они вновь возрождаются и, достигнув прежнего уровня, продолжают когда-то начатую работу. (Причина их живучести — невозможность существования группы без знаний, необходимых прежде всего для сохранения самой жизни и добывания средств существования.) Ограничимся этими общими штрихами в характеристике перегруппировок всех групп данного типа.

Глава V. Социальные перегруппировки

Циркуляция elites

817

Выше было определено понятие *elites*. Их число не одинаково в различных агрегатах населения. Неодинакова и интенсивность их циркуляции. Строение одних агрегатов может быть благоприятным для циркуляции *elites*: лица с исключительными способностями в таких обществах сравнительно легко могут достигать тех мест и функций, которые соответствуют их исключительным способностям. В других агрегатах дело обстоит иначе: здесь все строение столь заострено, так много барьеров между разными группами и столь они непроницаемы, что большая часть *elites* гибнет в борьбе с этими препятствиями и пропадает даром или же принуждена проявлять свои способности в изуродованных формах. Примером первого общества может служить население С[еверо-]А[мерикан-ских] Соединенных Штатов. Примером второго — кастовый режим или дореформенная Россия. В первом — барьеры немногочисленны и проницаемы. Значительная часть лиц с исключительными способностями здесь может развернуть свои силы и проявить свои способности. Непреодолимых барьеров нет. Весь уклад жизни таков, что побуждает индивида перепробовать себя на поприще разных форм деятельности, чтобы «познать самого себя», с одной стороны, с другой — раз определенные способности выявились, уклад не ставит непреодолимых препятствий для проявления своих талантов и достижения соответственных постов. Подтверждением сказанного служат факты частой перемены индивидами своих профессий; переход от профессии рабочего к профессии продавца газет, от последнего к писательству, к фермерству, к общественной деятельности и т. д.¹⁸³ О том же говорят имена Б. Франклина, Эдисона, Карнеджи и многих крупнейших государственных деятелей, ученых, изобретателей, миллиардеров, писателей, и т. д., из «низов» поднимавшихся на верхи и делавшихся «великими». Там их приходится считать сотнями и тысячами. В России же все строение населения было таково, что большинство *elites* гибло или тратило свои силы в изуродованных формах деятельности. Ломоносовы у нас насчитываются единицами. Чаадаевы, которые могли бы быть «в Риме Брутом, в Афинах — Периклесом, в России царской гибели офицерами гусарскими»¹², Шевченки погибали в крепостной неволе, бесспорные стратеги и воины делались «Ваньками-Каинами», несомненные правители государства гибли на каторге и в тюрьмах, либо вырождались в душной атмосфере эмиграции, бесспорные мыслители теряли свои силы в борьбе с нуждой и голодом и отцветали, не успев расцвести, либо разменивались на мелочи и ограбляли себя и т. д. Без преувеличения можно определить Россию, как страну бесплодной гибели *elites*. Слова Герцена о Бакуanine применимы к России вообще: «Поклонники целесообразности, милые фа-

¹⁸³ См. об этом: Мюнстерберг Г. Американцы, т. II, с. 205 и ел.

талисты рационализма, все еще дивятся премудрому а priori, с которым являются таланты и деятели, как только на них есть потребность, забывая, сколько зародышей мрет, гложет, не выдавши света, сколько способностей, готовностей вянут, потому что их не нужно»¹⁸⁴. Мы были страной отбора шиворот-навыворот, страной удушения *elites* и мобилизации посредственности почти во всех сферах деятельности¹⁸⁵.

Эти примеры говорят о том, что интенсивность циркуляции *elites*, зависящая от числа их и характера строения общества, колеблется от страны к стране и варьирует во времени. В одной и той же группе она колеблется от периода к периоду. Так, исследование Колабинской относительно Франции показывает, что в период с 1715 г. до 1789 г., циркуляция *elites* — государственных правителей — была менее интенсивной в силу искусственных препятствий, созданных в конце XVII в.¹⁸⁶

Легко понять социальное значение характера и интенсивности циркуляции *elites*. Агрегаты, строение которых не ставит непреодолимых препятствий для циркуляции *elites*, где большинство лиц с соответственными талантами могут попасть на надлежащие места, находятся в бесконечно лучшем положении по сравнению с агрегатами, обладающими тем же количеством *elites*, но богатыми барьерами и шлагбаумами, препятствующими

циркуляции. В первых elites не гибнут бесплодно. Попадая на надлежащие места, они развивают максимум творческой энергии в своей деятельности. Изобретения и усовершенствования, творчество и прогресс здесь будут идти семимильными шагами. Все общество от этого выигрывает. Равновесие его будет подвижно, эластично, но устойчиво. Оно похоже на хорошо налаженную машину, работающую без трения и перебоев. Во-вторых, весь темп жизни ненормален. Сталкиваясь с непреодолимыми барьерами, большинство elites гибнет в борьбе с ними. Гении и таланты пропадают даром. Как норма, здесь «пирожники тачают сапоги», и обратно. Воцаряется мертвечина, застой, формализм. Творчество останавливается. Лучший вид энергии бесплодно исчезает. Люди оказываются не на своих местах. Все общество в итоге проигрывает. Вместе с этим его равновесие, несмотря на застой, не будет устойчивым. Elites, не попадая на соответственные места, будут проявлять свои способности в изуродованных формах. «Прирожденные Наполеоны» станут отъявленными и гениальными преступниками, государственные гении — заговорщиками и подпольными деятелями, великие изобретатели — неудачными пьяницами, бездарности — дирижерами государства, промышленности, торговли, религии, науки, искусства и т. п. «Пар» недовольства и оппозиции будет копиться всюду. Неизбежным следстви-

¹⁸⁴ Герцен А.И. Сочинения, т. III, с. 489.

¹⁸⁵ См. механизм этого отбора в цит. работах Папужа и Аммона, причем, однако, пессимизм одного и апология другого требуют существенных поправок.

¹⁸⁶ Kolabinska M. Op. cit.

Глава V. Социальные перегруппировки

819

ем его будут периодические кровавые конвульсии и взрывы. Все общество будет похоже на скверную машину, где колеса и винты не подогнаны, трение — огромно, перебои — периодичны.

Когда-то Рузвельт сказал, что в идеальном обществе всем людям можно найти соответственное место; все способности, вплоть до кровожадных appetites преступника, можно утилизировать с пользой для общества, предоставив для их удовлетворения надлежащие общепользные функции. Такого общества мы еще не знаем. Но существующие общества находятся на весьма различном расстоянии от этого идеала: одни к нему ближе, другие — дальше.

Увеличивается ли с ходом истории интенсивность циркуляции elites, не будем решать здесь. Скажем кратко, что слабая тенденция такого увеличения есть, но опять-таки она проявляется не прямолинейно, а имеет извилистую форму с поворотами назад и с отклонениями в сторону. Одни барьеры падают, зато вырастают другие, иногда не менее непреодолимые. Напр[имер], у нас со времени революции ряд барьеров пал, зато вырос ряд новых. В данное время таким барьером служит партийность. Как в прошлом бедность, непринадлежность к благородному дворянству и «революционные убеждения» были препятствием для циркуляции elites из бедных и революционных индивидов к высшим государственным, экономическим, церковным, научным и другим «постам», так и теперь некоммунистический образ мыслей является таким же барьером, мешающим некоммунистам свободно циркулировать и исполнять функции, соответствующие их талантам. Как в прошлом это вело к насаждению ничтожных посредственностей всюду: в управлении, в науке, в искусстве, в экономической деятельности и т. д., так и теперь указанный барьер ведет к культивированию коммунистической бездарности во всех сферах жизни, начиная с функций управления и кончая... коммунистическими «поэтами и учеными», дипломатами и реформаторами экономической жизни. Весьма серьезное опасение внушает далее и попытка централизованного регулирования форм деятельности каждого индивида сверху. Я говорю не о трудовых повинностях, в массовом размере заставляющих «пирожников быть сапожниками», бессильных физически лиц выполнять функции битюга, а битюгов — функции Гая, Канта, Цицерона и Шиллера, а о т[ак] называемой «трудовой армии». Если каждый индивид далеко не всегда может «найти

себя самого» сразу, то тем паче никакие гении не могут целесообразно распределить миллионы людей сообразно их талантам. Такая система по существу представляет противоречие с принципом «каждому по его способностям» и может вести к массовому превращению сапожников в пирожников и обратно. Если бы государственная власть ограничилась только удалением барьеров, искусственно мешающих *élites* достигать те места, для которых они предназначены, — такая политика была бы превосходной. Но поскольку-

8 2 0

Система социологии. Том II

ку она пытается сама централизованно регулировать и определять деятельность всех индивидов, — дело меняется. Никакой правитель, даже самый гениальный, не может правильно определить для миллионов людей соответствующие их способностям функции. В силу одного этого обстоятельства (не говоря уже о массе других причин) такая система, согласно сказанному выше, может дать только минусы. Конечно, мото-вски расходуя человеческую жизнь, жертвуя тысячами и десятками тысяч людей, на костях их можно кое-что построить (строили же помещики великолепные дворцы и имения на костях крепостных, красуются же до сих пор великолепные здания Сената, Адмиралтейства и дворцов в Петрограде, вырос же он по мановению руки Петра), но стоимость таких построек будет в десятки раз дороже, чем при системе автономного самоопределения личностей и автономной их циркуляции, — с одной стороны; с другой — продуктивность такой системы будет в десятки раз меньше второй; с третьей — равновесие такого агрегата будет равновесием бомбы, способной взорваться от первого толчка.

Закключение

Таковы формы и виды перегруппировок в области элементарного расслоения населения. Сейчас я должен был бы перейти хотя бы к столь же краткому очерку перегруппировок в сфере кумулятивного расслоения. Но... принужден совершенно не затрагивать этого вопроса в силу простой, но весьма уважительной причины: нет бумаги и II том тогда был бы оборван на полуслове. Приходится ограничиться сказанным: я предпочитаю выпустить этот отдел, чем выпустить II том оборванным. В будущем издании, если ему суждено появиться, это и ряд других «зияний» будут заполнены. (Извиняюсь за эту необычную вставку.)

В общем и целом и в области кумулятивного расслоения мы нашли бы те же формы перегруппировок плюс: своеобразные формы их образования и расслоения. Эти последние особенно любопытны и важны. В них лежит центральный пункт кумулятивных перегруппировок. Но в двух словах характеристика их невозможна, поэтому оставляю эту проблему незатронутой совершенно. Сказанное приводит нас к следующим выводам: 1) Строение социального агрегата представляет равновесие не неподвижное и застывшее, а подвижное. 2) Эта подвижность проявляется: а) в циркуляции индивидов из одной группы в другую, б) в колебании объема гомогенных групп, с) в исчезновении (в ряде случаев) одних групп и в появлении на их месте других, гомогенных первым. 3) Во всех этих отношениях подвижность неодинакова в разных группировках одного и того же агрегата и варьирует во времени и пространстве. 4) Сообразно с этим эластичность и упругость различных социальных агрега-

Глава V. Социальные перегруппировки

8 2 1

тов неодинаковы: одни более эластичны, другие — менее. 5) В агрегатах более застывших задержанные токи циркуляции сильнее нарушают подвижное равновесие агрегата, поэтому процессы восстановления последнего (перегруппировки) здесь совершаются нерегулярно, конвульсивно, спазматически, кровавым путем; в агрегатах более эластичных эти процессы совершаются в менее острых формах. 6) Подвижное равновесие социального агрегата не означает коренное изменение его основного скелета. Беглый обзор данных показал, что основные линии элементарного расслоения не исчезают и не заменяются другими; варьирование происходит, так сказать, в пределах одного и того же расслоения между отдельными его группами, но не ведет к полному

исчезновению очерченных основных линий элементарного расслоения. Меняются, образно говоря, мускулы и костюм социального агрегата, но его скелет остается прежним. Перегруппировки исчерпываются перегруппировками первого и второго типа, мало затрагивая перегруппировки третьего типа. Колебание амплитуды последних ограничено. 7) Вот почему все социальные реформы и революции изменяли не столько скелет социального тела, сколько его «одежды», мускулы и состав индивидов-клеток, заполняющих тот или иной «этаж» социального агрегата. Выведенный из равновесия последний или погибает, или, совершив перегруппировки первого и второго рода, стремится снова вернуться к бывшему состоянию.

Это означает, что ни о каком подлинном равенстве индивидов в бывших и существующих агрегатах пока не может быть и речи. Таких агрегатов — сколько-нибудь обширных — мы не знаем. Равенство остается мифом, пока что неосуществленным в истории. Обратные утверждения правительственных публицистов всех мастей, подчас весьма рьяно доказывающих осуществление равенства их правительствами, представляют сознательное, а чаще всего бессознательное оправдание их собственного привилегированного положения и только. Для того чтобы подлинное равенство было возможно, нужно уничтожение всех очерченных линий элементарного и кумулятивного расслоения, т. е. исчезновение полиморфизма индивидов. Вне этого — всякое декларируемое равенство будет пустословием, сознательной или бессознательной ложью, простым «втиранием очков» со стороны привилегированных обделенным или оправданием домогательств на привилегии. 8) Совершается ли в истории указываемое исчезновение трещин социального расслоения — не будем здесь касаться. Констатируем просто, что мы пока очень далеки от такого состояния.

В «Социальной механике» и «Социальной генетике» я подробно остановлюсь на затронутых в этой главе вопросах и дам их решение по существу.

Глава шестая

ПОЛОЖЕНИЕ ЛИЧНОСТИ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНЫХ КООРДИНАТ

Развитая теория группировок дает возможность понять «душу» и поведение индивида. После пройденного пути нетрудно теперь определить индивидуальные «я» в терминах групповых и убедиться в правильности тех положений, которые кратко были затронуты выше, в параграфах о системе социальных координат и об антагонистических и солидарных кумулятивных группах.

§ 1. Множественность «душ» индивида

Старые анимистические представления ряда народов признавали существование нескольких «душ» или нескольких «я» в одном и том же индивиде. По верованиям зырян, напр[имер], у каждого человека имеется две «души»: «лов» и «орт»¹. Современная психология порвала с такими верованиями. Она признает в каждом из нас одно «я». Патологические случаи «раздвоения личности» ею рассматриваются как нечто исключительное. И каждый из нас думает, что наше «я» едино и единственно. Между тем дело обстоит не так. Старые представления в своем существе были ближе к истине. Сейчас мы замечаем поворот в сторону множественности «душ». Примером может служить статья Дюркгейма «Le dualisme de la nature humaine et les conditions sociales»² и его же солидный труд «Les formes elementaires de la vie religieuse (Paris, 1912)». В этих работах Дюркгейм категорически настаивает на двойственности нашего «я» или на наличности в каждом индивиде двух «я» — биологического «я» и «я» социального. «Не без оснований человек чувствует себя двой-

¹ См. факты у *Тейлора* в «Первобытной культуре», т. II.

² *Scientia*, vol. XV, № XXXIV-2, p. 206-221.

Глава VI. Положение личности в системе социальных координат 823

ственным: он в действительности дуалистичен. В нем реально существуют две группы состояний сознания, противоположные друг другу по своему происхождению, по

природе и по целям, к которым они стремятся. Одни из них выражают только наш биологический организм и предметы, с которыми он непосредственно связан. Узко и строго индивидуальные они привязывают нас к нам самим, и мы не можем освободиться от них, ибо не можем отрешить себя от нашего тела. Другие, напротив, приходят к нам от общества; они переводят его в нас (служат проявлением общества в индивидуе) и привязывают нас к явлениям, выходящим за наши пределы/Будучи коллективными, они безличны; они обращают нас к целям, общим с целями других людей. Благодаря им и только им, мы можем общаться с другими индивидами. Мы образованы из двух частей, как бы из двух существ, которые, будучи постоянно ассоциированными, состоят из совершенно разных элементов и ориентируют нас в противоположном направлении». Этот дуализм в моральной области проявляется в противоположности эгоистических и альтруистических вожделений, в интеллектуальной области — в различии ощущений и восприятий, всегда строго индивидуальных и не передаваемых от одного «я» к другому «я», и понятий (concepts) безличных и анонимных, всегда общих множеству лиц. «Старая формула *Homo duplex*^{1*}, таким образом, вполне подтверждается фактами»³. Такова суть взглядов Дюркгейма и Де-Роберти, высказавшего те же положения в такой же постановке раньше первого. Такая теория представляет шаг вперед по сравнению с теорией единого и целостного «я». Но это только первый шаг. Необходимо пойти по этому пути дальше. Дюркгейм и Де-Роберти считают наше социальное «я», отличное от «я» биологической особи, чем-то единым. Между тем и оно распадается на ряд «я», совершенно несходных и часто противоположных друг другу. Иными словами, я утверждаю, что наше «я» — мозаично и плюралистично. Оно похоже на фасеточный глаз, составленный из множества различных «я», объединенных в пределах одного организма как физического носителя этих «я». С первого взгляда такое утверждение кажется парадоксальным; но парадоксальность не мешает ему быть истинным... В самом деле, пусть каждый из нас приглядится к своим состояниям сознания, к своему собственному поведению и к поведению других людей. Разве мы постоянно не «перевоплощаемся»? Разве сплошь и рядом мы сами не меняемся и в наших собственных глазах и в глазах других людей? Разве и другие люди не меняются и не превоплощаются? Перед вами Робеспьер в своей

³ *Durkheim E. Le dualisme de la nature humaine*, p. 219, 208-209 и *passim*. Те же положения были развиты раньше Е.В. Де-Роберти в его работах, в частности, в «Новой постановке основных вопросов социологии» и в «*Sociologie de Taction*» (Paris, 1908). Они составляют сущность его биосоциальной гипотезы, являющейся центральным пунктом его теории.

скромной квартире, плачущий над сентиментальными романами Бер-н[ардена де] Сен-Пьера, чувствительный, сердобольный, мягкий и простой. Перед вами Робеспьер в Конвенте или в «Комитете общественного спасения», безжалостно требующий головы жирондистов, Дантона, Эбе-ра и Демулена. Что общего между тем и другим? — Ничего, кроме телесной оболочки. Поведение того и другого Робеспьера абсолютно противоположно, идеи и чувства, воления и стремления совершенно несходны. Перед нами два различных человека, коренным образом несходные друг с другом. Перед нами два различных «я», заключенных в один организм. Приглядитесь к поведению ряда ваших знакомых и друзей. Вот перед вами Иван Иванович в домашней обстановке. Сердечный человек, прекрасный семьянин, благодушный и добрый, либеральничавший и вольнодумствующий. И он же перед вами при исполнении своих обязанностей (в качестве губернатора, прокурора, комиссара, архиерея или министра). Картина сплошь и рядом получается иная. Тон, жесты, движения, мимика, слова — все иное. Иван Иванович исчез. Перед вами безжалостный прокурор, требующий кары за то, что «в минуту откровенности», «в интимной беседе» он сам признавал справедливым. Доброта исчезла, благодушия как не бывало. Перед вами совершенно новый человек, который похож на Ивана Ивановича только внешним обликом. Возьмите ряд ораторов — политических,

религиозных, парламентских и партийных. В частной жизни многие из них совершенно не похожи на самих себя, когда они выступают в качестве общественных деятелей. Таких фактов сколько угодно. Пойдем дальше.

А каждый из нас в течение 24 часов разве не испытывает ряд перевоплощений, где одно «я» сменяется другим, непохожим на первое? Утром индивид просыпается в лоне семьи. В этот момент он представляет собой члена семьи: сына или отца, мать или дочь, брата или сестру. Мир идей, чувств, волений, забот, стремлений, образующих в этот момент наше «я», относится обычно к семье и к семейным делам. Перед нами «я» индивида как члена семьи. Индивид едет на службу. Первое «я» исчезает и появляется «я» второе, профессиональное, далекое и непохожее на первое. Нет больше ни «отца, ни матери, ни сына или брата», а есть новое «я» — «комиссар», «губернатор», «директор фабрики», «король», «профессор», «доктор», «священник», «аптекарь», «извозчик» и т. д. Мир идей, мыслей, чувств, действий и все поведение этого «я», подобно граммофонной пластинке, вынута из телесной оболочки и заменено другой пластинкой, другой «душой», поющей совершенно новую песню. «Семейная пластинка» заменена «профессиональной». «Поле сознания» занято теперь не заботой о близких, не семейными темами, а «входящими и исходящими», «декретами», начальством и подчиненными, пациентом и рабочими, указами и рецептами, т. е. профессионально-служебными темами, не имеющими никакого отношения к первым. Столь же

Глава VI. Положение личности в системе социальных координат

8 2 5

различны и действия. Индивид не ласкает сына или дочь, не помогает «папе или маме» и т. п., а выполняет ряд профессиональных актов: пишет указы, читает лекцию, служит обедню, составляет лекарство, делает распоряжения по фабрике или ведомству, и т. д. Словом, перед нами новое «я», сходное с первым только по телесной оболочке да по костюму; впрочем и костюм часто меняется, домашняя куртка заменяется мундиром или профессиональной одеждой. Представим далее, что индивид идет в церковь. Перед нами третье «я». Семейная и профессиональная душа исчезает и заменяется новой душой — душой верующего, подобно новой пластинке поющей совершенно новую песню. «Поле сознания» теперь заполняется новым комплексом идей, чувств, верований и т. д., совершенно непохожим на предыдущие «я». Перед нами теперь «православный или католик, магометанин или буддист», и нет ни «сына, ни отца», ни «доктора, ни комиссара», короче «я», как члены семьи или профессиональной группы, исчезли, и появилось новое «я». Действия последнего (молитва, коленопреклонение, поклоны, совершение обрядов и т. д.) ничего общего не имеют с действиями предыдущих «я». Когда индивид выступает как подданный государства (идет вносить налог на мобилизацию, etc.) или член партии, перед нами опять новые перевоплощения, опять новые «души»: «свидетеля или мобилизуемого», «коммуниста или монархиста» и т. д.

Из сказанного видно, что мы испытываем ряд перевоплощений в течение каждого дня. В нас, как в граммофоне, постоянно меняются «души» — пластинки, совершенно отличные друг от друга и часто борющиеся (как сейчас увидим) одни с другими. Постоянным остается только наш организм как телесный носитель различных «душ». То, что мы считаем нашим единым «я», при ближайшем анализе оказывается «мозаичным я», составленным из ряда различных кусочков, ряда различных «я», сменяющих друг друга и часто антагонизирующих между собой. Если бы было одно «я», то такие перевоплощения были бы непонятны и невозможны. Тем более невозможны были бы: ни борьба этого единого «я» с самим собой, ни «столкновения обязанностей или конфликт долженствований» в одном индивиде, ни патологические случаи «раздвоения личности», ни даже «лицемерное» поведение одного и того же индивида, служащего «и нашим и вашим», и ряд других случаев.

Ограничимся сказанным, ибо в дальнейшем придется привести немало фактов, подтверждающих гипотезу «множественности душ» и «мо-заичности» нашего «я», и перейдем к вопросу: как возможна и чем вызывается эта «мозаичность» и

множественность «я» индивида? Ответ на этот вопрос приводит нас к теории строения населения; связь явления множественности душ с теорией социальной группировки и заставила меня коснуться этого вопроса в данном томе.

8 2 6

Система социологии. Том II

§ 2. Множественность «душ» индивида как отражение и результат характера социальной группировки. Поведение индивида как равнодействующая давления социальных групп, абонентом коих он состоял и состоит

Очерченная множественность «я» одного и того же индивида или мозаичность его сознания обязаны своим бытием тому, что современный человек является абонентом не одного общества, а многих групп, друг с другом не совпадающих и друг друга не покрывающих. Они — неизбежный результат этого последнего условия. Почему? — легко понять. Выше мы видели, что принадлежность к любой элементарной или кумулятивной группе — факт небезразличный для поведения и переживаний абонента. Каждая группа дает императивы поведения своим членам. Каждая из них сознательно или бессознательно определенным образом деформирует психику индивида, видоизменяет его интересы, желания, стремления, убеждения, верования и чувства. И профессия, и имущественная группировка, и государственная, и партийная, и другие группы, как мы видели, давят на поведение индивида, видоизменяют его по своему образу и подобию, деформируют его физическую и особенно психическую сторону. Избавиться от этого влияния и деформации абонент не может. Оно фатально и неизбежно в той или иной степени. В этом мы убедились выше. Раз так, то легко понять, что как только человек «соединяется» с той или иной группой, как только он выступает в роли абонента одной из них, он подпадает под влияние давления этой группы и принужден быть тем, чем она повелевает ему быть. Если бы каждый из нас принадлежал только к одной группе, напр [имер], к профессиональной или к государственной, то наше «я» могло бы быть целостным и единым. Оно было бы таким, каким заставляет его быть эта группа. Интересы, стремления, оценки, симпатии и антипатии, обязанности и права, верования и убеждения индивида в этом случае были бы соответствующими требованиям данного коллектива. Все его поведение находилось бы под давлением одной группы и направлялось бы исключительно ею. Индивид похож был бы на шар, толкаемый одной силой в определенном направлении. Но такой картины нет. Мы видели, что существует ряд различных группировок, друг от друга отличных. Мы видели, что каждая из них дает императивы поведения, несходные между собою и часто противоположные. Мы видели также, что индивид является абонентом не одной, а ряда разнородных элементарных и кумулятивных групп. Раз так, то неизбежным результатом такого положения индивида является множественность его «душ». *В одном и том же индивиде будет столько различных, «я», сколько имеется гетерогенных элементарных и кумулятивных групп-, членом которых он состоял и состо-*

Глава VI. Положение личности в системе социальных координат

8 2 7

ит. Иными словами, «душа» каждого индивида — маленький микрокосм, точно воспроизводящий тот социальный макрокосм — социальную группировку, — среди которой он жил и живет и с отдельными группами которой он связан. «Мозаичная душа» каждого человека — это маленькое зеркало, отражающее картину социального расслоения, среди которой он жил и живет. Он оказывается похожим на абонента, от которого и к которому идет ряд проводов от многих разнородных обществ. Каждое из них давит на него, каждое подчиняет своей дисциплине, навязывает свои интересы, внушает свои убеждения и верования, накладывает свои права и обязанности, словом, захватывает в индивиде, в его психике свою «сферу влияния», свою территорию, свое «я». К каждой из этих групп приложимы слова Острогорского, характеризующие влияние группы «джентльменов» в старой Англии. «Невидимое и всюду присутствующее в жизни понятие джентльмена... подчиняет неумолимой дисциплине каждого члена общества, не оставляя места его личным склонностям, начиная с религиозных убеждений и кончая прической»⁴.

Так как таких групп много, так как их физиономия и интересы различны, то индивид оказывается неизбежно «многодушным» и «мозаичным», а не единокдушным и целостным. Поставленный среди ряда таких групп, принужденный постоянно циркулировать от одной к другой, он неизбежно обречен на вышеочерченное «перевоплощение», на постоянную смену своих «я».

Поведение его, исключая те стимулы, которые даны в нем как в организме, подобно его «мозаичной душе», представляет равнодействующую влияния и давления тех групп, с которыми он связан. Каждый из нас ведет себя так, как требуют влияющие на нас группы.

Почти вся наша жизнь представляет выполнение тех функций, к которым толкают нас связанные с нами группы.

Множество актов, совершаемых нами ежедневно, представляет выполнение функций, требуемых от нас нашей семьей (добывание средств существования для нее, семейные заботы, ласки, воспитание детей, устройство домашнего уюта и т. п.), нашим государством (явка на учет, выполнение трудовой повинности, дежурство у ворот по приказу гос. власти, фигурирование в роли истца, ответчика, свидетеля и т. д.), нашей профессией (акты лечения и соблюдение врачебной этики для доктора, работа на фабрике для пролетария, чтение лекций и подготовка к ним для профессора, etc.), нашей партией (посещение партийных собраний и др.), нашей церковью (акты посещения церкви, молитвы, etc.) и т. д. Мы почти ежедневно переходим от одной группы к другой. На время соединяемся с одной из них, и на сцену выступает соответственное «я»; затем разъединяемся с ней на время и соединяемся с новой; соответственно меняется и наше «я», и наше поведение. И так кружим мы

⁴ Ostrogorski M. La democratie, p. 6.

82 8

Система социологии. Том II

всю жизнь от группы к группе. Вместе с этими включениями и выключениями меняются и наши «я». Вместе с последним — и все поведение. Связанные с рядом групп мы непрерывно испытываем на себе их давление; каждая из них, пуская из своего центра ток, дергает нас и заставляет так или иначе реагировать: то нас дернет семья, и мы часы и дни тратим на устройство семейных дел; то дернет государство — и мы исполняем обязанности подданного; дергает профессиональная группа — и мы чуть не каждый день тратим ряд часов на исполнение профессиональных обязанностей; дернет партия — и мы бежим на заседание, на выборы, на митинг; дернет соответственное научное общество — и мы летим на его заседание и т. д. Мы похожи на шар, который с разных сторон непрерывно толкают разные силы. Шар крутится. Его движение будет равнодействующей этих сил. *Поведение индивида — равнодействующая давления тех групп, вольным или невольным абонентом коих он состоит и состоит.*

«Души» и поведение каждого из нас таковы, каковы те группы, с которыми мы связаны.

В данном отношении применимы вполне принципы физической механики. Проиллюстрируем основные случаи в упрощенном виде. *Случай сложения сил (давлений), исходящих от двух (для простоты беру две группы) групп, абонентом которых индивид является.*

Предположим, что индивид является членом двух групп, дающих согласные между собой императивы поведения (напр [имер], государства и церкви, единоклужно призывающих его к войне). Допустим, что давление первой из них равняется 2 единицам, давление второй — 3 единицам и нет противоположного давления. Поведение индивида в этом случае примет характер движения шара, толкаемого двумя силами в одну сторону, с интенсивностью 5 единиц. Он совершит ряд поступков, направленных на защиту родины, требуемых церковью и государством. С субъективной стороны его психика будет целостной, последовательной, решительной. Все поведение — лишенным противоречий. Борьба мотивов и конфликт обязанностей ему будут неведомы. Обе души его, душа

церкви и душа государства, действуя согласованно, сольются в одно целое. Так же будет обстоять дело во всех случаях солидарной кумуляции двух или большего числа элементарных группировок. Разделения личности не будет. Та же картина получится во всех подобных случаях.

Случай вычитания сил (давлений), исходящих от двух групп. Предположим теперь, что индивид — член двух различных групп — получает от них императивы поведения, противоположные друг другу (напр[имер], государство требует от него явки на фронт, семья — уклонения от опасности, могущей лишить ее кормильца и поильца). Допустим, что давление государства равно 10 единицам силы, давление семьи — 5 единицам. Перед нами типичный случай вычитания сил. В конце концов ин-

Глава VI. Положение личности в системе социальных координат 8 2 9

дивид пойдет на фронт, но сила давления государственной группы будет равна не 10, а 5 единицам ($10 - 5 = 5$). Субъективное отражение этого объективного процесса борьбы двух противоположных групп выразится на полотне психики индивида в «борьбе мотивов», в столкновении разных обязанностей, в борьбе «двух душ», двух «я», отрицающих друг друга, в пассивном повиновении приказу, в ленивом и вялом исполнении своих обязанностей солдата, в постоянном сожалении о покинутой семье, в желании к ней вернуться и т. д. В подобных именно случаях с яркостью вскрывается многодушие индивида, наличность в нем разных «я» и зависимость его поведения от давления групп, с которыми он связан. Если бы не было «многодушия», то совершенно непонятным был бы факт борьбы мотивов, борьбы разных долженствований, борьбы разных душ в одном и том же человеке. Как может одно «я» бороться с самим собой? Откуда этот конфликт? Откуда эти угрызения совести? Они были бы совершенно непонятны. С очерчиваемой точки зрения дело просто: «борьба разных душ, мотивов, долженствований и т. д. в одном индивиде — это субъективно-психическое отражение объективного процесса борьбы разных групп, членом которых он состоит. Индивид — это полотно, на территории которого сталкиваются силы, исходящие из борющихся групп.

Еще ярче эти факты проявляются тогда, когда давление борющихся групп совершенно одинаково. Тогда эти процессы выступают в обнаженной форме и легко могут наблюдаться каждым вдумчивым человеком. Раз давление обеих групп одинаково, индивид превращается в шар, толкаемый равными силами в противоположные стороны. Шар остается на месте, так как обе силы уничтожают друг друга. Индивид буквально на месте не останется, но его поведение примет характер полной нерешительности или полного противоречия. Он неизбежно будет раздираться на части. Его две души будут бороться друг с другом. Одно «должен» будет отрицать другое «должен». Одно «я» — второе. Поведение всех лиц, сидящих между двумя стульями, число которых особенно велико в наши дни (среди них некоторые крупные имена особенно резко своими действиями иллюстрируют сказанное), будет неизбежно таким противоречивым или нерешительным. Нерешительность, гамлетовщина и абсолютное самопротиворечие поступков — таковы черты поведения индивида, оказавшегося местом битвы двух равносильных давлений. Не ждите от него решительности и последовательности. Подобно Гамлету он дни и часы будет решать «быть или не быть»; или его правая рука будет делать то, что разрушает левая. Сейчас, под давлением одной силы, он совершит один поступок, завтра — под давлением противоположной группы — другой, отрицающий первый. Сейчас, на одном собрании (напр[имер] Петрогр[адского] Совета) он будет говорить одно, завтра, на другом собрании (напр[имер] литераторов или рабочих) он

8 3 0

Система социологии. Том II

будет доказывать обратное. Вся его психика будет пронизана сплошным противоречием. Мир его идей и верований будет несогласован и противоречив. Моральные оценки — также. Волнения его будут вечно в конфликте. Раздвоение личности дано в самых четких формах^{2*}. Почти все случаи непоследовательности поведения людей и непоследовательности их взглядов, идей, убеждений, стремлений представляют частные

случаи этого явления. Они снова говорят нам о «многодушии» индивида и его причинах. Без этого многодушия они необъяснимы. А последнее необъяснимо без сложности социальной группировки. Таким образом, снова и снова мы находим подтверждение тезису многодушия индивида и тезису, рассматривающему поведение и переживания индивида как отражение и функцию социального расслоения, среди которого он жил и живет.

Не следует думать, что такое состояние противоречия, нерешительности и нелогичности — редкое явление. Увы, оно дано на каждом шагу. Такие поступки составляют едва ли не большую часть актов каждого человека. Заслугой Парето является доказательство положения, что человек был и остается нелогическим существом по преимуществу. Логика человеческого поведения решительно расходится с логикой разума. В последней противоречие недопустимо, в первой оно норма. В логике разума царит принцип тождества. В логике действий он постоянно нарушается. Трудно найти трактат по социальным и правовым наукам, где авторы их не противоречили бы себе. На примере Канта и Конта, Спенсера и Бентама и ряда других мыслителей Парето блестяще показал изобилие противоречий и непоследовательность мыслителей⁵.

Все юридические трактаты полны нелогичности. Когда государство-вед блестяще приписывает государству всемогущество и суверенитет, а вслед за тем столь же блестяще доказывает существование «неотъемлемых» прав гражданина, он противоречит себе. Такое поведение означает, что первые тезисы он доказывал под давлением государства, вторые — под давлением другой группировки, вмешавшейся и толкнувшей его в противоположную сторону. Когда собственник доказывает священность собственности, а пролетарий доказывает тезис: «собственность — кража», каждый из них является только трубой, передающей голос соответственной группы. Словом, противоречий и нелогичностей, гамлетовщины и хромания на оба колена сколько угодно в поведении всех людей⁶. ■

Все такие противоречия идей и чувств, волений и поступков — результат очерченного положения индивида в системе социальных групп, борющихся друг с другом. Он только точка приложения их сил. Он простая проекция строения социального агрегата. Отсюда его многодушие,

⁵ См.: *Pareto V. Trattato*, vol. I, гл. о нелогических актах, vol. II, гл. IX и X.

⁶ Доказательство см. у Pareto. См. также: *Сорокин П.* Общедоступный учебник социологии. Подробно об этом — в «Социальной механике».

Глава VI. Положение личности в системе социальных координат 8 3 1

отсюда борьба разных душ в нем, отсюда — его нелогичность. Так будет обстоять дело всегда, когда индивид будет абонентом антагонистической кумулятивной группы.

Случай параллелограмма сил (давлений), исходящих из разных групп, к которым индивид причастен. Так как число группировок, на которые расслаивается современное население, как мы видели, больше двух, то конкретно любой индивид оказывается точкой приложения сил не двух, а большого числа групп. Эти последние толкают его в разные стороны. В силу этого в индивиде сосуществуют не две, а большее число душ. В силу этого же он в каждый данный момент находится под воздействием ряда сил, направленных в разные стороны, идущих от групп (семейных, расовых, государственных, профессиональных, имущественных и т. д.), к которым он причастен. Равнодействующая линия, по которой пойдет его поведение, будет дана в виде равнодействующей всех этих сил. Последняя получается, как известно, путем сложного параллелограмма сил. Принужденный реагировать на «дергание» всех этих групп, индивид в общем и целом во всем своем поведении даст эту равнодействующую. Субъективно это выразится в постоянной циркуляции индивида из одной группы в другую, в постоянном его перевоплощении, в постоянном изменении аккордов, даваемых его «я», т. е. в смене этих «я». Он будет «кружить» от группы к группе, соединяться и выключаться, отдавать свои силы и время то одной, то другой, то третьей в разных пропорциях. Если императивы этих

групп — в случае антагонистической их кумуляции — будут конфликтны, антагонизировать будут и соответственные души в индивиде. Если они (как в солидарной кумулятивной группе) будут солидарны, — гармоничны и солидарны будут и души индивида: его совесть — безмятежной и спокойной, его воля — последовательной, его поведение — выдержанным.

Таковы основные случаи положения социальной точки — индивида — в социальном пространстве, в системе социальных координат, характеризующих строение населения. Из сказанного выясняется «мозаичность» нашего «я», с одной стороны, с другой — причины этой мозаичности. Сказанное же объясняет, почему поведение любого индивида представляет равнодействующую давлений тех групп, к которым он причастен. Из этого правила нет исключений ни для малых, ни для великих людей, ни для лидера революционной партии, ни для абсолютного деспота. Каждый из них является шаром, движения которого определяются не их личным капризом или произволом, а давлением тех групп, фокусом пересечения сил которых они служат. Их сила и власть — не их собственное достояние, а достояние тех групп, простым органом которых они являются. «Можем ли мы сказать, что деспот имеет абсолютную власть? — спрашивает Bentley и отвечает: — конечно, нет. Властвует не деспот как личность, но деспот армии, или деспот землевладельческой группы, или дес-

832

Система социологии. Том II

пот другого класса; то, что называется властью деспота, представляет просто власть той группы, лидером которой он является... Поэтому ничем не обоснована та фундаментальная противоположность, которая обычно устанавливается между деспотизмом в виде монархии и остальными правительствами. Процесс представительства так же неизбежен в деспотизме, как и в демократиях»⁷. Людовик XVI или Николай Романов такие же представители ряда групп, какими являются Ленин, Кромвель и Робеспьер. Только группы эти различны. Их интересы противоположны; несходной поэтому является и политика первых и вторых представителей, а равно и их души. Наполеон и Бисмарк, Спартак и Петр Великий, Перикл и Иван Грозный, Азеф и Каляев и все другие «деспоты» и «вожаки» были такими, какими мы их знаем, потому, что такова была система социальных координат, в центре которой они стояли. Если бы было место, можно было бы детально распластать их души, пункт за пунктом объяснить их поведение и политику, как равнодействующую давления тех групп, которые даны были в это время и боролись друг с другом. (Особенно интересны в этом отношении такие «хамелеоны», как Азеф или Гапон и др.)

Если верны предыдущие положения, то из них следует, что *как только меняется место индивида в системе социальных координат, неизбежно должны меняться и его души, неизбежно изменится и его поведение*. Человек, бывший в группе бедняков и обделенных, занимавшийся, например], функциями фабричного рабочего, этот человек, перешедший в группу богатых и властвующих, переменявший профессию рабочего на профессию правителя, неизбежно, фатально будет иным человеком. Если раньше он имел интересы, психику, поведение пролетария, теперь он будет иметь интересы, психику и поведение господина. Если раньше он был точкой пересечения сил, идущих от группировок: бедной, обделенной и фабрично-рабочей по профессии, то теперь он становится полем действия давлений, идущих от группировок: богатой, привилегированной и властвующей по профессии. Из его тела при таком переходе помимо его воли вынимаются «души» бедняка, обделенного и фабричного рабочего и вкладываются на их место «души» богача, привилегированного и правителя (губернатора, комиссара, etc.). Перемена положения индивида в системе социальных координат делает его новым человеком: со старым он схож только по своему организму. Теперь вполне понятно, почему всякое правительство, из какой бы среды, вплоть до архипролетарской, ни вышли его представители, неизбежно будет иметь интересы свои, отличные от интересов

управляемых, почему всякий делегат и уполномоченный, раз он долго остается в последних ролях, неизбежно трансформируется в олигарха и властителя *sua sponte*, почему его «души» меняются, почему его поведение становится иным, почему архипролета-

⁷ Bentley A. Op. cit, p. 314-315.

Глава VI. Положение личности в системе социальных координат 833

рий, попав в правители, фатально становится изменником пролетарского дела, отрезанным ломтем от пролетариата⁸. И обратно, если кто-нибудь из верхних слоев съезжает в нижние, напр[имер], капиталист становится пролетарием, властитель — подвластным, то неизбежно меняются их психика, их души, интересы и поведение. Побыв некоторое время в новой роли, они становятся подлинными пролетариями по содержанию их «я», по интересам и поведению. Наше время дает благодарный материал для таких выводов.

Благодаря революции масса бывших богачей и властителей оказались выбитыми из своих позиций и стали бедными и обделенными. Встретить их легко. Понаблюдайте за ними, поговорите с ними, и вы увидите, что старые «души» вынуты из них и заменены «новыми».

Таковыми же фактами полна история. Сколько лиц, перекочевав из одного имущественного слоя в другой, меняли свои души. Какой-нибудь бедняк, яростно бичующий и ненавидящий богачей-«грабителей», провозглашающий собственность кражей, попав в богачи, быстро трансформируется и очень скоро с пеной у рта начинает защищать «священные права собственности», возмущаться забастовками и волнениями, короче, меняет свою душу. Сколько лиц, попав из управляемых в властители, или обратно, коренным образом менялись. Сколько лиц, меняя свою профессию или партию, менялись и сами. Такие «мутации» индивидов

⁸ Фактов, подтверждающих сказанное, в наше время сколько угодно. Многие пролетарии, переменяв при революции место в системе социальных координат, став властным комиссаром, обращаются с настоящими пролетариями так же, как обращались с ними старые квартальные, если не хуже. Забастовки пролетариев ими квалифицируются как нечто возмутительное, недопустимое, требующее беспощадного подавления и наказания. Как раньше начальство квалифицировало их «изменой» перед родиной и царем, как оно объясняло их злокозненной агитацией, так и теперь они квалифицируются как удар в спину революции, как результат агитации белогвардейцев, эсдеков, эсеров, как измена своему долгу и шкурничество. Фразеология иная, суть — старая, методы воздействия прежние; пропасть между начальством и управляемыми — та же. Для иллюстрации я мог бы привести ряд прокламаций пролетарской власти бастующим рабочим (напр[имер], Трубочного завода и др.), где, переменяв два-три слова, мы получаем типичное воззвание градоначальника, только более энергичное и беспощадное. Но цитирование их излишне, ибо все их читали на стенах и заборах, где они были вывешены для назидания и сведения. Причем, субъективно такие лица, переменявшие место в системе социальных координат, могут искренне считать себя прежними пролетариями, ибо «такова иллюзия страстей и appetitов, что, занимаясь и преследуя свои личные интересы, они воображают часто, что работают только для общего блага»! (*Barms P. Memoires, vol. II, p. 446*). Эта субъективная иллюзия нисколько не мешает им быть объективно «бывшими пролетариями», в настоящем, по своим действиям и интересам, подлинными антагонистами существующих пролетариев. Пишу это не для порицания кого-либо, а просто указываю факты, могущие быть проверенными каждым. Парето, исходя из иных посылок, приходит к тому же выводу. См.: *Pareto V. Trattato, vol. II, p. 541* и ел.

27 Система социологии

834

Система социологии. Том II

имели место всегда. Они не говорят ни о «подлости», ни о «благородстве»

человека, а являются неизбежным результатом перемены места индивида в системе социальных координат. Они фатальны. Единственное противоядие против них — это частая перемена позиции индивида в системе социальных координат, частое превращение богача в бедняка и обратно, правителя в управляемого и обратно и т. д. Не оставляя долго индивида в его роли, меняя систематически его положение в социальном пространстве, можно помешать «кристаллизации» и «оседанию» в нем определенных «душ». Едва они начнут формироваться, как перемена позиции индивида прерывает это формирование, появляется муть перемены, вместо прежних «душ» на новом месте начнут оседать новые; передвинув индивида снова, мы помешаем этой последней кристаллизации и т. д. В таких условиях в индивиде не смогут застыть и закоренеть определенные «души», его состояния сознания неизбежно будут разносторонними, корпоративный дух, если он и был в нем, будет выветриваться, групповая узость и моноидеизм в нем исчезнут и т. д. Человек в таком случае не будет покрываться тем или иным «ярлыком». Пройдя чрез ряд позиций в системе координат, он познакомится с психикой всякой группы, будет понимать язык и вожеления разных слоев, будет причастен к многим из них и в то же время не будет прикрепленным навеки ни к одной из них. От этого уменьшится взаимная нетерпимость и привычка отождествлять человека с тем или иным «ярлыком» («буржуй», «пролетарий», «дворянин», «монархист», «православный», «атеист», «русский», «немец» и т. д.), часто заставляющая из-за ярлыка забывать о человеке. Подтверждение сказанному мы видели выше, в параграфе о профессиональных перегруппировках; в С[еверо]-А[мерикан-ских] Соединенных Штатах, где эта перемена позиций индивида в социальном пространстве имеет более интенсивный характер, люди более разносторонни, корпоративная психика менее развита, взаимной терпимости и понимания больше⁹.

⁹ Тот же факт констатирует и М.Я. Острогорский: «Где свобода еще не вошла в нравы, там с трудом отделяют человека от его идей (ярлыка). Но в передовом, цивилизованном обществе, где эмансипировались от нравов клана и церковного понятия универсального *credo*, люди легко привыкают смотреть друг на друга под различными точками зрения, в изменяющихся сочетаниях, не колебля (из-за ярлыка) своих личных отношений. Мы видим постоянно лиц, принадлежащих к различным сектам и в то же время имеющих общее дело вне церкви и солидарных в этом пункте; другие лица согласны в политике, но различаются в области научных, литературных и др. контрверз» (*Ostrogorski M.* Op. cit, p. 661; см. также: *Bougie C.* La democratic p. 154-156). В свое время я покажу, что степень взаимной терпимости несходных индивидов является одним из самых надежных признаков социального и морального развития общества. С этой точки зрения наше «общество» во всех его слоях безнадежно отстало и поистине «много дренажа требуют наши черноземы» (*Герцен А.И.* Сочинения. СПб., 1905, т. III, с. 482),

Глава VI. Положение личности в системе социальных координат 835

К сожалению, интенсификация такого перевода индивидов из одной социальной квартиры в другую встречает ряд препятствий (необходимость специализации индивидов, etc.) и потому не легко осуществима. Но иного противоядия нет. И всякий, кто хочет бороться с очерченными явлениями, должен стремиться к увеличению эластичности и проницаемости агрегата в указанном смысле.

Из сказанного же легко понять и неизбежность массовой деформации «душ» и поведения людей в эпохи революций. Всякая революция с этой точки зрения состоит в интенсивнейшем и массовом процессе перемены множеством индивидов своего положения в системе социальных координат (в социальном пространстве). Раз так, то в силу выше очерченного такой процесс неизбежно должен вызывать массовую замену «душ» и изменение поведения всех переместившихся и перемещенных индивидов. В первое время революции, когда вся старая система координат, характеризующих социальное расслоение, временно падает, а новые расслоения еще не оформились, когда все строение агрегата покрыто муťou перестройки, такая же муть наступает и в «душах» людей. Падают старые воззрения, убеждения и нормы поведения. Новые еще не успели

кристаллизироваться. Перемещенные индивиды, у которых вынуты «старые души», но не вложены еще новые, становятся похожими на «обалделых» или «очумевших» лиц. Они не знают своего места; превращаются в утлую ладью без руля и без ветрил, гонимую бурей революции. Пропасть между дозволенным и недозволенным падает. Сознание права и обязанности ослабевает и затушевывается. Подобно сомнамбулам, «обездушенные индивиды» в такие моменты совершают многое, что «при старых душах» они считали недопустимым и отвратительным. Не убийца в такие моменты становится убийцей, не грабитель — грабителем¹⁰, а верующий — атеистом, монархист ведет себя республиканцем

¹⁰ Отсюда неизбежное следствие: повышение всякого рода преступности и особенно кровавой преступности в эпохи революций. Г. Ришар прекрасно показал это... «Когда общество находится само в нормальном состоянии медленного, гармоничного и регулярного развития, оно сознательно или бессознательно организует сопротивление преступным тенденциям; когда оно само находится в состоянии кризиса, оно неизбежно обуславливает появление и развитие преступности... Всякий кризис социальной жизни образует соответственный криминальный процесс. Он вызывает сначала рост кровавой и коллективной преступности, прямо пропорциональный по интенсивности себе самому (убийства, погромы, грабежи, междоусобные и гражданские войны и т. д.). Смягчение социального кризиса сопровождается позже падением коллективной и кровавой преступности, заменяющейся более мягкой преступностью, выполняемой отдельными лицами в ущерб праву собственности». Отсюда следует неверность положения многих криминалистов, что кровавая преступность сменилась преступностью более мягкой, главным образом, преступлениями против собственности: все зависит от состояния социального агрегата. Далее Ришар в историческом обзоре на кризисах XV в. и позже в Германии, на революциях Фран-

836

Система социологии. Том II

и обратно. Люди находятся в полном психическом — и интеллектуальном и моральном — столбняке (кроме тех, кто остался на старых позициях или заведомо занял желаемую позицию). Первый период кончается. Взбаламученное социальное море начинает оседать, муть уменьшается, яснее и яснее кристаллизуется новая система социального расслоения, оформляется архитектура строения социального агрегата. Параллельно с этим происходит процесс кристаллизации «душ» в перемещенных индивидах. Мало-помалу они осваиваются со своим новым положением, входят в свою роль, и в итоге каждый из них вольно или невольно получает те «души», которые соответствуют его новому положению в социальном пространстве. Если его новое положение радикально отлично от прежнего, радикально отличными будут его «души» и поведение от старых душ и поступков. Если он остался «все в той же позиции», старыми будут его души и поступки. Поэтому не приходится удивляться, когда мы видим теперь бывшего монархиста в роли рьяного коммуниста, или наоборот, бывшего буржуа в роли пролетария, возмущающегося запрещением свободы стачек, бывшего пролетария в роли начальника карательной экспедиции, подавляющего восстание крестьян или мятеж рабочих. Согласно сказанному — это неизбежно, ибо перемещение их положения в социальном пространстве означает замену их старых душ новыми. Подобно граммофону они биологически те же, но социально они иные: старые пластинки из них вынуты и вложены на их место новые. Оттого поют они иные песни, чем раньше, и делают они часто то, против чего боролись их старые души. Это — фатум, освободиться от которого никто не может.

Всякий, кто имеет глаза и уши, кто может вдумчиво и правильно наблюдать, на фактах нашей революции может проверить все сказанное о множественности душ индивида, о причинах и функциональной связи этого явления со строением населения, об очерченном параллелизме

ции, Италии, переворотах Индии, Индокитая и др. стран, подтверждает свои тезисы

(Richard G. Les crises sociales et les conditions de la criminalite // L'annee sociologique, vol. III, p. 15-42). См. также: *Сорокин П.* Преступление и кара (гл[а-ва] о колебании кар и наград); *Гернет М.Н.* Преступление и борьба с ним; *Сиге-ле С* Преступная толпа. СПб., 1896. Это моральное отупение и нравственное обездушение — частный случай общего «обалдения» и «обездушения» индивидов в такие моменты.

¹¹ В иной плоскости много интересного в этом отношении дается у *Де-Ро-берти* в ряде его работ: «Новая постановка», «Sociologie de Faction», «Constitution de l'ethique», «Les fondaments de l'ethique» и др.; у *Draghicesco*: «Du role Findividu dans le determinisme sociale, passim. См. также: *Дюркгейм Э.* О разделении общественного] труда. После сказанного легко понять, почему «души» дикарей сходны друг с другом, почему здесь мало индивидуальности и почему индивидуальность развита в современном обществе. Там социальная позиция индивидов в системе соц. координат была сходна, в наше время — она различна. Отсюда — указанные явления.

Глава VI. Положение личности в системе социальных координат 8 3 7

изменений положения индивида в объективной системе социальных координат с изменением его «душ» и поведения и т. д."

Все эти положения, в свою очередь, подкрепляют правильность всего предыдущего анализа строения социальных агрегатов и вместе с тем показывают, что не только для познания строения самого населения, но и для понимания психики и поведения индивида использованный мною метод изучения социальных явлений и полученные положения являются весьма ценными и плодотворными. Они бросают своеобразный свет на явления, с первого взгляда далекие от социологии, и помогают лучше и проще понять многое, над объяснением чего иногда бесплодно бьются другие дисциплины и другие исследователи, идущие иной дорогой.

Ограничимся сказанным. В «Социальной механике» я детально покажу многое, что здесь я задел мимоходом. Пока же констатируем, что после распластания социального агрегата нам не трудно было расплатать его маленькую проекцию — индивида. Как раньше мы выразили группу в терминах индивидов, так теперь мы определили индивида в терминах групповых; таким образом мы осветили явления с двух сторон и замкнули разорванный вначале, но неразрывный в действительности круг явлений¹².

¹² Отсюда следует бесплодность споров между сторонниками т[ак] называемых «социального» и «индивидуалистического» методов изучения социальных явлений. Первые пытаются индивида объяснить через группу (например], Гумплович, Дюркгейм, особенно Bentley, у нас Солнцев и др.) и групповыми же отношениями объяснить социальные процессы, вторые, напротив, группу и общественные явления пытаются объяснить через индивида и его свойства (напр[имер], Палант, Тард и др.). Пустой и совершенно нелепый спор. «Групповики» похожи на человека, который из-за леса не видит деревьев и хочет объяснить лес без изучения свойств этих деревьев, «индивидуалисты» похожи на человека «из-за деревьев не видящего леса» как особого единства взаимодействующих деревьев, отличного от их простой суммы (см. т. I, о социологическом] реализме и номинализме). Первые хотят изучать только «второй этаж» или, применительно к биологии, только многоклеточные организмы, вторые только «первый этаж» или одноклеточные организмы. Таких биологов нет. Но социологов того и другого рода, горячо спорящих друг с другом, сколько угодно. Пора бы сдать в музей чепухи такие споры, вызывающие досаду за близору-. кость спорщиков и бесплодную трату энергии. Индивид (socius) и группа — две стороны одного и того же явления. Нельзя их разъединить. Приходится их изучать и выражать во взаимных терминах, как коррелятивные явления. Так мы и поступали. Это значит, что «антиномия» социального и индивидуального метода ложно поставлена. Антиномисты, ломающие копыя, дают свидетельство не правильности одного метода или ложности другого, а собственной близорукости. См.: Bentley A. Op. cit., ch. XXII; Гумплович Л. Основы социологии и Rassenkampf (S. 39-40); Дюркгейм Э. Метод социологии (passim) и Самоубийство

(предисловие); *Солнцев С.И.* Цит. соч., с. 2; *Palant G.* Les antinomies entre l'individu et la societe; *Draghicesco D.* Op. cit.

838

Система социологии. Том II

§ 3. Социальная группировка и проблема личности и общества

Произведенный анализ социальной группировки дает основание для решения другой проблемы, одно время весьма интересовавшей социологов. Это проблема «личности» и «общества». Мы не будем здесь касаться всех вопросов, связанных с этой проблемой, а возьмем лишь одну ее сторону, а именно: противопоставление личности и общества. И сторонники индивидуализма, и сторонники общественности сходны в одном: в противопоставлении личности как единицы «обществу» как определенной реальности, стоящей вне или против индивида. Те и другие исходят из одной предпосылки: возможности такой ситуации, где одна личность противостоит всему обществу, где интересы личности как личности противостоят интересам всего общества.

Различие «индивидуалистов» и «общественников» лишь в том, что они разное решают этот вопрос: одни, индивидуалисты, настаивают на примате принципа личности и ее интересов над интересами общества, другие, «общественники», дают ответ противоположный¹³.

Спрашивается, насколько допустима такая постановка вопроса? Может ли быть и бывает ли фактически так, что одна личность, как некая изолированная единица, противостоит всему обществу? Может ли случиться, что по всем линиям взаимоотношений одна личность оказывается антагонизирующей со всеми остальными индивидами, образующими «общество»? Короче говоря, возможно ли самое противопоставление личности и общества, из которого исходят обычно и «индивидуалисты» и «общественники»?

Я думаю, что такая постановка вопроса научно недопустима: она ошибочна по своему существу. Она ошибочна, во-первых, потому, что предполагает возможность существования абсолютно изолированного индивида, во-вторых, потому, что противопоставляет две персонифицированные фикции, реально не существующие, в-третьих, потому, что допускает совершенно невероятную социальную группировку.

Остановимся подробнее на каждом из этих положений:

¹³ См. изложение вопроса: *Кареев Н.И.* Введение в изучение социологии. 1907, гл. XIII; *Мишель А.* Идея государства. М., 1909, с. 525-802 и passim; *Спенсер Г.* Личность против государства; *Палант Ж.* Очерк социологии, гл. V; *Его же.* Les antinomies entre l'individu et la societe. Paris, 1913. Одна из глав этой книги в моем переводе напечатана в «Новых идеях в социологии» (сб. № 2). См. работы: *Михайловский Н.К.* Что такое прогресс, Борьба за индивидуальность, Патологическая магия и др.; *Лавров П.Л.* Исторические письма, Задачи понимания истории, Важнейшие моменты в истории мысли. См. также работы *Тарда*, *Ницше* и др. Из коллективистов см. работы: *Дюркгейма*, *Де-Роберти* и особенно книгу *Драгическо* «Du role de l'individu dans le determinisme sociale», одна из глав которой в моем переводе напечатана в «Нов[ых] идеях в социологии» (сб. № 2); *Bentley A.* Op. cit. и др.

Глава VI. Положение личности в системе социальных координат

839

1) Что значит противопоставление личности и общества? Выше, в главе о социологическом реализме и номинализме, мы видели, что общество есть совокупность взаимодействующих индивидов. Если личность противопоставляется обществу, это может иметь лишь тот смысл, что дан индивид, стоящий вне этой системы взаимодействия, не входящий в состав взаимодействующих членов последней и антагонизирующий с ними. При таком условии индивид может противопоставляться обществу как целокупному коллективному единству, стоящему вне индивида. Но только при таком условии. Если же индивид входит в состав членов, образующих это коллективное единство, если он является элементом последнего, то нельзя уже говорить о «личности» и «обществе», нельзя противопоставлять индивида обществу как чему-то стоящему вне его или над ним;

в этом случае можно противопоставлять в пределах данной системы взаимодействия индивида другим индивидам, члена коллектива другим членам коллектива, говорить об антагонизме одних личностей с другими, об антиномиях между индивидами, но нельзя говорить об антагонизме личности и общества, нельзя противопоставлять индивида последнему. В этом случае противопоставление личности и общества не может иметь места.

2) Теперь обратимся к первому случаю, когда индивид стоит вне данного общества, т. е. не является членом, абонентом данного коллектива. В этом случае индивида можно противопоставлять последнему. Но здесь появляются новые условия, делающие абсурдным такое противопоставление. Если индивид не является абонентом данной группы, если он стоит вне ее, это значит — он не взаимодействует с последней или с ее членами. Если он не взаимодействует с ними, т. е. не обуславливает их переживаний и поведения и не обуславливается в своем поведении группой, это значит он изолирован от нее. Если он изолирован, то он не может быть ни солидарным, ни антагонистичным с группой, он не состоит с ней ни в какой связи, а следовательно, не может быть противопоставляем обществу... Такова простая и безупречная цепь силлогизмов, показывающих невозможность противопоставления индивида обществу при этой предпосылке.

3) Рядом с этими соображениями выступают другие, приводящие к тому же выводу. Если индивид противопоставляется группе, — это означает, что индивид абсолютно изолирован, что он одинок и не является членом какого-либо другого общества. Это допущение невозможно, ибо изолированный индивид — фикция; наука такого индивида не знает. Если же индивид не абсолютно одинок, если он является членом какого-либо коллектива, абонентом какой-либо другой группы, это значит противопоставляется не индивид обществу, а одно общество другому, члены одного коллективного единства членам другого. Это значит, что и в этом случае нельзя говорить об антагонизме или солидарности личности и общества, а можно говорить об антагонизме и солидарности «абонентов» одной системы взаимодействия с абонентами другой.

840

Система социологии. Том II

Таким образом, при всех предпосылках противопоставление личности обществу приводит к абсурду.

К тому же выводу мы придем, если рассмотрим вопрос с точки зрения социальной группировки. Возьмем конкретные примеры: Христа и «общество», его распявшее, преступника и «общество», посылающее его на эшафот. Христос был распят, Сократ — отравлен, Дантон — казнен, что значат эти факты? Означают ли они конфликт «личности» и «общества»? Служат ли они доказательством возможности такого случая, по всем линиям группировки, где одна личность (именно одна) оказывается во всех отношениях противостоящей и враждебной всем остальным индивидам, образующим «общество»? Ничего подобного.

В этих случаях мы имеем не столкновение и антагонизм одной личности и общества, а столкновение и антагонизм одних личностей с другими личностями или одной группировки с другой. Христос был не один и не один боролся со своими противниками. Рядом с ним и вместе с ним были его ученики, последователи, родные, близкие, которым он не противостоял, а напротив, с которыми он был солидарен и которые были солидарны с ним... Дело не обстояло так, что на одном полюсе стоял одинок Христос, а против него, на другом полюсе стояло все враждебное общество. Дело обстояло проще и менее метафизично: на одной стороне был Христос и его сторонники (одна группа), на другой — его противники (другая группа). Иначе говоря, в данном случае была «антиномия» одних личностей с другими, одной группы с другой, а не воображаемая антиномия одного индивида и всего общества.

То же самое применимо к «антиномии» Сократа и его последователей, с одной стороны, и группы, приговорившей Сократа к смерти, — с другой; к антиномии Дантона и

его партии и партии Робеспьера, к конфликту Анахарзиса Клоотца и якобинцев. Короче, то же применимо к любому конфликту «личности» и «общества». Нигде мы не наблюдаем картины, чтобы одна личность боролась с обществом, т. е. со всеми взаимодействующими с ней индивидами; а всюду видим борьбу одних личностей с другими или одной группировки с другой. В одном отношении личность может быть в конфликте с рядом других личностей; но зато в этом же отношении, а тем более в других отношениях, она окажется солидарной с другими лицами... Самый заядлый преступник, приговариваемый государством к смерти, имеет лиц, с ним солидарных, — таковы его сотоварищи по разбойничьей шайке, его семья, любовница, наконец, просто одобряющие его действия индивиды. Лютер противостоял против католического коллектива, но зато поддерживался всеми протестантами, своими последователями. Желябов антагонизировал с правящей в России группой, зато одобрялся и был солидарным со всеми народовольцами и многими другими индивидами. Ян Гус или Савонарола противостояли папе и враждебным им группам, зато поддерживались и

Глава VI. Положение личности в системе социальных координат 841

одобрялись — первый гуситами, второй — партией «плакс» и ближайшими учениками.

Словом, какой бы случай «антиномии личности и общества» мы ни взяли, всюду мы находим не антиномию личности и общества, а антиномию одних лиц с другими или одной группы с другой... В том или ином отношении один индивид может оказаться в антагонизме с другими индивидами: напр., религиозные, политические взгляды одного лица могут оказаться антагонистическими с взглядами ряда других лиц. Но допустить, чтобы один индивид оказался противостоящим всем остальным индивидам и по всем линиям группировки (по семейным, расовым, профессиональным, возрастным и т. д.), — это значит допустить невероятное (по крайней мере для нашего времени) предположение. А проблема «личности» и «общества» требует такого допущения. Противопоставлять личность обществу — это значит противопоставлять индивида всем остальным индивидам и во всех направлениях. Вне этой предпосылки мы не имеем конфликта «личности» и «общества», а имеем конфликт одних лиц с другими, меньшинства с большинством, одной группы с другой.

Такое допущение, как мы видели, невероятно, а потому его невероятность означает невозможность конфликта одной личности и всего общества. Сложность общественной группировки делает невозможным такое допущение. Одно лицо по семейным отношениям может противостоять членам семьи, зато по тем же семейным и по другим отношениям оно оказывается солидарным с рядом других индивидов (напр., с новой семьей или с партийными сотоварищами). Государственный преступник противостоит правящей группе, но зато солидарен со всеми униженными и оскорбленными.

Из этих кратких положений становится ясным, что проблема «личности» и «общества» неверно поставлена. А раз она неверно поставлена, естественно, неверными получились и все решения этой ошибочно поставленной проблемы... Можно говорить о конфликте одних лиц с другими, одной группы с другой, о конфликте разных душ в одном индивиде, но говорить об антиномии личности и общества, по меньшей мере, неточно. Пора этот вопрос в такой постановке изъять из области социологии¹⁴.

¹⁴ Я здесь очертил лишь одну сторону проблемы личности и общества. Эта проблема обычно связывается еще с рядом других вопросов: 1) о взаимоотношении индивидуальной и общественной эволюции, 2) суть ли индивид функция общества или общество — функция индивида, 3) благо индивида или благо общества должно служить критерием прогресса и оценки исторических процессов и т. д.

Здесь я этих вопросов не касаюсь. Они будут рассмотрены частью в «Социальной] механике», частью в «Социальной] политике». Замечу лишь мимоходом, что множество неразрешимых антиномий здесь вызвано основной ошибкой — указанной ошибочной постановкой самой проблемы личности и общества, во-первых, во-вторых,

метафизическим конструированием реальности общества, рассмотренного в гл[аве] о социологическом] реализме и номинализме.

Заключение и резюме

Подведем итоги сказанному:

1) Начав наш анализ социального явления с факта взаимодействия индивидов (в первом томе), мы разложили последнее на его элементы — индивиды, акты и проводники и рассмотрели свойства этих элементов.

2) Затем мы перешли к характеристике форм взаимодействия.

3) Последняя нас привела к понятию коллективного единства, и таким образом мы получили возможность замкнуть разорванный круг коллективного единства и перейти «на второй этаж» анализа социальной структуры населения. От изучения взаимоотношений индивидов мы получили возможность перейти к взаимоотношению социальных групп.

4) Изучив те условия, которые заставляют индивидов взаимодействовать друг с другом, прикрепляться друг к другу и образовывать коллективные единства, мы этим анализом закончили аналитику простейших социальных явлений.

5) Во втором томе мы занялись анализом социального строения населения.

Этот анализ заставил нас прежде всего исследовать общие основы группировки индивидов в коллективные единства, на которые распадается население. Изучение вопроса показало нам, что такими общими основами служат степень интенсивности взаимодействия и характер социальных форм последнего.

6) Эти условия влекут за собой возможность и необходимость распада сосуществующих и взаимодействующих индивидов в многообразные коллективные единства в зависимости от степени интенсивности взаимодействия и его характера. В основе последнего лежит факт несходства индивидов.

7) Обратной стороной этого явления служит принадлежность индивида к ряду социальных групп. Совокупность основных групп (систем взаимодействия), к которым принадлежит индивид, характеризует его

Глава VI. Положение личности в системе социальных координат 84 3

социальную физиономию, социальный вес и социальное положение. В этом смысле совокупность отношений индивида к социальным группам, членом коих он состоит, можно определить как систему социальных координат, характеризующих его положение в социальной среде себе подобных.

8) Очертив эти общие основы социальной группировки, мы поставили себе вопрос: какие же из множества социальных группировок более важны? Ответ на него побудил нас различать группы: элементарные, кумулятивные и сложные социальные агрегаты.

9) Установив объективные критерии важности, мы дали описание важнейших элементарных группировок.

10) Элементарные группы нас логически привели к кумулятивным. Дав их понятие, мы рассмотрели их виды: в зависимости от количества кумулировавшихся группировок (двойные, тройные и т. д.), в зависимости от того, какие элементарные группы кумулируются (религиозно + государственные, партийно + профессиональные и т. д.), в зависимости от характера кумуляции (нормальные и ненормальные, солидаристические и антагонистические, типичные и нетипичные, открытые, полуоткрытые и закрытые).

11) После рассмотрения (в целях иллюстрирования общих положений) национальности и класса как частных форм кумулятивных групп мы логически пришли к сложному социальному агрегату, т. е. к населению. Рассмотрев проблему систематики последних, мы таким образом завершили свой анализ.

Начав с индивида и других элементов явления взаимодействия, мы шаг за шагом, подхлестываемые логической необходимостью, шли дальше, усложняли объекты нашего анализа, от индивида пришли к коллективному единству, от него к взаимоотношениям групп; последние привели нас к группам элементарным, кумулятивным и, наконец, к

конкретному населению, как к предельному пункту анализа. Социальный микрокосм нас логически привел к социальному макрокосму.

12) В целях большей точности мы далее (хотя и бегло) рассмотрели явление социальных перегруппировок, их формы, характер и получили представление о подвижном равновесии социальных агрегатов.

13) После этого анализа мы получили возможность с групповой точки зрения подойти к индивиду, к его «душе» и поведению. Рассматривая его в этой плоскости, мы сумели определить его положение в социальном пространстве, распластать его «душу», показать ее мозаичность, и понять, что она представляет маленькую копию большой картины: системы социального расслоения. Как раньше группу мы выразили в терминах индивида, так теперь индивида мы определили в терминах группы.

Анатомия социального тела закончена. Он «распластан» на свои естественные слои, как распластана на свои куски и мозаичная природа

844

Система социологии. Том II

индивида. Путь, пройденный нами, был длинен и труден, но он кое-что дал нам. На этом мы можем закончить «Социальную аналитику». В основных штрихах она очерчена. Остается перейти к «Социальной механике»¹.

¹ В виде заключения «Аналитики» я намерен был присоединить главу, посвященную обзору и критике понятий социального явления других социологов. Так как я не слишком щедр был по части кружения около проблем, обитающих в «передней социологии», а не в ее апартаментах (чем, к сожалению, занимается множество «социологов», пространно рассуждающих о том, «чем должна быть социология», каков ее предмет и методы, а не показывающих на деле, путем фактического построения социологии, плодотворность своих высокопретенциозных советов и рецептов), то такая роскошь, хотя бы краткого обзора и критики соответственных теорий социального явления была бы позволительна.

. Но ввиду недостатка бумаги эту главу приходится перенести в следующий том «Социальная механика».

ПРИЛОЖЕНИЯ

Рецензии на «Систему социологии»

Н. Рожков

Проф. П.А. Сорокин. Система социологии. Т. I. Социальная аналитика. Петроград: Изд-ское тов-во «Колос», 1920. Цена 150 р.

П.А. Сорокин начинает первый том своей «Системы социологии» формулировкой основных принципов, которых он держится. Принципы эти следующие: 1) «Социология как наука может и должна строиться по типу естественных наук»; 2) «Социология может и должна быть наукой теоретической, изучающей мир людей таким, каков он есть; всякий нормативизм из социологии как науки должен быть изгнан»; 3) «Социология должна быть объективной дисциплиной»; 4) «Поскольку социология хочет быть опытной и точной наукой, она должна прекратить философствование»; 5) «Разрыв с философствованием означает и разрыв с несчастной идеей монизма» (стр. 19-21)*. Первый и третий принципы едва ли могут встретить возражение. Но уже второй по крайней мере требует ограничения ввиду того, что, по справедливому замечанию П.А. Сорокина, социология делится на теоретическую, изучающую известные явления «с точки зрения сущего», и практическую, исследующую эти явления «с точки зрения должного»; если большой отдел социологии имеет дело с категорией должного, как может быть «изгнан» из нее «всякий нормативизм»? Вероятно, это просто обмолвка, которая произошла оттого, что автор книги хотел формулировать принципы только теоретической социологии. Это, конечно, еще не велика беда. Но два последних принципа вызывают серьезные сомнения и возражения.

В самом деле: неужели для опытной и точной науки необходимо «прекратить философствование». Разумеется, если автор имеет в виду мистическую или

метафизическую философию, — с ним можно согласиться. Но разве отказ от всякого философствования, т. е. от цельного мировоззрения, обязателен для опытной и точной науки? Не только он не обязателен, но и прямо нежелателен и даже невозможен, если исследователь не хочет только и свету видеть, что из своего окошка, если он — не узкий специалист, не педант, а действительно ученый.

И уже по этой причине нельзя выбрасывать без дальнейших рассуждений монизм. Но здесь есть и другая сторона — именно та, что социология

* Здесь и далее указаны страницы наст. издания.

848

Приложения

хочет быть опытной и точной наукой. Что сказали бы мы о физике, который особо рассматривал бы, не связывая органически, не мысля монистически, все отдельные явления, физикой изучаемые, — явления света, звука, теплоты, магнетизма, электричества. Мы сказали бы, что он не ученый физик, не исследователь с широкой обобщающей мыслью. Физик, как и всякий представитель опытной и точной науки, неизбежно должен быть монистом, какого толка или направления — это уже другой вопрос: может быть, он будет механист, может быть, сторонник электронной теории, может быть, представитель принципа относительности в том или другом его истолковании, — но монистом ученый физик, представитель опытной, точной науки будет обязательно. Конечно, монистом должен быть и тот, кто хочет сделать из социологии опытную и точную науку. Если он таковым не будет — безнадежны все его старания построить опытную и точную социологию.

Между тем П.А. Сорокин находится именно в таком безнадежном положении: он — убежденный плюралист и, даже не давая себе труда опровергнуть монизм сколько-нибудь серьезными соображениями, отделяясь в данном вопросе простыми аподиктическими суждениями или презрительными кивками, вроде ссылки на то, что тот или другой социолог «разнес» монизм (стр. 281), ничтоже сумняшеся, продельывает свою плюралистическую работу в перечислении «условий», вызывающих факторы возникновения коллективных единств. И у него получается, как и у всех плюралистов, бесконечный и все-таки неполный перечень этих условий, каждый разряд которых и отдельные виды и разновидности трактуются притом чрезвычайно неглубоко, поверхностно, не подвергаются надлежащему анализу, откуда сплошь и рядом и проистекает самый «плюрализм».

В этом нетрудно убедиться, присматриваясь к изложению автором разбираемой книги его учения об этих «условиях». Он делит их на три разряда: 1) космические, 2) биологические, 3) социально-психологические (стр. 249). При этом под космическими условиями он, напр., понимает температуру и иллюстрирует эту свою идею ссылками на то, что под влиянием мороза люди собираются около зажженных на улице костров, или что в пьесе Горького «На дне» «пространственная близость» людей, вследствие холода загнанных в ночлежку, создает их взаимодействие (стр. 250), или, наконец, что цивилизация около рек, вод и озер тоже создается космическими причинами (стр. 251). Нетрудно понять, что все это — плод поверхностного отношения к фактам, отсутствие вдумчивого и глубокого их анализа. Ведь существо дела тут вовсе не в «космической» силе огня, холода, воды, а в том, что костры *зажигаются*, что создается наличной общественной организацией, что *босяки*, а не кто-либо иной, спасаются от холода в ночлежке — опять общественная, а не космическая категория, — что, наконец, экономические выгоды близости вод создают первые идущие вперед культуры. То же самое придется сказать и о «биологических» условиях: неужели же «потребность питания» или «половой инстинкт» создают непременно такие явления, как рестораны и семья. Конкретные формы удовлетворения обеих потребностей — ресторан и семья — создаются, очевидно, общественными обстоятельствами: ведь эти потребности могут удовлетворяться и действительно удовлетворяются и другими способами и средствами. И, конеч-

но, П.А. Сорокин только последователен в своем плюрализме, когда опять со скучной и снова далеко не исчерпывающей мелочностью перечисляет те же самые «космические», «биологические» и «социально-психические» факторы сохранения коллективных единств (стр. 285) и их распада (стр. 332 и ел.), а также солидаризуется с Россом, отрицающим общие законы развития отдельных государств (стр. 282). Если нет общих законов, какая же может быть социология?

Но, критикуя некоторые общие принципы автора, пришлось забежать несколько вперед, к концу книги. Вернемся к ее началу. Первый том посвящен первой части того отдела социологии, который именуется П.А. Сорокиным «социальной аналитикой». Внимание автора сосредоточено здесь на «строении простейшего социального явления», каким он считает взаимодействие двоих людей, причем это взаимодействие определяет так: «Взаимодействие людей дано там, где поведение одного индивида, в одних случаях сопровождаемое сознанием, в других нет, является функцией поведения другого или других лиц» (стр. 69). Попутно, мимоходом, П.А. Сорокин отмечает «ошибочность тех социологических теорий, которые готовы социальное явление свести к одним взаимоотношениям и исключить из него индивидов» (прим. 4 на стр. 96).

Надо заметить, что «исключать» индивидов едва ли кто серьезно думает: все дело не в «исключении», а в отношении индивидов к окружающей их социальной среде. Но не будем на этом останавливаться и возьмем общество двоих людей как простейшее. Как исследует его П.А. Сорокин? Берет ли он разные виды такого общества в их конкретности? Анализирует ли он каждый из них? Дает ли их классификацию? Различает ли он прочные, устойчивые соединения и временные, нестойкие, вроде встреч в ресторане или у уличного костра? Ничуть не бывало: на все эти вопросы приходится отвечать отрицательно. Он говорит обо всех таких обществах вообще, зараз, случайно и произвольно перескакивая от одного к другому. Конкретного исследования, строго проверенной фактической почвы не имеется.

И притом здесь выводы и заключения автора отличаются тем же «плюрализмом», как и в вопросе об условиях, действующих на общественные явления. Обществом простейшего типа вообще он считает, как сказано выше, взаимодействие двух лиц, причем «взаимодействие людей дано там, где поведение одного индивида, в одних случаях сопровождаемое сознанием, в других нет, является функцией поведения другого» (стр. 69). В явлении взаимодействия он различает три момента: 1) действующих индивидов, 2) «акты, которыми они обуславливают переживание или поведение друг друга», 3) «проводники, передающие действие или раздражение актов от одного индивида к другому» (стр. 98). Далее идет далеко, конечно, не исчерпывающий перечень «физических и психических свойств» индивидов (темперамент, характер, класс, сословие, государство, раса и проч.), без всякой опять-таки классификации и перспективы этих «свойств», их взаимоотношения и удельного веса (стр. 99 и ел.). Так же случайно, бессвязно говорится и о разного рода «актах» (стр. 116 и ел.) и, наконец, о «проводниках» (стр. 124 и ел.). Трактую вопрос о «проводниках», автор близко подходит к существу дела, утверждая, что под «проводниками» чаще всего при-

850

Приложения

ходится разуметь явления материальной культуры (стр. 155). Поэтому он солидаризируется с Дюркгеймом, признавая, что «общество состоит не только из индивидов, — в него входят также и материальные элементы, играющие существенную роль в общественной жизни» (стр. 156). Но, как и Дюркгейм, П.А. Сорокин так и не определяет точнее и детальнее, чья же роль существеннее — индивидов или материальных элементов. А ведь в этом-то и вся суть. Плюрализм приводит таким образом П.А. Сорокина к весьма малой содержательности, к малокровию, бледности его выводов.

Основные черты труда П.А. Сорокина не составляют его особенности: они общи

ему с целым рядом социологических работ, которые выходят в большом количестве, главным образом в Америке: и там мы встречаем обычно и недостаток анализа конкретного, фактического материала, и «плюралистический» метод, и бледность и бессодержательность выводов. Это, таким образом, черты целой школы, целого направления в современной социологии. Учителя П.А. Сорокина — М.М. Ковалевский и Е.В. де-Роберти — тоже отчасти грешили в этом отношении, особенно второй. Ковалевский, впрочем, был фактичнее, умел и любил производить исторический анализ и потому отличался на деле большим уклоном к монизму. П.А. Сорокин, на наш взгляд, в этом отношении делает шаг назад.

Конечно, перед нами лишь первый том «Системы социологии». Быть может, следующие тома будут содержательнее и оригинальнее. Будем же их ждать и будем на это надеяться. Вышедший же том внушает опасение, что автору едва ли удастся построить социологию как точную и опытную науку, или, по крайней мере, способствовать такому ее построению в будущем. Этим не исключается, конечно, ни солидная начитанность автора, ни отдельные и верные его замечания, но метод — основа научных приобретений, и как бы способен ни был исследователь — неправильный метод никогда не даст ему возможности сделать ценное общее построение.

(*Дела и дни*. Исторический журнал. Пг., 1920, кн. I, с. 469-471)

Л. Алисов

Проф. П.А. Сорокин. Система социологии. Т. I. Социальная аналитика. Петроград. Издательское т-во «Колос». 1920

«Пора бы перестать рассматривать сложные исторические процессы, как уравнение с одним неизвестным» (стр. 282). — вот тот боевой вызов, который бросил П.А. Сорокин всяким социологическим монизмам. Неоднократно он отмечает свой методологический плюрализм (напр., стр. 21, 278, 328, 329, 333, 343) и строго следуя ему, ведет свой тонкий, «бисерный» анализ. Рецензируемый том представляет лишь первую ступень поставленного автором грандиозного задания, рассчитанного, по меньшей мере, на 8 томов (стр. 21) и, после вводных глав о предмете и архитектонике социологии, ограничивается, казалось бы, весьма узким рядом понятий, а именно: элементами человеческого взаимодействия, их классификацией и условиями возникновения, сохранения и исчезновения простых коллективных единств (явлений взаимодействия). Но прекрасная эрудиция молодого профессора помогает ему, даже с некоторой расточительностью сил, искать ответов на множество вопросов, возникающих попутно с основным анализом человеческого взаимодействия. Так, развивая свою теорию проводников (ср. внешне-символическую сторону социального явления в его более ранней книге «Преступление и кара, подвиг и награда»), он дает вполне оригинальное определение материальной культуры (стр. 155 и 158); или, напр[имер], говоря о переходе от неорганизованного взаимодействия к организованному, он намечает определенное положение юридическому институту, как «совокупности норм поведения в определенной сфере отношений» (стр. 329). Читатель должен получить высокое удовлетворение, следя за красочными, относящимися к самым разнообразным областям жизни, фактами, приводимыми в качестве материала научного анализа. Наконец, в книге заключена богатая библиография современной социологической (и сопредельной) литературы, с которой П.А. Сорокин оперирует умело и критически, не раз и не два давая бой самым разнообразным социологам и государствоведам, обвиняя их в «топтание на месте» (стр. 328) и в одиозном ему, Сорокину, монизме (напр[имер], блестящая критика теорий возникновения коллективных единств, стр. 278-284). Короче, поскольку можно

8 52

Приложения

судить по первому тому — работа П.А. Сорокина обещает стать ценной, цельной и организованной *системой*, и не только для нас, русских, не избалованных за последние десятилетия самостоятельностью отечественных социологов. Пока приходится ждать выхода дальнейших томов, чтобы оценить систему во всем ее объеме. Нельзя, впрочем, не

отметить теперь же, что энциклопедичность материала несколько раз толкала автора на lapsus'bi, вроде фактически ошибочного толкования начала евангелия Иоанна (стр. 139, подобная же ошибка на стр. 140 и еще кое-где). Есть и некоторые пробелы: так, в классификации потребностей довольно ярко бьет в глаза отсутствие упоминания о Лакомбе и об его интереснейшем принципе безотлагательности удовлетворения потребностей (P. Lacombe, «De l'histoire consideree comme science», Paris, 1984). За всеми промахами (к ним же надо отнести и корректурные дефекты) книга заслуживает самого широкого распространения, как проявление мысли, свободно, без указок, шаблонов и трафаретов ищущей истину.

(*Вестник литературы*. Пг., 1920, № 6 (18), с. 13)

Н.И. Кареев

КНИГА О СОЦИАЛЬНОЙ АНАЛИТИКЕ

Проф. П.А. Сорокин, «Система социологии». Т. I. Социальная аналитика. Петроградское издательское товарищество «Колос». 1920. — XIV — 360 стр. Ц. 150 р.*

Это — только первый том большого, рассчитанного на восемь томов научного труда, и уже по одному этому книга заслуживает внимания, особенно в наши дни, когда так мало выходит в свет научных книг. Автор «Системы социологии» уже не новичок в данном предмете. Между прочим, шесть лет тому назад им была напечатана большая книга «Преступление и кара, подвиг и награда», кроме других, более мелких работ, появившихся за последние годы. В новом своем труде он выступает как хороший знаток современной социологической литературы на разных языках, что также свидетельствует о его научной подготовке к совершению такого обширного замысла, каким является целая система одной из важнейших наук.

За последние два-три десятилетия социология сделала громадные успехи. Четверть века тому назад в своем «Введении в изучение социологии» пишущий эти строки подвел общие итоги под тогдашним состоянием социологии, но после того эта наука быстро двинулась вперед, что и отразилось на книге П.А. Сорокина. Старые монистические направления (орга-нистическое, дарвинистическое, экономический материализм и даже психологическое в своем одностороннем виде) являются в настоящее время пережитыми. Позиция автора «Системы социологии» — последовательный плюрализм, т. е. обращение не к одному какому-либо началу, как исходному пункту, а принятие в расчет сложности и многогранности общественных явлений, делающих невозможным, чтобы все замки социологии

* Поместив в № 6 «В. Л.» беглую заметку о новом труде П.А. Сорокина, доставленную нам Л. Алисовым, даем место более обстоятельному разбору книги того же автора, принадлежащему перу нашего известного ученого, историка и социолога Н.И. Кареева.

Ред.

8 54

Приложения

отпирались одним и тем же ключом. Все-таки, однако, из всех прежних направлений П.А. Сорокин более всего примыкает к психологическому, конечно, в ее интерментальном, или коллективном понимании. Что социологии предстояло в конце прошлого века пойти этим путем, синтезируя при этом и другие направления, мною уже было высказано в упомянутом «Введении» на основании наблюдений над тогдашним состоянием нашей науки. Сам будучи убежденным плюралистом, не могу поэтому не приветствовать то, что П.А. Сорокин, не связанный старыми традициями, стал именно на такую точку зрения.

Что автор примыкает, как-никак, к психологическому направлению, явствует из того, что он видит в социологии «науку о поведении взаимодействующих людей и его результатах». Лично я скорее отнес бы явления психологического взаимодействия к области коллективной психологии, оставив за социологией область явлений социальной организации, но это было бы только спором о словах, а не по существу. И по моему

представлению, вся культура, как духовная (язык, религия, искусство, наука, философия), так и социология (государство, народное хозяйство, право), есть не что иное, как совокупность результатов психологического взаимодействия между людьми. Разложение культуры на отдельные акты человеческой деятельности, порождаемые другими такими же актами и сами порождающие другие акты, мною было принято еще в книге «Сущность исторического процесса» (1889-1890), что и заставляет меня сочувственно отнестись к исходному пункту системы П.А. Сорокина, в данном случае находившегося, думается мне, под влиянием американских социологов. Только я нахожу, что наш автор напрасно под понятие взаимодействия подводит и одностороннее психическое действие индивида на индивида, например, действие на нас Шекспира, Канта и т. п. Такой случай он называет «односторонним взаимодействием», не замечая, что здесь имеется *contradictio in adjecto*. Я прямо посоветовал бы ему приискать другой термин: взаимодействие есть акция *плюс* реакция, но если Шекспир на меня действует, то я-то уже не могу действовать на Шекспира.

К общим определениям, даваемым автором предмету, задаче, методу социологии, к тому, как он классифицирует ее части и т. п., я отношусь также положительно, хотя с отдельными тезисами соответствующих страниц никак согласиться не могу. Не стану даже указывать на эти пункты, кроме, пожалуй, одного (увлечения некоторыми выводами из рефлексологии), потому что без аргументации это излишне, тем более еще, что о книге П.А. Сорокина я собираюсь написать большую критическую статью, в которой были бы указаны все положительные стороны книги и был бы дан более подробный разбор отдельных ее положений.

Лежащий передо мной том посвящен «Социальной аналитике», окончание которой обещано во втором томе. Она изучает только структуру социального явления и его форм. В остальных частях «Системы» П.А. Сорокина будут помещены «Социальная механика» (изучение процессов взаимодействия) и «Социальная генетика» (формулировка исторических тенденций или линий развития). Если судить по первому тому, целое обещает быть одним из значительнейших трудов по общей социологии в настоя-

Н.И. Кареев. Книга о социальной аналитике

8 5 5

щем фазисе ее эволюции. Приятно было из самой книги узнать, что второй том имеет появиться в скором времени, а остальным шести томам пожелаем скорее по возможности перейти в действительность. Будем ждать и объявленного уже автором «Обще[доступ]ного учебника социологии».

Свой труд автор посвятил памяти двух своих учителей (М.М. Ковалевского и Е.В. де-Роберти) и одного из своих друзей (П.Н. Зепалова), молодого ученого, павшего жертвою гражданской войны.

{Вестник литературы. Пг., 1920, № 7 (19), с. 7-8}

Н. Кареев

О СИСТЕМЕ СОЦИОЛОГИИ ПА СОРОКИНА

Едва появилась в № 7 (19) «Вест[нике] литер[атуры]» моя статья о первом томе «Системы социологии» П.А. Сорокина, благодаря любезности автора, мне удалось познакомиться в корректуре со вторым томом этой интересной книги, носящей заглавие: «Система социологии, т. II. Социальная аналитика». Все, что было мною сказано в первой статье, приходится повторить и о настоящем томе. Автор и в нем является исследователем, не связанным старыми, малонаучными традициями социологии, и хорошим знатоком современной социологической литературы. Для своих построений он постоянно расчищает почву критикой других построений, а знание того, что делается современными социологами, дает ему возможность, пользуясь их работами, избегать той однобокости, которая характеризует прежние схемы.

Первый том был посвящен учению о строении простейшего социального явления, которое автор усматривает — и совершенно правильно — во взаимодействии, происходящем между индивидуумами; второй же том содержит в себе учение о строении

сложных социальных агрегатов, причем П.А. Сорокин отказывается непосредственно оперировать такими неопределенными, как он указывает, понятиями, каковы «общество», «класс», «нация», но зато дает целую классификацию социальных группировок более элементарных и неразложимых, в свою очередь, складывающихся в более сложные, обозначаемые им, как «кумулятивные». Так, напр., социальный класс с его точки зрения есть совокупность лиц, сходных по профессии, имущественному положению и по объему прав, к чему присоединяются и другие (не фундаментальные уже) сходства. С другой стороны, вместо общества, как реальной совокупности, автор берет «население» с его расслоением на разные группы. Отмечаю, что разница в данном случае не только терминологическая.

В особую заслугу П.А. Сорокину следует поставить то, что некоторые постановки частных вопросов отличаются у него новизной. Оно и не мудрено: оба тома его книги представляют собой «социальную статистику» (по терминологии Конта), которой до сих пор занимались неизмеримо меньше,

Н.И. Кареев. О системе социологии П.А. Сорокина

85 7

чем «социальной динамикой» (по той же терминологии). И здесь автору, действительно, приходится вступать на новые пути. В данном случае он является больше учеником Де-Роберти, чем М. Ковалевского, памяти которых посвящен первый том книги.

И в этом томе Сорокин постоянно подчеркивает свою плюралистическую позицию против всякой монистической «однобокости». Свой плюрализм он доводит, однако, на мой взгляд, до крайности, когда наделяет каждого человека «множественностью душ». Но об этой стороне теории П.А. Сорокина я намерен поговорить особо.

{Вестник литературы. Пг., 1921, № 1 (25), с. 9}

В. Невский

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ИЛИ МОНИЗМ

1) Наука об общественной жизни (Социология). К.М. Тахтарев. Стр. 324. Петр. изд. Кооп. Союза «Кооперация», 1919 г. Цена 385 р. 2) Система социологии. Т. I. Социальная аналитика. Проф. П.А. Сорокина. Стр. I—XIV и 360, Петр., 1920 г. Изд. «Колос». Ц. 150 р.¹

Перед нами две очень объемистые книги двух профессоров социологии: Тахтарева и Сорокина.

Уже с первых страниц читатель ясно понимает, какие большие различия между этими двумя авторами.

Проф. П. Сорокин с самого начала резко и определенно отгораживается от всех тех течений в этой науке, какие склонны сводить явления общественной жизни к монизму.

«... Поскольку социология, — говорит П. Сорокин, — хочет быть опытной и точной наукой, она должна прекратить "философствование"... разрыв с философствованием означает и разрыв с известной идеей "монизма" — незаконным детищем незаконного брака социологии с философией». Не так давно еще, особенно в русской публицистике, считалась особенно почетной кличка «мониста». И обратно, название «плюралиста» означало нечто ругательное и научно низкопробное (см. напр[имер], «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» Г.В. Плеханова). Автор с большой охотой уступает «монизм» всем, кому не лень наклеить на себя эту этикетку. Он твердо убежден в том, что «монизм» — результат догматического философствования, а не вывод опыта и наблюдения. Монизм социологии, как правильно характеризовал его покойный М.М. Ковалевский, — это попытка решить бесконечно сложную задачу общественных явлений по методу уравнивания с одним неизвестным. Автор убежден, что такая попытка — покушение с абсолютно негодными средствами. Последовательный социологический плюрализм — такова его позиция (21 стр. предисловия). [...]

¹ Печатается с сокращением мест, посвященных книге К.М. Тахтарева. — *Прим. ред.*

В. Невский. Взаимодействие или монизм

85 9

По мнению проф. П.А. Сорокина, социология такая же, как и все прочие,

естественнонаучная дисциплина, но в противовес К.М. Тахтареву, который определяет социологию как науку «об общественной жизни и ее закономерности», он определяет социологию так: «Социология изучает явления взаимодействия людей друг с другом, с одной стороны, и явления, возникающие из этого процесса взаимодействия, с другой».

Основанием к такому определению социологии (или, как выражается П.А. Сорокин, *гомо-социологии*) служит то обстоятельство, что поступки людей, их взаимоотношения невозможно свести к физико-химическим процессам и что поэтому явления взаимодействия людей суть явления *suī generis*.

Социология должна, по мнению почтенного профессора, строиться так: I. Теоретическая социология, разделяющаяся на: 1) Социальную аналитику, 2) Социальную механику и 3) Социальную генетику, и II. Практическая социология.

Предметом социальной аналитики является изучение строения (структуры) социального явления и его форм; предметом социальной механики является изучение процессов взаимодействия людей и предметом соц. генетики — формулировка тенденций или линий развития. Предмет практической социологии — социальная политика.

Установив только что указанное деление, автор приступает к анализу. Нужно прямо сказать, что плюрализм проф. П.А. Сорокина, действительно, так обширен, так свободен от всяких серьезных научных положений, так эклектичен, что остается только удивляться, как можно на протяжении трехсот с лишком страниц терзать читателя такой чепухой, какая выдается автором за самую новейшую ученую мудрость.

Чего здесь только нет!

Вот определение, что такое взаимодействие: «Когда изменение психических переживаний или внешних актов одного индивида вызывается переживаниями и внешними актами другого (других), когда между теми и другими существует функциональная связь, тогда мы говорим, что эти индивиды взаимодействуют».

Оказывается, что все изучение общественного развития аналитика сводит к изучению самого простейшего взаимодействия двух индивидов, ибо это взаимодействие есть родовое понятие социальных явлений, так сказать, модель их.

Чтобы изучить законы таких взаимодействий, надобно иметь наличие по крайней мере двух индивидов, актов, которыми обуславливаются поступки и переживания индивидов, и проводников, при посредстве которых эти акты индивидам передаются.

Здесь мы узнаем, что у индивидов имеется нервная система и разного рода органы, напр., зрение, слух и обоняние, что индивиды имеют психические переживания, ощущения, восприятия, представления и понятия, переживания боли и удовольствия и волевые элементы.

Узнаем здесь мы и о том, что индивиды различаются между собой физически, психически и социально, что эти самые индивиды имеют потребности — в пище, в жилище, что они желают, ревнуют, симпатизируют друг

8 60

Приложения

другу, имеют потребности эстетические, умственные, моральные, религиозные и т. п. и т. д.

От индивидов мы переходим далее к «актам» и здесь узнаем об «актах людей, как раздражителях» (это — химические раздражители, вода, плотность среды, молярные агенты, тяжесть, свет, электричество, тепло), об актах «делания и неделания», которые распадаются на акты терпения и воздержания, об актах продолжительно, мгновенно, интенсивно и слабо влияющих — актах сознательных и бессознательных и, наконец, узнаем о проводниках.

Проводники бывают звуковые, световые, механические, тепловые, двигательные, химические, электрические и вещественно-предметные.

Но, может быть, довольно утомлять читателя всей этой пустяковиной, которой наполнена объемистая *гомо-социология* проф. П.А. Сорокина.

Нам думается, что никакой науки в этой книге нет, кроме бесконечного числа

цитат, ссылок на разных авторов и «плюралистической» чепухи с перечислением всем известных истин, что люди имеют органы чувств, сносятся друг с другом при помощи всякого рода предметов, что на людей действует свет, тепло, электричество и прочие тела нашего грешного мира.

Если только в перечислении таких проводников, таких актов, в изучении такого взаимодействия состоит социология, то, пожалуй, правы те скептики, которые думают, что любой надобности в такой социологии не встречается.

Действительно, к каким плодотворным результатам приходит проф. П.А. Сорокин? Да, в сущности говоря, результатов никаких и не получается от всего того анализа, какой проделывает социолог-плюралист, если не считать результатами предположения проф. Сорокина, будто и в тотемических группах, и в феодальном, и в капиталистическом обществе находятся все эти взаимодействия, акты и проводники.

Стоило городить огород, писать целую книгу о homo-социологии, чтобы прийти к заключению, что у людей есть потребность в жилье, что люди действуют друг на друга, что на людей действует свет и тепло и что эти свет и тепло действовали на людей и в древности.

Мы полагаем, что доселе есть только один ученый, которому удалось хотя немного подойти к тому пути, идя по которому наука об обществе и общественной жизни приобретает характер точный, не менее чем любая естественноисторическая наука.

Этот ученый — Маркс.

Тот общий закон, который открыт Марксом, — закон, который так не нравится плюралистическому профессору П.А. Сорокину, и есть пока единственный закон, где можно найти по крайней мере главнейшие элементы самого настоящего закона точных наук.

В самом деле, когда мы выражаем этот закон, хотя бы так, как его выразил Плеханов, устанавливая зависимость идеологии, психики и социально-политического строя от экономических отношений и, стало быть, от состояния производительных сил, то мы имеем здесь и связь и последовательность явлений; мы не имеем числовой математической зависимости, но мы

В. Невский. Взаимодействие или монизм

8 61

имеем зато другой признак настоящего закона, это — то его качество, которое дает возможность предвидения.

Только с точки зрения этого закона Маркса удавалось хотя бы в общих чертах делать предсказания общественного развития, столкновений, конфликтов, общего хода общественной жизни, и только применение этого закона давало и дает возможность получить ценные результаты при изучении исторической жизни людей.

Но с такой точкой зрения, по-видимому, не согласен и Тахтарев.

Он отдает должную дань и Марксу, и Энгельсу, и их ученикам, но далеко не является сторонником марксовского понимания и истолкования истории, он попросту считает концепцию Маркса и Энгельса односторонней и не охватывающей всего развития общественной жизни.

И хотя он не согласен с покойным Ковалевским, под конец жизни не одобрявшим ученых, искавших установления единственного соотношения общественной жизни, однако он сам не пошел дальше все того же знаменитого взаимодействия, с которым при изучении общественной жизни добиться чего-либо путного нельзя.

Мы думаем, что до тех пор пока ученые, изучающие общество и общественную жизнь, будут держаться знаменитого взаимодействия факторов, а не того монистического взгляда, какой установлен Марксом, — дело вперед не пойдет и никакой социологии построено не будет.

(Красная новь. М., 1921. № 2, июль-август, с. 335-340)

М. Рейснер

Проф. П.А. Сорокин. Система социологии. Т. I. Социальная аналитика, I—XIV, 1-

360, т. II. Социальная аналитика, 1-463. Изд. «Колос». Петербург, 1920

Проф. Сорокин (Питирим Сорокин) приступил к выполнению весьма замечательного предприятия. Он выпустил уже два довольно обширных тома и предполагает в ближайшем будущем напечатать еще шесть — надеемся, не меньших по объему — томов. Для молодого ученого — трудоспособность выдающаяся. Но это предприятие получает еще большее значение, так как проф. Сорокин начинает с того, чем обыкновенно лишь кончают другие менее удачливые обществоведы: он дает сразу «систему» данной науки. Написать в настоящее время, да еще в короткий срок, «Систему» такой молодой науки, как социология, — предприятие воистину грандиозное.

Но проф. Сорокин выступает не только в качестве творца «Системы». Он вместе с тем бесспорный реформатор. По крайней мере, он объявляет себя таковым. Он берет на себя миссию заполнить «пустое место», которое оставило современное развитие социологии, слишком увлеченное изучением эволюции и пренебрегшее «социальной статикой». В «социальной механике» он намерен хоть немного отдернуть то таинственное покрывало Изиды, которое до сих пор скрывает от нас тайны социальных процессов. Он окончательно ниспровергает «монизм» и сдает в архив «отрыжку» старой философии истории с ее «мнимыми единообразными законами». Он прекращает алхимическое состояние социальных наук в вопросах структурного анализа, устраняет «непоследовательность», «самопротиворечие», «загрязнение», «поверхностность», «недалекозоркость», «святую простоту», «однобокость» и «научную анархию», свившие себе — до появления на свет «Системы» проф. Сорокина — теплое гнездо в социологии (т. I, стр. 21, 59, 268, 282; т. II, 635-637).

Кроме такого общего переворота в социологии проф. Сорокин представляет в своем труде ряд других черт, которые должны поставить его произведение на еще небывалую научную высоту. Так, прежде всего он изгоняет «всякий нормативизм» из социологии, разлучает «Истину» с «Добром,

М. Рейснер

863

Справедливостью» и т. п. «принципами». Из чистой теории этим самым устраняются всякие «нормативные суждения и оценки», которые «по своей логической природе не могут быть научными суждениями». Отрадный пример в общественных науках, столь близко стоящих к нашим потребностям, страстям и интересам. Но наш автор идет далее. Он становится на страже объективной истины и готов даже пострадать за нее. В наше время, когда «страсти накалены до максимума» и «чувствительность доведена до высшего напряжения» да еще в стране, где «научная критика» заменяется оценкой на «благонадежность», а научные аргументы «тюрьмой, ссылкой и каторгой», говорить истину, «не считаясь с тем, понравится ли эта истина кому-нибудь или не понравится», — целый подвиг, и Питирим Сорокин не боится его. Напротив, он, как можно видеть из этих слов, вполне готов пострадать за «бескорыстный поиск истины» и не намерен «кривить душой». Так, проф. Сорокин выступает перед нами не только в виде реформатора, но и высокого подвижника науки, готового ради истины на крест (т. I, стр. 19; т. II, стр. 350-351).

Объективизм проф. Сорокина позволяет ему, впрочем, решиться еще на один шаг, перед которым со времен Огюста Конта останавливалось так много ученых. Он окончательно упраздняет то различие между естественными и общественными науками, которое при современном положении социальных наук, казалось, было единственным выходом из положения. «Социология» должна «строиться по типу естественных наук», «ни о каком противоположении наук о природе и наук о духе не может быть и речи». Социология должна «исходить из фактов, идти к фактам и давать обобщения, основанные на тщательном анализе фактов», она изучает лишь явления, имеющие «внешнее бытие», допускающее «ощупывание» и «измерение». Проф. Сорокин поэтому имеет дело не с «мнимыми» единствами, а лишь с «реальными», и устанавливает в мире общественных явлений систематику по методу «естественному» (т. I, стр. 19, 21; т. II, стр. 356, 357, 680).

Лишнее прибавлять, что столь положительный ученый является, с одной стороны, непримиримым врагом всякого «философствования», а с другой — и всякой «поэзии» в социологии (т. I, 329).

Так характеризует себя и свой труд проф. Сорокин (он же Питирим Сорокин). И если бы нам не было свойственно некоторое критическое сомнение, то, пожалуй, мы на основании вышеприведенных строк наградили бы автора высоким признанием не только в качестве необычайно трудоспособного ученого, обладающего громадными познаниями и способностью обобщения («Система»), но и смелого реформатора, который, рискуя личной судьбою (неблагонадежность — тюрьма), тем не менее решил спасти науку, поставить ее на правильный путь и при помощи строго объективного метода дать ей завершение и точность естествознания. Сколь прекрасный образ и великая заслуга, ценные в особенности в наше время социальных переворотов, великих страстей и не менее великих упований. Но... мы извиняемся перед автором: мы должны сделать маленькую проверку его труда и заслуг. Впрочем, он сам великодушно дает нам к этому полную возможность. Он сам «не хочет сказать, что взгляды, развитые» в его книге, «имеют гарантию истинности», он достаточно скромен для этого (т. II, стр. 350), а мы приступаем к проверке.

8 64

Приложения

Начнем с пустяков, тем более обидных, что мы по-прежнему верим автору, и в нашей проверке исходим из предположения высокой научной ценности его труда. И это как раз упрек в ненаучности терминологии, излишнего и слишком частого обращения к «поэзии» и ее приемам. Если бы автор не предъявлял к другим таких строгих требований на этот счет, пожалуй, и мы бы легче помирились с внесением поэтического элемента в его столь строго научное и позитивное изложение. Но проф. Сорокина мы вправе спросить, на каком основании он пользуется, например, словом «абонент» для обозначения члена или участника того или иного коллективного единства и пользуется не раз и не два в целях пояснения, а с большим постоянством на протяжении двух томов своей аналитики? И если с некоторой натяжкой допустим такой поэтический образ, как «абонент» ученого общества, то мы никак себе не можем представить абонента пола, семьи, расы или государства. Нельзя ли немного поосторожнее с поэзией (ср., например], т. II, стр. 373).

Однако наш позитивист и натуралист этим не ограничивается. Слишком часто вместо точных определений и теоретических положений он, увлекаемый Пегасом, рисует нам всевозможные картины. То перед нами поэтическое изображение города и городской жизни, причем «социальным эффектом» плотной населенности города оказывается «размножение», ибо без этого не могло бы быть и «тяги к городам» (т. I, 261). То общественная жизнь предстает перед нами в виде довольно банального образа «волнующегося океана» (т. I, 332). То выдвигается, правда, заключенная в кавычки, «рельефная карта» социального мира (т. II, 366), то линии «социальных возвышенностей» сменяются линиями «социальных рек и ущелий», а к «сходствам-вехам» притягиваются «человеческие опилки», как к магнитным центрам (т. II, стр. 422) и т. п. Такое пристрастие к поэтическим аналогиям и сравнениям может завести слишком далеко, тем более что автор, пользуясь образами для сравнения из области естествознания, далеко не обнаруживает при этом ни достаточного поэтического дарования, ни эстетического вкуса. Поэзия может слишком далеко завести молодого ученого.

Гораздо важнее для нас, впрочем, проверка в другом отношении. И это — проверка действительного отказа Питирима Сорокина от пользования «нормативными построениями и суждениями» в его книге. Спрашивается, сумел ли он на самом деле остаться в строгой области того, что есть, и отказаться от применения всяких моральных, идеальных и им подобных категорий должного? Увы, и на этот вопрос приходится ответить резко отрицательно. Напротив того, автор в самом живописном беспорядке перемешал суждения и оценки теоретические и нормативные — сущее и должное.

И в самом деле. К величайшему нашему изумлению мы встречаем и оценочные, и нормативные суждения там, где менее всего ожидали их встретить. В отделе классификации сложных общественных групп, тех, которые проф. Сорокин именует «кумулятивными», а говоря по-русски сборными, мы вдруг находим подразделение на «нормальные» и «ненормальные». Можно было бы подумать, что мы здесь снова встречаемся с той «поэзией», которой так злоупотребляет наш ученый социолог. Но нет, и хотя в заглавии отдела эти слова употребляются в кавычках, но в тексте стоят без вся-

Аí. Рейснер

8 6 5

ких опорочивающих их знаков. И действительно, далее поясняется и значение этого термина: дескать, одна группировка являлась наиболее часто, другая встречается сравнительно редко. Но разве Питириму Сорокину не известно, что взятые им термины обозначают нечто совсем другое, и называть «нормальным» то, что чаще встречается, значит наиболее часто встречаемый факт возводить в ранг «нормы», чего-то должного, обязательного и похвального? Разве не знает он, с другой стороны, что основная ошибка учителей XVIII века состояла как раз в таком возведении в ранг должного — факта природы, которая, как известно, не делает никакого различия в применении «естественных» законов как к «нормальному» и с этой точки зрения естественному, так и наоборот (т. II, стр. 607 и след.).

При полном отрицании нормативных суждений со стороны проф. Сорокина не менее недоумений вызывает и употребление им термина «типичный» и «тип». Ибо это как раз тот пункт, на котором наш социолог расходится со слишком многими обществоведами. Ведь понятие «типа» есть опять-таки суждение оценочное и нормативное. Есть типы идеальные, есть типы средние. В основу и того и другого понятия положены определенные критерии и приемы нахождения. Ученый, который пользуется исключительно методом естествознания, должен хорошо знать, какую ответственность возлагает на него пользование столь неопределенным и субъективно установленным понятием. А здесь тем более дело идет о «типичном» для данного общества, причем общество понимается как нечто единое для определенных стран и народов, т. е. как то самое «единое» общество, которое и вызывает со стороны нашего автора резкое отношение и охватывает собой громадные комплексы социологических явлений. И здесь наш реформатор, позволим себе употребить один из его поэтических терминов, сползает на рельсы столь поруганной им школы Риккерта и его многочисленных последователей (т. II, стр. 643 и след.).

Такое контрабандное обращение к оценочным суждениям, конечно, дело совершенно неизбежное. И в этом отношении куда выше проф. Сорокина стоят представители русской психологической школы Лавров и Михайловский, которые задолго до Виндельбанда—Риккерта, Зиммеля и Джемса отметили, во-первых, все своеобразие социального «факта» в отличие от естественного явления, а во-вторых, насущную необходимость пользования оценочными критериями, раз мы имеем дело не только с психологией, но и различнейшими «фактами» этической, религиозной, правовой жизни людей и т. п. Можно быть разного мнения о роли «субъективного метода в истории», но полное игнорирование оценочных суждений при построении «факта» социальной жизни, при классификации подобных фактов и нахождении «закона» развития в среде общественных отношений есть или безумное легкомыслие, или намеренное оригинальничанье, которое заставляет дорого за себя платить. К сожалению, нельзя не видеть здесь печального влияния на молодого ученого его учителя, проф. Петражицкого, который умел возместить редкой талацтливостью свою полную наивность в вопросах методологии, но передал своим ученикам незыблемую веру в построение пресловутых «классовых» суждений.

28 Система социологии

8 66

Приложения

И проф. Сорокин с редким блеском обнаружил полную непригодность

воспринятых им методов к социальному исследованию. Стоит только заглянуть в смехотворные и фантастические «классификации», которые он предлагает в своей системе, чтобы окончательно убедиться в этом. Вот перед нами следующее сочетание: температура, свет, вода, рельеф и очертание земной поверхности, климат, плодородие почвы, ее богатство золотом и другими «ценными» продуктами, наличие рыбы в реке и зверя в лесу. Спрашивается, что это такое?

Почему здесь в одной куче и золото, и чернозем, и свет, и рыба? Оказывается, это все «космические условия», которые «механически» притягивают людей в определенные места, сталкивают их друг с другом, заставляют их помимо воли и цели последних взаимодействовать и образовывать то временные, то длительные коллективные единства (т. I, стр. 249-256). Прибавлять что-нибудь к «космической» рыбе, которая «помимо воли и цели человека» «механически» притягивает его к себе, конечно, нечего. Поменьше бы такой «философии».

Среди факторов «биологических» отметим специально «потребность питания», которая приводит воистину к блистательным результатам. Но послушаем самого автора, как он со свойственной ему «поэтической» жилкой живописует действие указанного фактора, который опять-таки «механически», без «всякой цели и намерения сталкивает людей друг с другом». «Рестораны, столовые, кафе, трактиры, чайные, продовольственные лавки, рынки и т. д. служат местами, куда каждый день стекаются человеческие единицы, знакомятся, встречаются и часто образуют длительные союзы дружбы, товарищества, любви и т. д. Сколько "коллективных единств" зародилось на почве случайной встречи за завтраком или обедом. Как много людей, входящих в ресторан незнакомыми, выходили оттуда друзьями, товарищами, супругами, любовниками или — обратно — смертельными врагами... Сколько общественных дел зародилось на почве случайного общения за столиками кафе или ресторана. Сколько знакомств возникло и возникает ежедневно на рынке, в столовой, в продовольственном хвосте и т. п.» (т. I, стр. 258). Прелестная лирика! Но, спрашивается, каким путем «рыба», которая выступала в реке в качестве фактора «космического», теперь появилась в ресторане в виде фактора «биологического»? Не проще ли было сказать, что влекомый голодом человек, и притом с твердым намерением поесть, направляется и к реке половить рыбку, и в ресторан закусить оной? Но тогда к ужасу проф. Сорокина появится вредный монизм в объяснении общественной жизни и ничего не останется от пресловутого плюрализма. Для того чтобы избежать этого, рыба делится на две независимые части, и одна объявляется фактором «космическим», а другая — «биологическим».

При таком стремлении к плюрализму во что бы то ни стало не удивит нас выкраивание и из одного процесса размножения целых трех факторов — полового, супружеского и родительского, которые торжественно и зачисляются в разряд «биологических» с полным пренебрежением к зловерной экономической стороне дела, которая и здесь может опять подвести под «монизм». Но зато мы знаем, что когда статистика показывает нам громадное количество браков в зрелом возрасте, заключаемых в рамках опреде-

М. Рейснер

8 6 7

ленной имущественной группы и сопровождаемых одно- или двукратной системой, то здесь действуют «чисто биологические условия — опять-таки без всякого целеполагания и воли», которые совершенно независимо от людей вживляют «приличного молодого человека» с известным капиталом в колбасное заведение и награждают затем счастливое супружество не больше и не меньше, как двумя наследниками, способными с успехом продолжать отцовское дело. Превосходная биология бухгалтерской книги и брачной конторы (т. I, стр. 261)!

К сожалению, по недостатку места мы не можем привести здесь же другие поэтические опыты нашего социолога. И поэтому желающих насладиться картинами действия «социально-психического» фактора мы непосредственно отсылаем к странице

хотя бы 269 первого тома, где опять-таки с необычайным пафосом изображено, как в добром капиталистическом обществе «потребность повеселиться гонит одних в притон, других — к «теплой компании» собутыльников и сокартежников, третьих — на журфиксы и вечера, четвертых — в интимный кружок друзей». Нас здесь интересует только одно: та космически-биологическая рыба, с которой мы познакомились уже выше. Нельзя ли встретиться с ней в области социально-психической, где, наконец, Питирим Сорокин допускает возможность сознательного взаимодействия? И что же? Наши ожидания сбываются. Оказывается, что именно в порядке социально-психологическом мы отправляемся в лавку, ибо именно «потребность» в ряде вещей гонит нас в магазин, и покупаем необходимую для нас рыбу. Впрочем, быть может, мы ошибаемся, и покупаем панталоны под влиянием «социально-психологического фактора» (портной специально оговорен автором), а рыба, хоть и сознательно, хоть и в магазине, но все же приобретается под влиянием фактора «космо-био-логического». Не разъяснит ли нам это ученый профессор?

Но пойдем далее. После того, как индивиды механически стянуты разными факторами в известные «коллективные единства» или «реальные совокупности», над ними Питирим Сорокин проделявает новую операцию. Теперь он устанавливает важнейшие социальные группировки по принципу их «социального могущества». Последнее же определяется количеством «членов» группы, степенью распространенности, степенью солидарности, степенью организованности и совершенства технического аппарата (т. II, стр. 394). С другой же стороны, такие группы могут быть или связанными одним каким-либо сходством группы — элементарные, или несколькими — кумулятивные, или, наконец, многими — сложные (т. II, стр. 400-402). В результате мы получаем «важнейшие» и вместе «элементарные», «кумулятивные» и «сложные» группы, которые затем и дают нашему автору его учение о социальной химии в отличие от существовавшей до него алхимии.

Однако уже ознакомление с «элементарными» группами дает нам понять, что наш социолог не только не исправил своей поэтической манеры действий, но еще более усугубил ее. Само сопоставление групп — мы не решаемся употребить слова «классификация» — доставит много наслаждения любителю необузданной фантазии и загадочных курьезов. Впрочем, и сам автор здесь довольно откровенно освобождает свое могучее воображение от стеснительных пут формальной логики и не без цинизма издается

868

Приложения

над «логическими» классификациями элементарных групп, которые, исходя ли из «принципа потребностей», или какого-нибудь другого «принципа», могут выглядеть очень «причесанными» и «приглаженными», но с точки зрения соответствия фактам будут «неизбежно» (вот удивительно!) негодными (т. II, стр. 422). Итак, долой логику и да здравствуют факты...

Уже установление «расы» как начала, стягивающего людей в «реальное целое», да еще среди современного культурного человечества, дает проф. Сорокину возможность блеснуть целой коллекцией скверных анекдотов. Тут и неизменяемость еврейского расового типа, а, по утверждению проф. Сорокина, «психика связана с физикой», и «раз люди различны физически», то «они будут различно чувствовать, оценивать, мыслить, действовать», тут и линчевание негров в Соединенных Штатах Америки, ибо вообще «ассимилирующая сила С[еверо]-А[мериканских] Соединенных Штатов... оказывается бессильной по отношению к черным, желтым и краснокожим обитателям заатлантической республики». Не забывает помянуть талантливый рассказчик и «желтую опасность» в духе славного Вильгельма, и трагедию черной австралийки, родившей белого ребенка, и т. п. А поскольку не хватает современности, то без малейшего стеснения почерпает Питирим Сорокин свои «факты» из древней Индии или весьма мало культурной Полинезии. Конечно, наш автор допускает мысль, что в основе расового антагонизма лежат и

экономические причины. «Очень может быть», говорит он, но меньше всего пробует исследовать их с этой стороны. Это для него не важно (т. II, стр. 433-451).

За расами следует столь же распространенная, солидарная, организованная и обладающая еще лучшим механическим аппаратом группа «половая», причем разные союзы феминистского движения выступают не более и не менее, как в виде «одной из основных группировок населения» (?); за половой следует под флагом многочисленности, солидарности и организации группа возрастная, где в качестве коллективного единства, обладающего социальным могуществом, является и коллектив «детей школьного возраста», и «пьяная компания собутыльников», и даже «заседание парламента» (?). За ними выступают семья и государство, причем оба союза одинаково зачисляются в разряд «элементарных». Затем в живописном беспорядке движутся группы: «языковая», «профессиональная», «имущественная», «объемно-правовая», «территориальная» и т. д. в той же системе, или, вернее, без всякой системы. И по поводу каждой такой группы, которая, неведомо почему выскакивает рядом с другой, проф. Сорокин не исследует и не доказывает, а прямо говорит, что ему придет в голову, так что иногда задаешь себе вопрос: «Да, полно, уж не страдает ли молодой ученый нервным расстройством, и можно ли делать его ответственным за ту нелепость, которую он изложил в пресловутой системе» (т. II, стр. 451-594)?

Но нет, Питирим Сорокин здоров. Больна только его метода. Из панического страха перед экономизмом, историческим материализмом, а еще пуще марксистским монизмом, готов он вывести любых героев на сцену общественности — «Рыцаря-Государство» и «Рыцаря-Партию» (т. II, стр. 569), готов перепутать что угодно и как угодно, лишь бы не получилось последовательной зависимости и связи между отдельными сферами жизни, лишь

М. Рейтер

869

бы спасти «индивида» в качестве единой основной клетки, которая затем и перекачивается от пола к религии, от языка к возрасту, от территории к идеологии и т. п. в произвольной комбинации. И над всеми этими коллективными «целыми», «единствами» и т. п. в виде метафизической силы парит какое-то непостижимое и необъяснимое «химическое избирательное сродство», которое, то следуя какой-то предустановленной норме, дает «нормальное» сочетание в «касту», национальность, «общественный класс», то кумулирует эти группы в «ненормальные» кумуляции и т. д. Вместо выяснения общественной жизни — полное ее затемнение, вместо «естествознания» — самая подлинная метафизика (т. II, стр. 595 и след.).

И вполне в уровень этой метафизике чудесная философия насчет судьбы рода человеческого и его горькой участи. Как оказывается, в результате всяческого плюрализма, где социальное сродство тщательно вытравило экономику, мир осужден на печальнейшие перспективы. «Вся история человечества есть сплошное дрессирование людей и приучение их к упорядоченной совместной жизни» (т. I, стр. 331). Но совершается это «дрессирование» весьма жестокими средствами. Таким общественным воспитанием на основе социального сродства занимаются «управляющие и эксплуатирующие», которые управляемых из века в век «водят за нос», все они эксплуатируют управляемых, все они их обжигают, но одни больше, другие меньше. Одни управляют преимущественно путем насилия, другие — путем хитрости и обманов. Методы одни и те же, но пропорции разные (т. II, стр. 535).

Революции в этом «химическом» процессе не меняют ничего. «Трагедия человеческой истории в том и состоит, что длительно сосуществующие люди организуются, организуясь, они выделяют слой правящих; это выделение их означает появление расслоения на правящих и подвластных; его следствием служит захват ряда привилегий первыми и их сторонниками и обделение, эксплуатация вторых». Этот захват выносит «господ по природе» наверх, которые и садятся на шею и начинают «водить за нос» «рабов по природе», т. е. люди, способные к власти и командованию, захватывают

власть над людьми, способными только к подчинению. Так устанавливается социальное «равновесие». Но отвержение власти и порядка нарушает это равновесие; так, повторение создает привычку, а последняя приводит к отвержению юридического института. Подобным путем создаются препятствия к дальнейшему сползанию вниз неспособных, а способные к власти остаются внизу. В результате — взрыв; и способные опять лезут наверх, а неспособных сбрасывают вниз, пока не начинается все снова. История поэтому есть не что иное, как вечная сказка «про белого бычка» или «попа и его собаку» (т. I, стр. 305; т. II, стр. 535, 542, 779-780, 784, 804).

Вот так результат применения строгого метода естественных наук! Вот так отказ нашего социолога от оценочных и нормативных суждений! Вывод получился не только самого великолепного оценочного фасона, но притом и во вкусе старой реакционной идеологии, которая нам хорошо известна еще с платоновских времен. Теория круговращения, плачевный вывод отжившей метафизики — таков конец, к которому пришел наш Питирим Сорокин во всеоружии своей профессорской системы. И в виде жестокого

870

Приложения

наказания самому себе закончил он весь свой плюрализм таким «монизмом», который воистину хуже всякого другого: нормативный монизм царящей над миром плети и железной пяты. Понятно после этого и отношение нашего в высшей степени .«объективного» автора к советской власти, которую он чуть ли не на каждой странице старается исчерпать своей немудреной формулой и изобразить в качестве нового подтверждения своей теории насилия и обмана (т. I, стр. 19,23,112,191,196,197, 304; т. II, стр. 350, 481-482,486,492, 511, 521-522, 541, 551-552, 563, 760, 779, 794, 795, 802, 803). Однако не так страшен и проч. ...И проф. Сорокин все же, несмотря на свое чрезвычайно мрачное мирозерцание, открывает нам уголочек если и не рая, то во всяком случае милого и уютного приюта. Это — Соединенные Штаты Америки, где царит добрая буржуазная демократия, и, по наивной вере нашего социолога, «перемена позиций индивида в социальном пространстве имеет более интенсивный характер, люди более разносторонни, корпоративная психика менее развита, взаимной терпимости и внимания больше» (т. II, стр. 834). Пожелаем же нашему позитивисту более позитивно взглянуть и на прекрасную страну «Железной пяты», как ее называет Дж. Лондон.

(Печать и Революция. Журнал искусства, критики и библиографии. 1921, книга вторая, август-октябрь, с. 155-161)

Проф. М. Лазерсон

Проф. П.А. Сорокин. Система социологии. Т. I. Социальная аналитика: учение о строении простейшего социального явления. Петр., 1920, стр. XIV+ 360. Т. II. Социальная аналитика: учение о строении сложных социальных агрегатов. Петр., 1921, стр. 9 + 463. Изд-во «Колос».

Автор прокладывает новые пути, от которых до сих пор уклонялись русские социологи. Эти последние шли до настоящего времени по трем тропам: 1) немецкой идеалистической философии истории всех ее видов и периодов; 2) марксизма и 3) национально-русской «субъективно-критической» социологии. В противоположность известному утверждению Н.К. Михайловского, что «исключительно объективный метод в социологии невозможен», Сорокин желает сделать социологию наукой чисто теоретической, лишенной не только выше мною указанных философско-политических оболочек, но и всяких идейных и нормативных предпосылок, до сих пор превращавших все обществоведение, а в частности социологию, в мысль, матерью которой является воля к осуществлению той или иной идеи: права, истины, добра, социального рая и т. д. Мало того. Социология, по Сорокину, должна во имя объективности выбросить всяческий психологический субъективизм и в основу положить явления «предметные», допускающие точное наблюдение. Но вместе с отрицанием психологического субъективизма автор пытается освободиться вообще от всякого рода психологических реальностей, как

неизмеримых и неосязаемых. Всякая психология, по мнению Сорокина, индивидуальна и постольку не в состоянии выяснить межчеловеческие отношения, коллективная же психология, поскольку она действительно изучает человеческое взаимодействие, сливается с предметом социологии вообще (т. I, стр. 41). Это заставляет Сорокина идти в отрицании психологии так далеко, что за бортом социологии как науки должна для него оказаться не только русская социологическая школа Лаврова, Михайловского и Кареева и новейших ее последователей, но и интерпсихологическая теория Тарда, теория Болдуина и стремящиеся к научной точности и измерению теории психофизики общества — Мюнстер-берга или социальной психологии Гельпах (ср., однако, оговорку на стр. 81, т. I о сведении пользования психологическими терминами к минимуму и тут же необоснованное отождествление психического с сознательным). На

место этого автор пытается выдвинуть объективное изучение взаимодействия людей. И, наконец, автор старательно ограждает себя от философского и теоретико-познавательного подхода к социологии, в частности, от всякого рода монизма, в том числе и исторического материализма с его единственным экономическим фактором. Автор определенно примыкает к последовательному социологическому плюрализму (т. II, стр. 430 ел.).

Основным предметом социологии служит не общество и не общение, а те человеческие взаимоотношения, как явления *sui generis*, которые «несводимы пока к физико-химическим и биологическим взаимоотношениям» (т. I, стр. 33). Всю социологию как науку о взаимодействии людей Сорокин разделяет на: 1) социальную аналитику, изложенную в рассматриваемых двух томах, 2) социальную механику и 3) социальную генетику. Вся «Система социологии» должна, по расчету автора, представить обширную работу, охватывающую «по меньшей мере» восемь томов (стр. 21).

Автор со своей антипсихологической точки зрения последовательно отвергает индивида в качестве основной социальной клетки (стр. 95, т. I) в социологии и выдвигает в качестве модели социальной группы «два или большее число индивидов, находящихся между собою во взаимодействии». Мы можем, однако, определенно утверждать, что основная «клетка» социологии Сорокиным не найдена, ибо нельзя же вместе с автором принять за клетку самый *процесс* взаимодействия, так как и само взаимодействие есть нечто весьма сложное, включающее в себя как статические, так и динамические элементы. Сложность эта вытекает из собственного определения Сорокина: «явление взаимодействия состоит из трех элементов: индивидов, их актов и проводников» (стр. 198, т. I). В дальнейшем автор останавливается на анализе трех элементов взаимодействия, при этом меньше всего внимания он уделяет индивидам, ибо здесь он неизбежно наталкивается на психологию. Интересно подразделение актов (действий) и проводников, впервые с такой исчерпывающей полнотой разобранное в русской социологической литературе. Останавливаясь на явлении взаимодействия как коллективного единства, Сорокин попутно дает интересную критику социального реализма и номинализма, сводящуюся к установлению одинаковой неприемлемости обоих течений: общество, отличное от простой суммы не взаимодействующих индивидов, существует, но оно, вопреки реализму, существует не «вне» индивидов, а только как система взаимодействующих единиц. Последняя глава первого тома посвящена рассмотрению космических, биологических и социально-психических (sic!) факторов возникновения, сохранения и исчезновения простых коллективных единств.

Во втором томе устанавливаются понятия 1) *простого* коллективного единства, как совокупности лиц, объединенных в одно взаимодействующее целое каким-либо одним признаком, не сводимым на другие признаки; 2) *кумулятивного* единства, как такой же совокупности лиц, связанных двумя и более сходными элементарными признаками, и 3) *сложного* социального *агрегата*, как совокупности лиц, заключающей в себе два или большее число различных элементарных коллективных единств, или два или большее

число различных кумулятивных групп, или и элементарные, и кумулятивные единства (т. II, стр. 402-403). Исходя из этих схем и понятий, Сорокин пытается «распластать» население на его естественные слои.

Проф. М. Лазерсон

873

При этом примат единого общества или государства исчезает у автора вопреки господствующему учению в социологии и государственном праве. Страницы, посвященные современному государствоведению, резки по тону, но интересны по существу. Элементарные группы, на которые расслаивается современное население культурных стран, подразделяются автором на 1) расовую, 2) половую, 3) возрастную, 4) по семейной принадлежности, 5) по государственной принадлежности, 6) языковую, 7) профессиональную, 8) имущественную, 9) объемно-правовую, 10) территориальную, 11) религиозную, 12) партийную, 13) психоидеологическую (sic! — стр. 420, т. II). Пестроту эту автор объясняет тем, что единственным основанием подразделения служит здесь признак элементарности. Национальность и класс, критическому рассмотрению которых Сорокин посвящает особые параграфы, по содержанию весьма интересные, относятся, по автору, к кумулятивным группам.

Остановливаясь на характере кумуляции, Сорокин очень удачно сравнивает социологическое сродство некоторых элементарных групп с химическим сродством элементов. Но, справедливо борясь против социологической алхимии наших дней, автор не указывает ни пропорций, в которых происходят кумуляции, ни причин сродства. Поэтому перечисление отдельных элементов кумулятивных групп — так, напр[имер], национальность + территориальный + языковой + государственный признаки — подвергается опасности стать чисто номенклатурным.

Сорокин пытается дать собственную антропо-морфологическую систематику сложных социальных агрегатов (стр. 709, т. II). Заметим, однако, по поводу сорокинской систематики, что она была бы неотвратимо убедительной лишь тогда, если самое разделение на кумулятивные группы — класс, нацию и т. д. — основывалось бы на столь же явных признаках, на какие опирается морфология ботаники или зоологии. Но путь социальной аналитики указан Сорокиным, на наш взгляд, правильно.

Мы и в малой доле не исчерпали богатого содержания книг Сорокина, свидетельствующих своими примечаниями об обширнейшей начитанности автора. Скажем только, что в известном смысле они составляют событие в современном русском обществоведении. Опыт советской России косвенно показал слабость обществоведения: до сих пор неизвестны элементы или материалы того, что мы называем обществом, ни сопротивление этих материалов. В атмосфере «голода, тифа и произвола», в обстановке большевистского опыта, о котором, кстати, автор смело и резко отзывается в своих книгах, у русских обществоведов рождается мысль создать бесспорную объективную социологию. П. Сорокин первый русский социолог, который, вобрав в себя всю современную, в особенности англо-саксонскую социологию, пытается освободить эту науку от всяких политических и этических предпосылок и «измов». В настоящий момент, задолго до окончания всего объемистого труда Сорокина, трудно дать надлежащую оценку даже и вышедших двух томов. Но, несмотря на тот описательный формализм, который свойствен этой, скажем, «общественно-беспредпосылочной» социологии, она все же дает солидное основание новым работникам на ниве обществоведения, и поэтому заслуживает и признания, и распространения.

(*Современные записки*. Париж, 1921, № VIII, с. 386-389)

Ив. Боричевский

ОРТОДОКСАЛЬНЫЙ МАРКСИЗМ И РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКАЯ РЕЗИНОВАЯ СОЦИОЛОГИЯ¹

Всякий беспристрастный исследователь, осведомленный в марксистской литературе, знаком со следующими простейшими положениями:

А. Ортодоксальный марксизм связан с именами Карла Маркса, Фридриха Энгельса,

Антонио Лабриолы, Карла Каутского, Георгия Плеханова и Людвиг Крживицкого. Основное положение ортодоксального марксизма гласит: «борясь с внешней природой, человек изменяет и свою собственную природу». Отличие человеческого общества от общества животных заключается прежде всего в том, что человек не бездеятельно приспосабливается к *внешней природе*, а *изменяет* ее, а изменяя ее, он изменяет и свои собственные *общественные* отношения.

В. Борьба человека с природой является основным двигателем истории. Наиболее общий закон исторического развития гласит: все развитие общества в целом определяется теми отношениями, в которые вступают люди в своей борьбе с природой, т. е. *экономическими* отношениями.

С. «Общественная жизнь по самой своей природе деятельна» (Marx — ap[pendix] Engels, Ludw. Feuerb.). Все обнаружения общественного человека находятся в постоянном творческом *взаимодействии* (Marx, Einl. zur Kr. 1857; Mis. d. 1. Phil, etc.), и только в *последнем* счете оно определяется упомянутым законом «зависимости от экономики».

Д. В силу самой же внутренней необходимости общественного (в последнем счете экономического) развития современное классовое общество вызывает необходимость *революц ионного переворота*, который уничтожит последние следы рабства общественного человека перед природой и своими собственными отношениями.

Е. Таким образом, ортодоксальный марксизм надо строго отличать: 1) от вульгарного *экономизма*, который упраздняет деятельную природу общества и превращает его в простое «отрицание» экономических отношений; 2) от вульгарного *идеализма*, который провозглашает «идею» самодовлеющим деятелем истории.

¹ Печатается с сокращениями. —

Прим. ред.

Ив. Боричевский. Ортодоксальный марксизм...

875

Наше поколение является свидетелем событий, изменяющих все «лицо мира», свои вековые «устои» общественной жизни. Спросим теперь: что сделала за эти знаменательные четыре года российская общественная наука? Оказалась ли она на высоте новых требований времени? Об ортодоксальном марксизме мы говорить не будем: его представителям в эти бурные годы было не до «чистой теории». Что же сделала за это время официальная социология? Перед нами лежат два ее главных творения. Первое носит название: «К.М. Тахтарев. Наука об общественной жизни, ее явлениях, их соотношениях и закономерности. Опыт изучения общественной жизни и построения социологии». Заголовок второго гласит: «Проф. П.А. Сорокин. Система социологии. Т. 1. Социальная аналитика. Т. 2. Социальная аналитика» (обещано восемь томов; почему не восемнадцать и не двадцать восемь?). Было бы, конечно, совершенно тщетным предприятием пытаться в краткой статье исчерпать все глубокомыслие этого многообъемного профессорского творчества. Однако вполне позволительно поставить вопрос: может ли оно дать миру что-либо новое по сравнению с изложенными выше достижениями марксистской ортодоксии?

1. Что такое исторический материализм с точки зрения наших «профессоров социологии»? Это прежде всего «монистическая теория экономического фактора» (Наука, р. 13). Выражение довольно нескладное, но смысл его ясен: «*экономизм* во всяком случае есть самая основная черта марксистского мировоззрения» (ib., р. 100). Подобно социальным дарвинистам, марксисты будто бы «весьма склонны отрицать существование более широкой, действительно общественной, а не классовой солидарности» (р. 149). С точки зрения нашего профессора, марксисты, по-видимому, предполагают, что и в социалистическом, *бесклассовом* обществе будет место только для *классовой* солидарности... Само собой разумеется, профессорский Маркс не ограничивается и этим: он будто бы никогда «не говорил о взаимодействии явлений общественной жизни» (sic! ib., р. 335); «понятие взаимодействия, как это хотя и мимоходом, но вполне правильно отмечал Г.В. Плеханов, вовсе не свойственно марксизму» (sic! ib.). Другими словами,

узкий экономизм Маркса считает творческой силой только экономию; все прочее — ее буквальные «отражения»... К этим оракульским изречениям автора «Науки» можно прибавить исчерпывающее и высокаторжественное заявление автора «Системы». «Разрыв с философствованием» означает и разрыв с несчастной идеей «монизма» — «незаконным детищем незаконного брака социологии с философией» (это — о марксизме! — *И.Б.*). «Не так давно еще, особенно в русской публицистике, считалась особенно почетной кличка «мониста». И обратно, название «плюралиста» означало нечто ругательное и низкопробное» (следует ссылка на Плеханова). Автор с большой охотой уступает «монизм» всем, кому не лень наклеить на себя эту этикетку. Он твердо убежден, что «монизм» — результат догматического философствования (Система, т. 1, р. 21). Мы намеренно привели в подлиннике все эти вещания наших прокуроров от социологии. Для каждого беспристрастного читателя должно стать ясно, что вся их критическая мудрость заключается в отождествлении марксизма научного с вульгарным *экономизмом*. Оба профессора социологии не только не имеют никакого сколь-

ко-нибудь наукообразного понятия о марксизме — они не имеют о нем вообще никакого представления. Нет никакой необходимости приводить выписки из Маркса, Энгельса и других основоположников исторического материализма; только совершенный невежда в литературе марксизма может иметь дерзость повторять вслед за немецкими буржуазными фельетонистами, будто хоть один его влиятельный представитель когда-либо отрицал пресловутое «взаимодействие». В заключение отметим, что первый из упомянутых профессоров состоит членом Научного Общества марксистов. [...] Выслушаем теперь следующее заявление: «...Таковы, в основных чертах, главные отделы социологии и основные задачи каждого из них. Нужно ли говорить, что эти задачи необъятны и трудности, встающие на пути их достижения, бесконечны. Вместо неопределенной науки "общих фраз" перед нами вырисовывается грандиозная дисциплина. Вместо дилетантского "социологизирования" и обычая открывать все тайны общественной жизни волшебным ключом какого-либо "фактора", приправленного неизменным "Сезам, откройся", — перед нами рисуется тернистая дорога кропотливого исследователя, требующая гениальных способностей, бесконечных сил, терпения и воли для того, чтобы успешно продвигаться по ней...» Что это? — спросит с недоумением читатель. Широковещательное самопревознесение блаженной памяти Евгения Дюринга, вознамерившегося произвести «переворот во всех науках»? Нет, автор этих слов — Pitirim Sorokin, Professor of Sociology in the University of Petrograd, как это значится на титульных листах «Системы». Несмотря на чрезвычайное развитие своей духовной промышленности, Германия имела только одного Дюринга; юная российская промышленность сразу предложила миру двух великих фабрикантов социологии. Это тем более отрадно, что расцвет их духовной производительности совпал с катастрофическим падением всех прочих видов нашей отечественной промышленности...

4. Предоставим теперь слово автору «Системы», столь беспристрастному в своей самооценке. «В первом томе "Социальной аналитики" был дан анализ структуры простейшего социального явления. Приняв за элементарную форму социального явления факт взаимодействия двух или большего числа индивидов, мы разложили его на элементы; рассмотрели основные свойства этих элементов — индивидов, их акты и проводники; очертили основные виды взаимодействий, и в итоге — совершенно последовательно (*sic!*) — пришли к выводу, что всякая совокупность взаимодействующих индивидов представляет коллективное единство или реальную совокупность»... Понятие глубоко содержательное, всеисчерпывающее определение! Во всяком случае, оно одинаково применимо и к стаду баранов, и к тем «честным правительствам», которые, по меланхолическому заявлению автора, в виде исключения бывают иногда в истории («чтобы обнаружить свою импотентность» — «Система», II, р. 547, п. 239). Перед нами чрезвычайно известный «социологический» метод: простейшим элементом общества

объявляется «взаимодействие двух индивидов», и полученные путем такого «анализа» представления распространяются на все общество в целом. Как справедливо указывает Маркс (Ein. zur Kr. 2; Kap. passim), *робинзоны* —

Ив. Боричевский. Ортодоксальный марксизм...

877

излюбленный метод вульгарной политической экономии (в данном случае вульгарной социологии): сложные *предметные* (конкретные) научные понятия подменяются плоскими и бессодержательными *отвлеченными* понятиями мышления донаучного. Основной вопрос социологии гласит: что такое *человеческое* общество? В чем заключаются его *своеобразные* отличия от обществ животных? Эти своеобразия должны быть установлены так, чтобы они могли послужить исходной точкой для понимания *законов развития* человеческого общества в его *целом*. Вместо этого нам предлагается следующее общее место: «Если один Робинзон не может составить общества, то Робинзон с Пятницей такое общество составить могут» (I, p. 95-96). Взаимодействие *двух* или более индивидов объявляется «моделью социальных явлений» (ib., p. 96). Всякий, кому случалось внимательно прочесть «Анти-Дюринг» Энгельса, тотчас же назовет имя героя, которому принадлежит высокая честь обоснования общественной науки с помощью робинзонад. Познавательная ценность последних не возбуждает сомнений: они были прекрасно известны знаменитому чеховскому учителю словесности, на смертном одре повторявшему то, что всем известно. «Лошади кушают сено и овес». «Волга впадает в Каспийское море»... «Понижение температуры в одном месте может заставить людей стремиться к такому пункту, где эта температура была бы более благоприятной для человеческого организма. Сходное явление видим в мире насекомых, например, тараканов. Теплая температура заставляет их скопиться на кухне, около плиты, печки и т. п. (какая точность анализа! — И. Б.). Падение температуры заставляет их разбегаться и менять холодное место на теплое» и т. д. в том же духе (I, p. 249 sqq.). «Звуки — символы, в виде слов, соединяют людей между собою... Любая фраза, любое слово похоже на электрический ток, возникающий между людьми, дающий им возможность влиять друг на друга и обуславливать взаимное поведение. Их эффекты бывают временами поразительны». «Слово может убить человека... Когда мы слышим ряд звуков-символов: "Мне грустно", "Я ненавижу X-а", "Спенсер был великим мыслителем", "К оружию, пролетарий!", "Долой!", "Да здравствует", "Вперед", "Пли" и т. д., мы тем самым воспринимаем ряд раздражений, доходящих до нас в виде звука и передающих нам идеи, настроения и воления других лиц... Звуковыми же проводниками... пользуемся мы для передачи наших настроений... Пример: "И скучно, и грустно, и некому руку подать", "Безумных лет угасшее веселье мне тяжело, как смутное похмелье", "Здравствуй, племя молодое, незнакомое". Когда кому-либо грустно, он может передать свое настроение "песней без слов"; может, напр[имер], подойти к роялю и играть "Осеннюю песню" Чайковского или "Лунную сонату" Бетховена. Его акты состоят в определенных ударах по клавишам рояля, удары приводят в колебание воздушные волны»... (ib., p. 140). Два увесистых тома на три четверти заполнены подобной учено-обывательской болтовней. Но за исключением случайных сопоставлений с тараканами и сходными существами, мы так и не узнаем от автора, чем же отличается человеческое общество как целое от общества животных.

Энциклопедические познания автора (ссылающегося не только на Бергсона и самого себя, но и «Литературные приложения к Ниве», оперу «Смей-

878

Приложения

ся, паяц» и даже на заборы с советскими афишами) совершенно заслонили от него главнейший вопрос социологии. Впрочем, он обещает нам еще шесть томов... "

[—]

6. «...Население современного города... Здесь элементарных группировок — множество. Комбинации их — богатство. Кумулироваться (т. е. соединяться в сложные группы) при такой "смеси народов, лиц, племен, наречий, состояний" они могут на сотни

ладов. В итоге — все население распадается на десятки и сотни... единств. Если взять население Петрограда, то какое несчетное множество ...групп оно дает: по государственной принадлежности тут есть русские, французы, немцы, англичане, американцы, китайцы, японцы, бразильцы, испанцы и т. д. По языковой группировке здесь живут бок о бок: якуты, зыряне, поляки, украинцы, англоговорящие, франкоговорящие, испанскоговорящие, киргизскоговорящие лица» (и просто болтающие!)... «По партийной группировке: монархисты, анархисты, коммунисты, кадеты, прогрессисты, меньшевики, эсеры и т. п. Профессий сотни» (профессора социологии в том числе)... «Легко понять, насколько сложен и дифференцирован такой социальный агрегат. Одно перечисление его элементарных и кумулятивных (простых и сложных) расслоений заняло бы десятки страниц»... Вывод: «Все теории, пытающиеся объяснить социальные события столкновением и взаимоотношениями каких-либо одних социальных групп, будут ли ими классы (марксизм) или национальности, — *все подобные монистические теории явно и несомненно ошибочны* (курсив автора). Они однобоки. Они близоруки. Они поверхностны». (Ни дать ни взять — фельетон из блаженной памяти «Русского слова»! — И.Б.) «Их представление о структуре населения (общества) соответствует алхимическому периоду химии. Доказывать этот тезис, после всего вышесказанного, нет надобности: вся развиваемая здесь теория служит сплошным его доказательством. Пора со всеми подобными "простыми" теориями расстаться. Для непритворного ума они — хороший пункт отдыха и оправдание своей лени»... Великолепное изложение в высоком фельетонном стиле сразу выдает нам нового Евгения Дюринга, автора «Системы» (II, pp. 673 sqq.). Мы нарочно привели почти полностью эту бесподобную страницу. Начав с провозглашения социологии общим местом, «Система», разумеется, кончила тем, чем кончают все предприятия подобного рода: отрицанием предметных социологических и исторических законов. Или пустопорожние общие понятия, сближающие людей с тараканами, или бескрылый эмпиризм, подменяющий науку о человеческом обществе статистикой петроградского населения. «Таков конечный пункт нашего анализа» (ib., p. 674). Остается только отметить, что наш Евгений Дюринг напрасно думает, будто требование всестороннего учета всех своеобразий «населения» обязано своим появлением его социологическим усилиям: это требование выдвинуто впервые, если не ошибаюсь, Карлом Марксом в его «Введении в политическую экономию» (1857 года! Глава «Метод политической экономии»). Отсюда не ново и отрицание социологических общих законов во имя эмпирических своеобразий: в этом состоит вся мудрость так называемого «идиографического» направления в современной истории культуры... Не будем распрост-

Ив. Боричевский. Ортодоксальный марксизм...

879

раняться о том, что ортодоксальный марксизм всегда был по ту сторону обеих односторонностей: для него *общие* («отвлеченные») законы *социологии* всегда были неотделимы от *своеобразных* («конкретных») законов истории; читатель и без этого по достоинству оценит старое открытие Дюринга, сближающее марксизм с социальной алхимией и теориями «лености»...

7. Мы далеки от мысли отрицать всякое значение за только что отмеченными плодами «гениальных способностей», «тернистого и кропотливого исследования».

Первый из них («Наука об общественной жизни») представляет собой весьма вялый, скучный и несамостоятельный, но, действительно, кропотливый и не бесполезный *библиографический* обзор так называемой современной социологии. Что до второго («Система»), то он являет собою весьма своеобразный и доселе неведомый российской литературе образчик многотомного фельетона, недурно описывающего ту анархию, которая царит в современной социологической мысли.

8. Наконец, в общем и целом оба творения являются первыми провозвестниками на русской почве того социологического течения, которое столь громко заявляет о себе на всех идеологических рынках «заграницы», по преимуществу в Соединенных Штатах Америки, этого надолго еще не достигаемого для нас образчика капиталистической

промышленности. «Для такой политически слабо организованной страны, как Россия, вполне достаточно и 240 000 человек (коммунистов), вооруженных и хорошо организованных, — для того, чтобы господствовать над миллионами неорганизованных и дезорганизованных людей, еще не способных стать настоящими гражданами» (Наука, р. 207). Глубокий сдвиг современной всероссийской действительности находит у наших профессоров социологии и совершенно недвусмысленную оценку, особенно при сопоставлении с граждански сознательной «единой, великой морской Британской Республикой». Последняя «сохраняет только некоторые внешние формы монархии и империи» (ib., р. 138); между тем нынешняя Советская Россия — «простая копия древних военных деспотий» (Система, II, р. 481 прим.). «Писатели, ученые, поэты — чиновники государства. Критику заменяет донос. Оценку—решение комиссара печати... Его деятельность тождественна с деятельностью Магницкого» (ib., II, р. 691, прим. 48). Заниматься всем этим реакционным вздором нет необходимости. Для его сопоставления с истиной достаточно сослаться на то, что на последней книге имеется пометка: «2-я Гос. Тип., Красная, 1». Не лишне отметить разве лишь одно обстоятельство: оба научных исследования местами переходят в злостный памфлет против коммунистической партии. «Критическая работа» самоновейшей социологии нечувствительно переплетается с крохоборством обывателя, с наслаждением подбирающего шипящие легенды о пьяных комиссарах. Правда, «Наука об общественной жизни» не идет в этом отношении так далеко, как «Система», но обе они одинаково показывают, что марксистской социологии российско-американская резиновая социология может противопоставить только одно — недомыслие обывателя.

(Книга и революция. Ежемесячный критико-библиографический журнал. 1922, № 4(16), с. 18-22)

v

Диспут проф. П.А. Сорокина

22 апреля в физической аудитории Петербургского университета состоялся под председательством проф. И.М. Гревса диспут о двухтомном труде проф. П.А. Сорокина «Система социологии» (изд. «Колос», 1920 г.).

Краткие биографические сведения о диспутанте, оглашенные в начале заседания, таковы: родился в 1889 г., отец его — рабочий, мать — крестьянка, учился сначала в Гамской двухклассной школе, затем в учительской семинарии, экстерном сдал экзамены на аттестат зрелости, поступил в Психоневрологический институт, где пробыл год, а затем учился в Петербургском университете, который окончил в 1914 г., будучи оставлен для подготовки к профессорскому званию при кафедре уголовного права. С 1915 г. был преподавателем в Психоневрологическом институте. В 1916 г. сдает магистерские экзамены. С 1917 г. — пр[иват]-доцент Петербургского университета, а с 1920 г. — профессор по кафедре социологии.

Первый крупный ученый труд П.А. Сорокина «Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали». Изд. Долбышева. СПб., 1914. Стр. L + 453, — представляет из себя его еще студенческую дипломную работу. До настоящего времени им напечатано около 38 различных статей, более 100 рефератов в различных периодических изданиях и следующие большие труды: «Элементарный учебник общей теории права». Ярославль, 1920 г., «Общедоступный учебник социологии». Ярославль, 1920 г., представленная к защите «Система социологии» и печатающаяся в изд. «Колос» книга «Голод как фактор в истории и социологии».

Диспут открылся вступительным словом П.А. Сорокина, при большом стечении академической публики — профессуры и студенчества. В этом вступительном слове диспутант отмечает, что работа социологов распадается на две одинаково важные и существенные части: 1) на детальное и подробное исследование отдельных относящихся к области социологии вопросов и 2) на построение цельных социологических систем. Если

бы не существовало таких цельных систем, дающих возможность объединения, систематизации и классифицирования накопленного материала, то даже при наличии высоких по своим качествам исследований отдельных предметов мы имели бы только разрозненные сведения, без их обобщения, наподобие вырванных из книг страниц. С другой стороны, и отсутствие монографии-

Диспут проф. П.А. Сорокина

8 8 1

ческих исследований сильно вредило бы процессу знания. Хотя эти истины известны уже давно, но тем не менее современное состояние социологии сильно отличается от прежнего. Более тщательная и углубленная разработка социологического материала привела к тому, что там, где прежде были общие, подчас мало обоснованные утверждения, мы в настоящее время имеем точные и детализированные законы — теоремы, выраженные подчас не только с качественной стороны, но и со стороны количественной, на «языке богов», т. е. в цифрах. И чем дальше, тем больше растет такая детализация и углубление методов.

Что касается до построения цельного корпуса, то и здесь, благодаря монографическому исследованию частных, является постоянная необходимость добавлять к старому зданию новые и новые постройки, добавочные флигеля, что в свою очередь ведет к усложнению архитектоники. Кроме того, есть разница и в содержании, т. е. отходит в область прошлого стремление с помощью одного ключа раскрыть все тайны, т. е. социологический монизм. В представленной на обсуждение работе и намечены эти два пути, а потому руководящими научными принципами являются: 1. В методологической части, согласно новейшему *communis doctorum opinio*, социология должна пользоваться естественнонаучными методами; поэтому старое противопоставление наук о духе — наукам о природе должно быть отвергнуто. 2. Задачей социолога является описание подведомственных ему явлений и установление между ними функционально-корреляционной связи. 3. Никакая оценка не может быть допущена; всякий нормативизм должен быть изгнан. 4. Объект социологии должен быть транссубъективным и вещественным; таковым является поведение людей. 5. Отсюда вытекает тенденция к пользованию объективным методом, в смысле устранения психологизма. Этим, конечно, не исключается субъективная (психологическая) сторона и интроспективный метод, но они отходят на второй план и помимо того должны в своем изучении связываться с методом транссубъективным.

При выполнении задачи построения цельного корпуса необходимо признать узость старого деления социологии на статику и динамику, из коих первая вообще существовала в виде отдела социологии только номинально и заполнялась случайным содержанием. Исправить эту погрешность и пытаются обсуждаемые два тома социологии. Но и в динамике проблема поставлена слишком узко, так как все силы ученых до сего времени расходовались на открытие и установление эволюционных законов развития неповторяющегося процесса: повторяемые во времени и пространстве социальные процессы почему-то игнорировались и не изучались. Этот пробел должен быть заполнен в следующих томах системы, в социальной механике: в 1-й части ее изучаются явления повторяемые, во 2-й неповторяемые, без изучения повторяемых явлений и само открытие эволюционных законов едва ли возможно. И здесь должны быть устранены упрощенные теории, монизм, так как простота и легкость объяснения процессов возможны только в Шехерезаде, но отнюдь не в науке. Это положение в равной степени применимо и к статике, где тоже надо прекратить попытки к расслоению агрегатов по одной линии: партийной, религиозной, национальной, государственной, классовой, расовой и т. д.

8 8 2

Приложения

Первый официальный оппонент проф. К.М. Тахтарев, указывая на научную ценность и продуманность труда П.А. Сорокина, горячо приветствуя его появление, останавливается на своих разногласиях с диспутантом и, в частности, с последними словами его вступительной речи.

Первый недостаток работы, говорит К.М. Тахтарев, состоит в ее недостаточной социологичности. Задача состоит в выяснении закономерных соотношений между социальными явлениями, поэтому изучение взаимодействия и поведения людей будет относиться скорее к психологии или к этике, чем к социологии, так как эти последние также основаны на понятии взаимодействия. Социология должна изучать *соотношения* тех явлений, которые представляют из себя предмет изучения отдельных гуманитарных наук. Изгнание понятия «общества» из социологии и замена его понятием «коллективного единства», а этого последнего понятием «взаимодействия» ведет к тому, что мы должны будем признать обществом, а потому и предметом социологии взаимодействие волков и овец, муравьев и находимых у них в муравейниках вшей и т. д. Это совершенно поверхностный подход к делу.

Если мы обратимся теперь ко 2-й части «Системы», то, несмотря также на ее талантливость и ценность, надо признать, что и она недостаточно социологична. Большая заслуга диспутанта в детализации отдельных положений и установлении зависимости поведения индивида от тех групп, в которые он входит, как выражается диспутант, абонентом. Но и здесь имеются различные пробелы вроде того, что проф. Сорокин указывает как на одну разновидность групп на группы антагонистические.

Признак антагонизма никоим образом не может служить *fundamentum divisionis*, так как в указанном случае мы будем иметь не одну группу, а ан-тагонизирующие друг с другом две группы. В представленных к диспуту тезисах также неустранимое противоречие: один из них (17-й) требует изгнания из социологии монизма, а следующий (18-й) вводит монизм, так как в нем указывается, что голод как фактор влияет и на поведение людей, и на изменение социального устройства, и на убеждения *socius'ov* и т. д. Неверным представляется и путь, по которому идет проф. Сорокин под сильным влиянием Бебауиг'изма, который в сущности представляет из себя разновидность психологической школы, хотелось бы, чтобы диспутант поскорее освободился от этого влияния и стал на чисто социологическую почву.

В заключение оппонент еще раз подчеркивает талантливость обсуждаемой работы, ее искренность, безбоязненность и смелость искания истины.

П.А. Сорокин, благодаря К.М. Тахтареву за лестный отзыв о книге и ее разбор, заявляет о невозможности соглашаться с возражениями. Относительно несоциологичности его системы он указывает, что устраняемое им понятие «общества» является настолько расплывчатым и туманным, что никак не может оказать помощи социологу, вреда же может причинить сколько угодно. Несociологичность, якобы следующая из стремления подчинить социологию другим наукам, в частности биологии, таковой не является, так как и науки о мире органическом ничуть не стесняются обосновываться на науках о мире неорганическом, так биология черпает очень много из химии и физики и т. д. — Разница между этикой и социологией совершенно очевидна, так как социология изучает «сущее», а этика указывает рецептуру «должного». Разница между психологией и социологией так-

Диспут проф. П.А. Сорокина

883

же совершенно отчетливо выражена в 1-м томе системы. Возражения, сделанные против признания антагонистической группы за особую разновидность несостоятельны, так как это относится не к группам элементарным, а к группам кумулятивным. Так, в настоящее время в такой группе, как кумуляция подданных РСФСР и православно верующих, представляющей из себя несомненное единство, мы имеем в то же время и сильный антаг-низм, хотя бы по вопросу об изъятии церковных ценностей. — Указанное противоречие между § 17 и § 18 тезисов противоречием вовсе не является, так как в § 18 не говорится о том, что голод есть единственный, все объясняющий и все производящий фактор, а говорится, что он является «одним из важнейших факторов». Поэтому упреки в монизме несостоятельны.

Следующим официальным оппонентом выступал проф. Н.И. Кареев, тоже

начавший с похвал диспутанту в его работе и с заявления, что работа представляет собой ценный вклад в науку, что он многому от него научился, много почерпнул для себя новых данных, особенно о новейшем течении социологии «Бєауіог'изме» и т. д. Переходя к возражениям, проф. Кареев прежде всего отмечает чрезвычайную размашистость труда — которая дает ему возможность применить к диспутанту характеристику: «раззудись плечо, размахнись рука», — и видит в этом, наряду с большим количеством чисто публицистических мест, один из существенных недостатков книги. Далее, жестоким нападкам со стороны оппонента подвергается Бєауіог'истическая позиция П.А. Сорокина, его стремление порвать с психологизмом, желание работать с помощью одних только объективных методов и то неуклюжее развитие в данном направлении, которого он придерживается; как особенная заслуга П.А. Сорокина и самой ценной частью его работы является, по мнению проф. Н.И. Кареева, разработка и изучение статистики, с большинством положений которой он вполне согласен. Так, он считает совершенно правильным упразднение термина «общество» в его органическом виде, хотя находит, что необходимо его сохранить под иным названием, так как понятие населения для этой цели совершенно не подходит. (Оно есть простая сумма индивидов.)

Совершенно недопустимым считает оппонент злобное отношение диспутанта к философии, этике и т. д. и желание обособиться от них в своей работе. Неправильным является и упразднение проблемы о взаимоотношениях между личностью и обществом.

Заканчивает свое выступление проф. Н.И. Кареев словами, что хотя П.А. Сорокин и находится на верном пути, но он часто сбивается с него на одну глухую тропинку, которая может завести его в дебри, имя этой тропинки — Бєауіог'изм.

П.А. Сорокин в своих ответах оппоненту указывает, что размашистость труда и, в связи с этим, некоторая его неразработанность отмечены им самим в предисловии к 1-му тому и что это объясняется исключительно условиями переживаемого времени¹. Некоторая доля публицистики объясняется также отчасти указанным обстоятельством.

Что касается до вопроса о правильности его Бєауіог'истической и объективистской позиции, то диспутант указывает, что в настоящее время и среди психологов замечается этот поворот, тем более он обязателен для соци-

¹ Книга писалась в 1918-1919 г.

олога. Некоторая утрированность этого метода и его односторонность полезны в настоящее время, когда ему еще приходится бороться со своими врагами, но несомненно впоследствии отпадут от него. — Диспутант не согласен с замечанием проф. Н.И. Кареева, что понятие «общество» надо сохранить хотя бы под другим термином, потому что оно ничего из себя для науки не представляет. — Злобное якобы отношение к философии относится совсем не к ней, а только к дурному философствованию, к умозрительности в социологии, каковая кроме вреда ничего не причиняла. — Проблема «личности и общества» совершенно логически отпадает за отрицанием существования общества, но по отношению к отдельным социальным группам такая проблема остается.

Следующим официальным оппонентом выступал проф. И.И. Лапшин, который прежде всего отметил, что хотя П.А. Сорокин и против философствования, но в своем труде он такового не избежал, так как сам является сторонником материалистического монизма в своем стремлении свести психические процессы к физико-химическим и выражении надежд, что это со временем и будет достигнуто наукой. Бєауіог'истическая позиция неправильна потому, что доведенный до логических пределов behavior'НЗМ сам себя хоронит. Единственно в виде чего он может быть допустим, — это в виде известного методологического приема, и тогда он принесет известную пользу. Совершенно напрасно диспутант полагает, что восприятие чужой психики основывается на умозаклключениях по аналогии или интуиции; оно основывается на эмоциональном взаимозаражении. Устанавливаемая проф. П.А. Сорокиным «мозаичность», «множественность душ» вовсе не представляет собою чего-либо нового. Это концепция довольно старая. Заканчивая

свои возражения, Ив. Ив. Лапшин присоединяется к мнению предыдущих оппонентов о ценности и талантливости обсуждаемой работы.

В своем ответе диспутант, отмечая в сторону упрёки в материализме как неправильные, сосредоточивается преимущественно на вопросе о Бебайюг'изме и говорит, что если проф. Ив. Ив. Лапшин допускает объективизм как методологический прием, то и он в свою очередь допускает в качестве методологического приема — субъективизм. Неправильным он находит положение о самоуничтожении Бебайюг'изма при его логическом продолжении. В заключение диспутант благодарит Ив. Ив. Лапшина за разбор его книги.

Из неофициальных оппонентов выступали проф. Н.А. Гредескул и пр [и-ват]-доц[ент] СИ. Тхоржевский, которые, в общем присоединяясь к предыдущим оппонентам в положительной оценке труда П.А. Сорокина, останавливались на некоторых разногласиях с ним.

Ввиду отмены в настоящее время ученых степеней и невозможности присудить диспутанту степень магистра, диспут закончился заявлением проф. И.М. Гревса о единогласном признании историческим исследовательским институтом работы удовлетворительной, и таким образом косвенным путем цель диспута была достигнута. Многочисленная публика наградила диспутанта долго несмолкаемыми аплодисментами.

(*Экономист*. Вестник XI отдела Русского Технического Общества.

Пг., 1922, № 4-5, с. 277-280)

КОММЕНТАРИИ

Том I

В основу настоящего издания положен текст единственной прижизненной публикации: *Сорокин П.* Система социологии. Т. 1-й. Пг.: Колос, 1920 (титул и авантитул первого тома воспроизведены на с. 15-16, второго — на с. 347-348). Текст печатается без всяких сокращений и каких-либо существенных изменений. Разумеется, исправлены явные грамматические ошибки и опечатки, и вообще правописание приведено по возможности в соответствие с современными нормами. Незначительные изменения касаются курсива, который, как заметит читатель, П.А. Сорокин чрезвычайно любит и порой явно им злоупотребляет. По-видимому, по техническому недосмотру курсив в ряде случаев не доведен до своего «логического конца», а иногда выходит за его пределы. Этот недостаток также устранен, но в целом авторский курсив сохранен по всему объему книги.

Непреодолимые трудности для современной редакции представляют библиографические сноски и подстрочные примечания Сорокина. Мало сказать, что вся эта работа выполнена автором небрежно, — она выполнена чудовищно небрежно. В целом ряде случаев Сорокин одно и то же литературное произведение, на которое ссылается, в разных местах книги называет по-разному; нет единой системы сокращений и последние порой с большим трудом поддаются расшифровке; имена иностранных авторов транскрибируются по-разному и т. д., и т. д., и т. д. Отчасти в этом недостатке виноваты «внешние условия», в которых вынужден был работать П.А. Сорокин и о которых он сам пишет в «Предисловии», отчасти сказывается отсутствие в то время в России обязательных правил унификации библиографии, отчасти же вина лежит, конечно, и на самом авторе. В настоящем издании этот недостаток тоже по возможности устранен, тем не менее, в случае затруднений и особенно при вторичном цитировании источников, на которые ссылается автор, читателю следует обращаться к «Указателю имен и цитируемой литературы».

«Система социологии» по замыслу автора должна была состоять, «по меньшей мере», из восьми томов (структуру всего труда см. на с. 63 наст. издания), из них опубликованы только два тома.

В списке своих неопубликованных работ, вывезенных из России в 1922 г., Сорокин называет: «Революция. Социологическое исследование револю-

888

Комментарии

ции» (12-14 п. л.), «Коммунистическое общество, его примеры в истории, его сущность, причины и следствия» (критика коммунизма) (ок. 15 п. л.), третий том «Системы социологии», посвященный учению о социальных силах (ок. 30 п. л.), «Класс пролетариата в ряду других социальных классов» (антропология, психология и социология пролетариата) (ок. 20 п. л.), «Война как социальный факт» (ок. 5 п. л.), «Оправдание мещанства и обывательщины» (ок. 6 п. л.), «Социологические этюды», сборник статей (ок. 15 п. л.) (Новая русская книга. Берлин, 1922, № 10, с. 7-10).

Ни одно из этих сочинений на русском языке издано не было, хотя внешних препятствий для их публикаций на Западе П.А. Сорокин не встретил. За короткий период своего пребывания в Чехословакии он издал четыре книги, в том числе второе, сокращенное издание «Системы социологии» (т. I: Социальная аналитика, ч. 1. Учение о строении простейшего (родового) социального явления. Прага: Кн-во «Хутор», 1923; на обложке указан 1924 г.) и несколько статей, но ни одно из этих произведений не совпадает по названию с теми, которые перечислены в приведенном выше списке.

Ко второму изданию «Системы социологии» Сорокин написал предисловие:

«Данное издание первых двух томов моей "Системы социологии" отличается от первого лишь тем, что оно сокращено приблизительно на 300 страниц по сравнению с первым. Это сокращение, вызываемое требованиями переиздания, удалось произвести без особого ущерба. Никаких других изменений я не внес, ибо не имею оснований что-либо менять по существу. Напротив, познакомившись теперь с работой социологической мысли Европы и Америки за последние годы, я констатирую с удовольствием, что моя мысль в изолированной России шла в ногу с европейско-американской социологической мыслью. Стоит взять понятие социологии, конструируемое хотя бы Кельнским Социологическим Институтом в лице проф. L. von Wiese, или ряд новейших американских социологических монографий (Ross'a, Patrick'a и др.) и особенно работы американских behaviorist-социологов, чтобы видеть не только сходство постановки и решения проблем социологии, начиная с самого понятия социологии и ее архитектоники, но временами почти тождество. Такое совпадение взглядов исследователей, работавших изолированно и независимо друг от друга, служит для меня добавочной гарантией правильности положений, развитых в этих томах. Praha, июнь 1923 г.» (с. XIII).

Основные идеи третьего тома «Системы социологии» изложены П.А. Сорокиным в «Общедоступном учебнике социологии» (Ярославль, 1920) (переиздание: *Сорокин П.А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет.* М.: Наука, 1994, с. 3-188). Как сильно «разросшиеся» части третьего тома можно рассматривать книги Сорокина «Голод как фактор» (Пг., 1921; см. прим. 13* на с. 892) и «The Sociology of Revolution» (London-Philadelphia, 1925; М. РОССПЭН — Территория будущего, 2005). И еще две книги могут рассматриваться как своего рода продолжение «Системы социологии»: «Social Mobility» (New York, 1927; русский перевод: М.: Academia — LVS, 2005) и «Contemporary Sociological Theories» (New York, 1928) (см.: *Голосен-*

Комментарии к с. 19

889

ка И.А. Социология Питирима Сорокина // История буржуазной социологии первой половины XX века. М., 1979, с. 120).

В конце 20-х годов произошла идейная переориентация П. А. Сорокина. Свои прежние воззрения он отнес теперь к умеренной форме «русского бихевиоризма» (*Sorokin P. Russian Sociology in Twentieth Century // American Journal of Sociology.* 1927, vol. 31, p. 58-59). Это и явилось основной причиной, в силу которой «Система социологии» в целом не была завершена.

Десятилетие 1927-1937 гг. Сорокин посвятил созданию новой «интегральной системы» социологии. Его результатом явился капитальный четырехтомный труд «Social

and Cultural Dynamics», который вместе с другим фундаментальным трудом П.А. Сорокина—«Society, Culture and Personality: Their Structure and Dynamics. A System of General Sociology» (New York, 1947) — можно считать реализацией замысла, началом воплощения которого и является «Система социологии».

ПРЕДИСЛОВИЕ

¹* В книге «Современное состояние России» П.А. Сорокин писал: «Самыми ужасными... годами для профессуры были 1918-20 гг. Получая ничтожное вознаграждение и то с опозданием в 3-4 месяца, не имея никакого пайка, профессура буквально вымирала от голода и холода. Смертность ее повысилась в 6 раз по сравнению с довоенным временем. Комнаты не отапливались. Не было ни хлеба, ни тем более других „необходимых для существования“ благ. Одни в итоге умирали, другие не в силах были вынести все это — и кончали с собой. Так покончили известные ученые: геолог Иностранцев, проф. Хвостов и еще кое-кто. Третью унес тиф. Кое-кого расстреляли. Моральная атмосфера была еще тяжелее материальной. Немного профессоров найдется, которые не были бы хоть раз арестованы, и еще меньше, у кого несколько раз не производились бы обыски, реквизиции, выселение из квартиры и т. д., и т. д. Прибавьте к этому многообразные "трудовые повинности" в форме пилки дров, таскания тяжелых бревен с барж, колку льда, дежурства у ворот. Для многих ученых, особенно пожилых, все это было медленной смертной казнью. Так погибли акад[емик] Шахматов, акад[емик] Тураев и многие др[угие]. В силу всех этих условий ученые и профессора стали вымирать с такой быстротой, что, напр[имер], заседания совета Университета превращались в перманентные "почитания памяти". На каждом заседании оглашались 5-6 имен, отошедших в вечность. Раскройте VI и VII книги "Русского Исторического журнала" — и вы увидите, что они почти сплошь состоят из некрологов» (Сорокин П.А. Современное состояние России. Прага, 1922, с. 76-77).

²* Противопоставление «наук о природе» «наукам о культуре» было теоретически обосновано неокантианцами баденской школы, особенно В. Вин-дельбандом и Г. Риккертом. Последний, в частности, считал, что эти два типа наук различаются прежде всего по своим методам познания: «естествознание генерализирует», в то время как «цель истории» заключается в «изоб-

890

Комментарии к с. 19-21

ражений единичного и индивидуального хода действительности» {Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. СПб., 1911, с. 81, 97}.

³* Т. е. разнородные (от греч. ἑτέρος — иной, другой и γένος — род, происхождение).

Впоследствии Сорокин полностью отказался от этой идеи. В одной из поздних своих работ он писал: «Подобно христианской Троице Отца, Сына и Св. Духа Любовь, Истина и Красота являются величайшими ценностями или энергиями — неразделимыми, но отличными друг от друга.

По этой причине подлинная истина всегда добра и прекрасна, подлинная красота неизменно истинна и добра, а подлинная любовь всегда истинна и прекрасна. Потенциально каждая из них содержит две другие» (цит. по: Сорокин П.А. Таинственная энергия любви // Социологические исследования. 1991. № 8, с. 123).

⁴* Герцен А.И. Сочинения. М., 1956, т. 3, с. 319. «Монтионовские премии» — премии за добродетельные поступки, названные по имени французского филантропа барона Антуана Монтиона (1733-1820), оставившего большую часть своего состояния для благотворительных целей.

⁵* Эта статья А. Пуанкаре составляет девятую главу его книги «Последние мысли» (Пуанкаре А. О науке. М., 1990, с. 654-668). «Нет и никогда не будет научной морали в собственном смысле слова, — утверждает Пуанкаре, — но косвенным путем наука может оказаться помощницей морали» (Указ. соч., с. 668).

⁶* Имеются в виду научные идеи академиков И.П. Павлова и В.М. Бехтерева, на

труды которых Сорокин в дальнейшем неоднократно ссылается.

^{7*} Это утверждение в таком широком смысле, как формулирует его П.А. Сорокин, так же недоказуемо, как и противоположное ему. Например, Г.В. Плеханов не без основания писал о П.Я. Чаадаеве: «Одним "Философическим письмом" он сделал для развития нашей мысли бесконечно больше, чем сделает целыми кубическими саженьями своих сочинений иной трудолюбивый исследователь России "по данным земской статистики" или бойкий социолог фельетонной школы» (*Плеханов Г.В. Пессимизм как отражение экономической действительности // Сочинения. М. - Л., 1925, т. X, с. 134*).

^{8*} Критике «монистического взгляда на историю» Сорокин посвятил немало страниц. В рецензии на книгу Н.И. Бухарина «Теория исторического материализма» он писал: «Последовательно проведенный тезис гр. Бухарина означает, что все общественные изменения в конечном счете есть функция одной независимой переменной — состояния производительных сил (а). Короче: "Все =/(а)". Не нужно большого размышления, чтобы признать вздорной такую проблему. Одно и то же \dot{y} (состояние производительных сил) не дает одни и те же эффекты в обществе готтентотов и англосаксов, под тропиками и в полярных странах, среди людей ленивых и трудолюбивых, в обществе разбойников и правовом. А это значит, что играет роль и раса (B), и характер природной среды (c), и характер рефлексов населения (d) и т. д. Если же так, то, очевидно, нельзя исключать ни B , ни c , ни d и т. д., и предыдущую формулу приходится переделать в такой вид "все =/($y, B, c, d...$), т. е. рассматривать исторические явления как функцию многих независимых переменных, т. е. приходиться к столь необ-

Комментарии к с. 22-23

891

ходимому гр. Бухарину плюрализму. И он, собственно говоря, и приходит к нему. Но, желая быть "монистом", догматически отрекшись от него и в итоге плодит одно самопротиворечие за другим» (*Сорокин П.А. О русской общественной мысли. СПб., 2000, с. 213-214; см. также: Социологические исследования. 1988, № 6, с. 95; впервые рецензия была опубликована в журнале «Экономист». 1922, № 3*).

^{9*} *Социальная статика*, согласно О. Конту, изучает строение человеческого общества. Элементарной «клеточкой» общества он считал не индивида, а семью, которая уже включает в зародыше основные социальные отношения. Кооперации многих семей для достижения общей цели требуется единое правительство (Конт различал две власти: светскую и духовную).

Социальная динамика рассматривает развитие или прогресс общества и всего человечества. В основу этой части социологии Конт кладет свой «закон трех стадий» (теологическая, метафизическая и научная, или позитивная, стадии развития человеческого мышления).

^{10*} Вот что пишет о Зепалове исследователь жизни и творчества П.А. Сорокина Ю.В. Дойков: «Родился 20 июля (по старому стилю) 1892 года в Великом Устюге. В 1910 году кончил полный восьмиклассный курс Велико-Устюгской мужской гимназии. За отличные успехи в науках педагогический совет наградил его серебряной медалью. Одновременно с Зепаловым аттестат зрелости в Велико-Устюгской гимназии получил и Питирим Сорокин, а также их общий друг — Василий Богатырев. В том же году все трое поступили в Санкт-Петербургский университет...

В отличие от Сорокина, Зепалов... вступил в ряды социал-демократической партии (меньшевиков) в 1908 году в 16 лет. Уже в 1911 году Зепалова за участие в студенческих волнениях исключили из университета. И понеслась судьба — аресты, тюремные камеры... В какой-то момент Зепалов учился в Московском университете. В 1916 году написал статью "Преступность пяти северо-восточных уездов Вологодской губернии за последние годы (1912-1915", опубликованную "Известиями Вологодского общества изучения Русского Севера" (1917, № 4).

В том же 1917 году была опубликована в Великом Устюге его монография "Очерк истории законодательства о бродяжничестве и нищете во Франции". В предисловии к ней

профессор СВ. Познышев писал: "Будем надеяться, что за этим первым трудом юного автора последуют другие его работы над тем же сложным вопросом, одну страничку истории которого он изложил в настоящем сочинении"...

После февральской революции Петр Зепалов в родном Великом Устюге, будучи одним из лидеров местных социал-демократов, стал комиссаром юстиции. Вологодский губернский комитет РСДРП осенью 1917 года выдвинул Зепалова кандидатом в члены Учредительного Собрания.

После переворота 25 октября 1917 года Зепалов занял резко антибольшевистскую позицию. В газете "Волна", редактором которой он стал 25 декабря 1917 года, писал замечательные статьи...

В начале июня 1918 г. в Великий Устюг приехал Сорокин. Созданный в Москве подпольный "Союз Возрождения России" поручил ему организовать восстание против большевиков...

892

Комментарии к с. 23-26

Одновременно с высадкой войск союзников в Архангельске предполагалось поднять восстание по всему Северу. По целому ряду причин успешно осуществить переворот удалось только в Архангельске (2 августа 1918г.), хотя весь Север буквально пылал всеобщим антисоветским восстанием. Удержались большевики — утопили в крови ярославское, рыбинское, костромское и т. д. восстания.

13 октября 1918 г. в районе Пермогорья Зепалов был арестован Архангельской ЧК. Привезен в Велико-Устюгскую тюрьму (Архангельская ЧК после бегства из Архангельска обосновалась в Великом Устюге) и после краткого "следствия" в ночь на 4 ноября расстрелян. Было Петру Николаевичу Зепалову всего-навсего 26 лет. За что же конкретно его убили? А вот за что. В постановлении о расстреле читаем:

За статью "Мертворожденный декрет".

За скрытую агитацию против Советской власти.

За открытую агитацию в печати

За побег из-под ареста с подложными документами.

...Ну, а те, которые приговаривали и расстреливали Петра Зепалова? Сохраним и их имена: председатель Губчека П. Лукьянов, секретарь Влад. Виленчик, командир первого коммунистического боевого отряда П. Брун» (*Дойков Ю.* Друг Питирима Сорокина // Вельск-инфо. 2002, № 30 (378), 28 августа - 4 сентября, с. 7).

^{11*} Сорокин перефразирует знаменитые слова Спинозы: «Не осмеивать человеческих поступков, не огорчаться ими и не клясть их, а понимать» (*Спиноза Б.* Избранные произведения. М., 1957, т. II, с. 288).

12* Цитата из вступления к «Евгению Онегину» А.С. Пушкина, которая часто встречается в статьях и книгах П.А. Сорокина.

^{13*} Здесь прежде всего подразумевается директор книгоиздательства «Колос» Ф.И. Витязев-Седенко (не названный Сорокиным по вполне понятным причинам). В 1922 г. издательство готовилось выпустить еще одну книгу П.А. Сорокина — «Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь». После высылки Сорокина из страны отпечатанный тираж этой книги был конфискован властями и уничтожен. Витязеву удалось спасти несколько экземпляров ее первых 17 печатных листов. Один спасенный им экземпляр имеется в Российской Государственной библиотеке (бывшей им. В.И. Ленина). Подробнее о необыкновенной судьбе этой книге см.: *Сапов В.В., Сычева В.С.* Судьба книги — судьба автора // Сорокин П.А. Голод как фактор. М., 2003, с. III-ХП).

ГЛАВА I

^{1*} «Взаимодействия животных и растительных организмов» изучают соответственно зоо-социология и фито-социология, как их и именует в дальнейшем П.А. Сорокин.

^{2*} При этом сам А.А. Чупров ссылается на Риккерта: «Познать мир, представляя

себе порознь все единичные формы, как они существуют, — зада-

Комментарии к с. 27-40

893

ча, принципиально неразрешимая для конечного человеческого духа» (*Рик-керт Г. Границы естественно-научного образования понятий. Логическое введение в исторические науки. СПб., 1904, с. 33).*

^{3*} Своего рода (*лат.*).

^{4*} Направление в социологии конца XIX - начала XX вв., рассматривавшее общество как аналог природного организма и объясняющее социальную жизнь посредством прямой проекции на нее биологических закономерностей. Из цитируемых Сорокиным авторов представителями «органической школы» были Г. Спенсер и А. Эспинас, П.Ф. Лилиенфельд, Я. Новиков.

^{5*} Совокупная энергия индивида внутри его поля сохраняется постоянной при всех ее превращениях (*фр.*).

^{6*} С соответствующими изменениями (*лат.*).

^{7*} См. прим. 1 на с. 892.

^{8*} *Тропизмы* — определенные движения организмов, происходящие под влиянием различных раздражителей. Тропизмы называются положительными, если движение направлено в сторону раздражителя, и отрицательными, если от раздражителя. В зависимости от раздражителя различают несколько родов тропизмов: хемотропизмы, под влиянием химических веществ, гелиотропизмы — под влиянием света, геотропизм — под влиянием силы тяжести, электротропизм и т. д.

Таксисы — двигательные реакции свободно передвигающихся микроорганизмов и простейших растений. Различают фототаксисы, термотаксисы, гальванотаксисы, хемотаксисы и т. п.

^{9*} Инфузория-туфелька — простейший организм.

^{10*} Явления «социального рода» как вид явлений «специфического рода»

(*фр.*).

^{11*} Обязательность (*фр.*); здесь: способность человека к социальному общению, «социабильность».

^{12*} Это означает, что если в социологии применить логический прием, который заключается в переходе от простого к сложному, то примитивные «социальные» факты окажутся более полезными для сравнительной социологии, занимающейся исключительно человеческим обществом, чем для сравнительной антропо-зоологической социологии; такое сложное человеческое чувство, как «вера» не соответствует чему-либо в животном мире, но обнаруживает себя у слаборазвитых в социальном отношении людей: такое мощное социальное образование, как трест, можно сравнивать с любым другим видом человеческой ассоциации, но не с муравейником. Стремление найти соответствие между явлениями симбиоза и потребительской кооперацией приводит к установлению лишь метафорической, если не сказать смехотворной, аналогии между ними (*фр.*).

^{13*} «Психологическая школа» в социологии возникла в конце XIX - начале XX вв. Представители этой школы (Л.Ф. Уорд, Ф. Гиддингс, У. Мак-Даугалл, М. Лацарус и др.) стремились объяснить все общественные явления и процессы психическими процессами и явлениями, происходящими в сознании индивида или общества.

^{14*} «Закон классификации наук», по словам О. Конта, «заключается в распределении различных наук, согласно природе изучаемых явлений, либо

894

Комментарии к с. 41—49

по их убывающим общности и независимости, либо по их возрастающей сложности» (*Конт О. Дух позитивной философии (Слово о положительном мышлении). СПб., 1910, с. 70).* В соответствии с этим законом Конт строил свою «"неизменную иерархию", состоящую из шести основных наук: математики, астрономии, физики, химии, биологии и социологии; из них первая необходимо составляет исключительный отправной пункт последней, являющейся единственной основной целью всякой положительной

философии...» (Там же, с. 72).

^{15*} *Синестезия* (от греч. συνάιστησις — совместное чувство) — феномен восприятия, состоящий в том, что впечатление, соответствующее данному раздражителю и специфичное для данного органа чувств, сопровождается другим, дополнительным ощущением или образом, например: «цветной слух».

В данном случае имеется в виду явление «социальной синестезии», примером которой может быть явление, подмеченное Ф. Верфелем: «Первое, чем воздалось Османской империи за причиненное армянам зло (имеется в виду геноцид армян в 1915 г. — В.С.), было внезапное обесценение турецких бумажных денег. ...Мудрецы-экономисты в стамбульских университетах давали сбивчивые объяснения по поводу этого загадочного и столь внезапного обесценения бумажных денег. Да ведь и поныне ни один премудрый экономист не постиг, что денежное обращение может зависеть от того, как котируются обществом моральные ценности» (*Верфель Ф.* Сорок дней Муса-дага. Ереван, 1988, с. 135).

^{16*} Понятие «номотетического» (от греч. νομό τέττο — издавать, устанавливать законы) и «генерализующего» метода введено в науку В. Виндельбандом и развито Г. Риккертом.

«Опытные науки, — по мнению Виндельбанда, — ищут в познании реального мира либо общее, в форме закона природы, либо единичное, в его исторически обусловленной форме; они исследуют, с одной стороны, неизменную форму реальных событий, с другой — их однократное, в себе самом определенное содержание. Одни из них суть науки о законах, другие — науки о событиях; первые учат тому, что всегда имеет место, последние — тому, что однажды было. Научное мышление — если позволительно воспользоваться новыми словообразованиями — в первом случае есть *номотетическое мышление*, во втором — мышление *идиографическое*» (*Виндель-банд В.* Прелюдии. Философские статьи и речи. СПб., 1904, с. 320).

«Естествознание, — считает Г. Риккерт, — не сможет, во-первых, никогда изложить в своих понятиях *все* особенности исследуемых объектов, ибо количество их в каждой разнородной непрерывности неисчерпаемо, и, во-вторых, оно будет, даже и при самом подробном знании, основанном на каком угодно количестве образованных понятий, всегда видеть несущественное в том, что присуще одному только объекту. ...По всем этим основаниям мы можем назвать, поэтому, естественно-научный метод генерализующим...» (*Риккерт Г.* Науки о природе и науки о культуре. СПб., 1911, с. 80-81).

"* «Верность» и «благородство» (нем.).

Комментарии к с. 51-62

895

^{18*} Имеется в виду «принцип экономии мышления», разработанный Р. Авенариусом, Э. Махом, В. Вундтом.

^{19*} Для данного случая, специально для определенной цели (лат.).

^{20*} Кареев определяет социологию как «науку, делающую своим предметом общество во всех сторонах его бытия». «На современную биологию, — пишет он, — мы имеем право смотреть как на философию всех отдельных наук, изучающих отдельные стороны органической жизни на земле: значение такой же обобщающей и объединяющей философии принадлежит и социологии» (*Кареев Н.* Введение в изучение социологии. СПб., 1897, с. 2-3).

Согласно В.М. Хвостову, «названием "социология" со времен Конта обозначается *основная и наиболее общая наука об обществе*. Существует очень обширная группа наук, которые все в совокупности покрываются общим названием *социальных или общественных наук*. Все эти науки имеют своей задачей исследование отдельных сторон общественной жизни.

...Но, как бы ни были абстрактны и общи выводы отдельных групп общественных наук, есть такие общие вопросы, которые не входят в компетенцию ни одной из них. Такой характер имеет вопрос о том, *что из себя представляет самое общество и процесс*

его жизни во всей его полноте. Ясно, что подобного вопроса не может делать предметом своего исследования ни история, ни философия, ни экономика, ни юриспруденция или политика, так как он выходит за пределы компетенции всех этих наук и в то же время является основополагающим для них, ибо от ответа на этот вопрос зависит и характер ответов на те частные и более узкие вопросы, которые разрешаются этими общественными науками. Разрешение этих основных вопросов об обществе и берет на себя *социология* или общая наука о явлениях общественности. Социология оказывается такой же основной наукой для группы общественных наук, какой биология... оказывается для наук, изучающих отдельные проявления жизни и отдельные стороны жизненной организации, каковы анатомия, физиология, ботаника, зоология» {Хвостов В.М. Социология. Введение. Ч. I. Исторический очерк учений об обществе. М., 1917, с. 1-2).

ГЛАВА II

¹* М.М. Ковалевский, на которого далее ссылается П. Сорокин, определяет «генетическую социологию» как «ту часть науки об обществе, его организации и поступательном ходе, которая занимается вопросом о происхождении общественной жизни и общественных институтов, каковы: семья, собственность, религия, государство, нравственность и право, входящие на первых порах в состав одного и того же понятия дозволенных действий в противоположность действиям недозволенным» {Ковалевский М. Социология. СПб., 1910, т. II, с. 1}.

²* См. прим. 8 на с. 890-891.

896

ГЛАВА III

Комментарии к с. 66-91

¹* «Все связано цепью необходимости и устроено к лучшему» (*фр.*) — основная максима философа Панглоса из философской повести Вольтера «Кандид» (*Вольтер. Орлеанская девственница. Магомет. Философские повести. М., 1971, с. 414*). В образе философа Панглоса Вольтер создал пародию на учение Г. В. Ф. Лейбница о «предустановленной гармонии».

²* Соответственно (*лат.*).

³* Отличительная особенность всего, что может быть названо психической жизнью (*англ.*).

⁴* Процесс индивидуального мышления в совокупности с условиями и предпосылками, которые его обуславливают (*англ.*).

⁵* Сознание — это функциональная фаза развития более сложного механизма, для большинства нестереотипных действий которого рефлекторный аппарат непригоден; почти аналогичным образом тропизм у парамеции и сосательный рефлекс у младенца являются функциональными фазами элементарных и врожденных нервно-мышечных устройств их организма (*англ.*).

⁶* Тем самым (*лат.*).

⁷* Теперь сравним наше определение психологии как науки о поведении с тем более распространенным ее определением, согласно которому психология есть наука о душе (*англ.*).

⁸* Здесь: душа, «психика» (*англ.*).

⁹* Мы постигаем душевные состояния других людей не путем логического умозаключения, как это утверждают некоторые психологи, а интуитивно, непосредственно — точно так же, как познаем мы многие из свойств окружающего мира (*англ.*).

¹⁰* Сторонниками «субъективного метода» в социологии были П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский, Н.И. Кареев, В.М. Чернов и др. «Объективный метод» отстаивали главным образом марксисты Г.В. Плеханов («К вопросу о развитии монистического взгляда на историю// Избранные философские произведения. М., 1956, т. I) и В.И. Ленин («Что такое "друзья народа" и как они воюют против социал-демократов?»).

«Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» // Полное собрание сочинений. 5-е изд., т. 1).

В основе «субъективного метода» лежит положение о детерминации исторического и социологического знания нравственным идеалом исследователя и представление о человеке как существе, наделенном «свободной волей» («вздорной побасенкой о свободе воли» назвал это представление В.И. Ленин // Указ. изд., т. 1, с. 159).

"* Как угодно много; до бесконечности (*лат.*).

"* С полной ясностью; совершенно четко (*лат.*).

"* Интроспекция (от лат. *introspecto* — смотрю внутрь) — самонаблюдение, основной метод психологии до возникновения в начале XX в. гештальтпсихологии.

"* Сторонники «психофизического параллелизма» считают, что между психическими и физиологическими процессами существует структурное

Комментарии к с. 95-136

897

соответствие, но отсутствует причинно-следственная взаимосвязи. Основы психофизического параллелизма были заложены в трудах Н. Мальбранша, Лейбница, Гартли; в XX в. его пытались возродить сторонники гештальт-психологии.

ГЛАВА IV

¹* См. прим. 4 на с. 893.

²* Единицей изучения в социологии является, таким образом, *socius*, иначе говоря, индивидуум, который берется не только как животное, обладающее разумом, но и как член сообщества, ученик, учитель, сотрудник (*англ.*).

³* Социальными следует считать все те явления, которые нельзя объяснить, не принимая во внимание воздействия, оказываемого одним человеческим существом на другое (*англ.*).

⁴* Правильно: «Лига наций» — международная организация, выполнявшая в 1919-1939 гг. приблизительно ту же роль, что и современная ООН. СССР стал членом Лиги Наций в 1934 г., в 1939 — исключен в связи с началом советско-финляндской войны.

⁵* Своего рода (*лат.*).

⁶* Они (голод и любовь) являются основными причинами всех поступков, и можно сказать, что практически все человеческие страсти так или иначе обусловлены ими (*нем.*).

⁷* Т. е. не «человек разумный», а «человек, изготавливающий орудия» (*toolmaking animal* — определение Б. Франклина).

⁸* Помышление к действию у человека всегда чувственно окрашено (*итал.*).

⁹* Пережитки и производные (*итал.*).

¹⁰* Зрелищ! (*лат.*).

"* Потребность быть ценным в коллективе, получить одобрение, которую испытывает индивидуум, — является сильнейшим чувством (*итал.*).

"* Вечный двигатель (*лат.*).

Эта история рассказана Данте в романе «Новая жизнь». Согласно основному принципу утилитаризма, *польза* является главным критерием (в том числе — этическим) человеческих поступков. Наиболее видным «утилитарианистом» после И. Бентама был Дж. Ст. Милль (см. его книгу «Утилитарианизм». СПб., 1900).

¹⁵* Двигательная система (*англ.*).

¹⁶* Из более близких к нам примеров можно указать на О.И. Скороходову — советского ученого (кандидата психологических наук), педагога и литератора. Будучи слепоглухонемой, она обучалась в школе проф. И.А. Соколянского; автор книги «Как я воспринимаю и представляю окружающий мир» (М., 1954; переиздана в 1990).

"* Этот эпизод описан в кн. 8, гл. VII.

¹⁸* «Неизвестная земля» (*лат.*); здесь: чем-то неисследованным.

">* См.: Кн. 12, гл. VI-XIII.

¹³*

¹⁴* 1

^{20*} Смерть языков — это смерть наций (*фр.*).

^{21*} Имеется в виду слово «ом» (a-u-m) — священное слово, которое символизирует три Веды. «Этот звук есть этот слог — бессмертный и бесстрашный, — говорится в Чхандогья-Упанишаде. — Находя в нем убежище, боги становятся бессмертными и бесстрашными» (Древнеиндийская философия. Начальный период. М., 1972, с. 87).

^{22*} Неточная цитата из Евангелия от Иоанна (1,1).

^{23*} Цитаты из стихотворения М.Ю. Лермонтова «И скучно и грустно» (1840) и из стихотворений А.С. Пушкина «Элегия» (1830) и «Вновь я посетил...» (1835).

^{24*} «Изобразительным искусством» называется в узком смысле слова способность делать видимым и надежно запечатлевать процесс мышления. Поэтому к изобразительному искусству относятся живопись, рисование и письменность (*нем.*).

^{25*} Айны — народность на о. Хоккайдо (Япония), до XVIII в. жили также на Камчатке, а до начала XX в. на Южном Сахалине и Курильских островах, где ассимилировались с нивхами и ительменами. Занимались охотой и рыболовством.

^{26*} Во время охоты, когда несколько человек стреляют в одного медведя, знаки на стрелах должны помочь определить, кто стрелял первым, кто лучше целился и кому, следовательно, должны достаться лучшие куски убитого животного: сердце, грудинка, печенка и т. д. (*фр.*).

^{27*} Тот, кто воспринимает внешнее раздражение, субъект восприятия (от лат. *percipio* — ощущаю, воспринимаю).

^{28*} Строевой шаг в предусмотренных случаях, отдавание чести знамени, принятие офицерской присяги, присвоение звания перед строем, награждение орденами, парады и войсковые смотры (*фр.*).

^{29*} Органицисты (см. примеч. 4 на с. 893) считали, что «соединительную ткань общества» образует коллективный разум, сознание, волеизъявление, являющееся самостоятельной реальностью, не сводимой к сознанию индивидов.

^{30*} Человеческий полип является тем коралловым рифом, на поверхности которого живут и строят последующие поколения. Поколения живут и умирают, каждому из них достается результат предыдущих поколений, а то, что создают они за время своей жизни, они передают последующему поколению. Этот результат составляет большую часть величественного фундамента человеческой культуры. Поколения, следуя друг за другом, постепенно, слой за слоем, создают массивную глыбу цивилизации (*нем.*).

^{31*} Классическую формулировку этой теории дал У. Джемс: «Мы опечалены, потому что плачем; приведены в ярость, потому что бьем другого; боимся, потому что дрожим...» (Джемс У. Психология. М., 1991, с. 9).

^{32*} Не знаем (*лат.*).

^{33*} Точнее: из описания Днепра в X-й главе «Страшной мести» Н.В. Гоголя (Собрание сочинений в 7-ми тт. М., 1966, т. 1, с. 189-190).

^{34*} Согласно Л. Леви-Брюлю, в первобытном мышлении отсутствуют законы формальной логики (закон противоречия). «Коллективные представления» в первобытном обществе носят «дологический характер», мыш-

Комментарии к с. 182-205

ление же отдельных индивидов может быть вполне логичным. Закон патриципии (сопричастия), на который ссылается П.А. Сорокин, утверждает «единосущность» тех или иных предметов или явлений (отсюда возникает «тотем»). Книга Леви-Брюля, указанная Сорокиным, переведена на русский язык в 1951 г. под названием «Первобытное мышление».

^{35*} Q_T слова «ВИКЖЕЛЬ» (Всероссийский Исполнительный комитет железнодорожных профсоюзов) — названия организации, которая в первые месяцы после октябрьского переворота 1917 г. с резкой враждебностью отнеслась к власти

большевистского правительства. В начале 1918 г. ВИКЖЕЛЬ был преобразован в ВИКЖЕДОР, в котором большинство голосов принадлежало большевикам.

^{36*} Да свершится правосудие, хотя бы погиб мир (*лат.*).

^{37*} Каждому свое (*лат.*).

^{38*} Имеется в виду раздел «Товарный фетишизм и его тайна» в 1-й гл. 1-го тома «Капитала» (*Маркс К, Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд., т. 23, с. 80-93.*)

^{39*} Салютование знамени имеет большую силу внушения. Знамя в сопровождении эскорта, под музыку, в присутствии командира полка выносится и показывается построенным войскам. Горнисты трубят: К выносу знамени! Оркестр исполняет национальный гимн... Это впечатляющее зрелище, оно возбуждает чувство патриотизма, поднимает дух армии... И теперь, когда раздастся сигнал тревоги, каждый, в душевном порыве, будет искать глазами этот славный кусок шелка, и знамя — теперь всем понятный символ — сотворит чудо, которое только оно одно и может сотворить: две тысячи человек, как один, думают одно и то же, одна и та же решимость наполняет их сердца, одни и те же слова у всех на устах: Клянемся никогда не отступать, всюду следовать за тобой и, если потребуется, отдать за тебя жизнь (*фр.*).

^{40*} Имя может существовать, объединяя предметы таинственным образом, без видимой причины (*итал.*).

^{41*} Судьба, Победа, Равенство, Благой исход, Согласие, Изобилие, Учение, Молва, Счастье, Общая вера, Слава, Почет, Молодость, Свобода, Душа, Мир, Преданность, Богатство, Провидение, Всеобщее благополучие, Человечность, Святость, Добродетель.

^{42*} Бого-человечество (*итал.*).

ГЛАВА V

* Здесь: «воздействовать — испытывать воздействие, не воздействовать — не терпеть, воздействовать — терпеть» (*лат.*).

«Все возможные виды поведения, — по утверждению Л.И. Петражицкого, — все возможные действия могут быть сведены к трем категориям: к положительным действиям, воздержаниям и терпениям. Это деление действий на три категории было известно уже римским юристам, которые в некоторых специальных областях права различали *facere*, *non-facere* и *pati* как три возможных вида обязательного поведения» (*Петражицкий Л.И. Те-*

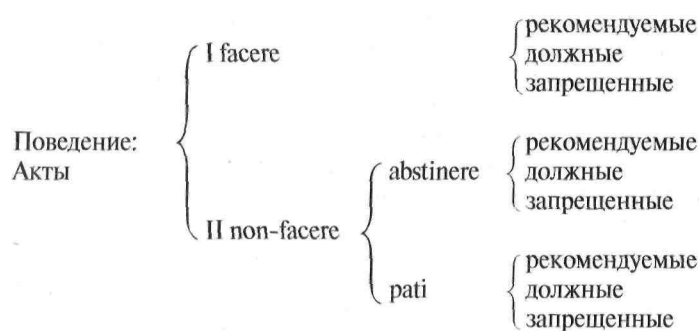
900

Комментарии к с. 206-232

ория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 1907, т. II, с. 418-419).

Точку зрения Петражицкого П.А. Сорокин впоследствии несколько усложнил. По его мнению, «совокупность всего поведения человека распадается на ряд актов или поступков, а последние при всей их эмпирической разнородности представляют 1) или делание чего-нибудь (*facere*) 2) или неделание (*non-facere*) чего-нибудь, в свою очередь распадающиеся на разновидности а) актов воздержания (*abstinere*) и б) актов терпения (*pati*)» {*Сорокин П.А. Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. СПб., 1914, с. 46.*}

С точки зрения уголовного и наградного права все эти акты подразделяются еще на рекомендуемые, дозволенно-должные и запрещенные. В целом Сорокин предлагает такую классификацию актов поведения:

(Там же, с. 53)

^{2*} Господство и подчинение (*нем.*). Согласно Г. Зиммелю, «господство есть не просто результат превосходства в силе, оно требует для своей реализации и, в свою очередь, предполагает наличие целой сети *взаимных* отношений между правителем и подчиненным» (*Ионин Л.Г.* Георг Зиммель — социолог (Критический очерк). М., 1981, с. 61).

^{3*} Б такие общественные взаимодействия вовлекаются другие лица, в них участвуют как те, кого они непосредственно объединяют, так и другие члены общества, внутри которого они осуществляются (*фр.*).

^{4*} Семейное положение (*лат.*).

^{5*} Борьба за жизнь (*англ.*).

^{6*} Умение жить, сноровка (*фр.*).

^{7*} Материю социальной организации образуют мысли, под которыми подразумеваются любые продукты умственной деятельности: образы, знания, сведения (*англ.*).

^{8*} Сложная смесь, соединение, мешанина (*лат.*).

^{9*} Деятельность: 1) совместная, 2) защитная или оборонительная, 3) благотворительная, 4) разоблачительная, 5) пасторская, 6) надзирательная, 7) воспитательная, 8) производственная, 9) селективная (*фр.*).

Комментарии к с. 232-247

901

^{10*} Товарищество, взаимодействие, поручительство, ученичество, посредничество, попечительство, покровительство (клиентаж), опекуновство, вассалитет, рабство (*англ.*).

"* 1) Оценка, 2) использование, 3) описание, 4) социализация (*англ.*).

ГЛАВА VI

^{1*} Коллективное существо (*нем.*).

^{2*} Абсолютное тождество (*фр.*).

^{3*} Итак, общество ни в коем случае не является чем-то сверхлогичным или алогичным, бессвязным и фантастическим, как его очень многие любят изображать. Напротив того, коллективное сознание является самой высшей формой психической деятельности, так как в нем сливаются воедино все индивидуальные сознания (*фр.*).

^{4*} Я хочу показать, что существует подлинная социальная единица, весьма отличающаяся от того, что мы называем единицей индивидуального опыта (т. е. индивидом. — *В.С.*), которая если и не более реальна, то, по крайней мере, более независима, чем эта последняя (*англ.*).

^{5*} Всегда стремится превзойти саму себя (*фр.*).

Ср.: «В разумном существе заложено то, чем оно может превзойти самого себя». «Жизнь — это как бы усилие, направленное к тому, чтобы поднять тяжесть, которая падает». «Жизнь... кажется как бы усилием, направленным на то, чтобы накопить энергию и потом пустить ее по податливым, изменчивым каналам, на оконечности которых она должна выполнить бесконечно разнообразные работы» (*Бергсон А.* Творческая эволюция. М. - СПб., 1914, с. 135, 220, 227).

^{6*} Сначала мысленно представьте организм; пусть это будет всего лишь биологическая клетка, являющаяся не чем иным, как абстракцией, образованной от

физических атомов или монад; соедините жизнь с сознанием, т. е. совсем непонятное с более понятным; затем «социализируйте» то, что вы мысленно уже получили; сообщите каждому психо-физиологическому элементу стремление жить в сообществе, ассоциации, образовавшийся агрегат снабдите правительством, чем-то вроде монарха, наделенного душой, чье чувство, интеллект, воля будут министрами... Будет ли это научным достижением? Не затемним ли мы еще больше картину такой вынужденной аналогией? (фр.).

^{7*} Общественное сознание не может существовать иначе, как через сознания индивидов (фр.).

^{8*} Образ жизни (лат.).

^{9*} Не можем (лат.).

^{10*} Вид как таковой существует; социальная организация существует... но... наблюдать их можно только через индивиды (фр.).

902

ГЛАВА VII

Комментарии к с. 252-304

^{1*} Точнее: нефти.

^{2*} Здесь: мигрирующий рабочий, переселенец.

^{3*} Главным фактором, от которого зависит существование любой ассоциации, равно как и степень этой зависимости, является ее полезность для выживания (англ.).

^{4*} Сколько угодно; до бесконечности (лат.).

^{5*} Подобное лечат подобным (лат.).

^{6*} Поиски подобного (фр.).

^{7*} Она [потребность в сходстве] проявляется в чрезвычайном нежелании отличаться во взглядах или целях от других людей, особенно взрослых. Зачастую это побуждает людей говорить то, что, по их мнению, является приятным, и даже отклоняться от истины, — лишь бы угодить другу. У некоторых стремление к самоотречению заходит настолько далеко, что интуитивно усваивая каким-то мистическим путем определенную систему вкусов и симпатий, они вырабатывают в себе чуть ли не страсть говорить только то, что угодно священникам (англ.).

^{8*} Теорию развития «совершенного человечества в единую нацию» И.Г. Фихте разрабатывал в трактатах «Основы естественного права» (1796), «Замкнутое торговое государство» (1800) и лекциях «Основные черты современной эпохи» (1806). «Постепенно осуществляется, — писал Фихте, — первая основная черта мирового плана, всеобщее распространение культуры, и... будет непрерывно продолжаться этот процесс до тех пор, пока весь род, населяющий нашу планету, не сольется в единую республику культурных народов» (Фихте. Современные черты современной эпохи. СПб., 1906, с. 147).

^{9*} Никомахова этика, 1097Ы1 (Аристотель. Сочинения в 4-х тт. М., 1984, т. 4, с. 63).

^{10*} Под сенью законов и конституции, законодательных и судебных органов штатов выросло множество расовых различий, которые федеральные суды и Конгресс, при всем желании, бессильны отменить (англ.).

^{n*} Последний довод (лат.). Происхождение выражения — надпись на французских пушках, которая чеканилась на них до 1790 г.: *ultima ratio regis* — последний довод королей. Такая же надпись была выполнена на прусских пушках по приказу короля Фридриха II.

^{n*} Стремление находиться среди себе подобных, страдание от одиночества, тоска при расставании с супругом и способность к развлечениям, носящим общественный характер: веселью, смеху, радостным порывам. От них произошли общественные развлечения, игры, состязания, танцы, застолья и дружеские встречи (англ.).

^{13*} Вальденсы (*niш* лионские бедняки) — приверженцы религиозной ереси,

возникшей в XII в. среди плебейских масс южнофранцузских городов и затем распространившейся среди сельского населения Южной Швейцарии, позднее в Германии и Чехии. По преданию, название получено по имени лионского купца Пьера Вальда, который в 1176 г. создал общину «совершенных», давших обет не владеть собственностью, не иметь семьи и не ду-

Комментарии к с. 305-316

903

мать о завтрашнем дне. Они отрицали католические таинства, перевели Евангелие на народные языки, отказывались от подчинения духовным и светским властям, более того — требовали их ликвидации. Учение вальден-сов было осуждено в 1215 г. IV Латеранским собором. В XV в. папа Сикст IV предпринял против них крестовый поход. В 1545 г. французские войска учинили над ними массовую расправу в Дофинэ. Массовые избиения вальден-сов имели место в 1655 и 1685 гг.

Катары (от греч. Kataros — чистый) — последователи широко распространенной из Южной Франции с конца XII в. ереси, в начале XIII в. проникшей в Англию и северную Германию, вплоть до Пруссии, и сомкнувшейся с еретическими движениями Северной Италии. По своему мировоззрению катары были дуалистами, во многом смыкавшиеся с манихеями: все зло в мире они объявляли порождением дьявола, а поскольку церковь освящала подобные «порождения дьявола», катары объявляли и ее дьявольской силой. Катары создали свою религиозную организацию; поощряли добровольный уход из жизни, самоубийство. Одной из ветвей катаров были *альбигойцы*, против которых в начале XIII в. были организованы истребительные «альбигойские войны». К концу XIII в. движение катаров было почти полностью подавлено, чему способствовали и элементы непротивленчества в их учении.

^{н*} Кровная месть не ограничивается пределами того поколения, в котором она возникла... до тех пор, пока вражда не заканчивается из-за «отсутствия бойцов», пока одна из групп не будет полностью истреблена или достаточно наказана (*нем.*).

^{15*} Происхождение и сущность государства почти целиком и полностью определяется первым шагом его существования и тем общественным устройством, которое победители заставляют принять побежденных с той единственной целью, чтобы власть первых над последними была урегулирована и предотвратила как внутренние восстания, так и возможные внешние нападения (*нем.*).

^{16*} Не влечение подобного к подобному.., а война или угроза войны были причинами того, что на всем протяжении истории непрерывно обнаруживается агломерация сообществ. Группы, возникшие слишком рано, сформировавшиеся до появления естественных социализирующих сил, выполнили свое предназначение (*англ.*).

^т «В борьбе обрешь ты право свое» — девиз партии эсеров. «Православие, самодержавие, народность» — «формула» самодержавного правления Николая I, выдвинутая министром народного просвещения С.С. Уваровым.

^{18*} Совокупность благ (*лат.*).

^{19*} Неподвижная точка, центр (*фр.*).

^{го*} Договор всех евреев, заключенный с Иеговой, представляет собой подлинную мощь и смысл их национального единства (*нем.*).

^{21*} Королевская власть проявляется, таким образом, всегда как единственный центр, где примиряются все политические оттенки (*фр.*).

^{2bl} Право запрета (*лат.*).

^{23*} Схема в оригинале отсутствует.

904

Комментарии к с. 316-341

^{м*} Так как невозможно было без особых усилий установить духовное единство по поводу решения основных проблем, избирателям пришлось спланировать вокруг партийного знамени и его померкнувшей славы (*фр.*).

^{25*} Разрозненные части (*лат.*).

^{26*} Противоречие в определении (*лат.*).

^{27*} В зависимости от системы социальной организации, мы можем разделить племена на две основные группы, *но при этом не следует забывать, что это лишь приблизительное разделение, берущее за основу только одну эту особенность (англ.)*.

^{28*} Не всегда есть возможность сделать это удовлетворительно, так как неизбежно обнаруживается некоторое количество пересекающихся подразделений согласно тем образцам, которые были установлены. Так, например, если примем за образец систему родства, то племя Бинбинга попадает в группу Варрамунга, если же пренебречь этой одной особенностью и принять во внимание их обычаи и верования, они, без сомнения, очень тесно связаны с группой Мара (англ.).

^{М*} См. прим. 20 на с. 898.

Комментарии к с. 349-355

905

Том II

ПРЕДИСЛОВИЕ

^{1*} Здесь: сложных и суммарных (от лат. *simulatio* — скопление).

^{2*} На основании имеющихся биографических данных можно указать более или менее точную дату, когда П.А. Сорокин «расстался с чудесными иллюзиями»: это произошло осенью 1918 г., когда он скрывался в вологодских лесах после свержения архангельского «контрреволюционного» правительства Н. Чайковского. «Именно здесь, — писал впоследствии Сорокин, — для меня стала особенно ясной вся огромность катастрофического революционного шквала, неизжитая еще тогда почвенность большевизма, невозможность уничтожения его наружно-хирургическим путем и необходимость его "органического изжития", "внутреннего саморазложения" путем — трагического, быть может, смертельного — опыта самого народа. Без этого опыта ничто не научит. После него — если народ не погибнет — он будет застрахован от новых повторений. Тут же я понял всю тщету надежд на «союзников», эгоистичность их целей и безнадежность попыток военного подавления большевизма извне... Учиться у союзников и Запада нужно многому, но возлагать на них какие-либо надежды, а тем более жертвовать в связи с этим надеждами хотя бы одним человеком для их целей — глупо. Только сила, одна сила, является языком, понятным в международных отношениях... Остальное — один "нас возвышающий обман", за который приходится дорого расплачиваться. Много чудесных иллюзий и окрыляющих фантазий исчезло у меня за дни и ночи лесной жизни... И, по-видимому, исчезло навсегда...» (Сорокин П. На лоне природы // Современные записки. Париж, 1923, т. XV(II), с. 278).

^{3*} Человеку свойственно ошибаться (лат.).

ГЛАВА ПЕРВАЯ

^{1*} Т. е. в состоянии, в котором находилась биология до создания немецким физиологом Теодором Шванном (1810-1882) в конце 30-х гг. XIX в. клеточной теории.

^{2*} В трактовке тотема и тотемической группы П.А. Сорокин, по-видимому, следует за своим учителем М.М. Ковалевским, согласно которому,

906

Комментарии к с. 357-377

тотемизм — это «признание того или другого растения, животного или неодушевленного предмета не только патроном, но и родоначальником того или другого деления или подразделения племени...

Все лица, объединенные культом этого дерева или этого растения и животного, считаются близкими по крови...» (Ковалевский М. М, Социология. СПб., 1910, т. II, с. 269).

^{3*} Букв.: коллектив-идея и коллектив-вещь, т. е. идеальный (воображаемый) и реальный коллектив {нем.}.

^{4*} Об отношении Сорокина к «нормативно-телеологическим принципам» см. его статью «Нормативная ли наука этика и может ли она ею быть» (Этическая мысль. Научно-публицистические чтения. 1990. М., 1990, с. 327-348).

^{5*} Олюторы — малочисленная народность Камчатки, проживающая на территории

нынешнего Корякского национального округа.

^{6*} Великое существо (*Grand Etre*) — объект культа позитивной религии, разработанной О. Контом; совокупное человечество, в состав которого посмертно (через семь лет после смерти) включаются лишь наиболее достойные с той или другой степенью апофеоза.

^{7*} Сорокин имеет в виду следующее высказывание Б. Паскаля: «Последовательная смена людей есть один человек, пребывающий вечно». Эти слова находятся в малоизвестном сочинении Паскаля — «Предисловии к рассуждениям о пустоте» (*Oeuvres de B. Pascal. Paris, 1923, vol. II, p. 127-145*); возможный источник, из которого почерпнул эту паскалевскую мысль Сорокин, — «Философические письма» П.Я. Чаадаева, где она дважды цитируется. См.: *Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. М., 1991, т. 1, с. 380-381, 416*; об источнике цитаты — там же, с. 704.

^{8*} При прочих равных условиях (*лат.*).

^{9*} Почему именно «румынскими»? А не французскими, английскими или американскими? Иллюстративный материал такого рода не имеет, конечно, никакого теоретического значения. Тем не менее, читателю «Системы социологии» полезно иметь в виду, что П.А. Сорокин предпочитал использовать в качестве примеров и иллюстраций материал либо автобиографический, либо остро актуальный. Недаром Н.А. Гредескул в статье «Прошлое и будущее (По поводу университетского дня)» писал, что «Система социологии», «как колчан стрелами, наполнена политическими колючками и намеками» (Красная газета. 1922. 26 февраля).

В данном случае Сорокин, возможно, вспомнил обстоятельства своего первого ареста в январе 1918 г. Он был арестован вместе с Аргуновым и помещен в 63-ю камеру Трубецкого бастиона Петропавловской крепости. На стене камеры они увидели нарисованные карандашом фигуры двух мужчин и надпись: «Здесь сидели румынский посол и атташе румынского посольства» (*Sorokin P. A. A Long journey. New Haven, Conn., 1963, p. 142*).

^{10*} Вероятно, имеется в виду «Послание Патриарха Тихона чадам Православной Российской Церкви» от 8/21 июля 1919 г.

^{11*} Племя аборигенов Австралии, которое исследовали этнографы Л. Файсон и А.В. Хауитт, авторы книги «*Kamilaroi and Kurnai*» (Melbourne, 1880).

^{12*} Послужной список, букв.: «бег жизни» (*лат.*).

Комментарии к с. 381—409

907

^{13*} Некоторые разнородные группы [*Verbindungstypen*] могут обрести свою окончательную социологическую форму только внутри пространственной области, которую они полностью собой заполняют, не оставляя места ни для какого второго экземпляра. Другие [группы] в любом количестве — с точки зрения социологии их количество безразлично — могут занимать одну и ту же территорию; поскольку они не имеют внутренней пространственной связи, между ними не может быть и территориальных конфликтов (*нем.*).

^{14*} Здесь: партийное собрание, руководство, партаппарат (*англ.*).

^{15*} Горстки людей достаточно для того, чтобы создать мощную организацию, охватывающую тысячи избирателей (*фр.*).

^{16*} Способы силового воздействия, подкуп, те или иные обещания, а также и другие доводы (*англ.*).

^{17*} См.: *Авторханов А. Происхождение партократии. Frankfurt/Main: Посев, 1973, т. 1-2. «...Истоки сталинизма, — пишет Авторханов, — надо искать, во-1-х, в тоталитарной "философии власти" Ленина в виде учения о "диктатуре пролетариата", как "новом типе" государства; во-2-х, в тиранической системе организации этой диктатуры, которую, по словам Ленина, может осуществлять непосредственно не сам „пролетариат“, а только его "авангард" — аппарат ЦК большевиков (система, которую я назвал... "партократией"); в-3-х, в криминальном происхождении сталинского крыла большевизма (знаменитая*

кавказская "боевая дружина" "эксав"...); и наконец, в-4-х, в криминальном образе мышления самого Сталина» (Указ. соч., т. 1, с. 38-39).

¹⁸* Конкретный вопрос (лат.).

¹⁹* Нравится это или не нравится некоторым ученым, дело обстоит так, что человеческое общество не гомогенно — не однородно, индивиды различаются по своим физическим, моральным и интеллектуальным свойствам (итал.).

²⁰* Поскольку в действительности между людьми существуют различия, они [люди] неизбежно образуют разные группы, имеющие определенный вид занятий и особые интересы, между которыми столь же неизбежно возникает противоборство (итал.).

²¹* Никогда не основываются на каком-нибудь элементарном признаке, но всегда лишь на таких признаках, которые имеют «составляющие» (итал.).

^{2bl} Не соответствуют ни одной из тех группировок, которые обнаруживаем в конкретных случаях (итал.).

ГЛАВА ВТОРАЯ

¹* Букв.: «к этому», для данного случая, для данной цели (лат.).

²* В точном смысле слова (лат.).

³* Своего рода, своеобразный (лат.).

⁴* В дополнение (лат.).

908

Комментарии к с. 414-438

⁵* От греч. *kerphale* — голова; не очень удачный перевод термина Гид-дингса «*Cerphalic Race*» (см. в тексте выше, пункт «d»).

⁶* «Род» у греков и римлян. Сорокин не дает перевода, по-видимому, по той причине, чтобы читатель не счел *gens* как бы сильно разросшейся семьей; термин *gens* в данном случае употребляется в социально-антропологическом смысле, имеющем множество различных трактовок. Например, М.М. Ковалевский считал, что «первобытный род не может быть отождествлен с совокупностью агнатов, или лиц, родственных между собою по отцу... Мы должны признать родом всякую совокупность семей, правильно или неправильно считающих себя связанными узами крови (все равно, по отцу или по матери), культом, общим родственникам, единством имени, коллективной ответственностью, как уголовною, так и гражданскою, иногда и общей собственностью или, точнее, нераздельным пользованием» (Ковалевский М.М. Социология. СПб., 1910, т. II, с. 94).

⁷* Основание деления (лат.).

⁸* Видовое различие (лат.).

⁹* Для мудрого (понимающего) достаточно (так как он понимает с полуслова) (лат.).

¹⁰* С соответствующими изменениями (лат.).

¹¹* В наше время П.А. Сорокин вынужден был бы добавить: «без соответствующего хирургического вмешательства».

¹²* Аллюзия на евангельское изречение: «...Говорю вам: удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие» (Мф. 19, 24).

¹³* Т. е. соотносительной связи, которая выражается не однозначным соответствием одного объекта или явления другому (в данном случае «могущества групп» и их «закрытости» или «открытости»), а в их взаимной зависимости друг от друга и возможной их зависимости от одного или нескольких других факторов.

¹⁴* Смысл, разумное основание (фр.).

¹⁵* Однородность; здесь: одинаковость (от греч. *homogenes*).

¹⁶* Следовательно (лат.).

¹⁷* В данном случае: «массовые (букв.: всеобъемлющие) партии».

¹⁸* Типы пропорций человеческой головы, учитывающие соотношение длины и ширины черепа, продольного и поперечного его диаметра. У *брахицефала* (букв.: «короткоголового») ширина черепа больше 0,8 его длины; у *долихоцефала*

(«Длинноголового») ширина головы составляет 0,75 ее длины; у *мезоцефала* («среднегодового») это соотношение колеблется в пределах от 0,75 до 0,79. С помощью этих пропорций головы можно выделить локальные антропологические типы. Со времен средневековья по сравнению с предшествующими эпохами наблюдался процесс брахицефализации; со второй половины XX в. процесс пошел в обратном направлении (дебра-хицефализация): т. е. черепа становятся уже и длиннее. Черепной показатель не связан с умственными способностями.

¹⁹* Так как между людьми существуют физические различия, то они и чувствуют по-разному. А те, кто по-разному чувствуют, по-разному будут мыслить и оценивать. Наконец, те, кто по-разному мыслят и оценивают,

Комментарии к с. 439-445

909

будут и поступать по-разному. Но именно благодаря поступкам человек физический и человек мыслящий превращаются в человека социального. Люди объединяются друг с другом, руководствуясь общностью чувств, мыслей и поступков. Следовательно, формируются социальные группы, каждая из которых имеет собственное лицо и свою цель. Затем между группами возгорается пламя борьбы, так как хотя они и полностью гомогенны (или почти полностью), они непохожи друг на друга, что неизбежно ведет к возникновению противоборства между их чувствами, суждениями, занятиями и поведением, как это бывает и между непохожими друг на друга людьми (*итал.*).

²⁰* В переводе на русский язык эти ругательства звучат, конечно, довольно слабо (перевод приблизительный): «черномазый», «кочегар», «тык-воголовый»; «пушистый-душистый», «деревенщина» (букв.: красношей), «бледнолицый», «рыжий черт»; «коричневая макака», «краснокожий».

²¹* Принцип, на основании которого держится кастовое деление, тот же, что и для деления на расы, — это различие в цвете кожи... Расовый предрассудок... пронизывает собой все поведение членов данной касты... и направлен на то, чтобы сохранить доминирующий тип в сравнительной чистоте (*англ.*).

²²* Существенная и наиболее известная характеристика касты (*англ.*).

²³* t[то пользы в напрасных законах там, где нет нравственности (*лат.*) — цитата из Горация (Оды III, 24, 35).

²⁴* Неуклонно и стремительно растущих расовых предрассудков в Америке (*англ.*).

²⁵* Мы с вами принадлежим к разным расам. Вашу расу угнетают. Но даже и тогда, когда вы избавитесь от ига рабства, вы будете все еще далеки от того, чтобы сравняться с белой расой... На этом континенте ни один представитель вашей расы никогда не будет равен хотя бы одному представителю нашей расы. Ищите, где с вами будут обходиться лучше, но проклятие, лежащее на вас, все равно останется (*англ.*).

²⁶* Трения (между белыми и черными) постоянны и неизбежны... Расовые предрассудки несомненно, растут... Трения и конфликты неизбежны (*англ.*).

^{In} Сегодня индейцы все еще остаются сломленным и подавленным народом, разьединенным и изолированным, запуганным и подавленным, лишенным свободы и ограниченным в правах, обреченным на нищету и вырождение. Это народ, лишенный родины, чужой в собственном доме, которому некуда бежать (*англ.*).

²⁸* Япошки — не того цвета (*англ.*).

²⁹* Индейцы не ассимилируются (*англ.*).

³⁰* Несовершенные законы (*лат.*).

³¹* Поправка к закону об ограничении прав иммигрантов (*англ.*).

ⁿ* Тамильское слово (букв.: заработки), которым называют носильщиков, грузчиков, возчиков, а также чернорабочих в некоторых странах Азии.

³³* Некоторые белые христиане категорически и в очень резкой форме отказываются вступать в любые дружеские отношения с черными христианами... Спрашивается: почему? Мы склонны думать, что в основе этого рас-

кола между черными и белыми лежит инстинктивный расовый предрассудок {англ.}).

^{34*} Категорически {лат.}.

^{35*} Отецеская власть, власть мужа и т. д. {лат.}.

^{36*} Движение за предоставление женщинам избирательных прав (от *англ.* *suffrage* — избирательное право).

^{37*} Право распоряжения жизнью и смертью {лат.} — отцовское (*pater familias*) право в Древнем Риме.

^{38*} Военная добыча; «как бы» военная добыча; самостоятельно нажитое имущество; имущество, доставшееся от матери {лат.} — все это виды имущества, на которые по римскому праву не распространялась власть главы семейства. Происхождение двух первых видов М.М. Ковалевский объясняет следующим образом: «*Peculium castrense*, т. е. военная добыча, была первым имуществом, которое могло присвоить себе отдельное лицо, не делясь им с другими членами своей семьи. Мало-помалу такая привилегия распространилась на все то, что приобретено на службе государству и церкви, и на вещи, принадлежащие к приданому жены. Таким образом, рядом с *peculium castrense* возникла *peculium quas castrense*, т. е. "как бы" военная добыча» {Ковалевский М. М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности. М., 1939, с. 116-117}.

^{39*} Патриархальная семья, родоначальная «партикуляристская» семья, неустойчивая семья {фр.}.

^{40*} См. статью П.А. Сорокина «Об англо-саксонской позиции» (Утренники. Пг., 1922, кн. I, с. 15-18).

^{41*} Очень тонкое наблюдение над особенностями немецкой и американской школы сделал Т. Манн в докладе «Иосиф и его братья»: «...Я разбирался в этих вещах (древнеегипетской культуре. — В.С.), — рассказывает здесь Т. Манн, — пожалуй, лучше, чем наш гимназический законоучитель, который однажды на уроке спросил нас, двенадцатилетних юнцов, как древние египтяне называли своего священного быка. Я рвался ответить на его вопрос, и он вызвал меня. "Хапи", — сказал я.

По мнению учителя, это было неправильно. Он пожурил меня за то, что я вызываюсь отвечать, хотя ничего толком не знаю. Не "Хапи", а "Апис", сердито поправил он меня. Но "Апис" — это лишь латинский или греческий вариант подлинного египетского имени, которое я назвал... Я разбирался в этом лучше, чем незадачливый учитель, но моя дисциплинированность не позволила мне разъяснить ему его ошибку. Я промолчал — и всю свою жизнь не мог простить себе этой молчаливой капитуляции перед ложным авторитетом. Американский школьник уж наверно не дал бы заткнуть себе рот» {Манн Т. Собрание сочинений. М., 1960, т. 9, с. 180-181}.

^{42*} Этим самым {лат.}.

^{43*} Чья власть — того и религия {лат.}.

^{44*} Последний (решительный) довод {лат.}.

^{45*} Вот в чем вопрос {англ.}.

^{46*} Частное (особое) дело {лат.}.

^{47*} Это «поучительное сравнение» сделано в исследовании И.Р. Шафаревича «Социализм как явление мировой истории» {Шафаревич И.Р. Есть

Комментарии к с. 483-519

911

ли у России будущее?: Публицистика. М., 1991); а также в книге П.А. Сорокина «Современное состояние России». Прага, 1923.

^{48*} Позволяйте каждому делать, что он хочет {фр.} — экономический принцип меркантилизма.

^{49*} См. прим. 43* на с. 910.

^{50*} И все {фр.}.

^{51*} Ни иерархии, ни государства {фр.}.

⁵¹ См. примеч. 23* на с. 909.

⁵³* Это примечание в первом издании «Системы социологии» находится на стр. 142 второго тома. В автобиографии П.А. Сорокин рассказывает, что вскоре после выхода книги его встретил Э. Радлов. «Как?! Вас еще не арестовали? — воскликнул Радлов. — Я думаю, за некоторые страницы вашей Системы, например, за страницу 142, вы заслуживаете от нашей восхитительной власти нескольких казней. Никто еще не публиковал такой смелой критики существующего порядка, как вы» (*Sorokin P.A. A Long Journey. New Haven, Conn., 1963, p. 181*).

⁵⁴* Не смея вырваться из власти текстов, чтобы понять социальный мир во всем его объеме, во всей его сложности и изменчивости, он (юрист-догматик) доходит до того, что единственный источник права находит не в обществе, самого себя организующем, а в государственной системе, которую из теоретических соображений наделяет особой монополией, высшей миссией утверждать или отвергать официальные законы обычного права (*фр.*).

⁵⁵* Да здравствует Государство-бог! (*фр.*).

⁵⁶* Так называемый *форс-мажор*, чрезвычайное обстоятельство (*фр.*).

⁵⁷* Где существует суверенитет? Нигде не существует суверенитета (*фр.*).

⁵⁸* Право, созданное на основе судебной практики (*англ.*).

⁵⁹* Право (официальное право государства) не господствует над обществом, оно его выражает (*фр.*).

⁶⁰* Наука выдвигает гипотезы, но ни эти гипотезы, ни тем более фикции (каковыми являются фикции догматики) не должны прямо противоречить реальности и быть непримиримы к социальной практике (*фр.*).

⁶¹* С точки зрения (*лат.*).

⁶²* Он растет в духовном, моральном и правовом отношениях. Приобретение власти, права становится для него первой и последней санкцией (*англ.*).

⁶³* Национальный профсоюзный центр Франции, основанный в 1895 г.; в начале XX в. в ВКТ преобладало влияние анархо-синдикалистов.

⁶⁴* Коллегии ремесленников, коллегии рыбаков и т. д. (*лат.*). В Древнем Риме помимо ремесленных были религиозные, ветеранские, погребальные и другие коллегии. Во главе коллегии стоял выборный магистр. В состав ремесленных коллегий наравне со свободными гражданами входили и рабы.

⁶⁵* Свободные профсоюзы (*нем.*).

⁶⁶* Христианские профсоюзы (*нем.*).

⁶⁷* Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд., т. 38, с. 125-215.

⁶⁸* уровень жизни (*англ.*).

⁶⁹* Средняя школа (в Англии).

912

Комментарии к с. 520-560

⁷⁰* Крестьянское восстание во Франции в 1358 г., названное так от презрительного прозвища, данного крестьянам дворянами: Jacques Bouhomme — «Жак-простак».

ⁿ* Цитата из стихотворения М.Ю. Лермонтова «Дума».

⁷²* Сын кого угодно может стать кем угодно (*фр.*).

⁷³* Чтобы еще больше приблизиться к реальности, мы причислим (к богатым индивидам, составляющим правящую аристократию) тех индивидов, которых независимо от их богатства можно признать имеющими от рождения высокие достоинства своего класса и бесспорно составляющими часть правящего класса (*фр.*).

⁷⁴* Платон мне друг, но еще больший друг — истина (*лат.*).

^{1b}* Всех вещей, доступных познанию, и некоторых других (*лат.*).

⁷⁶* режим при котором «народ» может выражать свою «волю» — решительно и без уступок кому бы то ни было: клиенту, неблагоприятным обстоятельствам, супругу, — есть всего лишь «благое пожелание» теории, но не существует в реальной действительности, ни в прошлом, ни в настоящем, ни в нашей стране, ни в какой иной

(итал.).

^{77*} Несмотря на свою внешнюю демократичность, она (партия лейбористов) управляется небольшим комитетом, тесным кружком лиц, который строго следит за тем, чтобы среди кандидатов в члены Парламента оказались лишь такие лица, которые согласны с лондонским центральным комитетом, с кого можно взять подписку, что они будут голосовать только за то, что считает нужным поддержать партия, а не по собственному разумению... Вот почему лейбористская партия никогда не поддерживает верхушку двух других партий (либералов и консерваторов), опасаясь глубоких потрясений внутри своей партии (фр.).

^{n*} «Обуржуазение» порождается принципом делегирования (итал.).

^{79*} Демократия порождает дилемму олигархии. Олигархия необходима и неизбежна. Везде, где имеется массовая организация, там возникает необходимость в институте делегации. Сказать: организация, значит сказать: дифференциация, значит сказать: сжатая в кулак верхушка, которая говорит и действует от имени организации (итал.).

^{80*} Управляющее меньшинство и управляемое большинство (итал.).

^{81*} Перерождение в олигархию, а не окончательное крушение системы (итал.).

^{82*} Триумф немногих иерархически организованных людей является неизбежным фактом, в котором отдельный человек всякий раз убеждается, когда он — как рыбак из сказки — ступает на обманчивую поверхность океана и вместо тверди погружается на дно, где обнаруживает фантастический мир (итал.).

^{83*} Цитата из «Бориса Годунова» А.С. Пушкина (сцена «Царские палаты»; Пушкин А.С. Собрание сочинений. М., 1981, т. IV, с. 222).

и* от лат. *destinatio* — назначение, предназначение.

^{85*} Сословный дух (фр.).

^{86*} Верю, потому что нелепо (лат.). Сорокин ошибается: эти слова приписывают Тертуллиану.

^{87*} Человек верующий (лат.).

Комментарии к с. 563-583

913

^{88*} Лейбористская партия Великобритании — возникла в 1900 г. под названием «Комитет рабочего представительства»; свое нынешнее название носит с 1906 г.

^{89*} По преимуществу (лат.).

^{90*} Нельзя править, не опираясь на свою партию (фр.).

^{91*} Он не может осуществить тот псевдо-суверенитет, который за ним признают столь же помпезно, как и лицемерно; на самом деле он никак не может повлиять на решение тех, кто правит от своего имени и своей властью; государственное правление — в монопольном владении (фр.).

^{92*} Тот, кто пытается на партийном собрании занять независимую позицию или проявить свою собственную линию поведения, как правило, оказывается в таком ничтожном меньшинстве, что не может вызвать ничего, кроме насмешки (фр.).

^{93*} Дух местничества (букв.: взгляд со своей колокольни), посредственности, стремление подогнать всех людей и все явления под свою мерку (фр.).

^{94*} Американское слово «saucis» означает не только узкий состав руководящего партийного органа («партийные заправилы», как правильно передает заключенный в нем пренебрежительный оттенок П.А. Сорокин), но и партийное собрание (как правило, закрытое).

^{95*} Всеобъемлющие (от лат. *omnia*).

^{%*} См. примеч. 85* на с. 912.

^{97*} Партия, которая рассматривает своих членов с самого момента их вступления как некое государство, превращается в организацию, которая свободно формируется и преобразуется в зависимости от того, как изменяется жизнь и взгляды под влиянием ее деятельности. Граждане, чьи мнения расходятся при решении одного вопроса, придут к

общему согласию при решении другого (*фр.*).

^{98*} Здесь: духовная свобода (букв.: доставьте душу — *лат.*). Выражение «*habeas animum*» построено по аналогии с «*Habeas corpus Act*» — названием одного из основных законодательных актов Англии, обеспечивающего личную свободу британских подданных.

Название акта восходит к словесному обороту из указа, данного королевой Викторией смотрителю тюрьмы в Джерси: «Повелеваем вам, чтобы *тело* С.С.В. ... *представили в суд* наш перед лицом нашим в Уэстминсте-ре...» (Цит. по: Дайси А.В. Основы государственного права Англии. М., 1907, с. 243).

В 1679 г. английский парламент принял закон о Habeas Corpus, согласно которому арестованный (считающий свой арест необоснованным) может обратиться в суд, а судья обязан в установленные сроки издать приказ об его доставке в суд для единоличной проверки правомерности ареста. Судья вправе освободить арестованного (безоговорочно или под залог) или направить обратно в тюрьму, установив, что он арестован правомерно.

По аналогии с этим актом М. Я. Острогорский называет разработанное им положение о свободе мнения и волеизъявления внутри партии «*Habeas animum*».

"* Цитаты из стихотворений М.Ю. Лермонтова «Дума» (1838) и А.С. Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» (1836).

914

Комментарии к с. 598-617

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

^{1*} От греч. *δρμος* — проникновение, просачивание.

^{2*} Наследование по завещанию, покровительство, ценз (имущественное условие допущения лица к пользованию теми или иными политическими правами), дружеская протекция (*лат.*).

^{3*} См. прим. 10* на с. 906.

^{4*} Слова Иисуса Христа: Мф. 22, 21.

^{5*} Слова леди Макбет («Макбет», действие 1, картина VII). Б.Л. Пастернак приравнивает это выражение пословице «И хочется и колется». Толкование этого состояния как конфликта между поведением, требуемым совестью, и поведением, требуемым наградой, см. в книге: Сорокин П.А. Преступление и кара, подвиг и награда. М., 2006, с. 254-255.

^{6*} «Воля Народа» — газета правых эсеров, в состав редакции которой входил и П.А. Сорокин. Газета была закрыта большевиками 2-го января 1918 г.; Сорокин и Аргунов были арестованы (См.: *Sorokin P.A. A Long Journey*. New Haven, Conn., 1963, p. 141-142). В тот же день был арестован и М.М. Пришвин, постоянный сотрудник газеты, опубликовавший в ней, как и Сорокин, ряд резких антибольшевистских статей (о его аресте см.: *Пришвин М.М. Дневник*. 1918//Литературная учеба. 1991, кн. 3, с. 116-117).

^{7*} «Новая жизнь» — ежедневная газета объединенных социал-демократов-интернационалистов, возглавляемых М. Горьким. Закрыта большевиками в июле 1918 г.

^{8*} «Единство» — группа социал-демократов-патриотов, возглавляемая Г.В. Плехановым.

^{9*} «День» — ежедневная газета, издававшаяся со 2 октября 1912 г. по 22 апреля 1918 г. в Петрограде; в 1917 г. — газета меньшевиков с подзаголовком «Орган социалистической мысли».

^{10*} Закон войны ради победы позволяет все (*лат.*).

^{11*} 1) Граждане Рима; 2) граждане, лишённые избирательного права; 3) граждане иностранных, но союзных с Римом государств; 4) покорённые чужеземцы (*лат.*).

^{12*} Сословие всадников (*лат.*) — привилегированная группа воинов, служивших в коннице; по реформе Сервия Туллия (VI в. до н. э.) всадники были выделены в 18 центурий, составлявших часть высшего цензового разряда римских граждан.

^{13*} «Табель о рангах» введена Петром I в начале 1722 г. Согласно «Табели» все военные, придворные и гражданские чины делились на 14 классов (высший класс — 1-й) и

соотносились между собой. Чины 1-го и 2-го классов имели титул «высокопревосходительство», 3-го и 4-го «превосходительство», 5-го — «высокородие», 6-8-го — «высокоблагородие», 9-14-го — «благородие». По закону от 9 декабря 1856 г. лица с 4-го (военные — с 6-го) класса получали потомственное дворянство, с 9-го класса — личное дворянство. «Табель о рангах» была упразднена декретами Советской власти от 10 (23) ноября и 16 (29) декабря 1917 г.

^{14*} См. прим. 35* на с. 910.

^{5*} Сыновья и дочери (лат.).

Комментарии к с. 620-680

915

^{16*} См. прим. 21* на с. 909.

"* Существенная и наиболее известная черта касты — это абсолютный запрет смешанных браков (англ.).

^{1*} Цитата из VI-й главы «Левиафана». Ср. современный перевод: «Страх перед невидимой силой, придуманной умом или воображением на основании выдумок, допущенных государством, называется *религией*, не допущенных — *суеверием*» (Гоббс Т. Сочинения. М., 1991, т. 2, с. 43).

^{19*} Это не касается индусов, живущих в городе. Чисто политическая организация никогда не создавалась индусским обществом, здесь продолжает всецело господствовать религиозная традиция (фр.).

^{20*} Гражданское и священное право (лат.).

^{21*} Семья в собственном смысле слова возникает после вступления в брак — акта, носящего главным образом характер религиозный (итал.).

^{21b} До бесконечности (лат.).

^{23*} Касты суть социальные агрегаты, имеющие в качестве привилегии наследственную монополию на определенного рода деятельность (итал.).

^{24*} Профессиональная среда (фр.).

^{25*} В действительности браманизм есть не что иное, как единое тело (фр.).

^{26*} Черемисы — бывшее (до 1918 г.) название марийцев; самоедами сначала называли лопарей и ненцев, теперь вместо него употребляется название «самодийцы» (ненцы, энцы, нганлаи и илькуны, живущие на севере Архангельской, Тюменской, Томской областей и в Красноярском крае).

^{27*} П.А. Сорокин повторяет повсеместно распространенную ошибку. Слова «национальность» и «нация» соотносятся так же, как, например, «специальность» и название конкретной специальности, скажем, «токарь». Таким образом, нация есть совокупность индивидов, национальность же означает принадлежность того или иного индивида к той или иной нации.

^{28*} Определение через определяемое (лат.) — название логической ошибки.

^{29*} Он (Маркс), несмотря на всю его интеллектуальную мощь, был неспособен выработать ясное понятие класса (англ.).

^{30*} Сословие граждан и свободных (лат.).

^{31*} Где хорошо — там и родина (лат.).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

* Сегодня все большее значение приобретает мнение, что пример, даже если он очень показателен, ничего не доказывает. Сегодня нам нужны не случайные примеры, а систематический обзор каждого специального вопроса в контексте совокупного социологического опыта; мы уже не можем обойтись классификацией обществ, мы должны знать, о каких категориях обществ идет речь (нем.).

^{2*} Производить научную классификацию — значит применять принцип субординации свойств. Напомним, что этот принцип требует разли-

916

Комментарии к с. 681-762

чать свойства более устойчивые и свойства более поверхностные и изменчивые (фр.).

^{3*} Кроме того, трудно понять, почему для классификации обществ должен от начала и до конца применяться один и тот же принцип... При классификации организмов мы не видим ничего подобного... Все прежние концепции (в социологии) были основаны на принципе симметрии простоты и наглядности, который вызывался, скорее, логической потребностью, чем многообразной действительностью (*нем.*).

^{4*} 1) Изолированное, или автаркическое состояние... 2) состояние брожения, или анархическая стадия, 3) национальная, или политархическая стадия, 4) космополитическая, или пантархическая стадия (*англ.*).

^{5*} Натуральное хозяйство, денежное хозяйство, кредитное хозяйство (*нем.*).

^{6*} Материальная культура — это лучший показатель уровня развития знания и... интеллекта (*англ.*).

^{7*} Мы рассматриваем пастушескую стадию как альтернативную ветвь развития охотничьей стадии, необязательно предшествующую или следующую за стадией земледельческой (*англ.*).

**** Каковы формы правления у народов, находящихся на тех различных ступенях экономического развития, которые мы различаем, как они поддерживают порядок и осуществляют правосудие? (*англ.*).**

^{9*} Культурные и естественные народы (*нем.*).

^{10*} Цари не подчиняются законам (*лат.*).

**** В будущем, в возможности, в процессе становления (*нем.*).**

ГЛАВА ПЯТАЯ

^{1*} Питекантроп — представитель группы людей, архантропов, живших (по данным 1972 г.) 1,2 млн лет тому назад.

^{2*} Право римского гражданина узаконить свой брак (*лат.*).

^{3*} Тех, кто умнее и лучше в физическом и нравственном отношении. Такова обратная селекция, которую она производит (*фр.*).

^{4*} Ниспроверженных шадить и усмирять горделивых (*лат.*) — цитата из «Энеиды» Вергилия:

Римлянин! Ты научись народами править державно — В этом искусство твое! — налагать условия мира, Милость покорным являть и смирять войною надменных!

(VI, 853; перевод С. Ошерова).

^{5*} См. прим. 1* на с. 914.

^{6*} И отлично! (*итал.*) — цитата из «Евгения Онегина» А.С. Пушкина (8, XXXV).

^{7*} Быстрота, с какой иммигранты усваивают нашу разговорную речь, — это самый удивительный факт американской общественной жизни (*англ.*).

Комментарии к с. 770-830

917

^{8*} Внутреннее проникновение (от *греч.* ἐν — внутри и ὅμοιος — проникновение, просачивание).

^{9*} Средний класс считается даже образовавшимся в новейшее время, нетрудно заметить, что происходит не уменьшение его [численности], а наоборот — увеличение, .. растёт число мелких собственников (в земледелии) ... не привели тем не менее к полному уничтожению их сферы деятельности, число мелких торговцев в последнее время сильно возросло (*итал.*).

^{10*} Перифраз: «К вящей славе Господней» (*лат.*) — девиз ордена иезуитов.

^{11*} Приливы и отливы (*итал.*).

^{12*} Неточная цитата из стихотворения А.С. Пушкина «К портрету Чаадаева» (1818-1820):

Он в Риме был бы Брут, в Афинах Периклес, А здесь он — офицер гусарский.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

^{1*} Человек двойственный (*лат.*).

^{2*} П.А. Сорокин описывает симптомы, впоследствии получившие название *homo soveticus*.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ:

AIS — Annales l'Institut international de Sociologie
 AJS — The American Journal of Sociology
 AS — L'Annee Sociologique
 ARGBERG — Archiv fur Rassen- und Gesellschaftsbiologie einschliesslich Rassen- und Gesellschaftshygiene
 ASS — Archiv fur Sozialwissenschaft und Sozialpolitik
 BUS — Bulletin de l'Institut international statistique
 BMISS — Bulletin mensuel de l'Institut de Sociologie Solvay
 JRSS — Journal of the Royal Statistical Society
 RIS — Revue Internationale de sociologie
 RPFE — Revue philosophique de la France et de l'etranger
 RiItS — Rivista italiana di sociologia
 SR — The Sociological Review
 SS — La science sociale

АВГУСТ Гай Юлий Цезарь Октавиан (63 до н. э. - 14 н. э.), первый римский император с 27 до н. э., основатель принципата — формы правления, при которой сохранялись республиканские институты — 80S АВГУСТИН БЛАЖЕННЫЙ Аврелий (354-430), христианский теолог, философ и церковный деятель, виднейший представитель западной патристики — 560, 589 АВЕСТА, собрание священных книг зороастризма — 193 АВКСЕНТЬЕВ Николай Дмитриевич (1878-1943), один из лидеров партии эсеров; в июле - августе 1917 г. министр внутренних дел Временного правительства, в октябре председатель Парламента; с 1918 эмигрант — 563 АВРААМ (библ.), родоначальник евреев по библейской традиции — 338 АГРИППА МЕНЕНИЙ, римский сенатор (VI-V вв. до н. э.), который в одном из своих выступлений привел «известную басню», где проводилась

Указатель имен и цитируемой литературы

919

аналогия между обществом и органами человеческого тела (см.: *Плутарх*. Гай Марций Кориолан, VI) — 516, 517, 646

АДАМС (Adams) Брукс (1848-1927), американский историк критик капитализма, сын Ч.Ф. Адамса — 201

АДАМС (Adams) Чарльз Фрэнсис (1807-1886), американский государственный деятель и дипломат — 443

АДУЕВЫ Александр Федорович и Петр Иванович (племянник и дядя), персонажи романа И.А. Гончарова «Обыкновенная история» (1846) — 457

АЗЕФ Евно Фишелевич (1869-1918), агент Охранного отделения, один из руководителей Боевой организации партии эсеров — 832

АКСАКОВ Иван Сергеевич (1823-1886), публицист, поэт, писатель и общественный деятель, идеолог славянофильства — 637

АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ (356-323 до н. э.), царь Македонии с 336, полководец и завоеватель — 700, 701, 759

АММОН (Ammon) Отто (1842-1916), немецкий социолог, представитель социального дарвинизма, один из основателей антропосоциологии — 201, 265, 408, 431, 438, 550, 637, 647-649, 725, 727, 731, 755, 784, 818 Les Bases naturelles de l'ordre social (правильное название: L'ordre social et ses bases naturelles. Esquisse d'une anthroposociologie) [Социальный порядок и его естественные основания. Очерк антропосоциологии]. Paris, 1900 — 265

Die gesellschaftliche Ordnung und ihre naturlichen Grundlagen. Entwurf einer SozialAnthropologie zum Gebrauch fur alle Gebildeten die sich mit sozialen Fragen befassen [Социальный порядок и его естественные основания. Очерк социальной антропологии,

адресованный всем образованным людьми, интересующимися социальными вопросами]. Jena, 1900 — 438,550

АНДРЕЕВ Леонид Николаевич (1871-1919), русский писатель — 150 Проклятие зверя (1908) — 150

АНТОНИЙ ВЕЛИКИЙ (ок. 251-356), христианский святой, основатель монашества в Египте — 794

АНФАНТЕН (Enfantin) Бартеlemi Проспер (1796-1864), французский социалист-утопист, ученик и последователь Сен-Симона — 517, 646, 649

АРИСТОТЕЛЬ (384-322 до н. э.), древнегреческий философ — 215, 282, 283, 692, 805 Этика Никомаха — 215

АРЦИХОВСКИЙ Владимир Мартынович (1876-1931), русский ботаник, организатор и ректор Высших женских естественнонаучных курсов в Новочеркасске (1910-1922), профессор Московского лесного института (1922-1925)—257 Индивидуальность и сотрудничество // Природа. 1916, № 7-8 — 257

АШ (Ash) Исаак Эмери (1874-1958), американский психолог — 461

What makes a people lethargic or energetic [Что делает людей апатичными или энергичными] // AJS. 1913, vol. 19, № 3, November, p. 370-379 — 461

БАЙРОН (Byron) Джордж Гордон (1788-1824), английский поэт — 108,585 Шильонский узник (1816) — 108

9 20

Указатель имен и цитируемой литературы

БАКУНИН Михаил Александрович (1814-1876), русский революционер, философ, теоретик анархизма — 479, 486, 487, 539, 563, 817 Государственность и анархия. Борьба двух партий в Интернациональном обществе рабочих. Пг., 1919 — 479, 486, 487, 540

БАЛИЦКИЙ (Balicki) Сигизмунд (1858-1916), польский публицист, социолог, политический деятель — 409

L'etat comme organisation coercitive de la socidte politique [Государство как принудительная организация политического общества]. Paris, 1896 — 409

БАНЕРДЖИ (Banerjea) Праманатанат (1879-1960), индийский экономист и историк — 795

A Study of Indian economics [Очерк индийской экономики]. London, 1911—795

БАРАТЫНСКАЯ (Сорокина) Елена Петровна (1894-1975), русскоамериканский цитолог, жена П.А. Сорокина с 1917 г. — 23

БАРР АС (Barras) Поль (1755-1829), деятель Великой французской революции, один из организаторов термидорианского переворота — 833 Memoires... [Мемуары]. Paris, 1895-1896,1.1-4 — 833

БАРТ (Barth) Пауль (1858-1922), немецкий социолог и философ — 239 Философия истории как социология. СПб., 1902 — 239

БАУЭР (Bauer) Отто (1882-1938), австрийский социал-демократ, идеолог австромарксизма, один из создателей теории культурно-национальной автономии — 640 Национальный вопрос и социал-демократия. СПб., 1909 — 640

БАХОФЕН (Bachofen) Иоганн Якоб (1815-1887), швейцарский историк права, положивший начало изучению истории семьи — 675

БЕАТРИЧЕ (Beatrice) Портинари (1266-1290), идеальная возлюбленная Данте в «Божественной комедии» и «Новой жизни» — 120

БЕБЕЛЬ (Bebel) Август (1840-1913) — немецкий социал-демократ, один из руководителей II Интернационала — 502, 525, 554 Женщина и социализм. Одесса, 1906 — 502 Речи.М., 1907 —525 Христианство и социализм (Christentum und Sozialismus. 1874) — 554

БЕДЖГОТ (Bagehot) Уолтер (1826-1877), английский экономист, социолог, журналист, литературный критик и банкир; радикальный социал-дарвинист — 317

Physics and Politics, or Thoughts on the application of the principles of «natural selection» and «inheritance» to political society. London, 1873 (рус. перевод: Естествознание

и политика. Мысли о применении начал «естественного отбора» и «наследственности» к политическому обществу. СПб., 1874) — 317

БЕЙТМАН (Bateman) Альфред, английский финансист и статистик — 799 The import and export statistics of Various Countries [Статистика импорта и экспорта разных стран] (в соавторстве с Г. Фаунтейном [Fountain]) // BUS, XV, II — 799

Указатель имен и цитируемой литературы

921

БЕЛЛ (Bell) Чарльз (1774-1842), английский хирург, анатом и физиолог, профессор хирургии в Лондонском и Эдинбургском университетах, один из основателей нейрохирургии — 73

БЕНИНИ (Benini) Родольфо (1862-1956), итальянский статистик, экономист и историк — 462, 730, 745-747

Principii di demografia [Основы демографии]. Firenze, 1901 — 730, 745-747

БЕНТАМ (Bentham) Иеремия (1748-1832), английский философ и правовед, основоположник утилитаризма — 121, 830

БЕНТЛИ (Bentley) Артур Фишер (1870-1957), американский социолог и психолог — 20, 80, 385, 394, 399, 416, 561, 656, 808, 831, 832, 837, 838 The Process of Government [Процесс управления]. Chicago-London, 1908 — 20, 80, 385, 394, 399, 416, 561, 656, 808, 832, 837, 838

БЕРГСОН (Bergson) Анри (1859-1941), французский философ, лауреат Нобелевской премии по литературе (1928) — ПО, 240, 283 Творческая эволюция. М. - СПб., 1914 — ПО, 283

БЕРДЯЕВ Николай Александрович (1874-1948), русский философ; в 1922 г. выслан из Советской России — 637

БЁРК (Burke) Эдмунд (1729-1797), английский философ и политический деятель — 187

БЕРНАРДЕН ДЕ СЕН-ПЬЕР (Bernardin de Saint-Pierre) Жак-Анри (1737-1814), французский писатель, последователь Ж. Ж. Руссо — 189, 824

БЕРНГАРДИ (Bernhardi) Фридрих фон (1849-1930), немецкий генерал и военный теоретик, исследователь «биологических» оснований войны, последователь Г. Трейчке — 637

БЕРНШТЕЙН (Bernstein) Эдуард (1850-1932), немецкий социал-демократ, идеолог ревизионизма, автор реформистской концепции эволюции общества — 517, 649, 651, 658 Классы и классовая борьба. М., 1906 — 517, 658

БЕРТ (Berth) Эдуард (1874-1939), французский писатель, теоретик анархо-синдикализма — 479, 504, 543

Les mefaits des Intellectuels [Преступления интеллектуалов]. Paris, 1914 — 504

БЕРТИЛЬОН (Bertillon) Жак (1851-1922), французский статистик, демограф и антрополог — 618, 753, 765, 787

Statistique des successions en France et a l'etranger [Статистика наследований во Франции и за границей] // BUS. 1897, XVIII (II) — 618, 753, 787 La natalite selon le degre d'aisance [Зависимость рождаемости от обеспеченности] // BUS. 1899, XI (I) — 753

Projet de nomenclature des professions [Проект номенклатуры профессий] // BUS, 1894, VIII (I) — 765

БЕТХОВЕН (Beethoven) Людвиг ван (1770-1827), немецкий композитор — 112, 140 Лунная соната (1801) — 140, 582

922

Указатель имен и цитируемой литературы

БЕХТЕРЕВ Владимир Михайлович (1857-1927), русский психиатр и психолог, основоположник рефлексологии; с 1908 г. директор организованного им Психоневрологического института, в 1912 г. возглавил Институт по изучению мозга — 68, 74-76, 78, 85, 86, 90, 91, 122, 142, 165, 175-178

Общие основания рефлексологии. Пг., 1918 — 68, 74-76, 78, 85, 86, 90, 91, 175-178 Мимика и ее биологическое значение // Вестник знания. 1910 — 165

БИБЛИЯ. Книги Священного писания — 149, 170 Книга Бытия — 149, 170, 338
Третья книга царств — 179

БИНЕ, Бинэ (Binet) Альфред (1857-1911), французский психолог, в 1894 г. основавший ежегодник «L'Annee psychologique» и разработавший методику, легшую в основу современного теста IQ — 300 La suggestibilité [Внушаемость]. Paris, 1900 — 300

БИРОН (Biron) Эрнст Иоганн (1690-1772), фаворит императрицы Анны Иоанновны, установивший в России в 30-х гг. XVIII в. крайне реакционный режим («бионовщина») — 802

БИСМАРК (Bismarck) Отто (1815-1898), немецкий государственный деятель и дипломат, в 1871-1890 гг. рейхсканцлер Германской империи — 540, 586, 589, 832

БЛАН (Blanc) Луи (1811-1882), французский утопический социалист, историк и журналист, деятель Французской революции 1848 года — 563, 646

БЛАНК (Blank) Рувим Маркович (Рубен Моисеевич) (1866-1954), русский экономист, публицист и общественный деятель, социал-демократ, народный социалист, в 1899-1905, 1918-1954 гг. в эмиграции — 561, 562 Die soziale Zusammensetzung der sozialdemokratischen Wählerschaft Deutschlands [Социальный состав социал-демократических избирателей Германии] // Archiv für Sozialwissenschaft. Tübingen, 1905, Bd. XX, S. 507-550 — 562

БЛЕКМАР (Blackmar) Франк Уилсон (1854-1931), американский социолог, 9-й президент Американской социологической ассоциации (1919) — 415 Elements of Sociology [Элементы социологии]. New York, 1905 — 415

БЛОК Александр Александрович (1880-1921), русский поэт — 290 Servus — reginae (1899) — 290

БЛОНДЕЛЬ (Blondel) Шарль (1876-1939), французский психолог, специалист по социальной психологии — 647, 649

БЛУНЧЛИ, Блюнчли (Bluntschli) Иоганн Каспар (1808-1881), швейцарский правовед, специалист по государственному и международному праву и истории права, представитель органической школы права, автор книги «Современное международное право цивилизованных народов» (1876; рус. перевод: М., 1876) — 499, 630, 637, 641

БОАС (Boas) Франц (1858-1942), американский лингвист, этнограф, антрополог, археолог и культуролог — 435

Указатель имен и цитируемой литературы

92 3

БОГДАНОВ (наст. фамилия: Малиновский) Александр Александрович (1873—1928), русский экономист, философ, ученый-естествоиспытатель и политический деятель — 649

БОДИО (Bodio) Луиджи (1840-1920), итальянский статистик — 757, 758, 801 Statistique de la superficie et de la population des contrées de la Terre [Статистика территорий и населения стран земного шара] (в соавторстве с Э. Левассером) // BUS. 1897, XII, II — 757, 758, 801

БОЛДУИН (Baldwin) Джеймс Марк (1861-1934), американский психолог, философ, социолог и историк — 40, 72, 122, 147, 148, 202, 224, 226, 276, 279

Psychologie et sociologie (l'individu et la société) [Психология и социология (индивид и общество)]. Paris, 1910 — 40

Dictionary of philosophy and psychology [Словарь философии и психологии]. New York, 1901—72

Духовное развитие детского индивидуума и человеческого рода. М., 1911—1912, х. III — 122

Social and ethical interpretations in mental development [Социальные и этические интерпретации в психическом развитии]. New York, 1897 — 142, 202, 224

БОЛЬШИЕ ГОРОДА, ИХ ОБЩЕСТВЕННОЕ, ПОЛИТИЧЕСКОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ. Сборник статей проф. К. Бюхера, Г. Майра, Г. Зиммеля, Г. Бентига, Т. Петермана и Д. Шефера. СПб., 1905 — 799-801

БОН (Bohn) Жорж (1868-1948), французский зоолог и зоопсихолог, автор ряда работ по тропизмам — 73, 139, 141

La nouvelle psychologie animale [Новая психология животных]. Paris, 1911 — 13

БОПП (Bopp) Франц (1791-1867), немецкий лингвист, основатель сравнительно-исторического языкознания — 637

БОРДЖИА (Borgia) Родриго (ок. 1431-1503), римский папа Александр IV с 1492 г., ставший папой в результате подкупа большинства кардиналов; политических противников устранял с помощью яда и кинжала; в 1497 г. отлучил от церкви и затем способствовал казни Дж. Савонаролы, требовавшего низложения преступного и развратного папы — 197

БОРТВИК (Borthwick) Джон Дэвид (1825-1900), английский художник, известный описаниями своих путешествий по Калифорнии в период золотой лихорадки (1851-1854 гг.) — 252

Three years in California [Три года в Калифорнии]. Edinburgh - New York, 1857 — 252

БОСКО (Bosco) Аугусто (1859-1906), итальянский демограф и статистик — 748

I divorzi e separazioni personali di conjugi [Развод и раздельное проживание супругов]. Roma, 1908 — 748

БОССЮЭТ, Боссюэ (Bossuet) Жак Бенинь (1627-1704), французский писатель, церковный деятель, епископ, проповедник — 814

92 4 *Указатель имен и цитируемой литературы*

БОУЛИ (Bowley) Артур Лайон (1869-1957), английский экономист и статистик — 789

Changes in Average Wages in the United Kingdom between 1860 and 1891 [Колебания средней заработной платы в Соединенном королевстве в период с 1860 по 1891 г.] // JRRS. 1895, vol. 58, June, p. 223-285 — 789

БОЭР (Bauer) Артур (р. в 1850), французский философ, педагог и социолог — 503, 647-650

Les classes sociales: analyse de la vie sociale [Общественные классы: анализ социальной жизни]. Paris, 1902 — 503, 647, 650

БРЕЙЗИГ (Breysig) Курт (1866-1940), немецкий социолог, историк и философ — 682

БРУДЖИ (Brugi) Бьяджо (1855-1935), итальянский историк права — 641 *Realta sociale e metafisica politica* [Социальная реальность и политическая метафизика] // *RitS*. 1911, t. XV — 641

БРУТ Марк Юний (85-42 до н. э.), древнеримский сенатор, наиболее известный из убийц Юлия Цезаря — 817

БРЮН (Brunhes) Жан (1869-1930), французский географ, теоретик школы «географии человека» — 256 *La geographie humaine* [География человека]. Paris, 1910 — 256

БУГЛЕ (Bougie) Селестен (1870-1940), французский социолог, представитель школы Э. Дюркгейма, директор Высшей нормальной школы в Париже — 40, 43, 46, 52, 215, 272, 309, 406, 506, 528, 531-533, 554, 558, 581, 610, 611, 614, 621, 626-629, 755, 771, 800, 805, 806, 834 Эгалитаризм (Идея равенства). Социологический этюд. Одесса, 1904 — 261, 800 '

Essai sur le regime des castes [Очерк о правлении каст]. Paris, 1908 — 52, 406, 554, 558, 626, 627, 629

La democratie devant la science [Демократия с точки зрения науки]. Paris, 1904 — 506, 528, 531, 533, 581, 611, 614, 621, 627, 755, 805, 806, 834 *Les sciences sociales en Allemagne. Les methodes actuelles*. Paris, 1896 (рус перевод: Социальные науки в Германии. Современные методы. Великий Устюг, 1898) — 46

Revue generale des theories recentes sur la division du travail [Общий обзор современных теорий разделения труда] // *AS*. 1901—1902. t. VI — 52, 215, 272, 309, 771

Note sur le droit et la caste en Inde [Заметка о праве и касте в Индии] // AS. 1905-1906, t. X — 626, 628, 629

БУДДА [наст. имя: Сиддхартха Гаутама] (623-544 до н. э.), царевич из рода Сакьев (Северная Индия); по индийской традиции основатель мировой религии — буддизма — 692

БУДИН (Boodin) Джон Элоф (1869-1950), шведско-американский философ — 240, 244, 245

The existence of social mind [Существование социальной души] // AJS. 1913, vol. XIX, № 1, July, p. 1-47 — 240

БУРГБЕН (Bourguin) Морис (1856-1910), французский правовед — 494

Указатель имен и цитируемой литературы

92 5

Les transformations du concept juridique de l'etat [Изменения юридического понятия государства] // BMISS. 1913, 26 декабря — 494

БУХАРИН Николай Иванович (1888-1938), советский государственный деятель, экономист и социолог — 554 Программа коммунистов (большевиков). М., 1918 — 554

БУШ Николай Адольфович (1869-1941), русский ботаник, специалист по систематике и географии растений — 677, 678, 680, 681 Систематика [высших] растений. Пг., 1915 — 677, 678, 680

БЭКОН (Bacon) Фрэнсис (1561-1626), английский философ-материалист, родоначальник методологии опытной науки — 585, 692

БЮХЕР (Bucher) Карл (1847-1930), немецкий экономист и статистик, представитель «новой исторической школы в политэкономии», историк народного хозяйства — 503, 506, 519, 528, 617, 621, 647-649, 651, 653, 685, 710, 733, 765, 771, 777, 795, 799-801, 805

Крупные города в их прошлом и настоящем // Большие города, их общественное, политическое и экономическое значение. СПб., 1905 — 799, 800

Возникновение народного хозяйства. СПб., 1907, т. III — 503, 528, 617, 621, 653, 685, 765, 771, 795, 801, 805

Etudes d'histoire et d'economie politique [Исторические и политико-экономические этюды]. Paris, 1901 — 506

ВАГНЕР (Wagner) Адольф (1835-1917), немецкий экономист и политический деятель, один из основателей «Союза социальной политики» (1872) — 788

Zur Methodik der Statistik der Volkseinkommens und Volksvermögens [К методике статистики национального дохода и народного благосостояния] // Zeitschrift der Königlich Preussisch Statistischen Bureaus. Berlin, 1904, Bd.44(1), S. 41-122 — 788

ВАГНЕР Владимир Александрович (1849-1934), русский биолог и психолог, основоположник сравнительной психологии и зоопсихологии в России, профессор Петербургского, затем Ленинградского университета (1906-1931), один из организаторов Психоневрологического института в Петербурге — 33, 68, 73, 79, 82-84, 91, 104, 122, 165, 254, 263 Зоо-психология перед судом физиологии И.П. Павлова // Вестник психологии, криминальной антропологии и педологии. 1917, т. XIII, вып. 3-5 — 79, 91

Биологические основания сравнительной психологии (Био-психология). СПб., 1910-1913, т. III — 68, 73, 79, 82-84, 91, 104, 122, 165, 254, 263 «Социология» в ботанике (Фито-социология) // Природа. 1912, № 9, сентябрь, с. 1059-1080 — 33

Письмо в редакцию [Ответ на рец. П.А. Сорокина] // Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма. СПб., 1913, вып. III, с. 48 — 84

92 6

Указатель имен и цитируемой литературы

Физиология и биология в решении психологических проблем // Новые идеи в биологии. Сб. № 6: Биопсихология. СПб., 1914 — 79, 91, 165

ВАККАРО (Vassaro) Микеланджело (1854-1937), итальянский социолог и правовед, сторонник биологического направления в социологии, директор Международного института социологии — 306 Les bases sociologiques du droit et de l'etat

[Социологические основы права и государства]. Paris, 1898 — 306

Genesi e Funzioni delle leggi penale [Происхождение и роль уголовного законодательства]. Torino, 1908 — 306

ВАКСВЕЙЛЕР (Waxweiler) Эмиль (1867-1916), бельгийский социолог и публицист — 24, 25, 33, 35, 55, 80, 102, 107, 171, 218, 232, 247, 259, 265, 266, 275, 282, 295, 335, 398

Esquisse d'une sociologie [Очерк социологии]. Bruxelles-Leipzig, 1906 — 24, 25, 33, 35, 55, 80, 107, 232, 247, 257, 259, 265, 275, 335, 398 Avant-propos [Предисловие] // BMISS. 1910, № 1—218, 282, 295

ВАЛЛО (Vallaux) Камилл (1870-1945), французский географ и гидрограф, пионер географической океанографии — 256 Geographic sociale [Социальная география]. Paris, 1911 — 256

ВАНДЕРБИЛЬТ (Vanderbilt) Корнелиус (1794-1877), американский миллиардер, магнат железнодорожного и морского транспорта, один из основателей системы железнодорожных перевозок в США, филантроп — 779, 780

ВАРМИНГ (Warming) Йоханнес Эугениус (1841-1924), датский ботаник-эколог и систематик, последователь А. Гумбольдта, один из основателей экологической географии растений; профессор Копенгагенского университета, директор ботанического сада при нем (1885-1911) — 246, 403 Учебник по ойкологической географии растений. Введение в изучение растительных сообществ. М., 1901 — 246, 403

ВАСИЛЬЕВСКИЙ В. [Статья] // Правда. 1920, № 65, 25 марта — 542

ВЕББ, Уэбб (Webb) Сидней (1859-1947) и Беатриса (урожд. Поттер; 1858-1943), английские экономисты и общественные деятели, теоретики тредюнионизма и фабианского социализма, супруги с 1892 — 542, 543, 564

Industrial democracy [Промышленная демократия]. London - New York, 1897 (рус. перевод: Теория и практика английского тредюнионизма. СПб., 1900-1901, т. 1-2) — 543

ВЕБЕР (Weber) Адна Феррин (1870-1968), американский статистик — 252, 273, 800

Рост городов в 19-м столетии. Исследование по статистике. СПб., 1903 — 252, 273, 800

ВЕБЕР (Weber) Луи, французский философ — 689, 793

Le rythme du progres. Etude sociologique [Ритм прогресса. Социологический этюд]. Paris, 1913 (частичный рус. перевод: Новые идеи в социологии. СПб., 1914, сб. № 3) — 689, 793

Указатель имен и цитируемой литературы

9 27

ВЕБЛЕН (Veblen) Торстейн (1857-1929), американский экономист, социолог и публицист, основоположник институционального направления в политической экономии — 502

The Theory of leisure class. An Economic Study of Institutions [Теория праздного класса. Экономическое исследование учреждений]. New York, 1899 — 502

Industrial and Pecuniary Employments [Занятость в промышленности и финансовой сфере] // Publication of American Economic Association. New York, 1901, 3rd series, vol. 2, № 1, February, p. 190-235 — 502

ВЕДЫ, древнейшие литературно-религиозные памятники Северной Индии — ПО

ВЕЛЬКЕР (Welker) Георг, немецкий пастор из Висбадена, социал-демократ, призывавший к открытой борьбе с церковью и религией — 554

ВЕНАДАД (библ.), царь сирийский, упомянутый в III Книге Царств (гл. 20) — 170

ВЕНТИГ (Waentig) Генрих (1870-1943), немецкий экономист и политический деятель — 622

Экономическое значение больших городов // Большие города, их общественное, политическое и экономическое значение. СПб., 1905 — 622

ВЕРГИЛИЙ (Vergilius) Марон Публий (70-19 до н. э.), древнеримский поэт — 692

ВЕСТЕРМАН (Westermann) Дитрих (1875-1956), немецкий этнолог, лингвист, миссионер и исследователь Африки — 181 Grammatik der Ewesprache [Грамматика языка

Эве]. Berlin, 1907 — 181

ВЕТТИНЫ (Wettin), древнейший владетельный дом в Германии, родоначальником которого считается саксонский герцог Витигизел (ум. в 434 г.) — 806

ВЕТТШТЕЙН (Wettstein) Рихард фон (1863-1931), австрийский ботаник-систематик — 677-681, 697, 702 Руководство по систематике растений. М., 1903, т. I — 677-681, 697, 702

ВИДАЛЬ (Vidal) Франсуа (1814-1872), французский утопический социалист, экономист и политический деятель — 646

ВИЗЕ (Wiese) Леопольд фон (1876-1969), немецкий социолог, представитель так называемой формальной школы в социологии — 519, 648

ВИКТОРИЯ (Victoria) (1819-1901), королева Великобритании с 1837 г.— 173

ВИЛЬГЕЛЬМ I ЗАВОЕВАТЕЛЬ (William I the Conqueror) (1027/1028-1087), английский король с 1066 г., разбивший войско англосаксонского короля Гарольда в битве при Гастингсе — 611

ВИЛЬСОН (Wilson) Вудро (1856-1924), американский политический и государственный деятель, президент США от демократической партии в 1913-1921 гг. — 377

ВИНДЕЛЬБАНД (Windelband) Вильгельм (1848-1915), немецкий философ и историк философии, глава баденской школы неокантианства — 46

92 8

Указатель имен и цитируемой литературы

ВИНЬ (Vignes) Морис (1868-1943), французский правовед — 469, 688 La science sociale d'apres les principes de Le Play et de ses continuateurs [Социальная наука согласно принципам Ле-Пле и его последователей]. Paris, 1897, t. III —469

ВИРХОВ (Virchow) Рудольф (1821-1902), немецкий ученый и политический деятель — 727

ВИТТЕ Сергей Юрьевич (1849-1915), русский государственный деятель и дипломат, министр финансов (1892-1903), премьер-министр (1905-1906)—802

ВИТТЕЛЬСБАХСКАЯ ДИНАСТИЯ, Виттельсбахи (Wittelsbacher), южно-германская династия, правившая в 1180-1918 гг. в Баварии — 806

ВОЛЬТЕР (Voltaire) (наст. имя и фамилия: Мари Франсуа Аруэ; 1694-1778), французский писатель, философ, историк — 517, 646, 649

ВОЛЬТМАН (Woltmann) Людвиг (1871-1907), немецкий социолог и антрополог — 426, 438, 637, 725-727, 729-731, 755, 768, 805, 806 Политическая антропология. Исследование о влиянии эволюционной теории на учение о политическом развитии народов. СПб., 1905 — 426, 725-727, 729, 730, 755, 768, 805, 806

ВОРМС (Worms) Рене (1869-1926), французский социолог и философ, представитель органицизма — 37, 44, 54, 407, 528, 529, 532, 610, 647, 649-651 Philosophie des sciences sociales [Философия социальных наук]. Paris, 1907, till—407,529,651

ВОРОНОВ Николай Григорьевич (1857-1915), русский социолог — 28 Основания социологии. М., 1912 — 28

ВУНДТ (Wundt) Вильгельм (1832-1920), немецкий психолог, философ, языковед и физиолог, один из основателей экспериментальной психологии — 72, 73,102, 281, 688, 693, 711 Введение в психологию. М., 1912 — 72

Elemente der Volkerpsychologie. Grundlinien einer psychologischen entwicklungsgeschichte der menschheit [Элементы психологии народов. Основные черты психологического развития истории человечества]. Leipzig, 1912 —693

ГАГЕН (Hagen) Карл (1810-1868), немецкий историк и политический деятель —164

ГАЗОН (Gason) Жак, французский лингвист — 164

ГАЙ (Gaius) (130-180), древнеримский юрист — 819

ГАЛИЛЕЙ (Galilei) Галилео (1564-1642), итальянский физик, механик, астроном, поэт и филолог — 691

ГАЛЬТОН (Galton) Фрэнсис (1822-1911), английский психолог и антрополог,

проводивший идею о возможности усовершенствования человеческого рода путем общественного контроля над рождаемостью; двоюродный брат Ч. Дарвина, один из создателей евгеники, биометрии, дифференциальной психологии, методов тестирования и массового анкетирования — 589

Указатель имен и цитируемой литературы

9 2 9

Hereditary Genius. An inquiry into its laws and consequences [Наследственность таланта. Исследование его законов и следствий из них]. London, **1892** — 589

ГАМБЕТТА (Gambetta) Леон Мишель (1838-1882), французский политический и государственный деятель, в 1881-1882 гг. премьер-министр и министр иностранных дел — 569

Г АНЗЕН, Хансен (Hansen) Георг (1809-1894), немецкий историк, экономист и статистик — 647

ГАПОН Георгий Аполлонович (1870-1906), русский священник, инициатор шествия рабочих к царю 9 января 1905 г. — 832

ГАРАЛЬД, Гарольд II (Harold II) (ок. 1020-1066), англосаксонский король, потерпевший поражение в битве при Гастингсе в 1066 г. от войск Вильгельма I Завоевателя — 611

ГАРДНЕР (Gardner) Чарльз Сперджеон (1859-1948), американский социолог и проповедник — 219, 300, 442

Assemblies [Общества] /AJS. 1914, vol. XIX, № 4, January, p. 531-555 — 219,300

ГАТТИ (Gatti) Джироламо (р. 1866), итальянский социалист — 526 Социализм и аграрный вопрос. М., 1906 — 526

ГАУИТ, Хауитт (Howitt) Альфред Уильям (1830-1908), английский этнограф, соавтор (с Л. Файсоном) книги «Kamilaroi and Kurnai» (Melbourn, 1880) и автор монографии «The native tribes of south-east Australia» (London, 1904); колониальный чиновник в Австралии (1862-1901) — 617

ГЕГЕЛЬ (Hegel) Георг Вильгельм Фридрих (1770-1831), немецкий философ, представитель немецкой классической философии — 240, 282, 318, 525, 637

ГЕД (Guesde) Жюль (1845-1922), французский политический деятель, марксист, один из основателей Французской рабочей партии (1879) — 197

ГЕККЕЛЬ (Haeckel) Эрнст (1834-1919), немецкий биолог и философ-эволюционист, популяризатор основ естественнонаучного материализма — 34,72

Мировые загадки. Общедоступные этюды по монистической философии (1899; первый рус. перевод 1906) — 72

Die Perigenesis der Plastidule oder die Wellenzeugung der Lebensteilchen [Перигенезис пластидулы, или волновое размножение жизненных частиц]. Leipzig, 1876 — 72

Generale Morphologie der Organismen [Общая морфология организмов]. Berlin, 1866, Bd. I — 34

ГЕЛЬВЕЦИЙ (Helvetius) Клод Адриан (1715-1771), французский философ — 646, 649

ГЕЛЬМГОЛЬЦ (Helmholtz) Герман (1821-1894), немецкий физик, математик, физиолог, психолог и врач — 185

ГЕНРИХ IV (1050-1106), германский король с 1054 г., император Священной Римской империи (1056), боролся с папой Григорием VII за инвеституру духовных лиц — 601

30 Система социологии

9 3 0

Указатель имен и цитируемой литературы

ГЕНРИХ VIII (1491-1547), английский король с 1509 г. из династии Тюдоров — 691

ГЕНТ (Ghent) Уильям Джеймс (1866-1942), американский писатель, публицист, социалист — 426, 649 Mass and Class [Толпа и класс]. New York, 1909 — 426

ГЕРАКЛИТ ЭФЕССКИЙ (ок. 544 - ок. 460 до н. э.), древнегреческий философ—

ГЕРМЕС (миф.), сын Зевса и Майи, вестник богов, бог торговли и красноречия — 317

ГЕРНЕТ Михаил Николаевич (1874-1953), русский юрист, специалист в области уголовного и исправительно-трудового права — 502, 836 Преступление и борьба с ним в связи с эволюцией общества. М., 1914 — 502, 836

ГЕРОСТРАТ, грек из г. Эфес, сжегший в 356 г. до н. э. храм Артемиды Эфесской (который считался одним из семи чудес света), чтобы обессмертить свое имя — 115, 585

ГЕРТВИГ, Хертвиг (Hertwig) Оскар (1849-1922), немецкий биолог, эмбриолог и цитолог — 258, 259

La cellule et les tissus. Elements d'anatomie et de physiologie generales. 1894 (рус. перевод: Общая биология. Клетка и ткани. Основы общей анатомии и физиологии. СПб., 1911) — 259

ГЕРЦ (Hertz) Генрих Рудольф (1857-1894), немецкий физик, один из основателей электродинамики, ученик Г. Гельмгольца — 185

ГЕРЦЕН Александр Иванович (1812-1870), русский революционер, писатель, философ и публицист — 19, 189, 489, 587, 761, 817, 818, 834 С того берега (1847-1850) — 19

Сочинения. СПб.: изд. Павленкова, 1905, т. III — 489, 587, 761, 818, 834 Сочинения. СПб., 1905, т. V — 19, 189 Былое и думы (1868) // Сочинения, т. III — 761

ГЕСИОД, древнегреческий поэт VIII в. до н. э., автор поэм «Теогония» и «Труды и дни»; последняя из указанных поэм представляет собой ряд «поучений» некоему Персу, среди которых встречается и такое: «Также, смотри, не мчись никогда ни в истоки, ни в устье в море впадающих рек» (ст. 757-758) — 125

ГЕСС (Hess) Карл фон (1863-1923), немецкий офтальмолог — 254

Ueber Lichtsinn und Farbensinn in der Tierreiche [О восприятии света и цвета в мире животных] // Die Umschau. Frankfurt am Main, 1910, XIV — 254

ГЕССЕН Владимир Матвеевич (1868-1920), русский правовед, либеральный публицист, политический и общественный деятель, кадет — 410 Общество // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1897, т. XXI^A — 410

ГЕССЕН Иосиф Владимирович (1865 или 1866-1943), русский публицист, юрист и общественный деятель, один из основателей и лидеров партии кадетов — 384

Указатель имен и цитируемой литературы

9 3 1

Искания общественного идеала. Пг., 1919 — 384

ГЕФФДИНГ (bfeffding) Харальд (1843-1931), датский философ и психолог, профессор Копенгагенского университета — 72, 84, 102 Очерки психологии, основанной на опыте. СПб., 1908 — 72, 84

ГИДДИНГС (Giddings) Франклин Генри (1855-1931), американский социолог, президент Американского социологического общества (1908) — 55, 95, 201, 213, 215, 232, 237, 245, 251-253, 275, 278, 310, 395, 413-415, 434, 439, 584, 585, 589, 590, 723, 811

Основы социологии. Анализ явлений ассоциации и социальной организации. М., 1898 — 55, 237, 275

The Elements of Sociology [Элементы социологии]. 1898 — 202, 213, 232, 237, 245, 251-253, 275, 310, 395, 413-415, 434, 439, 584, 585, 590 Inductive sociology [Индуктивная социология]. New York, 1901 — 95, 232, 237, 413-415, 434

The social marking system [Система социального маркирования] // AJS. 1910, vol. XV, № 6, May, p. 721-740 — 723, 811

ГИЗО (Guizot) Франсуа Пьер Гийом (1787-1874), французский политический и государственный деятель, историк и журналист — 646, 649

ГИЛЛЕН (Gillen) Фрэнсис Джеймс (1856-1912), австралийский антрополог и этнолог, исследователь племен центральной Австралии — 107, 143, 164, 194, 324, 325, 454, 615, 617, 703, 780

The Northern tribes of Central Australia [Северные племена Центральной Австралии] (в соавторстве с Б. Спенсером). London, 1904 — 107,143,194, 324,325,454,615

The native tribes of Central Australia [Туземцы Центральной Австралии] (в соавторстве с Б. Спенсером). London, 1899 — 454

ГИЛЬДЕБРАНД (Hildebrand) Бруно (1812-1878), немецкий экономист и статистик, общественный и политический деятель, один из основателей исторической школы в политической экономии — 684

ГИНСБЕРГ (Ginsberg) Моррис (1889-1970), английский социолог, ученик Л.Т. Хобхауса — 684-686

The Material [Culture] and Social Institutions of the Simpler Peoples: An Essay in correlation [Материальная культура и социальные институты примитивных народов. Очерк соотношения] // SR. 1914, vol. VII, № 3,4 (в соавторстве с Дж. К. Уилером и Л.Т. Хобхаусом) — 685, 686

ГИРКЕ (Gierke) Отто (1841-1921), немецкий правовед и общественный деятель, последователь исторической школы права — 239 Deutsche Privatrecht [Немецкое частное право]. Leipzig-München, 1895, Bd. I — 239

ГИФФЕН (Giffen) Роберт (1837-1910), английский экономист, публицист, статистик и государственный деятель — 789

ГЛЕЗЕР (Gliiser) Отто, немецкий биолог — 31, 32

Размышления об автономности биологической науки // Новые идеи в биологии. Сб. № 1. СПб., 1913 — 31, 32

93 2

Указатель имен и цитируемой литературы

ГНЕЙСТ (Gneist) Рудольф (1816-1895), немецкий правовед, публицист и политический деятель — 410

ГОББС (Hobbes) Томас (1588-1679), английский философ — 282, 329, 625 Левиафан (1651) — 329

ГОБИНО (Gobineau) Жозеф Артюр (1816-1882), французский социальный философ, писатель, дипломат, ориенталист и этнограф — 278, 408, 431, 433,637,649,731

Essai sur l'inegalite des races humaines [Опыт о неравенстве человеческих рас]. Paris, 1853-1855, vol. 1-4 — 731

ГОБЛО (Goblot) Эдмон (1858-1935), французский философ, автор трудов по логике и истории и теории науки, а также автор книги «Барьер и уровень. Социологический этюд о французской буржуазии» (Париж, 1925)—519,648

ГОГОЛЬ Николай Васильевич (1809-1852), русский писатель — 168

ГОДВИН (Godwin) Уильям (1756-1836), английский утопист, писатель, философ, публицист и историк — 517, 647, 649

ГОЙХБАРГ Александр Григорьевич (1883-1962), русский советский цивилист, участник разработки первого Гражданского кодекса РСФСР (1918) и многих советских декретов, в том числе посвященного семье и браку; в 1920 г. обвинитель на процессе министров правительства Колчака; учредитель Социалистической академии общественных наук (1918); в 1948-1955 гг. находился на принудительном лечении в психиатрической больнице—471,472

Еще о браках и разводах // Пролетарская революция и право. 1919, ЛБ 2-4 — 471,472

О браках и разводах // Пролетарская революция и право. 1918, № 4-5 — 471

ГОЛИАФ (библ.), великан-филистимлянин, побежденный в единоборстве Давидом — 569

ГОЛЬДШТЕЙН Иосиф Маркович (р. 1868), русский экономист — 507 Синдикаты и тресты и современная экономическая политика. М., 1912 — 507

ГОМЕР (ок. VIII в. до н. э.), легендарный эпический поэт Древней Греции — 702

ГОНЧАРОВ Иван Александрович (1812-1891), русский писатель — 457 Обыкновенная история (1846) — 457

ГОПКИНС (Hopkins) Манли (1844-1889), английский поэт, писатель и путешественник; гавайский консул-генерал в Ливерпуле, автор труда «Гавайи: Прошлое, настоящее и будущее этого островного королевства. Исторический обзор Сандвичевых островов Полинезии» (1862) — 726

ГОРАЦИЙ (Horatius), Квинт Гораций Флакк (65-8 до н. э.), древнеримский поэт — 492, 692

ГОРЬКИЙ Максим (наст. имя и фамилия: Алексей Максимович Пешков) (1868-1936), русский советский писатель — 182, 250 На дне (1902)—250

Указатель имен и цитируемой литературы

933

ГОУИН (Gowin) Инок Бертон (р. 1883), американский социолог и психолог — 461

Correlation between Reformatory Epochs and the Leadership of Young Men [Соотношение между эпохами реформ и молодежным лидерством]. Madison, 1909—461

ГОЦ Абрам Рафаил ович (1882-1940), политический деятель, активный член боевой организации партии эсеров — 563

ГРАВ (Grave) Жан (1854-1939), французский публицист, теоретик анархизма — 479 Будущее общество. СПб., 1907 — 479

ГРАССЕРИ (Grasserie) Руаль дела (1839-1914), французский социолог, криминалист и лингвист, последователь Г. Тар да — 29, 40, 41, 72, 406, 524, 525

De la psychosociologie [О психосоциологии] // RIS. 1912, №№ 3-4 — 41 De la cosmosociologie [О космосоциологии]. Paris, 1913 — 29 De la nostalgie et des instincts contraires comme facteurs psychologiques et sociaux [О ностальгии и противоположных инстинктах как психологических и социальных факторах] // RIS. 1911 — 525

ГРИГОРИЙ VII ГИЛЬДЕБРАНД (1015/1020-1085), римский папа с 1073 г., добивался верховенства пап над светскими государями, боролся с императором Генрихом IV за инвеституру духовных лиц — 318, 588, 601

ГРИФФЮЭЛЬС (Griffuelhes) Виктор (1874-1922), один из основателей французского анархо-синдикализма, ученик Ж. Сореля — 504, 505, 523, 524 [Задачи профессионального объединения] // Профессиональные союзы во Франции. М., 1908 — 504 L'action syndicaliste [Синдикалистское действие]. Paris, 1908 — 505, 524

ГРОЗНЫЙ — см. Иван Грозный

ГРОППАЛИ (Groppali) Алессандро (1874-1959), итальянский психолог и социолог — 41

ГРОССЕ (Grosse) Эрнст (1862-1927), немецкий этнограф и искусствовед, исследователь первобытной культуры — 684, 685

Die Formen der Familie und die Formen der Wirthschaft. 1896 (рус. перевод: Формы семьи и формы хозяйства, М., 1898) — 685

ГРОТ Николай Яковлевич (1852-1899), русский философ и психолог, автор исследования «Психология чувствований в ее истории и главных основах» (СПб., 1879-1880) — 75

ГУМПЛОВИЧ (Gumplowicz) Людвиг (1838-1909), польско-австрийский социолог и правовед, профессор университета в Граце, представитель социального дарвинизма — 25, 43, 46, 204, 217, 239, 280, 353, 407, 408, 431, 434, 440, 448, 496, 592, 647-650, 837 Основы социологии. СПб., 1899 — 46, 239, 280, 407, 837 Социология и политика. М., 1895 — 46

Un programme de sociologie [Программа социологии] // AIPS. 1894, 1.1 — 25, 46

934

Указатель имен и цитируемой литературы

Der Rassenkampf. Soziologische Untersuchungen [Борьба рас. Социологическое исследование]. Innsbruck, 1883 — 353, 434, 440, 448, 650, 837

ГУС (Hus) Ян (1369/1371-1415), чешский мыслитель и проповедник, идеолог чешской реформации, сожженный на костре как еретик — 840

ГЮГО (Hugo) Виктор (1802-1885), французский поэт и писатель — 136 Человек, который смеется (1869) — 136

ГЮИНЬЕБЕР (Guignebert) Шарль (1867-1939), французский историк и ком-

ментатор Библии, последователь Э. Ренана — 809, 811, 813 L'evolution des dogmes [Эволюция догматов]. Paris, 1910 — 809

ГЮЙО (Guyau) Жан Мари (1854-1888), французский философ и социолог — 189, 190, 556

Иррелигиозность будущего. М., 1909 — 556

Education et heredite (рус. перевод: Воспитание и наследственность. Социологический этюд. СПб., 1891) — 190

ГЮЙО (Guyot) Ив (1843-1928), французский политический и государственный деятель, писатель и публицист — 777, 778

La repartition des industries aux Etats-Unis, en France et en Belgique [Размещение промышленности в Соединенных Штатах, Франции и Бельгии] // BUS. 1907, XVII, p. 92-118 — 777, 778

ДАБЛДЕЙ (Doubleday) Томас (1790-1870), английский публицист, экономист и политический деятель, противник мальтузианства — 806 The true Law of Population [Подлинный закон народонаселения]. London, 1853—806

ДАВЕНПОРТ (Davenport) Чарльз Бенедикт (1866-1944), американский биолог и евегеник — 116

ДАВИД (*библ.*), царь Израильско-Иудейского государства (кон. II в.— ок. 950 до н. э.), победитель филистимского великана Голиафа, автор Псалмов — 569

ДАН (наст. фамилия: Гурвич) Федор Ильич (1871-1947), русский политический деятель и публицист, один из лидеров меньшевизма — 563

ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ (Dante Alighieri) (1265-1321), —итальянский поэт, философ и политический и государственный деятель — 120

ДАНТОН (Danton) Жорж Жак (1759-1794), французский политический деятель эпохи Французской революции, один из вождей якобинцев, казнен по приговору революционного трибунала — 590, 824, 840

ДАНЦЕЛЬ (Danzel) Теодор Вильгельм (1886-1954), немецкий историк и этнолог — 143, 144, 169 Die Anfange der Schrift [Происхождение письма]. Leipzig, 1912 — 144, 169

ДАРВИН (Darwin) Чарльз Роберт (1809-1882), английский естествоиспытатель, основатель эволюционного учения о происхождении видов животных и растений путем естественного отбора — 77, 104, ПО, 123, 140, 146, 154, 161, 163, 165, 166, 259-265, 267, 339, 377, 440, 582, 588 О выражении ощущений у человека и животных. СПб., 1899 — 77, 123, 140, 146, 161, 163

Указатель имен и цитируемой литературы

935

О выражении ощущений у человека и животных // Иллюстрированное собрание сочинений. М.: изд-во Ю. Лепковского, 1908, т. III — 165, 166, 267

О происхождении видов путем естественного подбора, или сохранение благоприятствуемых пород в борьбе за существование (On the Origin of Species by Means of Natural Selection, or The Preservation of Favoured Races in the Struggle for Life. 1859) — 339

Происхождение человека и половой отбор // Иллюстрированное собрание сочинений. М.: изд-во Ю. Лепковского, 1908, т. V— 259, 260, 262, 264

ДЕ ГРЕЕФ, Де Греф (De Greef) Гийом (1842-1924), бельгийский социолог — 44, 55, 103, 204, 232, 240, 379, 401

Introduction k la sociologie [Введение в социологию]. Bruxelles, 1886 — 103

Precis de sociologie [Краткий курс социологии]. Bruxelles, 1909 — 55 Sociologie. La structure Generale des Societes [Социология. Общая структура общества]. Paris, 1908, t. III — 379, 403

ДЕКАМП (Descamps) Поль (1872-1946), французский социолог и историк — 514, 518, 519, 648, 649, 653

La Hierarchie des classes en Angleterre [Классовая иерархия в Англии]. Paris, 1911— 519

ДЕ-КАНДОЛЛЬ (De-Candolle) Альфонс (1806-1893), швейцарский ботаник, дарвинист, основоположник учения о происхождении культурных растений — 426 Histoire des sciences et des savants [История наук и ученых]. 1885 — 426

ДЕКАРТ (Descartes) Рене (1596-1650), французский философ и математик — 114

ДЕ-КУЛАНЖ — см. Фюстель де Куланж Н.Д.

ДЕЛЕВСКИЙ (Delevsky) Ю. (Жак) (наст. имя и фамилия: Юделевский Яков Лазаревич) (1868-1956/1957), русско-французский публицист, социолог, инженер-геолог, политический деятель; был тесно связан с народовольцами и сослан; позже член Парижской группы партии социалистов-революционеров, масон; в эмиграции занимался философией, историей науки, популяризацией научных знаний; во время второй мировой войны уехал в США — 104, 211, 212, 412, 649, 655

Социальные антагонизмы и классовая борьба в истории. СПб., 1910 — 104, 211, 212, 412, 655

ДЕЛЬЗАЛЬ, Дельзалль (Delesalle) Поль (1870-1948), французский анархо-синдикалист, бывший литейщик; издатель и продавец революционной литературы — 504 [Всеобщая конфедерация труда] // Профессиональные союзы во Франции. М., 1908 — 504

ДЕ-ЛЯ-ГРАССЕРИ — см. Грассери

936

Указатель имен и цитируемой литературы

ДЕМОКРИТ (ок. 460 - ок. 370/360 до н. э.), древнегреческий философ-атомист — 318

ДЕМОЛЕН (Demolins) Эдмон (1852-1907), французский историк, социолог и педагог, представитель школы Ф. Ле-Пле — 52, 97, 256, 465, 467-469, 502, 622, 688

Аристократическая раса. СПб., 1906 — 465, 467, 469, 502 Comment en analyse et comment on classe les types sociaux [Как анализируют и классифицируют социальные типы] // SS, 1904, 19e année, 1er Fasc, Janvier — 52, 97, 465

Les causes endemiques du nihilisme russe [Местные причины русского нигилизма] // SS, 1891, 2-е année, t. III, 5-е livr. — 469 Les grandes routes des peuples. Comment la route cree le type social [Основные пути народов. Как создается социальный тип]. Paris, 1901-1903, t. III — 256, 469, 502, 622

Les Français d'aujourd'hui. Les types sociaux du midi et du centre [Французы сегодня. Социальные типы на юге и в центре]. Paris, 1898 — 469, 502

ДЕМУЛЕН (Desmoulins) Камилл (1760-1794), деятель Великой французской революции, сторонник Ж.Ж. Дантона, казненный по приговору революционного трибунала — 824

ДЕ-РОБЕРТИ, Де Роберти де Кастро де ла Серда (De Roberty) Евгений Валентинович (1843-1915), русский социолог и философ-позитивист, в 1908-1915 гг. профессор социологии в Психоневрологическом институте в Петербурге — 17, 23, 25, 40, 44, 55, 232, 239, 247, 264, 279, 823, 836, 838 Новая постановка основных вопросов социологии. М., 1909 — 55, 232, 247, 823, 836

Constitution de l'éthique [Основание этики]. Paris, 1900 — 836 Les fondements de l'éthique [Основания этики] — 836 Sociologie de l'action [Социология действия]. Paris, 1908 — 232, 823, 836 Sociologie et psychologie [Социология и психология]. // A.I.S. 1904, t. X, p. 83-129 (рус. перевод: Новые идеи в социологии. СПб., 1914, сб. 2: Социология и психология) — 25

ДЖЕМС (James) Уильям (1842-1910), американский философ и психолог, один из основателей прагматизма — 75, 102, 104, 108, 166, 185-187, 809 Многообразие религиозного опыта. М., 1910 — 809 Психология. СПб., 1896 — 102.

Существует ли сознание // Новые идеи в философии. СПб., 1913, сб. № 4 — 75

What is an emotion [Что такое эмоция] // Mind. 1884, № 9, p. 188-205 — 186

ДЖЕНКС (Jenks) Альберт Эрнест (1869-1953), американский антрополог, основатель и первый декан (1918-1938) факультета антропологии Университета

Миннесоты — 444, 449, 747, 762

Assimilation in the Philippines [Ассимиляция на Филиппинах] // AJS. 1914, vol. 19, №6 — 762

Указатель имен и цитируемой литературы

93 7

The legal status of negro-white amalgamation in the United States [Законоположение о расовом смешении в США] // AJS. 1916, vol. 21, № 5, March, p. 666-678 — 444, 449

Ethnic census in Minneapolis [Этническая перепись в Миннеаполисе] // AJS. 1912, vol. 17, № 6, May, p. 776-782 — 444, 747

ДЖЕННИНГС (Jennings) Герберт Спенсер (1868-1947), американский зоолог и генетик — 65, 72, 73, 127

Behavior of the lower organisms [Поведение простейших организмов]. New York, 1906 — 65, 73, 127

ДЖЕФСОН (Jephson) Генри (1845-1914), английский историк — 569, 581
Платформа, ее возникновение и развитие (История публичных митингов в Англии). СПб., 1901, т. 1-2 — 569, 581

ДЖЕФФЕРСОН (Jefferson) Томас (1743-1826), американский государственный и общественный деятель, автор проекта Декларации независимости, в 1801-1809 гг. президент США — 442

ДЖИНИ (Gini) Коррадо (1884-1965), итальянский статистик, социолог, демограф, экономист — 457, 736, 753, 755, 784, 806

Il sesso dal punto di vista statistico. Le leggi della produzione dei sessi [Пол с точки зрения статистики. Законы воспроизводства полов]. Milano, 1908 — 457, 736

I fattori demografici dell'evoluzione delle nazioni [Демографические факторы эволюции нации]. Torino, 1912 — 753, 755, 784, 806

ДИДО (Didot) Фирмен (1764-1836), французский издатель, гравер и типограф, представитель издательской династии, изобретатель стереотипографии; известен также как политический деятель, драматург и эссеист — 589

Nouvelle Biographie General [Новые всемирные жизнеописания]. Paris, 1857-1866, vol. 1-46 — 589

ДИККЕНС (Dickens) Чарльз (1812-1870), английский писатель — 112

ДИЛЬС (Diels) Людвиг (1874-1945), немецкий ботаник и путешественник, директор Ботанического сада в Берлине (1921-1945) — 403
Ботаническая география. Пг., 1916 — 403

ДОБРИЦХОФЕР (Dobrizhoffer) Мартин (1717-1791), австрийский католический миссионер в Южной Америке, этнограф, автор книги «История абипонов» (1784) — 164

ДОЛЕНГИ А. — см. Лавров П.Л.

ДОН ЖУАН, герой многочисленных произведений литературы и искусства, в нарицательном смысле — сластолюбец, лишенный моральных и религиозных принципов — 537

ДОСТОЕВСКИЙ Федор Михайлович (1821-1881), русский писатель, публицист и мыслитель — 119, 337
Братья Карамазовы (1879-1880) — 119, 136

ДРАГИЧЕСКО, Драгическу (Draghicesco, Draghicescu) Думитру (1875-1945) — румынско-французский дипломат, философ, политик, социолог — 40, 240, 375, 800, 801, 836-838

93 8

Указатель имен и цитируемой литературы

Du role de l'individu dans le determinisme sociale [О роли индивида в социальном детерминизме]. Paris, 1904 (частичный рус. перевод П.А. Сорокина: Новые идеи в социологии. СПб., 1913. № 2) — 375, 836-838
L'ideal createur [Творческий идеал]. Paris, 1914 — 800, 801

ДЬЯКОНОВ Михаил Александрович (1855/1856-1919), русский историк отечественного права, академик Петербургской АН (1912) — 610, 613
Очерки общественного и государственного строя древней Руси (до конца XVII в.). 3-е изд., испр. и доп. СПб.,

1910 — 610, 613

Д'ЭТ (D'Aeth) Фредерик Джордж, английский социолог, экономист и общественный деятель — 514, 517, 518, 647-649, 653

Present tendencies of class differentiation [Современные тенденции классовой дифференциации] // SR. 1910, vol. III, № 4, October — 518

ДЮГИ (Duguit) Леон (1859-1928), французский социолог и теоретик права, представитель солидаризма и социологии права — 49, 328, 474, 491, 509, 547, 632

Руководство по конституционному праву. М., 1908 — 49, 328, 474, 491, 632

Le droit social, le droit individuel et la transformation de l'Etat: conferences faites a l'Ecole des Hautes Etudes Sociales Социальное право, индивидуальное право и преобразование государства [Лекции прочитанные в Высшей школе социальных наук]. Paris, 1908 (рус. перевод: М., 1909; СПб., 1909, 1914)—509

Traite de droit constitutionnel [Трактат о конституционном праве]. Paris, 1911, t. 1—547

ДЮПРА (Duprat) Гийом Леон (1872-1956), швейцарский социолог— 52, 55, 242, 245

Science sociale et democratic [Социальная наука и демократия]. Paris, 1900 — 52, 55, 242

ДЮПРЕЕЛЬ (Dupreel) Эжен (1879-1967), бельгийский социолог и философ, противник мальтузианства — 38, 39, 42, 55, 210, 552, 813 Sociologie et psychologie [Социология и психология] // BMISS. 1911, Janvier — 39

Le rapport social (Essai sur l'objet et la methode de la sociologie) [Социальное отношение (Этюды об объекте и методе социологии)]. Paris, 1912 — 42, 43, 55, 210, 552, 813

ДЮРКГЕЙМ (Durkheim) Эмиль (1858-1917), французский философ и социолог, основатель французской социологической школы — 40, 43, 44, 52, 54, 79, 80, 108, 156, 184, 214, 215, 239, 241, 243, 247, 261, 272, 273, 275, 276, 279, 281, 309, 310, 339, 340, 405, 497, 553, 554, 556, 634, 635, 677, 678, 693, 694, 697-700, 702-704, 709, 710, 822, 823, 837, 838 О разделении общественного труда. Одесса, 1900 — 52, 215, 261, 272, 273, 275, 309, 310, 339, 694, 836

Самоубийство. СПб., 1912 — 108, 156, 184, 239, 405, 837 Социология и социальные науки // Метод в науках. СПб., 1911, с. 226-245 — 43

Указатель имен и цитируемой литературы

93 9

Civilisation et types de civilisation [Цивилизация и типы цивилизаций] (в соавторстве с М. Моссом) // AS. 1909-1912, t. XII — 497, 635 Le dualisme de la nature humaine et ses conditions sociales [Дуализм человеческой природы и ее социальных условий] // Scientia. 1914, vol. XV, № XXXIV (2), p. 206-221 — 822, 823

Les formes elementaires de la vie religieuse [Элементарные формы религиозной жизни]. Paris, 1912 (частичный рус. перевод в: Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология. М., 1998) — 239, 553, 554, 822

Les regies de la methode sociologique [Правила социологического метода]. Paris, 1907 (рус. перевод: Метод социологии. Киев-Харьков, 1899) — 79, 239, 405, 677, 678, 698-700, 702, 703, 837

Sociologie et sciences sociales (в соавторстве с П. Фоконне) // RPFE. 1903, t. LV, p. 465-497 (рус. перевод: Социология и социальные науки // Метод в науках. СПб., 1911, с. 226-245 — 43, 44

Рец.: Wundt W. Elemente der Volkerpsychologie: grundlinien einer psychologischen entwicklungsgeschichte der menschheit [Элементы психологии народов: основные черты психологического развития истории человечества] . Leipzig, 1912 // AS. 1909-1912, t. XII, p. 50-61 — 281, 406, 693

ЕВРИПИД (ок. 480 - 406 до н. э.), древнегреческий драматург — 215

ЕКАТЕРИНАП Алексеевна (1729-1796), российская императрица с 1762г. — 319

ЕЛЕНА, в древнегреческой мифологии дочь Зевса и Леды, славившаяся не-

обыкновенной красотой; была похищена троянским царевичем Парисом, что послужило причиной Троянской войны — 259

ЕЛИСТРАТОВ Аркадий Иванович (1872-1955), русский советский правовед — 547

Должностное лицо и гражданин // Вопросы административного права. М., 1916, вып. 1, с. 76-89 (переиздание: Правоведение, 1994, № 4, с. 84-90) — 547

ЕЛЛИНЕК (Jellinek) Георг (1851-1911), немецкий юрист-государствовед — 234, 270, 280, 409, 474, 491, 632

Право современного государства. СПб., 1903 — 234, 370, 280, 409, 474, 491, 632

ЖАЕЛЬ Мари — 138, 139

ЖАНТИ (Genty) Луи (1743-1817), аббат, французский философ и математик — 726

ЖАРЕ (Jaray) Жюль Мари Адольф, французский военный психолог — 147, 172

Du formalisme au «Debrouillez-vous» [О буквальном смысле выражения «Выпутывайтесь, как знаете»]. Paris, 1910 — 147, 172

ЖЕЗ (Jeze) Гастон (1869-1953), французский правовед, социолог и экономист, президент Международного института права, председатель Фран-

940

Указатель имен и цитируемой литературы

ко-русского института, организованного в 1925 г. для русских эмигрантов — 547
Cours de droit public [Курс публичного права]. Paris, 1913 — 547

ЖЕЛЕЗНОВ Владимир Яковлевич (1869-1933), русский экономист, представитель критического марксизма — 42 Очерки политической экономии. М., 1902 — 42

ЖЕЛЯБОВ Андрей Иванович (1851-1881), русский революционер, один из организаторов убийства Александра II 1 марта 1881; по приговору суда казнен — 840

ЖИАР (Giard) Альфред Матье (1846-1908), французский биолог, один из первых пропагандистов эволюционного учения во Франции — 142, 211 Facteurs primaires de revolution [Первичные факторы эволюции] // Revue scientifique du Bourbonnais et du Centre de la France. 1889, novembre — 142, 211

ЖИД (Gide) Шарль (1847-1932), французский экономист, теоретик кооперативного движения — 581, 647, 649, 654, 736, 740 Rapport sur l'economie sociale [Отчет о социальной экономии] // Rapports du jury international de l'exposition de 1900. Paris, 1913, t. V — 581 De la reconstitution de la population franchise [Восстановление народонаселения во Франции] // RIS. 1916, hiver — 736

ЖОРДАН (Jordan) Давид Старр (1851-1931), французский физиолог — 485, 731, 807

La moisson humaine, essai sur la decadence des races par suite de la survivance du moins apte [Человеческая жатва, опыт об упадке рас как следствии выживания менее способных] // RIS. 1911 — 485, 731, 807

ЖОРЕС (Jaures) Жан (1859-1914), французский социалист, философ и общественный деятель — 489, 525, 563, 564 Новая армия. Пг., 1919 — 489, 525 Избранные речи и статьи. СПб., 1907 — 564

ЖУО (Jouhaux) Леон (1879-1954), деятель французского и международного профдвижения, в 1909-1940 гг. секретарь Всемирной конфедерации труда, лауреат Нобелевской премии (1951 г.) — 525

ЗВОНИЦКАЯ Агнесса Соломоновна (1897-1942), русский социолог, представитель неопозитивизма и бихевиоризма — 202, 306 Социальная связь. Опыт теоретической социологии. Киев, 1914 — 202, 306

ЗЕЛЕНЬЙ (Seliony) Георгий Павлович (1878-1951), русский физиолог — 74, 78, 80, 91, 122, 175, 176

Современная биология и психология // Новые идеи в философии. СПб., 1913, сб. № 9 — 74, 78, 80, 91, 122, 175, 176

Психические реакции животных как объект естествознания // Природа. 1913. № 10, октябрь — 79, 175, 176

Ueber die zukunfftige Soziophilosophie [О будущей социофилософии] // ARGBERG. 1912, № IX — 80

ЗЕНОН ЭЛЕЙСКИЙ (ок. 490 - 430 до н. э.), древнегреческий философ, ученик Парменида — 318, 692

ЗЕПАЛОВ Петр Николаевич (1892-1918), ближайший друг П.А. Сорокина, расстрелянный по приговору ЧК — 17, 23

ЗИГВАРТ (Sigwart) Христоф (1830-1904), немецкий логик, близкий по своим философским воззрениям к баденской школе неокантианства — 234, 235 Логика. СПб., 1908, т. I—II — 234, 235

ЗИММЕЛЬ (Simmel) Георг (1858-1918), немецкий философ, социолог и культуролог — 18, 25, 39, 43-50, 52, 151, 156, 184, 185, 192, 200, 206, 235, 261, 272, 286, 287, 292, 309, 314, 315, 322, 323, 376, 381, 405, 526, 800, 801 Большие города и духовная жизнь // Большие города, их общественное, политическое и экономическое значение. СПб., 1905, с. 117-136 — 800, 801

Понятие и трагедия культуры//Логос. 1911-1912, кн. 2-3, с. 1-25 — 156, 185, 192

Проблема социологии // Новые идеи в социологии. СПб., 1913, сб. № 1, с. 109-141—39, 44

Религия. Социально-психологический этюд. М., 1909 — 556 Социальная дифференциация. Социологические и психологические исследования. Киев-Харьков, 1898 — 235, 272, 309, 376, 526 Comment les formes sociales se maintiennent [Как сохраняют себя социальные формы] // AS. 1896-1897, t. 1 — 286, 292, 314, 315, 322 Hauptprobleme der Philosophie [Главная проблема философии]. Leipzig, 1911—318

Philosophie des Geldes [Философия денег]. Leipzig, 1900 (частичный рус. перевод: Жизнь, 1899, кн. 2, 7; Научное обозрение, 1900, № 1) — 151 Soziologie [Социология]. Leipzig, 1908 — 18, 25, 46, 48, 49, 52, 200, 206, 261, 314, 315, 381

ЗИНОВЬЕВ Григорий Евсеевич (наст. фамилия и имя Радомысльский Евсей Аронович) (1883-1936), советский государственный и партийный деятель — 197, 542, 563

ЗОЛОТАРЕВ (Zolotareff) Аким Михайлович (1853-1912), русский статистик и военный теоретик, участвовал в организации первой всероссийской переписи населения (1895 г.), монархист и националист — 611, 766 Propriete fonciere dans 50 gouvernements de la Russie d'Europe en 1905 // BUS. 1905, XVII (рус. перевод: Земельная собственность в 50 губерниях европейской части России в 1905 г.. СПб., 1907) — 611 Les classes sociales en Russie [Общественные классы в России] // BUS, XVIII, 1 — 766

ЗОМБАРТ (Sombart) Вернер (1863-1941), немецкий экономист, социолог и историк — 647, 648, 788

Sozialismus und sozialer Bewegung im XIX Jahrhundert. Jena, 1896 (рус. перевод: Социализм и социальное движение в 19 столетии. СПб., 1902) — 788

94 2

Указатель имен и цитируемой литературы

ЗОМЛО, Шомло (Somlo) Бодог (1873-1920), венгерский правовед и социолог — 675, 676, 680-682, 704

Zur Grundung einer beschreibenden Soziologie [К основанию описательной социологии]. Berlin-Leipzig, 1909 — 675, 676, 680-682, 704

ИАКОВ (*библ.*), один из двух сыновей Исаака и Ревекки, купивший у своего брата Исава право первородства за чечевичную похлебку — 149, 170, 259

ИВАН (ИОАНН) IV Васильевич Грозный (1530-1584), великий князь с 1533 г., первый русский царь (с 1547 г.) — 317-322, 611, 683, 691, 893, 832

ИВАН КАЛИТА (ок. 1283-1340), князь Московский (с 1325 г.), великий князь Владимирский (с 1328 г.), сыгравший большую роль в усилении Московского княжества — 763

ИВАНОВ-РАЗУМНИК (наст. фам. Иванов) Разумник Васильевич (1878-1946), русский литературовед и социолог — 585-587 История русской общественной мысли. Пг., 1918 — 586

ИЕГОВА (Яхве), единый бог в иудаизме — 314

ИЕРИНГ (Ihering) Рудольф (1819-1892), немецкий правовед, основатель социологической школы в праве — 84, 279 Цель в праве. СПб., 1881, т. I — 84

ИЗВЕСТИЯ ВЦИК. 1919, 2 декабря — 554

ИЗВЕСТИЯ ПЕТРОГРАДСКОГО СОВЕТА РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯНСКИХ ДЕПУТАТОВ. 1919. № 162 — 520

ИЗУЛЕ, Изуле-Лубатьер (Izoulet-Loubatieres) Жан (1854-1929), французский философ и социолог, последователь Е.В. Де-Роберти, один из создателей теории элит, представитель органицизма — 239, 240, 279, 585 La cite moderne et la mdta physique de la sociologie [Современный город и метафизика социологии]. Paris, 1894 — 585

ИИСУС ХРИСТОС — 172, 173, 178, 194, 195, 314, 339, 585, 589, 692, 840

ИЛБЕРТ (Ilbert) Кортней (1841-1924), английский правовед, секретарь Палаты общин Парламента — 569 Парламент (Его история, организация и практика). Пг., 1915 — 569

ИЛЫН В. — см. Ленин В.И.

ИННОКЕНТИЙ III (в миру: Лотарио ди Сеньи; 1160/1161-1216), папа римский с 1198 г., деятельность которого увенчалась огромными успехами теократии; на IV Латернском соборе в 1215 г. провозгласил создание инквизиции; инициатор Четвертого крестового похода и похода против альбигойцев — 588, 589

ИОСТ (Jost) Людвиг (1865-1947), немецкий ботаник — 58

Физиология растений. Лекции, читанные в Страсбургском университете. СПб., 1914—58

ИСААК (библ.), сын Авраама и Сарры, отец Иакова и Исава — 149

ИСАВ (библ.), сын Исаака и Ревекки, продавший своему брату Иакову право первородства за чечевичную похлебку — 149

Указатель имен и цитируемой литературы

94 3

КАБЛУКОВ Николай Алексеевич (1849-1919), русский экономист, статистик и общественный деятель, либеральный народник, теоретик «кооперативного социализма», профессор Московского университета — 42 Политическая экономия. М., 1918 — 42

КАЛЯЕВ Иван Платонович (1877-1905), русский террорист, эсер; в 1905 г. казнен за убийство великого князя Сергея Александровича — 832

КАМИНКА Август Исаакович (1865-1940), русский правовед, публицист, издатель и общественный деятель, специалист по торговому праву, приват-доцент Санкт-Петербургского университета — 507 Предпринимательские союзы. Очерки картельного права. СПб., 1909 — 507

КАНТ (Kant) Иммануил (1724-1804), немецкий философ, родоначальник немецкой классической философии — 111, 585, 819, 830 Критика практического разума (1788) — 111

КАНТИЛЬОН (Cantillon) Ричард (1680-1734), ирландский банкир, экономист и демограф, предшественник физиократов, автор «Общего очерка о природе торговли» (1730-1734; опубл. в 1755)—646

КАПЕТИНГИ (Capetiens), династия французских королей (987-1328) — 806

КАРЕЕВ Николай Иванович (1850-1931), русский историк и социолог; публицист и общественный деятель — 44, 55, 61, 225, 239, 242, 243, 246, 280, 838

Введение в изучение социологии. СПб., 1907 — 55, 239, 243, 838 Западно-европейская абсолютная монархия XVI, XVII и XVIII веков. Общая характеристика бюрократического государства и сословного общества «Старого порядка». СПб., 1908 — 280

Историко-философские и социологические этюды. СПб., 1899 — 61 О значении психологии для общественных наук // Вестник психологии, криминологии, антропологии и педологии. СПб., 1912, т. IX, вып. 1, с. 78-88 — 225

Общие основы социологии. Пг., 1919 — 243, 246 Теория личности П.Л. Лаврова. СПб., 1907 — 243

Экономический материализм и закономерность социальных явлений. По поводу

европейских рас] (RIS, 1898, p. 416-430) — 201

КЛЮЧЕВСКИЙ Василий Осипович (1841—1911), русский историк — 157, 251, 253
История сословий в России. М., 1918 — 599, 600, 609, 613, 614 Курс русской истории. М., 1908, т. 1 — 157, 251, 253, 326, 327

КО (Coe) Джордж Альберт (1862-1951), американский социолог и психолог, один из основоположников социологии религии — 811, 813 Notes on the recent census of religious bodies [Заметки о недавней переписи религиозных групп] // AJS. 1910, vol. 15, № 6, May, p. 806-816 — 811, 813

КОВАЛЕВСКИЙ Максим Максимович (1851-1916), русский социолог, историк, правовед и этнограф — 17, 21, 23, 44, 55, 60, 197, 261, 273, 280-282, 304, 305, 324-326, 420, 569, 610, 611, 617, 634, 640, 647, 684, 780 История аристократии. СПб., 1914 — 611 Общее конституционное право. СПб., 1908 — 569 Очерк истории развития социологии в конце XIX и в начале XX века // История нашего времени. Пг., 1914-1915, т. VII, вып. 27-28 — 640 Очерк происхождения и развития семьи и собственности. СПб., 1895 — 685

Современные социологи. СПб., 1905 — 273, 280

Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении. М., 1886, т. II — 304

Социология. СПб., 1910, т. I—II — 55, 60, 197, 280-282, 324-326, 610, 617, 634, 685, 780

Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства. М., 1898-1903, т. 1-3 — 261

КОЗЛОВСКИЙ Мечислав Юльевич (1876-1927), деятель польского, литовского и русского революционного движения; по профессии адвокат — 487, 504

Новые веяния в социализме перед судом русской критики. М., 1908 — 487

КОЛАЯННИ (Colajanni) Наполеоне (1847-1921), итальянский социолог и политический деятель, представитель «левого крыла» социологической школы уголовного права, близкого к марксизму — 502

КОЛЕР (Kohler) Иосиф (1849-1919), немецкий юрист, представитель школы этнологического правоведения — 682

Fragebogen zur Erforschung der Rechtsverhältnisse der sogenannte Naturvolker [Анкета для исследования правовых отношений так называемых естественных народов] // Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft. Stuttgart, 1897, Bd. XII — 682

КОЛЛЕ (Caullet) Поль, французский социолог, правовед и экономист — 40

946 *Указатель имен и цитируемой литературы*

Отношение социологии к психологии и биосоциальная гипотеза // Новые идеи в социологии. Сб. 2: Социология и психология. СПб., 1914 — 40

КОЛЛЕТТИ (Colletti) Франческо, итальянский демограф — 758

Dell'emigrazione italiana [Об итальянской эмиграции]. Milano, 1912 — 758

КОЛЛОУЭЙ (Callaway) Роберт Ф., англиканский миссионер в Южной Африке — 203, 293, 441, 445

Colour Antipathies. A Study of the Conditions of Church Life in South Africa [Расовые антипатии: Исследование условий церковной жизни в Южной Африке] // The East and the West. Westminster, 1910, № 1, January — 203, 293, 445

КОЛОСОВ Евгений Евгеньевич (1879-1937), русский историк, публицист, революционный деятель, эсер; в 1906-1915 гг. в эмиграции; расстрелян — 527

Очерки мировоззрения Н. К. Михайловского. Теория разделения труда как основа научной социологии (Опыт литературного анализа). СПб., 1912 — 527

КОЛУМБ (Columbus) Христофор (1451-1506), первооткрыватель Америки (12 октября 1492 г.) — 364, 586

КОЛУМБАН (ок. 540-615), святой, ирландский монах, проповедник христианства в Западной Европе, основатель ряда монастырей — 193

КОЛЧАК Александр Васильевич (1874-1920), русский военный и политический

деятель, один из руководителей Белого движения в Сибири, адмирал (с 1917 г.), исследователь-полярник и ученый-океанограф; расстрелян — 544

КОЛЬМО — 41

КОЛЬРИДЖ (Coleridge) Самюэль Тейлор (1772-1834) — английский поэт, литературный критик и философ, представитель «озерной школы» — 208 Кристабель (1819) — 208

КОМПЕЙРЕ (Compayre) Габриэль (1843-1913), французский педагог и психолог — 273

Involution intellectuelle et morale de l'enfant. Paris, 1896 (рус. перевод: Умственное и нравственное развитие ребенка. СПб., 1912) — 273

КОНДИЛЬЯК (Condillac) Этьенн Бонно де (1715-1780), французский философ, психолог, логик и экономист; один из основоположников ассоциативной психологии — 646

КОНДОРСЕ (Condorcet) Жан Антуан Николя (1743-1794), французский философ-просветитель, математик, социолог, политический деятель, сотрудник «Энциклопедии» — 590

КОНДРАТЬЕВ Николай Дмитриевич (1892-1938), русский экономист и статистик, создатель концепции длинных волн конъюнктуры («кондратьевских циклов»); репрессирован — 261

Рост населения как фактор социально-экономического развития в учении М.М. Ковалевского // М.М. Ковалевский — ученый, государственный и общественный деятель и гражданин. Пг., 1917 — 261

Указатель имен и цитируемой литературы

947

КОНИ Анатолий Федорович (1844-1927), русский юрист, общественный деятель и литератор — 90

Психология и свидетельские показания // Новые идеи в философии. СПб., 1913, сб. №9 — 91

КОНСИДЕРАН (Considérant) Виктор (1808-1893), французский социалист-утопист, последователь Ш. Фурье — 517, 646, 649

КОНСТАНТИН ВЕЛИКИЙ (ок. 285-337), римский император с 306 г., легализовавший в 313 г. христианство — 558

КОНТ (Comte) Огюст (1798-1857), французский философ и социолог, основатель «позитивной» философии — 22, 40, 56, 60, 61, 163, 364, 688, 695, 830

Cours de philosophie positive [Курс позитивной философии]. Paris, 1908, t. IV — 689

КОНФУЦИЙ, Кун-цзы (ок. 551-479 до н. э.), древнекитайский философ — 187

КОРАН, главная священная книга в исламе, которую верующие мусульмане почитают как божественное откровение; состоит из 114 сур (глав) — 493

КОРКУНОВ Николай Михайлович (1853-1904), русский правовед и социолог, специалист в области государственного и международного права — 49 Лекции по общей теории права. СПб., 1886 — 49

КОРНЕХО (Cornejo) Мариано (1866-1942), перуанский социолог и политический деятель — 55, 437

Sociologie generale [Общая социология]. Paris, 1911, 1.1 — 55 La race [Раса] // RIS. 1911 — 437

КОРНИЛОВ Лавр Георгиевич (1870-1918), русский генерал от инфантерии, один из вождей белогвардейского движения — 320

КОРОПЧЕВСКИЙ (Карапчевский) Дмитрий Андреевич (1842-1903), русский антрополог, этнограф, публицист и переводчик — 435, 727, 729 Расовая и этническая группировка человечества // Ратцель Ф. Народоведение. СПб., 1902, т. II — 435, 727, 729

КОСТ (Coste) Адольф (1842-1902), французский социолог-позитивист, президент Парижского статистического общества — 40, 52, 55, 79, 80, 200, 261, 389, 393, 394, 407, 683, 693, 710

Les principes d'une sociologie objective [Принципы объективной социологии]. Paris, 1899 — 52, 55, 79, 200, 261

L'experience des peuples [Опыт народов]. 1900 — 52, 200, 261, 389, 393, 394, 407, 683, 693

КОСТЫЛЕВ (Kostyleff) Николай Николаевич (1876-1956), русско-французский психолог-объективист, последователь В.М. Бехтерева — 90 La crise de la psychologie experimentale [Кризис экспериментальной психологии]. Paris, 1911 — 90

КОТИК Наум Генрихович (р. 1875), русский психолог — 85 Непосредственная передача мыслей. М., 1912 — 85

948

Указатель имен и цитируемой литературы

КОТЛЯРЕВСКИЙ Сергей Андреевич (1873-1939), русский историк, правовед, либеральный общественный и политический деятель — 49 Власть и право. Проблема правового государства. М., 1915 — 49

КОУЭН (Cowen) Джозеф (1829-1900), английский политический деятель, который вследствие разногласий по проблеме колониализма в 1885 г. вышел из состава Либеральной партии после пребывания в ней с 1874 г.; вскоре он ушел из политики и занялся журналистской работой и бизнесом в родном Ньюкасле, продолжая оказывать серьезное влияние на городское общественное мнение — 571

КРАЙНСКИЙ Николай Васильевич (1869-1951), русский советский психиатр, внесший большой вклад в изучение причин эпилепсии и других заболеваний; в 1920-1947 гг. жил в эмиграции — 75

КРАСНАЯ ГАЗЕТА. Пг., 1919, № 57 — 197

КРАСС (Crassus) Марк Лициний (ок. 115-53 до н. э.), древнеримский политический деятель, полководец, разбивший в 72 г. основные силы Спартака — 780

КРЕАНГЭ (Creanga) Джордже Д., румынский экономист — 766

Die Statistik Grandbesitzverteilung in der verschieden Landere [Статистика распределения земельной собственности в разных странах] // BUS, XVII — 766

КРИТСКАЯ (Лебедева, Лебедева-Критская) Наталия Александровна (1884 — после 1945), русская анархо-синдикалистка, жена Н.К. Лебедева — 478, 487, 504, 509, 564

История синдикального движения во Франции. 1789-1907 (в соавторстве с Н.К. Лебедевым). М., 1908 — 478, 487, 504, 509, 564

КРОМВЕЛЬ (Cromwell) Оливер (1599-1658), деятель Английской революции XVII в., вождь индепендентов, лорд-протектор Англии с 1653 г. — 544, 588, 802, 832

КРОМЕР (Cromer) Эвелин Баринг (1841-1917), английский государственный деятель, дипломат, в 1883-1907 гг. генерал-консул в Египте, фактически управлявший страной — 203, 441

КРОПОТКИН Петр Алексеевич (1842-1921), русский революционер, теоретик анархизма, ученый-географ — 214, 262-264, 279, 285, 326, 479, 486, 487, 537, 539, 540, 581

Великая французская революция. М., 1919 — 540

Взаимная помощь как фактор эволюции. М., 1918 — 214, 262, 264, 285, 326, 581

Речи бунтовщика. М., 1918 — 479, 486, 487, 537, 539, 540 Хлеб и воля. М., 1919 — 479

КРЮЭ (Cruet) Жан, французский правовед — 412, 471, 493, 494

La vie du droit et l'impuissance des lois [Жизнь права и бессилие законов]. Paris, 1908 — 412, 471, 494

КУК (Cook) Джеймс (1728-1779), английский мореплаватель — 726

КУЗНЕЦОВ Николай Иванович (1864-1932), русский ботаник, член-корреспондент Петербургской АН (1904), в 1915-1918 гг. директор Никитского ботанического сада — 681

Указатель имен и цитируемой литературы

949

Введение в систематику цветковых растений. 1914 — 681 КУЛИШЕР Иосиф Михайлович (1878-1934), русский экономист и историк народного хозяйства — 266, 273

Лекции по истории экономического быта Западной Европы. Пг., 1918 — 266, 273

КУРНО (Cournot) Антуан Огюстен (1801-1877), французский математик, экономист и философ, родоначальник математического направления в политэкономии — 66, 67

Essai sur les fondements de nos connaissances et sur les caracteres de la critique philosophique [Очерк оснований нашего сознания и характера философской критики]. Paris, 1851 — 67 КБЕР (Kjaer) Андерс Николай (1838-1919), норвежский статистик, основатель и первый директор Центрального статистического бюро Норвегии — 786-790

Repartition sociale des revenus [Социальное распределение прибыли] // BUS. 1909, vol. XVIII, part I — 787, 789, 790

ЛАБРИОЛА (Labriola) Антонио (1843-1904), итальянский философ, публицист, теоретик и пропагандист марксизма — 479, 509, 543

ЛАВАН (*библ.*), арамеец (сириец), сын Вафуиля, брат Ревекки и отец Лии и Рахили (жен Иакова); см. Быт. 22, 23; 25, 24 — 259

ЛАВРОВ Петр Лаврович (псевд.: А. Доленги, С.С. Арнольди) (1823-1900), русский философ и социолог, теоретик революционного народничества; сторонник субъективного метода в социологии — 104, 127, 216, 242, 243, 247, 255, 261, 437, 439, 470, 471, 476, 477, 479, 486, 487, 497, 543, 546, 547, 587, 634, 682, 683, 690, 726, 838

Задачи понимания истории. Проект введение в изучение эволюции человеческой мысли. М., 1898 (подп.: С.С. Арнольди) — 243, 838 Важнейшие моменты в истории мысли. М., 1903 (подп.: А. Доленги) — 127, 243, 255, 261, 838

Государственный элемент в будущем обществе. Лондон, 1876 — 216, 476, 477, 479, 486, 487, 547 Исторические письма (1869) — 243, 838

Опыт истории мысли нового времени. Женева, 1894 — 104, 127, 247, 437, 439, 497, 587, 683, 690

Очерки по истории Интернационала. Пг., 1919 — 543 Собрание сочинений. Серия III, вып. V: Статьи научного характера. Пг., 1918 — 471, 690

Собрание сочинений. Серия III, вып. VIII: Статьи научного характера. Пг., 1918 — 243

Цивилизация и дикие племена. СПб., 1903 (подп.: С.С. Арнольди) — 634, 690, 726

ЛАВУАЗЬЕ (Lavoisier) Антуан Лоран (1743-1794), французский химик, философ и экономист; монархист, казненный по приговору революционного трибунала — 586, 590

9 50

Указатель имен и цитируемой литературы

ЛАГАРДЕЛЬ (Lagardelle) Юбер (1875-1958), французский экономист и общественный деятель, синдикалист; один из основателей Социалистической партии Франции, предтеча фашизма, министр труда в правительстве Виши — 479, 486, 487, 504, 508, 525, 526, 542-544, 564 Le socialisme ouvrier [Рабочий социализм] // Le Mouvement socialiste. Lyon, 1904, июнь — 486, 544

Революционный синдикализм во Франции // Вопросы момента. Сборник статей. М., 1906 — 487, 508, 525, 526

Синдикальное право // Профессиональные союзы во Франции. М., 1908 — 504

Le parti socialiste et la Confederation du Travail [Социалистическая партия и Конфедерация труда] // Le Mouvement socialiste. Paris, 1908. № 189-190 — 564

ЛАЗАРЕВСКИЙ Николай Иванович (1868-1921), русский государствовед — 49, 280, 282, 307, 319, 323, 392, 393, 410, 411, 474-476, 478, 479, 488, 632 Русское государственное право. Пг., 1917 — 280, 282, 307, 319, 393, 410, 411, 474-476, 478, 479, 488, 632

ЛАЗЕРСОН Максим Яковлевич (1880-1952), русский социолог, правовед и политический деятель, с 1920 г. в эмиграции — 640 К международной постановке еврейского вопроса. Пг., 1917 — 640

ЛАЙЕЛЛ (Layall) Альфред (1835-1911), английский государственный деятель, поэт, историк — 626, 627 Asiatic Studies [Азиатские очерки]. London, 1882 — 626, 627

ЛАМАРК (Lamarque) Жан-Ватист (1744-1829), французский естествоиспытатель, один из основоположников зоопсихологии — 692

ЛАМЕТТРИ (Lamettrie) Жюльен Оффре де (1709-1751), французский философ-материалист — 186 Человек-машина. СПб., 1911 — 186

ЛАНГЕ (Lange) Карл Георг (1834-1900), датский философ, психолог и физиолог, один из авторов (наряду с У. Джемсом) сосудо-двигательной теории эмоций — ПО, 111, 167, 185-187

Душевные движения. Психофизиологический этюд. СПб., 1896 — 111, 186

ЛАПИ (Lapie) Поль (1869-1927), французский писатель и педагог — 453 La femme dans la famille [Женщина в семье]. Paris, 1908 — 453

ЛАПУЖ (Lapouge) Жорж Ваше де (1854-1936), французский социолог, последователь теории социального дарвинизма и один из идеологов расизма — 201, 431, 438, 550, 637, 725, 727, 728, 731, 755, 805, 818 L'aryen et son role social [Ариец и его социальная роль]. Paris, 1899 — 550 Les selections sociales [Социальный отбор]. Paris, 1896 — 438, 550, 728

ЛАРИН Ю. — см. Лурье М.З.

ЛАССАЛЬ (Lassalle) Фердинанд (1825-1864), немецкий философ, правовед, экономист и политический деятель, один из лидеров германской социал-демократии и родоначальников рабочего движения, организатор и пер-

Указатель имен и цитируемой литературы

951

вый президент Всеобщего германского рабочего союза (1863-1875) — 197, 477, 563

ЛАССВИЦ (Lasswitz) Курт (1848-1910), немецкий математик, физик, географ, философ; писатель-фантаст — 75

Die moderne Energetik in ihrer Bedeutung fur Erkenntniskritik [Современная энергетика и ее значение для критики познания] // Philosophische Monatshefte. Berlin, 1893, Bd. XXIX, S. 1-30 — 75

ЛАЦИС Мартын Иванович (наст. фамилия и имя: Судрабс Ян Фридрихович) (1888-1938), советский государственный и партийный деятель — 554

ЛЕБ (Loeb) Жак (1859-1924), немецко-американский биолог и физиолог, проф. Чикагского (с 1892) и Калифорнийского (1902) университетов, создатель теории тропизмов — 35, 73, 75, 79, 142, 254 Comparative physiology of the brain and comparative psychology [Сравнительная физиология мозга и сравнительная психология]. New York, 1908 — 73

Значение тропизмов для психологии // Новые идеи в философии. СПб., 1913, сб. №8 — 79, 254

ЛЕБЕДЕВ Николай Константинович (1879-1934), русский географ, анархо-синдикалист, биограф П.А. Кропоткина, муж Н.К. Критской — 478, 487, 504, 509, 564

История синдикального движения во Франции. 1789-1907 (в соавторстве с Н.К. Критской). М., 1908 — 478, 487, 504, 509, 564

ЛЕБОН (Le Bon) Гюстав (1841-1931), французский социолог, психолог, антрополог, историк и публицист, основатель социальной психологии — 41, 300, 301, 725, 795, 809, 811, 813, 814

Психологические законы эволюции народов. СПб., 1906 — 41 Psychologie des Foules. Paris, 1895 (рус. перевод: Психология народов и масс. СПб., 1896) — 300

Психология социализма. СПб., 1908 — 725, 795, 809, 813, 814

ЛЕВАССЕР (Levasseur) Пьер Эмиль (1828-1911), французский экономист, статистик и историк — 462, 723, 756, 757, 769, 776, 778, 789, 798-801, 808, 810

La repartition de la race humaine sur le globe terrestre [Перераспределение человеческого рода по земному шару] // BUS. Paris, 1909, XVIII, II, p. 48-63 — 723, 798, 800

Statistique de la superficie et de la population [Статистика территорий и населения] (в соавторстве с Л. Бодио) // BUS, Roma, 1897, XII, II — 756, 757, 801

La domographie franchise comparee [Сравнительная французская демография] //

BUS, La Haye, 1888, III, III — 769, 776, 778, 799, 810 La populations frangaise. Histoire de la population avant 1789 et demographie de la France comparee a celle des autres nations au XIXe siecle [Французское население. История населения до 1789 г. и французская демографичес-

95 2

Указатель имен и цитируемой литературы

кая статистика в сравнении с данными по другим народам за XIX век]. Т. III — 789
Histoire des classes ouvrieres et de l'industrie en France avant 1789 [История рабочего класса и промышленности во Франции до 1789 г.]. Paris, 1900-1901, t. I-II — 789

ЛЕВИ (Levi) Леоне (1821-1888), английский правовед и экономист — 789

ЛЕВИ (Levy) Поль, французский врач — 188

L'education rationnelle de la volonte: son emploi thee rapeutique. Paris, 1907 (рус. перевод: Рациональное воспитание воли. Практическое руководство к духовному самолечению и самовоспитанию. СПб., 1912) — 188

ЛЕВИАФАН (*библ.*), мифологии морское чудовище, в переносном смысле — нечто огромное и чудовищное; название сочинения Т. Гоббса, посвященного проблемам государства — 411, 511, 569

ЛЕВИ-БРЮЛЬ (Levy-Bruhl) Люсьен (1857-1939), французский философ-позитивист, социолог, психолог, антрополог и этнограф, представитель школы Э. Дюркгейма — 40, 146, 164, 168, 170, 173, 179, 180-182, 194 Les fonctions mentales dans les societies inferieures. Paris, 1912 (в рус. переводе: Первобытное мышление. М., 1930) — 146, 164, 168, 170, 173, 179-182, 194

ЛЕВИТАН Исаак Ильич (1860-1900), русский живописец-пейзажист — 144, 582

ЛЕ-ДАНТЕК (Le Dantec) Феликс (1869-1917), французский философ и биолог — 54, 72

Познание и сознание. СПб., 1911 — 72

Pyanebiologie generale [Существует ли общая биология] //RPFE. 1912, июнь — 54

ЛЕЙБНИЦ (Leibniz) Готфрид Вильгельм (1646-1716), немецкий философ, математик, физик, логик и изобретатель — 692

ЛЕНИН Владимир Ильич (псевдоним: В. Ильин; 1870-1924), основатель большевизма и Советского государства — 191, 196, 197, 477, 486, 511, 515, 521, 540, 542, 562, 563, 795, 802, 832

Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции. Пг., 1918 — 477, 486, 511, 521, 540, 541, 563, 795 Речь на VIII съезде РКП(б) // Известия ВЦИК. Пг., 1919. № 68 — 515

ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ (Leonardo da Vinci) (1452-1519), итальянский живописец, скульптор, архитектор, ученый и инженер — 692

ЛЕОНЕ (Leone) Энрико, итальянский революционный синдикалист — 486, 487, 504, 508, 543 Синдикализм. М., 1907 — 486, 487, 508

[ЛЕОНКАВАЛЛО (Leoncavallo) Руджеро (1857-1919), итальянский оперный композитор — 136] Паяцы (1892) — 136

ЛЕ-ПЛЕ (Le Play) Фредерик (1806-1882), французский социолог и экономист, политический деятель, горный инженер — 97, 432, 433, 464, 465, 469, 471, 502, 688, 695

Указатель имен и цитируемой литературы

9 5 3

[ЛЕРМОНТОВ Михаил Юрьевич (1814-1841), русский поэт, писатель и драматург — 524] Родина (1841) — 524

ЛЕРУ (Leroux) Пьер (1797-1871), французский философ, экономист и публицист, один из основателей христианского социализма — 646

ЛЕРУА (Leroy) Максим (1873-1957), французский юрист, государствовед, синдикалист — 486, 524

Les transformations de la puissance publique: les syndicats de fonctionnaires. Paris, 1907 (рус. перевод: Эволюция государственной власти: Синдикат чиновников. СПб., 1907) — 486, 524

ЛЕТУРНО (Letourneau) Шарль (1831-1902), французский социолог-эволюционист, этнограф и антрополог — 73, 675, 676

ЛИ (Lea) Генри Чарльз (1825-1909), американский историк, автор трудов по истории папства и католической церкви — 304, 619 История инквизиции. СПб., 1911-1912, т. I—II — 304, 619

ЛИВИНГСТОН (Livingstone) Давид (1813-1873), английский миссионер, исследователь Центральной Африки — 439

ЛИКУРГ, легендарный законодатель Спарты, который якобы по велению дельфийского оракула создал политические институты Спарты — 805

ЛИЛИЕНФЕЛЬД Павел Федорович (1829-1903), русский социолог-позитивист, либеральный земский и государственный деятель — 37, 238 *Pensees sur la science sociale de l'avenir* [Мысли о социальной науке будущего]. Mitava, 1873 — 238

ЛИНКОЛЬН (Lincoln) Авраам (1809-1865), американский государственный деятель, с 1860 г. президент США — 442

ЛИННЕЙ (Linne) Карл (1707-1778), шведский естествоиспытатель и врач, заложивший основы классификации живых организмов — 679, 680, 684, 695

ЛИНЧ (Lynch) Чарльз (XVII в.), американский плантатор-расист — 796

ЛИППС (Lipps) Теодор (1851-1914), немецкий философ, психолог и эстетик — 77

Пути психологии. Доклад на V Международном социологическом конгрессе (1905) // Новые идеи в философии. СПб., 1913, сб. № 4 — 77 *Psychologische Untersuchungen* [Психологические исследования]. Leipzig, 1905, Bd. I, Lief. 4: *Das Wissen des fremden Ich* [Познание чужого Я] — 77

ЛИСТ (Liszt) Франц (1851-1919), австрийский правовед, специалист в области международного и уголовного права, представитель социологической школы уголовного права — 684

ЛИЯ (*библ.*), старшая дочь Лавана, одна из жен Иакова (Быт. 29,16,18-23) — 259

ЛОЙОЛА (Loyola) Игнатий (1491? - 1556), основатель (1534) и пожизненный «генерал» (с 1541) ордена иезуитов, католический святой — 187

ЛОМОНОСОВ Михаил Васильевич (1711-1765), русский ученый-естествоиспытатель, поэт, художник и историк — 692, 817

ЛОНДОН (London) Джек (1876-1916), американский писатель — 188, 252

954 *Указатель имен и цитируемой литературы*

ЛОРИЯ (Loria) Акилле (1857-1943), итальянский экономист, историк философии — 649, 653

ЛОССКИЙ Николай Онуфриевич (1870-1965), русский философ, представитель интуитивизма; в 1922 г. выслан за границу — 77 *Восприятие чужой душевной жизни* // Логос. 1914, т. 1, вып. 2, с. 189-200 — 77

ЛОТ (*библ.*), племянник Авраама, пощаженный вместе с семьей Богом при наказании грешного города Содома — 338

ЛУИ (Louis) Поль (1872-1948), французский историк, социалист — 487, 504, 509, 564

История синдикализма во Франции (История синдикального движения во Франции). М., 1908 — 487, 509

ЛУКРЕЦИЙ, Тит Лукреций Кар (ок. 99-55 до н. э.), древнеримский поэт и философ-материалист, последователь и популяризатор учения Эпикура — 692

ЛУРЬЕ Михаил Зальманович (псевд.: Ю. Ларин) (1882-1932), революционный деятель, экономист, литератор; тесть Н.И. Бухарина — 426, 427, 503, 555, 562, 758, 771, 773

Состав пролетариата (Из области социальной физиологии). Пг., 1918 — 426, 427, 503, 555, 562, 758, 771, 773

ЛЮБЛИНСКИЙ Павел Исаевич (1882-1938), русский правовед, профессор. Петербургского, а затем Ленинградского университета, специалист в области уголовного права и уголовного процесса — 108 Современная тюрьма и ее влияние. Открытое письмо

обществу заключенного № 1776 (пер. с англ. под ред. П.И. Люблинского). СПб., 1913 — 108

ЛЮДОВИК IX (1214-1270), французский король с 1226 г. из династии Капетингов, который провел ряд реформ по централизации государственной власти и создал в Париже особую судебную палату (названную позже парламентом) — 318, 321

ЛЮДОВИК XVI (1754-1793), французский король в 1774-1792 гг. из династии Бурбонов, свергнутый с престола 10 августа 1792 г. и казненный по приговору Конвента — 832

ЛЮТЕР (Luther) Мартин (1483-1546), вождь Реформации в Германии, основатель немецкого протестантизма — 586, 781, 840

МАГАЗИНЕР Яков Миронович (1882-1961), русский юрист, правовед, профессор Петроградского университета — 206, 280-282, 474, 491, 632 Лекции по государственному праву. Пг., 1919 — 206, 281, 474, 491, 632

МАГАЙМ (Mahaim) Эрнест (1865-1938), бельгийский экономист и правовед — 505 Профессиональные рабочие союзы. СПб., 1895 — 505

МАГНИЦКИЙ Михаил Леонтьевич (1778-1844), русский государственный деятель, публицист, поэт, с 1819 г. служил в Министерстве духовных дел и просвещения; проводя ревизию Казанского университета, предложил

Указатель имен и цитируемой литературы

95 5

закрыть и «торжественно разрушить» его здание; уволен в отставку в 1826 г. за растрату казенных денег — 691

МАГОМЕТ, Мухаммед (ок. 570-632), основатель ислама — 433, 586, 589, 814

МАЕВСКИЙ (Majewski) Эразм де (1858-1922), польский ученый-естествоиспытатель, археолог, экономист, социолог и писатель — 138, 341, 499 La theorie de l'homme et de la civilization [Теория человека и цивилизации]. Paris, 1911 — 138, 341, 499

МАЙЕР (Mayer) Отто (1846-1924), немецкий правовед, специалист по административному и церковному праву — 547, 548

Le droit administratif allemand [Немецкое административное право]. Paris, 1903, t. 1—547

МАЙЕР (Mayer) Юлиус Роберт (1814-1878), немецкий ученый-естествоиспытатель, сформулировавший закон эквивалентности механической работы и теплоты — 585

МАЙО-СМИТ (Mayo-Smith) Ричмонд (1854-1901), американский социолог, с 1877 профессор Колумбийского университета — 254, 335-337, 412, 413, 434, 444, 448, 462, 496, 723, 728, 733, 736, 738, 746, 747, 753, 758 Статистика и социология. М., 1900 — 254, 335-337, 413, 434, 444, 448, 496, 723, 728, 733, 736, 738, 746, 747, 753, 758

МАЙР (Mayr) Георг (1841-1925), немецкий статистик и государственный деятель — 251, 253, 260, 336, 354, 416, 417, 426, 427, 434, 453, 459, 462, 496, 499, 506, 557, 733, 734, 736-739, 743, 744, 746-749, 752, 753, 758, 767, 776, 777, 798-800, 810, 812

Закономерности в общественной жизни. М., 1899 — 426, 427, 462, 767 Население больших городов // Большие города, их общественное, политическое и экономическое значение. СПб., 1905 — 799, 800, 810 Статистика и обществоведение. СПб., 1899-1901, т. 1-2 — 251, 253, 260, 336, 354, 417, 434, 453, 459, 462, 496, 499, 506, 557, 733, 734, 736-739, 743, 744, 746, 747, 752, 753, 758, 776, 798, 799

Appunti statistica sulla emigrazione dall'Europa e sulla immigrazione in America e in Australia [Статистические заметки об эмиграции из Европы и иммиграции в Америку и в Австралию] // BUS, vol. VII, II — 758 Statistik und Gesellschaftslehre. Tübingen, 1909-1917 (т. III, вып. I-IV) — 417, 744, 748, 749, 753, 812

МАКАРЕВИЧ (Makarewicz) Юлиуш (1872-1955), польский правовед — 279, 304

Einführung in die Philosophie des Strafrechts [Введение в философию уголовного права]. Stuttgart, 1906 — 304

МАК-ДАУГАЛ, Мак-Дугал (McDougall) Уильям (1871-1938), англо-американский психолог — 65, 74, 75, 78, 83, 84, 104, 108, 113, 165, 274, 279 Основные проблемы

социальной психологии. М., 1916—65,84,104,113, 165,274

Psychology. The study of behaviour [Психология. Изучение поведения]. London, 1912 — 65, 74, 75, 78

95 6

Указатель имен и цитируемой литературы

МАККЕНЗИ (McKenzie) Фейетт Эйвери (1872-1957), американский экономист и социолог; общественный деятель, один из основателей Общества Американских Индейцев (1911) — 441,443, 724, 728 The assimilation of American Indians [Ассимиляция американских индейцев] // AJS. 1914, vol. 19, № 6, May, p. 761-772 — 441, 443, 724, 728

МАК-ЛЕННАН (McLennan) Джон Фергюсон (1827-1881), английский правовед, этнограф, антрополог, историк первобытного общества — 675

МАЛАТЕСТА (Malatesta) Энрико (1854-1932), итальянский анархист — 479 Анархизм. Пг., 1919 — 479

МАНУ, в индийской традиции мифический прародитель людей — 406,613, 628

Законы Ману (рус. перевод: СПб., 1913; М., 1960), сборник предписаний, определяющих поведение индийца в частной и общественной жизни, содержит 2650 двустиший (шлок), разбитых на 12 глав — 406, 613, 628

МАНУЙЛОВ (Мануйлов) Александр Аполлонович (1861-1929), русский экономист; в 1908-1911 гг. ректор Московского университета — 42 Политическая экономия. Курс лекций. М., 1914, вып. I — 42

МАРАТ (Marat) Жан Поль (1743-1793), деятель Великой французской революции, публицист — 590, 814

МАРИЙ Гай (ок. 157-86 до н. э.), древнеримский полководец и политический деятель, вождь популяров, главный соперник Суллы — 589,802,804

МАРКС (Marx) Карл (1818-1883), немецкий философ и экономист — 130, 191, 192, 196, 197, 339, 430, 433, 477, 487, 505, 540, 563, 592, 647, 649, 654-656, 668, 778, 787, 790

Манифест Коммунистической партии (в соавторстве с Ф. Энгельсом). Одесса, 1905 — 408, 654,655, 776, 777 Капитал, т. 1(1867)— 787 Капитал. СПб., 1896, т. III — 655 Ницета философии. Женева, 1886 — 655

МАРТОВЛ. (наст. фамилия и имя: Цедербаум Юлий Осипович) (1873-1923), русский политический деятель, социал-демократ, с 1903 г. лидер меньшевизма; с 1920 г. в эмиграции — 485, 563 Мировой большевизм // Мысль. Харьков, 1919, апрель — 485

МАРШ (March) Люсьен (1859-1933), французский статистик — 746, 753 Les statistiques des familles [Статистические данные по семьям] // BUS, XVIII — 746, 753

МАРШАЛЛ (Marshall) Генри Рутгерс (1852-1927), американский психолог — 104 Instinct and Reason [Инстинкт и интеллект]. New York, 1898 — 104

МАУТНЕР (Mauthner) Фриц (1849-1923), австрийский философ и писатель — 144

МАХ (Mach) Эрнст (1838-1916), австрийский физик и философ — 26, 559 Познание и заблуждение. М., 1909 — 26-27, 559

Указатель имен и цитируемой литературы

9 57

МАЗАРЕЛЛА, Маццарелла (Mazzarella) Джузеппе (1868-1958), итальянский этнолог и правовед, специалист в области сравнительного права — 259, 416,626-628,675,682,709

Новое исследование о юридическом положении старшего брата матери в материнских обществах (Nuove ricerche sulla condizione del marito nella famiglia matriarcale // RItS. 1900, t. IV, p. 708-737) — 259 Le forme di aggregazione sociale nell'India dal V secolo al VII secolo dell'era cristiana [Структура социальных сообществ Индии V-VII вв. до н. э.] // RItS. 1911, t. XV, p. 178-219 — 416, 626-628

Studi di etnologia giuridica [Очерки юридической этнологии]. Catania, 1913-1916, t. IIIV —

L'etnologia giuridica e i fondamenti dell'analisi stratigrafica [Юридическая этнология и основы стратиграфического анализа] // RItS. 1912, t. XVI, p.560-582 — 675, 709

L'etnologia giuridica, i suoi metodi, i suoi risultati [Юридическая этнология, ее методы

и результаты] //Scientia. Bologna, 1910, t. VIII, p. 98-122 — 675

МЕДВЕДЕВ М. Всеобщая конфедерация труда // Синдикализм. Сборник. СПб., 1907 — 487, 508

МЕЗЕРНИЦКИЙ Полиен Григорьевич (1878-1943), русский советский врач-физиотерапевт, один из основателей лучевой терапии, физиотерапии и курортологии в России — 142

Физиотерапия. Руководство для практических врачей. Пг., 1916, т. 1-3 — 142

МЕЙЕР (Meyer) Эдуард (1855-1930), немецкий историк древности — 682

МЕКЛИН (Mecklin) Джон Моффатт (1871-1956), американский социолог — 443

The philosophy of the color line [Философия расового разграничения] // AJS. 1913, vol. 19, № 3, November, p. 343-357 — 443

МЕЛЬЕ (Meslier) Жан (1664-1733), французский философ, атеист, утопический коммунист, сельский католический священник — 517, 646, 649

МЕНДЕЛЕЕВ Дмитрий Иванович (1834-1907), русский химик, педагог и общественный деятель — 376, 377, 582, 586

МЕРИО (Meuriot) Поль (1861-1919), французский историк и специалист по социальной статистике — 801

De la mesure des agglomerations urbaines [О размере городских агломераций]//BUS. 1911, t. XIX, № I, p. 157-161—801

МЕСТР (Maistre) Жозеф де (1753-1821), французский философ, писатель и дипломат, идеолог монархизма — 586

МЕЧНИКОВ (Metchnikoff) Лев Ильич (1838-1888), русский географ, социолог и публицист, представитель географической школы в социологии; с середины 1860-х гг. в эмиграции — 256, 435

Цивилизация и великие исторические реки (La civilisation et les grands fleuves historiques). Paris, 1889 (рус. перевод: 1898) — 256, 694

95 8

Указатель имен и цитируемой литературы

МИЛЛЕР (Miller) Герберт Адольфус (1875-1951), американский социолог, автор ряда трудов по проблемам иммигрантов и отношений между различными народами и расами Америки — 499

The rising national individualism [Рост национального индивидуализма] // AJS. 1914, № 5, May, p. 592-605 — 499

МИЛЛЕР (Miller) Келли (1863-1939), американский профессор, автор ряда работ о расовых и национальных проблемах США — 441

МИНИН Сергей Константинович (1882-1962), советский государственный и партийный деятель, публицист, автор лозунга «Философию за борт!» — 554 Религия и коммунизм. М., 1919 — 554

МИНЬЕ (Mignet) Франсуа Огюст (1796-1884), французский либеральный историк, специалист по новой истории Франции и других европейских стран, один из создателей теории классовой борьбы — 646

МИХАЙЛОВСКИЙ Николай Константинович (1842-1904), русский социолог, философ и публицист, один из теоретиков народничества и создателей «субъективной социологии» — 115, 242, 243, 262, 300, 378, 471, 497, 527, 838

Борьба за индивидуальность (1875) — 115, 243, 262, 378, 471, 527, 838 Герои и толпа (1882) — 300

Дарвинизм и общественная наука (Теория Дарвина и общественная наука) (1870)— -243 Еще о героях и толпе — 300 Записки профана (1875-1877) — 497 О Дюркгейме // Отклики, т. II, с. 64-74 — 243, 527 Отклики. СПб., 1904, т. 1-1! — 273 Патологическая магия (1877) — 115, 243, 262, 273, 838 Что такое прогресс? (1869) — 243, 378, 527, 838

МИХЕЛЬС (Michels) Роберт (1876-1936), немецкий историк, экономист и социолог, в 1926 г. принявший итальянское гражданство— 197, 537, 542Ю 543, 545, 546, 563, 568, 573, 778

Les partis politiques [Политические партии]. Paris, 1914 — 197, 563, 568, 573

Zur Sociologie des Parteiwesens in der modernen Demokratie [К вопросу о социологии партийного поведения в условиях современной демократии]. Leipzig, 1910 (частичный рус. перевод: Диалог. 1990, № 1-18; 1991, № 3) — 543, 546

La crisi psicologica del socialismo [Психологический кризис социализма] // RItS. 1910, t. XIV, p. 365-376 — 546, 563

Der konservative Grundzug der Partei-Organisation [Основная консервативная черта партийной организации] // Monatschrift fur Soziologie. 1909, №1, S. 228-316 — 546

Sulla decadenza della classe media industriale antica e sul sorgere di una classe media industriale moderne nei paesi ad economia spiccatamente capitalistica [Об упадке античного класса предпринимателей и формирование

Указатель имен и цитируемой литературы

9 5 9

среднего класса в эпоху капитализма] // Giornale degli Economisti e Rivista di Statistica. 1909, vol. XVIII, s. II, p. 85-103 — 778

МИШЕЛЬ (Michel) Анри (1857-1904), французский историк — 486, 838 Идея государства. Критический очерк истории социальных и политических теорий во Франции со времен Революции. М., 1909 — 486, 838

МОЛЬ (Mohl) Роберт фон (1799-1875), немецкий юрист и государствовед и политический деятель — 410, 412

Geschichte und Litteratur der Staatswissenschaften (статья «Gesellschaftswissenschaften und Staatswissenschaften») [История государ-ствоведения и обзор литературы по государственному праву (статья «Науки о государстве и науки об обществе»]. Erlangen, 1851, Bd. 1 — 410, 412

МОММЗЕН (Mommsen) Теодор (1817-1903), немецкий историк античности, лауреат Нобелевской премии по литературе (1902) — 505 De collegiis et sodaliciis Romanorum [О римских коллегиях и ассоциациях]. Kiliae, 1843 — 505

МОНЬЕ (Maunier) Рене (1887-1951), французский экономист и социолог — 311, 401, 402, 476, 622, 801

L'origine et la fonction economique des villes [Происхождение и функционирование экономики городов]. Paris, 1910 — 311, 402, 801 The definition of the city [Определение города] // AJS. 1910, vol. XV, № 4, January, p. 536-548 — 402, 476

La distribution géographique des industries [Географическое размещение промышленности] // RIS. 1908, июль — 622

МОРГАН (Morgan) Джон Пирпонт (1837-1913), американский предприниматель, финансист и банкир — 779, 780, 794

МОРГАН (Morgan) Конви Ллойд (1852-1936), английский биолог, психолог и философ, представитель бихевиоризма — 83, 122, 186, 262, 263, 265

Привычка и инстинкт. СПб., 1899 — 83, 122, 186

Animal Behavior [Поведение животных]. London, 1908 (рус. перевод: Из мира животных. СПб., 1903 — 262, 265

МОРГАН (Morgan) Льюис Генри (1818-1881), американский историк, этнограф и археолог, заложивший основы научной истории первобытного общества — 675, 687

Примитивное общество [Древнее общество, или Исследования линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации (Ancient Society, or, Researches in the lines of human progress from savagery, through barbarism to civilization)]. 1877 — 687

МОРИСОН (Morison) Теодор (1863-1936), английский индолог — 795 The economic transition in India [Экономическое развитие Индии]. London, 1911 — 795

МОРО ДЕ ТУР (Moreau de Tours) Жак Жозеф (1804-1884), французский психиатр, поставщик гашиша для элитарного клуба гашишистов, су-

9 60

Указатель имен и цитируемой литературы

ществовавшего в Париже в 1840е гг.; автор труда «О гашише и измененном

сознании. Психологические этюды» (1845) — 112

МОРОЗОВ Георгий Федорович (1867-1920), русский лесовед, ботаник и географ, создатель учения о лесе как биогеоценозе — 33, 246 Лес как растительное сообщество. СПб., 1913 — 33, 246 Биология наших лесных пород. СПб. — М., 1914 — 33

МОРОЗОВ Савва Тимофеевич (1862-1905), русский текстильный фабрикант-миллионер, основатель и глава фирмы «Товарищество Никольской мануфактуры Саввы Морозова, сын и К^о» — 362

МОРСЕЛЛИ (Morselli) Энрико Агостино (1852-1929), итальянский психиатр, антрополог, философ и социолог — 44, 55, 434, 435, 438, 446, 447, 725, 729

Elementi di sociologia generale [Основы общей социологии]. Milano, 1898 — 55

La razze umane ed il sentimento di superiority etnica [Человеческие расы и чувство этнического превосходства] // RItS. 1911, t. XV, p. 321-348 — 434, 435, 438, 447, 729 Anthropologia generale [Общая антропология]. Torino, 1911 — 434

МОСКА (Mosca) Гаэтано (1858-1941), итальянский юрист, социолог и историк, один из создателей теории элит — 537, 542, 543, 573 Elementi di scienza politica [Элементы политической науки]. Roma, 1896 — 543, 573

МОСС (Mauss) Марсель (1872-1950), французский этнограф и социолог, племянник и ученик Э. Дюркгейма — 497, 634, 635 Civilisation et types de civilisation [Цивилизация и типы цивилизации] // AS. 1909-1912, t. XII (в соавторстве с Э. Дюркгеймом) — 497, 635

МОШКОВСКИЙ (Moszkowski) Макс (р. 1873), немецкий этнограф, врач, специалист по народам Новой Гвинеи, Суматры и Цейлона — 780 Vom Wirtschaftsleben der primitiven Volker, unter besonderer Beriicksichtigung der Papua von Neuguinea und der Sakai von Sumatra [О хозяйственной жизни первобытных народов, особенно папуасов Новой Гвинеи и сакаев Суматры]. Jena, 1911 — 780

МЮНСТЕРБЕРГ (Munsterberg) Гуго (1863-1916), немецко-американский психолог и философ, один из основоположников психотехники — 442, 467, 468, 615, 773, 774, 817 Американцы. М., 1906, т. 1-2 — 442, 468, 615, 773, 774, 817

МЯКОТИН Венедикт Александрович (1867-1937), русский историк, публицист и политический деятель, один из основателей и лидеров партии народных социалистов (энесов) (1906), а также «Союза Возрождения России» (1918), с 1918 г. в эмиграции — 563

НАПОЛЕОН I Бонапарт (1769-1821), французский император, полководец и законодатель — 282, 305, 544, 584, 585-589, 802, 804, 818, 832

НАРАДА (Narada) (IV-VI вв.), индийский мудрец-брахман, составитель древнеиндийских сборников наставлений и обычного права (Нарадас-шрити — Законы Нарады) — 626, 628

Указатель имен и цитируемой литературы

961

НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ И УЧЕНИЕ О НАРОДОНАСЕЛЕНИИ. Статьи из Handwörterbuch der Staatwissenschaften. М., 1897 — 462

НАТОРП (Natorp) Пауль (1854-1924), немецкий философ, историк античной философии, вместе с Г. Когеном глава Марбургской школы неокантианства — 72

Einleitung in die Psychologie [Введение в психологию]. Freiburg i. B., 1888 — 72

НИБУР (Niebuhr) Бартольд Георг (1776-1831), немецкий историк античности, основоположник научно-критического метода изучения истории — 686

НИКОЛАЙ I (1796-1855), российский император с 1825 г. — 322

НИКОЛАЙ II (1868-1918), последний российский император в 1894-1917 гг. — 832

НИКОН (в миру Никита Минов; 1605-1681), патриарх русской церкви в 1652-1667 гг., инициатор церковной реформы, приведшей к расколу — 589

НИТТИ (Nitti) Франческо (1868-1953), итальянский экономист, социолог и политический деятель, премьер-министр Италии (1919-1920); один из идеологов итальянского либерализма — 261, 753 Народонаселение и общественный строй. СПб., 1898 — 261, 753

НИЦШЕ (Nietzsche) Фридрих (1844-1900), немецкий философ, поэт и филолог —

115, 543, 585, 589, 838 По ту сторону добра и зла (1886) — 115 Генеалогия морали (1887) — 115

НИЧЕФОРО (Niceforo) Альфредо (1876-1960), итальянский социолог, криминалист и статистик — 398, 399, 432, 437, 438, 446, 450, 546, 725, 784 Il progresso [Прогресс] // RItS. 1911, t. XV — 398, 399, 432, 438, 546 Anthropologie der Nichtbesitzenden Klassen [Антропология неимущих классов]. Leipzig-Amsterdam, 1910 — 432, 450

НОВГОРОДЦЕВ Павел Иванович (1866-1824), русский философ, социолог и правовед; с 1920 г. в эмиграции — 384, 486, 487, 512 Об общественном идеале. М., 1917, вып. 1 — 384, 486, 487, 512

НОВИКОВ (Novikow) Яков Александрович (Жак) (1850-1912), русско-французский социолог и публицист, критик социал-дарвинизма; фабрикант, владелец крупнейшего в России второй половины XIX в. канатного завода; с 1895 г. в эмиграции — 37, 239, 585

Conscience et volonté sociales [Общественное сознание и общественная воля]. Paris, 1897 — 585

НОВОМИРСКИЙ Я. [наст. фамилия: Кирилловский Янкель Ицков (Яков Исаевич)] (1882- после 1936), русский анархист, автор «Манифеста анархистов-коммунистов» (1905) — 504 Из программы синдикального анархизма. Одесса, 1907 — 504

НОВОСЕЛЬСКИЙ Сергей Александрович (1872-1953), русский советский демограф и статистик, врач, один из основоположников санитарной статистики в России — 739

31 Система социологии

962

Указатель имен и цитируемой литературы

Смертность и продолжительность жизни в России. Пг., 1916 — 739

НОВЫЕ ИДЕИ В СОЦИОЛОГИИ. СПб., 1914, сб. 2—40

НОВЫЕ ИДЕИ В ФИЛОСОФИИ. СПб., 1913, сб. 4 — 71

НЬЮВЕНГЕЙС (Nieuwenhuis) Фердинанд (1846-1919), голландский политик, деятель рабочего движения, социал-анархист, лютеранский проповедник — 197

НЬЮТОН (Newton) Исаак (1643-1727), английский физик и математик, астроном и натурфилософ, основатель классической физики — 51, 110, 586, 588

ОБЕРМАЙЕР (Obermaier) Хуго (1877-1946), немецкий католический священник, археолог, один из крупных исследователей палеолита — 143, 251, 252 Доисторический человек. СПб., 1913 — 143, 251, 252

ОБЩЕСТВА // Энциклопедический словарь Брокгауза-Ефрона. СПб., 1897, т. XXI^A [Содержание статьи: Общий обзор; об-ва антропологические; об-ва астрономические; об-ва Библейские; об-ва геологическое и минералогическое; об-ва естествоиспытателей; об-ва литературные; об-ва математические; об-ва медицинские; об-ва музыкальные и сценического искусства; об-ва трезвости; отдельные об-ва, не вошедшие в предыдущие группы] — 581

ОВЕРБЕРГ (Overbergh) Сирилл ван (1866-1959), бельгийский социолог, правовед, публицист, общественный и политический деятель — 519, 647-649, 651, 655

ОППЕНГЕЙМЕР (Oppenheimer) Франц (1864-1943), немецкий экономист и социолог; с 1934 г. в эмиграции — 280, 306, 307 Der Staat [Государство]. Frankfurt/Main, 1907 — 280, 306, 307

ОРГАС (Orgaz) Пауль Андрее (1888-1948), аргентинский социолог — 54 Sociologie generale et sociologie speciale [Общая и специальная социология]//RIS. 1914, №3 — 54

ОРЖЕНЦКИЙ Роман Михайлович (1863-1923), русский и украинский экономист и статистик, академик АН УССР (1919), земский и профсоюзный деятель — 42, 312

Учение об экономическом явлении. Введение в теорию ценности. Одесса, 1903 — 42

ОСТВАЛЬД (Ostwald) Вильгельм (1853-1932), немецкий физико-химик и философ, лауреат Нобелевской премии по химии (1909), автор теории энергетизма — 28, 185

Die energetischen Grundlagen der Kulturwissenschaft [Энергетические основания науки о культуре]. Leipzig, 1909 — 28 Философия природы. СПб., 1903 — 28 Великие

люди. СПб., 1910 -- 185

ОСТРОГОРСКИЙ (Ostrogorski) Моисей (Михаил) Яковлевич (1852-1921), русский социолог, правовед, историк и политолог — 315, 316, 393, 432, 537, 542, 543, 560, 563, 567-576, 581, 615, 804, 827, 834

Указатель имен и цитируемой литературы

963

La democratic et les partis politiques [Демократия и политические партии]. Paris, 1912 (сокр. издание на рус. языке: М., 1927-1930; 1997)—315, 316, 393, 395, 537, 543, 560, 563, 567-576, 581, 615, 804, 827, 834 ОУЭН (Owen) Роберт (1771-1858), английский социалист-утопист, экономист, фабрикант и социальный реформатор — 563, 582

ПАВЕЛ (*библ.*), апостол — 790

ПАВЛОВ Иван Петрович (1849-1936), русский физиолог, создатель учения о высшей нервной деятельности, академик (с 1907 г.) — 73-76, 78, 80, 99, 101, 122, 174, 175

«Настоящая физиология» головного мозга // Природа. 1917, № 1, январь — 74, 78, 99, 101, 175 Рефлекс цели // Вестник Европы. 1916, № 4, апрель — 76

ПАЛАНТ (Palante) Жорж (1862-1925), французский социолог — 40, 55, 276, 329, 378, 837, 838

Очерк социологии. М., 1910 — 55, 276, 329, 838

Les antinomies entre l'individu et la societe. Paris, 1913 (част. рус. перевод П.А. Сорокина: Антиномия между индивидом и обществом в области духовной, преимущественно умственной жизни // Новые идеи в социологии. СПб., 1914, сб. № 2) — 378, 837, 838

ПАЛИЕНКО Николай Иванович (1869-1937), русский юрист, специалист по уголовному и международному праву — 49

Суверенитет. Историческое развитие идеи суверенитета и ее правовое значение. Ярославль, 1903 — 49

ПАЛЛАДИИ Владимир Иванович (1859-1922), русский ботаник и биохимик, академик Петербургской АН (1914) — 142

ПАРВУС Александр Львович (наст. имя и фамилия: Гельфанд Израиль Лазаревич; 1867-1923), немецко-русский политический деятель, экономист, социал-демократ, меньшевик, автор теории «перманентной революции» и концепции больших циклов — 538

ПАРЕТО (Pareto) Вильфредо (1848-1923), итальянский социолог, экономист, философ, инженер, один из основоположников теории элит — 20, 55, 105, 106, 109, 111, 115, 124, 125, 187, 193-196, 211, 224, 225, 275, 276, 282, 398, 408, 495, 529, 532, 534, 537, 538, 542, 543, 549-551, 559, 588, 649, 690, 755, 784, 793, 805, 809, 811-813, 830, 833

Trattato di sociologia generale [Трактат по общей социологии]. Firenze, 1916, t. III — 20, 55, 105, 106, 109, 124, 125, 187, 193-196, 211, 225, 276, 282, 398, 408, 495, 534, 537, 538, 543, 549-551, 559, 588, 793, 809, 812, 830, 833 Le peril socialiste [Социалистическая опасность] // Journal des economistes. Paris, 1900, mai, p. 161-178 — 211

Les systemes socialistes [Социалистические системы]. Paris, 1902, t. 1 (част. рус. перевод в: Теоретическая социология. Антология. М., 2002, т. 1, с. 249-313)—529

ПАРК (Park) Роберт Эзра (1864-1944), американский социолог, один из основателей «Чикагской школы» социологии — 443, 446

964

Указатель имен и цитируемой литературы

Racial assimilation in secondary groups [Расовая ассимиляция во вторичных группах] // AJS. 1914, vol. XIX, № 5, March, p. 606-623 — 443, 446

ПАРКЕР (Parker) Джордж Хоуард (1864-1955), английский зоолог — 99 The Origin of the Nervous System and its Appropriation of Effectors [Происхождение нервной системы и выработка ее органов чувств] // The Popular Science Monthly. New York, 1909, vol. LXXV, № 1-6 — 99

ПАРКИНСОН (Parkinson) Ричард Генрих Роберт (1844-1909), немецкий этнограф — 179

Dreissig Jahre in der Sudsee, Land und Leute, Sitten und Gebräuche im Bismarckarchipel und auf den deutschen Salomoinseln [Тридцать лет в южных районах Тихого океана. Территория и население, обычаи и нравы в архипелаге Бисмарка и на немецких Соломоновых островах]. Stuttgart, 1907—179

ПАРМЕЛИИ (Parmelee) Морис (1882-1969), американский социолог и экономист — 65, 73, 75, 79, 83, 99, 100, 101, 104, 113, 122, 127, 254, 262, 264, 265, 272, 398

The science of human behavior [Наука о человеческом поведении]. New York, 1913— 65, 73, 75, 79, 83, 99, 100, 113, 122, 127, 254, 262, 265, 272, 398

ПАРМЕНИД (ок. 540 - ок. 470 до н.э.), древнегреческий философ, представитель Элейской школы — 318

ПАСКАЛЬ (Pascal) Блез (1623-1662), французский философ, физик и математик — 187, 364

ПАСТЕР (Pasteur) Луи (1822-1895), французский микробиолог и химик — 582

ПАТТЕН, Паттэн (Patten) Симон Нельсон (1852-1922), американский экономист и социальный философ — 106, 111, 201

The theory of social forces [Теория социальных сил] // Supplement to the Annals of the American Academia of Political and Social Science. Philadelphia, 1896, январь — 111

ПЕЙО (Payot) Жюль (1859-1940), французский философ и психолог — 187
Education de la volonte [Воспитание воли]. 1894 — 187

ПЕЛЛЮТЬЕ, Пелутье (Pelloutier) Фернан (1867-1901), французский публицист, теоретик анархо-синдикализма — 504, 509, 564 История бирж труда. Пг., 1919 — 504, 509, 564

ПЁЛЬМАН (Pohlmann) Роберт (1852-1914), немецкий историк античности—516, 517, 646

История античного коммунизма и социализма. СПб., 1910 — 516, 517, 646

ПЕРИКЛ (ок. 490 - 429 до н. э.), древнегреческий политический деятель, при котором Афины достигли наивысшего расцвета — 589, 817, 832

ПЕРРЬЕ, Перье (Perrier) Эдмон (1844-1921), французский зоолог — 257
Les colonies animales et la formation des organismes [Колонии животных и формирование организмов]. Paris, 1898 — 257

ПЕТЕРМАН (Petermann) Август 1822-1878), немецкий картограф, географ и философ — 800, 801

Указатель имен и цитируемой литературы

965

Духовное значение больших городов // Большие города, их общественное, политическое и экономическое значение. СПб., 1905 — 800, 801

ПЕТР I Великий (1672-1725), русский царь с 1682 г., первый российский император с 1721 г. — 152, 586, 588, 589, 614, 691, 803, 820, 832

ПЕТРАЖИЦКИЙ (Petrazyski) Лев Иосифович (1867-1931), польско-русский социолог, правовед, философ, один из основоположников социологии права, создатель психологической теории права — 26, 42, 49, 50, 75, 77, 78, 85, 90, 113, 119, 147, 172, 205, 223, 493, 494, 547

Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии. СПб., 1907 — 26, 50, 85, 77, 78, 90, 113

Теория права и государства в связи с историей нравственности. СПб., 1907, т. 1-1! — 42, 119, 147, 172, 205, 494, 547

ПЕТРЕНЦ (Petrenz) Отто, немецкий экономист, автор книги «Развитие разделения труда в Лейпциге в 1751-1890 гг.» (Entwicklung des Arbeitsteilung im Leipziger Gewerbe von 1751 bis 1890) (1901) — 272, 771

ПЕТРИ Эдуард Юльевич (1854-1899), русский географ и антрополог — 592
Учебный географический атлас. СПб., 1899 — 592

ПЕТРОГРАДСКАЯ ПРАВДА. 1919, № 162 — 659

1920, № 55 — 795 1920, №65 — 542, 566 1920, 9 июля — 813

ПЕТРУЧЧИ (Petrucchi) Рафаэль (1872-1917), французский социолог и искусствовед, специалист по китайскому искусству — 262, 275, 279 Les origines naturelles de la propriété [Естественное происхождение собственности] . Bruxelles, 1905 — 262

Origine polyphyletique, homotypie et non comparabilite directe des societes animales [Полифилетическое происхождение, гомотипия и не прямая сопоставимость животных сообществ]. Bruxelles, 1906 — 275

ПЕШЕХОНОВ Алексей Васильевич (1867-1933), русский статистик, публицист, политический деятель, один из основателей партии народных социалистов (энесов) — 563

ПЕШИЛ-ЛЁШЕ (Pechuel-Loesche) Эдуард (1840-1913), немецкий географ и путешественник, исследователь Африки и других частей света — 173

ПИЛСУДСКИЙ (Pilsudski) Бронислав (1866-1918), польский этнограф, антрополог, социолог, лингвист и революционный деятель, брат польского диктатора Ю. Пилсудского — 143

Les signes de propriete des Aino [Знаки собственности у айнов] // Revue d'ethnographie et de sociologie. Paris, 1912, мартапрель — 143

ПИНО (Pinot) Роббер, французский экономист, представитель школы Ф. Ле-Пле — 97, 464-466, 468, 469, 688

La classification des especes de la famille etablie par Le Play est elle exacte [Классификация видов семьи по Ле-Пле] // SS. 1904, t. 19. 1-er Fasc, Janvier — 97, 464-466, 468

ПИРАР (Pirard) Леон, французский социолог, автор книги «О социальном порядке» (De l'ordre social. Paris 1910) — 529, 648-650

966

Указатель имен и цитируемой литературы

ПИРСОН (Pearson) Карл (1857-1936), английский математик, статистик, биолог и философ-позитивист — 559 Грамматика науки. СПб., 1911 — 559

ПЛАТОН (428/427 - 348/347 до н. э.), древнегреческий философ — 516, 517, 535, 646, 649, 692

ПЛАТОНОВ Сергей Федорович (1860-1933), русский историк — 614, 621, 632-634, 806 Лекции по русской истории. Пг., 1917 — 614, 621, 632, 633, 806

ПЛЕХАНОВ Георгий Валентинович (1856-1918), русский философ-марксист, публицист, политический деятель, историк и социолог — 21, 512, 563 К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. 1895 — 21

ПЛЕЦ (Ploetz) Альфред (1860-1940), немецкий врач, биолог, евгеник, идеолог расовой гигиены — 434

Die Begriffe Rasse und Gesellschaft [Понятие расы и общества] // ARGBERG. 1904, Bd.1, S. 2-26 — 434

ПОБЕДОНОСЦЕВ Константин Петрович (1827-1907), русский государственный деятель, юрист, обер-прокурор Священного Синода (1880-1905) — 469, 586

ПОГОДИН Александр Львович (1872-1947), русский и украинский историк литературы, филолог-славист и археолог, профессор Харьковского университета; с 1919 г. в эмиграции — 107

Язык как творчество // Вопросы теории и психологии творчества. Харьков, 1913, т. 4 — 107

ПОЗНЫШЕВ Сергей Викторович (р. 1870), русский криминалист, приват-доцент Московского университета — 108, 619 Очерки тюрьмоведения. М., 1913 — 108

Религиозные преступления с точки зрения религиозной свободы. К реформе нашего законодательства о религиозных преступлениях. М., 1906 — 619

ПОКРОВСКИЙ Иосиф Алексеевич (1868-1920), русский правовед, профессор римского права Петербургского университета — 49, 469-471, 486, 487, 508, 599, 609, 610, 613, 618

О государственной власти (Опыт монистической конструкции юридической сущности правового государства) // Юридические записки. Ярославль, 1904, вып. III (XXI), с. 430-461; вып. IV (XXII), с. 638-656 — 49 Государство и человечество. М., 1919 —

Основные проблемы гражданского права. Пг., 1917 — 469-471, 486, 487, 508
История римского права. СПб., 1913 — 599, 609, 610, 613, 618

ПОМПЕИ Гней (106-48 до н. э.), древнеримский полководец и политический деятель — 780

ПОРТУЕНДО-И-БАРЧЕЛО (Portuena y Barcelo) Антонио (1845-1920), аргентинский социолог — 28, 29 *Mecanique sociale* [Социальная механика] // RIS. 1915 — 29

Указатель имен и цитируемой литературы **967**

ПОСАДА (Posada) Адольфо (1860-1944), испанский социолог и правовед, профессор государства и права в Овьедском университете — 239, 240 *Les societos animales* [Животные общества] // AIPS. 1897, t. III — 240

ПОСТ (Post) Альберт Герман (1839-1895), немецкий антрополог и историк, исследователь первобытной культуры — 675

ПРАТО (Prato) Джузеппе (1873-1928), итальянский экономист — 444 *Il protezionismo operaio. L'esclusione del lavoro straniero* [Рабочий протекционизм. Устранение труда иностранцев]. Torino, 1910 — 444

ПРЖЕВАЛЬСКИЙ Николай Михайлович (1838-1888), русский географ, исследователь Центральной Азии — 440 *Путешествия Пржевальского*. СПб., 1899, т. I — 440

ПРОГРАММЫ ПО СОЦИОЛОГИИ. Пг., 1919 — 18

ПРОТЕЙ (*миф.*), в древнегреческой мифологии божество, способное принимать облик различных существ — 636

ПРУДОН (Proudhon) Пьер Жозеф (1809-1865), французский экономист и философ, теоретик анархизма — 486, 504, 537, 646 *Idee generale de la revolution au XIXe siecle* [Общая идея революции в XIX в.]. Paris, 1876 — 486

ПРЮНЕР-БЕЙ (Pruner-Bey) Франц (1808-1882), бельгийский антрополог, автор одной из первых обширных классификаций рас (1864) — 729

ПУАНКАРЕ (Poincaré) Анри (1854-1912), французский математик, физик и философ — 20

Наука и нравственность // Вопросы теории и психологии творчества. Харьков, 1916, т. VII — 20

ПУГАЧЕВ Емельян Иванович (1742-1775), предводитель крестьянской войны 1773-1775 гг. в России — 589, 803

ПУЖЕ (Pouget) Эмиль (1860-1931), французский писатель, теоретик анархо-синдикализма — 479, 487, 503, 504, 524, 544

Основы синдикализма // Синдикализм. Сборник. СПб., 1907 — 479, 487, 504, 524

[Агитация за 8-ми часовой рабочий день] // Профессиональные союзы во Франции. М., 1908 — 504

La confederation general du Travail [Всеобщая конфедерация труда]. Paris, 1910 — 544

[ПУШКИН Александр Сергеевич (1799-1837), русский поэт, писатель и историк] — 583 *Памятник («Я памятник воздвиг себе нерукотворный...»)*. 1836 — 583

ПЭШ, Пеш (Pesch) Генрих (1854-1926), немецкий экономист и католический священник, создатель концепции христианского солидаризма — 529, 648, 649

РАБЛЕ (Rabelais) Франсуа (ок. 1494-1553), французский писатель — 691

РАГОЗИНА Зинаида Александровна, русская переводчица сочинений по истории Азии, член английского «Общества изучения Азии» — 129

968 **Указатель имен и цитируемой литературы**

История одной души (Елена Келлер) // Нива. Ежемесячные литературные и популярно-научные приложения. СПб., 1907. № 5-7 — 129

РАДЕК (наст. фамилия: Собельсон) Карл Бернгардович (1885-1939), деятель российского и международного рабочего движения, публицист — 538 *Прогнивший режим*

// Известия ВЦИК. 1920, № 65 — 538

РАДЛОВ Эрнест Леопольдович (1854-1928), русский философ, историк философии и переводчик — 90

Самонаблюдение в психологии // Новые идеи в философии. СПб., 1913, сб. № 9 — 90

РАЗИН Стенька (Степан Тимофеевич) (ок. 1630-1671), предводитель крестьянской войны 1670-1671 гг. — 589, 803

РАЙТ (Wright) Кэрролл Дейвидсон (1840-1909), американский статистик и социолог — 57, 789

РАНАДЕ (Ranade) Махадев Говинд (1842-1901), индийский экономист, общественный и политический деятель, один из лидеров и идеологов индийского национального движения — 795

Essays on Indian economics [Очерки по индийской экономике]. Bombay, 1899 — 795

РАНКЕ (Ranke) Леопольд фон (1795-1886), немецкий историк — 435, 728, 729
Человек. СПб., 1903, т. II — 435, 728, 729

РАТЦЕЛЬ (Ratzel) Фридрих (1844-1904), немецкий географ, этнограф и социолог, один из основателей «антропогеографической» школы — 256, 435, 496, 634, 694, 711, 724-727, 763

Антропогеография [Anthropogeographie]. Stuttgart, 1882-1891, Bd. I—II — 256

Народоведение. СПб., 1902, т. I-II — 435, 496, 634, 694, 725-727, 763
Le sol, la societe et l'Etat [Страна, общество и государство] // AS. 1900, till, p. 1-14 — 256

РАТЦЕНХОФЕР (Ratzenhofer) Густав (1842-1904), австрийский социолог и философ, представитель социал-дарвинизма — 105, 201, 217, 648-650
Die sociologische Erkenntniss [Социологическое познание]. Leipzig, 1898 — 105, 650

РАХИЛЬ (библ.), младшая дочь Лавана, вторая жена Иакова (Быт. 29,6,28 и др.) — 259

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ТРИБУНАЛ В ЭПОХУ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ. Воспоминания современников и документы. Пг.: изд-во «Былое», 1919 — 195

РЕЙМЕР (Reymer) Йозеф Людвиг (р. 1879), австрийский пангерманист, автор труда «Пангерманистская Германия» (1905) — 438, 637

РЕЙНАЛЬ (Raynal) Гийом де (1713-1796), французский историк и социолог, аббат — 517, 646

РЕЙНО (Reynaud) Жан Эрнст (1806-1863), французский философ, представитель христианского социализма; политический и общественный деятель — 646

Указатель имен и цитируемой литературы

969

РЕКЛЮ (Reclus) Элизе (1830-1905), французский географ, социолог, политический деятель, теоретик анархизма — 479, 487
Эволюция, революция и идеал анархизма. М., 1917 — 497, 487

РЕМБРАНДТ (Rembrandt) Харменс ван Рейн (1606 или 1607-1669), голландский живописец — 112

РЕМИЗОВ Алексей Михайлович (1877-1957), русский писатель, литературный критик и публицист, с 1921 г. в эмиграции — 189
Пятая язва (1912) — 189

РЕНТГЕН (Rontgen) Вильгельм Конрад (1845-1923), немецкий физик, лауреат Нобелевской премии (1901) — 582

РИБО (Ribot) Теодюль Арман (1839-1916), французский психолог и философ — 110-112
Психология чувств. СПб., 1898 — 111, 112

РИД (Reid) Томас Вемисс (1842-1905), английский писатель и журналист — 542, 543

Memoires of Sir Wemyss Reid [Воспоминания сэра Вемисса Рида]. London, 1905 — 543

РИККЕРТ (Rickert) Генрих (1863-1936), немецкий философ, один из основателей

Баденской школы неокантианства — 27, 46, 72, 94 Границы естественно-научного образования понятий. СПб., 1903 — 27, 94

Психофизическая причинность и психофизический параллелизм // Новые идеи в философии. СПб., 1913, сб. № 8 — 72

РИПЛИ (Ripley) Джордж (1802-1880), американский публицист, философ, социалист-утопист, переводчик и издатель в США произведений Ш. Фурье и СенСимона — 201

РИСЛИ (Risley) Герберт (1851-1911), английский антрополог — 406, 440, 620, 626, 627, 629

General Report of the Census of India, 1901 [Общий отчет о переписи в Индии в 1901 г.]. Calcutta, 1901-1904, vol. I-VI — 406, 440, 620, 626, 627 The tribes and castes of Bengal [Племена и касты в Бенгалии] Calcutta, 1891-1892 — 627

РИШАР (Richard) Гастон (1860-1945), французский социолог, редактор «Annales de l'Institut Internationale de Sociologie» (с 1928), последователь Э. Дюркгейма — 43, 55, 273, 680, 694, 835, 836

Les crises sociales et les conditions de la criminalite [Социальные кризисы и факторы преступности] // AS. 1900, vol. III, p. 15-42 — 836 La sociologie generale et les lois sociologiques [Общая социология и социологические законы]. Paris, 1912 — 55, 273, 694

Notions elementaires de sociologie [Элементарные понятия социологии]. Paris, 1903 — 680

РОБЕСПЬЕР (Robespierre) Максимильен (1758-1794), деятель Великой французской революции, глава якобинцев — 189, 197-198, 539, 540, 544, 585, 586, 590, 802, 813, 814, 824, 832, 840

9 70

Указатель имен и цитируемой литературы

РОБИНЗОН и ПЯТНИЦА, персонажи романа английского писателя Д. Дефо (1660-1731) «Робинзон Крузо» (1719) — 95, 96, 131, 285, 539

РОДБЕРТУС-ЯГЕЦОВ (Rodbertus-Jagetzow) Карл Иоганн (1805-1875), немецкий экономист, историк и государственный деятель — 787, 790 Zur Beleuchtung der sozialen Frage [К освещению социального вопроса]. Berlin, 1890 — 787

РОДЕН (Rodin) Огюст (1840-1917), французский скульптор — 582

РОЖКОВ Николай Александрович (1868-1927), русский историк, социолог, политический и общественный деятель — 559, 685 Русская история в сравнительно-историческом освещении (Основы социальной динамики). Пг. -М., 1919, т. 1 — 559, 685

РОЗИН Николай Николаевич (1871-1919), русский правовед и общественный и политический деятель, профессор (с 1911 г.) Томского университета — 90, 114

Уголовное судопроизводство. Томск, 1913 — 90

Об оскорблении чести. Уголовно-юридическое исследование. Томск, 1910 — 114

РОМАНЕС, Ромене (Romanes) Джордж (1848-1894), английский натуралист и психолог, один из основателей зоопсихологии, автор книги «О разуме животных» (1881) — 73

РОСС (Ross) Эдуард Олсуорт (1866-1951), американский социолог и психолог, один из основателей социологии в США, президент Американской социологической ассоциации (1914-1915) — 96, 105, 114, 200, 201, 204, 217-219, 232, 253, 266, 278, 279, 281, 282, 301, 303, 307, 331, 353, 383, 415, 439, 441, 527

Foundations of Sociology [Основания социологии]. New York- London, 1905 — 96, 105, 114, 201, 204, 217, 218, 232, 279, 282, 301, 353, 383, 415, 439 Social Control. A Survey of the foundations of order [Социальный контроль. Исследование основ общественного порядка]. New York, 1904 — 218, 253, 266, 303, 307, 331

The causes of race superiority [Причины расового превосходства] // Annales of American Academia political and social sciences. 1901, июль — 441 Class and caste [Класс и каста] // AJS. 1917, vol. XXIII, № 4, January; № 5, March; № 6, May — 527

РОСС (Ross) Джозеф Б., американский социолог — 754

The temper of the american [Характер американца] //AJS. 1907, vol. XIII, № 2, November, p. 380-391 — 754

РОССИ (Rossi) Паскуале (1867-1905), итальянский социолог и психолог — 41,300

Psicologia collettiva [Общественная психология]. Milano, 1900 — 41, 300 Sociologia e psicologia collettiva [Социология и общественная психология]. Milano, 1909 — 41

POT (Roth) Уолтер Эдмунд (1861-1933), английский антрополог, этнограф и врач — 164, 180

Указатель имен и цитируемой литературы

9 71

Ethnological Studies among the north-west central Queensland aborigines [Очерки этнологии аборигенов северозапада центрального Квинсленда]. Brisbane, 1897 — 180

РОШЕР (Roscher) Вильгельм (1817-1894), немецкий экономист, один из основоположников исторической школы политической экономии — 684, 685

Grundlagen der Nationalökonomie. Stuttgart, 1880 (рус. перевод: Начала народного хозяйства. М., 1860 — 685

РУБАКИН Николай Александрович (1862-1946), русский книговед, библиограф и писатель, с 1907 г. в эмиграции — 640

Среди книг. Опыт обзора русских книжных богатств в связи с историей научно-философских и литературно-общественных идей. М., 1911-1915, т. I—III — 640

РУЗВЕЛЬТ (Roosevelt) Теодор (1858-1919), американский государственный деятель, в 1901-1909 гг. президент США — 819

РУЗЬЕ (Rousiers) Поль де (1857-1934), французский социолог, представитель школы Ф. Ле-Пле — 469

РУССО (Rousseau) Жан-Жак (1712-1778), французский философ, писатель и композитор — 196, 279, 282, 290, 536, 589

РУФФИНИ (Ruffini) Франческо (1863-1934), итальянский юрист, историк и государственный деятель — 619 Религиозная свобода. СПб., 1914 — 619

РЫКАЧЕВ Андрей Михайлович (1875-1914), русский экономист и публицист, ученик П.Б. Струве, погиб на фронтах первой мировой войны — 151 Деньги и денежная власть. Опыт теоретического истолкования и оправдания капитализма. СПб., 1910 — 151

САВОНАРОЛА (Savonarola) Джироламо (1452-1498), итальянский религиозно-политический реформатор, проповедник, поэт, с 1491 г. приор доминиканского монастыря Сан-Марко во Флоренции, в 1494 г. способствовал установлению во Флоренции республиканского строя, одновременно с этим выступив с резкой критикой папской политики; в 1497 г. отлучен от церкви, в ответ выступил с призывом созвать церковный собор и низложить папу; был арестован флорентийской сеньерией и по ее приговору повешен, а труп его сожжен — 840

САВОРНЬЯН (Savorgnan) Франко де (р. 1879), итальянский статистик — 212, 444, 730, 746, 747

Les antagonismes sociaux [Социальные антагонизмы] // Scientia. Paris, 1914, vol. XVI, № IVII, p. 138-146 — 212

Il fattore confessionale nella scelta matrimoniale [Конфессиональный фактор при заключении брака] // RItS. 1913, t. XVII, MarzoAprile, p. 153-182 — 444, 746

Gli indici di omogamie delle razze e delle nazionalita [Показатели чистоты расы и нации] // Studi economicogiuridici della Romano Universita di Cagliari. Anno III, Torino, 1911 — 444, 746

9 72

Указатель имен и цитируемой литературы

Verschmelzung und gegenseitige Penetration der Rassen und Nationalitäten. Statistische Untersuchungen [Смешение и взаимопроникновение рас и национальностей. Статистическое исследование] // ASS. Bd. XXXV, Heft III — 730, 746

Religione e nazionalita nella scelta matrimoniale [Религия и национальность при заключении брака] // RItS. 1910, t. XIV, p. 381-390 — 746, 747

САДЛЕР (Sadler) Майкл Томйс (1780-1835), английский экономист и филантроп,

противник мальтузианства, член парламента от тори, один из лидеров движения за улучшение положения рабочего класса — 338

САДОВНИКОВА Мария Полиектовна (1882-1940), русский биолог, специалист по зоопсихологии, сотрудник Института экспериментальной биологии, жена русского генетика Н.К. Кольцова; покончила с собой — 254 Новейшие исследования американцев по зоопсихологии // *Природа*. 1916, №11, ноябрь — 254

САЛЛЮСТИЙ (Sallustius) Гай Крисп (86 - ок. 35 до н. э.), древнеримский историк, политический и государственный деятель — 516, 517, 646

САМНЕР (Sumner) Уильям Грэм (1840-1910), американский социолог, экономист и публицист, представитель социал-дарвинизма — 809-811, 813 Religion and the mores [Религия и нравы] // *AJS*. 1909, vol. XV, № 5, March, p.577-595 — 809

Folkways: a Study of the Social Importance of Usages, Manners, Customs, Mores and Morals [Народные обычаи: исследование социального значения обычаев, манер, привычек, нравов и морали]. Boston, 1907 — 810

САМНЕР МЭН (Sumner Maine) Генри Джеймс (1822-1888), английский правовед, историк права — 675

СВИФТ (Swift) Джонатан (1667-1745), английский писатель и политический деятель — 585

СВЯТЛОВСКИЙ Владимир Владимирович 2-й (1869 или 1871-1927), русский историк, экономист — 505, 526, 555, 564

Профессиональные рабочие союзы и учреждения, ими созданные. СПб., 1908 — 505, 526, 555, 564

СЕМПЛ (Semple) Эллен Черчилл (1863-1932), первая американская женщина-географ, последователь Ф. Ратцеля — 256

Influences of geographic environment, on the basis of Ratzel's system of anthropogeography [Влияния географической среды, на основе антропо-географической системы Ратцеля]. New York, 1911 — 256

СЕНАР (Senart) Эмиль (1847-1928), французский индолог, знаток буддистского искусства — 627 Les castes dans l'Inde [Касты в Индии]. Paris, 1896 — 627

СЕН-СИМОН (Saint-Simon) Клод Анри де Рувруа (1760-1825), французский политический мыслитель, социолог, социалист-утопист, социальный реформатор — 563, 646, 649, 689

СЕНСИНИ (Sensini) Гвидо (1879-1958), итальянский экономист — 398, 402, 403, 416, 529, 533, 550, 559, 589, 593, 652, 661, 717, 755, 784, 805-808

Указатель имен и цитируемой литературы

97 3

Teoria dell'equilibrio di composizione delli classi sociali [Теория структурного равновесия общественных классов] // *RitS*. 1913, t. XVII, settembre-dicembre — 398, 403, 416, 529, 533, 550, 559, 589, 652, 661, 717, 807, 808

СЕНТ-ИЛЕР (Saint-Hilaire) Этьен Жоффруа (1772-1844), французский биолог-эволюционист, предшественник Ч. Дарвина — 163

СЕРДЖИ (Sergi) Джузеппе (1841-1936), итальянский антрополог, основатель итальянской антропологической школы — 434-436, 619, 731 L'umanit  dal punto di vista antropologico [Человечество с антропологической точки зрения] // *RitS*. 1911, t. XV — 434, 436 Hominidae. L'uomo secondo le origini, l'antichit , le variazioni e la distribuzione geografica [Гоминид. Новый человек: происхождение, древность, изменения и географическое распространение]. Torino, 1911 — 435, 619

Influenza dell'ambiente sui caratteri fisici deH'uomo [Влияние окружающей среды на физические черты человека] // *RitS*. 1919, январь-февраль — 436 Le origini umane [Происхождение человека]. Torino, 1913 — 731

СЕЧЕНОВ Иван Михайлович (1829-1905), русский физиолог — 178

Физиология органов чувств. Зрение. Переделка сочинения «Anatomie und Psychologie der Sunnesorgane von A. Fick. 1862-1864». СПб., 1867 — 101

СИГЕЛЕ (Sighele) Сципио (1868-1913), итальянский социолог, криминалист и психолог, последователь и ученик Э. Ферри, один из основоположников психологии толпы — 40, 41, 204, 300, 836

Преступная толпа. Опыт коллективной психологии. СПб., 1896 — 40, 204, 300, 836

СИДИС (Sidis) Борис (1867-1923), русско-американский психолог, психиатр и врач, ученик У. Джемса, пионер психопатологии, отец одного из самых известных вундеркиндов в истории У. Дж. Сидиса — 300, 301 The Psychology of Suggestion. New York, 1898 (рус. перевод: Психология внушения. СПб., 1902 — 301

СИЗИФ (*миф.*), в древнегреческой мифологии строитель и царь Коринфа, после смерти принужденный в Аиде вечно вкатывать на гору тяжелый камень, который, едва достигнув вершины, каждый раз скатывался вниз — 711

СИМЕОН БЕКБУЛАТОВИЧ (ум. 1616), во время опричнины «великий князь всея Руси», затем «великий князь Тверской» — 803

СКВИЛЛАЧЕ (Squillace) Фаусто, итальянский социолог и экономист — 41, 55

I problemi costituzionali delle sociologia [Проблема оснований социологии]. Milano, 1907 — 55

СКЛЯРЕЦ — 538

СЛУЦКИЙ Евгений Евгеньевич (1880-1948), русский советский математик, статистик и экономист — 559

Теория корреляции и элементы учения о кривых распределения. Киев, 1912 — 559

9 74 *Указатель имен и цитируемой литературы*

СМИТ (Smith) Адам (1723-1790), английский экономист и философ — 278, 647

СМИТ (Smith) Логан Персалл (1865-1946), англо-американский эссеист, известный своими афоризмами и эпиграммами — 160 The English language [Английский язык]. London - New York, 1912 — 160

СМОЛЛ (Small) Албион Вудбери (1854-1926), американский социолог, представитель социального дарвинизма, основатель (1895) и редактор «American Journal of Sociology» — 17, 55, 57, 105, 276, 519 Fifty years of sociology in the United States (1865-1915) [Пятьдесят лет социологии в Соединенных Штатах] //AJS. 1916, vol. XXI, № 6, May, p. 721— 864 — 17

[Статья] //AJS. 1912, vol. XVIII, № 1, September — 55, 57 [Статья] //AJS, vol. VI, p. 177-199 — 105

СОКОЛОВ Константин Николаевич (1882 или 1883-1927), русский государствовед, приват-доцент Петербургского университета; позже министр пропаганды правительства А.И. Деникина, с 1920 г. в эмиграции — 569 Парламентаризм. Опыт правовой теории парламентарного строя. СПб., 1912 — 569

СОКРАТ (ок. 470-399 до н. э.), древнегреческий философ — 168, 692, 840

СОЛОВЬЕВ Владимир Сергеевич (1853-1900), русский религиозный философ, поэт и публицист — 449 Оправдание добра. Нравственная философия (1897) — 449

СОЛНЦЕВ Сергей Иванович (1872-1936), русский советский экономист, академик АН УССР и АН СССР (1929) — 517, 519, 529, 646, 648-651, 653, 655, 656, 669, 837

Общественные классы. Важнейшие моменты в развитии проблемы классов и основные учения. Томск, 1917 — 517, 519, 529, 646, 648-651, 653, 655, 656, 669, 837

СОЛЬВЕ (Solvay) Эрнест (1838-1922), бельгийский химик-технолог и промышленник, общественный деятель, филантроп, основатель Института социологии Сольве (1894) — 28, 218

Note sur les formules d'introduction a Fonergetique physio- et psychosociologique [Примечание к формулам введения в энергетику физио- и психосоциологии]. Bruxelles-Leipzig, 1906 — 28

СОРЕЛЬ (Sorel) Жорж (1847-1922), французский социальный философ, теоретик анархо-синдикализма — 433, 479, 486, 487, 504, 509, 525, 542-544, 784

Размышления о насилии. М., 1907 — 479, 544

Социальные очерки современной экономики. Дегенерация капитализма и дегенерация социализма. М., 1908 — 504, 784 Предисловие // Гатти Дж. Социализм и аграрный вопрос. М., 1906 — 526

L'avenir socialiste des syndicats [Социалистическое будущее синдикатов]. Paris, 1901—486,487,509

Ж

Указатель имен и цитируемой литературы

9 7'5

Les illusions des progres [Иллюзии прогресса]. Paris, 1911 — 504

СОРОКИН Питирим Александрович:

Границы и предмет социологии // Новые идеи в социологии. СПб., 1913, сб. № 1 — 40

Законы развития наказаний с точки зрения психологической теории права Л.И. Петражицкого // Новые идеи в правоведении. СПб., 1914, сб. № 3 — 307

Категория «должного» и ее применимость к изучению общественных явлений // Юридический вестник. 1917, кн. XVII, № 1, январь — 20, 57 Кризис современной семьи (Социологический очерк) // Ежемесячный журнал. 1916. № 2, февраль; № 3, март — 472, 750

Обзор теорий и основных проблем прогресса // Новые идеи в социологии. СПб., 1914, сб. 3 — 60, 318

Общедоступный учебник социологии. Ярославль, 1920 — 22, 577, 830 Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. СПб., 1913 — 20, 30, 57, 218, 220, 295, 297, 304, 306, 307, 331, 615, 836 Проблема социального равенства. Пг., 1917 — 229, 552 Рец.: Вагнер В. Биологические основания сравнительной психологии. (Биопсихология). СПб., 1913, т. II: Инстинк и разум // Вестник психологии, криминологической антропологии и гипнотизма. 1913, т. 10, вып. 2 — 84

Символы в общественной жизни. Рига, 1913 — 130 Социологическая теория религии (Э. Дюркгейм. Элементарные формы религиозной жизни. Paris, 1912) // Заветы. 1914, № 3, март — 553 Структура современной догматики уголовного права // Вестник психологии, криминальной антропологии и педологии. 1917, т. 13, вып. 1-2; вып. 3-5 — 20

Теория факторов М.М. Ковалевского // М.М. Ковалевский — ученый, государственный и общественный деятель и гражданин (1851-1916). Сборник статей. Пг., 1917 — 21

Э. Дюркгейм о религии // Новые идеи в социологии. СПб., 1914, сб. № 4 — 553

СПАРТАК (ум. 71 до н. э.), вождь крупнейшего в Италии восстания рабов 74/73-71 до н.э.— 551,833

СПЕНСЕР (Spenser) Уолтер Болдуин (1860-1929), английский антрополог, этнограф и биолог, совместно с Ф. Гилленом изучавший племена Австралии — 107, 143, 164, 194, 324, 325, 454, 615, 617, 703, 780 The Northern tribes of Central Australia [Северные племена Центральной Австралии] (в соавторстве с Б. Спенсером). London, 1904 — 107,143,194, 324,325,454,615

The native tribes of Central Australia [Туземцы Центральной Австралии] (в соавторстве с Б. Спенсером). London, 1899 — 454

СПЕНСЕР (Spenser) Герберт (1820-1903), английский философ и социолог, один из родоначальников позитивизма — 100, ПО, 130,139,149,162,165,

9 76

Указатель имен и цитируемой литературы

167, 169-172, 174, 190, 193, 204, 217, 238, 390, 406, 416, 482, 484, 486, 647-649, 694, 697-704, 709, 710, 795, 796, 830, 838 Введение в изучение социологии — 204

Личность против государства (The man versus the state. 1884; рус. перевод: Личность и государство. СПб., 1908) —486, 838 Основания биологии. СПб., 1899, т. I — 100

Основания социологии. СПб., 1898, т. III — 149, 162, 167, 169-171, 190, 193, 238,

390, 406, 416, 482, 484, 694, 697, 699, 700, 702, 796 Основные начала (First Principles. 1862) — ПО

СПЕРАНСКИЙ Михаил Михайлович (1772-1839), русский государственный деятель — 802

СПИНОЗА (Spinoza) Бенедикт (1632-1677), нидерландский философ — 43, 318

СТАЛИНСКИЙ Евсей Александрович (1880-1952), русский политический деятель, публицист, эсер — 487, 504, 512, 514

Новое течение в социализме (Очерк революционного синдикализма во Франции, Италии и Германии). СПб., 1907 — 487, 512, 514

СТАРКЭ, Старке (Starcke) Карл Николай (1858-1926), датский философ и социолог, автор сочинений по истории брака и семьи — 685

СТАТИСТИКА ТРУДА. № 1-4 — 566

СТЕТСОН (Stetson) Шарлотта (1860-1935), американская писательница, экономист, одна из первых теоретиков американского феминизма — 502 Women and Economics. A Study of the Economic Relation between Men and Women as a Factor in Social Evolution. Boston, 1899 (рус. перевод: Женщина и экономическое отношение: Исследование экономических отношений между мужчинами и женщинами как фактора социальной эволюции. СПб., 1902) — 502

СТЕФЕНСОН (Stephenson) Гильберт Томас (1884-1972), американский публицист и юрист, судья — 293, 441, 444, 449

Race distinctions in American law [Расовые различия в американском законодательстве]. New York - London, 1910 — 293, 441, 444, 449

СТОУН (Stone) Альфред Холт (1870-1955), американский плантатор, знаток и коллекционер архивных документов по рабству в США — 440, 442, 445 Is race friction between blacks and whites in the United States growing and inevitable [Увеличиваются ли расовые трения между черными и белыми в Соединенных Штатах и являются ли они неизбежными] // AJS. 1908, vol. 13, № 5, March, p. 676-697 — 440, 442

СТРИНГЕР (Stringher) Бональдо (1854-1930), итальянский государственный и политический деятель, банкир, директор Банка Италии (1900-1930) — 798

Sur la balance des paiements entre l'Italie et l'étranger [О платежном балансе в Италии и за рубежом] // BUS, XIX, III — 798

СТРУВЕ Петр Бернгардович (1870-1944), русский политический деятель, экономист, философ, социолог, историк и публицист; с 1920 г. в эмиграции — 512, 637

Указатель имен и цитируемой литературы 97 7

Fades hipocratica. К характеристике кризиса в современном социализме (1907) // Струве П.Б. Patriotica. Политика, культура, религия, социализм. Сборник статей за пять лет (1905-1910 гг.). СПб., 1911 — 512

СТЮАРТ (Stewart) Дагалд (1753-1828), английский философ, представитель шотландской школы «здравого смысла» — 187

СУКАЧЕВ Владимир Николаевич (1880-1967), русский ботаник, лесовед и географ — 33, 34, 246, 403

Введение в учение о растительных сообществах. Пг. - М., 1915 — 33, 34, 246, 403

СУЛЛА Луций Корнелий (138-78 до н. э.), древнеримский военный и политический деятель, с 83 г. диктатор Рима, организатор массового политического террора — 544, 802, 804

СУТЕРЛАНД, Сазерленд (Sutherland) Александр (1852-1902), австралийский натуралист, философ и писатель — 261-263, 378, 688-690, 711 The origin and growth of the moral instinct. London, 1898 (рус. перевод: Происхождение и развитие нравственного инстинкта. СПб., 1900) — 261, 263, 689

ТАЙЛЕР (Tyler) Уот, деревенский ремесленник, возглавивший крупнейшее в средневековой Англии крестьянское восстание 1381г.; был вероломно убит во время переговоров с королем — 520

ТАРАНОВСКИЙ Федор Васильевич (1875-1936), русский государствовед и историк русского и славянского права, с 1920 г. в эмиграции — 49 Учебник энциклопедии права. Юрьев, 1917 — 49

ТАРД (Tarde) Габриэль (1843-1904), французский социолог, психолог, философ и криминалист, один из основоположников социальной психологии и главных представителей психологического направления в социологии — 37, 39, 40, 41, 204, 212, 217, 226, 241, 242, 244, 246, 276, 279, 282, 300, 301, 502, 837, 838 Социальная логика. СПб., 1901 — 241

Психология и социология // Новые идеи в социологии. СПб., 1914, сб. № 2 — 39

Законы подражания. СПб., 1892 — 276, 300 Социальные законы. СПб., 1906 — 212, 282

Теория психических воздействий // Русская высшая школа общественных наук в Париже. СПб., 1905 — 39, 41, 226

La theorie organique des socidtes [Органическая теория обществ] // AIPS. 1900, t. IV — 37, 241

Les deux elements de la sociologie [Два начала социологии] // Tarde G. Etudes de psychologie sociale. Paris, 1898 — 242 L'opinion et la foule [Мнение и толпа]. 1898 — 300

ТАХТАРЕВ Константин Михайлович (1871-1925), русский историк и социолог, в 1897-1907 гг. в эмиграции; с 1917 г. преподавал в Петроградском университете, с 1924 г. сотрудник института К. Маркса и Ф. Энгельса — 105, 410

32 Система социологии

9 78

Указатель имен и цитируемой литературы

Общество и государство и закон борьбы классов. Пг. — М., 1918 — 410
Социология как наука о закономерности общественной жизни. Пг., 1918 — 105

ТАЦИТ Публий Корнелий (ок.58 -после 117), римский историк — 318, 321

ТЕЙЛОР, Тайлор (Tylor) Эдуард Бёрнетт (1832-1917), английский антрополог и этнограф, исследователь первобытной культуры — 168, 822 Антропология. Введение к изучению человека и цивилизации. СПб., 1908 — 168 Первобытная культура. СПб., 1896 — 822

ТЕННИ (Теппеу) Чарльз Даниел (1857-1930), американский миссионер, инициатор устройства китайских университетов по американскому образцу; в Китае жил в 1882-1921 гг. — 440

The significance of the Orient [Значение Востока] // AJS. 1908, vol. XIII, May, p. 744-746 — 440

ТЕННИС (Toennies) Фердинанд (1855-1936), немецкий социолог и историк философии — 694

Gemeinschaft und Gesellschaft. Grundbegriffe der reinen Soziologie. Jena, 1887 (рус. перевод: Община и общество. Основные понятия чистой социологии. СПб., 2002) — 694

ТИЛЛИНАСТ (Tillinghast) Джозеф Александер (1871-1944), американский этнограф — 441

The Negro in Africa and in America [Негры в Африке и Америке]. New York, 1902 — 441

ТИЛЛЬМАНС (Tillmanns) Герман (1844-1922), немецкий хирург, профессор Лейпцигского университета — 147 Руководство общей хирургии. М., 1910 — 147

ТИХОН (в миру: Василий Иванович Белавин; 1865-1925), патриарх Московский и всея Руси, избранный на 1-м Всероссийском поместном соборе (1917) и предавший большевиков анафеме за декрет об отделении церкви от государства и Брестский мир (1919) — 601

ТОЛСТОЙ Лев Николаевич (1828-1910), русский писатель и мыслитель — 377, 582

ТОМАС (Thomas) Уильям Айзек (1863-1947), американский социолог, один из основателей Чикагской школы социологии — 201, 440, 452, 499, 617 The significance of the Orient for the Occident [Значение Востока для Запада] // AJS. 1908, vol. 13, p. 729-742 — 440

Sex and Society. Studies in the Social Psychology of Sex [Секс и общество. Исследования по социальной психологии секса]. Chicago-London, 1907 — 452,617

The prussian-polish situation. An Experiment in Assimilation [Прусско-польские отношения. Опыт ассимиляции] //AJS. 1914, vol. 19, p. 624-639 — 499

ТОМПСОН (Thompson) Уильям (ок. 1785-1833), ирландский социолог и экономист, социалист-утопист, последователь Р. Оуэна — 517, 647, 649

Указатель имен и цитируемой литературы

9 79

ТОПИНАР (Topinard) Поль (1830-1911), французский антрополог — 434, 435
Антропология. СПб., 1879 — 435

ТОРКВЕМАДА (Torquemada) Томас (1420-1498), основатель и глава испанской инквизиции, по приговорам которого было сожжено или казнено другим способом несколько тысяч человек — 585, 586, 589, 814

ТРАУТМАН (Trautmann) Уильям Эрнст (р. 1869), американский рабочий профсоюзный лидер, основатель (1904) и глава профсоюза «Промышленные рабочих мира» — 509

Единый большой союз // Производственный синдикализм. Сборник статей. Пг - М., 1920 — 509

ТРЕЙЧКЕ (Treitschke) Генрих фон (1834-1896), немецкий историк и публицист, идеолог «прусского духа», поклонник О. Бисмарка — 637

ТРОЦКИЙ (наст. фамилия Бронштейн) Лев Давидович (1879-1940), советский государственный и партийный деятель, один из вождей Октябрьской революции 1917 г., в 1929 г. выслан из СССР, убит агентом НКВД — 197,563

ТРУБЕЦКОЙ Евгений Николаевич (1863-1920), князь, русский религиозный философ, правовед, публицист и общественный деятель — 637

ТУГ АН-БАРАНОВСКИЙ Михаил Иванович (1865-1919), русский и украинский экономист, историк и социолог — 42,408, 530, 555, 562, 564, 565, 647, 649, 654, 657, 684, 685, 752, 769, 776-778, 788, 789 Основы политической экономии. СПб., 1909 — 408, 530, 555, 562, 564, 647, 654, 657, 684, 685, 769, 776-778, 788, 789

Теория народонаселения при свете новых фактов // Новые идеи в экономике. СПб., 1914, сб. № 2 — 752

ТУРВИЛЛЬ (Tourville) Анри де (1842^1903), французский социолог, представитель «географической школы», ученик Ф. Ле-Пле — 464

ТУРГЕНЕВ Иван Сергеевич (1818-1883), русский писатель — 341, 497 Дворянское гнездо (1859) — 341

ТУРНВАЛЬД (Thurnwald) Рихард (1869-1954), немецкий антрополог, этнограф и социолог — 682

ТУТЕН (Toutain) Жюль (1855-1961), французский историк — 195

Les cultes païnes dans l'empire romain [Языческие культы в римской империи]. Paris, 1907, t. 1 — 195

ТЭН (Taine) Ипполит (1828-1893), французский философ, эстетик, историк, литературовед и социальный мыслитель — 581

ТЮРГО (Turgot) Анн Робер Жак (1727-1781), французский государственный деятель, философ и экономист — 646

УАЙЛЬД (Wilde) Оскар (1854-1900), английский писатель, драматург, поэт и эссеист — 112

Портрет Дориана Грея (1891) — 112 УЗО (Houzeau) Жан Шарль (1820-1888), бельгийский естествоиспытатель —

149

980

Указатель имен и цитируемой литературы

Etudes sur les facultes mentales des animaux comparees a celles de rhomme [Очерки об умственных способностях животных в сравнении со способностями человека]. Mons, 1872, t. I-II — 149

УИЛЕР (Wheeler) Джеральд (1872-1943), английский этнограф — 684-686 The Material Culture and Social Institutions of the Simpler Peoples [Материальная культура и социальные институты примитивных народов] // SR. 1914, vol. VII, № 3,4 (в соавторстве с М. Гинсбергом и Л.Т. Хобхаузом) — 685, 686

УИЛКОКС (Willcox) Уолтер Франсис (1861-1964), американский статистик — 442, 749

Statistique des mariages et divorces aux Etats-Unis [Статистика браков и разводов в Соединенных Штатах] // BUS, XVIII — 749

УМОВ Николай Алексеевич (1846-1915), русский физик — 579

Физические науки в служении человечеству // Природа. 1913, № 2, февраль — 579

УОЛЛЕС (Wallace) Альфред Рассел (1823-1913), английский натуралист, создавший независимо от Ч. Дарвина теорию естественного отбора — ПО

УОЛЛЕС (Wallas) Грехем, английский политический деятель и политолог, внесший заметный вклад в развитие эмпирического подхода к изучению человеческого поведения — 576 Human nature in politics [Человеческая природа в политике]. 1908 — 576

УОРД (Ward) Лестер Франк (1841-1913), американский социолог, основоположник психологического эволюционизма в США, первый президент Американского социологического общества — 21, 40, 44, 55, 56, 58, 59, 103, 104, 106, 111, 155, 446, 683, 710

Reine Soziologie [Чистая социология]. Innsbruck, 1907, Bd. 1 — 21, 56, 59, 103, 104, 111, 155

Очерки социологии. М., 1901 — 55 Психические факторы цивилизации. М., 1897 — 104 Динамическая социология (Dynamic sociology. New York, 1883; рус. перевод: М., 1891) — 111

Social classes in the light of modern sociological theory [Общественные классы в свете современной социологической теории] // AJS. 1908, vol. 13, № 5, March, p. 617-627 — 446

УЭЗЕРЛИ (Weatherly) Улисс Грант (1865-1940), американский социолог — 440, 443, 444, 449

Race and Marriage [Раса и брак] // AJS. 1910, vol. 15, № 4, January, p. 433-453 — 440, 443, 444, 449

ФАЛЕС (ок. 625 - ок. 547 до н. э.), древнегреческий философ, родоначальник античной философии и науки — 408

ФАЛЬБЕК (Fahlbeck) Понтус Эрланд (1850-1923), шведский политолог, социолог, статистик и историк права — 529, 615, 621, 662, 731, 753, 755, 805-808

Указатель имен и цитируемой литературы **9 81**

Les classes sociales [Социальные классы] // BUS. 1909, t. XVIII, 1-re livraison — 529, 615, 621, 662, 805

La decadence et la chute des peuples [Деградация и упадок народов] // BUS. 1905, t. XV, № II, p. 367-389 — 731, 753, 755, 805, 807

Der Adel Schwedens und Finlands [Шведское и финское дворянство]. Jena, 1903 — 755

La noblesse de Suede [Шведское дворянство] // BUS. 1900, XII, I, p. 169-181 — 755, 805, 806

ФАСТРЕЗ (Fastrez) Артур (р. 1871), бельгийский лейтенант, автор изданной Институтом Сольвея книги «Чем армия может быть для нации» (1907) — 186, 187, 190-192

Les rites militaires [Воинственные обряды] // BMISS. 1911, № 11 — 187, 191, 192

ФЕДОР АЛЕКСЕЕВИЧ (1661-1682), русский царь с 1676 г. из династии Романовых — 806

ФЕЙРБАНКС (Fairbanks) Артур (1864-1944), американский социолог, историк философии, искусствовед — 103 Introduction to sociology [Введение в социологию]. New York, 1901 — 103

ФЕРВОРН (Verworn) Макс (1863-1921), немецкий физиолог и психолог — 116, 142, 143, 169

General physiology. An outline of the science of life. London, 1899 (рус. перевод: Общая физиология, основы учения о жизни. М., 1910-1912) — 116 Die Anfänge der Kunst [Зарождение искусства]. Jena, 1909 — 142, 143, 169

ФЕРЕШ. — 139

ФЕРЬЕР (Ferriere) Адольф (1879-1960), швейцарский педагог, один из лидеров нового воспитания — 239, 240

L'organisme social [Социальный организм] // RIS. 1915, № 5 6 — 239 La loi du progres en biologie et en sociologie [Закон прогресса в биологии и социологии]. Paris, 1915 — 240 .

ФИЛАРЕТ (в миру: Дроздов Василий Михайлович; 1782-1867), русский консервативный церковный деятель, митрополит Московский с 1825 — 490

ФИЛИПОВИЧ (Philipovich) фон Филиппсбер Эуген (1858-1917), австро-немецкий экономист — 335-338

Эмиграция // Народонаселение и учение о народонаселении. Статьи из Handwörterbuch der Staatwissenschaften. М., 1897 — 335-338

ФИНО (Finot) Жан (1856-1922), французский публицист, философ, антропосоциолог — 438

Le préjugé des races [Расовые предрассудки]. Paris, 1905 — 438 Агония и смерть человеческих рас. М., 1913 — 438

ФИРКАНДТ (Vierkandt) Альфред (1867-1953), немецкий социолог, этнолог, социальный психолог и историк философии, представитель формальной социологии — 688-691, 711

Naturvolker und Kulturvolker [Первобытные и культурные народы]. Leipzig, 1896— 689

9 8 2

Указатель имен и цитируемой литературы

ФИХТЕ (Fichte) Иоганн Готтлиб (1762-1814), немецкий философ, один из представителей немецкой классической философии — 282

ФИШЕР (Fischer) Хендрик Биллем (1864-1918), голландский этнограф — 164

ФОВИЛЬ (Foville) Альфред де (1862-1943), французский экономист — 799 Les elements de la balance economique des peuples [Основы экономического баланса народов] // BUS, XV, II — 799

ФОЙНИЦКИЙ Иван Яковлевич (1847-1913), русский криминалист и общественный деятель, профессор Петербургского университета (с 1871 г.) — 90, 502, 691

Курс уголовного судопроизводства (1895) — 90

Женщина-преступница // Северный вестник. 1893, № 2, февраль; № 3, март — 502

Моменты истории законодательства печати // Сборник Государственных знаний. СПб., 1875, т. II — 691

ФОКОННЕ (Faucannet) Поль (1874-1938), французский социолог, последователь Э. Дюркгейма — 43, 44

Sociologie et sciences sociales (в соавторстве с Э. Дюркгеймом) // RPF. 1903, t. LV, p. 465-497 (рус. перевод: Социология и социальные науки // Метод в науках. СПб., 1911) — 43

ФОРСТЕР (Forster) Уильям Эдуард (1818-1886), английский политический деятель, промышленник, филантроп, член либеральной фракции Парламента, в 1870 г. внесший на рассмотрение законопроект школьных комитетов, который вызвал критику со стороны его соратников по партии; тем не менее, проект был принят — 571

ФРАНК Семен Людвигович (1877-1950), русский религиозный философ и публицист, в 1922 г. высланный из Советской России — 25, 636 Философия и жизнь. Этюды и наброски по философии культуры. СПб., 1910 — 25

ФРАНКЛИН (Franklin) Бенджамин (Вениамин) (1706-1790), американский философ-просветитель, государственный, политический и общественный деятель, дипломат и ученый, один из «отцов-основателей» США — 817

ФРОБЕНИУС (Frobenius) Лео (1873-1938), немецкий этнограф, филолог, культуролог, археолог-африканист — 694, 711

ФРЭЗЕР (Frazer) Джеймс Джордж (1854-1941), английский этнолог, антрополог и историк религии, представитель классической английской социальной антропологии — 682

Questions on the manners, customs, religions etc. of uncivilised and semicivilised peoples [Вопросы о нравах, обычаях, религиях и т. п. нецивилизованных и получивилизованных народов] (в соавторстве с Т.В. Холмсом) // Journal of the Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. London, 1889, vol. XXVIII, p. 431-440 — 682

ФУЛЬЕ (Fouill?e) Альфред (1836-1912), французский философ, социолог и психолог, представитель органицизма в социологии — 239,240,244,245, 683,711

Указатель имен и цитируемой литературы 98 3

La science sociale contemporaine. Paris, 1880 (рус. перевод: Современная наука об обществе. М., 1895) — 244

ФУРНЬЕР (Fourniere) Эжен (1857-1914), французский социалист — 542,545 La sociocratie [Социократия]. Paris, 1910 — 542 La crise socialiste [Кризис социализма]. Paris, 1908 — 545

ФУРЬЕ (Fourier) Шарль (1772-1837), французский утопический социалист — 563

ФЮСТЕЛЬ ДЕ КУЛАНЖ (Fustel de Coulanges) Нума Дени (1830-1889), французский историк античности и феодализма — 554 Гражданская община древнего мира. М., 1867 — 554

ХАН (Hahn) Эдуард (1858-1928), немецкий экономист — 684-686

ХАРЕТ (Haret) Спиру (1851-1912), румынский социолог, математик, астроном и политический деятель — 28, 29 Mecanique sociale [Социальная механика]. Paris, 1910 — 29

ХАРУЗИН Николай Николаевич (1865-1900), русский этнограф, историк и археолог — 617 Этнография. СПб., 1905, т. IV — 617

ХВОСТОВ Вениамин Михайлович (1868-1920), русский правовед и социолог—55, 239 Социология. М., 1917 — 55, 239

ХЕЙС (Hayes) Эдвин Кэри (1868-1928), американский социолог, один из основателей Американской социологической ассоциации (1905) — 96, 97,105,232,256,422

The classification of social phenomena [Классификация социальных феноменов] // AJS. 1911, vol. XVII, № 1, July, p. 90-118; № 2, September, p. 188-205; № 3, November, p. 375-399 — 96, 97, 105, 232, 422 Effects of geographic conditions upon social realities [Влияние географических условий на социальные отношения] //AJS. 1913-1914, vol. XIX, № 6, May, p. 813-824 — 256

ХЕНСЛОУ (Henslow) Джон Стивене (1796-1861), английский ботаник и геолог, близкий друг и соратник Ч. Дарвина — 33

L'ecologie au point de vue de revolution des vegetaux [Экология с точки зрения эволюции растительного мира] // Scientia. Paris, 1913, vol. XIII, p. 190-208 — 33

ХЕРРИК (Herrick) Чарльз Джадсон (1868-1960), американский невролог — 73

The evolution of intelligence [Развитие интеллекта] // Science. 1910, vol. XXXI, №784, p. 7-18 — 73

ХОБХАУС (Hobhouse) Леонард (1864-1929), английский философ и социолог — 113, 684-686

Mind in Evolution [Эволюция разума]. London, 1901 — 113 The Material Culture and Social Institutions of the Simpler Peoples. An Essay in correlation [Материальная культура и социальные институты при-

9 8 4 Указатель имен и цитируемой литературы

митивных народов. Очерк соотношения // SR. 1914, vol. VII, III 3, 4 (в соавторстве с Дж.К. Уилером и М. Гинсбергом) — 685, 686

ХОГГАН (Hoggan) Франс Элизабет (1843-1927), английский врач, первая женщина-

доктор медицины в Англии, феминистка, борец за права темнокожих женщин — 444, 728, 730

The american Negro and race blending [Американские негры и расовое смешение] // SR. 1909, № 10, October — 444, 728, 730

ХОКСИ (Hoxie) Роберт Франклин (1868-1916), американский экономист, противник тейлоризма — 501, 502

Class conflict in America [Классовый конфликт в Америке] // AJS. 1907, vol. 13, p. 776-781 — 502

ХОЛЛ (Hall) Гренвилл Стэнли (1844-1924), американский психолог — 276, 647

Adolescence; its psychology and its relations to physiology, anthropology, sociology, sex, crime, religion and education [Юность; ее психология и взаимосвязи последней с физиологией, антропологией, социологией, полом, преступностью, религией и образованием]. New York, 1904, vol. I-II — 276

ХОЛЛ (Hall) Чарльз (ок. 1745 -ок. 1825), английский экономист, социалист-утопист и социальный реформатор — 517

ЦЕЗАРЬ Гай Юлий (102-44 до н. э.), древнеримский полководец, политический деятель и писатель, с 49 г. диктатор Рима — 170, 282, 318, 544, 585, 586, 589, 804, 805

ЦИГЕН (Ziehen) Теодор (1862-1950), немецкий философ и психолог, профессор ряда германских университетов — 102

ЦИЦЕРОН Марк Туллий (106-43 до н. э.), древнеримский политический деятель, оратор, философ и писатель — 692, 819

ЧААДАЕВ Петр Яковлевич (1794-1856), русский философ — 817

ЧАЙКОВСКИЙ Петр Ильич (1840-1893), русский композитор — 140
Осенняя песня // Времена года (1876) — 140

ЧЕЛПАНОВ Георгий Иванович (1862-1936), русский философ, психолог и логик — 90

Об экспериментальном методе в психологии // Новые идеи в философии. СПб., 1913, сб. № 9 — 90

ЧЕМБЕРЛЕН (Chamberlain) Александр Фрэнсис (1865-1914), англо-канадский антрополог — 181, 182

L'association des idees chez un peuple primitive [Ассоциация идей у первобытных народов] // Bulletin et Memoires de la Societe d'anthropologie de Paris. 1909, №2 — 182

ЧЕМБЕРЛЕН (Chamberlain) Джозеф (1836-1914), английский государственный деятель, один из идеологов английского колониализма — 571

ЧЕРНОВ Виктор Михайлович (1873-1952), русский политический деятель, публицист, социолог и философ, один из основателей, лидер и теоретик

Указатель имен и цитируемой литературы **985**

партии эсеров, с 1920 г. в эмиграции — 487, 504, 508, 512, 526, 544, 563, 564, 647, 649, 654, 658

Теоретики романского синдикализма. М., 1908 — 487, 512, 526, 544

Основные вопросы пролетарского движения» // Чернов В.М. Собрание сочинений. Пг., 1918, вып. II — 508, 564

Социалистические этюды. М., 1908 — 647, 654

Крестьянин и рабочий как экономические категории. Пг., 1917 — 647, 654, 658

Разделение общества на классы // Русское богатство. 1909, кн. 5, май, с. 150-168 — 654

ЧЕССА (Chessa) Федерико (1862-1960), итальянский экономист — 426, 445, 647, 746, 747, 758, 767, 778

La trasmissione ereditaria delle professioni [Переход профессий по наследству] . Torino, 1911 — 426, 747, 767

A western view of race question [Западный взгляд на расовый вопрос] // Annals of the

American Academia of Political and Social Science. Philadelphia, vol. XXXIV — 445

Le classi medie [Средние классы] // RitS. 1911, t. XV — 647, 778 II fenomeno de'emigrazione in Italia [Феномен эмиграции в Италии] // RitS. 1913, t. XVII — 758

ЧИЧЕРИН Борис Николаевич (1828-1904), русский философ, правовед, историк, публицист и общественный деятель — 409 Курс государственной науки. М., 1896, ч. II — 409

ЧУПРОВ Александр Александрович (1874-1926), русский математик и статистик, педагог, экономист; сын А.И. Чупрова, с 1917 г. в эмиграции — 26,51,66,67,235,236,357 Очерки по теории статистики. СПб., 1909 — 26, 51, 66, 67, 235, 236, 357

ЧУПРОВ Александр Иванович (1842-1908), русский экономист, публицист и статистик, общественный деятель, один из создателей земской статистики — 42 Политическая экономия (1877) — 42

ШАПИРО Бернард Маркович (р. 1859), русский фармаколог, гигиенист и диетолог — 149

Фармакология. Основы лекарствоведения в систематической обработке. СПб., 1902 — 149

ШАССАН (Chassan) Жозеф Пьер (1800-1871), французский правовед — 146, 172

Essai sur la symbolique du droit [Эссе о символике права]. Paris, 1847 — 146, 172

ШЕВЧЕНКО Тарас Григорьевич (1814-1861), украинский поэт, художник, писатель и драматург — 817

ШЕЙССОН (Cheysson) Эмиль (1836-1910), французский инженер, экономист и государственный деятель, оказавший большое влияние на французское социальное законодательство; ученик Ф. Ле-Пле — 790

9 86

Указатель имен и цитируемой литературы

La crise du revenu [Кризис дохода] // BUS, IX, II — 790

ШЕКСПИР (Shakespeare) Уильям (1564-1616), английский драматург и поэт — 112, 166, 170, 585, 589, 602 Генрих VIII (1613) — 166 Генрих VI (1592) — 170

ШЕЛЕР (Scheler) Макс (1874-1928), немецкий философ и социолог — 77 Ueber der Grund zur Annahme der Existenz der fremden Ich [Об основании предпосылки существования чужого Я] // Scheler M. Zur Phanomenologie und Theorie der Sympathiegefuhle und von Liebe und Hass. Halle a. S., 1913 — 77

ШЕНК Алексей Константинович (1873-1943), советский ортопед, курортолог — 142

ШЕНЬЕ (Chénier) Андре Мари (1762-1794), французский поэт и публицист, казненный во время Великой французской революции — 590

ШЕРРИНГТОН (Sherrington) Чарльз Скотт (1859-1952), английский физиолог, один из основателей неврологии, лауреат Нобелевской премии (1932) по медицине — 100, 126

The Integrative Action of the Nervous System. New York, 1906 (рус. перевод: Интегративная деятельность нервной системы. Л., 1969) — 100, 126

ШЕФЕР (Schafer) Дитрих (1845-1929), немецкий историк, ученик Г. Трейчке — 801

Политическое и стратегическое значение больших городов // Большие города, их общественное, политическое и экономическое значение. СПб., 1905 — 801

ШЕФФЛЕ (Schaffle) Альберт Эберхард Фридрих (1831-1903), немецкий и австрийский экономист, социолог и государственный деятель — 517, 651 Bau und Leben des sozialen Korpers [Строение и жизнь социальных тел]. Tubingen, 1896, Bd. I — 517

ШИЛЛЕР (Schiller) Фридрих (1759-1805), немецкий поэт, философ и историк — 819

ШИМКЕВИЧ Владимир Михайлович (1858-1923), русский зоолог, академик Российской АН (1920) — 106 Биологические основы зоологии. СПб., 1901 — 106

ШИРЯЕВ Валериан Николаевич (1872-1937), русский советский криминалист, общественный и политический деятель, последний директор Демидовского юридического лицея и первый ректор Ярославского университета (1917-1923) — 619

Религиозные преступления. Историко-догматические очерки. Ярославль, 1909 —

ШМОЛЛЕР (Schmoller) Густав (1838-1917), немецкий экономист, один из основоположников исторической школы политэкономии — 503, 514, 517, 519, 647-649, 652, 781, 785, 791-793

Grundriss der Allgemeinen Volkswirtschaftslehre [Основы общей политической экономии]. Leipzig, 1901-1904, Bd. I—II — 503, 648, 651

Указатель имен и цитируемой литературы

987

Was verstehen wir unter dem Mittelschande? [Что мы понимаем под буржуазией?]. Gottingen, 1897 — 519

Die Einkommensverteilung in alten und neuer Zeit. [Распределение дохода в старое и новое время] // BUS, IX, I, № 17 — 781, 785, 792, 793

ШНЕППЕР-АРНДТ (Schnapper-Arndt) Готтлиб (1846-1904), немецкий статистик и социолог — 417, 462, 746, 747

Sozialstatistik. Vorlesungen iiber Bevölkerungslehre, Wirtschafts- und Moralstatistik [Социальная статистика. Лекции по теории населения, экономической и моральной статистике]. Leipzig, 1908 — 417, 462, 746, 747

ШРЕЙНЕР (Schreiner) Оливи (1855-1920), южноафриканская писательница и публицистка — 453

Woman and labour. London, 1911 (рус. перевод: Женщина и труд. М., 1912) — 453

ШТАММЛЕР (Stammler) Рудольф (1856-1938), немецкий теоретик права, сторонник марбургской школы неокантианства, близкий к катедер-социалистам — 47

Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Социально-философское исследование. СПб., 1907, т. III — 47 Theorie der Rechtswissenschaft [Теория науки о праве]. Halle a. S., 1911 — 47

ШТАУДИНГЕР (Staudinger) Пауль, немецкий исследователь Африки — 682

ШТЕЙН (Stein) Лоренц фон (1815-1890), немецкий государствовед, социолог и экономист, основоположник катедер-социализма — 37, 410, 519, 648, 649, 651

ШТЕЙНМЕЦ (Steinmetz) Рудольф Себальд (1862-1940), голландский историк права, этнолог и социолог, профессор антропологии и социологии в Утрехте — 282, 304, 305, 394, 398, 434, 675-686, 691-693, 702, 703, 711, 724

Die Ethnologische Studien zur Ersten Entwicklung der Strafe [Этнологические очерки о первоначальном развитии наказания]. Leiden, 1894, т. I, ч. III — 304-306

Die Philosophic des Krieges. Leipzig, 1907 (рус. перевод: Философия войны. Пг., 1915) — 306

Classification des types sociaux et catalogue des peuples [Классификация социальных типов и перечень народов] //AS, 1898-1899, vol. III — 394, 675, 676, 678-681, 683, 685, 686, 692, 702, 703

L'awenire della razza [Будущее расы] //RItS. 1910, t. XIV, agosto — 398, 434, 724

ШТИРНЕР (Stirner) Макс (наст. имя и фам.: Иоганн Каспар Шмидт; 1806-1856), немецкий философ-младогегельянец, идеолог анархизма — 585

ШТРАУС — 538

ШТУКЕНБЕРГ (Stuckenberg) Джон Генри (1835-1903), американский лютеранский священник и теолог — 105, 114

Sociology, the science of human society [Социология, наука о человеческом обществе]. New York-London, 1903, vol. 1 — 105

(

988

Указатель имен и цитируемой литературы

ШУРЦ (Schurtz) Генрих (1863-1903), немецкий антрополог и этнограф, ученик Ф. Ратцеля — 454, 459, 615, 617

Alterklassen und Mannerbiinde [Возрастные категории и объединения людей]. Berlin, 1902 — 454, 459, 615

ЭБЕР (Hebert) Жак Рене (1757-1794), деятель Великой французской революции,

казненный по приговору Революционного трибунала — 590, 824

ЭДЕЛЬФЕЛЬТ (Edelfelt) Эрик Густаф, шведский коллекционер-натуралист, поселившийся в Австралии и совершивший в 1884-1886 гг. путешествие на Новую Гвинею — 173

ЭДИСОН (Edison) Томас Алва (1847-1931), американский изобретатель в области электротехники и предприниматель — 582, 588, 817

ЭЙЛЕР (Euler) Леонард (1707-1783), швейцарский математик, механик, физик и астроном, занимавшийся также проблемами страхования и статистики («политической арифметики») — 260

ЭЛЛВУД (Ellwood) Чарльз (1873-1946), американский социолог, президент Американского социологического общества (1924), Международного института социологии (1935-1936) — 44, 55, 77, 80, 91, 92, 104, 108, 165, 255, 256, 809

Sociology in its psychological aspects [Социология в ее психологических аспектах]. New York, 1912 — 55

Objectivism in sociology [Объективизм в социологии] //AJS. 1916, vol. XXII, № 3, November, p. 289-305 — 77, 80, 91, 92

Role de l'instinct dans la vie sociale [Роль инстинкта в социальной жизни] // RIS. 1914, p. 313-343 — 104, 165

The origin of society [Происхождение общества] // AJS, vol. XV, № 3, November, p. 394-404 — 256

The social function of religion [Социальная функция религии] //AJS, vol. XIX, № 3, November, p. 289-307 — 809

ЭНГЕЛЬ (Engel) Эрнст (1821-1896), немецкий статистик — 789

Die Lebenskosten belgischer Arbeiter-Familien friiher und jetzt [Прожиточный минимум бельгийской рабочей семьи прежде и теперь] // BUS. 1895, IX, I — 789

ЭНГЕЛЬГАРДТ Михаил Александрович (1861-1915), русский публицист, литератор, социолог-позитивист субъективной школы — 447, 724, 726 Прогресс как эволюция жестокости. СПб., 1899 — 447, 724, 726

ЭНГЕЛЬС (Engels) Фридрих (1820-1895), немецкий философ и экономист, друг и сподвижник К. Маркса — 476, 477, 489, 515, 540, 541, 551, 563, 649, 654-656, 687, 776, 787

Происхождение семьи, частной собственности и государства (Der Ursprung der Familie, des Privateigentums und des Staates. Stuttgart, 1894) — 476, 687

Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный г-ном Евгением Дюрингом (Anti-Duhring. Herrn Eugen Duhrings Umwalzung der Wissenschaft. 1878) — 551

Указатель имен и цитируемой литературы

9 8 9

Манифест Коммунистической партии (в соавторстве с К. Марксом). Одесса, 1905 — 654, 655, 776, 777

ЭПИКУР (342/341-271/270 до н. э.), древнегреческий философ-материалист — 692

ЭРМАН (Erman) Адольф (1854-1937), немецкий египтолог и лексикограф, автор словаря древнеегипетского языка — 482

Agypten und agyptisches Leben im Altertum [Египет и египетская жизнь в древности]. Tubingen, 1885 — 482

ЭСМЕН (Esmein) Жан Поль (1848-1913), французский юрист, историк права, представитель исторической школы в праве, автор «Элементарного курса истории французского права» (1892) — 49

ЭСПИНАС (Espinass) Альфред (1844-1922), французский философ и социолог, сторонник эволюционной теории — 73, 239, 240, 257, 262 Des societes animales. Paris, 1878 (рус. перевод: Социальная жизнь животных. Опыт сравнительной психологии с прибавлением краткой истории социологии. СПб., 1898) — 240, 257, 262

ЭТТИНГЕН (Oettingen) Александр фон (1827-1905), немецкий лютеранский теолог и статистик — 462

Die Moralstatistik in ihrer Bedeutung fur eine christliche social Ethik [Моральная

- статистика и ее значение для христианской социальной этики]. Erlangen, 1882 — 462
- ЭТТОР (Ettor) Джозеф Дж. (1886-1948), американский рабочий, профсоюзный лидер, один из вождей профсоюза «Промышленные рабочие мира» — 509
- Индустриализм — путь к свободе // Производственный синдикализм. Сборник статей. Пг. — М., 1920 — 509
- ЮЛ (Yule) Джордж Адни (1871-1951), английский статистик — 559
- On the theory of correlation [О теории корреляции] // JRSS. 1897, vol. LX, p. 812-854 — 559
- Les applications de la methode de correlation aux statistiques sociales et economiques [Применение метода корреляции в социально-экономических статистических данных] // BUS, Paris, 1909, XVIII, I, p. 265-277 — 559
- ЮЛИАН Отступник (Julianus) Флавий Клавдий (331-363), римский император с 361 г., пытавшийся в борьбе с христианством восстановить языческую древность — 558
- ЮРАШЕК (Juraschek) Франц фон (1849-1910), австрийский статистики государствовед; дед известного либерального философа и экономиста Ф. фон Хайека — 757
- Flächeninhalt und Bevölkerung Europas [Площадь и население Европы] // BUS, XIV, II — 757
- ЮШКЕВИЧ Павел Соломонович (1873-1945), русский филолог, философ, публицист, переводчик, участник социал-демократического движения, меньшевик — 512
- Теория и практика синдикализма. СПб., 1907 — 512
- 9 90 *Указатель имен и цитируемой литературы*
- ЯРОСЛАВСКИЙ Емельян Михайлович (наст. имя и фамилия: Миней Из-раилевич Губельман; 1878-1943), советский государственный и партийный деятель, историк, публицист, идеолог и руководитель антирелигиозной политики в СССР — 601
- ABSTRACT OF THE REPORTS IN CHANGES IN BODILY FORM DESCENDENTS OF IMMIGRANTS [Резюме докладов об изменениях физического облика потомков иммигрантов]. 1911 — 435
- ADAMS B. — см. Адаме Б.
- AMERICA JOURNAL OF SOCIOLOGY [Американский социологический журнал], vol. 13 — 443 vol. 16 — 56 vol. 17 — 56
- ANNALES DE LTNSTITUT INTERNATIONALE DE SOCIOLOGIE [Анналы Международного института социологии], vol. IV — 238
- vol. IX — 214
- ANNUAIRE INTERNATIONAL DE STATISTIQUE [Международный статистический ежегодник]. La Haye, 1916 — 496, 733-735, 738, 739, 744, 748, 750, 799, 801, 810, 812
- ANNUAIRE STATISTIQUE DES GRANDES VILLES EUROEENNES [Статистический ежегодник больших европейских городов]. Budapest, 1913 — 738, 749, 750, 756, 758, 762, 798, 801
- APASTAMBA, древнейший свод индийского права — 628
- APPUNTI STATISTICI SULLA EMIGRAZIONE DALL'EUROPA E SULLA IMMIGRAZIONE IN AMERICA E IN AUSTRALIA [Статистические данные об эмиграции из Европы и иммиграции в Америку и Австралию] // BITS, vol. VII — 758
- ASH I. — см. Аш Н.Э.
- BAGEHOT W. — см. Беджгот У.
- BALICKI — см. Балицкий С.
- BANERJEA Рг. — см. Банерджи Пр.
- BATEMAN and FOUNTAIN — см. Бейтман А.
- BAUER A. — см. Боэр А.
- BENINI R. — см. Бенини Р.
- BLANK R. — см. Бланк Р.М.
- BODIO L. — см. Бодио Л.

BOODIN — см. Будин Дж. Э.

BORGATTA G. Democrazia e oligarchia nelle organizzazione democratico [Демократия и олигархия в демократической организации] // RItS. 1912, t. XVI — 543

BORTHWICK J.D. — см. Бортвик Дж. Д.

BOSCO A. — см. Боско А.

BOURGUIN M. — см. Бургьен М.

Указатель имен и цитируемой литературы

991

BRUGI B. — см. Бруджи Б. BRUHNE J. — см. Брюн Ж. BURKE — см. Бёрк Э.

CALLAWAY R.F. — см. Коллоуэй Р.Ф.

CHAMBERLAIN A.F. — см. Чемберлен А.Ф.

CHANGES IN BODILY FORM DESCENDENTS OF IMMIGRANTS [Изменения физического облика потомков иммигрантов]. Washington, 1910 — 435

CHASSAN J.P. — см. Шассан Ж.П.

CHESSA F. — см. Чесса Ф.

CHEYSSON E. — см. Шейссон Э.

CLOSSON C.C. — см. Клоссон К.К.

COE G.A. — см. Ко Дж. А.

COLLETTI F. — см. Коллетти Ф.

COMPAYRE G. — см. Компейре Г.

CORNEJO M. — см. Корнехо М.

COWEN J — см. Коуэн Дж.

CREANGA — см. Крянгэ Дж. Д.

CROMER — см. Кромер Э.Б.

CRUET J. — см. Крюэ Ж.

D'AETH F.G. — см. Д'Эт Ф.Дж. DANZEL Th.W. — см. Данцель Т.В. DESCAMPS P. — см. Декан П. DECANDOLLE A. — см. Де-Кандолль А. DIDOT F. — см. Дидо Ф. DOUBLEDAY Th. — см. Даблдей Т. DUPRAT G.L — см. Дюпра Г.Л. DURAND E.G. — см. Дуранд Э.Дж.

ETHNOGRAPHISCHE FRAGESAMMLUNG ZUR ERFORSCHUNG DER SOZIALEN LEBENS DER VOLKER AUSSERHALB DES MODERNEN EUROPAISCH-AMERIKANISCHEN KULTURKREISES [Этнографический вопросник к исследованию социальной жизни народов, находящихся за пределами современных европейско-американских культурных кругов]. Hrsg. S.R. Steinmetz; zusam. R. Thurnwald, Staudinger, G. Mazzarella, K. Breysig, E. Meyer, J. Kohler, etc. Berlin, 1906 — 682

FAHLBECK P.E. — см. Фальбек П.Э. FAIRBANKS A. — см. Фейрбанкс А. FASTREZ A. — см. Фастрез А. FERRIERE — см. Ферьер А. FISCHER — см. Фишер Х.В. FORSTER W.E. — см. Форстер У.Э.

992

Указатель имен и цитируемой литературы

FOVILLE A. — см. Фовилль А.

FURLAN. La circulation des elites [Циркуляция элит] // RItS. 1911, t. XV — 589,805,806

GARDNER Ch. S. — см. Гарднер Ч.С. GHENT W.J. — Гент У.Дж. GIARD — см. Жиар А. GIFFEN R. — см. Гиффен Р. GINI C. — см. Джини К. GOWIN E.B. — см. Гоуин И.Б. GUIGNEBERT Ch. — см. Гюиньебер Ш. GUYOT — см. Гюйо И.

HAGEN K. — см. Гаген К. HAHN E. — см. Хан Э. HARETS.—ХаретС. HAYES E.C. — см. Хейс Э.К. HENSLOW J.S. — см. Хенслоу Дж. Ст. HERRICK Ch. — см. Херрик Ч.Дж. HESS K. — см. Гесс К. HOGGAN F.E. — см. Хогган Ф.Э. HOUSEAU — см. Узо Ж.Ш. HOXIE R.F. — см. Хокей Р.Ф.

IVANITZKI N. Sur une mode primitif d'attestation de la personnalite collective [О первобытном способе оценки коллективной личности] // Archives Sociologiques. Bruxelles, bulletin № 22 —

JARAY J.M.A. — см. Жаре Ж.М.А. JENKS A.E. — см. Дженкс А.Э. JEZE G. — см.

Жез Г. JORDAN — см. Жордан Д.С. JURASCHEK F. — см. Юрашек Ф.

KELLER A.G. — см. Келлер А.Г.

KETHAR Sh. V.- см. Кетар Ш.В.

KIAER A.N. — см. Кьер А.Н.

KOLABINSKA M. La circulation des elites en France. Etude historique depuis la fin du Xle siecle jusqu'a la grande Revolution [Циркуляция элит во Франции. Исторический очерк периода с конца XI-го века до великой революции]. Lausanne, 1912 — 529, 530, 550, 589, 755, 784, 803, 805, 818

LANGEROCK H. Professionalism: a study in professional deformation [Профессионализм: исследование профессиональной деформации] // AJS. 1915, vol. XXI, № 1, July, p. 30-44 — 188, 503

Указатель имен и цитируемой литературы

99 3

LAPIE P. — см. Лапи П.

LASSWITZ K. — см. Лассвиц К.

LATIFI A. The industrial Punjab. A survey of facts, conditions and possibilities

[Индустриальный Пенджаб: анализ фактов, условий и перспектив].

Bombay - New York, 1911 — 795 LAYALL A. — см. Лайелл А. LEGRAND M.A. La longevity a travers les ages [Долгожительство сквозь века].

Paris, 1911—741 LEVI L. — см. Леви Л. LOISEL G. —142

McKENZIE F.A. — см. Маккензи Ф.Э.

MAJEWSKI — см. Маевский Э.

MAKAREWICZ — см. Макаревич Ю.

MARCH L. — см. Марш Л.

MAROI L. Il lavoro della donna nella sua evoluzione [Эволюция женского труда] // RItS. 1914, t. XVIII — 453

MARSHALL H.R. — см. Маршалл Г.Р.

MARTENS O. Un grand etat socialiste au XVe siecle. Constitution historique, sociale et politique du royaume de Tahuantinsuyu, etat des Incas sur le haut plateau de l'Amerique du Sud [Великое социалистическое государство XV века. Историческое, социальное и политическое строение королевства Тауантинсуйу, государства инков на высокогорном плато Южной Америки]. Paris, 1910 — 482, 795

MAUNIER R. — см. МОНЬЕ Р.

MAUPAS. Caracteres et critique de la sociologie [Характерные черты и критика социологии] — 54

MAUTHNER F. — см. Маутнер Ф.

MAYER O. — см. Майер О.

MAZZARELLA J. — см. Маццарелла Дж.

MECKLIN J.M. — см. Меклин Дж. М.

MEURIOT P. — см. Мерио П.

MILLER H.A. — см. Миллер Г.А.

MILLER K. — см. Миллер К.

MORISON Th. — см. Морисон Т.

MORSELLI E.A. — см. Морселли Э.А.

MOSZKOWSKIM. — см. Мошковский М.

NESFELD — 627

NICOLAI E. Sur la fecondite des mariages et le nombre des enfants par famille [О плодovitости браков и числе детей в семье] // BUS. 1913, vol. XIV, Rapport

№19 — 752

OETTINGEN A. — см. Эттинген А. ORGAZ R.A. — см. Оргас Р.А.

994

Указатель имен и цитируемой литературы

PARKER G.H. — см. Паркер Дж. Х.

PARKINSON R.H.R. — см. Паркинсон Р.Г.Р.

- PARMELEE M. — см. Пармели М.
 PAYOT J. — см. Пейо Ж.
 PECHUEL-LOESCHE E. — см. Пешил-Лёше Э.
 PETRENZ O. — см. Петренц О.
 PETRUCCI R. — см. Петруччи Р.
 PICARD R. — см. Пикар Р.
 PILSUDSKI B. — см. Пилсудский Б.
 PINOT R. — см. Пино Р.
 PLOETZ A. — см. Плётц А.
 PORTUENDO Y BARCELO A. — см. Портуендо-и-Барчело А.
 POWERS—168
 PRATO J. — см. Прато Дж.
 PRUNER-BEY F. — см. Прюнер-Бей Ф.
 QULLIN F. The color Line in Ohio. A History of Race Prejudice in a Typical Northern State [Расовое разграничение в Огайо. История расового предубеждения в типичном северном штате]. Ann Arbor, 1913 — 442
 RASERIE. Sur les variations du taux de natalité [О различных способах исчисления рождаемости] // BUS, XI — 753
 REID Th. W. — см. Рид Т.В.
 RISLEY H. — см. Риели Г.
 ROGER R. La theorie de la lutte de classes a la veille de la revolution [Теория борьбы классов накануне революции] // Revue d'economie politique. 1911, №5 — 517,546
 ROUSIERS P. — см. Рузье П.
 SACRED BOOKS OF EAST [Священные книги Востока] — 628
 SAVORGNAN F. — см. Саворньян Ф.
 SCHLESINGER M. Geschichte des Symbols [История символов]. Berlin, 1912 — 172
 SCHNAPPER-ARNDT G. — см. Шнаппер-Арндт Г.
 SCHREINER — см. Шрейнер О.
 SEMPLE — см. Семпл Э.Ч.
 SENART E. — см. Сенар Э.
 SENSINI G. — см. Сенсины Г.
 SIDIS B. — см. Сидис Б.
 SIMON P. L'Instruction des officiers, l'education des troupes et la puissance nationale. Etude sociologique] (Подготовка офицеров, обучение войск и могущество нации. Социологический этюд). 1905 — 190, 316
 SMITH L.P. — см. Смит Л.П.
 SOLVAY E. — см. Сольве Э.
 SOMLO B. — см. Зомло Б.
Указатель имен и цитируемой литературы **995**
 SQUILLACE F. — см. Сквиллаче Ф.
 STAUDINGER P. — см. Штаудингер П.
 STEPHENSON G.Th. — см. Стефенсон Г.Т.
 STETSON — см. Стетсон Ш.
 STONE A.H. — см. Стоун АХ
 STRINGHER B. — см. Стрингер Б.
 STUART J. Natalite selon le degre d'aisance [Зависимость рождаемости от обеспеченности] // BUS, XIII — 753
 STUCKENBERG J.H. — см. Штукенберг Дж.
 Г.
 TAKANO. Etude sur le developpement et le repartition du revenu national au Japon [Очерк о росте и распределении национального дохода в Японии]
 // BUS, XVIII, I — 786, 788
 TENNEY Ch. D. — см. Тенни Ч.Д.
 THAL A. Le syndicalisme allemand [Немецкий синдикализм]// La Grand Revue.

1911, 10 марта — 507 THURNWALD R. — см. Турнвальд Р. TILLINGHAST J.A. — см. Тиллинаст Дж. A. TODD W. — 442 TOUTAIN J. — см. Тутен Ж. TRIGGS L. The decay of aboriginal Races [Упадок туземных рас] // The Open

Court. 1912, vol. XXVI, October, p. 584-603 — 447, 724

VACHER L. La longevite dans les families [Длительность семейной жизни] // BUS, 1896, IX, II, p. 50-76 — 755, 806

VALLAUX — см. Валло К.

VAN DER BORGH. Plan und Organisation der deutschen Berufs- und Betriebszahlung von 1907 [План и организация профессиональных и производственных взносов в Германии в 1907 г.] // BUS, XVIII — 765

VERHANDLUNGEN DES ZWEITEN DEUTSCHEN SOZIOLOGENTAGES, vom 20-22 Oktober 1912 in Berlin: Reden und Vortrage [Протоколы второго немецкого социологического конгресса (20-22 октября 1912 г., Берлин). Речи и доклады]. Tubingen, 1913 — 640

VERWORN — см. Ферворн

VIERKANDT A. — см. Фиркандт А.

VIGNES M. — см. Винь М.

VIGOUROUX A., JUQUELIER P. La contagion mentale. Paris, 1905 (рус. перевод: Психическая зараза. М., 1912) — 300

WAYNBAUM I. La Physionomie humaine [Выражение человеческого лица].

Paris, 1907 — 187, 188 WEATHERLY U.G. — см. Уэзерли У.Г. WESTERMANN D. — см. Вестерман Д. WHEELER G. — см. Уилер Дж. WILLCOX W.F. — см. Уилкоккс УФ.

996

Указатель имен и цитируемой литературы

WOODS E.B. The neighborhood in social reconstruction [Соседство в социальной реконструкции] // AJS. 1914, vol. 19, № 5, March, p. 577-591 — 522, 523

WOODS E.B. The social waste of unguided personal ability [Социальное расточительство невостребованных личных способностей] // AJS. 1913, vol. 19, № 3, November, p. 358-369 — 758

WRIGHT — см. Райт К.Д.

YULE G.A. — см. Юл Дж. А.

YVERNES M. Essai d'une statistique Internationale des divorces et des separations de corps [Очерк международной статистики разводов и раздельного проживания супругов] // BUS, XI — 748

ZOLOTAREFF A.M. — см. Золотарев А.М.

Составитель — В.В. Сапов

СОДЕРЖАНИЕ

В.В. Сапов. «Система социологии» Питирима Сорокина, или

Формула человеческого поведения.....3

СИСТЕМА СОЦИОЛОГИИ

Том I СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Часть I Учение о строении простейшего (родового) социального явления

Предисловие.....17

ВВЕДЕНИЕ

Глава первая. Предмет социологии и ее отношение к другим наукам.....24

§ 1. Предмет социологии.....24

§ 2. Основания для существования социологии как автономной дисциплины.....;...25

Практическая и теоретическая важность социологии.....27

Социология и физико-химические науки.....27

Социология и биология, в частности экология.....32

Социология и индивидуальная психология.....37

Социология и коллективная психология.....40

Социология и специальные дисциплины, изучающие взаимоотношения людей.....	42
<i>Глава вторая. Архитектоника социологии и ее основные отделы.....</i>	56
§ 1. Теоретическая и практическая социология.....	56
Теоретическая социология и ее отделы: социальная аналитика, социальная механика и социальная генетика.....	57
Практическая социология.....	61
9 9 8	Содержание
<i>Глава третья. Понятие взаимодействия людей и методы его изучения ..</i>	64
§ 1. Понятие взаимодействия и поведения людей. Социология как наука о поведении взаимодействующих людей и его результатах.....	64
§ 2. Субъективный и объективный методы изучения психических явлений. Спор «субъективистов» и «объективистов» в психологии и социологии. Решение спора.....	70
Проблема.....	70
Неопределенность понятия «психики». «Субъективная» и «объективная» психологии.....	71
Методы познания психических переживаний.....	76
«Субъективная» и «объективная» социологии.....	79
Решение спора.....	81
Понятие психических актов и переживаний.....	81
Методы изучения явлений взаимодействия.....	86
СОЦИАЛЬНАЯ АНАЛИТИКА	
<i>Глава четвертая. Анализ элементов взаимодействия.....</i>	94
§ 1. Взаимодействие как простейшее социальное явление.....	94
§ 2. Элементы явления взаимодействия.....	98
§ 3. Индивиды как элемент явлений взаимодействия.....	99
I. Основные биологические и психические свойства индивидов.....	99
II. Полиморфизм индивидов.....	102
III. Потребности человека.....	103
§ 4. Акты (действия) как элемент явлений взаимодействия.....	116
I. Акты людей как раздражители.....	116
II. Акты делания и неделания.....	118
III. Акты, продолжительно влияющие и имеющие мгновенное влияние. Акты, интенсивно влияющие и имеющие слабое влияние... ..	119
IV. Акты, сопровождаемые сознанием и бессознательные.....	122
§ 5. Проводники как элемент явлений взаимодействия.....	124
I. Понятие проводников взаимодействия и их роль.....	124
II. Классификация проводников взаимодействия.....	137
III. Цепь проводников. Люди как контактные звенья цепи проводников.....	152
IV. Проводники взаимодействия и так называемая «материальная культура».....	155
V. Взаимоотношение переживаний и проводников:.....	158
1. Проблемы.....	158
2. Причины появления проводников.....	158
3. Как возникают проводники. Бессознательное и сознательное их возникновение.....	159
4. В силу каких условий определенные переживания выражаются определенными проводниками.....	162
5. Рикошетное влияние проводников на поведение и психические переживания.....	183

Содержание	999
<i>Глава пятая. Классификация форм взаимодействия</i>	199
§ 1. Виды взаимодействия в зависимости от индивидов.....	200
I. В зависимости от количества индивидов.....	200
II. В зависимости от качества индивидов.....	200
§ 2. Виды взаимодействий в зависимости от характера актов.....	204
I. Типы взаимодействий в зависимости от актов делания и неделания.....	204
II. Взаимодействие одностороннее и двустороннее.....	205
III. Взаимодействие длительное и временное.....	207
IV. Взаимодействие антагонистическое и солидаристическое.....	210
V. Взаимодействие шаблонное и нешаблонное.....	217
VI. Взаимодействие сознательное и бессознательное.....	220
VII. Взаимодействие интеллектуальное, чувственно-эмоциональное и волевое.....	223
§ 3. Виды взаимодействия в зависимости от проводников.....	228
I. Формы взаимодействия в зависимости от природы проводников.....	228
II. Взаимодействие посредственное и непосредственное.....	231
<i>Глава шестая. Явление взаимодействия как коллективное единство</i>	233
§ 1. Явление взаимодействия как коллективное единство или реальная совокупность.....	233
§ 2. Социологический реализм и номинализм.....	237
<i>Глава седьмая. Условия (факторы) возникновения, сохранения и исчезновения простых коллективных единств</i>	248
§ 1. Условия (факторы) возникновения коллективных единств.....	248
I. Космические факторы образования коллективных единств.....	248
II. Биологические факторы образования коллективных единств.....	256
III. Социально-психические факторы возникновения коллективных единств.....	268
IV. Критические замечания.....	278
§ 2. Условия (факторы) сохранения коллективных единств.....	284
I. Космические факторы, обуславливающие продолжительное сохранение коллективных единств.....	285
II. Биологические факторы, обуславливающие продолжительное сохранение коллективных единств.....	288
III. Социально-психические факторы, обуславливающие продолжительное существование коллективных единств.....	299
IV. Сохранение коллективных единств и переход от неорганизованного взаимодействия к организованному.....	329
§ 3. Условия (факторы) распада и разрушения коллективных единств.....	332
Закключение.....	344
1000	
Содержание	
Том II СОЦИАЛЬНАЯ АНАЛИТИКА	
Часть II Учение о строении сложных социальных агрегатов	
Предисловие.....	349
<i>Глава первая. Общие основы социальной группировки индивидов</i>	352
§ 1. Переход к аналитике сложных социальных агрегатов и предварительное понятие последних.....	352
Сложный социальный агрегат как комплекс простых коллективных единств.....	354

§ 2. Реальные и мнимые коллективные единства (группировки).....	356
§ 3. Интенсивность взаимодействия и градация коллективных единств.....	359
§ 4. Социальная разнородность процессов взаимодействия и социальное многообразие коллективных единств. Сложность социальной группировки. Принадлежность каждого индивида к ряду коллективных единств.....	365
§ 5. Система социальных координат, определяющих положение индивида в социальном пространстве, его социальный вес, характер и поведение.....	374
§ 6. Критика старой теории общественной группировки.....	378
§ 7. Важнейшие социальные группировки и линии социального расслоения населения.....	385
Критерии социального могущества групп.....	385
§ 8. Элементарное коллективное единство (элементарная социальная группа), кумулятивное коллективное единство (или кумулятивная социальная группа) и сложный социальный агрегат (население).....	396
<i>Глава вторая. Учение об элементарных социальных группах.....</i>	<i>405</i>
§ 1. Литературные справки.....	405
§ 2. Основные элементарные группировки (линии элементарного расслоения) населения так называемых «культурных стран».....	417
Элементарные группировки закрытые, открытые и промежуточные. Социальные группы и монистические идеологии.....	423
Критические замечания.....	430
§ 3. Характеристика важнейших элементарных групп.....	433
Расовая группировка.....	433
Группировка половая.....	451
Группировка возрастная	457
Семейная группировка.....	462
Государственная группировка.....	473
Содержание	1001
Языковая группировка.....	495
Группировка профессиональная.....	499
Группировка по степени богатства и бедности.....	512
Группировка по месту постоянного жительства.....	522
Группировка по объему прав и обязанностей (по социально-правовому неравенству)	526
Группировка по религиозным верованиям.....	553
Партийная группировка.....	560
Группировки в зависимости от характера и содержания психических, идеологических, чувственно-эмоциональных и волевых запросов личности и остальные свободные группировки ...	576
Группа elites.....	582
Заключительные замечания.....	590
<i>Глава третья. Учение о кумулятивных социальных группах.....</i>	<i>595</i>
§ 1. Понятие.....	595
§ 2. Классификация кумулятивных групп.....	596
Виды кумулятивных групп по числу и характеру составляющих их элементарных группировок.....	596
Кумулятивные группы: закрытые, открытые и промежуточные....	598
Солидарная, антагонистическая и нейтральная кумуляции элементарных группировок (внутренне-	

солидарные, внутренне-антагонистические и внутренне-нейтральные кумулятивные группы).....	600
Характер кумуляции и поведение индивида.....	602
Характер кумуляции и прочность кумулятивной социальной группы.....	604
«Нормальные» и «ненормальные» кумулятивные группы.....	607
§ 3. Алхимическое состояние социальных наук в вопросах структурального анализа.....	630
§ 4. Что такое национальность (Анализ того, что называется национальностью).....	636
§ 5. Что такое социальный класс (Анализ того, что называется классом).....	645
Заключительные замечания.....	669
<i>Глава четвертая. Население как сложный социальный агрегат.....</i>	671
§ 1. Понятие.....	671
§ 2. Систематика сложных социальных агрегатов.....	674
Необходимость систематики социальных агрегатов.....	674
Принципы систематики социальных групп.....	678
Главнейшие социологические классификации сложных социальных агрегатов.....	682
Классификация сложных социальных агрегатов по их строению (по их анатомо-морфологическим признакам).....	697

1002

Содержание

<i>Глава пятая. Социальные перегруппировки.....</i>	713
§ 1. Понятие и основные формы социальных перегруппировок.....	713
Перегруппировки первого типа.....	713
Перегруппировки второго типа.....	715
Перегруппировки третьего типа.....	718
§ 2. Социальные перегруппировки в области элементарного расслоения населения.....	719
Расовые перегруппировки населения.....	721
Половые перегруппировки.....	732
Возрастные перегруппировки.....	737
Семейные перегруппировки.....	741
Брачное притяжение однородных лиц и отталкивание разнородных.....	746
Брачное притяжение близких по возрасту лиц и отталкивание лиц, значительно различных по возрасту.....	746
Государственные перегруппировки.....	757
Языковые перегруппировки.....	761
Профессиональные перегруппировки.....	764
Имущественные перегруппировки.....	780
Территориальные перегруппировки.....	797
Объемно-правовые перегруппировки.....	801
Религиозные перегруппировки.....	809
Партийные перегруппировки.....	814
Остальные элементарные перегруппировки.....	816
Циркуляция elites.....	817
Заключение.....	820
<i>Глава шестая. Положение личности в системе социальных координат.....</i>	822
§ 1. Множественность «душ» индивида.....	822

§ 2. Множественность «душ» индивида как отражение и результат характера социальной группировки. Поведение индивида как равнодействующая давления социальных групп, абонентом

коих он состоял и состоит.....826

§ 3. Социальная группировка и проблема личности и общества.....838

Заключение и резюме.....842

ПРИЛОЖЕНИЯ

РЕЦЕНЗИИ НА «СИСТЕМУ СОЦИОЛОГИИ»

Н. РОЖКОВ.....847

Я. КАРЕЕВ. О системе социологии П.А. Сорокина.....856

В. НЕВСКИЙ. Взаимодействие или монизм.....858

М. РЕЙСНЕР.....862

Содержание **1003**

М. ЛАЗЕРСОН.....871

Ив. БОРИЧЕВСКИЙ. Ортодоксальный марксизм и российско-американская резиновая социология.....874

Диспут проф. П.А. Сорокина.....880

Комментарии.....885

Указатель имен и цитируемой литературы.....918

Социологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова
и Издательская группа «АСТ» представляет
новую книжную серию

«Социальная мысль России»

Сейчас, когда Россия мучительно ищет свой путь в неведомое будущее, нам всем, как никогда прежде, необходимо осмысление собственного прошлого, необходима общезначимая и приемлемая для всех точка зрения на социальную историю нашей страны, а ее невозможно выработать без основательного знакомства с социальной мыслью России.

Одна из главных задач, которую ставит перед собой **новая книжная серия «Социальная мысль России»**, именно в этом и состоит. Опасная тенденция, обозначившаяся в этой области за последнее десятилетие, заключается в том, что у нас, как всегда, «возрождение» одних сопровождается «забвением» других. Если в прошлом, при Советской власти, из научного оборота практически были выведены (если не запрещены) такие имена, как В.С. Соловьев, братья Трубецкие, авторы «Вех» и многие другие, то теперь процесс их возвращения в контекст истории российской социальной мысли сопровождается довольно интенсивным процессом оттеснения в Лету таких мыслителей, как Герцен, Чернышевский, Плеханов и т. д.

Кого мы собираемся издавать? В серии будут представлены, по возможности, все направления, течения и школы, существовавшие в России: западники и славянофилы, либералы и консерваторы, народники либерального и революционного толка, позитивисты, марксисты и неокантианцы, анархисты и государственники. Особой строкой нужно выделить такие направления, как «веховство», «сменовеховство», «евразийство», социальная мысль русской эмиграции (интеллектуальные центры которой в разные периоды находились в Чехословакии, Германии, Франции, США, Аргентине и даже сохранившемся в Китае «осколке» Российской империи русском Харбине). Все перечисленное относится к периоду с начала XIX до середины XX вв.

Как мы собираемся издавать? С формальной стороны мы будем стремиться к тому, чтобы книги, изданные в серии **«Социальная мысль России»**, максимально приближались к изданиям академического типа. Каж-

дый том будет снабжен справочным аппаратом: вступительной статьей, комментариями и указателем имен. В приложениях будут помещены критические отзывы

на первые издания книг, материалы полемики, а также библиография (по возможности полная) данного автора.

По всем вопросам, связанным с приобретением и заказом книг серии «Социальная мысль России», вы можете обращаться в отдел реализации учебной литературы издательства «Астрель» издательской группы «АСТ».

Телефон/факс: (495) 232-1704, 615-5310

Е-mail: educ@astgroup.ru

Интернет-сайт: www.ast.ru

В 2006-2007 гг. в серии

«Социальная мысль России»

изданы следующие книги:

Бердяев Н.А.

Падение Священного Русского Царства. Публицистика 1914-1922 гг.

Булгаков С.Н.

От марксизма к идеализму. Статьи и рецензии. 1895-1903.

Булгаков С.Н.

О рынках при капиталистическом производстве.

Булгаков С.Н.

История экономических и социальных учений.

Вышеславцев Б.П.

Кризис индустриальной культуры. Избранные сочинения.

Иванов В.И.

По звездам. Борозды и межи.

Сорокин П.А.

Преступление и кара, подвиг и награда:

социологический этюд об основных формах

общественного поведения и морали.

Сорокин П.А.

Социальная и культурная динамика (*Пер. с английского*).

Готовятся к изданию сочинения

А.А. Богданова, В.В. Воронцова, Н.Я. Данилевского, Н.Н. Головина, А.С. Звоницкой, А.С. Изгоева, Л.П. Карсавина, Б.А. Кистяковский, М.М. Ковалевского, С.А. Левицкого, А.М. Рыкачева, П.И. Новгородцева, Л.И. Петражицкого, Н.И. Рожкова, В.С. Соловьева, П.Б. Струве, Л.Н. Толстого, Е.Н. Трубецкого, М.И. Туган-Барановского, С.Л. Франка, П.Я. Чаадаева и др.

Всех желающих принять участие в издании серии «Социальная мысль России» приглашаем к сотрудничеству. С предложениями, пожеланиями и критическими замечаниями просьба обращаться к Вадиму Вениаминовичу Сапову (адрес: 115035 Москва, ул. Садовническая, д. 47, кв. 33; тел. 951-24-46) или Борису Львовичу Рубанову (e-mail: spartakl@atom.ru).

Научно-популярное издание

Сорокин Питирим Александрович СИСТЕМА СОЦИОЛОГИИ

Составление, научное комментирование и редактирование

В. В. Сапов

Редактор

П.А. Захаров

Художественный редактор

О. Н. Адашкина

Компьютерный дизайн

Н.А. Хафизова

Компьютерная верстка

Р. В. Рыдалин

Корректор

Н.М. Складенко

Подписано в печать 25.09.07. Формат 60х90 $\frac{1}{16}$. Усл. печ. л. 63,0. Тираж 1500 экз.
Заказ № 3451.

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2; 953004 — научная и
производственная литература

Санитарно-эпидемиологическое заключение № 77.99.60.953.Д.007027.06.07 от
20.06.2007 г.

ООО «Издательство Астрель» 129085, г. Москва, проезд Ольминского, За

Издание осуществлено при техническом содействии ООО «Типография ИПО
профсоюзов Профиздат»

Отпечатано в ОАО «Тверской ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР».

170040, г. Тверь, проспект 50 лет Октября, 46.